ІЮЛЬ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ПОБѢГЪ.

Повѣсть.

II.

Исправникъ слушалъ, молча, и осторожно скребъ бритвой по своей щетинистой щекѣ. Отъ времени до времени онъ помогалъ себѣ языкомъ, выпирая впередъ менѣе доступныя для бритья мѣста, или хваталъ себя за большой носъ и оттягивалъ его въ сторону. Онъ казался совершенно поглощеннымъ этимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе, внимательно слѣдилъ въ зеркало за удлиненнымъ отраженіемъ денщика, стоявшаго за нимъ съ утиральникомъ въ рукахъ, и за мохнатой фигурой Мусьи, сидѣвшаго поодаль на стулѣ. Французъ говорилъ неумолчно, поясняя рѣчь широкими жестами. Красный отблескъ, бьющій отъ красныхъ обоевъ, отъ малиноваго одѣяла, брошеннаго небрежно на незастланной кровати исправника, отъ тяжелыхъ алыхъ занавѣсей и портьеръ у оконъ и дверей, странно окрашивалъ всѣ предметы и лица присутствующихъ. Начальникъ округа очень любилъ красный цвѣтъ, который, какъ будто, дѣлалъ его „генераломъ", хотя, въ дѣйствительности, онъ былъ всего только капитаномъ. По тѣмъ же побужденіямъ, любилъ исправникъ и свой „бухарскій" халатъ съ красной подкладкой и красными широчайшими обшлагами.

Исправникъ выспался, красный туманъ и разсказъ Мусьи настраивали его весело.

— Кто женится?! — спросилъ онъ неожиданно и положилъ бритву. Мусья замолкъ и широко открылъ ротъ, изумленно улыбаясь.

— Да я этого вовсе не говорилъ. Я только говорилъ, что мнѣ приходится оставить прежнюю квартиру, что я новую искалъ по всему городу, и что всѣ отказываются... Въ такой морозъ не могу же я поселиться на улицѣ, поэтому...

— Но всетаки... откуда все пошло? Я знаю хорошо, Муся, что у вашей націи все начинается отъ женщины. Шерше ла фамъ!..—добавилъ онъ съ убійственнымъ выговоромъ.

Пріятная улыбка разлилась по лицу Муси.

— Вотъ видите, въ чемъ дѣло: Красусскій переноситъ свою мастерскую въ юрту Негорскаго, а Негорскій перебирается къ Александрову... А такъ какъ Негорскій отчего-то меня не любитъ, то...

— Вотъ какъ!.. — протянулъ исправникъ. — Но при чемъ тутъ я и чѣмъ вамъ могу помочь!?.. Не могу же я мужьямъ запретить опасаться васъ!.. Развѣ, что вы примете православіе и поступите въ монахи. Впрочемъ, знаете, вотъ что сдѣлаемъ: отправляйтесь къ доктору Красноперову. Жена у него красавица... Тамъ вамъ будетъ недурно. Скажите, что я послалъ васъ къ нему. Отлично, великолѣпно!.. Вотъ хорошо придумано!.. Я сейчасъ пошлю съ вами казака, чтобы онъ разыскалъ вамъ квартиру, но вы обѣщайте, что раньше всего отправитесь къ доктору. И прямо идите въ спальню. Скажите, что эту именно комнату я и отвелъ вамъ, что это... отчужденіе въ видахъ государственной пользы... Будете помнить?! А?.. Постарайтесь замѣтить тамъ все, что увидите, а затѣмъ мнѣ доложите... Поняли?.. Ничего не опасайтесь... Прямо въ спальню валите!.. Ванька!.. — крикнулъ онъ на денщика, — отправляйся сейчасъ въ караулку и зови сюда немедленно Голіафа! Слышишь! Живо!

Муся вмигъ понялъ, въ чемъ дѣло, и глаза у него игриво засверкали. Онъ немедленно собрался въ походъ.

— Я пойду вмѣстѣ съ Ванькой. Такъ будетъ скорѣе. Докторша, чего добраго, въ церковь уйдетъ. Иду, значитъ. Что они мнѣ сдѣлаютъ, ничего не сдѣлаютъ. Скажу, что вы меня послали. Когда товарищи меня не хотятъ, пусть знаютъ...

Долго, по уходѣ Муси, исправникъ улыбался, разсматривалъ въ зеркало свое лицо, покручивалъ усы и думалъ объ аппетитной докторшѣ и сердитой рожѣ разобиженнаго супруга.

Обыватели, увидя Мусью, шагающаго столь рано по улицѣ, рядомъ съ самымъ крѣпкимъ и рослымъ въ городѣ казакомъ, по направленію къ квартирѣ доктора, останавливались и покачивали значительно головами. Женщины, оповѣщенныя о событіи ребятами, не смотря на стужу, выходили торопливо въ домашнихъ платьяхъ на улицу, чтобы не лишиться, Боже упаси, интереснаго зрѣлища.

Вскорѣ изъ дома доктора выскочили обратно Муся съ Голіафомъ, а затѣмъ выбѣжалъ оттуда сторожъ съ листомъ

бумаги и помчался, сломя шею, къ Черевину. Общее любопытство было возбуждено до нельзя. Мусья былъ забросанъ вопросами, но таинственно отмалчивался и только сѣтовалъ, что всѣ притворяются его друзьями, а не хотятъ нанять ему квартиру. Любознательные обыватели обращались къ Голіафу, но тотъ хлопалъ глазами и увѣрялъ, что ничего не знаетъ, такъ какъ его дальше кухни не пустили.

Исправникъ, не смотря на „обиду", какая постигла его оффиціальнаго представителя, былъ чрезвычайно всѣмъ случившимся доволенъ. Городишко зашумѣлъ, точно тронутый улей. Пьяный докторъ вышелъ на крыльцо и угрожалъ „всей полиціи", что ей „поломаетъ кости!"

Джурджуйская оппозиція, съ помощникомъ исправника во главѣ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, подняла голову. Денисовъ, полицейскій писарь, первый въ городѣ донъ-жуанъ, былъ замѣченъ, когда входилъ въ домъ Козлова, дочь котораго считалась красивѣйшей дѣвушкой города. Объ этомъ сейчасъ же доложили исправнику.

— Хорошо, я ихъ сосватаю! — улыбнулся начальникъ и, какъ громъ съ яснаго неба, обрушился съ ревизіей на больницу, гдѣ Козловъ былъ главнымъ поставщикомъ продуктовъ. Оттуда начальство отправилось въ школу, гдѣ тоже свила гнѣздо оппозиція. Оно вездѣ нашло большіе „безпорядки, упущенія и нарушенія", и вездѣ раздавались грозные окрики: „подъ судъ!" Всѣ перетрусили, такъ какъ расходившееся начальство било въ обѣ стороны по своимъ и по чужимъ. Въ замѣшательствѣ дѣло Мусьи было забыто. Онъ самъ не являлся больше къ товарищамъ; даже за вещами не самъ пришелъ, а послалъ якутку Желтуху, въ чьей грязной и отвратительной юртѣ онъ нашелъ временный пріютъ.

Вечеромъ появился у Александрова Черевинъ. Онъ горько жаловался на свою судьбу, на ложное положеніе, въ какое его поставила неумѣстная шутка Мусьи.

— Конечно, онъ въ спальню не проникъ, его не пустили, но докторъ страшно разсвирѣпѣлъ и, представьте себѣ, напалъ на всѣхъ политическихъ, а прежде всего, конечно, на меня. Чудаки! они обязательно требуютъ отъ насъ какой-то круговой поруки. Никто не разубѣдитъ ихъ, что это немыслимо и несправедливо, что мы не можемъ отвѣчать за поступки единичныхъ личностей, что среди насъ есть самые разнообразные люди. Даже эскулапъ, который живалъ въ столицѣ и окончилъ университетъ, не разбираетъ этого и взваливаетъ на насъ отвѣтственность за все. Онъ требуетъ, чтобы мы... вліяли на Мусью!.. Остроумно, нечего

сказать! Я съ трудомъ втолковалъ ему, что это не „интрига“ политическихъ ссыльныхъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ присутствіе казака. Тогда онъ написалъ оскорбительное письмо исправнику. Послѣднему, въ свою очередь, сказали, что это я указалъ доктору на него, какъ на „зачинщика“ всего скандала, и теперь исправникъ на меня дуется, не отвѣтилъ на мой поклонъ на улицѣ и притворился, что глядитъ въ другую сторону. Мнѣ до смерти надоѣло это вѣчное виляніе между пьянымъ докторомъ и самонадѣяннымъ „помпадуромъ“. Не знаю, чѣмъ все это кончится! Предполагаю, что устранятъ меня отъ больницы и запретятъ практику. А пока возгорится съ поставщиками и фельдшерами вновь борьба изъ-за каждаго грамма лѣкарства, изъ-за каждаго бинта, изъ-за полѣна дровъ и куска мяса для больныхъ. Мои распоряженія будутъ высокомѣрно замалчиваться и оставляться втунѣ. Уже сегодня Козловъ прислалъ такое мясо, что больные задыхались отъ одного запаха. Правда, онъ попался, — исправникъ устроилъ, какъ разъ, ревизію,—но докторъ будетъ защищать его на зло исправнику, и ничего ему не сдѣлаютъ. Иногда меня, право, беретъ охота плюнуть на все и уйти въ книги, въ науку, какъ вы... Но я чувствую, что это мнѣ не подъ силу. Я, прежде всего, практикъ, я привыкъ трудиться и жить... Для книжной работы я еще черезчуръ молодъ и въ то же время черезчуръ уже старъ для... фразъ.

Долго еще говорилъ Черевинъ въ этомъ духѣ и закончилъ свою рѣчь выговоромъ товарищамъ, что они прогнали и оставили безъ призора Мусью.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло!..—пробормоталъ Негорскій.

—...Обычныя послѣдствія доктринерства! — продолжалъ, между тѣмъ, Черевинъ. — Pereat mudus!.. Онъ шокировалъ васъ своими выходками. Понимаю. Онъ, дѣйствительно, бываетъ невозможенъ, хотя, въ сущности, добрѣйшее существо, добрый и честный малый!.. Съ этимъ всякій согласится. Безъ вашей поддержки онъ сдѣлается еще глупѣе, но лучше не сдѣлается. Между тѣмъ, джурджуйскіе прохвосты передъ нами будутъ упражняться въ безцеремонномъ обращеніи съ политическими. Мы для нихъ бѣльмо на глазу. Мы отличаемся отъ нихъ во всемъ, точно другая раса людей. Они это сознаютъ и ненавидятъ насъ. До сихъ поръ они относились къ намъ съ наружнымъ уваженіемъ, такъ какъ мы импонировали имъ нашей солидарностью, дружностью и нашимъ... fraternité. Удаленіе Мусьи изъ нашей среды разрушаетъ это понятіе. Попробуйте разъяснить имъ, что Мусья не нашъ, что онъ попалъ въ ссылку случайно, какъ жертва бѣлаго, нелѣпаго террора, что у Мусьи мало

общаго съ политикой, идейностью, общественной дѣятельностью. Они не поймутъ васъ и не повѣрятъ вамъ...

— Такъ въ чемъ же дѣло? Берите его къ себѣ! — вставилъ неожиданно Негорскій.

— Я?..—удивился Черевинъ. — Это совсѣмъ особый вопросъ: могу ли я это сдѣлать? У меня занятіе, которое никакъ не мирится съ присутствіемъ этого чудака. Ваше предложеніе ставитъ для меня ту же диллему: Мусья, или больница и практика. И я, конечно, выбираю послѣднее. Я только такимъ образомъ могу использовать свои силы и свое знаніе. А вы?.. Чѣмъ занимаетесь вы?..

Товарищи сильно были раздражены и его доводами, и, особенно, тономъ, но молчали. Даже Самуилъ ничего не отвѣтилъ и только курилъ „азартно" папироску за папироской. Воронинъ вспыхнулъ было, но Негорскій дернулъ его за полу. Черевинъ ушелъ крайне недовольный ихъ поведеніемъ и отношеніемъ къ нему. По поводу политическихъ у него были съ обывателями и джурджуйскими властями постоянныя столкновенія и непріятности, которыя онъ терпѣливо переносилъ за тѣ рѣдкія минуты сердечныхъ съ товарищами разговоровъ, за тѣ освѣжающіе споры и идейныя волненія, которыя они доставляли ему. Въ послѣднее время все это неожиданно притихло.

— Не скоро увидятъ меня!—раздумывалъ Черевинъ, закутываясь плотно въ мѣховую доху и степенно уходя отъ дома товарищей въ холодъ и темноту туманной ночи.—Шалые люди!.. Опять, видно, что-то задумали, что скрываютъ отъ меня. Хорошо!.. Пусть!.. Но я не обязанъ гибнуть вмѣстѣ съ ними, особенно, если они не довѣряютъ мнѣ!..

— Зачѣмъ вы не сказали ему? — упрекалъ товарищей Воронинъ послѣ ухода Черевина.

— Вотъ что, Воронъ, ты днемъ спишь, а ночью читаешь умныя книжки, поэтому, естественно, не знаешь, что творится на бѣломъ свѣтѣ...—пошутилъ Негорскій.— Черевинъ постоянно вращается среди... этихъ господъ. Для него же лучше, если онъ не будетъ ничего знать. Можетъ случиться, что онъ, лишившись... ясности ума на одной изъ многочисленныхъ пирушекъ... нечаянно обмолвится. А послѣ отвѣчать будетъ. Черевинъ недостаточно ловокъ и опытенъ въ такихъ дѣлахъ. Даже теперь: зачѣмъ онъ вмѣшался въ эту нелѣпую и смѣшную исторію съ Мусьей? Зачѣмъ онъ счелъ нужнымъ оправдывать себя и насъ передъ докторомъ? Зачѣмъ впуталъ въ дѣло исправника? Онъ могъ вѣдь предвидѣть, что эти чинуши другъ другу особеннаго вреда не причинятъ... Да и скажите на милость, какое намъ до этого дѣло?.. Конечно, теперь все обернется противъ не-

го. Выходитъ какъ будто онъ защищаетъ насъ. Между тѣмъ, для насъ тѣмъ хуже, чѣмъ больше о насъ говорятъ и чѣмъ больше обращаетъ на насъ вниманіе городская публика... Такъ-то!

— Пусть всегда событія сами за себя говорятъ. Не слѣдуетъ комментаріями усиливать ихъ свыше мѣры и не слѣдуетъ ослаблять ихъ дѣйствія разговорами! – добавилъ Александровъ.

— Это вѣрно, но не всегда. Съ Мусьей слѣдовало обойтись помягче, слѣдовало ему вѣжливо объяснить, въ чемъ дѣло. Я увѣренъ, что онъ сдѣлалъ глупость изъ огорченія. Теперь трудно будетъ безъ него распродать билеты...—пробурчалъ Красусскій.

Негорскій взглянулъ на него протяжно, и кулакъ, которымъ онъ подпиралъ голову, тяжело опустился на столъ.

— Что-жъ дѣлать: гдѣ дрова рубятъ, щепки летятъ! Если-бъ мы вѣжливо обошлись съ Мусьей, мы бы никогда отъ него не избавились. Съ такими лицами слѣдуетъ обращаться рѣшительно, чувствительность надо отложить въ сторону для лучшихъ временъ. Впрочемъ, увѣряю васъ, Красусскій, что Мусья куда меньше это почувствовалъ, чѣмъ вы!..

— Богъ знаетъ, куда зайдемъ, такъ разсуждая!..—вскрикнулъ, вставая, Красусскій.

Онъ жалѣлъ Мусью. Столько дней и ночей онъ провелъ съ нимъ подъ одной кровлей, столько продѣлалъ надъ нимъ смѣшныхъ шалостей и получалъ всегда въ отвѣтъ все ту же неумную, но дружескую простосердечную улыбку. Теперь онъ внутренно никакъ не могъ помириться съ обидой „большого ребенка“.

— Чѣмъ же онъ, бѣдняга, виноватъ, что попалъ въ ссылку, скорѣе мы виноваты въ его несчастіи!..—размышлялъ юноша со всей наивностью своего двадцатилѣтняго сердца.

Онъ съ улыбкой вспомнилъ разсказъ француза о политическомъ приключеніи, приведшемъ его въ Джурджуй.

— Пріѣхалъ я въ Петербургъ съ образчиками галантерейныхъ товаровъ. Повстрѣчались мы съ товарищемъ изъ Парижа и отправились вечеркомъ въ Аркадію погулять... Болтали мы, болтали... Онъ бонапартистъ, я бонапартистъ... Онъ бутылочку, я бутылочку... Зашумѣло у насъ въ головахъ. „Знаешь“—говоритъ онъ—„спою я тебѣ хорошую пѣсенку... Тутъ всѣ ее поютъ... Мотивъ у нея марсельезы, но слова много жалче...“ Если всѣ поютъ, то и я согласенъ... „Всѣ поютъ!“ увѣряетъ онъ. И сталъ учить меня по-русски:

„Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели...“

. . . .

У него былъ хорошій голосъ, и я недурно вторю. Вскорѣ окружили насъ многіе изъ публики, дамы, кавалеры, барышни!.. Хлопаютъ намъ, а когда мы пропѣли:

„А нашъ императоръ въ плѣну...“

Кто-то крикнулъ „браво!“ „Бисъ! Бисъ!“ всѣ закричали. Ну, мы и пропѣли еще разъ:

„А нашъ императоръ въ плѣну...“

Намъ еще разъ: бисъ!.. Закрылъ я это глаза, чтобы лучше пѣть и тяну:

„А нашъ императоръ въ плѣну...“

Вдругъ, чувствую, кто-то меня беретъ за плечо. Смотрю: публики нѣтъ, одинъ полицейскій приставъ. „Идите за мной!“ Зачѣмъ? — „Безъ разговору!“ Посадили меня на извозчика и увезли... Безъ разговору!.. Сочинили протоколъ, отправили въ тюрьму. Долго сидѣлъ я въ тюрьмѣ, просилъ, писалъ, объяснялъ... Все тщетно. Наконецъ, вызвали, стали допрашивать... Хотѣлъ я имъ разсказать все толкомъ, но они сейчасъ: „довольно! молчать!.. безъ разговору!..“ Опять посадили въ тюрьму, продержали полъ-года, а затѣмъ прочли приговоръ: „за оскорбленіе его величества...“ Приговорили въ ссылку, приказали что-то подписать и привезли вотъ сюда! Говорятъ, дѣйствительно, тогда царь никуда не выѣзжалъ изъ дворца и жилъ, какъ въ плѣну. Но что же я могъ знать? Я имъ говорилъ, что только что пріѣхалъ изъ Вѣны. Киваютъ головами: „ладно!“ А когда хочу еще что-нибудь добавить, сейчасъ: „безъ разговору!“ Я имъ толкую, что я... „neutralité“ — не помогаетъ! Теперь я уже не... neutralité!... Теперь я уже знаю!.. Довольно! Теперь пусть они, пусть они берегутся!—кричалъ обыкновенно въ концѣ Муся. Красусскій вспомнилъ его вытаращенные глазки, всклокоченную бороду, сжатые кулаки и засмѣялся.

— Бѣдняга!.. Завтра обязательно пойду навѣстить его!..

Когда на слѣдующій день онъ вошелъ въ юрту Желтухи, онъ засталъ уже у Муси Петрова и Гликсберга, пьющихъ тамъ демонстративно „чай“. Это была грозная, хотя и молчаливая „нота“ иностранныхъ державъ, направленная противъ Александрова и другихъ „анархистовъ“, не умѣющихъ поступать надлежаще съ „товарищами“.

— Мы не полагаемъ, чтобы можно было личность, вопреки ея волѣ, приносить въ жертву на алтарь какихъ-либо идей Идеи, которымъ это нужно, ничего не стоятъ. Тѣ только идеи нужно считать своевременными и дозрѣвшими, которыя понятны большинству людей и которыхъ не нужно скры-

вать и стыдиться. Что толку въ идеяхъ, лишенныхъ основаній, не усвоенныхъ большинствомъ?.. —толковалъ длинно и скучно Петровъ.

— Прочитайте объ этомъ у Спенсера!—совершенно серьезно предложилъ Красусскому Гликсбергъ.

— Оставьте меня!—отрѣзалъ юноша. Онъ съ досадой слушалъ выходки иностранныхъ державъ противъ Александрова и Негорскаго, но въ споръ не ввязывался. Вообще онъ былъ нерѣчистъ, къ тому же—по-русски говорилъ плохо и ударенія ставилъ смѣшно. Неудовольствіе свое онъ обнаруживалъ только нервнымъ покручиваніемъ своихъ усиковъ. Одно мгновеніе онъ хотѣлъ уже уйти, но Мусья такъ жалобно взглянулъ на него, что юноша вдругъ рѣшилъ остаться и началъ просто и весело разсказывать, какъ онъ разъ заблудился на охотѣ и позnобилъ себѣ пальцы, и какъ его спасали якуты топленымъ масломъ.

Мусья тоже вспомнилъ, какъ разъ въ Алжирѣ получилъ солнечный ударъ. Петровъ и Гликсбергъ, сначала возмущенные „безсмысленными разговорами", слушали разсказы очень холодно, но затѣмъ сами вспомнили свои приключенія, смягчились и просидѣли, калякая, до поздней ночи.

Мусья съ трудомъ поспѣвалъ кипятить чай. Желтуха, которая подъ шумокъ сумѣла всласть попользоваться и хлѣбомъ, и чаемъ своего новаго квартиранта, возымѣла о немъ самое лучшее мнѣніе:

— Французъ умница, только притворяется дурачкомъ. Вы бы только посмотрѣли, какъ съ нимъ цѣлуются „преступники". И какую прорву чая выпили они?! Сейчасъ видно, что господа! И французъ тоже господинъ!.. —разсказывала она на слѣдующій день посѣтителямъ.

Вѣсть о посѣщеніи Мусьи товарищами мигомъ облетѣла городокъ и много помогла Мусьѣ въ развитіи того новаго промысла, который онъ себѣ придумалъ. Именно онъ принялся выдѣлывать изъ мамонтовой кости недурненькія запонки, мундштуки, трубочки, ручки для перьевъ и сталъ разносить эти предметы по домамъ. Требованіями „торговли" онъ объяснялъ милое его сердцу бродяжничаніе по сосѣдямъ. Женщины опять стали встрѣчать его дружеской улыбкой, ожидая отъ него новостей, сплетенъ и рискованныхъ шутокъ; мужчины подсмѣивались надъ нимъ, допрашивая, что такое онъ видѣлъ въ спальнѣ докторши.

Буря, вызванная его выходкой, уже затихала. Послѣднимъ ея отзвукомъ былъ „балъ примиренія", который устроилъ исправникъ своимъ противникамъ.

Это было замѣчательное пиршество. О количествѣ выпитой на немъ водки долго ходили легендарные разсказы.

Панъ Янъ утверждалъ, что всѣ напились „до зеленаго змія“. Докторъ, не смотря на свой чинъ „генерала“, простилъ великодушно исправнику, „капитану“, всѣ его прегрѣшенія. Помощникъ всѣмъ по очереди цѣловалъ „ручку“ и, бія себя въ грудь, колѣнопреклонно исповѣдывалъ свою вину. Козловъ все время не отступалъ ни на шагъ отъ Черевина и назвалъ себя публично „соціалистомъ“, за что чуть было не попалъ на гауптвахту. Былъ прощенъ исключительно въ виду торжественности общаго настроенія. Балъ окончился великолѣпнымъ экспромтомъ, придуманнымъ остроумнымъ Денисовымъ. Гости стали въ рядъ, уже безотносительно къ своимъ чинамъ, а сообразно съ ростомъ и тѣлеснымъ сложеніемъ, взяли въ руки веревку, конецъ которой держалъ исправникъ, и, когда онъ дергалъ за нее, удивительно хорошо подражали всѣ джурджуйскому колокольному звону. Затѣмъ пѣли „славу“ хозяину, опять пили и опять подражали колокольному звону...

На слѣдующій день устроилъ „балъ“ докторъ, затѣмъ состоялись „балы“ у помощника, командира, улуснаго писаря и прочихъ административныхъ и торговыхъ столповъ города Джурджуя, въ томъ числѣ и у... Черевина. Всѣ послѣдующіе пиры не достигли, конечно, той пышности и блеска, какъ исправничій, чего требовалъ и мѣстный этикетъ, но были достаточно обильно снабжены водкой, и въ концѣ концовъ, возимый съ мѣста на мѣсто въ полубезсознательномъ состояніи отецъ Акакій, возвращаясь послѣ недѣльнаго отсутствія домой, опять увидѣлъ въ рощѣ „окаменѣлаго мамонта“. Въ тотъ разъ онъ встрѣтился съ чудовищемъ въ кустахъ по серединѣ города:

— Онъ шелъ себѣ и размахивалъ трубой!—расказывалъ скромно преподобный пастырь.

Пьянство прекратилось только съ пріѣздомъ обоза, состоящаго изъ трехъ вьючныхъ лошадей и трехъ всадниковъ. Заиндевѣлые, окруженные облакомъ сѣдого тумана, розоваго отъ вечерней зари, понуждая усталыхъ мохнатыхъ лошадокъ частыми ударами пятокъ, они подъѣхали прямо къ полицейскому управленію. Оттуда немедленно выскочилъ дежурный и побѣжалъ къ исправнику. По городу, затихшему въ послѣобѣденной дремотѣ, съ быстротой молніи пронеслась вѣсть:

— Почта пришла!

Даже тѣ, кто никогда не получалъ ни писемъ, ни газетъ, зашевелились и покинули укромные углы. Слабо освѣщенная оплывшей сальной свѣчкой первая комната полицейскаго управленія исподволь наполнилась казаками, мѣщанами мѣстной аристократіей. Писарь Денисовъ благово-

лилъ „принимать гостей“; онъ стоялъ въ глубинѣ комнаты съ папироской въ зубахъ, съ руками въ карманахъ и нашептывалъ избранникамъ самыя свѣжія извѣстія изъ „губерніи“. Ежеминутно стучали двери и входили все новыя и новыя лица, внося въ затхлую атмосферу канцеляріи струи свѣжаго, холоднаго воздуха и свойственный туземцамъ запахъ скотскихъ хлѣвовъ, плохо выдѣланныхъ кожъ и дешевой махорки. Перешептыванія все усиливались, но не переходили извѣстнаго предѣла, не заглушали постукиванія счетовъ и торжественныхъ возгласовъ исправника, его помощника и конвойныхъ казаковъ, провѣрявшихъ доставленныя почтой деньги въ сосѣдней комнатѣ. Сквозь неплотно запертыя двери оттуда лился яркій свѣтъ и мелькали тѣни. Вдругъ наружныя двери стукнули какъ-то особенно и раздались широкіе, смѣлые шаги. Исправникъ сразу почувствовалъ, что пришелъ одинъ изъ „этихъ“, и сдвинулъ брови.

— Кто тамъ!.. Не пускать никого!.

— Негорскій за письмами...

— Пусть ждетъ!

Казаки бросились къ идущему.

— Нельзя! Вы должны подождать. Его высокоблагородіе принимаетъ деньги. Шестнадцать, сказываютъ, тысячъ пришло...—повторили казаки, смягчая приказъ.

Негорскій подалъ два пальца Денисову, торопливо протянувшаго ему руку, и остановился въ сторонкѣ. Сквозь щель въ дверяхъ онъ замѣтилъ сильно плѣшивый лобъ исправника, его красное, испитое лицо, наклоненное надъ столомъ, и бѣлыя руки съ золотыми перстнями, быстро перебирающія пачки кредитокъ.

— Одинъ... два... три... пять... десять... двадцать... тридцать... сто...

— Есть!

— Провѣрить!

Шарикъ счетовъ стукалъ; пачка, шелестя, летѣла въ сторону помощника, а въ опытныхъ рукахъ стараго чиновника хрустѣлъ новый свертокъ.

— Одинъ... два... три... четыре...

Негорскій закрылъ глаза и пробовалъ думать о другомъ... о далекомъ. Гнѣвное, лихорадочное состояніе овладѣвало имъ. Чтобы успокоить себя, онъ принялся считать до ста, до тысячи... Къ счастію, явился Петровъ съ неизмѣннымъ Гликсбергомъ. Разговоръ съ ними немного успокоилъ его; затѣмъ присоединились Самуилъ, Воронинъ, наконецъ, вошелъ съ шумомъ Красусскій. Казаки разступились передъ его размашистыми, самоувѣренными дви-

женіями, и онъ, не оповѣщенный, вошелъ бы, по всей вѣроятности, въ слѣдующую комнату, если-бъ его не удержалъ Негорскій.

— Зачѣмъ же они не выдаютъ писемъ?

— Деньги считаютъ. Сейчасъ кончатъ!

Это „сейчасъ“ протянулось съ добрый часъ. Мелькали тѣни, постукивали счета, шелестѣли бумаги и скоро-скоро произносились числа, однообразныя, точно припѣвъ акафиста. Красусскій приходилъ въ бѣшенство. Наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ водворилась тишина. Стоявшій впереди Негорскій замѣтилъ, что исправникъ взялъ пачку писемъ и вскрываетъ конверты. Не смотря на продолжительность своего заточенія, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ этому зрѣлищу и поспѣшно отвернулъ голову. Вдругъ онъ разслышалъ шепотъ исправника. Чиновникъ нагнулся черезъ уголъ стола къ своему помощнику и съ улыбкой показывалъ ему что-то въ раскрытомъ письмѣ. На жирномъ, пухломъ лицѣ помощника тоже засіяла нехорошая улыбка. Красусскій, который видѣлъ все это, неожиданно толкнулъ двери.

— Что же письма?

— А-а?... Это вы?.. Есть одно и для васъ, есть!..— отвѣтилъ исправникъ. Взялъ письмо со стола и принялся основательно взрѣзывать конвертъ. Протянутая рука юноши дрожала, глаза его метали молніи. По губамъ исправника скользнула сдержанная улыбка.

— Да-а!.. Оно... по-польски. Я могъ бы вамъ его не отдать. По-польски я не понимаю...

— Что-о?!

Въ возгласѣ ссыльнаго звучала такая угроза, что исправникъ съ наслажденіемъ погладилъ себя по подбородку. Онъ былъ по происхожденію сибирякъ, престижъ и величіе государства мало его волновали. Наоборотъ: въ глубинѣ души онъ чувствовалъ нѣкоторое нерасположеніе къ угнетающей и эксплуатирующей Сибирь „Рассеи“; онъ зналъ о культурныхъ услугахъ, которыя оказали его родинѣ ссыльные поляки и русскіе, да и самъ, кажется, происходилъ изъ Литвы. Правда, его предки давно уже перемѣнили вѣру, осибирячились, обрусѣли, тѣмъ не менѣе, ему пріятно было чувствовать свое родство съ этимъ красивымъ, смѣлымъ до дерзости юношей.

— Польскія письма не воспрещены закономъ.

— Да, но они должны быть провѣрены. Полиція не обязана знать всѣ языки или держать переводчиковъ. Пусть ваши родственники пересылаютъ письма черезъ губернское правленіе...

— Будутъ годъ странствовать. Совсѣмъ это не нужно!

— Чего вы сердитесь? Вѣдь я его вамъ даю!

Красусскій не выразилъ ни малѣйшей благодарности; схватилъ письмо, тутъ же развернулъ его и сталъ на ходу просматривать. Другіе ссыльные получали свои письма по очереди и уносили поспѣшно, точно святыню. Самуилъ, который въ этотъ разъ ничего не получилъ, остался, чтобы захватить газеты и журналы.

— И зачѣмъ это вы, господа, пришли? Вѣдь я обѣщалъ вамъ отсылать все на домъ!..— мягко выговаривалъ ему исправникъ.

— Развѣ вы не понимаете, Николай Ивановичъ, что для насъ это—единственный лучъ свѣта?! Право, вы могли бы раньше вскрывать пакеты съ письмами. Деньги подождали бы безъ волненія...

— Законъ запрещаетъ. По закону, раньше всего должны быть просчитаны деньги... — отвѣтилъ начальникъ округа, поглядывая на своего помощника. Тотъ заерзалъ на стулѣ и пробормоталъ что-то невнятное. Исправникъ, подъ вліяніемъ получки наградныхъ, пришелъ въ прекрасное расположеніе духа; онъ всегда отличалъ Самуила, цѣнилъ его тактъ и благовоспитанность; иногда онъ даже съ нимъ совѣтовался и откровенничалъ.

— А знаете, къ вамъ ѣдетъ опять какой-то новый товарищъ... Аркановъ?.. Не слыхали?.. Артемій Павловичъ Аркановъ, — добавилъ онъ, справляясь въ бумагахъ, — съ женой, Евгеніей Ивановной... Веселѣе будетъ! Какъ хотите, а скучна жизнь безъ женщинъ! Развѣ не правда: „безъ женщинъ, безъ женщинъ мы точно безъ души“ —запѣлъ чиновникъ, сильно фальшивя.

Въ воспаленныхъ, сладострастныхъ глазахъ его засверкали нехорошіе огоньки. Самуилъ поспѣшно раскланялся и ушелъ.

Онъ направился къ Александрову, гдѣ обыкновенно собирались ссыльные послѣ прихода почты. Всѣ были погружены еще въ чтеніе писемъ. Только Негорскій, который тоже письма не получилъ, просматривалъ номера предусмотрительно захваченныхъ имъ газетъ. Когда Самуилъ бросилъ на столъ новую кипу журналовъ и газетъ, присутствующіе принялись за нихъ. Низко и жадно наклонили ссыльные свои головы надъ бѣлыми листами, съ которыхъ повѣяли на нихъ вдругъ родныя воспоминанія; слезящіеся глаза страстно ловили печатныя слова при слабомъ свѣтѣ сальнаго огарка. Все для нихъ было такъ дорого и полно значенія, даже пустыя, мишурныя фразы,—во всемъ они доискивались тайнаго глубокаго смысла. Красусскій не

читалъ газетъ; съ письмомъ въ рукѣ онъ сидѣлъ въ сторонкѣ на стулѣ и смотрѣлъ впередъ въ темноту.

— Отъ сестры?—спросилъ его тихонько по-польски Негорскій и ласково положилъ ему на плечо руку.

— Отъ сестры.

— Что же пишетъ?

— Все то же. Умоляетъ, чтобы я... не ослабѣлъ! — разсмѣялся юноша.—Проситъ, чтобы я не отчаивался, не женился на иностранкѣ, вернулся чистъ и здоровъ. Все письмо полно заботы обо мнѣ, о себѣ ничего не пишетъ; сообщаетъ только, что тоскуетъ...

— Опять!.. Слушайте, опять!..—вскричалъ громкимъ голосомъ Самуилъ. Замѣтивши, что всѣ глаза обратились къ нему, онъ принялся читать вслухъ съ глубокимъ волненіемъ. Газета дрожала въ его рукѣ и голосъ болѣзненно обрывался:

...„Сегодня въ нашемъ городѣ казнены государственные преступники. Съ утра улицы, по которымъ долженъ былъ двигаться позорный кортежъ, наполнились народомъ и войсками, построенными въ цѣпь. Въ открытыхъ окнахъ виднѣлось множество женскихъ головъ, многія дамы стояли на балконахъ. Погода благопріятствовала, солнце великолѣпно сверкало на штыкахъ, мундирахъ, стѣнахъ домовъ, украшало своимъ блескомъ женскіе наряды. Полицейскіе въ парадныхъ мундирахъ прохаживались на постахъ по серединѣ улицъ. Глаза публики обращались въ сторону городской тюрьмы. Тамъ вдругъ раздался и покатился по народу шумъ, точно вздохъ, который все приближался, крѣпчая, мѣняясь, превращаясь въ говоръ, въ стонъ, въ бурю...

— „Ѣдутъ!.. Ѣдутъ!

„Толпа дрогнула. Одновременно застучали колеса, зазвенѣли подковы. Изъ-за угла выскочилъ отрядъ конныхъ жандармовъ. За ними быстро катилась черная колесница. Приговоренные въ холщевыхъ саванахъ сидѣли, привязанные задомъ къ лошадямъ. На груди у нихъ болтались черныя доски съ надписью „преступникъ“. Было ихъ два, оба молодые.

„Одинъ ослабѣлъ, опустился въ веревкахъ, и голова его жалко болталась и подскакивала при каждомъ стукѣ колесъ о мостовую. Другой, возбужденный, что-то кричалъ, чего нельзя было разслышать изъ-за грохота телѣги и топота коннаго отряда. Къ тому же и народъ шумѣлъ. Я стоялъ совсѣмъ близко, но съ трудомъ уловилъ только: „за васъ умираю!“

„Толпа вела себя враждебно. Раздавались ругательства, угрозы, проклятія, въ воздухѣ замелькали даже сжатые кулаки

и палки. И только какая-то очень молоденькая дѣвушка бросила букетъ цвѣтовъ, но такъ неудачно, что онъ упалъ на мостовую и былъ измятъ копытами конвоя. Дѣвушку сейчасъ же арестовали. Оба приговоренные съ трудомъ взошли на эшафотъ. Помощники палача помогали имъ. Во время чтенія приговора, они были сильно блѣдны; затѣмъ горячо поцѣловались. Когда священникъ подошелъ къ нимъ съ крестомъ, тотъ, что кричалъ, покачалъ отрицательно головой. Его товарищъ, наоборотъ, крѣпко прильнулъ губами къ святому знаку, и палачъ съ трудомъ оторвалъ его отъ креста. Приговореннаго подтащили за плечи къ петлѣ, ему моментально закрыли лицо колпакомъ, ужасная скамеечка выскользнула у него изъ-подъ ногъ, и онъ повисъ грузно и неподвижно... Другой, который глядѣлъ на все это, вдругъ сталъ рваться изъ рукъ палачей. Когда онъ повисъ, онъ долго бился, и заплечный мастеръ потянулъ его за ноги...“

— Нѣтъ... не... могу... не могу!—простоналъ Самуилъ, отступая въ темный уголъ избы.

Въ юртѣ воцарилось гробовое молчаніе.

— Вѣчно и безпощадно... ненавидѣть ихъ!..—прошепталъ вдругъ Красусскій, подымая руку.

— Развѣ это были поляки? — спросилъ тихонько у Негорскаго Янъ, который пришелъ во время чтенія.

— Развѣ не все равно!? Развѣ тебѣ не жалко?!

— Не въ томъ дѣло: я думалъ, что это непремѣнно поляки, а теперь вижу, что и русскіе взялись за умъ!..

III.

Учитель наигрывалъ на гитарѣ и хриплымъ голосомъ въ сотый, можетъ быть, разъ выводилъ любимый куплетъ мѣстной баллады:

Сверкнулъ мечъ, скатилась голова,
Погибла невѣрная жена!..
Не дышутъ лебединыя груди,
Никто ея любить не буди...

Всѣмъ стало скучно. Денисовъ, принуждаемый подтягивать учителю, давно уже морщился. Наконецъ, онъ махнулъ рукою, вскрикнулъ: „жги! жги!.. жги!..“—выскочилъ на середину комнаты и давай приплясывать, присѣдать, сѣменить ногами съ такимъ рвеніемъ и задоромъ, что большой шахматный коверъ изъ черныхъ и бѣлыхъ кобыльихъ лапъ, разостланный на полу, взъерошился и пришелъ въ большой безпорядокъ. Учительша приказала служанкѣ поскорѣе

убрать коверъ и уже не уходила изъ комнаты, а раскраснѣвшаяся, смѣющаяся, глядѣла на отчаянную пляску и сама слегка пошевеливала бедрами и поводила плечами. Денисовъ плясалъ все неистовѣе, и отъ поднятаго имъ вихря вздымались занавѣски у оконъ, трепетало пламя свѣчей, и даже лампадка зеленаго стекла, неугасимо теплившаяся въ углу передъ образомъ Николая Угодника, слегка покачивалась на серебряныхъ цѣпяхъ. Учитель тоже вскочилъ, принялся живѣе перебирать по струнамъ и подпрыгивать на заплетающихся ногахъ. Туманы поднятой пляскою пыли, облака табачнаго дыма да запахъ разлитой и выпитой водки дѣлали дальнѣйшее пребываніе въ комнатѣ невозможнымъ. Красусскій поднялся и сталъ прощаться съ хозяевами.

— Куда? Не пущу! Сидите, когда вамъ хорошо! А уйдете—ничего вамъ уже не разскажу ни про горы на западѣ, ни про то, какъ путешествуютъ якуты. Ей, ей! Знаю я все, вижу васъ насквозь! Не проведете меня!.. Нѣ-е-етъ!— кричалъ сильно пьяный хозяинъ, стараясь поймать гостя за рукавъ.—Красусскій испугался окончательно этихъ изліяній, вырвалъ руку и ушелъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ учитель безусловно перешелъ къ джурджуйской опозиціи, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ Денисовъ сталъ въ ихъ домѣ еженедѣльнымъ гостемъ, Красусскій началъ сильно тяготиться своими сношеніями съ педагогомъ. Онъ поддерживалъ ихъ еще въ надеждѣ на лотерею, послѣднее финансовое убѣжище бѣглецовъ. Къ сожалѣнію, и учительша сильно къ нему измѣнилась со времени исторіи съ Мусьей, уклонялась отъ исполненія обѣщаній, виляла и хитрила. Она, въ сущности, управляла всѣмъ домомъ, поэтому ея охлажденіе къ лотереѣ лишало послѣднюю всякой опоры. Тѣмъ не менѣе, Красусскій ходилъ къ учителю, ходилъ потому, что безъ лотереи... не вѣрилъ въ успѣхъ побѣга, потому что грустилъ, скучалъ. Присутствіе Денисова и вѣчное пьянство хозяина раздражали его.

— Хотя бы сегодня: лишь смерклось—уже оргія!—размышлялъ онъ, странствуя по окутанному ночью озеру. Въ душѣ у него царила такая же тьма и холодъ, онъ съ отвращеніемъ думалъ о своей пустой юртѣ, но еще съ большимъ отвращеніемъ думалъ о юртѣ Александрова, гдѣ онъ встрѣтитъ мрачныя, угрюмыя лица товарищей, подавленныхъ денежными неудачами. Вдругъ слуха его коснулись необычные звуки у полицейскаго управленія—скрипъ саней и шаги людей, приближающихся къ нему наискось. При слабомъ блескѣ звѣздъ онъ замѣтилъ четыре человѣческія фигуры. Двѣ были несомнѣнно казацкія, въ двухъ другихъ онъ сразу

угадалъ—по движеніямъ, а еще больше по говору—давно ожидаемыхъ товарищей.

— Аркановъ?.. Неужели это вы?!.

— Да это я! А вы кто?

— Я—Красусскій.

Къ великому удивленію конвойныхъ, они бросились другъ другу въ объятія, какъ будто знали другъ друга сто лѣтъ или были родными братьями. Затѣмъ юноша робко поклонился второй стройной фигурѣ.

— Что же вы мнѣ не протягиваете руки?!—разсмѣялась она серебристымъ голосомъ. — Я вѣдь тоже товарищъ вашъ!

— Идемъ къ намъ. . Тутъ къ Александрову ближе всѣхъ... Или, можетъ быть, вы уже рѣшили идти въ другое мѣсто?.. Вы, вѣрно, прозябли и изголодались!.

— Мы ничего не знаемъ, куда насъ ведутъ. Въ полиціи никого нѣтъ, закрыта...

— Надо бы вамъ къ исправнику... явиться!..—проговорилъ казакъ.

— Я тоже думаю, что лучше явиться!—согласился Аркановъ.

— Зачѣмъ же? Пустое!.. Мы напишемъ письмо, что вы устали съ дороги, и что явитесь завтра. Пустая формальность!..

Покончили на томъ, что казаки пошли доложить исправнику, а пріѣзжіе повернули къ Александрову. По пути Красусскій послалъ встрѣчнаго якута къ Самуилу и Воронину. Не прошло и полчаса, какъ всѣ ссыльные, не исключая Яна, собрались въ юртѣ Александрова

Большая охапка дровъ, затопленная въ плоскомъ якутскомъ камелькѣ, наполнила, какъ всегда, внутренность юрты веселымъ свѣтомъ, говоромъ, щебетаніемъ, шипѣніемъ пламени, выстрѣлами углей и лопаньемъ согрѣвающихся ледяныхъ полѣньевъ. На столѣ гостепріимно стоялъ самоваръ. Арканова сразу вошла въ роль хозяйки и, перебросивши черезъ плечо бѣлое полотенце, перетирала чайныя чашки. Ссыльные впервые съ тѣхъ поръ, какъ оставили родину, вспомнили, что совсѣмъ перестали это дѣлать. Тюрьмы и нужда отучили ихъ отъ многихъ вещей. Грязь и небрежность казались имъ дѣломъ обычнымъ и неизбѣжнымъ. Теперь эта стройная женщина съ золотыми волосами и васильковыми, нѣжными глазами, какъ будто принесла имъ съ собой вѣяніе давно покинутой культурной жизни. Всѣ невольно вспоминали забытыя привычки благовоспитанности. Александровъ держался необыкновенно прямо и удивительно долго не ставилъ локтей на столъ, даже тру-

бочку вынулъ изо рта и спряталъ въ карманъ. Негорскій вдругъ загрустилъ. Воронинъ тщетно пробовалъ побороть свое волненіе, вызванное большимъ количествомъ чайныхъ серебряныхъ ложекъ, вилокъ, ножей, вообще чайныхъ приборовъ, которыхъ „хватило для всѣхъ".

— Салфетки!..—шепнулъ восторженно Самуилъ и прикоснулся къ нимъ рукою.

Красивая женщина все это раскладывала на столѣ и съ грустной улыбкой посматривала на блѣдныя, малокровныя лица ссыльныхъ, на ихъ оборванныя, лохматыя фигуры. Красусскій, спрятавшись въ дальній уголъ, глазъ съ нея не сводилъ.

— Итакъ, здѣсь необходимо жить въ юртахъ. Другихъ болѣе человѣческихъ жилищъ нѣтъ... Проѣзжая, я видѣлъ, однако, русскіе дома!—спросилъ Аркановъ.

— Есть-то есть. Только необходимо нанять весь домъ, что черезчуръ дорого для нашихъ кармановъ. Отдѣльныхъ комнатъ не отдаютъ въ наемъ жители. Впрочемъ, обо всемъ этомъ и о цѣнахъ лучше всего разскажетъ вамъ Черевинъ.

— Кто это такой?

— Это тоже нашъ... врачъ. Онъ не пришелъ еще, нужно бы послать за нимъ. Вѣрно, не знаетъ!

Раньше, чѣмъ нашелся посыльный якутъ, пришелъ самъ Черевинъ. Онъ безцеремонно прервалъ разговоръ и заставилъ сызнова разсказать ему новости.

— Съ 1878 года,—началъ искусственнымъ, скучающимъ голосомъ Аркановъ,—русская революціонная партія направилась, какъ вамъ извѣстно, по новому пути. Народники послѣ короткой борьбы исчезли. Слабые совсѣмъ устранились отъ всякой работы и превратились въ заурядныхъ буржуевъ, болѣе дѣльные перешли къ террористамъ. Въ настоящее время въ Россіи есть только террористы, другихъ партій нѣтъ. Осталась одна только „Народная Воля"...

— Ого!..—шепнулъ Петровъ.

— Террористы образуютъ три фракціи: террористовъ-конституціоналистовъ, террористовъ непримиримыхъ, какъ мы ихъ зовемъ — „pur sang", и террористовъ-народниковъ. Послѣдніе происходятъ отъ остатковъ прежнихъ бунтарей...

Тутъ Аркановъ принялся обширно и чрезвычайно объективно излагать программы каждой фракціи.

— А вы къ какимъ причисляете себя?—спросилъ неожиданно Александровъ.

Аркановъ чуть-чуть смутился.

— Я въ правѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ,—отвѣтилъ онъ неохотно,—но я скажу: я принадлежу къ террористамъ „чистокровнымъ". Я не считаю конституцію за идеалъ, ко-

торый можно написать на знамени, и не вижу другого пути для Россіи, какъ терроръ и еще разъ терроръ...

— Это могущественное средство, но не единственное. Не думаю, чтобы полезно было суженіе программъ ради тактическихъ соображеній!—замѣтилъ Александровъ.

— Конечно, насиліе иногда неизбѣжно,—вставилъ Негорскій,—но есть ли у васъ силы и средства для проведенія такой программы? На кого вы разсчитываете, разъ вы отказываетесь отъ пропаганды среди массъ? Насиліе не содержитъ въ себѣ другихъ идеальныхъ элементовъ, кромѣ самопожертвованія, — онъ сдѣлалъ удареніе на *само*. —Поэтому оно не обладаетъ притягательной силой, не привлекаетъ послѣдователей. Оно пользуется раньше накопленнымъ политическими организаціями капиталомъ силъ и сознательности.

— Какъ не привлекаетъ?! Языкъ террора, языкъ фактовъ много понятнѣе и доказательнѣе толпѣ, чѣмъ сотни брошюръ и прокламацій.

— Да, но онъ волнуетъ души иного порядка, иного сорта!..—замѣтилъ грустно Самуилъ.

— Этого слѣдовало ожидать. Нѣкоторое время они просуществуютъ, расточая безумно сокровища, нагроможденныя нами, а затѣмъ все рухнетъ... Своими выходками, покушеніями, насиліями они закрыли намъ всѣ пути мирной борьбы, а сами... Высоко летаютъ, да гдѣ то сядутъ!.. Посмотримъ!!.—вспыхнулъ страстно Петровъ.

— Вы не считаете конституцію идеаломъ?. Хорошо. Но я вотъ что скажу вамъ на это...—вскричалъ задорно Черевинъ.

Поднялся шумъ, всѣ захотѣли говорить, убѣждать и обвинять другъ друга. Аркановъ глядѣлъ на всѣхъ спокойно и вдругъ поднялся: черные глаза его засверкали, черная грива волосъ зашевелилась... Жена его улыбнулась, такъ какъ она опять, опять узнала своего милаго „Артю".

— Такъ! Вы смѣете утверждать, что люди, ожидающіе исключительно смерти за свои дѣянія, не приносятъ жертвъ?!—загремѣлъ онъ неожиданно — Вы жалѣете десятокъ-другой лицъ, умирающихъ *насильственной* смертью, вы притворно скорбите о пролитой крови и въ то же время соглашаетесь на порабощеніе, насиліе, позоръ, нужду, темноту, страданія милліоновъ... на жизнь безъ малѣйшаго луча надежды на улучшеніе, безъ слова поддержки... И такъ всю жизнь... отъ колыбели до могилы...

Это молніеносное нападеніе на отсутствующаго врага показалось Самуилу немного смѣшнымъ. Вѣдь никто не сказалъ ничего подобнаго тому, съ чѣмъ сражался и спорилъ Аркановъ!

Послѣдній, оказался, впрочемъ, опытнымъ борцомъ, обладалъ звучнымъ голосомъ и огненнымъ, захватывающимъ краснорѣчіемъ. Приводилъ интересные примѣры, употреблялъ оригинальные обороты. Подъ конецъ онъ всѣхъ заставилъ себя слушать. Не слушали его только Александровъ да Красусскій: первый старательно ковырялъ въ своей трубочкѣ, прочищая ея коротенькій чубукъ; второй уставился неподвижно въ догоравшій огонь и, видимо, былъ мысленно далеко отъ спора и споривших.

Неожиданно двери тихонько стукнули.

Глаза всѣхъ направились въ ту сторону; Аркановъ умолкъ. На порогѣ стоялъ смущенный Мусья и порывисто мялъ шапку въ рукахъ.

— Могу ли... я?

— Это кто?—спросила тихо Арканова.

— Это!.. Это... Мусья! Чрезвычайно почтенный и заслуженный... бонапартистъ!—разсмѣялся Самуилъ.

— Несчастный человѣкъ, котораго случай сдѣлалъ государственнымъ ссыльнымъ. Онъ—нашъ товарищъ! — рѣзко, почти грубо проговорилъ Красусскій, высовывая изъ темноты покраснѣвшее лицо.

Пріѣзжая впервые взглянула внимательнѣе на стройную фигуру юноши, который весь вечеръ держался молча въ тѣни и въ сторонкѣ.

— Такъ что же! Идите, милости просимъ!.. Очень рады!..

— Иди, иди, Мусья!.. Для такого „торжества!"—передразнилъ Яна Самуилъ.

Мусья неловко поклонился и подсѣлъ къ столу. Александровъ налилъ ему чаю и придвинулъ хлѣбъ.

Перерванный споръ уже не возобновился.

Вмѣсто того, было предложено и предпринято хоровое пѣніе. Началось оно, конечно, „Зозулей", затѣмъ пропѣты были всѣ извѣстныя присутствующимъ хоровыя и соловыя пѣсни. Жена Арканова обладала красивымъ груднымъ контръальтомъ. Самъ Аркановъ зналъ нѣсколько новыхъ революціонныхъ гимновъ, которые эффектно пропѣлъ вдвоемъ съ женою. Даже Янъ поддался уговорамъ и не особенно звучно, но съ большимъ воодушевленіемъ пропѣлъ по-польски:

Кто мнѣ скажетъ, что москали
Стали братьями лохитовъ,
Тому въ лобъ пущу я пулю
Предъ костеломъ Кармелитовъ!
Вотъ свободы зовъ, зовъ, зовъ, зовъ!
Мы прольемъ за него кровь, кровь, кровь!

. . . .

Когда музыкальные запасы были исчерпаны, кто-то предложилъ Самуилу прочесть свое послѣднее стихотвореніе. Долго противился онъ и, только когда Арканова обратилась къ нему изъ-за самовара съ просительной улыбкой, наконецъ, согласился, всталъ и, спрятавшись въ тѣни, началъ тихо:

Ночи полярныя, безсонныя ночи изгнанія...

. . . .

Въ стихотвореніи, въ сильныхъ и прочувствованныхъ выраженіяхъ, довольно звучно говорилось о томъ мучительномъ процессѣ разложенія, какой обязательно начинается въ душахъ чуткихъ и дѣятельныхъ, обреченныхъ на бездѣйствіе и уничиженіе ссылки.

— Весьма недурно!—похвалилъ Аркановъ. —Вы, вижу я, настоящій поэтъ. Только въ началѣ слѣдовало бы выправить размѣръ...

— Ахъ, какъ все это печально! Неужели все это дѣйствительно такъ?!—спрашивала Арканова, вглядываясь пристально въ лица присутствующихъ.

Они молчали; наконецъ, Черевинъ заговорилъ о „благодѣтельномъ вліяніи труда“. Опять загорѣлся споръ. Петровъ возразилъ, Гликсбергъ поддержалъ друга, и разговоръ грузно вкатился на обычные рельсы никогда не прекращавшихся въ Джурджуѣ преній о свободѣ воли, о вліяніи личности на теченіе исторіи, о субъективномъ и объективномъ методѣ и проч. Александровъ принялся вторично ставить самоваръ, Красусскій подбросилъ дровъ въ камелекъ, Негорскій отправился въ кладовую за масломъ, мясомъ и морожеными ягодами.

И опять стало въ юртѣ свѣтло и шумно, опять забурлилъ на столѣ самоваръ, и Арканова, красиво сгибая стройную талію, хозяйничала среди чайной посуды.

Но въ голосахъ уже не дрожали бурныя ноты, всѣ сильно устали, разсуждали вяло, отвѣчали коротко и неосновательно; наконецъ, разговоромъ завладѣлъ Черевинъ:

— Попробуемъ, господа, основательно разобраться въ занимающихъ насъ вопросахъ. Такимъ только образомъ мы, разъ на всегда, рѣшимъ наши споры. Другого средства я не вижу. Итакъ, начнемъ съ самаго начала, начнемъ съ перво-причинъ, — разсуждалъ онъ голосомъ ученаго докладчика. — Съ того момента, когда плазма, плавая въ соотвѣтственной средѣ, обнаружила слегка цѣлесообразныя движенія, можно сказать, что народилось на землѣ сознаніе, взошло сѣмя разума. Въ началѣ это была простая способность различать впечатлѣнія, очень элементарная и

очень смутная. Эта способность была разлита по всему тѣлу плазмы. Замѣтьте, господа, по всему тѣлу! Подъ давленіемъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отъ соотвѣтственной или несоотвѣтственной на нихъ реагировки, преуспѣвали въ жизни и размножались особые, болѣе приспособленные и одаренные, гибли неудачники. Такова начальная дифференціація ощущеній и закрѣпленіе ихъ практикой и естественнымъ подборомъ...

Аркановъ съ трудомъ сдерживалъ зѣвоту; Арканова пыталась потихоньку разговориться съ Негорскимъ. Янъ взялъ шапку и попрощался съ присутствующими. Одинъ Мусья прилежно слушалъ и поддакивалъ.

Слушалъ также, казалось, и Воронинъ, но, въ дѣйствительности, онъ мирно спалъ, подперши голову рукою.

— Пріѣзжіе, по всей вѣроятности, устали. Вы, докторъ, завтра намъ окончите вашу любопытную лекцію. Поздно уже! Вѣдь завтра вы опять соберетесь у насъ? — любезно спросилъ Негорскій.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Аркановъ уже открыто зѣвнулъ.

— Хорошая у васъ шуба! – обратился онъ къ Черевину, съ удовольствіемъ осматривая пышную „пыжиковую“ доху доктора.

— И не дорогая—двадцать пять рублей всего! — весело отвѣтилъ тотъ.

— Дѣйствительно, дешево. Нужно будетъ подумать о подобномъ облаченіи, морозы здѣшніе не шутятъ. Полюсъ холода. И выдумало же русское правительство такую трущобу, буквально... свѣту не взвидишь! Гдѣ же это мы сегодня пристроимся, Евгенія Ивановна?

Александровъ повелъ ихъ въ свою каморку, откуда онъ уже убралъ постель и вещи. Аркановы, при помощи Красусскаго, перенесли туда все, что имъ было нужно въ тотъ разъ. Пока Евгенія усталыми руками развѣшивала въ дверяхъ плэдъ, вмѣсто занавѣски, Аркановъ осматривалъ критическимъ взглядомъ чуланчикъ, узкую кровать, узенькій проходъ межъ ней и стѣнкой, затѣмъ взглянулъ съ отвращеніемъ на низкій потолокъ, на закоптѣлыя стѣны, на захватанную карту, повелъ плечами и выбросилъ свою постель обратно въ общую комнату. Жену онъ поцѣловалъ холодно въ лобъ и легъ на землю рядомъ съ Александровымъ.

Въ комнатѣ нѣкоторое время сіялъ слабый свѣтъ подъ покрытымъ золою жаромъ, и, нѣтъ-нѣтъ, сползали съ него темные покровы пепла, открывая рубиновые глаза горящихъ углей. Затихли въ юртѣ голоса и движеніе.

Одинъ Красусскій не могъ заснуть. Тщетно онъ смыкалъ

вѣки, гналъ прочь назойливыя мысли; онѣ все возвращались, безпорядочныя, перемѣшанныя со странными, причудливыми картинами. Горячая, молодая кровь переливалась въ немъ, точно ртуть; сердце усиленно билось. Онъ чувствовалъ, что если-бъ прочелъ одну страницу какой-либо книги, то успокоился бы и уснулъ, но онъ не рѣшался зажечь свѣчку, чтобы не разбудить гостей. Гнетущая безсонница мучила его; онъ вслушивался въ богатырское храпѣніе Александрова, улавливалъ въ сосѣдней комнатѣ ровное, мягкое дыханіе молодой женщины и все переворачивался съ боку на бокъ, точно рыба, пораженная острогой. Поэтому онъ чрезвычайно обрадовался, когда услышалъ въ кухнѣ довольно громкій вздохъ Негорскаго. Онъ всталъ и на пальцахъ отправился къ товарищу.

— Ты, вижу, тоже не спишь? Знаешь что: мы непремѣнно, непремѣнно бѣжимъ! — прошепталъ онъ, садясь на краю кровати.

— Именно и я думалъ объ этомъ. Спрячь ноги подъ одѣяло, а то простудишься!

Красусскій послушался друга и такъ, полулежа рядомъ, они проболтали вплоть до разсвѣта.

IV.

Нѣсколько дней спустя Арканова уходила изъ юрты Александрова въ большомъ волненіи.

— Бѣгутъ, бѣгутъ!..—повторяла она идя по озеру. Она торопилась, такъ какъ мужъ ждалъ ее и, вѣрно, безпокоился ея продолжительнымъ отсутствіемъ. Ночь была довольно свѣтлая; къ несчастію, Арканова, по разсѣянности, не замѣтила хорошо надлежащей тропинки и вдругъ очутилась среди неизвѣстныхъ ей построекъ подозрительной наружности. Внутри ихъ мерцалъ свѣтъ, и дымъ струился изъ низкихъ трубъ; звучали голоса и смѣхъ; Арканова побоялась, однако, войти и спросить дорогу: она опасалась попасть въ игорный домъ или тайный кабакъ, всегда полный казаковъ и поселенцевъ. Она осматривалась кругомъ, силясь угадать, гдѣ находится, какъ вдругъ замѣтила тутъ-же близко, только съ другой стороны, юрту Александрова. Она направилась къ ней прямо черезъ сугробы снѣга и очень удивилась, замѣтивши на красномъ фонѣ одного изъ оконъ темное пятно, которое быстро исчезло при ея приближеніи. Осторожные, крадущіеся шаги убѣжали въ противоположную сторону.

— Подслушиваютъ, шпіонятъ за ними... Можетъ быть, все уже знаютъ!—подумала она.

Запыхавшись, она влетѣла въ юрту.

— За вами слѣдятъ! Кто-то стоялъ только что подъ окномъ. Я его спугнула. Сквозь ледяныя окна прекрасно слышны разговоры...

— И вы вернулись затѣмъ, чтобы насъ предупредить! Спасибо вамъ, но это лишнее. Мы знаемъ, что насъ подслушиваютъ. Мы уже не разъ ловили любопытныхъ. Мы говоримъ громко только то, что хотимъ, чтобы узнали власти. Это для насъ даже удобно. О важныхъ дѣлахъ мы говоримъ только по польски или по нѣмецки...

— А со мной?

— О, тогда никто не подслушивалъ!—увѣрилъ ее Красусскій.

— Впрочемъ, они въ состояніи затруднить побѣгъ, но помѣшать ему не въ силахъ. Во всякомъ случаѣ — спасибо вамъ. Мы поостережемся. Нужно будетъ сухари и сушенное мясо перетащить къ Яну!—добавилъ Александровъ.

Ихъ спокойствіе и увѣренность пріятно подѣйствовали на Арканову. Она разстегнула немного свою шубку.

— Какъ жарко! Прошу васъ, проводите меня кто-нибудь, а то я... заблудилась, въ снѣгъ попала!—проговорила Арканова, смѣясь.

— Вы заблудились? Дѣйствительно, вы запыхались... Знаете: сбросьте шубу и отдохните!

— Нѣтъ, нельзя! Артемій до смерти, вѣрно, встревоженъ. Голова его всегда полна ужасныхъ предположеній и страховъ. Между тѣмъ, самъ еще хуже моего разбирается въ темнотѣ. Недавно онъ у насъ во дворѣ заблудился.

Она опять засмѣялась.

— Такъ кто-же изъ васъ будетъ столь любезенъ?

Красусскій взялъ шапку и надѣлъ тулупъ.

— Легко заблудиться, темно... А главное, туманъ отъ дыханія не даетъ хорошо видѣть!—говорилъ мягко юноша, идя рядомъ съ Аркановой. Въ его движеніяхъ было столько силы и увѣренности, что было ясно—онъ только изъ вѣжливости смягчаетъ смѣшное приключеніе ея мужа.

— Правда, тропинку чуть замѣтно подъ ногами. Мнѣ кажется, что когда я впервые ушла отъ васъ, на небѣ были звѣзды, а теперь исчезли!..

Красусскій внимательно взглянулъ на небо и окрестности. Совершилась одна изъ тѣхъ странныхъ, мѣстныхъ, мгновенныхъ перемѣнъ, когда одно теплое дуновеніе южнаго вѣтерка превращаетъ вдругъ прозрачную, морозную зимнюю ночь въ ночь весеннюю, теплую и мутную.

Юноша повернулъ лицо въ сторону вѣтра и жадно ловилъ отдаленные признаки весенняго перелома.

Весна!.. весна!.. Исчезнутъ снѣга, зазеленѣютъ лѣса, а затѣмъ... двинутся и они на поиски свободы и жизни!

Онъ задумался и не замѣтилъ, что его спутница разъ и другой споткнулась; наконецъ, она сама попросила его помочь ей. Онъ торопливо протянулъ ей руку и умѣрилъ шаги, приноравливая ихъ къ ея движеніямъ. Шли молча нѣкоторое время, а мелкія снѣжинки падали имъ наискось на лица и влажныя губы.

— Когда-же... тронетесь? – спросила Арканова, чуть наклоняясь къ спутнику.

— Какъ пройдетъ ледъ на рѣкѣ и сбудетъ разливъ. Иначе можетъ рѣчка на пути остановить.

— И вы вѣрите... въ успѣхъ?

Красусскій помедлилъ отвѣтомъ.

— Какъ вамъ сказать?.. Скорѣе – нѣтъ! Не думаю. Если бъ у насъ были лошади, если бъ у насъ была хоть одна лошадь?..

— Такъ почему же вы не покупаете? Развѣ здѣсь трудно добыть лошадь?

— Очень даже... особенно когда денегъ нѣтъ! — разсмѣялся онъ.

— Та-акъ?! Какъ это нехорошо, что вы не сказали! Вѣдь этому легко помочь... я попрошу мужа!.. — заговорила она лихорадочно.

— Повѣрьте мнѣ, что я совсѣмъ объ этомъ не думалъ! — быстро вставилъ онъ.

Ему стало крайне неловко. Онъ не зналъ почему, но чувствовалъ, что онъ не можетъ держаться съ ней такъ просто и откровенно, какъ со всякимъ товарищемъ, что онъ охотнѣе пошелъ бы въ тайгу на вѣрную смерть, чѣмъ возбудить въ ней подозрѣніе, что онъ разжалобилъ ее лишь затѣмъ, чтобы выманить деньги.

А она, между тѣмъ, говорила съ горечью:

— И все такъ! Всѣ вы такіе!.. Товарищи, товарищи, а какъ дѣло пойдетъ въ серьезъ, начинаете капризничать. Сознаюсь: виновата и я. Должна была сама догадаться и предложить вамъ, гордецамъ! Вѣдь у васъ, дѣйствительно, такая сквозитъ во всемъ нужда. Меня все это ошеломляетъ. Я думала, что вы скупитесь, сберегая деньги на побѣгъ, что оттого у васъ ничего не хватаетъ. Вы просили только о кройкѣ и шитьѣ нѣсколькихъ предметовъ для путешествія. Я полагала, что у васъ все есть! А, можетъ быть, что и сухарей, и оружія у васъ недостаточно? Богъ мой!.. Отправиться такъ въ глухую пустыню безо всего, на вѣрную гибель!.. Вижу, что ссылка дѣйствительно ужасная

вещь, если такъ безжалостно гонитъ людей на всякіе ужасы... Мы останемся здѣсь и узнаемъ все это!..

Она невольно вздохнула.

— Вы должны, вы обязаны взять у насъ деньги!

Они остановились у воротъ квартиры Аркановыхъ.

— Развѣ вы не войдете? Войдите, прошу васъ! Мужъ очень вамъ будетъ радъ!—просила она, придерживая его за руку.

Красусскій безусловно отказался; онъ былъ золъ на себя, на весь міръ, а главное—на Арканова, который, навѣрно, дастъ деньги...

— Что случилось? Ждалъ тебя, ждалъ, самоваръ остылъ, чай перестоялся, а я умираю съ голоду. Посмотри, вѣдь не дурно!—спрашивалъ жену Аркановъ, помогая ей снимать шубу и указывая внутрь комнаты, гдѣ на застланномъ бѣлой скатертью столикѣ, при свѣтѣ двухъ стеариновыхъ свѣчей, блестѣлъ никелевый самоваръ и хорошенькіе чайные приборы.

— Что?!.. Чѣмъ не Европа? Право, у насъ лучше, чѣмъ даже у Самуила!.. Улыбнись, Женя!.. Похвали меня! Чего ты такъ запыхалась? Разскажи, наконецъ, что случилось!

— Я заблудилась, бродила по сугробамъ, попала въ какіе-то мало извѣстные углы и, благодаря случаю только, разыскала вновь юрту Александрова. Тамъ я попросила провожатаго.

— Кто-же проводилъ тебя?

— Красусскій.

— Аа... помню. Такой фатоватый полячекъ. Почему онъ не зашелъ?

— Не пожелалъ. Не говори дурно о нихъ: они хорошіе, дѣльные люди. Ты и не догадываешься, что они замышляютъ... Ахъ, Артя, у меня такая для тебя новость! Но ты раньше долженъ обѣщать мнѣ, что не посмотришь на удобства своей Жени и дашь имъ возможно больше. Женѣ ничего не сдѣлается, если она немного хуже поѣстъ, или если посидитъ не при стеариновыхъ свѣчахъ, а при сальныхъ. Вѣдь она пріѣхала сюда не ради удобствъ...

Она нѣжно прижала свою голову къ его плечу.

— Да что такое? Скажи, наконецъ! Въ чемъ дѣло?!—спросилъ безпокойно Аркановъ.

— Они бѣгутъ.

— Кто бѣжитъ?.. Когда бѣгутъ?!

Онъ спрашивалъ, но самъ уже догадался, и въ умѣ его молніеносно пронеслось: „хорошо, что мы своевременно ушли отъ нихъ!“ Но этого онъ, конечно, не сказалъ.

Арканова, между тѣмъ, повторила ему разговоръ, проис-

шедшій между нею и товарищами въ юртѣ Александрова, сказала, о чемъ они просили ее, и добавила то, что узнала отъ Красусскаго.

Лицо Арканова дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Безумцы! Я не намѣренъ своими деньгами помогать самоубійцамъ. Не дамъ. Ихъ гибель ляжетъ на моей совѣсти...

— Они и такъ пойдутъ. Пойдутъ безо всего... Ты не знаешь ихъ. Они твои единомышленники, они террористы по крови, по темпераменту, по всему своему складу, родныя тебѣ души. Они точь въ точь, какъ ты, разсуждаютъ... Скажи, развѣ ты не присоединился бы къ нимъ, если бъ былъ одинъ, если бъ у тебя не было... меня?

— Нѣтъ, они не единомышленники мнѣ. Сравненіе ихъ съ моими сотоварищами звучитъ для меня кощунствомъ. Тѣ, къ которымъ я причисляю себя, поступаютъ прежде всего разумно, все соображаютъ, разсчитываютъ. У нихъ есть царь въ головѣ. Они жертвуютъ жизнью за достойныя цѣли. А здѣсь что?.. Развѣ не безуміе, не крайне вредный для всѣхъ пуфъ—этотъ проектъ пройти пѣшкомъ лѣса, о которыхъ ты вѣдь имѣешь понятіе, такъ какъ мы недавно проѣзжали сквозь нихъ.

— Тѣмъ не менѣе, они пойдутъ, пойдутъ!

— Пусть идутъ, дня черезъ три вернутся.

— А если... не вернутся? Господи, я уже теперь вижу ихъ блѣдныхъ, исхудалыхъ, оборванныхъ, умирающихъ съ голоду въ тайгѣ. Если ты имъ откажешь въ помощи, я чувствую, что это видѣніе никогда меня не оставитъ. Если бъ они имѣли хоть... одну... лошадь...

Она закрыла руками лицо.

Аркановъ молчалъ. Этотъ ея жестъ, полный горя и отчаянія, ея прелестный лобъ, покрывшійся морщинами страданія, ея дрожащія губы, сладость которыхъ онъ зналъ такъ хорошо, сильно подѣйствовали на него.

— У насъ есть... всего двѣсти!—глухо сказалъ онъ.

— Только двѣсти?!—переспросила она удивленно.

— Ну, да. Мы много издержали въ пути. Дамъ имъ половину. Не могу вѣдь лишить тебя всякихъ удобствъ. На эти деньги они купятъ лошадь, и даже останется на оружіе.

— Одну лошадь! А если бъ ты имъ отдалъ все? Вѣдь у насъ будетъ казенное пособіе. Другіе живутъ исключительно на него. Намъ пришлютъ, я съ первой почтой напишу матушкѣ.

— Не можемъ остаться совершенно безъ денегъ. У насъ могутъ явиться... дѣти.

Молодая женщина встала. По тону его голоса она догадалась, что дальнѣйшій споръ будетъ тщетенъ.—Онъ при-

влекъ ее къ себѣ, посадилъ на колѣни и принялся доказывать тихимъ голосомъ. Въ сущности, онъ поступаетъ такъ изъ любви къ ней, вопреки своимъ правиламъ. Онъ не долженъ бы помогать этимъ вреднымъ попыткамъ. Революціонеры въ ссылкѣ обязаны прежде всего стремиться къ сохраненію своихъ силъ, своей энергіи и способностей, должны стремиться къ обогащенію ума знаніемъ, къ изученію языковъ и практическихъ наукъ, должны привыкать владѣть оружіемъ, умѣть пробираться и странствовать по лѣсамъ, чтобы со временемъ, когда родина этого потребуетъ, они могли стать во главѣ возставшихъ отрядовъ, какъ опытные предводители. Чтобы, въ случаѣ нужды другого рода, являлись вездѣ умѣлыми, безстрашными, образованными заговорщиками. Такія же предпріятія, которыя затѣваютъ Негорскій съ Александровымъ, ведутъ лишь къ безполезной тратѣ силъ и средствъ. Для чего? Кому это нужно и зачѣмъ? Погибнутъ, волки ихъ съѣдятъ, и ничего больше!

Хотя сердце Евгеніи содрогалось отъ этихъ приговоровъ, но разсужденій мужа она опровергнуть не умѣла, и между супругами произошло примиреніе.

На слѣдующій день Аркановъ пошелъ къ Александрову, положилъ деньги на столъ и сказалъ съ подкупающей простотой:

— Жена передала мнѣ, что вы бѣжите. Я не соглашаюсь съ вами по всѣмъ пунктамъ, но приношу вамъ мою посильную дань.

Онъ уклонился отъ благодарности и не выразилъ ни малѣйшимъ намекомъ желанія узнать подробности предпріятія.

— А мы думали, что онъ—эгоистъ и фразеръ! Какъ легко ошибиться въ людяхъ!..—замѣтилъ послѣ его ухода Негорскій.

Красусскій мрачно отвернулся въ сторону; Александровъ кивнулъ головою и взялъ деньги со стола.

V.

— Итакъ, они купили лошадь!—вздохнулъ исправникъ, положилъ перо и взглянулъ въ окно, откуда мощная струя весенняго солнца врывалась въ канцелярію. Подъ его прикосновеніемъ повеселѣлъ даже скучный присутственный столъ, застланный краснымъ сукномъ, даже докучливо-однообразныя кипы бумагъ, даже обрюзгшіе томы законовъ и счетныхъ книгъ какъ-будто дрогнули и попробовали улыбнуться. Металлическія зерцала съ государственными гер-

бами загорѣлись радужнымъ блескомъ, пуговицы чиновничьихъ мундировъ засверкали точно звѣзды. Только лица склонившихся надъ бумагами людей казались въ этомъ яркомъ освѣщеніи еще болѣе безцвѣтными, землистыми, губы безкровными и морщинистыми, а глаза тусклыми. Со двора доносились мѣрные удары каплющей съ крыши воды; сквозь сползающіе со стеколъ зимніе морозные узоры виднѣлись свѣшивающіяся съ навѣсовъ кровли ледяныя сосульки; сѣрыя птички съ малиновыми хохолками на лбахъ перелетали, чирикая, съ карниза на карнизъ.

— Итакъ, они купили лошадь!.. Вы понимаете, Владиміръ Сергѣичъ, чѣмъ это пахнетъ?! Купили лошадь... Это только начало... Но вы ничего не понимаете, вы, вижу я, ковыряете пальцемъ въ носу!

— Нѣтъ, я просматриваю инструкціи.

— Ну, и что-жъ?

— Въ нихъ ничего не сказано о лошади. Перечислено только, что запрещается врачебная практика, учительство, занятія въ фотографическихъ заведеніяхъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ полиціи.. Нельзя заниматься имъ также въ судебныхъ учрежденіяхъ, быть присяжными повѣренными, аптекарями, фельдшерами, работать въ типографіяхъ, литографіяхъ и проч... Нельзя состоять членами обществъ... держать оружіе, взрывчатыя вещества, яды и т. п... Ничего нѣтъ подходящаго!.. Развѣ, вотъ здѣсь...—добавилъ онъ, останавливаясь на одномъ изъ многочисленныхъ параграфовъ инструкціи: „На полицію возлагается обязанность слѣдить, чтобы политическіе ссыльные не обладали предметами, могущими способствовать имъ въ побѣгѣ или совершеніи преступныхъ замысловъ“...

Помощникъ остановился и взглянулъ вопросительно на „начальство“.

— Какъ-будто!.. Но... вѣдь и сапоги—тоже предметы, способствующіе въ побѣгѣ... Гдѣ предѣлъ? О лошади тамъ, значитъ, ничего не сказано... Если станемъ насильно отнимать, можетъ возникнуть большой скандалъ, за который тоже насъ не похвалятъ, тѣмъ болѣе, если тамъ не сказано прямо: „воспрещаются лошади“... Кажется, что нужно оставить. Много ли одна лошадь на десятерыхъ? Если на ней уѣдетъ одинъ человѣкъ, то мы его легко поймаемъ; а если всѣ, то далеко не уѣдутъ. Пусть балуются! Казака послать на главный трактъ, чтобы караулилъ переѣздъ; окрестнымъ якутамъ приказать ловить немедленно отлучившихся и провожать въ городъ. А двоихъ казаковъ съ завтрашняго дня назначить въ городѣ, чтобы день и ночь не теряли политическихъ изъ виду.

— На казаковъ особенно полагаться нельзя, ваше высокоблагородіе! Сами не разъ убѣдились, что они даже караулы при магазинахъ плохо справляютъ: вмѣсто себя, ставятъ соломенное чучело, одѣтое въ тулупъ съ ружьемъ и папахой!.. Будутъ играть у Таза, а въ отчетахъ плести всякую чепуху!—вмѣшался Денисовъ.

— Можно ли на нихъ положиться, въ этомъ мы скоро убѣдимся. Ксенофонтъ Поликарповичъ! отвѣтилъ значительно исправникъ.

— Лошадь оставимъ, значитъ, въ покоѣ. А вы какъ полагаете, Ѳедотъ Ѳеофановичъ?!

— Что-жъ я?!.. Я тоже такъ думаю. Тѣмъ болѣе, что они не дѣлаютъ никакихъ шаговъ. Только вотъ Красусскій возитъ Арканову...

— Пускай возитъ. Лучше пусть ее возитъ, чѣмъ нашихъ женщинъ. Черезчуръ красивъ, каналья, черезчуръ красивъ! . Только выйдетъ на улицу, всѣ джурджуйскія дѣвушки, женщины, даже старыя бабы тутъ какъ тутъ у оконъ или у дверей. Въ одинъ мѣсяцъ всѣхъ бы перепортилъ! . Ничего бы намъ не оставилъ, Ксенофонтъ Поликарповичъ!.. Вѣрно говорю! Лучше пусть возитъ эту пріѣзжую барыню. Все равно она намъ не достанется... А убѣгутъ... Не убѣгутъ!.. Шутки!.. Сумасшествіе!.. Съ тѣхъ поръ, какъ Джурджуй зовется Джурджуемъ, еще отсюда никто не убѣжалъ. А вѣдь перебывало ихъ здѣсь не мало.

Несмотря на эти доказательства, червь сомнѣнія точилъ исправника. Когда случалось ему сквозь окно увидать Александрова или Негорскаго, ведущихъ лошадь на водопой, лицо его омрачалось, и онъ опять принимался соображать и думать: послать ли ему губернскимъ властямъ рапортъ о томъ, что политическіе купили лошадь, или нѣтъ. Не дѣлая доноса, онъ всю отвѣтственность бралъ на себя, а сдѣлавши, его рисковалъ или быть поднятымъ на смѣхъ, или повліять на уменьшеніе и безъ того недостаточнаго казеннаго пособія ссыльнымъ. Онъ прекрасно къ тому же понималъ, какъ вообще опасно прижимать непріятеля къ стѣнкѣ, непріятеля, съ которымъ, какъ никакъ, приходилось жить тутъ-же бокъ о бокъ. Если бъ онъ зналъ, зачѣмъ они купили лошадь? Ну, тогда другое дѣло!.. Нужно спросить!

Разъ, когда Самуилъ зашелъ за пособіемъ въ полицейское управленіе, начальникъ округа заговорилъ съ нимъ съ невинной улыбкой.

— Зачѣмъ это понадобилась лошадь этимъ господамъ насупротивъ? Развѣ денегъ стало некуда дѣвать?

— Хотятъ пріучить ее къ плугу и весною подымутъ пары. Намѣрены попытать хлѣбъ сѣять.

— Дѣйствительно — идея! — обрадовался исправникъ. — Я готовъ оказать всякое содѣйствіе. Напишу объ этомъ губернатору, сдѣлаю представленіе. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ отецъ Варлаама Варлаамовича тоже пробовалъ сѣять ячмень и чуть не получилъ за это знака отличія. Хлѣбъ хорошо выросъ, колосья даже налились, но не дозрѣли. Мѣстные жители, желая горю помочь, зажгли по угламъ поля костры, да такъ и сожгли на корню хлѣбъ... До сихъ поръ замѣтно за Сорданахомъ квадратное поле съ бороздками, гдѣ сѣялъ этотъ купецъ.

— Плохо выбралъ. Не въ долинахъ сѣять нужно, а на откосахъ. На низахъ влажно, хлѣба нѣжатся и не дозрѣваютъ. Товарищи мои разыскали укромное мѣсто на косогорѣ за рѣкой...—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Самуилъ.

Вскорѣ лошадь исчезла съ глазъ полиціи; ее перевели къ юртѣ Красусскаго на краї города. Обыватели исподволь привыкли къ ея существованію, а начальство забыло о ней.

Хозяева любили и холили животное, словно игрушечку. Не меньше ихъ любила его и Арканова, что служило достаточнымъ поводомъ, чтобы оно возбуждало отвращеніе въ ея мужѣ.

— Что красиваго видишь ты въ этой неуклюжей скотинѣ, толстоногой, махнатой, какъ медвѣдь?

— Напрасно. Она ловкая. У нея красивая головка, и она отлично бѣгаетъ. Знатоки уже давали товарищамъ за нее двойную цѣну. Утверждаютъ, что она украдена гдѣ-нибудь на югѣ, такъ какъ нѣтъ въ окрестностяхъ такихъ красивыхъ лошадей; къ тому же, продавецъ якутъ исчезъ неизвѣстно куда. Полиція тщетно разыскиваетъ его...

— Хорошее дѣло!.. Еще впутаешься въ уголовщину. И откуда ты все это знаешь?

— Знаю. Ты все сидишь дома, читаешь или разсуждаешь съ Черевинымъ о началѣ началъ. Даже на прогулку вытащить тебя невозможно. Знаешь, пойдемъ посмотримъ Сивку. Увидишь, какой онъ умный и ручной. Хлѣбъ у меня изъ рукъ беретъ, точно собака ходитъ за мной. А вѣдь въ первый разъ, когда я приблизилась къ нему, онъ бросался, подымался на дыбы и кричалъ отъ страха и злости, точно поросенокъ... Страшно быстро приручился, не правда-ли?

Повинуясь какому-то неясному инстинкту, Арканова никогда не упоминала фамиліи Красусскаго и не поясняла, что это именно онъ смирилъ лошадь, пріучилъ кушать съ руки сахаръ и хлѣбъ и склонять красивую шею для ласкъ. Животное такъ къ ней привыкло, что, еще завидя издали, начинало ржать и бить нетерпѣливо копытомъ въ землю...

Красусскій, заслыша эти сигналы, бросалъ самую спѣшную работу, выходилъ изъ своей кузницы и смотрѣлъ жадно въ ту сторону, въ которую лошадь протягивала свою голову.

Ежедневно ровно въ полдень ходила Арканова гулять по направленію къ кузницѣ. И по мѣрѣ того, какъ она приближалась, идя по бѣлоснѣжному залитому солнечнымъ блескомъ озеру, и день, и окрестности свѣтлѣли, хорошѣли въ глазахъ Красусскаго. Необычная, непонятная радость охватывала его и исчезала на мгновеніе даже тоска, вѣчно глодавшая его сердце съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ родину.

— Неужели это тоска по женщинѣ?—спрашивалъ онъ себя сурово.

Совѣсть успокаивала его: онъ сознавалъ, что родины онъ не промѣнялъ бы ни на чьи самыя сладкія ласки, но совѣсть дѣлала ему въ тоже время упреки, что онъ питаетъ не дозволенныя чувства къ женѣ товарища... Послѣ нѣкоторой борьбы рѣшилъ онъ не выходить больше на встрѣчу искусительницѣ, вообще избѣгать ее. И вотъ, въ первый же разъ, какъ услыхалъ ржаніе Сивки, голосъ и шаги Евгеніи, ласкавшей и кормившей по обыкновенію лошадь, онъ не вышелъ наружу и продолжалъ жестоко ковать желѣзо, усиливая удары молота сообразно съ усиленнымъ біеніемъ своего юнаго сердца. Арканова, услышавши такой неимовѣрный громъ и звонъ, предположила, что необычный наплывъ работы удержалъ любезнаго кузнеца у наковальни, и, чуть-чуть задѣтая и раздраженная, удалилась, не заглянувъ даже въ кузницу.

— Что это у тебя сегодня такой видъ, какъ-будто ты семь деревень спалилъ, а восьмую собираешься?.. — спросилъ Красусскаго за обѣдомъ Негорскій.

— А чего же мнѣ радоваться?.. Побѣгъ не состоится. Полиція догадывается. Насъ выслѣживаютъ. Два казака постоянно вертятся около кузницы. Вотъ я имъ поломаю кости, пусть только попадутся!..

— Прошу тебя, не дѣлай никакихъ скандаловъ. Въ чемъ тебѣ мѣшаютъ казаки?

— Ни въ чемъ! Но не люблю, когда шляются. Впрочемъ, что они мнѣ сдѣлаютъ? Самое большее - арестуютъ. Это не помѣшаетъ вашему побѣгу. Пойдете безъ меня.

Юноша отвернулъ лицо, чтобы скрыть блеснувшія у него на глазахъ слезы. Александровъ и Негорскій изумленно глядѣли на него. Послѣ обѣда Негорскій вышелъ вслѣдъ за нимъ въ сѣни и попробовалъ придержать за плечо, но Красусскій грубо вырвался у него изъ рукъ.

— Красусскій... Сигизмундъ... А сестра?.. А Польша?.. Смотри, парень, берегись... Не поддавайся!

— Кому? Чему?.. Зачѣмъ?..—отвѣтилъ высокомѣрно Красусскій и повелъ плечами. Дѣланная улыбка перекосила его губы.

— Вотъ какъ!.. Дѣло, вижу, хуже, чѣмъ я думалъ!..—шепнулъ Негорскій. Онъ не смѣлъ удерживать больше товарища, который рѣзко повернулся и ушелъ.

Негорскій долго глядѣлъ ему вслѣдъ.

— Ахъ, эти бабы!—проговорилъ онъ громко, съ неудовольствіемъ, садясь вновь за столъ и принимаясь за недоконченный стаканъ чаю. Александровъ помалкивалъ и старательно вытряхивалъ золу изъ трубочки.

— Берегись!.. Кого мнѣ беречься?—размышлялъ Красусскій. — Призываетъ на помощь мою сестру!.. Какъ-будто я могу... какъ-будто мыслимо... Вѣдь она жена товарища... Къ тому же, русская! Впрочемъ, я... она мнѣ ни чуть не нравится! Она некрасива. Носъ у нея неправильный, неловкія движенія, черезчуръ буйные волосы, черезчуръ румяныя губы... Она старше меня... А главное — страшно горда и самоувѣренна. Ей даже въ голову не пришло, что у меня нѣтъ времени, или что я не замѣтилъ ее. Она обидѣлась за то, что я не вышелъ къ ней!.. Не заглянула ко мнѣ даже въ кузницу!.. Хорошо, очень хорошо! Посмотримъ!..

Когда вечеромъ онъ замѣтилъ вдали Евгенію, идущую подъ руку съ мужемъ къ дому Черевина, рѣшимость его окончательно окрѣпла.

Работалъ онъ усиленно, но работа не спорилась; часто, обозленный, онъ бросалъ молотокъ на землю и погружался въ мрачное раздумье. Мусья, которому пришлось заглянуть въ кузницу въ одинъ изъ такихъ моментовъ, выскочилъ оттуда, какъ ошпаренный.

— Совсѣмъ дитю! Не знаю, чего хотятъ отъ меня? А говорятъ, что они суть идеалистъ... и демократъ...—бормоталъ несчастный французъ, убѣгая.

Красусскій тайкомъ вздыхалъ, но долго не могъ уснуть и усиленно размышлялъ, но никакъ не въ состояніи былъ составить ни одной жалкой фразы, на подобіе тѣхъ, которыя читалъ въ романахъ. Это еще больше утвердило его въ мысли, что любовь ему не страшна, что онъ ничуть не влюбленъ. Придя къ такому заключенію, онъ уснулъ, спокойный и равнодушный. Но когда по утру проснулся, и весенній солнечный свѣтъ заглянулъ ему въ глаза, тоска опять охватила его. Онъ неохотно принялся за работу.

Между тѣмъ, джурджуйскіе обыватели зашевелились. Теплое дыханіе быстро приближающейся весны, казалось,

вывело и ихъ изъ зимней спячки. Они вытащили изъ амбаровъ свои древнія, разнообразной формы кремневки, ружья солдатскія и не солдатскія, современныя двустволки и мушкеты прошлаго столѣтія и все это потащили къ Красусскому въ кузницу, требуя въ лестныхъ для его мастерства выраженіяхъ быстрой передѣлки всего этого хлама въ лучшій сортъ дальнобойного оружія.

— Ужъ если вы возьметесь, ужъ если вы обѣщаете, такъ мы останемся довольны и повѣримъ безъ сумлѣнія!.. Какое можетъ быть сумлѣніе?! У васъ, извѣстно, золотыя руки. Мы не совсѣмъ уже дикіе и кой-что понимаемъ. Вы только постарайтесь, а мы честью, того, отблагодаримъ!.. И здѣсь, въ Джурджуѣ, тоже люди живутъ... Вы не сумлѣвайтесь!.. Мы тоже знаемъ обращеніе, вознаградимъ труды ваши по заслугамъ!.. — говорили кліенты Красусскаго политично и витіевато.

Но если онъ чье-либо ружье не принималъ за негодностью, собственникъ обижался и злословилъ по всему городу. Цѣлый день съ утра продолжалась толчея. Красусскій слышалъ не разъ сквозь раскрытыя двери кузницы, какъ его гости, встрѣтившись, обмѣнивались краткими замѣчаніями:

— Что? Взялъ?!

— Нѣтъ. Сказываетъ, никуда не годится. Гордецъ! у сосѣда-то взялъ, а у меня не хочетъ. Насказали, вѣрно, ему про меня, насплетничали!

— Зайду показать свою винтовку. Ружье важнѣющее, только курокъ сломался.

Входилъ новый заказчикъ и, снявши у порога шапку, начиналъ:

— Здравствуйте! Ужъ вы только постарайтесь, порадѣйте, а мы не оставимъ васъ безъ благодарности...

Чѣмъ ближе подходилъ полдень, тѣмъ суровѣе разговаривалъ съ заказчиками Красусскій. Шаги на тропинкѣ повергали его въ лихорадку, онъ часто не зналъ, что отвѣчаетъ, и съ трудомъ удерживался, чтобы не оставить гостя и не выскочить по старому на дворъ. Вскорѣ обнаруживалась, впрочемъ, ошибка, и вновь принесенное ружье удостоивалось такого недружелюбного взгляда, что его собственникъ просто терялся.

— Что такое?

— Ничего!.. Курочекъ... маленько не въ то мѣсто попадаетъ!..

— Поставьте тамъ, въ ряду...

— А скоро-ли?.. Можно узнать?!

— Не знаю. Посмотрите, сколько набралось. Всегда такъ, всѣ сразу... Не могу-же разорваться!..

— А по снисхожденію своему ко мнѣ...

— Почему же къ вамъ? Сдѣлаю, когда придетъ очередь.

Промышленникъ съ ужасомъ взглядывалъ на настоящую оружейную кладовую, образовавшуюся подъ стѣнкой мастерской, и, теребя шапку, все ждалъ болѣе ласковаго отвѣта отъ строгаго „мастера"; но такъ какъ Красусскій продолжалъ молча работать, мрачно склонившись къ тискамъ, то несчастный кланялся неловко и уходилъ въ смущеніи.

Починка оружія, какъ искусство исключительно знакомое въ Джурджуѣ Красусскому, доставляло ему большіе барыши, тѣмъ болѣе, что въ Джурджуѣ считалось признакомъ „хорошаго тона" хвастаться работой политическихъ ссыльныхъ. Даже Варлаамъ Варлаамовичъ, который, по словамъ исправника, боялся заряженнаго ружья хуже медвѣдя и ни разу въ жизни не выстрѣлилъ, обязательно въ началѣ весенняго сезона присылалъ Красусскому для осмотра и вывѣрки свою заржавленную двустволку.

Работы набралось за этотъ ведреный день въ мастерской пропасть, но Евгенія не явилась.

На слѣдующій день погода перемѣнилась, стало облачно, подулъ сѣверный вѣтеръ и порошилъ мелкій снѣжокъ. Красусскій дверей кузницы не притворялъ, хотя моментами холодный вѣтеръ залеталъ къ самому станку. Онъ боялся, что Евгенія придетъ, а онъ ея не замѣтитъ. Вчерашнее ея отсутствіе онъ объяснялъ теперь необычнымъ приливомъ заказчиковъ, которые могли испугать ее своей мало привлекательной наружностью и попутнымъ посѣщеніемъ кабака. Сегодня за то никого не было, такъ какъ ничтожная перемѣна погоды уже дѣйствовала угнетающе на неустойчивое настроеніе джурджуйскихъ охотниковъ, и они воздерживались отъ всякихъ заказовъ, какъ-будто весна и не думала приближаться. Они вдругъ забывали о гусяхъ и уткахъ, объ охотѣ и своихъ ружьяхъ и, точно зимою, грѣлись у пылающихъ очаговъ, играя въ карты и калякая.

Наплывъ работы не позволилъ Красускому предаваться особенному отчаянію; быстро промелькнуло утро, незамѣтно наступилъ полдень, и вдругъ въ отверстіе дверей мелькнула тѣнь. Юноша взглянулъ, и вся кровь сразу прихлынула ему къ сердцу: у порога стояла Евгенія, осыпанная съ головы до ногъ алмазной снѣговой пылью, и съ улыбкой смотрѣла на него.

— Доброе утро! Какая пропасть оружья! Я уже видѣла вашъ арсеналъ, я заглядывала къ вамъ, но вамъ было некогда... Простите мое любопытство... Но я была немного встревожена... Вчера люди валили сюда толпою... Что это означаетъ?! Вѣдь вотъ сегодня ихъ нѣтъ!.. Не больны-ли

вы?.. Что это вы такъ блѣдны!..—проговорила она тревожно: переступая порогъ. Но вдругъ умолкла и потупилась, взглядъ Красусскаго и дрожащіе его губы сказали ей все... Открытіе поразило ее, точно молнія... Она не двигалась; не двигался и Красусскій, за то имъ казалось, что земля подъ ними колеблется. Наконецъ, Арканова прошептала что-то невнятное и вышла. Красусскому вдругъ почудилось, что между нимъ и ею опустилась навсегда черная непроницаемая завѣса. Тихая печаль, — сѣрая, холодная — какъ этотъ зимній, пасмурный день, охватила его и обезсилила сразу.

Того-же дня надъ нимъ стряслось еще приключеніе, которое при другихъ условіяхъ взволновало бы его гораздо больше, чѣмъ стоило; теперь же ему было все равно.

Чтобы не терять времени утромъ на лишніе переходы, Красусскій уже недѣлю тому назадъ перебрался ночевать въ мастерскую, гдѣ въ маленькомъ чуланчикѣ устроилъ себѣ постель. Онъ, какъ разъ, окончилъ работу, поставилъ на огонь чайникъ и присѣлъ въ своей каморкѣ на кровать, грустный и усталый; въ головѣ у него, какъ дятелъ, все постукивала одна мысль, одна мечта: бѣжать, бѣжать, бѣжать... бѣжать, во что бы ни стало! Онъ при свѣтѣ огарка просматривалъ свои замѣтки, карты, маршруты, соображалъ и сопоставлялъ разныя мелочи, лишь бы занять чѣмъ-нибудь тревожныя свои мысли. Вдругъ двери широко разскрылись, затѣмъ крѣпко захлопнулись, такъ что со стѣнъ юрты посыпалась земля.

— Осторожно! Кто тамъ!! — воскликнулъ раздраженно Красусскій.

Никто не отвѣтилъ; въ то же время звякнулъ дверной крючекъ, и зашуршало женское платье. Юноша вскочилъ взволнованный и съ высоко поднятой свѣчой вышелъ изъ чулана.

— Кто тамъ?

— Тише, ради Бога!.. Спасите... Мужъ!..

Платокъ упалъ съ головы гостьи, и Красусскій узналъ жену учителя.

— Вы?.. Что случилось?.. Вы вся въ снѣгу?.. Мужа вашего здѣсь нѣтъ... Развѣ кто-нибудь обидѣлъ васъ? Не исправникъ ли? Я давно догадывался...

— О да, исправникъ! Онъ давно былъ золъ на Денисова, что тотъ перешелъ въ партію помощника. Онъ все выслѣживалъ меня, и теперь... выдалъ. Мужъ застигъ меня у него... Я едва успѣла выскочить по черному ходу... Господи!.. Слышите—это онъ!

На дверь посыпались крѣпкіе удары.

— Пожалѣйте!.. Ради Христа!.. Не выдавайте!.. Онъ пьянъ...

Онъ убьетъ меня!.. Онъ ужасенъ!.. Я сдѣлаю для васъ все, что только пожелаете... все...—шептала женщина, блѣдная, какъ полотно.

— Вы спрячьтесь туда!

Онъ указалъ ей на чуланъ и заперъ за ней дверь, когда она туда вошла, а затѣмъ, не торопясь, подошелъ къ входнымъ дверямъ, въ которыя продолжали сыпаться яростные удары.

— Кто тамъ?! Перестаньте!

— Отпирай, а то домъ разнесу. Жена моя... моя жена здѣсь!.. Я ее видѣлъ... Отпирай, подлый варнакъ... воръ... Чего прячешься?!

Красусскій узналъ голосъ учителя...

— Довольно! Прежде всего попридержите языкъ!.. — Онъ поставилъ свѣчу на наковальню и быстро отбросилъ крючекъ. Крѣпко дернутыя двери широко раскрылись. На порогѣ появился учитель въ засыпанномъ снѣгомъ, помятомъ платьѣ.

— Такъ вотъ какъ! Вотъ какой ты благородный проповѣдникъ!.. Гдѣ она?.. Отдай!.. Обоихъ васъ я вотъ здѣсь... по закону... сейчасъ!..

Онъ обвелъ пьянымъ взглядомъ избу, предметы, отыскивая, видимо, какое-либо орудіе.

— Поликарпъ Селивестровичъ! Вы пьяны,—проговорилъ, сдерживаясь, Красусскій.—Совѣтую вамъ вернуться немедленно домой. Тамъ, вѣрно, вы и найдете свою жену.

— Не пойду!.. Ни за что не уйду... пока не осмотрю всего... Не на такого напалъ!.. Шалишь!..

— Вы тутъ никакихъ обысковъ не станете дѣлать.. Вы все это выбейте себѣ изъ головы. Пойдемте домой, пойдемте, я васъ усердно объ этомъ прошу...

— Какъ такъ не сдѣлаю обыска? Здѣсь моя жена!.. Я съ тобой вотъ какъ поступлю: начерчу углемъ кругъ, схвачу и посажу въ середину, по поясъ въ землю вобью!.. Такъ-то!..

Пьяница подвинулся угрожающе впередъ, но Красусскій въ ту же минуту схватилъ его за талію и послѣ короткаго сопротивленія выбросилъ на дворъ. Затѣмъ заложилъ крючекъ, наскоро надѣлъ шубу и шапку. Учительша что-то ему шептала, но онъ не слушалъ и не отвѣчалъ. Онъ разобралъ только слова „по гробъ доски“ и слезливыя жалобы.

Со двора, между тѣмъ, доносились упреки и стоны выброшеннаго учителя.

— Кормилъ я тебя, поилъ, какъ друга... И любилъ ее одну... И вотъ, выбросили меня за двери... Охъ, горе мое!

Красусскій, выйдя, замѣтилъ, что учитель сидитъ на снѣгу

съ полѣномъ въ рукѣ и жалобно покачивается взадъ и впередъ, точно молящійся еврей.

— Кормилъ я, поилъ его, какъ друга...

— Встаньте и пойдемъ!.. Вы отморозите себѣ члены!..

— Куда пойду, если она измѣнила мнѣ?!. Казаки сказали, что къ Денисову, но я хорошо видѣлъ, что сюда!..

— Увѣряю васъ, что жену застанемъ дома.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не тронусь отсюда... Я просижу здѣсь до... свѣтопреставленія. Ну, скажите, дайте мнѣ руку и честное слово благороднаго человѣка, что вы не любили её...

— Даю вамъ честное слово благороднаго человѣка, что не любилъ ее!..—отвѣтилъ совершенно серьезно Красусскій.— Пойдемъ! Надѣньте шапку и рукавицы, стряхните снѣгъ... Изъ чего вы заключили, что я ухаживаю за вашей женой? Развѣ я часто хожу къ вамъ? Развѣ вы что-нибудь замѣтили?

— А зачѣмъ вы раньше ходили и все разспрашивали про горы? Знаемъ мы ваши горы... Зачѣмъ вамъ горы?.. Не проведешь, не надуешь... Шутки!..—Учитель опять сталъ волноваться и даже пробовалъ вырвать у Красусскаго руку, за которую тотъ его велъ.

— Я видѣлъ, что она тебѣ нравилась... — началъ онъ опять жалобно, когда попытка вырваться не удалась. — Здѣсь всѣ такъ: чѣмъ больше обманываютъ, тѣмъ меньше ходятъ. Знаемъ мы все это... насквозь видимъ другъ дружку. А она за это... даетъ мнѣ много водки!.. Даетъ, сколько хочу!..

Онъ вдругъ ослабѣлъ, сталъ сильно пошатываться, и много прошло времени, пока они добрались, наконецъ, до школы. Тамъ, къ удивленію и безпредѣльной радости учителя, нашли улыбающуюся и прилично одѣтую жену его.

— Ахъ ты, противный, безстыжій пьяница, гдѣ ты пропадалъ? Я людей уже за тобою послала разыскивать... Мокрый, грязный... Гдѣ ты шлялся? Несчастіе мое, горе съ нимъ! Напьется, померещится что-нибудь — и бѣжитъ ни съ того ни съ сего!.. Ревнуетъ, подозрѣваетъ... Всякую женщину тогда принимаетъ за меня... Ищи его, разъѣзжай, какъ малаго ребенка, а онъ въ благодарность за волосы меня деретъ, за косу хватаетъ! Увѣряю васъ!.. Хотите, покажу вамъ цѣлую прядь, вырванную у меня этимъ извергомъ прошлый разъ... я ее храню на память!

— Не вѣрьте ей, они сами вылѣзаютъ!.. — защищался стыдливо учитель.

Красусскій хотѣлъ уйти, но и мужъ, и жена удерживали его.

— Умоляю васъ, еще останьтесь,—шептала она.—Изступленіе скоро вернется. Тогда кого-же позову я? Увѣряю

васъ, что я ни у кого не была, что онъ все вретъ... Я отправилась только къ вамъ, какъ къ... другу, за помощью... Сама не помню, что въ испугѣ говорила вамъ... Онъ грозилъ, что убьетъ меня... Я со страху съ ума сошла!..

Безстыдная наглость этой женщины поразила юношу, и въ то же время его охватывало чувство глубокаго стыда и гадливости. Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ думалъ объ этой веселой и пригожей женщинѣ. Теперь онъ понялъ, что разъ навсегда утратилъ способность къ „такимъ" похожденіямъ, что остатокъ „пещерной", по выраженію Негорскаго, неискренности и лжи исчезъ изъ его души, той лжи, которую оправдывали даже лучшіе изъ извѣстныхъ ему мужчинъ.

Нѣтъ, онъ никогда не сойдется съ женщиной, которую не полюбитъ всей душой! И никогда ни въ чемъ не солжетъ онъ любимой женщинѣ!..

В. Сѣрошевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ М. Л Михайлова.

II.

Судъ въ сенатѣ.

Я не сидѣлъ, кажется, еще и пяти дней въ крѣпости, какъ плацъ-адъютантъ, войдя ко мнѣ поутру, вскорѣ послѣ чая, сообщилъ мнѣ, что меня требуютъ въ сенатъ. Я одѣлся въ свое платье, и въ мой номеръ вскорѣ пришелъ, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ плацъ-адъютантомъ, плацъ-адъютантъ городской. П—въ. Мнѣ подали было обѣдъ (это было ужъ часовъ около двѣнадцати), чтобы я поѣхалъ не на тощій желудокъ, но я предпочелъ пообѣдать потомъ, по возвращеніи, и велѣлъ пока все убрать. Мы вышли изъ куртины и прошли къ дому, гдѣ помѣщается—если не ошибаюсь—крѣпостной плацъ-маіоръ. Противъ подъѣзда этого дома стояла извозчичья четверомѣстная карета. Я думалъ сначала, что мы поѣдемъ только вдвоемъ; но П—въ сказалъ мнѣ, что будутъ еще два провожатыхъ «архангела». Съ подъѣзда, дѣйствительно, сошли два жандарма. Они молча помѣстились въ каретѣ насупротивъ насъ, задернули тафтяныя занавѣски на окнахъ двери, и мы поѣхали.

Мостъ былъ еще не разведенъ, и дорога шла по Дворцовой набережной; тутъ, отодвинувъ немного занавѣску съ своей стороны, я замѣтилъ огромный съѣздъ у Государственнаго Совѣта. Но вотъ мы проѣхали и площадь, въѣхали подъ арку сената, и тутъ повернули въ первыя ворота направо. И передъ воротами, и во дворѣ была толпа народу, такъ что карета едва подвигалась. П—въ не зналъ, кажется, гдѣ остановиться, и мы проѣхали почти въ глубь двора, гдѣ стояло порядочное количество экипажей. П—въ вышелъ изъ кареты и побѣжалъ справиться. Въ это время два три кучера, привезшіе, должно быть сенаторовъ, указывали на меня въ отворенную дверь кареты и, вѣроятно, острили надо мной, потому что разражались самымъ веселымъ хохотомъ. Жандармскому унтеръ-офицеру это не понравилось, кажется, и онъ притворилъ дверь.

Намъ пришлось вернуться къ подъѣзду у самыхъ воротъ, опять въ толпу, которую я никакъ не приписывалъ своему пріѣзду. Я

предполагалъ, что, по обилію дѣлъ въ сенатѣ, здѣсь всегда такая толпа.

Жандармы вышли изъ кареты первые, выхватили изъ ноженъ свои палаши и стали по бокамъ выхода изъ кареты. Я пошелъ съ ними по сторонамъ и съ П—вымъ по лѣстницѣ, тоже переполненной народомъ.

Секретарская комната передъ присутствіемъ V департамента (гдѣ я долженъ былъ подождать) очень не велика. Тутъ первое лицо, обратившее на себя мое вниманіе, былъ священникъ, сидѣвшій въ уголкѣ и державшій завернутые въ епитрахиль крестъ и евангеліе. Я сѣлъ поближе къ столу секретаря. Въ комнату навѣдывались разные господа, и сенаторы въ мундирахъ, и чиновники помельче. Оберъ-секретарь Кузнецовъ съ толстымъ, корявымъ и тупымъ лицомъ, затянутый въ мундиръ, выходилъ отъ времени до времени изъ присутствія и справлялся, кажется, готовы ли вопросные для меня пункты. Мнѣ пришлось, впрочемъ, ждать очень не долго, не болѣе четверти часа.

Кузнецовъ опять вышелъ и, какъ-то минуя меня своимъ тупымъ взглядомъ, сказалъ:

— Пожалуйте.

Я вошелъ.

За длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и украшеннымъ зерцаломъ, сидѣло пять сенаторовъ въ своихъ позлащенныхъ одеждахъ. По неподвижной важности лицъ и позъ они показались мнѣ очень похожими на позолоченныхъ бурхановъ.

Особенно выдавались изъ нихъ двое: Карніолинъ-Пинскій, своею умною, но злобно-хитрою физіономіей, съ длинными, безпорядочно торчавшими на головѣ волосами, да еще Бутурлинъ, но этотъ, напротивъ, обличалъ лицомъ своимъ тупость и что-то закоснѣло солдатское; у него была крашеная голова, и крашеные усы на одутловатомъ дрябломъ лицѣ, глаза смотрѣли довольно свирѣпо. Низенькій старичекъ Карнѣевъ имѣлъ видъ крайне добродушный—вотъ и все, что можно сказать про него. Венцель обратилъ на себя мое вниманіе особенно неподвижною и прямою посадкой; онъ сидѣлъ на своемъ креслѣ, будто верхомъ на лошади передъ фронтомъ, и, вытянувъ длинную и тонкую свою шею, глядѣлъ на меня совсѣмъ безсмысленно своими сѣрыми глазами. Предсѣдатель Митусовъ былъ лицо не вполнѣ для меня незнакомое: я видѣлъ его на свадьбѣ доктора М., у котораго онъ былъ посаженымъ отцомъ. Про его наружность сказать совсѣмъ ужъ нечего—чиновникъ, какъ чиновникъ. За отдѣльнымъ столомъ, у окна сидѣлъ оберъ-прокуроръ (фамилію его я слышалъ, но не помню), самое антипатичное для меня по наружности лицо, даже антипатичнѣе противной рожи оберъ-секретаря Кузнецова, хоть и гораздо красивѣе. Таково было общее впечатлѣніе его на меня, но я не могу теперь припомнить, даже какого характера было у него

лицо. Изъ судей моихъ, восѣдавшихъ за краснымъ сукномъ, двое были въ военныхъ мундирахъ, именно Бутурлинъ и Венцель, остальные въ гражданскихъ.

Не мѣшаетъ кстати упомянуть, что одинъ изъ моихъ судей и, какъ мнѣ говорили, самый злостный, былъ мнѣ извѣстенъ по разсказамъ отца. Это былъ именно Карніолинъ-Пинскій. Онъ началъ свою карьеру скромно—учителемъ гимназіи въ Симбирскѣ. Отецъ мой служилъ уже тогда, но, недовольный своимъ жалкимъ образованіемъ, пригласилъ кой-кого изъ своихъ сослуживцевъ просить Карніолина-Пинскаго читать имъ лекціи [illegible] гимназистовъ. Тотъ согласился, и отецъ — помню — всегда вспоминалъ о немъ съ какимъ то благоговѣніемъ. Онъ приписывалъ ему пробужденіе въ себѣ серьезной мысли, любознательности и здравыхъ понятій о значеніи образованія.

Оберъ-секретарь указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ былъ встать передъ судьями, въ концѣ краснаго стола, и самъ помѣстился около меня, тоже стоя въ полъ-оборота ко мнѣ. У него были въ рукахъ бумаги.

Не помню, объявилъ ли мнѣ сначала на словахъ Митусовъ съ другого конца стола, что я преданъ по высочайшему повелѣнію суду, или прямо обратился къ оберъ-секретарю съ приказаніемъ прочесть мнѣ отношеніе шефа жандармовъ, заключавшее въ себѣ это повелѣніе.

Оберъ-секретарь началъ читать громко и внятно. Едва ли къ кому шла въ такой мѣрѣ, какъ къ нему, знаменитая характеристика Фамусова: «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». Главное—съ чувствомъ читалъ. При словахъ «государь Императоръ» или «высочайше повелѣть соизволилъ» онъ принималъ торжественно-благоговѣйный тонъ; произнося слова «государственное преступленіе», онъ упиралъ на нихъ съ какимъ-то трагическимъ паѳосомъ.

Слова о государѣ императорѣ и о высочайшемъ его величества повелѣніи произвели на судей *моихъ* (совершенно для меня неожиданное) внезапное дѣйствіе. Точно всѣхъ ихъ жигнулъ кто-нибудь прутомъ сзади. Они вдругъ вскочили со своихъ мѣстъ, какъ вскакиваютъ лакеи въ передней, когда проходитъ баринъ, и выслушали оное повелѣніе, стоя благоговѣйно на вытяжку. Я едва удержался отъ улыбки. Трудно представить себѣ весь комизмъ этого вскакиванья, которое пришлось мнѣ видѣть два раза. У большей ихъ части ноги, видно, были ужъ не тверды въ колѣняхъ отъ старости, и чтобы разомъ подняться съ креселъ, нужно было руками упереться въ столъ. Особенно смѣшонъ былъ Бутурлинъ, у котораго ноги какъ-то разъѣзжались при этомъ, словно всѣ пружины ослабли. Послѣ той бурханской важности, съ которой они сидѣли на своихъ мѣстахъ, такой пассажъ былъ мнѣ совершеннымъ сюрпризомъ.

Прочиталъ оберъ-секретарь, и они опять усѣлись.

Предсѣдатель показалъ мнѣ тутъ мое показаніе, препровожденное изъ Тайной Канцеляріи вмѣстѣ съ экземпляромъ листка «*Къ молодому поколѣнію*», и спросилъ меня. признаю ли я это показаніе.

Я отвѣчалъ:

— Признаю.

— Прочтите!—обратился онъ къ оберъ-секретарю.

И опять началось то же *чувствительное* чтеніе.

Когда онъ кончилъ, Митусовъ сказалъ мнѣ:

— Мы имѣемъ дать вамъ нѣсколько вопросныхъ пунктовъ; но предварительно священникъ сдѣлаетъ вамъ духовное увѣщаніе.—Пригласите его сюда,—прибавилъ онъ, обращаясь къ оберъ-секретарю.

Оберъ-секретарь направился къ дверямъ комнаты, куда я былъ предварительно введенъ; но этого онъ могъ бы и не дѣлать. Оттуда въ полуотворенную дверь любопытно глядѣли къ намъ головы чиновниковъ, и попу, вѣрно, тотчасъ же передали, что часъ его приспѣлъ.

Онъ вступилъ въ комнату суда во всеоружіи своемъ, въ епитрахили и съ воздѣтыми руками - въ одной евангеліе, въ другой крестъ.

Остановившись передо мною на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до этого оберъ-секретарь, попъ началъ жиденькимъ голоскомъ читать заученную, вѣроятно, заранѣе рѣчь о важности присяги и ея нарушеніи, о необходимости раскрыть преступленіе во всѣхъ его подробностяхъ, о неукрываніи никого изъ сообщниковъ (на это онъ особенно напиралъ), потомъ сталъ разсказывать безсвязно, дико и при томъ ни къ селу ни къ городу какую-то притчу изъ евангелія о рыбаряхъ и мрежахъ, рѣшительно мнѣ неизвѣстную.

Видя, что попъ ужъ слишкомъ заранортовался и началъ говорить совсѣмъ дичь, Митусовъ нѣсколько разъ говорилъ ему: «Довольно, батюшка, довольно», но онъ никакъ не хотѣлъ отстать, не кончивъ своей исторіи и не примазавъ къ ней какой-то морали, вѣроятно, изъ начатковъ христіанскаго благочестія протоіерея Кочетова. Я имѣлъ время въ подробности разсмотрѣть безобразную живопись на крестѣ и на евангеліи, пока попъ разглагольствовалъ. Изъ опасенія разсмѣяться, я лишь изрѣдка взглядывалъ въ глупое, золотушное лицо проповѣдника. Онъ былъ еще молодой человѣкъ.

Наконецъ-то, онъ отсталъ и ушелъ, а оберъ-секретарь вооружился тетрадкой вопросныхъ пунктовъ.

Судъ выразилъ свою снисходительность ко мнѣ тѣмъ, что оберъ-секретарь прочелъ мнѣ сразу, одинъ за другимъ, вопросные пункты. Потомъ сталъ онъ читать каждый пунктъ отдѣльно, и на каждый пунктъ я сначала отвѣчалъ словесно, а потомъ отходилъ съ оберъ секретаремъ къ стоявшему въ сторонѣ большому письменному столу, садился тамъ и давалъ письменно отвѣтъ, данный

передъ тѣмъ на словахъ. Ни одинъ изъ судей не спрашивалъ меня ни полсловомъ о чемъ-нибудь, не находившемся въ вопросныхъ пунктахъ. Они выслушивали мои отвѣты въ мертвомъ молчаніи и только глядѣли на меня.

О содержаніи вопросныхъ пунктовъ не стоитъ и говорить. Они ничего не прибавляли къ показанію моему, и ихъ, пожалуй, можно бы было и вовсе не предлагать мнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ ни смутить меня, ни застать врасплохъ. Я слишкомъ хорошо все обдумалъ.

Во второй допросъ, когда оберъ-секретарю сказалъ предсѣдатель, чтобы онъ точно такъ же, какъ и въ первый, прочелъ мнѣ сначала всѣ вопросы сряду, я отказался отъ этой снисходительности, сказавши:

— Зачѣмъ это? Читайте одинъ вопросъ, я отвѣчу, потомъ другой, и т. д.

На лицахъ судей показалось удивленіе, и Венцель, переглянувшись со всѣми, особенно внимательно устремилъ на меня глаза.

Во второй и въ третій допросы, такіе же пустые по содержанію, какъ и первый, не всѣ сенаторы, однако-жъ, хранили прежнее суровое молчаніе. Они, должно быть, увидали, что я вовсе не буянъ, и что со мною можно говорить. Впрочемъ, это не былъ дѣйствительно разговоръ, а такъ какіе-то не идущіе вовсе къ дѣлу вопросы. Съ ними обращались ко мнѣ только двое: Карніолинъ-Пинскій и Митусовъ. Первый спросилъ, напримѣръ, почему то, говорю ли я по-англійски. И еще два-три вопроса были такого же рода, ни важнѣе, ни интереснѣе.

Только въ послѣдній допросъ Митусовъ рѣшился на вопросъ, повидимому, болѣе серьезный. По поводу двухъ прокламацій, найденныхъ у Костомарова, онъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— А вы не ходили въ казармы къ солдатамъ и словесно не возбуждали ихъ къ неповиновенію?

— Нѣтъ.

— И крестьянъ тоже не собирали, не ѣздили по деревнямъ, чтобы подстрекать ихъ?

— Нѣтъ.

Я теперь не могу уже припомнить, въ какіе именно дни были три допроса мнѣ въ сенатѣ. Знаю только, что между первымъ и вторымъ былъ очень краткій промежутокъ, а третьяго допроса я ждалъ что-то очень долго.

Во второй разъ такая же толпа была на лѣстницахъ.

Въ третій разъ приняли, видно, мѣры, и обратно провели меня какими-то задними ходами. Сенатскіе чиновники за то проявляли страшное любопытство, и собирались сотнями на моей дорогѣ, или глядѣли, толпясь въ дверяхъ, когда меня привозили или увозили.

Два мѣсяца, проведенные мною въ крѣпости, слились у меня

въ памяти въ однообразный рядъ длинныхъ и скучныхъ дней, и только ярко свѣтится въ этихъ тюремныхъ потемкахъ нѣсколько отрадныхъ минутъ, о которыхъ я пока не въ правѣ говорить.

Въ сенатъ сопровождалъ меня все тотъ же П. Изъ жандармовъ унтеръ-офицеръ былъ всегда тотъ же Ефимьевъ, выражавшій желаніе проводить меня и до Тобольска. Другой жандармъ мѣнялся.

Кажется, послѣ третьяго допроса, которымъ, собственно говоря, кончался мой судъ, перевели меня изъ невской куртины въ главную гауптвахту, о чемъ я скажу потомъ. Но до него—если не ошибаюсь—я былъ призванъ къ коменданту, который подалъ мнѣ бумагу и просилъ сѣсть къ столу, чтобы отвѣтить на нее.

Это были еще вопросные пункты отъ слѣдственной коммиссіи, съ которою я познакомился въ зданіи Первой адмиралтейской части. Тутъ я какъ нельзя лучше понялъ, что я могъ ожидать отъ Костомарова, если-бъ онъ былъ призванъ со мною вмѣстѣ къ суду и ему были предложены вопросы относительно моего дѣла. Каждый изъ вопросовъ, бывшихъ теперь у меня въ рукахъ, начинался словами: «Корнетъ Всеволодъ Костомаровъ показываетъ, что...» или «Корнетъ Всеволодъ Костомаровъ на очной ставкѣ показалъ», и проч. Читая эти вопросы, можно было только одному удивляться, для чего было говорить о томъ, чего никто не зналъ, кромѣ меня, да и знать не могъ. Подумавши, я увидалъ, однако-жъ, что этими показаніями вся вина сваливается на меня и на московскихъ студентовъ. Стараясь въ отвѣтахъ своихъ оградить по возможности послѣднихъ, я не выгораживалъ себя.

Во все это время—начиная со второго сенатскаго допроса,—меня болѣе всего томило ожиданіе, скоро ли, наконецъ, рѣшеніе. Надо вспомнить, что во второй разъ, когда меня возили въ сенатъ, отъ меня уже была отобрана подписка, что при судѣ и слѣдствіи мнѣ не было дѣлано пристрастія. Изъ этого можно было заключить, что вопросовъ болѣе предлагать мнѣ не будутъ, и, дѣйствительно, то, что спрашивали меня на третьемъ допросѣ, было совершеннѣйшіе и безполезнѣйшіе пустяки.

Вѣсть о назначенномъ мнѣ наказаніи, разумѣется, огорчила меня, но не столько, сколько огорчило бы меня помилованіе, если бы оно послѣдовало, вслѣдствіе моей глупой выходки, безпокоющей меня и до сей поры. Я, впрочемъ, никакъ не ждалъ такого большого срока каторжной работы. Мнѣ помнится, я читалъ какъ-то статьи закона, касающіяся «преступленій» въ родѣ моего, и мнѣ постоянно думалось, что высшимъ срокомъ должно быть шесть лѣтъ.

Еще до произнесенія мнѣ приговора въ сенатѣ получилъ я извѣстные стихи и письмо отъ заключенныхъ студентовъ. И то, и другое сильно меня растрогало. Я не могъ удержаться отъ слезъ, и тотчасъ же отвѣчалъ имъ стихами...

Кажется, 7 декабря пріѣхала за мною карета, чтобы свезти

меня въ послѣдній разъ въ сенатъ. П. вошелъ въ новое мое помѣщеніе, сообщилъ мнѣ, что мнѣ будетъ прочитана конфирмація, выкурилъ папиросу, пока я одѣвался,—и мы поѣхали. На этотъ разъ я былъ, кажется, потребованъ раньше, чѣмъ въ прежнія мои поѣздки.

Полиція, разумѣется, приняла мѣры, чтобы прежнихъ любопытствующихъ не было на лѣстницѣ и во дворѣ, и точно, когда мы пріѣхали, было довольно пусто у входа.

Въ этотъ разъ меня провели въ другую комнату, вѣроятно, канцелярію отдѣленія, но тоже выходившую дверями съ другой стороны въ палату, гдѣ производились мнѣ допросы. Формальности, съ которыми сопряжено произнесеніе въ сенатѣ приговора, были уже мнѣ извѣстны.

Мнѣ пришлось прождать тутъ съ четверть часа. Около меня образовался цѣлый кружокъ чиновниковъ, большею частью изъ молодежи. Нѣкоторые рекомендовались мнѣ, другіе прямо заговаривали.

Тутъ мнѣ сказали, что «съ моей легкой руки», еще начинается въ сенатѣ дѣло такого же рода, какъ мое. Вѣдь на мнѣ былъ сдѣланъ первый въ Россіи опытъ обыкновеннаго суда надъ политическимъ преступникомъ. Теперь, какъ мнѣ сказали, былъ преданъ суду за распространеніе *«Великорусса»* Владиміръ Обручевъ и съ нимъ еще четверо или пятеро молодыхъ людей, и, между прочимъ, мой знакомый докторъ Боковъ. Потомъ, какъ я узналъ, всѣ, кромѣ Обручева, были освобождены отъ суда и слѣдствія.

Наконецъ, сенаторы изготовились къ произнесенію мнѣ приговора. Обѣ половинки дверей въ комнату ихъ засѣданія были отворены, позвали пріѣхавшихъ со мною жандармовъ, велѣли имъ обнажить палаши и поставили ихъ по сторонамъ двери на порогѣ. Позвали и меня.

Оберъ-секретарь Кузнецовъ, съ бумагою въ рукахъ, стоя по ту сторону порога, указалъ мнѣ на него и сказалъ:

— Остановитесь тутъ.

Я сталъ между жандармами, и Кузнецовъ началъ чтеніе своимъ источнымъ и торжественнымъ голосомъ. Онъ могъ бы быть хорошимъ дьякономъ.

Все, что онъ читалъ, за исключеніемъ мнѣнія государственнаго совѣта, было мнѣ уже очень хорошо извѣстно. Чтеніе длилось долго, и я пользовался этимъ временемъ, чтобы наблюдать за моими судьями. Они сидѣли за тѣмъ же столомъ, но въ нѣсколько иномъ порядкѣ, и между ними я увидалъ совершенно незнакомаго мнѣ генерала.

Кто то изъ чиновниковъ говорилъ мнѣ передъ этимъ:

— Подлецъ Карніолинъ-Пинскій нарочно сѣлъ сегодня задомъ,

чтобы не смотрѣть на васъ. Видно, совѣстно же стало подъ конецъ.

Это предположеніе было несправедливо.

Онъ, дѣйствительно, сѣлъ задомъ, но весь повернулся въ мою сторону, и одинъ изъ всѣхъ сенаторовъ смотрѣлъ на меня такъ пристально, не отводя ни на минуту своихъ прищуренныхъ злобныхъ глазъ. Сѣдые волосы его и безъ того торчали во всѣ стороны, но онъ безпрестанно еще болѣе ерошилъ ихъ, запуская въ нихъ пальцы. Другой, не менѣе пристальный взглядъ былъ направленъ на меня сбоку, отъ того стола, за которымъ я писалъ отвѣты на вопросные пункты. Тутъ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ очень аристократическаго вида въ мундирѣ (какомъ именно, я ужъ не помню) и, подавшись впередъ на своемъ стулѣ, тоже не спускалъ съ меня глазъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта зашевелило во мнѣ злобу на себя, и я радъ былъ только тому, что и самъ государственный совѣтъ понялъ, повидимому, всю неискренность моего обращенія къ государю и не принялъ его во вниманіе.

Когда Кузнецовъ, пріостановившись въ чтеніи на минуту, прокашлялся и съ еще большею торжественностью возгласилъ громогласно: «На мнѣніи государственнаго совѣта собственною его императорскаго...» и т. д., позлащенные идолы вскочили со своихъ мѣстъ.

Слова резолюціи: «ограничиваю каторгу шестью годами, а въ прочемъ быть по сему» Кузнецовъ прочиталъ уже совсѣмъ достойно дьякона, возглашающаго многолѣтіе.

Передъ тѣмъ, какъ меня позвали выслушивать это чтеніе, одинъ чиновникъ сказалъ мнѣ, чтобы я не смѣялся во время его. Я и не смѣялся, хотя мнѣ подчасъ хотѣлось улыбнуться, слушая тонкія соображенія сената надъ фактами, которые были ему извѣстны въ превратномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе я, говорятъ, заслужилъ неудовольствіе сенаторовъ и даже самого Александра Николаевича, что выслушалъ рѣшеніе съ не достаточнымъ благоговѣніемъ и страхомъ. Вѣрно, нужно было, по ихъ мнѣнію, стоять, вытянувъ руки по швамъ, а я держалъ ихъ, скрестивши, и не измѣнилъ положенія даже въ то время, когда сенаторы вскочили по-холопски съ своихъ мѣстъ.

По прочтеніи конфирмаціи Кузнецовъ вынесъ мнѣ бумагу для подписи.

— Что же написать? Что я доволенъ вашимъ рѣшеніемъ?

— Только имя и фамилію,—произнесъ Кузнецовъ тревожно и суетливо, кладя бумагу передо мною.

Что такое было тамъ написано, я не прочиталъ, а прямо подписалъ: Михаилъ Михайловъ.

И вся прихожая, гдѣ я надѣвалъ пальто и калоши, и вся длинная площадка, и значительная часть лѣстницы были полны

любопытныхъ. Сенатскіе чиновники, вѣрно, забросили тоже въ ту минуту свои дѣла. N догналъ меня, чтобы пожать мнѣ руку на прощанье. Въ толпѣ стоялъ Б. и, когда я проходилъ, выдвинулся прощаться со мною. Я былъ очень радъ его вниманію и отъ души пожалъ ему руку.

Внизу, когда я вышелъ уже съ подъѣзда, справа послышались женскіе голоса: «Михаилъ Ларіонычъ, прощайте!» Это были Варенька съ Машенькой. Онѣ бросились ко мнѣ, и я поцѣловался съ ними. У Машеньки глаза были полны слезъ. Варенька протянула ко мнѣ руку, когда я и въ карету сѣлъ.

— Куда прикажете?—спросилъ извозчикъ.

— Въ крѣпость!—крикнулъ П. и вскочилъ въ карету.

III.

Переселеніе на главную гауптвахту.

Не знаю, что заставило крѣпостное начальство перевести меня изъ невской куртины на главную гауптвахту. Плацъ-маіоръ говорилъ мнѣ, что это дѣлается для большаго моего спокойствія; плацъ-адъютантъ,—что меня хотѣли удалить отъ студентовъ, которые туда переводятся. Послѣдній, впрочемъ, не зналъ сначала, что меня переведутъ именно на гауптвахту, и не безъ соболѣзнованія говорилъ, что меня, кажется, хотятъ помѣстить въ алексѣевскомъ равелинѣ. Я зналъ, что тамъ сидитъ, между прочимъ, Владиміръ Обручевъ, и не находилъ въ этомъ ничего удивительнаго.

Какъ бы то ни было, но меня перевели. Когда именно, я не помню, но вскорѣ послѣ третьяго допроса—около 20-го ноября. Я это предполагаю потому, что еще въ куртинѣ узналъ о смерти бѣднаго Добролюбова, а 20-го я написалъ стихи на его смерть уже на гауптвахтѣ. Это былъ день его похоронъ.

Оъ крыльца невской куртины до главной крѣпостной гауптвахты лишь шаговъ полтораста. Я перешелъ туда поутру вмѣстѣ съ однимъ изъ плацъ-адъютантовъ. Тутъ кстати сказать, что два крѣпостныхъ плацъ-адъютанта раздѣляли сначала между собою всѣхъ крѣпостныхъ арестантовъ на двѣ половины, и каждый завѣдывалъ своею половиной. Потомъ они нашли болѣе удобнымъ для себя раздѣлиться днями: такимъ образомъ, два дня приходилось дежурить одному, да два другому. Тутъ я ближе познакомился и съ другимъ крѣпостнымъ плацъ-адъютантомъ П., котораго видалъ до тѣхъ поръ лишь изрѣдка

Пока еще не время характеризовать этихъ двухъ ближайшихъ ко мнѣ лицъ изъ крѣпостного начальства; но я не могу не вспомнитъ съ особенно теплымъ чувствомъ добраго и милаго П....

Новое помѣщеніе было гораздо лучше. Комната была меньше, чѣмъ въ невской куртинѣ, но тутъ былъ за то прямой потолокъ,

и меня уже не давилъ этотъ тяжелый сѣрый сводъ. Окно было одно, за то большое и свѣтлое, хотя тоже забѣленное снаружи и съ еще болѣе крѣпкими рѣшетками. Въ довольно большую форточку я могъ видѣть невскія ворота крѣпости, гдѣ было обыкновенно не мало проѣзжихъ и прохожихъ. Однимъ изъ украшеній здѣшней моей жизни была, между прочимъ, большая круглая печь. Она топилась у меня, и топка ея всегда развлекала меня. Еще развлеченіе, кромѣ смотрѣнія въ форточку и печки, представляли бесѣды солдатъ въ караулкѣ рядомъ со мной которая отдѣляла мой номеръ отъ кордегардіи. Все, что тутъ говорилось, слышно было у меня какъ нельзя лучше, и я очень часто, въ особенности подъ вечеръ, ложился на постель и слушалъ солдатскіе пренія и разговоры. Въ постели тоже произошло улучшеніе: здѣсь былъ волосяной матрацъ сверхъ соломы. Платье мое хранилось тутъ же у меня, а не уносилось, какъ прежде, ефрейторомъ на сбереженіе куда-то.

Вотъ и всѣ измѣненія; а затѣмъ все шло точно такъ же, какъ въ куртинѣ. Четыре дня былъ тотъ же порядокъ и прислуживали мнѣ тѣ же лица.

Я былъ особенно доволенъ, когда на дежурствѣ былъ бойкій бѣлокурый ефрейторъ небольшого роста, тотъ самый, который выстругалъ мнѣ изъ лучинокъ вилку и мѣшалку для чая. Онъ былъ грамотный и либералъ. Еще когда я былъ въ куртинѣ, онъ обратился разъ ко мнѣ съ просьбой дать ему какую-нибудь книжку почитать. У меня изъ русскихъ книгъ была только скучная и глупая Всемірная Исторія Вебера. Онъ взялъ первый томъ, но вскорѣ возвратилъ мнѣ его, какъ вещь незанимательную. Въ караулкѣ при гауптвахтѣ онъ обыкновенно читалъ вслухъ, и здѣсь, слушая это чтеніе и потомъ разсужденія солдатъ, я могъ убѣдиться еще разъ (если бы не былъ и прежде убѣжденъ), какъ нелѣпо *сочинять* какую-то особую литературу для солдатъ, для народа, и проч. Ефрейторъ читалъ «Солдатское Чтеніе» или что-то подобное, разсказывавшее о воинскихъ подвигахъ, какіе-то историческіе разсказы о Петрѣ Великомъ и объ Александрѣ. Тонъ разсказа, съ поддѣлкою подъ народный говоръ, никому не нравился, и самое содержаніе казалось невѣроятнымъ.

— Это такъ только для насъ написано,—замѣчали нѣкоторые,—а ничего этого и быть не могло.

За то всѣхъ приводило въ восторгъ чтеніе пушкинскихъ повѣстей Бѣлкина. Эти повѣсти читались нѣсколько вечеровъ, и особенно заняли всѣхъ разсказы «*Барышня-Крестьянка*» и «*Станціонный смотритель*».

Солдатскій либерализмъ тоже замѣчателенъ.

Когда либеральный ефрейторъ былъ дежурнымъ, я не подвергался тому шпіонству, которое почему-то явилось недѣли за двѣ до моего отъѣзда въ ссылку. Что было причиною внезапныхъ

строгостей, новый ли плацъ-маiоръ, какой-то вялый мямля, или какiя нибудь инструкцiи свыше.—я не знаю; но только все чаще и чаще солдаты поднимали покрышку двернаго оконца и наблюдали за мной, и я слышалъ иногда вопросы и отвѣты: «Не пишетъ-ли?—«Нѣтъ, лежитъ, читаетъ». Подглядыванье это, сопровождаемое шушуканьемъ, меня сердило.

Самъ комендантъ сталъ внимательнѣе и строже. Онъ замѣтилъ у меня какъ то на столѣ не крѣпостную чашку съ серебрянной ложечкой, и изъ за этого, какъ я узналъ изъ солдатскихъ разговоровъ, вышло что то въ родѣ слѣдствiя и допросовъ находившимся въ караулкѣ солдатамъ.

Глядя изъ своей форточки, я часто видѣлъ арестованныхъ студентовъ. Почти какъ разъ противъ моего окна было крыльцо другого отдѣленiя невской куртины, и на немъ нерѣдко собирались студенты, сидѣли, курили, уходили и вновь приходили. Тутъ я видѣлъ Реню, Ш. и разъ явственно слышалъ, какъ они говорили, указывая на меня: «Это Михайловъ, кажется».

Дня за четыре до произнесенiя мнѣ приговора на площади, я почти все утро простоялъ у форточки, глядя на роспускъ ихъ по домамъ. Наѣхало пропасть мужчинъ и дамъ, вѣрно, все родныхъ, и студенты сновали по крыльцу, подбѣгали къ подъѣзжавшимъ санямъ, пожимали руки и весело разговаривали. Нѣкоторые изъ прiѣзжихъ родныхъ или знакомыхъ проходили на крыльцо, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ это содержатся люди въ крѣпости. Слышались слова:

— Можно?

— Идите, ничего.... Можно.

— Да вѣдь нельзя, господа! и т. п.

Внятнѣе всего доносился до меня голосъ П., суетливо распоряжавшагося въ куртинѣ.

Признаюсь, я позавидовалъ этимъ юношамъ, выпархивающимъ на волю изъ тюремной западни.

Явственно слышалъ я и такiе вопросы:

— Что, стихи-то взялъ?

— У тебя списаны стихи?

Я предполагалъ, что дѣло идетъ о моихъ стихахъ, и, кажется, не ошибался. Мнѣ было извѣстно, что они переписывали ихъ для себя.

Я, однако жъ, потерялъ хронологическую нить своего разсказа. Надо вернуться къ тому утру, когда мнѣ была прочитана конфирмацiя въ сенатѣ.

Только-что вернулся я изъ сената, ко мнѣ пришелъ комендантъ и привелъ съ собою попа, Михаила Архангельскаго, какъ онъ мнѣ отрекомендовался, и оставилъ его со мной.

Еще прежде спрашивалъ онъ у меня (въ куртинѣ), не желаю ли я побесѣдовать со священникомъ, но я отказывался.

Попъ былъ человѣкъ еще молодой, хотя и лысый. Мнѣ не понравилось въ немъ что-то лисье. Онъ заговорилъ со мной объ исповѣди и о томъ, что мнѣ слѣдовало бы выслушать и божественную литургію, и все въ этомъ родѣ; но въ то же время онъ велъ какъ будто и какой то допросъ: спрашивалъ, не было ли у меня какихъ сообщниковъ, не собираюсь ли я избѣжать наказанія посредствомъ бѣгства, и еще что-то въ этомъ родѣ. Особенно налегалъ онъ на побѣгъ.

Все послѣднее время была у меня одна тревога. Я страшился, что Шелгуновымъ придется уѣхать изъ Петербурга раньше меня, и каждая вѣсть, приходившая отъ нихъ, все болѣе и болѣе утверждала меня въ моихъ опасеніяхъ.

Изъ доставленной мнѣ статьи свода законовъ о церемоніи, совершаемой на площади, я узналъ, что попъ обязанъ усовѣщивать меня двѣ недѣли, если я выражу нежеланіе исповѣдываться. Эти двѣ недѣли могли рѣшить дѣло Шелгуновыхъ, и я тотчасъ же рѣшился не выставлять попу своихъ убѣжденій, а исполнить формальность, на которой онъ настаивалъ.

Я сказалъ ему, что чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше.

— Въ такомъ случаѣ исповѣдуйтесь завтра.

— Хорошо.

Онъ зашелъ ко мнѣ и вечеромъ въ тотъ день, принеся святцы и евангеліе, прочиталъ мнѣ нѣсколько молитвъ и въ евангеліи заложилъ лентой главу отъ Іоанна: «Да не смущается сердце ваше», и совѣтовалъ прочесть ее.

Просидѣлъ онъ у меня довольно долго; мы говорили о всякой всячинѣ, но онъ не разъ возвращался въ разговорѣ къ моей судьбѣ и все старался изобразить яркими красками тѣ ужасы, которые ожидаютъ меня, если я буду столь неблагоразуменъ, что рѣшусь на побѣгъ.

Откуда шли вѣсти, что я собираюсь бѣжать съ дороги, или что меня хотятъ отбить у жандармовъ, не знаю, но объ этихъ вѣстяхъ я слышалъ не отъ одного попа.

Я въ свою очередь спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ о днѣ, когда будетъ мнѣ объявлена на площади сентенція суда, и вообще повезутъ ли меня для этого на площадь, но попъ отзывался невѣдѣніемъ—и вралъ, потому что ему былъ, какъ я потомъ догадался, извѣстенъ этотъ день.

Вопросы о томъ же, обращенные мною къ коменданту и плацъ-маіору, оставались безъ опредѣленнаго отвѣта. Они отвѣчали только «не знаю» да «не знаю».

Одно только говорили мнѣ утвердительно, что я не буду изъ крѣпости отвезенъ въ острогъ, какъ это требуется закономъ. Впрочемъ, объ этомъ могъ я и самъ догадаться, такъ-какъ ко мнѣ явился здѣсь попъ съ своими увѣщаніями.

На слѣдующее утро (это было, если не ошибаюсь, во вторникъ

12-го декабря) плацъ-адъютантъ пришелъ звать меня въ церковь при комендантскомъ домѣ, какъ меня наканунѣ предувѣдомилъ отецъ Михаилъ. Эта маленькая домашняя церковь была совсѣмъ пуста. Меня встрѣтилъ здѣсь комендантъ съ попомъ. Комендантъ удалился, а попъ пригласилъ меня на исповѣдь къ налою, поставленному передъ царскими дверьми.

Исповѣдовалъ онъ по какой-то книжкѣ гражданской печати, которую скрывалъ отъ моихъ глазъ. Въ нее была у него вложена какая-то записочка.

Всѣ вопросы почти исключительно касались моего друга. Попъ разпрашивалъ, не скрылъ ли я именъ сообщниковъ въ дѣлѣ, не принялъ ли на себя болѣе, чѣмъ слѣдовало, и потомъ, не сговаривался ли съ кѣмъ о побѣгѣ.

Послѣ исповѣди онъ живо отслужилъ обѣдню. Какъ, однако, онъ ни торопился, я успѣлъ продрогнуть въ нетопленной церкви, и былъ очень доволенъ, когда по окончаніи этой церемоніи комендантъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ и меня, и отца Михаила, и угостилъ насъ горячимъ чаемъ съ ромомъ.

Передъ сумерками, часа въ три, пріѣхалъ ко мнѣ Суворовъ и сообщилъ, что на дняхъ будетъ мнѣ позволено видѣться съ моими друзьями. Онъ назвалъ поименно всѣхъ. Оставался онъ у меня довольно долго, говорилъ о томъ, что въ дорогѣ мнѣ будутъ доставлены всѣ удобства, жалѣлъ, что не можетъ *спасти* меня отъ кандаловъ, и т. д.

Между прочимъ, онъ спрашивалъ меня (это по-англійски), знакомъ ли я съ Герценомъ и съ Долгорукимъ,—и замѣтилъ, что Герценъ совсѣмъ не то, что издатель «Будущности». Все, что ни пишетъ Герценъ, все такъ gentlemanlike, тогда какъ Долгорукій и бездаренъ, и мало видно въ немъ честности.

Суворовъ въ заключеніе сказалъ, что онъ еще заѣдетъ ко мнѣ проститься.

Только въ этотъ вечеръ я сообразилъ, что, вѣроятно, мнѣ будетъ произнесенъ приговоръ на площади въ четвергъ, т. е. 14-го декабря, и это вотъ почему: попъ намекнулъ мнѣ поутру, что не мѣшало бы мнѣ «выслушать послѣзавтра литургію», но я наотрѣзъ отказался.

Наканунѣ четырнадцатаго декабря я уже съ большою увѣренностью ожидалъ на завтра церемоніи...

Тринадцатаго я нарочно легъ раньше въ постель, чтобы встать поутру раньше самому, а не дожидаться, пока меня разбудятъ...

. . . .

IV.

Въ дорогѣ.

...Молчанiе жандармовъ продолжалось не долго. Я разговорился съ ними; они стали разспрашивать о моемъ дѣлѣ, я разсказалъ, что считалъ для нихъ интереснымъ; они начали разсказывать о томъ, что слышали обо мнѣ,—и, такимъ образомъ, въ первый же день между нами водворилось взаимное довѣрiе. Они тотчасъ послѣдовали моему совѣту отцѣпить свои сабли, отъ которыхъ имъ неловко было сидѣть, и снять мѣшавшiе имъ пистолеты. Вечеромъ, въ Новой Ладогѣ, гдѣ мы ужинали рыбной селянкой въ гостинницѣ при почтовомъ дворѣ, мы уже были какъ будто старые знакомые.

Изъ разсказовъ ихъ я узналъ слѣдующее: между ними былъ слухъ, въ вѣрности котораго они были совершенно убѣждены, что волненiе въ университетѣ было произведено мной, что я былъ «всѣмъ студентамъ голова». Затѣмъ они, на основанiи слуховъ, шедшихъ отъ начальства, были увѣрены, что меня собрались отнять и отбить у нихъ на первой станцiи отъ Петербурга, въ Ижорѣ, и опять-таки студенты, и что ихъ тамъ должно было собраться человѣкъ двадцать.

Вслѣдствiе этого, меня отправили не въ моемъ возкѣ, а въ мой возокъ посадили другихъ жандармовъ и на одного изъ нихъ надѣли мою арестантскую шапку, чтобы его можно было принять за меня. Впереди поѣхалъ фельдъегерь, за нимъ возокъ, а моя кибитка должна была отставать немного. Въ Ижорѣ разъѣзды наши происходили отъ того, что неизвѣстно было, гдѣ остановился возокъ и фельдъегерь.

Затѣмъ Каменевъ показалъ мнѣ маршрутъ, котораго сначала никакъ не хотѣлъ вынимать, потому что не велѣно, и я увидалъ, что меня повезутъ дорогой, которой я никогда не ѣзжалъ, именно—на Мологу, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и т. д.

Въ какой мѣрѣ установилось между нами довѣрiе, яснѣе всего увидалъ я на слѣдующее утро.

Незадолго до свѣта прiѣхали мы въ Тихвинъ, гдѣ при почтовой станцiи были прекрасныя комнаты (даже съ зеркальными стеклами въ окнахъ), и мы расположились тутъ пить чай. Мнѣ очень захотѣлось написать Шелгуновымъ нѣсколько строкъ, что я и сдѣлалъ совершенно явно. Когда мы вышли садиться, я сказалъ Бурундукову, чтобы онъ бросилъ письмо въ ящикъ, прибитый у почтамта насупротивъ станцiи, и видѣлъ самъ, какъ онъ опустилъ его.

Когда я въ первый разъ вынулъ свою записную книжку и

сталъ въ ней писать карандашомъ, Каменевъ спросилъ меня: «Не жизнь ли вы свою описываете?» Я отвѣтилъ утвердительно, и онъ потомъ обыкновенно говорилъ мнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ: «А что, записали про то, какъ опрокинулись?»—«А про то, какъ смотритель содралъ за студень цѣлковый, не забыли?» и т. п.

Его очень интересовало, что такое могло быть написано въ листѣ, за который меня не только ссылали, но еще и заковали. Послѣднее, какъ говорили они, было для нихъ совершенною неожиданностью и очень ихъ смутило: имъ случалось уже препровождать такимъ образомъ разныхъ господъ, но въ кандалахъ никого не возили. «Ужъ видно бѣдовый!» Потомъ, когда я передалъ имъ, сообразно ихъ понятіямъ, содержаніе воззванія, Каменевъ очень серьезно замѣтилъ, что со мной поступаютъ несправедливо, что дѣло было тамъ написано, что я за правду пострадалъ. И онъ повторялъ это часто во все продолженіе дороги. Особенное впечатлѣніе произвели на него, кажется, мои слова о томъ, что крестьянъ обманули волей и что необходимо уменьшить срокъ службы солдатамъ.

Впрочемъ, мы скоро обо всемъ переговорили, и я большую часть дороги могъ молча предаваться моимъ безконечнымъ, тяжелымъ и грустнымъ думамъ.

Разъ я какъ-то началъ говорить о томъ, какая гадость—жандармская обязанность, какой позоръ—служить въ Третьемъ Отдѣленіи, какая низость—всякій доносъ и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Провожатые мои, особенно Каменевъ, слушали меня съ большимъ вниманіемъ. Имъ, казалось, это было совершенно ново.

— Ну, что, правду я говорю?—спросилъ я, наконецъ.

— Правду,—отвѣчалъ, задумавшись, Каменевъ.—Вотъ, хотя бы у насъ былъ такой случай. Что ужъ можетъ гаже быть? А есть этакіе подлецы!

И онъ мнѣ разсказалъ объ одномъ жандармѣ, который за какое-то преступленіе былъ приговоренъ къ шпицрутенамъ. Онъ прошелъ сквозь тысячу человѣкъ. Когда его привезли въ лазаретъ, одинъ изъ товарищей, видя страшное положеніе его, подошелъ къ нему съ сожалѣніемъ и предложилъ ему чарку вина, чтобы онъ подкрѣпился; наказанный жандармъ, почти умиравшій, не нашелъ ничего другого сказать товарищу, что онъ донесетъ на него за это противозаконное предложеніе.

Я такъ засидѣлся въ послѣдніе три мѣсяца, что мнѣ безпрестанно хотѣлось ходить, хотя этому и значительно мѣшали кандалы. Какъ только мы отъѣхали станціи три отъ Шлиссельбурга, я сталъ выходить изъ возка почти при каждой перемѣнѣ лошадей. Меня смущало только отчасти бряцанье моихъ цѣпей; но сдѣлать ихъ менѣе звонкими мнѣ не удалось. Станціи за двѣ до Новой Ладоги Бурундуковъ принялся обматывать ихъ нашедшимся

у насъ холстомъ; но это не помогло. Главное неудобство заключалось въ томъ, что въ городахъ, гдѣ не случалось на станціи ничего поѣсть, нельзя было, не возбудивъ придирокъ, идти въ гостиницу или въ трактиръ, особенно если онъ еще былъ далеко отъ почтоваго двора. Одинъ непріятный случай такого рода я сейчасъ разскажу, а теперь стану продолжать по порядку.

Я ужъ сказалъ, что въ Тихвинъ мы пріѣхали рано утромъ 16-го декабря. Хозяинъ дома не хотѣлъ здѣсь взять ничего съ меня за чай, сливки и хлѣбъ, говоря, что это было бы грѣхомъ. Здѣсь еще не привыкли къ «несчастнымъ», ѣдущимъ въ своемъ экипажѣ. Дальше, около Тобольска и за Тобольскомъ, наоборотъ, кажется, потому и норовили взять съ меня за все подороже, что я—«секретный», и ѣду самъ по себѣ, а не тащусь съ партіей.

Когда я садился въ возокъ въ Тихвинѣ, ко мнѣ подошла нищая и стала просить. И ямщикъ, и всѣ стоявшіе близко начали останавливать ее, крича: «Развѣ не видишь? развѣ у такихъ просятъ? Ты посмотри ему на ноги-то?» И тутъ разница между мѣстами, близкими отъ Сибири и далекими. Здѣсь я уже не встрѣчалъ больше нищихъ; а тамъ, то есть подальше отъ Петербурга, они на всякой почти станціи обступали меня, и я бралъ постоянно мѣдныя деньги у Каменева, которому жалко было платить ихъ не только даромъ, но даже и за дѣло, хоть бы, напримѣръ, за ѣду, за чай.

На слѣдующее утро мы пріѣхали въ Устюжну, во время обѣдни. День былъ воскресный, и надъ городомъ стоялъ гулъ благовѣста. Здѣсь при станціи была гостиница; мы остались поѣсть, потому что дальше трудно было разсчитывать на обѣдъ, и я очень обрадовался тремъ-четыремъ номерамъ «Сѣверной Пчелы», въ которыхъ, впрочемъ, не было ровно ничего интереснаго.

Такъ какъ было еще рано, обѣдня только что начиналась и въ трактирѣ не было еще посѣтителей, то мы расположились въ общей залѣ, рядомъ съ билліардной. Тамъ скоро раздалось стуканье билліардныхъ шаровъ, и въ полуотворенную дверь было мнѣ видно, какъ тамъ какой-то офицеръ принялся играть съ маркеромъ. Онъ то и дѣло заглядывалъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, и, наконецъ, вошелъ.

— Вы, вѣроятно, господинъ Михайловъ?—спросилъ онъ меня и отрекомендовался офицеромъ Софійскаго какого-то полка.

Его особенно интересовало студенческое дѣло. Онъ спрашивалъ меня, выпущены ли студенты изъ крѣпости, и на какихъ основаніяхъ; много ли изъ нихъ сослано, куда именно, на долго ли. Я, насколько могъ, удовлетворилъ его любопытство.

Замѣчу кстати, что вѣсть о моей ссылкѣ какъ-то особенно быстро прошла по всей дорогѣ, которую я совершалъ. Не говоря уже о городахъ, не было почти станціи, гдѣ бы смотритель не зналъ моего имени и, завидѣвъ жандармовъ, не спрашивалъ, не

Михайловъ ли это. Жандармы не разъ выражали мнѣ свое удивленіе по этому поводу.

Вечеромъ на четвертый день по выѣздѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости мы добрались скучной и утомительной дорогой до Ярославля. Цѣлый день мнѣ не удалось нигдѣ перекусить. Богатый торговый городъ Рыбинскъ тоже не выручилъ: гостиница была гдѣ-то за версту отъ станціи, а въ другой поблизости ничего не готовили по случаю поста. Я рѣшилъ перетерпѣть голодъ до Ярославля.

На станціи тоже ничего нельзя было достать здѣсь, кромѣ чая.

Жандармы мои рѣшили ѣхать въ гостиницу, куда привели бы и почтовыхъ лошадей. Мы отправились, и скоро возокъ мой остановился у хорошо освѣщеннаго подъѣзда очень большого зданія, какія рѣдко встрѣчаются въ нашихъ губернскихъ городахъ.

Бурундуковъ пошелъ справиться, есть ли отдѣльный номеръ, и послѣ какихъ-то долгихъ переговоровъ пришелъ съ трактирнымъ слугой во фракѣ объяснить, что свободные два-три номера есть только въ третьемъ этажѣ. Въ общихъ залахъ довольно таки гостей, а идти въ номера можно по корридорамъ только мимо нихъ. Бурундуковъ замѣчалъ, что это «ничего». Я вынулъ изъ дорожнаго мѣшка два полотенца и опуталъ ими кандалы; но они не бряцали только до входа моего въ большую очень хорошо убранную прихожую, гдѣ передо мной растворилъ дверь весьма приличный швейцаръ. И эта прихожая, и широкая, устланная ковромъ лѣстница напомнили мнѣ хорошія заграничныя гостиницы, и я никакъ не могъ не подумать, что тамъ нигдѣ не былъ бы возможенъ визитъ въ родѣ моего.

Слуга слегка поддерживалъ меня, чтобы я могъ ступать не такъ твердо, когда мы входили по лѣстницамъ и шли по широкимъ и свѣтлымъ корридорамъ. Кандалы мои предательски позвякивали, несмотря на мои старанія ступать какъ можно осторожнѣе. Мы прошли мимо ярко освѣщенной столовой.

Двери въ корридоръ были отворены: но господа, бывшіе тамъ, были слишкомъ заняты разговоромъ или обѣдомъ, и не слыхали интереснаго звяканья. Рядомъ были отворены двери и изъ биліардной. Тамъ шла игра; но одинъ господинъ выглянулъ таки на меня въ корридоръ. Замѣчательно то, что звука кандаловъ нельзя принять ни за что другое. Всякій сейчасъ же устремляетъ глаза на ноги, и никакъ не подумаетъ, какъ бы тихо они ни брякали, что это звонятъ мѣдныя деньги въ карманѣ или что нибудь другое. Выглянувшій господинъ, къ счастью, не отличался, вѣрно, чуткостью.

Наконецъ, взобрались мы въ третій этажъ, въ просторную и чистую комнату, и я заказалъ обѣдъ. Мы еще не успѣли кончить обѣда, какъ явился въ комнату какой-то маленькій горбунъ, слабое подобіе Квазимодо по лицу, въ черномъ сюртукѣ. Это, какъ ока-

залось, былъ староста на станціи, явившійся за полученіемъ денегъ.

Онъ, впрочемъ, не удовольствовался тѣмъ, что взялъ прогоны, и, надѣясь, вѣроятно, получить еще хоть цѣлковый, поднялъ вопросъ о томъ, имѣли ли право жандармы въѣзжать со мной, «секретнымъ» арестантомъ, въ гостиницу.

— Это такъ нельзя оставить,—говорилъ онъ гадкимъ, какимъ-то разбитымъ голосомъ.—Мнѣ законы извѣстны. Вамъ слѣдовало въѣхать въ станціонный домъ. Вы еще за это отвѣтите.

Бурундуковъ вспылилъ.

— Прогоны ты получилъ,—раскричался онъ:—такъ и ступай себѣ. Что ты тутъ за начальникъ, что пришелъ спрашивать? Да я отвѣчать-то тебѣ не хочу. Почемъ ты знаешь, какія у меня инструкціи? Вонъ сейчасъ отсюда!

Горбунъ, вѣроятно, ждавшій мировой сдѣлки, началъ ворчать что-то подъ носъ себѣ, изъ чего можно было разобрать только:

— Здѣсь вѣдь тоже есть и ваше начальство... Штабъ-офицеръ... Здѣсь же назадъ-то поѣдете... заставятъ васъ отвѣчать!

— Пошелъ, тебѣ говорятъ, вонъ! Жалуйся, кому знаешь!—крикнулъ Бурундуковъ уже такъ рѣшительно, что поганый горбунъ разсудилъ убраться поскорѣе отъ грѣха.

Каменевъ все это время сидѣлъ, молча, и съ совершеннымъ безстрастнымъ спокойствіемъ въ лицѣ пилъ чай, стаканъ за стаканомъ. Надо замѣтить, что хоть ему и были ввѣрены деньги и бумаги, но онъ старшинствомъ уступалъ Бурундукову, и былъ облеченъ довѣріемъ начальства, вѣроятно, въ этомъ случаѣ только по знанію своему грамоты да по примѣрной своей «умѣренности и аккуратности». Даже у меня въ возкѣ принадлежало ему лишь второстепенное мѣсто. Онъ сидѣлъ задомъ къ кучеру, на чемоданѣ моемъ, вмѣсто скамейки, и только когда особенно уставалъ и хотѣлъ спать, Бурундуковъ уступалъ ему мѣсто, да и то большею частью лишь тогда, какъ самъ уже хорошо выспался.

Только по уходѣ горбуна, Каменевъ, опрокидывая стаканъ на блюдечко, замѣтилъ:

— Что ему, дураку, нужно было?

Мы выѣхали изъ города благополучно; но насъ какъ будто преслѣдовало проклятье горбуна. Зимняя дорога шла Волгой. Вскорѣ послѣ того, какъ мы выѣхали, поднялся вѣтеръ, не особенно сильный, но со снѣгомъ, и поднялъ небольшую мятель. Мы преспокойно задремали, никакъ не воображая, чтобы, ѣдучи по льду рѣки, можно было, даже при сильной мятели, сбиться съ дороги. Но это именно случилось.

Когда кто-то изъ насъ проснулся и тотчасъ разбудилъ другихъ, мы стояли надъ полыньей. Ямщикъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ дорога. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ рѣшилъ, что мы не по той сторонѣ ѣдемъ, и повернулъ назадъ. Потомъ онъ еще раза два

ворочался и, наконецъ, съ самымъ твердымъ убѣжденіемъ объявилъ, что дорога найдена, и что теперь остается до станціи не больше половины пути. Сбилъ онъ, что ли, или ѣхалъ въ первый разъ, или по какой разсѣянности потерялъ дѣйствительно занесенную снѣгомъ дорогу,—но онъ сваливалъ все на какихъ-то проѣзжихъ въ саняхъ, которые видимо *обошли* его. Мы безпрестанно спрашивали его, скоро ли же, наконецъ, станція. Онъ отвѣчалъ все, что сейчасъ.

Ночь была довольно темна, но скоро на снѣгу можно было разсмотрѣть чернѣющія строенія, а за ними бѣлѣющую церковь.

— Это станція?

— Станція.

Не успѣли мы успокоиться на этомъ извѣстіи, какъ ямщикъ, повернувшись къ намъ, какъ-то странно проговорилъ:

— А вѣдь это не станція.

— Такъ что же?

— Да я и самъ не знаю.

Это былъ снова Ярославль, но ямщикъ, какъ Одиссей, вынесенный на родной берегъ, не узналъ его. Мало того: онъ долго не хотѣлъ согласиться и съ жандармами, когда тѣ начали увѣрять его, что онъ обратно привезъ насъ въ Ярославль.

Когда онъ убѣдился, наконецъ, въ этомъ, отчаяніе его было неизобразимо, и онъ и дорогой, и по пріѣздѣ на почтовый дворъ не переставалъ изумляться своей ошибкѣ и изрекать проклятія на встрѣтившіяся ему сани и на какихъ-то лѣшихъ, сидѣвшихъ въ нихъ. Къ досадѣ его прибавилось еще что-то въ родѣ лихорадки: отыскивая дорогу, онъ вымокъ по поясъ въ сугробахъ и зажорахъ.

Горбунъ, вѣроятно, удовлетворенный нашею неудачной поѣздкой (оказалось, что мы плутали пять часовъ), смотрѣлъ уже кротко и помалкивалъ. Но для производства слѣдствія явился почтосодержатель, какой-то отставной офицеръ, и распорядился, чтобы съ нами отправился провожатый съ фонаремъ.

Въ утѣшеніе онъ сообщилъ, что и самъ начальникъ губерніи этой же дорогой ѣздитъ всегда, и недавно еще застрялъ гдѣ-то въ зажорѣ.

На этотъ разъ мы доѣхали до станціи, хоть и тащились опять пять часовъ.

Если бы не это плутанье, по утру могли бы мы быть въ Костромѣ, но были только въ Нерехтѣ, а Кострому проѣхали только въ серединѣ дня.

Я былъ уже сильно истомленъ дорогою, потому что нигдѣ не отдыхалъ; но мнѣ хотѣлось сдѣлать хоть половину пути, который казался мнѣ безконечнымъ. Спутники мои мнѣ надоѣли и опротивѣли; въ головѣ была какая-то путаница отъ неизвѣстности того, что меня ожидаетъ; на сердцѣ горько и одинако; сны видѣлись все о свободѣ, да о бѣгствѣ, да о друзьяхъ, а иногда и такіе,

что я просыпался отъ испуга. Съ самаго отъѣзда изъ Петербурга и до Тобольска я былъ словно растерянный какой, и не могъ ничего сообразить хорошенько, и все какъ будто что-то щемило мнѣ сердце. Спать приходилось мнѣ, сидя, и это еще болѣе утомляло меня. Протянуть ноги, значило только подвергнуть ихъ холоду. И такъ онѣ у меня безпрестанно зябли, несмотря на толстые и теплые сапоги. Какъ ни старался я укрывать свои кандалы, они быстро холодѣли; холодѣли и кольца, которыя, какъ когти, охватывали мнѣ ноги, и ноги начинали ныть и тосковать.

Но мнѣ хотѣлось ѣхать скорѣе, чтобы скорѣе добраться до мѣста. Я лишь не на долго остановился въ Вяткѣ, чтобы пообѣдать да написать письмо. Хозяйка дома, въ которомъ помѣщается почта, видя, какъ я изнеможенъ, упрашивала меня остаться переночевать, а на ночь сходить попариться въ банѣ. О банѣ, разумѣется, нечего было и думать, потому что я не могъ бы снять съ себя брюкъ при узкихъ кольцахъ кандаловъ; но и ночевать, несмотря на явное желаніе и моихъ провожатыхъ отдохнуть немного, я не хотѣлъ остаться. «Доѣду хоть до Перми, и тамъ отдохну. Всетаки хоть половина первой части дороги будетъ назади», думалъ я, и такъ и сдѣлалъ.

Утро Рождества встрѣтили мы въ только-что отстроенной, сырой и холодной станціонной избѣ. Горница была очень большая: вездѣ отъ стѣнъ дуло; изъ оконъ тоже. Одиночныя рамы въ окнахъ дрожали и скрипѣли отъ жестокаго вѣтра, который вылъ, какъ бѣшеный, около одинокостоящаго дома.

Это былъ праздникъ только для Каменева. Онъ могъ разговѣться и перестать завидовать мнѣ, что я пью чай съ молокомъ, когда случалось найти молоко. Въ горницѣ ярко топилась большая печь, и мы оттащили столъ изъ передняго угла къ ней и тутъ напились чаю; съ одного боку подпекала насъ печка, а съ другого обдувалъ вѣтеръ; такъ что пламя свѣчи на столѣ колебалось и сало оплывало. Было еще темно.

Въ ночь этого же дня, добрались мы, наконецъ, до Перми. Мы пріѣхали туда часу во второмъ. Отдохнуть было уже рѣшительно необходимо: у меня ломило спину и всѣ кости; ноги были, какъ онѣмѣвшія. Дорога становилась все хуже и хуже: то ухабы, то снѣгъ по колѣни, то снѣгъ сдуло съ дороги. Въ иныхъ мѣстахъ такъ было выбито, что я ѣхалъ съ постоянно замирающимъ сердцемъ: вотъ сейчасъ ухабъ! и каждый толчокъ экипажа отдавался рѣзкой болью у меня въ головѣ.

Во второмъ этажѣ пермскаго почтоваго дома было нѣчто въ родѣ гостиницы: три-четыре просторныхъ комнаты съ узкими диванами по стѣнамъ и съ голыми кроватями. Побоявшись клоповъ, я улегся на диванѣ и проспалъ ночь, какъ убитый, несмотря на скованныя ноги. Утромъ я чувствовалъ какое-то дрожаніе во всемъ тѣлѣ: вѣроятно, застоявшаяся кровь расходилась. Хотѣлъ

было написать письмо, но у меня было какое-то отупѣніе въ головѣ, и руки дрожали, какъ у горькаго пьяницы. Мнѣ почему-то думалось, что я получу здѣсь какую-нибудь вѣсточку отъ друзей. Спросилъ, не справлялись ли обо мнѣ до моего пріѣзда — нѣтъ. Утромъ увидалъ я, идетъ казакъ. Дѣйствительно, онъ справлялся, кто пріѣзжіе; но, собственно, мною никто не интересовался, значитъ—письма ко мнѣ не было. Зашелъ на нѣсколько минутъ бывшій студентъ петербургскаго университета, полякъ, остановившійся тутъ же, рядомъ со мной. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга до волненій въ университетѣ на службу сюда. Мнѣ не понравился онъ, и самую фамилію его я забылъ.

Изъ оконъ моей комнаты виднѣлась огромная пустынная площадь, вся покрытая снѣгомъ. Праздничный звонъ гудѣлъ, наводя еще болѣе тоску,—и я торопилъ жандармовъ ѣхать.

Во всю почти дорогу отъ Вятки, чуть не на каждой станціи случалось слышать:

— Вотъ недавно изъ Варшавы двухъ провезли.

Или:

— Третьяго дня ксендзъ проѣхалъ изъ Варшавы съ жандармами.

Въ Кунгурѣ, гдѣ я былъ вечеромъ въ тотъ день, мнѣ сказали, что тутъ провезли, одного вслѣдъ за другимъ, шесть ксендзовъ.

Тутъ меня еще болѣе напугали дорогой. Отсюда-то только и начинаются ухабы.

Это оправдалось, какъ нельзя лучше. Безконечные обозы съ чаями потянулись навстрѣчу и до самой Тюмени не прерывались. Дорога, дѣйствительно, была безпримѣрно выбита. Селенія, правда, начинали смотрѣть нѣсколько зажиточнѣе: не кидалась уже въ глаза та голая, вопіющая нищета, какая возбуждала тягостную тоску въ Вологодской, въ Вятской губерніяхъ. Но за то горько и тяжело было отъ другого зрѣлища. Около каждой деревни темнѣли средь глубокаго снѣга сѣрые частоколы этаповъ. По раннимъ утрамъ около ихъ воротъ стояли бабы съ калачами, съ молокомъ для несчастныхъ. Попадались партіи ссыльныхъ: скованные по четверо вмѣстѣ желѣзными наручниками, съ заиндевѣвшими бородами, шли впередъ каторжные; безъ оковъ, сзади, въ жалкой одеженкѣ, въ куцыхъ, не грѣющихъ казенныхъ полушубкахъ, отправляющіеся на поселеніе, еще дальше—дровни съ бабами, съ больными, съ дѣтьми, закутанными въ разное жалкое тряпье. Солдаты и казаки, какъ пастухи за стадомъ.

Екатеринбургъ проѣхалъ я въ три часа съ 27-го на 28-ое число. Я, вѣроятно, остался бы до утра, если бъ братъ Павелъ былъ это время здѣсь; но мнѣ сказали на почтѣ, что онъ не пріѣзжалъ.

О дальнѣйшей дорогѣ до Тобольска нечего было бы и говорить,

если бъ съ нами не случилось смѣшного происшествія, станціи за двѣ-за три отъ города Тюмени.

На этой станціи мы рано пообѣдали, чѣмъ нашлось. Когда выходили садиться, ямщикъ, еще молодой парень, съ круглымъ, краснымъ лицомъ и смѣлыми глазами сдѣлалъ намъ упрекъ, что мы долго слишкомъ прохлаждались за чаемъ, что лошади не стоятъ.

— Ну, такъ поѣзжай скорѣе!

И, дѣйствительно, лошади помчались, какъ стрѣла.

— Не гони; пристанутъ потомъ,—станція длинная!—останавливалъ его Каменевъ.

Вдругъ лошади остановились.

— Что такое?

— Гдѣ у васъ ямщикъ-то?—спрашивалъ мужикъ, стучась въ затворенное окно.

Оказалось, что ямщикъ слетѣлъ съ козелъ, и остался позади. Когда онъ догналъ насъ, мы увидали, что онъ еле держится на ногахъ. Видно, на морозѣ разобрало его.

— Да ты, парень, пьянъ? Того и гляди, опять слетишь да и повозку повалишь.

— Пьянъ! такъ закачу, только держись.

— Легче! Легче!

Онъ погналъ опять, какъ сумасшедшій. Возокъ трещалъ на ухабахъ.

На шестой верстѣ лошади вдругъ стали, какъ вкопанныя. Какъ ни кричалъ на нихъ ямщикъ и съ козелъ, и съ земли, они не дѣлали ни шага впередъ. Такъ простояли мы, по меньшей мѣрѣ, четверть часа.

Бурундуковъ вышелъ изъ терпѣнія, и выскочилъ изъ возка.

— Вѣдь говорили тебѣ, чтобы ты не гналъ? Вотъ стали теперь лошади.

Ямщикъ вдругъ разразился самою скверною бранью. Его уже совсѣмъ разобрало.

— Оттого и стали, что ты гналъ меня,—кричалъ онъ, чуть не къ каждому слову прибавляя отвратительное русское ругательство:— ты и меня всего избилъ! Саблей меня въ бокъ тыкалъ!

Онъ вралъ все это.

Шагахъ въ двадцати виднѣлась крайняя изба только-что проѣханной нами маленькой деревушки.

— Что съ нимъ толковать?—обратился ко мнѣ Бурундуковъ.— Онъ пьянъ и какъ одурѣлый какой-то. Надо спросить тутъ лошадей въ деревнѣ; эти не довезутъ, онъ ихъ совсѣмъ загналъ.

Изъ деревни кто-то ужъ увидалъ, что съ нашимъ возкомъ что-то случилось, и тутъ какъ разъ подошло мужиковъ пять-шесть. Лошадей у нихъ не оказалось. Ямщикъ, обрадовавшись слушателямъ, началъ кричать съ тою же бранью еще громче.

Въ каждомъ словѣ его выражалось то ожесточеніе, которое

глубоко таитъ въ себѣ нашъ простолюдинъ противъ всякаго, въ особенности же противъ военнаго, начальства. Въ солдатахъ онъ привыкъ видѣть не собрата своего, который несчастнымъ случаемъ попалъ самъ чуть-что не въ каторгу, а грабителя своего и притѣснителя. Да и, впрочемъ, не изъ чего было вынести другой взглядъ. Особенно жандармъ долженъ быть ненавистенъ, по своему произволу, по безнаказанности.

Ямщикъ ругался и кричалъ, не умолкая. Онъ на каждомъ словѣ клеветалъ на моихъ провожатыхъ.

— Они изжили меня,—вопіялъ онъ:—гнали во всю мочь. Только и кричали, что пошелъ да пошелъ. Съ козелъ меня столкнули... А ты кто такой?—обратился онъ къ Бурундукову, размахивая руками.—Генералъ—ты, что ли, какой? Ты солдатъ (и крѣпкое словцо).. солдатъ безпитанный (и опять крѣпкое словцо).

Бурундуковъ и Каменевъ объяснялись, между тѣмъ, съ мужиками, и изъ этихъ объясненій выяснилось, что въ деревушкѣ всего-то три двора, и лошадей нѣту.

— Надо съѣздить назадъ на станцію, за лошадьми. Помогите-ка кто-нибудь отпречь пристяжную.

Мужики не двигались.

Что же вы?

— Не замай, братцы!—кричалъ ямщикъ.

— Что жъ, наше дѣло тутъ сторона. Что жъ мы?

— И то, братцы.

Бурундуковъ пошелъ отпрягать лошадь.

— Нѣтъ ты не смѣешь отпрягать,—закричалъ ямщикъ.—Не дамъ я тебѣ.

Онъ рванулся было къ нему, но свалился и едва приподнялся, скользя на обледенѣломъ снѣгу дороги.

— Видите, какъ онъ пьянъ,—замѣтилъ Каменевъ мужикамъ.

— Точно, что маленько выпивши.

Но не успѣлъ Каменевъ отойти шага на два-на три, какъ они принялись наускивать ямщика:

— Не давай, не давай!

Ямщикъ кинулся, и на этотъ разъ удачнѣе,—да поздно. Вдвоемъ жандармы успѣли уже отпречь лошадь, и Бурундуковъ сѣлъ на нее верхомъ.

Тутъ-то разразился нашъ ямщикъ.

Въ то время, какъ Бурундуковъ удалялся отъ насъ назадъ, онъ напустился на Каменева, который, какъ и товарищъ его—надо признаться—вели себя какъ нельзя лучше во всей этой исторіи.

Теперь ямщикъ далъ другой оборотъ своимъ ругательствамъ.

— Ты кого везешь?—кричалъ онъ, все съ тѣми же неизбѣжными приговорками.—Ты секлетнаго везешь. Вотъ кого! Не генерала ты везешь, а секлетнаго. А въ чемъ ты его везешь? Я, братъ, законы

знаю. Развѣ въ этакой избушкѣ секлетныхъ возятъ. На то перекладная есть. А ты его съ проходной везешь.

— Молчи ты, когда съ тобой не разговариваютъ,—попробовалъ кротко замѣтить ему Каменевъ.

— Не стану молчать!—еще громче голосилъ ямщикъ.—Секлетнаго-то ты въ избушкѣ въ этой везешь? Ты кто такой? Жандармъ ты (словцо)... А сабля у тебя гдѣ? Захочу, я тебѣ все рыло расхлещу. Съ секлетнымъ ты ѣдешь, а гдѣ у тебя сабля? А!.. Жандаръ ты, а я плевать хочу на тебя. А пистолетъ у тебя гдѣ? Секлетнаго ты везешь... Секлетнаго или нѣтъ?.. А какъ же ты его безъ сабли везешь!

Каменевъ подошелъ къ растворенной дверцѣ возка и началъ говорить со мной.

Тутъ совершилось нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Пользуясь, вѣроятно, тѣмъ, что жандармъ не обращаетъ на него никакого вниманія, и подзадоренный мужиками, ямщикъ вдругъ вскочилъ на козлы, крикнулъ на лошадей въ источный голосъ, и лошади, вѣроятно, съ испугу помчались. Я захлопнулъ поскорѣе дверцу возка и отворилъ маленькое оконце впереди.

— Стой! Куда ты? Остановись! Держи лошадей,—кричалъ я ямщику.

Но онъ ничего не слушалъ, размахивалъ кнутомъ, какъ сумасшедшій, и только отчаянно ухалъ на лошадей.

— Что, плохо везу? Плохо!—восклицалъ онъ по временамъ.—Пристали лошади? а! Вотъ какъ я на парѣ троихъ везу.

Ясно было, что онъ ничего не помнитъ.

Видя, что слова мои не помогаютъ, я схватилъ его за поясъ, потомъ за плечо, но толку никакого не было: онъ продолжалъ гнать все сильнѣе и сильнѣе.

Наконецъ уже, онъ какъ-то неловко пошатнулся, неловко потянулъ возжи, и лошади круто повернули въ сторону и уперлись въ сугробъ. Мы проскакали версты три.

Тутъ догналъ насъ Каменевъ верхомъ. Мужики испугались, видя, что можетъ выйти плохо для нихъ, и поспѣшили дать ему лошадь. Онъ съ великимъ трудомъ усадилъ ругавшагося ямщика на козлы, сѣлъ съ нимъ самъ, и мы поѣхали назадъ, чтобы встрѣтиться съ Бурундуковымъ.

Замѣчательнѣе всего то, что когда, стоя около сугроба, ямщикъ опять принялся за ругательство и опять кричалъ: «ты секлетнаго везешь?» и проч., и когда я крикнулъ ему: «Да перестанешь ли ты ругаться?», онъ вдругъ нѣсколько присмирѣлъ, подошелъ ко окошку, въ которое я глядѣлъ, снялъ шапку и принялся оправдывался передо мной, называя меня: «ваше превосходительство». Не думайте, чтобы въ этомъ названіи, какъ и вообще въ обращеніи ко мнѣ, была хоть искра ироніи.

Когда мы отъѣхали немного назадъ и Бурундуковъ встрѣтился

намъ въ саняхъ съ посланнымъ со станціи и съ парой свѣжихъ лошадей, на подкрѣпленіе остальныхъ, ямщикъ перепугался и, повидимому, совсѣмъ отрезвѣлъ.

Лошадей перепрягли, и онъ, извиняясь, сталъ просить, чтобы ему дозволили довезти насъ до слѣдующей станціи. Онъ и повезъ насъ—уже тихо и смирно, и довезъ исправно.

Если бъ мнѣ въ то время, какъ мы мчались только вдвоемъ съ пьянымъ ямщикомъ, попался какой-нибудь исправникъ или становой, онъ легко бы могъ принять меня за бѣглаго, улепетывающаго отъ погони. Кандалы мои могли бы только утвердить его въ этомъ предположеніи.

Вотъ самое интересное изъ происшествій со мной по пути изъ Петербурга до Тобольска. Затѣмъ стоитъ развѣ упомянуть, что мы четыре раза сваливались съ возкомъ и выбирались изъ него въ одну изъ дверокъ, которая оказывалась обыкновенно на мѣстѣ крыши. При этомъ, конечно, всегда почти надламывалась одна изъ оглобель, и въ ближайшей по дорогѣ деревнѣ производилась чинка. Любопытно, что три послѣднихъ паденія съ возкомъ случились какъ разъ въ три послѣдніе дня моего пути къ Тобольску—по паденію на день. Одно окно разлетѣлось въ дребезги, и мы забили его войлокомъ.

Мнѣ не хотѣлось пріѣхать въ Тобольскъ ночью, и мы рѣшили ночевать на послѣдней станціи. Здѣсь мы въѣхали на такъ называемую земскую квартиру, въ опрятную, теплую и довольно просторную избу. Было еще не поздно. Напившись чаю, я принялся писать письмо, чтобы отправить его съ жандармами. Они обѣщали доставить его аккуратно. Я не зналъ, гдѣ будутъ держать меня въ Тобольскѣ и допустятъ ли ихъ ко мнѣ,—и потому лучше было сдѣлать дѣло заранѣе. Тутъ же рѣшилъ я дать имъ на водку. Денегъ у меня на рукахъ не было. Вывести въ расходъ по данной Каменеву книжкѣ слишкомъ много мнѣ не хотѣлось. Я еще не искусился опытомъ въ этомъ отношеніи, и думалъ, какъ бы не было потомъ какихъ придирокъ. Поэтому я распоролъ подкладку своей шапки, въ которую друзья зашили мнѣ на всякій случай денегъ,—и вознаградилъ жандармовъ довольно щедро. Они были, конечно, какъ нельзя болѣе благодарны. Остальныя, выпоротыя изъ шапки деньги я просто на просто, безъ всякихъ опасеній и предосторожностей, положилъ себѣ въ карманъ.

По мѣрѣ приближенія къ Тобольску мнѣ не разъ встрѣчались на станціяхъ проѣзжіе и оттуда, и изъ дальнѣйшихъ мѣстъ Сибири. Всѣ почти обнадеживали меня, что меня не ждетъ ничего ужаснаго, что со мною будутъ обращаться, какъ нельзя лучше, и проч., и я, признаюсь, нѣсколько успокоился. Меня нѣсколько смущало только то, что я—первый и единственный политическій преступникъ, ссылаемый въ царствованіе Александра II въ каторжную работу. Отъ подобныхъ ссылокъ успѣли уже нѣсколько отвыкнуть въ Сибири,

и, пожалуй, я буду поставленъ въ исключительное положеніе, которое, во всякомъ случаѣ, непріятно, потому что возбуждаетъ вниманіе, а слѣдовательно, болѣе строгій надзоръ. Я зналъ, что въ Нерчинскомъ округѣ не осталось уже никого изъ декабристовъ, ни Петрашевскаго и сосланныхъ съ нимъ вмѣстѣ трехъ его товарищей.

Къ счастью, того, что я предполагалъ, не случилось. Время всетаки сдѣлало успѣхи, и я встрѣтилъ здѣсь, вмѣсто прежняго равнодушія или притѣсненія, болѣе или менѣе искреннее сочувствіе и всевозможныя удобства.

Привычка ли къ дорогѣ, или всетаки пріятное чувство, что въ Тобольскѣ узнается хоть что-нибудь рѣшительное,—только я не чувствовалъ уже того утомленія, что въ Вяткѣ и Перми. Я уснулъ очень хорошо, но проснулся довольно рано,—и мы почти тотчасъ же отправились.

Двадцать верстъ, считавшіяся отъ станціи, скоро остались за нами, и вотъ забѣлѣли на горѣ зданія и церкви Тобольска. Было около десяти часовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АКЦЕНТЪ.

(Разсказъ моего знакомаго).

I.

Лѣтъ пять тому назадъ я окончилъ гимназію въ К. Аттестатъ при этомъ получилъ средній и въ университетъ не попалъ, какъ еврей, по процентному отношенію. Собственно, меня бы приняли, если-бы я былъ получеловѣкомъ, такъ какъ полъ-процента, по разсчету, оказывался вакантнымъ, но меня на этотъ разъ признали настоящимъ, полнымъ человѣкомъ и... отказали.

Дѣло сводилось къ тому, что надо было кормить мать и младшаго братишку, оставшихся безъ всякихъ средствъ послѣ смерти отца. Надо было и самому жить, и при томъ въ чертѣ осѣдлости, такъ какъ гимназія въ этомъ отношеніи никакихъ правъ не даетъ.

Я надѣялся попасть въ университетъ, взять къ себѣ братишку, да и уроки студенту легче найти, чѣмъ „не попавшему“, но... мечты — мечтами, а дѣйствительность говоритъ свое: хлѣба!—и пришлось думать только о немъ.

Началъ я усиленно искать подходящихъ занятій, веду переписку—неудача за неудачей. Наконецъ получаю отъ знакомаго письмо о томъ, что въ мѣстечкѣ Болотищахъ, въ „чертѣ“, нѣсколько семействъ соединились и подыскиваютъ для своихъ чадъ подходящаго учителя; такъ вотъ, не возьмусь ли. Жалованье не плохое. Обрадовался я, тотчасъ поѣхалъ. Осмотрѣли меня со всѣхъ сторонъ и аттестатъ мой разсмотрѣли. Кто-то изъ участниковъ „смотринъ“ предложилъ мнѣ изложить свое міросозерцаніе... Я это сдѣлалъ довольно туманно... Наконецъ, отъ меня потребовали, чтобы я не выходилъ со своими учениками изъ предѣловъ чистой науки, и когда я пообѣщалъ, что за все время моего учительства я не внушу своимъ ученикамъ ни малѣйшаго подобія идеи, договоръ былъ законченъ...

Если принять во вниманіе, что меня „договаривали", такъ сказать, сливки общества, то станетъ ясно—гдѣ я очутился. Глушь, грязь, невѣжество, подозрительность и скука, скука безъ конца. Былъ тамъ аптекарь, самъ ловившій ради экономіи какихъ-то пауковъ для приготовленія лѣкарства. Я занимался съ его мальчикомъ, и онъ ежедневно просилъ меня объ одномъ—не жалѣть рукъ и линейки.

— Науку необходимо вбивать, тогда она усвоится; и мнѣ вбивали.—Это я слышалъ отъ него неизмѣнно.

Мальчикъ его, золотушное, жалкое существо, плохо успѣвалъ, и аптекарь, видя, что я отказываюсь его бить, самъ старался колотить его въ моемъ присутствіи.

— Вамъ непріятно, такъ я за васъ, — говорилъ онъ, вѣроятно, полагая, что это мнѣ пріятно.

Затѣмъ докторъ, старый, глухой человѣкъ, спавшій по 14 часовъ въ сутки, одинъ изъ тѣхъ комичныхъ докторовъ, о которыхъ говорятъ, что въ серьезныхъ случаяхъ они пугаются не меньше больного и велятъ позвать доктора. Наконецъ, народный учитель, добрый, хотя и ограниченный человѣкъ, но, къ несчастію, безнадежный алкоголикъ. Вотъ вся интеллигенція мѣстечка.

Повторяю: это было пять лѣтъ тому назадъ; теперь многое, конечно, измѣнилось къ лучшему. Въ прошломъ году я посѣтилъ Болотищи и самъ слышалъ въ одинъ вечеръ двѣ пѣсни, прежде неслыханныя. Молодежь, расходясь, съ одного собранія, раздѣлилась на двѣ группы, и обѣ запѣли свои пѣсни. Въ одной говорилось, что еще не потеряна надежда возвратиться въ страну отцовъ; а другая съ гордостью заявляла: „Мы новый міръ построимъ, и воспрянетъ родъ людской"... И говорятъ, теперь въ Болотищахъ есть съ кѣмъ сходиться... Но въ то время...

II.

Я съ ужасомъ вспоминаю о той тьмѣ, какая царила въ этомъ грязномъ мѣстечкѣ. Прямыхъ, свободныхъ отношеній ко мнѣ я не помню, особенно въ первое время. Для всего русскаго населенія я былъ „жидъ", и этимъ все сказано. Для тѣхъ богатыхъ евреевъ, которые меня „наняли", я былъ чѣмъ-то въ родѣ лакея, меня почти презирали за мой бѣдный костюмъ: хозяйскія жены и дочери еле подавали мнѣ руку, а хозяева вмѣшивались въ преподаваніе и очень часто замѣчали: „пожалуйста, старайтесь,—вы вѣдь не даромъ деньги получаете"; или: „господинъ будущій студентъ, вы вчера ушли за четверть часа до срока,—чтобы это больше не по-

вторялось; сегодня занимайтесь лишнихъ четверть часа", и т. д.

Порой мнѣ казалось, что это какіе-то зулусы, принявшіе нѣкоторую европейскую внѣшность. Въ субботу они надѣвали новые костюмы, тугіе крахмальные воротники и отправлялись въ синагогу, гдѣ, растолкавъ локтями бѣдноту, усаживались на почетныхъ мѣстахъ у амвона. Видно было, что необносившіеся костюмы рѣжутъ имъ подъ мышками, воротники препятствуютъ свободно дышать и говорить; что въ синагогу они пришли не молиться, а вести громкими голосами разговоры о коммерческихъ дѣлахъ, заставляя этимъ страдать вѣрующую, молящуюся массу, что самая суббота для нихъ не праздникъ, не день торжественнаго отдыха отъ труда и для молитвы, а что-то внѣшнее, безразличное. Я ихъ прямо ненавидѣлъ минутами, не выносилъ ихъ жирныхъ лицъ, лоснящихся щекъ и глазъ, твердыхъ шляпъ, всего этого жирнаго, глянцевитаго вида, хамской манеры обращенія съ бѣднотой. А какими лакеями они, въ свою очередь, являлись по отношенію къ каждой свѣтлой пуговицѣ, цвѣтному околышу, какъ они добровольно унижались передъ надзирателемъ, урядникомъ, акцизнымъ, чуть-ли не передъ городовымъ!

У одного такого богача, Якова Исаича Гохмана, я занимался съ мальчикомъ. Весной мы втроемъ ѣздили въ городъ, къ гимназическимъ экзаменамъ, и остановились въ лучшей гостиницѣ. На прислугу, кучеровъ онъ кричалъ, мнѣ подавалъ кончики пальцевъ, но однажды, разговаривая по телефону съ исправникомъ, онъ низко кланялся телефонной трубкѣ, умильно улыбался, потиралъ руки и повторялъ: „здрасте, мое почтеніе, Петръ Петровичъ, мое почтеніе" — и все кланялся, кланялся телефону...

Средній классъ—мелкіе торговцы, зажиточные ремесленники—были симпатичнѣе, но вся жизнь ихъ была поглощена одной заботой, однимъ страхомъ — не сойти со своего сноснаго положенія на низшую ступень,—ступень нищеты. Для этого они принуждены были постоянно напрягаться, бороться, бодрствовать и... дрожать. Равновѣсіе ихъ благополучія было, дѣйствительно, очень неустойчиво.

Имъ было некогда жить, и поэтому сближаться съ ними было очень трудно. Свободнымъ днемъ для нихъ былъ праздникъ—суббота. До обѣда они бывали въ синагогѣ и молили Бога о томъ, чтобы имъ ничто не помѣшало всю недѣлю до слѣдующей субботы работать и работать, чтобы никто не убилъ ихъ, ихъ женъ и дѣтей, не разбилъ мебели и оконъ и не разорвалъ перинъ...

Послѣ обѣда въ субботу они спали въ жаркихъ, старыхъ

перинахъ, потомъ, заспанные и хмурые, провѣряли знанія своихъ дѣтей, съ помощью побоевъ пріобрѣтенныя за недѣлю въ хедерахъ, и успѣхи награждали обѣщаніемъ „копѣйки“, а неуспѣшность—новыми побоями.

Потомъ отправлялись въ синагогу къ вечернимъ молитвамъ и, стряхнувъ остатки праздничнаго настроенія, возвращались домой, опять готовые вести мелочную, но жестокую борьбу...

Но всетаки были среди нихъ хорошіе люди, и даже у многихъ находилась и нѣжность, и ласка для своей семьи, изрѣдка и для чужого.

Эти копѣйки уродовали ихъ грезы, обезкрыливали мечты, лишали чувства свѣжести и непосредственности. И то, что все-таки уцѣлѣвало въ этой борьбѣ съ копѣйкой, — носило печать надорванности, тоски...

Но еще болѣе темная масса, и уже безъ всякихъ проблесковъ, составляла самую значительную по количеству часть населенія Болотищъ. Это — страшная бѣднота, безъ малѣйшаго признака какой-бы то ни было профессіи. Мнѣ всегда казалось, что всѣ они, т. е. почти половина мѣстечка, прожили до того времени, какъ я ихъ узналъ, — единственно благодаря какой-то счастливой, необъяснимой случайности, но что завтра-послѣ завтра всѣ они съ женами и дѣтьми обязательно перемрутъ съ голоду... Среди нихъ нерѣдко можно было встрѣтить семью въ 7—8 человѣкъ, кормившуюся тѣмъ, что глава семьи торговалъ самоварной мазью, по 3 копѣйки за коробку, а всѣхъ-то коробокъ у него было 10—15. Я, помню, нарочно подошелъ къ одному такому коммерсанту съ бѣльмомъ на глазу и спросилъ — сколько стоитъ коробка мази. Онъ торопливо смѣрилъ меня своимъ глазомъ и коварно, вмѣсто 3-хъ коп., назначилъ 5. Нужно было видѣть его плохо скрытое изумленіе, радость, почти восторгъ, когда я, не торгуясь, подалъ ему пятакъ. Жалкая, страшная картина! Я послѣ этого аккуратно каждую недѣлю покупалъ у него ненужную мнѣ мазь и платилъ пятакъ; вскорѣ я увидѣлъ, что еврей началъ считать меня чѣмъ-то въ родѣ доброй феи... Не только онъ самъ снималъ шапку, издалека завидя меня, но и жена его, и дѣти кланялись и провожали меня благоговѣйными взглядами... Вскорѣ меня осадили предложеніями мази на самыхъ выгодныхъ условіяхъ: въ кредитъ, съ доставкой на домъ и т. д. Я упорно отказывался, но сколько крови, нервовъ портилось у несчастнаго еврея, когда въ его присутствіи сосѣди мнѣ предлагали ту-же мазь за 3 копѣйки. Онъ бросалъ на конкуррентовъ взгляды, полные ненависти, и даже не въ силахъ бывалъ воздержаться отъ отрывистыхъ и короткихъ проклятій.

Переводя свой единственный глазъ на меня, онъ мгновенно умилялся и говорилъ:

— Милостивый государь, вы такой умный, образованный, ученый господинъ, таки сейчасъ станете купувать ихнюю мазь! Развѣ то мазь? Камень, больше ничего. Вотъ это мазь—мнедъ, мармаладъ...

И его глазъ горѣлъ при этомъ фальшивымъ восторгомъ...

III.

Трудно себѣ представить домашнюю жизнь этихъ бѣдняковъ. Вотъ Файвель—керосинщикъ, маленькій черный еврей съ такой обильной растительностью на лицѣ, что самого лица почти и не видно,—только большіе глаза смѣшно выбѣгаютъ изъ-подъ бровей и опять убѣгаютъ обратно. Самъ онъ разноситъ керосинъ по домамъ, а дома, какъ онъ мнѣ объяснилъ, жена торгуетъ тоже керосиномъ, крейдой (мѣломъ), навозомъ, который дѣтьми собирается по воскресеньямъ на базарной площади, спичками.

Файвель большой шутникъ. „Покупатель любитъ шутку",— говоритъ онъ, точно оправдываясь. У него чахотка, но онъ говоритъ, что она уже давно у него, и „онъ къ ней привыкъ".

— Мнѣ вывѣски для моего товара не надо: я кашляю, то уже всѣ знаютъ, что Файвель-керосинщикъ идетъ.

Семья у него большая — шестеро дѣтей, и всѣ дѣвочки.

— Вы не думайте,—говоритъ онъ,—имѣть 6 дочекъ—это вовсе не плохо, лучше, чѣмъ имѣть 6 милліоновъ рублей.

И каждый разъ онъ забираетъ при этомъ въ кулакъ свою огромную бороду, отчего, какъ будто, сразу становится вдвое меньше ростомъ, и лукаво задаетъ вопросъ: — а почему?—и сейчасъ-же, распустивъ кулакъ, самъ отвѣчаетъ:

— Это очень просто. Когда есть 6 милліончиковъ, такъ хочешь, чтобы было 7, ну, а если 6 дочекъ, то—довольно!

Какъ-то разъ онъ не принесъ мнѣ керосину, и я, захвативъ жестянку, отправился къ нему на домъ. Квартира его представляла собой пристройку изъ тонкихъ шелевочекъ къ полуразрушенной стѣнѣ стариннаго польскаго замка и торчала какъ-то нелѣпо и не у мѣста... Низкая, съ маленькимъ одинокимъ окошкомъ въ неплотно притворяющейся двери; оконъ,—тамъ, гдѣ они полагаются,—вовсе не было. У самаго входа, въ углу—куча навоза (это товаръ), нѣсколько кусковъ мѣлу, два ведра съ керосиномъ, мѣшокъ съ солью, затѣмъ на стѣнѣ маленькая полочка, — на ней нѣсколько па-

чекъ спичекъ, штукъ пять бубликовъ, три лимона—и больше ничего. У задней стѣны, на врытыхъ въ землю 4-хъ столбикахъ, нѣсколько досокъ,—это столъ; возлѣ него три ящика и двѣ колоды—стулья, и на веревкахъ, идущихъ вверхъ къ покатой крышѣ (потолка нѣтъ) люлька—корыто. Потомъ еще какой-то, трудно опредѣляемый, хламъ...

Меня встрѣтила высокая, закутанная въ разное тряпье женщина съ ребенкомъ въ такомъ-же тряпьѣ, пищавшимъ у нея на рукахъ. Лицо женщины нельзя было разглядѣть изъ-подъ тряпья,—видны были только красные глаза и тонкій, какъ лезвіе, носъ.

— Простите, панъ учитель,—встрѣтила она меня,—у мужа поньче кровь пошла изъ рота, такъ онъ карасину ни вамъ, никому не носилъ. Спасибо вамъ, что у другого не взяли.— Она поспѣшно положила ребенка подлѣ себя на землю и стала отпускать мнѣ керосинъ.

— Куда-же Файвель ушелъ?—спросилъ я.—Вы, значитъ, не здѣсь живете? И дѣтей здѣсь нѣтъ?..

— Нѣтъ, мы здѣсь и квартируемъ, если пану угодно знать. Но только съ дѣтями развѣ можно торговать? Никто ничего не купитъ отъ гвалту. Дѣтки утречкомъ уходютъ, а приходютъ ночевать; когда и днемъ придутъ, но что вы подѣлаете — надо прогонять, — торговля... А мужъ ушелъ... насилу ушелъ—ему тутъ холодно. Въ гекдешѣ *) все полно, то онъ такъ пошелъ... може, кто впуститъ въ теплую хату полежать. Такъ онъ, може, и умретъ до вечера на улицѣ, а я и не узнаю... Кому сладко возиться съ чужимъ человѣкомъ— може, его никто и не впуститъ... я знаю?..

— А безъ него развѣ заработаешь? —продолжала она тихо и сосредоточенно.—Всякому другой принесетъ. У самого Файвеля всетаки брали скорѣй, чѣмъ у другого. У него и мѣрка честная, и пошутить съ господами можетъ, такъ его и люблютъ. А сюда кто придетъ?

— Холодно у васъ,—сказалъ я.—Топить, видно, нельзя,— печки нѣтъ.

— А хоть бы была, такъ что? —пальцами и печку не затопишь. Ночью всѣ въ кучу спимъ, дѣтки притулятся... А что дѣлать? Увездѣ щели, снѣгъ набивается... Только лѣтомъ дыхать можно, а осенью или весной, то еще хуже, чѣмъ шейчасъ. Тутъ подъ низомъ болото, водой все чисто заливается—и дѣтки, и товаръ, бѣгаешь, не знаешь, куда дѣться .. За то трошки торгуется. А лѣтомъ кому надо карасинъ? Никому. Ну, такъ и нѣту хлѣба, что вы думаете?..

— Что-же дѣлать?

---

*) Гекдешъ—больница для бѣдныхъ.

— А я знаю? Что-бъ мене такъ горе знаю, какъ я знаю. Ничего. Горуемъ... Вотъ дѣти ушли, мужъ ушелъ,—а куда они приткнулись—я не знаю. Они и сами не знаютъ; то въ синагогѣ, то у шамеса *) погрѣются... какъ нибудь... Слезы уже всѣ выплакала, скоро ослѣпну,—сердце болитъ, а больше ничего... Спасибо, панъ, простите, что я вамъ долю свою говорю. Пожалуйста, у другихъ не берите карасинъ. Что дѣлать? Просить не хочется по домамъ, не привыкли...

И въ такомъ, приблизительно, положеніи находилась почти половина мѣстечка...

Это была страстно вѣрующая масса. Да оно и понятно, такъ какъ если бы не напряженная вѣра, отвлекающая мысль отъ созерцанія своего невыносимаго положенія при вѣчномъ, вынужденномъ досугѣ,—они впали-бы въ отчаяніе, убили-бы, кажется, своихъ женъ, дѣтей, самихъ себя. Молитва вылетала изъ ихъ груди рыданіемъ, стонами, у женщинъ—почти истериками. Ихъ дѣти имѣли всегда какой-то угнетенный старчески-серьезный, мертвенный видъ.. А родители вымещали на нихъ свою горькую долю побоями, страшными проклятіями, вошедшими въ привычку.—Мама я хочу ѣсть, —говоритъ какой-нибудь мальчуганъ, съ большими голодными глазами на сѣромъ, безкровномъ лицѣ. А мать отвѣчаетъ:—Ѣсть? Черви чтобъ тебя ѣли! Что я тебѣ дамъ ѣсть? Господи! Что мнѣ тебѣ отдать? Душу свою? Печенки свои? Что я вамъ всѣмъ дамъ?! Мене ѣшьте, мене!.. Чтобъ васъ черный годъ взялъ...

Она бы ихъ, навѣрно, меньше проклинала, если бы меньше любила... Но, кромѣ измученной души и высохшаго тѣла, у нея, дѣйствительно, ничего больше нѣтъ для нихъ!

IV.

Но, пожалуй, ужаснѣе всего были отношенія между еврейскимъ и нееврейскимъ населеніемъ мѣстечка. Это была, собственно, не открытая вражда, а нѣчто худшее—привычное, хроническое обоюдное непризнаваніе человѣческаго достоинства. У русскихъ существовало для еврея лишь слово „жидъ“, у евреевъ для русскаго—равнозначущее „гой“. Была густая, непроницаемая, казалось, безнадежная тьма, равнодушіе къ мученіямъ и страданіямъ иновѣрца, равнодушіе болѣе холодное, чѣмъ къ страданіямъ лошади, собаки... Для характеристики этихъ отношеній очень пригоденъ старый анекдотъ о томъ, какъ мужикъ, убившій и ограбившій еврея, не съѣлъ найденной у убитаго курицы, потому что

*) Шамесъ—синагогальный прислужникъ.

былъ постный день. Я самъ сотни разъ слышалъ: „жида убить не грѣхъ"—и видѣлъ, что это не фраза, а искреннее убѣжденіе..

Я не знаю ничего гнуснѣе картины торга между евреемъ и русскимъ или полякомъ. Если въ продажѣ былъ заинтересованъ еврей,—онъ клялся не только живыми, но и мертвыми, призывая въ свидѣтели ангеловъ и Бога, призывая на себя всѣ бѣдствія и болѣзни, въ доказательство правдивости того, что было явной ложью. И, точно также, по сту разъ божился, крестился и клялся еврею христіанинъ, въ доказательство своей лжи, будучи въ ней заинтересованъ. Я часто задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ они клянутся другъ другу, когда все равно абсолютно не вѣрятъ этимъ клятвамъ и даже тѣмъ меньше, кажется, вѣрятъ, чѣмъ ужаснѣе клятва. Въ этомъ было что-то унизительное, страшное!

Если бы въ Болотищи какимъ-нибудь образомъ попалъ человѣкъ, не имѣющій понятія объ отношеніяхъ евреевъ и христіанъ, то его возможно было-бы убѣдить, что въ Болотищахъ нѣтъ ни одного человѣка. Въ самомъ дѣлѣ: каждый еврей сказалъ-бы о христіанинѣ, что это „гой", а не человѣкъ, христіанинъ же о евреѣ, что это—не человѣкъ, а „жидъ". Людей не было...

Объ умершихъ не своей вѣры говорили: издохъ, поволокли,—надъ нищими издѣвались, травили ихъ собаками; упавшій среди улицы отъ болѣзни, голода, будь то женщина, ребенокъ—оставался лежать до тѣхъ поръ, покуда его не подымали „свои". Никакіе безчестные поступки по отношенію другъ къ другу не считались безчестными. Презрѣніе съ людей переносили на животныхъ: убилъ *жидовскую* собаку, убилъ *гойскаго* пѣтуха...

Это было какое-то страшное недоразумѣніе, зарождавшееся надъ колыбелью всѣхъ этихъ помраченныхъ людей и сопровождавшее ихъ вплоть до самой могилы...

VI.

Съ тяжелымъ и злымъ фономъ Болотищенской жизни удивительно характерно и своеобразно гармонично сливается въ моихъ воспоминаніяхъ образъ одного близкаго мнѣ человѣка...

Звали его Исакомъ Наумовичемъ Мусановскимъ, хотя самъ онъ произносилъ свою фамилію „Мушановшкій", потому что изрядно шепелявилъ, вообще говорилъ съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ.

Это былъ безродный старый холостякъ, грязный, обор-

ванный, съ черной, курчавой, уже начинавшей сѣдѣть, круглой головой, хохлатой и нечесаной. Его широкоплечая, сутуловатая фигура, съ головой, глубоко ушедшей въ плечи, длинныя руки и смуглое лицо съ выпяченными толстыми губами, круглыми бѣгающими глазами, съ желтизною въ бѣлкахъ, и толстый короткій носъ, —дѣлали его похожимъ на большую обезьяну.

Познакомился я съ нимъ на лѣсномъ складѣ, гдѣ онъ служилъ приказчикомъ, придя туда съ порученіемъ отъ своего знакомаго. Когда я собирался уже уходить, Мусановскій взглянулъ на меня исподлобья и спросилъ отрывистымъ, почти сердитымъ голосомъ:

— Книги у васъ есть?

— Есть,—отвѣтилъ я.

— А можно у васъ ихъ брать?

— Можно, конечно.

— Ну, такъ я передъ вечеромъ приду.

Вечеромъ онъ, дѣйствительно, пришелъ за книгами, и съ этихъ поръ знакомство наше уже не прерывалось. Впослѣдствіи Мусановскій признавался мнѣ, что ему такъ совѣстно было просить меня, незнакомаго человѣка, что онъ „чуть не лопнулъ со стыда“, и только неодолимая страсть къ чтенію заставила его рѣшиться на такой шагъ.

Книги онъ прочитывалъ удивительно быстро, и поэтому приходилъ ко мнѣ довольно часто. Потомъ сталъ брать и газеты и еще чаще являлся ко мнѣ. Немалымъ удобствомъ для Мусановскаго было мое одиночество, благодаря которому, какъ онъ выражался, ему не надо было ни съ кѣмъ „знакомиться“. Особенно не любилъ онъ знакомиться съ дамами, и если ему изрѣдка случалось застать у меня какую-нибудь женщину,—онъ тотчасъ же, у самыхъ дверей, поворачивался и уходилъ прочь, ворча отрывисто:—Ага, гости... Ну, такъ я послѣ... —Обыкновенно же, заставъ меня одного, онъ молча протягивалъ свою жесткую, не сгибавшуюся, какъ рукавица, руку, клалъ на столъ принесенныя книги или газеты и, если это было зимой, раздѣвался, подходилъ къ печкѣ и, грѣясь возлѣ нея, неизмѣнно произносилъ:—мг... таки тепло...

Обыкновенно я первый начиналъ разговоръ, но Мусановскій не всегда въ него втягивался, особенно если мнѣ удавалось уговорить его выпить чаю. Это было нетрудно сдѣлать. На первое предложеніе онъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ, но стоило повторить просьбу нѣсколько разъ — и онъ терялъ свою рѣшительность: глаза начинали шмыгать по угламъ, избѣгая встрѣчи съ моимъ взглядомъ, вмѣсто отвѣтовъ и отказовъ онъ ворчалъ и коротко мычалъ что-то отрывистое, неуловимое для пониманія и, наконецъ, прини-

малъ стаканъ съ чаемъ, казалось, лишь для того, чтобы прекратить просьбы, на которыя волей-неволей приходилось отвѣчать, а также, чтобы можно было куда-нибудь дѣть руки. Онъ поспѣшно выпивалъ нѣсколько стакановъ, видимо даже обжигаясь горячимъ чаемъ, говорилъ:—ну, книги?—и, получивъ ихъ, тотчасъ уходилъ. Поэтому я всегда колебался между двумя желаніями: напоить его чаемъ, или побесѣдовать. Къ тому или другому рѣшенію я склонялся, смотря по тому, какой видъ имѣлъ Мусановскій, и каково было мое собственное настроеніе. Иногда онъ приходилъ прямо закоченѣвшій, и я уже не отпускалъ его безъ чаю. Странно было, что именно въ такомъ состояніи онъ больше конфузился, очевидно, чувствуя, что нуждается въ томъ чаѣ, который пьетъ. Но если онъ приходилъ не со склада, а изъ дому, уже обогрѣвшись, желаніе напоить и отогрѣть его я приносилъ въ жертву своему эгоизму. Дѣло въ томъ, что бесѣды съ Мусановскимъ являлись для меня порой положительною потребностью, особенно, если настроеніе было чѣмъ-нибудь испорчено. Онъ замѣчательно умѣлъ реагировать на мое раздраженіе неистощимымъ запасомъ собственной тоски и желчи, и въ такія минуты его сарказмы были мнѣ близки и прямо-таки дороги. Къ тому же, онъ бывалъ особенно разговорчивъ почти исключительно тогда, когда подмѣчалъ черту мизантропіи въ моемъ настроеніи. Мои же радости и свѣтлыя упованія только замыкали его. Тогда онъ исподлобья взглядывалъ на меня, тяжело дышалъ и на всѣ мои попытки заговорить отвѣчалъ пожиманіемъ плечъ и пускалъ сквозь зубы: „Вамъ весело, ну, и слава Тебѣ Богу, вы себѣ веселитесь, а мнѣ не весело какъ разъ ноньче; каждый по своему»...

Въ газетахъ его интересовали исключительно политическія событія. Книги любилъ больше историческаго содержанія: о войнахъ, походахъ, политическихъ переворотахъ,—и такихъ книгъ перечиталъ въ своей жизни множество. Романовъ онъ не любилъ и бросалъ ихъ читать иногда на серединѣ:—Ну, что—говорилъ онъ презрительно – я люблю, ты люблю, онъ люблю, всѣ люблю; ну, что? Кому это хочется знать?—барышнямъ. Э, чепуха!..

VII.

Вотъ краткая біографія Мусановскаго. Отецъ его былъ лѣсопромышленникъ и къ этому дѣлу пріучилъ и сына. Потомъ, когда наступилъ срокъ, Мусановскій былъ взятъ въ солдаты вмѣсто другого, скрывшагося отъ отбыванія воинской повинности, и прослужилъ пять лѣтъ въ Закаспійскомъ

краю. На службѣ ему не повезло: онъ заболѣлъ лихорадкой въ тяжелой формѣ, а ему не вѣрили, говорили, что онъ не принимаетъ лѣкарствъ нарочно, чтобы его отпустили домой по болѣзни. Обходились очень сурово, и это недовѣріе и подозрительность во время страданій провели въ его душѣ черту недовѣрія и подозрительности къ людямъ... Затѣмъ, послѣ выздоровленія, съ нимъ произошелъ такой случай: ротѣ скомандовали „направо", а Мусановскій, по оплошности, повернулся „налѣво". Подскочилъ фельдфебель и приказалъ сосѣду Мусановскаго плюнуть въ лицо провинившемуся... Мусановскій смолчалъ, но навсегда запомнилъ это унизительное оскорбленіе и часто о немъ вспоминалъ, какъ бы намѣренно растравляя себя. Вообще онъ какъ-то не ладилъ съ своимъ начальствомъ и считался плохимъ, ненадежнымъ солдатомъ. На смотрахъ высшаго военнаго начальства командиръ роты Мусановскаго болѣе всего опасался его ошибки.

Вернулся онъ со службы уже порядочно озлобленный и на людей, и на жизнь, но благотворное вліяніе матери, которую онъ очень любилъ, очевидно, удерживало въ его душѣ нѣкоторое равновѣсіе.

Мусановскому было 28 лѣтъ, когда на него сразу обрушился цѣлый рядъ несчастій. Въ томъ городѣ, гдѣ жила его семья, произошли антиеврейскіе безпорядки, и, въ числѣ другихъ, былъ также разграбленъ домъ его отца. Затѣмъ мать, проболѣвъ отъ испуга около года,—умерла. Отецъ, уже старикъ, черезъ два мѣсяца послѣ смерти жены женился вторично на молодой вдовѣ, которая очень скоро забрала въ свои руки и старика, и все его имущество. Мусановскій не поладилъ съ мачихой, и однажды, послѣ жестокой ссоры съ нею, ему было объявлено, что онъ свободенъ отъ дѣла и можетъ идти, куда угодно. Вскорѣ же умеръ его отецъ, подъ конецъ жизни доведенный обращеніемъ жены до какого-то ребячески-безпомощнаго состоянія, —и все имущество перешло къ ней.

Всѣ эти несчастія, слѣдуя одно за другимъ, крайне озлобили и ожесточили Мусановскаго. Тогда же, какъ онъ самъ говорилъ, возникла, между прочимъ, его антипатія къ женщинамъ. Онъ уѣхалъ изъ родного города и сталъ искать какой-нибудь службы. Знакомый его покойнаго отца, имѣвшій лѣсной складъ въ Болотищахъ, нуждался въ это время въ приказчикѣ и предложилъ это мѣсто Мусановскому, своему бывшему конкурренту. Тотъ согласился. Жалованье его было очень маленькое, что-то около 15-ти рублей въ мѣсяцъ. Неподалеку отъ моей квартиры была нанята имъ крошечная, полу-темная комнатка, гдѣ-то въ сараѣ; обѣдъ онъ варилъ

себѣ самъ, на складѣ. Рано утромъ онъ туда уходилъ и возвращался поздно вечеромъ. Знакомыхъ, кромѣ меня, у него почти не было, со мной же, какъ-то для себя самого незамѣтно, онъ сошелся довольно близко и даже, думается, привязался ко мнѣ.

Положительно могу сказать, что по характеру это былъ человѣкъ незлой и даже добродушный. Но въ его душѣ чувство прощенія было, очевидно, забито жизнью, заглушено обидами, и онъ требовалъ отъ людей голой справедливости. Въ Болотищахъ, между тѣмъ, справедливость была величайшей рѣдкостью, а такъ какъ каждая несправедливость ложилась на его душу тяжелымъ камнемъ, то онъ все больше и больше сжимался.

Иногда на него находили минуты, такъ сказать, просвѣтленія, и онъ съ незлобивой ироніей подсмѣивался надъ своимъ горькимъ положеніемъ и не такъ ужъ безпросвѣтно-мрачно смотрѣлъ на жизнь. Но это бывало очень рѣдко, обыкновенно же его воспоминанія были полны горечи непрощенныхъ и неотмщенныхъ обидъ и униженій въ прошломъ...

Помню: разъ пришелъ онъ ко мнѣ въ минуту, когда я былъ особенно радостно настроенъ; только что передъ этимъ я прочиталъ въ газетѣ корреспонденцію, свидѣтельствовавшую о сближеніи русскаго и еврейскаго населенія въ какомъ-то мѣстечкѣ, въ Болотищахъ же такое извѣстіе пріобрѣтало особенную цѣнность. Увидя меня веселымъ, Мусановскій, по обыкновенію, внутренно съежился и прямо приступилъ къ дѣлу, то есть къ книгамъ. Но я ужъ не могъ отпустить его отъ себя, не подѣлясь своей радостью. Мнѣ хотѣлось разъяснить ему смыслъ обрадовавшаго меня извѣстія, доказать ему, что это симптомъ времени, а не единичный случай, что скоро это начнется вездѣ, слѣдуетъ только работать, сближаться и т. д., и т. д.

Вначалѣ онъ слушалъ меня просто насмѣшливо: кивалъ головой и подавалъ короткія реплики, въ родѣ: «мг... мг... такъ—такъ... ай-ай-ай... скажите, пожалуйста»...—но потомъ я увидѣлъ, что его ироническій тонъ понемногу исчезаетъ и замѣняется гнѣвнымъ. Въ глазахъ его даже сверкнула ненависть, если не ко мнѣ, то къ моей горячей рѣчи... Онъ вдругъ побагровѣлъ и съ какой-то страстной злобой набросился на меня:

— Что, что!.. Вы... вы мальчикъ, вы ничего не понимаете!.. Вы думаете, что окончили свою гимназію и уже все знаете?!.. Я знаю, а не вы, потому что мене били...

— И меня били...—попробовалъ я остановить его.

— Га?.. что такое?.. И васъ били?.. Ну-ну, хорошо... А

въ морда вамъ плювали?!.. Нѣтъ, не плювали... Ну, хорошо, а когда вы были больной, то вамъ довѣряли, что вы больной?.. А васъ зимою выгоняли на улицу изъ своего дома? А за кусокъ хлѣба васъ попрекали, замучивали?.. Что вы еще скажете? Русскіе полюблютъ насъ, а мы полюбимъ русскихъ! Полюблють!.. Посмотрите, какая свайба вышла, цѣлуваться заразъ будутъ!.. Деньги есть, то всѣ будутъ цѣлувать —и наши, и русскіе, и американцы и всѣ, а безъ денегъ-то вы, со всѣми вашими свайбами, голодный подохнете. Вы мальчикъ и больше ничего. Гдѣ вы живете—на небѣ или на землѣ, въ Болотищахъ? Тутъ одинъ у другого жилы вытягуетъ, кости ломаетъ, кровь пьетъ, а онъ свайбы выдумалъ. Вамъ Хамизонъ много даетъ за урокъ? А, много?—А у него въ уѣздѣ три мельницы. И нехай еще будетъ триста, такъ онъ вамъ больше не дастъ. Каждый себѣ и своему семейству, а больше никому. Вы мене, пожалуста, не учите,—я, слава Богу, ученый...

— Позвольте, Исакъ Наумычъ, —пробовалъ я возражать, воспользовавшись его передышкой, —вѣдь не всѣ же такіе, какъ Хаимзонъ, есть и хорошіе, добрые люди...

— Нѣтъ, вы позвольте,—перебивалъ онъ меня.—Хорошіе, добрые люди! Когда на человѣка нападаетъ куча собакъ, то онъ говоритъ, что вотъ эта собака — хорошая, она не такъ крѣпко кусаетъ и гавкаетъ, какъ та, или та. Хорошій человѣкъ!.. Этотъ вашъ хваленый хорошій человѣкъ только меньше васъ мучитъ, чѣмъ другой, такъ вамъ и показывается что онъ хорошій. Ну, годи съ вами чепуху балакать. Вы даете книги или нѣтъ? Ну, такъ давайте. — Ну, прощайте, идите поцѣлуйтесь съ Фомкой, онъ васъ любитъ, крѣпко любитъ...

VIII.

Когда, случалось, мы сходились съ нимъ, оба чѣмъ-нибудь оскорбленные, онъ—постояннымъ презрительнымъ обращеніемъ своего хозяина, бывшаго конкурента, я—какимъ-либо столкновеніемъ на урокѣ, тогда отъ насъ сильно доставалось человѣку и человѣчеству. Со стороны могло бы показаться, что между мной и Мусановскимъ происходитъ состязаніе въ очерненіи всего свѣтлаго и дорогого, въ выдавливаніи изъ явленій жизни только дурныхъ и тяжелыхъ...

— Есть что-нибудь новенькое?—задавалъ вопросъ Мусановскій, придя за газетами. Взглянувъ на меня, онъ тотчасъ подмѣчалъ во мнѣ дурное настроеніе, и это моментально располагало его ко мнѣ. Онъ раздѣвался, усаживался и вновь спрашивалъ, не глядя уже на меня:

— Ну, такъ что же вы скажете новенькое?

— А вотъ почитаю, если хотите,—отвѣчалъ я, берясь за газету.

— Ну-ну-ну, почитайте! — говорилъ онъ нетерпѣливо,— любовникъ у любовницы откусилъ носъ, или свинья дите съѣла, га?

— Хуже...

— Что, что? Вы говорите—хуже? Ну, хорошо, хорошо, прочитайте.

Я бралъ газету и читалъ: такого-то числа въ такомъ-то селѣ крестьяне убили женщину, которую все село называло вѣдьмой. Въ убійствѣ принималъ участіе и отецъ убитой, считавшій дочь вѣдьмой...

— Пхе!.. Я смотрю, что онъ мнѣ прочитаетъ такого особеннаго. Черти убили вѣдьму, что тутъ удивительнаго, вы мнѣ скажите?

— Какъ что удивительнаго? — сердился я:—Отецъ убиваетъ свою дочь потому, что считаетъ ее вѣдьмой. И все село называетъ вѣдьмой женщину, выросшую въ этомъ же селѣ. Вамъ этого мало?

— Ну-да, мало,—невозмутимо отвѣчалъ Мусановскій. — Вамъ это много, потому вы только вчера родились, а я не вчера родился, я, слава Тебѣ Богу, видалъ хуже. Во-первыхъ, вамъ не вѣрится, что есть вѣдьмы, а я вѣрно знаю, что есть—моя мачиха вѣдьма. Охъ, если-бъ ее кто убилъ прежде, чѣмъ я ее узналъ. Ну, а второе... Вы мнѣ скажите, пожалуйста, что слѣдуетъ тому человѣку, который другого отъ смерти спасаетъ? Мучить его слѣдуетъ?

— За что же? Я не понимаю васъ... Короче, пожалуйста...

— Что тутъ короче — успѣемъ. На базаръ продавать не понесутъ, и никто не купитъ. Но вотъ я вамъ сейчасъ докажу, что замѣсто спасибо даютъ по шеѣ. Было такъ. Хозяинъ послалъ мене въ Камневку принимать лѣсъ. Ну, хорошо, я себѣ поѣхалъ, нанялъ тамъ квартеру у одного мужика и живу. Но только вы, понятно, знаете, что Камневка село, и мнѣ тамъ жить нельзя, а можно только помирать. Но что значитъ нельзя, когда надо? Урядникъ взялъ рубль, еще разъ рубль и ничего, никто мене не трогалъ. А изъ мужиковъ тоже никто не донесетъ: первое, что они сами не знаютъ въ точности — гдѣ можно, а гдѣ нельзя. То они думаютъ, что вовсе нигдѣ нельзя, а то такъ, что уездѣ можно. И кто это настояще знаетъ? Никто. Ну, а второе— имъ былъ заработокъ, потому, кромѣ какъ хозяина, никто тамъ лѣсомъ не торгувалъ. Они рубили, возили, все какъ водится.

— Ну, живу я себѣ мѣсяцъ, другой, и ни съ того, ни съ сего случается такая исторія. Иду я передъ Рождествомъ че-

резъ рѣчку и слухаю: кто то кричитъ, какъ рѣзаный. Что такое? Я смотрю кругомъ и вижу: какой-то хлопчикъ въ водѣ кричитъ. Онъ, понимаете, катался на конькахъ и попалъ на такое мѣсто, гдѣ ледъ тонкій, и провалился. Извѣстно—кричитъ, стукотитъ руками объ ледъ, а ледъ, конечно, еще хуже ломается. Я побѣжалъ и вижу, что хлопчикъ почти совсѣмъ уже утопъ — не кричитъ, а только руки изъ воды выкидываетъ. А кругомъ — хоть бы кто, ни одного человѣка. Ну, извѣстно, кабы я зналъ, что изъ этого потомъ выйдетъ, то я вамъ вѣрно говорю, что я бы наплювалъ и пошелъ своей дорогой, это — какъ вы мене видите живого. Но только что? Вѣдь не знаешь и не думаешь. И жалко — тамъ русскій, не русскій, но у тебя на глазахъ утопаетъ хлопчикъ, такъ ты начнешь думать, кто онъ такой? Конечно, нѣтъ. То я, какъ стоялъ, сбросилъ съ себя пальто, прыгнулъ въ рѣчку и поймалъ хлопчика за руку. Плаваю я хорошо, и силы тоже есть, то я таки его вытащилъ, но только онъ уже былъ безъ чувствъ. То я поклалъ его на ледъ, подальше отъ воды, чтобы не свалился, а самъ побѣжалъ къ селу и сталъ, понятно, кричать. Мое счастье, что мнѣ напротивъ ѣхалъ священникъ: онъ услыхалъ—кто-то кричитъ, потомъ и мене замѣтилъ, узналъ—что такое и поспѣшилъ къ мальчику. А тотъ все безъ чувства. Тогда онъ забралъ насъ удвоихъ къ себѣ въ санки и поѣхалъ къ доктору. Ну, тамъ, конечно, шейчасъ мальчика привели въ чувству, а я таки хорошо уже замерзъ, и одежа на мнѣ—какъ дубъ. То спасибо доктору,—онъ мене раздѣлъ и велѣлъ легти въ постель и грѣлъ бутылками съ горячей водой; потомъ мнѣ давали пить малину и какое-то лѣкарство. Докторъ все думалъ, что у мене будетъ воспаленіе въ легкихъ, но кончилось все благополучно, и я не заболѣлъ. Ну, постойте, не спѣшите, вы думаете, что это все? Такъ нѣтъ.

— Я ничего не знаю, рубаю лѣсъ, да и все. А докторъ, понимаете, хорошій человѣкъ, такъ онъ подивился, какъ это я, прикасчикъ, необразованный, простой человѣкъ и еще еврей, или тамъ по ихнему—жидъ, вдругъ прыгнулъ зимою въ воду за русскимъ хлопчикомъ, удивительная вещь?! Докторъ тоже былъ русскій. Такъ онъ взялъ и написалъ тамъ, не знаю куда, чтобы мнѣ выдали медаль за спасеніе погибавшихъ. Но я этого, повѣрьте, не зналъ; онъ хотѣлъ, понимаете, чтобы это было мнѣ... какъ это называется... супризъ. Ну, хорошо. То разъ приходитъ до мене сотскій и зоветъ къ доктору. Я пошелъ,—человѣкъ хорошій, я уже у него книги бралъ. Приходю я до доктора, а тамъ и священникъ тотъ самый, что я его тогда устрѣлъ, и еще становой. У мене сразу что-то въ сердцѣ оторвалось... — Вы

спасли - спрашиваетъ становой—Ивана Шулику, когда онъ потопалъ?—Ну, я.—Раскажите, какъ было дѣло.—Ну, что тутъ расказывать? Я разсказалъ все то, что вотъ вамъ разсказалъ, и Шулика этотъ подошелъ, и его все спросили, записали, и священника, и доктора. —Молодецъ,—говоритъ становой,—медаль получите.—Спасибо, ваше благородіе.—Ну, дайте сюда вашъ документъ, я запишу. Далъ я ему свой документъ. Онъ читалъ, читалъ, а потомъ задумался и молчитъ. Я уже хорошо спугался, что онъ молчитъ.—Какъ же, говоритъ, ты здѣсь, братецъ, живешь, когда тутъ тебѣ вовсе жить не полагается?—Понимаете? Такъ и сказалъ, помню, „братецъ".—Теперь уже я молчу. Докторъ смотритъ,—ничего не понимаетъ, и священникъ тоже. —Нельзя, говоритъ, дѣло по дѣламъ, а судъ по формѣ. Поступилъ ты хорошо, по христіанскому, но только выѣхать тебѣ всетаки придется. Скажи спасибо господину доктору,—кабы онъ за тебя не похлопоталъ, а я бы узналъ, что ты незаконно живешь, то я бы тебя по этапу. Ну, за твой поступокъ, и что докторъ похлопоталъ, то вотъ тебѣ двѣ недѣли сроку.—Я, признаться, не вытерпѣлъ досады, повернулся къ доктору и говорю:—спасибо вамъ, что вы за мене похлопотали! И всѣ они сдѣлались красные, какъ бурякъ. Ну, тутъ докторъ сталъ просить, и священникъ, и я тоже трошки. А онъ одно говорилъ:—не могу. Мнѣ и самому жалко, но исправникъ дознается, и съ губерніи какая-то строгая бумага насчетъ евреевъ получилась. Я самъ боюсь пострадать.—И что вы думаете?—черезъ двѣ недѣли я таки выѣхалъ! Докторъ мене провожалъ, чуть не плакалъ. —Мнѣ, говоритъ, стыдно, это все я надѣлалъ. Они и съ священникомъ хотѣли дать мнѣ денегъ, только я не взялъ, такъ докторъ мнѣ хоть книгъ подарилъ. Графа Толстого сочиненіе „Войну и миръ" я любилъ читать, такъ онъ написалъ на книгѣ, что на всю жизнь мнѣ обовязанъ, и подарилъ. Ну, и я уѣхалъ. Такъ это хуже вашей вѣдьмы... Кто она была—мы не знаемъ, може и какъ моя мачиха; а я хлопчика спасъ... И я тогда побожился, что нехай сто человѣкъ утопаетъ, то будь они прокляты, чтобы я ихъ спасалъ: хоть всѣ нехай утопнутъ! Досталось мнѣ отъ хозяина за мой христіанскій поступокъ... Ну, что, мало вамъ? Вы еще молодой. Вѣдьма, вѣдьма! Всѣ вѣдьмы, всѣ черти... Не говорите мнѣ спасибо, не надо вашей медали, вы хоть не мучьте! Э, что тутъ говорить, давайте книги, пойду домой.

Я молча давалъ ему книги или газеты, и онъ уходилъ, видимо довольный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ его разсказъ...

Когда же Мусановскій бывалъ добродушно настроенъ,

онъ умѣлъ и шутить. Его опредѣленія нѣкоторыхъ жителей Болотищъ были замѣчательно мѣтки и остроумны, хотя подчасъ довольно злы, и въ такія минуты изъ самыхъ мрачныхъ картинъ онъ выдавливалъ смѣшныя черточки.

Какъ-то разговорились съ нимъ о погромѣ, бывшемъ въ его городѣ.

— Я помню,—сказалъ онъ съ усмѣшкой,—начали бить на нашей улицѣ. Такъ еще въ нашъ домъ не зашли всей кампаніей, а только авангардъ, по военному. Смотрю: Микита Вовченко, сусѣдъ нашъ, и еще два мужика пришли, пьяные всѣ. А Микита этотъ былъ хорошо знакомый. Ну, вошелъ онъ—и шейчасъ кулакомъ объ шкафу. Я говорю до него:—Микита, какъ тебѣ не стыдно по сусѣдскому?—Такъ онъ, понимаете, застисняліся, видать шейчасъ, въ глаза уже не смотритъ и говоритъ: „Слухай, Исакъ, не я, такъ другой—все одно побьютъ".—Такъ то дѣло не твое, вѣдь ты все одно помрешь, а всетаки заразъ не согласенъ помирать.—„Ишь, говоритъ, хитрый жидъ какой, что выдумалъ. Это ты правду сказалъ... Ну, такъ слухай: если я не буду бить, какъ всѣ, а по сусѣдскому пожалѣю, такъ мои сусѣди будутъ балакать, что я все одно, какъ жидъ, что жидовъ жалѣю, дражнить будутъ".—Ну, это другое дѣло, когда такъ, то бей, твоя правда,—взялъ себѣ и ушелъ.—Хоть поговорили, какъ слѣдуетъ, и то хорошо.

Болотищанскіе евреи въ общемъ не долюбливали Мусановскаго, чуждались его главнымъ образомъ, за индифферентное отношеніе къ религіознымъ обрядамъ, называли „гоемъ", „апикойресомъ" (эпикурейцомъ), а онъ только подсмѣивался надъ ними и дразнилъ ихъ. Удары жизни произвели на него дѣйствіе, обратное тому, что такъ часто наблюдается въ жизни: онъ въ несчастіяхъ не искалъ утѣшенія и надежды въ Богѣ, а уходилъ отъ него, озлоблялся, кощунствовалъ...

Вообще, онъ уже не пытался улучшить, украсить свою жизнь. Когда я придумывалъ для него различные планы, давалъ совѣты, онъ посмѣивался и говорилъ: „Себѣ посовѣтуйте, а потомъ уже мнѣ". А одинъ разъ покачалъ головой и сказалъ:

— Нѣтъ, постойте, вы мнѣ вашими совѣтами хлѣба не дадите и пальта не купите. Лучше сдѣлаемъ такъ: подайте на мене мировому, или тамъ въ палату, что я у васъ дите убилъ, или чемоданъ денегъ укралъ. То что выйдетъ? Мене допросютъ, а я не откажусь, и присудютъ мнѣ Сибирь. Больше ничего я не надо. Въ Сибири, пишутъ, очень много дѣловъ, хорошо жить, а своей волей нашему брату туда

нельзя ѣхать, а надо сперва кого-нибудь убить или ограбить. Ну, а мы съ вами и такъ обойдемся.

IX.

Въ Болотищи я пріѣхалъ зимою, и по всему видно было, что придется и вторую зиму провести въ этомъ грязномъ мѣстечкѣ: я вновь подавалъ прошеніе въ университетъ и вторично получилъ отказъ... На урокахъ я нервничалъ, и меня уже раза два предупреждали, что я получу выставку, если не буду хладнокровнѣе...

Стояла глубокая осень, грязная, тяжелая, злая... Въ Болотищахъ начинались эпидеміи, чаще умирали чахоточные, и порой думалось, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Болотищахъ всѣ перемрутъ, и некому даже будетъ хоронить мертвыхъ... О, какое это было тяжелое время! Отовсюду выползала нужда, бѣдствія, вздохи становились тяжелѣе, ругательства на улицахъ и въ домахъ мрачнѣе, безпощадныя вообще отношенія казались еще жесточе и безпощаднѣе... Точно свинцовыя, низкія тучи, цѣлыми недѣлями висѣвшія надъ головой, задавили Болотищи, заползли въ сердца и сдѣлали ихъ тоже тяжелыми и свинцовыми... Озябшія лица съ синими губами и красными, заплаканными глазами вѣчно торчали на виду, на каждомъ шагу, снились ночью, давили, мучили... Потомъ началось какое-то тревожное оживленіе, какое бываетъ у мышей въ мышеловкѣ при видѣ кошки... По улицамъ стали ходить парни съ „букетами" на шапкахъ, пьяные, съ громкими ругательствами и безстыдными пѣснями. Часто встрѣчались еврейки съ острымъ отчаяніемъ, съ тупой тоской на лицѣ, которыя, сморкаясь въ руку и стоня, громко жаловались на свою судьбу... А по субботамъ въ синагогѣ происходили потрясающія сцены, и кого-нибудь выносили въ обморокѣ на синагогальный дворъ... Однимъ словомъ — приближался призывъ... Мы съ Мусановскимъ были мрачны и съ болѣзненнымъ наслажденіемъ терзали другъ друга и кормили ядомъ...

Въ серединѣ октября, проснувшись рано утромъ, я замѣтилъ, что свѣтлыя тѣни отъ щелей въ ставняхъ какъ-то живѣе играютъ, рѣзвятся на потолкѣ... Я быстро одѣлся и вышелъ изъ своей комнатки. Дѣйствительно, я не ошибся— выпалъ первый, осенній снѣгъ, мягкій, обильный, пушистый, сверкающій, ласковый... И казалось, что на все легла пелена ласки, привѣта,—на лица людей, на улицы, на небо и солнце... И дышалось такъ легко, какъ не дышалось уже долго-долго, мѣсяца два. И голоса звучали звонче,—или это ихъ сердце иначе принимало... Новые звуки стояли въ воз-

духѣ отъ скрипа шаговъ и колесъ по снѣгу... Казалось, будто все стало лучше, острая грусть становилась мягкой и нѣжной, тяжелое горе—легкимъ и воздушнымъ, какъ мечта, и отъ радости и грусти хотѣлось плакать-плакать, но было совѣстно передъ самимъ собой... Въ такомъ состояніи пробуждается дѣтская, горячая вѣра въ Бога безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, и хочется страстно молиться своими словами...

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ Мусановскій. Видно, и онъ встосковался по свѣтлымъ впечатлѣніямъ, которымъ душа его была еще временами доступна. Онъ былъ оживленъ и добродушенъ, острилъ безъ яду, шутилъ, даже смѣялся... Мои надежды и упованія не только его не злили въ этотъ вечеръ, но, казалось, и самъ онъ не прочь попытаться былъ имъ повѣрить.

— Погодите, Исакъ Наумычъ,—говорилъ я,—еще мы съ вами увидимъ лучшія времена. Такихъ, о которыхъ говоритъ пророкъ Исаія,—чтобы левъ лежалъ рядомъ съ ягненкомъ и не трогалъ его, чтобы перековали мечи на серпы—этого, конечно, не увидимъ, но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, я вѣрю, перестанетъ терзать и ненавидѣть своего ближняго за то, что у него другая кличка. Вотъ посмотрите: въ пользу голодающихъ евреевъ только что вышла книга, мнѣ прислали,—такъ ни одного еврейскаго писателя: все русскіе или поляки.

— Ну-ну, дай Богъ,—отвѣчалъ Мусановскій, вертя въ рукахъ книгу.—Вы думаете, что это сладко, когда всѣ тебя ненавидятъ, и ты всѣхъ ненавидишь? Только я говорю—наврядъ мы лучшее увидимъ. Може, наши дѣти—ну, другое дѣло. Вы человѣкъ молодой, горячій, а я пожилъ, но всетаки, конечно, вы ученый и больше мене знаете, може и такъ—я знаю? То, что тѣ написали—это хорошо, но вы мнѣ скажите—кто это будетъ читать? Наши, евреи, га? А тѣ, что бьютъ и ненавидятъ, развѣ будутъ читать? Черезъ тыщу лѣтъ. Еще еврей еврея давитъ, русскій русскаго, то вы хочете, чтобы они другъ дружку не давили? Это пока невозможно.

— Мы еще увидимъ много перемѣнъ.

— Увидимъ, такъ увидимъ, дай Богъ,—согласился Мусановскій.

Сидѣлъ онъ у меня въ этотъ вечеръ часовъ до десяти, потомъ взялъ нѣсколько газетъ и ушелъ. Я проводилъ его до воротъ. Была темная-претемная ночь, даже бѣлизна снѣга едва различалась,—луна всходила поздно, между часомъ и двумя ночи. Гдѣ-то вдали слышна была пѣсня, — вѣроятно, рекрута гуляли...

— Прощайте, Исакъ Наумовичъ,—сказалъ я,—вы сейчасъ

домой?—Его квартира находилась въ десяткѣ саженей отъ моей.

— Да, я зайду домой. Возьму квитанцію и отнесу хозяину. Не знаю, зачѣмъ ему такъ скоро надо квитанціи со склада... спѣшка.

— Смотрите, остерегайтесь,—рекрута пьяные гуляютъ: еще поколотятъ васъ.

— Мнѣ это не страшно,—слава тебѣ Богу, колотили. И кто тамъ будетъ мене колотить—у мене тутъ ни враговъ, ни друговъ.

Потомъ онъ разсмѣялся и добавилъ шутливо:

— И вѣдь вы сами только что говорили, что перестанутъ бить и ненавидѣть.

— Ну, сегодня еще могутъ побить по привычкѣ!—пошутилъ я въ тонъ Мусановскому.

И онъ ушелъ, а я возвратился къ себѣ и сѣлъ что-то читать, кажется, именно ту книгу, о которой говорилъ съ Мусановскимъ. Сквозь ставню вскорѣ стало доноситься нѣсколько голосовъ, оравшихъ пьяную пѣсню—очевидно, рекрута приближались къ моей квартирѣ. Потомъ мнѣ показалось, что гдѣ-то неподалеку раздался крикъ, не въ тонъ пѣснѣ, и самая пѣсня оборвалась... Сердце сжалось тяжелымъ предчувствіемъ... Я прислушался... Но все было уже тихо, и прерванная пѣсня опять издалека донеслась — значитъ, рекрута удалились. Я вышелъ во дворъ, но все было тихо, и я рѣшилъ, что крикъ почудился моей взволнованной душѣ...

Возвратясь въ комнату, я улегся въ постель и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ... Приснился мнѣ бѣлый пушистый снѣгъ, мягкій, пріятно-холодный... Потомъ появился Мусановскій, протягивающій мнѣ руку, и рука тоже мягкая, холодная, бѣлая, какъ снѣгъ. Я жму ее, но она безъ остатка исчезаетъ въ моей рукѣ... Я хочу обнять Мусановскаго, но и онъ исчезаетъ, и я обнимаю пустоту, а Мусановскій уже дальше отъ меня стоитъ и серьезно на меня смотритъ... Я пытаюсь подойти къ нему, но не въ силахъ сдвинуться съ мѣста... Онъ зоветъ меня къ себѣ жестами, а я все на одномъ мѣстѣ. Я хочу крикнуть старому еврею, чтобы онъ убѣгалъ, а то его побьютъ рекрута, гдѣ-то поблизости поющіе, но голосъ не повинуется моимъ страшнымъ, послѣднимъ усиліямъ... и я молчу, а Мусановскій, точно отгадавъ мою мысль, говоритъ: „можутъ побить? Ну, такъ побьютъ“... — и голосъ его, ужасно громкій, наполняетъ громомъ всю мою голову.

Я сразу вскочилъ съ кровати... Ставня открыта, и въ окно свѣтитъ луна. Кто-то изо всѣхъ силъ колотитъ въ окно и кричитъ:

— Вставайте, Мусановскаго убили!..

Черезъ пять минутъ я уже былъ на дворѣ. Какой-то незнакомый мнѣ человѣкъ, спѣша и заикаясь, объясняетъ мнѣ, что возлѣ моего дома лежитъ Мусановскій, весь въ крови, повидимому, мертвый... Я выхожу на улицу. Возлѣ самыхъ воротъ лежитъ навзничь Мусановскій. Луна свѣтитъ ему прямо въ лицо, которое кажется чернымъ отъ покрывающей его крови... Разбудившій меня еврей успѣлъ также разбудить и хозяина моей квартиры. Онъ подходитъ съ фонаремъ, и свѣтъ отъ свѣчи, колеблясь, играетъ яркими кровяными бликами на лицѣ моего друга и освѣщаетъ ужасную картину...

Вокругъ верхушки елки, изъ-за которой свѣтитъ луна, сіяетъ золотой, легкій вѣнчикъ, снѣгъ искрится и сверкаетъ своими холодными алмазами, а у ногъ моихъ —близкій человѣкъ, только что добродушно шутившій, безмолвно лежитъ съ лицомъ, залитымъ кровью... И было что-то кощунственное, безконечно унизительное для души въ диссонансѣ торжественно-красивой природы и этого злого человѣческаго дѣла!..

X.

Мы внесли Мусановскаго въ комнату. Кто-то побѣжалъ за докторомъ, а я сталъ употреблять всѣ извѣстныя мнѣ мѣры для приведенія его въ чувство. Онъ былъ еще живъ,— перо, поднесенное къ губамъ, шевелилось. Я растиралъ ему грудь, виски, обливалъ его водой. Дыханіе становилось замѣтнѣе, глубже, потомъ Мусановскій едва-едва пріоткрылъ глаза и застоналъ тихо и сдавленно... Наконецъ, явился докторъ, испуганный и суетливый. Мусановскому обмыли лицо и голову,—оказалось, что черепъ пробитъ въ двухъ мѣстахъ.

Докторъ сказалъ, что лѣченія здѣсь не можетъ быть никакого, а надобно только выжидать, подкрѣплять силы раненаго и стараться держать раны въ чистотѣ, чтобы не произошло нагноенія и зараженія крови.

Между тѣмъ, Мусановскій мало по малу приходилъ въ себя. Часа въ три ночи мы его подняли, а часовъ въ семь онъ былъ уже въ сознаніи, стоналъ и пытался разговаривать съ окружавшими. Я указывалъ ему на предписаніе доктора — быть спокойнымъ, меньше говорить, но онъ сдѣлалъ знакомую мнѣ гримасу безконечнаго презрѣнія и сказалъ:

— Что онъ тамъ знаетъ, докторъ вашъ... глухой...

Потомъ онъ пересталъ стонать, видимо, сдерживая себя. Въ виду его слабости, никто не разспрашивалъ его о ночномъ происшествіи, и, какъ это ни странно, самъ Мусанов-

скій не дѣлалъ попытокъ намъ объ этомъ разсказать. Онъ точно самъ припоминалъ подробности и только разъ спросилъ тревожно: „полиціи заявили“?.. И добавилъ тихо не то съ ироніей, не то въ серьезномъ раздумьи:

— Да, молодая голова выдержала-бы, но у меня уже не молодая... пропалъ!..

Ко мнѣ онъ обращался такъ же, какъ и ко всѣмъ остальнымъ,—сдержанно и спокойно.

— Я послалъ въ К. за фельдшеромъ,—сказалъ я ему,—онъ будетъ возлѣ васъ все время дежурить. Богъ дастъ, выздоровѣете, Исакъ Наумычъ...

— Послали, такъ послали,—сказалъ онъ со своей обычной манерой фатальнаго безразличія,—недолго придется дежурить...

Пришелъ полицейскій надзиратель съ понятыми составлять протоколъ. Я осторожно объяснилъ ему, что раненаго не слѣдуетъ опрашивать, потому что докторъ не велѣлъ ему разговаривать. Но больной вдругъ оживился и, глядя на меня почти съ ненавистью, сказалъ прерывистымъ отъ волненія голосомъ:

— Опять вы съ своимъ докторомъ!... Это... это не ваше вовсе дѣло...

И, обращаясь къ надзирателю, добавилъ:

— Ничего, я все чисто помню и... подробно разскажу...

— Я вышелъ вотъ отсюда, — заговорилъ Мусановскій, указывая на меня глазами, — было часовъ десять... ну... зашелъ къ себѣ домой... тутъ... шейчасъ, возлѣ... Вы сядьте, пожалуйста, ближче,—обратился онъ вдругъ къ надзирателю,—а то, когда я громко говорю... то мнѣ въ глазахъ дѣлается тёмно... Ну, такъ я взялъ квитанціи, чтобы идти до хозяина. Это, значитъ, не больше, какъ четверть часа прошло... Вышелъ и иду себѣ... и только два или три ра̀за ступнулъ, какъ устрѣлъ рекрутовъ... Они спивали пѣсню... и вдругъ... перестали... стало тихо... Потомъ одинъ кричитъ: „Кто идетъ? Отвѣчай солдатамъ“. Я говорю: — Мушановшкій...—Опять одинъ говоритъ: „Что онъ тамъ лопочетъ? Кто идетъ, я тебя спрашиваю“. — Ну, я знова сказалъ: Мушановшкій—что мнѣ говорить другое—я не знаю... То тогда они разомъ крикнули: „жидъ идетъ, стой ребята, бей жида!“..—и кинулись на мене—ихъ было три человѣка—и одинъ ударилъ мене кулакомъ по головѣ... и я крикнулъ, тогда они совсѣмъ напали... И я упалъ, и ничего уже не помню... А потомъ я прочухался — еще было тёмно, и я не могъ встать, я знова падалъ, когда хотѣлъ вставать... Ну, то я сталъ кричать... а никто не слышитъ, никого нема на улицѣ... и таки

голосъ былъ слабый, я понимаю... Такъ я сталъ потрошки лѣзть, какъ гадюка, сюда, чтобъ какъ нибудь... сбудить вотъ...— Опять онъ указалъ на меня.—Но изъ мене уже вышло много крови, и не было силы... то я лѣзъ—лѣзъ и думалъ, не долѣзу... мнѣ уже стало совсѣмъ холодно... Я то въ ОМОРОКЪ, то опять въ чувству... И сколько такъ прошло время · я не знаю. Уже я къ воротамъ долѣзъ и стукалъ, но... извѣстно, тихо стукалъ, потому что силы нѣту и замерзъ... И я лежалъ—лежалъ... Мѣсячно стало, видно все чисто, а никто мене не видитъ и не слышитъ — никого на улицѣ нема — ночь. И я былъ въ безсознаніи, пока тутъ въ хатѣ не прочухался... Вы все записали? — обратился онъ къ надзирателю.

— Да, все,—сказалъ надзиратель.

— Ну, то вы еще запишите, что это *они* мнѣ голову рубили... потому... потому что крѣпко мене люблютъ... да... всѣ люблютъ... такая книга въ еврейскую пользу вышла, что всѣмъ стало лучше... Онъ посмотрѣлъ на меня уничтожающимъ, злобнымъ взглядомъ, и тяжелый, долго сдерживаемый стонъ вырвался изъ его груди... Онъ всхлипнулъ, но тотчасъ-же крѣпко сжалъ зубы, такъ что скулы рѣзко проступили сквозь щеки, и замолчалъ...

Надзиратель сказалъ, нагнувшись къ моему уху:

— Бредитъ, какъ видно?...

Но я понималъ, что Мусановскій не бредитъ... Вдругъ онъ повернулъ глаза къ надзирателю, и лицо его вспыхнуло.

— Слухайте... Вы чтобъ ихъ безпремѣнно нашли... рекрутовъ!

— А вы бы ихъ узнали?—спросилъ надзиратель.

Мусановскій на нѣсколько секундъ задумался, и я видѣлъ, какъ новая, неожиданная мысль загорѣлась въ его глазахъ. Онъ даже сдѣлалъ попытку повернуть къ надзирателю свою разбитую голову, но только застоналъ и заговорилъ, захлебываясь:

— О-о-о, изъ тыщи человѣкъ узнаю!.. Всѣхъ чисто узнаю... изъ всего мѣстечка. Вы только, господинъ надзиратель, приведите ихъ, рекрутовъ... Накажи мене Богъ, узнаю...

— Но вѣдь было темно, когда васъ били, какъ-же возможно узнать?

— Что?!.. Тёмно было?.. Ничего!.. Они мою голову увидали, хоть и тёмно было, узнали, что я жидъ!.. Другъ дружку по головѣ не попали, а мнѣ по головѣ всѣ три попали... Кого другого не узнаю, а *ихъ* узнаю...

— Хорошо,—согласился надзиратель,—я приведу вамъ рекрутъ для опознанія. Попробуемъ.

XI.

Было часа два, когда пришелъ надзиратель съ городовыми и 15 — 20 рекрутами. Ввели первыхъ 8 человѣкъ и выстроили противъ кровати, на которой лежалъ раненый: Мусановскій впился въ нихъ своими бѣгающими съ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ глазами; за осматриваемыми пристально слѣдилъ также надзиратель, а я старался одновременно уловить всю картину осмотра: и выраженіе рекрутъ, и страшное въ эти минуты выраженіе лица Мусановскаго. Это была отвратительная картина: гнѣвные, зловѣщіе глаза умирающаго человѣка, едва выглядывающіе изъ безобразной бѣлой перевязки на черной лохматой головѣ—съ какой-то страстной жаждой ищутъ убійцу среди группы блѣдныхъ, съежившихся, нетрезвыхъ людей... Сколько ненависти горѣло въ его глазахъ!.. Я видѣлъ, что онъ колетъ, какъ кинжаломъ, тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчается взглядомъ, и они, дѣйствительно, старались избѣгать его, отводя глаза какъ-то нелѣпо въ сторону, въ потолокъ... Они переступали съ ноги на ногу, опуская при этомъ голову и обращая, казалось, огромное вниманіе на носки своихъ сапогъ... Ихъ тяжелое положеніе было понятно и всѣми чувствовалось...

Вдругъ Мусановскій остановилъ свой взглядъ на одномъ изъ восьми и минуты двѣ не сводилъ съ него глазъ.

— Вотъ этотъ былъ, господинъ надзиратель, онъ мене... кулакомъ по головѣ вдарилъ... первый. Я узналъ...—добавилъ онъ злобно.

Всѣ разомъ тяжело вздохнули, какъ одной грудью...

— Не ошибаетесь? —спросилъ надзиратель, внимательно глядя на Мусановскаго.

— Нѣтъ, будьте покойный, я не ошибаюсь... это вѣрно...—проговорилъ старикъ, съ злымъ торжествомъ глядя на рекрута, точно ожидая, чтобы тотъ не выдержитъ его взгляда. Но, къ моему великому изумленію, опознанный не выказалъ и тѣни безпокойства... Мусановскій, между тѣмъ, устремилъ взглядъ на другихъ и опять задержалъ его на одномъ изъ парней.

— И этотъ былъ...—опять заговорилъ Мусановскій, указывая на хорошо мнѣ извѣстнаго парня, служившаго кучеромъ въ одномъ домѣ, гдѣ я давалъ уроки. Это былъ смирнѣйшій человѣкъ, совсѣмъ непьющій, ласково со всѣми обращавшійся, даже съ „жидовскими“ лошадьми. Я вдругъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, что не онъ совершилъ это мерзкое дѣло. Онъ сразу побѣлѣлъ, судорожно скосилъ ротъ и всѣмъ тѣломъ отшатнулся назадъ...

— О-о... что это вы... побойтесь Бога... Та я дома всю ночь былъ...—залепеталъ онъ, заикаясь и дрожа... Глаза его заблестѣли слезами, и на лицѣ появилось выраженіе „затравленнаго“... Но Мусановскій, какъ видно, принялъ это смущеніе за улику...

— Что?! Не ты!.. Брешешь, сволочь, разбойникъ!.. — закричалъ онъ, очевидно, изъ послѣднихъ уже силъ:—не ты?!.. Такъ это не ты мнѣ разбилъ голову?!..—и вдругъ онъ рѣзкимъ движеніемъ сорвалъ повязку со своей распухшей, огромной головы, съ лощинами, выстриженными въ густыхъ волосахъ, тамъ, гдѣ были раны...

— Бога мнѣ побояться?!.. А ты, разбойникъ, боялся Бога, когда билъ чѣмъ попало по старой головѣ?!..

— Исакъ Наумычъ, вмѣшался я невольно,—я знаю этого человѣка, не можетъ быть, чтобы онъ васъ билъ, вы ошибаетесь...

— Ошибаюсь? Все одно... всѣ разбойники!.. Что вы думаете, этотъ не убивалъ бы, кабы онъ мене устрѣлъ съ тѣми звѣрями?.. Убили—за что?.. Весь свѣтъ разбойники!..

Онъ зарыдалъ, грохнулся на подушку, и изъ головы его, изъ ранъ пошла кровь, вѣроятно, отъ сильнаго волненія... Фельдшеръ, уже находившійся здѣсь, сдѣлалъ новую перевязку. Мусановскій былъ въ безпамятствѣ и бредилъ въ перемежку съ короткими рыданіями...

— Зачѣмъ вы все это устроили? — обратился я съ упрекомъ къ надзирателю.

— Да, видите ли, я хотѣлъ по смущенію попробовать распознать убійцъ. Ерунда вышла... Первый, на котораго онъ указалъ, —городовой изъ К. Сегодня ко мнѣ пріѣхалъ съ бумагами, а я переодѣлъ его и впустилъ, чтобы посмотрѣть — не напутаетъ ли больной. Ну, ничего, всетаки найдемъ! Вѣдь тутъ ужъ обязательно рекрута участвовали. Отыщется... Жаль вотъ, не удалось всѣхъ подвергнуть осмотру, разволновался вашъ больной. А кто его зналъ, что это на него такъ сильно подѣйствуетъ... Сердитый! Весь свѣтъ, говоритъ, разбойники,—а?

XII.

Мусановскій промучился еще цѣлыхъ три дня. За это время его посѣщали такіе же одинокіе, обездоленные люди, какъ и онъ самъ. Но заглянулъ и хозяинъ его, посидѣлъ двѣ минуты и, вѣроятно, въ видѣ ободренія, сказалъ:

— Ну, поправляйся поскорѣе; вѣдь тебѣ еще надо три рубля перебору отслужить!—и осклабился при этомъ.

Когда онъ ушелъ, Мусановскій сказалъ серьезно, съ горечью:

— Помру, такъ хоть не буду его видѣть...

Смерть Мусановскаго была мучительная, агонія страшно долгая... Передъ потерей сознанія онъ поманилъ меня рукою и попросилъ нагнуться къ нему. И этотъ угрюмый, нелюдимый человѣкъ гладилъ меня своей жесткой, ослабѣвшей рукой по лицу, а крупныя, страдальческія слезы текли по его щекамъ...

— Я не знаю, кто убилъ. Темно было... То я сказалъ... такъ... чтобъ хоть кто-нибудь... пошелъ на каторгу... изъ нихъ... Може грѣхъ... не знаю...

Онъ сдѣлалъ движеніе губами и своими, уже угасавшими, глазами ласково, по-дѣтски просяще поглядѣлъ на меня. Я наклонился, и его воспаленныя губы, обросшія жесткой щетиной, прильнули къ моимъ губамъ слабымъ, всхлипывающимъ поцѣлуемъ...

— Прощайте... Но только... чтобы *ихъ* нашли!..

Это были его послѣднія слова...

Онъ умеръ озлобленный, послѣ тяжелой жизни не примиренный ни съ ней, ни съ тяжелой смертью. И трупъ его, съ раздутой, обезображенной головой, изрѣзанный пріѣхавшимъ съ слѣдователемъ врачемъ, имѣлъ тяжелый отталкивающій видъ...

Злой, гнилой вѣтеръ бушевалъ въ день похоронъ Мусановскаго, стоялъ туманъ, всюду была грязь и слякоть... Сумрачная кучка евреевъ отнесла его изрѣзанный трупъ на непривѣтливое, грязное кладбище и похоронила въ холодной, осенней, неуютной могилѣ... Не было на похоронахъ ни хозяина Мусановскаго, ни раввина: послѣдній заявилъ, что убили „апикойреса“ за грѣхи. Одинъ только, я, какъ ребенокъ, рыдалъ на его могилѣ...

XIII.

Убійцъ Мусановскаго обнаружили черезъ нѣсколько дней. Ихъ было трое. Въ пьяномъ видѣ одинъ изъ нихъ, во время ссоры съ кѣмъ-то, прямо заявилъ: „Не лѣзь, а то убью, какъ жида убилъ“.—Его арестовали, а потомъ и двухъ его товарищей.

А черезъ недѣлю, ликвидировавъ свои дѣла, я уѣхалъ изъ Болотищъ, съ неотступнымъ вопросомъ въ душѣ: за что убили Мусановскаго?—Убійцы, по словамъ допрашивавшаго ихъ надзирателя, не дали опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. И я, не переставая, задавалъ его себѣ самому, знакомымъ, книгамъ, которыя читалъ, газетамъ... Я, наконецъ, рѣшилъ, что это выяснится на судѣ, гдѣ я долженъ былъ давать свидѣтельскія показанія.

Судъ происходилъ мѣсяцевъ восемь спустя послѣ убійства. Судили только двоихъ, потому что третій подсудимый, Гнатъ Квачъ, мѣстечковый увеселитель, за бутылку водки выпивавшій бутылку керосину, за пять копѣекъ разбивавшій у себя на головѣ кирпичи, алкоголикъ и почти идіотъ,—умеръ въ тюрьмѣ, не дождавшись суда. Онъ даже не былъ рекрутомъ: его водили съ собой „для скандалу“...

По странному совпаденію, мнѣ пришлось ѣхать въ О., гдѣ засѣдалъ судъ, въ одномъ вагонѣ съ Емельяномъ Хоменкомъ, однимъ изъ убійцъ, котораго везъ отецъ, взявшій его на поруки. Я подсѣлъ къ нимъ на лавочку, и разговоръ самъ собою перешелъ на исторію убійства.

— Эге, осъ погуляли, а заразъ гдѣ будутъ?.. —сокрушенно замѣтилъ отецъ, хозяйственный, грамотный хохолъ. Я зналъ немного и сына, совершенно трезваго, женатаго, тоже грамотнаго и смирнаго парня, настоящаго хлѣборода...

— Какъ же это случилось, разскажите, если можете?— обратился я къ убійцѣ моего друга, красивому, съ голубыми мягкими глазами и русой бородкой, молодому парню.

— Та просто сказать вамъ — грѣхъ... Прямо не упомню настояще. Оце заставили мене хлопцы водку пить—значитъ, некрутъ долженъ пить. Я зъ одного стакана сварился, ну, и пошелъ зъ ими... Гуляли звѣстно... Ну, темно... Потомъ хтось кричитъ —хто идетъ?—а воно какъ залопоче... Хлопцы до его, та кричать, извиняйте, „бей жида!“.. А я за ними, и Квачъ, царство ему небесне... Всѣ били, и я ударилъ чѣмъ попало,—палкой, чи каменюкой... Развѣ-жъ я знаю?

— А вы не знали, кто онъ такой?—спросилъ я.

— Ни, я и тверезый его не зналъ.

— Такъ за что же вы его били?

— И накажи мене Господь—не знаю...—Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ какъ-то поверхъ моей и отцовской головы въ потолокъ, и вдругъ глупая, жалкая, безсмысленная улыбка залила это доброе, простодушное лицо... — А хто его зна, може я ихъ десять убилъ... Звѣстно, пьяный... какъ дымъ...

Этимъ бахвальнымъ и, очевидно, недавно пріобрѣтеннымъ выраженіемъ „какъ дымъ“ онъ, вѣроятно, пытался побороть свое невольное смущеніе...

— Заливае съ того часу, насчетъ водочки, — замѣтилъ отецъ, все время внимательно глядѣвшій на сына, кивая въ его сторону головой, — отъ такъ. Все одно, каже, на каторгу зашлють.

Я невольно представилъ себѣ темную ночь, глушь, предстоящую потерю воли на нѣсколько лѣтъ, разлуку съ семьей, непривычное дѣйствіе водки и... „что-то“, шевелявящее не-

понятный отвѣтъ на вопросъ, кто идетъ. Затѣмъ роковое слово „жидъ“, не вызывающее у жителя Болотищъ представленія о человѣкѣ... И вотъ, пѣсня прервана, Мусановскаго бьютъ въ темнотѣ... Крикъ, отвѣтный хохотъ, и... пѣсня опять возобновляется... И такимъ естественнымъ, почти фатально необходимымъ показалось мнѣ убійство Хоменкомъ моего друга!.. И такимъ роковымъ недоразумѣніемъ пахнуло отъ этого убійства, эпизодически прервавшаго на минуту пѣніе подвыпившей компаніи!..

XIV.

Судъ происходилъ на слѣдующій день. Когда я вошелъ въ залъ засѣданій, то прежде всего взглянулъ на подсудимыхъ. Хоменко съ испуганнымъ видомъ, какъ-то украдкой посматривалъ въ ту сторону, гдѣ среди посторонней публики сидѣлъ его отецъ. Когда глаза наши случайно встрѣтились, онъ въ первое мгновеніе, какъ будто, смутился и потупился, но сейчасъ же, точно вспомнивъ что-то, молодцевато поднялъ голову, выпрямился и ухарски поправилъ рукой волосы, откинувъ ихъ назадъ.

Его товарищъ Ивашкинъ сидѣлъ естественнѣе и, очевидно, скучалъ; вообще казался крайне равнодушнымъ.

...— Что вы знаете по дѣлу объ убійствѣ?.. — спросилъ меня предсѣдатель. Я началъ свой разсказъ съ того знаменательнаго момента своей жизни, какъ меня не приняли въ университетъ. Но предсѣдатель, поглядѣвъ на меня съ недоумѣніемъ, тотчасъ же вмѣшался:

— Пожалуйста, разсказывайте только о томъ, что имѣетъ отношеніе къ убійству Ицхака Мусановскаго.

Тогда я повелъ разсказъ о томъ, какія ужасныя отношенія существовали въ Болотищахъ между различными національностями и различными классами одной и той же національности, вообще о злой атмосферѣ взаимныхъ отношеній жителей Болотищъ; однако, предсѣдатель и тутъ сердито прервалъ меня, замѣтивъ строго и внушительно, что это дѣло защитника и прокурора, а не мое — выяснять характеръ преступленія, и опять пригласилъ давать показанія непосредственно о самомъ убійствѣ... И это же требованіе я прочелъ на недоумѣвающихъ лицахъ всѣхъ судей, присяжныхъ, защитника, прокурора, публики... Но для меня оно казалось нелѣпымъ, равносильнымъ тому, какъ если бы я сталъ рѣшать математическую задачу не съ самаго начала, по извѣстнымъ правиламъ, а съ конца, по отвѣту, и я рѣшилъ, что предсѣдатель и другіе не понимаютъ и не поймутъ меня, знавшаго и любившаго Мусановскаго, жившаго

долгое время въ Болотищахъ, человѣка... И я отказался давать дальнѣйшія показанія... Что-то по этому поводу записали, пошептавшись между собою, о чемъ-то меня предсѣдатель предупредилъ, и меня оставили въ покоѣ. Впрочемъ, особенной нужды въ моихъ показаніяхъ и не было, потому что убійцы сами во всемъ давно признались, и вся остальная процедура была только формальностью, лишней и тяжелой для всѣхъ...

Присяжные приняли во вниманіе безчувственно - пьяное состояніе „преступниковъ" и еще какія-то обстоятельства и дали снисхожденіе Ивашкину по одному пункту обвиненія, а Хоменку по обоимъ (не помню уже, какимъ именно). Судъ приговорилъ Ивашкина къ тюремному заключенію на $2^1/_2$ года, а Хоменка—на 1 годъ 4 мѣсяца. Оба судомъ остались довольны, и послѣдній даже расплакался отъ радости. Отецъ его долго крестился и въ какомъ-то восторгѣ все повторялъ:

— А я думалъ — каторга... Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ, Господи...

Судъ такъ и не выяснилъ для меня вопроса: за что же убили Мусановскаго? Напротивъ, онъ ясно показалъ мнѣ, что убили его ни за что, ни про что... Неужели, думалъ я съ горечью, причиной—шепелявый акцентъ Мусановскаго?.. Столько жертвъ изъ-за шепелявости—не слишкомъ ли много?.. Если же не въ акцентѣ дѣло, то въ чемъ же? Вѣдь очевидно, что эти „убійцы" не виноваты. Такъ кто же виноватъ?—въ сотый разъ въ этотъ день спрашивалъ я себя, выходя на освѣщенный подъѣздъ зданія суда, и сердце мучительно сжималось тупой болью, неудовлетворительностью всѣхъ приходившихъ въ голову отвѣтовъ...

Я шелъ, и по мѣрѣ того, какъ освѣщенное огромное зданіе суда отдалялось, меня окутывалъ мракъ темной майской ночи. Я свернулъ въ пустынный переулокъ, и кругомъ стало совершенно темно,—исчезли даже тусклые одинокіе фонари, и тьма, густая и черная, какъ чернила, плотными, душными объятіями охватила меня и какимъ-то призракомъ вошла въ душу... Кошмарный страхъ проникъ мнѣ въ сердце, и я сразу какъ-то почувствовалъ съ удивительной ясностью и реальностью, что весь міръ задыхается въ такомъ же кошмарномъ оцѣпенѣніи, и что нужно крикнуть громко, сильно, чтобы весь міръ, все человѣчество разомъ сбросили съ себя эту тьму, этотъ вѣковой грузъ кровавыхъ недоразумѣній!..

...Годъ спустя я побывалъ въ Болотищахъ и заказалъ плиту на могилу Мусановскаго. Я не догадался дать надпись мастеру, а только продиктовалъ ее, и по ошибкѣ онъ

вырѣзалъ *Мушановскій* вмѣсто Мусановскій и—*умьръ* черезъ „ѣ“. Я такъ и оставилъ обѣ эти ошибки: въ нелѣпости, думалось мнѣ, было что-то символическое, сходное съ нелѣпымъ, непонятнымъ убійствомъ Мусановскаго...

Могила его расположена въ болотистомъ уголкѣ еврейскаго кладбища. Она—не на виду, и поэтому зелень на ней свѣжая, не помятая. Весь небольшой холмикъ густо поросъ блѣдно-розовымъ богульникомъ и свѣтло-синимъ барвинкомъ, и молодой осинникъ совсѣмъ охватилъ его своими молодыми объятіями, ревниво оберегая могильное одиночество моего угрюмаго друга...

И, кажется, въ Болотищахъ совсѣмъ и навсегда забыли о немъ и о случившемся съ нимъ недоразумѣніи...

Аб. Дерманъ.

Біологія и логика смерти.

Сущность смерти и ея причины: физіологическія (Бючли, Бартъ, Дельбефъ) и біологическія (Вейсманнъ, Ру и Мечниковъ). Сущность смерти остается вопросомъ открытымъ.

Что такое смерть и въ чемъ заключается ея смыслъ, если онъ есть?

Первымъ изъ этихъ вопросовъ: что такое смерть? занимается только біологія, которая, какъ и по многимъ вопросамъ, еще не даетъ на него своего окончательнаго отвѣта. Вторымъ — занимаются всѣ,—и поэзія, и философія, и наука. Это обстоятельство, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, не подвинуло рѣшеніе задачи къ ея благополучному концу ни на одинъ миллиметръ ближе, чѣмъ рѣшеніе перваго вопроса.

Что же отвѣчаетъ намъ на вопросъ о существѣ смерти и ея причинахъ наука?

Вмѣсто точнаго знанія, мы имѣемъ здѣсь только рядъ гипотезъ, болѣе или менѣе обоснованныхъ наблюденіями и опытомъ. Нѣтъ, однако, ни одной изъ нихъ, противъ которой нельзя было бы сдѣлать такъ же обоснованныхъ наблюденіемъ и опытами возраженій.

Сопоставляя эти гипотезы между собою, мы легко обнаруживаемъ, что онѣ распадаются на двѣ группы. Однѣ изъ нихъ видятъ причины смерти въ явленіяхъ *физіологическихъ*, не признавая большого значенія за другими факторами, а то и вовсе игнорируя ихъ. Другія же видятъ эти причины въ явленіяхъ *біологическихъ* *).

Что касается до гипотезъ *физіологическихъ*, то первое мѣсто

---

*) О старой идеѣ, по которой внутреннихъ причинъ смерти будто-бы не существуетъ и смерть, наступающая въ преклонномъ возрастѣ у людей, никогда не бывшихъ больными, зависитъ отъ постепеннаго накопленія маленькихъ разрушеній въ теченіе всей жизни,—объ этой идеѣ, упоминаемой М. Ферворномъ въ его „Общей физіологіи"—я не говорю, такъ какъ она послѣ Іоганнеса Миллера всѣми оставлена.

изъ нихъ, по очереди, занимаетъ гипотеза Бючли *). Ученый этотъ раздѣляетъ животные организмы, съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ смерти, на *одноклѣточные*, тѣло которыхъ состоитъ изъ одной клѣтки (таковы корненожки и инфузоріи), и *многоклѣточныя*, тѣло которыхъ состоитъ изъ многихъ клѣтокъ. Первыя (одноклѣточныя) размножаются дѣленіемъ, въ результатѣ котораго изъ одной старой особи являются двѣ новыхъ, двѣ молодыхъ; животныя эти являются такимъ образомъ потенціально безсмертными, то есть они не умираютъ собственною смертью, если внѣшніе факторы не приведутъ ихъ къ гибели.

Вторыя (многоклѣточныя), умирая, теряютъ свою индивидуальность: ихъ тѣло разрушается, разлагается. Причина же ихъ смерти заключается въ томъ, что находящееся въ ихъ клѣткахъ вещество,—родъ жизненнаго фермента, мало по малу израсходывается. Съ этой точки зрѣнія жизнь многоклѣточнаго организма заключается въ постепенномъ истрачиваніи, на біо-химическіе процессы жизненныхъ функцій, того запаса фермента, который животное получило въ яйцѣ, давшемъ ему начало. Истраченъ запасъ, догорѣло масло въ свѣтильникѣ—и потухла лампада.

Почему же, однако, простѣйшія животныя, повторяя безконечное число разъ свое размноженіе дѣленіемъ, не истрачиваютъ того фермента, который имѣла особь, давшая тысячи, десятки тысячъ потомства?

Потому, отвѣчаетъ Бючли, что простѣйшія животныя обладаютъ способностью, расходуя ферментъ,—возстановлять его. У многоклѣточныхъ же организмовъ этою возстановляющею способностью обладаютъ только половыя клѣтки; отсюда и выходитъ, что въ то время, какъ клѣтки тѣла высшихъ животныхъ, способныя только расходовать жизненный ферментъ, умираютъ, половыя клѣтки этотъ ферментъ вырабатываютъ, вслѣдствіе чего получаютъ возможность давать безконечный рядъ потомковъ.

Итакъ, основная идея Бючли о причинѣ смерти высшихъ организмовъ заключается въ томъ, что *клѣтки, съ теченіемъ времени, теряютъ нѣчто, находящееся во внутреннемъ ихъ составѣ, нѣчто необходимое для жизни и полученное* съ моментомъ образованія яйца, изъ котораго данный многоклѣточный организмъ получилъ свое начало.

Проф. Тархановъ **) аналогичную мысль формулируетъ такъ: «причиной естественной, нормальной смерти служитъ не изнашиваніе самихъ клѣтокъ, а прогрессивное ограниченіе способности клѣтокъ къ созиданію и къ размноженію, зависящее отъ постепеннаго изсяканія созидающаго ядернаго вещества. На этомъ осно-

---

*) Butschli. Gedänken über Leben und Tod. Zool. Anzeig. Y. 1882.

**) Долголѣтіе животныхъ, растеній и человѣка. „Вѣстникъ Европы“. 1891 г.

ванія мы въ правѣ заключить, что число клѣточныхъ поколѣній, могущихъ развиться въ теченіе всей жизни изъ зародышеваго яйца, благодаря первоначальному запасу въ немъ созидающей энергіи, и опредѣляетъ собою долголѣтіе,—ту максимальную продолжительность жизни, до которой могутъ достигать разнообразные организмы».

По мнѣнію другихъ натуралистовъ, дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ. Причиною смерти является не жизненный ферментъ, не содержимое клѣтокъ, а та *среда*, въ которой находятся клѣтки, отравляемая продуктами выдѣленія жизнедѣятельности клѣтокъ.

Пр. Кулагинъ въ защиту этой гипотезы приводитъ слѣдующее наблюденіе.

Инфузоріи, проживъ долгое время въ одной и той же порціи воды, начинаютъ становиться все болѣе и болѣе мелкими, мало подвижными, съ меньшимъ числомъ рѣсничекъ: другими словами, начинаютъ «старѣть». Будучи пересажены въ свѣжую порцію воды, инфузоріи эти «молодѣли», увеличивались въ ростѣ, дѣлились и размножались. Отсюда выводъ: вода, въ которой раньше находились инфузоріи, отравлялась токсиномъ, который ими выдѣлялся и который велъ ихъ къ вымиранію и смерти. У многоклѣточныхъ животныхъ мы видимъ то же явленіе: продукты жизнедѣятельности клѣтокъ, хотя и выводятся изъ организма наружу, однако часть ихъ остается въ немъ и влечетъ за собою такое же старѣніе клѣтокъ, какое отравленная токсиномъ вода влечетъ у живущихъ въ ней одноклѣточныхъ организмовъ.

Такимъ образомъ, по смыслу этой гипотезы причина смерти высшихъ организмовъ лежитъ *не въ составѣ клѣтки*, какъ это думаетъ Бючли, *а внѣ клѣтокъ*—въ средѣ, которая ихъ окружаетъ.

Наконецъ, къ числу физіологическихъ гипотезъ смерти относится и гипотеза Дельбефа *), по мнѣнію котораго причина смерти заключается въ процессѣ самаго *дѣленія клѣтокъ*.

Его разсужденіе просто: при дѣленіи клѣтокъ (и ихъ ядеръ) нельзя допустить образованіе неизмѣнно тожественныхъ половинъ; стоитъ, однако, проявиться такому неравенству, стоитъ одной половинѣ оказаться меньше другой, какъ нарушенное равновѣсіе неизбѣжно должно будетъ повести за собой все прогрессирующее удаленіе отъ нормы, а въ концѣ концовъ вырожденіе и гибель.

Рядомъ съ гипотезами смерти *физіологическими*, и независимо отъ нихъ, какъ я сказалъ уже, существуютъ гипотезы біологическія. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ гипотеза Вейсманна **), кото-

*) Delboeuf. La matière brute et la matière vivante (Revue philosophique de la France et de l'Etranger, 1887). Pourquoi mourons nous? (Revue philosophique, 1891).

**) Weismann. Ueber Leben und Tod. Jena 1884 г. Zur Frage nach der Unsterblichkeit der Einzelligen. Biolog. Centr. IV. № 21, 22, 1885 г.).

рый, какъ и Бючли, дѣлитъ животныхъ на двѣ группы: одноклѣточныхъ—потенціально безсмертныхъ, и многоклѣточныхъ—смертныхъ. Но причину безсмертія первыхъ и смертности вторыхъ названный ученый видитъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ Бючли.

Она, по Вейсманну, заключается въ томъ, что тѣло многоклѣточныхъ организмовъ состоитъ изъ клѣтокъ, вслѣдствіе раздѣленія между ними физіологической работы (раздѣленіе труда), въ значительной степени утратившихъ нѣкоторыя изъ своихъ первоначальныхъ способностей. Клѣтки тѣла специализируются въ выполненіи какой-либо одной функціи, напримѣръ, двигательной, отдѣлительной, нервной и т. д., тогда какъ функціи воспроизведенія у нихъ (вслѣдствіе раздѣленія труда) являются пониженными и измѣненными настолько, что онѣ могутъ путемъ размноженія воспроизводить только клѣтки, себѣ подобныя. Такъ, печеночныя клѣтки, при пораненіяхъ печени, могутъ размножаться и давать только печеночныя клѣтки; то же съ мышечными и железистыми клѣтками, дающими при размноженіи соотвѣтствующіе имъ элементы.

Въ одноклѣточныхъ организмахъ одинъ и тотъ же комокъ живой протоплазмы служитъ носителемъ какъ соматическихъ, то-есть тѣлесныхъ функцій, необходимыхъ для поддержанія индивидуальной жизни, такъ и функцій воспроизведенія, имѣющихъ своей задачей поддержаніе вида. Въ организмѣ же многоклѣточныхъ животныхъ раздѣленіе клѣтокъ на соматическія, необходимыя для индивидуальной жизни, и на воспроизводительныя, обезпечивающія сохраненіе рода, выражено съ полною опредѣленностью. Представителемъ послѣднихъ у одного пола являются оплодотворяющіе элементы, сперматозоиды, у другого—зародышевыя яйца.

Эти клѣточные элементы, сохраняя свои первоначальныя способности неизмѣнными, въ многоклѣточныхъ организмахъ являются такими же потенціально безсмертными, какъ одноклѣточныя животныя.

Такимъ образомъ, тѣло многоклѣточныхъ организмовъ—смертно, а ихъ половыя клѣтки, для которыхъ тѣло является какъ бы защищающимъ ихъ въ борьбѣ за жизнь футляромъ, остаются безсмертными, если яйцо получило возможность быть оплодотвореннымъ, то-есть, если конъюгація могла имѣть мѣсто.

Процессъ же конъюгаціи, послѣ извѣстныхъ опытовъ Мопа *), получилъ въ вопросѣ о жизни клѣтокъ важное значеніе.

---

*) Maupas, Recherches experimentales. sur la multiplication des infusoires cilies. Arch. de Zool. experimentale et generale. 1888 г.

Резюме его опытовъ по этому вопросу заключается въ томъ, что изолированныя, и потому лишенныя возможности конъюгировать инфузоріи, будучи поставлены въ благопріятныя условія со стороны питанія, первоначально живутъ совершенно нормально и размножаются *дѣленіемъ*, но затѣмъ мало по малу начинаютъ вырождаться, старѣться, мельчаютъ, лишаются части рѣсничекъ и, наконецъ, гибнутъ.

Другая біологическая гипотеза принадлежитъ Ру, который полагаетъ, что смерть является результатомъ побѣды болѣе сильныхъ, но не всегда болѣе совершенныхъ, элементовъ надъ слабыми.

Эту послѣднюю идею извѣстный русскій натуралистъ И. И. Мечниковъ *) формулируетъ такимъ образомъ.

Человѣкъ старѣется и умираетъ не вслѣдствіе простого утомленія, или истощенія нашихъ жизненныхъ силъ, а вслѣдствіе регресса въ организаціи, вслѣдствіе старческой атрофіи. Наши важнѣйшіе органы: мозгъ, печень, почки и пр. состоятъ изъ двоякаго рода тканей: изъ соединительной ткани, служащей основой или остовомъ, и изъ благородныхъ клѣточекъ, которыми и характеризуется данный органъ и которыя собственно и выполняютъ свойственную ему функцію. Старость по существу и состоитъ въ упадкѣ этихъ благородныхъ клѣточекъ, и въ замѣщеніи ихъ все разростающейся соединительной тканью, которая всюду посылаетъ свои отростки. Подъ вліяніемъ этого процесса, который называютъ «склерозомъ», органъ дѣлается менѣе эластичнымъ, какъ бы ссыхается и начинаетъ функціонировать весьма несовершеннымъ образомъ. Чтобы это явленіе произошло, необходимо, чтобы характерные элементы органа, его «благородныя» клѣтки, подверглись предварительному разстройству, сдѣлались неспособными выдерживать борьбу за существованіе.

Представимъ себѣ человѣческій организмъ въ видѣ союза живыхъ клѣточекъ или, какъ выражается Мечниковъ, въ видѣ «клѣ-

---

Если же такимъ вырождающимся инфузоріямъ дать возможность конъюгировать (процессъ, аналогичный оплодотворенію яйца сперматозоидомъ у многоклѣточныхъ животныхъ), то вырожденіе прекращается—и клѣтки молодѣютъ. Пр. Шимкевичъ называетъ поэтому конъюгаціи процессомъ обновленія и, проводя параллель между одно и многоклѣточными организмами съ этой точки зрѣнія, такъ формулируетъ вопросъ: одноклѣточные организмы, лишенные возможности конъюгировать, погибаютъ, конъюгирующіе живутъ; у многоклѣточныхъ организмовъ клѣтки тѣла (или соматическія клѣтки, какъ ихъ назвалъ Вейсманнъ) никогда не конъюгируютъ (эта способность ими утрачена). Клѣтки, входящія въ составъ сложнаго организма, не только оказываютъ другъ на друга опредѣленныя воздѣйствія, но при извѣстныхъ условіяхъ вступаютъ въ открытую борьбу между собою. Борьба эта въ виду тѣснаго соприкосновенія борящихся другъ съ другомъ, можетъ, очевидно, по своей интенсивности превосходить ту, которую ведутъ другъ съ другомъ животныя какой-либо территоріи. Особенной силы достигаетъ она въ организмахъ съ сложной организацией: клѣтки не только разныхъ тканей, но и одной и той же ткани не тожественны по своей силѣ, по быстротѣ усвоенія питательныхъ веществъ и пр. Болѣе сильныя обгоняютъ другихъ въ ростѣ и размноженіи; менѣе сильныя мало по малу вытѣсняются и потому гибнутъ; половыя же клѣтки этихъ организмовъ, сохранившія способность къ оплодотворенію (конъюгаціи), не умираютъ, а даютъ начало новому поколѣнію. Смерть многоклѣточныхъ организмовъ отъ старости есть процессъ, аналогичный вымиранію одноклѣточныхъ организмовъ (въ опытахъ Мопа), вслѣдствіе невозможности конъюгировать.

*) L'Annee Biologique и Annales de l'institut Pasteur.

точнаго государства». Въ этомъ государствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, происходитъ борьба за существованіе, и сильные поѣдаютъ слабыхъ. Въ его распоряженіи имѣется настоящая армія изъ бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ, или фагоцитовъ, которыя защищаютъ территорію отъ вторженія непріятелей—микробовъ. Но иногда эта армія (какъ это бываетъ не въ одномъ клѣточномъ государствѣ) обращается противъ тѣхъ, кого ей было поручено защищать.

Тѣ же фагоциты, которые борются съ микробами, преблагополучно пожираютъ наши собственные органы, какъ только благородныя клѣточки начнутъ ослабѣвать. Среди этихъ фагоцитовъ нужно различать двѣ группы. Одни—такъ называемые «микрофаги» (они характеризуются присутствіемъ нѣсколькихъ клѣточныхъ ядеръ) борются съ микробами; другіе—«макрофаги» (они съ однимъ ядромъ) главнымъ образомъ разрушаютъ наши собственные органы, пожирая благородныя клѣточки, мѣсто которыхъ и заступаетъ описанная выше соединительная ткань. А такъ какъ утомленность и слабость тканей, особенно высшихъ, съ возрастомъ наблюдаются все чаще и чаще, то опасность со стороны макрофаговъ со старостью увеличивается и въ концѣ концовъ ведетъ организмъ къ гибели.

Таковы главнѣйшія гипотезы смерти, предлагаемыя наукой. Я сказалъ уже, что среди нихъ нѣтъ ни одной, противъ которой нельзя было бы представить болѣе или менѣе серьезныхъ возраженій. Весьма вѣроятно, что причиною смерти не служитъ непосредственно ни одна изъ нихъ, а что и физіологическіе, и біологическіе факторы, каждый со своей стороны, ведутъ къ тому итогу, который мы называемъ смертью. Съ полнымъ основаніемъ можно сказать лишь одно, что вопросъ о причинѣ смерти многоклѣточныхъ организмовъ пока еще далекъ отъ своего окончательнаго рѣшенія, или, какъ выражается Ферворнъ, до сихъ поръ представляетъ еще загадку.

Но масса, и завѣдомо невѣжественная, и мнящая себя образованной, даже по европейски, рѣшаетъ дѣло иначе. Для нея смерть—есть фактъ совершенно ясный и подлежащій учету, такимъ, какимъ онъ ей представляется, безъ поправокъ и комментаріевъ.

Для нея смерть вполнѣ законченное и опредѣленное явленіе: умеръ человѣкъ, изъ персти взятъ и въ персть превратился—только и всего.

II.

Отношеніе массы человѣчества къ факту смерти.—Ея логика передъ судомъ философіи (Шопенгауэръ и др.).—Попытки примиренія на почвѣ духа (идея о сліяніи съ человѣчествомъ Л. Н. Толстого).—Безплодность философствованія.

Фактъ смерти,—какъ я сказалъ уже, не разъясненный и загадочный для науки,—массѣ представляется яснымъ и простымъ; но

смыслъ смерти представляется ей различнымъ, въ зависимости отъ высоты культуры и отъ того, изъ какого источника черпается отвѣтъ на вопросъ: «гдѣ я буду и что со мною будетъ послѣ моей смерти»? — вопросъ, который съ трагической неизбѣжностью каждому рано или поздно предстоитъ себѣ поставить. Этихъ источниковъ два: религія и метафизическая философія.

Что касается до религіи, то ея отвѣтъ всегда былъ такимъ же простымъ и яснымъ, какъ и самый фактъ смерти. Его сущность вездѣ была одною и тою же. Она заключалась въ томъ, что человѣческая жизнь лишь преддверіе къ жизни вѣчной. Смерть съ этой точки зрѣнія только желанный мигъ желаннаго начала, слѣдующаго за концомъ бреннаго и временнаго существованія.

Тайлоръ *), на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, устанавливаетъ положеніе, по которому религіозность представляетъ собой для человѣчества на всѣхъ ступеняхъ его развитія явленіе всеобщее **).

Для насъ, разумѣется, не важно, что именно представляетъ собою та или другая религія и въ чемъ заключается ихъ источникъ и сущность. Намъ достаточно знать, что минимумъ религіозности составляетъ вѣру въ безсмертіе души и что религіозныя вѣрованія, постепенно усложняясь, приводятъ, наконецъ, начиная съ этого минимума, къ тѣмъ, которыя мы видимъ у культурныхъ народовъ. Намъ важно знать, что вопросы о жизни, по свидѣтельству Леббока, встрѣчаются у людей, стоящихъ на самыхъ низшихъ степеняхъ культуры. Дикари вѣрятъ въ безсмертіе души. Они полагаютъ, что душа можетъ выходить изъ тѣла, входить въ тѣла другихъ людей, животныхъ и даже вещей, что она можетъ странствовать по землѣ, летать въ воздухѣ или отправляться въ настоящую обитель духовъ—въ загробный міръ.

Нѣтъ надобности, конечно, распространяться о томъ что, гдѣ есть вѣра въ загробную жизнь, тамъ эта послѣдняя всегда представляется «страной блаженства и безсмертія»,—это понятно само собою.

Въ чемъ состоитъ ожидаемое «блаженство»—это для насъ тоже вопросъ, не имѣющій особаго значенія.

Патагонскія племена, по свидѣтельству Д'Орбиньи, хоронятъ съ покойникомъ его оружіе и украшенія и убиваютъ на его могилѣ всѣхъ принадлежавшихъ ему животныхъ; арабы убиваютъ на

*) Первобытная культура. Пер. съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго Спб. 1872, часть II, гл. XI.

**) Случаи „безбожества" Тайлоръ объясняетъ или не точно сдѣланными наблюденіями, или явленіями, аналогичными тому, какъ древніе аріане описывали коренныя племена Индіи въ качествѣ adeva, то есть безбожниковъ, или какъ древніе греки называли первыхъ христіанъ безбожниками потому, что они не вѣрили въ классическихъ боговъ, или какъ нѣкоторые теологи новаго времени называли атеистами тѣхъ, кто не вѣритъ въ апостольское преемство.

могилѣ верблюда, чтобы духъ умершаго могъ ѣздить на немъ *) и т. д. А въ могилы кладутъ всевозможные предметы въ зависимости отъ того — что, по представленіи даннаго племени, можетъ служить къ улучшенію жизни умершаго въ странѣ блаженства **).

Есть племена, которыя поэтому стараются помочь природѣ, убивая людей, чтобы освободить ихъ души и ускорить пользованіе этимъ блаженствомъ. А чтобы сдѣлать его болѣе полнымъ—вмѣстѣ со смертью господина убиваютъ его слугъ, рабовъ, женъ, долженствующихъ слѣдовать за нимъ, чтобы продолжать ему службу въ будущей жизни ***).

Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ существуетъ такая вѣра, смерть не представляетъ ничего ужаснаго. Напротивъ, это— желанный мигъ, такъ какъ онъ возвращаетъ душу, стѣсняемую тѣломъ, къ свободному и дѣятельному существованію. И если бы человѣческой мысли можно было сказать, какъ это сдѣлалъ въ свое время Іисусъ Навинъ, обращаясь къ солнцу: «стой!», то никакого иного отвѣта на вопросъ о смерти и не требовалось бы; ибо что

---

*) Интересны указываемые Леббокомъ пережитки этихъ обычаевъ. Такъ, въ погребальной церемоніи Бертрана Дюгесклена въ Сенъ-Дени въ 1389 году были принесены въ жертву лошади, при чемъ епископъ Оксерскій сначала возложилъ руки на ихъ головы, затѣмъ онѣ были убиты. Въ Германіи жертвоприношенія совершались почти на памяти людей, живущихъ до нашего времени. Кавалерійскій генералъ Фридерикъ Казиміръ былъ похороненъ въ Трирѣ въ 1781 году согласно обрядамъ Тевтонскаго ордена; лошадь его вели за гробомъ, и когда послѣдній опустили въ могилу, лошадь убили и зарыли вмѣстѣ съ нимъ. Это, быть можетъ, послѣдній случай подобнаго жертвоприношенія, совершеннаго торжественнымъ образомъ въ Европѣ. Но обычай вести при похоронахъ военныхъ людей ихъ осѣдланныхъ и взнузданныхъ лошадей сохранился и до сихъ поръ, какъ остатокъ суроваго религіознаго обряда, исчезнувшаго навѣки.

**) Любопытны пережитки, указываемые Леббокомъ и въ этомъ отношеніи:

„Человѣкъ, правда, умеръ, но можно еще представить себѣ его живымъ, взять его холодную руку, говорить съ нимъ, поставить его стулъ у стола, положить съ нимъ въ гробъ полные значенія сувениры, бросить цвѣты на его гробъ, класть вѣнки иммортелей на его могилу“ и т. д.

***) Вдовы на островахъ Фиджи сами желаютъ смерти и ожидающей ихъ новой жизни съ ихъ умершими мужьями. Миссіонерамъ не удавалось убѣдить ихъ въ безуміи обычая: онѣ упорно отказывались отъ жизни. Мысль о томъ, что какой-нибудь полководецъ можетъ отойти въ другой міръ безъ спутниковъ, до такой степени противорѣчитъ уму туземцевъ, что противодѣйствіе миссіонеровъ варварскому избіенію этихъ предназначаемыхъ къ смерти людей было причиною отвращенія туземцевъ къ христіанству. Эти обычаи встрѣчались во многихъ мѣстахъ центральной Америки, въ Мексикѣ, Перу и др. Король Дагомейскій долженъ войти въ страну смерти съ цѣлымъ духовнымъ дворомъ: сотнями женъ, евнуховъ, пѣвцовъ и солдатъ; онъ, сверхъ того, долженъ получать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ его королевствѣ, вслѣдствіе чего ежегодно совершаются убійства, дабы убитый могъ исполнить порученіе сына и сообщить умершему отцу требуемыя свѣдѣнія.

же можетъ быть лучше вѣры въ замѣну временнаго и болѣзненнаго вѣчнымъ и безболѣзненнымъ!

Къ сожалѣнію или къ счастью, — остановить процесса интеллектуальнаго развитія—нельзя; а вслѣдствіе этого—рано или поздно у человѣчества наступаетъ пора сомнѣнія и въ ожидаемомъ блаженствѣ, и въ достоинство обѣщающихъ это блаженство боговъ. На смѣну одной религіи является другая, болѣе совершенная, болѣе удовлетворяющая запросамъ времени и культуры.

Понятно, однако, что эти смѣны не могутъ идти безконечно, уже по тому одному, что онѣ смѣны: религія можетъ или представлять собою вѣру въ *неизмѣнное*, вѣчное, непоколебимое, — или ея нѣтъ. Соображеніе о томъ, что прежняя, исповѣдывавшаяся тысячелѣтія религія была ложной религіей, предполагаемая же будетъ настоящей, можетъ имѣть мѣсто лишь нѣкоторое число разъ, а затѣмъ вопросъ: гдѣ же гарантія въ томъ, что новая религія не представляетъ такого же заблужденія, какое представляли собою первоначальныя,—возникаетъ самъ собою.

Возникаетъ *сомнѣніе*,—этотъ величайшій факторъ прогресса,— его основной ферментъ, его геній, а вслѣдствіе этого, исконный врагъ косной массы, ея Люциферъ, мѣшающій покою, сбивающій со старыхъ дорогъ и освѣщенныхъ вѣками традицій!

Развѣ это боги, говорятъ передовые умы племенъ, расъ, народовъ, когда имъ становится очевиднымъ, что могущество этихъ боговъ—дѣтское могущество, а всевѣдѣніе—смѣшное всевѣдѣніе! Какое же это всемогущество, говорятъ они, если ему приходится вести нескончаемую борьбу съ богомъ зла и, несмотря на свою шестирукость и сонмъ несмѣтныхъ духовъ, до сихъ поръ не одолѣть его! Какое же это всевѣдѣніе боговъ, будто бы знающихъ судьбу каждаго человѣка, если они не знали самаго главнаго, а именно, что человѣкъ, котораго они создали, будетъ несовершеннымъ и грѣшнымъ?

А главное, какъ же это такъ: боги, сами будучи виноватыми въ томъ, что по своему невѣдѣнію сдѣлали человѣка несовершеннымъ, вмѣсто того, чтобы оправдать свою всеблагость и, воспользовавшись своимъ всемогуществомъ, пересоздать человѣка по новому образцу,—предали его въ руки злыхъ боговъ, предоставивъ бѣдному человѣчеству вести съ этими богами борьбу своими слабыми силами, кое-гдѣ помогая любимцамъ, а другимъ обѣщая разныя муки на томъ свѣтѣ, если они не устоятъ въ борьбѣ, въ которой и сами-то боги не въ состояніи были одержать побѣды.

Въ тотъ періодъ культуры, когда люди, обоготворяя себя, создавали своихъ боговъ по своему образу и подобію,—эти созданія стояли, разумѣется, на высотѣ задачи; они были высшими принципами жизни и смерти. Но съ теченіемъ вѣковъ и боги, и герои старѣлись, люди опережали свои старыя созданія, и то, что казалось великимъ въ свое время, становилось малымъ, безсильнымъ и

жалкимъ—тысячелѣтія спустя, а иногда и въ гораздо болѣе короткій срокъ.

Къ сомнѣніямъ въ области вѣры и на основаніи данныхъ самой вѣры, въ концѣ концовъ, присоединились данныя изъ другого источника. Наука выдвигаетъ рядъ истинъ, которыя все сильнѣе и сильнѣе колеблютъ религіозныя основы. Сначала она устанавливаетъ, какъ фактъ, что земля, считавшаяся неподвижнымъ и неизмѣннымъ центромъ вселенной, ея единственною твердью,—не болѣе, какъ вѣчно подвижная и вѣчно измѣнчивая песчинка живого и подвижного космоса. Затѣмъ, она доказываетъ, что человѣкъ не составляетъ центра, для котораго и птицы поютъ, и цвѣты благоухаютъ, а представляетъ лишь звено огромной цѣпи существъ, съ которыми онъ связанъ родственными узами и отъ которыхъ ничѣмъ не отличается по своему происхожденію и своему концу.

Вопросъ о цѣли жизни и смыслѣ смерти опять выдвигается на очередь съ новою силою. Если смерть не переходъ къ новой жизни, а трагическій ея конецъ, то зачѣмъ же жизнь и гдѣ, въ чемъ смыслъ смерти? На мѣсто религіи выступаетъ метафизика.

Смерть—не зло, говоритъ философія устами однихъ своихъ представителей, а величайшее благо, ибо жизнь есть величайшее несчастіе.

Смерть—величайшее благо, утверждаютъ другіе, ибо она даетъ возможность духу освободиться отъ узъ, налагаемыхъ на него нашимъ тѣломъ, и слиться съ душою человѣчества, такимъ путемъ обрѣтая свое безсмертіе.

«И что за слабость держаться за жизнь, восклицаетъ Л. Н. Толстой, всю жизнь трепетавшій отъ страха смерти! Мы, какъ жильцы тюремъ, или пансіонеры сумасшедшихъ домовъ, страшно боимся освобожденія. Иногда сторожа выводятъ арестантовъ на открытый воздухъ; они легко бы могли спастись, но несчастные узники группируются вокругъ своихъ сторожей и снова возвращаются по тому же пути въ свою темницу. И мы, живущіе, продѣлываемъ то же самое. Мы боимся смерти, этого часа освобожденія, этого благодѣтельнаго конца».

«Освобожденія» —отъ чего? спросимъ мы въ свою очередь; «благодѣтельнаго»—почему? Какъ будто кто-нибудь мѣшаетъ людямъ «освободиться» изъ темницы и гораздо раньше получить «благодѣтельный конецъ», чѣмъ это приходится дѣлать засидѣвшемуся въ тюрьмѣ жильцу? Кто держитъ его въ этой тюрьмѣ тогда, когда жажда къ освобожденію у него еще не исчезала?

Удерживаетъ его, конечно, то самое, что заставляло мучиться и страдать умирающаго Ивана Ильича, то-есть сожалѣніе о томъ, что составляло его жизнь и трагическое недоумѣніе надъ тѣмъ, «что съ нимъ будетъ, когда его не будетъ?»

Нѣтъ нужды, что правда смерти заставила Ивана Ильича пе-

реоцѣнить удовольствія и прелести его жизни, которыя представились ему въ иномъ свѣтѣ, когда онъ очутился передъ открытой могилой: онъ жалѣлъ жизнь и такой, какой она была, и такой, какой она могла быть, и холодѣлъ отъ ужаса передъ мыслью о томъ, что будетъ съ нимъ, Иваномъ Ильичемъ, его духомъ и *тѣломъ*, когда онъ умретъ.

И никакого отвѣта на вопросъ о томъ: въ чемъ заключается смыслъ смерти, кромѣ того, что для облегченія этого «торжественнаго акта нужно вести не ложную жизнь»,—никакого отвѣта не получается. Получается даже нѣчто худшее, чѣмъ простая фигура умолчанія.

Въ самомъ дѣлѣ.

Если бы Иванъ Ильичъ кончилъ курсъ не въ пажескомъ корпусѣ, началъ свою карьеру не при содѣйствіи «тайнаго совѣтника и не нужнаго члена различныхъ ненужныхъ учрежденій», не построилъ своей жизни на почвѣ одного строжайшаго comme il faut, проникавшаго во всѣ перипетіи его жизни: женитьбу, служебную дѣятельность, отношенія къ людямъ, выборъ круга знакомыхъ (только самыхъ лучшихъ: богатыхъ и знатныхъ) и пр., если бъ, вслѣдствіе этого, его жизнь насквозь не пропиталась одною безконечною ложью, которая въ концѣ концовъ желѣзнымъ кольцомъ окружила его наканунѣ смерти, низводя этотъ «*торжественный актъ*» «до уровня визитовъ, сардинъ и осетрины къ обѣду», низводя этотъ актъ тѣмъ самымъ «приличіемъ», которому онъ служилъ всю жизнь, на степень неприличія («вродѣ того, какъ обходятся съ человѣкомъ, который, войдя въ гостиную, распространяетъ отъ себя дурной запахъ»); если бы ничего этого не было и жизнь Ивана Ильича представляла собою не одинъ «ужасный, огромный обманъ», а текла по руслу правдивой жизни, проложенному мыслью Л. Н. Толстого, то спрашивается,—развѣ отсюда слѣдуетъ, что рѣшеніе вопроса о томъ, «что со мной будетъ, когда меня не будетъ», доставило бы ему удовольствіе? Что смерть не казалась бы ему несправедливостью и величайшимъ ужасомъ?

Толстой, сосредоточивъ все свое вниманіе только на томъ, чтобы показать значеніе неправды жизни, и увлекшись стремленіемъ показать, какъ тяжко бываетъ сознаніе этой неправды передъ лицомъ такой суровой и неподкупной правды, какую являетъ собою смерть,—забылъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Получилась... художественная неправда, въ такой же степени очевидная, какъ очевидна философская неправда въ идеѣ о безсмертіи, которую, по мысли Толстого, человѣкъ обрѣтаетъ путемъ сліянія съ человѣчествомъ.

Эта идея примиренія со смертью на почвѣ духа совершенно безплодна, не говоря ни о чемъ другомъ, уже по тому одному, что человѣчество вовсе не представляетъ собою чего-то реальнаго, единаго и цѣльнаго, а общимъ для всѣхъ его разъединенныхъ и

враждебно настроенныхъ другъ къ другу частей является все та же неизбѣжная, какъ и для отдѣльнаго человѣка, смерть.

Когда и какъ?—это вопросъ, но гибель человѣчества это такой же несомнѣнный фактъ, какъ и гибель самой земли, на которой оно плодится и множится, какъ песокъ морской. Въ чемъ можетъ утѣшить умирающаго такое сліяніе съ временнымъ и бреннымъ?..

Метафизика пессимизма гораздо откровеннѣе Толстого и несравненно логичнѣе его.

Страданій въ мірѣ, говорятъ представители пессимизма, гораздо больше, чѣмъ наслажденій,—уже по тому одному, что жизнь не можетъ не отравляться сознаніемъ ея бренности и ея близкаго конца.

«О, злополучное, жалкое, смертное племя людское», говоритъ Эмпедоклъ,

Многія бѣды тебя постигаютъ, твой умъ помрачая,
Жизнь коротка и непрочна, подобно летучему дыму.

Великій метафизикъ Кантъ утверждаетъ, что рѣдкій человѣкъ, проживишій достаточно долго, согласился бы вновь пережить не только ту же самую жизнь, но и всякую иную.

Философія поэта Леопарди выражаетъ ту же идею въ слѣдующихъ прочувствованныхъ строкахъ:

Вся жизнь есть горечь
И скука. Міръ ничтоженъ. Успокойся...
Разочаруйся навсегда... Судьба
Намъ смертнымъ удѣлила только смерть.
Такъ ненавидь отнынѣ всю природу.
Ту силу грубую, что все повергнетъ ницъ.
Усни на вѣкъ. Оставь безъ сожалѣнья
Весь этотъ міръ—пустыню безъ границъ,
Миражъ, достойный лишь презрѣнья...

Нѣтъ надобности, конечно, говорить о томъ, что Леопарди не вѣритъ въ человѣческій прогрессъ. Интересно, однако, причина этого невѣрія. Она заключается въ томъ, что *орудіемъ прогресса является мысль, а это самый пагубный даръ изъ всѣхъ данныхъ человѣку*, говоритъ онъ.

Философъ забылъ, что мысль, какъ и всякое орудіе, какъ ножъ, напримѣръ, можетъ служить не для того только, чтобы рѣзать людей и совершать насиліе, но и для того, чтобы рѣзать хлѣбъ, дѣлать операцію, которою человѣкъ спасается отъ неизбѣжной смерти, и познавать внутреннее строеніе организмовъ...

Ученіе Шопенгауэра достаточно хорошо извѣстно, и потому я напомню о немъ здѣсь лишь въ немногихъ словахъ.

Весь міръ, какимъ онъ представляется человѣку,—«*міръ, какъ представленіе*», есть призракъ, иллюзія *).

*) Въ этомъ своемъ положеніи Шопенгауэръ расходится съ Леопарди, который признавалъ за космосомъ реальное бытіе.

Реально для него существуютъ только такія вещи, которыя онъ хочетъ имѣть, или которыхъ хочетъ избѣжать, которыя ему доставляютъ удовольствіе, либо заставляютъ его страдать. Не входящіе въ кругъ этихъ *волевыхъ* процессовъ предметы для человѣка реально не существуютъ, какъ для слѣпого не существуетъ красокъ, для глухого—звуковъ и т. д.

А такъ какъ всякая воля есть съ тѣмъ вмѣстѣ и *стремленіе* чего-нибудь достигнуть или чего-нибудь избѣжать, то въ ней самой, поэтому, и лежитъ источникъ трагедіи жизни, ибо всякое стремленіе и начинается, и кончается страданіемъ.

Отсюда вся жизнь человѣка вращается между страданіемъ (стремленіемъ) и скукой, а задача мудреца сводится къ тому, чтобы побороть, парализовать *волю*, являющуюся источникомъ стремленій, отречься отъ жажды жизни и обрѣсти блаженный покой. «Для того, кто обрѣлъ такой покой,—заключаетъ главное свое произведеніе Шопенгауэръ,—весь этотъ міръ, со всѣми его солнцами и млечными путями, есть ничто!»

И пессимизмъ, конечно, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ философія «примиренія» съ ея увѣреніями о томъ, что нашъ міръ лучшій изъ міровъ, что человѣчество преисполнено счастія и каждый такой счастливецъ черезъ сліяніе съ человѣчествомъ обрѣтаетъ даже безсмертіе!

Ближе къ истинѣ, но потому лишь, что правильно понимаетъ дѣйствительность и дѣлаетъ ей разумную оцѣнку; но отнюдь не въ смыслѣ своихъ конечныхъ заключеній. Здѣсь пессимизмъ такъ же далекъ отъ истины, какъ и оптимизмъ метафизической философіи.

Причина такихъ безотрадныхъ и совершенно невѣрныхъ заключеній, по моему мнѣнію, лежитъ въ томъ, что, исходя изъ совершенно вѣрнаго положенія объ иллюзорности міра нашихъ представленій и ничтожности жизни съ точки зрѣнія ея неизбѣжнаго и скораго конца,—мудрствующіе о природѣ, а не изучающіе природу философы признали доказаннымъ, что наши органы чувствъ навсегда останутся такимъ же несовершеннымъ орудіемъ познанія, какими были до настоящаго времени, а это, на мой взглядъ—грубая и оскорбительная для человѣческаго генія ошибка.

До какой степени эти философы далеки отъ представленія о постигающихъ способностяхъ органовъ чувствъ, всего лучше видно изъ того, какъ они понимали ихъ значеніе въ этомъ процессѣ. Такъ Кантъ, напримѣръ, въ своей *Антропологіи* говоритъ о нихъ слѣдующее.

«Объективными» органами чувствъ, то есть такими, которые даютъ познаніе внѣшнихъ предметовъ, являются: осязаніе, слухъ и вкусъ. Обоняніе для такого познанія, по мнѣнію Канта, служить не можетъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ у многихъ высшихъ животныхъ оно служитъ для такого познанія съ большею силою,

чѣмъ органы зрѣнія и слуха. У человѣка всѣ органы чувствъ, кромѣ осязанія, понизились въ своемъ совершенствѣ, но и у него они могутъ служить для познаванія внѣшнихъ предметовъ.

Какъ же Кантъ представлялъ себѣ задачу и роль этихъ трехъ объективныхъ органовъ чувствъ?

Чувство осязанія. Этими органами,—говоритъ философъ,—природа, повидимому, надѣлила только одного человѣка, чтобы онъ путемъ ощупыванія со всѣхъ сторонъ могъ составить себѣ понятіе о фигурѣ тѣла, ибо чувствительныя щупальца насѣкомыхъ, какъ кажется, имѣютъ въ виду показать только присутствіе предмета безъ опредѣленія его формы. Это внѣшнее чувство только одно даетъ непосредственное внѣшнее воспріятіе; именно поэтому оно и самое серьезное, и его показанія особенно достовѣрны; но въ то же время это и самое грубое чувство.

О слухѣ мы читаемъ:

Чувство слуха есть одно изъ чувствъ посредственнаго воспріятія. Оно идетъ черезъ воздухъ, который насъ окружаетъ, и посредствомъ его узнается отдаленный предметъ на значительномъ разстояніи; и именно черезъ эту среду, которая приводится въ движеніе органомъ голоса, ртомъ, люди легче всего и удобнѣе всего могутъ входить въ общеніе мысли и чувства съ другими людьми, въ особенности въ томъ случаѣ, если звуки, которыми каждый обмѣнивается со всѣми другими, членораздѣльны и въ ихъ закономѣрномъ соединеніи при помощи разсудка создаютъ языкъ.

Въ чувствѣ слуха внѣшняя фигура предмета не дается; звуки языка ведутъ къ представленію этого предмета непосредственно; но именно поэтому—и еще потому, что сами по себѣ они ничего не значатъ, по крайней мѣрѣ не обозначаютъ объектовъ, а только выражаютъ внутреннія чувства, они являются самымъ пригоднымъ средствомъ для обозначенія понятій.

Что же касается при этомъ жизненнаго чувства, то въ музыкѣ, какъ въ размѣренной игрѣ ощущеній слуха, оно становится необыкновенно живымъ и не только испытываетъ разнообразныя волненія, но и становится сильнѣе; музыка, такимъ образомъ, служитъ какъ бы голосомъ исключительно ощущеній (безъ всякихъ понятій). Звуки здѣсь тоны и служатъ для слуха тѣмъ же, чѣмъ краски служатъ для зрѣнія. Звукъ здѣсь передается въ даль, расходится по извѣстному пространству, сообщается всѣмъ, которые при этомъ присутствуютъ, и представляетъ изъ себя нѣчто пріятное для общества, даетъ удовольствіе, которое отнюдь не уменьшается оттого, что въ немъ многіе принимаютъ участіе.

Ни единаго намека на то, что такое слухъ въ сравнительной анатоміи (о насѣкомыхъ говорится только по поводу осязанія), ни единаго слова о способностяхъ этого органа къ познанію явленій природы у Канта нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ

какъ въ его время для оцѣнки того и другого не было *никакихъ данныхъ*, и заимствовать ихъ для его философствованіи Канту было негдѣ. Все дѣло ограничивается только разсмотрѣніемъ органа чувствъ человѣка, какъ орудія *для его жизни въ обществѣ*.

Если бы исключить изъ этого изслѣдованія Канта ничего въ сущности не выясняющіе термины вродѣ: органическія ощущенія, жизненныя ощущенія, внѣшнія ощущенія, субъектъ чувствъ, матерія съ твердой поверхностью, матерія текучая, текучій элементъ, подвижная матерія и пр., и пр., то все опредѣленіе органовъ чувствъ, какъ орудій познанія внѣшней природы, у Канта сводилось бы къ тому, что органъ осязанія служитъ, чтобы ощупывать предметъ, органъ слуха, чтобы слушать разговоръ и музыку, а органъ зрѣнія...

Вотъ что онъ говоритъ о немъ. И зрѣніе тоже чувство посредственныхъ ощущеній; ощущеніе передается здѣсь черезъ подвижную матерію, ощутительную только для извѣстнаго органа (для глаза), черезъ свѣтъ, который не только, какъ звукъ, представляетъ волнообразное движеніе текучаго элемента, расходящееся въ пространствѣ во всѣ стороны, но представляетъ то изліяніе, черезъ которое опредѣляется въ пространствѣ мѣсто для объектовъ и т. д., и т. д., все съ одинаковою ясностью опредѣленія и изложенія. Новаго здѣсь только то, что глазъ можетъ, кромѣ людей, видѣть «самосвѣтящіяся небесныя тѣла» и «посредствомъ микроскопа разсматривать маленькихъ инфузорій». Какъ это безконечно далеко отъ того, что можетъ сказать въ настоящее время ученый, обладающій современнымъ микроскопомъ и химической лабораторіей!

Что же мудренаго, что Кантъ утверждалъ, будто бы чувство зрѣнія не такъ необходимо, не такъ благородно, какъ органъ слуха, и что органы чувствъ не могутъ вести къ познанію вещей.

III.

Логика смерти передъ судомъ науки (Вейсманнъ). Слабая сторона его гипотезы.—Трагизмъ смерти есть результатъ глубокой дисгармоніи между непропорціонально огромнымъ развитіемъ интеллектуальной силы и ничтожествомъ орудій ея познанія (органовъ чувствъ), унаслѣдованныхъ человѣкомъ отъ животныхъ.

Посмотримъ теперь, что отвѣчаетъ намъ на поставленный нами вопросъ наука: въ чемъ видитъ она оправданіе и логику смерти?

Пока мы имѣемъ на него только одинъ отвѣтъ, который я нахожу все же не вполнѣ вѣрнымъ, и ошибочность котораго постараюсь здѣсь выяснить и поправить.

Упомянутый отвѣтъ даетъ Вейсманнъ и содержаніе этого отвѣта таково:

Смерть представляетъ собою одну изъ высшихъ формъ приспособленія видовъ животныхъ къ эволюціи: слишкомъ продолжи-

тельная жизнь задерживала бы прогрессъ и тормазила бы отборъ въ борьбѣ за существованіе.

Смерть, по мнѣнію ученаго,—могучій факторъ совершенствованія: она устраняетъ слабыхъ, уродливыхъ; она во время кладетъ предѣлъ отживающему, охраняя интересы потомства, т. е. вида. Благодаря смерти, и усовершенствовался весь міръ организмовъ на землѣ; ея благодѣтельному вліянію онъ обязанъ всѣмъ, что на землѣ есть прекраснаго въ наши дни: она не давала заживаться на землѣ организмамъ, сдѣлавшимъ свое дѣло, то есть давшимъ и воспитавшимъ свое потомство въ періодъ расцвѣта своихъ силъ; молодыя поколѣнія организмовъ, благодаря этому, смѣнялись новыми и новыми, вѣчно стремясь къ дальнѣйшему совершенству.

Въ этомъ и заключается *логика смерти*, ея цѣлесообразность, необходимость и желательность. И не одинъ Вейсманнъ думаетъ такимъ образомъ.

Спенсеръ, Геккель, Уоэллесъ и многое множество ученыхъ съ авторитетнѣйшими именами не только не возмущаются идеей объ обязательности животной логики смерти для человѣка, но видятъ въ ней такую же гарантію прогресса человѣчества, какую смерть играла и продолжаетъ играть въ совершенствованіи животныхъ.

Они признаютъ законнымъ руководительство человѣческимъ прогрессомъ того закона и той логики, которые тяготѣютъ надъ нимъ, не справляясь о томъ: признаетъ ли человѣчество то совершенствованіе, которое гарантируется смертью, за желательное совершенствованіе, и хочетъ ли оно идти туда, куда его ведетъ этотъ роковой для всего живого на землѣ законъ смерти?

Между тѣмъ, идея эта даже по стольку, по скольку она касается животныхъ, встрѣчаетъ серьезныя возраженія въ тѣхъ данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ о борьбѣ за жизнь особи, идущей параллельно съ борьбою за жизнь потомства *).

Что же касается до человѣка, то, на мой взглядъ, приведенная выше идея Вейсманна представляетъ собою огромную ошибку и вотъ почему. Однажды поднявшись на такой уровень умственнаго развитія, стоя на которомъ человѣкъ могъ понять, что природа несравненно болѣе его врагъ, чѣмъ союзникъ, — онъ долженъ былъ вступить съ нею въ борьбу и либо одержать побѣду, либо погибнуть.

Природа накладываетъ на человѣка тѣ же цѣпи естественнаго отбора для усовершенствованія вида, которыя наложила на все живущее для достиженія наиболѣе совершенныхъ формъ въ борьбѣ за существованіе и въ этихъ интересахъ прекращаетъ его жизнь въ наиболѣе цѣлесообразный для *этой* цѣли моментъ. Но человѣкъ сознавши свою индивидуальность и противопоставивъ свою волю слѣпымъ велѣніямъ біологическаго отбора, не можетъ, разу-

*) См. В. Вагнеръ. Материнство и материнскій инстинктъ.

мѣется, свести свою индивидуальную роль на степень служенія этимъ велѣніямъ; онъ не можетъ не протестовать противъ того, чтобы его личная жизнь цѣнилась не болѣе, чѣмъ временное средство къ достиженію цѣлей, которыхъ онъ не раздѣляетъ. Противопоставивъ свои человѣческія задачи задачамъ біологическимъ, онъ въ правѣ требовать принесенія въ жертву не первыхъ послѣднимъ, а послѣднихъ первымъ. Логика смерти животныхъ поэтому для него теряетъ всякій смыслъ, и онъ стоитъ передъ этимъ фактомъ, какъ передъ роковой безсмыслицей, которой не можетъ ни понять, ни опредѣлить своего къ ней отношенія.

Отсюда, какъ мы это видѣли въ предшествующей главѣ, ведетъ свое начало возникновеніе религіи, а потомъ философіи, пессимистической, примиряющей, утѣшающей и всякой иной.

Причины, которыя сдѣлали усилія человѣческаго ума безплодными въ рѣшеніи вопроса о смерти, заключаются въ томъ противорѣчіи между явленіями смерти, съ одной стороны, и оторванныхъ отъ фактовъ дѣйствительности поисковъ трансцендентальной мысли,—съ другой.

Смерть, несмотря ни на какія разсужденія, оставалась «актомъ, во-первыхъ, отрывающимъ человѣка отъ предметовъ, которые составляютъ всю красоту и прелесть жизни, а, во-вторыхъ, актомъ, послѣ котораго самъ человѣкъ, созданный по образу и подобію Бога, превращается въ грязь, хуже, чѣмъ грязь, въ зловонный трупъ».

Что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи наука и можетъ ли она вообще что-нибудь здѣсь сдѣлать?

Я глубоко убѣжденъ, что можетъ и можетъ не въ отдаленномъ будущемъ, а сейчасъ, и не путемъ иллюзорныхъ надеждъ, въ которыя люди вѣрятъ только потому, что хочется вѣрить, и лишь до тѣхъ поръ, пока можно вѣрить, то есть пока дѣйствительность не докажетъ всей безплодности этой вѣры съ обычной для нея грубостью и неотразимостью.

Цѣпь разсужденій, которыя приводятъ меня къ этому выводу, заключается въ слѣдующемъ.

Я исхожу изъ положенія, что органы чувствъ животныхъ, отъ которыхъ они унаслѣдованы человѣкомъ, выработались въ борьбѣ за существованіе съ живою природой, то есть съ живыми организмами, въ условіяхъ окружающей ихъ среды. Естественный отборъ удерживалъ тѣ уклоненія въ эволюціи нервной дѣятельности, которыя были нужны для веденія борьбы за существованіе въ такихъ условіяхъ, не болѣе. Все, что оказывалось излишнимъ для этой цѣли, уничтожалось, даже если и было въ свое время выработано въ качествѣ полезнаго, какъ исчезли, напримѣръ, глаза у пещерныхъ животныхъ. Для того, чтобы вести борьбу за жизнь,—несовершенныхъ и ограниченныхъ органовъ чувствъ было совершенно достаточно, такъ какъ война за жизнь велась съ организмами, вооруженными аналогичными же органами чувствъ въ

сходныхъ условіяхъ жизни. Для нея было достаточно даже несравненно менѣе совершенныхъ органовъ, чѣмъ тѣ, какіе мы видимъ у высшихъ животныхъ: другія способности или особенности организма возмѣщали недочеты въ этомъ отношеніи съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ. Для реакціи на свѣтъ, тепло, газообразную, жидкую или твердую среду, на враговъ — было нужно не много, и то, что представляетъ эволюція органовъ чувствъ въ смыслѣ рѣшенія этой задачи, представляетъ собою картину удивительной цѣлесообразности и совершенства.

Эти совершенныя орудія жизни тотчасъ же, однако, превращаются въ никуда негодныя средства, какъ только на землѣ является человѣкъ съ его роковыми, неизвѣстными міру животныхъ, вопросами: *почему* и *зачѣмъ*?

Гармонія между орудіями разума и его запросами оказалась, вслѣдствіе этого, такъ глубоко нарушенной, а послѣдствія этого нарушенія до такой степени колоссальными, что ни одна изъ указываемыхъ И. И. Мечниковымъ дисгармоній человѣческой природы въ сферѣ органовъ пищеваренія, размноженія и пр., не можетъ быть даже поставлена рядомъ.

Человѣкъ вооруженъ органами чувствъ, отлично приспособленными для животной жизни, для того отдаленнаго прошлаго, когда человѣкъ, какъ и всякій звѣрь, долженъ былъ добывать себѣ пищу и вести нескончаемую войну со всѣмъ его окружающимъ, когда ему и нужно было ничего видѣть, кромѣ того, съ чѣмъ приходилось вести борьбу, и тѣхъ, съ кѣмъ ему эту войну приходилось вести сообща. И онъ въ теченіе тысячелѣтій не видалъ и не слыхалъ ничего другого.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ отношеніе человѣка къ природѣ напоминаетъ такое же отношеніе у животныхъ.

Человѣкъ, какъ настоящее стадное животное, долгое, безконечно долгое время *видѣлъ* въ природѣ только особей своего стада и вида. Въ нихъ онъ всматривался, за ними наблюдалъ. Всѣ остальныя животныя его безусловно не интересовали, какъ не интересуютъ они и стадныхъ животныхъ. Онъ знаетъ среди нихъ полезныхъ и опасныхъ, но и то лишь со стороны ихъ полезности или опасности. Онъ ихъ, собственно какъ таковыхъ, и не видитъ, хотя и смотритъ на нихъ; не видитъ, какъ слѣдуетъ, даже ближайшихъ къ нему животныхъ.

Отношеніе человѣка къ мертвой природѣ еще поучительнѣе.

«Описаніе природы въ ея роскошномъ разнообразіи, описательная поэзія, какъ отдѣльная отрасль литературы, были совершенно чужды грекамъ», говоритъ А. Гумбольдтъ: «страсти, разражающіяся сильными дѣлами, почти однѣ приковывали ихъ вниманіе».

«Когда вспомнишь», говоритъ Шиллеръ, «о прекрасной природѣ, окружавшей древнихъ грековъ; когда подумаешь, въ какой близкой связи съ свободной природой находился этотъ народъ подъ

своимъ счастливымъ небомъ, какъ его способъ представленій и чувствованій, какъ его нравы ближе подходили къ простой природѣ, и какое вѣрное отраженіе ея находится въ произведеніяхъ его поэзіи, покажется страннымъ, отчего у него встрѣчается такъ мало слѣдовъ того сочувствія, съ которымъ мы, новые народы, увлекаемся картинами природы и всматриваемся въ ея физіономію. Правда, грекъ описываетъ природу въ высшей степени точно, вѣрно и обстоятельно, но не съ бо́льшимъ сердечнымъ участіемъ, чѣмъ то, съ которымъ онъ описываетъ какую-нибудь одежду, щитъ и доспѣхи, онъ не привязанъ къ ней съ тою нѣжностью, съ той сладостной грустью, съ которыми привязаны къ ней новые народы».

Есть, впрочемъ, и у грековъ одинъ писатель, который говорилъ о природѣ въ истинно поэтическихъ выраженіяхъ. Но этотъ писатель—именно тотъ человѣкъ, который зналъ природу и занимался ея изученіемъ,—Аристотель. «Если бы были существа, всегда обитавшія въ глубинѣ земли, въ жилищахъ, украшенныхъ статуями и картинами, вообще всѣмъ тѣмъ, что имѣютъ тѣ, которыхъ называютъ счастливыми», говоритъ этотъ глубокій мыслитель; «потомъ, если бы эти существа, услышавъ о дѣятельности и могуществѣ боговъ, вышли сквозь разверстыя земныя разсѣлины изъ своихъ скрытыхъ жилищъ къ мѣстамъ, нами обитаемымъ; если бы они внезапно увидѣли землю и море, и небесный сводъ, узнали обширность облаковъ и силу вѣтровъ, оцѣнили солнце, его величіе, красоту и свѣтоносное дѣйствіе; если бы они, наконецъ, послѣ того, какъ наступившая ночь покрыла землю мракомъ, вдругъ увидѣли звѣздное небо, луну, измѣняющую свой свѣтъ, восходъ и закатъ созвѣздій и ихъ съ самой вѣчности устроенное, неизмѣнное теченіе,—то, безъ сомнѣнія, они воскликнули бы: есть боги, и такія великія дѣла—ихъ твореніе!»

Та способность вдохновляться красотой природы, которая мало замѣтна, не говоримъ—въ характерѣ греческаго народа, но въ его литературѣ, еще скуднѣе выражена у римлянъ. «Къ намъ—говоритъ Гумбольдтъ,—не дошло изъ древности ни одного описанія вѣчныхъ альпійскихъ снѣговъ, когда они, къ вечеру или рано утромъ, покрываются багровой краской; ни одного изображенія красоты голубыхъ ледниковъ или величаваго характера швейцарскаго ландшафта, а между тѣмъ безпрестанно переходили въ Галлію черезъ Гельвецію государственные люди, полководцы и, въ свитѣ ихъ, литераторы. Всѣ эти путешественники могли только жаловаться на непроходимыя, страшныя дороги, романтическій же характеръ альпійской природы нисколько ихъ не занимаетъ. Извѣстно, что Юлій Цезарь, возвращаясь къ своимъ легіонамъ въ Галлію, воспользовался временемъ своего перехода черезъ Альпы, чтобы писать грамматическій трактатъ «De analogia».

Что находимъ мы въ средніе вѣка? Въ наукѣ о природѣ ца-

ритъ глубокій покой. Лишь кое-гдѣ слышатся одинокіе голоса ученыхъ, большею частью толкователей классическихъ авторовъ. Съ другой стороны, мы не видимъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ описывались бы сцены природы даже тамъ, гдѣ къ этому представляется полная возможность.

Древне-германскіе пѣвцы способны были, конечно, чувствовать красоту природы; однако же, по указанію Ал. Гумбольдта, «они передали намъ только то выраженіе этого чувства, которое могло проглянуть въ связи съ историческими событіями или съ ощущеніями, изливающимися въ лирическихъ стихотвореніяхъ. Начиная съ древнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ, съ народной эпопеи, ни въ Нибелунгахъ, ни въ Гудрунѣ не встрѣтились описанія сценъ природы. У поэтовъ тринадцатаго вѣка можно собрать множество доказательствъ въ пользу ихъ глубокаго чувства природы, проявляющагося особенно въ сравненіяхъ; но мысль объ отдѣльномъ самобытномъ описаніи природы была и имъ чужда. Они не замедляли хода происшествій въ поэмѣ, не останавливались въ созерцаніи предъ тихой жизнью природы. Лирическіе поэты тринадцатаго вѣка, воспѣвая «минну» (любовь), хотя и довольно часто говорили о кроткомъ маѣ, о пѣніи соловья, о росѣ, блестящей на вересковыхъ цвѣткахъ, но всегда только въ отношеніи чувствованій, отражающихся въ этихъ образахъ». Прошли вѣка прежде, чѣмъ описанія природы получили въ художественной литературѣ то значеніе, которое они заслуживаютъ по своей внутренней цѣнности. Что же случилось въ исторіи цивилизаціи за это время? Гдѣ искать то событіе, къ какому можно было бы пріурочить моментъ развернувшагося художественнаго чутья, зачатки и только зачатки котораго имѣлись въ прошломъ?

Едва-ли можно возразить что-нибудь серьезное на утвержденіе, что этимъ моментомъ нужно признать всестороннее развитіе естествознанія въ половинѣ XVIII вѣка.

Явились ботаника и зоологія, какъ науки; явился Бюффонъ; познакомились съ географическимъ распространеніемъ животныхъ, съ разными племенами человѣчества; явились, съ другой стороны, де-Сенъ-Пьеръ, Шатобріанъ, Плейферъ, а позднѣе Клопштокъ, Гете.

Сначала надо познать — любовь къ познанному явится сама собою.

Лишь съ того момента, когда человѣкомъ впервые были поставлены его роковые вопросы, впервые выяснилась и полная трагизма дисгармонія между орудіемъ, способнымъ ставить такіе вопросы, то есть разумомъ человѣка, и средствами для ихъ рѣшенія, то есть его органами чувствъ.

Разумъ въ конечныхъ стадіяхъ его эволюціи представляетъ собою новую, еще невѣдомую на землѣ силу, которой суждено было вступить въ открытую борьбу съ природой, а органы чувствъ,

выработанные въ школѣ рабскаго подчиненія ея велѣніемъ, держали его на мѣстѣ.

Нужно ли объяснять, что, когда разумъ принялся за рѣшеніе своихъ, только одного человѣка интересовавшихъ вопросовъ, то онъ не получалъ и не могъ получить на нихъ отвѣта, ибо онъ смотрѣлъ не туда, гдѣ можно было видѣть то, что нужно было видѣть, и слушалъ не тамъ, гдѣ нужно было слушать? А смотрѣлъ онъ не туда и слышалъ не то, что нужно, потому, что дѣлалъ и продолжаетъ это дѣлать органами чувствъ, которые унаслѣдовалъ отъ животныхъ, такіе вопросы себѣ не ставившихъ, видѣвшихъ вещи не такими, какими онѣ есть, а такими, какими имъ нужно было ихъ видѣть въ борьбѣ за существованіе.

Отличный примѣръ, иллюстрирующій сказанное, представляетъ собою отношеніе животныхъ, а съ ними и человѣка къ трупу.

Человѣку трупъ страшенъ по своей неподвижности и отвратителенъ по своему запаху.

Въ основѣ этого чувства лежитъ вѣрный, установленный борьбою за существованіе, инстинктъ: трупъ опасенъ, онъ можетъ быть источникомъ болѣзни и смерти. У животныхъ, питающихся падалью, трупъ вызываетъ совершенно иное чувство: у нихъ онъ возбуждаетъ аппетитъ; запахъ трупа доставляетъ имъ удовольствіе. Естественный отборъ создалъ эти формы животныхъ такими, что трупъ приноситъ имъ не вредъ, а пользу, и ихъ отношеніе къ трупу, покоясь на инстинктѣ *питанія*, является совершенно противоположнымъ тому, которое мы видимъ у человѣка и нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ. У нѣкоторыхъ насѣкомыхъ трупный запахъ возбуждаетъ, повидимому, половые инстинкты и никакихъ другихъ.

Приведеннымъ примѣромъ я хочу сказать, что и животное, и человѣкъ своими органами чувства видитъ предметы не такими, каковы они есть, а лишь такими, какими они представляются ему, благодаря унаслѣдованнымъ способностямъ видѣть ихъ *съ точки зрѣнія интересовъ въ борьбѣ за существованіе.*

Здѣсь, по моему мнѣнію, и лежитъ основной источникъ трагедіи жизни человѣка и, между прочимъ, того ея акта, который называется смертью.

Мы видѣли уже, чѣмъ представлялся этотъ актъ людямъ.

Основная причина такого представленія, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что человѣкъ смотритъ на міръ глазами животнаго, а не человѣка; надо вооружить его органы чувствъ такими орудіями, которыя дали бы ему возможность видѣть міръ такимъ, какой онъ есть на самомъ дѣлѣ; надо дать людямъ возможность почувствовать этотъ невидимый и неподозрѣваемый міръ явленій—и они полюбятъ его, какъ полюбили природу послѣ того, какъ начали познавать ее. А когда это случится, не будетъ болѣе и трагедіи смерти.

Присмотримся поближе къ этой трагедіи.

Что покидаемый человѣкомъ міръ представляетъ собою не то, чѣмъ онъ кажется,—это давно извѣстно; не извѣстно лишь, въ какой мѣрѣ и почему это несоотвѣтствіе между кажущимся и дѣйствительно существующимъ глубоко, а главное, какія послѣдствія можетъ и *несомнѣнно будетъ* имѣть это знаніе для нашего отношенія къ явленію смерти. Масса ничего не знаетъ объ этомъ, но и тѣ, которые кое-что знаютъ, не могутъ ничего извлечь изъ своего знанія, ибо дисгармонія между знаніемъ разума и чувствомъ, здѣсь, какъ и вездѣ, находитъ коррективъ путемъ пониженія высшей способности (разума) до уровня низшихъ (органовъ чувствъ), а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало.

Пусть пестрота красокъ жизни на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ иллюзія, пусть звуки природы — явленіе, только намъ кажущееся, на самомъ же дѣлѣ вокругъ насъ царитъ глубокое безмолвіе, развѣ эти знанія мѣшаютъ мнѣ любить окружающіе меня предметы, и даже не просто, а двойною любовью, то есть любить ихъ и такими, какими они намъ представляются органами чувствъ, и такими, какими ихъ знаетъ нашъ разумъ: красота, соединенная съ проявляющеюся въ ней мыслью,—еще могущественнѣе захватываетъ наши чувства, еще сильнѣе вызываетъ нашу привязанность, еще болѣе тягостной дѣлаетъ разлуку.

Это справедливо, однако, лишь на первый взглядъ. Не трудно понять, въ самомъ дѣлѣ, что чѣмъ глубже будутъ становиться наши познанія явленій природы, тѣмъ яснѣе будетъ выступать несоотвѣтствіе между свидѣтельствомъ животныхъ органовъ чувствъ и свидѣтельствомъ разума, изслѣдующаго міръ органами чувствъ человѣка, то есть вооруженными способомъ, безгранично расширяющимъ область видимаго и чувствуемаго. Наступитъ, наконецъ, моментъ, когда коррективъ въ противорѣчіи между тѣмъ и другимъ источникомъ познанія *сдѣлается безусловно не возможнымъ.*

До тѣхъ поръ, пока наши знанія не идутъ далѣе того, напримѣръ, что предметы собственнаго цвѣта не имѣютъ, а зависитъ этотъ цвѣтъ ихъ отъ преломленія солнечныхъ лучей, — отношенія наши къ окружающему насъ міру проигрываютъ не много: предметъ можетъ мнѣ нравиться безъ всякаго отношенія къ тому, представляетъ ли его окраска внутреннее, независимое отъ какихъ-либо внѣшнихъ факторовъ свойство предмета, или не представляетъ.

Но познанія наши теперь уже не останавливаются только на этомъ, они пошли гораздо дальше въ глубь явленій.

За картиной, которую намъ рисуютъ элементарные факторы, непосредственно обусловливающіе явленія среды, открывается другая, которую въ общихъ чертахъ мы, согласно указаніямъ новой области знанія—энергетики *), можемъ себѣ представить такою.

*) Подъ энергетикой разумѣется наука, изучающая различныя формы,

Весь міръ живой и мертвой природы представляетъ собою только измѣненія неразрушимой матеріи и неразрушимой энергіи, вѣчно переходящихъ изъ одной формы явленій въ другія, при чемъ различіе послѣднихъ между собою, въ значительной части случаевъ, обусловливается различіемъ не этихъ явленій, а воспринимающихъ явленія органовъ чувствъ.

Пока мы не имѣемъ основанія утверждать, что всѣ существующія формы энергіи намъ извѣстны *), но мы можемъ категорически утверждать теперь же, что новыя формы энергіи, если бы таковыя были когда-либо открыты, будутъ подчиняться уже извѣстнымъ намъ законамъ. Явленія жизни, съ точки зрѣнія энергетики, представляютъ собою одинъ изъ частныхъ случаевъ космической энергіи, который занимаетъ въ общей картинѣ міровыхъ явленій опредѣленное мѣсто, представляя одну неразрывно и генетически съ нею связанную часть цѣлаго.

Грандіозная картина связи явленій жизни съ міровыми явленіями можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ чертахъ.

Солнечный лучъ, выражаясь образно, доставляетъ намъ на землю космическую энергію солнца.

Чередующіяся волны солнечныхъ лучей, слѣдующія другъ за другомъ съ такою же невообразимой быстротой, какъ и ихъ движеніе впередъ (290,000 верстъ въ секунду),—расшатываютъ мелкіе атомы углекислоты, проникнувшей изъ воздуха въ толщу зеленаго листа, и порываютъ связь между кислородомъ и углеродомъ, изъ химическаго соединенія которыхъ углекислота состоитъ.

Органомъ листа, въ которомъ совершается процессъ разложенія углекислоты, — являются зеленыя зернышки, обусловливающія зеленый цвѣтъ растенія, хлорофиллъ. Въ этихъ зернышкахъ углеродъ, освободившись изъ углекислоты, вступаетъ въ соединеніе съ водою (всегда находящеюся въ листѣ) и образуетъ *крахмалъ*. Такъ совершается, провѣренный опытомъ и установленный наукою, первый актъ великой драмы жизни: превращеніе одной формы энергіи въ другую, одной формы матеріи въ другую.

Изъ элементовъ мертвой природы — углекислоты CO_2—изъ неорганическаго вещества *получается вещество органическое — крахмалъ*. На землѣ пока еще нѣтъ другой лабораторіи, въ которой наблюдалось бы такое превращеніе неорганическаго вещества въ органическое, кромѣ зеленаго листа растенія. Всѣ органическія вещества, какъ бы ни были они разнообразны и гдѣ бы они ни встрѣчались, въ растеніи ли, въ животномъ, или человѣкѣ,—*про-*

подъ которыми представляется энергія (механическая, химическая, тепловая, свѣтовая, электрическая), ихъ отношенія другъ къ другу, преобразованія другъ въ друга и пр.

*) Такъ, электричество сдѣлалось извѣстнымъ человѣку едва сто лѣтъ назадъ; раньше объ этой энергіи, имѣющей такое огромное значеніе, люди и не подозрѣвали.

шли черезъ листъ и произошли изъ веществъ, выработанныхъ листомъ.

Добытый растеніемъ крахмалъ въ другихъ живыхъ лабораторіяхъ подвергается дальнѣйшимъ превращеніямъ: въ сахаръ и (въ соединеніи съ аммiакомъ) въ бѣлокъ. Этотъ послѣдній составляетъ основную питательную часть животной пищи, химическая потенціальная энергія которой имѣетъ своимъ источникомъ растительный міръ.

Другими словами, животное получаетъ сложную по своему составу пищу, а съ ней и химическую энергію отъ растеній,—единственно способныхъ производить такія сложныя соединенія изъ простыхъ.

Поступивъ въ организмъ животнаго, потенціальная энергія пищи претерпѣваетъ новый циклъ превращеній, который начинается съ химическаго ея разложенія.

Переваренная, измѣненная и включенная въ составъ той или другой ткани организма, пища хранится тамъ въ состояніи резерва, то-есть въ формѣ потенціальной энергіи, къ которой собственно и примѣняются принципы физіологической энергетики. Когда происходитъ движеніе, проявляется чувствительность, работаетъ мысль, железа производитъ свое выдѣленіе, то, какъ этому училъ еще Claude Bernard, вещество мускуловъ, нервовъ, мозга, ткани, железы разлагается, разрушается и расходуется.

Причину этого химическаго разрушенія, вслѣдствіе отправленія тканей, энергетика объясняетъ тѣмъ, что часть органической матеріи перечисленныхъ тканей разлагается, химически упрощается, нисходя на низшую ступень сложности, вслѣдствіе чего освобождаетъ нѣкоторую часть химической энергіи, которую ткани эти заключали въ скрытомъ потенціальномъ состояніи.

Освобожденная энергія возвращается въ окружающую организмъ среду въ формѣ теплоты, которая такимъ образомъ представляетъ такой же экскретъ въ области динамическихъ процессовъ организма, какой мочевина, углекислота и вода — представляютъ въ области вещественныхъ процессовъ.

Въ картинѣ, которую я набросалъ здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ, очень многое для ясности и простоты въ изложеніи отброшено. Въ ней на первомъ планѣ стоитъ живой міръ и связь энергіи, которой онъ обязанъ своимъ существованіемъ, съ космической энергіей. Связь эта устанавливается въ *одномъ* опредѣленномъ *пунктѣ*, тамъ, гдѣ жизненная энергія получаетъ свое начало,—то-есть въ *химической энергіи*, которая накопляется растеніемъ при содѣйствіи солнечнаго луча. Энергія эта, пройдя разные феноменальные признаки, возвращается въ міръ физическій подъ видомъ тепловой энергіи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что мѣсто *жизни находится въ моментъ преобразованія энергіи химической въ тепловую* *).

*) Не слѣдуетъ думать, конечно, что такое выдѣленіе жизненной

За этой картиной міра живой и мертвой природы, которую передъ нами открываетъ энергетика и которая, указывая намъ на единство всѣхъ явленій, ихъ неразрывную связь между собою, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность установить связь между этой дѣйствительностью и той иллюзіей, какую намъ рисуютъ наши невооруженные органы чувствъ,—за этой картиной стоитъ другая, построенная на болѣе глубокомъ анализѣ. Элементы этой, далѣе отодвинутой отъ нашихъ органовъ чувствъ, картины уже вовсе не стоятъ въ связи съ иллюзіями, о которыхъ шла рѣчь выше. Ее рисуетъ намъ такъ называемая кинетическая теорія Декарта-Лейбница. Согласно этой теоріи, объективный міръ представляетъ собою только *движеніе вѣсомыхъ атомовъ*. Всякое явленіе можетъ быть выражено атомистическимъ интеграломъ, при чемъ силы, приводящія въ дѣйствіе жизнь, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ силъ природы; все смѣшивается въ молекулярной механикѣ.

Отличіе картины міра, съ точки зрѣнія этой гипотезы и той, которую намъ даетъ теорія энергетики, очевидно, почти таково же, какъ отличіе между картиной міра по даннымъ этой послѣдней и той, которую намъ даютъ наши животные, ничѣмъ не вооруженные органы чувствъ.

Съ точки зрѣнія этихъ гипотезъ вопросъ о томъ: что говоритъ или, вѣрнѣе, что долженъ говорить разумъ умирающему для истинной оцѣнки того, что онъ теряетъ,—получаетъ уже совершенно другой смыслъ.

Если мы знаемъ истину, если она такова, какой намъ ее предлагаютъ указанныя гипотезы, тогда не можетъ быть ни согласованія, ни дополненія представленій, изъ которыхъ одни направлены въ сторону истины, указываемой разумомъ, другія—въ сторону лжи, указываемой животными органами чувствъ; не можетъ быть такъ же точно, какъ не можетъ быть совмѣщенія представленій о звѣздѣ, какъ лампадѣ, зажженной чьей то рукой, съ представленіемъ о звѣздѣ, какъ небесномъ тѣлѣ, равноцѣнномъ нашему солнцу: одно представленіе исключаетъ другое сполна и безъ остатка.

Такъ же точно исключаетъ собою представленіе *истины*, до-

энергіи изъ космической представляетъ нормальное положеніе дѣла: оно въ такой же степени не научно, какъ не научно изученіе явленій тепловыхъ, электрическихъ, магнетизма и пр. изолированными. Энергетика именно доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ разными явленіями, а лишь съ превращеніями однихъ въ другія. Новое явленіе это—новый костюмъ, въ которомъ является прежняя неизмѣнная энергія (та же сила по старой номенклатурѣ), которую мы видѣли подъ другой формой, другой оболочкой, въ другомъ костюмѣ. Отсюда и является удивительная стройность и гармонія цѣлаго, которое мы называемъ космосомъ и картина котораго, какъ это легко себѣ представить, вовсе не похожа на иллюзію, изображаемую намъ нашими животными, т. е. не вооруженными органами чувствъ.

бытой нашимъ разумомъ, свидѣтельства нашихъ органовъ чувствъ. Нельзя говорить о красотѣ иллюзій, о привязанности къ нимъ, о мучительности сознанія предстоящей съ ними разлуки, когда сдѣлается извѣстной истина.

Но, спросятъ меня,—развѣ можетъ разлука съ иллюзіей сдѣлаться менѣе чувствительной отъ знанія истины?

Отвѣчу вопросомъ: развѣ поэзія и красота неба утратили что-либо послѣ того, какъ люди узнали, что звѣзды—не лампадки, а подобныя солнцу свѣтила?

Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы смягчить и ослабить чувства, обусловливаемыя иллюзіей,—чувствами, обусловливаемыми познаніемъ истины, а о томъ, что послѣднія неизбѣжно вытѣснятъ первыя, какъ стальной поршень вытѣсняетъ изъ цилиндра отработавшій паръ.

Заключеніе.

Логика смерти для людей есть логика безсмертія.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ тѣхъ соображеній, которыми освѣщается сущность смерти по даннымъ науки, и въ какомъ отношеніи измѣняетъ наука трагизмъ смерти?

Какая разница для мыслящаго субъекта между смертью, какъ роковымъ концомъ моей личности, составляющей для меня весь міръ, или, вѣрнѣе, представляющей центръ всего міра, съ гибелью котораго все кончается, все гибнетъ и превращается въ ничто,—какая разница, *въ субъективномъ отношеніи*, между такою смертью и той, какою она является на основаніи данныхъ науки?

Отвѣчу на эти вопросы слѣдующей аналогіей.

Какое значеніе имѣютъ слова: свобода, равенство и братство въ жизни людей до тѣхъ поръ, пока они составляютъ только достояніе мысли? Почти никакого, и значеніе ихъ для жизни людей равно почти нулю. Стоитъ, однако, этимъ понятіямъ изъ сферы мысли перейти въ область чувствъ, какъ они превращаются въ силу, передъ которой меркнетъ сила огня и прочность стали.

То же самое можно сказать и по отношенію къ даннымъ науки о существѣ смерти. Если процессы жизни и смерти съ точки зрѣнія космическихъ процессовъ будутъ представлять собою только случайное достояніе мысли, то научное міровоззрѣніе въ этихъ вопросахъ субъективнаго чувства безсильно.

Иное дѣло, когда оно превратится въ плоть и кровь человѣка и станетъ въ такой же мѣрѣ достояніемъ его чувства, какъ и разума. Возможно ли это?

Мнѣ такое положеніе представляется не только возможнымъ, но и неизбѣжнымъ. Въ самомъ дѣлѣ.

Представьте себѣ, что такъ называемая мертвая природа мановеніемъ руки изъ постигаемаго теперь только нашимъ умомъ, какъ нѣчто отъ насъ безконечно далекое, превратится въ нѣчто ощущаемое нами, какъ очевидность; представьте себѣ, далѣе, что человѣкъ съ юныхъ лѣтъ своей жизни привыкаетъ видѣть тѣ внутреннія сочетанія вещества и его трансформаціи во времени и пространствѣ, разнообразіе и красота которыхъ, разумѣется, неизмѣримо выше того, что намъ въ природѣ даютъ возможность видѣть наши органы чувствъ. Представьте себѣ это, и тогда не трудно будетъ понять, что природа можетъ быть источникомъ не только умственнаго интереса, холоднаго и безучастнаго, но и предметомъ истиннаго горячаго чувства привязанности и любви.

Для этого, прежде всего, надо расширить міръ явленій, способныхъ быть воспринимаемыми посредствомъ органовъ чувствъ, а вмѣстѣ съ этимъ само собою расширится и чувство привязанности.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого будетъ то, что цѣнность иллюзорнаго міра станетъ систематически понижаться до тѣхъ поръ, пока съ познаніемъ сущности вещей (не метафизической, о какой трактовали люди, полагавшіе, что органы чувствъ навсегда останутся тѣми наивными орудіями, которыя годны для доставленія удовольствія и назидательнаго развлеченія, а той сущности, къ какой насъ двигаютъ органы чувствъ, вооруженные дѣйствительными орудіями познанія)—привязанность къ міру иллюзіи будетъ равна нулю, а ея мѣсто займетъ та привязанность, та любовь къ истинѣ, примѣры которой мы можемъ въ исключительныхъ случаяхъ видѣть у людей науки, «покидающихъ міръ»—съ любовью не того, что видятъ въ немъ животные органы чувствъ, а того, о существованіи чего милліоны людей и не подозрѣваютъ и что стоитъ лишь на пути къ познанію истины.

Когда мы познаемъ эту истину, а съ этимъ вмѣстѣ проникнемъ въ душу тѣхъ явленій, которыя составляютъ жизнь такъ называемой мертвой природы, когда мы почувствуемъ себя ея частью, то это чувство будетъ неизмѣримо болѣе реальнымъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ то, которое согрѣваетъ жизнь и примиряетъ со смертью великихъ ученыхъ прошлаго и настоящаго.

Если же теперь, въ наше время люди, которыхъ называютъ натуралистами потому, что имъ удалось кое-какъ разобрать первыя двѣ-три странички великой книги природы, испытываютъ чувство высокаго наслажденія отъ созерцанія предметовъ, которыхъ не только никто не видалъ, но самаго существованія которыхъ даже не подозрѣваетъ толпа, и въ этомъ чувствѣ находятъ примиреніе со смертью,—то мы не можемъ и приблизительно представить себѣ, чѣмъ можетъ располагать въ этомъ смыслѣ человѣкъ будущаго.

Взявши отъ жизни все, что она можетъ дать въ смыслѣ того сочетанія матеріи и силы, которое образуетъ интеллектуальный

индивидъ, человѣкъ тѣмъ съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ *чувствомъ* будетъ останавливаться на созерцаніи величія и красоты совершающихся въ мірѣ процессовъ, чѣмъ меньше новаго и, вслѣдствіе этого, чѣмъ меньше интереснаго будетъ давать форма его бытія на землѣ.

Высокая поэзія переселенія душъ получитъ тогда реальное осуществленіе, ничего не утрачивая ни въ своей красотѣ, ни въ своей содержательности.

Сказки прошлаго превратятся въ дѣйствительность. Та же волшебница-наука, которая изъ ковра-самолета сдѣлаетъ воздушный корабль,—заселитъ землю живыми существами, которыя заговорятъ съ человѣкомъ неслыханнымъ намъ языкомъ, увлекутъ его, заставятъ полюбить себя, и возможность слиться съ ними сдѣлается въ извѣстный періодъ жизни неотразимо желательной.

Я не раздѣляю мысли И. И. Мечникова о существованіи инстинкта естественной смерти; такой инстинктъ не только рѣшительно ничѣмъ не доказанъ, но и не намѣченъ ни единымъ точно истолкованнымъ фактомъ. Указываемые г. Мечниковымъ факты, на мой взглядъ, только подтверждаютъ справедливость сказаннаго. О чемъ, въ самомъ дѣлѣ, могутъ свидѣтельствовать показанія какихъ-то выжившихъ изъ ума старичковъ и старушекъ, заявлявшихъ о своемъ желаніи «лечь въ гробъ», и другіе аналогичные случаи? Рѣшительно ни о чемъ. И Ренанъ неизмѣримо ближе понималъ дѣйствительность, когда, опасаясь наступленія періода старческаго упадка силъ, завѣщалъ не считать принадлежащими ему идеи и пожеланія, которыя имъ тогда могутъ быть высказаны, ибо тогда онъ будетъ «не Ренанъ, а существо иного порядка».

Но я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію нашего знаменитаго натуралиста о томъ, что изученіе явленій, которыми обусловливаются старость и смерть, изученіе, какое составятъ двѣ новыя отрасли науки, называемыя г. Мечниковымъ *геронтологіей* и *танатологіей*, должно будетъ измѣнить ходъ послѣдняго періода жизни людей. Я думаю даже, что науки эти, которыя не только получили крещеніе отъ И. И. Мечникова, но для которыхъ онъ заложилъ фундаментъ, что эти науки составляютъ для современнаго человѣчества того сфинкса, котораго надо разгадать во что бы то ни стало.

Когда будетъ рѣшена эта задача—вопросъ времени, но къ этому рѣшенію надо идти и твердо знать:

1) что логика смерти, которую намъ навязываютъ въ качествѣ гарантіи къ совершенствованію вида, есть логика животныхъ, а не человѣка;

2) что наши познанія и теперь уже даютъ намъ возможность видѣть, съ одной стороны, иллюзорность того, что, по мнѣнію массы, составляетъ трагедію и ужасъ смерти, а съ другой, грядущую

истину, которая только въ глазахъ слѣпцовъ грозитъ умаленіемъ красоты и величія жизни, на дѣлѣ же удесятеряетъ красоту и величіе всего, чего коснется ея божественная десница;

3) что, слѣдуя этимъ указаніямъ науки, логика смерти человѣка заключается въ безсмертіи, не въ смыслѣ сліянія индивида съ человѣчествомъ, которое само смертно, а въ смыслѣ слиянія его съ космосомъ;

4) что осуществленіе этой огромной задачи требуетъ предварительнаго рѣшенія другихъ менѣе важныхъ, но все же громадныхъ по своему значенію: побѣды надъ старостью и удлиненія жизни.

Мы, погруженные въ невѣжество, воспитанные во лжи и окруженные ложью, которая, вслѣдствіе уродливаго образованія и воспитанія, окружаетъ насъ съ дѣтства, не можемъ себѣ и представить, чѣмъ будетъ представленіе человѣка о мірѣ, когда ложь смѣнится всѣмъ величіемъ, всей красотой правды, передъ которой жалкая изобрѣтательность современнаго человѣчества трагически ничтожна.

Въ древности міровую сцену занимали боги, природа была декораціей, люди—рабами и боговъ, и природы.

Въ борьбѣ на оба фронта человѣку удалось частью побѣдить, частью вступить съ природой въ союзъ... и боги были низвергнуты.

Сцена опустѣла!

Временно ее занимаютъ герои для того, чтобы навсегда заняли люди.

Когда же это будетъ, и скоро ли свѣтъ истины разсѣетъ вѣковой мракъ неправды и лжи? Не скоро, ибо несчастное, жалкое человѣчество такъ долго молилось богамъ и въ нихъ однихъ видѣло носителей правды, что, когда ему самому предстоитъ узнавать эту правду, оно боится превращенія въ боговъ и спѣшитъ въ старыя кумирни, бросая каменьями въ учителей истины...

Не скоро! Но заря истины уже загорается, и тотъ, кто способенъ понимать ея значеніе, можетъ быть покоенъ: за нею придетъ день, и нѣтъ силъ, которыя могли бы устранить его наступленіе.

Владиміръ Вагнеръ.

АНДРЕЙ ФЕСТЪ.

Романъ изъ крестьянской жизни.

Людвига Тома. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой.

XVIII.

Въ четвергъ на страстной въ Эрльбахъ явились три разудалыхъ солдата: Якль Цвергеръ, работникъ Лохмана, и старшій сынъ Феста. Они шли по нусбахской дорогѣ, громко распѣвая пѣсни; встрѣчаясь съ дѣвушками, они останавливали ихъ и привѣтствовали веселыми шутками, какъ полагается бравымъ солдатамъ. Дойдя до дома Цвергера, они разстались и пошли въ разныя стороны. Зеппъ Фестъ направлялся домой быстрымъ шагомъ. Подойдя уже совсѣмъ близко, онъ рѣшилъ устроить сюрпризъ. Онъ тихонько обошелъ домъ и заглянулъ въ окно кухни.

Мать стояла у плиты и красила яйца красной и желтой краской. Она осторожно вынимала ихъ изъ кастрюли и клала на блюдо.

Зеппъ постучалъ въ окно, и она вздрогнула отъ неожиданности.

— Господи Іисусе, какъ ты меня напугалъ!

Онъ весело засмѣялся.

— Вотъ и я! — сказалъ онъ. — Какъ разъ поспѣлъ къ крашенымъ яйцамъ. Дай-ка мнѣ парочку, мама.

— Да ты хоть войди раньше и поздоровайся. Дай посмотрѣть на себя въ мундирѣ,—сказала она, оглядывая его, когда онъ, наконецъ, вошелъ въ кухню.—Ты точно въ плечахъ шире сталъ.

— Это отъ работы въ кузницѣ.

Мать оглядывала Зеппа съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ былъ нѣсколько ниже ростомъ, чѣмъ отецъ, но плечи у него были шире, и въ своемъ солдатскомъ мундирѣ, ловко

сидѣвшемъ на немъ, онъ казался воплощеніемъ силы. Его юношескій задоръ былъ ему очень къ лицу.

— Ну, а теперь давай пасхальныхъ яицъ за то, что я попалъ какъ разъ минута въ минуту,—повторилъ онъ.

— А непремѣнно крашеныхъ? Ихъ сначала нужно святить.

— Больно долго ждать. Ужъ лучше поѣмъ неосвященныхъ.

— На, бери.

Она придвинула ему блюдо, и онъ взялъ нѣсколько яицъ.

— У тебя отпускъ надолго?

— На недѣлю. Въ среду я долженъ вернуться въ казармы,—отвѣтилъ онъ съ полнымъ ртомъ.—А гдѣ же отецъ?—спросилъ онъ.

— Его нѣтъ дома.

— Какъ такъ? Вѣдь не работаетъ же онъ на Страстной?

— Онъ пошелъ къ портному Габерлю. Сюда приходилъ господинъ Мангъ, и они вмѣстѣ ушли. У насъ вѣдь тутъ опять много горя было,—прибавила она, тяжело вздохнувъ.

Зеппъ не слышалъ ея вздоха. Онъ стукнулъ яйцомъ о край стола.

— Гдѣ Урсула?—спросилъ онъ.—Почему она не помогаетъ тебѣ въ кухнѣ?

— Она наверху, у ребенка.

Зеппъ обмокнулъ яйцо въ соль и всунулъ въ ротъ.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ.—Я вѣдь и забылъ. Навѣрно, были непріятности?

— Не изъ-за этого одного, Зеппъ. Много тутъ кой-чего у насъ было съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ.

И она стала разсказывать сыну о томъ, какъ отца сначала выбрали въ старшины, потомъ не утвердили, какъ ребенка Урсулы чуть было не окрестили такимъ именемъ, что онъ сталъ бы посмѣшищемъ на всю жизнь, о томъ, что теперь у нихъ процессъ съ Ксаверіемъ Хирангремъ. Зеппъ слушалъ и продолжалъ ѣсть съ озабоченнымъ видомъ. Когда мать упомянула про Ксаверія, онъ сказалъ, что Ксаверій всегда былъ негодяемъ, что его нужно проучить, и что онъ воспользуется своимъ отпускомъ, чтобы намять ему бока.

— Ужъ это ты оставь, пожалуйста,—сказала мать.—Пожалуйста, не ввязывайся и ты въ исторію.

— Ну, ужъ я не могу поручиться за себя,—сказалъ Зеппъ, принимая воинственный видъ.—Я вѣдь съ нимъ разъ было сцѣпился въ трактирѣ, и если бы Цвергеръ не удержалъ, ему бы плохо пришлось.

— Слава Богу, что обошлось. Обѣщай мнѣ, что не будешь лѣзть въ драку съ нимъ во время отпуска. И такъ у меня довольно горя.

Онъ обѣщалъ ей и сказалъ, что вовсе не собирается сейчасъ же идти къ Хиранглю и драться съ нимъ, онъ только хотѣлъ сказать, что былъ бы не прочь отколотить его.

— Нечего,—урезонивала его мать.—Оставь ты его, пожалуйста, въ покоѣ. Хочешь лапши? Отъ яицъ у тебя, вѣрно, давитъ въ желудкѣ.

— Поѣмъ лапши, лучше станетъ,—сказалъ онъ.—Свари мнѣ также кофе.

— Хорошо, сварю. А въ казармахъ вамъ кофею на даютъ?

— Даютъ какую-то темную бурду по утрамъ. Это они называютъ кофеемъ.

— Вѣрно, часто вспоминалъ, что дома лучше?

— Въ первое время часто. Потомъ привыкаешь, особенно какъ проголодаешься послѣ маршировки. Служба вѣдь у насъ не легкая. Днемъ ученіе, а ночью на караулъ часто посылаютъ.

— А какъ обращались съ тобой? Не обижаютъ?

— Нѣтъ, на это пожаловаться не могу. Конечно, если какой дуракъ попадется, такъ на него начальство кричитъ. Но въ моемъ полку всѣ молодцы.

Онъ сталъ разсказывать, какъ ихъ хвалилъ и фельдфебель, и капитанъ, говоря, что они хоть совсѣмъ еще молодые, но заткнутъ за поясъ старыхъ служакъ.

— И это правда,—доказывалъ Зеппъ.—Прежніе-то совсѣмъ не стараются. Исполняютъ кое-какъ, что велятъ, и имъ даже все равно, если ихъ въ карцеръ сажаютъ.

— А тебя не сажали, Зеппъ?

— Нѣтъ, я никогда не попадаюсь: нужно держать ухо востро, тогда все съ рукъ сходитъ. Въ нашемъ полку никогда никто не попадается.

Мать внимательно слушала разсказы сына, продолжая варить яйца въ кипяткѣ. Вдругъ раздались быстрые шаги въ сѣняхъ, и въ кухню вошелъ Фестъ. На лицѣ его отражалось сильное волненіе, глаза сверкали, губы улыбались радостной улыбкой; голосъ его звучалъ необыкновенно бодро, когда онъ поздоровался съ Зеппомъ.

— Это ты! Хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ. Да у тебя ужъ усы пробиваются. Скоро закручивать сможешь.

— Что съ тобой?—спросила Феста жена.

— Ничего плохого. Наконецъ-то, мы выведемъ на чистую воду этого обманщика.—Фестъ хлопнулъ себя по колѣну и продолжалъ:—Да, Зеппъ, тяжелое я пережилъ время! Теперь, дастъ Богъ, все измѣнится.

— Да, мать мнѣ говорила.

— Они извели меня своими наговорами: я сталъ послѣд-

нимъ человѣкомъ въ деревнѣ. Но теперь, наконецъ, и на моей улицѣ будетъ праздникъ.

— Что же было? Разскажи, наконецъ,—настаивала жена Феста, и онъ сталъ разсказывать.

Зеппъ былъ пораженъ перемѣной въ отцѣ: онъ былъ всегда такой сдержанный, серьезный, а теперь заговорилъ торопливо, точно боясь, что не успѣетъ всего высказать, и стучалъ кулакомъ по столу или проводилъ рукавомъ по лбу, чувствуя испарину отъ возбужденія.

— Совсѣмъ онъ другой сталъ, чѣмъ прежде,—думалъ Зеппъ.

Произошло. дѣйствительно, нѣчто необычайное. Вотъ въ чемъ было дѣло! На третій или четвертый день послѣ своего пріѣзда, Сильвестръ пошелъ къ учителю Штегмюлеру и разсказалъ ему, какое рѣшеніе онъ принялъ съ согласія матери. Штегмюлеръ уже зналъ приблизительно все изъ пророчествъ Зицбергера и разсказовъ булочницы Маріи Ульрихъ. Онъ только удивился тому, что Сильвестръ не поступаетъ на сцену, какъ про него говорили. Учителю казалось, что, имѣя такой пріятный голосъ, трудно устоять противъ влеченія къ свободному искусству; онъ самъ въ молодости испыталъ этотъ соблазнъ. Но всетаки ему пріятно было узнать, что слухи оказались въ этомъ отношеніи преувеличенными. Онъ сказалъ это Сильвестру и похвалилъ его за то, что онъ съ такимъ мужествомъ и твердостью рѣшилъ жить самостоятельнымъ трудомъ.

Какъ бы священникъ Хельдъ былъ, вѣроятно, пораженъ рѣшеніемъ своего ученика. Но онъ, навѣрное, одобрилъ бы, ибо всякій долженъ дѣлать то, что признаетъ наилучшимъ. Конечно, теперешній священникъ будетъ разсуждать не такъ. Заговоривъ объ этомъ, Штегмюлеръ перешелъ на тему, о которой онъ очень любилъ въ послѣднее время распространяться, соблюдая, впрочемъ, крайнюю осторожность. Онъ далъ понять Сильвестру, что многое измѣнилось за послѣднее время и далеко не къ лучшему. Поэтому онъ заговорилъ и о Фестѣ. Онъ разсказалъ Сильвестру о всѣхъ злоключеніяхъ Феста и о томъ, что наиболѣе тяжкое обвиненіе противъ него исходило отъ священника Хельда. Весь ходъ событій онъ описалъ самымъ обстоятельнымъ и подробнымъ образомъ.

Сильвестръ замѣтилъ, что онъ этому не вѣритъ, что священникъ Хельдъ не могъ такъ поступить.

Штегмюлеръ пожалъ плечами, сказавъ, что и ему это казалось страннымъ, но что всетаки это такъ. Ему самому жаль Феста, прибавилъ онъ.

Сильвестръ возразилъ, что ему еще болѣе жаль Хельда,

на котораго возводятъ такую клевету. Какъ можно приписывать ему такую низость? Если бы онъ узналъ что-нибудь дурно про человѣка, онъ бы рѣзко высказалъ ему порицаніе въ лицо, но никогда не сталъ бы писать на него тайные доносы. Штегмюлеръ отвѣтилъ, что онъ прежде тоже такъ думалъ, но...

— Именно относительно Феста такой поступокъ Хельда совершенно невѣроятенъ, — продолжалъ Сильвестръ, прерывая его.—Хельдъ часто говорилъ о несправедливости обвиненій крестьянъ въ жестокосердіи и себялюбіи. Тѣ, которые это говорятъ, увѣрялъ онъ, не знаютъ, что мы обязаны твердостью національныхъ устоевъ именно стойкости крестьянъ. Они передаютъ духъ народа изъ поколѣнія въ поколѣніе и возсоздаютъ изъ развалинъ народныя традиціи. Доказывая это, Хельдъ всегда приводилъ въ примѣръ Феста, который работаетъ, не покладая рукъ, идеально управляя своимъ маленькимъ міркомъ. Какъ же согласовать эту похвалу съ тайнымъ обвиненіемъ? И какъ повѣрить, что Хельдъ сталъ бы врагомъ человѣка, усердіе и прилежаніе котораго онъ такъ высоко ставилъ.

— Все это, конечно, такъ,—отвѣтилъ Штегмюлеръ.—Но можетъ быть, Хельдъ впослѣдствіи измѣнилъ свое хорошее мнѣніе о Фестѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сильвестръ.—Похвалы Фесту я слышалъ въ самое послѣднее время передъ моимъ отъѣздомъ. А вскорѣ послѣ того Хельдъ умеръ.

— Такъ, можетъ быть, эта запись относится къ болѣе раннему времени, и Хельдъ уже потомъ сталъ лучше относиться къ Фесту,—возразилъ упрямо стоявшій на своемъ Штегмюлеръ.—Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что запись эта существуетъ, и ужъ вы лучше не высказывайте сомнѣній относительно ея подлинности. Вообще, лучше, чтобы вся эта исторія мало по малу забылась. Это желательно и въ интересахъ Феста.

Сильвестръ, однако, не внялъ совѣтамъ учителя и не скрывалъ своихъ сомнѣній. Можетъ быть, объ этомъ провѣдала Веберша и разсказала булочницѣ Маріи Ульрихъ, но во всякомъ случаѣ это дошло до Зицбергера, а отъ него до священника Бауштетера, который послалъ господину Мангу приглашеніе пожаловать къ нему для бесѣды. Сильвестръ подумалъ, что онъ хочетъ поговорить съ нимъ объ его рѣшеніи оставить церковь, и пошелъ къ нему въ назначенный часъ. Ему это было скорѣе непріятно. Послѣ своего перваго визита къ Бауштетеру онъ избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ. Но онъ признавалъ теперь за священникомъ право требовать отъ него объясненій и даже считалъ, что лучше пого-

ворить совершенно открыто и положить конецъ толкамъ. Бауштетеръ принялъ его очень любезно.

— А, господинъ Мангъ!—сказалъ онъ.—Садитесь, пожалуйста.

Сильвестръ быстро окинулъ взглядомъ комнату, которая была когда-то такой уютной; теперь въ ней чувствовалось оффиціальное внѣшнее благочестіе.

— Садитесь же,—повторилъ священникъ.

— Благодарю васъ. Если позволите, я лучше постою.

— Какъ желаете. Я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ, господинъ Мангъ, потому что до меня дошли разные слухи относительно васъ. Я хотѣлъ узнать правду отъ васъ лично. Правда, что вы хотите отказаться отъ служенія церкви?

— Да, правда.

— Я, конечно, не имѣю права дѣлать вамъ упреки. Вы вѣроятно въ достаточной степени обсудили причины, побуждающія васъ отказаться отъ церкви.

— Я все взвѣсилъ прежде, чѣмъ принять окончательное рѣшеніе.

— Кто не хочетъ отказаться отъ всего мірского, не можетъ, конечно, стать служителемъ Христа. И если для васъ мірскіе интересы имѣютъ большую цѣну, то, дѣйствительно, лучше, что вы ушли изъ церкви.

— Я не чувствовалъ удовлетворенія въ служеніи церкви, а вѣдь это необходимо, не правда ли?

— Конечно. Нужно освободиться отъ мірской суеты. Но обдумали ли вы, чѣмъ вы поступились ради суетныхъ благъ жизни. Наступитъ день, быть можетъ, когда вы горько раскаитесь.

— Не думаю.

— Я тоже надѣюсь, что нѣтъ. Повторяю, я васъ ни въ чемъ не упрекаю. Когда я услышалъ о вашемъ рѣшеніи, я включилъ васъ въ свои молитвы. Я молилъ Бога, чтобы причиной вашего рѣшенія не оказалось какое-нибудь низкое побужденіе.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ.

Сильвестръ почувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ и, въ свою очередь, прямо взглянулъ ему въ лицо. Священникъ отвелъ глаза, опустилъ ихъ и сталъ глядѣть на свои мясистыя руки, сложенныя, какъ для молитвы.

— Я слышалъ, что вы отказались отъ служенія церкви изъ любви къ одной дѣвушкѣ,—сказалъ Бауштетеръ.

— Кто это говорилъ?

— Такъ говорятъ. Но я не повѣрилъ. Я не могъ подумать, чтобы честная дѣвушка могла питать земное чувство къ человѣку, который готовится стать священникомъ.

Сильвестръ почувствовалъ, что ему бросилась кровь въ лицо. Онъ снова встрѣтилъ обращенный на него злобный взглядъ Бауштетера. Въ глазахъ священника отражались мысли, не похожія на его елейныя рѣчи.

— И вы примирились съ тѣми, которые твердо надѣялись на то, что вы будете служить церкви?

— Никакого примиренія не было, потому что не было распри. Мать моя даже не хочетъ, чтобы я поступалъ противъ своего желанія.

— Это, конечно, очень благоразумно съ ея стороны. Но кромѣ нея есть еще одинъ человѣкъ, котораго ваше рѣшеніе касается очень близко—вашъ кузенъ.

— Я ему написалъ.

— И уже получили отвѣтъ?

— Нѣтъ. Едва ли онъ мнѣ и отвѣтитъ. Можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ сюда на праздники.

— Вы не знаете, что онъ думаетъ на этотъ счетъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Мой помощникъ былъ вчера случайно въ Пазенбахѣ и видѣлъ вашего кузена.

Бауштетеръ остановился, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвели его слова. Онъ увидѣлъ, что впечатлѣніе было не сильное. Сильвестръ хорошо зналъ Зицбергера и понялъ, какая „случайность“ побудила его поѣхать въ Пазенбахъ.

— Вотъ какъ, онъ „случайно“ встрѣтился тамъ съ моимъ кузеномъ?—спокойно спросилъ онъ.

— Да, и я долженъ сказать, къ крайнему своему сожалѣнію, что старикъ очень несчастенъ и глубоко возмущенъ вашимъ поведеніемъ.

— Это меня очень огорчаетъ. Но, можетъ быть, мнѣ удастся его успокоить, поговоривъ съ нимъ.

— Не думаю. Онъ говоритъ, что одиннадцать лѣтъ посылалъ вамъ деньги на ученіе только потому, что вы обѣщали ему вступить въ духовное званіе. И оказалось, что вы обманули его надежды. Онъ прямо говоритъ: вы его обманули. Онъ употреблялъ очень рѣзкія выраженія.

Сильвестръ, наконецъ, вскипѣлъ.

— Если это правда, то какъ ему не стыдно такъ говорить!

— Развѣ вы еще сомнѣваетесь? Мой помощникъ можетъ вамъ подтвердить.

— Благодарю васъ. Но все это, собственно говоря, касается только меня и моего родственника.

— Конечно; однако вы напрасно такъ разсердились на старика. Подумайте, вѣдь онъ давалъ деньги, надѣясь, что вы

выполните свое обѣщаніе, и вы поддерживали въ немъ эту надежду.

— Я бралъ отъ него деньги только, пока былъ твердъ въ рѣшеніи служить церкви.

— Не истолковывайте невѣрно моихъ словъ, господинъ Мангъ. Я вамъ только объясняю, какъ вашъ родственникъ отнесся къ вашему шагу. И въ концѣ концовъ понятно, что онъ теперь чувствуетъ себя обманутымъ.

— Никто его не обманывалъ. Впрочемъ, его теперь въ этомъ убѣдили, быть можетъ.

— Вы взводите тяжкое обвиненіе на моего помощника.

— Господинъ Зицбергеръ разсказывалъ про меня небылицы даже моей матери. А разсказывая обо мнѣ кузену, онъ, вѣроятно, еще болѣе сгущалъ краски. Я не упрекаю его, потому что мнѣ все это безразлично. Но я только утверждаю, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло. Все это его не касается.

— Лично, конечно, нѣтъ. Но, какъ священникъ, онъ не можетъ не пожалѣть, что вы обнаружили такъ мало любви къ нашему призванію.

— Распространять ложь и клевету на этомъ основаніи всетаки не слѣдуетъ.

— Скажите это ему сами.

— Не стоитъ труда!

— Вы очень возгордились, господинъ Мангъ. Одно я вамъ всетаки долженъ сказать. Если вы осуждаете выдумки и сплетни, зачѣмъ же вы сами распространяете ихъ про другихъ.

— Я?

— Да, вы, господинъ Мангъ. И объ этомъ-то я долженъ поговорить съ вами.

— Пожалуйста.

— Мнѣ передавали, что вы стали на сторону Феста и разсказываете всюду, что его оклеветали.

— Нѣтъ, я не то говорилъ.

— Такъ значитъ вы сознаетесь, что говорили объ этомъ. Что же вы собственно знаете обо всей этой исторіи?

— Я знаю то, что мнѣ разсказывали.

— И это вы считаете достаточнымъ для того, чтобы нападать на меня? На основаніи какихъ-то слуховъ вы считаете себя въ правѣ наговаривать на меня?

— Я не сказалъ ни слова лично противъ васъ.

— Противъ кого же все это направлялось? Вотъ удивительный способъ извращать истину. Да, вы, дѣйствительно не годитесь въ священники.

— Я не лгалъ: этого вы не можете утверждать ни въ какомъ случаѣ.

— Когда вы всюду разсказываете, что Феста оклеветали, то противъ кого все это направляется? На кого вы нападаете? А вы хотите еще выгородить себя, говоря, что не называли моего имени! Да развѣ вы имѣете понятіе обо всей этой исторіи?

Бауштетеръ стоялъ передъ Сильвестромъ съ горящими отъ злобы глазами и возвышалъ голосъ почти до крика.

— Явился человѣкъ, ничего не знаетъ и, здорово живешь, осмѣливается распространять про меня клеветы, натравливать на меня! Какая дерзость! Я вѣдь все знаю, какъ бы вы ни прятали концы въ воду.

— Вы ничего не знаете.

Сильвестръ сказалъ это такимъ рѣзкимъ тономъ, что Бауштетеръ на минуту смутился.

— Вы отрицаете? — спросилъ онъ.

— Я еще разъ повторяю вамъ, что мнѣ нечего отрицать. Совѣтую вамъ освѣдомиться точнѣе, прежде чѣмъ говорить мнѣ грубости.

— Я грубостей вамъ не говорю.

— Вы обвиняете меня въ дерзкой клеветѣ...

— Я только сказалъ, что было бы съ вашей стороны дерзостью утверждать, что я былъ несправедливъ къ Фесту. Я удивлялся, что на него взводятъ подобныя обвиненія и...

— Вы удивлялись и давали всѣмъ ясно понять, что считаете эти обвиненія ложными.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Нѣтъ, помолчите, —крикнулъ Бауштетеръ.—Вы на меня нападаете безъ всякихъ доказательствъ! По вашему я виноватъ? По вашему я оклеветалъ Феста? Откуда вы знаете? Хотите знать, кто его обвинилъ? Вотъ его обвинитель!

Бауштетеръ рѣзкимъ движеніемъ открылъ ящикъ письменнаго стола, вынулъ оттуда бумагу и бросилъ ее на столъ передъ Сильвестромъ.

— Вотъ обвинитель — вашъ высокочтимый священникъ Хельдъ! Можетъ быть, вы и къ нему отнесетесь съ подозрѣніемъ?

Сильвестръ медленно взялъ бумагу въ руки и, нехотя, прочелъ первыя слова. Потомъ онъ вдругъ оживился и быстро перечиталъ бумагу нѣсколько разъ кряду.

— Ну что, будете вы еще говорить каждому встрѣчному, что бѣднаго Феста злостно оклеветали:

Сильвестръ ничего не отвѣтилъ священнику. Онъ спросилъ съ напускнымъ спокойствіемъ:

— Откуда у васъ эта бумага?

— Она лежала въ церковной книгѣ.

— Не кладите ее больше туда.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Эта бумага подложная. Почеркъ поддѣланъ.

— Вы смѣете обвинять меня въ подлогѣ?

— Это не почеркъ священника Хельда.

— Дайте бумагу! Дайте мнѣ ее скорѣй.

Сильвестръ положилъ бумагу на столъ, и Бауштетеръ быстро схватилъ ее. Онъ сталъ такъ кричать, что у него оборвался голосъ.

— Вотъ вы до какой наглости дошли! Ну, и достанется же вамъ за обвиненіе меня въ подлогѣ!

— Я васъ ни въ чемъ не обвиняю. Я только говорю, что почеркъ Хельда поддѣланъ, и могу это доказать.

— Вы опять хотите отвертѣться! Посмотримъ, удастся ли это вамъ.

Сильвестръ взялъ шляпу и вышелъ, не попрощавшись. Только на улицѣ онъ вполнѣ сообразилъ, что, собственно, произошло, и въ немъ закипѣлъ гнѣвъ. Онъ былъ сердитъ на себя за то, что не отвѣтилъ болѣе рѣзко на дерзости Бауштетера. Нужно было хоть сказать ему, что его безпричинный гнѣвъ очень подозрителенъ. Если онъ дѣйствительно нашелъ запись въ церковной книгѣ, то долженъ только радоваться доказательству ея подложности и постараться исправить совершенную несправедливость.

А подлогъ сдѣланъ былъ очень грубо. Въ текстѣ почеркъ даже не похожъ на почеркъ Хельда, только въ подписи есть нѣкоторое сходство. И внизу приложена печать, какъ бы для того, чтобы придать бумажкѣ значеніе оффиціальнаго документа. Сильвестръ остановился. Печать вѣдь доказательство того, что подлогъ совершенъ именно Бауштетеромъ. Какъ онъ этого сразу не сообразилъ? Никто другой не могъ достать оффиціальную печать. Что теперь дѣлать? думалъ Сильвестръ, продолжая идти. Необходимо выяснить правду, хотя бы для того, чтобы очистить отъ клеветы память старика Хельда.

Пойти спросить совѣта у учителя? Но Сильвестръ отлично зналъ, что тотъ будетъ отговаривать отъ всякаго активнаго вмѣшательства и попроситъ, чтобы во всякомъ случаѣ его не впутывали въ это дѣло. Разсказать матери? Но она испугается и тоже будетъ его удерживать.

Самое простое, сказать тому, кто имѣетъ наибольшее право знать правду. Такъ онъ и сдѣлаетъ.

Сильвестръ быстрыми шагами прошелъ черезъ всю деревню и пришелъ, запыхавшись, во дворъ къ Фесту.

— Гдѣ Фестъ?

— Дома. Что-же вы даже не поздоровались со мной, господинъ Мангъ?

— Здравствуйте, здравствуйте. Я по очень спѣшному дѣлу.

— Что случилось? Гдѣ горитъ?

Никакого отвѣта не послѣдовало. Сильвестръ быстро вошелъ въ домъ. Фестъ взглянулъ на вошедшаго поверхъ газеты, которую держалъ въ рукахъ.

— Я долженъ сообщить вамъ нѣчто важное, — сказалъ Сильвестръ.

— Что такое? — довольно сухо произнесъ Фестъ.

— Я видѣлъ бумагу, изъ-за которой у васъ было столько непріятностей, Бауштетеръ мнѣ самъ ее показалъ.

— Что-жъ тутъ удивительнаго? онъ многимъ ее показывалъ. Только вотъ мнѣ не хочетъ показать.

— Бумага подложная, Фестъ.

— Ужъ кому, какъ не мнѣ, знать, что все это выдумки.

— Да вы поймите меня. Почеркъ Хельда въ ней поддѣланъ.

— Поддѣланъ?

— И то, что написано, и подпись,—все поддѣльное.

Фестъ крѣпко схватилъ Сильвестра за руку.

— Послушайте, господинъ Мангъ, я васъ хорошо знаю и не думаю, чтобы вы стали смѣяться надо мной. Что же вы говорите?

— Я вамъ говорю, что священникъ Хельдъ не написалъ про васъ ни единаго слова. Что бумага, будто бы имъ написанная, поддѣльная.

— Ну да, я знаю, что все это нарочно выдумали, чтобы оговорить меня.

— Да, выдумали. И воспользовались негодяи именемъ старика Хельда.

— Но какъ же доказать?

— Это не трудно. Для всякаго, кто знаетъ почеркъ Хельда, поддѣлка совершенно ясна.

— И вы увѣрены въ томъ, что вы говорите, Сильвестръ? Вы не ошиблись?

— Ошибиться невозможно. То, что я вамъ говорю, я повторю передъ судомъ.

— Господи, Боже мой! — Фестъ всталъ, схватилъ Сильвестра за плечи и сталъ его трясти изо всѣхъ силъ.—Господи, да что ты говоришь? Скажи еще разъ, это правда? Ты не обманываешь меня?

Онъ снова сѣлъ и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, все сначала еще разъ, самымъ точнымъ образомъ. Я не могу понять сразу.

Сильвестръ подробно разсказалъ, какъ онъ ходилъ къ

Бауштетеру, какъ тотъ сталъ его допрашивать и какъ все вышло одно за другимъ. Фестъ нѣсколько разъ перебивалъ его.

— Сначала онъ былъ очень любезенъ... такъ вѣд-?—допрашивалъ онъ.—И при всей любезности злой-презлой? А потомъ вдругъ разсвирѣпѣлъ, а? Да, ужъ я-то знаю господина Бауштетера!

И когда Сильвестръ разсказалъ, какъ священникъ бросилъ бумагу на столъ, Фестъ хлопнулъ себя по колѣну и расхохотался во все горло.

— Онъ думалъ, что вы ничего не поймете! А вы сейчасъ разглядѣли, въ чемъ дѣло?

— Сейчасъ же. Какъ только прочелъ первую строчку.

— Да, вотъ что значитъ, когда человѣкъ учился! Часто, глядя на васъ, я думалъ: жалко, что такой сильный человѣкъ, какъ вы, торчитъ въ комнатѣ за книгами. А вотъ оно и пригодилось.

Но Фестъ снова задумался.

— Я вамъ очень благодаренъ, Сильвестръ,—сказалъ онъ.— Но знаете, намъ еще нужно рѣшить главное. Вы должны мнѣ сказать по чести и совѣсти, будете ли вы твердо стоять на моей сторонѣ, когда я начну тяжбу.

— Я не отступлюсь, Фестъ. А то, чего бы я пришелъ теперь прямо къ вамъ.

— Ну, а если я попрошу васъ теперь пойти со мной къ портному Габерлю, вы пойдете?

— Конечно. Идемте.

— Ну вотъ послѣ того мы и пошли вдвоемъ къ Габерлю,— продолжалъ разсказывать Фестъ.—И Сильвестръ разсказалъ ему всю исторію такъ же точно, какъ и мнѣ. И Габерль сказалъ тогда, что теперь я, навѣрное, смогу одолѣть Бауштетера и вывести дѣло на чистоту.

— Какъ бы только опять не влопаться!—стала предостерегать его жена.—Тогда будетъ еще обиднѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Теперь ужъ не можетъ быть неудачи. За меня Сильвестръ, а онъ знаетъ, какъ взяться за дѣло. У него есть нѣсколько писемъ Хельда и книжечка, въ которую старикъ священникъ вписалъ что-то своей рукой?

— Почему же господинъ Мангъ не оставилъ у себя бумаги, когда Бауштетеръ далъ ее ему въ руки?

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что не оставилъ — ты этого не понимаешь. Я доказываю, что меня оклеветали, незаконно со мной поступили, такъ и самъ я ужъ долженъ соблюдать законъ.

— Какъ бы только это опять не кончилось бѣдой!

— Нѣтъ, теперь нечего бояться, у меня въ рукахъ есть доказательства, и въ субботу всѣ узнаютъ, что я правъ, и что на меня взвели клевету. Въ субботу Сильвестръ ѣдетъ со мной въ окружное управленіе.

XIX.

— Поймите же меня, вѣдь это такъ просто, — сказалъ Отенедеръ, нетерпѣливо глядя то на Сильвестра, то на Феста.—Неужели это такъ трудно понять?—повторилъ онъ.

— Да, я этого никогда не пойму,—сказалъ Сильвестръ.

— Такъ я вамъ объясню еще разъ, хотя мнѣ и нѣкогда. Вы мнѣ говорите, что показанія священника Хельда подложныя, т. е., что они не имъ написаны. Что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели вы думаете, что я теперь отмѣню свое рѣшеніе и соглашусь утвердить избраніе Феста въ старшины. Это совершенно немыслимо. Кромѣ того, откуда вы знаете, что я не утвердилъ его именно въ виду обвиненій, заключавшихся въ этой бумагѣ?

— Это сказано въ вашемъ заключеніи.

— Нѣтъ, перечтите его внимательно. Тамъ сказано: „Обвиненія эти относятся къ далекому прошлому и не доказаны“. Слѣдовательно, я не придавалъ имъ большого значенія. Но у меня сказано—обратите на это вниманіе,—что многіе повѣрили этимъ обвиненіямъ, а это доказываетъ, что избранный старшина не пользуется достаточнымъ уваженіемъ со стороны, если не всѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, многихъ членовъ общины. Это же недопустимо, такъ какъ авторитетъ и почетъ должны идти рука объ руку.

— Но если теперь...

— Подождите минутку. Кромѣ того, я выставилъ на видъ, что вѣра въ справедливость этихъ обвиненій уже привела къ нежелательнымъ результатамъ, въ виду которыхъ нельзя утвердить кандидата въ должности старшины. Дѣло дошло даже до открытыхъ дракъ. Вотъ причины, по которымъ я отказалъ въ утвержденіи, и это сказано въ моемъ заключеніи.

— Можно мнѣ теперь сказать одно слово?—спросилъ Фестъ.

— Говорите. Я вѣдь всегда васъ выслушивалъ.

— Вы говорите, что не придавали значенія подложной бумагѣ. Ужъ позвольте вамъ сказать, что вы сегодня совершенно иное говорите, чѣмъ тогда. Когда я въ первый разъ пришелъ сюда и спросилъ, почему вы меня смѣстили, вы сказали тогда, что я самъ долженъ знать за что. Вы ска-

зали, что я дурной человѣкъ, что я съ отцомъ моимъ жестоко обращался, и поэтому не гожусь въ старшины. И вы ссылались на бумагу Хельда.

— Вы были тогда такъ взволнованы, что не поняли какъ слѣдуетъ моихъ словъ.

— Я отлично ихъ понялъ. Вы сказали, что отказываетесь утвердить меня изъ-за извѣстныхъ мнѣ обвиненій. И Флоріанъ Вейсъ тутъ былъ; онъ можетъ подтвердить.

— Вы такъ говорите, точно я отказываюсь отъ своихъ словъ. Не нужно мнѣ вашихъ свидѣтелей. За то, что я сказалъ, я отвѣчу.

— А теперь вы говорите, что бумага не имѣла значенія.

— Я говорю, что она не имѣла рѣшающаго значенія. Конечно, я, между прочимъ, упомянулъ и объ этомъ обвиненіи, потому что оно было приложено къ дѣлу.

— Нѣтъ, все дѣло было именно въ этой бумагѣ. Вы еще сказали мнѣ тогда, чтобы я не смѣлъ говорить, что въ бумагѣ написана неправда.

— Въ моемъ заключеніи совершенно ясно сказано, почему я не утвердилъ вашего избранія. Такъ что вы теперь не выдумывайте исторій.

— Опять вы не хотите выслушать правды. Вы сказали, что не утверждаете меня за дурное обращеніе съ отцомъ.

— Я дѣйствительно повѣрилъ этому обвиненію, и другіе тоже вѣрили. Вы же, вмѣсто того, чтобы представить спокойныя и обдуманныя возраженія, стали ругаться и даже драться. Кто такъ поступаетъ, не можетъ быть избранъ въ старшины. Вотъ и все.

— Да я и не хочу быть старшиной. Ни за что не хочу.

— Что же вы, собственнно, отъ меня хотите?

— Чтобы вы возстановили мое доброе имя.

— Да развѣ я его у васъ отнялъ?

— Да, отняли.

— Не выходите изъ себя, Фестъ,— сказалъ Сильвестръ.— Это лишнее, и ни къ чему не приведетъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одно замѣчаніе, господинъ окружной начальникъ. Вся исторія началась вѣдь съ того, что священникъ Бауштетеръ сталъ показывать всѣмъ эту бумагу.

— Ну да, что же отсюда слѣдуетъ?

— То, что если бумага оказалась подложной, и обвиненіе тѣмъ самымъ падаетъ, то и прежнее рѣшеніе должно быть отмѣнено?

— Что должно быть отмѣнено?

— Клевету нужно объявить недѣйствительной.

— Кто же долженъ взять обратно обвиненіе?

— Священникъ Бауштетеръ, который распространялъ клевету.

— Хорошо. Потребуйте это отъ него.

— Фестъ полагаетъ, что вы можете оффиціально приказать ему это.

— Какъ это сдѣлать?

— Вѣдь онъ сообщилъ вамъ невѣрное свѣдѣніе.

— Предположимъ даже, что онъ мнѣ сказалъ неправду; почему же всетаки я долженъ требовать, чтобы онъ взялъ свое обвиненіе обратно. Это всегда дѣло пострадавшаго.

— Но вѣдь онъ вамъ оффиціально сообщилъ поддѣльный документъ.

— Вы положительно невозможны,—сказалъ Отенедеръ.— Вы продолжаете разсуждать такъ, точно поддѣлка установлена судебнымъ порядкомъ. Вѣдь все это только ваше предположеніе. На основаніи его я не могу дѣйствовать. Священникъ могъ бы меня привлечь къ суду за клевету. Я не имѣю права выступить противъ него на основаніи вашихъ словъ.

— Не имѣете права? А противъ меня вы имѣли право выступать? Тогда вы не соблюдали такой осторожности...

— Не кричите на меня, пожалуйста.

— Тогда вамъ никакихъ доказательствъ не было нужно. Тогда вы имѣли право дѣйствовать. Теперь все по другому, потому что обманщикъ и поддѣлыватель не крестьянинъ, а священникъ.

— Что вы себѣ позволяете?

— Ахъ, да! Вы вѣдь начальство, и я долженъ уважать васъ. Нѣтъ я съ вами никакого дѣла имѣть не хочу. Идемте, господинъ Мангъ. Намъ тутъ нечего дѣлать.

— Фестъ, подождите же!

Но онъ уже захлопнулъ за собой дверь, и Сильвестръ стоялъ одинъ передъ взбѣшеннымъ Отенедеромъ.

— Да вы-то зачѣмъ впутываетесъ въ эту исторію?—крикнулъ онъ на Сильвестра.—Зачѣмъ вы потворствуете этому сумасшедшему?

— Я знаю, что его оклеветали.

— Очень ужъ вы быстро это рѣшили. Обвиненіе въ подлогѣ не шуточное дѣло. Берегитесь.

— Я не боюсь. У меня въ рукахъ всѣ доказательства.

— Не храбритесь, обожжете пальцы.

Сильвестръ вѣжливо поклонился и направился къ выходу.

— Передайте Фесту,—крикнулъ ему вслѣдъ Отенедеръ,— что я прощаю ему его рѣзкости. Я считаю, что онъ былъ не вмѣняемъ.

Фестъ ожидалъ Сильвестра на лѣстницѣ.

— Пойдемте теперь въ окружной судъ,—сказалъ Сильвестръ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы настоять на своемъ правѣ.

— Нѣтъ, господинъ Мангъ, это не возможно Всѣ старанія напрасны. Правду упрятали такъ далеко, что ея не доискаться. И даже если бы она очутилась у меня въ рукахъ, у меня бы ее отняли. Я ѣду домой.

— Нельзя же сейчасъ терять надежду.

— Сейчасъ! Нѣтъ, вовсе не сейчасъ. Вы не знаете, что я пережилъ. Я руками и ногами упирался, думалъ, что долженъ во что бы то ни стало настоять на своемъ—ну, а потомъ... Теперь я махнулъ рукой.

Онъ снялъ шляпу и провелъ рукавомъ по лбу.

— Мы добьемся своего,—ободрялъ Сильвестръ.

— Вы еще молоды и не хотите вѣрить, что приходится уступать, хотя и сознаешь себя правымъ. Однако это такъ въ жизни. Поѣдемте домой, господинъ Мангъ.

Настало свѣтлое воскресенье. Звонили во всѣ колокола. Обѣдня кончилась. Молодые люди первыми вышли изъ церкви и стояли кучками. Дѣвушки несли домой въ корзинахъ пасхальныя явства, которыя носили святить въ церковь: сверху лежали раскрашенныя яйца, а рядомъ сочная ветчина, хлѣбъ, мясо и соль, у нѣкоторыхъ поверхъ всего поставленъ былъ бѣлый барашекъ изъ сладкаго тѣста. Молодые люди разглядывали корзины у дѣвушекъ и шутили съ ними. Люди постарше медленно проходили черезъ кладбище. Мужчины глядѣли поверхъ стѣнъ на поля, на тянущіяся вверхъ длинными рядами засѣянныя полосы. Позже всѣхъ вышли изъ церкви представители лучшаго эрльбахскаго общества: учитель и его помощникъ, начальникъ почты и гарнизонный командиръ съ женой. Они говорили о томъ, какъ прошла обѣдня, и Штегмюлеръ спросилъ, не было ли замѣтно, что Ценци Шальмейеръ слишкомъ поздно вступила при пѣніи Kyrie eleyson. Онъ не могъ отучить ее отъ этого, потому что у нея, въ сущности, нѣтъ музыкальнаго слуха. Жена командира сказала, что она замѣтила, и что, кажется, священникъ тоже обратилъ на это вниманіе: онъ обернулся и посмотрѣлъ на хоры.

Помощникъ учителя пожалѣлъ объ отсутствіи господина Манга, отказавшагося пѣть на этотъ разъ. Въ прошломъ году соло Манга при Agnus Dei звучало такъ дивно. Сегодня же ему, помощнику, пришлось пѣть это соло, и онъ знаетъ, что не хорошо пѣлъ.

Жена жандармскаго командира стала отрицать это, и мужъ ея тоже подтвердилъ слова жены, говоря, что у госпо-

дина помощника учителя прекрасный голосъ. Но почему все-таки господинъ Мангъ уклонился на этотъ разъ?

— Не знаю, -отвѣтилъ Штегмюлеръ. -Вчера вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что не расположенъ пѣть.

— Развѣ его матери опять хуже?

— Нѣтъ, она поправляется.

— Можетъ быть, онъ не захотѣлъ пѣть, потому что у него нелады со священникомъ,—сказала жена командира.—Онъ вчера ѣздилъ съ Фестомъ въ Нусбахъ.

— Вчера?—Штегмюлеръ остановился...—Объ этомъ онъ мнѣ ничего не говорилъ.

— Мой мужъ знаетъ это отъ того, кто видѣлъ его въ судѣ.

— Вотъ какъ?

— Мнѣ не нравится, что онъ вмѣшался въ это дѣло,—сказалъ командиръ.—Какъ разъ теперь, когда онъ вышелъ изъ церкви, это имѣетъ не совсѣмъ красивый видъ.

Жена командира тронула его за рукавъ.—Смотри,—сказала она,—тебѣ отдаетъ честь солдатъ.

Зеппъ Фестъ, стоявшій вмѣстѣ съ другими молодыми людьми подлѣ церкви, сталъ на вытяжку передъ начальствомъ, отдалъ честь и круто повернулся, когда тотъ сдѣлалъ ему знакъ рукой. Все это онъ продѣлалъ очень молодцевато, какъ дѣлается въ ихъ образцовомъ полку.

— Славный юноша,—сказалъ командиръ.—Хорошимъ выйдетъ солдатомъ. Ну, что жъ, не пойти ли выпить по случаю праздника?

Штегмюлеръ и его помощникъ согласились, а жена командира сказала, что тоже пойдетъ, но только на минутку, такъ какъ спѣшитъ домой по хозяйственнымъ дѣламъ.

Въ пивной было не такъ полно, какъ въ другіе праздники, потому что всѣ хозяева и рабочіе спѣшили по домамъ къ освященному пасхальному столу. Два стола въ общей залѣ были заняты посѣтителями, которые вѣжливо поклонились, когда почетные гости прошли мимо нихъ въ сосѣднюю комнату.

У печки сидѣлъ еще одинъ человѣкъ, отдѣльно отъ другихъ, одинъ за своимъ столикомъ. Онъ положилъ на столъ скрещенныя руки и не поднялъ головы. Командиръ замѣтилъ его.

— Вѣдь это кажется Фестъ?—спросилъ онъ, и еще разъ выглянулъ изъ сосѣдней комнаты.

— Кажется, что онъ,—отвѣтилъ Штегмюлеръ.

Когда пришла кельнерша, командиръ опять спросилъ, не Фестъ ли это сидитъ тамъ одинъ у печки.

— Да, Фестъ. Онъ уже нѣсколько часовъ сидитъ тамъ и ни слова не говоритъ.

— Онъ вѣдь не часто приходитъ къ вамъ?

— Вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ совсѣмъ не былъ. А сегодня пришелъ и пьетъ кружку за кружкой.

— Вѣрно, съ нимъ что-нибудь особенное случилось,— сказалъ командиръ. — Ну, господинъ учитель, за ваше здоровье!

— Ты куда, Зеппъ?—спросила мать.

— Въ Веблингъ.

— Не ходи туда. Сходи лучше въ трактиръ.

— Зачѣмъ?

— Я тебя прошу. Отецъ тамъ съ утра сидитъ. Этого никогда не случалось.

— Хорошо, если хочешь, пойду. Но чего ты безпокоишься?

— Да ужъ пять часовъ, а онъ съ утра тамъ.

— Можетъ, ему тамъ весело.

— Нѣтъ, это онъ не ради веселья. Ты вѣдь видалъ, какой онъ вчера вернулся. Ни слова не сказалъ, а сегодня съ самаго утра ушелъ. Я думала, что онъ въ деревню пошелъ, и хотѣла пойти посмотрѣть, гдѣ онъ. Но пришла Марія Цвергеръ и сказала, что онъ въ трактирѣ... А теперь мнѣ такъ не спокойно на душѣ.

— Ну, чего ты плачешь! Нечего тревожиться.

— Да вѣдь этого съ нимъ никогда не бывало. Теперь онъ, навѣрное, будетъ пить, пока не придетъ въ ярость, и тогда, навѣрное, что нибудь случится. Онъ даже къ пасхальному столу не пришелъ.

— Я пойду. Только ужъ ты будь спокойна.

— Хорошо. Приведи его скорѣе домой.

Зеппъ направился въ трактиръ. Когда онъ вошелъ въ общую залу, его окуталъ густой табачный дымъ, и онъ сталъ оглядываться въ толпѣ, ища глазами отца. У каждаго стола его кто нибудь окликалъ.

— А, да это Зеппъ. Здравствуй! Ты въ отпуску? Иди-ка сюда. Выпей съ нами.

— Ты, вѣрно, за отцомъ пришелъ, — сказалъ старикъ Флоріанъ Вейсъ.—Вотъ онъ тамъ у печки сидитъ.

Зеппъ взглянулъ туда. Фестъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, что и утромъ. Шапку онъ сдвинулъ на затылокъ и глядѣлъ въ пространство стеклянными глазами. У его стола сидѣло много народа. Клейберъ, Цвергеръ и другіе. Портной Габерль тоже сидѣлъ тамъ въ числѣ другихъ. Зеппъ протянулъ отцу руку черезъ столъ.

— Здравствуй, отецъ.

— Какъ, это ты! Тоже пришелъ выпить?

— Я пришелъ взглянуть, что ты тутъ подѣлываешь.

— Да мнѣ тутъ хорошо, весело. Выпей и ты. Выпей, чортъ возьми!

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и потребовалъ пива. Потомъ онъ широко разложилъ скрещенныя руки на столѣ и опустилъ на нихъ голову.

Портной Габерль сдѣлалъ знакъ Зеппу.

— Уведи ты его домой,—сказалъ онъ.

— Хорошо.

Фестъ смотрѣлъ туда, гдѣ только что стоялъ Зеппъ.

— Гдѣ же это Зеппъ?—спросилъ онъ.—Развѣ уже ушелъ?

— Я здѣсь, отецъ.

— Выпей еще кружку, чортъ тебя побери!

— Пойдемъ-ка лучше домой. Мать безпокоится: вѣдь ты даже обѣдать не пришелъ.

— Нечего обо мнѣ безпокоиться. Я не пропаду, хотя и считается, что я послѣдній человѣкъ въ Эрльбахѣ.

Онъ взглянулъ на Клойбера, сидѣвшаго противъ него, и опять громко крикнулъ:

— Обо мнѣ безпокоиться нечего. Я не пропащій.

— Да вѣдь никто этого про тебя и не говоритъ,—успокаивалъ его портной Габерль.

— Ты не говоришь. А есть такіе, что говорятъ. Я ихъ всѣхъ знаю, подлецевъ. Они бы другого своими наговорами въ конецъ затравили, ну а меня не затравятъ: не дамся я имъ.

— Идемъ же. Мать безпокоится, потому что ты не пришелъ къ пасхальному столу ѣсть освященное.

— Я не хочу ѣсть того, что святилъ Бауштетеръ. Да развѣ онъ можетъ святить послѣ того, какъ сталъ поддѣлывать чужія подписи?

— Вонъ его, пьяницу,—закричалъ грубый голосъ съ сосѣдняго стола.

Это былъ Хирангль. Онъ приподнялся съ мѣста и снова крикнулъ:

— Вонъ пьяницу! Здѣсь пьянымъ не мѣсто.

Портной Габерль поднялся и сталъ передъ нимъ.

— Замолчи!—сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.

— Ты мнѣ не указчикъ.

— Если начнешь ссору, я первый съ тобой расправлюсь.

Лохманъ оттащилъ Габерля на прежнее мѣсто.

— Не суйся, куда не слѣдуетъ,—сказалъ онъ.

— Это безобразіе! Другого бы ужъ давно выставили,—ворчалъ Хирангль, понизивъ голосъ, и совсѣмъ смолкъ.

— Что такое?—спросилъ Фестъ.—Кто это хочетъ меня выставить? Кому я здѣсь мѣшаю?

— Да нѣтъ, отецъ, никто ничего не говоритъ.

— Ну да, я послѣдній человѣкъ въ Эрльбахѣ. Каждый можетъ помыкать мной.

— Ну Фестъ,—позвалъ его портной Габерль.—Я иду. Пойдемъ вмѣстѣ. Мнѣ нужно съ тобой еще поговорить дорогой кой о чемъ.

— Ты, навѣрное, опять будешь посылать меня въ окружной судъ подавать жалобу на Бауштетера. Нѣтъ, я не пойду. Пусть себѣ пишутъ, сколько угодно, подложныхъ бумагъ.

— Идемъ со мной.

— Нѣтъ, говорю тебѣ. И въ судъ я больше не пойду. Сначала пусть Бауштетера посадятъ въ тюрьму... и Хирангля тоже...

— Тебѣ тамъ мѣсто, а не мнѣ!—крикнулъ Хирангль, и Фестъ на этотъ разъ узналъ его голосъ. Онъ вскочилъ съ такой яростью, что чуть не опрокинулъ столъ.

— Ты здѣсь! Ты...

Онъ бросился къ нему, но Зеппъ его удержалъ.

— Пусти меня,—крикнулъ Фестъ, задыхаясь.—Пусти!

— Нѣтъ, отецъ. Не ходи.

— Пусти меня!

— Тресни его, чего церемониться. Онъ вѣдь своего отца колотилъ—пусть и самъ потерпитъ!—кричалъ Хирангль.

— Да пусти ты меня,—неистово крикнулъ Фестъ, отбиваясь отъ сына. Столъ опрокинулся, всѣ повскакали съ мѣстъ. Сидѣвшіе за другими столами прибѣжали на скандалъ; начались крики, ругань, поднялся оглушительный шумъ. И, покрывая весь этотъ хаосъ звуковъ, раздавался отчаянный крикъ Феста:—Пусти меня! Зеппъ держалъ его за правую руку, а съ другой стороны его взялъ подъ руку портной Габерль. Хозяинъ протиснулся впередъ черезъ густую толпу и подошелъ къ Фесту.

— Такъ нельзя. Я его выведу,—сказалъ онъ.

— Прочь, не трогай его,—крикнулъ портной Габерль.—Онъ самъ пойдетъ. Ну, Фестъ, идемъ.—Фестъ сопротивлялся уже слабѣе и прошелъ нѣсколько шаговъ по направленію къ выходу. Но Хирангль опять сталъ надсмѣхаться надъ нимъ.

— Ага! Теперь чувствуешь, каково было твоему отцу!

Зеппъ невольно обернулся къ Хирангдю, весь вскипѣвъ. Фестъ воспользовался этимъ, рванулся и схватилъ пивную кружку. Хирангль въ ужасѣ отступилъ, но было уже поздно.

— Собака!—крикнулъ Фестъ и такъ стукнулъ его по го-

ловѣ, что кружка разбилась въ дребезги. Хирангль запатался и грохнулся объ полъ. Зеппъ оттащилъ отца. На минуту настала полная тишина, потомъ всѣ подняли крикъ.

— Онъ его убилъ! Господи, крови-то, крови сколько! Скорѣй воды! Позвать жандарма. Онъ убилъ его...

Портной Габерль сталъ распоряжаться.

— Принесите воды. Помогите Хиранглю. За докторомъ. А ты уведи отца домой, Зеппъ.

— Послать за жандармомъ скорѣй! Не выпускать его!

Фестъ угрюмо глядѣлъ передъ собой, волосы нависли у него на лобъ, лицо у него было блѣдное, взглядъ совершенно дикій.

— Пустите меня,—пробормоталъ онъ.—Я не убѣгу.

Онъ сразу отрезвился. Выйдя на воздухъ, онъ остановился. Съ правой руки у него струилась кровь; онъ порѣзалъ ее стекломъ.

— Ты въ крови, отецъ. Развѣ онъ тебя тоже ударилъ?

— Нѣтъ. Не держи меня. Я могу идти самъ.

Онъ пошелъ, шатаясь. Зеппъ шелъ рядомъ. Нѣсколько мальчишекъ помчались впередъ и кричали всѣмъ проходящимъ мимо:

— Фестъ убилъ Хирангля!

И во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ проходилъ Фестъ, женщины и дѣти попрятались за дверьми и испуганно глядѣли ему вслѣдъ.

— У него руки въ крови Хирангля,—сказала Весбрунерша.

Страшная вѣсть, какъ огонь, разнеслась по деревнѣ и дошла до дома Феста, гдѣ жена съ тревогой ждала его возвращенія. Услышавъ, что случилась несчастіе, она выбѣжала на улицу и, увидавъ издали мужа и сына, сразу поняла, что произошла бѣда.

— Господи Іисусе, что случилось?

Фестъ молча прошелъ мимо нея и вошелъ въ домъ.

Еще поздно ночью въ кабинетѣ командира Германа горѣла лампа. Передъ нимъ лежалъ большой исписанный листъ бумаги, и онъ старательно придавливалъ на него пропускную бумагу.

— Ну, вотъ донесеніе мое готово,—сказалъ онъ.

— Сколько вышло страницъ?—спросила жена, сидѣвшая противъ него съ вязаньемъ.

— Шесть съ половиной.

— Весь годъ у тебя нѣтъ отдыха,—вздохнула она.— Хороша Пасха вышла!

— Да, печально, что такъ случилось. Ничего не подѣлаешь.

Онъ поднесъ написанное къ свѣту и сталъ перелистывать страницы, видимо довольный своей работой. Страницы были записаны сверху до низу ровными, плотными строчками. Каждый абзацъ начинался красивымъ росчеркомъ, и имена свидѣтелей были аккуратно подчеркнуты красными чернилами.

— Я тебѣ еще разъ прочту,—сказалъ онъ женѣ.—Если что не такъ, скажи мнѣ.

Донесеніе начиналось съ описанія того, что командиръ видѣлъ собственными глазами:

„Когда я послѣ обѣдни отправился въ расположенную по близости отъ церкви пивную Іоанна Плекля, я тамъ замѣтилъ виновнаго Андрея Феста. Онъ сидѣлъ одинъ за столомъ и, видимо, предавался обильному питью пива, что мнѣ подтвердила и кельнерша,—говоря, что онъ уже сидитъ въ пивной нѣсколько часовъ и пьетъ кружку за кружкой. Когда я черезъ нѣсколько времени послѣ того, уходя, прошелъ опять черезъ общую залу, вышеназванный сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, не замѣчая меня и не кланяясь. Мнѣ это сейчасъ же бросилось въ глаза, и я подумалъ, что Фестъ въ очень тяжеломъ душевномъ состояніи“.

— Ты мнѣ этого тогда не сказалъ, Карлъ,—перебила его жена.

— Я подумалъ такъ, вскользь.

Онъ продолжалъ читать. Въ донесеніи дано было подробное описаніе всего дальнѣйшаго хода событій по показаніямъ сидѣвшихъ за однимъ столомъ съ Фестомъ Цвергера и Клойбера. Затѣмъ слѣдовало описаніе спора, въ теченіе котораго Фестъ продолжалъ пить, былъ, видимо, сильно возбужденъ и, вспоминая о прежней распрѣ, произносилъ оскорбительныя слова. Затѣмъ слѣдовало живое описаніе самой катастрофы, о которой свидѣтели разсказывали не вполнѣ согласно. Въ то время, какъ Іоаннъ Гейтнеръ не слышалъ никакихъ оскорбительныхъ словъ со стороны Хирангля, портной Габерль утверждалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что пострадавшій привелъ въ бѣшенство виновнаго своими насмѣшками и довелъ его до такого состоянія, что онъ бросился, не помня себя, на него и такъ ударилъ его глиняной пивной кружкой, что Хирангль упалъ, потерявъ сознаніе, и до сихъ поръ еще не пришелъ въ себя.

Командиръ прочелъ все это женѣ; когда онъ кончилъ, она сказала:

— Тутъ почти семь страницъ, и такъ аккуратно написано: вотъ работа!

— Мнѣ жаль Феста,—возразилъ онъ.—Онъ былъ такимъ порядочнымъ человѣкомъ, пока не начались всѣ эти исторіи.

— Думаешь, его надолго посадятъ?

— Это зависитъ отъ многаго,—сказалъ командиръ, тщательно складывая листы въ конвертъ.—Отъ того, найдутъ ли смягчающія обстоятельства, а также отъ состоянія Хирангля.

Онъ громко зѣвнулъ.

— Пора спать,—сказалъ онъ.—Уже пробило полночь.

Жена командира затушила лампу, и во всемъ Эрльбахѣ стало темно. Только въ комнатѣ, гдѣ лежалъ больной Хирангль, всю ночь не угасалъ свѣтъ.

На зарѣ раздался стукъ въ дверь къ командиру. Онъ услышалъ изъ спальни, открылъ окно и крикнулъ внизъ:

— Кто тамъ?

— Это я, жандармъ Бадеръ. Хирангль умеръ четверть часа тому назадъ.

— Вотъ тебѣ на!

— Онъ не приходилъ больше въ сознаніе. У него весь черепъ расшибло.

— Вотъ такъ бѣда!

— Я пришелъ сейчасъ доложить вамъ. Съ добрымъ утромъ, господинъ командиръ.

— Съ добрымъ утромъ.

Командиръ закрылъ окно и одѣлся. Когда онъ прошелъ по деревенской улицѣ черезъ полчаса, онъ услышалъ громкій колокольный звонъ. Это уже былъ похоронный колоколъ, возвѣщавшій о смерти Хирангля. Командиръ прошелъ во дворъ къ Фесту. Изъ дверей ему вышелъ навстрѣчу самъ хозяинъ.

— Я знаю, зачѣмъ вы пришли,—сказалъ онъ.—Я слышалъ колоколъ. Вы за мной?

— Это моя обязанность, Фестъ. Я долженъ васъ отвести въ Нусбахъ.

— Я сейчасъ иду. Только шляпу возьму.

Онъ вошелъ въ домъ, и командиръ услышалъ крикъ:

— Господи, Андрей! Неужели же его уведутъ? Господи Іисусе!

Жена Феста выбѣжала изъ дому и схватила командира за руку.

— Нѣтъ! Онъ вѣдь не виноватъ. Не уводите его!

— Послушайте, не дѣлайте мужу прощаніе еще болѣе тяжелымъ.

— Не уводите его. Онъ не виноватъ!

Фестъ мягко отвелъ ее.

— Ну, успокойся. Что же дѣлать? Голову мнѣ не снимутъ.

Онъ повернулся, быстро вышелъ изъ дверей и прошелъ черезъ дворъ. Но какъ онъ ни ускорялъ шаги, онъ долго

еще слышалъ за собой плачъ и стоны жены. И, дойдя до самаго конца улицы, онъ опять услышалъ ея голосъ:

— Андрей! Отвѣть мнѣ, Андрей!—кричала она.

XX.

Въ судебную залу врывались лучи солнца и широко ложились на строгія лица судей. Судьи всячески ограждали себя отъ назойливаго свѣта и, когда борьба съ солнцемъ стала невозможной, велѣли служителю спустить занавѣси. Такимъ образомъ, солнечнымъ лучамъ былъ прегражденъ доступъ въ залу суда.

Одинъ только лучъ всетаки пробрался черезъ щель и скользнулъ по скамейкамъ. Онъ встрѣтилъ на своемъ пути двѣ морщинистыя руки, и онѣ были ему такъ милы, что онъ ласково прильнулъ къ нимъ. Руки раскрылись и снова закрылись, точно хотѣли удержать дрожащій лучъ.

Человѣкъ, которому принадлежали эти руки, обрадовался лучу. Онъ подумалъ о томъ, что солнце теперь, вѣрно, озаряетъ поля въ Эрльбахѣ, и сегодня, навѣрное, косили весь день, и на всѣхъ лугахъ лежитъ душистое свѣжее сѣно. Въ такую теплую погоду можно будетъ днемъ переворошить сѣно для просушки, и къ вечеру уже свезти домой.

Широкая тѣнь упала на полъ и солнечный лучъ исчезъ. Фестъ поднялъ глаза. Въ залѣ засѣданія появился священникъ Бауштетеръ и поклонился судьямъ.

— Господинъ священникъ, вы знаете подсудимаго?

— Да, знаю.

— Утверждаютъ, что вы были его врагомъ.

Поднялся защитникъ:

— Вы вѣдь вели противъ него усиленную кампанію,— сказалъ онъ.—Вы съ нимъ были въ ссорѣ.

Бауштетеръ смиренно покачалъ головой, не понимая, почему защитникъ говоритъ такимъ рѣзкимъ тономъ.

— Я только высказалъ нѣкоторыя опасенія относительно него—это былъ мой долгъ.

Предсѣдатель одобрительно кивнулъ головой.

— Вы хотите сказать, — произнесъ онъ, — что вы, какъ духовный пастырь, многое въ немъ порицали, но не питали къ нему личной вражды.

— Да, я именно это хотѣлъ сказать.

— Такъ, пожалуйста, скажите намъ, что вы знаете объ обвиняемомъ.

Бауштетеръ сталъ говорить спокойно и безстрастно. Онъ сказалъ, что относился съ открытой душой ко всѣмъ своимъ

прихожанамъ одинаково и радъ былъ вѣрить всему хорошему про каждаго изъ нихъ. Относительно Андрея Феста точно также. Онъ былъ очень огорченъ, замѣчая въ немъ, однако, многое, чего онъ, какъ духовный пастырь, не могъ не порицать. Онъ огорчался его равнодушіемъ къ религіи, безнравственнымъ поведеніемъ его семьи и еще многимъ другимъ.

Бауштетеръ сказалъ, что ему хотѣлось исправить его, и что онъ пытался вліять на него кротостью, но встрѣтилъ грубый отпоръ. И онъ изобразилъ всѣ грубыя выходки Феста въ сношеніяхъ съ нимъ.

Фестъ слушалъ его. Все тѣ же пріемы, все то же умѣніе такъ вплетать ложь въ дѣйствительность, что невозможно разобраться. Онъ пытался разорвать искусную ткань, но чѣмъ больше онъ старался, тѣмъ больше его опутывала сѣть лжи. Теперь онъ, наконецъ, усталъ. Онъ слушалъ такъ, точно говорятъ не о немъ, а о комъ то другомъ. Тихій, спокойный голосъ священника возвысился только въ концѣ, когда онъ напомнилъ, что этотъ дикій, необузданный человѣкъ убилъ одного изъ самыхъ почтенныхъ людей въ Эрльбахѣ, отца четверыхъ дѣтей.

Въ залѣ засѣданія наступила глубокая тишина.

— Фестъ, можете вы что-нибудь возразить?

Фестъ посмотрѣлъ на предсѣдателя. Можетъ ли онъ возразить что-нибудь противъ этой сѣти лжи? Каждое слово было ложью, придуманной заранѣе, все было искажено съ цѣлью возстановить судъ противъ него. Какъ опровергнуть все это нѣсколькими фразами.? Съ чего начать и чѣмъ кончить? И онъ сказалъ только одно:

— Этотъ виноватъ во всемъ, что случилось.

Судьи очень неодобрительно посмотрѣли на обвиняемаго. Какъ безразсудно было съ его стороны говорить въ такомъ тонѣ.

Поднялся защитникъ.

— Нужно знать все предшествующее..

— Это къ дѣлу не относится, — прервалъ его предсѣдатель. — Выборы въ старшины ничего общаго не имѣютъ съ убійствомъ Хирангля.

Фестъ снова сѣлъ. Онъ вѣдь зналъ заранѣе. Сегодня все то же, что и вчера. Его не хотятъ выслушать...

На слѣдующій день погода тоже благопріятствовала сѣнокосу. Верхушки деревьевъ въ веблингскомъ лѣсу озарились утреннимъ свѣтомъ. Всѣ спѣшили на работу. Хорошо косить, пока еще роса лежитъ на травѣ. Сухая трава притупляетъ косы. Всѣ торопились, шире взмахивали косами, и, когда солнце поднялось высоко надъ холмами, работа была уже покончена.

Портной Габерль закинулъ косу за плечо и остановился, поджидая Цвергера, который шелъ къ нему навстрѣчу.

— Хорошій денекъ!

— Да, еще нѣсколько такихъ дней, и сѣна будетъ у всѣхъ вдоволь. —Они дошли вмѣстѣ до перепутья. Тамъ Цвергеръ остановился.

— Что ты скажешь? Къ четыремъ годамъ тюрьмы присудили.

— Я скажу, что никогда онъ изъ тюрьмы ужъ не выйдетъ. Погубилъ его священникъ.

Портной Габерль сѣлъ на траву. Онъ поджидалъ свою маленькую дочку, которая должна была принести ему завтракъ.

— Онъ его погубилъ,—повторилъ Габерль и взглянулъ внизъ, на разстилавшійся тамъ Эрльбахъ. Домики стояли, плотно прижавшись одинъ къ другому. Изъ трубъ поднимались тонкіе столбы дыма. Слышно было, какъ ревѣлъ скотъ.

Доносились также звуки мѣрныхъ ударовъ молотка. Около церкви плотники воздвигали лѣса. Тамъ готовились снести старую колокольню, чтобы построить новую. Желаніе священника Бауштетера исполнилось.

КОНЕЦЪ.

Бѣлая ночь.

Какъ странно: нѣтъ луны, но свѣтелъ воздухъ
сонный,
Таинственная ночь загадочно-свѣтла...
Прозраченъ небосклонъ,—беззвѣздный и бездонный,
И тамъ лишь, вдалекѣ, надъ лѣсомъ тѣнь легла.
Безмолвіе вокругъ... Порой, сквозь сонъ, залаетъ
Дворовый вѣрный песъ, и снова—тишина!..
Едва закатъ погасъ—и вновь востокъ пылаетъ,
Пурпурная заря, какъ кровь, свѣжа, красна!
И на стволахъ березъ играетъ отблескъ алый,
Тревожно шелеститъ пѣвучая листва,
И падаютъ росы волшебные опалы,
И жадно ловитъ ихъ душистая трава.

Въ душѣ моей больной забытыя картины,
Видѣнья прошлаго, блаженныхъ дѣтскихъ дней,
Плывутъ, какъ легкій сонъ,—родныхъ полей равнины,
Родной рѣки просторъ и островки на ней...
Какъ будто на яву, я вижу садъ тѣнистый,
Куда отъ скучныхъ книгъ любилъ я убѣгать,
Гдѣ въ сумракѣ журчалъ ручей хрустально-чистый
И пѣли иволги... Гдѣ я любилъ мечтать!..

Я мыслью весь ушелъ въ сіяющія дали!..
Но грезы чудныя, какъ птицы, пронеслись...
И дни жестокіе,—дни скорби и печали,—
Аккордомъ сумрачнымъ въ душѣ отозвались.
Такая-жъ свѣтлая, но только голубая,
На югѣ ночь плыла, облитая луной...
Вливаясь въ щель окна, ея волна живая
Подъ сводами тюрьмы струилась надо мной!
Я рвался на просторъ, меня давили своды!
И снились мнѣ тогда болѣзненные сны:
Я видѣлъ трупы, кровь, бушующія воды...
Мнѣ чудился во снѣ призывный звонъ волны!..

. . . .

Таинственная ночь, какъ призракъ молчаливый,
Бѣжитъ пугливо прочь... И все прозрачнѣй мгла,
Все пламеннѣй зари кровавые разливы...
И тамъ, надъ родиной, заря пожаръ зажгла!

Н. Шрейтеръ.

Грязовецъ,
1906.

неудачную тему. Въ его лицѣ и голосѣ появилось странное раздраженіе.

— Каролю лучше бы помолчать! Обыкновенно онъ не отличается такою болтливостью. Почему тебѣ понадобилось разсматривать это старье?

— Да потому, что меня интересуетъ все, что касается тебя, все, что тебѣ близко.

— Что мнѣ близко... Мои близкіе замѣчательные экземпляры, не правда ли?

— О твоихъ рисункахъ я не могу судить, не видавъ ихъ,— возразила она своимъ обычнымъ суховатымъ тономъ, — что касается людей, близкихъ тебѣ, мы пришли сюда въ дождь, чтобы не сидѣть съ ними ночь и не для того, чтобы разсуждать о нихъ.

— Совершенно вѣрно, гордая британка! Я сейчасъ покажу тебѣ рисунки, хотя ихъ не стоитъ смотрѣть. Ты, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько похожа на Британію; весьма великолѣпна, но немножко...

— Суховата? Да, Дикъ Грей часто говорилъ мнѣ, что я суховата. Ну что же? Это имѣетъ свои хорошія стороны... А какъ ты думаешь, не лучше ли вытереть этотъ портфель, прежде чѣмъ тащить его? Постой, милый, дай я сдѣлаю, ты не такъ держишь метелку.

Рисунки были небрежно засунуты въ портфель, нѣкоторые были смяты, другіе запачканы, третьи съ обгорѣлыми углами. Большинство представляли простые этюды углемъ и карандашемъ: ноги, руки, стволы деревьевъ, спутанныя вѣтви, кромѣ того, было нѣсколько набросковъ деревенской жизни: дерущіяся собаки; дѣти, несущія тяжести; бесѣдующіе старики; женщины у колодца. Несмотря на простой, часто неправильный рисунокъ, всѣ эти изображенія дышали удивительною силою и жизненностью. Даже Оливія, ничего не понимавшая въ искусствѣ, видѣла, что мускулы ногъ имѣютъ иногда невѣрное направленіе; но оживленіе, чувство силы и движенія, гордая рѣшимость жить, одушевлявшая всѣ эти фигуры, должны бы заставить всякаго хорошаго критика забыть мелкіе техническіе недочеты.

— Неужели ты никогда и ничего не видѣлъ въ состояніи покоя?—сказала она, положивъ рисунки на столъ.—Всѣ твои люди живутъ какою-то бурною жизнью.

— Во всякомъ случаѣ теперь я вижу спокойное состояніе.

Она послѣдовала глазами за его взглядомъ и наткнулась на изображеніе мертваго сокола.

— Ты это называешь покоемъ?.. Нѣтъ, не жги ихъ.

Она взяла у него изъ рукъ большой свертокъ бумаги, перевязанный веревочкой, и начала развязывать его.

— Тамъ нѣтъ ничего,—торопливо замѣтилъ онъ.

— Ты не хочешь, чтобы я смотрѣла? Извини, пожалуйста.

Онъ съ минуту простоялъ, отвернувшись отъ нея, затѣмъ отдалъ ей свертокъ.

— Смотри, если хочешь. Это этюды для группы, которую я собирался писать. Въ то время меня арестовали, и я ее не кончилъ. Я былъ... немного влюбленъ въ нее въ то время. Если бы я былъ способенъ написать что-нибудь, то именно это. Да, посмотри.

Она развернула свертокъ съ необычнымъ для нея чувствомъ робости и разгладила листы. На первыхъ были только этюды разныхъ подробностей: руки, слегка очерченныя ноги, занавѣсы и историческія справки относительно костюмовъ, затѣмъ появились два лица, которыя повторялись множество разъ. Нѣкоторые наброски были полу-стерты или разорваны будто въ нетерпѣніи. Одно лицо принадлежало женщинѣ восточнаго типа, съ правильными чертами, съ массою украшеній въ волосахъ, и неизмѣнно съ одинаковымъ остановившимся взглядомъ, полнымъ дикаго ужаса. Другое лицо было лицо мужчины, и Оливія долго разсматривала его, напрасно стараясь понять его выраженіе. На послѣднихъ листахъ изображалась женщина, отчаянно вырывающаяся изъ рукъ мужчины, который приподнялъ ее съ земли и, повидимому, старался куда-то бросить.

— Разскажи мнѣ, Володя, что это значитъ?

— Это иллюстрація къ одному изъ сказаній о Стенькѣ Разинѣ. Онъ со своими товарищами ѣдетъ на лодкѣ по Волгѣ. Онъ влюбленъ въ персидскую княжну, которую они взяли въ плѣнъ, и одинъ изъ его соратниковъ упрекаетъ его, что онъ забылъ свое дѣло и думаетъ только о женщинѣ. Когда имъ подаютъ обѣдъ, всѣ начинаютъ по древнему обычаю бросать въ рѣку въ видѣ жертвы хлѣбъ и соль. Стенька останавливаетъ ихъ, говоря что такіе дары слишкомъ мелки, и самъ бросаетъ въ рѣку княжну...

— Володя,—прервала его Оливія, показывая ему одинъ изъ рисунковъ, — мнѣ кажется, это прямо геніальная вещь.

Онъ вдругъ разгорячился такъ, какъ еще ни разу не горячился при ней.

— Геніальная! Извѣстно, всякая ворона считаетъ своихъ дѣтей бѣлыми. Неужели ты не видишь, что я просто забавлялся, изводилъ хорошую бумагу, которую сдѣлалъ человѣкъ, болѣе меня стоющій, и все это потому, что я родился бариномъ, что я не знаю, какъ убить время, не умѣлъ заработать себѣ куска хлѣба и считалъ для себя всякій трудъ

унизительнымъ. Чѣмъ это лучше, чѣмъ пьянство Вани и карты Пети? Развѣ, можетъ быть, немного почище. Ты знаешь, что говорятъ крестьяне о моей скульптурѣ? „Барскія затѣи“. И они правы. И они будутъ совершенно правы, если перерѣжутъ всѣмъ намъ горло. Единственнымъ оправданіемъ нашего существованія было бы, если бы мы избавили ихъ отъ паразитовъ, еще болѣе вредныхъ, чѣмъ мы сами. Но этого мы до сихъ поръ не сумѣли сдѣлать. Мы всѣ испорчены, испорчены до мозга костей бездѣльемъ и чванствомъ. Ахъ, эти барскія затѣи!

Онъ сунулъ рисунки обратно въ портфель и отбросилъ его прочь.

Оливія встала и пристально поглядѣла на него.

— Когда ты говоришь такія вещи,—сказала она, наконецъ,—мнѣ начинаетъ казаться, что я никогда не пойму тебя. Я просто не знаю, что ты хочешь сказать.

— Я тоже думаю, что ты никогда не поймешь.

— Володя!

Онъ стоялъ съ минуту у окна, отвернувшись отъ нея и глядя на продолжавшій лить дождь. Затѣмъ онъ повернулся и проговорилъ, пожимая плечами:

— Видишь ли, милая, это не зависитъ ни отъ тебя, ни отъ меня. Мы оба не виноваты. Между нами коренная разница; мы видимъ во снѣ не однѣхъ и тѣхъ же свиней.

— Не однѣхъ и тѣхъ же?..

— Выдишь ли, въ книгѣ одного большого писателя нашего разсказывается объ одномъ русскомъ, который ночью разбудилъ весь домъ своимъ крикомъ во снѣ; ему снилась свинья. Квартирная хозяйка объяснила ему, что ея жильцы часто видятъ такіе сны; недалеко отъ дома находится бойня и свиньи хрюкаютъ по ночамъ.—Ахъ, сударыня,—отвѣчалъ онъ,—тутъ большая разница: когда французъ видитъ во снѣ свинью, это обыкновенная свинья, которую могутъ ѣсть люди; когда насъ, русскихъ, мучитъ кошмаръ, мы обыкновенно видимъ свиней, которыя ѣдятъ людей.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать,—повторила она опять со вздохомъ.—Мнѣ это очень жаль, но я не понимаю.

Онъ отвернулся съ нетерпѣливымъ движеніемъ.

— Давай опять работать. Гдѣ тебѣ это понять?

Онъ положилъ ея руку, какъ она раньше лежала, и снова принялся лѣпить. Но черезъ нѣсколько минутъ бросилъ глину.

— Нѣтъ, не стоитъ, я не могу!

— Ты усталъ, оставь работу на сегодня.

— Ты думаешь, это только сегодня? Пойдемъ къ дѣтямъ.

Она надѣла на голову платокъ и взяла въ руки большой

зонтикъ, съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія. Присутствіе постороннихъ избавитъ ее отъ слишкомъ тяжелыхъ мыслей.

Сходя внизъ по лѣстницѣ подъ проливнымъ дождемъ, они замѣтили двѣ фигуры, которыя поднимались на пригорокъ по направленію къ нимъ. Передняя, въ одеждѣ кучера, обратилась къ Владиміру.

— Баринъ, будьте такъ добры, позвольте переночевать у васъ проѣзжему. Я—кучеръ князя Рѣпнина и везу къ намъ въ имѣніе гостя на охоту. Мы наѣхали на поваленное дерево, тарантасъ опрокинулся, и у насъ сломалась ось. Еще слава Богу, что не угодили головой въ озеро. А тутъ этакая погода: позвольте, ваша милость...

— Никто у васъ не ушибся?

— Нѣтъ, только баринъ больно вымокли да прозябли, а ѣхать намъ еще далеко.

— Конечно, вамъ нечего и думать ѣхать сегодня. Сколько васъ человѣкъ?

— Трое: баринъ, его лакей, да я. Они, кажись, французы, что ли, я ни слова не понимаю, что они говорятъ. Я оставилъ лакея внизу съ лошадьми. Вотъ баринъ: можетъ, ваша милость можете поговорить съ нимъ.

— Пожалуста, войдите, не стойте подъ дождемъ,—сказалъ Владиміръ по французски.—Мы сейчасъ велимъ внести ваши вещи... Нѣтъ, увѣряю васъ, тутъ нѣтъ ничего неловкаго; мы привыкли къ такимъ маленькимъ приключеніямъ въ нашей глуши. Входите, сдѣлайте милость.

Онъ побѣжалъ въ большой домъ вмѣстѣ съ кучеромъ, оставивъ Оливію принимать путешественника, который, продолжая извиняться, сбросилъ мокрое верхнее платье и грѣлъ руки у огня. У него была замѣчательная наружность. Эта былъ парижанинъ до кончика ногтей, съ красивыми глазами и густыми, вьющимися сѣдыми волосами. Оливія подумала, что у него такая физіономія, точно онъ привыкъ, чтобы его называли cher maître. Наружность его была какъ то странно знакома ей: должно быть, это какая-нибудь знаменитость, портреты которой она видала.

— Позвольте мнѣ представиться,—сказалъ онъ,—моя фамилія Дюшанъ.

Она слегка вздрогнула. Не мудрено, что его лицо показалось ей знакомымъ.

— Леонъ Дюшанъ, живописецъ?

Онъ снова поклонился.

— Мой пріятель, князь Рѣпнинъ пригласилъ меня принять участіе въ его осенней охотѣ, и я соблазнился возможностью увидѣть настоящій дикій лѣсъ. Я никогда раньше не бывалъ въ Россіи и не говорю ни слова по-русски. Мо-

жете себѣ представить, что, когда экипажъ сломался въ этой глуши, я очень пожалѣлъ, что не сижу спокойно въ своей парижской квартирѣ. Я очень счастливъ, что нашелъ пріютъ у такихъ гостепріимныхъ хозяевъ.

— Вамъ готовятъ комнату,—сказалъ Владиміръ, входя. Онъ запыхался и держался рукой за бокъ,—пожалуста, садитесь, отдохните у камина, пока приготовляютъ ужинъ. Вашъ слуга вноситъ вещи.

Когда онъ узналъ имя своего гостя, горячая краска залила лицо его и смѣнилась блѣдностью. Леонъ Дюшанъ былъ мечтою его юныхъ лѣтъ. „Если мнѣ удастся добраться въ Парижѣ до Дюшана,—думалъ онъ много разъ,—онъ повѣритъ, что у меня есть талантъ и поможетъ мнѣ“.

Художникъ подвинулъ стулъ къ огню и не сводилъ съ хозяина своихъ темныхъ проницательныхъ глазъ. Онъ такъ же, какъ Берней, замѣтилъ мрачную красоту головы Владиміра. Несмотря на то, что онъ прозябъ и усталъ, пальцы его такъ и чесались набросать этюдъ этой головы.

— Но я, кажется, попалъ къ собратьямъ по искусству,—сказалъ онъ, замѣтивъ глину для лѣпки.—Вы скульпторъ?

Владиміръ сразу насторожился.

— Я только любитель.

Дюшанъ, видимо, удивился холодному тону отвѣта, но сказалъ любезно:

— Вы слишкомъ скромны. Этотъ слѣпокъ большой птицы... Онъ остановился и сталъ разглядывать работу Владиміра съ возраставшимъ интересомъ и удивленіемъ.

— Это ваше произведеніе? Но вѣдь это замѣчательная вещь, увѣряю васъ, замѣчательная. У васъ, несомнѣнно, крупный талантъ.

— Вы слишкомъ снисходительны!—замѣтилъ Владиміръ такимъ тономъ, въ которомъ слышалось нежеланіе продолжать разговоръ.

Французъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Извините мою искренность,—проговорилъ онъ.

Оливія съ какимъ-то отчаяніемъ вмѣшалась въ разговоръ. Все это было невыносимо мучительно: она схватилась за первую тему, какая пришла ей въ голову.

— Вы никакъ не могли доѣхать въ одинъ день до имѣнія князя Рѣпнина, даже если бы не случилась непогода и несчастіе съ экипажемъ: это очень далеко.

— Да, уѣзжая, я спрашивалъ, будетъ ли на дорогѣ какой-нибудь домъ, гдѣ мы могли бы найти пріютъ въ случаѣ надобности, и мнѣ сказали, что ничего подобнаго нѣтъ. Конечно, никто не предполагалъ, что можно такимъ образомъ ворваться незваннымъ гостемъ въ чужой домъ. Даже, когда

экипажъ сломался, кучеръ очень неохотно рѣшился безпокоить васъ.

— Тутъ дѣло не въ безпокойствѣ,—сказалъ Владиміръ все-такъ же сухо,—но надо вамъ сказать, что нашъ домъ вообще обѣгаютъ. Такъ какъ вы иностранецъ и человѣкъ, пользующійся извѣстностью, то вамъ не грозитъ никакая серьезная непріятность за то, что вы переночуете у насъ, хотя, можетъ быть, вамъ придется дать кое-какія объясненія полиціи. Я нахожусь подъ надзоромъ, какъ политически неблагонадежный и привлекавшійся къ дѣлу.

Художникъ слушалъ сначала съ недоумѣніемъ, но при послѣднихъ словахъ лицо его просіяло.

— Я считаю за честь для себя знакомство съ вами,—сказалъ онъ, протягивая руку.—Мы, старое поколѣніе французовъ, тоже страдали въ свое время. Лучшій другъ моихъ молодыхъ лѣтъ умеръ въ Новой Каледоніи, а я, я... — онъ пожалъ плечами,—мнѣ удалось избѣгнуть преслѣдованія. Я остался жить, чтобы заниматься искусствомъ.

Раздался стукъ въ дверь Ѳеофилакты, и Владиміръ взялъ у нея изъ рукъ подносъ.

— Ваша комната готова,—сказалъ онъ,—тетушка слышала, что вы пріѣхали, и прислала вамъ горячаго вина, чтобы вы не простудились.

Онъ снялъ со стола портфель, очищая мѣсто для подноса; одинъ изъ рисунковъ выпалъ и подлетѣлъ къ ногамъ гостя, который нагнулся и поднялъ его. Это былъ одинъ изъ этюдовъ головы Стеньки Разина.

— Tiens!—воскричалъ Дюшанъ.

Онъ съ минуту смотрѣлъ на него и затѣмъ обратился къ Владиміру безъ малѣйшаго слѣда парижской любезности:

— Но вѣдь это не вы рисовали?—спросилъ онъ рѣзкимъ, сердитымъ голосомъ.

— Я, только давно, когда еще былъ молодъ.

— И у васъ много такихъ рисунковъ? Можно взглянуть?

Владиміръ поблѣднѣлъ, ноздри его судорожно подергивались.

— Если хотите,—проговорилъ онъ и положилъ портфель на столъ.—Я когда-то мечталъ показать вамъ ихъ въ Парижѣ.

— Ну, и отчего же?..

— Я былъ арестованъ.

— А! а послѣ того?

Владиміръ отвернулся отъ него, затѣмъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Ну, теперь мнѣ уже поздновато дѣлаться художникомъ. Мы живемъ не въ мірѣ волшебниковъ, мнѣ тридцать два года, и у меня чахотка.

Художникъ сѣлъ и открылъ портфель. Онъ нѣсколько минутъ разсматривалъ рисунки, не говоря ни слова, а Оливія и Владиміръ стояли у камина, опустивъ глаза. Позднѣе дѣвушкѣ казалось, что она пережила цѣлые годы за эти нѣсколько минутъ молчанія. Наконецъ, Дюшанъ всталъ и, перейдя къ другому столу, внимательно осмотрѣлъ слѣпокъ убитаго сокола.

— Но вѣдь это преступленіе!—вдругъ вскричалъ онъ.— Слышите?.. настоящее преступленіе! Арестованъ! И все это пропало... Ахъ, что это за страна! Господи, что за страна! — Онъ всплеснулъ руками. — А вы, вы тоже виноваты! Можно ли тратить жизнь на заговоры, на политику, когда Господь Богъ создалъ васъ скульпторомъ? Скажите, пожалуйста, неужели не нашлось другихъ рукъ, кромѣ вашихъ? Вѣдь вы могли бы быть...

— Тише, не говорите этого, — остановила его Оливія,— не говорите намъ о томъ, что могло бы быть; мы должны жить тѣмъ, что есть.

Дюшанъ остановился. Слѣдуя за ея глазами, онъ взглянулъ на Владиміра.

— Mademoiselle совершенно права, — сказалъ онъ и закрылъ портфель.—Я злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, занимая васъ своими разговорами. Если позволите, я пойду и переодѣнусь.

Оливія проводила его въ большой домъ, и тамъ тетя Соня тотчасъ же задержала ее: она боялась, сумѣла ли она приготовить салатъ по вкусу парижанина. Когда ужинъ былъ готовъ, Оливія побѣжала въ павильонъ подъ предлогомъ позвать Владиміра, а на самомъ дѣлѣ, чтобы помѣшать старушкѣ идти туда.

Было уже почти темно, но при свѣтѣ сумерокъ и тлѣвшихъ угольевъ она увидѣла, что комната пуста, портфель открытъ, и въ каминѣ лежитъ куча полусожженной бумаги. Она тихонько наклонилась и достала смятый, обгорѣлый листъ, на которомъ можно было различить фигуры Стеньки Разина и отбивавшейся отъ него княжны.

VII.

Рождество прошло, а Оливія все еще была со своимъ женихомъ. Они вернулись въ Петербургъ черезъ нѣсколько дней послѣ визита Дюшана, и Владиміръ нанялъ для нея комнату, недалеко отъ своей квартиры, въ спокойномъ, добродушномъ семействѣ. Такъ какъ ей не приходилось ухаживать за больными, то она пыталась усердно заниматься рус-

ской грамматикой, исторіей и литературой. Недѣля проходила за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ.

Первый разъ въ жизни Оливія находила, что дни тянутся слишкомъ долго. Для ея дѣятельной, положительной, практической натуры казалось, что самый тяжелый ударъ судьбы легче перенести, чѣмъ эту жизнь, полную загадокъ и отсрочекъ, безпомощнаго ожиданія чего-то темнаго и ужаснаго, что, быть можетъ, никогда не случится. Владиміръ, занятый то работой, которая давала ему средства къ жизни, то „дѣлами", о которыхъ они по молчаливому соглашенію рѣшили не разговаривать, могъ отдавать ей слишкомъ мало времени; и это немногое постепенно становилось для нихъ не утѣшеніемъ, а непріятностью. При напряженномъ состояніи и его, и ея нервовъ, они не могли, какъ прежде, находить удовольствіе въ разговорахъ о постороннихъ предметахъ; но какъ только они заговаривали о томъ, что близко касалось ихъ, какая-то невидимая преграда мѣшала имъ высказываться свободно и непринужденно.

Оливія, сдержанная по натурѣ, становилась еще болѣе сдержанной подъ леденящимъ вліяніемъ тайны и смутнаго, холоднаго разочарованія. Она отличалась умѣреннымъ и постояннымъ характеромъ. Отбросить всѣ навыки, всѣ стремленія и цѣли, наполнявшія ея молодые годы, и слѣдовать за любимымъ человѣкомъ въ неизвѣстный ей міръ, полный опасностей, было для нея тяжелѣе, чѣмъ могло бы быть для большинства женщинъ; ей не хватало того увлеченія романичностью положенія, которое скрасило бы его для другой. Она вслѣпую сдѣлала рѣшающій въ жизни шагъ и находила, что онъ никуда не привелъ ее. Несмотря на ихъ взаимную любовь, затемняемую лишь иногда мимолетнымъ сомнѣніемъ съ той или другой стороны, они какъ-будто нарочно чуждались другъ друга. Какъ ни радостно представлялось ей ея собственное будущее, она всетаки была бы довольна, если бы чувствовала, что ея присутствіе приноситъ ему дѣйствительное утѣшеніе. Но эти постоянныя горькія сѣтованья: „Ты не понимаешь! Ты не можешь понимать", — заставляли ее замыкаться въ себѣ, лишали ее всякой бодрости. Онъ былъ правъ: она не понимала его дѣлъ, она понимала только одно: онъ страдаетъ, а она ничѣмъ не можетъ помочь ему.

И онъ дѣйствительно страдалъ, страдалъ такъ, что всѣ остальныя чувства какъ бы замерли въ немъ. Съ ея пріѣздомъ въ немъ проснулась застывшая, было, жизнь, а между тѣмъ она не помогала ему жить. Дни его проходили въ механическомъ исполненіи обязанностей, ночи въ мучительной тоскѣ. Иногда ему хотѣлось, чтобы ударъ разразился ско-

рѣе, и все бы кончилось. Онъ оглядывался на свою прошлую жизнь и видѣлъ лишь призраки не исполненныхъ мечтаній, невылѣпленныхъ статуй, не испытанныхъ наслажденій. Въ будущемъ его ждала непріятная работа, утомленіе, старыя, тяжелыя обязанности, старыя тяжелыя цѣпи; а въ концѣ,— темное, безполезное мученичество за вѣру, которой онъ не имѣлъ, и—мрачное неизвѣстное.

Теперь, когда опасность была близка, имъ овладѣла страстное желаніе жить, пока можно. Чего ему стоило отказаться отъ предложенія дѣвушки стать теперь же его женой, она не узнаетъ до конца своей жизни. Она не въ состояніи понимать такого рода вещи; страстнымъ порывамъ не было мѣста въ ея размѣренной жизни. Было бы преступленіемъ заставить ее раздѣлять его эгоистичное стремленіе къ наслажденію. Все, что она дѣлала ради него, было и безъ того слишкомъ тяжело для нея, какъ же требовать еще новой жертвы.

Онъ не дѣлалъ себѣ иллюзій относительно ея чувствъ. Онъ зналъ, что она любитъ его настолько, чтобы отдаться ему во всякую минуту и при всякихъ условіяхъ, когда онъ только попроситъ у нея; но онъ зналъ точно также, что она сдѣлаетъ это по тому же побужденію, по которому отдастъ свою правую руку или свою жизнь, чтобы доставить ему удовольствіе. Онъ внушилъ ей самую нѣжную преданность, но не разбудилъ въ ней женщины. Хотя ей уже было двадцать седьмой годъ, и она нѣсколько лѣтъ жила одна, не закрывая глазъ на человѣческую жизнь съ ея трагедіями и страстями, но она вполнѣ сохранила дѣвственную чистоту ребенка; а онъ, такъ долго боровшійся и отказывавшій себѣ въ наслажденіи, будетъ продолжать до конца бороться, но не нарушитъ ея покоя. Нечестно было бы взять у нея такъ много, если ему суждено умереть, а ей оплакивать его. Но по временамъ самая мысль, что онъ, можетъ быть, скоро умретъ, наводила на него ужасъ пустоты, безумное желаніе овладѣть наслажденіемъ, упиться имъ тайкомъ и, прежде чѣмъ настанетъ тьма, пожить пылкою жизнью, хотя бы одинъ часъ.

Но, повидимому, эта тьма не должна была настать такъ скоро. Съ самаго августа онъ ждалъ событій съ нервнымъ напряженіемъ, онъ говорилъ себѣ, что, какъ онъ жилъ всю жизнь, не теряя самоуваженія, такъ надѣется и уйти изъ нея прилично, не дрогнувъ, когда настанетъ его время, что только это одно и важно въ данное время. Но вотъ насталъ январь, а онъ все еще ждалъ.

— Должно быть, бѣда миновала,—сказалъ онъ однажды

Оливіи, которая сидѣла въ его комнатѣ, пока онъ работалъ,— если бы чему случиться, такъ случилось бы раньше.

Она слабо улыбнулась на его успокоительныя слова. Долгіе мѣсяцы томительнаго страха подавили ея жизнерадостность.

— Если ты въ этомъ увѣренъ,—сказала она, —я съѣзжу домой, повидать своихъ; они безпокоятся и соскучились обо мнѣ. Но увѣренъ ли ты?

— Какъ я могу быть увѣреннымъ? Ты видишь, до сихъ поръ ничего не случилось. Конечно, тебѣ надо съѣздить домой, милая, это жестоко такъ мучить твоихъ родныхъ.

Она покачала головой.

— Я тебѣ говорила, что не уѣду, пока есть какая-нибудь опасность. Можетъ быть, ты самъ или кто-нибудь изъ твоихъ друзей можетъ узнать, какъ стоитъ дѣло.

— Можетъ быть, Кароль узнаетъ. Онъ часто получаетъ свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ, какія намъ не удается достать; у него всюду есть друзья, знакомые.

— А ты какъ думаешь, пріѣдетъ онъ на будущей недѣлѣ?

— Очень можетъ быть. Теперь, когда царь уѣхалъ изъ Петербурга, ему, вѣроятно, разрѣшатъ пріѣхать.

Владиміръ и самъ только что былъ высланъ на нѣсколько дней изъ города. Это случалось съ нимъ, такъ же, какъ съ другими подозрительными личностями, обыкновенно передъ крещенскимъ парадомъ и по случаю разныхъ торжественныхъ церемоній, на которыхъ присутствовалъ императоръ. Онъ спокойно прожилъ нѣсколько дней на берегу Ладожскаго озера и вернулся въ Петербургъ, когда праздники кончились.

— Я во всякомъ случаѣ подожду, пока онъ пріѣдетъ,— сказала она уныло и отвернулась къ окну. Сердце ея сильно билось.

— Володя,—проговорила она, наконецъ, — если я уѣду домой...

Онъ сидѣлъ за столомъ и вырисовывалъ зубчатое колесо на рисункѣ машины.

— Ну?—спросилъ онъ.

Она повернула голову и смотрѣла, какъ онъ работаетъ. Хотя вообще она не отличалась чувствительностью, но видъ этихъ изящныхъ, красивыхъ рукъ, которыя не нашли себѣ иного примѣненія, какъ изображать разные насосики, ножики и рычажки за двадцать рублей въ недѣлю, вызвалъ слезы на ея глаза. Онъ этого не видѣлъ; онъ занимался своимъ рисункомъ.

— Ну?—снова повторилъ онъ.

Она все еще колебалась; ей казалось такъ страшно произнести эти слова. Когда она, наконецъ, выговорила ихъ, голосъ ея звучалъ спокойно.

— Принесетъ ли тебѣ какую-нибудь дѣйствительную пользу мое возвращеніе сюда?

Рука, державшая карандашъ, остановилась; онъ сидѣлъ неподвижно, какъ статуя, и не проронилъ ни звука.

— Володя,—снова начала она съ отчаяньемъ.

— Никто не можетъ рѣшить этого, кромѣ тебя самой,—проговорилъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ.—Я могу сказать одно: наши отношенія сложились такъ, что ты всегда давала, а я только принималъ. Ясно, что не мнѣ быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Если ты чувствуешь, что сдѣлала ошибку...

Она вдругъ вспомнила, какъ говорила ему лѣтомъ, что онъ для нея—весь міръ. Теперь это было еще болѣе вѣрно, чѣмъ тогда, но теперь она не могла сказать этого. Вмѣсто того она спросила.

— Можетъ быть, напротивъ, *ты* сдѣлалъ ошибку?

Онъ молчалъ.

— Видишь ли,—мрачно прибавила она,—ты самъ такъ часто говорилъ мнѣ, что я не могу понять.

— Да, ты не можешь понять. И это большое счастіе для тебя.

Онъ всталъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты. Въ его лицѣ и движеніяхъ было что-то натянутое, что то, что испугало ее. Она схватила его руку, когда онъ проходилъ мимо нея.

— Ахъ, это ты не понимаешь!

Онъ какъ будто окаменѣлъ отъ ея прикосновенія.

— Очень возможно,—сказалъ онъ,—но, въ сущности, не все ли равно, кто изъ насъ не понимаетъ.

— Володя! почему ты не хочешь помочь мнѣ? Развѣ ты не видишь, что я всячески стараюсь поступать, какъ слѣдуетъ.

Онъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ и освободилъ отъ нея руку.

— Извѣстно, что ты всегда думаешь о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, моя дорогая; но не всегда о томъ, что можетъ вынести человѣкъ.

Онъ ушелъ въ свою спальню и заперъ за собою дверь.

Она почувствовала, что задыхается, точно послѣ скорой ходьбы, и безпомощно опустилась на стулъ у стола.

Кто-то вошелъ въ комнату неторопливыми тяжелыми шагами. „Навѣрно, дѣвушка принесла самоваръ“, подумала она и еще ниже опустила голову надъ неоконченнымъ рисункомъ.

Шаги остановились сзади стула, и она посмотрѣла, кто это. Кароль, высокій, спокойный Кароль стоялъ подлѣ нея и смотрѣлъ на нее сверху внизъ.

— Ахъ,—вскричала она,—вы?

Глаза, которые умѣли все подмѣчать,—скользнули по ея лицу и увидѣли, какъ она похудѣла, какъ покраснѣли ея вѣки отъ безсонныхъ ночей, какъ измѣнилось очертаніе ея губъ.

— Да, я боялся, что вамъ будетъ тяжело,—сказалъ онъ, и при звукѣ его медленной тягучей рѣчи она сразу почувствовала успокоеніе, сама не зная, почему.—Что, развѣ Володѣ хуже?

— Нѣтъ здоровье его не хуже. Дѣло не въ томъ.

Онъ ждалъ, терпѣливо наблюдая ее и стараясь угадать, прежде чѣмъ она скажетъ, что именно огорчаетъ ее. Она съ трудомъ перевела духъ.

— Просто ужасно, — проговорила она, -- жить съ нимъ и видѣть его въ такомъ положеніи. Это убиваетъ его, а я ничѣмъ рѣшительно не могу помочь. Я для него хуже, чѣмъ безполезна.

Она снова опустила голову надъ планомъ.

— Если бы я могла хоть что нибудь сдѣлать, чтобы помочь ему! Но я даже не могу понять его, я много разъ пробовала, и все ни къ чему.

— А не кажется ли вамъ,—сказалъ Кароль,—что было бы лучше признать это, какъ фактъ, и вовсе не стараться? Человѣкъ часто оказываетъ громадную пользу другимъ, вовсе не понимая всѣхъ этихъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ.

— Нѣтъ, я такъ не могу. Я только сдѣлала его еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Можетъ быть, онъ будетъ это меньше чувствовать теперь, когда вы пріѣхали: вы всегда все понимаете.

Онъ улыбнулся; и она въ первый разъ замѣтила, какое у него было суровое лицо, когда онъ не улыбается.

— Я-то? Ну да, конечно, вѣдь моя спеціальность—понимать. Къ тому же у меня было много практики.

Владиміръ вошелъ съ протянутой рукой и мужественно старался казаться веселымъ.

— Ага! Кароль; мы тебя ждали не раньше будущей недѣли.

— Мнѣ дали разрѣшеніе на эту недѣлю, и если бы я сталъ просить перемѣнить время, мнѣ, пожалуй, и совсѣмъ бы не дали. Ну, что новенькаго?

— Ничего особеннаго; обыкновенное ни то, ни се. А ты что то похудѣлъ, старичина. Заработался, должно быть?

Оливія не замѣтила этого раньше. Но теперь, обративъ

вниманіе на лицо Кароля, она нашла, что онъ самъ на себя не похожъ.

Онъ посидѣлъ съ ними нѣсколько минутъ и затѣмъ ушелъ, говоря, что у него масса „глупыхъ дѣлъ", и что онъ придетъ къ нимъ завтра на цѣлый день. Остановился онъ тамъ же, гдѣ прежде. Когда дверь за нимъ закрылась, влюбленные съ минуту простояли молча.

— Оливія,—торопливо заговорилъ Владиміръ, не глядя на нее.—Прости меня, что я былъ такъ не ласковъ тобой сейчасъ. Но ты должна сама рѣшить, что тебѣ дѣлать. Я знаю, что наши отношенія... очень тяжелы для тебя...

Она обернулась къ нему и прижалась лицомъ къ его плечу.

— Мнѣ тяжело только одно: сознавать, что я, вмѣсто пользы, приношу тебѣ вредъ. Но тутъ весь вопросъ въ томъ, что правильно и что неправильно.

Онъ стоялъ, крѣпко прижимая ее къ себѣ.

— Пожалуйста, постарайся хоть немного объясниться,— сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Мы, кажется, бродимъ въ темнотѣ и мучаемъ другъ друга, сами не зная изъ за чего.

— Видишь ли, мнѣ все твое дѣло представляется неправильнымъ, съ начала до конца. Я не могу повѣрить, чтобы когда нибудь было полезно на насиліе отвѣчать насиліемъ. Если правительство поступаетъ грубо и безчеловѣчно, тѣмъ болѣе слѣдуетъ вамъ руководстоваться въ вашихъ поступкахъ чѣмъ нибудь инымъ, а не раздраженіемъ. Мнѣ кажется, у васъ все идетъ заколдованнымъ кругомъ: они причинили вамъ громадное зло, вы стараетесь отомстить имъ; они бьютъ васъ, вы въ отвѣтъ бьете ихъ. А какимъ же образомъ можетъ это принести пользу народу?

— Тутъ вопросъ вовсе не въ мести, а въ вѣрности долгу.

— Лучше сказать, въ вѣрности вашей партіи; а свѣтъ вовсе не становится лучше оттого, что вы такъ горячо стоите за свою партію. Я не могу...

Ея губы задрожали.

— Я не думаю, что мы поступимъ правильно, если станемъ мужемъ и женой, когда мы смотримъ столь различно на такое важное дѣло. Я тебя люблю очень сильно, и все таки буду тебѣ помѣхой, разъ я не могу вѣрить въ твое дѣло.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ голову.

— Не говори, что ты не можешь вѣрить, моя дорогая, ты только не можешь понять... Что вы сказали, мама? Меня кто-то спрашиваетъ?

Горничная стучала въ дверь. Онъ вышелъ въ коридоръ и черезъ минуту вернулся встревоженный.

— Мнѣ сейчасъ надо выйти по дѣлу. Я зайду къ тебѣ, когда вернусь.

— Ты надолго уходишь?

— Надѣюсь нѣтъ, но меня могутъ задержать.

— Какъ бы ты не простудился. Эта сырая погода самая вредная.

— Она скоро перемѣнится, къ ночи, навѣрно, будетъ морозъ. Прощай, дорогая.

Она подала ему руку, но онъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ крѣпко, горячо и быстро вышелъ.

Она пошла къ себѣ на квартиру подъ мокрымъ снѣгомъ, взяла русскую граматику, словарь, книгу, которую уже перевела до половины, и занималась цѣлыхъ три часа. Тутъ она замѣтила, что въ комнатѣ стало холодно, и что на ея окнахъ появились морозные узоры. Она ждала Владиміра до вечера. Почти каждый день приходилось ей такимъ образомъ ждать и безпокоиться, и обыкновенно она ждала довольно терпѣливо, но, когда пробило восемь, а его все еще не было, она пошла къ нему на квартиру, чтобы узнать, не извѣстно ли тамъ чего нибудь.

Тротуары, которые за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ были покрыты слякотью, теперь подмерзли, были скользки и гладки, какъ стекла. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера-востока, и температура быстро падала.

Владиміръ еще не вернулся; она приготовила все, что могло понадобиться въ случаѣ, если онъ придетъ перезябшій, и усѣлась ожидать его. Въ половинѣ десятаго послышались его шаги на лѣстницѣ, и онъ вошелъ въ комнату страшно блѣдный, задыхаясь; руки у него были холодныя, какъ у мертвеца, борода и все платье обледенѣли.

— Ахъ, слава Богу! — проговорилъ онъ, когда она выбѣжала къ нему на встрѣчу.

Онъ былъ такъ утомленъ, что не могъ самъ ничего дѣлать, и пассивно подчинился ея ухаживанью. Ей казалось сначала, что она совсѣмъ не въ состояніи согрѣть его. Въ теченіе цѣлаго часа она была настолько занята, что не могла спросить у него, что случилось, а онъ на столько слабъ, что не могъ говорить.

— Ну, а теперь,—сказала она, усаживаясь около его постели,—разскажи мнѣ, не случилось ли чего нибудь дурного?

— Теперь, кажется, все уладилось; но нѣкоторые изъ нашихъ были очень встревожены. Они думали, что можетъ выйти худо, и въ торопяхъ послали за мной. Мнѣ надобно было сходить въ одинъ домъ, и тутъ я замѣтилъ, что за

мной слѣдитъ шпіонъ. Я больше часа потратилъ на то, чтобы избавиться отъ него.

— Какъ же вы отъ нихъ избавляетесь?

— Загоняемъ ихъ до изнеможенія. Ходимъ изъ одной улицы въ другую то впередъ, то назадъ, сдваиваемъ слѣдъ, знаешь, какъ зайцы, а то завернемъ въ проходной дворъ да и выйдемъ на другую улицу. Что дѣлать? вѣдь нельзя же зайти къ кому нибудь на квартиру и привести за собой шпіона.

— Это можетъ надѣлать непріятностей тому, къ кому приведешь?

— Ну, конечно. Я долго не могъ отдѣлаться отъ этого шпіона. Мы ходили до тѣхъ поръ, пока не вымокли до нитки. А тутъ погода вдругъ перемѣнилась.

— Но ты всетаки избавился отъ него въ концѣ концовъ?

— О да; и сдѣлалъ все, что нужно было. Теперь, кажется, никому не грозитъ опасность.

— Ну, такъ спи спокойно. Я буду сидѣть въ комнатѣ рядомъ, на случай, если тебѣ что-нибудь понадобится.

— Нѣтъ, милая, иди домой и ложись. Какая ты трусиха! Со мной же ничего не случилось, я только озябъ и усталъ.

Онъ не хуже ея зналъ, какъ опасно человѣку съ его здоровьемъ прозябнуть такъ сильно. Но такъ какъ онъ относился къ этому легко, то она поддержала его и сказала весело:

— Ну, да, я и сама вижу, что ничего, и всетаки я лучше останусь, чтобы быть совсѣмъ спокойной. Я, правда, трусиха да ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь, такая родилась.

Она не сказала ему ни слова больше, но послала записочку къ Каролю, прося его придти какъ можно скорѣе. Посланный вернулся и объявилъ, что его нѣтъ дома, и что онъ вернется очень поздно. Она сидѣла въ комнатѣ рядомъ съ его спальной и время отъ времени подходила къ дверямъ послушать, хорошо ли онъ дышитъ. Въ первомъ часу онъ позвалъ ее сдавленнымъ голосомъ, и она поспѣшила къ нему. Онъ сидѣлъ на кровати, съ блестящими глазами, съ горящими щеками.

— Мнѣ очень непріятно... что я тебя безпокою... но я... мнѣ что то очень плохо...

Еще черезъ часъ онъ бредилъ, и температура была страшно высокая. Въ то время, когда она всячески старалась успокоить его, раздался звонокъ у входный двери; она вышла въ коридоръ и встрѣтила Кароля. Онъ былъ весь въ снѣгу, начиная съ верхушки мѣховой шапки до подошвъ галошъ, и казался сердитымъ, мохнатымъ полярнымъ медвѣдемъ.

— Что, опять плевритъ?—спросилъ онъ, снимая шубу и стряхивая снѣгъ съ бороды.

— Кажется, хуже того. Я боюсь, что это воспаленіе легкихъ.

Онъ послѣдовалъ за ней въ комнату больного. Когда они вышли оттуда, онъ, не колеблясь, сказалъ ей всю правду, глядя ей прямо въ лицо.

— Да, воспаленіе обоихъ легкихъ, и очень сильное.

Она была блѣдна, какъ ея воротничекъ, но совершенно тверда.

— Вы считаете, что нѣтъ никакой надежды?

— Есть, но мало. При другой сидѣлкѣ я сказалъ бы: почти нѣтъ. Вы знаете, что въ такихъ случаяхъ хорошій исходъ зависитъ отъ сидѣлки столько же, какъ отъ доктора. Если кто нибудь можетъ спасти его, то развѣ вы однѣ. Во всякимъ случаѣ, попробуйте.

VIII.

— Мнѣ кажется,—проговорилъ Кароль, выходя изъ комнаты больного,—можно, наконецъ, сказать, что непосредственная опасность миновала.

Оливія вздрогнула и подняла голову. Она до того утомилась отъ постояннаго напряженія и нравственныхъ и физическихъ силъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, что не могла спокойно просидѣть на мѣстѣ пяти минутъ, не впадая въ дремоту. При началѣ болѣзни она упросила Кароля не приглашать вторую сидѣлку.

— Вдругъ вамъ попадется какая-нибудь неаккуратная женщина, которая что-нибудь позабудетъ, а вѣдь всякое упущеніе можетъ быть смертельно. Лучше ужъ мы все сами будемъ дѣлать. Я сильна, гораздо сильнѣе, чѣмъ вы думаете.

Онъ согласился; и она, дѣйствительно, замѣчательно хорошо ухаживала за больнымъ; болѣе заботливую и внимательную сидѣлку невозможно было себѣ представить. Но имъ обоимъ пришлось очень тяжело въ эти двѣ недѣли, они за все время спали лишь изрѣдка, урывками, даже Кароль, необыкновенно здоровый мужчина, начиналъ чувствовать головокруженіе, а молодая дѣвушка стала, по его словамъ, похожа на какое то мрачное привидѣніе. Онъ стоялъ и серьезно глядѣлъ на блѣдное лицо, которое она поднимала къ нему.

— Да, вы его спасли; я, по правдѣ сказать, и не на-

дѣялся на это. На этотъ разъ онъ останется живъ, если не случится чего-нибудь новаго.

Она продолжала смотрѣть на него съ полуоткрытыми губами и съ самымъ безпомощнымъ видомъ; ему казалось, что она сейчасъ или расплачется, или упадетъ безъ чувствъ отъ усталости. Но она не сдѣлала ни того, ни другого. Она опустила голову на столъ и въ ту же секунду заснула.

Въ концѣ слѣдующей недѣли больной могъ посидѣть въ кровати нѣсколько минутъ. Это было большимъ праздникомъ для нихъ, хотя онъ скоро принужденъ былъ лечь и говорилъ очень слабымъ, прерывающимся голосомъ. Онъ лежалъ молча, держа руку Оливіи въ своихъ исхудалыхъ пальцахъ и устремивъ блестящіе, впалые глаза на ея лицо.

Это былъ самый счастливый день въ ея жизни. Хотя она еще не вполнѣ отдохнула, но утомленіе не удручало ее такъ сильно, какъ въ первые дни, и она поняла, наконецъ, что жизнь любимаго человѣка спасена. Но этого мало. Знать, что онъ не страдаетъ физически, было пріятно; еще пріятнѣе было видѣть, что онъ нравственно спокоенъ; но всего пріятнѣе было ей сознавать перемѣну въ себѣ самой. Пока опасность продолжалась, она была слишкомъ занята, а когда опасность миновала, слишкомъ утомлена, чтобы заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ мелкихъ, непосредственныхъ потребностей; теперь ей казалось, что она проснулась, что мучившій ее ночной кошмаръ исчезъ и смѣнился дневнымъ свѣтомъ. Ей, по ея характеру, ничто не было такъ страшно, какъ неизвѣстность. У нея было достаточно, даже съ избыткомъ достаточно мужества для перенесенія всякихъ дѣйствительныхъ непріятностей; но ей было нестерпимо, когда она не находила отвѣта на свои вопросы. Ея путь могъ быть тяжелъ и каменистъ, но если онъ былъ ясно видѣнъ, она вступала на него бодрымъ шагомъ; пустыня безъ всякой опредѣленной дороги казалась ей ужаснѣе всего на свѣтѣ. Жить съ любимымъ человѣкомъ и не понимать его внутренней жизни, не смотрѣть на вещи съ его точки зрѣнія—это было выше ея силъ. Теперь, послѣ того, какъ ей грозила опасность лишиться его, это стало казаться ей сравнительно мелкою непріятностью: она будетъ терпѣливо ждать, пока научится понимать его, а теперь она чувствуетъ себя счастливой, уже потому, что онъ возвращенъ ей.

Черезъ два дня силы его настолько увеличились, что Кароль, съ веселымъ блескомъ въ усталыхъ глазахъ, вошелъ въ кухню, гдѣ Оливія приготовляла кушанье для больного.

— Ну, Володя выздоравливаетъ, это несомнѣнно; онъ сейчасъ разбранилъ меня, когда я хотѣлъ измѣрить ему температуру.

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Это всегда хорошій знакъ. Отецъ увѣряетъ, будто онъ предвидѣлъ, что я сдѣлаюсь сидѣлкой, когда я была еще совсѣмъ маленькой, и вотъ почему. У моей младшей сестры былъ сильный крупъ, а я выбѣжала на дорогу встрѣтить его и кричала ему, радостно махая шляпой: папа, папа! она капризничаетъ!

Оливія засмѣялась, потомъ вдругъ остановилась и проговорила со вздохомъ:

— Мой бѣдный папа!

— Я думаю, ваши родители очень любили васъ, когда вы были ребенкомъ?—спросилъ Кароль, устремивъ глаза на огонь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ:

— Любили меня? папа и мама? Господи, да они готовы были ради меня дать изрѣзать себя въ куски.

Она молча глядѣла на него съ минуту и затѣмъ спросила мягкимъ голосомъ:

— А развѣ... развѣ ваши родители не любили васъ?

— Они сдѣлали для меня одно, что могли: оставили мнѣ память о себѣ. Отецъ былъ убитъ, когда я былъ еще крошкой, а мать умерла въ тюрьмѣ. Я помню, какъ пришло извѣстіе о ея смерти: дѣдушка заставилъ меня стать на колѣни передъ распятіемъ и обѣщать...

Но вмѣсто того, чтобы разсказать ей, что онъ обѣщалъ, Кароль замѣтилъ небрежно:

— Должно быть, очень пріятно имѣть родителей, когда они порядочные люди, —и вернулся въ комнату больного.

Когда она пришла туда же съ готовымъ кушаньемъ, сынъ дворника, маленькій Костя, любимецъ Владиміра, сидѣлъ на краю кровати, весело болталъ и смѣялся. Онъ цѣлыхъ три недѣли все добивался повидать своего друга, котораго, несмотря на ворчанье матери, называлъ не Владиміромъ Ивановичемъ, а просто Володей.

— Володя подаритъ мнѣ завтра коня, завтра вѣдь масляная; а ты его купишь, докторъ, онъ такъ сказалъ, вѣдь правда, ты сказалъ, Володя? Чернаго коня съ бѣлыми ногами.

— Хорошо, я куплю; а теперь иди домой! Володя усталъ.

— Прощай, Костя!—крикнулъ Владиміръ, когда Оливія уводила ребенка изъ комнаты.

— Прощай, Володя, — пропищалъ въ отвѣтъ дѣтскій голосокъ.

— У меня сегодня ужасно много дѣла,—сказалъ Кароль, когда Оливія вернулась.—Я буду ночевать у себя на квартирѣ и приду къ вамъ утромъ. Не сидите всю ночь. Володѣ

теперь совсѣмъ хорошо, только бы онъ не простудился. Велите протопить комнату; судя по метеорологическимъ бюллетенямъ, сегодня ночью опять будетъ мятель. Да, постойте, я хочу нѣсколько измѣнить листокъ со своими предписаніями. Въ 12 часовъ ночи и въ два часа...

— Оставь ты это, Кароль!—съ раздраженіемъ сказалъ Владиміръ.—Ты, точно старая баба, суетишься, самъ не знаешь, чего.

Слово „суетишься" въ примѣненіи къ Каролю заставило Оливію опять засмѣяться. Сегодня она готова была всему смѣяться.

— Нечего тебѣ смѣяться,—сказалъ Владиміръ,—довела себя до того, что стала кожа да кости. Брось листокъ съ его предписаніями и всю эту ерунду сюда на столъ и иди, ложись въ постель, какъ слѣдуетъ разумной женщинѣ. Если мнѣ что-нибудь понадобится ночью, я и самъ достану.

— И опять простудишься? И опять мнѣ придется двѣ недѣли возиться съ тобой? Нѣтъ, благодарю, голубчикъ, съ меня и одного раза довольно.

— Да и самъ ты не отдѣлаешься такъ легко,—замѣтилъ Кароль. — Если ты теперь простудишься, тебѣ будетъ совсѣмъ плохо. Лежи спокойно и не раскрывайся. До свиданья, до завтра.

Вечеромъ термометръ сильно упалъ, и небо покрылось тучами, предвѣщавшими снѣгъ. Оливія рано уложила своего больного, сама прилегла на кушеткѣ въ гостиной и крѣпко проспала почти до двѣнадцати часовъ. Она развила въ себѣ способность, необходимую для всякой порядочной сидѣлки, просыпаться въ тотъ часъ, какой сама себѣ назначила. Первое, что она увидѣла, открывъ глаза, была масса снѣжинокъ, быстро пролетавшихъ мимо окна: мятель началась. Она вошла въ комнату больного въ ту минуту, когда на часахъ было двѣнадцать, и увидѣла, что Владиміръ не спитъ, а лежитъ съ широко открытыми глазами, съ выраженіемъ страданія на лицѣ. Она исполнила все, что слѣдовало по предписанію доктора, и собиралась выйти, но онъ схватилъ ея руку и крѣпко сжалъ.

— Оливія...

— Что тебѣ, мой дорогой?

Она сѣла подлѣ него.

— Помнишь, что ты говорила въ тотъ день, когда я заболѣлъ?

— Помню.

— Это было совершенно вѣрно. Съ моей стороны страшно эгоистично удерживать тебя здѣсь; я все время поступалъ

съ тобой, какъ эгоистъ. Я не имѣлъ права застявлять тебя вести ту жизнь, какую я веду.

— Но вѣдь ты же не заставлялъ меня, я сама этого захотѣла.

— Ну, хорошо, хорошо, пусть ты сама. Во всякомъ случаѣ, ты здѣсь, ты губишь свои молодые годы на жизнь съ никуда негодной развалиной, которой остается только умереть, какъ жалкой крысѣ въ ея норѣ.

— Послушай, мой милый, пожалуйста, не забывай, что очень невѣжливо бранить при мнѣ моего жениха. И потомъ я просила бы тебя не разговаривать ночью, когда у тебя жаръ.

Онъ отбросилъ ея руку нетерпѣливымъ движеніемъ.

— Ахъ, ты обращаешься со мной, какъ съ ребенкомъ! Неужели ты думаешь, я не вижу, какова твоя любовь: это просто какое-то величавое состраданіе. Ты подходишь ко мнѣ, какъ ангелъ милосердія, и держишь меня за руки, чтобы я забылъ, что онѣ могли...

Онъ остановился и закусилъ губу; молодая дѣвушка закрыла глаза, вспоминая, какъ во время бреда пальцы его безостановочно шевелились на одѣялѣ, формуя воображаемую глину.

— Володя,—заговорила она серьезно,— мнѣ не хотѣлось заводить объ этомъ разговоръ, но разъ ты этого требуешь, я скажу тебѣ все. Съ тѣхъ поръ, какъ ты заболѣлъ, мнѣ все представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, я, конечно, многаго не понимаю, я могу быть довольна, я могу жить счастливо, и не понимая. Мнѣ все равно, повѣнчаемся мы, или нѣтъ; по моему это мелочь въ сравненіи съ другимъ, болѣе важнымъ. Видишь-ли: я, можно сказать, на своихъ рукахъ отнесла тебя отъ самаго края могилы; ты теперь мой, все равно какъ если бы я была твоею матерью. Мнѣ ничего не нужно, только бы знать, что ты живъ, что никакая опасность не грозитъ тебѣ. Ну, вотъ, а теперь спи! Что съ тобой, милый, опять заболѣло?

Онъ рѣзко расхохотался.

— Я и не подозрѣвалъ, что ты умѣешь прикрывать сладкими рѣчами непріятныя вещи. Опять идетъ у насъ та же исторія: ты даешь и даешь, а я ничего не могу дать тебѣ взамѣнъ. Даже Король видитъ это, хоть не хочетъ сознаться. Онъ сказалъ мнѣ сегодня, что у тебя сильно развитъ „материнскій инстинктъ“, и что я не долженъ мѣшать тебѣ удовлетворять его... Но Кароль всегда можетъ... переспорить меня... ему, небось, легко разсуждать...

Онъ отвернулъ голову съ короткимъ, нетерпѣливымъ вздохомъ; а она, откинувшись на спинку стула, смотрѣла

пристально въ окно. За темнымъ квадратомъ его рамы, летѣли и кружились безконечныя вереницы снѣжинокъ, подгоняемыхъ безжалостнымъ вѣтромъ. Сердце ея упало при звукѣ нервнаго, тяжелаго дыханія Владиміра. Она взглянула на него; онъ лежалъ съ закрытыми глазами; при всякомъ вздохѣ лобъ его морщился, и она почувствовала, какъ спазмы сжимаютъ ея собственную грудь.

Раздался звонокъ въ дверяхъ.

— Телеграмма!—проговорилъ мужской голосъ—Срочная!

— Что-нибудь случилось съ папой!—мелькнуло въ головѣ дѣвушки. Она быстро вскочила.

— Сейчасъ...

Владиміръ схватилъ ее за руку, и сердце ея замерло.

— Это не телеграмма,—сказалъ онъ.

Когда туманъ, на секунду окутавшій ея сознаніе, разсѣялся, она обернулась и посмотрѣла на него. Онъ протягивалъ руки, чтобы обнять ее, лицо его просвѣтлѣло.

— Голубка моя, довольно мы ссорились въ нашу короткую жизнь. Поцѣлуй меня и отвори; это смерть стучитъ въ дверь.

— Телеграмма!—повторилъ голосъ; но они ничего не слышали. Она нагнулась къ нему, и они поцѣловали другъ друга въ губы. Послѣ этого она открыла дверь. Нѣсколько фигуръ въ синихъ мундирахъ ворвались въ комнату; что то разбилось и исчезло; что-то золотое разлетѣлось въ прахъ у ея ногъ.

Она стояла около кровати, совершенно спокойно, безучастно глядя на опущенныя лица солдатъ, безсознательно слыша вѣжливое обращеніе офицера: „Вы, говорятъ, серьезно больны... намъ приходится исполнить тяжелую обязанность...“ Все это проходило мимо нея, не затрагивая ее... Все казалось ей чѣмъ то скучнымъ и пошлымъ, какою-то обыденною непріятностью, которую она знала съ поконъ вѣка, которую она несомнѣнно уже переживала тысячу разъ.

Вотъ теперь заговорилъ Владиміръ. Въ его голосѣ не слышалось негодованія, а только полное равнодушіе: «Какъ они ему, должно быть, надоѣли!»—подумала она и удивлялась, для чего онъ трудится говорить.

— Какъ вамъ угодно, господа. Конечно, это ваше ремесло. Я долженъ одѣться?

Офицеръ опустилъ глаза. Онъ взглянулъ въ окно на кружившіяся снѣжинки, затѣмъ на лицо Оливіи и обратился къ товарищу прокурора, который стоялъ рядомъ съ нимъ, черная, сухая фигура съ тонкими губами и бѣгающими глазами.

— Какъ непріятно,—вполголоса проговорилъ онъ,—въ такую ночь.

— Да, — отвѣчалъ тотъ сладкимъ голосомъ, — сильный морозъ.

Онъ съ улыбкой обратился къ Владиміру:

— Въ этой комнатѣ очень жарко; можетъ быть, на воздухѣ вамъ будетъ лучше. Вы говорите, болѣзнь легкихъ? Очень непріятная вещь; но нынче всѣ доктора прописываютъ при этомъ пребываніе на открытомъ воздухѣ.

— Я думаю, намъ не стоитъ разсуждать объ этомъ, — отвѣчалъ Владиміръ прежнимъ тономъ, — разъ у васъ есть предписаніе, которое вы должны исполнить.

Тутъ въ первый разъ заговорила Оливія; она спросила спокойно, точно желая просто получить нѣкоторыя свѣдѣнія.

— Вы имѣете предписаніе исполнить смертный приговоръ?

Товарищъ прокурора устремилъ на нее свои голубые глаза. Скрытая усмѣшка сверкнула подъ его полузакрытыми вѣками и исчезла.

— А вы кто такая?—спросилъ онъ.

— Оливія!—закричалъ больной такимъ повелительнымъ и умоляющимъ голосомъ, что она въ ужасѣ бросилась къ нему. Онъ схватилъ ея руку своею горячею рукою.

— Дорогая, это безполезно; всякій протестъ безполезенъ! Ты не понимаешь... мнѣ невыносимо видѣть тебя рядомъ съ этой гадиной и не имѣть силъ встать и задушить ее. Онъ оскорбитъ тебя, онъ насмѣется надъ тобой. Вѣдь это Мадейскій.

Она молча смотрѣла на него. Ей вспомнилось, что Кароль говорилъ объ одномъ полякѣ Мадейскомъ, который сдѣлалъ хорошую карьеру, поступивъ на службу русскому правительству; но она еще слишкомъ мало знала тотъ новый міръ, въ который вступила, и не понимала, что польскій ренегатъ хуже всякаго другого русскаго чиновника.

Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ ней и обратился къ Владиміру съ улыбкой и вопросительно поднятыми бровями.

— Вы что-то сказали?

Лицо Владиміра снова застыло.

— Я сказалъ, что всѣ мои ключи висятъ на гвоздѣ около камина. Эта дѣвушка, миссъ Латамъ, англійская подданная, имѣющая дипломъ фельдшерицы. Она настолько добра, что согласилась ходить за мной, пока я боленъ. Но мы не будемъ задерживать васъ, господа.

Голосъ его становился слабымъ и прерывистымъ. Оливія сѣла подлѣ его постели и заявила авторитетнымъ тономъ:

— Больной не долженъ теперь разговаривать.

Мадейскій пристально посмотрѣлъ на нее, затѣмъ поклонился, улыбнулся и отвернулся.

Обыскъ квартиры занялъ около двухъ часовъ; все это время Оливія сидѣла, держа за руку Владиміра. Когда съ нимъ дѣлался припадокъ кашля, она приподнимала его своими руками и прислоняла его голову къ своей груди; ни одинъ изъ нихъ не говорилъ ни слова. Ихъ не стѣсняло присутствіе постороннихъ, но у нихъ не было охоты говорить. Вокругъ нихъ раздавались шаги и голоса, двигались фигуры людей, снѣгъ кружился за окномъ, часы били и разъ, и два; они все молчали, и руки ихъ крѣпко сжимали одна другую.

За нѣсколько минутъ до двухъ часовъ она встала, зажгла спиртовую лампу и начала подогрѣвать отмѣренное количество мясного сока. Она все дѣлала аккуратно, какъ всегда. Мадейскій подошелъ къ ней.

— Что это у васъ?

Она показала ему листокъ съ предписаніями доктора. Когда она вылила жидкость въ чашку, онъ взялъ эту чашку изъ ея рукъ, зачерпнулъ немножко на ложку, понюхалъ, поднесъ къ губамъ и затѣмъ возвратилъ ей чашку.

— Да, это можно ему дать.

Она отложила ложку, поднесла подносъ съ чашкой больному и снова сѣла у его кровати. Въ глазахъ ея появилась тревога. Какъ это она не подумала о такой простой вещи? Нѣсколько капель синильной кислоты,—ихъ легко было бы влить незамѣтно,—и это спасло бы его отъ холода. Но въ домѣ не было никакого яда; такія мысли всегда слишкомъ поздно приходятъ въ голову.

Въ третьемъ часу обыскъ былъ конченъ и, само собой разумѣется, не найдено ничего подозрительнаго. Составили протоколъ, прочли его громко, и понятые подписали его. Офицеръ посмотрѣлъ на Мадейскаго и съ недовольнымъ видомъ подошелъ къ кровати.

— Извозчикъ стоитъ у подъѣзда. Пусть барышня выйдетъ въ другую комнату, солдаты помогутъ вамъ одѣться.

Ничто не шевельнулось въ лицѣ Оливіи. Владиміръ нѣжно дотронулся да ея руки.

— Уйди, дорогая, все кончено.

Она вскочила съ внезапнымъ гнѣвомъ.

— Лежи спокойно! Ты мой паціентъ, ты не можешь вставать безъ моего разрѣшенія.

Она стала въ дверяхъ, загораживая ихъ, обратилась лицомъ къ жандармамъ и проговорила тономъ, не допускавшимъ возраженій:

— Пошлите за докторомъ, который лѣчитъ больного. Въ его отсутствіе я отвѣчаю за жизнь паціента, я не могу отпустить его до прихода врача.

Мадейскій тихонько подошелъ и поглядѣлъ на нее своими непріятными глазами. Онъ до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такого рода женщинъ, и она заинтересовала его. Онъ сначала приблизился почти вплотную къ ней, но, увидя зловѣщіе огоньки въ ея глазахъ, отодвинулся назадъ. Всѣ присутствовавшіе молчали, они ждали чего-то, затаивъ дыханіе.

У нея нѣтъ ни ножа, ни склянки съ купоросомъ,—пустыя руки... На столѣ стоитъ спиртовая лампа, но далеко отъ нея, и она сама тщательно завернула свѣтильню... ничего, пустыя руки.

Глаза ея были устремлены на его шею, выступавшую изъ-за низкаго твердаго воротника. Но на лицѣ ея выразилось колебаніе, и губы Мадейскаго раздвинулись въ улыбку. Онъ обратился къ офицеру.

— Извините, пожалуйста, обыскъ не конченъ; мы забыли обыскать эту женщину.

Рѣзкій, нетерпѣливый крикъ Владиміра: „Она англійская подданная, это не законно!“ поразилъ ея слухъ, но не дошелъ до ея сознанія. Даже когда она увидѣла, что Мадейскій отвернулся, усмѣхаясь про себя, она только повторила машинально: „эту женщину“.

Что-то накинулось на нее, что-то угрожающее, черное, безформенное... Нѣтъ, это ничего; она жива, она не спитъ, это руки мужчинъ трогаютъ ее. На одной, на той, которая придерживала ея руки, былъ рубецъ отъ старой раны на волосатомъ пальцѣ.

Но что это? раздался громкій, страшный крикъ; привидѣніе въ бѣломъ, точно въ саванѣ, поднялось, приблизилось къ ней и вдругъ упало подлѣ нея. Всѣ мужчины разступились, и она одна стояла на колѣняхъ около безчувственнаго тѣла, лежавшаго на полу.

— О, онъ умеръ!—вскричала она.

Владиміръ пришелъ въ сознаніе черезъ нѣсколько минутъ; онъ оглядѣлся кругомъ и тяжело вздохнулъ. Оливія стояла подлѣ него и поддерживала рукою его голову. Она замѣтила, что онъ хочетъ говорить, наклонилась и приложила ухо къ его губамъ.

— Оставь... уйди... чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...

Она встала и молча отошла. Ей казалось, что она одно только можетъ сдѣлать для него, дать ему умереть спокойно. Одѣванье Владиміра шло медленно; онъ безпрестанно долженъ былъ останавливаться и отдыхать; два раза ему опять дѣлалось дурно. Когда онъ былъ одѣтъ, солдаты полусвели, полуснесли его съ лѣстницы, и онъ очутился въ хаосѣ кружащихся снѣжинокъ, блестѣвшихъ при свѣтѣ газоваго

фонаря. Карета стояла во дворѣ у подъѣзда, выдѣляясь смутной бѣлой массой; лошади заиндевѣли отъ мороза, и паръ отъ ихъ дыханья окружалъ ихъ сѣрымъ облакомъ.

При первомъ порывѣ вѣтра Владиміръ зашатался и схватился за металлическую ручку дверцы, чтобы удержаться. Рука у него была безъ перчатки, и онъ быстро отдернулъ ее, такъ какъ морозомъ обожгло кожу. Одинъ изъ жандармовъ, забывая и свой мундиръ, и присутствіе начальства, обхватилъ его рукой.

У него были на глазахъ слезы. Владиміръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ничего,—сказалъ онъ,—это не больно.

На подъѣздѣ стояла жена дворника, крестясь и громко читая молитву. Костя, соскочившій съ кровати и накинувшій на себя шубку, держался за юбку матери и плакалъ отъ страха.

— Анна Ивановна,—замѣтилъ Владиміръ дворничихѣ,—уведите Костю, онъ простудится.

Услыша свое имя, мальчикъ вырвался отъ матери и бросился на шею къ Владиміру.

— Володя, Володя, зачѣмъ они тебя увозятъ?

— Костя!—закричала мать.—Иди сюда, негодный мальчишка! иди сюда!

— Зачѣмъ ты съ ними ѣдешь?—настаивалъ тонкій жалобный голосокъ,—такъ холодно!

Мадейскій подошелъ къ каретѣ.

— Уберите мальчика!—приказалъ онъ жандармамъ.

Костя оглянулся, увидѣлъ около себя хитрое лицо со слащавой улыбкой и прижался къ Владиміру съ крикомъ ужаса:

— Это чортъ! Володя, онъ тебя броситъ въ прорубь.

Губы Владиміра дрогнули; онъ поднялъ руку и закрылъ лицо ребенка.

— Пошелъ прочь, чертенокъ!—закричалъ офицеръ и прибавилъ, обращаясь къ Мадейскому:—Сію минуту все будетъ кончено.

Владиміръ приподнялъ жавшуюся къ нему головку и поцѣловалъ ее.

— Полно, милый, перестань. Мнѣ не долго будетъ холодно! Ты знаешь, завтра масляница, всѣ сломаныя вещи надо выбрасывать вонъ. Ну иди, ложись въ постельку. Ты все это поймешь, когда выростешь.

Костя пересталъ отбиваться и кричать; онъ слушалъ съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами.

Пока мать уносила его, онъ повернулъ свое серьезное дѣтское личико, на которомъ застыли слезинки, и гля-

дѣлъ въ этотъ таинственный молчаливый полуночный міръ, гдѣ плачутъ большіе люди.

Оливія стояла подлѣ кареты съ открытой головой подъ бушевавшей мятелью, рѣсницы и брови ея заиндевѣли, бѣлые хлопья снѣга кружились около нея. Ея лицо окаменѣло, на немъ нельзя было прочесть ни мысли, ни чувства.

— Прощай.

Она отвѣтила ему точно во снѣ:

— Ты можешь быть доволенъ, я не забуду.

— Что такое?—спросилъ Мадейскій, приближая къ нимъ свое привѣтливое лицо.

Она повернула въ его сторону ничего не выражавшіе глаза. До ея сознанія доходилъ одинъ только голосъ, голосъ Владиміра; и на вопросъ товарища прокурора отвѣтилъ Владиміръ:

— Ничего, просто, что завтра масляница, что и „на нашей улицѣ будетъ праздникъ“.

— Все въ свое время,—любезно улыбаясь, проговорилъ Мадейскій.—А пока садитесь, пожалуйста.

Владиміръ сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ и двумя солдатами; дверца кареты захлопнулась; у больного опять начался припадокъ кашля, и раздирающій душу звукъ его слышался Оливіи сквозь топотъ лошадей и шумъ отъѣзжавшаго экипажа.

На слѣдующее утро въ девять часовъ Кароль быстрыми шагами шелъ по улицѣ. Одинъ изъ его пріятелей, имѣвшій связи въ департаментѣ полиціи, приходилъ къ нему поздно вечеромъ и предупредилъ его, что тамъ были разговоры о дѣлѣ Владиміра, что, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней ему грозитъ обыскъ, или какая-нибудь другая непріятность. „Сегодня ночью еще ничего не будетъ“— сказалъ онъ, и Кароль счелъ за лучшее не приходить до утра. — Если никто изъ друзей Владиміра не проговорился, — думалъ онъ, вѣроятно, все дѣло ограничится простымъ обыскомъ, а это пустяки для такого осторожнаго человѣка, который не оставляетъ у себя ни клочка бумаги. Но всетаки, чѣмъ раньше предупредить, тѣмъ лучше.

Когда Кароль подходилъ къ дому, дворникъ, скалывавшій ледъ съ тротуара, взглянулъ на него и рѣзко спросилъ:

— Вы къ кому?

Первый разъ слышалъ Кароль подобный вопросъ; онъ внимательно посмотрѣлъ во всѣ стороны. Во дворѣ слѣды экипажа исчезли подъ вновь напавшимъ снѣгомъ, но на подъѣздѣ виднѣлись отпечатки многихъ ногъ. Проходя мимо одного окна подвальнаго этажа, онъ увидѣлъ, что стора слегка приподнялась, изъ него выглянуло испуганное лицо

и быстро скрылось. Около лѣстницы лежала какая-то смятая бѣлая вещь. Это былъ носовой платокъ, и по мѣткѣ въ углу его онъ догадался, кому онъ принадлежалъ. Онъ поднялъ его, развернулъ и разглядѣлъ вышитыя буквы.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ неожиданнаго удара, Кароль безсознательно вернулся къ привычкамъ, привитымъ ему католическимъ воспитаніемъ: онъ машинально перекрестился и прошепталъ по-польски: „Iезусъ! Марія!"

Затѣмъ онъ быстро вернулся къ воротамъ и, какъ обыкновенно дѣлалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, остановился на минуту, чтобы обдумать положеніе дѣла. Подниматься наверхъ было совершенно безполезно, даже хуже, чѣмъ безполезно. Навѣрно, полиція устроила засаду въ квартирѣ, и его, какъ неблагонадежнаго, тотчасъ же арестуютъ. Такъ какъ онъ нисколько не причастенъ къ дѣлу Владиміра, то его выпустятъ черезъ нѣсколько недѣль, но онъ потеряетъ возможность помочь Оливіи. Прежде всего ему надобно узнать, гдѣ она.

Онъ хотѣлъ выйти на улицу, но стора на томъ же самомъ окнѣ снова приподнялась. На этотъ разъ чья-то рука сдѣлала ему знакъ, и дворничиха вышла къ нему съ заплаканными глазами.

— Баринъ, пожалуйста, зайдите къ намъ на минутку,— сказала она, отворяя дверь въ дворницкую. -Вы знаете, что у насъ случилось?

— Да, я догадался.

— Они въ квартирѣ. Они позволили мнѣ взять барышню къ себѣ въ комнату. Я не знаю, что мнѣ съ ней дѣлать. Она не шевелится, сидитъ, точно истуканъ.

Онъ нашелъ Оливію въ маленькой душной, темной комнатѣ; она, дѣйствительно, походила на каменное изваяніе, съ открытыми глазами. Онъ заговорилъ съ ней по-англійски, мягкимъ голосомъ называлъ ее по имени, но отвѣта не получилъ. Ея рѣсницы слегка дрогнули, затѣмъ лицо снова окаменѣло.

— Очнитесь!—сказалъ онъ и потрясъ ее за руку.—Очнитесь, вамъ надо дѣйствовать!

IX.

— Я подожду васъ здѣсь, — сказалъ Кароль, останавливаясь на мосту черезъ Фонтанку. — Войдите вонъ въ ту дверь, гдѣ стоитъ часовой.

Оливія взглянула на него. Прошло всего нѣсколько ча-

совъ послѣ ареста Владиміра, и взглядъ ея былъ все еще испуганный и растерянный.

— Развѣ вы не войдете вмѣстѣ со мной? Развѣ я должна идти одна?

Она задрожала, и руки Кароля, лежавшія въ карманахъ его мѣхового пальто, сжались въ кулаки. Ему было невыносимо тяжело посылать ее туда одну. Онъ очень хорошо зналъ, что ее ожидаетъ.

— Мнѣ лучше не ходить, — мягкимъ голосомъ проговорилъ онъ, — со мной вы лишитесь послѣдняго шанса успѣха. Видите ли, дѣло въ томъ, что меня тамъ знаютъ.

— А есть у меня хоть какой-нибудь шансъ?

— Вы иностранка, это послужитъ вамъ въ пользу. Свиданія съ нимъ вамъ не дадутъ, но, можетъ быть, скажутъ, гдѣ онъ, и позволятъ послать ему письмо. Просите, чтобы васъ принялъ самъ директоръ департамента, и по возможности не разговаривайте ни съ кѣмъ другимъ. Вы помните, что я вамъ говорилъ?

Она отвѣтила, точно ученица, повторяющая урокъ:

— Помню. Если кто-нибудь скажетъ мнѣ что-нибудь оскорбительное, не обращать на это вниманія.

Она оставила его на мосту и пошла по набережной къ дому, у дверей котораго виднѣлась надпись:

„Департаментъ государственной полиціи“.

— Могу я видѣть его превосходительство, г. директора?

Чиновникъ записалъ ея имя и то, по какому дѣлу она пришла, и указалъ ей на широкій корридоръ, по стѣнамъ котораго стояли скамьи.

— Подождите здѣсь; васъ вызовутъ, когда придетъ ваша очередь.

Она ждала больше часу. Двери нѣсколькихъ комнатъ открывались прямо въ корридоръ; черезъ него же былъ ходъ въ другія части зданія. Мимо нея безпрестанно проходили чиновники въ вицъ-мундирахъ одни спѣшно, другіе медленно, останавливаясь поговорить другъ съ другомъ, шурша бумагами, хлопая дверьми.

Просители ждали своей очереди, сидя на скамьяхъ, нѣкоторые шепотомъ переговаривались, другіе говорили что-то громкимъ, возбужденнымъ голосомъ, большинство молчало. Подлѣ Оливіи сидѣла бѣдно одѣтая женщина съ ребенкомъ, прижимавшимся къ ея колѣнямъ. Временами нѣсколько слезинокъ скатывалось по ея щекамъ, и она машинально вытирала ихъ рукавомъ своей поношенной черной кофты. Черезъ каждыя пять - десять минутъ открывалась дверь въ комнату директора на противоположномъ концѣ корридора, оттуда выходилъ одинъ изъ просителей и вызы-

вали другого. Большинство шло туда спѣшными шагами, робко, съ тревогой въ лицѣ; очень немногіе сохраняли видъ равнодушія.

Дверь около того мѣста, гдѣ сидѣла Оливія, пріоткрылась, и чей-то голосъ позвалъ по-французски: „Алексѣй, войди на минутку, покуримъ, я до смерти усталъ“.

Двое молодыхъ жандармскихъ офицеровъ вышли въ корридоръ. Одинъ, тотъ, кого называли Алексѣемъ, былъ толстякъ, неуклюжая фигура котораго мало гармонировала съ его нарядным синимъ мундиромъ и серебряными аксельбантами. Другой былъ строенъ и изященъ; но его красивое польское лицо казалось помятымъ, около губъ и глазъ появились предательскія морщинки, а темные волнистые волосы уже порѣдѣли. Офицеры стали прохаживаться по корридору, распространяя вокругъ себя запахъ духовъ, и вели свои разговоры, ни мало не заботясь о невольныхъ слушателяхъ.

— Ну, ужъ ваша Маша!—сказалъ красивый полякъ, закуривая папироску и бросая спичку къ ногамъ одного изъ просителей: — Всякая толстая рыночная торговка кажется вамъ красавицей!

Они прошли дальше, продолжая курить. Маленькій, сухенькій старичекъ съ серебряными погонами вышелъ изъ комнаты и пошелъ, прихрамывая, по корридору.

Офицеры отступили назадъ, давая ему дорогу. Красивый остановился прямо противъ Оливіи.

— Не дурненькая, только одѣваться не умѣетъ. У вашихъ московскихъ красавицъ никогда не бываетъ такой посадки головы. Генералъ, пожалуйте сюда, посмотрите на волосы этой дѣвушки.

Старичекъ приковылялъ къ нимъ, заглянулъ подъ шляпку Оливіи и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Она сидѣла все также спокойно, крѣпко стиснувъ руки.

— Хорошо, если бы они были болѣе рыжеватаго оттѣнка,—сказалъ онъ,—а глаза по моему всего красивѣе каріе. Сѣроглазыя женщины обыкновенно холодны, какъ рыбы; у нихъ совсѣмъ нѣтъ темперамента.

Разговоръ перешелъ на разныя подробности и на поясняющіе ихъ анекдоты. Къ счастью, Оливія плохо знала тотъ полу-французскій, полу-русскій жаргонъ, на которомъ они говорили, и не все понимала. Наконецъ, они отошли отъ нея.

— Васъ вызываютъ,—сказала женщина въ черной кофтѣ, взглянувъ на нее своими заплаканными глазами. - Идите скорѣе, а то пропустите очередь.

Она встала и только тогда почувствовала, какъ ей холодно, какъ одеревенѣли ея ноги. Она разняла руки, онѣ

были въ поту, и вытерла ихъ носовымъ платкомъ. Тяжело достался ей этотъ часъ ожиданія. Она послѣдовала за чиновникомъ въ пріемную комнату директора.

„Оливія Латамъ, англійская подданная. Пришла навести справки относительно Владиміра Ивановича Дамарова, арестованнаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи“...

Его превосходительство поднялъ руку, и монотонный голосъ умолкъ.

— Въ какихъ вы отношеніяхъ съ арестованнымъ?

— Я его невѣста, ваше превосходительство.

— Чего же вы желаете?

— Узнать, гдѣ онъ, и, если можно, получить съ нимъ свиданіе.

— Первое время послѣ ареста заключеннымъ свиданія не разрѣшаются. Недѣли черезъ четыре...

Директоръ обратился къ своему секретарю:

— Есть донесеніе объ этомъ дѣлѣ?

Секретарь передалъ ему бумагу. Онъ пробѣжалъ ее и сказалъ, не поднимая глазъ:

— Приходите завтра.

— Ваше превосходительство, онъ можетъ умереть до завтра! Если я не могу видѣть его, не могу ли я хоть написать ему? Если онъ увидитъ хоть строчку...

— Приходите завтра, — повторилъ директоръ и прибавилъ черезъ плечо:—Слѣдующее прошеніе.

Передъ глазами Оливіи забѣгали красные круги.

— Позвольте мнѣ послать письмо! Хоть скажите мнѣ, гдѣ онъ... Ваше превосходительство... поймите, онъ умираетъ!

Кто-то тронулъ ее за плечо.

— Его превосходительство заняты.

Она снова очутилась въ корридорѣ, и дверь пріемной комнаты закрылась за ней.

Она вышла на улицу. Часовой посмотрѣлъ на нее съ равнодушнымъ любопытствомъ; онъ видалъ много лицъ съ такимъ же выраженіемъ. Когда она шла по набережной своею ровной походкой, праздничная толпа, занимавшая тротуаръ, разступилась и дала ей дорогу. На мосту Кароль встрѣтилъ ее и взялъ подъ руку. Она не говорила ни слова и не поднимала глазъ.

Нѣсколько минутъ они шли молча; затѣмъ она повернула голову и посмотрѣла на него. Ничье сочувствіе не могло, конечно, смягчить ея горе. Но въ глазахъ Кароля, устремленныхъ на нее, было болѣе, чѣмъ сочувствіе, и напряженное выраженіе лица ея слегка смягчилось. Она осмотрѣ-

лась кругомъ, посмотрѣла на набережную, на рѣку, на прохожихъ и затѣмъ снова на Кароля.

— Ничего не вышло.

— Я знаю,—мягкимъ голосомъ отвѣтилъ онъ,—это обыкновенная исторія.

Они снова замолчали.

— Въ сущности,—сказала она, наконецъ,—это почти все равно.

Жизнь снова погасла въ ея лицѣ, и оно превратилось въ неподвижную маску.

— Все кончится черезъ два-три дня, не больше?

— Да, я думаю.

Они шли дальше, переходя изъ одной улицы въ другую. Масляничная толпа шумѣла вокругъ нихъ; слышался смѣхъ, крики, брань, поцѣлуи и пьяные возгласы.

— Бѣда въ томъ, — проговорилъ онъ, когда они повернули въ болѣе широкую улицу,—что вамъ съ перваго раза пришлось пережить самое худшее. Наши говорятъ, что надобно привыкнуть къ такого рода вещамъ, и тогда онѣ легко переносятся; вся штука въ томъ, чтобы привыкнуть.

Она вдругъ засмѣялась, и сама испугалась звука этого смѣха: такой онъ былъ слабый и дребезжащій.

— А вы когда-нибудь испытали... были вы когда-нибудь хоть бы въ положеніи женщины?

— У меня была сестра,—отвѣтилъ онъ кротко,—это подчасъ не легче.

До сихъ поръ онъ никогда не упоминалъ при ней о своей сестрѣ. Теперь ея исторія, которую разсказалъ ей Владиміръ, воскресла въ умѣ ея, какъ страшный призракъ. Въ самомъ дѣлѣ, что она такое, какое право имѣетъ она придавать значеніе гибели своей личной жизни. Она лишь лишняя единица въ длинномъ спискѣ другихъ единицъ.

— Насъ такъ много,—мелькало у нея въ головѣ, — такъ страшно много...

Рука ея, лежавшая на рукѣ Кароля, задрожала.

— Я забыла,—сказала она,—мнѣ не слѣдовало напоминать вамъ.

Онъ взялъ ея руку и сжалъ своими сильными пальцами.

— Не безпокойтесь; я никогда не забываю. Вы тоже не забудете, но привыкнете, какъ всѣ мы, привыкнете и къ большимъ несчастіямъ, и къ мелкимъ непріятностямъ. Возьмите, напримѣръ, грязь. Когда какого-нибудь новичка приведутъ въ провинціальную тюрьму, и онъ увидитъ стѣны, покрытыя тараканами и клопами, увидитъ вшей на своихъ нарахъ, ему кажется, что онъ съ ума сойдетъ, а потомъ онъ понемногу привыкаетъ. То же относится и къ тѣмъ живот-

нымъ въ образѣ мужчинъ, которыхъ вы здѣсь встрѣтили; черезъ нѣсколько времени женщины перестаютъ замѣчать ихъ присутствіе.

Оливія невольно остановилась. Кажется, всѣ чужія тайны были открыты для него; но что онъ угадалъ существованіе маленькой раны, только что полученной ею, это ошеломило ее. Ей казалось, что она скорѣй умреть, чѣмъ заговоритъ о ней; а онъ все зналъ и безъ словъ.

— Кароль...—въ первый разъ назвала она его по имени.

— Кароль, почему вы узнали...

— Дорогая моя, вы не первая. Нашимъ женщинамъ часто приходится выносить это, если онѣ молоды и хороши собой. Я думаю, это должно быть еще тяжелѣе для мужчинъ, которые ихъ любятъ и должны при этомъ присутствовать. Но постарайтесь помнить, что это мало развитые люди, которые плохо понимаютъ, что дѣлаютъ.

Она опустила голову, смущенная его широкою, всепрощающею снисходительностью.

— Кароль,—робко спросила она черезъ нѣсколько минутъ,—сколько времени понадобилось вамъ, чтобы... привыкнуть?

— Не особенно долго, дорогая моя: года черезъ два-три ужъ я относился ко всему иначе, чѣмъ сначала.

— Два, три... года...—Голосъ ея ослабѣлъ, и пальцы Кароля крѣпче сжали ея руку.

— А теперь,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—мы попробуемъ, нельзя ли чего-нибудь добиться въ жандармскомъ управленіи. Только вамъ нужно сперва успокоить свои нервы.

— Подождите минутку, дайте мнѣ подумать.

Онъ шелъ рядомъ съ ней и не говорилъ ни слова, пока она не подняла головы.

— Теперь я готова.

— Протяните-ка руку. Да, она почти совсѣмъ не дрожитъ.

Онъ долго ждалъ ее около жандармскаго управленія.

Когда она вышла оттуда, лицо ея было печально.

— Мнѣ велѣли придти черезъ часъ, на этотъ разъ я сама виновата, я что-то перепутала. Я думала, мнѣ надо ждать въ корридорѣ, а оказалось, мнѣ сказали, чтобы я прошла во внутреннюю комнату. Я пропустила свою очередь.

— Ахъ, Господи!—вскричалъ Кароль.

Она посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Развѣ это... развѣ я... потеряла возможность что-нибудь узнать?

— Нѣтъ, не то; но они, кажется, намѣрены проводить васъ.—Онъ колебался нѣсколько секундъ.—Лучше вамъ сразу

узнать всю правду. Это штука, которую они продѣлываютъ иногда съ тѣмъ, кто особенно беззащитенъ. Можетъ быть, вы оскорбили кого-нибудь изъ нихъ сегодня ночью? Или они знаютъ, что вы иностранка и у васъ нѣтъ здѣсь друзей, кромѣ насъ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—прошептала она сдавленнымъ голосомъ.

Она это поняла прежде, чѣмъ насталъ вечеръ.

Комедія продолжалась цѣлый день. Ее посылали изъ одного мѣста въ другое: изъ жандармскаго управленія къ градоначальнику, оттуда въ тюрьму, потомъ опять въ жандармское. Въ одномъ мѣстѣ было слишкомъ рано, въ другомъ слишкомъ поздно. Нѣкоторые чиновники давали ей какія-то ненужныя объясненія, другіе рѣзко выпроваживали ее; третьи смѣялись ей прямо въ лицо, остальные что-то бормотали себѣ подъ носъ и уходили отъ нея. Когда все это кончилось заявленіемъ: „Сегодня уже слишкомъ поздно, приходите завтра въ десять часовъ утра,“ она, еле держась на ногахъ, дотащилась до того мѣста, гдѣ Кароль ждалъ ее на углу улицы, и ухватилась за его руку, утомленная, обезсиленная.

Онъ провелъ ее на ея квартиру, заставилъ немного поѣсть, уложилъ въ постель, и обѣщалъ придти къ ней на слѣдующій день рано утромъ. У него была нѣкоторая надежда получить свѣдѣнія о судьбѣ Владиміра не оффиціальнымъ путемъ, черезъ посредство своихъ знакомыхъ. Онъ предлагалъ Оливіи прислать къ ней на ночь какую нибудь женщину, но она отказалась.

— Мнѣ пріятнѣе быть одной, - сказала она и отвернулась къ стѣнѣ.

Когда онъ пришелъ къ ней на слѣдующее утро, онъ сразу замѣтилъ, какъ она провела ночь. Въ глазахъ ея было опять то же растерянное выраженіе, которое онъ съ такимъ страхомъ подмѣчалъ наканунѣ.

— Мнѣ мало что удалось узнать,—сказалъ онъ:—я только разузналъ, гдѣ онъ. Его отвезли въ крѣпость.

— Ахъ!—она закрыла глаза рукою.

— Это ничего не значитъ, моя дорогая. Каковы бы ни были условія его содержанія, онъ ихъ не чувствуетъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Я думаю, что если онъ еще живъ, онъ не можетъ быть въ сознаніи.

Она усмѣхнулась.

— Вы забываете, что я фельдшерица, и что меня нельзя обманывать. Я знаю, что онъ можетъ прожить цѣлую недѣлю и не терять сознанія.

— Только не въ тюрьмѣ,—кротко замѣтилъ онъ.

Вечеромъ, когда онъ привезъ ее домой, оба они молчали; онъ видѣлъ, что она окончательно падаетъ духомъ: руки ея дрожали, глаза потускнѣли; а, между тѣмъ, это былъ всего второй день. Онъ сидѣлъ въ саняхъ рядомъ съ ней и крѣпко сжималъ зубы. Онъ зналъ случаи, когда человѣка водили такимъ образомъ недѣлю и больше. А она? Ей до конца жизни адъ будетъ представляться не иначе, какъ лабиринтомъ бѣлыхъ корридоровъ, невѣрныхъ свѣдѣній, улыбающихся лицъ.

— Завтра утромъ,—сказалъ ей чиновникъ сладкимъ голосомъ, когда она подошла къ нему съ широко открытыми, пустыми глазами.

Кароль оставилъ ее у подъѣзда того дома, гдѣ она жила.

— Идите и лягте,—сказалъ онъ ей,—можетъ быть, мнѣ удастся что-нибудь узнать сегодня вечеромъ. Я зайду къ вамъ попозже.

Онъ проходилъ нѣсколько часовъ и не могъ ничего узнать. Поздно вечеромъ вернулся онъ къ ея дому, до того усталый и измученный, что принужденъ былъ остановиться на лѣстницѣ и постоять нѣсколько минутъ, прислонившись къ стѣнѣ. Ему казалось, что у него не хватитъ силъ придти къ ней ни съ чѣмъ. А, между тѣмъ, идти было необходимо, она, навѣрно, сидитъ и ждетъ его. Онъ два или три раза оступился на лѣстницѣ, зацѣпившись ногой за ступеньки, и, подойдя къ двери, снова остановился, чтобы собраться съ духомъ.

— Барышни нѣтъ дома, — объявила ему заспанная служанка, отворившая дверь: — она не приходила послѣ того, какъ ушла съ вами утромъ.

Кароль спустился съ лѣстницы и остановился на подъѣздѣ, чтобы сообразить, что это значитъ. Уже не арестовали ли ее въ ту минуту, когда она входила въ домъ? Нѣтъ, это было невѣроятно, онъ отогналъ эту мысль. Она, должно быть, просто бродитъ по улицамъ. Въ такомъ случаѣ она непремѣнно рано или поздно повернетъ къ крѣпости. Неужели она зашла въ паркъ?

Эта мысль такъ испугала его, что у него даже потъ выступилъ на ладоняхъ. Тамъ вообще вечеромъ опасно ходить женщинѣ одной, а теперь еще масляная... Онъ подозвалъ проѣзжавшаго мимо извозчика, велѣлъ ему какъ можно скорѣй ѣхать на Петербургскую сторону, осмотрѣлъ дорожки парка и взглядомъ окинулъ темныя линіи стѣнъ и запертыя ворота крѣпости. Онъ слышалъ, какъ часы на башнѣ проиграли: „Коль славенъ нашъ Господь!“

Онъ отказался отъ дальнѣйшихъ поисковъ въ паркѣ,

вернулся назадъ черезъ мостъ на Дворцовую набережную. На набережной дулъ сильный вѣтеръ, и снѣгъ слѣпилъ ему глаза. За гранитной оградой замерзшая рѣка лежала, словно мертвая, подъ сѣнью темнаго неба. Оливія стояла въ нишѣ, защищавшей ее отъ вѣтра, и смотрѣла на широкое, ледяное пространство, разстилавшееся передъ нею. Съ другого берега, отъ воротъ крѣпости на нее смотрѣли, не колеблясь и не мигая, два огонька, словно два волчьихъ глаза.

Онъ соскочилъ съ саней и велѣлъ извозчику подождать. Она вздрогнула при звукѣ его шаговъ, и это показало ему, что онъ не первый мужчина, подошедшій къ ней въ этотъ вечеръ.

— Оливія, поѣдемъ домой.

Она повернулась съ крикомъ и ухватилась за него въ паническомъ ужасѣ, въ отчаяньи, еле переводя духъ.

— Кароль, Кароль... ахъ, Кароль!

— Поѣдемъ домой, — повторилъ онъ и обнялъ ее одной рукой. —Бѣдное дитя! поѣдемъ домой!

Но она отскочила назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, я боюсь!

Она совсѣмъ застыла отъ холода, онъ съ трудомъ могъ разобрать, что она говоритъ.

— Я пробовала... нѣсколько разъ... лѣсгница... темная... я не могу... Кароль... я увижу привидѣніе... я увижу привидѣніе!

„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", — повторили часы на крѣпости.

Кароль подозвалъ извозчика.

— Я васъ отвезу къ себѣ, у меня нѣтъ привидѣній. Садитесь.

Оливія машинально повиновалась, повернувъ голову, чтобы еще разъ посмотрѣть на огни въ крѣпости. Она была въ полусознательномъ состояніи и почти всю дорогу сидѣла, положивъ голову ему на плечо. Пріѣхавъ къ себѣ на квартиру, онъ разбудилъ прислугу, велѣлъ заварить чай и дать чего-нибудь поѣсть. Потомъ онъ снялъ съ нея пальто, уложилъ ее къ себѣ на кровать и принялся отогрѣвать ея руки и ноги. Вскорѣ ея оцѣпенѣніе перешло въ сонъ. Онъ сидѣлъ около ея кровати, чувствуя такую усталость, что не могъ шевельнуться.

Вдругъ она вскочила и обѣими руками закрыла себѣ глаза.

— Ахъ, снѣгъ, этотъ снѣгъ!

Онъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ.

— Кароль, онъ зоветъ меня! Я слышала, какъ онъ меня звалъ! Они зарываютъ его въ снѣгъ.

— Полно, полно, лягте! ничего этого нѣтъ!

Невозможно было успокоить ее. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, точно звѣрь, засаженный въ клѣтку, и вдругъ начала смѣяться:

— Они мнѣ сказали, что противъ него нѣтъ никакихъ серьезныхъ обвиненій, что его, вѣроятно, скоро освободятъ... что его...

— Сядьте!—перебилъ ее Кароль. Онъ прошелъ въ противоположный уголъ комнаты и открылъ шкафъ. Она повиновалась и робко прошептала:

— Вы не... вы не уходите?

— Конечно нѣтъ, я вѣдь обѣщалъ, что не оставлю васъ одну.

Онъ подошелъ къ ней съ иглой для подкожнаго впрыскиванья, поднялъ ея лѣвую руку и сдѣлалъ ей впрыскиванье морфія. Когда она заснула, опустивъ голову на столъ, онъ поднялъ ее и положилъ на кровать, а самъ сѣлъ у ея изголовья и смотрѣлъ на нее.

Обстоятельства сложились такъ, что эта ночь будетъ единственною свѣтлою точкою въ его жизни. Въ ея памяти она оставитъ слѣдъ чего-то смутно ужаснаго; для него съ нею кончится вся его личная жизнь. На этотъ разъ онъ, вѣроятно, спасъ ее отъ помѣщенія въ какую-нибудь петербургскую больницу или сумасшедшій домъ, ему предстоитъ и дальше заботиться о ней. Это было его единственнымъ утѣшеніемъ; онъ не оставитъ ее, пока можетъ быть ей полезенъ.

Онъ опустилъ голову на подушку рядомъ съ головой крѣпко спавшей дѣвушки; плечи его слегка вздрагивали.

Когда она проснулась утромъ, онъ заваривалъ кофе. Она посмотрѣла на него растеряннымъ взглядомъ; потомъ вдругъ все вспомнила и попыталась вскочить, но снова упала на подушку, схватившись руками за голову.

— Не торопитесь, еще рано,—сказалъ онъ, кивая ей и улыбаясь.—Вамъ будетъ лучше, когда вы выпьете чашку кофе.

Она медленно поднялась и сѣла.

— Ахъ, вы изъ-за меня не ложились всю ночь. Зачѣмъ вы такъ устроили? Вѣдь вы совсѣмъ не спали?

— Я то? Что вы, дорогая! Я спалъ, какъ сурокъ, въ этомъ креслѣ. Вы хотите встать? Чистыя полотенца лежатъ здѣсь, а вотъ вамъ теплая вода. Я выйду немножко покурить.

Когда она позвала его черезъ нѣсколько минутъ, онъ вошелъ съ бумагой, имѣвшей видъ казенной, и, прочитавъ ее, нахмурился. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ молча, помѣшивая свой кофе.

— Какъ вы думаете, пріѣдетъ вашъ отецъ, если вы ему телеграфируете?

— Отецъ? Я ни за что въ свѣтѣ не допущу, чтобы онъ пріѣхалъ сюда.

— Ну, можетъ быть, можно выписать кого-нибудь другого? Я не могу оставить васъ здѣсь одну, а я долженъ уѣхать завтра.

У нея опустились руки.

— Вы уѣзжаете?

— Я не могу остаться, меня вышлятъ насильно. Срокъ моего разрѣшенія кончился, я просилъ у полиціи отсрочки, и вотъ сейчасъ получилъ отказъ. Я долженъ уѣхать завтра съ утреннимъ поѣздомъ.

Она встала и взялась за пальто.

— Мнѣ пора уходить, а завтра, если вамъ нужно ѣхать, уѣзжайте, но я никого не стану къ себѣ звать.

— Мы поговоримъ объ этомъ послѣ... Между прочимъ, вашъ заграничный паспортъ взятъ и лежитъ у дворника. Вамъ надобно только подписать его.

— Но они обмѣнили мой паспортъ на какую-то другую бумагу, когда я сюда пріѣхала.

— Да, но эта бумага имѣетъ силу, только пока вы живете здѣсь. Вы не можете переѣхать границу безъ вашего англійскаго паспорта и безъ разрѣшенія отъ русской полиціи. Для полученія этого разрѣшенія я подалъ третьяго дня прошеніе отъ вашего имени.

— Но я не могу теперь уѣхать. Я не могу выѣхать отсюда, пока...

Голосъ ея задрожалъ и оборвался.

— Я знаю; но когда вы захотите уѣхать, вамъ придется долго ждать разрѣшенія, вотъ почему я и выхлопоталъ вамъ его черезъ пріятелей. Если вы не воспользуетесь имъ въ теченіе недѣли, вамъ надо будетъ подавать новое прошеніе. А вотъ вамъ деньги на дорогу и нѣсколько англійскихъ золотыхъ; если вы захотите уѣхать поскорѣй, вамъ некогда будетъ ходить въ банкъ мѣнять.

— Кароль, неужели вы всегда обо всемъ заботитесь и для всякаго?

Она подняла на него глаза и увидѣла, что губы его слегка задрожали прежде чѣмъ онъ, взявшись за шляпу, отвѣтилъ своимъ обыкновеннымъ спокойнымъ тономъ:

— Нѣтъ, не для всякаго.

— Его превосходительство заняты и не принимаютъ,— сказали ей, когда она выразила желаніе видѣть директора департамента полиціи. Но тотъ секретарь, который говорилъ съ ней наканунѣ, согласился принять ее.

Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на нее, когда она входила въ комнату, и сердце ея замерло отъ страха. Она отлично помнила его, но въ первый разъ видѣла улыбку на его лицѣ.

— Позвольте справиться: вы пришли узнать о..?

— Владимірѣ Дамаровѣ.

— Ахъ, да, помню. Вы не родственница ему, такъ кажется? Вы его невѣста, если не ошибаюсь?

— Да.

Онъ съ видомъ состраданія покачалъ головой.

— Ай, ай, ай! Такая красивая особа и не могла найти себѣ жениха получше!

Кароль былъ, кажется, правъ: ко всему можно привыкнуть. На этотъ разъ она даже бровью не повела.

— Во всякомъ случаѣ, онъ не очень-то о васъ думаетъ,— продолжалъ секретарь.—Я видѣлъ его вчера вечеромъ, онъ совершенно равнодушенъ.

Она стояла, не шевелясь, и смотрѣла на него. Онъ откинулся на спинку стула и самодовольно покручивалъ усы.

— Увѣряю васъ, совершенно равнодушенъ. Право, лучше бы вамъ поискать другого жениха.

Въ корридорѣ стояли и разговаривали два офицера въ синихъ мундирахъ и серебряныхъ аксельбантахъ. Одинъ изъ нихъ обернулся, когда она проходила мимо, и пошелъ за ней.

— Это вы справляетесь насчетъ Дамарова?

— Да.

— А эти...—онъ показалъ головой на комнату секретаря,— разсказываютъ вамъ разныя небылицы. Не правда ли?

Она молчала, онъ понизилъ голосъ.

— Не вѣрьте имъ. Онъ умеръ вчера. Мнѣ очень жаль васъ.

Онъ вернулся къ своему товарищу.

— Можетъ быть, онъ и правду сказалъ,—говорила она Каролю, пока онъ помогалъ ей снять пальто.—Но какую я могу имѣть увѣренность?

Они молча дошли до ея квартиры. Онъ сталъ на колѣни и помогъ ей снять теплые сапожки, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Какой былъ наружности тотъ жандармъ, который заговорилъ съ вами въ корридорѣ?

— Я еле взглянула на него. Высокаго роста, съ рыжеватыми усами съ просѣдью.

— Съ крючковатымъ носомъ, въ полковничьемъ мундирѣ?

— Кажется.

— Это Петровъ. Онъ порядочный человѣкъ, самый приличный изъ всѣхъ ихъ. Онъ сказалъ правду.

— Можетъ быть, а можетъ быть, просто пошутилъ. Они всѣ любятъ шутить.

Онъ ничѣмъ не могъ поколебать ея пассивнаго, упрямаго, безнадежнаго недовѣрія. На всѣ его убѣжденія она отвѣчала одно: Почему я могу знать, что это не такой же обманъ, какъ другіе?

— Вамъ будетъ легче, если я добуду доказательства?— спросилъ онъ, наконецъ.

— Доказательства? Какія доказательства?

— Я не говорю навѣрно, замѣтьте. У меня очень мало времени. Но если я найду человѣка, честнаго человѣка, который своими глазами видѣлъ его мертвымъ...

Она зашептала сама про себя сжимая руки: „Если бы я знала, что онъ умеръ... если бы я знала, что онъ умеръ...

— Я попытаюсь, — сказалъ Кароль. — Подождите меня здѣсь; я, можетъ быть, не скоро вернусь.

Онъ вернулся подъ вечеръ. Она сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ, и смотрѣла на свои руки, сложенныя на колѣняхъ. При входѣ его она подняла глаза и затѣмъ снова опустила ихъ.

— Одѣньтесь какъ можно теплѣе, поѣдемъ.

Она повиновалась, не дѣлая никакихъ вопросовъ.

Они долго ѣхали въ конкѣ, наполненной рабочими въ праздничныхъ нарядахъ, и вышли въ рабочемъ кварталѣ недалеко отъ рѣки. На площади толпился народъ, продавали разныя дешевыя лакомства и игрушки. Мимо нихъ быстро мчались, перегоняя другъ друга, сани, въ которыхъ сидѣли мужчины, женщины, дѣти, кричавшіе, распѣвавшіе пѣсни. Здѣсь масляница принимала видъ пьяной оргіи. Дальше, гдѣ кончались дома, улица была тиха. Съ одной стороны шелъ низкій, неровный берегъ съ ивами, склонявшимися надъ замерзшей водой; съ другой стѣна кладбища, а дальше большой болотистый пустырь, на которомъ тамъ и сямъ виднѣлись мелкіе кусты, протягивавшіе къ небу свои голые сучья. Блѣдный серпъ луны поднимался прямо передъ ними; сзади нихъ виднѣлся городъ, озаренный краснымъ отблескомъ вечерней зари.

Влѣво отъ дороги тропинка, протоптанная въ снѣгу, вела къ кустарнику. Кароль молча шелъ по ней, дѣвушка слѣдовала за нимъ, какъ лунатикъ.

Они описали большой полукругъ по пустырю и подо-

шли къ кладбищу со стороны противоположной дороги. Глубокая канава съ землянымъ валомъ, набросаннымъ позади нея, указывала границу освященной земли. За оградой виднѣлся рядъ открытыхъ пустыхъ могилъ; длинныя, полузанесенныя снѣгомъ ямы, заранѣе вырытыя для будущихъ покойниковъ, а между ними кучи замерзшей земли, приготовленной, чтобы зарыть ихъ. Въ концѣ рядовъ могилы уже были заняты, и на нихъ возвышались небольшіе деревянные кресты, всѣ одинаковой формы. Это было военное кладбище, и каждый рядъ предназначался отдѣльной ротѣ. Тамъ и сямъ болѣе высокій крестъ отмѣчалъ могилу унтеръ-офицера или фельдфебеля. Дальше шло кладбище бѣдняковъ: безпорядочное скопленіе маленькихъ могилъ съ крестами, сколоченными изъ еловыхъ досокъ, полусгнившихъ и покривившихся. На нѣкоторомъ разстояніи надгробные памятники и часовни на могилахъ богачей бѣлѣли въ надвигавшихся сумеркахъ.

Какой-то человѣкъ вышелъ изъ-за кустовъ навстрѣчу имъ. Молодая дѣвушка слегка содрогнулась при видѣ жандармской формы. Кароль подошелъ къ нему.

— Очень вамъ благодаренъ, что вы согласились придти. Здѣсь нѣтъ никого, мы въ полной безопасности. Эта барышня была его невѣстой. Разскажите ей все, что вы знаете.

Жандармъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ и снова опустилъ голову, раздавивъ ногой комокъ снѣга. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ широкимъ добродушнымъ лицомъ и свѣтлоголубыми, круглыми, точно испуганными глазами.

— Я былъ дежурнымъ въ корридорѣ, барышня,—началъ онъ и остановился.

— Въ крѣпости, когда его привезли?—спросилъ Кароль.

— Точно такъ, ваше благородіе, это было ужъ подъ утро. Я видѣлъ, какъ его вели по корридору. Онъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на меня. Онъ не говорилъ ни слова. Его помѣстили въ третью камеру.

— Одного?

— Одного, барышня. Онъ былъ совсѣмъ покоенъ. Я во все утро ничего не слышалъ въ его камерѣ, только развѣ онъ кашлялъ иногда. Когда Васильичъ принесъ ему обѣдъ, онъ что-то проговорилъ тихимъ голосомъ.

— Васильичъ, это—крѣпостной унтеръ-офицеръ?

— Онъ былъ дежурный, долженъ былъ разносить обѣдъ. Онъ вышелъ изъ камеры и ворчитъ: „Грѣхъ да и только, говоритъ, пропадутъ хорошія щи. Совсѣмъ, говоритъ, умираетъ, лучше бы мнѣ достались“.

— А кромѣ Васильича входилъ кто-нибудь къ нему въ камеру?

— Третьяго дня ночью входилъ смотритель съ докторомъ, ваше благородіе; ну, они не долго тамъ пробыли. Я слышалъ, какъ докторъ сказалъ: „Не стоитъ, онъ не проживетъ до утра“. А онъ таки прожилъ.

— Когда онъ скончался?

— Вчера около полудня. Я опять дежурилъ ночью. Послѣ обѣда у меня было восемь часовъ свободныхъ, а когда я пришелъ вечеромъ, я слышалъ, какъ онъ стоналъ и что-то говорилъ самъ съ собой что такое, я разобрать не могъ. У него въ горлѣ какъ-то скрипѣло всю ночь и разъ онъ какъ будто сказалъ: „воды“. Въ шесть часовъ пришелъ Осипъ и смѣнилъ меня.

— А вчера днемъ Осипъ былъ дежурнымъ?

— Точно такъ, ваше благородіе. Теперь онъ здѣсь, въ деревнѣ. Намъ обоимъ дали отпускъ на одинъ день, потому какъ нынче масляная. А онъ какъ вышелъ, такъ первымъ дѣломъ напился пьянъ. „Въ нашемъ дѣлѣ, говоритъ, безъ этого нельзя, не выдержишь! Мнѣ, говоритъ, все слышится, какъ онъ стоналъ и просилъ: „воды, воды, ради Бога!“ Осипъ и всегда такой былъ: мягкосердый.

— Онъ далъ ему воды?

— Какъ не дать! Раза два входилъ, давалъ.

— Ну, вотъ, кажется, и все,—сказалъ Кароль и положилъ руку на плечо Оливіи.—Вы теперь узнали все, что хотѣли, моя дорогая, довольно.

— Оставьте меня. Я должна все разузнать. Значитъ, онъ умеръ вчера днемъ, когда вы не были дежурнымъ?

— Точно такъ, барышня. Осипъ говорилъ такъ: онъ все затихалъ, затихалъ; потомъ послышалось точно будто пилятъ дерево, это, значитъ, у него въ груди, а потомъ и совсѣмъ стихъ. Вечеромъ насъ позвали положить тѣло въ гробъ. Не то что въ настоящій гробъ, а такъ—въ большой ящикъ изъ еловыхъ досокъ. Часа въ два ночи мы его вывезли изъ крѣпости и привезли сюда.

— Онъ здѣсь погребенъ? Покажите мнѣ его могилу.

Онъ посмотрѣлъ на нее искоса, нерѣшительно.

— Могила-то, барышня, надо сказать, не настоящая, не христіанская. Пожалуй, я вамъ покажу.

Около ограды кладбища была небольшая кучка взрытой земли, слегка запорошенной снѣгомъ. Солдатъ остановился и, видя, что Кароль обнажилъ голову, также снялъ фуражку.

— Вотъ это здѣсь будетъ,—сказалъ онъ.

Оливія обошла могилу и пристально посмотрѣла на солдата.

— А увѣрены ли вы, что онъ былъ мертвый, когда вы зарыли его въ яму?

Онъ слегка вскрикнулъ, перевелъ глаза съ нее на Кароля и затѣмъ опять на нее. Потомъ перекрестился и проговорилъ:

— Христосъ съ вами, барышня! Да неужели же вы думаете, что мы зарыли живого человѣка!

— Почемъ я знаю!—отвѣчала она беззвучнымъ, ровнымъ голосомъ.

Кароль дотронулся до рукава солдата.

— Вы видѣли его лицо! Разскажите ей.

— Да, я видалъ...—онъ слегка содрогнулся.—Мучился онъ, должно быть, сильно и на рубашкѣ была кровь. Онъ былъ совсѣмъ застывши.

— Хорошо, теперь довольно,—сказалъ Кароль.—Уходите по тропинкѣ, а мы пойдемъ въ другую сторону, по дорогѣ; такъ будетъ безопаснѣе. Прощайте, благодарю васъ.

Солдатъ еще разъ перекрестился и ушелъ, оставивъ ихъ около могилы. Становилось темно. Черезъ нѣсколько времени Кароль дотронулся до ея руки.

— Пойдемъ.

Они пошли назадъ мимо ивовыхъ кустовъ.

— Помните одно,—сказалъ онъ ей,—какъ онъ ни страдалъ, теперь все кончено, онъ умеръ, и никто больше не можетъ сдѣлать ему никакого зла. Это, конечно, слабое утѣшеніе, но эта мысль очень успокаивала меня послѣ смерти сестры.

Она медленно повернула голову и посмотрѣла прямо въ глаза ему.

— Я тоже спокойна. Но вполнѣ ли вы увѣрены, что онъ умеръ прежде, чѣмъ они его похоронили.

— Вполнѣ увѣренъ, дорогая моя.

Она выѣхала за границу съ ночнымъ поѣздомъ. Только отправивъ ее, Кароль могъ спокойно оставить столицу. Онъ уложилъ ея вещи, расплатился по ея счетамъ и взялъ ей билетъ. Она оставалась совершенно пассивной, ѣла, одѣвалась, двигалась, когда онъ ей приказывалъ, и прерывала молчаніе все тѣмъ повторявшимся отъ времени до времени вопросомъ:—Увѣрены ли вы, что онъ умеръ, прежде...

— Совершенно увѣренъ,—неизмѣнно отвѣчалъ онъ ей.

Она повторила тотъ же вопросъ, когда онъ вошелъ за ней въ вагонъ и покрывалъ ей ноги плэдомъ.

— Совершенно увѣренъ,—сказалъ онъ еще разъ.

Прозвонилъ звонокъ; онъ соскочилъ на платформу, и дверцы вагона захлопнулись.

— Это былъ еще только второй звонокъ, сію минуту двинется. Я телеграфировалъ вашимъ роднымъ, чтобы васъ встрѣтили въ Дуврѣ.

— Кароль...

Она приложила руку ко лбу, какъ будто стараясь что-то вспомнить.

Онъ вскочилъ на подножку и прижался къ окну.

— Что вы хотите сказать?

Она повторила свой вопросъ: кромѣ него ничто на свѣтѣ не интересовало ее.

— Вы увѣрены, что онъ умеръ, прежде чѣмъ они зарыли его въ яму?

Онъ отвѣтилъ съ тѣмъ же неутомимымъ терпѣніемъ:

— Совершенно увѣренъ, моя дорогая.

Прозвонилъ третій звонокъ. Онъ сдѣлалъ ей прощальный знакъ рукой и прокричалъ:

— До свиданія! Я пріѣду къ вамъ въ Англію, какъ только будетъ можно.

Ея глаза смотрѣли мимо него какимъ-то остановившимся, неподвижнымъ взглядомъ. Поѣздъ двинулся. Когда онъ скрылся изъ вида, Кароль пошелъ, было, по платформѣ, но вдругъ остановился и схватился обѣими руками за грудь. Къ нему подошелъ носильщикъ:

— Вамъ дурно, баринъ? Не надо ли...

— Принесите мнѣ водки,—прошепталъ Кароль.

Его всего трясло, точно истеричную дѣвушку. Носильщикъ побѣжалъ въ буфетъ. Онъ послѣдовалъ за нимъ, не замѣчая ничего окружающаго, и наткнулся на прохожаго, который сначала сердито оглянулся, а затѣмъ съ удивленіемъ протянулъ руку.

— Докторъ Славинскій! Вотъ-то не ожидалъ...

Кароль оттолкнулъ его.

— Къ чорту!—закричалъ онъ,—я иду напиться!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На пристани въ Дуврѣ Оливію встрѣтилъ Дикъ Грей. У отца ея было спѣшное дѣло, и онъ самъ не могъ выѣхать, а Дикъ, ставшій за это время другомъ дома, предложилъ свои услуги. Когда она сходила съ парохода, онъ растолкалъ толпу и бросился ей навстрѣчу. Но среди первыхъ веселыхъ привѣтствій, онъ вдругъ остановился и съ

удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Она, повидимому, не замѣтила этого, машинально передала ему свой саквояжъ и позволила вести себя на поѣздъ.

Онъ долго не рѣшался заговаривать съ ней ни о чемъ, кромѣ необходимыхъ мелочей, наконецъ, отложилъ газету и нагнулся къ ней. Поѣздъ мчался мимо пустыхъ полей хмѣля; она сидѣла неподвижно и смотрѣла, не замѣчая ихъ.

— Оливія, развѣ онъ...

— Умеръ,—отвѣтила она, не шевелясь. У него хватило такта не предлагать больше вопросовъ.

Ея родные были менѣе деликатны. Правда, они ничѣмъ не разстраивали ее; но никакіе вопросы не могли быть хуже того изумленія, которое выразилось на лицѣ отца при ея видѣ, изумленія, перешедшаго въ ужасъ, когда она подошла къ нему; „Господи Боже мой! Это Оливія!" рѣзкимъ голосомъ вскричала мать. А затѣмъ они постарались скрыть свои чувства. „Ты насъ испугала, дорогая, мы тебя ждали со слѣдующимъ поѣздомъ". Джени съ своей стороны пристально посмотрѣла на сестру, затѣмъ расплакалась и выбѣжала изъ комнаты; но хуже всего было лицо матери.

Въ первую минуту имъ показалось, что она умираетъ отъ какой-нибудь изнурительной болѣзни, или что она заразилась злокачественной формой малярiи. Они стали убѣждать ее посовѣтоваться съ докторомъ. Она сначала отказывалась и увѣряла утомленнымъ голосомъ, что вовсе не больна; но когда они продолжали настаивать, она уступила, чтобы избавить себя отъ напрасныхъ споровъ, и согласилась поѣхать съ отцомъ въ Лондонъ посовѣтоваться съ однимъ извѣстнымъ врачомъ.

— Острое малокровіе и нервное истощеніе,—опредѣлилъ врачъ.—Кромѣ этого я не нахожу у нея никакой болѣзни. Вѣроятно, она перенесла какое нибудь потрясеніе, или у нея на душѣ какое-нибудь горе.

— Господа!—вскричала миссисъ Латамъ, когда ей передали опредѣленіе врача,—да вы посмотрите на нее. Она худа, какъ скелетъ, губы у нея бѣлыя, какъ бумага, и даже волосы ея потеряли свой прежній цвѣтъ. Какъ онъ можетъ говорить, что не находитъ у нея никакой другой болѣзни.

Къ несчастію, дѣйствительно, никакой другой болѣзни не было. Если бы молодая дѣвушка обладала менѣе крѣпкимъ и здоровымъ организмомъ, она, можетъ быть, заболѣла бы острою болѣзнью, которая принесла бы ей единственное возможное облегченіе: временный перерывъ ея обычной жизни. Но физически она была слишкомъ крѣпка для этого, и не подверглась никакой болѣзни, кромѣ постепеннаго

упадка силъ. Она была, какъ сказала мать, худа, какъ скелетъ, и, несмотря на весь ихъ уходъ, худѣла все больше и больше. Въ три мѣсяца она до того ослабѣла, что не могла безъ отдышки пройти по саду и, поднявшись до половины лѣстницы, должна была останавливаться: такое у нея дѣлалось сильное сердцебіеніе. Ее мучила безсонница, страшныя головныя боли, кошмары и припадки озноба; кромѣ этого, у нея не было никакихъ болѣзненныхъ признаковъ.

Въ первые мѣсяцы никто въ семьѣ не поднималъ вопроса о томъ, какъ она думаетъ устроить свою жизнь, и молодая дѣвушка, повидимому, сама не думала объ этомъ. Она вернулась домой, повинуясь, во-первыхъ, какому-то слѣпому инстинкту; во-вторыхъ, потому, что Кароль сказалъ ей, чтобы она ѣхала, а она слишкомъ безучастно относилась къ жизни, чтобы ослушаться его. Очутившись дома, она оставалась тамъ совершенно пассивно, и пассивно же принимала или переносила тысячу мелочей, которыми мать старалась доказать ей свою любовь: и мальцъ-экстрактъ, и мясной чай, и робкія ласки.

Въ сущности, она сдѣлалась равнодушной ко всему на свѣтѣ, даже къ памяти своего покойнаго жениха. Можетъ быть, когда-нибудь она почувствуетъ свою утрату; теперь же она ничего не чувствовала, кромѣ страшной боли въ головѣ и какихъ-то колесъ, которые вертѣлись и вертѣлись безостановочно часъ за часомъ въ теченіе длинныхъ безсонныхъ ночей.

Первое время ей казалось, что если бы она только могла уснуть, все было бы хорошо. Изъ-за этого противнаго лежанья въ постели безъ сна она такъ боится надвигающихся сумерокъ, она цѣлый день чувствуетъ такую тяжесть, такой холодъ. Если бы она могла спать, она опять сдѣлалась бы похожей сама на себя. Но, прежде чѣмъ миновала весна, она стала говорить себѣ, что все было бы хорошо, если бы она могла не засыпать.

Когда человѣкъ не спитъ, его умъ можетъ бороться за существованіе, можетъ призывать на помощь силу воли, данную ему природой. Но когда онъ спитъ, что ему дѣлать? Ее возмущала несправедливость, коварство, лежащее въ основѣ этой всеобщей потребности спать; теперь она въ первый разъ поняла, что сонъ это—ловушка, отъ которой не можетъ спасти никакая предусмотрительность. Расположите, какъ хотите, свою жизнь, свои мысли и дѣйствія, пріучите свою натуру безусловно повиноваться голосу разума; но вы во всякомъ случаѣ должны заснуть, и это отдастъ васъ вполнѣ во власть той машины, которая дѣй-

ствуетъ въ вашей головѣ и создаетъ призраки по своему произволу.

Если бы только она могла избавиться отъ этихъ кошмарныхъ призраковъ, ей, навѣрно, удалось бы забыть. Эти призраки толпились вокругъ нея непрерывными рядами. Ей представлялся ледъ, пустырь, снѣгъ, засыпающій глаза, представлялось, что она роетъ замерзшую землю, чтобы узнать, страдалъ ли онъ передъ смертью, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно умеръ, прежде чѣмъ его зарыли въ яму; ей представлялись усмѣхающіяся лица, самодовольныя красныя губы, произносящія неприличныя рѣчи; представлялись корридоры и корридоры, безконечные бѣлые корридоры. Иногда, заблудившись въ этихъ корридорахъ, она ходила по нимъ цѣлую ночь, а вдали знакомый слабый голосъ просилъ: „Воды, воды, воды!" Иногда тотъ же голосъ слышался ей изъ-подъ кучи мерзлой земли, она шла на него, пробираясь между могилами, скользя, падая и натыкаясь руками на острыя колья, вбитые въ землю.

Часто мать или сестра, проснувшись ночью отъ ея крика, вбѣгали къ ней въ комнату и видѣли, что она спитъ съ широко открытыми глазами и быстро шепчетъ что-то, чего онѣ не могли понять. Если онѣ ее будили, она говорила: „кошмаръ", и укладывалась, какъ будто собиралась опять заснуть, но въ глазахъ ея было выраженіе дикаго ужаса. Днемъ она была по большей части молчалива, хотя иногда на нее находили припадки необыкновенной говорливости, она безостановочно болтала о разныхъ пустякахъ, смѣялась надъ всякой пустой шуткой; но въ какомъ бы она ни была настроеніи, она всетаки ни однимъ словомъ не выдавала своей тайны. Ея родные по прежнему ничего не понимали; впрочемъ, если бы она имъ и все разсказала, они, вѣроятно, тоже не поняли бы.

Для Дженни, для этого баловня семьи, перемѣна въ сестрѣ была первымъ ударомъ, первымъ дѣйствительнымъ и горестнымъ разочарованіемъ, какое она испытала въ жизни. За послѣдніе полгода она дошла до той степени развитія, когда дѣтски тщеславная и лекомысленная дѣвушка вдругъ приходитъ къ сознанію того, что на ней лежатъ извѣстныя обязанности; по природѣ мягкая и склонная къ подражанію, она взяла себѣ за образецъ старшую сестру и всѣми силами старалась вести себя такъ, какъ она. „Я никогда не буду такой умной, какъ Оливія, говорила она матери, но я постараюсь быть такой же доброй" Это рѣшеніе было отчасти внушено ей новымъ викаріемъ, вліяніе котораго на нее постоянно усиливалось; но тѣмъ не менѣе это было искреннее рѣшеніе; молодая дѣвушка твердо держалась

его и мужественно отказывалась отъ разныхъ удовольствій, чтобы оставаться съ матерью. При этомъ она утѣшала себя мыслью, что, когда Оливія вернется домой, ей будетъ пріятно, что она стала „такою доброю“. А вотъ теперь Оливія вернулась, но это была не Оливія, а какое-то привидѣніе съ провалившимися щеками и жесткимъ взглядомъ. Съ грустью замѣчая, что, повидимому, никому нѣтъ дѣла до ея доброты, маленькая Дженни съ ужасомъ и недоумѣніемъ глядѣла на эту первую жизненную трагедію, разыгрывавшуюся на ея глазахъ.

Разочарованіе и безпокойство сблизили ее съ матерью сильнѣе прежняго и оттолкнули отъ Оливіи. Вся жизнь миссисъ Латамъ прошла спокойно, безъ всякихъ злоключеній. Домашнія заботы и непріятности были ей хорошо знакомы; она терпѣливо, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, переносила свои болѣзни и легкія религіозныя сомнѣнія, но вотъ и все. Послѣ того единственнаго серьезнаго горя, которое она испытала,—смерти сына,—ея жизнь текла среди ровныхъ береговъ, словно тихій, унылый ручеекъ, и вся состояла изъ мелкихъ обязанностей и мелкихъ непріятностей, неизбѣжныхъ, правильно чередовавшихся, какъ времена года. Сначала она только покорялась, а въ концѣ концовъ вполнѣ втянулась въ эту узкую жизнь. И вдругъ въ этотъ сѣренькій міръ полутѣней откуда-то, изъ внѣшняго міра ворвалась тьма, настоящая тьма, которая давала себя постоянно чувствовать. Черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія Оливіи мать стала слѣдить за ней тайкомъ, сторониться ее и безсознательно все больше и больше привязываться къ своей младшей дочери, какъ будто только она одна была ея кровь и плоть, а та, другая, была ей чужая.

Между тѣмъ, и она, и Дженни очень нѣжно относились къ больной. Если бы молодая дѣвушка вернулась къ нимъ съ какимъ-нибудь менѣе тяжелымъ горемъ, съ такимъ горемъ, о которомъ можно было бы разговаривать, которое можно было бы оплакивать, онѣ чувствовали бы ея печаль, какъ свою собственную, и полюбили бы ее еще больше за эту печаль. Но Оливія вернулась съ крѣпко сжатыми губами и упорно хранила молчаніе.

Отецъ ея тоже молчалъ. Изъ всей семьи онъ одинъ хоть смутно, но понималъ ея состояніе. Какое происшествіе превратило дочь, которою онъ такъ гордился, въ эту угрюмую, чуждую ему женщину, онъ даже приблизительно не могъ угадать. Но растерянный взглядъ ея глазъ предупреждалъ его, что ее слѣдуетъ предоставить самой себѣ, не надо предлагать ей вопросовъ, не надо навязывать ей своего сочувствія; и его сдержаность была до нѣкоторой степени воз-

награждена. Правда, онъ мало-по-малу потерялъ надежду, что она когда-нибудь по собственному побужденію разскажетъ ему все, но онъ пріобрѣлъ одно: она избѣгала его меньше, чѣмъ другихъ. „Она, кажется, не сторонится меня такъ, какъ матери и сестры,—говорилъ онъ своему домашнему доктору, не рѣшаясь положительно утверждать даже этого факта, — но это, можетъ быть, просто потому, что я не надоѣдалъ ей, и она забываетъ о моемъ существованіи".

Можетъ быть, если бы всѣ окружающіе ее люди дали ей забыть о ихъ существованіи, она не имѣла бы такого запуганнаго и смущеннаго вида. Полуупрекающее, полуогорченное выраженіе хорошенькихъ глазокъ Дженни; встревоженное лицо матери, ея торопливыя робкія ласки; молчаливое сочувствіе, съ какимъ Дикъ подходилъ къ ней; сострадательные взгляды деревенскихъ жителей,—все это вмѣстѣ казалось ей жестокою, невыносимою докучливостью. „Отчего это они не могутъ оставить меня въ покоѣ? — шептала она иногда сама про себя, страдая и возмущаясь отъ какого-нибудь вполнѣ доброжелательнаго выраженія участія.—Ахъ, отчего они не могутъ оставить меня въ покоѣ!"

Ея чувствительность, повидимому, сосредоточилась исключительно на поверхности тѣла. Ея осязательные нервы болѣзненно реагировали на всякое внѣшнее прикосновеніе, но внутреннія чувства ея совершено замерли. Смерть кого-нибудь изъ близкихъ, вѣроятно, ни произвела бы на нее впечатлѣнія; въ то же время какое-нибудь безтактное слово могло привести ее въ отчаяніе. Та же несоразмѣрность ощущеній съ вызывающими ихъ причинами мучила ее и физически. Одинъ разъ мать, проходя мимо софы, на которой дѣвушка лежала почти цѣлыми днями, остановилась и накрыла ее плэдомъ. Она вдругъ рѣзко вскрикнула, точно будто ее ударили, и, поднявъ руку, показала на то мѣсто, до котораго слегка коснулись пальцы матери: красное пятно, точно отъ обжога.

Въ одинъ майскій вечеръ мистеръ Латамъ, возвращаясь домой изъ банка, встрѣтилъ жену, которая ожидала его на подъѣздѣ.

— Входи потихоньку, Альфредъ,—сказала она.—Оливія лежитъ въ гостиной на софѣ. Она сейчасъ только уснула. Мы цѣлый день мучились съ ней.

— Опять головная боль?

Оливія теперь обыкновенно вставала по утрамъ поздно, и онъ не видалъ ее до отъѣзда изъ дома.

— Да, страшнѣйшая. Сегодня утромъ она ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ, съ ума сходя отъ боли. Я посылала за мистеромъ Мортономъ.

— Онъ былъ?

— Да, онъ далъ ей что-то, чтобы облегчить страданіе, но говоритъ, что вылѣчить ее не можетъ. Онъ повторяетъ то же, что говорилъ лондонскій докторъ: у нея что-то есть на душѣ, и ей было бы легче, если бы она не скрывала этого. Альфредъ, не можешь ли ты заставить ее разсказать тебѣ? Если бы мы только знали...

— Не стоитъ намъ опять говорить объ этомъ, Мэри. Теперь совсѣмъ невозможно приставать къ ней съ допросами. Можетъ быть, впослѣдствіи она сама намъ скажетъ.

— Нѣтъ, не скажетъ, и она умретъ. Войди, посмотри на нее, она крѣпко спитъ. Я до сихъ поръ не замѣчала, до чего она извелась.

Онъ вошелъ въ комнату въ мягкихъ туфляхъ и остановился около спящей, удерживая дыханіе. Ея платье разстегнулось и открыло исхудалую шею и руки. Лицо ея, когда она спала, казалось лицомъ мертвеца.

Онъ тихонько отошелъ отъ нея и сталъ около окна.

— Господи Боже!—прошепталъ онъ.

Жена подошла, стала подлѣ него и взяла его подъ руку.

— Альфредъ, она умретъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Посмотри,—прошептала она,—идетъ телеграфистъ, онъ ее разбудитъ!

Мистеръ Латамъ открылъ окно:

Не звóните, телеграфистъ...

Но телеграфистъ не слышалъ его и сильно дернулъ звонокъ у входной двери. Оливія вскочила съ дивана съ дикимъ крикомъ, раздавшимся по всему дому.

— А! жандармы!..

Послѣ этого она вполнѣ проснулась и увидѣла отца съ матерью. Они ни о чемъ не спросили у нея, и она не дала имъ никакихъ объясненій; не говоря ни слова, ушла она въ свою комнату, а они остались на прежнемъ мѣстѣ, избѣгая глядѣть другъ на друга.

На слѣдующій день миссисъ Латамъ увидѣла, что Оливія одна въ саду, лежитъ на своемъ складномъ креслѣ. Она тихонько подошла къ ней сзади и обняла ее за шею.

— Не надо, мама,—сказала молодая дѣвушка, отстраняясь отъ нея,—вы мнѣ дѣлаете больно.

Миссисъ Латамъ сняла свои руки; она привыкла принимать, какъ необъяснимый фактъ, эту неестественную чувствительность къ прикосновенію.

Руки Оливіи лежали на ручкахъ кресла; мать стояла и наблюдала, какъ тонкіе волосики на этихъ рукахъ вдругъ

выпрямлялись, точно подъ вліяніемъ страха или холода, потомъ ложились и затѣмъ снова выпрямлялись.

— Оливія, дитя мое,—проговорила она, наконецъ,—скажи мнѣ, что такое съ тобой?

– Я вамъ ужъ говорила, мама, рѣшительно ничего. Я просто устала и не совсѣмъ здорова, больше ничего.

Миссисъ Латамъ опустила глаза и глядѣла на маргаритки.

— Видишь ли, моя милая, мы не могли не слышать, что ты сказала вчера, когда телеграфистъ разбудилъ тебя...

— Я ничего не говорила.

— Дорогая моя, я не требую у тебя откровенности. Но подумай, что мы должны были чувствовать, и твой отецъ, и я, когда мы услышали такое слово... Если бы ты только могла сказать намъ...

Она остановилась. Оливія поднялась съ кресла и стояла передъ ней молча, сжавъ губы.

— Отлично: вы подслушиваете, что я говорю во снѣ? Я очень рада, что вы мнѣ это сказали. Я, значитъ, живу среди шпіоновъ, это надо принять къ свѣдѣнію.

Оливія! – съ трудомъ проговорила миссисъ Латамъ. Во всю свою жизнь она ни отъ кого не слышала подобныхъ словъ, а теперь ея родная дочь бросила ихъ въ лицо ей. Оливія простояла съ минуту, глядя на нее странно блестящими глазами, и затѣмъ медленно пошла домой. Когда мистеръ Латамъ вернулся, онъ нашелъ жену безутѣшно рыдавшею и слово за слово разузналъ отъ нея, что случилось. Онъ поблѣднѣлъ, слушая ея разсказъ; такого рода грубость была настолько не въ характерѣ Оливіи, что онъ увидѣлъ въ ней подтвержденіе мучившихъ его опасеній.

— Гдѣ она? —спросилъ онъ.

— Въ своей комнатѣ. Альфредъ, не говори съ ней объ этомъ. Это я виновата; ты меня предупреждалъ, что ее не надо разспрашивать.

Не отвѣчая ей, онъ поднялся наверхъ и постучалъ въ комнату Оливіи. Она сидѣла у окна, по обыкновенію одна, и даже не повернула головы, чтобы посмотрѣть, кто вошелъ.

— Что, у тебя опять болитъ голова, дорогая?

— Нѣтъ.

— Хорошо ли ты спала сегодня ночью?

— Не хуже, чѣмъ обыкновенно.

— Мнѣ бы хотѣлось немножко поговорить съ тобой, если ты не чувствуешь себя дурно.

— Что такое?

Она продолжала сидѣть, не шевелясь. Онъ сталъ рядомъ

съ ней и взялъ ее за руку; но она отняла руку. Ея пальцы скользнули по его пальцамъ, точно ледяшки.

— Я засталъ твою мать въ слезахъ,—началъ онъ.—Ее очень разстроилъ разговоръ съ тобой въ саду. Она упрекаетъ себя за то, что раздражила тебя; но... она вѣдь твоя мать, Оливія, и ты знаешь, какъ она слаба здоровьемъ.

Оливія смотрѣла на свои холодныя, крѣпко сжатыя руки и ни однимъ знакомъ не обнаружила, что слышала его слова.

— Не думаешь ли ты, — рѣшился онъ, наконецъ, произнести, —что это нѣсколько... жестоко съ твоей стороны? Богъ свидѣтель, что я не хочу допытываться твоихъ тайнъ, но...

— Но вы не понимаете, какъ я могу быть настолько грубой, чтобы заставлять маму плакать? Я и сама этого не понимаю. Должно быть, у меня высохли тѣ железы, которыя выдѣляютъ дочернюю любовь, или какія-нибудь ткани переродились, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Къ чему мнѣ обманывать и притворяться, будто я люблю всѣхъ васъ, когда я васъ нисколько не люблю? Я, конечно, вела себя отвратительно относительно матери, но я бы ничего не говорила ей, если бы она оставила меня въ покоѣ.

— Не жестоко ли требовать этого отъ людей, которые любятъ тебя, хотя ты ихъ и не любишь? Развѣ могутъ они молчать, когда видятъ, что тебя мучатъ какіе-то страшные кошмары? Не могу ли я помочь тебѣ избавиться отъ этихъ страшныхъ видѣній? Я постараюсь понять тебя съ полуслова.

Оливія встала и прислонилось къ стѣнѣ; она посмотрѣла на отца; это былъ взглядъ безпомощнаго затравленнаго животнаго, выгнаннаго изъ его послѣдняго убѣжища, и сердце мистера Латама сжалось отъ раскаянія и жалости.

— Отецъ,—сказалъ она,—я пріѣхала домой, потому что мнѣ некуда было больше ѣхать. Неужели вы не дадите мнѣ пожить здѣсь немного, пока я отдохну? Я не долго буду безпокоить васъ. Развѣ я когда-нибудь требовала чего-нибудь лишняго отъ васъ или отъ мамы? Но если вы будете разспрашивать меня, мнѣ придется уйти.

— Уйти? куда? неужели опять туда?

— Все равно, куда-нибудь, хоть въ лѣсъ если у меня не хватитъ силъ идти дальше. Пусть я лучше умру съ голоду въ лѣсу, чѣмъ сойду съ ума отъ всѣхъ этихъ разспросовъ. Ахъ, отчего вы всѣ не можете оставить меня въ покоѣ! Куда я ни повернусь, вездѣ кто-нибудь да задастъ мнѣ вопросъ, вѣчно, вѣчно вопросы... Развѣ вы не видите, что это душитъ меня? Я не могу... дышать...

Ея голосъ превратился въ хриплый, сдавленный крикъ.

Она подняла руки и рвала на себѣ воротъ платья. Когда на испуганный зовъ отца сбѣжались служанки, она лежала, съ трудомъ переводя духъ, какъ человѣкъ, который совершенно задыхается. Никто не зналъ, что дѣлать при такомъ ужасномъ припадкѣ; но мало по малу судорожное сжатіе горла прошло и припадокъ кончился, оставивъ ее обезсильной. Отъ слабости она начала рыдать и, прижимаясь къ рукѣ отца, повторяла:

— Обѣщайте мнѣ не задавать вопросовъ! Скажите имъ, чтобы они меня не разспрашивали!

Онъ поцѣловалъ ее, вздохнулъ и ушелъ. Онъ далъ ей обѣщаніе, о которомъ она просила, потому что не могъ не дать; но онъ чувствовалъ, что дочь, которую никогда нельзя разспрашивать о томъ, что близко касается ея, стала плохимъ утѣшеніемъ для отца на старости лѣтъ.

II.

Съ половины лѣта Оливія начала сознавать, какое несчастіе грозитъ ей. Смутные страхи, преслѣдовавшіе ее весною, стали болѣе опредѣленными, тѣни болѣе темными, кошмары болѣе упорными; призраки, являвшіеся сначала мимолетно и поодиночкѣ, проходили теперь передъ ея закрытыми въ полуснѣ глазами длинными процессіями попеременно, то свѣтлѣя, то темнѣя, словно двигающаяся картинка волшебнаго фонаря; но пока ничего, кромѣ этого, еще не было.

Первый разъ она увидѣла галлюцинацію на яву въ одинъ жаркій іюньскій день. Она была одна и лежала въ саду подъ тѣнью большого орѣховаго дерева. Солнечныя пятна скользили по ея лицу и платью; за два шага отъ нея цвѣтущій кустъ лаванды купался въ солнечныхъ лучахъ. Она лежала нѣсколько времени съ закрытыми глазами, прислушиваясь къ жужжанію пчелъ; потомъ, приподнявшись на локтѣ, она окинула взглядомъ садъ. Онъ блисталъ самыми разнообразными красками. Около подъѣзда дома желтыя и пунцовыя розы выдѣлялись на фонѣ кустовъ жасмина; синія королевскія шпоры, красныя гвоздики, ноготки и золотоцвѣтники пестрѣли на клумбахъ; съ рѣшетокъ перекидывались надъ дорожками длинные стебли красныхъ клематисовъ. Подлѣ нея ярко зеленѣла живая изгородь, оттѣняя сѣроватые листья лаванды.

Вдругъ всѣ краски исчезли, свѣтъ померкъ. Какая-то дѣвушка,—какъ будто она и не вполнѣ она—двигалась въ полутемной комнатѣ, не круглой, но многосторонней; всѣ

обои на стѣнахъ этой комнаты были картинами. Другая дѣвушка, тоже она, враждебно относившаяся къ первой, наблюдала за ней. Она видѣла, какъ первая, настоящая она, обратилась къ одной изъ разрисованныхъ стѣнъ, и вдругъ картина исчезла, и вмѣсто нея появился черный квадратъ, точно кто-то закрылъ стѣну занавѣской. Черезъ минуту такимъ же образомъ исчезла вторая картина, за ней третья, всюду появлялись черные квадраты. Страхъ охватилъ безпомощную дѣвушку, она кинулась съ протянутыми руками къ ближайшему черному квадрату, но руки ея прошли насквозь въ пустое пространство, ничего не коснувшись.

Тогда она устремила глаза на одну изъ стѣнъ: на ней изображенъ былъ ландшафтъ съ травой, деревьями и вьющейся рѣчкой; она внимательно смотрѣла на картину, стараясь не замѣчать, какъ исчезаютъ стѣны, какъ темнота охватываетъ все вокругъ; но вотъ, въ одномъ углу картины появилось темное пятно, потомъ протянулась длинная темная полоса, и черезъ минуту деревья, трава и вода, все исчезло, и внѣшняя тьма смотрѣла на нее жадными глазами, словно волкъ. Тогда и только тогда несчастная поняла, что вся окружающая ее обстановка, всѣ ея радости, вся ея любовь, всѣ ея боги, все это—только миражи, скрывающіе отъ нея тьму.

Между тѣмъ, вторая она продолжала спокойно и равнодушно наблюдать. Она видѣла, что первая стоитъ на небольшомъ кусочкѣ пола, уцѣлѣвшемъ, точно островъ, среди безграничнаго чернаго моря. Она видѣла, что этотъ послѣдній кусочекъ качнулся и исчезъ, что несчастная погрузилась въ темныя волны, которыя сомкнулись надъ ея головой и заглушили ея отчаянные крики. Она видѣла и смѣялась, и не хотѣла протянуть руку помощи, такъ какъ не было жалости въ ея опустошенномъ сердцѣ.

Несчастная боролась, старалась спастись, напрасно звала на помощь, она металась, опускалась внизъ, всплывала и падала, а черныя волны двигались вокругъ нея, скользили между ея пальцевъ, слѣпили ей глаза; какія-то свѣтлыя, блестящія фигуры пролетали въ пустомъ пространствѣ то близко, то далеко отъ нея; она протягивала къ нимъ руки, она молила ихъ, она стонала, припадая къ ихъ ногамъ; но ни одна изъ нихъ не хотѣла помочь ей. Безумно стремясь къ свѣту, который исходилъ отъ нихъ, она схватывала и старалась удержать ихъ, но нѣкоторыя изъ нихъ были холодны и скользки, онѣ уходили изъ-подъ ея слабыхъ пальцевъ, другія оказывались просто миражемъ, который исчезалъ при ея прикосновеніи. И она снова падала все ниже и ниже, и темныя волны снова смыкались надъ ея головой.

Но вотъ внутри ея самой появилось черное пятно, не-

замѣтная точка пустоты, которая все росла и росла. Это была внутренняя пустота; она стремилась соединиться съ внѣшней и слиться съ нею; стремилась окончательно уничтожить то существо, которое воображало, будто живетъ, между тѣмъ какъ было простымъ миражемъ, подобно всему, что есть на небѣ и на землѣ.

Первый реальный предметъ, который вернулся къ ней, были ярко зеленые подстриженные кусты живой изгороди; затѣмъ въ глаза ей бросилась вся радуга красокъ цвѣтника, и пчелы зажужжали въ лавандѣ. Она лежала тихо, не смѣя шевельнуться.

Мимо сада проѣхалъ кабріолетъ отца ея. Поровнявшись съ орѣховымъ деревомъ, мистеръ Латамъ наклонился и бросилъ ей пучекъ жимолости.

— Вотъ тебѣ твои любимцы!

Она протянула руку, чтобы взять розоватые цвѣтки, упавшіе къ ней на колѣни, и вдругъ отдернула ее, не рѣшаясь дотронуться до нихъ: можетъ быть, это не настоящіе цвѣты, можетъ быть, это тоже миражъ...

Она прижала холодныя руки къ глазамъ, чтобы не смотрѣть на жимолость. Какъ знать, не исчезнетъ ли она отъ ея взгляда?

Она, должно быть, долго пролежала такимъ образомъ; когда она услышала голосъ матери, тѣнь дерева передвинулась, и солнце свѣтило прямо на ея ничѣмъ не защищенную голову.

— Дорогая моя, у тебя опять разболится голова, напрасно, ты лежишь на солнцѣ. Что это, ты дрожишь?

— Холодно!—слабымъ голосомъ проговорила она, вздрагивая.

— Холодно!—въ такую погоду? Господи, у тебя руки холодныя, какъ ледъ, и влажныя! Лучше бы ты пошла въ комнаты.

Молодая дѣвушка молча повиновалась. Она опять вздрогнула, когда мать поцѣловала ее въ лобъ. Съ какой стати миражъ и вдругъ цѣлуетъ?

Страхъ сойти съ ума въ первый разъ напалъ на нее въ эту ночь, во время безсонницы. Она заснула, какъ только легла въ постель, и проснулась отъ крика: „Воды! воды! воды!“ который она столько разъ слыхала. На этотъ разъ сонъ былъ такой живой, что, когда она проснулась, ей казалось, будто звукъ раздается у самаго ея уха.

Она сдвинула со лба волосы, они были мокры и спутаны, а руки ея дрожали. Нѣтъ, къ этому никогда нельзя привыкнуть; послѣ всякаго кошмара пробужденіе было такъ же ужасно теперь, какъ и въ первое время.

Она вспомнила сегодняшнее видѣніе. Оно явилось при яркомъ дневномъ свѣтѣ, когда она не спала и вполнѣ владѣла своими чувствами. Крикъ „воды!“ она слышала во снѣ. Если онъ повторится на яву... Она сразу поняла. Если это случится, это будетъ признакомъ, что сумасшествіе надвигается.

День за днемъ, ночь за ночью она ждала и прислушивалась. Иногда, когда она лежала безъ сна, біеніе ея пульса, казалось, повторяло: воды, воды!—но, какъ звукъ, она слышала этотъ крикъ только во снѣ. За то другого рода ужасъ не оставлялъ ея. Къ сентябрю она стала такъ часто видѣть призраки, что не рѣшалась прикасаться къ окружающимъ предметамъ, опасаясь, что все это—миражи. Садъ особенно страшилъ ее; его пестрыя краски, его яркое освѣщеніе все это былъ обманъ. Внутри дома ее пугала лѣстница. Что, какъ она вдругъ разлетается въ прахъ отъ прикосновенія ея ноги? Хуже всего были пустыя фигуры, называемыя отецъ, мать, сестра, онѣ двигались и разговаривали, точно живыя существа, онѣ цѣловали ее губами, которыя уже начинали исчезать.

Осенью она стала немного менѣе слаба и худа; а въ началѣ зимы одно чисто случайное обстоятельство на время отвлекло ея умъ отъ его долгаго кошмара. Въ деревнѣ умерла маленькая дѣвочка; ея мать, жившая раньше служанкой у Латамовъ, сказала Дику Грею, что ей очень хотѣлось бы, чтобы барышни пришли посмотрѣть покойницу.

Когда онъ спросилъ Джени, пойдетъ ли она съ нимъ къ несчастной женщинѣ, Джени сразу согласилась, хотя съ маленькой гримасой. Она терпѣть не могла покойниковъ и еще не научилась любить обитателей котеджей; но она искренно хотѣла сдѣлать все, что могла, для утѣшенія бѣдной матери, особенно, если Дикъ одобритъ это.

— А вы?—спросилъ онъ, обращаясь къ Оливіи.

— Пожалуй, если хотите,—отвѣчала она, не поднимая головы,—мнѣ все равно.

Онъ опустилъ глаза. Ему вспомнилась прежняя Оливія, которую не нужно было бы приглашать; матери прибѣгали къ ея помощи, она сама своими сильными и нѣжными руками убирала маленькихъ покойниковъ.

Когда они подошли къ кроваткѣ умершей дѣвочки, мать сняла покрывало, накинутое на ея личико. Со слезами показала она имъ, какъ тщательно разглажено платьице, надѣтое на ней; не малымъ утѣшеніемъ въ горѣ служило ей то, что у ея дочурки будетъ все, какъ слѣдуетъ, „не хуже, чѣмъ у господскихъ дѣтей“.—Намъ придется взять лишнюю работу, чтобы заплатить за него, сказала она, указывая на

гробикъ съ блестящими ручками и атласной обивкой,—но мы ни за что не хотѣли положить ее въ простой, дешевый гробъ.

Дикъ привѣтливо похвалилъ гробикъ и чистую одежду ребенка. Джени, побѣдивъ свое отвращеніе, положила нѣсколько бѣлыхъ хризантемъ на грудь покойницы и пробормотала двѣ-три банальныя фразы утѣшенія. Огорченная женщина, рыдая, произнесла:

— Да, конечно, миссъ Джени... Благодарю васъ сэръ,—но глаза ея искали Оливію.—Миссъ Оливія, дорогая моя,—обратилась она къ ней,—вы тоже испытали горе, это видно по вашему лицу, вы понимаете, что я чувствую. О!—она залилась слезами,—никогда я не думала, что мнѣ придется хоронить ее.

Оливія посмотрѣла на нее и сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы понять, что происходитъ.

— Въ сущности,—сказала она,—вѣдь это все не важно. Она умерла, это несомнѣнно. Главное, чтобы человѣка не зарыли въ землю живымъ...

Она остановилась, сразу сообразивъ, что сказала что-то невозможное, чудовищное: женщина отняла отъ глазъ передникъ и глядѣла на нее съ ужасомъ и изумленіемъ.

— Оливія!—вскричала Джени, когда онѣ вышли на улицу,—какъ ты можешь быть такой жестокой!

— Что же дѣлать, если я такой родилась,—отвѣчала она.—Это все до того нелѣпо!

— Что нелѣпо?

— Не знаю: покойники, утѣшенія, разглаженныя платья. Человѣкъ плачетъ, потому что умеръ тотъ, кого онъ любилъ, а мы должны ему сочувствовать. Къ чему это все? Дѣвочка умерла такъ же, какъ другіе. Многіе изъ насъ умерли, только этого никто не замѣчаетъ.

Джени открыла ротъ, чтобы возразить, но Дикъ, оставшійся послѣ нихъ въ котеджѣ, догналъ ихъ въ эту минуту и сдѣлалъ ей знакъ молчать.

— Возьмите меня подъ руку, Оливія,—сказалъ онъ.

Идти имъ было недалеко; но когда они вошли въ садъ, онъ почувствовалъ, что Оливія тяжело опирается на его руку. Лицо ея было мертвенно блѣдно.

— Оливія!—вскричала Джени,—милая, что съ тобой?

— Ничего!—У входа на лѣстницу Оливія отняла руку отъ Дика. Джени подбѣжала къ ней съ тревогой.

— Тебѣ дурно, у тебя ужасный видъ! Мистеръ Грей...

Оливія медленно обернулась и посмотрѣла на нихъ, держась за перила лѣстницы въ напряженной позѣ человѣка, на котораго нападаютъ.

— Оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ совсѣмъ не дурно; мнѣ никогда не бываетъ дурно; я просто устала. Понимаете: я устала.

Она отвернулась отъ нихъ и пошла наверхъ.

Въ эту ночь она ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ и роптала на Бога и людей. Видъ умершаго ребенка пробудилъ въ ней сознаніе, что она живетъ и обречена жить, что ея желѣзные нервы не сломятся ни при какомъ несчастіи. Отчего же другіе люди умѣютъ и умирать безъ труда, и забывать. Все дается имъ легко: жизнь и смерть, слезы и забвеніе; все, даже сонъ; навѣрно, мать умершей дѣвочки спитъ теперь крѣпкимъ сномъ, хоть у нея глаза и опухли отъ слезъ. На будущую весну у нея родится другой ребенокъ, она будетъ шить ему платьица со складочками да съ оборочками и забудетъ свою утерянную дѣвочку.

И вотъ неожиданно появилась въ душѣ ея какая-то давно исчезнувшая тѣнь той Оливіи, которую любилъ Владиміръ, той Оливіи, которая такъ нѣжно сострадала всякому чужому горю, и глаза ея наполнились слезами при воспоминаніи о заплаканномъ лицѣ несчастной матери. Но эта тѣнь быстро исчезла и смѣнилась другой Оливіей, которая тряхнула головой и засмѣялась. Ахъ! эти огорченныя лица счастливыхъ людей, которые оплакиваютъ своихъ покойниковъ, умершихъ такъ спокойно, среди такихъ нѣжныхъ заботъ! Они, конечно, горько поплачутъ день или два, самое большее недѣлю; потомъ пойдутъ въ церковь въ нарядныхъ траурныхъ платьяхъ, помолятся тамъ и осушатъ свои слезы. И эти люди воображаютъ, будто знаютъ, что такое адкія муки.

О! какъ ужасно сознавать это раздвоеніе своей личности: одно *я* чувствуетъ, другое *я* видитъ это и насмѣхается.

Она подняла руки и заломила ихъ надъ головой.

— Я схожу съ ума!—громко прокричала она.—Кароль, я схожу съ ума!

Кароль... да, Кароль не принадлежитъ къ тѣмъ нарядным, довольнымъ людямъ, которые оплакиваютъ своихъ покойниковъ. Но, можетъ быть, и Кароль тоже миражъ.

Руки ея медленно опустились. Она легла въ свою холодную постель и лежала безъ сна въ темнотѣ.

Передъ Рождествомъ выпалъ первый снѣгъ; поздно вечеромъ отецъ нашелъ ее въ саду босою, она ходила въ припадкѣ лунатизма, и бѣлые хлопья падали на ея распущенные, ничѣмъ не покрытые волосы. Онъ попробовалъ, нельзя ли, не разбудивши, отвести ее въ ея комнату; но, при

первомъ прикосновеній его, она подняла руки со страшнымъ крикомъ:

— Ай, ай, я въ снѣгу, въ снѣгу!

Она стала обѣими руками неистово сбрасывать снѣгъ у себя съ лица и съ шеи.

— Оливія!—позвала ее миссисъ Латамъ, выбѣжавъ на шумъ голосовъ; и молодая дѣвушка, вся дрожа, прижалась къ груди ея. Въ первый разъ послѣ своего возвращенія она отвѣтила на ласку матери, и то только на минуту. Все еще дрожа, она отшатнулась онъ нея и посмотрѣла на нихъ жесткимъ взглядомъ, который такъ тревожилъ ихъ.

— Ничего, благодарю васъ. У меня былъ кошмаръ: это отъ... снѣга.

Не смотря на ночные кошмары, физическія силы возвращались къ ней. Въ февралѣ она уже могла, не уставая, дѣлать большія прогулки и проявляла безпокойную энергію взамѣнъ мертвенной пассивности прошлаго года. Большую часть времени она проводила теперь, бродя по обнаженнымъ лѣсамъ. Бездѣятельность была настолько противна ея природѣ, что при первомъ поворотѣ ея здоровья къ лучшему у нея явилось желаніе уѣхать изъ этого соннаго мѣстечка, отъ этихъ праздныхъ людей. А между тѣмъ, когда у нея мелькала мысль вернуться въ Лондонъ и приняться за прежнюю работу, она съ ужасомъ отгоняла ее.

— Я не могу быть больше сидѣлкой,—повторяла она себѣ каждый день, шагая по холоднымъ, мокрымъ лѣснымъ дорожкамъ. Она покончила со своей профессіей въ ту минуту, когда сошла съ лѣстницы вслѣдъ за синими мундирами. Это была не ея вина, но это случилось, измѣнить этого никакъ нельзя. Она, сидѣлка, не сумѣла защитить отъ физическаго насилія паціента, порученнаго ей; не сумѣла умереть, защищая его. Это еще хуже, чѣмъ если бы она подверглась оскорбленію ея женской чести и пережила это оскорбленіе. Сотни разъ повторяла она себѣ мысленно всѣ подробности той сцены и мучила себя напрасными предположеніями. Могла ли она что-нибудь сдѣлать? Что случилось бы, если бы она не покорилась, если бы она бросила зажженную лампу въ лицо офицера? Она понимала, что въ результатѣ явилось бы еще болѣе грубое обращеніе съ умирающимъ. Но, можетъ быть, это было бы лучше? Можетъ быть, онъ умеръ бы быстрѣе и не страдалъ бы такъ долго?

Когда зима уступила мѣсто веснѣ, и съ возрастаніемъ физическихъ силъ явилось постепенно пробужденіе ея замершей души, она стала, наконецъ, сознавать, насколько испорчена вся ея жизнь. Ей ничего не оставалось, какъ про-

зябать въ этой болотистой дырѣ и постоянно дрожать передъ не покидавшими ее призраками.

Какъ-то разъ, въ началѣ апрѣля, рано утромъ, послѣ ночи страшныхъ видѣній, заставившихъ ее убѣжать изъ своей комнаты и безцѣльно бродить по полямъ, она замѣтила Дика Грея, который шелъ, весело посвистывая, по тропинкѣ, поднимавшейся съ низкихъ болотистыхъ участковъ земли.

Она повернула, чтобы не встрѣтиться съ нимъ; но онъ увидалъ ее, ускорилъ шагъ и нагналъ ее около вишневаго дерева, покрытаго цвѣтами. Его хорошо сложенное, здоровое тѣло и его поношенное платье говорили какъ будто о холодныхъ ваннахъ, о физическихъ упражненіяхъ на открытомъ воздухѣ и о дѣятельной любви къ человѣчеству.

Сапоги его были покрыты грязью болотъ; и когда онъ подбѣжалъ къ ней, съ глазами, блестѣвшими изъ-подъ старой шляпы, пустой кофейникъ звенѣлъ въ рукѣ его.

— Оливія! Какъ пріятно встрѣтить васъ такъ рано, точно въ былыя времена. Не правда ли, какое чудное утро?

— Да, кажется,—отвѣчала она, окинувъ взглядомъ покрытые росой луга.

Лицо его сразу затуманилось.

— Опять плохо спали? Ахъ, моя бѣдная, какъ мнѣ васъ жаль!

Губы ея сжались. Она какъ-то нервно боялась всѣхъ выраженій сочувствія со стороны близкихъ людей; ей казалось, что вслѣдъ затѣмъ непремѣнно явятся ненавистные ей вопросы. Поэтому она поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Вы, должно быть, были въ Нижнемъ Гилофордѣ? Это замѣтно по вашимъ сапогамъ.

— Да, я носилъ старой Сусаннѣ Мэдъ ея завтракъ. Она лежитъ въ ревматизмѣ, и никто не хочетъ ничего для нея дѣлать изъ-за ея дурнаго характера. Бѣдняга каждое утро повторяетъ мнѣ, что „не вѣритъ въ священниковъ и не нуждается ни въ какихъ благодѣяніяхъ“. Очень любезно, не правда ли? Я увѣрялъ ее сегодня, что и самъ не особенно долюбливаю пасторовъ, а что касается благодѣяній, то—ей нравится горячій кофе, а мнѣ нравятся раннія прогулки. Какой сегодня удивительный солнечный восходъ, не правда ли?

Легкая улыбка скользнула по лицу Оливіи.

— Почему вы смѣетесь?—тотчасъ же спросилъ онъ.

— Я подумала, что сказалъ бы ректоръ, если бы слышалъ вашъ разговоръ съ Сусанной.

Дикъ громко расхохотался.

— Добрый старикашка Викгамъ! Я думаю, онъ каждый вечеръ въ своихъ молитвахъ спрашиваетъ, за что Богъ наказалъ его, пославъ ему соціалиста въ викаріи. По правдѣ сказать, не посчастливилось старому толстяку!

Онъ замолчалъ и сталъ топтать ногой кустъ травы.

— Вотъ что, Оливія: я давно хотѣлъ поговорить съ вами, да все какъ-то не выходитъ. Я...

Онъ опять остановился. Оливія стояла неподвижно и смотрѣла на него, сурово сжавъ губы.

— Вы знаете, я никогда не дѣлалъ вамъ никакихъ вопросовъ, послѣ того, что вы мнѣ тогда сказали въ вагонѣ,— продолжалъ онъ, торопясь,—и теперь я не стану говорить, какъ я вамъ сочувствую и все такое. Но вѣдь это... это ужасно видѣть, какъ человѣкъ можетъ сгорѣть въ одинъ годъ! Можетъ быть, вы скажете, что мнѣ за дѣло?

Ея глаза сверкнули.

— Да, я скажу, что вамъ за дѣло.

— Вотъ что мнѣ за дѣло: я васъ любилъ, любилъ преданно нѣсколько лѣтъ и... не особенно надоѣдалъ вамъ своею любовью. Теперь я хотѣлъ бы одного, чтобы вы не сторонились отъ всѣхъ людей, для которыхъ вы дороги, даже если мы и не можемъ помочь вамъ. Видите ли, обо мнѣ говорить не стоитъ: я, въ сущности, оселъ, на меня можно не обращать вниманія,—но изъ-за этого вашъ отецъ состарился раньше времени...

Она, не говоря ни слова, повернулась къ нему спиной и притянула вѣтку цвѣтущей вишни къ своему лицу. Вся фигура ея выражала такое горе, что онъ не смѣлъ продолжать. Наконецъ, онъ приблизился къ ней на шагъ.

— Оливія, я... я васъ разсердилъ?

— Ахъ нѣтъ, не сержусь; только я нахожу, что не стоитъ объ этомъ говорить. Я знаю, вы всѣ очень добры, но лучше, если бы вы меня оставили въ покоѣ.

Она замолчала, потомъ подняла голову, продолжая нагибать вѣтку.

— Вы говорите объ отцѣ... Я думаю, мнѣ, дѣйствительно, слѣдовало держаться подальше отъ родныхъ, да и отъ всѣхъ вообще. Это было бы лучше для всѣхъ васъ и... менѣе тяжело для меня.

Вѣтка задрожала подъ ея рукой.

— Отецъ былъ очень добръ, очень терпѣливъ... да и всѣ также. Я... я скоро уѣду.

Ея голосъ замеръ; она смотрѣла прямо передъ собою расширенными глазами.

— Я совершенно не понимаю, что вы хотите сказать,— проговорилъ Динъ. —Я говорю съ вами наугадъ; но я знаю,

что самое лучшее средство противъ личнаго горя это имѣть что-либо постороннее ему, во что вѣришь. Я страшно жалѣю теперь, что мнѣ не удалось въ прежнее время обратить васъ въ соціализмъ. Если бы я не былъ тогда такимъ глупымъ осломъ...

— Соціализмъ? — Вишневая вѣтка вернулась на свое мѣсто.

Оливія повернулась къ нему и засмѣялась подъ дождикъ бѣлыхъ лепестковъ, осыпавшихъ ее.

— Пилюли Моррисона для всеобщаго благополучія? На выборъ, какія желаете, Гампстонскія съ экономической статистикой и послѣобѣденнымъ чаемъ, или Бермандсейскія, которыя вы такъ любили, съ пивомъ и флагами. Я думаю, что если бы я къ чему-нибудь пристала, то скорѣй всего къ анархизму; къ той его разновидности, которая процвѣтаетъ въ глухихъ улицахъ Сохо, съ накрашенными усами и коробочками изъ подъ сардинокъ, наполненными взрывчатыми веществами. У нихъ, по крайней мѣрѣ, интересно.

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и пристально глядѣлъ на нее; его загорѣлое лицо поблѣднѣло.

— Простите меня, дорогая,—проговорилъ онъ сухо. — Я былъ виноватъ, что позволилъ себѣ вмѣшаться въ ваши дѣла. Въ другой разъ я этого не сдѣлаю.

Глаза дѣвушки смягчились.

— Мнѣ жаль, что я васъ огорчила, Дикъ; мнѣ не хочется быть грубой ни съ вами и ни съ кѣмъ, если только вы меня оставите въ покоѣ. Но поймите, пожалуйста, что вы не можете помочь мнѣ, никто на свѣтѣ не можетъ. Я должна сама выбраться на дорогу.

На лицѣ ея снова появилось выраженіе страха. Она отвернулась отъ него и медленно направилась къ дому. Онъ смотрѣлъ, какъ она шла по тропинкѣ и остановилась около куста маргаритокъ, которыя выглядывали изъ-подъ влажной травы своими широко раскрытыми чашечками. Его охватилъ ужасъ, когда онъ увидѣлъ, какъ спокойно раздавила она своимъ каблукомъ невинный бѣлый цвѣточекъ. Она пошла дальше, а онъ глядѣлъ ей вслѣдъ съ печальнымъ недоумѣніемъ.

Неужели это Оливія, и неужели она считаетъ, что ничто живое не должно жить и наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ, потому что ея Владиміръ умеръ?

III.

Ясное майское солнце освѣщало поля клевера, кусты боярышника около рощи и бѣлыя ступеньки около поворота дороги.

Кароль шелъ со станціи Гетбриджъ и остановился полюбоваться зелеными холмами и золотистыми лютиками на лугахъ.

У него былъ цѣлый свободный день, и ему некуда было торопиться. При данныхъ обстоятельствахъ это было очень пріятно; ему надобно имѣть крѣпкіе нервы для свиданія съ Оливіей; а въ послѣднее время ему становилось трудновато справляться съ ними. Правда, до сихъ поръ это еще удавалось ему, никто не догадывался, что съ нимъ творится что-то неладное, но самъ онъ это давно замѣтилъ и теперь зналъ, въ чемъ дѣло. Къ счастью, такого рода болѣзни развиваются медленно; теперь ему не время сдаваться, онъ успѣетъ раньше много наработать.

Онъ сѣлъ на лѣсенку, поставивъ одну ногу на нижнюю ступеньку какимъ-то странно неловкимъ движеніемъ, и глядѣлъ на переливы свѣта и тѣни по откосамъ полей. Нѣсколько цвѣтковъ рѣпы, случайно выросшихъ на клеверномъ полѣ, гордо поднимали свои желтыя головки надъ красными цвѣтками клевера. Съ другой стороны дороги тянулось поле пшеницы, среди которой виднѣлся то ранній василекъ, то цвѣтокъ мака, а за нимъ шелъ участокъ, засѣянный бобами, распространявшими медовый запахъ. Въ ближнихъ кустахъ чирикала семья маленькихъ малиновокъ, еще не вылетѣвшихъ изъ гнѣзда.

Кароль вынулъ изъ кармана записную книжку и началъ просматривать, что ему предстоитъ дѣлать на будущей недѣлѣ. Ему надобно съѣздить въ Эссексъ повидаться по дѣлу съ однимъ человѣкомъ; потомъ необходимо побывать въ Шотландіи, гдѣ у поляковъ углекоповъ вышла ссора съ рабочимъ союзомъ. Впрочемъ, это можно отложить на время; прежде надо съѣздить въ Ливерпуль къ эмигрантамъ, которые тамъ буквально умираютъ съ голода. Въ Лондонѣ у него тоже назначено нѣсколько свиданій въ Эстъ-Эндѣ, одно въ кулуарахъ палаты общинъ, два въ Байсуатеръ... Онъ развернулъ планъ города.

— Эстъ Гамъ... нѣтъ, онъ самъ долженъ пріѣхать ко мнѣ, мнѣ некогда. Финсбюрипаркъ; гдѣ же это? Баттерси...

Ему сразу вспомнилась пріемная комната врача, въ которой онъ сидѣлъ нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Вы сами знаете,—говорилъ ему серьезный голосъ спеціалиста,—что эта болѣзнь неизлѣчима; но вы можете на нѣсколько лѣтъ задержать развитіе ея, если будете нѣкоторое время двигаться медленно, или если дадите себѣ полный отдыхъ.

— Я одинъ изъ организаторовъ дѣятельной и развивающейся политической партіи,—отвѣчалъ онъ: При той жизни, какую мнѣ приходится вести, я не могу двигаться медленно; что касается отдыха, то я успѣю отдохнуть, когда не въ состояніи буду работать.

— Не можетъ ли ваша партія обойтись безъ васъ хоть нѣсколько мѣсяцевъ? Вѣдь вы сами докторъ, вы не хуже меня знаете, что это значитъ.

Да, конечно, онъ зналъ. Но все равно, онъ долженъ устроить нѣсколько дѣлъ, прежде чѣмъ устраниться отъ всякой дѣятельности. И, конечно, прежде всего онъ долженъ повидаться съ Оливіей.

— Неужели всѣ ваши соотечественники такіе упрямые? — спросилъ спеціалистъ, когда они на прощанье жали другъ другу руку. Въ отвѣтъ онъ только пожалъ плечами; объяснять не стоило: съ его стороны это было вовсе не упрямство, а просто смерть мало пугала его. Онъ самъ рѣшитъ, когда долженъ прекратить свою жизнь, если болѣзнь не убьетъ его во время. Во всякомъ случаѣ, умъ его не утратитъ свою ясность, слѣдовательно, онъ по своей волѣ будетъ располагать обстоятельствами. Если человѣку не грозитъ ничего хуже этого... не грозитъ ничего хуже... Онъ уронилъ карту, нагнулся поднять ее, потомъ опустилъ руки и сидѣлъ неподвижно.

Вотъ гдѣ таился врагъ, вотъ тотъ скрытый страхъ, который преслѣдовалъ его. Было одно воспоминаніе, которое время отъ времени возвращалось къ нему и душило его. Къ счастью, оно возвращалось рѣдко; но возвращалось всегда внезапно, какъ звѣрь, который набрасывается на свою добычу безъ всякаго предупрежденія. Это было воспоминаніе объ одной ночи въ Акатуѣ.

Въ сущности, въ ней не было ничего замѣчательнаго, ничего страшнаго, кромѣ самаго страха. Когда дѣла шли дѣйствительно дурно, онъ не терялъ головы. Можетъ быть, онъ былъ отъ природы безчувственъ, можетъ быть, онъ былъ физически крѣпокъ и силенъ; во всякомъ случаѣ, ему удавалось устоять тамъ, гдѣ другіе или спивались, или сходили съ ума, или доходили до самоубійства. Онъ спокойно просидѣлъ три послѣднія ночи съ умиравшимъ Векшей, своимъ лучшимъ другомъ; темныя безконечныя ночи, когда больной задыхался, а онъ ничѣмъ не могъ облегчить его страданій,

Потомъ была голодовка; общая просьба всѣхъ заключенныхъ объ удаленіи грубаго надзирателя была оставлена безъ вниманія, и они рѣшили бороться съ начальствомъ. Въ концѣ концовъ они одержали верхъ; общее медленное самоубійство всѣхъ заключенныхъ произвело бы слишкомъ большой скандалъ и могло даже попасть въ иностранныя газеты; но побѣда была куплена дорогою цѣною. Въ послѣдній день, когда большая часть голодающихъвпала въ безпамятство отъ жажды, онъ оставался совершенно здоровымъ. Потомъ, когда припадки эпилепсіи приняли эпидемическій характеръ, и безпрестанно то тотъ, то другой заключенный съ крикомъ падалъ на полъ, онъ былъ въ числѣ не многихъ, устоявшихъ противъ болѣзни. Онъ оставался твердымъ и въ то время, когда младшій изъ товарищей спряталъ и тайкомъ выпилъ склянку купороса, предназначеннаго для работъ въ мастерской. Мальчикъ (ему было всего двадцать три года и они всѣ называли его „мальчикомъ") страдалъ тридцать часовъ, до конца не терялъ сознанія и умеръ на рукахъ Кароля.

Все это онъ видѣлъ, все осилилъ своею твердою волею, изъ всѣхъ этихъ ужасовъ не было ни одного, котораго бы онъ не могъ забыть, или не смѣлъ вспомнить. Но одна ночь въ его жизни была ужаснѣе всего остального.

Что именно тогда случилось, онъ не помнилъ, какая-то мелочь, какой-то пустякъ; какая-то случайная прибавка къ тысячи мелкихъ непріятностей, изъ которыхъ слагалась вся жизнь. И вдругъ онъ ясно созналъ, что дошелъ до предѣла, что не можетъ снести ничего больше, что при слѣдующемъ испытаніи онъ сойдетъ съ ума. Ночью онъ сидѣлъ на краю наръ и боролся самъ съ собой, боролся не за то, чтобы сохранить бодрость, или покорность судьбѣ, или вѣрность тѣмъ высокимъ принципамъ, которые помогаютъ человѣку переносить черные дни, онъ боролся просто за жизнь. И даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, воспоминаніе объ этой ночи жгло его, какъ раскаленное желѣзо.

Нѣтъ, онъ можетъ быть глупцомъ, но во всякомъ случаѣ не надолго. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и стряхнулъ тяжелыя мысли.

Въ сущности, вѣдь это нелѣпо. Если онъ не сошелъ съ ума тогда, онъ не сойдетъ и теперь; что касается смерти, которая зависитъ отъ самого человѣка и для которой достаточно пріема морфія, то при нѣкоторой привычкѣ можно спокойно смотрѣть ей въ глаза.

Онъ сошелъ съ лѣсенки, поднялъ планъ, сунулъ его въ карманъ и, оперпшись руками на рѣшетку, окинулъ взглядомъ золотистые луга. Молодая дѣвушка въ голубомъ платьи шла среди лютиковъ. Когда она подошла ближе, небольшая

Жизнь Штирнера.

Въ половинѣ іюня минуло полъ вѣка со смерти Макса Штирнера, автора книги «Der Einzige und sein Eigenthum», которая лишь теперь становится доступной русскому читателю. Уже объявлено о предстоящемъ изданіи нѣсколькихъ переводовъ извѣстной книги. Пора знать что-нибудь и объ ея авторѣ. Для этого есть одинъ источникъ—книга Д. Г. Макая, которую русская цензура до сихъ поръ не рѣшается пропустить черезъ границу. Остается—вмѣсто недоступнаго нѣмецкаго оригинала—дать читателямъ его русское изложеніе. Жизнь Штирнера этого стоитъ: какъ она ни сложилась, она—жизнь человѣка, носившаго великія мысли.

«Мы не имѣемъ свѣдѣній о Штирнерѣ, о его личности и жизни. Знаемъ только, что онъ былъ неудачникъ и умеръ въ неизвѣстности и нищетѣ». Такъ писалъ Н. К. Михайловскій въ 1894 году, излагая ученіе не то знаменитаго, не то забытаго нѣмецкаго философа и сопоставляя его ученіе съ воззрѣніями Ничше. Не простое любопытство и не условности литературныхъ формъ вызывали въ Н. К. Михайловскомъ желаніе знать конкретныя подробности жизни создателя «эгоистической» философіи, которою онъ такъ интересовался и съ которою первый познакомилъ русскихъ читателей *). Жизнь и личность моралиста всегда представляетъ особый интересъ для освѣщенія его ученія, а тѣмъ болѣе жизнь теоретика эгоизма. Даже въ жадности толпы къ знакомству съ подробностями поведенія проповѣдника альтруистической нравственности есть нѣчто, кромѣ простаго любопытства, ищущаго разоблаченій: люди хотятъ, чтобы мораль была не только теоретической, но и практической истиной, чтобы она была оправ-

*) Собственно, упоминанія о Максѣ Штирнерѣ и его книгѣ мы встрѣчаемъ въ русской литературѣ задолго до Н. К. Михайловскаго: Анненковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (III, 198—201) сохранилъ намъ отзывъ о ней Бѣлинскаго; о ней же есть упоминаніе и въ статьѣ Хомякова: „По поводу Гумбольдта“ (Сочиненія, т. I, изд. 1900 г., стр. 150—151). Беремъ эти указанія изъ брошюры г. Саводника, „Ничшеанецъ 40-хъ годовъ“ (Москва, 1902), который, какъ видно, не знакомъ со статьей Н. К. Михайловскаго о Штирнерѣ: иначе онъ, конечно, не обошелъ бы ее молчаніемъ.

дана не только ихъ внутреннимъ чувствомъ, но и всею жизнью проповѣдника. Есть глубокій смыслъ въ извѣстномъ анекдотѣ о томъ, какъ создатель одной изъ многихъ новыхъ религій выставлялъ на видъ ея преимущества предъ христіанствомъ, а остроумный государственный человѣкъ отвѣтилъ ему: «Ваша религія превосходна; вамъ остается только быть распятымъ за нее». Казалось бы, истина есть истина, и намъ нѣтъ дѣла до того, воплотилъ ли ее въ себѣ тотъ, кто ее вѣщаетъ. Но есть нѣчто отчуждающее въ нравственномъ ученіи, проповѣдникъ котораго, бія себя по персямъ, возглашаетъ: «Вотъ какъ надо жить свято. Мнѣ это не удалось».

Можетъ показаться, что съ проповѣдникомъ эгоизма этого не будетъ, такъ какъ ему легче быть на высотѣ своей философіи. Это, конечно, грубая ошибка. Одно требованіе лежитъ въ основѣ всякой морали эгоизма, какъ бы она отъ этого ни отрекалась: требованіе быть самимъ собой. Для того, кому это требованіе не лазейка отъ обязанностей, а неустрашимый, непобѣдимый законъ его жизни, оно серьезно, и исполненіе его равно тому, что называется самопожертвованіемъ. Да оно и включаетъ въ себя самопожертвованіе. И жизнь Штирнера—простая, незамѣтная, ровная, отвѣчала его требованіямъ. Не съ высоты его ученія, которое вѣдь подлежитъ разнымъ толкованіямъ, надо судить его жизнь; но съ точки зрѣнія прожитой имъ жизни взглянуть на его ученіе; она его можетъ и должна пояснять.

Біографъ Штирнера, нѣмецкій писатель Д. Г. Макай, въ началѣ работы надъ исторіей его жизни, подходилъ къ ней съ своими требованіями, и ему казалось, что это требованія ученія Штирнера. Но, продѣлавъ невѣроятно трудную работу собиранія свѣдѣній о забытомъ человѣкѣ и получивъ впервые возможность бросить общій взглядъ на жизнь философа, онъ понялъ свою ошибку. «Не только глубокое отчаяніе, но великое разочарованіе охватывало меня по мѣрѣ того, какъ, подвигаясь все далѣе и далѣе впередъ, я яснѣе и яснѣе видѣлъ, какъ несложна, какъ чужда событій была эта жизнь. Я ждалъ чего-нибудь необычайнаго, но не нашелъ ничего подобнаго. Неужто жизнь такого человѣка можетъ быть бѣдна внѣшними большими событіями? Этого я не могъ понять. Но лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ я съ каждымъ годомъ все глубже и глубже входилъ въ духъ творенія и исторію жизни его создателя, меня охватывалъ стыдъ: я понялъ мою ошибку, я понялъ, что эта жизнь могла быть только такою, какой она была, и не могла быть иною. И я ужъ не искалъ въ ней великихъ событій, но въ тихой работѣ старался только заполнить ея пробѣлы. Теперь, наконецъ, я знаю, что жизнь Штирнера совсѣмъ не была противоположностью его великому созданію: наоборотъ, она была яснымъ и простымъ выраженіемъ его послѣднихъ выводовъ, ихъ необходимымъ слѣдствіемъ, безъ всякаго,

внѣшняго или внутренняго, противорѣчія». Она была, конечно, не тѣмъ, что мы называемъ красивой, яркой, сильной жизнью. Но Штирнеръ никому и не обѣщалъ прожить такую жизнь: жилъ, какъ жилось—и чувствовалъ на это право. Недаромъ всетаки его сѣрая жизнь увѣнчана безсмертіемъ.

Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ родился 25 октября 1806 года въ Байретѣ; родители его были протестанты. Отецъ, «мастеръ духовыхъ инструментовъ» — онъ дѣлалъ флейты—умеръ отъ чахотки черезъ полъ года послѣ рожденія сына. Мальчику было около трехъ лѣтъ, когда мать его вступила во второй бракъ и уѣхала съ мужемъ въ Кульмъ, въ Пруссіи; сынъ жилъ при ней до гимназіи. Быть можетъ, извѣстность, которою уже тогда пользовалась байретская гимназія, была причиной того, что Іоганнъ Каспаръ, для прохожденія гимназическаго курса, переселился обратно въ свой родной городъ. Онъ жилъ здѣсь у своего крестнаго отца, въ честь котораго получилъ имя, чулочника Штихта, и учился хорошо; если прибавить къ этому то, что его директоръ былъ восторженный ученикъ Гегеля, «обрѣтшій въ его ученіи абсолютную свободу своего духа и ученія», и что онъ бралъ частные уроки французскаго языка и игры на фортепьяно, то этимъ всѣ маломальски существенныя данныя о первыхъ двадцати годахъ жизни Штирнера будутъ исчерпаны. Если въ жизни мыслителя насъ интересуетъ только то, что даетъ возможность заглянуть въ ходъ его духовнаго развитія, то можно сказать, что о дѣтствѣ и юности Штирнера мы не знаемъ ничего. Къ этому можно прибавить нѣкоторыя общія данныя; онѣ не имѣютъ большого значенія, когда ихъ нельзя конкретизировать, когда между ними и даннымъ случаемъ нѣтъ мостика. Мы знаемъ, что Штирнеръ сынъ простыхъ горожанъ, что онъ представитель чистой верхне-франконской расы— «породы трезвой, сосредоточенной, разумной, нѣсколько мрачной». Его рожденіе совпадаетъ съ эпохой тяжелыхъ испытаній для его родного города, истерзаннаго сумятицей и тревогами, связанными съ наполеоновскимъ нашествіемъ. Начало его сознательной жизни совпадаетъ съ пребываніемъ въ Кульмѣ, тихомъ городкѣ на Вислѣ; затѣмъ классическая школа взваливаетъ на юныя плечи тяжелую ношу гуманитарнаго образованія; кажется, она не была для него непосильной.

Но что представлялъ изъ себя мальчикъ? Каковы его первые склонности и запросы? Въ какомъ настроеніи прошла его юность: проникали его настроеніе сознаніе растущей силы и жажда дѣятельности или и она уже была омрачена раздвоеніемъ? Нѣтъ отвѣта на эти вопросы въ тѣхъ скудныхъ датахъ, которыми мы обладаемъ,—и въ этомъ невѣдѣніи мы слѣдуемъ за юношей въ университетъ— въ городъ, гдѣ ему суждено было жить, дѣйствовать и умереть.

Онъ поступилъ на философскій факультетъ берлинскаго университета осенью 1826 года. Около того же времени другой молодой берлинскій студентъ, его будущій противникъ Людвигъ Фейербахъ писалъ своему отцу: «Ни въ одномъ университетѣ нѣтъ такого всеобщаго прилежанія, такого стремленія къ чему-либо повыше, чѣмъ обыкновенные студенческіе интересы, такой жадности къ наукѣ, такого покоя и тишины, какъ здѣсь. Другіе университеты—поистинѣ кабачки въ сравненіи съ этимъ домомъ труда». Дошедшее до насъ студенческое свидѣтельство Штирнера показываетъ, что онъ сдѣлалъ надлежащій выборъ въ той плеядѣ блестящихъ именъ, которыми гордился берлинскій университетъ. Онъ слушалъ въ первомъ семестрѣ всеобщую географію у ея создателя, Карла Риттера, этику у Шлейермахера, философію религіи у Гегеля, громадное вліяніе котораго было нераздѣльно; въ дальнѣйшемъ къ его лекціямъ по исторіи философіи, психологіи и антропологіи присоединилась исторія церкви у Неандера, извѣстнаго противника Штрауса, и другія богословскія дисциплины у Маргейнеке, ортодокса гегеліанской «правой». Послѣ перваго курса онъ уѣхалъ изъ Берлина, провелъ одинъ семестръ въ Эрлангенѣ, потомъ три съ половиною года былъ внѣ университета; въ краткой латинской автобіографіи, поданной имъ при прошеніи объ испытаніи, онъ говоритъ, что въ это время совершилъ большое путешествіе по Германіи. Въ 1829 году онъ поступилъ въ кенигсбергскій университетъ, но семейныя обстоятельства, — они остались для насъ неизвѣстными — опять прервали его университетскую жизнь. Та же автобіографія сообщаетъ, что онъ и въ это время «не оставилъ своихъ философскихъ и филологическихъ работъ». На филологію, особенно классическую, онъ обратилъ главное вниманіе и въ берлинскомъ университетѣ, студентомъ котораго онъ снова сдѣлался осенью 1832 года; теперь онъ слушалъ здѣсь курсъ о Проперціѣ у знаменитаго Лахмана, о республикѣ Платона у Бека, объ Аристотелѣ у гегеліанца Михелета; онъ собирался слушать еще Раумера и Тренделенбурга, но такъ какъ онъ рѣшилъ держать не докторскій экзаменъ при университетѣ, а государственное испытаніе на званіе учителя, то онъ покончилъ съ своей университетской жизнью.

Учительскій экзаменъ включалъ также письменныя работы, изъ коихъ одна, «О школьныхъ законахъ», достойна вниманія біографа. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ самостоятельными взглядами мыслителя, въ которыхъ кой-что уже знаменательно для его будущаго міровоззрѣнія.

Исходя изъ общаго представленія о законѣ, молодой кандидатъ говоритъ: «Въ законѣ нѣтъ случайности, нѣтъ произвола: онъ основанъ на природѣ предмета, для котораго предназначенъ, и въ ней воплощенъ. Ибо все сущее—въ мірѣ явленій или мірѣ духа, —представляясь въ томъ или иномъ видѣ простымъ, есть въ

то же время нѣчто, полное содержанія и—благодаря элементамъ, на которые оно распадается—также нѣчто многообразно сложное». Сведеніе этого многообразія къ единству есть законъ. Нѣтъ закона, даннаго предмету извнѣ: «И законы тяжести суть раскрытіе содержанія понятія тяжести». И законы школы суть лишь раскрытіе содержанія понятія ученика. Анализъ этого понятія и составляетъ содержаніе работы: формулировать самые законы авторъ не берется. Понятіе ученика изслѣдуется строго индуктивно; за періодомъ дѣтства—стадіи обособленности чистаго «бытія для себя» слѣдуетъ возникновеніе Я, самосознанія и отличенія отъ другихъ Я, общенія съ ними и развитія своего Я посредствомъ этого общенія и ученія; дитя становится ученикомъ: періодъ разсудка, когда учитель представляется ему образцомъ совершенства. Въ университетской жизни стадія разсудка смѣняется стадіей разума. «Вмѣсто учителя предъ Я предстаетъ сама наука въ ея чистомъ видѣ, и область ея—свобода». Мыслью о самоцѣльной личности проникнута вся работа; искорками сверкаютъ въ ней тѣ мысли, которыя разрослись впослѣдствіи въ яркое пламя новаго міровоззрѣнія.

Учительскій экзаменъ сошелъ не важно. Свѣдѣнія кандидата по исторіи, богословіи, географіи были хороши, пробные уроки—они свелись къ лекціямъ—удались вполнѣ, но въ математикѣ и исторіи философіи онъ оказался слабъ; древніе языки удовлетворили экзаменаторовъ посредственно. За Штирнеромъ признали условное право преподаванія. Онъ занимался полтора года безплатно въ среднихъ классахъ реальнаго училища, пытался получить казенное мѣсто, но ему отвѣтили отказомъ. Трудно сказать, чѣмъ онъ жилъ въ это время. Его отчимъ умеръ, мать уже нѣсколько лѣтъ страдала душевной болѣзнью. Очевидно, однако, обстоятельства его позволили ему сдѣлать рѣшительный шагъ, достойный вниманія его біографа: въ концѣ 1837 года онъ женился на молодой дѣвушкѣ—и, кажется, былъ счастливъ; но не прошло и года, какъ его жена умерла отъ родовъ; ребенокъ скоро умеръ. Еще нѣсколько лѣтъ—почти вплоть до своего второго брака—Штирнеръ жилъ у родныхъ своей первой жены. Съ конца тридцатыхъ годовъ онъ имѣлъ постоянное занятіе: онъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка и словесности въ частной женской гимназіи вплоть до 1844 года и былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ какъ съ начальницами этого учебнаго заведенія, дѣвицами Цеппъ, такъ и съ своими ученицами. Его неожиданная отставка поразила всѣхъ: съ ея причинами и обстоятельствами, ее сопровождавшими, мы познакомимся ниже.

Здѣсь мы разстаемся съ учителемъ Іоганомъ Каспаромъ Шмидтомъ, чтобы обратиться къ Максу Штирнеру. Мы не много узнали о его внутренней жизни за годы ученія и первыхъ попыткахъ самостоятельной жизни; ни одного живого голоса изъ этой эпохи не

дошло до насъ; до сихъ поръ говорили не люди, а сухіе факты. Лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ мы встрѣчаемъ Штирнера въ кругу людей, донесшихъ до насъ живыя воспоминанія о немъ и сообщающихъ теплоту и нѣкоторую опредѣленность его безгласной фигурѣ. И кружокъ этихъ людей заслуживаетъ вниманія не только потому, что они были въ теченіе ряда лѣтъ пріятелями Штирнера, не только потому, что въ этой обстановкѣ окрѣпла его завѣтная творческая мысль, но и самъ по себѣ.

Это не былъ обычный нѣмецкій ферейнъ съ уставомъ, предсѣдателемъ и правленіемъ, а просто компанія свободныхъ людей, сходившаяся по вечерамъ въ одномъ трактирчикѣ и обсуждавшая на досугѣ всевозможные вопросы, теоретическіе и политическіе. Взгляды ихъ были довольно разнообразны, общаго у нихъ было одно: недовольство общественнымъ строемъ и желаніе такъ или иначе попытать свои силы въ борьбѣ съ нимъ. Эта—очевидно, самая крайняя—лѣвая тогдашняго духовнаго движенія носила названіе «вольницы» (die Freien)—и подъ этой кличкой получила нѣкоторую извѣстность въ смутной исторіи до-мартовскаго времени въ Германіи. Съ внѣшней стороны составъ кружка трудно назвать разнообразнымъ: это была богема—по преимуществу литераторы, студенты, все люди молодые, лѣтъ отъ двадцати до тридцати. Центромъ кружка, собиравшагося неизмѣнно въ трактирчикѣ Гиппеля, былъ Бруно Бауэръ, только что лишенный за вольнодумство званія приватъ-доцента въ боннскомъ университетѣ. Блестящая самозащита знаменитаго критика Библіи и представителя гегеліанской лѣвой надѣлала много шума, но не возвратила ему покровительства министра Альтенштейна и права преподаванія. Онъ жилъ въ Берлинѣ и готовился къ дальнѣйшей борьбѣ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эдгаромъ, также принадлежавшимъ къ кружку и выступившимъ въ литературѣ съ защитой брата. Раньше братья работали въ «Hallische Jahrbücher» Арнольда Руге, затѣмъ выступили съ своей «Litteratur-Zeitung». Съ несравнимымъ пыломъ и блескомъ велась здѣсь борьба за «абсолютную эмансипацію» личности, не покидающей, однако, предѣловъ «чистой человѣчности». Врагомъ признавалась «масса»; въ этой неопредѣленной величинѣ совмѣщались для «критической критики» всѣ стремленія, враждебныя духу, всѣ «отдѣльныя формы тупости и зависимости». Въ понятіе «массы» входили для «критической критики» не только радикальные политическіе запросы либерализма начала сороковыхъ годовъ, но также недавно зародившееся соціальное движеніе, въ коммунистическихъ требованіяхъ котораго она усматривала величайшую опасность для «самосознанія» и свободы личности. Отвѣтъ не заставилъ ждать: въ 1845 г. появился памфлетъ Маркса и Энгельса «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik, gegen Bruno Bauer und Consorten». Ниже мы увидимъ, что эта полемика вышла изъ нѣдръ «вольницы», частными гостями которой были авторъ «Капитала» и его другъ.

Эдгаръ Бауэръ былъ менѣе извѣстенъ и менѣе даровитъ, чѣмъ его старшій братъ, но такъ же продуктивенъ и дѣятеленъ. Послѣ брошюры въ защиту брата онъ издалъ брошюру «Der Streit der Kritik mit der Kirche und dem Staate», за которую былъ присужденъ къ трехлѣтнему заключенію въ крѣпости. Впослѣдствіи его взгляды измѣнились еще болѣе круто, чѣмъ воззрѣнія Бруно.

Третьимъ виднымъ членомъ кружка былъ Людвигъ Буль, плодовитый писатель, теперь забытый, но по силѣ мысли и послѣдовательности, быть можетъ, мало уступавшій старшему Бауэру. Дѣятельный и убѣжденный противникъ не какой-нибудь формы государства, но самаго существа государственнаго общежитія, онъ проводилъ свои взгляды въ своей «Berliner Monatscrift» послѣ того, какъ былъ запрещенъ его «Patriot». Превосходный стилистъ, онъ извѣстенъ своими переводами, особенно переводомъ «Десятилѣтія» Луи Блана, гдѣ онъ вездѣ «слово Dieu замѣнялъ словомъ Vernunft». Когда онъ былъ на свободѣ—ему чаще приходилось сидѣть въ тюрьмѣ за свои произведенія,—онъ являлся къ Гиппелю, гдѣ былъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ шумныхъ гостей.

Нѣтъ нужды называть прочихъ членовъ «ядра» кружка,—по преимуществу журналистовъ, равно какъ тѣхъ многочисленныхъ гостей, которые бывали здѣсь не систематически. Среди нихъ есть имена извѣстныя, оставшіяся въ исторіи нѣмецкой литературы и общественной жизни; но мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, потому что ихъ разрозненныя воззрѣнія и далеко разошедшіяся судьбы не даютъ представленія объ общемъ настроеніи и взглядахъ кружка. Любопытнѣе три гостя, которые остались недовольны кружкомъ и сохранили для насъ свои впечатлѣнія, быть можетъ, и преувеличенныя, но и въ этомъ видѣ характерныя.

О «вольницѣ» ходили всякіе разговоры, и къ Гиппелю приходили посмотрѣть на нее. Однимъ изъ такихъ любопытныхъ былъ Арнольдъ Руге, извѣстный редакторъ радикальныхъ «Hallische Zahrbücher», пожелавшій здѣсь познакомиться съ своими дѣятельными постоянными сотрудниками. Объ этомъ посѣщеніи сохранился разсказъ младшаго Руге, Людвига. Сначала было тихо, и Арнольдъ Руге обсуждалъ съ присутствующими проектъ «вольнаго университета»—при тогдашнихъ условіяхъ предпріятія немыслимаго. Кой-кому эта тема показалась недостаточно интересной; завязался споръ. «Младшіе приняли обычный тонъ. Свобода настроенія дошла до разнузданности. Арнольдъ сидѣлъ мрачно, точно окаменѣвшій, но буря была неизбѣжна, видно было, какъ все въ немъ кипитъ. Вдругъ онъ вскочилъ и вскричалъ: «Хотите быть свободными, а сами не замѣчаете, что по уши завязли въ смрадной лужѣ! Свинствомъ не освобождаютъ людей и народовъ! Сперва сами очиститесь,—а потомъ толкуйте о великихъ задачахъ!»

Вспышка Руге могла вызвать только насмѣшки, хотя самъ онъ воображалъ, что его слова были смертнымъ приговоромъ кружку.

Другой гость, не дошедшій до скандала, но молча унесшій изъ кружка непріятное впечатлѣніе, былъ поэтъ Георгъ Гервегъ, посѣтившій въ 1842 г. при своей тріумфальной поѣздкѣ по Германіи также Берлинъ и принятый здѣсь королемъ, хотя его «Gedichte eines Lebendigen» были только что запрещены прусской цензурой. Онъ былъ у Гиппеля и декламировалъ здѣсь съ обычнымъ паѳосомъ свои стихотворенія; можно думать, что его неблагопріятное сужденіе о «вольницѣ»—онъ говоритъ о polissonerie кружка—сложилось подъ вліяніемъ Руге.

Былъ однажды въ кружкѣ также другой представитель нѣмецкой политической поэзіи Гоффманъ-фонъ Фаллерслебенъ, тогда только что смѣщенный профессоръ бреславльскаго университета. Онъ разсказывалъ впослѣдствіи, что грубость всей компаніи оттолкнула его, а братья Бауэры были въ состояніи невмѣняемости. Послѣдній упрекъ звучитъ довольно своеобразно въ устахъ автора «Неполитическихъ пѣсенъ».

Эти неблагопріятные отзывы должны быть отмѣчены потому, что въ нихъ можно видѣть зародыши тѣхъ превратныхъ толковъ о «вольницѣ», которые ходили изъ устъ въ уста, перешли на газетные столбцы и грозили сложиться уже въ цѣлую легенду, устойчивую и нелѣпую.

Въ іюнѣ 1842 года берлинскій корреспондентъ «Königsberger Zeitung» сообщалъ объ образованіи нѣкоего страшнаго кружка, который не только отрицаетъ библію, но даже не ставитъ на мѣсто традиціи никакого опредѣленнаго символа вѣры, провозглашая лишь безусловную автономію личности; члены его собираются вскорѣ открыто заявить о своемъ разрывѣ съ церковью, чтобы не навлечь на себя упрека въ лицемѣріи.

Все это отдаетъ не простой выдумкой, а скорѣе мистификаціей, до которыхъ «гиппеліанцы» были большіе охотники. «Frankfurter Journal» напечаталъ даже символъ вѣры кружка; очевидно, легковѣрному газетчику кто-то подсунулъ подъ видомъ этого любопытнаго акта вѣроученіе какой-то секты, ибо этотъ оригинальный или, вѣрнѣе, совсѣмъ не оригинальный манифестъ заканчивается словами: «Съ дѣтской благодарностью празднуемъ торжество въ честь единаго Господа, да пребудетъ надъ нами Его милость и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Таковы были превратные толки о «вольницѣ», а преимущественно о внѣшнихъ особенностяхъ ея поведенія.

На самомъ дѣлѣ безпристрастный гость по первому впечатлѣнію скорѣе подумалъ бы, что видитъ предъ собой заурядную бюргерскую молодежь—чуть не филистеровъ. Даже бесѣда велась не всегда; иногда Бруно Бауэръ горячился безъ всякой связи съ вѣчными вопросами, а просто въ увлеченіи карточной игрой, ко-

торую онъ любилъ. Но когда бесѣдовали, то длинныхъ рѣчей не держали; замѣчанія были сжаты и категоричны, выраженія рѣзки, тонъ повышался. Такая бесѣда—да еще пересыпанная непонятными для непосвященнаго гегеліанскими терминами—могла, пожалуй, показаться странной нѣмецкимъ мѣщанамъ, но по существу никакихъ ужасовъ здѣсь не было; пили мало, пьяныхъ почти не было. Говорили обо всемъ; живое и возбужденное время давало достаточно матеріала. Говорили о цензурѣ, о развитіи соціализма, о ростѣ антисемитскихъ тенденцій, о религіозномъ движеніи, о волненіи въ молодежи: таковы нѣкоторыя изъ многихъ темъ, отмѣченныя впослѣдствіи участниками.

Были, однако, и нелѣпыя выходки; сохранился разсказъ о томъ, что, когда Гиппель уставалъ давать въ долгъ, компанія разсыпалась по городу, и члены ея, намѣтивъ подходящаго прохожаго, обращались къ нему съ откровенной просьбой: «Гиппель не даетъ больше въ долгъ: не пожалуете ли хоть талеръ»; и такія экспедиціи бывали удачны... Такіе анекдоты о поведеніи кружка оказались, конечно, устойчивѣе и многочисленнѣе разсказовъ о его духовной жизни, въ которой было много серьезнаго своеобразія.

Въ этомъ кружкѣ въ теченіе десятилѣтія вращался Штирнеръ: такъ называли еще университетскіе товарищи Каспара Шмидта за его необыкновенно высокій лобъ. Онъ былъ мало замѣтенъ. «Вольница» шумѣла, спорила, доходила до вольностей: онъ былъ спокоенъ, открыто благодушенъ и предпочиталъ тихую бесѣду съ ближайшимъ сосѣдомъ участію въ общихъ дебатахъ; никогда никто не слышалъ отъ него грубаго или горячаго слова. О себѣ онъ не говорилъ, въ философскіе разговоры вступалъ неохотно, но въ бесѣдѣ легко выказывалъ тѣ обширныя познанія, благодаря которымъ знакомые считали его первокласснымъ ученымъ. Неизмѣнно, даже при дурныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ одѣтъ просто, но съ изысканной аккуратностью; растрепанная «вольница» иногда называла его даже франтомъ. Портрета его не сохранилось; описывавшіе его наружность современники отмѣчаютъ его голубые глаза, спокойные и вдумчивые, и его улыбку, сперва благодушную, затѣмъ ироническую и гармонирующую съ «тихой склонностью къ насмѣшкѣ», которую замѣчали въ немъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ выступилъ въ литературѣ—въ двухъ газетахъ, игравшихъ выдающуюся роль въ исторіи этого любопытнаго времени. Весною 1842 года въ «Rheinische Zeitung» Карла Маркса появилась его статья «Ошибочный принципъ нашего воспитанія или гуманизмъ и реализмъ», которую біографъ Штирнера ставитъ наравнѣ съ его главнымъ трудомъ. Смѣло и опредѣленно выставленъ уже здѣсь основной принципъ: не образованность—формальная у классиковъ, узко практическая у реалистовъ—должна быть цѣлью воспитанія, но воля. «Лишь въ этомъ образованіи — всеобщемъ, ибо въ немъ объединяется высшій съ

низшимъ — мы впервые обрѣтаемъ всеобщее равенство, равенство свободныхъ людей: лишь свобода есть равенство». Вторая статья была посвящена «Искусству и религіи». Было еще нѣсколько менѣе значительныхъ статей и корреспонденцій изъ Берлина. Болѣе живое участіе собирался Штирнеръ принять въ «Berliner Monatschrift», которую съ 1844 года предполагалъ издавать его пріятель и товарищъ по «вольницѣ» Людвигъ Буль. Однако, прусская предварительная цензура такъ настойчиво отказывалась разрѣшить къ печати статьи, предназначенныя для журнала, что Буль отказался отъ своего замысла, — но выпустилъ эти статьи въ видѣ сборника въ Маннгеймѣ, гдѣ эта книга, размѣрами больше двадцати печатныхъ листовъ, не подлежала цензурѣ. Въ этомъ «первомъ и единственномъ» выпускѣ «Берлинскаго Ежемѣсячника» мы находимъ двѣ статьи Штирнера. Первая — «Einiges Vorläufige vom Liebesstaat» — обратила на себя особое вниманіе цензуры; вторая посвящена «Парижскимъ тайнамъ» Евгенія Сю, въ которыхъ въ эту эпоху многіе видѣли не грубый уголовный, но идейно-соціальный романъ. Съ ядовитымъ презрѣніемъ бичуетъ здѣсь Штирнеръ фальшивую сентиментальность буржуазіи, которая столь охотно — съ слезинкой состраданія на глазахъ—берется за обращеніе грѣшниковъ, возвращеніе порока на путь добродѣтели и такъ далѣе. «Думали ли вы когда-либо, любезные, о томъ, стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ добро того, чтобы такъ стремиться къ нему? — спрашиваетъ авторъ: — не призракъ ли оно, живущій только въ вашемъ воображеніи?» И на отдѣльныхъ фигурахъ романа Штирнеръ попоказываетъ, какъ ничтожна наблюдательность автора, какъ однообразно безсодержателенъ нравственный масштабъ, прилагаемый имъ ко всѣмъ явленіямъ. Вся эта филантропическая возня — тщетныя попытки лѣчить организмъ, умирающій не отъ болѣзни, но отъ старости; «дряхло и истощено наше время, а не больно — говоритъ онъ:—и потому не хлопочите и дайте ему умереть».

Этими статьями исчерпывается журнальная дѣятельность Штирнера; лишь позже—когда дѣло шло объ отраженіи ударовъ, падавшихъ на его главную работу—онъ обратился вновь къ страницамъ журнала.

Около той же эпохи произошло одно изъ важнѣйшихъ событій во внѣшней, а отчасти и во внутренней жизни Штирнера: онъ вступилъ во второй бракъ съ Маріей Денгардтъ—той героиней его мечтаній, которой онъ посвятилъ трудъ своей жизни. И не только поэтому заслуживаетъ вниманія любопытная фигура этой «эмансипированной» нѣмецкой дѣвушки, столь характерной для своего времени. Хорошо образованная и выросшая на освободительной литературѣ въ родѣ знаменитаго эмансипаціоннаго романа Гуцкова «Wally die Zweiflerin», она рано покинула маленькій городокъ, гдѣ выросла, и явилась въ Берлинъ, чтобы съ головой ринуться въ потокъ лихорадочнаго общественнаго движенія и личныхъ впе-

чатлѣній. Неизвѣстно, кто ввелъ ее въ кружокъ «вольницы», — но здѣсь сблизился съ нею Штирнеръ. Она была очень привлекательна, не глупа и держалась умѣло, хотя въ дикостяхъ «вольницы» принимала замѣтное участіе, доходившее до участія въ путешествіяхъ, въ мужскомъ платьи, по публичнымъ домамъ. Объ интересѣ, который она умѣла внушить даже недюжиннымъ людямъ, можно судить по тому, что значительно позже, когда она, разставшись съ мужемъ, жила въ Лондонѣ простой учительницей нѣмецкаго языка, у ея маленькаго камина можно было встрѣтить такихъ людей, какъ Луи Бланъ, Фрейлигратъ, Герценъ; и если рядъ ея корреспонденцій изъ Лондона, написанныхъ въ это время, не обличаетъ особеннаго литературнаго дарованія, то показываетъ незаурядную наблюдательность, природный умъ и свободныя воззрѣнія. Впослѣдствіи она далеко ушла отъ нихъ. Несомнѣнно, до пониманія Штирнера она не доросла—и, быть можетъ, онъ казался ей просто самымъ «ручнымъ» въ этой компаніи «хищныхъ». О бракосочетаніи Штирнера ходило въ свое время много росказней, характерныхъ для той легенды, которая естественно слагалась вокругъ него. Прибывъ на квартиру жениха, пасторъ будто бы засталъ компанію за картами, невѣста была въ будничномъ платьи, въ домѣ не было библіи, во время рѣчи пастора гости смотрѣли въ окно на улицу и, наконецъ, когда понадобились обручальныя кольца, ихъ не оказалось. Тогда Бруно Бауэръ, вытащивъ свой длинный вязаный кошелекъ, высыпалъ на ладонь нѣсколько монетъ, среди которыхъ оказалось также два мѣдныхъ кольца; онъ подалъ ихъ пастору, замѣтивъ при этомъ, что мѣдныя кольца такъ же хорошо, а то и лучше, скрѣпятъ бракъ, какъ и золотыя. Все это правда, но это не было той «преднамѣренной демонстраціей», въ которую раздула легенда поведеніе, вполнѣ спокойное и соотвѣтствующее взглядамъ участниковъ; не было ни кощунства, ни гардинныхъ колецъ, которыя будто бы пришлось употребить пастору. Было лишь равнодушіе къ обряду, не освященному вѣрой.

Первый годъ послѣ брака былъ, несомнѣнно, счастливѣйшимъ моментомъ въ жизни Штирнера: ему нравилась его молодая жена, онъ былъ окруженъ нѣсколькими людьми, начинавшими понимать его значеніе; онъ былъ обезпеченъ, такъ какъ жена его имѣла нѣкоторое состояніе. Наконецъ, самое важное, онъ заканчивалъ свой главный трудъ, дѣло своей жизни; всякій, причастный духовной работѣ, знаетъ, какъ много радости доставляютъ мгновенія окончательной обработки, когда мысль выяснилась во всей полнотѣ для самого творящаго — и послѣдніе штрихи и оттѣнки сами просятся подъ перо, чтобы сообщить цѣлому полную отчетливость и стройность.

«Вольница» давно знала, что Штирнеръ работаетъ надъ какимъ-то обширнымъ произведеніемъ, но въ чемъ его содержаніе, не зналъ никто: Штирнеръ не отвѣчалъ на разспросы, никому ни-

чего не показывалъ,—кромѣ конторки, въ которой, говорилъ онъ, лежитъ его «Я». И многіе склонны были уже считать это сочиненіе миѳомъ, когда, въ началѣ ноября 1844 года, оно вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Der Einzige und sein Eigenthum», — «Я и моя собственность» *). Издателемъ книги былъ Отто Вигандъ, пріятель «вольницы», издавшій большинство радикальныхъ сочиненій этой эпохи. Посвященіе гласило «Моей милой Маріи Дэнгардтъ», хотя она уже съ годъ носила фамилію своего мужа Шмидтъ.

Свобода печати была не велика въ эту пору въ Германіи, и цензура конфисковала выпущенную книгу. Правда, много экземпляровъ въ это время ходило уже по рукамъ; но и запрещеніе длилось не долго: черезъ нѣсколько дней министерство рѣшило, что книга Штирнера слишкомъ нелѣпа, чтобы быть опасной.

Шумъ, произведенный книгой, можно безъ преувеличенія назвать громаднымъ. Особенно набросилась на книгу молодежь. Но отношеніе читателей, какъ и слѣдовало ожидать, было весьма разнообразно, хотя всѣ сходились въ одномъ: считали они произведеніе геніальнымъ или безсмысленнымъ, — всѣ чувствовали въ авторѣ нѣчто значительное. Проще всего было, конечно, отношеніе тѣхъ, кто привыкъ видѣть въ понятіяхъ права, долга, морали нѣчто незыблемое, неподлежащее человѣческой критикѣ; для нихъ авторъ просто былъ advocatus diaboli. Другіе, для которыхъ въ этихъ понятіяхъ не было ничего извѣчнаго, но всетаки коренились основы человѣческой дѣятельности, пытались видѣть въ книгѣ Штирнера насмѣшку надъ другими и надъ собой. Свободомыслящіе были смущены: книга нападала на ихъ воззрѣнія съ такою же силой, съ какой отрицала традиціонную систему ихъ враговъ. Ближайшій кружокъ автора былъ затронутъ наиболѣе чувствительнымъ образомъ: у «критической критики» было достаточно дерзновенія, чтобы признать себя чѣмъ угодно,—но не отсталой. Бруно Бауэръ былъ раздраженъ, но никогда не отвѣчалъ Штирнеру; извнѣ ихъ отношенія не измѣнились.

Газетныхъ отзывовъ почти не было. Журналы не знали, что сказать о книгѣ; одинъ журналъ видѣлъ въ ней то выраженіе «безсмысленнаго разочарованія, какое мы видимъ также въ современномъ балетѣ», то «диѳирамбическій вздохъ прекрасной души, утомленной однообразіемъ филистерскаго существованія, исторіи и общеполезной работы».

Незначительна была замѣтка знаменитой Беттины фонъ-Арнимъ, любопытный отзывъ далъ въ «Revue des deux Mondes» 1847 года Сенъ-Рене-Тайландье; это горячій панегирикъ, не во всемъ обличающій глубокое пониманіе книги, но показывающій полное сознаніе ея рѣшающаго философскаго значенія. Цеховая философія,

*) Такъ предлагалъ перевести это заглавіе Н. К. Михайловскій. Такъ передаетъ его одинъ изъ англійскихъ переводовъ «The Ego and his Own».

конечно, не обратила на книгу Штирнера вниманія; тѣмъ живѣе интересовалась ею «критическая» философія. «Оффиціально» отъ ея имени возражалъ Шелига. Бруно Бауэръ никогда въ своихъ произведеніяхъ даже не упоминалъ имени Штирнера; къ тому же въ эти годы онъ уже обратился отъ «суверенной, абсолютной критики» къ историческимъ работамъ. Наоборотъ, Фейербахъ вступилъ со Штирнеромъ въ полемику, о которой идетъ рѣчь ниже.

Соціалисты выставили неудачнаго полемиста для отвѣта Штирнеру. Съ ихъ точки зрѣнія ему отвѣчалъ Моисей Гессъ, дѣятельный поборникъ коммунизма, подобно Штирнеру бывшій сотрудникъ «Rheinische Zeitung» молодого К. Маркса, участникъ знаменитыхъ «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz» Гервега. Его брошюра «Die letzten Philosophen» направлена противъ Бруно Бауэра и Штирнера.

Страннымъ могло бы казаться молчаніе болѣе крупныхъ представителей соціализма, ученіе которыхъ получало въ лицѣ Штирнера такого серьезнаго «ревизіониста», и которые какъ разъ въ это время располагали столь выдающимися полемическими силами. Оказывается, однако, что Марксъ и Энгельсъ вскорѣ по выходѣ книги Штирнера отозвались на нее обширной работой «О послѣдышахъ гегеліанства»; но самъ Энгельсъ не могъ сказать біографу Штирнера, почему эта работа не появилась до сихъ поръ. Арнольдъ Руге, прочитавъ «Der Einzige und sein Eigenthum» пришелъ въ восторгъ, называлъ трудъ Штирнера «единственной нѣмецкой философской книгой, которую можно читать»; но затѣмъ такъ же восторгался критической статьей молодого Куно-Фишера, направленной противъ Штирнера, и, наконецъ, опять возвратился къ признанію этого «смѣлаго утренняго призыва въ лагерѣ сонныхъ теоретиковъ».

На критическія статьи, вызванныя его книгой, Штирнеръ отвѣчалъ дважды. Первое возраженіе—статья «Recensenten Stirner's» въ «Wigand's Vierteljahresschrift» за 1845 г.—направлено противъ критическихъ замѣчаній Шелиги, Гесса и Фейербаха.

Отношеніе Людвига Фейербаха къ книгѣ, наносившей ему жесточайшіе удары, можно назвать двойственнымъ. Онъ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ, но онъ понялъ, съ какой умственной силой имѣетъ дѣло. «Это въ высшей степени остроумное и геніальное произведеніе — писалъ онъ брату въ концѣ 1844 года: истина эгоизма,—но эксцентрически, односторонне, неправильно формулированная—за него. Его полемика противъ антропологіи—главнымъ образомъ, противъ меня—покоится на сплошномъ непониманіи или легкомысліи. Онъ правъ во всемъ, кромѣ одного: по существу его возраженія меня не касаются. Во всякомъ случаѣ, это самый геніальный и самый свободный писатель, какого я только зналъ». Фейербахъ предполагалъ даже обратиться къ своему противнику съ открытымъ письмомъ; отъ черновой этого не напеча-

таннаго обращенія сохранилось только ядовитое начало, не лишенное своеобразнаго интереса: «Невыразимо» и «несравненно», любезнѣйшій эгоистъ! Какъ все ваше произведеніе, такъ въ особенности сужденія обо мнѣ поистинѣ «невыразимы» и въ своемъ родѣ «единственны». Правда, при всемъ своеобразіи этихъ сужденій, я давно ихъ предвидѣлъ и говорилъ своимъ друзьямъ: будетъ время—и меня до такой степени не будутъ понимать, что меня, былого «страстнаго и фанатическаго» врага христіанства, назовутъ еще его апологетомъ. Но то, что это произошло такъ скоро,—долженъ сознаться, всетаки изумило меня. Это дѣйствительно такъ же «единственно» и «несравненно», какъ вы сами. Какъ ни мало у меня времени и охоты опровергать сужденія, имѣющія отношеніе не ко мнѣ, а развѣ къ моей тѣни, я, однако, сдѣлаю исключеніе для «Единственнаго». Однако, кромѣ мало значительныхъ замѣчаній въ «Объясненіяхъ и добавленіяхъ» къ своей «Сущности христіанства», Фейербахъ ничѣмъ не отвѣтилъ Штирнеру. Къ этимъ «Объясненіямъ» и обращался въ своей отвѣтной статьѣ Штирнеръ. Вторая его статья была обращена противъ «Moderne Sophisten»—статьи въ «Leipziger Revue», подписанной Куно-Фишеромъ. Извѣстный нынѣ гейдельбергскій профессоръ былъ тогда двадцатилѣтнимъ студентомъ и, какъ подобаетъ литературному дебютанту, былъ очень задоренъ въ своихъ полемическихъ пріемахъ. Онъ называлъ Штирнера «піэтистомъ эгоизма», а его ученіе—«догматическимъ самодурствомъ». Отвѣтъ Штирнера написанъ также съ задоромъ, что вызываетъ даже подозрѣніе, что отвѣтъ этотъ—онъ подписанъ псевдонимомъ—написанъ не имъ.

Годы появленія книги были апогеемъ въ жизни Штирнера. Одни удивлялись ему, другіе его поносили, но онъ былъ на высотѣ, съ которой отнынѣ начинаетъ падать все неудержимѣе. Десять лѣтъ оставшейся ему жизни наполнены горестными испытаніями, ожесточеніемъ, оброшенностью и тяжкой нуждой.

Его бракъ, заключенный безъ глубокой привязанности, оказался непрочнымъ: по словамъ жены, это былъ не столько бракъ, сколько житье въ одномъ домѣ. Дѣтей у нихъ не было,—кажется, именно потому, что, въ сущности, не было брака. Жена обвиняла Штирнера въ этомъ, и еще болѣе въ томъ, что состояніе ея быстро растаяло. Однако Штирнеръ работалъ; онъ оставался еще цѣлый годъ, до выхода книги, учителемъ въ женской гимназіи; онъ не потерялъ этаго мѣсто изъ-за своей книги, какъ утверждали нѣкоторые біографы, но отказался самъ, быть можетъ, предвидя, что появленіе его книги поставитъ его въ неудобное положеніе въ мирной женской школѣ. Жена просила его остаться для заработковъ,—но онъ рѣшилъ искать другой работы. И, едва закончивъ изданіе своей книги, онъ «съ поражающимъ прилежаніемъ», какъ говоритъ одинъ изъ его знакомыхъ, принялся за новый трудъ: онъ предложилъ своему издателю выпустить въ свѣтъ обширную коллекцію

«Die Nationaloekonomen der Franzosen und Engländer»: онъ долженъ былъ руководить изданіемъ, переводить, дѣлать примѣчанія. Отъ послѣдняго онъ вскорѣ отказался: въ концѣ переведеннаго имъ четырехтомнаго «Руководства къ практической политической экономіи» Ж.-Б. Сэя онъ заявилъ, что примѣчанія, уже готовыя, онъ напечатаетъ послѣ того, какъ выйдетъ въ свѣтъ въ его переводѣ также трудъ Адама Смита; послѣдній переводъ появился также быстро, но примѣчаній переводчика въ немъ также нѣтъ. Эти переводы считаются до сихъ поръ образцовыми; въ коллекціи вышла еще «Philosophie de la misère» Прудона, но уже безъ участія Штирнера.

Успѣхъ этого обширнаго литературнаго предпріятія не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ труженика; наоборотъ, онъ увидѣлъ, что ему едва ли удастся добывать средства къ жизни перомъ. Вѣроятно, поэтому у него или у его жены, явилась своеобразная и во всякомъ случаѣ мало вяжущаяся съ нашимъ представленіемъ о Штирнерѣ мысль устроить въ Берлинѣ большую молочную торговлю. Остатокъ средствъ былъ затраченъ на это коммерческое предпріятіе, которое, какъ и слѣдовало ожидать, по неопытности руководителя, быстро закончило свое существованіе. Нужда уже не грозила издали, но, очевидно, уже тѣснила Штирнера — и довела его до своеобразнаго пріема. Лѣтомъ 1846 года на страницахъ «Vossische Zeitung» появилось объявленіе: «Я доведенъ до необходимости прибѣгнуть къ займу въ 600 талеровъ и потому прошу одно или нѣсколько лицъ, которыя, быть можетъ, пожелаютъ устроить складчину, ссудить мнѣ таковую сумму на пять лѣтъ въ томъ случаѣ, если они склонны оказать мнѣ личный кредитъ». Слѣдуетъ адресъ бюро и подпись: М. Штирнеръ. Неизвѣстно, отозвался ли кто-нибудь на это предложеніе; насмѣшекъ оно вызвало довольно. Есть предположеніе, что послѣ этого Штирнеръ хотѣлъ попытать счастья на биржѣ; онъ совѣтовался объ этомъ съ однимъ свѣдущимъ знакомымъ, который предостерегалъ его отъ этихъ опасныхъ опытовъ.

Отношенія супруговъ становились все хуже; было очевидно, что для этихъ людей, самостоятельныхъ по натурѣ, нѣтъ смысла въ ненужномъ сожительствѣ. Въ концѣ 1848 года—послѣ трехлѣтней совмѣстной жизни—они развелись. Штирнеръ остался въ Берлинѣ; Марія Дэнгардтъ уѣхала въ Лондонъ. Судьба ея любопытна. Она явилась сюда съ хорошими рекомендаціями, при помощи которыхъ получила занятія, обезпечившія ей безбѣдную жизнь. Она давала уроки нѣмецкаго языка и была любимицей колоніи эмигрантовъ; мы упоминали уже о томъ, что такіе люди, какъ Луи Бланъ, Фрейлигратъ, Герценъ часто и охотно бывали у нея. Самостоятельная и интеллигентная, она привлекала этихъ выдающихся людей. Въ Лондонѣ она попыталась, вѣроятно въ первый и послѣдній разъ, выступить въ литературѣ: въ берлинской «Zeitungshalle»

въ 1847 году появился рядъ ея писемъ изъ Англіи, о которыхъ мы уже упоминали. Въ 1852 году она присоединилась къ небольшой группѣ эмигрантовъ, отправлявшихся въ погоню за счастьемъ въ Австралію. Здѣсь въ Мельбурнѣ она прожила около двадцати лѣтъ; какъ ни мало извѣстно объ этомъ періодѣ ея жизни, несомнѣнно, что здѣсь она испила чашу бѣдствій до дна. Она нищенствовала, была прачкой, вышла замужъ за рабочаго и, наконецъ, попала въ руки къ католическимъ миссіонерамъ. Получивъ по смерти своей сестры наслѣдство, она въ 1870 или 1871 году возвратилась въ Лондонъ набожной католичкой. «Здѣсь — говоритъ біографъ Штирнера — неподалеку отъ громаднаго города живетъ она и теперь: восьмидесятилѣтняя суевѣрная старуха, спасающая душу религіозными брошюрками, она думаетъ только объ искупленіи и раскаивается въ грѣхахъ, существующихъ лишь въ воображеніи ея фанатизма, но никогда ею не совершенныхъ. Въ общемъ, однако, ея мысль здорова и свѣжа, и она въ силахъ еще отъ времени до времени совершать поѣздки въ городъ по своимъ несложнымъ дѣламъ: поразительный примѣръ, какъ мало значитъ любовь къ свободѣ, подсказанная преходящимъ увлеченіемъ и не питаемая ежечасно внутренней необходимостью «глубочайшей душевной потребностью».

Лишь тотъ, кто пытался по немногимъ литературнымъ даннымъ и скуднымъ воспоминаніямъ современниковъ возсоздать неуловимый образъ и прослѣдить судьбу историческаго дѣятеля, и унывалъ и доходилъ до отчаянія въ этой трудной работѣ, можетъ понять чувства, охватившія біографа Штирнера, когда уже по окончаніи своихъ многолѣтнихъ, самоотверженныхъ и сравнительно очень мало успѣшныхъ поисковъ онъ вдругъ въ началѣ 1897 года узналъ, что Марія Дэнгардтъ жива и живетъ въ Лондонѣ. «Такъ чувствуетъ себя золотоискатель, до сихъ поръ находившій лишь зернышки и вдругъ наткнувшійся на богатѣйшую жилу»,—говоритъ онъ. Не теряя времени, онъ бросился въ Лондонъ. Онъ не обманывалъ себя: онъ зналъ, что наткнется на серьезныя трудности; но, конечно, онъ не думалъ, что возвратится изъ своей поѣздки почти безъ всякихъ результатовъ. Однако неожиданное случилось: вдова Макса Штирнера хотѣла одного: забыть о его существованіи,—и наотрѣзъ отказалась видѣть его біографа. Она выразила только удивленіе, что ее призываютъ въ свидѣтельницы о жизни человѣка, котораго она никогда не любила и не уважала. Всѣ настоянія были тщетны. Тогда Макай еще разъ обратился къ ней съ письмомъ. Онъ изложилъ, какъ много работалъ и какъ мало успѣлъ; онъ увѣрялъ, что при всей любви и преклоненіи предъ Штирнеромъ, онъ совсѣмъ не намѣренъ прикрашивать его личность во что бы то ни стало, что главное для него—истина; онъ указывалъ, какъ она много могла бы принести пользы, не вредя рѣшительно никому. Наконецъ, онъ просилъ въ крайнемъ случаѣ

дать хоть письменный отвѣтъ на рядъ вопросовъ. На это она согласилась и на нѣкоторые вопросы дала краткіе отвѣты, поражающіе въ общемъ недоброжелательствомъ къ покойному мужу. Ея сообщеніе заканчивалось слѣдующими словами: «Марія Шмидтъ торжественно заявляетъ, что рѣшительно прекращаетъ всякую переписку по этому предмету и поручила возвращать обратно всѣ соотвѣтственныя письма. Она больна и готовится къ смерти». Съ тѣхъ прошло около десяти лѣтъ: ея ужь, вѣрно, нѣтъ въ живыхъ. Біографъ Штирнера находитъ, что изъ новыхъ изданій книги Штирнера должно быть по справедливости навсегда устранено знаменитое посвященіе: Meinem Liebchen Marie Dähnhardt. Любила и уважала она Штирнера или нѣтъ, одно для Макая во всякомъ случаѣ несомнѣнно: она его никогда не понимала.

Нѣтъ нужды изображать тяжелое настроеніе Штирнера послѣ отъѣзда жены; о немъ можетъ дать надлежащее представленіе та тьма неизвѣстности, которая отнынѣ окутываетъ его существованіе; лишь изрѣдка мы узнаемъ какія-либо мелочи—и въ нихъ нѣтъ ничего утѣшительнаго. Онъ почти не видится съ знакомыми, рѣдко выходитъ; никто не знаетъ, чѣмъ онъ живетъ. Мы можемъ только прослѣдить рядъ его квартиръ, которыя онъ мѣняетъ въ отдаленныхъ кварталахъ Берлина. Ему еще нѣтъ сорока лѣтъ, но жизнь его похожа на агонію.

Бури революціи 1848 года застали «вольницу» у Гиппеля въ возбужденіи, соотвѣтствующемъ этому рѣшающему моменту. Многіе вмѣшались въ движеніе: нѣкоторые были ранены, другіе только что вышли изъ тюрьмы. Было шумно, но чувствовалось, что время «вольницы» прошло. Наступала новая эпоха, эпоха суровой реакціи, низвергнувшая все, къ чему стремились эти свободные умы, или, вѣрнѣе, возстановившая тѣ средневѣковыя темницы духа, которыя, казалось, были окончательно разрушены силой ихъ мысли, натискомъ ихъ критики.

Едва ли надо указывать, что Штирнеръ не принялъ никакого участія въ мартовскихъ событіяхъ этого бурнаго года. Онъ слишкомъ глубоко постигъ значеніе грубой силы, чтобы сомнѣваться въ ея торжествѣ. Онъ часто появлялся у Гиппеля, велъ себя по прежнему, но отдалялся отъ людей.

Въ 1852 году, послѣ долгаго промежутка, появился второй и послѣдній большой трудъ Штирнера: «Geschichte der Reaction». Изъ обширнаго плана, задуманнаго авторомъ, была выполнена лишь часть. Первоначальное заглавіе гласило «Reactions-Bibliothek», и весь трудъ распадался на двѣ части: первая была посвящена «предвѣстникамъ реакціи», вторая «современной реакціи». Но изъ обѣихъ частей появились только первыя половины. Изданное начало первой части обнимаетъ конституанту и реакцію. Но, вмѣсто того, чтобы здѣсь перейти къ «изображенію реакціи въ законодательномъ собраніи, конвентѣ и дальнѣйшихъ народ-

ныхъ представительствахъ, вплоть до наполеоновской реакціи», Штирнеръ неожиданно обращается къ реакціи въ другихъ странахъ, «слѣдуя—по его выраженію—закону единообразія». Такимъ образомъ, начало второй части посвящено реакціи въ Пруссіи, вѣрнѣе, ея первому году: 1848; это—«годъ хаоса, годъ реакціоннаго инстинкта», когда «реакція организуется въ силу». «Исторію реакціи» нельзя назвать сочиненіемъ Штирнера: это собраніе чужихъ работъ, лишь соединенныхъ предисловіями и промежуточными замѣчаніями автора. Въ первой части онъ объединилъ выдержки изъ «Размышленій о французской революціи» Бэрка и «Курса позитивной философіи» Ог. Конта; вторая составлена изъ реакціонныхъ статей послѣреволюціонной нѣмецкой литературы, за которой Штирнеръ, очевидно, слѣдилъ очень внимательно.

«Исторіей реакціи» заканчивается литературная дѣятельность Штирнера; до какой степени онъ исчезъ съ литературнаго горизонта, показываетъ одна характерная мелочь: энциклопедическій словарь Брокгауза, изд. 1854 года, уже не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о немъ и только, подъ сомнѣніемъ, сообщаетъ, что автора книги «Der Einzige und sein Eigenthum» звали «кажется, Максъ Шмидтъ». Очевидно, Максъ Штирнеръ уже умеръ: въ живыхъ остался лишь Каспаръ Шмидтъ; дальнѣйшее судорожное его существованіе скоро привело его къ исходу, который можетъ казаться случайнымъ, но по существу не могъ быть инымъ.

По скуднымъ свѣдѣніямъ, добытымъ въ полицейскихъ архивахъ, автору біографіи удалось до извѣстной степени возстановить эту борьбу за жизнь. Бѣгство отъ кредиторовъ, какъ видно, наполняло теперь существованіе Штирнера. Онъ мѣнялъ квартиру за квартирой, и въ 1853 году дошелъ до того, что два раза сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ. Онъ именовалъ себя учителемъ гимназіи, писателемъ, докторомъ философіи и даже рантье; но на самомъ дѣлѣ онъ занимался мелкимъ коммиссіонерствомъ; достаточныхъ средствъ къ существованію оно ему не давало. Быть можетъ, несмотря на эти ужасающія условія, онъ жилъ бы еще долго; отъ природы онъ былъ здоровъ и питалъ твердую увѣренность, что доживетъ до глубокой старости. Но лѣтомъ 1856 года его укусила ядовитая муха, и черезъ нѣсколько дней—25 іюня н. ст.—онъ умеръ отъ зараженія крови. За гробомъ его черезъ три дня шли очень немногіе изъ его старыхъ друзей; среди нихъ—Людвигъ Буль и Бруно Бауэръ. Первому достались его бумаги, нынѣ безвозвратно погибшія. Лишь немногія газеты упомянули о смерти забытаго писателя; некрологи состояли изъ неопредѣленныхъ указаній на былой успѣхъ книги Штирнера или изъ старыхъ росказней о его женитьбѣ. Родственники его вымерли.

Тотъ, кто вкладываетъ моральный смыслъ въ исторію и ищетъ поученія у законченной жизни человѣка, найдетъ его и въ біографіи Штирнера. Это не трудно: надо только предположить

что-нибудь—доводы найдутся. Легче всего, конечно, увидѣть въ жизни Штирнера отрицательную иллюстрацію къ его ученію: онъ создалъ себѣ право быть эгоистомъ, но не сумѣлъ воспользоваться этимъ правомъ; не знаменательна ли судьба этого покорителя міра, объявившаго все своей собственностью —и такъ далѣе... Нѣтъ нужды указывать на безнадежную безпочвенность такихъ выводовъ: надо вѣдь знать, чего требовалъ самъ Штирнеръ отъ жизни, чего онъ могъ ждать отъ нея. Его біографъ не находитъ его смерть преждевременной. Это ранняя смерть, но мы не найдемъ въ ней ничего потрясающаго, если вспомнимъ, что уже сдѣлалъ Штирнеръ въ прошломъ и что ожидало его въ будущемъ. Это будущее теперь наступаетъ. Имя Штирнера воскресло, чтобы не умирать. И, несомнѣнно, вѣнцомъ его славы будетъ тотъ моментъ, когда творческій синтезъ примиритъ основы его ученія съ той философіей общественности, которую онъ отрицалъ въ своей безсмертной книгѣ.

А. Г.

Дебри *).

I.

Давно уже новый романъ начинающаго автора не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія на весь англо-саксонскій міръ, какъ «Дебри» (The jungle) Айтона Синклэра. Объ успѣхѣ романа говорятъ, между прочимъ, слѣдующія цифры. Первое изданіе въ 10-ти тысячахъ экземпляровъ вышло въ мартѣ 1906 г., а въ іюнѣ вышло уже четвертое изданіе въ 100 тысячъ экземпляровъ. Въ Америкѣ, гдѣ романъ появился впервые, успѣхъ его еще больше. Тамъ онъ вызвалъ бурю, послѣдствіемъ которой явилось обращеніе президента къ конгрессу. Только въ странахъ, гдѣ общественное мнѣніе—громадная сила, возможно, что появленіе романа превращается въ крупное политическое событіе. О романѣ молодого и до сихъ поръ совершенно неизвѣстнаго американскаго автора говорятъ всѣ англійскія и американскія газеты, отдѣльныя мѣста цитируются на митингахъ и въ парламентѣ. Если судить только по этимъ выдержкамъ, то можно подумать, что романъ «Дебри» относится къ категоріи, такъ называемыхъ, обличительныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ цитируемыя выдержки направлены противъ одного изъ самыхъ гигантскихъ и самыхъ сильныхъ трестовъ въ Америкѣ — мясного

*) „The jungle“, by *Upton Sinclair*. London, 1906.

треста, который является мощнымъ факторомъ не только въ экономической, но и политической жизни Соединенныхъ Штатовъ. Трестъ этотъ контролируетъ, въ значительной степени, жизнь центральныхъ штатовъ. По вліянію и по капиталу, сконцентрированному въ рукахъ его, съ нимъ можетъ сравниться только «керосиновый» трестъ. «Мясной трестъ», столица котораго Чикаго, располагаетъ десятками заводовъ, откуда фабрикаты разсылаются по всему міру: мясные консервы всякаго рода, окорока, желатинъ, альбуминъ, пепсинъ, подѣлки изъ рога и кости, шерстяныя и кожаныя издѣлія, удобрительные туки и пр. Арміи всѣхъ странъ, флотъ — всѣ являются потребителями американскихъ консервовъ. Въ романѣ Синклэра, дѣйствительно, мы находимъ страшныя обвиненія противъ треста. Мы увидимъ дальше, что консервы, фабрикуемые на заводахъ, являются зачастую отравой, систематически подтачивающей жизнь тридцати милліоновъ потребителей. Въ этомъ отношеніи романъ Синклэра сослужилъ свою общественную службу. Говорятъ, мясной трестъ со времени появленія «Дебри» потерялъ около сорока милліоновъ рублей.

Но «Дебри» не только «обличительный» романъ. Въ сущности, заводы треста, такъ подробно описанные въ первой половинѣ романа, только символъ, показывающій безвыходное положеніе труда. Тысячи работниковъ всѣхъ странъ, захваченные заводами, куда ихъ гонитъ голодъ, обезличиваются, становятся автоматами, наконецъ, выбрасываются искалѣченными, больными. Мясной трестъ это—символъ капитала. «Дебри» поэтому романъ соціальный, хотя въ художественномъ отношеніи онъ слабъ. Въ романѣ есть характеры, есть сильныя, драматическія положенія, захватывающія читателя; но все же главное впечатлѣніе остается отъ *всей* картины. Въ извѣстномъ отношеніи, романъ Синклэра — тенденціозное произведеніе: авторъ — соціалистъ, желающій и умѣющій доказать, что только при другихъ, высшихъ формахъ производства, основанныхъ на справедливости, исчезнутъ тѣ ужасы и то обезличеніе людей, которыя описываются въ «Дебряхъ». Романъ, написанный во многихъ мѣстахъ неуклюже, производитъ крайне сильное впечатлѣніе мрачностью картины и глубокой искренностью автора. Въ этомъ отношеніи «Дебри» рѣзко отличаются отъ той беллетристики, которой заполняется обыкновенно англійскій, а, въ особенности, американскій книжный рынокъ. Есть еще одна черта, отличающая «Дебри» отъ обычныхъ американскихъ романовъ — реализмъ. Читатели знаютъ, вѣроятно, что въ Англіи, на родинѣ Фильдинга, Смоллета и Диккенса, т. е. отцовъ реалистическаго романа, въ послѣдніе годы реализмъ вытѣсненъ условностью всякаго рода. Установился извѣстный шаблонъ для характеровъ, хотя общій фонъ, повидимому, остается реалистическимъ. Еще въ большей степени относится это къ Америкѣ. Наиболѣе популярнымъ романомъ тамъ, послѣ «Хижины дяди Тома», является «The Wide, Wide World», Елизаветы

Уэтерель*). Это произведенiе можетъ служить также классическимъ примѣромъ условнаго и шаблоннаго изображенiя героевъ и героинь въ американской литературѣ. Бретъ Гартъ былъ реалистомъ, покуда изображалъ жизнь далекаго запада въ маленькихъ очеркахъ. Какъ только этотъ замѣчательный писатель брался за крупное произведенiе, общее проклятiе, тяготѣющее надъ американскими беллетристами,—шаблонъ—проявлялось тотчасъ же. Вильямъ Дикъ Хауэльсъ (Howelles) написалъ нѣсколько хорошихъ романовъ, но и этотъ авторъ не рѣшается касаться многихъ вопросовъ жизни. Генри Джемсъ—скорѣе англiйскiй, чѣмъ американскiй писатель. По манерѣ своей онъ напоминаетъ Флобера. Онъ написалъ очень хорошiй психологическiй романъ *What Maisie Knew*; но и Джемсъ отступаетъ передъ соцiальными вопросами, которые непрiятны среднимъ классамъ. Айтонъ Синклэръ — реалистъ. Для него шаблона не существуетъ. Авторъ не считается съ гиперемiей щепетильности американцевъ и смѣло трактуетъ въ своемъ романѣ такiе вопросы, предъ которыми другiе американскiе беллетристы отступаютъ. Синклэръ, напр., срываетъ маску респектабельности съ чикагскихъ капиталистовъ. Господство капитала превращаетъ, съ одной стороны, работниковъ въ автоматовъ, калѣкъ и бродягъ, а съ другой—гонитъ молодыхъ работницъ въ золоченые вертепы.

Романъ Синклэра изображаетъ странствованiя и испытанiя на берегахъ Мичигана семьи подлиповцевъ, своего рода. Группа литовцевъ эмигрируетъ изъ глуши Бѣловежской пущи въ Чикаго. На родинѣ жизнь стала невыносима; между тѣмъ, до ихъ деревни дошло смутное извѣстiе про то, что ихъ землякъ литовецъ, переселившiйся лѣтъ десять тому назадъ въ Америку, разбогатѣлъ въ Чикаго. И вотъ двѣ семьи продали свои хаты и землю и послѣ многихъ скитанiй очутились въ Чикаго. Группа переселенцевъ состоитъ изъ старика Антанаса Рудкуса, изъ сына его, молодого геркулеса Юргыса, двухъ дѣвушекъ Марiи и Оны, невѣсты Юргыса, старухи Елизаветы да изъ нѣсколькихъ дѣтей.

Изъ глубины своихъ лѣсовъ литовцы принесли смиренiе, преклоненiе предъ «господами» и готовились работать. Они разыскали въ Чикаго своего земляка, про богатство и удачливость котораго въ деревнѣ разсказывали чудеса. Землякъ оказался владѣльцемъ скромной колбасной лавочки. Онъ оказалъ подлиповцамъ ту услугу, что научилъ ихъ, какъ слѣдуетъ, найти ворота заводовъ. У этихъ воротъ нужно было стоять съ ранняго утра въ толпѣ другихъ переселенцевъ, покуда выйдетъ надсмотрщикъ (boss) и выберетъ необходимое количество «рукъ». Легче всего было найти работу Юргысу, потому что надсмотрщикъ сейчасъ же замѣтилъ его въ толпѣ и оцѣнилъ его широкiя плечи, громадный ростъ и простова-

*) Литературный псевдонимъ писательницы Сюзэнъ Уорнеръ, скончавшейся лѣтъ двадцать тому назадъ.

тое лицо. Труднѣе было найти работу женщинамъ. Онѣ долго ходили по разнымъ отдѣленіямъ заводовъ съ единственнымъ англійскимъ словомъ, которому научились,—«Job» (т. е. работа), покуда ихъ взяли.

Синклэръ хорошо изучилъ нравы литовцевъ-переселенцевъ. Онъ даже нѣсколько злоупотребляетъ «мѣстнымъ колоритомъ»: въ романѣ постоянно пестрѣютъ литовскія слова и выраженія въ родѣ: «Eik! Uzdaryk-duris», «Pasilinksminimams darzas», перевода которыхъ авторъ не даетъ.

Вскорѣ вся компанія подлиповцевъ находитъ работу на заводахъ. Въ сравненіи съ русскими заработками, литовцы получаютъ, какъ имъ кажется, очень много. Они не подозрѣваютъ, что имъ даютъ третью часть того, что получаютъ американцы за несравненно болѣе легкую работу. Подлиповцы селятся вмѣстѣ въ одномъ домикѣ, который покупаютъ на выплату у агента. Условія контракта таковы, что домикъ переходитъ обратно къ компаніи, если покупатели хоть разъ не внесутъ аккуратно деньги. Въ такомъ случаѣ все уплаченное пропадаетъ. На эту удочку попадаются работники въ Англіи, но въ особенности переселенцы въ Америкѣ, не понимающіе языка.

Когда литовцы нашли работу и помѣщеніе, Юргисъ рѣшилъ жениться на Онѣ. Женихомъ ея онъ былъ еще въ Россіи, но тамъ о свадьбѣ нельзя было даже и думать. И яркимъ описаніемъ свадьбы начинается романъ Синклэра.

Свадьба это—раззореніе. Она ознаменована такимъ же актомъ, какъ и выступленіемъ третьестепенной жертвы на арену международной политики: пріобрѣтеніемъ громаднаго долга, который подавляетъ все. «Безъ сомнѣнія, литовцы съ ужасомъ останавливались предъ страшными издержками, которыя должны были достигать до двухсотъ, а то и до трехсотъ долларовъ. Триста долларовъ—сумма, превышающая годовой доходъ большинства семей. Тамъ были взрослые крѣпкіе люди, работавшіе отъ ранняго утра до ночи на ледникахъ, гдѣ на полу всегда стояла вода на четверть дюйма; въ теченіе семи мѣсяцевъ въ году, еженедѣльно отъ воскресенія въ полдень до слѣдующаго воскресенія утромъ—они никогда не видали дневного свѣта. И эти люди не зарабатывали трехсотъ долларовъ въ годъ. Тамъ были маленькія дѣти, голова которыхъ едва превышала рабочія скамьи; родители, чтобы опредѣлить этихъ дѣтей на фабрику, должны были лгать; эти дѣти не зарабатывали не то, что трехсотъ, но даже ста долларовъ въ годъ. И такую колоссальную сумму истратить въ одинъ день на свадебный пиръ!»

«Все это, быть можетъ, необдуманно, трагично, но ахъ! это такъ прекрасно! Мало по малу эти бѣдные люди отдали молоху принудительнаго труда все, что имѣли въ жизни. Но они всей силой своей души крѣпко держались за свадьбу, за «веселье», которое не хотѣли отдать. Отказаться отъ него значило бы не только *быть*

пораженнымъ, но и *признаться* въ своемъ пораженіи. А между тѣмъ, міръ держится на разницѣ между этими двумя понятіями. «Веселье», свадебный обрядъ, дошло до этихъ людей съ незапамятныхъ временъ. Означало оно, что человѣкъ можетъ жить въ пещерѣ и созерцать тѣни на стѣнѣ, если только хоть разъ въ жизни онъ имѣетъ возможность разбить свои цѣпи, расправить крылья и взглянуть на солнце; если только хоть разъ онъ почувствуетъ, что жизнь со всѣми ея заботами и тревогами — только пузырь на водѣ, вещь, которой можно или жонглировать, какъ фокусникъ—золотымъ шарикомъ, или выпить разомъ съ наслажденіемъ, какъ кубокъ дорогого вина. И, почувствовавъ себя хоть разъ властелиномъ своей собственной судьбы, человѣкъ снова пойдетъ работать и до смерти будетъ жить воспоминаніями».

Литовцы, повеселившись до утра и навязавъ себѣ долгъ до самой смерти, отправляются снова на работу.

Юргысъ Рудкусъ сперва гордился, что хозяинъ сразу нанялъ его и отдалъ предпочтеніе передъ сотнями другихъ переселенцевъ, сложенныхъ не такъ атлетически. Молодой литовецъ усердствовалъ въ первое время и работалъ не за страхъ, а на совѣсть.

«Юргысъ легко говорилъ о работѣ, потому что былъ молодъ. Товарищи разсказывали ему страшныя вещи, отъ которыхъ морозъ пробѣгалъ по тѣлу, про людей, потерявшихъ силы на заводахъ, и что съ ними стало. Юргысъ только смѣялся. Онъ служилъ на заводахъ только четыре мѣсяца, былъ молодъ и имѣлъ силы геркулеса на придачу. Молодой литовецъ былъ слишкомъ здоровъ и не могъ себѣ даже представить, что значитъ чувствовать себя сраженнымъ. «Надорваться могутъ такіе заморыши, такіе «silpnas», какъ вы,—говорилъ онъ,—мои плечи широки».

«Юргысъ былъ простой деревенскій парень, которыхъ такъ любитъ нанимать надсмотрщикъ, потому что они «злы на работу». Когда Юргысу приказывали пойти куда-нибудь,—онъ мчался стрѣлой. Жизнь и сила кипѣли въ немъ. Если онъ работалъ въ ряду съ другими работниками, ему всегда казалось, что они подвигаются слишкомъ медленно».

II.

Заводы «мясного треста», на которыхъ работали литвины, представляютъ громадный, отдѣльный міръ, который впервые только описанъ Синклеромъ. Когда поѣздъ находится еще въ часѣ ѣзды отъ заводовъ, присутствіе ихъ чувствуется сильнымъ, характернымъ запахомъ. По мѣрѣ приближенія, трава всюду блѣднѣетъ. Весь горизонтъ закрытъ дымомъ, поднимающимся изъ фабричныхъ трубъ. Кругомъ заводовъ почва была изрыта. «Тутъ были холмы, долины, рѣчки, овраги, рвы и лужи съ зеленой вонючей водой. Въ лужахъ

и въ грязи валялись дѣти. Тамъ и сямъ гомозились они въ навозныхъ кучахъ, выискивая добычу всякаго рода. Въ воздухѣ черной тучей носилось невѣроятное множество мухъ. Пріѣзжаго, прежде всего, поражала сильная удушливая вонь, какъ будто здѣсь гнило все, что околѣло подъ солнцемъ, и къ заводамъ примыкалъ громадный дворъ въ квадратную милю, большую часть котораго представляли загоны для скота. Люди, осматривавшіе дворъ впервые, не подозрѣвали, что такая масса скота можетъ существовать въ одномъ мѣстѣ. Въ загонахъ былъ скотъ всякаго рода: красный, черный, бѣлый, муругій; скотъ старый и молодой; громадные, глухо мычавшіе волы и телята, родившіеся всего только часъ тому назадъ; дойныя коровы съ кроткими глазами и свирѣпые, круторогіе техасскіе быки. Шумъ стоялъ такой, какъ будто здѣсь былъ согнанъ скотъ со всего міра. Понадобился бы цѣлый день, чтобы только сосчитать загоны. Тамъ и сямъ тянулись длинные проходы, перегороженные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ калитками. Такихъ калитокъ во дворѣ было двадцать пять тысячъ.

По проходамъ взадъ и впередъ разъѣзжали верховые, въ высокихъ сапогахъ, съ длинными бичами въ рукахъ. То были скотопромышленники, пригнавшіе гурты изъ западныхъ и южныхъ Штатовъ, маклеры и коммиссіонеры, закупавшіе здѣсь скотъ для заводовъ, изготовляющихъ мясные консервы. Коммиссіонеры останавливались то тамъ, то сямъ предъ гуртомъ, завязывался короткій дѣловой разговоръ съ скотопромышленникомъ. Покупатель кивалъ головой или опускалъ арапникъ, что означало заключеніе сдѣлки. Затѣмъ коммиссіонеръ отмѣчалъ покупку у себя въ книжкѣ, гдѣ значилась уже сотня подобныхъ сдѣлокъ. Затѣмъ скотъ гнали на гигантскіе вѣсы, которые могли автоматически отмѣтить сотни тысячъ фунтовъ живого вѣса. Отъ вѣсовъ шла желѣзная дорога, перевозившая скотъ. Ночью загоны наполнялись, а къ вечеру пустѣли. И такъ продолжалось изо дня въ день. Въ разныя стороны двора были проложены 250 миль рельсовъ, по которымъ ежедневно провозили до десяти тысячъ головъ крупнаго скота, столько же свиней и около пяти тысячъ овецъ. Другими словами, заводъ превращалъ въ годъ въ консервы отъ восьми до десяти милліоновъ головъ скота. Во дворѣ наблюдалось живое теченіе, направлявшееся въ одну сторону къ «желобамъ». Сюда гнали безпрерывно гурты скота. «Желоба» представляли собою родъ корридора, въ пятнадцать футовъ въ ширину, поднимавшагося надъ загонами. По желобамъ, не подозрѣвая своей участи, двигался безпрерывный живой потокъ скота. Свиньи поднимались по откосу до самой вершины желоба, гдѣ ихъ ждала смерть, а затѣмъ туши скользили по откосу въ другую сторону, подвергаясь цѣлому ряду операцій.

По мѣстной остротѣ, отъ свиньи все шло въ прокъ, кромѣ ея визга. Заводы, въ которыхъ производились эти операціи, представляли собой закопченныя, кирпичныя зданія, густо облѣпленныя

вывѣсками и рекламами. Здѣсь производились тѣ консервы, объявленія о которыхъ преслѣдуютъ человѣка всюду. Они красуются на домахъ, въ газетахъ, иллюстраціяхъ, въ поляхъ, мимо которыхъ мчатся поѣзда. Здѣсь изготовлялись «Брауновская имперская ветчина», «Брауновскіе мясные консервы», «Брауновскія колбасы Экселзіоръ». Отсюда шло «Дархэмское чистое сало», «Дархэмскіе несравненные окорока», «Дархэмское консервированное мясо», «Перетертые цыплята», «Паштеты изъ ветчины» и «Удобрительные туки высшей марки».

Къ этимъ зданіямъ подпимались изъ скотнаго двора желоба. Когда свиньи добирались до вершины желобовъ,—онѣ входили въ помѣщеніе, гдѣ онѣ остывали и отдыхали. Изъ этого помѣщенія для свиньи нѣтъ возврата. Помѣщеніе это представляетъ собою длинный, узкій корридоръ, въ концѣ котораго находится большое желѣзное колесо, футовъ двадцать діаметромъ, съ кольцами по окружности. По обѣимъ сторонамъ колеса—узкіе проходы. Сюда попадаютъ свиньи послѣ долгаго странствованія по желобамъ. Работники, стоящіе у колеса, хватаютъ свиней, накидываютъ имъ на ноги короткую цѣпь, которую закрѣпляютъ въ кольца вертящагося колеса. Раздается отчаянный визгъ, когда животное поднимается вверхъ. Визгъ и хрюканье наполняютъ помѣщеніе. Казалось, оно лопнетъ отъ звуковъ отчаянья. Какъ только колесо поднималось, работникъ, вооруженный длиннымъ ножомъ, перерѣзывалъ свиньѣ горло. Наверху зарѣзанное животное попадало въ тележку, которая скользила внизъ и сбрасывала тушу въ чанъ съ кипящей водой... Наблюдая этотъ процессъ машинной обработки буженины, нельзя было не думать объ аналогіяхъ. Всѣ эти вопли и смерть казались только символомъ. Каждое изъ животныхъ представляло отдѣльную индивидуальность. Тутъ были свиньи бѣлыя и черныя, бурыя и пятнистыя, старыя и молодыя, толстыя и тощія. Каждая, вѣроятно, имѣла свои вкусы и свой темпераментъ. Каждая была увѣрена въ своихъ силахъ. Каждая безмятежно занималась своимъ собственнымъ дѣломъ, въ то время, какъ черная тѣнь висѣла уже надъ нею, и страшная судьба подстерегала уже животное. И вотъ судьба, безжалостная, неумолимая сразу обрушилась на свинью и схватила ее за ноги. Всѣ протесты и вопли были напрасны. Животному перерѣзали глотку и спокойно созерцали, какъ его жизнь уходитъ. Можно ли было повѣрить въ существованіе какого-то высшаго существа, для котораго жизнь животныхъ, ихъ индивидуальность и страданіе имѣютъ какое-нибудь значеніе? Кто возьметъ живое существо въ объятія, утѣшитъ его и вознаградитъ за понесенныя страданія?

Спеціальная машина вылавливала обваренныя туши изъ котла и бросала въ слѣдующій этажъ, при чемъ туша проходила черезъ скребни, которые автоматически приспособлялись къ формѣ ея и снимали почти всю щетину. Машина клала тушу на другую те-

лѣжку, катившуюся по наклонной плоскости, по обѣимъ сторонамъ которой въ разстояніи другъ отъ друга, на возвышеніяхъ, стояли работники. Каждый изъ нихъ, когда телѣжка катилась мимо, продѣлывалъ надъ тушей одну опредѣленную манипуляцію. Одинъ скребъ наружную сторону ноги. Другой—внутреннюю сторону той же ноги. Дальше стоялъ работникъ, который быстрымъ ударомъ ножа надрѣзывалъ шею. Слѣдующій работникъ однимъ движеніемъ ножа отдѣлялъ голову отъ туловища, которая падала на полъ и проваливалась въ спеціальный люкъ. Телѣжка катилась дальше. Работникъ надрѣзывалъ тушу. Слѣдующій—дѣлалъ надрѣзъ глубже. Дальше работникъ перерубалъ только грудную кость. Ниже стоявшій работникъ вскрывалъ внутренности, которыя вырывалъ слѣдующій работникъ и бросалъ въ спеціальный люкъ. Были спеціальные работники, которые скребли только спину туши, другіе—вымывали ее. Глядя сверху, можно было видѣть рядъ тушъ, въ сто ярдовъ въ длину, ползущихъ внизъ по наклонной плоскости, и людей, стоявшихъ на разстояніи ярда другъ отъ друга, продѣлывавшихъ опредѣленную манипуляцію съ такою лихорадочною быстротою, какъ будто за ними гнались демоны. Когда туша доползала до конца по наклону, каждый дюймъ ея былъ тщательно обработанъ. Затѣмъ тушу вкатывали въ рефригераторъ, гдѣ она стыла сутки. Ледникъ представлялъ собой цѣлый лѣсъ замороженныхъ тушъ, въ которомъ посторонній легко могъ заблудиться.

У входа въ ледникъ сидитъ правительственный инспекторъ, обязанность котораго изслѣдовать шейныя железы туши съ цѣлью опредѣлить, не болѣло ли животное туберкулезомъ. Осмотръ крайне небрежный. Десятки тушъ проходятъ мимо неосмотрѣнными.

Всѣ эти операціи—показная сторона дѣла. Владѣльцы заводовъ охотно пускаютъ въ описанныя помѣщенія постороннихъ, чтобы показать имъ машинную обработку мяса. Но кромѣ казоваго конца, есть еще безчисленныя секретныя помѣщенія, тщательно оберегаемыя отъ посторонней публики. Изъ верхняго этажа, гдѣ обрабатываются туши, мы попадаемъ въ слѣдующій. Здѣсь чистятся и промываются кишки для колбасъ и сосисокъ. Сотни мужчинъ и женщинъ работаютъ въ атмосферѣ, насыщенной удушливой вонью. Въ слѣдующую комнату попадаютъ всѣ обрѣзки, изъ которыхъ путемъ кипяченія извлекается весь жиръ для приготовленія мыла и перетопленнаго сала. Обрѣзки, изъ которыхъ извлечено сало, тоже утилизируются. Дальше слѣдуютъ помѣщенія, въ которыхъ разрѣзываются туши, доставленныя изъ рефригераторовъ. Прежде всего мы видимъ здѣсь опытныхъ разрубальщиковъ (splitters), получающихъ до пятидесяти центовъ въ часъ. Съ утра до вечера *splitters* разрубаютъ туши на двѣ части. Для этой работы требуются очень сильные люди съ желѣзными мускулами. У каждаго разрубальщика два подручныхъ, которые кладутъ тушу на плаху и переворачиваютъ ее. *Splitter* вооруженъ сѣчкой съ лез-

віемъ въ два фута. Онъ работаетъ такъ чисто, что однимъ ударомъ раздѣляетъ тушу, при чемъ сѣчка никогда не ударяется о плаху. Различныя части животнаго чрезъ спеціальные люки падаютъ въ нижній этажъ, гдѣ окорока кладутся въ разсолъ и коптятся въ громадныхъ коптильняхъ, запирающихся непроницаемыми желѣзными дверьми.

Въ другомъ зданіи убиваютъ рогатый скотъ. Туши обрабатываются такимъ же машиннымъ путемъ, при чемъ трудъ человѣка сводится тоже къ одной какой-нибудь опредѣленной манипуляціи.

Заводчики утилизируютъ въ убитыхъ животныхъ рѣшительно все. Вотъ почему заводы для изготовленія мясныхъ консервовъ представляютъ своего рода промышленный микрокосмъ. Мало того, трестъ изготовляетъ самъ все необходимое при обработкѣ мяса. Трестъ располагаетъ литейнымъ и электрическимъ заводами. Онъ самъ обрабатываетъ сало въ мыло, изготовляетъ щетки, дубитъ кожи и пр. Ничто не пропадаетъ даромъ. Изъ роговъ выпиливаются гребни и пуговицы. Кости животныхъ тутъ же перерабатывались въ «слоновую кость» и шли на разныя подѣлки. Изъ копытъ вывариваетсл клей. Бабки, обрѣзки шкуръ и сухожилья превращаются въ желатинъ, рыбій клей, фосфоръ, ваксу и костное масло. Изъ свиныхъ желудковъ добывается пепсинъ, изъ крови—альбуминъ, изъ вонючихъ кишекъ—скрипичныя струны. Когда обрѣзки никуда не годятся, они идутъ въ паровой котелъ для извлеченія жира, а потомъ превращаются въ удобрительный тукъ. Компанія нанимаетъ тридцать тысячъ работниковъ. Непосредственно отъ треста зависятъ 250 тысячъ человѣкъ, а косвенно — около полумилліона. Компанія посылаетъ свои продукты во всѣ концы міра и снабжаетъ пищей тридцать милліоновъ людей.

III.

Юргысъ привезъ съ собою въ Чикаго изъ Литвы любовь къ работѣ и преданность хозяйскимъ интересамъ. Прослуживъ нѣкоторое время на заводѣ, онъ начинаетъ замѣчать, что всѣ товарищи его ненавидятъ свою работу. «Они ненавидѣли надсмотрщиковъ, ненавидѣли владѣльцевъ. Работники питали глубокое отвращеніе ко всему окружающему и даже ко всему городу. Мужчины, женщины, дѣти, всѣ проклинали заводъ, сравнивали его съ адомъ и говорили, что здѣсь все гиблое. Когда же Юргысъ допытывался, что это означаетъ, работники глядѣли на него подозрительно и замѣчали: «поработай больше, самъ увидишь». Юргысъ не понималъ также, зачѣмъ рабочіе группируются въ союзы? Ему объяснили, что люди должны соединяться вмѣстѣ для отстаиванія своихъ правъ. Тогда литвинъ спросилъ: а что такое значитъ *права?* Юргысъ спросилъ это совершенно искренно. До тѣхъ поръ

онъ и не слыхалъ, что у человѣка есть другія права, кромѣ права искать работу и дѣлать, что прикажутъ. На вопросъ Юргыса товарищи его отвѣчали ругательствами. Наконецъ, работникъ, убѣждавшій литовца поступить въ союзъ, пустился въ объясненія, изъ которыхъ Юргысъ понялъ, что ему придется платить что-то. На это литовецъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Депутатъ ирландецъ потерялъ терпѣніе и сталъ ругаться, а потомъ грозить кулаками. Такъ Юргысъ и не поступилъ въ союзъ. Вотъ почему трестъ и предпочитаетъ имѣть работниками литовцевъ или словаковъ: они совершенно забиты и не въ силахъ объединиться для отстаиванія собственныхъ интересовъ.

Съ теченіемъ времени Юргысъ начинаетъ замѣчать, что и отецъ его Анталасъ, проповѣдывавшій всегда преданность хозяйскимъ интересамъ, тоже ненавидитъ свою работу, которую досталъ съ великимъ трудомъ: трестъ беретъ только молодыхъ, сильныхъ работниковъ и выбрасываетъ ихъ за бортъ, когда они начинаютъ слабѣть. «Отецъ съ отвращеніемъ и ужасомъ разсказывалъ дома про то, что творится на заводѣ. Старикъ чистилъ тамъ люки и работалъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ приготовлялась говядина для консервированія въ жестянкахъ. Съ этой цѣлью говядина «бальзамировалась» предварительно, т. е. вымачивалась въ чанахъ въ различныхъ химическихъ веществахъ. Работники вылавливали потомъ изъ чановъ говядину громадными вилками и складывали въ телѣжки, которыя отвозились въ помѣщеніе, гдѣ мясо варили. Когда изъ чановъ вылавливали все, послѣдніе опрокидывались на полъ. Работники сгребали остатки лопатами и тоже валили въ телѣжки. Полъ былъ невѣроятно грязный. Одинъ изъ работниковъ шваброй отводилъ разлитый растворъ, въ которомъ мокло мясо, въ особое корыто. Отсюда растворъ вычерпывался для новаго употребленія. Разъ въ недѣлю чистился люкъ, къ стѣнамъ котораго прилипали куски полуразложившагося мяса. Все это собиралось и шло въ консервы».

«Кто имѣетъ какое-нибудь представленіе о бойняхъ, знаетъ, что мясо тельной коровы или только что отелившейся не годится для употребленія. Между тѣмъ, ежедневно на заводы пригоняли немало тельныхъ коровъ и ихъ убивали вмѣстѣ съ остальными. Вырѣзанныя изъ убитыхъ животныхъ телята тоже шли въ консервы». На заводъ пригоняли больной скотъ; нѣкоторые волы прибывали съ переломленными ногами; были животныя, околѣвшія въ загонахъ; но ничто не терялось. Туши такихъ животныхъ попадали въ котлы, а оттуда шли въ консервы.

Тресту нужны тупые, неразвитые работники. Съ этой цѣлью сдѣлано все, чтобы привлечь изъ Европы въ Чикаго національности, самосознаніе которыхъ стоитъ очень низко. На заводахъ одна національность смѣняется другой. Когда-то въ Чикаго работали только нѣмцы. Затѣмъ хозяева выписали болѣе дешевыхъ ирландцевъ. Въ теченіе семи или восьми лѣтъ Чикаго былъ ирланд-

скимъ городомъ. Потомъ они устроили большую стачку, проиграли ее, и заработная плата была понижена. Ирландцы оставили городъ. На смѣну явились чехи, а затѣмъ—поляки. Организаторъ треста поклялся, что подберетъ такихъ работниковъ, которые никогда не устроятъ стачки. И съ этой цѣлью онъ разослалъ своихъ агентовъ въ глухія мѣстечки и деревни Польши и Литвы, которые распространяли всюду слухи про высокую заработную плату. Поляки явились тысячами. Ихъ вскорѣ вытѣснили менѣе требовательные литовцы. Теперь трестъ вводитъ, вмѣсто литовцевъ, еще болѣе забитыхъ словаковъ.

Съ теченіемъ времени, освоившись немного съ языкомъ, Юргысъ сталъ понимать значеніе трэдъ-юніоновъ. Когда делегатъ-ирландецъ явился снова, литовецъ принялъ его болѣе радушно. Голова Юргыса стала усваивать мысль, что работники, если соединяться вмѣстѣ, могутъ вступить въ бой съ трестомъ. Теперь литовецъ не пропускалъ ни одного митинга. Онъ усвоилъ нѣсколько англійскихъ словъ и при томъ всегда находилъ пріятелей, которые переводили ему сущность рѣчей. Митинги были очень шумны. Ораторы говорили о необходимости борьбы. Съ перваго дня въ Америкѣ Юргыса всѣ нагло обманывали, пользуясь его неразвитостью и незнаніемъ языка. Литовецъ пришелъ къ заключенію, что въ Чикаго нельзя довѣрять никому, кромѣ членовъ собственной семьи. И вотъ теперь на митингахъ литовецъ открылъ, что у него есть союзники и братья по несчастью. Единственная надежда на лучшее будущее была въ союзѣ. И для литовца онъ принялъ почти религіозный характеръ. Юргысъ всегда аккуратно посѣщалъ церковь, потому что всѣ такъ дѣлали, но служба никогда не трогала его. Литовецъ рѣшилъ, что плакать въ церкви и умиляться, это—женское дѣло. Теперь предъ Юргысомъ была новая вѣра, которая глубоко потрясла всѣ фибры его души. И онъ сталъ апостоломъ новой религіи съ жаромъ и яростью новообращеннаго. На заводѣ было не мало литовцевъ, которые не принадлежали къ союзу. Юргысъ рѣшилъ обратить ихъ въ свою вѣру во что бы то ни стало. Если убѣжденія не дѣйствовали, литовецъ пускалъ въ ходъ кулаки.

Однимъ изъ послѣдствій присоединенія Юргыса къ рабочему союзу было рѣшеніе выучиться по-англійски. Литовецъ хотѣлъ знать, что говорится на митингахъ; онъ самъ желалъ выступить ораторомъ. И вотъ Юргысъ сталъ посѣщать вечернюю школу, гдѣ его выучили читать и писать. Школа сдѣлала то, что Юргысъ сталъ интересоваться политикой. На первыхъ порахъ отецъ, помнившій хорошо Россію, все умолялъ Юргыса: «Берегись, сынокъ! Говори тише, съ оглядкой». Онъ слыхалъ, конечно, что Америка свободная страна, но значенія этихъ словъ не могъ понять, такъ какъ видѣлъ, что рабочему человѣку всюду плохо. «Когда у человѣка нѣтъ работы,—говорилъ старикъ,—то онъ голодаетъ. А голодъ въ Америкѣ и въ Россіи—совершенно одинаковый».

IV.

Послѣдняя тѣнь преданности хозяйскимъ интересамъ разсѣялась у Юргыса окончательно, когда онъ присмотрѣлся къ тому, что дѣлается на заводахъ. Онъ увидѣлъ гигантскія мастерскія, въ которыхъ готовится отрава для бѣднаго населенія всего міра. Повидимому, трестъ имѣлъ во всѣхъ Штатахъ агентовъ для скупки всего стараго, больного и искалѣченнаго скота на консервы. Тутъ былъ скотъ, который кормился скверной брагой. Отъ этого животныя покрылись болячками. Свѣжевать такія туши было противно, потому что, когда ножъ попадалъ въ болячку, въ лицо брызгала вонючая жидкость. Мясо больныхъ животныхъ издавало тяжелый запахъ, поэтому для консервовъ оно предварительно «бальзамировалось». Отъ такихъ «бальзамированныхъ» мясныхъ консервовъ американскіе солдаты во время испанской войны умирали больше, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль. На придачу, консервы иногда лежатъ по нѣсколько лѣтъ въ подвалахъ... Заводы были настоящими лабораторіями алхимиковъ. Тутъ изготовлялся «грибной соусъ», въ которомъ не было ни одного гриба. Рекламы треста, распространенныя по всему свѣту, восхваляли «паштеты изъ цыплятъ». Въ дѣйствительности, эти паштеты готовились не изъ цыплятъ, а изъ смѣси, въ которую входили требуха, свиное сало, говяжій жиръ, бычачье сердце и негодные обрѣзки всякаго рода. Смѣсь шла въ различныя банки, на которыхъ отмѣчалось: «паштетъ изъ дичи», «паштетъ изъ куропатокъ». «Паштеты изъ ветчины» готовились изъ клочковъ мяса, счищенныхъ со стѣнокъ люка. Сюда прибавлялась требуха, подкрашенная такъ, чтобы скрыть бѣлый цвѣтъ, обрѣзки кожи, картофельная шелуха и шейные бычачьи хрящи, остающіеся, когда вырѣзанъ языкъ. Всѣ эти обрѣзки растирались въ тѣсто, подкрашивались, сдабривались различными химическими специями, чтобы придать продукту какой-нибудь вкусъ. Придумавшій какую-нибудь новую поддѣлку или имитацію получалъ громадныя деньги отъ треста. Скотъ, больной туберкулезомъ, покупался охотнѣе на заводахъ, потому что такихъ животныхъ можно быстрѣе откормить... Заводы скупали въ магазинахъ и въ молочныхъ все старое, прогорклое, никуда не годное масло, «оксидировали» его путемъ особаго химическаго процесса, сбивали его со снятымъ молокомъ и потомъ пускали въ продажу, какъ «первоклассное сливочное масло».

Работники въ различныхъ отдѣленіяхъ заводовъ были больны специфическими болѣзнями. Если работникъ, складывавшій окорока въ разсолъ, оцарапывалъ себѣ палецъ,—онъ скоро наживалъ раны, которыя отправляли его на тотъ свѣтъ. Суставы пальцевъ сгнивали одинъ за другимъ и отваливались. У работниковъ, срѣзывавшихъ

мясо съ костей, обыкновенно не было большого пальца. У обдиравшихъ туши не было ногтей, а суставы такъ распухали, что пальцы напоминали раскрытый вѣеръ. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ варилось мясо, люди работали при искусственномъ освѣщеніи въ тошнотворной атмосферѣ, насыщенной парами. Въ этой атмосферѣ чахоточныя бациллы могли бы жить два года; но онѣ возобновлялись каждый часъ. Въ другомъ отдѣленіи работники съ утра до вечера, изо дня въ день таскали на плечахъ шестипудовыя туши въ холодильню. Эта работа въ нѣсколько лѣтъ надламывала силы даже геркулесовъ. Специфической болѣзнью людей, работавшихъ въ холодильняхъ,—былъ ревматизмъ. Больше пяти лѣтъ никто не выдерживалъ. Послѣ этого самый здоровый становился калѣкой. Руки у работниковъ, снимавшихъ шерсть съ овечьихъ шкуръ, пропадали еще скорѣе, чѣмъ у работавшихъ возлѣ чановъ съ разсоломъ. Дѣло въ томъ, что мездру, чтобы шерсть отдѣлялась, вымачиваютъ въ кислотѣ. «Штамповальщики», готовившіе жестяные коробки для консервовъ, при малѣйшей неосторожности, теряли пальцы, отхваченные машиной.

Работники, поднимавшіе при помощи рычаговъ убитый скотъ, должны были взбѣгать каждый разъ на особый помостъ. Имъ приходилось внимательно смотрѣть каждый разъ внизъ и проникать сквозь пары, застилавшіе все. Такъ какъ основатель фирмы старый Дархэмъ строилъ бойню не для удобства «поднимальщиковъ» (hoisters), то, взбѣгая на помостъ, имъ приходилось каждый разъ наклоняться, чтобы не удариться головой о балки, лежавшія на высотѣ четырехъ футовъ. Отъ безпрерывнаго нагибанія «поднимальщики» черезъ нѣсколько лѣтъ ходили, согнувшись, какъ шимпанзе. Хуже всего было положеніе людей, работавшихъ въ кухняхъ, гдѣ варилось мясо, и въ подвалахъ, гдѣ приготовлялись удобрительные туки. Послѣдніе пропитывались такимъ сильнымъ запахомъ, что онъ давалъ себя чувствовать на разстояніи ста ярдовъ. Несчастье работниковъ, находившихся въ помѣщеніяхъ, наполненныхъ парами у гигантскихъ кипящихъ котловъ, было то, что они иногда падали въ чаны. Работниковъ вылавливали тогда уже мертвыми. Иногда въ полумракѣ никто не замѣчалъ, что человѣкъ упалъ въ кипящій чанъ. Въ такомъ случаѣ, изъ котла черезъ нѣсколько дней вылавливались только кости. Все же остальное превращалось въ ту смѣсь, которую заводы разсылали по всему міру подъ названіемъ «лучшаго топленаго сала».

Часть «подлиповцевъ» работала въ консервномъ отдѣленіи, а другая—въ помѣщеніи, гдѣ изготовляются колбасы. Такимъ образомъ, переселенцы знали всѣ тайны производства. Когда мясо настолько испорчено, что совершенно не годится, изъ него приготовляютъ или консервы, или колбасы. Когда мясо, вынутое изъ разсола, воняло, его натирали содой. Затѣмъ производился цѣлый рядъ удивительныхъ химическихъ опытовъ. Въ результатѣ получа-

лось то, что полуразложившемуся мясу придавался любой цвѣтъ и вкусъ. Если окорокъ издавалъ тяжелый трупный запахъ, то при помощи спеціальной машины и шприца взбрызгивали специи, уничтожавшія вонь. Операція производилась въ нѣсколько секундъ. Бывали окорока, разложившіеся настолько, что отъ нихъ тошнило. Даже специи не помогали. Прежде ихъ коптили и пускали въ продажу подъ названіемъ «третій сортъ». Теперь придумали остроумную машину, при помощи которой изъ вонючаго окорока извлекается кость. Затѣмъ въ отверстіе вводится раскаленное до бѣла желѣзо. Послѣ этой операціи «третій сортъ» превращается въ первый.

Если окорокъ былъ совершенно испорченъ, онъ поступалъ въ колбасное отдѣленіе. Тамъ онъ изрѣзывался машиной, дѣлающей двѣ тысячи оборотовъ въ минуту, и смѣшивался съ тонной другого мяса безъ запаха. Въ колбасы крошилось рѣшительно все. Часто изъ Европы прибывалъ обратно грузъ забракованныхъ колбасъ, покрытыхъ плѣсенью. Товаръ этотъ вымачивался въ глицеринѣ и въ растворѣ борной кислоты, затѣмъ измельчался и снова перерабатывался въ колбасы. Въ машину шло мясо, поднятое съ пола, покрытое грязью, заплеванное работниками. Мясо было сложено громадными кучами въ углу. Дождевая вода капала съ крыши. Тысячи крысъ бѣгали по кучѣ, оставляя на мясѣ свой пометъ. Крысы эти были большой помѣхой, и работники раскладывали всюду отравленный хлѣбъ. Крысы околѣвали и вмѣстѣ съ хлѣбомъ, мясомъ и пометомъ попадали въ колбасы... Все это не волшебная сказка,—прибавляетъ Синклэръ. Работники, наваливавшіе мясо въ телѣжки лопатами, не останавливались, если даже замѣчали дохлую крысу. Въ колбасы попадають такія вещи, въ сравненіи съ которыми даже отравленная крыса—лакомый кусокъ. Въ различныхъ отдѣленіяхъ заводовъ оставались негодные куски копченаго мяса и различные обрѣзки. Все это сваливалось въ старыя бочки, стоявшія въ погребѣ. Разъ въ годъ, весною, бочки эти чистились. Вонючій соръ, смѣшанный съ тряпками всякаго рода, кусками дерева, дохлыми крысами, выгребался лопатами, измельчался при помощи машины, обрабатывался различными спеціями, затѣмъ прибавлялся къ свѣжему мясу и употреблялся на колбасы. Такъ какъ процессъ копченія колбасъ продолжается долго и стоитъ дорого, то въ химическомъ отдѣленіи завода продуктъ подкрашивался и сдабривался такъ, что покупатель бывалъ обманутъ. Колбасы всякаго рода начинялись однимъ и тѣмъ же мясомъ, но отъ сдабриванія спеціями зависѣло, что нѣкоторые сорта назывались «спеціальными» и продавались дороже.

V.

Работники на заводахъ становились объектомъ грубой и наглой эксплуатаціи со всѣхъ сторонъ. Ихъ грабилъ не только трестъ, но лавочники, продавцы платья, синдикатъ, соорудившій дешевые дома, адвокаты,—словомъ, всѣ. Покуда мускулы крѣпки и здоровье не измѣняетъ; покуда на рынкѣ нѣтъ заминки,—сегодняшній день работникъ обезпеченъ; но голодъ и нищета постоянно подкарауливаютъ переселенцевъ.

Случайность ввергаетъ нашихъ подлиповцевъ въ бездну. На бойняхъ бываютъ опасные моменты, когда вырывается недостаточно оглушенный быкъ. Животное тогда разъярено и слѣпо мчится впередъ. На бойнѣ раздается условленный сигналъ, предупреждающій рабочихъ. Всѣ бросаются тогда въ разсыпную, къ ближайшему столбу. Такъ какъ полъ скользкій, то люди спотыкаются и падаютъ другъ черезъ друга. Нужно прибавить еще, что на бойнѣ, а въ особенности зимой, совершенно темно отъ пара. Во время такой суматохи Юргысъ, спасаясь отъ быка, поскользнулся и вывихнулъ себѣ ступню. Сперва литовецъ почти не замѣтилъ вывиха. Вечеромъ онъ съ трудомъ добрался домой. На другой день вспухла вся нога до колѣна. Ступню раздуло такъ, что невозможно было натянуть сапогъ; но, боясь потерять работу, Юргысъ обмоталъ ногу тряпками и добрался кое-какъ до завода. Цѣлое утро нужно было усиленно работать, но потомъ боль стала до такой степени мучительна, что Юргысъ возвратился домой. Предстояло пролежать въ постели много недѣль. Юргысъ зналъ, что это означаетъ голодную смерть для всей семьи. Въ постели литовецъ могъ думать только объ этомъ. И мысль эта сводила его съ ума и приводила въ ярость. Юргысъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ семья вмѣстѣ съ нимъ проваливается все глубже и глубже въ пропасть. Совершенно напрасно трудиться и бороться, если слѣпая случайность можетъ разрушить все. Когда Юргысъ думалъ объ этомъ, ему казалось, что какая-то ледяная рука сжимаетъ ему сердце. Нѣтъ никого, кто сочувствовалъ и помогъ бы ему. Въ громадномъ, богатомъ городѣ слѣпой случай давилъ человѣческое существованіе такъ же безпощадно, какъ и въ вѣкъ каменныхъ орудій.

Три недѣли пролежалъ Юргысъ въ постели. Вывихъ былъ упорный, и хотя опухоль прошла, но боль осталась. Наконецъ, несмотря на боль, литовецъ поднялся съ постели и отправился на работу. Мѣсто за нимъ осталось. Цѣлый день Юргысъ крѣпился и работалъ, но къ вечеру боль стала до того невыносима, что пришлось возвратиться домой. Понявъ, что его дѣло плохо, Юргысъ заплакалъ, какъ ребенокъ. Дома позвали доктора, который

велѣлъ лежать въ постели два мѣсяца. За это время всѣ сбереженія были израсходованы. Заработка женщинъ не хватало на ѣду и на уплату за домъ. Наконецъ, наступило выздоровленіе, но оно не принесло съ собою радости. Мѣсто на заводѣ было занято, и приходилось искать новое. Но у воротъ заводовъ каждый день стояли сотни другихъ переселенцевъ, готовыхъ взяться за что угодно и довольствоваться платой, какую дадутъ. Теперь надсмотрщикъ, нанимая работниковъ, обходилъ Юргыса. И литовецъ понялъ всю горечь значенія этого факта: когда Юргысъ только что пріѣхалъ, онъ представлялъ собою первоклассный товаръ; но теперь мускулы его ослабѣли. Онъ былъ уже нѣсколько попорченный товаръ, и хозяева, выжавъ изъ него всю свѣжесть, забраковали его.

Въ отчаяніи, прижатый къ стѣнѣ нуждой, Юргысъ берется, наконецъ, за новую работу, на которую рѣшаются только самые забитые переселенцы и то только тогда, когда положеніе ихъ совершенно безвыходно. «Въ Чикаго наблюдаются различныя степени безработицы. Есть страшная участь, ждущая переселенцевъ, положеніе которыхъ совершенно безвыходно: работа въ отдѣленіи, гдѣ приготовляются удобрительные туки. Объ этомъ отдѣленіи на заводахъ говорятъ не иначе, какъ шепотомъ. Изъ десяти работниковъ развѣ только одинъ работалъ тамъ. Остальные ограничивались тѣмъ, что подходили къ дверямъ. Изготовленіе удобрительныхъ туковъ пугало многихъ переселенцевъ даже больше, чѣмъ голодная смерть...

Помѣщеніе находилось въ сторонѣ отъ остальныхъ заводовъ. Немногіе посторонніе заглядывали туда. И эти были похожи потомъ на Данте, о которомъ флорентинцы говорили, что онъ видѣлъ адъ. Къ этому помѣщенію подвозили всѣ абсолютно негодные остатки и кости. Въ душныхъ, вонючихъ подвалахъ, куда солнечный свѣтъ никогда не заглядывалъ, мужчины, женщины и дѣти гомозились у машинъ, распиливавшихъ кости на куски различной формы. Воздухъ былъ наполненъ тонкой костяной пылью, которая попадала въ легкія и рано или поздно неминуемо приносила смерть. Здѣсь превращали кровь въ альбуминъ, а разныя вонючія вещества—въ фабрикаты, пахнувшіе еще хуже. Заводъ для приготовленія туковъ представлялъ собою сѣть корридоровъ и подваловъ, въ которыхъ можно было заблудиться, какъ въ Мамонтовой пещерѣ. Электрическіе фонари мерцали въ этихъ корридорахъ подобно краснымъ, голубымъ или зеленымъ лампамъ въ зависимости отъ рода пыли, носившейся въ воздухѣ. Для опредѣленія запаха, стоявшаго въ подвалахъ и корридорахъ нѣтъ, достаточно сильнаго слова въ человѣческомъ языкѣ. Свѣжій человѣкъ, войдя въ корридоры, чувствовалъ, что задыхается, какъ будто его окунули съ головой въ помойную яму. Онъ закрывалъ носъ платкомъ и начиналъ кашлять и чихать. Если посѣтитель не уходилъ

тотчасъ же, то начиналъ чувствовать сильное головокруженіе и боль въ вискахъ. Въ верхнемъ этажѣ были амбары, гдѣ сушили остатки и выварки, оставшіеся послѣ извлеченія жира. Высохшую массу перемалывали въ мелкій порошокъ, смѣшивали, для вѣса, съ измолотымъ бурымъ камнемъ, насыпали въ мѣшки и разсылали по всему міру подъ названіемъ: «лучшая костяная фосфорнокислая соль». Фермеры въ Калифорніи или Техасѣ покупали эту смѣсь по двадцати пяти долларовъ за тонну и удобряють ею свои нивы. И нѣсколько дней потомъ поля, фермеръ, фургоны и лошади издають тяжелый запахъ. На заводѣ тукъ еще не смѣшанъ съ пескомъ. Вмѣсто того, чтобы лежать подъ открытымъ небомъ на площади поля въ нѣсколько акровъ, — здѣсь сотни тысячъ тоннъ лежатъ въ закрытомъ помѣщеніи. Пыль эта носится въ воздухѣ. Когда же черезъ открытые люки дуетъ вѣтеръ, то въ помѣщеніи образуется настоящій самумъ, но только, вмѣсто песка, кружится вонючій порошокъ. И сюда голодъ загналъ Юргыса. Понадобилась только минута, чтобы выучиться дѣлу. Литовца поставили у ковша мельницы, изъ котораго широкимъ потокомъ била струя бураго порошка, дали въ руки лопату и велѣли сгребать помолъ въ кучу. Литовецъ только по звуку да потому, что сталкивался съ товарищами, зналъ, что въ мельницѣ работають еще другіе. Носившійся въ воздухѣ порошокъ образовалъ такую густую тучу, что въ трехъ шагахъ ничего не было видно. Черезъ пять минутъ Юргысъ съ головы до ногъ былъ покрытъ удобрительнымъ порошкомъ. Литовцу дали губку и посовѣтовали привязать ее ко рту, чтобы предохранить легкія; но порошокъ набился въ ротъ, глаза и уши. При температурѣ въ 40°, фосфорно-кислая соль проникала сквозь всѣ поры кожи. Черезъ нѣсколько минутъ Юргысъ почувствовалъ головокруженіе, а черезъ четверть часа онъ былъ, какъ во снѣ. Въ вискахъ стучало; голова сильно болѣла; руки едва шевелились. Но Юргысъ помнилъ ту нужду, которую они испытывали въ тѣ четыре мѣсяца, когда онъ былъ боленъ, и крѣпился. Черезъ полчаса у него началась такая сильная рвота, какъ будто внутренности выворачивались. Кое-какъ литовецъ дотянулъ до вечера. Когда онъ возвращался домой, то вонь отъ платья выгнала мало по малу изъ вагона всѣхъ пассажировъ. Квартира Юргыса превратилась въ маленькій заводъ для приготовленія удобрительныхъ туковъ. Соль до такой степени глубоко проникла въ тѣло, что только въ недѣлю можно было бы вывѣтрить запахъ. Вонью пропиталась пища на столѣ. Жену и родныхъ Юргыса стало мутить отъ этого запаха. Прошло нѣсколько дней, покуда Юргысъ могъ съѣсть что-нибудь чтобы его не вырвало тотчасъ же. Никакое умываніе не помогало. Вилка или ложка, до которыхъ дотрагивался литовецъ, тотчасъ же пропитывались запахомъ удобрительнаго порошка. Черезъ недѣлю Юргысъ привыкъ. Онъ могъ ѣсть, и хотя головная боль не прекращалась, онъ былъ въ состояніи работать.

Теперь литовецъ сталъ, какъ говорили, «на всю жизнь» человѣкомъ, работающимъ на заводѣ, гдѣ приготовляется тукъ. Такихъ людей въ Чикаго узнаютъ по запаху. Онъ такъ силенъ, что ихъ никуда нельзя принять. «Фертилайзеръ», т. е. человѣкъ съ завода, обреченъ работать тамъ, покуда не придетъ старость или драма въ родѣ той, которая произошла въ семьѣ Юргыса.

VI.

Переселенцевъ, желающихъ получить работу на заводахъ,— много, въ особенности женщинъ. И вотъ молодыя женщины должны покупать себѣ право на трудъ цѣною своего тѣла. Надсмотрщики (bosses) ставятъ ультиматумы эмигранткамъ. И, страшась потерять работу, иностранки подчиняются. Женщины, прибывшія изъ глуши Литвы и Польши, не имѣютъ представленія о законахъ, охраняющихъ въ Соединенныхъ Штатахъ американокъ, а если бы даже и знали, то слишкомъ безпомощны, чтобы прибѣгать къ этой защитѣ. Юргысъ узнаетъ, что жена его въ связи съ надсмотрщикомъ.

— Скажи мнѣ все,—прошепталъ Юргысъ.

Молодая женщина лежала на полу, закрывъ лицо руками. Губы ея зашевелились, но такъ неслышно, что Юргысу пришлось наклониться.

— Я не хотѣла этого... Я старалась, чтобы этого не было... Я поступила такъ, чтобы спасти насъ всѣхъ. Иначе boss (надсмотрщикъ) всѣхъ насъ погубилъ бы. — Молодая женщина замолчала, и слышно было только ея тяжелое дыханіе. Но вотъ опять послышался шепотъ.

— Онъ сказалъ, что всѣхъ насъ прогонятъ съ завода, и что мы нигдѣ не найдемъ работы. Boss хотѣлъ погубить насъ всѣхъ.

Ноги у Юргыса дрожали такъ, что онъ едва стоялъ.

— Boss давно ухаживалъ за мной. Онъ предлагалъ мнѣ деньги, умолялъ... Затѣмъ сталъ грозить. Онъ говорилъ, что скажетъ твоему надсмотрщику и тому, въ отдѣленіи котораго работаетъ Марья. Насъ,—говорилъ онъ,—затравятъ до смерти. Потомъ онъ сказалъ, что если я соглашусь, то мы всегда будемъ имѣть работу.

Литовецъ нападаетъ на надсмотрщика и избиваетъ его. Юргыса арестовали и привлекаютъ къ суду. Полицiя въ Чикаго находится въ рукахъ треста и даетъ всегда показанія въ пользу заводовъ, а не работниковъ.

— Сознаетесь ли вы въ томъ, что избили надсмотрщика?—спросилъ судья.

— Его?—переспросилъ Юргысъ, указавъ на boss'а.

— Да.

— Я ударилъ его, сэръ.

— Надо сказать: «ваша милость»,—поправилъ стоявшій рядомъ полицейскій, дернувъ Юргыса за рукавъ.

— Ваша милость,—покорно повторилъ литовецъ.

— Вы хотѣли задушить его?

— Да, сэръ, т. е. ваша милость.

— Подъ судомъ были?

— Нѣтъ, ваша милость.

— Что вы можете сказать въ оправданіе?

Юргысъ стоялъ въ нерѣшительности. Что нужно сказать? За два съ половиной года въ Чикаго литовецъ научился по-англійски настолько, чтобы составить, въ случаѣ необходимости, обыкновенныя фразы. Но гдѣ взять слова для показанія, что свидѣтель путемъ устрашенія и угрозъ соблазнилъ его жену? Онъ пытался начинать и тянулъ время, къ великому неудовольствію судьи, который задыхался отъ запаха удобрительнаго тука. Наконецъ, подсудимый объяснилъ, что у него не хватаетъ словъ. Выступилъ, по приглашенію судьи, молодой человѣкъ съ русыми усиками и сказалъ, что Юргысъ можетъ давать показанія на какомъ желаетъ языкѣ. Литовецъ разсказалъ, какъ надсмотрщикъ грозилъ его женѣ. Молодой человѣкъ перевелъ.

— Если boss ухаживалъ за вашей женой, то почему же вы не пожаловались на него? Почему она не оставила мѣсто?—спросилъ судья.

Юргысъ началъ объяснять, что они очень бѣдны.

— Вотъ какъ? И вы предпочли, вмѣсто того, чтобы жаловаться, лучше избить надсмотрщика?—Правда ли то, что говоритъ подсудимый?—обратился судья къ надсмотрщику.

— Все это наглая ложь, ваша милость,—сказалъ тотъ.—Они всегда врутъ такъ, когда намъ приходится разсчитать какую-нибудь женщину.

— Да, да! Я знаю! Мнѣ часто приходилось слышать. Подсудимый избилъ васъ сильно. Мѣсяцъ ареста и судебныя издержки,—постановилъ свой приговоръ судья.

Юргысъ стоялъ неподвижно и понялъ приговоръ только тогда, когда полисмэнъ взялъ его за руку. Литовецъ дико оглянулся.

— Мѣсяцъ!—крикнулъ онъ.—Что будетъ дѣлать моя семья?—У меня жена и ребенокъ. Въ домѣ ни гроша. Они умрутъ съ голода, покуда я буду сидѣть?

— Объ этомъ вамъ лучше было подумать раньше,—сухо замѣтилъ судья.

Тюрьма добила подлиповцевъ. Женщинамъ отказали отъ работы. Компанія, продавшая домъ, взяла его обратно за неуплату въ срокъ денегъ. Жена Юргыса умерла. Вся семья очутилась на улицѣ. Когда литовецъ выходитъ на свободу, онъ находитъ пол-

ное раззореніе. Напрасно Юргысъ пытается искать работу на заводахъ: ему всюду отказываютъ, какъ только онъ называетъ себя. «Въ кабакѣ литовцу объяснили все: теперь его хозяева внесли въ «черный списокъ». У записанныхъ тамъ столько же шансовъ получить работу на заводахъ, какъ быть выбраннымъ на постъ мэра Чикаго. Имя Юргыса теперь сообщено на заводы С.-Луи, Нью-Іорка, Омахи, Бостона, Канзасъ-сити и С.-Джозефа. Куда литовецъ ни явится, онъ всюду получитъ отказъ.

Юргысъ понимаетъ теперь значеніе страшной силы, которая выжимаетъ у работника всѣ соки и безжалостно выбрасываетъ его на голодную смерть. Въ отчаяніи литовецъ становится «трэмпомъ», т. е. бродягой. Тысячи ихъ кочуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ по большимъ дорогамъ, промышляя то случайной работой, то мелкимъ воровствомъ. Какъ и они, Юргысъ то помогалъ фермерамъ убирать поля, то воровалъ куръ и гусей. Юргысъ былъ теперь свободный человѣкъ и буканиръ. Жажда перемѣны, Wanderlust, проникла въ его кровь. Нѣсколько лѣтъ литовецъ съ утра до вечера дѣлалъ одну опредѣленную работу и ложился спать, чтобы на другой день снова начать то же самое. Теперь онъ снова былъ собственнымъ хозяиномъ. Онъ могъ пойти, куда хочетъ, работать, когда пожелаетъ, любоваться природой. Вмѣстѣ съ свободой возвратилось и прежнее здоровье. Всѣ заботы были забыты. Значительная часть профессіональныхъ трэмповъ—хроническіе лѣнтяи, калѣки и слабоумные, осужденные отъ рожденія на нищету. Но среди нихъ немало также работниковъ, какъ Юргысъ, которые отчаянно боролись и бросили борьбу, признавъ себя побѣжденными. Къ трэмпамъ нужно присоединить также кочующихъ рабочихъ, живущихъ временными и очень неправильными заработками, какъ уборка хлѣба. Ранней весной они въ Техасѣ, гдѣ въ то время поспѣваетъ жатва, а затѣмъ они перебираются на сѣверъ. Послѣднюю жатву они убираютъ осенью въ Манитобѣ. Зимой они идутъ въ лѣса, чтобы вывозить сваленныя деревья. Въ капиталистическомъ государствѣ необходимы такіе странствующіе работники. Если зима выпадала суровая, а работы было мало, то наиболѣе слабые и наименѣе приспособленные погибали отъ голода и холода.

До глубокой осени Юргысъ бродяжилъ. Суровая зима снова загнала его въ Чикаго, и здѣсь опять началась погоня за какимъ-нибудь мѣстомъ. Случайно литовецъ встрѣчается съ своей родственницей Маріей, которую нужда загнала въ публичный домъ. Отъ нея литовецъ узнаетъ только печальныя вѣсти про своихъ. Ребенокъ умеръ. Дѣти продаютъ газеты на улицахъ и превратились въ маленькихъ бродягъ.

Старое міровоззрѣніе литовца, вывезенное изъ глубины лѣсовъ, погибло. Взгляды на совѣсть, честь, правду, сложившіеся у

предковъ Юргыса въ теченіе многихъ вѣковъ, разсѣялись подъ вліяніемъ всего того, что переселенецъ видѣлъ въ Чикаго. Люди-волки, грызущіеся за добычу. Побѣждаетъ тотъ, кто смѣлѣе, у кого зубы острѣе и силъ больше. И Юргысъ, подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ, становится самъ волкомъ. Онъ присоединяется къ группѣ ночныхъ грабителей, съ которыми свелъ знакомство въ тюрьмѣ. Шайка оперируетъ очень удачно, и Юргысъ имѣетъ хорошее платье, теплое жилище и много денегъ. Чтобы имѣть положеніе, Юргысъ, черезъ своихъ новыхъ друзей, попадаетъ снова на заводъ надсмотрщикомъ. Вліяніе друзей таково, что запись въ «черномъ кондуитѣ» идетъ на смарку. Юргысъ теперь самъ волкъ и ведетъ себя по волчьи по отношенію къ другимъ работникамъ. Когда на заводѣ начинается стачка, Юргысъ поддерживаетъ хозяевъ, которые ему хорошо платятъ. Но въ пьяномъ видѣ, поссорившись изъ-за женщины, Юргысъ избилъ до полусмерти полицейскаго агента. Литовцу удается уйти отъ наказанія, но онъ долженъ откупиться всѣми своими сбереженіями, и мѣсто на заводѣ потеряно. Снова начинаются странствованія по городу и поиски за случайной работой. Нищета теперь особенно чувствительна послѣ сытой и довольной жизни. Юргысъ достигаетъ послѣдней степени нищеты. Чтобы согрѣться, онъ заходитъ въ помѣщенія, гдѣ происходятъ митинги. Такъ какъ въ теплотѣ литовецъ обыкновенно засыпаетъ и начинаетъ храпѣть, то его немедленно выгоняютъ опять на холодъ.

Разъ, зимой, Юргысъ попалъ на митингъ и заснулъ сейчасъ же. Кто-то осторожно разбудилъ его. Литовецъ ожидалъ, что его немедленно вышвырнутъ, но, вмѣсто грознаго и грубаго оклика, услыхалъ:

— Товарищъ! Вы бы послушали. То, что ораторъ говоритъ, васъ заинтересуетъ.

Юргысъ вздрогнулъ. Въ первый разъ неизвѣстные люди называли его «товарищемъ». Юргысъ сталъ прислушиваться къ словамъ оратора. Все то, что литовецъ перечувствовалъ, когда искалъ работы у дверей заводовъ, когда терялъ работу, когда зябъ на улицахъ громаднаго города,—было сформулировано здѣсь такъ ясно и такъ просто. Ораторъ говорилъ не только о страданіяхъ рабочаго класса, но училъ также, какъ выбиться изъ дебрей на просторъ. Передъ Юргысомъ внезапно засіялъ ослѣпительный свѣтъ. Литовцу непремѣнно хотѣлось узнать про ту новую правду, про то новое міровоззрѣніе, о которыхъ говорилъ ораторъ. И послѣ митинга Юргысъ подошелъ къ лектору, который оказался полякомъ. Началось возрожденіе литовца. Ему помогли найти работу. Проспектами новой жизни, послѣ того, какъ Юргысъ выбрался изъ «дебрей», заканчивается романъ.

Sh.

Литературные наброски.

Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ второй. Мелкіе разсказы. Томъ третій. «Такъ было».

Стоитъ ли «Такъ было» въ логической связи съ предшествовавшими произведеніями г. Л. Андреева? Представляетъ ли «Такъ было» жизненный *выводъ*, сдѣланный художникомъ на основаніи пережитаго и передуманнаго имъ, или, наоборотъ, внутренней связи здѣсь нѣтъ, и художника по-просту привлекла красивая перспектива безграничной человѣческой свободы, ничѣмъ не опредѣленной, ни съ чѣмъ органически не связанной,—свободы, безъ которой все не только «такъ было», но и «такъ будетъ», какъ разсказано въ «Такъ было»? Этотъ вопросъ естественно представляется уму читателя при чтеніи «Такъ было» на ряду съ двумя недавно выпущенными томиками разсказовъ г. Андреева.

Мы не будемъ останавливаться на произведеніяхъ, вошедшихъ въ составъ «второго тома»: почти обо всѣхъ (кромѣ «Мысли») разсказахъ, сюда относящихся, мы имѣли случай говорить при ихъ первоначальномъ появленіи въ печати. Напомнимъ только сцену изъ «Жизни Василія Ѳивейскаго», когда—въ зимній вечеръ съ воющей на дворѣ мятелью, въ обществѣ одного только сына идіота—несчастный Василій Ѳивейскій, уже пораженный всевозможными бѣдами, читаетъ евангеліе, пробуетъ найти человѣческій смыслъ въ обрушившихся на него несчастіяхъ, и ему начинаетъ мелькать счастливая догадка, что эти несчастія на самомъ дѣлѣ имѣютъ внутренній смыслъ, разрѣшающій ему, Василію Ѳивейскому, примириться съ ними. Разсказъ объ этомъ прерывается словами, которыя чудятся въ воѣ мятели: «ихъ двое, двое, двое... Ихъ двое... ихъ двое, ихъ двое»... Художникъ не подчеркиваетъ этого соединенія въ одно цѣлое несчастнаго отца и безумнаго сына, но для читателя ясно, что для автора существенной разницы между людьми, находящимися въ комнатѣ, въ степени ихъ приближенія къ пониманію жизни,—нѣтъ. «Ихъ было двое,—*одинаково* разумѣющихъ жизнь, ихъ было двое»—одинаково близкихъ къ пониманію ея смысла, ихъ было *двое* одинаковыхъ—въ тотъ моментъ, когда преслѣдуемый судьбою священникъ пытался освѣтить смысломъ божественной воли и разума свою оскорбленную и придавленную душу.

Все, что собрано въ томикѣ «мелкихъ разсказовъ» (томъ третій), только иллюстраціи къ этой сценѣ изъ «Жизни Василія Ѳи-

вейскаго»... Жизнь нелѣпа, люди одиноки, непонятны другъ другу и, что еще страшнѣе для художника, не нужны другъ другу... Даже юные герои г. Андреева, полу-дѣти, не свободны отъ этой тоски. Каверина, о которомъ разсказывается въ «Праздникѣ», — «въ гимназіи, дома и у знакомыхъ всѣ считали его очень счастливымъ юношей, но самъ онъ находилъ себя глубоко несчастнымъ. И причиной несчастія было то, что онъ сознавалъ себя порочнымъ и лживымъ, а жизнь свою никому и ни на что не нужной»...

И логическій выходъ отсюда—мысль, которая выталкивала изъ головы Каверина латынь и математику: «нужно ли ему жить и зачѣмъ?» — У другого юноши, въ изображеніи г. Андреева, мысль о самоубійствѣ готова перейти въ дѣло («Весной»).

Каждую весну, вотъ уже три года, онъ думалъ о смерти, а въ эту весну рѣшилъ, что умереть пора. Онъ ни въ кого не былъ влюбленъ, у него не было никакого горя, и ему очень хотѣлось жить, но все въ мірѣ казалось ему ненужнымъ, безсмысленнымъ и оттого противнымъ до отвращенія, до брезгливыхъ судорогъ въ лицѣ.

И бывало это весной. Зимой онъ не замѣчалъ жизни, и жилъ просто, какъ и всѣ, но когда сходилъ снѣгъ и земля становилась прекрасной, и обнажалось во всей загадочной красотѣ сіяющее небо, онъ чувствовалъ себя, какъ птица, у которой обрубили крылья и которую сдѣлали неуклюжимъ, медленно ползающимъ человѣкомъ. И крылатая душа трепетала и билась, какъ въ клѣткѣ, и непонятна и враждебна была вся эта красота міра, которая зоветъ куда-то, но не говоритъ куда. Потерявшійся, онъ шелъ къ людямъ съ безмолвнымъ вопросомъ—и всѣ людскія лица казались ему плоскими и тупыми, какъ у звѣрей, а рѣчи ихъ ненужными, вздорными и лишенными смысла, какъ бредъ или мычаніе животнаго.

Короткій праздникъ въ жизни героевъ Л. Андреева—это, когда они оказываются для чего-то или кому-то нужными и не чувствуютъ себя отдѣленными отъ всего остального міра стѣной, «за которой, чуждая міру и людямъ, мучительно содрогалась одинокая душа».— Такой случайный праздникъ объ Рождество оказался для штабсъ-капитана Каблукова («Изъ жизни шт.-кап. Каблукова»), у котораго нѣтъ ничего въ жизни сейчасъ и ничего не предвидѣлось и въ будущемъ. «Послѣдніе годы Николаю Ивановичу усиленно приходилось доказывать, что ему живется хорошо, такъ, какъ и нужно жить. Но доказательства принимались туго, пока капитанъ не обзавелся могучимъ союзникомъ—графиномъ. Когда съ утра онъ выпивалъ двѣ-три рюмки водки, все становилось яснымъ, понятнымъ и простымъ. Не поражала своимъ убожествомъ грязная, пустая комната; не замѣчалось и того, что самъ онъ сталъ нечистоплотенъ и лѣнивъ: по недѣлямъ не мѣняетъ бѣлья, лѣнится чистить ногти, и когда замѣчалось, то тутъ же опровергалось резоннымъ соображеніемъ: «вѣдь мнѣ за барышнями не ухаживать?». Легче было и дѣло дѣлать, спустя рукава.

Съ тоскливой увѣренностью ждетъ наступленія запоя Каблуковъ и въ моментъ разсказа. Но запой на этотъ разъ не пришелъ, по-

тому что денщикъ Каблукова, отуманенный, съ одной стороны, огромностью суммы, полученной имъ для оплаты расходовъ по предстоявшей у Каблукова попойкѣ, а съ другой стороны, недавно полученными деревенскими вѣстями о томъ, что у него родилась дочь, а жена слегла, и не на что нанять работника и хлѣба недохватъ: «къ Рождеству придется занимать у Ильи Иваныча, ежели Илья Иванычъ дастъ»,—не выдерживаетъ тяжелаго соблазна и полученныя деньги отсылаетъ въ деревню, попытавшись солгать, что 25-рублевую бумажку онъ потерялъ. Но онъ слишкомъ глупъ, чтобы умѣть соврать, и штабсъ-капитанъ узнаетъ, куда и зачѣмъ пошли его деньги. Пирушку съ г.г. офицерами пришлось упразднить, но пострадавшихъ отъ этого, въ разсказѣ г. Андреева, не было. Пьяная, безпросвѣтная жизнь освѣтилась мягкимъ и радостнымъ сознаніемъ, что какіе-то люди изъ-за какихъ-то 25 рублей, принадлежавшихъ ему, Каблукову, будутъ по-мужицки безмѣрно счастливы.

— Такъ ты думаешь, они рады?
— Помилуйте, вашбродь, да это я, ужъ это...
— Да,—да.
... Длинна и темна зимняя ночь, но и она уступаетъ передъ силою всепобѣждающаго свѣта... Бѣлѣетъ востокъ...

. . . .

Удивительно, что горькія мысли, предзнаменовавшія начало запоя, на этотъ разъ солгали; ни на слѣдующій, ни на другіе дни запой не являлся.

Внезапное сознаніе своей не только нужности, а и необходимости другимъ—еще значительнѣе отразилось на юношѣ, героѣ уже упомянутаго выше разсказа «Весной».—Отложивъ на день свое рѣшеніе покончить съ собой, юноша возвращается домой и узнаетъ, что въ его короткую отлучку отецъ скончался отъ апоплексическаго удара, оставивъ на его рукахъ мать и маленькаго брата. И это сразу измѣняетъ для Павла полу-рѣшенный вопросъ о самоубійствѣ, когда мать, уже ранѣе подозрѣвавшая мрачные замыслы сына, рѣшается навсегда покончить съ ними: «...плача тихими слезами горя, прижимаясь лицомъ къ рукѣ сына, проговорила:

— Павля! милый... Ты одинъ теперь у насъ... Ты одинъ наша защита.

Павелъ гладилъ рукой сѣдую, вздрагивающую голову, и далекимъ чернымъ сномъ пробѣжала передъ нимъ мрачная желѣзнодорожная вѣтка и одинокій зловѣщій глазъ. Онъ гладилъ вздрагивающую голову, смотрѣлъ на сморщившагося Шурку, и видѣлъ, какіе всѣ они маленькіе, и жалкіе, и одинокіе, и какъ они нуждаются въ защитѣ и любви. И онъ почувствовалъ себя сильнымъ и крѣпкимъ, и голосъ его былъ полный и громкій, когда онъ сказалъ:

— Да, мама. Я буду жить.

Тѣ же темы, но нѣсколько иначе, освѣщаются въ лучшемъ изъ «мелкихъ разсказовъ» г. Андреева: «Гостинецъ». — Два человѣка

жили въ одной мастерской; одинъ—въ качествѣ мастера — давалъ подзатыльники, когда было нужно, а другой, въ качествѣ подростка-подмастерья, получалъ ихъ. Все это было въ порядкѣ вещей, пока Сениста не заболѣлъ и Сазонкѣ не пришлось отвезти больного умирать—въ больницу. Умирающій мальчикъ, потому что онъ могъ умереть, оказался, особенно въ больницѣ, кѣмъ-то очень значительнымъ и требовавшимъ уваженія. Бывалые подзатыльники казались въ больницѣ чѣмъ-то, о чемъ стыдно вспомнить. И вообще все, что напоминало недавнюю дѣйствительность, какъ-то подлежало упраздненію, хотя въ этомъ не было ровно никакого здраваго смысла въ глазахъ Сазонки. «Такъ его все время тянуло называть Сенисту по имени и отчеству—Семеномъ Ерофеевичемъ, что было отчаянно нелѣпо: Сениста былъ мальчишка-подмастерье, а Сазонка былъ солиднымъ мастеромъ и пьяницей, и Сазонкой звался только по привычкѣ...» Мало этого: Сазонка чувствуетъ, что съ мальчикомъ нельзя проститься обыкновенными словами, на нихъ отъ обыденныхъ жестокихъ и жесткихъ отношеній наросло что-то, чему нѣтъ мѣста около умирающаго. И пьяницѣ-портному удается найти нужное слово.

«Ну, прощевай»,—говоритъ онъ Сенистѣ и этимъ необычнымъ словомъ пробуетъ создать атмосферу новыхъ отношеній между нимъ, дававшимъ подзатыльники, и умирающимъ, получавшимъ ихъ.

Эта сцена прощанія съ Сенистой одно изъ наиболѣе останавливающихъ мѣстъ въ обоихъ томикахъ разсказовъ. На просьбу больного придти навѣстить его, Сазонка не только обѣщаетъ придти, но и рѣшаетъ принести гостинецъ. Долго, до самой Пасхи, Сазонка живетъ теплымъ остаточнымъ чувствомъ отъ своего пребыванія въ больницѣ, отъ той радости, которую внушало его обѣщаніе придти къ мальчику, оставленному въ больницѣ «въ жертву одиночеству, болѣзни и страху»... Но Сазонка не пришелъ въ больницу, какъ хотѣлъ: въ первый день Пасхи и съ гостинцемъ въ каемчатомъ платкѣ. Сдѣлалось такъ, какъ Сазонка опасался, что сдѣлается: «И на первый день Пасхи, и на второй Сазонка былъ пьянъ, дрался, былъ избитъ и ночевалъ въ участкѣ. И только на четвертый день онъ выбрался въ больницу, но засталъ уже мальчика въ покойницкой... Мечта обрадовать огромною радостью, хоть передъ смертью, осталась несбывшейся мечтой горькаго пьяницы... Сазонка глядѣлъ на «гостинецъ» (изъ больницы онъ ушелъ за городъ, въ поле), и «бурная, клокочущая жалость и неистовый гнѣвъ подымались въ немъ. Онъ глядѣлъ на каемчатый платокъ—и видѣлъ, какъ на первый день, и на второй, и на третій Сениста ждалъ его и оборачивался къ двери, а онъ не приходилъ. Умеръ одинокій, забытый, какъ щенокъ, выброшенный въ помойку. Только бы на день раньше—и потухающими глазами онъ увидѣлъ бы гостинецъ, и возрадовался бы дѣтскимъ своимъ сердцемъ, и безъ боли

безъ ужасающей тоски одиночества, полетѣла бы его душа къ высокому небу».

Казалось бы, что при такомъ діагнозѣ болей человѣческихъ, человѣчество—въ глазахъ художника—нуждается въ цементированіи отдѣльныхъ единицъ въ одно крѣпкое цѣлое людей, нужныхъ другъ другу и обезпеченныхъ взаимной связью въ такой максимальной мѣрѣ, въ какой только это возможно. Но авторъ «Маленькихъ разсказовъ» и «Такъ было», повидимому, далекъ отъ такого вывода. Въ чувствѣ механической принадлежности къ чему-то внѣшнему и независимо отъ «меня» существующему, для художника есть точно такъ же что-то тяжелое, наносящее ущербъ его человѣческому достоинству. Чувство удовлетворенія отъ такого рода нужности своей особы другимъ въ глазахъ художника является нормальнымъ развѣ только для героини его разсказа «Кусака»—собаки, которая почувствовала благополучіе, какъ только у нея оказался свой собственный дворъ, къ которому можно было прилѣпиться. Свое имя Кусака получила совершенно случайно. У нея не было имени, потому что она никому не принадлежала, жила гдѣ придется — въ послѣднюю зиму подъ террасой деревенской дачи—и равно всѣхъ ненавидѣла: и людей, которые ее травили, и собакъ, которыя ее отгоняли отъ теплыхъ избъ—«такія же голодныя, какъ и она, но гордыя и сильныя своей принадлежностью къ дому». Но весной дачу заняли дачники, оказавшіеся незлыми людьми: имъ ничего не стоило приласкать одичавшую и озлобленную собаку, и они ласкали и кормили Кусаку, какъ прозвали они собаку за то, что она набросилась на нихъ при первой встрѣчѣ... «Когда прибѣжали дѣти, шумныя, звонкоголосыя, быстрыя и свѣтлыя, какъ капельки разбѣжавшейся ртути, Кусака замерла отъ страха и безпомощнаго ожиданія... она долго еще вздрагивала при каждомъ прикосновеніи ласкающей руки, и ей больно было отъ непривычной ласки, словно отъ удара...» Собака отвѣтила приласкавшимъ людямъ всѣмъ, чѣмъ могла: стала безкорыстно сторожить дачу, лаять на «чужихъ» и ласкаться къ «своимъ». Вообще,—резюмируетъ авторъ,—«всею своею собачьею душой расцвѣла Кусака. У нея было имя, на которое она стремглавъ неслась изъ зеленой глубины сада; она принадлежала людямъ и могла имъ служить. *Развѣ не достаточно этого для счастья собаки?*»

Итакъ, общее несчастье людей, какими ихъ знаетъ Л. Андреевъ, въ томъ, что они одиноки и никому не нужны, но положеніе вещей не измѣнится сколько-нибудь существенно, если бы даже явилась возможность «принадлежать людямъ», возможность «имъ служить». «Развѣ не достаточно этого для счастья собаки»?

Для человѣка, очевидно, этого не достаточно.

Гдѣ логическое примѣненіе неизмѣнной тоски по объединенной цѣльной жизни, которою живутъ герои Л. Андреева, съ этимъ отрицаніемъ чувства «гордости и независимости», которыми жила

собака въ изображенiи г. Андреева,—отъ того, что она была нужна и могла отплатить людямъ тою же мѣрой, которой они мѣрили ей? Въ разсказахъ г. Андреева нѣтъ еще категорическаго отвѣта на этотъ естественный вопросъ читателя. И можно только предполагать (основанiя для этого есть и въ «Кусакѣ»), что для автора вся суть въ томъ, что никакое улучшенiе механическаго строя жизни не сдѣлаетъ людей близкими другъ другу душою; они всегда будутъ другъ другу такъ же мало понятны, какъ непонятна была ласкавшимъ ее людямъ Кусака, когда она пыталась выразить имъ свою любовь къ нимъ, а они только смѣялись надъ забавностью ея неуклюжихъ тѣлодвиженiй; всегда будетъ правъ чиновникъ коммерческаго банка Петровъ («Городъ»), для котораго «каждый проѣхавшiй человѣкъ былъ отдѣльный мiръ, съ своими законами и цѣлями жизни», съ своей женщиной, которую онъ любилъ, съ своей особенной радостью и горемъ, и каждый былъ, какъ призракъ который являлся на мигъ и не разгаданный, не узнанный исчезалъ. И чѣмъ больше было людей, которые не знали другъ друга, тѣмъ ужаснѣе становилось одиночество каждаго. И въ эти черныя, грохочущiя почи Петрову часто хотѣлось закричать отъ страха, забиться куда-нибудь въ глубокiй подвалъ и быть тамъ совсѣмъ одному. Тогда можно думать только о тѣхъ, кого знаешь, и не чувствовать себя такимъ безпредѣльно одинокимъ среди множества чужихъ людей.

Иллюстрацiей этого универсальнаго непониманiя другъ друга служитъ крайне утрированный разсказъ: «Нѣтъ прощенiя». Глупая и злая шутка, которая пришла въ голову желчнаго учителя гимназiи Крылова «изъ пустоты голоднаго и злого желудка», основательно убѣдила его въ томъ, что онъ просто-на-просто ребусъ, состоящiй на службѣ по вѣдомству народнаго просвѣщенiя, — ребусъ, всякой разгадкѣ котораго повѣрятъ даже близкie ему люди, даже жена, съ которою его соединяютъ 12 лѣтъ совмѣстной жизни... Замѣтивъ какое-то скрытное движенiе у юной курсистки, стоявшей рядомъ съ нимъ на площадкѣ конки, Крыловъ поддался злому желанiю попугать дѣвушку, притворившись шпiономъ. И повѣрила притворству не только дѣвушка, повѣрили, очевидно, и другiе, стоявшie на площадкѣ, включая кондуктора. Крыловъ оскорбленъ за себя, за то, что никто не находитъ причинъ усомниться — по его внѣшности, по его лицу, по всей его личности—въ томъ, что онъ не можетъ быть шпiономъ. Въ концѣ концовъ, онъ производитъ повѣрочный опытъ надъ своей женой. Но и та вѣритъ признанiю мужа, его пробному заявленiю, что онъ шпiонъ:—Ты знаешь, Маша. Я—шпiонъ.

— Что?

— Шпiонъ, понимаешь, да.

Марiя Ивановна вся какъ-то осѣдаетъ, какъ проколотое тѣсто, и, всплеснувъ тихо руками, произноситъ:

— Такъ я и знала,—несчастная, Господи Ты Боже мой!

Подскочивъ къ женѣ, Митрофанъ Васильевичъ машетъ кулакомъ у самаго ея лица, съ трудомъ удерживается отъ желанія ударить и кричитъ такъ громко, что въ столовой перестаетъ звенѣть посуда, и во всемъ домѣ становится тихо...

— Дура! Дурища! Такъ и знала. Господи! Да какъ же ты могла знать? Двѣнадцать лѣтъ! Двѣнадцать лѣтъ! Господи! Жена—другъ, всѣ мысли, деньги, все...

Гдѣ же выходъ? Какъ будто авторъ «Мелкихъ разсказовъ» нашелъ его въ своемъ «Такъ было»... Если каждый человѣкъ на самомъ дѣлѣ представляетъ собой особый міръ съ своими особыми законами, то и пусть онъ будетъ такимъ независимымъ міромъ: пусть онъ будетъ абсолютно свободенъ; пусть онъ будетъ безгранично воленъ въ самомъ себѣ.

Таковъ выводъ, который, повидимому (съ оговорками, сдѣланными нами въ началѣ замѣтки), слѣдуетъ сдѣлать изъ «Такъ было».—Это, собственно, читательскія впечатлѣнія, а не беллетристическое произведеніе. Художникъ — мастеръ по части мрачнаго колорита, подъ вліяніемъ передуманнаго и лично пережитаго имъ, съ одной стороны, подъ вліяніемъ того, что происходило вокругъ него въ русской дѣйствительности, съ другой стороны,—внимательно перечиталъ сочиненія о великой французской революціи, соединилъ впечатлѣнія отъ прочитаннаго о ней съ общеизвѣстными фактами изъ послѣдующей исторіи Франціи вплоть до нашихъ дней, и размышленія по этому поводу изложилъ въ полупублицистической-полубеллетристической формѣ «Такъ было».

Надъ древнимъ городомъ, гдѣ стояла башня, и надъ всей страной высоко поднимался одинъ человѣкъ, загадочный владыка города и страны, и его таинственная власть—одного надъ милліонами—была такъ же стара, какъ и городъ. Назывался онъ королемъ и прозвище носилъ Двадцатый, по числу своихъ одноименныхъ предшественниковъ, но это ничего не объясняло. Какъ никто не зналъ начала города, такъ не зналъ никто и начала этой странной власти, и насколько хватало человѣческой памяти—въ самомъ глубокомъ прошломъ вырисовывался все тотъ же загадочный образъ: одного, который повелѣваетъ милліонами. Была нѣмая древность, надъ которой уже не имѣла власти человѣческая память; но она изрѣдка раскрывала уста: роняла камень, маленькую плитку, исчерченную какими-то знаками, обломокъ колонны, кирпичъ изъ разрушенной стѣны—и въ этихъ знакахъ уже была начерчена повѣсть объ одномъ, который повелѣваетъ милліонами.

Но вотъ наступило другое чудо въ жизни тѣхъ милліоновъ людей, которые называли себя общимъ именемъ французовъ. Произошло «столь же таинственное возстаніе милліоновъ, какъ таинственна была власть одного». Старое чудо повиновенія одному стало еще больше чудомъ. Все обаяніе этого одного изчезло, какъ только гипнозъ повиновенія прошелъ, и повиновавшіеся пришли въ непосредственное столкновеніе съ тѣмъ маленькимъ—меньше ихъ самихъ—человѣкомъ, которому они повиновались.

Ожидали (въ судъ) короля, а явился шутъ. Ожидали дракона, а пришелъ носатый буржуа съ носовымъ платкомъ. Смѣшно, и странно и немного жутко. Ужъ не произошло ли подмѣны.

— Это я,—король,—говоритъ и Двадцатый.

Да это онъ: какой смѣшной! Вотъ такъ король! Улыбались, пожимали плечами, еле сдерживали смѣхъ и посылали другъ другу съ конца въ конецъ насмѣшливыя улыбки и привѣтливые жесты, и точно спрашивали: хорошъ?..

. . . .

Но вѣдь онъ же былъ король! Что же это значитъ? Тогда всякій можетъ быть королемъ; тогда безграничнымъ повелителемъ надъ людьми можетъ стать и горилла? И ей воздвигнутъ золоченый тронъ, и ей будутъ воздавать божескія почести, и она будетъ устанавливать законы жизни для людей—горилла съ волосатымъ тѣломъ, жалкій пережитокъ, шатающійся по лѣсамъ...

. . . .

Но гдѣ же тиранъ?—внезапно вспыхиваетъ одинъ и схватываетъ другого за плечо.—Скажи мнѣ, гдѣ—тиранъ?

— Не знаю. Мнѣ стыдно идти туда.

— Ужасныя мысли! Неужели ничтожество и есть тиранія? Неужели ничтожные и есть тираны?

— Не знаю. Мнѣ стыдно.

Художнику-читателю удалось передать то настроеніе тревоги, которое растетъ у него (или у кого-то, о комъ онъ въ безличной формѣ говоритъ) по мѣрѣ роста борьбы между королемъ и народомъ... Побѣда несомнѣнно на сторонѣ послѣдняго, но чувство тревоги не только не ослабѣваетъ, но растетъ. Слишкомъ много страха и волненій вызываетъ этотъ ничѣмъ не замѣчательный человѣкъ, чтобы не бояться за будущее. Если бы передъ людьми оказался гигантъ, оказался человѣкъ, обладающій исполинской мощью тѣла, воли или мысли, тогда все было бы понятно. Погибъ исполинъ,—погибло бы и зло, которое только онъ и былъ способенъ причинить. Но былъ только «носатый буржуа»: другими словами, таинственная причина повиновенія милліоновъ не въ немъ, а въ самихъ «милліонахъ». Авторъ «Такъ было», какъ мы уже замѣтили, часто не выдерживаетъ на протяженіи разсказа роли художника, который прибѣгаетъ только къ образамъ и къ возсозданію необходимаго ему настроенія. Не выдерживаетъ онъ и на этотъ разъ. Онъ не хочетъ, чтобы его читатель не сдѣлалъ необходимыхъ выводовъ, и онъ вставляетъ въ общій рисунокъ разсказа рѣзко подчеркнутую бесѣду двоихъ, что «стояли на мосту»:

— Я не вѣрю въ ихъ свободу. Они слишкомъ радуются смерти ничтожнаго.

Изъ города, гдѣ горѣли еще огни, пронесся гулъ голосовъ, смѣха и пѣсенъ. Тамъ еще было весело.

— Нужно убивать власть,—сказалъ первый.

— Нужно убивать рабовъ. Власти нѣтъ, есть только рабство...

— Но вѣдь они любятъ свободу.

— Нѣтъ, они только боятся бича. Когда они полюбятъ свободу, они станутъ свободны.

Не нужно бича, въ чемъ бы онъ ни состоялъ; не нужно никакой власти. Должна существовать одна только свобода. Иначе все не только «такъ было», но и всегда «такъ будетъ»... Одноглазый часовщикъ въ башнѣ, въ которой былъ заключенъ король, въ этомъ не сомнѣвается; такъ было—такъ будетъ; онъ слышитъ это даже въ ударныхъ звукахъ огромнаго маятника въ башенныхъ часахъ:

Достигая вершины своего качанія, маятникъ говорилъ:
— Такъ было.
Падалъ, поднимался къ новой вершинѣ и добавлялъ:
— Такъ будетъ Такъ было—такъ будетъ. Такъ было—такъ будетъ..

Въ подробностяхъ «Такъ было» не мало существенныхъ противорѣчій автора самому себѣ. Если люди рабы, то понятно (какъ говорится въ началѣ), что среди нихъ «во всѣ времена встрѣчались... такіе, и ихъ было много, которые любили его («одного») больше себя, больше, чѣмъ женъ своихъ и дѣтей, и покорно, какъ изъ рукъ самого Бога, безъ ропота и сожалѣнія, принимали отъ него и во имя его *самую жестокую и позорную смерть,* но за то совершенно не понятно, какъ могло случиться, что временами жестокаго «одного» *всѣ* ненавидѣли и проклинали, а онъ (всетаки) одинъ повелѣвалъ всѣми ненавидящими и проклинающими»... Такъ же не понятно—если по временамъ «всѣ ненавидѣли и проклинали»—указаніе, что только впослѣдствіи, когда народъ «пересталъ... повиноваться, сразу открылись всѣ его старыя, многовѣковыя язвы, и съ гнѣвомъ онъ *почувствовалъ* голодъ, несправедливость и гнетъ». Но дѣло, конечно, не въ томъ, правильно или неправильно освѣщаетъ авторъ «Такъ было» мучительный процессъ возникновенія и временной гибели новой Франціи послѣ 1789 года... Насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ только вопросъ, думаетъ ли самъ художникъ, что въ «Такъ было» онъ далъ отвѣтъ на свои «Мелкіе разсказы»? Думаетъ ли онъ, что этотъ отвѣтъ примирилъ бы съ жизнью маленькихъ героевъ его маленькихъ разсказовъ? Едва ли возможно отвѣтить утвердительно. Пусть человѣкъ станетъ не только свободенъ, но и Свободенъ. Едва ли можно усомниться, что это разрѣшеніе жизни—очень далекое отъ того, чтобы быть полнымъ разрѣшеніемъ того, что гнететъ героевъ г. Андреева. Очевидно, что они не станутъ «свободными» ни отъ своей тоски одиночества, ни отъ тоски своей ненужности...

Впрочемъ, быть можетъ, какъ мы уже оговорились, конечная мысль въ «Такъ было» имѣетъ временный характеръ временнаго настроенія, созданнаго больше всего желаніемъ услышать, какъ красиво звучитъ мечта о свободѣ, которая должна быть единымъ Богомъ будущаго человѣчества:

Сердце сказки проситъ
И не хочетъ были.

Переходя къ чисто художественной сторонѣ разсказовъ г. Андреева, мы должны повторить, что самымъ значительнымъ среди мелкихъ разсказовъ является «Гостинецъ». Въ немъ нѣтъ ничего удивляющаго читателя экстраординарностью въ характерѣ наблюденій автора, воспринимающаго явленія окружающей природы и жизни, какъ ихъ *никто* не воспринималъ. Разсказъ написанъ просто и искренно въ томъ грустномъ тонѣ, который, вѣроятно, памятенъ читателямъ «Жили-были»... Близокъ по тону, также принадлежащій къ числу лучшихъ, другой вышецитированный разсказъ о «Кусакѣ». Здѣсь также нѣтъ ни необыкновенныхъ зданій въ родѣ башни изъ «Такъ было», которая въ изображеніи г. Андреева *глотаетъ* «какую-то звѣзду» въ тотъ самый моментъ, когда къ ней (башнѣ) подошли граждане, озабоченные мыслью о Двадцатомъ, ни вставокъ въ стилѣ Метерлинка, вродѣ тѣхъ разговоровъ, которые въ «Такъ было» ведутся между бдящимъ народомъ и на смерть усталыми и сонными стражами короля.—Впрочемъ, и среди «мелкихъ разсказовъ» есть одинъ («Мелькомъ»), фраппирующій читателя неожиданнымъ сравненіемъ дождевыхъ тучъ послѣ іюньской грозы съ... пьяницей, возвратившимся въ кабакъ: «...посѣрѣвшія тучи еще не успѣли разсѣяться, точно имъ было такъ же трудно и непріятно двигаться въ тепломъ и сыромъ воздухѣ, какъ и мнѣ. Минутами онѣ спохватывались, какъ пьяница, который вспоминаетъ, что въ одномъ изъ кармановъ у него еще завалялся непропитый пятакъ, и возвратившись, *съ трескомъ* бросаетъ его удивленному цѣловальнику,—и посылали на землю рѣдкія, запоздавшія капли, *лѣниво* ударявшіяся о листья и траву и наполнявшія окрестность *тихимъ шуршаніемъ*... Помимо вычурной безобразности этого сравненія, трудно понять, какимъ образомъ самъ авторъ не замѣтилъ даже при повторномъ напечатаніи своего разсказа въ общемъ сборникѣ, что капли, которыя «лѣниво» ударяются о листья и «тихо шуршатъ», ни въ какомъ случаѣ не могутъ напомнить пятакъ, брошенный на кабацкую стойку «съ трескомъ».

Кромѣ упомянутыхъ двухъ разсказовъ и «Христіанъ», также включенныхъ въ серію «мелкихъ разсказовъ», значительныхъ—съ чисто-художественной точки зрѣнія, вещей—на нашъ взглядъ—нѣтъ. Ихъ главный интересъ—въ содержаніи. Слабѣе всего разсказы съ юморомъ въ качествѣ основного настроенія. Андреевскій юморъ не только по-андреевски мраченъ: онъ и грузенъ, и угловатъ, и бѣденъ неожиданностью («Оригинальный человѣкъ»).

Случайно или не случайно, одинъ изъ маленькихъ разсказовъ г. Андреева («Воръ»), въ прошломъ году напечатанный въ сборникѣ «Знанія», въ составъ III тома не входитъ.

Быть можетъ, было бы правильнѣе выпустить оба тома (второй и третій) съ распредѣленіемъ разсказовъ просто въ хронологическомъ порядкѣ, не раздѣляя ихъ на мелкіе и на крупные (они и

на самомъ дѣлѣ болѣе крупные), вошедшіе отдѣльно во второй томъ и составившіе не то желтую, не то черную книгу о красномъ смѣхѣ въ жизни и о людяхъ-призракахъ, среди которыхъ самый нормальный едва ли не герой «Въ туманѣ».—Такое распредѣленіе въ чисто хронологическомъ порядкѣ давало бы болѣе правильную «исторію» настроенія такого своеобразнаго художника, какъ Л. Андреевъ.

А. Е. Рѣдько.

Англійская губернія.

Каждый знаетъ по личному опыту, иногда очень непріятному, что представляетъ изъ себя русская губернія съ Держимордами разныхъ ранговъ и мундировъ, иначе «хозяевами». Послѣднихъ, какъ извѣстно, у русскаго обывателя очень много. Тутъ есть господа съ «голубой кавалеріей» черезъ плечо, о которой мечталъ Сквозникъ-Дмухановскій. Эти могутъ арестовать обывателя, сослать его, раззорить, велѣть поджечь его имущество и отнять жизнь на основаніи закона. Тутъ есть господа, безъ всякихъ кавалерій или только съ цвѣтной тряпочкой въ петличкѣ, съ жгутами или съ узенькими эполетами. Эти могутъ избить обывателя, высѣчь его или устроить бойню на основаніи своего рода обычнаго полицейскаго права, признаннаго центральнымъ правительствомъ. Мы всѣ знаемъ русскую губернію съ грозными губернаторами, жандармами, земскими начальниками, полицеймейстерами, паспортами, шпіонами разныхъ категорій, и невѣроятнымъ безправіемъ. Порядокъ въ русской губерніи сложился такъ прочно, что его неизмѣримо труднѣе перемѣнить, чѣмъ центральное правительство. «Хозяева» всѣхъ категорій засѣли здѣсь прочно. Ихъ труднѣе выгнать, чѣмъ клеща, всосавшагося въ кожу. Въ губерніи «хозяева» привыкли къ полному беззаконію и, конечно, не остановятся ни предъ чѣмъ, чтобы удержаться на мѣстахъ. Нѣтъ такого подлаго и кроваваго преступленія, которое остановило бы Держимордъ съ «голубой кавалеріей» и безъ нея, когда дѣло дойдетъ до ихъ изгнанія. А безъ радикальной чистки провинціи всякое завоеваніе русскаго народа въ центрѣ не дастъ почти никакихъ результатовъ.

Итакъ, каждый знаетъ, что такое русская губернія. Но на что походитъ англійская провинція, т. е. графство? Быть можетъ, нѣкоторый отвѣтъ на это читатели найдутъ въ моихъ бѣглыхъ замѣткахъ о посѣщеніи графства Уоррикъ, находящагося почти въ центрѣ Англіи. Графство это—одно изъ наиболѣе старинныхъ и типичныхъ. Оно лежитъ на самой границѣ между земледѣль-

ческой Англіей и промышленной. Далѣе на западъ и на сѣверъ лежатъ центральныя или промышленныя графства, «черная страна», которую я описывалъ когда-то очень подробно въ «*Русскомъ Богатствѣ*». «Black country» занята двумя промышленными мірами, обрабатывающими волокнистыя и не волокнистыя вещества и опредѣляющими политику Соединеннаго Королевства. Столица одного изъ этихъ міровъ—Бирмингэмъ—лежитъ, собственно говоря, въ графствѣ Уоррикъ, но составляетъ отдѣльную самоуправляющуюся единицу.

Конечной цѣлью моей поѣздки были тѣ торжества, pageants, которыя жители «губернскаго города» Уоррикъ и его окрестностей устроили по случаю тысячелѣтія со времени освобожденія отъ датчанъ. Уоррикъ, однако, гордится не только тѣмъ, что его жизнь тѣсно сплетена съ англійской исторіей. Графство, это—родина многихъ великихъ людей, въ томъ числѣ — Шекспира. Поэтому туристы, ѣдущіе на «pageants», отправляются сперва въ Стратфордъ на Авонѣ, а оттуда на лошадяхъ въ Уоррикъ и Лимингтонъ, и потомъ возвращаются по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ.

Станція Пэдингтонъ въ Лондонѣ. На перронѣ суетится юркій старичекъ, съ подстриженными усами, въ грязной соломенной шляпѣ, на лентѣ которой вышито: «Cook and Son». Старикъ указываетъ, гдѣ находятся вагоны, предназначенные для паломниковъ, отправляющихся въ Стратфордъ на Авонѣ. Въ нашемъ отдѣленіи восемь паломниковъ, которые всѣ ѣдутъ въ Уоррикъ. Изъ нихъ—шесть американцевъ. Въ другихъ отдѣленіяхъ паломники исключительно американцы. Въ это время года они всегда переѣзжаютъ «на другой берегъ Пруда», какъ они называютъ Атлантическій океанъ, чтобы, по американскому выраженію, «сдѣлать Европу», т. е. осмотрѣть континентъ. И первымъ долгомъ американцы отправляются на поклоненіе въ Стратфордъ на Авонѣ. Какъ только поѣздъ тронулся, публика быстро знакомится. Тутъ представлены многіе Штаты. Постоянно смѣющійся американецъ, съ оттопыренными ушами и топорнымъ, обвѣтреннымъ лицомъ, какъ оказывается, скотопромышленникъ, родомъ изъ маленькаго городка Покательо, въ территоріи «черноногихъ» индѣйцевъ въ штатѣ Айдахо. Скотопромышленникъ заявляетъ, что онъ не только въ первый разъ на «этой сторонѣ пруда», но никогда не былъ даже въ восточныхъ штатахъ. Этому легко повѣрить, судя по его языку. Скотопромышленнику, привыкшему къ отчаянной ругани съ пастухами и индѣйцами, повидимому, стоитъ не малыхъ усилій помнить, что въ вагонѣ—дамы, и поэтому колоритныя выраженія—неумѣстны. Другой американецъ—изъ Филадельфіи. Какъ выясняется изъ разговора, онъ—шотландецъ родомъ, эмигрировалъ въ 18 лѣтъ, повидимому, сильно разбогатѣлъ и теперь, послѣ 35-лѣтняго отсутствія, пріѣхалъ посмотрѣть на родныя мѣста. Затѣмъ слѣдуютъ мужъ и жена изъ Нэшвиля въ штатѣ Тенесси. Жена—очень по-

движная молодая дама, ярко наряженная, чуть-чуть подкрашенная, съ большими жемчугами въ ушахъ. Остальныя двѣ дамы—изъ «Фриско», т. е. С.-Франциско. Одна изъ нихъ рыжая, какъ верблюдъ, нагружена кодакомъ, призматическимъ биноклемъ, двумя путеводителями, большимъ ридикюлемъ, дорожнымъ альбомомъ и еще чѣмъ-то. Съ американцами немедленно заводитъ разговоръ нѣмецъ, усиленно выдающій себя за англичанина. Судя по его объясненію, онъ представляетъ «многія большія фирмы» и постоянно, поэтому, путешествуетъ. Герценъ когда-то сдѣлалъ много очень остроумныхъ замѣчаній объ иностранцахъ въ Англіи. Замѣчанія эти вѣрны до настоящаго времени. Англійская жизнь,—говоритъ Герценъ,—сначала ослѣпляетъ нѣмцевъ, подавляетъ ихъ, потомъ поглощаетъ, или, лучше сказать, распускаетъ ихъ въ плохихъ англичанъ. Нѣмецъ, по большей части, если предпринимаетъ какое-нибудь дѣло, тотчасъ брѣется, поднимаетъ воротнички рубашки до ушей, говоритъ yes вмѣсто ja и well тамъ, гдѣ ничего не надобно говорить. Года черезъ два онъ пишетъ по-англійски письма и записки и живетъ совершенно въ англійскомъ кругу. Входя въ англійскую жизнь,—продолжаетъ Герценъ,—нѣмцы не въ самомъ дѣлѣ дѣлаются англичанами, но притворяются ими и долею перестаютъ быть нѣмцами. Англичане же въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами такіе же капризники, какъ во всемъ другомъ; они бросаются на пріѣзжаго, какъ на комедіанта или акробата, не даютъ ему покоя, но едва скрываютъ чувство своего превосходства и даже нѣкотораго отвращенія къ нему. Если пріѣзжій удерживаетъ свой костюмъ, свою прическу, свою шляпу, оскорбленный англичанинъ шпыняетъ его, но мало по малу привыкаетъ въ немъ видѣть самобытное лицо. Если же испуганный сначала иностранецъ начинаетъ подлаживаться подъ манеры англичанина, тотъ не уважаетъ его и снисходительно трактуетъ его съ высоты своей британской надменности. Тутъ и съ большимъ тактомъ трудно найтись иной разъ; можно же себѣ представить, что дѣлаютъ нѣмцы, лишенные всякаго такта, фамильярные и подобострастные, слишкомъ вычурные и слишкомъ простые, сентиментальные безъ причины и грубые безъ вызова.

— Скажите, какого мнѣнія американцы о разоблаченіяхъ того, что творится въ Чикаго на заводахъ мясныхъ консервовъ?—дипломатически началъ нѣмецъ, выдававшій себя за англичанина.

— Для насъ это не было «разоблаченіемъ»,—отвѣтилъ шотландецъ изъ Филадельфіи,—мы все это давно знаемъ и никогда не ѣдимъ мясныхъ консервовъ.

— Да! Мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ готовятся консервы, чтобы любить ихъ!—захохоталъ скотопромышленникъ.

А поѣздъ, между тѣмъ, мчался. Безконечные ряды однообразныхъ, закопченныхъ кирпичныхъ домовъ съ щетками красныхъ трубъ кончились. Потянулся типичный англійскій ландшафтъ. Блѣдное

британское лѣтнее небо, покрытое даже въ іюлѣ легкой дымкой тумана. Яркая, сочная зелень пастбищъ, крѣпкая и прочная, какъ англійскій строй. Эта зелень не пропадаетъ даже зимой. По лугамъ, изрѣзаннымъ рядами темныхъ буковъ, высокихъ вязовъ и развѣсистыхъ дубовъ, медленно бродятъ жирныя, кудлатыя, сонныя овцы съ большими оранжевыми таврами на рунѣ. Задумчивыя коровы, гладкія, крупныя, съ громаднымъ выменемъ, стоятъ подъ ветлами на берегу ручьевъ. Телята тоже преисполнены британскимъ self-respect. Они чинно стоятъ у воды, вмѣсто того, чтобы гарцовать по лугу, задравъ хвостъ коломъ. Среди полей видны столбы съ наглыми, назойливыми, крикливыми и безстыдными рекламами на нихъ: «Пилюли отъ печени», «Красныя пилюли для блѣдныхъ людей», «Голубыя пилюли отъ плохого пищеваренія», «Пилюли, излѣчивающія всѣ болѣзни». Пилюли носятъ звучныя названія неизвѣстнаго происхожденія, которыя должны дѣйствовать гипнотизирующимъ образомъ на публику. Иныя рекламы составлены въ стихахъ; въ другихъ—въ названіи пилюль соблюдена аллитерація, т. е. повторяются первыя буквы во всѣхъ словахъ. Все живое въ Англіи степенно и проникнуто чувствомъ собственнаго достоинства; за то особенно крикливы и наглы рекламы. Изрѣдка попадаются одинокія мызы, возлѣ которыхъ виднѣются нивы, какъ будто залитыя алой кровью отъ цвѣтущаго дикаго мака. Всюду въ этихъ мѣстахъ жирныя овцы вытѣснили уже землепашцевъ. Сельскіе работники перекочевали или въ городъ, или въ Канаду. Остались только пастухи. Ихъ заработная плата (15—16 шил. въ недѣлю) выше того, что получаютъ плугари (12—15 шил. въ недѣлю).

Среди волнистой равнины на берегу рѣки виденъ небольшой городъ съ дымящими высокими фабричными трубами. Это—Рідингъ, имѣющій свою собственную отрасль промышленности. Но читающій міръ знаетъ Рідингъ не какъ фабричный центръ, не какъ городъ, въ которомъ university extension поставлено необыкновенно хорошо, а по страшной балладѣ несчастнаго Петронія конца XIX в.— Оскара Уайльда. Изъ оконъ вагона видны закопченныя стѣны каторжной тюрьмы. Тамъ, пишетъ о себѣ поэтъ,

„We sewed the sacks, we broke the stones,
We turned the dusty drill:
We banged the tins, and bawled the hymns,
And sweated on the mill:
But in the heart of every man
Terror was lying still“ *)

Оскаръ Уайльдъ былъ наказанъ не столько за то, что сдѣлалъ

*) «Мы шили мѣшки, дробили камни, переворачивали пыльные тюфяки, стучали посудой, ревѣли гимны и потѣли на мельницѣ-топчакѣ; но въ груди каждаго изъ насъ тихо леталъ ужасъ».

онъ самъ, сколько за пороки другихъ людей, стоящихъ такъ высоко, что даже англійскій законъ не можетъ коснуться ихъ. Тутъ, на ридингской платформѣ, стоялъ предъ отправкой въ тюрьму, ошельмованный, втоптанный въ грязь, со скованными руками, великій и несчастный писатель, зараженный ядомъ пороковъ пресыщеннаго общества...

Нѣмецъ, выдававшій себя за англичанина, между тѣмъ, подробно объяснялъ, что въ Ридингѣ существуютъ «самыя большія въ Англіи бисквитныя фабрики», представителемъ которыхъ онъ имѣетъ честь и счастье состоять. Поѣздъ опять помчался впередъ. Опять замелькали сочные луга, ряды буковъ и сонныя овцы... Мы останавливаемся на двѣ минуты въ Оксфордѣ, потомъ въ Бенбери. Заслышавъ названіе станціи, скотопромышленникъ захохоталъ и потомъ запѣлъ извѣстную всему англо-саксонскому міру дѣтскую пѣсенку, въ которой этотъ городъ играетъ видную роль. Еще остановка, и—мы въ Стратфордѣ на Авонѣ.

II.

«Про Марло мы знаемъ только нѣсколько смѣлыхъ шутокъ и драку въ кабакѣ, закончившуюся смертельной раной. Что касается Шекспира, то намъ извѣстно еще меньше. Врядъ-ли есть еще другой великій писатель, про котораго мы знали бы такъ мало. Вся юность его исчерпывается двумя малозначущими легендами, почти несомнѣнно, ложными. До насъ не дошло ни одного письма, ни одной шутки или изреченія, которыя характеризовали бы жизнь Шекспира въ Лондонѣ... Сто лѣтъ послѣ смерти, Шекспира помнили еще въ родномъ городѣ. Но самымъ усерднымъ и добросовѣстнымъ поклонникамъ въ эпоху Георговъ не удалось, не смотря на всѣ старанія, найти подробность, хотя бы ничтожную, о жизни Шекспира въ Стратфордѣ, послѣ того, какъ онъ оставилъ Лондонъ» *). Этими словами сказано все. Многочисленныя и многотомныя біографіи Шекспира свидѣтельствуютъ только объ изобрѣтательности ихъ авторовъ. Въ дѣйствительности мы ничего не знаемъ про то, какимъ образомъ грубый, полуграмотный парень, бѣжавшій въ Лондонъ, гдѣ онъ добывалъ себѣ жизнь тѣмъ, что смотрѣлъ за лошадьми людей, пріѣзжавшихъ въ театръ,—черезъ два года превратился чудеснымъ образомъ въ ученаго-энциклопедиста. Для насъ загадка, какимъ образомъ ученый, опередившій во многихъ случаяхъ свой вѣкъ, дѣлалъ, въ то же время, грубыя ошибки, очевидныя даже для невѣжественныхъ современниковъ. Мы не можемъ понять, какимъ образомъ авторъ, такъ великолѣпно описавшій Венецію, даже не подозрѣвалъ, что въ Миланъ нельзя прі-

*) F. R. Green „A Short History of the English People", p. 421.

ѣхать моремъ. Тотъ же авторъ утверждаетъ, что Богемія - приморская страна и пр. Если допустить гипотезу, что великій мыслитель, государственный дѣятель и творецъ новаго научнаго метода, занимавшійся на досугѣ писаніемъ беллетристическихъ произведеній («Атлантида») и великолѣпныхъ бѣлыхъ стиховъ,—написалъ также нѣсколько драматическихъ произведеній; если допустить, что этотъ авторъ, считавшій подобное занятіе нѣсколько зазорнымъ для канцлера, — передалъ ихъ знакомому актеру, который приспособилъ ихъ для сцены, что онъ дѣлалъ вообще съ чужими трагедіями, то смѣсь глубокаго знанія съ грубымъ невѣжествомъ станетъ понятной. Бэконъ много путешествовалъ по Италіи. Онъ былъ и въ Веронѣ, и въ Венеціи. Плохой актеръ и отличный дѣлецъ, Шекспиръ не имѣлъ точнаго представленія, гдѣ именно лежитъ Миланъ, но за то у него былъ «глазомѣръ», и онъ зналъ, что можетъ понравиться публикѣ.

Какъ бы тамъ ни было, сложился извѣстный культъ одного лица, которому, справедливо или нѣтъ, приписывается авторство геніальныхъ произведеній. Каждый культъ требуетъ реликвій, при помощи которыхъ вѣра должна крѣпнуть въ сомнѣвающихся. Когда реликвій не осталось, ихъ можно поддѣлать. Лиха бѣда только начало. Черезъ два-три десятка лѣтъ поддѣльныя реликвіи, какъ извѣстно всѣмъ у насъ, освящаются уже преданіемъ и временемъ.

Стратфордъ на Авонѣ, въ значительной степени, живетъ шекспировскими реликвіями. Теперь онѣ всѣ уже освящены временемъ. Комната, въ которой, *по преданію,* родился Шекспиръ, превратилась уже давно въ комнату, въ которой онъ дѣйствительно родился. Въ старой грамматической школѣ въ Стратфордѣ нашли старинную парту, изрѣзанную школярами дореволюціонной эпохи. Сейчасъ же составилось такое умозаключеніе. Шекспиръ учился въ грамматической школѣ. Парта найдена въ школѣ. Слѣдовательно, Шекспиръ *могъ* сидѣть за этой партой. Скамью перенесли въ музей, гдѣ она фигурируетъ подъ названіемъ: «шекспировская скамья». Такого же происхожденія всѣ остальныя реликвіи, показываемыя въ Шекспировскомъ музеѣ. Старинный домикъ, показываемый паломникамъ, свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о глубокомъ уваженіи ко всему, что связано съ драмами Шекспира: въ саду, который прилегаетъ къ домику, растутъ всѣ деревья и цвѣты, упоминаемые въ этихъ произведеніяхъ. Къ слову сказать, въ Англіи драмы Шекспира гораздо больше почитаются, чѣмъ читаются. Въ Лондонѣ есть только одинъ театръ, который по традиціи ставитъ произведенія Шекспира по одному въ сезонъ. Большая публика въ Англіи изъ всего Шекспира знаетъ только нѣсколько именъ, пять-шесть стиховъ, превратившихся въ избитыя поговорки, да рѣчь Марка Антонія надъ трупомъ Цезаря, которая помѣщена во всѣхъ хрестоматіяхъ. Въ Америкѣ и въ британскихъ колоніяхъ Шекспира знаютъ гораздо лучше. Но въ Англіи,

какъ во всемъ англо-саксонскомъ мірѣ, культъ писателя необыкновенно глубокъ.

Американцы вошли въ домикъ Шекспира, какъ въ церковь, съ непокрытой головой. Даже быкообразный скотопромышленникъ проникся глубокимъ благоговѣніемъ къ громадному камину, у котораго *могъ* сидѣть Шекспиръ, къ стариннымъ стульямъ и къ знаменитому «стратфордскому портрету», помѣщенному надъ окномъ и хранящемуся для вѣрности въ несгораемомъ стальномъ ящикѣ. Скотопромышленникъ пріобрѣлъ даже «Шекспировскія душеспасительныя бесѣды», составленныя какимъ-то предпріимчивымъ стратфордскимъ попомъ и продаваемыя тутъ же въ домикѣ. Когда посѣтителямъ предложили расписаться въ книгѣ, скотопромышленникъ, какъ человѣкъ практичный, справился предварительно, сколько это будетъ стоить? Узнавъ, что платить не нужно, онъ написалъ полностью три имени, фамилію, городъ и штатъ.

Когда мы усаживались въ шарабанъ, чтобы отправиться въ Уоррикъ, оказалось, что одной американки, — рыжей съ кодакомъ,—нѣтъ. Ее нашли въ верхней комнатѣ, у громаднаго камина, гдѣ она, какъ объяснила, «искала вдохновенія». Существуетъ правильный циклъ, который продѣлываютъ всѣ паломники въ Стратфордѣ. Изъ домика, гдѣ родился Шекспиръ, ихъ везутъ въ Шоттери, къ коттеджу, гдѣ жила Анна Хэтуэй, жена поэта, а затѣмъ — въ церковь, гдѣ онъ похороненъ. Въ коттеджѣ рыжая американка справлялась, можно ли ей полежать въ старинной постели, покрытой пестрымъ одѣяломъ, и сколько это будетъ стоить. Въ церкви скотопромышленникъ попробовалъ присѣсть на старинную скамью, но сидѣнье опрокинулось, и онъ очутился на полу, на могильной плитѣ, на которой видно было одно полустертое имя «Люси» и «1679 г.». Чтобы выѣхать на большую дорогу въ Уоррикъ, намъ пришлось опять пересѣчь мутный Авонъ и сонный Стратфордъ.

— Домъ знаменитой писательницы Маріи Корелли,—показалъ старикъ съ подстриженными усами. Рыжая американка сейчасъ же слѣзла и стала фотографировать домъ, обвитый плющемъ. Излюбленная большой публикой романистка усиленно занята въ Стратфордѣ судебными процессами и саморекламированіемъ. Она привлекла къ суду критиковъ, отозвавшихся непочтительно объ ея произведеніяхъ, и получила фартингъ (т. е. копѣйку) за «убытки». Мѣсяца два тому назадъ она начала процессъ противъ типографа, обвиняя его въ томъ, что тотъ выпустилъ въ свѣтъ открытки съ портретомъ романистки. Марія Корелли нашла, что на портретѣ у нея «глупый видъ», и притянула издателя къ суду «за клевету». Присяжные оправдали издателя, и романистка должна была заплатить судебныя издержки.

У насъ, русскихъ, въ Англіи тоже есть мѣсто, которое будетъ привлекать многочисленныхъ паломниковъ, когда великая

революція кончится, и положеніе дѣлъ дастъ возможность думать о такихъ вещахъ. Я говорю о домѣ въ Теддингтонѣ (близь Лондона), гдѣ много лѣтъ прожилъ А. И. Герценъ, гдѣ написаны его лучшія произведенія и издавался «Колоколъ». Въ Англіи великій изгнанникъ пережилъ сильныя бури и обрѣлъ надолго душевный покой. Объ этомъ Герценъ подробно разсказываетъ самъ. «Когда на разсвѣтѣ 25 августа 1852 г. я переходилъ по мокрой доскѣ на англійскій берегъ и смотрѣлъ на его замарано-бѣлые выступы, я былъ очень далекъ отъ мысли, что пройдутъ годы, прежде чѣмъ я покину мѣловые утесы его». Герценъ весь находился подъ вліяніемъ мыслей, съ которыми оставилъ Италію. «Болѣзненно ошеломленный, сбитый съ толку рядомъ ударовъ, такъ скоро и такъ грубо слѣдовавшихъ другъ за другомъ», онъ не могъ ясно взглянуть на то, что дѣлалъ. «Мнѣ будто надобно было еще и еще дотронуться своими руками до знакомыхъ истинъ, для того, чтобы снова повѣрить тому, что я давно зналъ или долженъ быть знать»... Герценъ былъ униженъ, «самолюбіе было оскорблено... Совѣсть угрызала за святотатственную порчу горести, за годъ суеты». Изгнанникъ чувствовалъ страшную, невыразимую усталость. «Я не думалъ прожить въ Лондонѣ дольше мѣсяца, но мало по малу я сталъ разглядывать, что мнѣ рѣшительно некуда ѣхать и не зачѣмъ. Такого отшельничества я нигдѣ не могъ найти, какъ въ Лондонѣ». По цѣлымъ утрамъ Герценъ просиживалъ одинъ. «Въ этомъ досугѣ разбиралъ я фактъ за фактомъ все бывшее, слова и письма людей, и себя. Ошибки направо, ошибки налѣво, слабость, шаткость, раздумье, мѣшающее дѣлу, увлеченіе другимъ. И въ продолженіе этого разбора внутри исподволь совершался переворотъ... были тяжелыя минуты, и не разъ слеза скатывалась по щекѣ; но были и другія не радостныя, но мужественныя: я чувствовалъ въ себѣ силу, я не надѣялся ни на кого больше, но надежда на себя крѣпчала, я становился независимѣе отъ всѣхъ». Герценъ поселился въ 15 верстахъ отъ Лондона, въ маленькомъ городкѣ Теддингтонѣ, на берегу Темзы. Здѣсь душевный покой былъ обрѣтенъ. «Ошибка была не въ *главномъ положеніи*, —говоритъ Герценъ,— она была въ прилагательномъ, для того, чтобы былъ судъ своихъ, надобно было прежде всего имѣть *своихъ*. Гдѣ же они были у меня? Свои у меня были когда-то въ Россіи. Но я такъ вполнѣ былъ отрѣзанъ на чужбинѣ, надобно было, во что бы ни стало, снова завести рѣчь съ своими - хотѣлось имъ разсказать, что тяжело лежало на сердцѣ. Писемъ не пропускаютъ—книги сами пройдутъ; писать нельзя — буду печатать, и я принялся мало по малу за «Былое и Думы» и за устройство русской типографіи» *).

Домъ, въ которомъ прожилъ много лѣтъ Герценъ, сохранился

---

*) А. И. Герценъ. Собраніе сочиненій, т. IX (изданіе 1879 г.), стр. 175—180.

до сихъ поръ въ почти нетронутомъ видѣ. Въ немъ помѣщается теперь теддингтонскій городской совѣтъ. На лѣстницѣ висятъ семь аллегорическихъ картинъ, принадлежавшихъ Герцену и вывезенныхъ имъ изъ Италіи. Садъ съ громаднымъ, вѣковымъ кедромъ тоже не измѣнился. Подъ тѣнью этого кедра Герценъ любилъ лѣтомъ писать. Здѣсь онъ правилъ корректуры «Колокола». Въ садъ теперь выходитъ новое, только что пристроенное зданіе—безплатная народная библіотека. Домъ Герцена еще крѣпокъ и, вѣроятно, простоитъ много лѣтъ; но сомнительно, долго ли сохранятся Герценовскія картины, къ которымъ и теперь уже приторговываются антикваріи (одна картина уже продана).

III.

Опять потянулись поля и ряды буковъ. Кони везутъ шарабанъ по великолѣпной дорогѣ, мощеной асфальтомъ и перерѣзывающей все графство. Луга чередуются парками и нивами, на которыхъ колосится высокій ячмень. Съ парками связаны легенды о Шекспирѣ, сложенныя много десятковъ лѣтъ послѣ его смерти. Старикъ показываетъ американцамъ «тотъ самый перелазъ», черезъ который перебирался молодой Шекспиръ, когда отправлялся на браконьерство.

Мы—въ центрѣ земледѣльческой Англіи. Постоянно попадаются обвитыя плющемъ нарядныя мызы, съ кокетливыми занавѣсками на окнахъ въ свинцовой оправѣ. Изъ раскрытыхъ оконъ иныхъ мызъ слышатся звуки піанино. Рядомъ съ мызой находятся одинокіе двухъэтажные домики. Въ нихъ живутъ сельскіе работники. Каждый домикъ приспособленъ для отдѣльной семьи. Къ нему обыкновенно прилегаетъ крошечный огородъ въ нѣсколько квадратныхъ саженей. У дверей бродятъ двѣ-три курицы. Въ углу огорода, въ деревянномъ сажѣ, сердито хрюкаетъ свинья. Въ графствѣ Уоррикъ средній размѣръ фермъ—300 акровъ, хотя попадаются меньшія фермы—въ 40 и даже 20 акровъ. Англійскій фермеръ долженъ обладать капиталомъ въ 5—10 ф. ст. на каждый акръ. Не имѣющимъ такихъ денегъ помѣщикъ не сдастъ земли въ аренду. Обработка земли обходится въ 30—33 шил. за акръ. Рента обходится въ 30 ш. за акръ, что губитъ земледѣліе. Между тѣмъ, англійскій лэндлордъ беретъ за землю, лежащую неподалеку отъ большихъ центровъ, дренированную и перерѣзанную великолѣпными дорогами, столько же, сколько русскій помѣщикъ Полтавской или Воронежской губерніи за участокъ, сообщеніе съ которымъ осенью и весною совершенно отрѣзано. Англійское земледѣліе убито не иностранной конкурренціей, не ростомъ фабрично-заводской промышленности, а крупными помѣщиками. Мелкія фермы въ 5—20 акровъ сплошь и рядомъ существуютъ, не смотря на невѣроятную

ренту и на тенденцію помѣщиковъ превратить земледѣльческія графства въ луга и въ пустыни, поросшія верескомъ, съ цѣлью разведенія куропатокъ. Какія затрудненія встрѣчаютъ на своемъ пути фермеры, видно, напр., изъ слѣдующаго факта, взятаго мною изъ уоррикской газеты. Тридцать лѣтъ тому назадъ молодой фермеръ Ходсонъ снялъ участокъ въ триста акровъ у графа Эгмонта. Пшеница стоила тогда 60 шил. за четверть, и дѣла фермеровъ шли хорошо; но вскорѣ хлѣбъ упалъ въ цѣнѣ, и фермеры начали банкротиться. Помѣщики обязывали фермеровъ контрактомъ, что сѣять. Такимъ образомъ, имъ приходилось выращивать пшеницу въ прямой убытокъ себѣ. Фермеръ Ходсонъ добился у своего лэндлорда права выращивать фрукты, вмѣсто хлѣба. Въ контрактѣ значилось, кромѣ того, что фермеръ имѣетъ право входить въ лѣса помѣщика и истреблять кроликовъ, если лэндлордъ забудетъ сдѣлать это. Фермеръ затратилъ большой капиталъ, насадилъ фруктовыя деревья, завелъ маленькую фабрику для изготовленія варенья, и участокъ сталъ приносить большіе барыши. Садъ и фабрика дали занятіе многимъ работникамъ. Расходъ на нихъ составлялъ около пяти тысячъ ф. ст. въ годъ. Въ 1900 г. лордъ Эгмонтъ продалъ свою землю другому помѣщику, нѣкоему Колмэну, который, какъ и многіе крупные землевладѣльцы, на первомъ планѣ ставилъ свою дичь. Помѣщикъ отдалъ приказъ беречь дичь. И вотъ въ лѣсахъ развелось неимовѣрное количество кроликовъ, которые стали забираться въ фруктовый садъ Ходсона. Въ 1901 — 1902 гг. кролики причинили въ саду убытковъ на 600 ф. ст. Въ 1903 г. убытокъ равнялся 270 ф. ст. На просьбы Ходсона истребить кроликовъ не обращали вниманія. Тогда фермеръ, основываясь на старомъ контрактѣ, заключенномъ въ 1887 г., самъ «вошелъ въ лѣса» помѣщика и убилъ въ нѣсколько дней 500 кроликовъ. Помѣщикъ началъ процессъ. Старый контрактъ былъ признанъ недѣйствительнымъ, и фермеръ принужденъ былъ заплатить 650 ф. ст. (красная цѣна кролику въ Англіи—8 пенсовъ; рыночная цѣна убитыхъ 500 кроликовъ около 16 ф. ст.). Помѣщикъ, однако, не удовлетворился этимъ, а началъ еще другой процессъ. «Стрѣляя кроликовъ,—объяснилъ помѣщикъ,—Ходсонъ вспугнулъ и разогналъ въ лѣсахъ 370 фазановъ». Каждый изъ нихъ былъ оцѣненъ въ 15 ш., поэтому помѣщикъ взыскивалъ 277 ф. 10 ш. На судѣ не было доказано, что фазаны вообще существовали въ этомъ мѣстѣ. Свидѣтель, выставленный помѣщикомъ (лѣсной сторожъ), оцѣнилъ фазановъ въ 17 ш. каждаго. Разсчетъ основывался на рентѣ, жалованіи сторожамъ, количествѣ пива, выпиваемаго объѣздчиками, стоимости яицъ, которыя могли бы снести фазаны, и пр. Помѣщикъ и на этотъ разъ выигралъ процессъ. Иски и судебныя издержки совершенно раззорили фермера. Онъ не въ состояніи былъ уплатить ренту, и вотъ въ февралѣ этого года Ходсона прогнали

съ фермы, которую онъ снималъ тридцать лѣтъ. Громадный фруктовый садъ, фабрика и постройка достались помѣщику. Фермеръ за нихъ не получилъ ни фартинга. Теперь постройки снесены, такъ какъ помѣщикъ желаетъ превратить всю вотчину въ садокъ для дичи.

Приведенный разсказъ—одинъ изъ многочисленныхъ фактовъ подобнаго рода. Въ Шотландіи помѣщики прогнали крофтеровъ, и тамъ, гдѣ когда-то колосились хлѣбныя поля,—теперь растетъ только верескъ да богульникъ...

Навстрѣчу намъ попался красный вагонъ въ родѣ того, въ какомъ разъѣзжаютъ у насъ по ярмаркамъ странствующіе акробаты. Вагонъ представлялъ собою подвижной домикъ, съ бѣленькими занавѣсками на крошечныхъ окнахъ, съ дымящейся трубой и козлами въ видѣ балкончика. Молодой человѣкъ, съ краснымъ галстухомъ, въ сдвинутой на затылокъ шляпѣ, погонялъ сытую, крупную лошадь. Другой молодой человѣкъ возился въ фургонѣ съ какими-то книжками.

Надъ фургономъ развѣвался красный флагъ. Надпись гласила, что это—фургонъ, снаряженный газетой *Клэріонъ*. Въ такомъ фургонѣ разъѣзжаютъ все лѣто по англійскимъ графствамъ агитаторы, проповѣдующіе націонализацію земли.

Фургоны выѣзжаютъ изъ Лондона послѣ первомайской демонстраціи, въ которой принимаютъ участіе. Агитаторы останавливаются на ночь на обочинахъ дороги, передъ въѣздомъ въ деревню. Они поднимаютъ флагъ и возвѣщаютъ о своемъ пріѣздѣ звуками рожка. Когда деревенское населеніе соберется, начинается митингъ. Агитаторы объясняютъ необходимость націонализаціи земли и раздаютъ публикѣ литературу, составленную такъ, что ее пойметъ каждый. Совершенно неразвитымъ сельскимъ работникамъ аграрный вопросъ разъясняется при помощи картинокъ и графическихъ изображеній.

Нужно думать, что въ ближайшемъ будущемъ аграрный вопросъ въ Англіи вступитъ въ новый и рѣшительный фазисъ. Англичане люди практичные, дальновидные и отлично понимаютъ значеніе фактовъ въ родѣ слѣдующаго. «Вопросъ о безработныхъ принялъ подъ Манчестромъ неожиданный оборотъ,—пишетъ корреспондентъ *Daily News* *). —Безработные захватили участокъ земли на окраинѣ города въ Ливеншульмѣ, принадлежащій церкви Св. Троицы, и грозятъ укрѣпиться на немъ. Движеніе началось въ пятницу 5 іюля. Передовой отрядъ человѣкъ въ двѣнадцать, нагруженный сельскохозяйственными инструментами, кухонными принадлежностями и палаткой, расположился лагеремъ на забранномъ участкѣ. Предводитель отряда Смитъ объяснилъ толпѣ, собравшейся изъ Ливеншульма, что земля немедленно будетъ обработана. Если

*) July 8, 1906.

же собственники попытаются прогнать работниковъ, то послѣдніе, по примѣру буровъ тридцатыхъ годовъ, окопаются рвомъ, соорудятъ баррикады и станутъ защищаться до послѣдняго».

«Повидимому,—продолжаетъ корреспондентъ,—происшествіе въ Ливенштульмѣ является только частью широко задуманнаго плана захвата свободной земли безработными. Они говорятъ, что, если правительство враждебно отнесется къ нимъ, произойдетъ революція, хотя и безкровная, но рѣшительная. Предводитель объяснилъ, что отрядъ, захватившій землю, получаетъ ежедневно деньги на расходы отъ организаціи. На другой день лагерь посѣтили корреспонденты. Они убѣдились, что захватчики принялись уже за работу и снимаютъ дернъ. Джентельмэнъ-фермеръ вызвался дать имъ необходимыя указанія» *). Предводитель отряда объяснилъ корреспондентамъ, что работники не снимутъ палатки по приказу властей. Товарищи его—все народъ рѣшительный. Черезъ нѣсколько дней подобные захваты будутъ сдѣланы во многихъ мѣстахъ. «До настоящаго момента—продолжаетъ газета—не сдѣлано еще никакихъ попытокъ прогнать захватчиковъ, но врядъ-ли ихъ оставятъ въ покоѣ. Ректоръ церкви св. Троицы заявилъ репортерамъ, что онъ не намѣренъ терпѣть захватчиковъ на церковной землѣ... Въ Манчестерѣ основалась организація, которая путемъ захватовъ намѣрена осуществить возвращеніе народа къ земледѣлію». Черезъ нѣсколько дней то же явленіе повторилось и въ Лондонѣ въ округѣ Уэстъ Хэмъ. Подъ предводительствомъ муниципальнаго совѣтника Бенджамэна Каннинхэма безработные захватили пять акровъ городской земли, расположились лагеремъ и принялись обрабатывать участокъ. Въ Уэстъ-Хэмѣ въ настоящее время около 4500 безработныхъ. Партія, захватившая землю, состоитъ изъ 24 человѣкъ въ возрастѣ отъ 26—65 лѣтъ. Они заявили, что будутъ сопротивляться, если ихъ попытаются прогнать.

Я сказалъ, что англичане народъ проницательный и способный оцѣнить значеніе фактовъ. Если захваты земли, въ родѣ приведеннаго, дѣйствительно станутъ массовымъ явленіемъ, то правительство быстро встрѣтитъ движеніе широкими аграрными реформами. Здраваго смысла не лишены въ Англіи ни либералы, ни тори. Обѣ партіи въ свое время пытались бороться съ аграрнымъ движеніемъ въ Ирландіи при помощи законовъ объ усиленной охранѣ и террора. Правительственныя мѣры не уничтожили движенія, но вызвали только въ отвѣтъ красный терроръ съ кинжалами, револьверами, динамитомъ и возстаніями. Послѣ того обѣ партіи давно признали полную негодность и вредъ бѣлаго террора и стали замирять Ирландію

*) Нужно помнить, что безработные—горожане, не имѣющіе, большею частью, никакого представленія о томъ, какъ обрабатывать землю. Отношеніе населенія къ захватчикамъ—едва ли не самое поразительное въ этомъ движеніи.

при помощи широкихъ реформъ. Врядъ-ли поэтому либеральное правительство рѣшится примѣнить въ Англіи мѣры, негодность которыхъ доказана до очевидности въ Ирландіи.

IV.

Старичекъ съ подстриженными сѣдыми усами все увѣрялъ насъ, что кони, запряженные въ шарабанъ, отмѣнные, что въ нихъ «кровь играетъ ключомъ». Однако, на пятнадцатой верстѣ, когда предстояло взобраться на холмъ, кони пристали. Напрасно стегалъ ихъ кучеръ, напрасно суетился возлѣ нихъ старичекъ, размахивая руками. Кони стояли, широко раздвинувъ ноги и вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Публика стала слѣзать. Скотопромышленникъ схватилъ коня за оброть. Шотландецъ схватился за колеса, какъ будто могъ двинуть въ гору громадный экипажъ. Нѣмецъ, выдававшій себя за англичанина, махалъ зонтикомъ. Дамы разбрелись. Наконецъ, отдохнувшія лошади втащили шарабанъ на гору. Публика съ шутками и смѣхомъ усѣлась, и мы опять покатили. Но едва мы отъѣхали милю, какъ кто-то крикнулъ: «стой!»

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ кучеръ.

— Человѣкъ за бортомъ!—крикнулъ скотопромышленникъ. Дѣйствительно, однимъ пассажиромъ стало меньше. Рыжая американка съ кодакомъ куда-то исчезла. Сначала въ поиски за нею пустился старикъ, потомъ—шотландецъ, потомъ рѣшено было всѣмъ поѣхать по той дорогѣ, которую мы только что сдѣлали.

Скотопромышленникъ предложилъ самую мрачную гипотезу, въ которой «трампы», т. е. смирные оборванцы, встрѣчающіеся иногда на англійскихъ дорогахъ, играли роль черноногихъ индѣйцевъ или сіуксовъ.

— It will not do, sir! (т. е. предположеніе не годится), — спокойно отвѣтилъ кучеръ, передвинувъ свой цилиндръ съ затылка на лобъ.—У насъ людей на дорогахъ не похищаютъ.

Неизвѣстно, какая гипотеза была бы еще предложена для объясненія таинственнаго исчезновенія, если бы на дорогѣ не показались ликующій старикъ, затѣмъ—шотландецъ, а за ними—рыжая американка, съ кодакомъ въ рукахъ. Исчезновеніе объяснилось очень просто. Американка замѣтила въ сторонѣ мызу, обвитую плющемъ, и пошла фотографировать ее. Публика усѣлась, и шарабанъ покатился по дорогѣ, поддерживаемой въ такомъ отличномъ порядкѣ совѣтомъ графства. Мы проѣзжали мѣста, съ которыми связаны наиболѣе важные моменты въ англійской исторіи. Направо виднѣлся невысокій холмъ, покрытый купами деревьевъ. Это — Хеджъ-Хиллъ, у котораго въ октябрѣ 1642 г. впервые встрѣтились роялисты съ неопытными парламентскими войсками. Вождь роялистовъ сэръ Фэтерулъ Фортскью опрокинулъ народное ополченіе и погналъ его

къ стѣнамъ Уоррика. Послѣ этой побѣды роялисты были убѣждены, что гидра революціи раздавлена, и что теперь абсолютная власть короля будетъ признана навсегда. Но революція только что еще начиналась. Возстаніе скоро создало такихъ вождей, какъ Кромвель, и такихъ воиновъ, какъ его латники. За первой побѣдой роялистовъ послѣдовали побѣды парламентскихъ войскъ при Грантамѣ, Вайнеби и, наконецъ, при Марстонъ-Мурѣ. Англійская революція поучительна, между прочимъ, въ одномъ отношеніи. При борьбѣ народа съ королевской властью онъ скорѣе всего можетъ разсчитывать на поддержку войскъ въ томъ случаѣ, когда революціонеры имѣютъ организованный центръ, облеченный извѣстнымъ престижемъ и располагающій средствами кормить солдатъ и платить имъ жалованье. Во время англійской революціи такимъ центромъ былъ парламентъ. Въ его рукахъ былъ контроль надъ государственными доходами. Парламентъ могъ ввести новый налогъ, чтобы добыть средства для борьбы, тогда какъ король, отстраненный отъ бюджета, нуждался въ деньгахъ и, чтобы платить жалованіе своимъ войскамъ, вынужденъ былъ перечеканить серебряную и золотую монету. Королевскія войска не остановились бы предъ тѣмъ, чтобы заарестовать или разстрѣлять сколько угодно революціонеровъ; но тѣ же революціонеры, выбранные въ парламентъ, представляли въ глазахъ войскъ уже нѣчто неприкосновенное...

Историческія мѣста, должно быть, по ассоціаціи, навели моихъ попутчиковъ на разговоръ о короляхъ вообще и объ Эдуардѣ VII въ частности.

Я ѣду завтра въ Виндзоръ,—заявилъ скотопромышленникъ.

— Хотите посмотрѣть паркъ, воспѣтый въ *Виндзорскихъ Проказницахъ*?—спросила вертлявая американка.

— Нѣтъ. Хочу взглянуть на короля и обмѣняться съ нимъ рукопожатіями.

Старикъ объяснилъ, что до короля не такъ легко добраться, какъ до Рузвельта, и что обычай shake-hands между главой государства и каждымъ гражданиномъ, существующій въ Соединенныхъ Штатахъ,—не принятъ въ Англіи.

— Но я могу вамъ показать короля,—прибавилъ старикъ. — Вы можете сказать въ Америкѣ, что видѣли не только Эдуарда VII, но и всѣхъ принцевъ. — Старикъ вынулъ изъ кармана часы и показалъ скотопромышленнику циферблатъ съ миніатюрами всего королевскаго дома.

Изъ-за густыхъ деревьевъ показались высокія, старинныя зубчатыя стѣны Уоррикскаго замка. Насъ обгоняли теперь автомобили, коляски и экипажи всякаго рода, направлявшіеся въ «губернскій городъ» на «pageants». Попадались крайне любопытные всадники: тампліеры въ кольчугахъ, въ бѣлыхъ колетахъ съ краснымъ крестомъ, герольды, саксонцы XI вѣка въ плащахъ изъ звѣриныхъ шкуръ, въ шишакахъ, украшенныхъ бычачьими

рогами, амазонки въ пышныхъ платьяхъ временъ Елизаветы. То изъ сосѣднихъ городовъ и деревень собирались участники «pageants», актеры-любители, въ собственныхъ костюмахъ и на собственныхъ лошадяхъ. Особенно забавно было видѣть крестоносца, въ полныхъ доспѣхахъ, съ щитомъ въ рукахъ и въ макинтошѣ, накинутомъ поверхъ латъ. Мы переѣхали по старинному мосту черезъ Авонъ. На лугу, отъ рѣки до стѣнъ замка, расположились лагеремъ балаганы, карусели, подвижные тиры. Отчаянно выли и пищали десятки шарманокъ, приводимыхъ въ движеніе маленькимъ локомобилемъ, вертѣвшимъ и карусель.

Въ русской провинціи тутъ кишѣли бы стражники, жандармы, казаки. Въ Англіи же удовлетворились двумя полисмэнами, безъ всякаго оружія.

V.

У насъ губернія—своего рода садокъ для начальства всякаго рода, главная забота котораго слѣдить во всѣ глаза за обывателемъ. Губернаторъ по закону «первый блюститель неприкосновенности правъ верховной власти, пользъ государства и повсемѣстнаго, точнаго исполненія законовъ, уставовъ, высочайшихъ повелѣній, указовъ правительствующаго сената и предписаній начальства». И до революціи, какъ извѣстно, безчисленное губернское начальство съ необыкновенной подозрительностью относилось къ каждому шагу обывателя и въ состояніи было сдѣлать человѣческое существованіе невозможнымъ. Теперь, когда почти вся Россія находится на положеніи чрезвычайной охраны, «хозяева» провинціи могутъ: «передавать военному суду не только отдѣльныя дѣла, но и цѣлыя категоріи дѣлъ однимъ общимъ распоряженіемъ; налагать секвестръ на недвижимыя имущества и арестъ на движимыя имущества; подвергать въ административномъ порядкѣ аресту въ тюрьмѣ или крѣпости; устранять отъ должности, на все время чрезвычайной охраны, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, а также лицъ, служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ; пріостанавливать періодическія изданія и закрывать учебныя заведенія». Мы знаемъ, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ это означаетъ: жизнь, свобода и имущество каждаго обывателя въ провинціи, въ любой моментъ, находятся въ полной зависимости отъ фантазіи или каприза ген. Карангозова и подобныхъ ему воиновъ, выслужившихъ чины и кресты въ походахъ противъ своихъ.

Щедринъ когда-то писалъ, что въ его глазахъ русская бюрократія всегда представляла собою какую-то неразрѣшимую психологическую загадку. «Не смотря на всѣ усилія выработать изъ нея бюрократію, она ни подъ какимъ видомъ не хочетъ сдѣлаться ею. Еще на глазахъ у начальства она туда и сюда, но какъ только

начальство за дверь—она сейчасъ же языкъ высунетъ и сама надъ собою хохочетъ. Представить себѣ русскаго бюрократа, который относился бы къ себѣ самому, яко къ бюрократу, безъ нѣкотораго глумленія, не только трудно, но даже почти не возможно. А между тѣмъ бюрократствуютъ тысячи, сотни тысячъ, почти милліоны людей. Милліонъ ходячихъ психологическихъ загадокъ! Милліонъ людей, которые сами на себя безъ смѣха смотрѣть не могутъ—развѣ это не интересно?» *). Писано это было очень давно, въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда «милліоны ходячихъ психологическихъ загадокъ» не видѣли опасности для себя и проявляли даже извѣстное благодушіе въ провинціи. Во всякомъ случаѣ, въ губерніи обыватель могъ жить сравнительно спокойно подъ защитой нашего русскаго Habeas corpus—*взятки*. Теперь «психологическія загадки» видятъ, что дѣло идетъ о спасеніи жирныхъ мѣстъ, чиновъ и права на насиліе—и онѣ превратились въ бѣшеныхъ собакъ, готовыхъ разорвать обывателя. «Благодушный» Держиморда теперь не остановится ни предъ чѣмъ, чтобы спасти свой окладъ; въ Петербургѣ и, отчасти, въ Москвѣ есть все же кое-что сдерживающее; но русская губернія представляется мнѣ, присмотрѣвшемуся къ англійскимъ порядкамъ, кладбищемъ въ полночь, какъ оно рисовалось человѣку XV вѣка: всюду мечутся съ адскимъ воемъ страшные лары и упыри, залитые кровью. Оборотни люты, какъ по природѣ своей, такъ и потому, что знаютъ неминуемость разсвѣта, когда придется уходить въ могилу. Но сколько человѣческой крови въ Кишиневѣ, Одессѣ, Томскѣ, Кіевѣ, Минскѣ, Екатеринославѣ, Бѣлостокѣ выпили эти лары! Очистить центры—трудно; но труднѣе всего будетъ «освобождать погосты отъ упырей».

Совсѣмъ иное представляетъ намъ англійская «губернія», т. е. графство. Русская «губернія» создалась искусственно, по волѣ центральнаго начальства; англійское графство выросло естественно и является результатомъ совмѣстной дѣятельности народа. Наша губернія наводнена «хозяевами» всякаго рода, смотрящими и приказывающими смотрѣть за обывателемъ. Это присматриваніе стоитъ народу громадныхъ денегъ. Въ англійскомъ графствѣ начальства очень мало, оно совершенно незамѣтно, права его точно опредѣлены, и стоитъ оно народу очень дешево. Англійская провинція перестроена двумя парламентскими актами («County Councils Act», 1888 и «Local Government Act», 1894) на принципѣ широкаго самоуправленія. Новый законъ не явился результатомъ канцелярскаго сочинительства. Составители закона воскресили старый порядокъ, выработанный самимъ *народомъ* въ теченіе вѣковъ. Законъ былъ только приспособленъ къ новымъ требованіямъ времени. Аналогію широкому самоуправленію, которымъ пользуется теперь англійская «губернія», мы находимъ еще во времена англо-саксовъ. Въ

*) „Благонамѣренныя рѣчи".

пятомъ вѣкѣ мы видимъ общины, которыя ежегодно распредѣляли годную для обработки землю между всѣми свободными людьми. Выгоны были общіе. Аггрегатъ общинъ (vici) составлялъ *Pagus*. или *gaw*. Совокупность же *Pagi* составляла *Curtas* или *Populus*. Въ пятомъ вѣкѣ англо-саксы имѣли то, чего теперь добиваются ихъ отдаленные потомки: вся земля составляла національную собственность и сдавалась на годъ свободнымъ людямъ (freemen).

Свободные люди представляли тогда, въ военномъ отношеніи, одну милицію, дѣлившуюся на сотни. Воины, входившіе въ составъ послѣдней, были связаны общей дружбой. Соотвѣтственно съ этимъ дѣлилась и земля. Она отводилась всей сотнѣ, а затѣмъ распредѣлялась между отдѣльными семьями. Часть земли оставалась въ личномъ распоряженіи вождя. «Такимъ образомъ, — говоритъ изслѣдователь,—мы видимъ,какъ 1500 лѣтъ тому назадъ незамѣтно вползало понятіе о частной земельной собственности *). Земля, принадлежавшая англо-саксонскимъ племенамъ, дѣлилась на *Folk-land*, т. е. на общинную, и на *Bock-land*, которая передавалась хартіей частному лицу на извѣстныхъ условіяхъ. Соотвѣтственно съ системой владѣнія землей Англія представляла тогда конгломератъ самоуправляющихся общинъ. Послѣ норманскаго завоеванія значеніе короны стало увеличиваться. Мало-по-малу она, а не нація, стала собственникомъ земли. Терминъ *Folk-land*, т. е. общинная земля, исчезаетъ и замѣняется другимъ—*Terra-Regis*, т. е. коронная земля, сохранившимся до настоящаго времени.

Посмотримъ, въ какомъ видѣ существовало самоуправленіе во времена англо-саксовъ. Распредѣленіе населенія находилось въ зависимости отъ системы владѣнія землей. Земской единицей былъ *vicus* или *tun*, состоявшій изъ группы аллодіальныхъ, т. е. свободныхъ отъ ленныхъ повинностей, жителей. Каждый tun рѣшалъ свои дѣла на сходѣ (tun-gemot), въ которомъ принимали участіе всѣ свободные люди, безъ различія пола. Группа такихъ единицъ составляла «сотню», *Hundreds* или *Wapentakes*. Слѣды этихъ «сотенъ» сохранились еще до сихъ поръ въ различныхъ мѣстахъ Англіи. Таковы, напр., деревни Бернгэлъ, Десбаро, Стонъ и Бексъ, составляющія до сихъ поръ «Чилтернскую сотню» *). Группа «сотенъ» составляла «Shire», т. е. графство. Слово «Shire» въ прежнее время не заключало въ себѣ понятія административнаго дѣленія, каковъ, напр., смыслъ слова «губернія». «Shire»—понятіе территоріальное и означало площадь земли, отведенную извѣстному племени. Группа «Shires» составляла королевство. Такъ, напр., группа графствъ, составляющихъ теперь міръ, обрабатывающій волокнистыя вещества, —входила когда-то въ составъ королевства Мер-

*) E. Fordham. „The Evolution of Local and Imperial Government", p. 4.

**) См. о нихъ „Очерки Современной Англіи", стр. 539.

ція. Каждая «сотня» имѣла свое вѣче—*Hundred-gemot*, разбиравшее всѣ дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя. На Hundred-gemot каждая земская единица присылала своего судью (reeve) и четырехъ представителей. Во главѣ вѣча находился выборный «сотникъ» (Hundred-ealdor). Представители отъ «сотенъ» собирались на «совѣтъ графства». Дѣла всего графства находились въ рукахъ старшины (ealdorman) и шерифа (Scir-Gerefa, впослѣдствіи sheriff). Когда-то старшина выбирался всѣмъ населеніемъ графства; но мало-по-малу власть старшины стала наслѣдственной. До норманскаго завоеванія наслѣдственный ealdorman долженъ былъ вступать во власть съ соизволенія короля. Шерифъ назначался королемъ и, собственно говоря, онъ наиболѣе напоминалъ нашихъ губернаторовъ, потому что «былъ первымъ блюстителемъ» въ графствѣ «неприкосновенности правъ верховной власти». Кромѣ деревень, въ древней Англіи мы видимъ еще города (Burh), возникавшіе обыкновенно изъ сильно укрѣпленнаго поселенія вождя. Burh управлялся своимъ совѣтомъ свободныхъ гражданъ (Burh-gemot).

Обязанности шерифа теперь немногочисленны и «безвредны» для мирнаго обывателя; но для вѣрности при каждомъ шерифѣ существуетъ товарищъ его (under-sheriff), адвокатъ, слѣдящій за тѣмъ, чтобы «первое лицо въ графствѣ» не нарушило въ чемъ нибудь закона. Англійская «губернія» въ высшей степени благоустроена, порядокъ въ ней образцовый, обывателю живется свободно. При внимательномъ изученіи васъ поражаетъ, однако, не столько это благоустройство, сколько то, какое ничтожное количество чиновниковъ, въ сравненіи съ Россіей, работаетъ въ анлійской «губерніи». Тамъ, гдѣ въ Россіи засѣдаетъ цѣлая армія провинціальныхъ юпитеровъ, въ Англіи скромно и дѣловито работаетъ *одинъ* клэркъ. У насъ въ провинціи шага ступить нельзя, чтобы не понадобилось посѣтить какую-нибудь «канцелярію» съ наглымъ и грубымъ чернильнымъ населеніемъ. Я не знаю, какъ на сѣверѣ, но на югѣ Россіи нѣтъ ни одной канцеляріи, гдѣ, помимо грубости, невоспитанности и некультурности, не процвѣтало бы еще самое отчаянное и беззастѣнчивое взяточничество. Англійская «губернія» обходится почти безъ канцелярій и безъ арміи «совѣтниковъ» всякаго ранга, содержаніе которыхъ стоитъ такъ дорого народу.

VII.

Флаги, вѣнки, щиты, гербы графства, разряженные жители... Мы миновали старинную башню, защищавшую когда-то городскія ворота, и въѣхали въ Уоррикъ. Русскаго въ «губернскихъ» англійскихъ городахъ поражаетъ не столько уютность и красота старинныхъ елизаветинскихъ домовъ съ острыми, высокими крышами и

выступающими впередъ верхними этажами,—сколько... отсутствіе мундирныхъ людей на улицахъ. Мундиръ всегда знаменуетъ право произвола, предоставленное одному человѣку надъ другимъ. Когда послѣ многолѣтняго проживанія въ Англіи, я пріѣхалъ въ Россію, меня прежде всего поразило обиліе мундирной публики. На улицахъ Лондона еще можно встрѣтить людей въ мундирахъ: солдатъ, полисмэновъ и швейцаровъ. Въ англійской провинціи солдатъ нѣтъ. Такимъ образомъ, въ цѣломъ «губернскомъ» городѣ можно встрѣтить только нѣсколько полисмэновъ въ мундирахъ, да и то безъ оружія. Это отсутствіе насилія въ ливреяхъ и вооруженныхъ людей какъ-то особенно внушительно говоритъ о гражданской свободѣ. Впрочемъ, сегодня въ Уоррикѣ болѣе двухъ тысячъ людей, выряженныхъ въ платье всѣхъ вѣковъ. Это—актеры-любители, горожане Уоррика и сосѣднихъ городковъ, принимающіе участіе въ pageants. Представленіе дается людьми, не заинтересованными въ немъ матеріально. Годъ тому назадъ Уоррикъ рѣшилъ отпраздновать свой многовѣковой юбилей. У насъ такой праздникъ принялъ бы немедленно казенно-торжественный характеръ, съ губернаторомъ, войсками, жандармами, архіереями и витіями, вдохновленными полицейскимъ участкомъ. Да и что вспоминать большинству нашихъ городовъ, кромѣ правительственныхъ экзекуцій? Въ Уоррикѣ, когда рѣшено было устроить «pageants», организовалась немедленно лига горожанъ, которая выбрала предсѣдателя и тщательно выработала планъ. Затѣмъ нашлись композиторы, поэты, декораторы, предложившіе безвозмездно свой трудъ. Вызвали любителей. Организованъ былъ «комитетъ археологовъ», который долженъ былъ порыться въ Британскомъ музеѣ и въ старинныхъ церквахъ, чтобы составить рисунки костюмовъ. Доспѣхи рыцарей тоже были тщательно скопированы. И черезъ восемь мѣсяцевъ, въ началѣ весны, все было готово, пьеса составлена, роли разучены и начались репетиціи. Графъ Уоррикъ предложилъ къ услугамъ гражданъ, вмѣсто театра, свой громадный паркъ. Когда все было срепетировано, публика со всей Англіи отправилась смотрѣть pageants, повторявшіяся шесть дней подъ рядъ.

Сценой является громадный лугъ, почти въ версту. Кулисами служатъ купы развѣсистыхъ дубовъ и буковъ. На заднемъ планѣ этого естественнаго театра—старинный замокъ съ зубчатыми стѣнами и высокими башнями, за нимъ—высокій холмъ, по откосу котораго вьется дорога, а вдали—лѣсъ. У подножья холма вьется сонный Авонъ, въ который глядятся уродливыя ветлы, похожія на гномовъ, припавшихъ къ водѣ, чтобы напиться. Изъ за «кулисъ», т. е. изъ-подъ тѣни дубовъ, выступаютъ группы разряженныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Различныя эпохи мѣняются съ поразительной быстротой. Представленіе состоитъ изъ ряда картинъ, или эпизодовъ, одиннадцати числомъ. Каждая картина построена на какомъ-нибудь эпизодѣ, дѣйствительномъ или

легендарномъ, изъ жизни города Уоррика. Первый эпизодъ относится къ временамъ друидовъ, послѣдній — къ XVIII вѣку. «Театръ» такъ громаденъ, что слова, сочиненныя мѣстными поэтами, почти не слышны; но «pageants» разсчитаны, главнымъ образомъ, на то, что ихъ будутъ воспринимать глазами.

Гдѣ-то звучатъ рога и ударные инструменты. Начинается первый эпизодъ изъ временъ борьбы бриттовъ съ римскими завоевателями. На сцену является король Кимбелинъ, тотъ самый, который у Шекспира названъ Цимбелиномъ. Король провозглашаетъ разрывъ съ Римомъ и обращается къ начальнику легіона съ патріотической рѣчью, взятой изъ трагедіи Шекспира:

«Пока съ насъ не взялъ дани
Насильно Римъ, народъ свободенъ былъ.
Но честолюбье Цезаря расло,
Такъ что почти расторгло все строеніе
Вселенной. Онъ безъ права и предлога
Надѣлъ на насъ ярмо; его стряхнуть
Народъ отважный долженъ, а такимъ
Считаемъ мы себя".

Ton-gemot теперь преобразованъ въ самоуправленіе *прихода* (parish). Нынѣшній «совѣтъ графства» является преемникомъ средневѣковыхъ съѣздовъ, съ естественной эволюціей. Burh-gemot — являются нынѣшніе муниципальные совѣты. Вся Британская имперія состоитъ изъ самоуправляющихся единицъ. Мы видимъ самоуправленіе въ приходѣ, въ городѣ, въ совѣтѣ графства, въ Соединенномъ Королевствѣ. Сама имперія состоитъ изъ группы самостоятельныхъ демократій, каждая изъ которыхъ составляетъ, въ свою очередь, конгломератъ самоуправляющихся единицъ (напр., Канада составляетъ союзъ двухъ демократій, различныхъ между собою по языку и по вѣрѣ).

Въ средніе вѣка женщины играли видную роль въ общественной жизни Англіи. Онѣ были шерифами, судьями и присяжными *). Ссылаясь на эти прецеденты, англійскія женщины подали парламенту въ 1643 г. петицію, въ которой ходатайствовали объ участіи въ общественной жизни страны. «Благороднымъ рыцарямъ и гражданамъ, засѣдающимъ въ палатѣ общинъ отъ дворянокъ, купчихъ и другихъ особъ женскаго пола прошеніе»,—читаемъ мы въ этой петиціи.—«Просительницы признаютъ заботы коммонеровъ о государственныхъ дѣлахъ и охотно поддержали петицію, поданную парламентомъ королю о вольностяхъ гражданъ и о святости религіозныхъ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ». Женщины просили, чтобы и на нихъ распространялись тѣ привилегіи, которыхъ добиваются мужчины. Изъ мотивовъ, выставленныхъ женщинами, я приведу только

*) Примѣры приведены въ «Evolution of Local and Imperial Government». p. 150.

одинъ. Женщины должны пользоваться равными гражданскими правами, «потому что онѣ страдаютъ одинаково съ мужчинамъ отъ тираніи и отъ преслѣдованія религіозныхъ убѣжденій. Деспотія предоставляетъ своимъ агентамъ право мучить одинаково какъ мужчинъ, такъ и женщинъ».

VI.

Завѣдываніе дѣлами графства, по «Local Government Act» 1888 г., находится въ рукахъ избираемаго населеніемъ совѣта графства. Избирателями могутъ быть какъ мужчины, такъ и женщины, совершеннолѣтніе, не опороченные судомъ и не получающіе пособія изъ благотворительныхъ учрежденій. Избиратель долженъ, кромѣ того, занимать извѣстное помѣщеніе въ графствѣ, или арендовать тамъ землю.

Англія и Уэльсъ раздѣлены на 62 графства. Число выборныхъ совѣтниковъ зависитъ отъ количества населенія въ графствѣ. Самое меньшее число совѣтниковъ—28 (графство Гэтлэндъ); самое большее — 138 (Ланкастеръ). Совѣты графствъ заботятся о финансахъ «губерніи», общественныхъ зданіяхъ, мостахъ, дорогахъ, домахъ для умалишенныхъ, исправительныхъ заведеніяхъ; совѣты завѣдуютъ составленіемъ избирательныхъ парламентскихъ списковъ, назначаютъ коронеровъ и контролируютъ полицію. Государственной полиціи, т. е. жандармеріи, этого источника произвола, насилія и провокаціи, въ Англіи нѣтъ. Въ «губерніи» есть только нѣсколько «бобби», заботящихся о безопасности мирныхъ обывателей. Помимо всѣхъ другихъ соображеній, отсутствіе многочисленной полиціи, жандармеріи, стражниковъ, шпіоновъ, охранниковъ и мундирныхъ громилъ отзывается крайне выгодно на карманѣ обывателя. По закону 1902 г. совѣту графства предоставлено также дѣло народнаго образованія. Въ англійской «губерніи» немыслимы конфликты, постоянно возникающіе у насъ, вслѣдствіе вмѣшательства администраціи въ школы, грубаго устраненія учителей, безсмысленныхъ запрещеній лекцій и чтеній и пр. Англійскіе города, имѣющіе населенія больше, чѣмъ 50 тысячъ, въ административномъ отношеніи составляютъ самостоятельныя единицы и управляются, какъ будто бы составляли отдѣльное графство. Центральная власть въ англійской «губерніи» представлена очень слабо. Мы имѣемъ въ каждомъ графствѣ «намѣстника» (Lord-lieutenant), считающагося военнымъ представителемъ короны; но это постъ, главнымъ образомъ, почетный, не связанный *ни съ какими* правами надъ обывателями, ихъ свободой или имуществомъ. У насъ «хозяинъ» въ губерніи даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Провинціальныя газеты постоянно говорятъ о томъ, что хозяинъ «отбылъ», запретилъ, сократилъ, сдѣлалъ строжайшее внушеніе, распекъ, арестовалъ, выслалъ, вызвалъ войска, приказалъ стрѣлять или пороть и пр. Теперь, какъ извѣстно,

помимо перечисленнаго, многіе «хозяева» заняты еще организаціей погромовъ. Ничего подобнаго англійскій lord lieutenant не дѣлаетъ и не имѣетъ права дѣлать. Провинціалъ до самой смерти не знаетъ, если не справится въ адресъ-календарѣ, кто у нихъ въ графствѣ «намѣстникъ». Вотъ почему жизнь въ англійской провинціи идетъ такъ спокойно. По словамъ знатнаго иностранца, цитируемаго Щедринымъ, въ Россіи «существуетъ особенное сословіе помпадуровъ, назначеніе котораго въ томъ именно и заключается, чтобы нарушать общественную тишину и сѣять раздоры съ цѣлью успѣшнаго ихъ подавленія». Lord-lieutenant, т. е. англійскій губернаторъ, считается лишь командующимъ войскъ, расположенныхъ въ «губерніи». Онъ не имѣетъ права оцѣнивать «благонадежность» обывателей или общественныхъ дѣятелей, не можетъ устранять ихъ и, вообще, не имѣетъ никакого касательства къ «внутренней политикѣ». Нужно ли болѣе поразительное доказательство, чѣмъ слѣдующее? Намѣстникомъ графства Уоррикъ является теперь графъ Уоррикъ, занимающій старинный замокъ, выстроенный его предками въ X вѣкѣ. Лэди Уоррикъ, жена графа, блиставшая недавно на придворныхъ балахъ своею красотой и умомъ,—теперь видный членъ «Social Democratie Federation». Въ своемъ памфлетѣ о безработныхъ, изданномъ въ началѣ этого года, Лэди Уоррикъ доказываетъ, что безработица — болѣзнь, коренящаяся въ самомъ строѣ современнаго общества. Никакими палліативами эту болѣзнь исцѣлить нельзя. Необходимо радикально перестроить общество. Какъ видите, англійская «губернаторша» такъ же мало походитъ на русскую, какъ графство на губернію.

Кромѣ «намѣстника», коронными чиновниками въ графствѣ являются: custos rotulorum (архиваріусъ), шерифъ и коронеръ. По старинному обычаю, восходящему ко времени Эдуарда II, ежегодно, наканунѣ дня св. Мартына (12 ноября), лордъ канцлеръ и министръ финансовъ назначаютъ по три шерифа на каждое графство. Списокъ представляется потомъ 3 февраля королю, который прокалываетъ булавкой первое имя въ каждой группѣ изъ трехъ. Отмѣченный считается избраннымъ въ шерифы. На практикѣ въ шерифы избираются мѣстные помѣщики, но для обывателя они совершенно безвредны, хотя считаются «первыми людьми въ графствѣ». Во-первыхъ, шерифъ назначается только на годъ *), во-вторыхъ, произволъ его, если бы онъ могъ даже проявиться, нейтрализованъ правами каждаго гражданина. Шерифъ предсѣдательствуетъ на провинціальныхъ выборахъ; онъ заботится о поддержаніи порядка въ графствѣ. Въ случаѣ безпорядковъ, шерифъ призываетъ posse comitatus, т. е. все населеніе графства чтобы оно помогло ему поддержать спокойствіе. И всѣ, отказавшіеся

*) Въ Лондонѣ, на основаніи закона временъ Генриха VIII, шерифъ не назначается, а выбирается всѣмъ населеніемъ.

исполнить это приглашеніе, «если имъ больше, чѣмъ пятнадцать лѣтъ, и они имѣютъ званіе ниже пера», подлежатъ штрафу или аресту. На практикѣ обязанности шерифа очень скромны. Онъ присутствуетъ при приведеніи въ исполненіе смертной казни, задерживаетъ, по постановленію суда, имущество несостоятельныхъ должниковъ (въ этомъ ему помогаетъ *bailiffs*). Когда-то шерифъ былъ также и судьею, но этого уже давно нѣтъ.

Провозглашеніе войны сопровождается человѣческими жертвоприношеніями. Каменный алтарь, къ которому друидъ, въ бѣломъ плащѣ и въ вѣнкѣ изъ омелы, влечетъ дѣвицу съ распущенными волосами, въ красномъ казакинѣ, точно скопированъ съ древняго городища Стонеджъ, на Солсбри Плэйнсъ, гдѣ до сихъ поръ видны древніе жертвенники. Въ шести послѣдующихъ картинахъ выступаютъ графы Уоррикъ, начиная отъ легендарнаго Гая до «свергателя королей», выведеннаго въ шекспировской хроникѣ «Король Генрихъ VI». Легенды про Гая Уоррика можно найти въ каждомъ сборникѣ англійскихъ сказокъ. Гай, чтобы замолить грѣхи, отправился крестоносцемъ въ Палестину. Въ бояхъ съ сарацинами онъ переродился совершенно и возвратился черезъ нѣсколько лѣтъ въ родной Уоррикъ, никѣмъ не узнанный. Здѣсь онъ жилъ отшельникомъ, со скорбью вспоминая то время, когда насильничалъ надъ вассалами. Скоро Гай Уоррикъ оказалъ своимъ согражданамъ великую услугу, которая заставила ихъ совершенно забыть прошлое. На берегу Авона, подъ скалой въ пещерѣ поселилось громадное чудовище «The Dun Cow», забодавшее рогами десятки людей. Гай Уоррикъ вступилъ въ единоборство съ чудовищемъ и убилъ его. «Эпизодъ» заканчивается тѣмъ, что на колесницѣ влекутъ громадную голову чудовища. Сзади съ пѣснями и плясками идутъ дѣти и женщины. Голова «Dun Cow» сработана мѣстнымъ ваятелемъ. Величиной она въ добрую сажень. Мастеръ не пожалѣлъ киновари для глазъ и для языка. Рога чудовища тоже очень внушительны, а чтобы придать головѣ болѣе страшный видъ, мастеръ снабдилъ еще ея челюсти четырьмя торчащими острыми клыками, что для «Cow» уже нѣсколько излишняя роскошь. Но зрители не придирчивы и награждаютъ бурными апплодисментами и актеровъ, и мастера. Самая продолжительная картина—десятая. Содержаніе ея—посѣщеніе Уоррика королевой Елизаветой и лордомъ Лейстеромъ. Мы имѣемъ, какъ извѣстно, нѣсколько литературныхъ портретовъ королевы. Шиллеръ рѣзко отнесся «къ царственной лицемѣркѣ» и заставилъ Марію Стюартъ воскликнуть:

„Ублюдкомъ оскверненъ престолъ британскій!
Кривлякой лицемѣрной одураченъ
Довѣрчивый народъ“.

Елизавета у Шиллера сама признаетъ себя лицемѣркой: «О, рабскій гнетъ служенія народу!—говоритъ она.—Позорное хо-

лопство... Какъ устала я этому кумиру поклоняться, котораго въ душѣ такъ презираю! Когда-жъ мой тронъ свободнымъ трономъ станетъ! Должна я чтить общественное мнѣнье, чтобъ отъ толпы стяжать хвалы пустыя,—угодничать должна я передъ чернью, которой лишь фиглярство любо». Англичане считаютъ этотъ портретъ злобной, невѣрной каррикатурой и совершенно отрицательно относятся къ трагедіи Шиллера. Это тѣмъ болѣе любопытно, что характеристика Елизаветы, сдѣланная однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ англійскихъ историковъ, въ сущности, гораздо болѣе безпощадна. Гринъ отдаетъ должное учености Елизаветы, но за то указываетъ на грубость ея натуры (на возраженіе Эссекса, напр., она отвѣтила оплеухой). Поразительное тщеславіе, распущенность и лживость Елизаветы хорошо извѣстны. «Въ безконечномъ лабиринтѣ лжи и интригъ уваженіе къ ней, какъ къ выдающемуся лицу, почти теряется и замѣняется презрѣніемъ» *). Мнѣ пришлось какъ-то указывать, что «восхищеніе» Елизаветой такъ же несправедливо, какъ и «презрѣніе». «Елизавета, какъ впослѣдствіи Викторія,—были типичными представительницами женщинъ двухъ различныхъ фазисовъ развитія страны... Властолюбивая, жестокая, хитрая, ученая и распущенная, Елизавета была типичной представительницей правящаго класса того времени. Она признавала палату общинъ, какъ неизбѣжное зло, безъ котораго нельзя вводить новыхъ налоговъ. Правящій классъ признавалъ въ Елизаветѣ то, что считалъ наиболѣе достойнымъ для дворянина, и любилъ ее».

Съ нарожденіемъ имперіализма въ Англіи создался особый культъ «королевы Бетсъ», т. е. Елизаветы. Ее признали величайшей, мудрѣйшей и наиболѣе проницательной королевой всѣхъ временъ и народовъ. Въ «pageants» Елизавета выведена въ такомъ именно свѣтѣ. Она является на сцену въ старинной великолѣпной, неуклюжей каретѣ, окруженная пышной свитой. Старинныя гильдіи Уоррика выходятъ ей навстрѣчу. Елизавета поднимается на престолъ, и ей представляютъ семилѣтняго Шекспира (дѣло происходитъ въ 1572 г.); затѣмъ королева спускается къ рѣкѣ и уплываетъ въ золоченой баркѣ. Pageants заканчиваются апоѳеозомъ. Геній города Уоррика принимаетъ «четырнадцать своихъ сестеръ»; каждая изъ нихъ представляетъ новый городъ того же наименованія, основанный выходцами изъ метрополіи въ Америкѣ или въ Австраліи. Апоѳеозъ символизируетъ молодыя мощныя демократіи, которыя возникли за океаномъ и создали тамъ новыя формы общественности.

Публика шумно высыпаетъ изъ широко раскрытыхъ воротъ замка. Кареты, омнибусы и кэбы берутся на расхватъ. Очень многимъ приходится пѣшкомъ идти паркомъ версты двѣ, до Лимингтона,

*) J. K. Green, „A short History of the English People“, p. 305.

чтобы взять тамъ поѣздъ въ Лондонъ. На дорогѣ звучатъ веселые беззаботные голоса безчисленныхъ зрителей и въ душѣ невольно пробуждается чувство зависти. «Чѣмъ они лучше насъ?—думается русскому.—А между тѣмъ, имъ уже давно удалось устроить себѣ мирную, спокойную, веселую жизнь. Они такъ давно покончили съ деспотизмомъ, что самое чувство ненависти къ нему разсѣялось безслѣдно; они готовы смотрѣть на это кровавое прошлое, какъ на интересную и красивую игрушку»...

Діонео.

Война.

(*Письмо изъ Германіи*).

Karl von Bruchhausen, Major a. D. — Der kommende Krieg. Berlin. 1906. — *Beowulf*, Der deutsch-englische Krieg. Vision eines Seefahrers. Berlin. 1906.— *William Le Queux.* Die Seeschlachtkapitel von Admiral H. W. Wilson. Die Invasion von 1910. Berlin. — Ein englischer *Generastabsoffizier*. Mene, mene, tekel, uphrasiu. Englands Ueberwältigung durch Deutschland. Uebersetzung von einem deutschen Stabsoffizier. Hannover, 1906. — *** Völker Europas..! Der Krieg der Zukunft. Berlin, 1906,—*Seestern*, „1906“. Der Zusammenbruch der alten Welt. Leipzig, zwanzigste Auflage.

I.

Звѣрство и политика.

Въ то время, какъ въ Россіи совершается удивительный переворотъ, открывающій великому народу путь отъ варварства къ свободѣ и культурѣ, въ то же самое время въ Западной Европѣ нарождается новое варварство на основѣ капиталистической формы производства, классовой культуры и владычества желтаго металла. И тому изъ русскихъ, кто находится сейчасъ за границей, положительно трудно представить себѣ, какою глухою стѣной ограждена мирная Европа отъ всероссійскаго пожара, и какое безпросвѣтное дикарство развивается подъ прикрытіемъ этихъ стѣнъ въ пресловутомъ краѣ «святыхъ чудесъ».

Замѣчательнымъ образчикомъ новаго варварства является, безспорно, та новая «военная» литература, которая массами появилась на свѣтъ и въ Лондонѣ, и въ Берлинѣ, подъ вліяніемъ различныхъ дипломатическихъ и политическихъ событій—склада и типа марокскаго инцидента. Какъ извѣстно, никогда Европа не стояла такъ близко къ войнѣ, какъ во время этого пресловутаго спора, отразившаго въ мірѣ дипломатическихъ явленій съ неподражаемой ясностью міръ чисто коммерческихъ вожделѣній. И жирная, а вмѣ-

стѣ злобная буржуазная масса словно ждала этого дыханія приближающейся грозы для того, чтобы разразиться цѣлой массой военно-разбойничьихъ и военно-коммерческихъ книжекъ, не оставляющихъ желать ничего лучше ни по своей откровенности, ни по яркости и характерности изложенія.

Великія державы современности выступаютъ во всѣхъ этихъ книжкахъ безъ малѣйшаго фиговаго листка. Постигнувъ тайны современной дипломатіи и пройдя науку Бисмарка, наши авторы отказываются отъ всѣхъ устарѣлыхъ предразсудковъ и берутъ быка прямо за рога. Получается веселенькая картинка изъ допотопнаго міра, когда вселенная кишѣла громадными ископаемыми, а земля и суша были преисполнены крови рвущихъ другъ друга на части ихтіозавровъ, левіафановъ, гигантскихъ летучихъ драконовъ, колоссальныхъ морскихъ змѣй и тому подобныхъ невинныхъ божьихъ созданій. Подъ стекломъ почтенныхъ сочинителей будущей всемірной войны раскрываются ничѣмъ не лучшія картины. Англія выступаетъ здѣсь въ видѣ кровожаднаго и отвратительнаго чудовища, обвившаго полъ-міра своими кольцами и разѣвающаго пасть и на Конго, и на нѣмецкую Африку, и на голландскаго кролика на благословенныхъ Зондскихъ островахъ, и на среднюю Азію, и на другія злачныя мѣста, разбросанныя по лицу вселенной. А рядомъ съ Англіей щелкаетъ зубами Германія, поплывшая по морямъ и протянувшая свои жадные щупальцы всюду, гдѣ только есть «мѣстечко на солнцѣ». Между этими ископаеными въ свою очередь тыкаетъ клювомъ во всѣ уголки міра прекрасная Франція, царапающая своими когтями и Марокко, и Тунисъ, и Индо-Китай, съ вожделѣніемъ взирающая черезъ Вогезы на Эльзасъ-Лотарингскіе виноградники. И въ то время, какъ все это допотопное звѣрье изо всѣхъ силъ стремится обмануть сосѣда и утащить у него изъ-подъ носа или даже изъ лапы жирный кусокъ международной дичи, въ Америкѣ зрѣетъ новый колоссъ, съ громадной пастью, и одѣваетъ постепенно броней свое зыбкое, насквозь буржуазное, купеческое и жирное тѣло. Японія уже обросла. Дыбомъ стоитъ на ней стальной гребень штыковъ, все ловкое желтое тѣло уже заковано въ стальныя плиты, и великолѣпными шимозами дышатъ ея огненныя ноздри. Только Россія временно исключена изъ концерта ихтіозавровъ, такъ какъ она слишкомъ занята собственными дѣлами. Среди остальныхъ болѣе мелкихъ звѣрюшекъ нѣмецкіе провидцы грядущей войны съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются на общипанномъ турецкомъ археоптриксѣ исламитской породы и съ любовью взираютъ на его пришитые Круппомъ и отшлифованные нѣмцами когти. Это, такъ сказать, служебная скотина германскаго чудища, которая должна сыграть особую роль при всеобщей схваткѣ всего этого столь-же безстыднаго, сколь алчнаго, столь же отвратительнаго, сколь кровожаднаго стада. Да, мы забыли еще одну великодержавную змѣю съ привязанной на хвостѣ афри

канской колоніей или, другими словами, Италію. Въ описаніи пророковъ европейской кровавой бани, ей суждено, наравнѣ съ Турціей, тоже сыграть свою роль, и даже большую, чѣмъ это должно выпасть на долю Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи и Даніи. Участь этихъ послѣднихъ очень проста. По своей малой величинѣ онѣ должны быть слопаны...

Итакъ, на этотъ разъ, я приглашаю читателя временно оставить красивые и чистые города, благоустроенныя и мирныя деревни, и прошу послѣдовать за мной на задній дворъ европейскаго общества, гдѣ льютъ пушки, готовятъ пулеметы, снаряжаютъ лиддитами и робуритами бомбы и готовятъ въ одинъ прекрасный день мирной Европѣ возвращеніе къ допотопнымъ временамъ. Пожалуйте въ доисторическій звѣринецъ, господа!.. Но прежде, чѣмъ мы погрузимся въ пучины военной фантазіи, сдѣлаемъ еще визитъ гг. дипломатамъ въ ихъ министерскіе дворцы, гдѣ рѣшаются судьбы войны и мира и создается исторія человѣчества.

Разсказы про царей, министровъ и дипломатовъ составляютъ любимую пищу для мѣщанскихъ головъ всѣхъ временъ и народовъ. Для человѣка, который никогда не выходилъ изъ лакейской, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вообразить себя среди сіятельныхъ графовъ и отягченныхъ орденами особъ. И авторы военнаго апокалипсиса не могутъ устоять противъ искушенія вывести на сцену дипломатическіе переговоры высокопоставленныхъ особъ. Въ твореніяхъ этихъ авторовъ передъ нами проходятъ всевозможныя конференціи англійскихъ министровъ и французскихъ делегатовъ, всеподданнѣйшіе доклады князя Бюлова императору Вильгельму и цѣлая куча нотъ и меморандумовъ, секретныхъ сообщеній и ультиматумовъ, которые нагромождаются нашими утопистами въ чрезмѣрномъ количествѣ и въ архидипломатическомъ стилѣ. Но, увы! — таково, видно, вѣяніе времени —мы не увидимъ среди дѣйствующихъ лицъ ни одного человѣка, который бы блисталъ благородствомъ или великодушіемъ и считалъ бы для себя обязательнымъ соблюденіе порядочности въ общественныхъ дѣлахъ. Всѣ, кого только мы ни встрѣчаемъ на фонѣ кровавыхъ фантазій нашихъ пророковъ, знаютъ только одинъ принципъ силы и единую тактику насилія и обмана. Передъ нами Франція, которая желаетъ надуть Англію въ самый моментъ заключенія военнаго союза. И нечего говорить, что англійскіе государственные люди платятъ тѣмъ же. Передъ нами Германія, которая предлагаетъ нейтральнымъ государствамъ на выборъ быть раздавленными нѣмецкой арміей или «добровольно» стать на сторону нѣмцевъ. Передъ нами Италія, которая дважды измѣняетъ и сегодня бросается въ тылъ вчерашнему союзнику, разъ только ей не удается урвать тотъ жирный кусокъ, на который она уже нацѣлилась. И Японія не отстаетъ отъ другихъ въ изображеніи нашихъ прорицателей. Какъ хищникъ, она бросается на Америку, но немедленно же вступаетъ съ ней въ союзъ, чтобы ограбить общими силами ослабѣвшую въ

борьбѣ Британію. Безнравственность, безчестность, не разборчивая жестокость и вѣроломство, разнузданная игра за счетъ сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней, подлое нападеніе изъ-за угла и ничѣмъ не стѣсненное швыряніе въ воду милліоновъ народнаго достоянія—вотъ черты, которыя достаточно извѣстны намъ изъ прежнихъ войнъ въ Европѣ и Азіи и которыя теперь услужливые буржуазные фантасты возводятъ въ перлъ созданія въ своихъ нечеловѣческихъ измышленіяхъ. Особенно характернымъ въ устахъ нѣмецкихъ бумажныхъ завоевателей является тотъ планъ, который они приписываютъ германскому правительству въ его міровой политикѣ. Этотъ планъ состоитъ ни больше и ни меньше, какъ въ томъ, чтобы поднять противъ британскаго владычества въ Африки и Азіи милліоны тамошнихъ фанатичныхъ дикарей подъ знаменемъ «священной войны», правовѣрныхъ противъ гяуровъ. Въ этой войнѣ видную роль долженъ сыграть турецкій султанъ. Будучи чѣмъ-то въ родѣ вассала императора Вильгельма, какъ высшаго покровителя мусульманскаго міра, султанъ долженъ протянуть руку помощи Марокко, гдѣ германскій императоръ своимъ визитомъ уже достаточно выразилъ свое покровительство мусульманамъ. Турецкій султанъ, обязанный помочь нѣмецкому сюзерену мусульманъ, подымаетъ по знаку изъ Берлина зеленое знамя Джевада, и начнется поголовное истребленіе всѣхъ бѣлыхъ въ Африкѣ, Малой Азіи и въ азіатскихъ колоніяхъ Британіи, поскольку тамъ царитъ еще исламъ, а вмѣстѣ и живетъ святой долгъ истребленія христіанскихъ собакъ...

Можно сказать, лѣтописцы кровавой катавасіи поняли императора Вильгельма: того самаго государя, который приглашалъ всѣ христіанскіе народы на борьбу съ азіатскимъ дракономъ, они сдѣлали подстрекателемъ къ истребленію всѣхъ христіанъ подъ сѣнью полумѣсяца... Впрочемъ, это не удивительно: слѣдуя урокамъ Бисмарка, нѣмецкая дипломатія и ея вольно гуляющіе апологеты считаютъ ничто не невозможнымъ подъ луною. Излишне и говорить, что, по теоріи нѣмецкихъ кровавыхъ романовъ, священная война мусульманъ прекратится точно такъ же по сигналу со Шпрее, какъ и начнется.

Приведемъ характерный отрывокъ изъ размышленій фантастическаго американскаго посла въ Лондонѣ, который можно считать типичнымъ для нашихъ «реальныхъ политиковъ»: «образуется жирный супъ для желѣзныхъ ложекъ... соображаетъ этотъ дипломатъ, естественно, итальянчики желаютъ ловить рыбку въ мутной водѣ и выклянчить что-нибудь отъ побѣдителя, какъ это неоднократно уже и бывало... для насъ, однако, чѣмъ бѣшенѣе все идетъ, тѣмъ лучше; и чѣмъ основательнѣе ослабляется Европа, тѣмъ болѣе эффектнымъ становится наше выступленіе, какъ только несоединенные штаты Европы передерутся вплоть до усталости. Предлогомъ для вмѣшательства и объявленія войны можетъ явить-

ся каждый день морскихъ сраженій... Гдѣ-нибудь окажется оскорбленнымъ американскій флагъ на какомъ - нибудь торговомъ суднѣ, и никакихъ извиненій отъ Англіи мы тогда попросту не примемъ... Это мгновеніе, о которомъ Рузвельтъ уже давно мечтаетъ, можетъ оказаться столь благопріятнымъ для развитія американскаго имперіализма въ широкомъ размѣрѣ, какъ ничто иное. Канада должна теперь пасть. Превосходно, что мы такъ долго ждали, пока Канада, благодаря англичанамъ, и на самомъ дѣлѣ не сдѣлалась цѣннымъ предметомъ; раньше она ровно ничего не стоила. Ахъ! мнѣ слышится уже посланіе президента, великолѣпное посланіе въ Европу, насчетъ того, что Америка, де, не можетъ дольше терпѣть варварскихъ посягательствъ войны на современную культуру. Во имя цивилизаціи мы учинимъ миръ, а въ качествѣ коммиссіонныхъ заберемъ все нужное. Можетъ быть, коечто и на Дальнемъ Востокѣ. Мнѣ чудится, что японецъ уже скоро потянетъ насъ къ одному плану и этимъ облегчитъ намъ нашъ поворотъ фронта противъ Англіи. Ихъ происки насчетъ Филиппинъ—дѣло серьезное, и они тамъ прямо или косвенно сдѣлаютъ на насъ нападеніе. Сюда присоединяется еще движеніе китайцевъ. Мы сами себѣ дадимъ тогда порученіе охранять европейцевъ и двинемъ со всей силой. Тутъ еще улыбается намъ коекакая награда въ Океаніи; отъ Самоа до Гонолулу не такъ-то далеко, такъ же, какъ отъ Маниллы до Явы. Да, надо полагать, японцы думаютъ то же, будетъ недурненькое столкновеніе... Германіи мы обезпечили самый дружественный нейтралитетъ... Мы высказали самыя ясныя одобренія, сдѣлали полуобѣщанія; однако я считаю, что было бы очень глупо уже теперь стараться для Германіи; въ концѣ концовъ, она нашъ опаснѣйшій торговый конкуррентъ, и наше будущее требуетъ, чтобы Германія, такъ же, какъ Англія, были надолго ослаблены. Воистину глупы эти европейцы! работаютъ прямо намъ въ руку. Положимъ, Европа, въ концѣ концовъ, должна сдаться передъ Америкой, но они сами расчищаютъ намъ путь. Еще сегодня соединенные штаты Европы были бы достаточно сильны для того, чтобы отбросить назадъ наше развитіе, чтобы диктовать законы Дальнему Востоку... Идіоты! коалиція противъ Англіи, уничтоженіе британской имперіи обозначаетъ ничто иное, какъ всеобщее ослабленіе Европы противъ другихъ частей свѣта. Всемірная власть Англіи есть въ послѣднемъ основаніи только порученіе Европы въ дѣлѣ покоренія остальныхъ расъ. И, наоборотъ, гибель нѣмецкой морской торговли—на ея счетъ хочетъ выиграть Англія? Какъ будто мы съ Японіей уже не приготовились къ тому, чтобы сейчасъ же забрать всѣ плоды, а съ Дальняго Востока вытѣснить во время войны всѣ нѣмецкія и британскія фирмы! Ахъ! никогда еще небо Америки не было такъ полно ликованій. Да здравствуетъ Колумбія! Звѣздное знамя получитъ но-

вые звѣзды! Намъ однимъ принадлежитъ будущее. Да будетъ Божья воля!»

Самый процессъ начала современныхъ войнъ вполнѣ подтверждаетъ эту пиратскую теорію авторовъ будущей войны. Нынче уже не дѣлаютъ никакихъ торжественныхъ объявленій войны и не подвергаютъ долгимъ дебатамъ вопросъ, должно ли начать кровопролитіе или нѣтъ. Въ новое время этотъ вопросъ рѣшается сразу. Оказывается гдѣ-нибудь временное ослабленіе страны—надо пользоваться этимъ и воевать, пока она не оправится и не окрѣпнетъ. Если что плохо лежитъ,—надо хватать безъ зазрѣній совѣсти, надо пользоваться неподготовленностью противника, чтобы выиграть два-три дня для мобилизаціи и, при помощи этого, рѣшить участь всей кампаніи. И тѣ вылощенные, холодные дипломаты, которые рѣшаютъ участь народовъ «въ будущей войнѣ», ни минуты не стѣсняются передать дѣло рѣшенію меча, разъ только есть малѣйшая надежда на успѣхъ въ разбойничьемъ предпріятіи.

Какъ свидѣтельствуетъ англійскій офицеръ генеральнаго штаба на счетъ Пруссіи, «она никогда въ нынѣшнее время не гонялась за какимъ-либо обоснованіемъ войны. Война 1866 г. была вызвана Пруссіей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она была до крайности вооружена, а потомъ были приведены такъ прекрасно придуманныя причины, что только серьезнѣйшее историческое изслѣдованіе послѣ долгихъ лѣтъ могло разъяснить, что все это были лишь предлоги, необходимые для осуществленія давно подготовленныхъ плановъ. Какъ указалъ въ своей лекціи лордъ Эленборо, выступленіе Пруссіи противъ Ганновера въ 1866 г. въ этомъ отношеніи прямо образцово. Здѣсь королю былъ предъявленъ ультиматумъ съ требованіемъ отвѣта въ 24 часа, а между тѣмъ еще передъ этимъ былъ законченъ полный стратегическій обходъ ганноверской арміи. Точно такъ же гогенцоллернскій инцидентъ послужилъ Бисмарку только предлогомъ для того, чтобы начать войну съ Франціей какъ разъ тогда, когда Германія была лучше всего подготовлена». И примѣры Пруссіи являются только подтвержденіемъ общаго правила. Какъ свидѣтельствуетъ сэръ Фредерикъ Морисъ, «изо всѣхъ войнъ, которыя велись между 1700—1870 г.г., а ихъ всего было 107, франко-нѣмецкая война 1870 г. была единственная за 170 лѣтъ, въ которой объявленію войны не предшествовали никакія военныя дѣйствія». И почтенный маіоръ Брухгаузенъ съ нѣмецкой стороны вполнѣ подтверждаетъ теорію своего англійскаго коллеги: всѣ послѣднія войны начинались совершенно неожиданно для противника, безъ какихъ-либо открытыхъ и оффиціальныхъ предупрежденій. По словамъ почтеннаго маіора Брухгаузена, это совершенно понятно: внезапность нападенія всегда обѣщаетъ большія выгоды нападающему, а благодаря двумъ днямъ, выиграннымъ на мобилизаціи этимъ путемъ, можно рѣшить всю участь кампаніи. И поразительное дѣло: всѣ тѣ шесть кровавыхъ фантазій—двѣ пере-

водныхъ, а четыре оригинальныхъ нѣмецкихъ, которыя я цитирую,— съ полнымъ единодушіемъ начинаютъ веселое столпотвореніе «будущаго» неожиданнымъ нападеніемъ одной стороны на ничего неподозрѣвающаго врага.

Если переводный романъ англійскаго офицера генеральнаго штаба начинаетъ съ «предательскаго» нападенія нѣмецкаго флота на приготовленные для парада англійскіе корабли, то у другого переводнаго автора, у г. Леке, пашествіе нѣмцевъ на Британію начинается разбойничьей высадкой на восточный берегъ страны среди глубокаго мира. У Зеештерна, въ его «Войнѣ будущаго», война между Англіей и Германіей начинается при помощи грубой провокаціи со стороны англичанъ на Самоанскихъ островахъ, гдѣ нѣмецкій крейсеръ начинаетъ пальбу по дерзкимъ британъ, высаживающимъ своихъ моряковъ на сушу, а затѣмъ уже слѣдуетъ настоящая катавасія, съ внезапнымъ занятіемъ англичанами Антверпена, бомбардировкой Куксгавена, съ вторженіемъ французовъ въ Бельгію и т. п. Анонимный авторъ невѣроятно толстой «Войны будущаго» начинаетъ всеміpную войну вторженіемъ французовъ въ пресловутое Марокко; наконецъ, почтенный господинъ Беовульфъ начинаетъ свою книжку «Видѣніе моряка» нападеніемъ англійскаго флота на мирно празднующій Гельголандъ. Все какъ слѣдуетъ быть, все какъ въ настоящей войнѣ. Дипломаты торгуются, надуваютъ другъ друга, обманываютъ народы, подготовляютъ въ надлежащій моментъ неожиданное для врага нападеніе. Наступаетъ этотъ моментъ, и высокія канцеляріи со всѣмъ ихъ маккіавелизмомъ и презрѣніемъ къ человѣчеству уходятъ на задній планъ. Раскрываются огненныя жерла, и человѣчество получаетъ на благо гуманности, культуры и прогресса новые подарки въ видѣ гранатъ и скорострѣлокъ.

Спрашивается теперь, какая разница между проклятымъ междоусобіемъ средневѣковья, между человѣческими гекатомбами абсолютизма и новыми войнами во имя торговыхъ прибылей и промышленныхъ дивидендовъ? Чѣмъ отличается политика Людовика XI отъ пріемовъ Бисмарка и Наполеона III, гдѣ различіе во взглядахъ между профессіональными человѣкоубійцами XVI вѣка и современнымъ буржуазнымъ обществомъ подъ священной хоругвію красныхъ крестовъ и гаагскихъ конференцій?

Если судить по нашимъ военнымъ романистамъ 1906 г., этой разницы нѣтъ!

II.

Соціалисты.

При изображеніи войны будущаго естественно является вопросъ, что будутъ дѣлать, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, народныя массы, тѣмъ болѣе, что какъ признаетъ самъ маіоръ Брухгаузенъ, нынѣшнія войны могутъ быть только народными, хотя бы уже потому, что въ настоящее время дерутся не шайки наемныхъ ландскнехтовъ, а многотысячныя арміи вооруженнаго народа. Господинъ маіоръ выводитъ даже изъ русско-японской войны то нравоученіе, что «окончательный успѣхъ» нынче, «во времена народнаго войска», обезпеченъ только «народной войнѣ». И вотъ тутъ-то возникаетъ вопросъ, о которомъ мы говоримъ; вопросъ о томъ, пожелаютъ ли народныя массы въ XX вѣкѣ такъ же слѣпо и безропотно слѣдовать магической палочкѣ изъ придворныхъ сферъ и дипломатическихъ канцелярій, какъ это было въ старину, во время смертоноснаго урагана династическихъ интригъ и междоусобій? Пойдутъ ли нынѣшніе народы съ такой же легкостью и охотой на дѣло взаимнаго истребленія, какъ это было въ доброе старое время? Неужели и вправду достаточно простого толчка каблукомъ вѣнценоснаго сапога, чтобы вся Европа превратилась въ сплошной вулканъ, гремящій пушечной канонадой и извергающій потоки крови?

Что сдѣлаютъ признанные вожди народныхъ массъ въ современной Европѣ, соціалисты, которые проклинаютъ войну и проповѣдуютъ миръ, зовутъ человѣчество къ братству и мирному труду? Неужели они станутъ спокойно смотрѣть на дѣло приготовленія къ убійству, неужели сами они забудутъ своего бога и бросятся, какъ звѣри, въ всеобщую братоубійственную схватку?

Наши военные романисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Маіоръ Брухгаузенъ въ своей «Будущей войнѣ» предвидитъ противодѣйствіе войнѣ со стороны нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и заблаговременно объявляетъ ихъ государственными измѣнниками. Въ утѣшеніе своимъ компатріотамъ онъ, однако, не только приводитъ фразу блистательнаго князя Бюлова насчетъ того, что вопросы войны и мира не подлежатъ рѣшенію соціалъ-демократическихъ агитаторовъ, но и руководствуется болѣе положительными соображеніями. Бравый маіоръ предполагаетъ даже худшій случай, а именно, что нѣмецкіе соціалъ-демократы учинятъ массовую политическую стачку во время мобилизаціи и такимъ путемъ попробуютъ на дѣлѣ помѣшать разбойничьимъ мѣропріятіямъ. Однако такая попытка, по мнѣнію маіора, ни къ чему не приведетъ. «Два-три быстрыхъ

удара, нанесенныхъ господамъ агитаторамъ и забастовщикамъ, окажутъ сильное вліяніе на души охотниковъ до стачки». И эти удары не будутъ затруднительны, такъ какъ къ нимъ придется прибѣгнуть развѣ въ «двухъ-трехъ большихъ городахъ и нѣсколькихъ промышленныхъ центрахъ». Еще болѣе утѣшительно вліяютъ на маіора слѣдующія цифры: за 1904 годъ изъ общаго числа рекрутовъ 30°/₀ принадлежало сельскому населенію и 36°/₀ сельскимъ жителямъ, занятымъ въ разныхъ мѣстностяхъ. И маіоръ принимаетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что эти 66°/₀ не принадлежатъ къ соціалъ-демократіи. Изъ оставшихся 34°/₀ Брухгаузенъ вычеркиваетъ большинство бывшихъ одногодичниковъ, затѣмъ мелкихъ промышленниковъ и купцовъ, низшихъ служащихъ и т. п. Такимъ образомъ, въ силу этихъ разсчетовъ въ лучшемъ случаѣ только четвертая, а вѣрнѣе только пятая, часть всѣхъ запасныхъ и ратниковъ ополченія окажется соціалъ-демократами; и эти послѣдніе не представляютъ изъ себя чего-нибудь способнаго къ протесту или непослушанію: «стоитъ только, говоритъ нашъ авторъ, одѣть соціалъ-демократическихъ запасныхъ и ратниковъ въ мундиры, какъ уже черезъ нѣсколько дней или часовъ пробуждается въ нихъ насильственно задавленный нѣмецкій духъ въ своемъ полномъ объемѣ, и они чувствуютъ себя солдатами цѣликомъ». Такъ произойдетъ дѣло съ громадной массой «товарищей». «Военная форма и привычка обладаютъ большою силою внушенія, а прирожденный нѣмцамъ военный духъ сдѣлаетъ все остальное». И хотя изъ соціалъ-демократовъ все же не можетъ никогда выйти хорошихъ солдатъ, потому что для этого нужна не только «сильно развитая интеллигентность и мѣткость въ стрѣльбѣ», но прежде всего «радостное мужество и вѣрное сердце», однако большинство соціалъ-демократовъ будетъ сражаться «безъ всякаго противорѣчія» и даже «забудетъ въ теченіи войны свою принадлежность къ красной партіи».

Такъ рисуетъ дѣло отставной прусскій маіоръ. Другіе живописцы грядущаго кладдерадача идутъ еще далѣе. Почтенный Беовульфъ, описывая свой военный сонъ, ограничивается утвержденіемъ, что «всеочищающая гроза начисто вымететъ толстый слой пыли партійныхъ раздоровъ, вѣроисповѣдныхъ споровъ, классовой ненависти, филистерства и фальшиваго идеализма, и, какъ свѣтлый щитъ, засіяютъ вновь любовь къ отечеству и вѣрность къ королю». Въ Берлинѣ, продолжаетъ онъ разсказъ о своемъ снѣ, «массы народа нашли опять путь ко дворцу такъ же, какъ это было въ 1870 г., и принесли императору свои вѣрноподданническія чувства, причемъ передъ зданіями морского и военнаго министерствъ демонстрировали большія толпы, распѣвая патріотическія пѣсни». По словамъ сновидца Беовульфа, даже крайняя лѣвая въ рейхстагѣ закричала громовое «ура», когда канцлеръ объявилъ о войнѣ съ Англіей послѣ ея нападенія на Гельголандъ.

Нѣсколько иначе рисуетъ намъ соціалистовъ скрывшійся подъ тремя звѣздочками авторъ «Народовъ Европы». Этотъ живописецъ будущаго рисуетъ намъ соціалъ-демократовъ «сохраняющими въ общемъ ледяное молчаніе»; въ рейхстагѣ Бебель, по утвержденію трехъ точекъ, отказывается отъ своего начальнаго утвержденія, что только «манія величія вовлекла Германію въ безсмысленную марокскую авантюру», такъ какъ слишкомъ ясно разоблачилась всеобщая ненависть Европы противъ германской имперіи, у которой, кромѣ союза съ Австріей, какъ оказалось, была лишь одна дружественная поддержка со стороны изслѣдователя морскихъ глубинъ и владыки горныхъ притоновъ въ Монако. Уже нелюбезность Италіи доказала цѣль марокской ловушки, которая должна была вполнѣ изолировать Германію, лишить ея индустрію необходимаго рынка, а самую страну при первой возможности вовлечь въ ужасную войну. И Бебель, по словамъ проницательнаго анонима, долженъ былъ ограничиться пустымъ и вмѣстѣ безспорнымъ положеніемъ, что «все капиталистическое общество несетъ вину за это кровавое и позорное дѣло». Вождь баварской соціалъ-демократіи, даже въ мечтахъ грядущаго, вызываетъ къ себѣ благосклонное отношеніе со стороны благонамѣренныхъ воякъ. По словамъ нашего автора, Фольмаръ заявляетъ отъ имени южногерманской соціалъ-демократіи, «что, къ сожалѣнію и въ видѣ исключенія, они должны стоять на сторонѣ нѣмецкаго правительства, такъ какъ пораженіе и обнищаніе германской имперіи неизбѣжно и тяжелѣе всего отразится на рабочихъ массахъ, объ участи которыхъ, въ случаѣ побѣды, воистину не станетъ заботиться ни французская буржуазія, ни англійская олигархія». Воинственныя три звѣздочки не могли обойтись, конечно, безъ того, чтобъ не напустить на измѣнника Фольмара «великаго инквизитора Меринга» съ отлученіемъ отъ с.-д. церкви. Однако, и у этого автора не только французскіе соціалисты послѣ немногихъ митинговъ протеста кричатъ «реваншъ» и «въ Берлинъ», но и нѣмецкіе соціалисты браво идутъ въ бой, такъ какъ не хотятъ, чтобы «иностранцы вырвали у нѣмецкаго народа хлѣбъ изъ зубовъ».

У господина Зеештерна, въ его «Гибели стараго міра» (кстати сказать, эта книжка выходитъ XX изданіемъ и достигаетъ 100.000 экземпляровъ) мы встрѣчаемъ высоко драматическую сцену: извѣстіе о нападеніи англичанъ приходитъ какъ разъ въ то время, когда въ германскомъ рейхстагѣ ненавистный бюргерамъ Штаттгенъ произноситъ одну изъ своихъ безконечныхъ рѣчей по поводу безобразій въ германской арміи. Съ безмѣрнымъ издѣвательствомъ влагаетъ воинственный авторъ въ уста извѣстному соціалъ-демократу рѣчь, въ которой «каждая пощечина, нанесенная отсталому рекруту на песчаномъ дворѣ», «каждый дружескій пинокъ подъ микитки» превращаются «въ неслыханное оскорбленіе порабощеннаго, безправ-

наго народа». «И все дальше и дальше», говоритъ авторъ, «плескались струи болтливой рѣчи, словно фонтанъ, который позабыли закрыть». Такъ описывается здѣсь «лохматый» народный трибунъ, который въ освѣщеніи автора «каркаетъ» слѣдующія слова: «если солдатъ такимъ образомъ преданъ безъ всякой защиты произволу своего начальства, если вопіющая къ небу несправедливость возводится въ принципъ, то въ такомъ случаѣ нечего и говорить о какомъ-либо воодушевленіи на военной службѣ, о которомъ въ торжественныхъ случаяхъ постоянно такъ много кричатъ. Исполненная чувствъ ненависти и ожесточенія, собранная на два года самаго грубаго и суроваго обращенія, армія вообще перестаетъ существовать, какъ оружіе. Войско, въ которомъ систематически убивается чувство чести, правда, можетъ быть загнано въ сраженіе, какъ лишенная воли масса, однако имъ нельзя уже руководить, его нельзя вести. И если бы сегодня началась война»... Тутъ Зеештернъ прерываетъ дерзостнаго Штатгагена и заставляетъ какъ разъ въ эту минуту рейхстагъ выслушать извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій. И что же случилось? Штатгагенъ и всѣ его товарищи немедленно были посрамлены взрывомъ патріотическаго энтузіазма со стороны всей палаты, и даже предложеніе Бебеля передать инцидентъ на Самоанскихъ островахъ рѣшенію гаагскаго третейскаго суда и сказанная въ обоснованіе предложенія блестящая рѣчь не могли ничего сдѣлать противъ силы воинственнаго воодушевленія, которымъ были охвачены всѣ, «въ комъ только тлѣла хоть искра національнаго энтузіазма». Страшное возмущеніе противъ измѣнника Бебеля привело къ тому, что Бебель былъ лишенъ слова, и 310 голосами противъ единственно 48 оставшихся вѣрными Бебелю соціалъ-демократовъ было принято предложеніе реакціонера Кардорфа, которое выражало князю Бюлову «неограниченное» довѣріе страны. Такъ провалились жалкіе нѣмецкіе соціалисты подъ бурей патріотическихъ чувствъ нѣмецкаго народа. И съ восторгомъ вслѣдъ затѣмъ Зеештернъ рисуетъ читателю картину, какъ громадныя толпы вчерашнихъ соціалъ-демократовъ покрыли собой улицы Берлина и въ громѣ патріотическихъ пѣснопѣній изливали свой истинно-германскій пылъ и восторгъ. Захлебываясь отъ монархическихъ предвкушеній, нашъ авторъ выводитъ, далѣе, короля на дворцовый балконъ и въ мистическомъ экстазѣ провидитъ картину новаго союза между королемъ и народомъ, при чемъ кровожадныя массы въ дикомъ упоеніи своей силы простираютъ къ императору руки, готовыя разить и убивать дерзкаго и вѣроломнаго врага.

Не лишнее упомянуть, что, не смотря на все патріотическое воодушевленіе, прорицатель, скрывшійся за тремя звѣздочками, считаетъ тѣмъ не менѣе своимъ долгомъ оставить гвардію дома «для внутренней службы безопасности», «такъ сказать, въ качествѣ политической полиціи»—недурная, «такъ сказать», подкладка для

патріотическихъ восторговъ во время будущей нѣмецко-европейской войны!

Такъ же обошлось дѣло и съ австрійской соціалъ-демократіей. По словамъ трехъ звѣздочекъ, «манифестація соціалистическихъ богемаковъ» (презрительное выраженіе для чеховъ) принесла «депутатамъ Адлеру, Пермерсторферу, Эльдершу, Эленбогену и ругателю Шумейеру» «пробитыя головы», а «волною христіанско-соціальныхъ (антисемитовъ) и народниковъ-всенѣмцевъ, они были положительно смыты; даже приверженцы Шенерера, Вольфа и крикуна Иро совмѣстно устроили овацію оберъ-бюргермейстеру Люэгеру», т. е., другими словами, всенѣмцы соединились во всеобщемъ одушевленіи вмѣстѣ съ антисемитами.

Наши авторы почти не упоминаютъ о французскихъ соціалистахъ: относительно этихъ послѣднихъ у нихъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. Недаромъ въ качествѣ добрыхъ патріотовъ ихъ ставятъ всегда въ примѣръ нѣмецкимъ «парнямъ, лишеннымъ отечества». Протесты Гэда и Жорэса противъ войны совершенно поглощаются воинственнымъ азартомъ ихъ товарищей по партіи, и нѣмецкіе авторы даже на этомъ воображаемомъ примѣрѣ не упускаютъ случая прочесть подходящее наставленіе своимъ отечественнымъ космополитамъ. Криками: «la revanche, à Berlin» кончается протестъ противъ войны французовъ, и это должно подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на нѣмецкихъ «товарищей».

Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ бельгійцами. Здѣсь, какъ повѣствуетъ богатый фантазіей Зеештернъ, дѣло доходитъ до очень серьезныхъ вещей. Когда нѣмцы вступили въ Бельгію, чтобы встрѣтить тамъ французскія войска, въ Шарлеруа они наткнулись на неожиданное сопротивленіе. Какъ оказалось, это дерзкіе соціалисты пожелали на дѣлѣ выказать свои симпатіи французской демократіи и оружіемъ защитить бельгійскій нейтралитетъ. Повторилась исторія французской Коммуны. Но роль усмиренія соціалистической «анархіи» здѣсь выпадаетъ на долю не французской буржуазіи, а нѣмецкихъ монархическихъ войскъ. Бунтари соціалисты, конечно, уже успѣли учинить въ Шарлеруа «красную республику», смѣстили городской магистратъ и собрали вокругъ себя горнорабочихъ изъ ближайшихъ округовъ. Эти красные варвары, само собою разумѣется, «подожгли въ городѣ общественныя постройки, разыграли дикія сцены грабежа въ бюргерскихъ домахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ убійства, пожары и неслыханныя звѣрства обозначили собой начало краснаго террора». Добродѣтельныя нѣмецкія войска не могли выдержать такого зрѣлища соціалистическихъ пороковъ и рѣшили усмирить это красное гнѣздо. Три полка съ артиллеріей получили задачу «сломить сопротивленіе рѣшившихся на всѣ крайности соціалистическихъ террористовъ». Задача оказалась не изъ легкихъ. Благороднымъ усмирителямъ пришлось сражаться «среди горящихъ улицъ со всяческой

чернью и доведеннымъ до слѣпого фанатизма гражданскимъ населеніемъ. Только съ трудомъ удавалось брать одну за другой баррикады, которыя были построены изъ развалинъ домовъ; артиллерія не оказывала замѣтнаго дѣйствія на валы въ нѣсколько метровъ шириной, а на мѣсто тѣхъ сотенъ, которыя падали подъ огнемъ нѣмецкихъ шрапнелей, выступали все новые и новые бойцы». Сильнѣйшія баррикады были «частью снаряжены изъ бумажныхъ блоковъ въ метръ высотой, которые употребляются для газетныхъ ратаціонныхъ машинъ, и этотъ упругій, эластичный матеріалъ не поддавался даже гранатному огню»... Только послѣ многихъ дней, когда саперы подвели правильные минные ходы къ баррикадамъ, эти позиціи были взяты. Но и дальнѣйшій бой стоилъ нѣмцамъ громадныхъ жертвъ, такъ какъ подъ ними взрывались громадныя подземныя мины, и нѣмцы цѣлыми отрядами взлетали на воздухъ. Тутъ, однако, усмирителямъ помогло одно характерно обстоятельство: «между соціалистическими вождями возникли раздоры, въ послѣдніе дни борьбы оружіе бунтовщиковъ обратилось другъ противъ друга... и кровавая оргія Шарлеруа потухла только тогда, когда бѣшенство черни охладилось въ ея собственной крови». И къ этой кровавой фантазіи Зеештернъ прибавляетъ слѣдующее нравоучительное заключеніе: «эти событія не остались безъ вліянія на соціалистическую партію въ Германіи, такъ какъ на этомъ примѣрѣ можно было убѣдиться, какія жертвы приходится вести на бойню, разъ только отворяется клѣтка для бестіи!»

Усмиреніе соціалистовъ въ Шарлеруа является только однимъ эпизодомъ въ великой войнѣ будущаго. Эта война не только необходима для «шестидесяти-двухъ милліоновъ нѣмцевъ, которые не могутъ дольше пропитаться безъ жирнаго куска на солнцѣ», но она имѣетъ и другую, болѣе высокую цѣль: она должна повести къ укрѣпленію монархическихъ и консервативныхъ элементовъ Европы за счетъ фривольной демократіи, которая олицетворяется въ соціалистически-радикальной Франціи. И подъ сѣнью германскаго орла въ изображеніи нашихъ авторовъ протягиваютъ другъ другу руки съ одной стороны падишахъ и владыка правовѣрныхъ, а съ другой—монархическіе фламандскіе элементы промышленной Бельгіи; подъ этой сѣнью объединяются въ сознаніи солидарности своихъ интересовъ консервативные круги Швейцаріи и благо мыслящіе элементы Голландіи, а въ Италіи кратковременное увлеченіе республиканской Франціей скоро смѣняется торжествомъ «реальной политики» солидной буржуазіи, которая видитъ въ Германіи опору тишины, спокойствія и порядка. Въ Австріи происходитъ то же самое. И здѣсь, не смотря на союзъ съ Германіей, пробуютъ въ началѣ поднять голову разнузданные славянскіе элементы и демократическіе мадьяры. Но и тутъ побѣждаетъ, въ концѣ концовъ, монархическая преданность престарѣлому суверену, и Австрія ведетъ свои войска противъ республиканской гидры.

Въ этомъ концертѣ отсутствуетъ только раздираемая внутренними «происшествіями» архимонархическая Россія. Увы! въ послѣднее время сильно пошатнулся престижъ этой опоры европейскаго порядка, и русскій международный жандармъ временно находится въ отпуску для учиненія внутреннихъ погромовъ.

III.

Какъ надо воевать.

Нечего и говорить, что въ литературѣ будущей войны на счетъ ея способовъ господствуютъ самоновѣйшія теоріи. И, прежде всего, сама война привѣтствуется, какъ средство для возвращенія человѣчества къ его прежнимъ, теперь уже забытымъ доблестямъ.

Въ книжкѣ англійскаго офицера цѣлыя страницы посвящены упадку современнаго человѣчества, а въ частности англійскаго общества. Съ грустью замѣчаетъ этотъ офицеръ паденіе чувства «самоотверженія ради отечества». «Религіозность падаетъ». Повсюду водворяется «распущенность и жажда наслажденій». Браки англійскихъ лордовъ съ богатыми американками приводятъ къ исчезновенію «стараго англійскаго духа, простой вѣры въ благородную идеальность». Мало того, въ Англіи появляются даже «соціалистическіе безпочвенные эксперименты». Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ «сила еврейскаго капиталистическаго элемента». Какъ спасти былую славу и добродѣтели? Конечно, не соціализмомъ: «за 4000 лѣтъ тому назадъ жилъ китайскій императоръ, который ровно 30 лѣтъ вводилъ соціализмъ. И что-же? Ему отрубили голову, и съ тѣхъ поръ китайцы сдѣлались ярко выраженными индивидуалистами». А посему не соціализмъ спасетъ Англію, а всеобщая воинская повинность...

И нѣмецкій авторъ не только подхватываетъ эти на рѣдкость умныя мысли, но и развиваетъ ихъ въ цѣлый гимнъ въ пользу войны. Прежде всего, война водворяетъ истинное равенство. «Профессора и богатые купцы, молодые и старики всѣхъ призваній, всѣ они призываются въ ополченіе», разъ только «сыны народа тамъ, по ту сторону границы, ведутъ къ побѣдѣ въ тяжкихъ бояхъ судьбу имперіи». Дѣло, конечно, не обходится «безъ ропота». Но вскорѣ «всѣ съ отраднымъ рвеніемъ подчиняются долгу, который возлагаетъ на нихъ отечество, какъ на своихъ гражданъ».

Правда, война ужасна, но разнуздывая «самыя дикія страсти», она, вмѣстѣ съ тѣмъ, научаетъ высшей гуманности. Юноша выростаетъ сразу «въ мужа», воины себя чувствуютъ, «какъ человѣкъ къ человѣку», только «различными по народному воспріятію и по цвѣтамъ мундира». «Да, замѣчаетъ сентиментально чело-

вѣколюбивый авторъ, пуля—она дурочка, этотъ маленькій кусочекъ металла. она не знаетъ, откуда она приходитъ и куда идетъ, и какой посѣвъ слезъ восходитъ на той почвѣ, на которой обливаются кровью ея жертвы». И чтобы еще больше дать почувствовать всю гуманитарность войны, нашъ авторъ рисуетъ другую, не менѣе трогательную картину. Вотъ мать узнаетъ о томъ, что ея дитятко стало уже сиротою... тогда обвиваетъ малютка рукой плачущую мать и спрашиваетъ: «Развѣ отецъ никогда больше не вернется?»—Никогда, никогда! О, какой рокъ лежитъ въ этомъ словѣ?—никогда больше. Сколько цвѣтущихъ жизней раздавила эта ужасная кровавая война».

И тѣмъ не менѣе война подымаетъ человѣка «до солнца» и «пробуждаетъ въ немъ высшій цвѣтъ мужественности, а именно—товарищество». «Всѣ сыны народнаго войска, повинуясь приказу молодыхъ офицеровъ, чувствуютъ, какъ эти послѣдніе въ нѣсколько недѣль превратились изъ юношей въ мужей и стали едино съ народомъ въ оружіи. Съ тѣмъ народомъ, надъ которымъ ихъ поставило слово командира... И теперь, когда надъ ними рѣшаетъ все одинъ и тотъ же рокъ... они чувствуютъ себя только какъ человѣкъ къ человѣку»... Прекрасные примѣры «нѣмецкой солдатской вѣрности, товарищества и великодушной мягкости къ побѣжденному врагу» пробуждаются при громѣ войны, при чемъ она же помогаетъ произвести и необходимую чистку. И тотъ, «кто падаетъ пораженный пулей на песчаномъ холмѣ» отъ руки товарищей, тотъ—утѣшаетъ насъ авторъ—все равно и дома попалъ бы въ руки прокурора!

Война воспитываетъ, война возвышаетъ. Таково мнѣніе всѣхъ нашихъ военно-буржуазныхъ поэтовъ, которые съ наслажденіемъ наполняютъ сотни страницъ картинами отвратительной кровожадности, исполненной какого-то патологическаго сладострастія. Словно въ замѣну гладіаторскихъ боевъ древняго міра и дозволеннаго, увы! только въ одной Испаніи боя быковъ, наши фантасты заставляютъ своего читателя смаковать тонкости истребленія людей и вызываютъ въ своемъ воображеніи арену гладіаторскаго цирка, объемлющаго весь міръ. Война воспитываетъ! Въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся. Особенно та война, которую рисуютъ наши энтузіасты; война, въ которой по самоновѣйшимъ теоріямъ уже не полагается никакихъ сдержекъ, никакихъ стѣсненій, никакихъ правилъ заснувшаго мертвымъ сномъ международнаго права.

Однимъ изъ первыхъ упраздняютъ наши мечтатели старое понятіе нейтралитета. По ихъ теоріи нейтральнымъ можетъ быть только тотъ, кто можетъ самъ себя защищать сразу отъ двухъ-трехъ и болѣе противниковъ. Для того, чтобы въ этомъ смыслѣ быть нейтральнымъ, надо имѣть добрый милліонъ войска съ великолѣпными крѣпостями и вооруженіемъ, иначе нейтралитетъ не

фразамъ; нѣтъ, онъ разсуждаетъ какъ купецъ, который позналъ суть «исторической необходимости». «Соперничество двухъ народовъ», изрекаетъ Брухгаузенъ по поводу предсказываемой имъ англо-германской войны, «совершается по другимъ правиламъ, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ культурномъ государствѣ для двухъ соперничающихъ сторонъ въ борьбѣ если не за существованіе, то за благосостояніе. Англія есть торговое государство, она вмѣстѣ съ тѣмъ есть островное государство, безопасность котораго цѣликомъ и вполнѣ зависитъ отъ безусловнаго владычества на морѣ. Развѣ можетъ подобное государство отнестись спокойно къ тому, что міровая торговля съ году на годъ, если и не уходитъ изъ его рукъ, то тѣмъ не менѣе самымъ чувствительнымъ образомъ урѣзывается все больше и больше. Развѣ такое государство не обязано самымъ рѣшительнымъ образомъ заботиться о благополучіи своихъ гражданъ хотя бы даже при помощи насильственныхъ средствъ: война по Кляузевицу есть вѣдь только продолженіе политики при помощи подобныхъ средствъ».

Вотъ истинное разсужденіе современнаго воина, такъ тѣсно связаннаго съ прилавкомъ купца, съ машинами промышленника. И немудрено, что купецъ внесъ въ старое рыцарское ремесло свои пріемы, снабдилъ его своей техникой, далъ ему массовой размахъ и колоссальные размѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ вдохнулъ въ него духъ безчестнаго и жаднаго, безжалостнаго и вѣроломнаго торгашества. Нынѣшнія арміи это лишь насильственный аппаратъ для политики самодержавнаго европейскаго капитала. Это Шейлокъ, одѣтый въ латы короля.

Признаться, мнѣ жалко въ эпоху расцвѣта русскаго политическаго идеализма преподносить русскому читателю такой неблагоуханный букетъ буржуазно-европейскихъ грезъ и вожделѣній. Словно, блуждая по чудному европейскому парку, мы внезапно открыли люкъ отъ громадной клоаки и съ отвращеніемъ убѣдились въ томъ, что въ этомъ паркѣ имѣются цѣлыя моря черной грязи, издающей удушливые и ядовитые газы. Но думаю, знать объ этой клоакѣ особенно не мѣшаетъ тогда, когда, съ одной стороны, носятся вѣсти о Шенбруннскихъ соглашеніяхъ, а съ другой—первая депутація перваго русскаго парламента отправилась въ Лондонъ на конференцію мира.

Пусть народные представители европейскихъ странъ попробуютъ сдѣлать брешь въ желѣзной твердынѣ европейской властвующей буржуазіи, но пусть они не забываютъ, что, доколѣ міръ всемірной конкурренціи напоминаетъ собой борьбу разъяренныхъ чудовищъ допотопнаго міра, до тѣхъ поръ закономъ человѣчества будетъ не миръ, а война.

М. Рейснеръ-Реусъ.

Въ Государственной Думѣ.

Замѣтки, очерки, наблюденія.

Годъ назадъ, когда министръ Булыгинъ благолѣпно и медлительно лѣпилъ свой проектъ созыва земскаго собора свѣдущихъ людей—парламента то-жъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ я прочелъ слѣдующее сообщеніе: «По слухамъ,—приблизительно говорилось въ немъ—на зимній сезонъ въ Петербургѣ снимается много квартиръ провинціалами въ ожиданіи Думы и пріѣзда въ столицу дворянъ и богатыхъ людей,—маменьки думаютъ вывозить дочерей на предстоящій, несомнѣнно оживленный, зимній сезонъ». Помню, тогда это сообщеніе не удивило меня. Предстояло большое дворянское собраніе, съ присоединеніемъ просто богатыхъ людей, и, какъ испоконъ вѣковъ на губернскія дворянскія собранія, поднимались изъ помѣщичьихъ усадебъ маменьки и барышни. Къ сожалѣнію, булыгинскій проектъ не прошелъ въ смыслѣ парламента съ женихами,—дворянами и богатыми людьми, а октябрьскія событія и 17-е октября окончательно ликвидировали всякіе матримоніальные замыслы.

Именно это сообщеніе по какой-то нелѣпой ассоціаціи идей вспоминалось мнѣ, когда я въ первый разъ входилъ въ Государственную Думу.

Это изумительное зданіе Таврическаго дворца, гдѣ нельзя жить, и которое устроено для пышныхъ баловъ, для забытыхъ баловъ давнихъ, пышныхъ, забытыхъ временъ,—съ дворянскими колоннами, съ кулуарами, такъ приспособленными для мазурки monstre, съ удивительной мебелью временъ Очакова и покоренія Крыма, Версаля и Тріанона, съ жениховскимъ бѣлымъ заломъ, такъ приспособленнымъ для свадебнаго пира,—этотъ удивительный дворецъ такъ не гармонируетъ съ тѣми пятью стами русскими людьми, которые пришли сюда. Жениховъ тамъ не оказалось. Я не говорю о лѣвыхъ, о трудовикахъ,—не женихи они. Я всматривался въ лица конституціоналистовъ-демократовъ, естественныхъ жениховъ настоящей Государственной Думы—все сѣрые, сумрачные люди, и такъ рѣдко можно было встрѣтить въ толпѣ не омраченное раздумьемъ жениховское румяное лицо, и то выраженіе гордости, торжества и веселья, которое звучало тогда въ ихъ печати, говорило правымъ и лѣвымъ: что взяли?—вотъ они—мы!.. Печать чего-то *большого*, что я не умѣю выразить,—тоски, ожиданія заботы, трудности лежала на лицахъ. И не было бала въ бѣломъ залѣ и даже, когда зажигались люстры и бѣлый залъ принималъ такой торжественный видъ и тѣнь Потемкина вставала

за колоннами предсѣдательской трибуны,—это трудное, напряженно ожидающее, тревожно-безпокойное настроеніе чувствовалось въ залѣ. И чѣмъ больше бывалъ я въ Таврическомъ дворцѣ, тѣмъ больше ощущались тамъ тревога, тоска, тяжелое ожиданіе...

Такъ живо чувствовалось это, такъ понятно было. Когда они шли,—эти люди изъ своихъ мѣстъ, изъ глубины Россіи,—ихъ провожали криками: «Земли и воли!» «Мира и правды!..» И не померкъ еще за ними кровавый отблескъ зловѣщаго зарева войны и страшный призракъ надвигающагося голода вставалъ предъ ними... И когда они пришли сюда, къ воротамъ этого Таврическаго дворца, ихъ встрѣтила толпа,—о! не веселыя были тамъ лица!—и толпа кричала только одно слово: «Амнистія! Амнистія!» Весь тотъ ужасъ, все то темное и страшное, что дѣлалось въ Россіи послѣдніе полгода,—удивительно,—именно съ 17-го октября!—вошло вмѣстѣ съ ними въ бальный залъ Таврическаго дворца и темнымъ флеромъ окутало бѣлыя колонны, страшнымъ и жуткимъ наполнило парадный бѣлый залъ. Первое слово въ этомъ залѣ было: амнистія. И не нашлось тамъ охочихъ людей пировать съ охочими людьми изъ государственнаго совѣта въ городской думѣ, на устроенномъ городомъ Петербургомъ пиршествѣ.

Часто вспоминалось мнѣ французское національное собраніе. Превосходно сшитые сюртуки, превосходно сшитыя, точеныя рѣчи, строго географически распредѣленные по залу аплодисменты и шиканье, какая-то особенная парадность въ лицахъ, жестахъ, костюмахъ, рѣчахъ. Чувствовалось дыханье огромнаго общественнаго дѣла, чувствовалась собранная въ залѣ страна, но внутренней торжественности, напряженной тревоги не чувствовалось,—тогда, когда я былъ. Говорилъ ораторъ. Ему бросали въ срединѣ рѣчи съ лѣвой, или правой или съ центра замѣчанія ядовито-насмѣшливыя, злобно-протестующія, но всегда по-французски блестящія, яркія и отточенныя. Ихъ подхватывалъ ораторъ и бросалъ въ толпу отвѣтныя реплики, такія же насмѣшливыя или коротко ядовитыя, парирующія, какъ ударъ шпаги, и снова продолжались рѣчи, бросались замѣчанія и реплики. Получалось впечатлѣніе блестящаго турнира и спеціально французской «causerie». И такъ часто слово: «rire» прерываетъ печатные отчеты засѣданій національнаго собранія.

Рѣдко смѣхъ звучитъ въ русскомъ парламентѣ. Тамъ говорятся иногда длиннѣйшія и скучнѣйшія, никому не нужныя рѣчи,—говорятся нерѣдко только за тѣмъ, чтобы тамъ, на мѣстахъ знали, что ихъ депутатъ «говоритъ», но такъ мало «causerie» въ этомъ собраніи обремененныхъ людей. Русскій парламентъ удивительное зрѣлище, и, я полагаю, ни въ одномъ другомъ парламентѣ, до Австріи и Соединенныхъ Штатовъ включительно, нѣтъ ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Лица, рѣчи, акцентъ, мимика, манеры, жесты, костюмы,—все удивительно разномастное,

разнохарактерное, рѣзко индивидуальное, отмежеванное. Католическій епископъ баронъ Роопъ, въ недалекомъ сосѣдствѣ русскіе священники и совсѣмъ недалеко белебеевскій мулла. Поляки, польскіе евреи съ польскимъ акцентомъ русской рѣчи, прибалтійскіе люди яркія по мимикѣ лица кавказскихъ депутатовъ и рѣзко выпуклыя лица татаръ, башкиръ, киргизовъ. Стройная фигура длинноногаго украинца въ свиткѣ, подпоясанной зеленымъ кушакомъ, совершенно опереточный костюмъ лиловаго литовца и взывающій къ глубокой древности, ко временамъ войнъ съ крестоносцами, костюмъ польскаго крестьянина. Эта яркая пестрая разноцвѣтная толпа такъ опредѣляетъ россійское государство, такъ ярко и необыкновенно индивидуально опредѣляетъ физіономію русскаго парламента. Такого парламента не было и нѣтъ ни въ одной странѣ, и уже это одно предопредѣляетъ необходимость, неизбѣжность огромной творческой работы по устройству будущаго русскаго государственнаго зданія.

Когда я смотрю на пустыя, незанятыя кресла въ бѣломъ залѣ, они наполняются въ моемъ воображеніи людьми, которые еще не пришли, —людьми изъ средней Азіи, людьми изъ Сибири, сартами и туркменами, бурятами и якутами, и предо мной встаетъ во всей сложности, во всемъ величіи та исключительная, творческая, глубоко человѣчная, чреватая огромнымъ будущимъ, работа будущаго русскаго парламента. И если великая русская революція и созданная ею несовершенная, незаконченная Государственная Дума успѣла поставить предъ западно-европейскимъ міромъ новыя задачи и проявить индивидуальное творчество, —то та совершенная, законченная, во весь ростъ революціи, Государственная Дума будущаго—самой постановкой вопросовъ, еще не ставившихся въ качествѣ очередной практической задачи старшими братьями, вольетъ въ сокровищницу человѣческой мысли и вѣчно творящаго мірового государство-строительства широкую волну новыхъ словъ, новыхъ творческихъ идей, чувствъ и мыслей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эта разноплеменная разномастная толпа производила удивительное впечатлѣніе однотонности, связанности, цѣльности. Таковы были первыя впечатлѣнія. Та разслойка трудовиковъ и партіи народной свободы, соціалъ-демократовъ и націоналистовъ не чувствовалась вначалѣ, не было той французской строгой территоріальности апплодисментовъ и шиканья, такъ часто по всему залу разливались бурные апплодисменты, такъ часто негодующіе крики обнимали весь залъ, такъ часто единогласныя или почти единогласныя рѣшенія выносила Дума. Чувствовалось, что у всѣхъ этихъ разноплеменныхъ, такъ территоріально и національно далекихъ другъ отъ друга людей, есть общесвязующій цементъ, есть общій врагъ, котораго всѣ жаждутъ побѣдить, есть общій новый другъ, котораго они ждутъ, которому бурно апплодируютъ.

Поразила меня демократичность русскаго парламента. Я опять

таки не говорю о лѣвыхъ, о трудовикахъ, о «мужикахъ». Товарищъ предсѣдателя, профессоръ Гредескулъ, входитъ на эстраду въ сѣренькомъ пиджачкѣ, который такъ гармонируетъ съ его не торжественной и невеликолѣпной фигурой и такъ не гармонируетъ съ бѣлымъ заломъ, люстрами и колоннами свѣтлѣйшаго князя Таврическаго. Въ такомъ же пиджачкѣ, такой же сѣрый, не жениховскаго вида, входитъ Герценштейнъ. Одинъ за другимъ поднимаются на каѳедру люди партіи народной свободы, трудовики, профессора, бывшіе земцы, дворяне, люди третьяго элемента, крестьяне, въ провинціальныхъ сюртукахъ, въ некорректныхъ пиджакахъ, въ поддевкахъ и свиткахъ, и такъ чувствуется, что они пришли сюда не на парадъ и не на балъ, пришли на тяжелую, трудную работу, на дѣло устроенія русской земли.

Не смотря на эту непарадность и будничность костюмовъ, огромная внутренняя торжественность чувствуется въ бѣломъ залѣ. Тяжеловѣсно, нѣсколько неуклюже, и серьезно идетъ работа въ русскомъ парламентѣ. За рѣдкими исключеніями, говорятся тамъ рѣчи нужныя и трудныя и такъ демократичны онѣ, такъ сильны и торжественны той внутренней тревогой, тѣмъ высокимъ негодованіемъ, тѣмъ сознаніемъ страшно труднаго, колоссально отвѣтственнаго дѣла...

Мало попытокъ къ остроумію, рѣдки хорошо сшитыя, точеныя рѣчи, мало красивыхъ блестящихъ фразъ, имѣющихъ претензію перейти въ учебники и хрестоматіи, рѣдки обращенія къ пирамидамъ. Страшные факты дѣйствительности, страстная жажда освобожденія и новыхъ формъ жизни, гнѣвъ и негодованіе—таково красноречіе русскаго парламента, и въ этомъ его внутренняя торжественность.

Идутъ разные люди на ораторское мѣсто. Для однихъ оно—каѳедра, для другихъ - трибуна, для немногихъ—эстрада и для многихъ—каѳедра въ другомъ смыслѣ слова,—«алтарь отечества». Въ большей или меньшей мѣрѣ на высокое мѣсто поднимается высокое настроеніе русской жизни...

II.

«Сезамъ, отворись!» говорятъ всѣ они. Входятъ на каѳедру лидеры: «центральные» люди партіи народной свободы. Только они еще женихи и пьяны той побѣдой, которую только что одержали надъ суженой-ряженой, у нихъ однихъ есть французское, корректно-парламентское,—точеныя фразы, хорошо сшитыя рѣчи. Съ высоты ста шестидесяти мандатовъ Петербурга и Москвы, съ высоты вершинъ знанія, воспитанные въ хорошихъ домахъ, западноевропейскаго парламентаризма, и они говорили превосходныя и справедливыя рѣчи о томъ, что и какъ дѣлается въ хорошихъ

домахъ, и какъ изъ Россіи сдѣлать хорошій домъ. Они обращались и къ правымъ, и къ лѣвымъ, и ко всему бѣлому залу, и просили вѣрить, что у нихъ все правильно налажено, что они знаютъ, какъ отворить дверь, и голоса ихъ неслись изъ бѣлаго зала къ тѣмъ, у кого ключи отъ двери, и строго и торжественно говорили: «Сезамъ, отворись!» Они все убѣждали бѣлый залъ, что старые, угрюмые, ржавые замки отвалятся, и темно чугунная дверь откроется, если бѣлый залъ будетъ единодушно вмѣстѣ съ ними также строго-торжественно и корректно говорить: «Сезамъ, отворись!»

Они устанавливаютъ хорошій тонъ въ Таврическомъ дворцѣ и учатъ, какъ вставать, гдѣ сидѣть, учатъ хорошимъ манерамъ, корректнымъ шагамъ. И высоко надъ собой воздвигли монументъ, строгій, торжественный и великолѣпный. Сорокъ вѣковъ и сорокъ тысячъ пирамидъ, и сфинксы, и наполеоны, и богдыханы, и прочіе, важные персонажи неотступно смотрятъ на новый монументъ. И монументъ понимаетъ и также неотступно смотритъ въ глубь прошлаго и въ пучину будущаго и, когда строгій торжественный тонъ бѣлаго зала нарушается и портится стиль, монументъ встаетъ и говоритъ:

— Такъ нельзя! Такъ нельзя говорить, такъ нельзя апплодировать.

На этомъ, на лидерахъ партіи и ихъ монументѣ, и оканчивается великолѣпіе русскаго парламента. Входятъ на трибуну периферическіе, не центральные люди партіи народной свободы: предсѣдатели земскихъ управъ, старые земцы и городскіе гласные, профессора, врачи, общественные дѣятели всѣхъ ранговъ. Я ихъ знаю или лично, или по слухамъ, и когда входитъ на каѳедру неуклюжій, тяжеловѣсный сюртукъ или пиджакъ, я вспоминаю ту своеобразную одиссею, которую продѣлывали долгіе годы эти мореплаватели русской жизни, хитроумные одиссеи. Я вспоминаю исторію каждаго изъ нихъ, ихъ долгую городскую, земскую и вообще общественную жизнь, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ аварій и кораблекрушеній, изъ Сциллъ и Харибдъ, изъ подводныхъ скалъ и нападеній пиратовъ, эту удивительную русскую жизнь, гдѣ только спеціально выработанное хитроуміе русскихъ одиссеевъ помогало имъ «черезъ пень колоду» протаскивать утлое суденышко дорогого имъ культурнаго и общественнаго дѣла. Не краснорѣчивы они. Съ огромнымъ опытомъ русской жизни, съ выработанной дѣловитостью, цѣпляясь за строго-провѣренные факты, поднимаются они къ общимъ идеямъ, и говорятъ они слова не яркія, не пирамидныя, но неотразимыя неотразимостью русскихъ фактовъ, горькія горечью русской дѣйствительности. Они вносятъ поправки, дѣлаютъ сообщенія по отдѣльнымъ вопросамъ. И карманы ихъ полны петиціями, просьбами, ходатайствами и запросами изъ мѣстъ, откуда они пришли, о томъ непереносномъ ужасѣ, который происхо-

дитъ на мѣстахъ, не смотря на великолѣпный бѣлый залъ, на блестящихъ ораторовъ Думы, не смотря на воздвигнутый монументъ, откуда съ высокаго мѣста несутся, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», увѣренія, что Дума есть правительство.

Когда они входятъ на каѳедру, эти великіе знатоки русской жизни, мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ они разскажутъ свою долгую трудную жизнь, борьбу за дорогое имъ общественное культурное дѣло, борьбу, не знавшую побѣдъ, а только одни пораженія. Разскажутъ, какъ долго ждали, какъ неустанно терпѣли они, какъ измывались надъ ними губернаторы и всякая администрація, какъ налетали на ихъ мирную, тихую работу лихіе наѣздники Зиновьевы, Штюрмеры и другіе славные сподвижники Сипягина и Плеве, какъ не утверждали въ должности, отдавали подъ судъ, а иногда и сажали въ тюрьмы и ссылали только за то, что они сумѣли оставаться честными и порядочными людьми во времена Плеве и Сипягина, за то, что они дѣлали хорошее культурное дѣло, что любили свою общественную службу,—преслѣдовали ихъ,—мирныхъ и смирныхъ, всегда ждавшихъ и терпѣвшихъ. Я все ждалъ, что они разскажутъ, какъ много они пережили, какъ они за эту долгую борьбу изжили себя и пришли сюда, обремененные неудобоносимымъ бременемъ прошлаго, скептическіе и невѣрующіе. Разскажутъ, что они устали жить и извѣрились въ жизнь, что ихъ душа полна негодованіемъ, и что они всѣмъ сердцемъ жаждутъ новаго будущаго Россіи, но что они не могутъ освободиться отъ старыхъ методовъ борьбы, отъ изученія вѣтровъ, отъ тѣхъ осторожныхъ, оглядывающихся шаговъ, что у нихъ, у людей старой жизни, нѣтъ новыхъ методовъ для новой борьбы, что они безсильны, не вооружены добыть это новое будущее.

Они не говорятъ этого; вмѣстѣ съ лидерами они выговариваютъ: «Сезамъ, отворись!» и дѣлаютъ видъ людей, намѣревающихся «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ разрушить существующій строй».

III.

Часто поднимается на трибуну гр. Гейденъ, быть можетъ, самая экзотическая фигура русскаго парламента. Средневѣковый нидерландскій государственный мужъ, только по ошибкѣ времени одѣтый петербургскимъ портнымъ въ обычный нивеллированный костюмъ,—этотъ одинъ изъ немногихъ западно-европейцевъ русскаго парламента выдѣляется въ немъ яркимъ колоритнымъ пятномъ. Мы помнимъ его предсѣдателемъ вольно экономическаго общества въ бурный періодъ жизни общества, благороднаго человѣка, корректнаго джентльмэна—предсѣдателя, никогда ни ставившаго цензуры рѣчамъ и только соблюдавшаго внутреннюю законность в.-э. общества. Теперь онъ сидитъ на правой сторонѣ, и за нимъ цѣлая

группа, встающая, когда онъ встаетъ, и сидящая, когда онъ сидитъ; но онъ одинокъ въ парламентѣ, одинокъ въ своей внутренней сущности. Изъ всего парламента онъ, быть можетъ, единственный представитель не только за страхъ, но и за совѣсть старой законности, онъ поднимается на трибуну не въ защиту стараго режима, но съ привычками мысли его и въ защиту старой законности. Кругомъ его бушуетъ море незаконно-законныхъ требованій народа, вскрывается вся беззаконная сущность законовъ стараго режима, злымъ демономъ бьется этотъ режимъ въ окна Таврическаго дворца, а Гр. Гейденъ все продолжаетъ свою неблагодарную, и печальную по своей неблагодарности, работу поддержанія старой законности, все стремится изъ стараго, грязнаго полукафтанья сшить новый чистый западно-европейскій сюртукъ. Это раздражаетъ, это гнѣваетъ людей, пришедшихъ въ Думу устранить старую законность, установить новую,—и гнѣвныя слова слышатся по его адресу. Гр. Гейденъ, быть можетъ, наиболѣе яркій показатель той эволюціи русскаго общества, которая совершилась за послѣдніе 3—4 года. Тогда онъ считался лѣвымъ, чуть не радикаломъ, теперь онъ считается правымъ, консерваторомъ. Въ существѣ онъ все тотъ же, онъ ничего не забылъ и ничему не научился. И вотъ онъ очутился «въ дурномъ обществѣ», и уродливая, черная тѣнь ложится на его сѣдую голову отъ тѣхъ темныхъ людей, которые сидятъ за нимъ, которыхъ онъ ведетъ за собою.

Входитъ на трибуну Аникинъ. У него широкія плечи, крѣпко сколоченная фигура и суровое, сумрачное, рѣдко улыбающееся лицо. Когда я въ первый разъ слушалъ его, онъ удивилъ меня тѣми, казалось мнѣ, не разсчитанными съ размѣрами зала звуками голоса. И было въ голосѣ его что-то пронзительное, звонко-звенящее, какъ у журавля въ небѣ, несущееся сверху, зовущее дальнихъ. Я невольно оглядывался на сидящихъ въ амфитеатрѣ бѣлаго зала депутатовъ, и мнѣ все казалось, что этотъ пронзительный голосъ несется не къ нимъ, а куда-то далеко - далеко надъ головами ихъ, за предѣлы этого зала. И когда онъ стучитъ по пюпитру, мнѣ кажется, что онъ призываетъ къ вниманію не сидящихъ здѣсь въ залѣ, а другихъ дальнихъ, далекихъ людей. Изъ культурнаго сюртука, изъ его учительскаго прошлаго встаетъ настоящій природный крестьянинъ, еще недавно дѣлавшій улья, разводившій пчелъ, сажавшій капусту. По-крестьянски выговариваетъ онъ Витте, по-мужицки выговариваетъ смертная казнь, сквозь литературные обороты рвется деревенская рѣчь, и мужицкое негодованіе, мужицкій гнѣвъ рвется изъ этого напряженнаго пронзительнаго голоса. У него нѣтъ красивыхъ оборотовъ и разсчитанныхъ жестовъ, но есть ясная и яркая, упорная, напряженная и неуклоняющаяся линія мысли, которая держитъ во власти слушателей. Мнѣ все кажется, что онъ съ величайшимъ усиліемъ сдерживаетъ себя, и я все жду, что этотъ высокій голосъ сорвется и выльется гнѣвъ и

негодованіе въ жестокихъ, страшно бьющихъ, не парламентскихъ словахъ. Изъ всей Думы этотъ суровый, сумрачный человѣкъ кажется мнѣ самымъ яркимъ представителемъ будущаго «мужика русскаго парламента».

Бѣгутъ на эстраду Родичевъ, Аладьинъ.

Я много разъ слышалъ Аладьина, искренно удивлялся и теперь удивляюсь, почему онъ не занялъ въ Думѣ того крупнаго положенія, которое, казалось мнѣ, естественно приличествовало ему. Мнѣ и теперь не понятно, почему такъ мало вниманія къ его рѣчамъ, почему никто—и радикальнѣе его говорящіе — не останавливаются такъ часто предсѣдателемъ, не получаютъ столько окриковъ: «довольно, довольно!» Я зналъ, что раньше, чѣмъ сдѣлаться депутатомъ, онъ долго жилъ въ Англіи, но забылъ объ этомъ и только недавно, послѣ одной его рѣчи, когда онъ, поднимаясь на носкахъ и опускаясь, словно подпрыгивая, строго-внушительно, неукоснительнымъ пальцемъ распредѣлялъ свою мысль между правыми и лѣвыми и министерской скамьей,--я вспомнилъ. Мнѣ пришли на память собесѣдованія въ Гайдъ-Паркѣ и Уайтъ-Чэпелѣ, на которыхъ мнѣ приходилось присутствовать, и уличные ораторы, выступавшіе на нихъ. Его Англія ушибла. И такъ крѣпко ушибла, что и сейчасъ въ русскомъ парламентѣ пахнетъ отъ него Гайдъ-Паркомъ, и талантливый, крупный ораторъ, кажется онъ чуждымъ русскимъ людямъ, не привыкшимъ къ форсированной жестикуляціи, къ пафоснымъ рѣчамъ.

Родичева ушибли не англичане, а болѣе древніе люди: Демосфены, Катоны и Цицероны. Я слушалъ его на предвыборныхъ собраніяхъ, когда уже выяснялась побѣда к.-д. Тогда онъ былъ ярче, колоритнѣе, былъ очень строгъ и справедливъ и все говорилъ: «Cartago delenda est»! Въ Думѣ онъ какъ-то поблѣднѣлъ, завялъ и сдѣлался, такъ сказать, менѣе страшенъ, но также строго и справедливо спрашивалъ министерскія кресла: Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra? Онъ тоже грозитъ пальцемъ и поднимается до высокаго пафоса, когда говоритъ объ оскверненіи устъ.

И Родичевъ, и Аладьинъ — прирожденные ораторы съ плюсами и минусами этой прирожденности. Н. К. Михайловскій какъ-то объяснялъ, что писатели бываютъ двухъ родовъ: тѣ, которые владѣютъ перомъ, и тѣ, которыми перо владѣетъ. Правильное относительно писателей, это опредѣленіе въ особенности примѣнимо къ ораторамъ, такъ какъ, повидимому, тамъ гораздо болѣе людей, находящихся во владѣніи слова, чѣмъ владѣющихъ словомъ, и, быть можетъ, извѣстная степень невладѣнія собой, способность возбуждаться отъ своего собственнаго слова, съ одной стороны, и необходимость присутствія толпы, наличность обстановки и момента, съ другой стороны, и есть необходимое условіе для прирожденныхъ ораторовъ,—для тѣхъ, которые не дѣлаются, а родятся, которые Божіею милостію ораторы. Доля этой «Божьей милости», несомнѣнно,

имѣется и у Родичева, и у Аладьина и, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ у кого бы то ни было изъ намѣтившихся думскихъ ораторовъ. Именно ихъ рѣчи выигрываютъ въ слушаніи и проигрываютъ въ чтеніи, именно у нихъ наименѣе удачными рѣчами являются тѣ, которыя говорятся съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и, мнѣ кажется, потому именно поблѣднѣлъ Родичевъ въ Думѣ.

Я вовсе не имѣю въ виду преуменьшать цѣнность того и другого. Эта способность возбуждаться моментомъ и своимъ собственнымъ словомъ, не творить волну, а вскакивать на гребень ея— большая вещь, и я мысленно представляю себѣ моментъ, когда волна поднимется высоко и подниметъ на себѣ людей, которыми владѣетъ слово, владѣетъ волна, и которые на моментъ, на мигъ только одни окажутся владѣльцами этой волны.

Входитъ на каѳедру правительство. Поднимается Стишинскій, застегнутый, церемонный, дисциплинированный, посѣдѣлый въ бояхъ, и говоритъ сдержанно, застегнуто, съ фигурами умолчанія,— говоритъ отъ древняго государственнаго писанія. Подымается Гурко, прогрессивный молодой человѣкъ, дрессированный на свободѣ, не церемонный, разстегнутый, и откровенно говоритъ безъ умолчанія отъ новой практики жизни, отъ дворянскихъ вожделѣній. Изумительное впечатлѣніе производили ихъ рѣчи,— впечатлѣніе изумительной скудости мысли, жалкой умственной безпомощности. И такое впечатлѣніе получалось не потому, чтобы рѣчи были очень глупы—онѣ были ни глупы, ни умны и принадлежали къ тѣмъ родамъ литературы, которые называются скучной литературой, а поражало отсутствіе чутья дѣйствительности, глубокое непониманіе историческаго момента и психологіи людей, собравшихся въ этомъ залѣ, отсутствіе государственной мысли, примитивность логики и элементарность психологіи. Въявь передъ страной, пославшей въ этотъ бѣлый залъ своихъ представителей, вскрывалось то «оскудѣніе центра», та немощь и изношенность пережившей себя государственной власти, за которой, - огромной и сильной,—всетаки предполагалось нѣчто большое и значительное.

И было жалко смотрѣть на сидѣвшихъ въ министерскихъ креслахъ людей, когда взошелъ на трибуну одинъ изъ лучшихъ представителей того типа ораторовъ, которые владѣютъ словомъ,— И. И. Петрункевичъ, и во всеоружіи мысли стегалъ ихъ жестокими бичами; когда входилъ на трибуну Герценштейнъ и во всеоружіи знанія, со всей силой своего анализа снималъ одно за другимъ тѣ убогія лохмотья, которыми эти люди прикрывали свою умственную наготу.

Выступленія министровъ и вообще членовъ правительства передъ Думой имѣли такое огромное въ революціонномъ смыслѣ значеніе, что я затрудняюсь въ достаточной степени его оцѣнить,— во всякомъ случаѣ большее, чѣмъ самыя пламенныя и радикальныя рѣчи думскихъ ораторовъ. Я говорю о значеніи этихъ выступленій

для крестьянъ. Нужно помнить и хорошо разобраться въ томъ, что значили и значатъ «власть», «правительство» для крестьянъ, да и для всѣхъ русскихъ обывателей, не втянутыхъ въ политику. Прежде всего это было чувство, а не мнѣніе. Люди чувствовали огромность государства россійскаго, необыкновенную сложность государственныхъ задачъ и невольно переносили эту сложность, это величіе государственныхъ задачъ на власть, на правительство, на людей, изъ которыхъ оно состоитъ.

Это было, повторяю, чувство, а мнѣніе выражалось въ такой общепринятой формулѣ: «Эдакую махину управить большого ума требуется!» Инстинктъ общественности облекалъ людей правительства заботой объ общемъ благѣ, думой объ общемъ, думой о государствѣ въ цѣломъ, но главное содержаніе представленія о власти и правительствѣ заключалось именно въ этомъ всеобъемлющемъ могуществѣ, въ этой злой или доброй, но непремѣнно силѣ. И это смутное представленіе объ огромной таинственной силѣ и вызываемое ею чувство смутнаго страха висѣло надъ деревней, надъ глухой Россіей, какъ кошмаръ, какъ тяжелая гиря. И вотъ таинственность исчезла. Эти, окруженные мистическимъ ореоломъ силы и большого ума, люди явились передъ народомъ, и оказалось, что это—обыкновенные люди, даже маленькіе люди, что нѣтъ въ нихъ ничего страшнаго, и оказалось пустое мѣсто тамъ, гдѣ предполагалось огромное содержаніе. Какъ въ сказкѣ Андерсена про новое платье короля, крестьяне вдругъ увидѣли—министры сами сняли съ себя платье въ Думѣ,—что нѣтъ пышныхъ одеждъ, которыми они облекали людей правительства, увидѣли, что они голые, и что это обыкновенное тѣло, не очень сильное, не очень красивое и не очень чистое.

Это произвело ошеломляющее впечатлѣніе на крестьянъ. Я говорю о тѣхъ депутатахъ, которые по существу не состоятъ ни въ какой партіи, а принадлежатъ къ огромной партіи только еще начинающаго сознавать себя крестьянства. Сначала меня даже поразило, что рѣчи Стишинскаго и Гурко вызвали не негодованіе среди именно этихъ депутатовъ крестьянъ, а какое-то огромное веселье, неудержимый смѣхъ.

— Ахъ ты, братецъ ты мой,—говорилъ мнѣ въ колонномъ залѣ одинъ изъ такихъ крестьянъ,—ну и всыпали имъ.—Онъ все хлопалъ себя по бедрамъ, смѣялся и сквозь смѣхъ говорилъ:

— А мы-то въ деревнѣ думали! Вотъ-те и ми-ни-стры...

Они перебрасывались другъ съ другомъ пикантными, во истину веселыми, мѣстами рѣчи Гурко и смѣялись и радовались. Именно радовались, и я понялъ эту радость и веселье. Тутъ дѣло было не въ томъ одномъ, что пріятно и весело слушать, какъ всыпаютъ людямъ, да еще министрамъ,—это была радость по случаю своего освобожденія, по случаю освобожденія отъ темной тяжелой хмары, которая висѣла надъ ними. Я видѣлъ, какъ весело расправлялись

плечи, какъ веселымъ аллюромъ ходили ноги, какъ люди смѣялись надъ самими собой, надъ своими недавними страхами. Было въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ, опасавшійся ходить въ ночномъ быту въ темный боръ, по случаю лѣшаго, наполнявшаго боръ страшными звуками, вдругъ поймалъ на мѣстѣ преступленія филина. Какъ онъ сказалъ бы: «Ахъ чтобъ-те разорвало,—а я полагалъ—лѣшій!»,—такъ эти рядовые депутаты отъ крестьянъ говорили:

— А мы-то въ деревнѣ полагали! Вотъ-те и ми-ни-стры!

Исчезла вся таинственность, и вмѣстѣ съ нею и тотъ страхъ, который всегда порождается у темныхъ людей всѣмъ таинственнымъ. Я не имѣю свѣдѣній, но, повидимому, то же дѣйствіе имѣли эти министерскія выступленія и въ деревняхъ, на мѣстахъ. А крики: «палачи», «убійцы», «негодяи», «долой», «вонъ» только закрѣпляли веселыми нотами эту радость освобожденія.

Я повторяю: значеніе этихъ министерскихъ выступленій такъ огромно, въ смыслѣ революціонизированія низовъ Россіи, что его трудно учесть въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи много принесъ пользы Столыпинъ, очень помогли Стишинскій, Павловъ, Коковцевъ и Щегловитовъ, но особенно много внесъ въ сокровищницу русскаго освобожденія Гурко. Онъ удачнѣе всѣхъ разрушилъ всякую иллюзію общаго дѣла, общаго блага, государственной мысли, правительственныхъ людей. Съ большой талантливостью и убѣдительностью онъ показалъ крестьянамъ въ Думѣ и крестьянамъ въ Россіи, что это правительство только дворянское.

И всѣ они вмѣстѣ своей немощью мысли, своимъ откровеннымъ разъясненіемъ ихъ государственнаго міропониманія развѣяли по вѣтру тотъ престижъ правительства, старое смутное уваженіе къ нему: крестьяне увидѣли, что этакой махиной управляли люди безъ большого ума.

IV.

Только въ кулуарахъ можно узнать по настоящему рядовыхъ трудовиковъ. Тамъ, въ великолѣпномъ бѣломъ залѣ, они молчатъ. А тутъ по душамъ можно,—и они разговариваютъ по душамъ и, должно быть, наверстываютъ то вынужденное молчаніе въ бѣломъ залѣ: такъ страстно и весело свободны ихъ рѣчи.

Удивительное зрѣлище представляетъ огромный, неимовѣрно длинный колонный залъ во время перерывовъ и тѣхъ многочисленныхъ рѣчей, которыя говорятся только для того, чтобы на мѣстахъ прочитали, что и ихъ депутатъ не хуже другихъ прочихъ и тоже разговоры разговариваетъ. Рядъ кучекъ, рядъ митинговъ. Публика сборная. Тутъ есть яростныя барышни, молодые люди неопредѣленныхъ профессій, журналисты, партійные люди изъ про-

винціи и, конечно, депутаты—та особенная публика кулуаровъ русскаго парламента. Самые веселые митинги тамъ, гдѣ виднѣются малороссійскія свитки и чумарки. Гоголевское опредѣленіе и теперь вѣрно,—такія словечки запускаютъ тамъ, что степенному человѣку и слушать зазорно. Тоже весело и оживленно въ тѣхъ группахъ, гдѣ, такъ сказать, «жулика поймаютъ». «Жуликъ» разный,—въ сюртукѣ и въ поддевкѣ, часто полукупеческаго типа,—изъ депутатовъ и изъ пришлыхъ людей, случается и изъ ложъ-журналистовъ. «Жуликъ» начинаетъ обыкновенно съ того, что деревню очень хорошо знаетъ и что какъ лучше хлопочетъ. Про землю разсказываетъ, какъ чиновники при государственномъ земельномъ фондѣ сгонять будутъ съ насиженныхъ мѣстъ исконнаго крестьянина, на счетъ правъ, автономіи, свободъ подобныя же рѣчи... «Жулика» быстро распознаютъ,—барышни и молодые люди негодуютъ, а мужики хохочутъ и тотчасъ же разыскиваютъ точки соприкосновенія съ рѣчами Гурко, со старыми полицейскими вожделѣніями. И тѣ рѣчи, авторитетныя и убѣжденныя, которыя только что говорились въ бѣломъ залѣ отъ имени народа и во имя народа, удивительно преломляются здѣсь, въ этомъ колонномъ залѣ, получаютъ неожиданное освѣщеніе. Говоритъ украинецъ, — этотъ признанный индивидуалистъ,—кругомъ кучка разномастныхъ трудовиковъ:

— Вотъ они говорятъ: хутора заводить... Отрубные участки... Потомъ, можетъ, и подойдетъ. А теперь? Первое дѣло ребятъ учить, какъ же мы будемъ школы устраивать, ежели по хуторамъ разобьемся? Опять же попъ... крестить, то, другое, — невозможно! Нѣмцы ужъ на что, а и то у насъ другъ къ дружкѣ жмутся.

Другая группа. Говоритъ прибалтійскій человѣкъ: «Вретъ онъ все, — черносотеннецъ», — говоритъ онъ про прибалтійскаго депутата, только что распинавшагося въ бѣломъ залѣ за частную земельную собственность, какъ единственную мечту прибалтійскихъ крестьянъ, распинавшагося за непріемлемость для нихъ общенароднаго государственнаго земельнаго фонда, проектируемаго партіей народной свободы и трудовой группой.

Я долго стѣснялся подходить къ отдѣльнымъ группамъ, но депутаты-крестьяне,—именно сѣрые рядовые люди,—такъ жадно ищутъ слова и разъясненій, что невольно втягиваешься въ это всеобщее собесѣдованіе. Ловитъ меня знакомый депутатъ изъ житницы Россіи и, лихорадочно вглядываясь острыми глазами, спрашиваетъ:

— Какъ вы полагаете на счетъ жидовъ?

На мой недоумѣнный вопросъ поясняетъ:

— Въ нашихъ мѣстахъ ихъ нѣтъ. А между прочимъ тутъ большой разговоръ на счетъ ихъ идетъ. И, напримѣръ, тамъ...

Онъ не говоритъ, что на Кирочной, но я знаю, что спервоначалу онъ имѣлъ къ ней касательство.

Я высказываю свое короткое мнѣніе, но онъ не удовлетворяется

и все вытягиваетъ изъ меня дальше и дальше,—и мы ходимъ по длинному колонному залу, и приходится мнѣ говорить чуть не лекцію: и о пресловутой христіанской крови, и объ евреяхъ-внутреннихъ врагахъ, и объ еврейской эксплуатаціи, и о газетѣ, которая про все это «выписываетъ». Онъ слушаетъ, экспансивный и примитивный человѣкъ, и возбужденно говоритъ:

— Ахъ, ты, братецъ ты мой! все значитъ врутъ! Вѣдь вотъ какая исторія!

У него мужицкое лукавство и хитроуміе, я вижу, какъ онъ фильтруетъ мои слова, но я чувствую, вмѣстѣ съ тѣмъ, когда онъ вѣритъ и соглашается.

Подходитъ другой крестьянинъ, депутатъ одной изъ дальнихъ губерній, худенькій и удивительно моложавый, такъ напоминающій мнѣ знакомаго приватъ-доцента, сдержанный, застегнутый и совершенно не экспансивный. Только въ этотъ разъ онъ немного болѣе возбужденъ и веселъ.

— Знаете, только что телеграмму получилъ!

Онъ даетъ мнѣ прочитать телеграмму. Обычная телеграмма, какихъ много въ послѣднее время печаталось въ газетахъ, съ выраженіемъ сочувствія къ Государственной Думѣ и къ нему, моему знакомому, съ требованіемъ стойко держаться за свободы, за землю и волю и съ обѣщаніемъ, въ случаѣ чего, поддержать думу. И именно потому, что это была изъ обычныхъ телеграммъ, я сочувствую, но говорю спокойно: «радуюсь за васъ».

Тогда онъ возбуждается и необычнымъ для него, застегнутаго человѣка, тономъ говоритъ мнѣ:

— Да вы не понимаете! Обратите вниманіе,—тысяча подписей, все черносотенцы были! Большое это у насъ торговое село... Когда выборы шли, вотъ всего четыре мѣсяца назадъ,—вѣдь они совсѣмъ было земскую школу сожгли, меня предупредили, чтобы на улицу не выходилъ. Убить хотѣли. Дома не ночевалъ.

Онъ суетъ мнѣ телеграмму и все повторяетъ: «больше тысячи человѣкъ подписалось! Тѣ самые... Они...»

Онъ вынимаетъ изъ кармана сложенную аккуратно бумагу и говоритъ:

— Вотъ я статью хотѣлъ въ нашей газетѣ печатать... Какъ вы?—И онъ читаетъ мнѣ набросокъ дѣльной, серьезной крестьянской статьи, которая радуетъ меня не меньше тысячи подписей бывшихъ черносотенцевъ.—Онъ, несомнѣнно, крупнѣе средняго типа крестьянства, но онъ рядовой, не принадлежитъ ни къ какой партіи, кромѣ этой своеобразной политической партіи, называемой трудовой группой, и никогда не говоритъ въ бѣломъ залѣ.

Быть можетъ, наиболѣе своеобразное впечатлѣніе въ этомъ колонномъ залѣ производятъ ходоки, и наибольшее оживленіе вносятъ они. Это все тѣ же ходоки, которыхъ испоконъ вѣковъ посылала деревня въ Петербургъ, только пришли они не въ то мѣсто, куда

раньше ходили. И появленіе ихъ въ колонномъ бѣломъ залѣ то же, какъ и выступленіе министровъ, огромной важности явленіе. Очевидно, перемѣстился центръ тяжести въ народномъ сознаніи, и новое высокое мѣсто нашла деревня для посылки своихъ жалобъ, нуждъ, требованій, для посылки своихъ ходоковъ.

Они изумительны на фонѣ этого колоннаго зала Таврическаго дворца. Въ новыхъ лапоткахъ, съ художественно увитыми по рязански подвертками, загорѣлый и пыльный ходитъ по Таврическому дворцу молодой черноземный крестьянинъ. Съ мѣднымъ лицомъ и глубоко прорѣзанными морщинами, съ прямыми, какъ у дьячка, волосами, выцвѣтшими на солнцѣ неизвѣстнаго цвѣта, —рыжими, русыми или бѣлокурыми—стоитъ пожилой крестьянинъ и спрашиваетъ про дѣло, для котораго послалъ его міръ.

Съ городомъ у нихъ склока давняя изъ-за городской земли, которую они испоконъ вѣковъ арендуютъ,—и вотъ міръ порѣшилъ дѣло это, какъ должно, прикончить и послалъ его узнать въ точности, ждать ли имъ, какъ Дума обсудитъ, или самимъ управляться, своими средствіями.

Какой-то сѣрый господинъ почему-то раздраженно объясняетъ ходоку, что Дума тутъ ничего не можетъ сдѣлать, и что миссія его никчемная,—ходокъ смотритъ острымъ, пронзительнымъ взглядомъ на сѣраго господина, нетерпѣливо машетъ рукой и уходитъ за колонны, очевидно, ждать другихъ свѣдущихъ людей.

Ночью, крадучись, уходили эти люди изъ своихъ мѣстъ, чтобы не застигъ земскій, не остановилъ урядникъ, и несли въ Думу, какъ драгоцѣнность, въ новое высокое мѣсто свои наказы. Не одни наказы. Бродитъ одиноко между рядами колоннъ странный человѣкъ, обвѣтренный, запыленный. Одна нога у него въ сапогѣ, другая обернута какими-то тряпками, и кажется, прошелъ онъ долгій путь и натрудилъ ногу, и развалился его сапогъ. Съ братомъ у него исторія, съ старшимъ братомъ. Дѣлились они. И забралъ старшій братъ не треть, какъ полагалось ему, а половину имущества. И волостной его руку держитъ, и земскій, и даже губернія. Обходилъ всѣ мѣста и пришелъ въ Думу, такъ какъ въ ней онъ, навѣрное, найдетъ правду.

Они удивительные и съ удивительными дѣлами являются въ Думу. Къ моему знакомому, видному трудовику, приходитъ, именно приходитъ, такъ какъ изъ тысячи верстъ онъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ только малую часть, ходокъ, незнакомый человѣкъ, изъ чужихъ мѣстъ. Крестьянинъ изъ западной губерніи полу-русскій, полу-полякъ, онъ подаетъ ему бумагу, гдѣ пишется Іисусъ, Марія, сотвореніе міра и прочія мудреныя слова, и объясняетъ, что онъ узналъ о переходѣ земли народу, и что онъ далъ обѣтъ устроить въ своей губерніи большую, чтобы всѣмъ было видно, часовню *въ память перехода всей земли къ народу.* У него не хватаетъ денегъ, и онъ пришелъ просить, чтобы Дума

помогла ему въ этомъ всенародномъ дѣлѣ. Плана онъ не представилъ, но на томъ мѣстѣ, гдѣ были Іисусъ, Марія, былъ рисунокъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ украсить куполъ этого будущаго народнаго памятника. Вѣтка съ тремя листьями: на одномъ листкѣ написано «земля и воля», на другомъ листочкѣ — «всеобщее избирательное право», а на третьемъ листочкѣ—«свободы»—какія, не помню.

Только здѣсь, въ этомъ колонномъ залѣ митинговъ, начинаешь понимать, чѣмъ сдѣлалась Государственная Дума для крестьянства, для огромной массы населенія, и здѣсь начинаешь понимать всю ту огромную отвѣтственность, огромную трудность положенія трудовой группы. Трудно всей Государственной Думѣ, огромны требованія, предъявляемыя къ той же партіи народной свободы, и я не знаю, работаетъ ли такъ, не покладая рукъ, не зная отдыха другая аналогичная партія западно-европейскихъ парламентовъ, но трудность дѣла трудовой группы совсѣмъ особаго рода. То общество, тѣ слои, которые послали к.-д., ждутъ и способны ждать. Они посылаютъ своимъ представителямъ одобреніе и поддержку, они жалуются на всякія безобразія происходящія на мѣстахъ, и даютъ матеріалъ для запросовъ, но они ждутъ и способны ждать. Тѣ, кто послалъ трудовиковъ въ Думу, не ждутъ, не желаютъ и не могутъ ждать. Они шлютъ ходоковъ и требуютъ отвѣта: «Что же, когда же покончено будетъ съ землей?» Они требуютъ немедленныхъ указаній — какъ поступать съ помѣщичьими землями и въ какихъ формахъ забирать ихъ. И другая отвѣтственность, реальная и страшная отвѣтственность лежитъ на трудовикахъ.

Если рязанскіе крестьяне потребовали отъ кн. Волконскаго, чтобы онъ записался въ трудовую партію, то со своими крестьянами они еще проще говорятъ, еще откровеннѣе.

«Ты лучше не возвращайся въ деревню, смотри!..» И за одно подозрѣніе въ недостаточной близости съ трудовой группой и приверженности къ барамъ тульскіе односельчане собирались міромъ выселить изъ села жену и дѣтей своего депутата Петрухина.

Трудовики жалуются не непереносное бремя свое, жалуются на думскія рѣчи, на украшающія ихъ иностранныя слова, на всѣ эти «директивы», «кооптаціи», «концепціи», «координированія», «прерогативы», которыя стоятъ передъ ними, какъ рогатины, какъ порогъ, черезъ который не перескочешь; жалуются на тяжесть, огромность, новизну дѣла, которое приходится имъ дѣлать.

— Какъ вы думаете, отчего у васъ голова болитъ? — спрашиваю я польскаго крестьянина, пришедшаго ко мнѣ въ думскій врачебный кабинетъ полѣчиться.

— Думаю—отъ мыслей... Мысли трудныя,—отвѣчаетъ онъ.

И поясняетъ, что, конечно, и дома нужно было думать, но думы были обыкновенныя, домашнія, привычныя, а здѣсь приходится думать мысли новыя, трудныя мысли. И думаешь весь день съ

утра и до ночи и ночь всю. Онъ мнѣ высчитываетъ: утромъ комиссія, потомъ Дума до 7—8, а потомъ трудовая группа или автономисты—онъ ходитъ туда и туда.

— Ляжешь въ часъ, а мысли изъ головы не уходятъ, а въ 4—5 утра непремѣнно проснешься.

— Всю жизнь,—какъ-то особенно страстно выговариваетъ онъ,—съ малыхъ лѣтъ въ 4—5 встаемъ мы на работу.

Большой серьезный великороссъ-крестьянинъ, съ волосами въ скобку, почтенный человѣкъ, тоже страдаетъ головными болями, безсонницей и приводитъ мнѣ тѣ же аргументы:

— Разминки нѣтъ,—вытягиваетъ онъ мнѣ свои большія мускулистыя руки.—Круженіе даже въ голову вступать стало. Лѣто вѣдь теперь, самая работа. А съ своего то мѣста все пишутъ, телеграммы даютъ... Такая завируха идетъ...

У к.-д. мысли трудныя, но мысли для нихъ не новыя, мысли привычныя.

V.

Первыя думскія впечатлѣнія давали мнѣ картину общности настроенія, однотонности, и только постепенно начинали вырисовываться и отдѣльныя лица, и отдѣльныя группы, и опредѣленныя настроенія. И прежде всего настроеніе и тактика двухъ главенствующихъ въ думѣ группъ: партіи народной свободы и трудовой группы.

У нихъ разные методы мысли, разныя манеры дѣйствованія. Мнѣ кажется, партія народной свободы, по крайней мѣрѣ ея центральные люди, мыслятъ дедуктивнымъ методомъ, отправляются отъ общихъ положеній къ фактамъ жизни. Поднявшіеся съ низовъ трудовики мыслятъ индукціей. Отъ злыхъ, жестокихъ фактовъ жизни поднимаются они къ общей жестокой русской государственной дѣйствительности,—отъ земскаго начальника и стражника, отъ податей и земельнаго утѣсненія,—опытнымъ путемъ. Такъ въ политикѣ и наоборотъ въ соціальныхъ вопросахъ. К.-д. отправляются въ своихъ логико-психологическихъ положеніяхъ отъ сферы личныхъ и мѣстныхъ интересовъ къ государственной необходимости,—опытнымъ путемъ къ своей аграрной программѣ; трудовики—отъ общихъ, непреложныхъ, какъ религіозныя истины, народныхъ міроположеній къ реальнымъ условіямъ осуществленія этихъ міроположеній.

Когда говорятъ к.-д., мнѣ кажется, что они оперируютъ въ предѣлахъ этого бѣлаго зала, что они все оглядываются направо и налѣво, все расцѣниваютъ реальныя отношенія силъ бѣлаго зала, все ищутъ «равнодѣйствующую» линію поведенія, которая бы проходила черезъ всѣ группы, бережно шла между правыми и лѣвыми.

И если ихъ голоса поднимаются выше обычнаго тона, мнѣ

все кажется, что, какъ желѣзо къ магниту, тянутся они своимъ обычнымъ стародавнимъ притяженіемъ туда, гдѣ сидитъ правительство. Его хотятъ убѣдить, ему грозятъ, его соблазняютъ пріемлемыми соблазнами. И та вѣчная власть этой стародавней централизованной, еще недавно всепоглощающей и всеисчерпывающей власти, гипнотически, какъ глаза очковой змѣи, тянетъ къ себѣ ихъ мысль, ихъ волю, ихъ взоры. И упраздненная жизнью законность, такъ основательно, повидимому, ликвидированные старые методы продолжаютъ неотразимо и властно дѣйствовать надъ к.-д.: не желаютъ они выходить изъ предѣловъ законности, живы для нихъ старые методы...

Когда говорятъ трудовики, они менѣе всего учитываютъ реальныя отношенія силъ бѣлаго зала и нерѣдко—это ставятъ имъ въ упрекъ—вступаютъ въ коллизіи съ бѣлымъ заломъ.

Мнѣ все кажется, что не одинъ Аникинъ, а всѣ они говорятъ не этимъ скамьямъ, не тѣмъ хорамъ, не тѣмъ ложамъ справа и слѣва, а говорятъ они туда, въ глубину страны, которая шлетъ имъ наказы и телеграммы и загорѣлыхъ, запыленныхъ ходоковъ, и учитываютъ они реальныя отношенія силъ только тамъ, въ глубинѣ полей, степей, лѣсовъ. И то, что рѣжетъ глаза хоръ и другихъ креселъ и ложъ справа и слѣва, что производитъ такое шокирующее впечатлѣніе въ этомъ бѣломъ залѣ,—рѣзкія выраженія, не парламентскіе крики,—выходитъ оттуда же, изъ точки отправленія и изъ линіи направленія міроположенія, изъ полей, степей, лѣсовъ.

Тамъ не втерпежь, тамъ кричатъ, вопятъ, оттуда тянутся сжатые кулаки, несутся гнѣвныя угрозы.

И изъ того, что поля, степи и лѣса, пославшіе трудовиковъ, никогда не втягивались въ процессъ сотрудничества съ правительствомъ, всегда были только объектомъ воздѣйствія, и вся ихъ диффузія заключалась въ податяхъ и поставкѣ защитниковъ отечества, съ одной стороны, въ розгахъ и земскихъ начальникахъ, съ другой,—вытекали и большая освобожденность мысли, и меньшая связанность методовъ, которыя проявила трудовая группа. Они быстро пришли къ заключенію, что со всѣмъ тѣмъ старымъ государствомъ для нихъ дѣло кончено, что отъ всего того, что представляютъ центральные и периферическіе органы государства, ихъ отдѣляетъ непроходимая пропасть полнаго отрицанія, глубокой безнадежности, что имъ не съ чѣмъ и не зачѣмъ идти туда. Я никоимъ образомъ не хочу этимъ хвалить трудовую группу и порицать партію народной свободы за ихъ дѣятельность въ Думѣ. Глубокая разница чувствуется въ этихъ двухъ группахъ, рядомъ сидящихъ въ Думѣ. Сорганизовавшись внѣ Думы, уже какъ партія, вошли въ парламентъ конституціоналисты-демократы; компактно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ шла эта партія въ Думу и заранѣе обдуманныя, готовыя программу и тактику несла она. И парламентская

фракція партіи была въ общемъ выше партіи, она вобрала въ себя наиболѣе крупныхъ представителей мысли, знанія и западно-европейскаго опыта.

Трудовая группа, прежде всего, группа, а не партія. Она не была даже группой, ея не существовало внѣ Государственной Думы. Крадучись, вопреки стихіямъ, изъ подъ тюремнаго замка, изъ «столь отдаленныхъ» мѣстъ ссылки, изъ-подъ сѣна и рогожки, которыми прикрывали крестьяне своихъ агитаторовъ, перевозя изъ деревни въ деревню, — проникли ихъ представители въ Государственную Думу. И я увѣренъ, что они первые оскорбились бы, если бы я сказалъ, что они выше народа, который послалъ ихъ. Только мѣстами, только какъ счастливыя исключенія, успѣлъ народъ послать своихъ лучшихъ, своихъ излюбленныхъ людей. Здѣсь, въ Думѣ сгруппировались они, сгруппировались на программѣ, платформѣ и тактикѣ мозолистыхъ рукъ. У нихъ нѣтъ того запаса мыслей и знанія, которымъ обладаетъ партія народной свободы, у нихъ не было знакомства съ западно-европейскимъ опытомъ, была не знакома даже парламентская техника. Въ 116-мъ номерѣ Невскаго проспекта, здѣсь, въ бѣломъ залѣ, наспѣхъ, знакомясь другъ съ другомъ, поучаемые наказами, приговорами, телеграммами, письмами, которыми неустанно бомбардировала ихъ Россія, самоопредѣляясь своимъ прошлымъ, своими мозолистыми руками и тѣмъ могучимъ и страшнымъ самоопредѣленіемъ, которое совершается въ настоящее время въ Россіи, — они наспѣхъ, наканунѣ, между двумя засѣданіями вырабатываютъ свою программу, свою платформу, свои тактическіе пріемы.

И если для однихъ служитъ формулой: «воля и земля», то для другихъ: «земля и воля»; если въ партіи народной свободы есть люди, которые только вчера прибавили «и земля», то въ трудовой группѣ много людей, которые только сегодня прибавили къ своей исконной землѣ «и воля», и прибавили, въ значительной мѣрѣ благодаря усиленной пропагандѣ, производившейся министрами въ стѣнахъ бѣлаго зала. И здѣсь вскрывается настоящая сущность народнаго представительства — такова власть тѣсной связи трудовиковъ съ трудовымъ народомъ значительно померкли и поблѣднѣли имена, какіе нибудь три мѣсяца назадъ носившіяся надъ всей Россіей, а Аникинъ, Жилкинъ и Аладьинъ сдѣлались теперь народными героями. Я не хотѣлъ здѣсь выдавать похвальные или не похвальные отзывы, ставить высокій балъ трудовикамъ и плохую отмѣтку партіи народной свободы, — мнѣ хотѣлось возможно объективнѣе разобраться въ разницѣ этихъ двухъ позицій, двухъ тактикъ главенствующихъ группъ Государственной Думы. Исторія разсудитъ, кто изъ нихъ правъ въ условіяхъ даннаго историческаго момента: тѣ ли, кто не порвалъ съ прошлымъ, кто, учитывая настоящій моментъ, считаетъ возможнымъ приспособить къ новымъ условіямъ жизни старыя нормы дѣйствительности и, апеллируя за предѣлы

Таврическаго дворца, не выходитъ изъ предѣловъ Петербурга и его окрестностей, или тѣ, кто считаетъ, что старая законность кончилась и стала беззаконностью, кто считаетъ безполезными, вредными, гибельными всякія взаимоотношенія съ представителями старой законности, кто, апеллируя за предѣлы бѣлаго зала, обращается къ санкціи полей, лѣсовъ и степей,—къ санкціи народной воли.

Именно потому, что партія народной свободы и трудовая группа являются главными силами въ Государственной Думѣ, что они призваны «въ первомъ чтеніи» провести программу будущаго, я всегда боюсь крупнаго расхожденія по главнымъ вопросамъ этихъ двухъ группъ.

Я люблю моменты, когда бѣлый залъ дѣлается однимъ человѣкомъ—представителемъ русскаго народа, когда онъ гонитъ изъ своей среды людей стараго режима, когда выгоняетъ «палачей» изъ зала, когда всѣ крики, самые жестокіе, самые некультурные, являются самыми правильными, самыми культурными; меня волнуетъ несказаннымъ волненіемъ, когда Дума, какъ одинъ, вотируетъ амнистію полную, неограниченную, амнистію для всѣхъ, когда она, какъ одинъ, посылаетъ свой отвѣтный адресъ, отвѣтъ Россіи на тронную рѣчь, когда выражаетъ недовѣріе министрамъ отживающаго режима, когда она единогласно вотируетъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни всегда, вездѣ, при всякихъ случаяхъ. Это великіе, высокіе подъемы человѣческаго духа, духа русской родины, и ихъ не забудетъ, кто разъ испыталъ.

VI.

Да исторія разсудитъ. Но и намъ, современникамъ, дозволительно въ мѣру нашего разумѣнія попытаться взглянуть со стороны, исторически, на всю сложную панораму фактовъ, интересовъ и настроеній, хоть попытаться объективно намъ, живущимъ въ глубоко-субъективной, окровавленной дѣйствительности, разобраться въ сложномъ переплетѣ фактовъ, лицъ, партій.

Обычная ходячая фраза газетъ и трибунъ что правительство опоздало вообще и роковымъ образомъ опаздываетъ каждый разъ, тѣмъ самымъ лишая себя возможности воздѣйствовать на событія. Да, опоздало и опаздываетъ. Но вѣдь опоздала вся Россія. Та западно-европейская историческая постепенность постановки политическихъ и соціальныхъ вопросовъ—въ Россіи нарушена. Уже давно отмѣчено, что особенность настоящаго историческаго момента въ томъ, что политическій переворотъ одновременно встаетъ съ соціальнымъ переворотомъ, и великая русская революція—великая именно потому, что на нее упали бремена неудобоносимыя одновременнаго рѣшенія политическаго и соціальнаго вопроса. Россія опоздала вовремя рѣшить въ чистомъ, и потому сравнительно легкомъ рѣше-

нія, свой чисто политическій вопросъ, и когда онъ всталъ, наконецъ, въ мѣрѣ исторической необходимости и неотложности, онъ оказался осложненнымъ тяжелымъ грузомъ соціальнаго вопроса, къ тому времени сгрудились, оформились, организовались, тоже какъ историческая необходимость и неотложность, земельно-крестьянскій вопросъ, рабочій вопросъ.

Опоздала выйти на историческую сцену и конституціонно-демократическая партія. Она не успѣла или не хотѣла рѣшить политическій вопросъ во-время и пришла къ нему тогда, когда сгрудились, сцѣпились въ огромный запутанный узелъ не только всѣ тѣ вопросы, надъ которыми не одно столѣтіе работаетъ Европа, но и задачи, которыхъ практически не ставила исторія предъ Западной Европой, которыя приходится Россіи рѣшать безъ западно-европейскаго опыта, на свой страхъ, своимъ творчествомъ, —я говорю объ аграрномъ вопросѣ, о много - и разно-племенности Россіи, какъ государственнаго цѣлаго, о необыкновенной остротѣ государственной необходимости и исторической неотложности вопроса автономіи и федеративнаго государство-строительства. Я не хочу этимъ сказать, что на партію народной свободы падаетъ отвѣтственность,— именно сложность русской жизни въ значительной степени предуказала тотъ путь, къ которому пришла Россія въ настоящій моментъ, —я хотѣлъ только установить фактъ. Ей пришлось взять на себя бремена неудобоносимыя и написать на своемъ знамени не только либеральныя политическія требованія, но и соціальныя, вытекающія, по крайней мѣрѣ, изъ той же государственной необходимости. Это сразу предопредѣлило совершенно особенную позицію ея, какъ въ лѣвую, такъ и въ правую сторону. И прежде всего трудность той равнодѣйствующей, той тщательно отыскиваемой конституціоналистами-демократами средней линіи поведенія между правыми и лѣвыми Положеніе средней партіи, выгодное только послѣ революціи, когда утомляются и дезорганизуются правая и лѣвая, а средняя партія учитываетъ въ свою пользу преступленія правыхъ и героизмъ лѣвыхъ, всегда трудное и тяжелое во время самой революціи, особенно тяжело и трудно въ условіяхъ даннаго историческаго русскаго момента. Дѣло въ психологіи к.-д., о которой я писалъ въ прошлой книжкѣ: нѣтъ у нихъ *энергіи*, *желанія*, нѣтъ тона души, соотвѣтствующаго моменту, нѣтъ подходящихъ словъ. Но не одно это. Своими недоговоренными словами и недописанными главами она только раздражаетъ представителей крестьянъ и рабочихъ, и выдѣленіе трудно опредѣлимыхъ по своей сущности культурныхъ хозяйствъ встрѣчается, какъ лазейка, подвохъ, какъ затаенная мошенническая мысль, какъ измѣна. Съ другой стороны, правыми, т. е. сторонниками въ большей или меньшей мѣрѣ стараго режима,—правительствомъ въ частности,—партія народной свободы расматривается, какъ революціонная партія. И въ этомъ второмъ случаѣ правительство бе-

зусловно справедливо, и именно введеніе въ програму партіи рѣшенія аграрнаго вопроса, въ формѣ принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель, создаетъ совершенную невозможность государственнаго сотрудничества между этими двумя общественными группами: партіей народной свободы и правительственной группой.

Говоря о взаимоотношеніяхъ этихъ двухъ общественныхъ группъ, я не могу не остановиться подробнѣе на этомъ, именно теперь смутномъ, понятіи правительства, и эти взаимоотношенія не будутъ ясны, пока не будутъ раскрыты скобки этого трудно осязаемаго теперь слова: правительство. Уже давно оно—трудно опредѣляемое понятіе. Я помню еще во времена Плеве, а быть можетъ, и Сипягина, какъ одинъ носитель традицій славянофильства, долго прожившій въ деревнѣ, въ своемъ имѣніи, и вызванный въ Петербургъ въ какое-то министерство въ качествѣ свѣдущаго человѣка, такъ горестно резюмировалъ свои петербургскія впечатлѣнія: «Самодержавія нѣтъ! Самодержавіе расхищено!..»

Да, самодержавія давно въ Россіи фактически не существуетъ, давно оно расхищено по кускамъ и торгуютъ имъ оптомъ и въ розницу, но до послѣдняго времени понятіе правительство было болѣе или менѣе опредѣленно, и количество самодержцевъ подлежало извѣстному учету. Постепенно понятіе стиралось, рамки его раздвигались все шире и шире, самодержцы появились въ Варшавѣ и Кременчугѣ, въ Ригѣ и Борисоглѣбскѣ, въ Москвѣ и въ городахъ Кавказа, и на станціяхъ Сибирской желѣзной дороги, и публика, широкіе слои общества, потеряли ясное представленіе о томъ, что такое правительство. По старой памяти, по неистребимой потребности найти виноватаго, говорятъ: Побѣдоносцевъ, Плеве, Витте, Дурново, Треповъ. Рамки пониманія раздвигались, стали говорить: «звѣздная палата», «камарилья», «нелегальное правительство», появились знаменитые «городовые и вахмистры по воспитанію и погромщики по убѣжденію»... Да, все это вѣрно: и вахмистры, и городовые, и Дурново, и Витте, и Треповъ, существуютъ и звѣздная палата, и камарилья, и нелегальное правительство, но вѣдь дѣло-то, конечно, шире и проистекаетъ не изъ злой воли отдѣльныхъ лицъ или даже камарильи—всетаки тѣснаго круга лицъ. Дѣло и проще, и сложнѣе.

Тутъ замѣшаны огромные классовые интересы, и въ правительство втянуто огромное количество представителей этихъ классовыхъ интересовъ. Правительство, какъ таковое, конечно, продолжаетъ существовать, но рядомъ съ нимъ въ непрерывной диффузіи, въ колеблющихся, трудно учитываемыхъ предѣлахъ близости и содружества сформировалось другое правительство, и это новое нелегальное правительство въ настоящее время -не отдѣльные люди, не камарилья, не звѣздная палата, оно—политическая партія. Въ нее вошли всѣ тѣ слои центральные и периферическіе, которые

кормились около престола и самодержавія, люди, связавшіе себя со старымъ строемъ, для которыхъ онъ является вопросомъ жизни и смерти, и прежде всего люди широкихъ земельныхъ латифундій и люди широкихъ латифундій политическихъ правъ. Эти люди, конечно, были и раньше, но они не были въ строгомъ смыслѣ партіей, такъ какъ они тогда съ полнымъ правомъ могли говорить l'état c'est nous. Съ 17-го октября и даже раньше, съ тѣхъ поръ, какъ начались разговоры о людяхъ, довѣріемъ всего населенія облеченныхъ, ихъ государственная позиція пошатнулась, и съ того времени они обратились въ политическую партію, они сдѣлались подпольной партіей, конспиративной партіей. И такъ какъ они объединились въ партію во имя разрушенія основныхъ положеній, намѣченныхъ въ манифестѣ 17-го октября, они сдѣлались революціонной партіей, по терминологіи ими установленныхъ законовъ—преступной партіей. Революціонная, вѣрнѣе, контръ-революціонная партія быстро усвоила должную методологію. У нея есть центральный комитетъ и петербургскій, у нея есть мѣстныя полуавтономныя организаціи, у нея есть свои нелегальныя типографіи, нелегальные склады нелегальныхъ изданій, имѣются прокламаціи и бомбы, и браунинги, и кинжалы, и свои «товарищи», и Суворинъ-отецъ, и бѣлостокскіе громилы, и Грингмутъ, и генералъ Алихановъ, и Ренненкампфъ и прочіе генералы и поручики, знаменитые въ битвахъ на внутреннихъ поляхъ сраженій, архіепископы Гермогенъ и Антоній и іеромонахъ Иларіонъ и пр., и пр.

Правда, у нихъ нѣтъ высокихъ идей, кромѣ классовыхъ интересовъ, которые Щедринъ опредѣлялъ широкимъ словомъ «утроба», у нихъ нѣтъ избирательныхъ вотумовъ страны, нѣтъ приговоровъ и наказовъ, и сами себѣ они посылаютъ телеграммы въ «Правительственный Вѣстникъ»; правда, они только несутъ смерть, не отдавая свою жизнь за чужую смерть; правда, за ними не стоятъ кадры людей высокой души, горячаго сердца, и во всякомъ случаѣ безкорыстныхъ людей, за сребренники нанимаютъ они свою революціонную армію, но классовые интересы ничуть не меньше императивны, чѣмъ высокіе идеалы и святыя слова, и сила отчаянія даетъ смѣлость ставить на карту все и рисковать всѣмъ, но наятые браунинги такъ же убиваютъ и подкупленные кинжалы также вонзаются въ человѣческое тѣло. Да, существуетъ звѣздная палата, но она—лишь исполнительный органъ широкой партіи и она до извѣстной степени демократически устроена, въ ней есть делегированные люди изъ государственнаго совѣта, изъ дворянскихъ съѣздовъ.

Она должна называться «партіей стараго режима». Ни «монархическій союзъ», ни «русское собраніе», ни «истинно русскіе люди», ни «бѣлое знамя», ни даже, самое вѣрное опредѣленіе, «союзъ активной борьбы съ революціей» не опредѣляютъ настоящаго загла-

вія. Это все выдуманныя для убѣжденія кого слѣдуетъ и на страхъ врагамъ разныя названія одной общей партіи стараго режима, понимаемаго въ томъ мужицкомъ смыслѣ, который, вмѣсто режимъ, выговариваетъ «прижимъ». Только съ такой поправкой будетъ правильно понято въ современномъ смыслѣ слово — правительство. И мнѣ смѣшно слушать рѣчи к.-д., когда они упрекаютъ министровъ въ томъ, что они сваливаютъ отвѣтственность на монарха, по конституціи не могущаго нести отвѣтственность, и, въ качествѣ крайняго аргумента, говорятъ объ опасности для династіи. И рѣчи Родичева смѣшны и комичны потому, что эти рѣчи несутся въ пустое пространство, нисколько не убѣдительны и не императивны для тѣхъ, кто ихъ слушаетъ. Если эта партія стараго режима раньше связывала себя съ самодержавіемъ, то теперь она самодержавіе связала съ собой; если раньше, высокимъ слогомъ выражаясь, она поддерживала тронъ, то теперь она требуетъ, чтобы тронъ поддерживалъ ее. Эти люди превосходно чувствуютъ, что такое классовые интересы, и прекрасно знаютъ, что все остальное—надстройка надъ ними. И если бы имъ жизнь категорически поставила вопросъ: монархія безъ нихъ или они безъ монархіи,—они, не колеблясь, отвѣтили бы: «мы безъ монархіи». Если бы серьезно поставленъ былъ вопросъ о выборѣ опасности для нихъ и для опасности династіи, они, не колеблясь, предоставили бы опасность династіи. И если бы династія погибла, ни одна искренняя слеза не скатилась бы съ ихъ глазъ. Я говорю: ни одна слеза, я говорю, что они выбрали бы «себя безъ монархіи» и опасность предоставили бы династіи, такъ какъ не вижу около престола ни одного человѣка, искренно преданнаго принципамъ монархіи, нелицепріятно любящаго династію, ни одного, кто подчинялъ бы свои сословные и классовые интересы принципамъ монархіи и интересамъ династіи. Я имѣю право говорить это, такъ какъ иначе люди правительства не истолковывали бы высочайшій манифестъ 17-го октября тѣмъ страшнымъ истолкованіемъ, которое они съ того дня по сей день давали и даютъ странѣ, они оберегали бы монархію и династію отъ вовлеченія ихъ въ свою личную борьбу, не обнажали бы передъ народомъ и не подвергали бы монархію и династію ежедневной, ежечасной и совершенно ненужной опасности, какой подвергаютъ всѣ они. И министры должны были бы тотчасъ же послѣ 13-го мая выйти въ отставку, должны были бы поступить такъ не въ силу логики, даже не изъ-за своей чести, а именно въ интересахъ охраны монархическаго принципа, во имя любви къ династіи.

Мы много видѣли неожиданностей, многія неожиданности ждутъ насъ еще впереди,—и прежде всего неожиданности въ тактикѣ и пріемахъ этой подпольной партіи стараго режима.

А конституціоналисты-демократы все говорятъ о сотрудничествѣ съ правительственной властью, все убѣждаютъ министровъ

уйти, все угрожаютъ опасностью для монархіи, династіи. Очевидно, они не понимаютъ всей революціонности своей программы, всей непріемлемости ея для партіи стараго режима.

Когда правительству говорятъ: «Мы демократизируемъ власть, мы уменьшимъ ваши права и увеличимъ права страны», — люди правительства негодуютъ и борятся, но всетаки понимаютъ, что у нихъ остается земля и собственность, объектъ фактическаго могущества, и у нихъ можетъ оставаться нѣкоторая надежда приспособиться къ новымъ условіямъ политическаго строя и использовать свою фактическую власть.

К.-д. не оставляютъ имъ этой иллюзіи. Партію народной свободы упрекаютъ въ томъ, что она стремится уничтожить только латифундіи и оставляетъ на мѣстѣ большую часть мелкаго, а можетъ, и средняго землевладѣнія, но ихъ программа, политическая и аграрная, бьетъ на смерть именно ядро той партіи,—собственниковъ земельныхъ латифундій и полунаслѣдственныхъ владѣльцевъ широкихъ латифундій политическихъ правъ.

А к.-д. все убѣждаютъ звѣздную палату уйти съ исторической сцены, поступиться своимъ настоящимъ и отрѣзать себя отъ всякаго будущаго, и на этомъ, между прочимъ, построена ихъ вся тактика, всѣ рѣчи ихъ ораторовъ. Они все цѣпляются за возможность легальныхъ формъ борьбы съ этой нелегальной правительственной властью. Они хотятъ, чтобы люди правительства сами себѣ рыли могилу и сами надъ собой панихиду служили.

Въ этомъ трагедія положенія конституціоналистовъ-демократовъ,—въ несоотвѣтствіи и несогласованности ихъ цѣлей и средствъ. Ихъ цѣль—глубокая перестройка государственной жизни и, прежде всего, уничтоженіе политической и соціальной роли тѣхъ, кто до сего времени составлялъ правительство. Ихъ методъ—дѣятельность только въ предѣлахъ помѣщенія Таврическаго дворца и не слишкомъ далеко отстоящихъ отъ него зданій, тщательное отгораживаніе отъ всего, что напоминаетъ понятіе революціонности, и непоколебимое желаніе оставаться въ предѣлахъ законности, какова бы она ни была. Въ ихъ распоряженіи остаются только одни средства,—работа съ тѣмъ же правительствомъ, обращеніе къ тѣмъ же органамъ власти, ожиданіе, что они уступятъ свою позицію и согласятся уйти со сцены жизни.

Есть еще другая трагедія, быть можетъ, болѣе глубокая, такъ какъ ихъ личная трагедія та, про которую поговорка есть: «изъ себя не выскочишь». Я уже говорилъ въ прошлой книжкѣ «Русскаго Богатства» о той долговременной диффузіи между правительственными слоями и тѣми, изъ которыхъ вышла партія народной свободы, о долгомъ, прискорбномъ гипнозѣ правительственныхъ словъ и мыслей, тяготѣвшемъ надъ русской жизнью, о томъ, что я называлъ методологіей к.-д. Я не ожидалъ, что мои горестныя предчувствія такъ скоро оправдаются, и не ожидалъ, что ихъ методологія проявится

съ такой демонстративностью въ той области, въ которой они казались мнѣ почти неуязвимыми,—въ политической области. Я имѣю въ виду ихъ законопроектъ о собраніяхъ и пренія, связанныя съ нимъ. Я не буду подробно останавливаться на отдѣльныхъ статьяхъ,—на той «верстѣ», которая, при территоріальномъ распредѣленіи Таврическаго и Зимняго дворцовъ, лишитъ фактически добрую половину Петербурга возможности устраивать митинги на открытомъ воздухѣ, «на непрепятствованіи движенію», при которомъ многіе россійскіе города, состоящіе изъ огромной площади (предназначенной для движенія) и тянущихся къ ней радіусами улицъ, будутъ вѣковѣчно лишены митинговъ на открытомъ воздухѣ; не буду останавливаться на этомъ смутномъ, допускающемъ расширительныя толкованія, правѣ полиціи закрывать собранія и отсутствіи хотя бы смутнаго намека на право русскаго обывателя привлекать полицію къ отвѣтственности за слишкомъ расширенное толкованіе ею своего права,—и отмѣчу, какъ самое характерное, только тѣ злополучные 24 часа, которые партія народной свободы считаетъ необходимымъ и неустранимымъ условіемъ для того, чтобы русскій обыватель, при будущемъ народовластіи, могъ собираться для обсужденія своихъ, иногда неотложныхъ нуждъ. И характеренъ тотъ единственный аргументъ, который приводили ораторы партіи народной свободы: «такъ принято въ хорошихъ домахъ, въ другихъ европахъ». Они прекрасно знаютъ, что тамъ перемѣстились центры тяжести власти, но государства продолжаютъ оставаться буржуазно-полицейскими. Свою политическую программу к.-д. продвинули далѣе многихъ западно-европейскихъ странъ, — доброе ли сердце, тактическія ли партійныя соображенія, государственная ли мудрость продиктовали имъ ввести въ свою программу рѣшеніе аграрнаго вопроса, но они имѣли смѣлость внести его, и въ этомъ далеко вышли впередъ за предѣльную линію западно-европейскаго государство-строительства.

Они имѣли разумъ и мужество по своему устроить свой русскій домъ, но «отречься отъ стараго міра» русской полицейской дѣйствительности они не могли. У нихъ не хватило силы выскочить изъ самихъ себя, освободиться отъ своей старой методологіи, отъ гипноза мыслей и словъ стараго режима, и здѣсь, въ этомъ элементарно простомъ вопросѣ, они сочли необходимымъ апеллировать къ старому опыту старой Европы, взять изъ него именно то, что уже въ значительной мѣрѣ отжило тамъ вѣкъ и потеряло смыслъ,—взяли именно полицейское существо государства.

Я глубоко вѣрю, что большинство партіи народной свободы никоимъ образомъ не желало этимъ законопроектомъ заковывать въ кандалы народную свободу, но тѣмъ яснѣе становится та личная и общественная трагедія людей партіи к.-д., о которой я говорилъ.

VII.

Для того, чтобы бросить камень въ далекую цѣль, нужно прежде всего, чтобы онъ былъ тяжелъ. Большой комокъ изъ пуха и перьевъ, какъ бы страшно ни размахивалась рука, упадетъ у ногъ бросающаго. Второе условіе достиженія камнемъ цѣли—сила мускуловъ бросающей руки. Важны, конечно, вѣрный глазъ, точно расцѣнивающій разстояніе до намѣченной цѣли, и энергія волевыхъ импульсовъ,—энергія желанія попасть камнемъ въ намѣченную цѣль. Это вѣрно и это нужно твердо помнить всѣмъ политическимъ партіямъ. Только полная гармонія тяжести бросаемаго, силы мускуловъ, вѣрнаго глаза и энергіи бросающаго дѣлаетъ достижимой намѣченную цѣль. Всякое же нарушеніе этой гармоніи,—въ смыслѣ ли перегруженія тяжести, въ смыслѣ ли ея легковѣсности, невѣрность глаза, недостаточность энергіи желанія, дряблость мускуловъ—обрекаетъ политическую партію или на безплодныя потуги, или безплодные широкіе размахи...

. . . .

Мнѣ не пришлось кончить моей статьи и развернуть эту схему въ должной широтѣ. Получилось извѣстіе о роспускѣ Государственной Думы, и нѣтъ ни силъ, ни охоты, нѣтъ возможности спокойно обсуждать далекія цѣли и средства ихъ достиженія, хоть сколько-нибудь объективно разбираться въ логикѣ развертывающихся событій. Глубоко субъективная, окровавленная русская дѣйствительность наполняетъ поле зрѣнія и гонитъ въ даль далекія перeспективы...

Мнѣ хотѣлось бы только приложить мою схему къ правительству и этому шагу его—роспуску Думы. Энергія его волевыхъ импульсовъ, энергія силы отчаянія—внѣ сомнѣній; но старый глазъ давно плохо видитъ; трудно сказать, насколько вѣрно учитываетъ правительство имѣющіеся въ его распоряженіи мускулы, но я допускаю возможность, что и безъ толку размахивающая рука успѣетъ перебить много народу; но одно для меня несомнѣнно, — легковѣсность камня, который бросаетъ оно. Съ той тяжестью, съ тѣмъ содержаніемъ, которое заключается въ обращеніи министра Столыпина къ периферическимъ властямъ, камень, такъ отчаянно бросаемый правительствомъ, не долетитъ до намѣченной цѣли, не успокоитъ взволнованнаго народа,—и упадетъ у ногъ бросающаго. Когда-то давно большая тяжесть лежала въ рукѣ правительства, изъ желѣза скована была она, но ржавчина времени изъѣла желѣзо, и только ржавая пыль осталась въ той рукѣ. И временно заполнитъ она воздухъ, но упадетъ къ ногамъ бросающаго.

С. Елпатьевскій.

Раскрытый тайникъ.

(Изъ поѣздки въ Шлиссельбургскую крѣпость).

I.

Широкая рѣка сдѣлала послѣдній поворотъ—и, какъ разъ посрединѣ ея, въ отдаленіи, ярко обозначились бѣлыя стѣны знаменитой крѣпости.

Помѣщается она на островѣ, отдѣляющемъ Неву отъ Ладожскаго озера, и основана еще въ XIV вѣкѣ новгородцами подъ именемъ Орѣшка. Съ тѣхъ поръ въ теченіе почти четырехъ вѣковъ Орѣшекъ (у шведовъ—Нотебургъ), въ виду важности своего военнаго и торговаго положенія, являлся яблокомъ раздора между Новгородомъ и затѣмъ его наслѣдницей Москвою съ одной стороны и Швеціей—съ другой. Не разъ происходили здѣсь долгія, жестокія осады и кровавые штурмы; и только съ окончаніемъ Сѣверной войны, когда русскими взяты были Кексгольмъ и Выборгъ и построены укрѣпленія Петербурга и Кронштадта, Шлиссельбургъ утратилъ, наконецъ, всякое стратегическое значеніе.

Въ другомъ совершенно родѣ его дальнѣйшая извѣстность въ русской исторіи, правильнѣе — въ исторіи нашего самодержавія. Сюда заточало оно своихъ соперниковъ и враговъ. Здѣсь погибъ Іоаннъ Антоновичъ; здѣсь томился Новиковъ, а затѣмъ и нѣкоторые изъ декабристовъ; но, главнымъ образомъ, Шлиссельбургъ прославился съ 1884 года, какъ могила героевъ «Народной Воли», съ именами которыхъ и будетъ всегда ассоціироваться его мрачная память...

Былъ яркій солнечный день, когда пароходъ нашъ присталъ къ лѣвому берегу Невы, на которомъ расположенъ *городъ* Шлиссельбургъ съ его ситценабивной фабрикой и 10 тыс. населеніемъ (въ томъ числѣ масса нищихъ и золоторотцевъ). Но не городъ, собственно, привлекалъ меня: я спѣшилъ на островъ, въ крѣпость, для чего и воспользовался первымъ предложившимъ свои услуги яличникомъ. Несмотря на тихую погоду, волны были настолько бурныя, что молодой, здоровенный дѣтина, исполнявшій должность нашего Харона, не поѣхалъ прямо черезъ проливъ, а долго старался грести вдоль берега, противъ теченія; одновременно выѣхавшій товарищъ его отнесенъ былъ теченіемъ далеко назадъ, и ему лишь значительно позже удалось достигнуть мѣста назначенія. Волны шумно пѣнились и бурлили, бросая лодку то вверхъ, то внизъ; было жутко... Впереди выдвигался изъ воды огромный камень,

и казалось, что какъ разъ на него перевозчикъ направляетъ лодку. Кто-то изъ компаніи, не утерпѣвъ, обратилъ на это его вниманіе.

— Такъ надо, — коротко отвѣчалъ парень, съ котораго уже градомъ катился потъ. И, дѣйствительно, возьми онъ немного лѣвѣе—теченіе унесло бы лодку.

— Вотъ назадъ ѣхать боязнѣй!—пояснилъ онъ съ улыбкой, и, признаюсь, не охотникъ до жуткихъ ощущеній, я искренно порадовался, когда на обратномъ пути, вмѣсто лодки, удалось поѣхать на пароходѣ...

Въ этомъ мѣстѣ пролива, соединяющаго Неву съ бурнымъ Ладожскимъ озеромъ, всегда не спокойно, а осенью налетаютъ такіе жестокіе штормы, что сообщеніе крѣпости съ городомъ прерывается зачастую на нѣсколько дней. Такіе же перерывы случаются, впрочемъ, и зимой въ сильныя мятели. На быстринѣ проливъ порою совсѣмъ не замерзаетъ, и тогда приходится совершать на саняхъ большой круговой объѣздъ... Нечего говорить, теплое во всѣхъ отношеніяхъ мѣстечко выбрало самодержавіе для своихъ недруговъ!

— Ну, а въ прежніе годы позволяли сюда ѣздить?—задалъ я вопросъ яличнику.

Парень широко осклабился и замоталъ головой.

— Ни-ни! Прежде, бывало, часовой сію же мунуту замашетъ рукой, закричитъ: назадъ!.. Вонъ, будка и теперь стоитъ, да только часовыхъ ужъ нѣтъ. Посты сняты!..

Въ самомъ дѣлѣ, на крутомъ берегу острова, недалеко отъ крѣпостной стѣны, виднѣлась пестрая сторожевая будка. Но что же это? Возлѣ нея стоялъ человѣкъ и махалъ намъ рукой и, казалось, кричалъ что-то... Значитъ, опять поставили часового?! Недоразумѣніе, однако, скоро разъяснилось: это стоялъ нашъ же товарищъ, пріѣхавшій наканунѣ и вышедшій навстрѣчу; онъ еще издали узналъ насъ и кланялся...

Вотъ, наконецъ, и грозная шлиссельбургская крѣпость!.. Къ этому самому мѣсту, къ этимъ воротамъ, въ темныя глухія ночи не разъ причаливала мрачная баржа съ закованными въ желѣзный переплетъ окнами, и цѣлая рать синихъ мундировъ высаживала на берегъ таинственныхъ плѣнниковъ, безгласныхъ, беззащитныхъ и безсильныхъ: одни пріѣзжали сюда на немедленную смерть, другіе—на многолѣтнюю страду заточенія въ казематѣ... И едва нога узника, волоча кандалы, ступала на роковой берегъ, какъ жандармы хватали его за руки и, точно спасаясь отъ чьей-то погони, точно сознавая всю преступность своего дѣла, бѣгомъ бѣжали въ ворота... Скорѣе! Скорѣе!

Я разсѣянно слушалъ, какъ называли попадавшіяся по дорогѣ зданія: манежъ, канцелярія, квартира доктора, церковь... Не то, не

то! Вотъ она, цѣль: направо — братская могила *), налѣво — кордегардія и кухня, прямо—«новая тюрьма», та самая, въ которой двадцать слишкомъ лѣтъ просидѣли мученики «Народной Воли»... Съ виду, какъ будто, ничего особеннаго въ этомъ небольшомъ, въ два этажа, каменномъ зданіи, состоящемъ изъ сорока тѣсно прижимающихся одна къ другой келеекъ-камеръ: каждая изъ нихъ, на мой взглядъ, миніатюрнѣе камеръ дома предварительнаго заключенія. Камеры Петропавловской крѣпости, сравнительно, гигантскихъ размѣровъ... Затхло, сыро... Но вѣдь лѣтомъ каменныя зданія, когда они пусты и необитаемы, всегда таковы...

Заключенные жили, главнымъ образомъ, въ камерахъ второго этажа, въ нижнемъ—помѣщались мастерскія. Когда идешь по галлереѣ верхняго этажа, то особенно ясно видишь и ощущаешь тѣсноту шлиссельбургскаго тайника, два человѣка не могутъ свободно идти здѣсь рядомъ: съ одной стороны стѣна и двери казематовъ, съ другой — натянутая веревочная сѣтка, предусмотрительно спасавшая заключенныхъ отъ попытокъ самоубійства... И назойливая мысль почему-то все время бродитъ въ моей головѣ: вотъ по этой самой узенькой галлереѣ проходили, бывало, важные, толстые сановники и генералы, наѣзжавшіе время отъ времени въ Шлиссельбургъ; имъ надо было протискиваться бокомъ, чтобы заглянуть въ дверной глазокъ, или зайти въ самую камеру... Впрочемъ, маленькій, юркій П. Н. Дурново проходилъ вполнѣ свободно, восторгаясь, вѣроятно, образцовымъ благоустройствомъ тюрьмы, надъ которымъ немало поработала его собственная фантазія...

— Здѣсь кто сидитъ?—спрашивалъ вполголоса сановникъ у сопровождавшаго его «Ирода». — А!.. Ну, какъ онъ себя ведетъ? Спокоенъ? Отлично! Отворите камеру...

Мы тоже отворяли камеры и тоже каждый разъ спрашивали у нашихъ чичероне, кто здѣсь сидѣлъ, кто умеръ... И овладѣвала порой жуткая иллюзія: вотъ увидимъ хозяина камеры?..

Но его уже нѣтъ. Пусто, тихо... На одномъ изъ оконъ бьется залетѣвшая съ воли большая желтая бабочка, и мнѣ подумалось: не духъ ли это какого-нибудь героя, вернувшагося посмотрѣть на мѣсто своихъ великихъ страданій?..

— Вотъ здѣсь жила Вѣра Николаевна... Здѣсь Лопатинъ... Новорусскій, Лукашевичъ... Антоновъ... Здѣсь умеръ Юрій Богдановичъ... А вотъ тутъ—Юрковскій... Тутъ сидѣлъ сумасшедшій Конашевичъ...

Кто-то, какъ будто, зарычалъ вдругъ или завизжалъ, заставивъ насъ вздрогнуть: это заскрипѣла ржавая дверь сосѣдней камеры, неосторожно кѣмъ-то прихлопнутая...

*) Въ ней похоронено около 200 русскихъ солдатъ, павшихъ при взятіи Орѣшка у шведовъ въ 1702 г.

— Тише, господа, тише! Не захлопнуть бы кого въ камерѣ... Ключей нѣтъ, и отсюда не скоро выберешься...

Послѣ такого предупрежденія мы уже не безъ робости заходили въ новыя камеры, съ опаской поглядывая все время, какъ бы кто нечаянно не захлопнулъ двери... Просидѣть тутъ взаперти нѣсколько часовъ—брр!..

Камеры маленькія, свѣтлыя, съ неподвижной желѣзной койкой и такимъ же желѣзнымъ столикомъ, надъ которымъ приспособлена электрическая лампочка на высотѣ, какую указывали сами заключенные; въ углу — водяной клозетъ (само собой разумѣется, что ни водопроводъ, ни электричество теперь уже не дѣйствуютъ). Единственное окно расположено въ верхней части передней стѣны, и чтобы заключенные не могли на него взбираться, подоконникъ сдѣланъ сильно покатымъ. Тѣмъ не менѣе, большинство узниковъ,— и даже женщины,—отлично умѣли это дѣлать: желаніе видѣть хоть тѣнь свободы превозмогало всѣ трудности... Впрочемъ, въ позднѣйшіе годы Шлиссельбурга, когда общеніе между арестантами было уже легализировано, и желаніе взлѣзать на подоконники утратило въ значительной мѣрѣ свою остроту, послѣдніе во многихъ камерахъ передѣланы были на обычный маперъ и служили помѣщеніемъ для ящиковъ съ цвѣтами.

Звонковъ совсѣмъ не было, и въ случаѣ нужды заключенный звалъ жандарма простымъ стукомъ въ дверь. По глубокомысленной идеѣ строителей Шлиссельбурга, арестанты и подозрѣвать не должны были о пребываніи рядомъ съ ними другихъ товарищей,—вотъ для чего нужно было отсутствіе звонковъ... Когда Грачевскій въ 1888 г. сжегъ себя, облившись керосиномъ изъ лампочки, то, кажется, самъ П. Н. Дурново придумалъ другую остроумную штуку—особаго рода желѣзную сѣтку (колпачекъ), въ которую отнынѣ замыкался резервуаръ лампы. Стекло осталось по прежнему свободнымъ; но если бы кому-нибудь изъ узниковъ пришло послѣ этого въ голову зарѣзаться этимъ стекломъ, вѣроятно, Петръ Николаевичъ придумалъ бы и еще какое-нибудь геніальное усовершенствованіе. Къ счастію, этого не случилось... За то огромная веревочная сѣть, какъ я уже сказалъ, отдѣляла второй этажъ тюрьмы отъ перваго, въ корнѣ пресѣкая соблазнъ кинуться съ галлереи внизъ головой на каменный полъ тюрьмы. Но среди искусно разставленныхъ сѣтей, западней и ловушекъ наиболѣе непріятной для издерганныхъ и безъ того нервовъ былъ стеклянный круглый глазокъ въ двери каждой камеры. Снаружи онъ закрывался особаго рода пластинкой, которая при самомъ осторожномъ отдергиваніи производила шуршащій звукъ, дававшій заключенному понять, что на него глядитъ отвратительный глазъ шпіона, лица котораго нельзя видѣть...

Съ тяжелымъ щемящимъ чувствомъ и вихремъ непередаваемыхъ мыслей и воспоминаній вышелъ я изъ холоднаго, затхлаго ящика новой тюрьмы на свѣжій, вольный воздухъ.

Для человѣка, которому довелось повидать не мало другихъ, порой въ десять разъ худшихъ, мѣстъ заключенія, зданіе этой тюрьмы само по себѣ не представляетъ ничего ужаснаго, но оно внушаетъ ужасъ витающими надъ нимъ страшными *воспоминаніями*. Люди, входившіе подъ эти своды, молодые, полные силъ и огня люди, знали, были увѣрены, что они уже никогда отсюда не выйдутъ, что здѣсь ихъ могила! И, дѣйствительно, если инымъ удалось всетаки дожить до вожделѣнной свободы, избѣжавъ разстрѣла, не наживъ чахотки, не сойдя съ ума, то вѣдь это было поистинѣ какое-то сумасшедшее, невѣроятное счастье! А для скольких другихъ Шлиссельбургъ остался тѣмъ кругомъ Дантова ада, на которомъ была роковая надпись: «Оставь надежду навсегда!..»

— Не желаете ли заглянуть въ подвалъ?

— А развѣ и тамъ что-нибудь было? Можетъ быть, карцеръ?

— Ровно ничего тамъ не было. Пустой подвалъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же смотрѣть?..

— Но всетаки... Въ публикѣ думаютъ, что тутъ былъ какой-то застѣнокъ...

Сгибаясь въ три погибели и свѣтя передъ собой, мы обошли всѣ закоулки большого и темнаго подвала, спотыкаясь о неровности пола и кучи набросанныхъ безпорядочно кирпичей и камней. Никакого застѣнка, дѣйствительно, нѣтъ... Ни дыбы и никакихъ другихъ орудій пытки...

— А что же это за ящики съ каменьями?

— А, это любопытная вещь. Это остатки минералогическихъ коллекцій, которыя составляли заключенные. Все главное давно уже увезено отсюда департаментомъ полиціи, но разныя мелочи остались.

Нѣсколько такихъ мелочей мы взяли себѣ на память...

Прямо противъ входа въ новую тюрьму, въ десяти шагахъ отъ нея,—кордегардія и кухня. Доступъ туда для заключенныхъ былъ строго возбраненъ, и ничего тамъ интереснаго не происходило, и, тѣмъ не менѣе, это, пожалуй, одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ Шлиссельбурга, доставляющее туристу минуту глубокаго удовлетворенія. Я имѣю, собственно, въ виду окна кордегардіи: когда идешь по тротуару мимо тюрьмы, то въ окнахъ этихъ, какъ въ зеркалѣ, видишь отраженіе собственной фигуры... Нечеловѣческую проницательность, дьявольскую порой хитрость и предусмотрительность обнаруживали шлиссельбургскіе церберы, но это заурядное физическое явленіе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ они упускали изъ виду... Дѣло въ томъ, что изъ этой же кухни жандармы носили пищу и въ старую тюрьму, когда тамъ находились заключенные. Но обитатели новой тюрьмы не должны были даже подозрѣвать о томъ, что тамъ кто-нибудь есть. И вотъ, хорошо зная, что послѣдніе несмотря на всѣ запреты и угрозы, взбираются на подо-

конники своихъ келій и смотрятъ на дворъ, «Иродъ» *) приказывалъ жандармамъ и здѣсь пускаться на хитрость: они должны были, выходя изъ кухни съ посудой въ рукахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, направляться спокойнымъ шагомъ прямо къ дверямъ новой тюрьмы, и только потомъ, выйдя изъ поля зрѣнія оконъ второго этажа, круто поворачивать къ старой тюрьмѣ, крадясь вдоль стѣнъ новой. Но окна кордегардіи, въ непреклонной вѣрности истинѣ, каждый разъ изобличали эту звѣриную хитрость тюремщиковъ: шлиссельбургскіе узники всегда знали о появленіи въ старой тюрьмѣ новаго жильца...

Пока компанія наша, смѣясь, обсуждала все это, я съ любопытствомъ глядѣлъ на лицо стоявшаго въ сторонѣ стараго жандарма, двадцать лѣтъ прослужившаго въ крѣпости: что оно выражаетъ—смущеніе, стыдъ, сожалѣніе о былой недогадливости? Но лицо оставалось, какъ маска, неподвижно и непроницаемо... Школа «Ирода»!

Прежде, чѣмъ отправиться въ старую тюрьму, мы заглянули въ трехъугольные дворики для прогулокъ, превращенные позже въ огороды; теперь они густо заросли бурьяномъ и стали почти непроходимы. Огородъ Г. А. Лопатина, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе одной особенностью: почва, приготовленная для посадокъ, значительно возвышается въ немъ надъ дорожкой, оставленной для прохода. Оказывается, эти насыпи остроумно сооружены были Германомъ Александровичемъ для того, чтобы не нагибаться при выпалываніи сорныхъ травъ... Вдоль всѣхъ огородовъ тянется высокой стѣной деревянная площадка, по которой расхаживали голубые соглядатаи, а за ней, еще выше, подымается каменная стѣна крѣпости, гигантское сооруженіе, дошедшее до насъ еще отъ временъ Великаго Новгорода. Мы взобрались и на эту стѣну, теперь совершенно пустынную, покинутую; а еще годъ тому назадъ по ней также расхаживали часовые, смѣнявшіеся каждые два часа. И при этихъ частыхъ смѣнахъ зловѣщимъ грохотомъ гремѣли каждый разъ тяжелыя желѣзныя ворота, заставляя узниковъ вздрагивать... Сейчасъ же за стѣной плескалось бурное озеро, немолчный шумъ котораго тоже былъ слышенъ въ тюрьмѣ...

II.

Старинная крѣпостная стѣна новгородско-шведскихъ временъ образуетъ, если не ошибаюсь, неправильный многоугольникъ, внутри раздѣленный такой же каменной стѣной на двѣ неравныя части; въ большей изъ нихъ помѣщаются новая тюрьма съ кухней, цер-

*) Такъ прозванъ былъ заключенными за свою безсердечную жестокость первый смотритель крѣпости—Соколовъ.

ковъ, канцелярія и другія зданія, въ меньшей—старая тюрьма, въ просторѣчіи именовавшаяся «сараемъ». Расположенный передъ ней довольно просторный дворъ, благодаря исполинскимъ стѣнамъ, производитъ впечатлѣніе глубокаго, мрачнаго, замкнутаго со всѣхъ сторонъ колодца. Въ послѣдній, сравнительно либеральный, періодъ тюрьмы, когда «сарай» былъ уже необитаемъ, какъ тюрьма, и отданъ заключеннымъ подъ мастерскія всякаго рода, въ ихъ же распоряженіе предоставленъ былъ и этотъ дворъ, и онъ весь пущенъ былъ подъ культуру растеній: все солнечное мѣсто отводилось парникамъ, въ которыхъ здѣсь насчитывалось до 35 рамъ. На этомъ же дворѣ выкопанъ былъ единоличными усиліями Н. П. Стародворскаго погребъ. Заглянувъ въ его темную глубину, невольно отдашь дань уваженія богатырскимъ силамъ и упорной настойчивости удивительнаго работника... Злые языки говорятъ, однако, что погребъ никуда не годился: вслѣдствіе отсутствія правильной вентиляціи, продукты въ немъ скоро плѣсневѣли и портились...

Не такое мирное назначеніе имѣлъ этотъ дворъ въ первый періодъ Шлиссельбургской крѣпости: въ 1884 г. тутъ повѣшены офицеры Рогачевъ и Штромбергъ и разстрѣлянъ Минаковъ; въ 1885 году разстрѣлянъ же Мышкинъ; въ 1887 повѣшено пятеро петербургскихъ студентовъ, подготовлявшихъ покушеніе на имп. Александра III: Ульяновъ, Генераловъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андреюшкинъ... Страшно думать объ этомъ! Несчастные юноши, за одинъ только замыселъ, не приведенный въ дѣйствіе, были хладнокровно умерщвлены здѣсь, въ этомъ мрачномъ колодцѣ, почти на порогѣ тюрьмы, подъ самыми ея окнами! И эта жестокая казнь совершена была не при какомъ-либо бурномъ, тревожномъ состояніи страны: революціонное движеніе, напротивъ, было совершенно подавлено, Россія пребывала въ вожделѣнномъ «спокойствіи»...

«Сарай» вполнѣ заслужилъ свое названіе: онъ теменъ, сыръ, непригляденъ... Всего одинъ этажъ, въ 10 камеръ. По какому-то темному корридору-лѣстницѣ съ неровными и неправильными плитами-ступенями мы поднялись въ знаменитую, устроенную въ прилегающей крѣпостной стѣнѣ, камеру Іоанна Антоновича. Большой, неправильный четыреугольникъ съ сводчатымъ потолкомъ и небольшимъ низкимъ окошкомъ въ желѣзномъ переплетѣ. Сыро, темно, жутко... Камера дѣлилась когда-то перегородкой на двѣ комнаты, изъ которыхъ задняя служила спальней царевича: тамъ одинъ изъ приставовъ крѣпости и закололъ его въ 1764 г. кинжаломъ во время извѣстной неудачной попытки подпоручика Мировича освободить Іоанна Антоновича и провозгласить императоромъ. Убійство это совершено было въ силу данной Екатериною спеціальной инструкціи, ясно предписывавшей шлиссельбургскому коменданту—никому не отдавать арестанта безъ именного высочайшаго повелѣнія, въ случаѣ же насильственной попытки освобожденія—умертвить. Для того, чтобы великая Семирамида сѣверныхъ странъ, за мудрость

и добродѣтель прославленная всѣми піитами современной Европы, могла спать спокойно, несчастный юноша-узникъ долженъ былъ уйти изъ жизни! И онъ ушелъ, не видавъ жизни, невиннымъ ребенкомъ попавъ сначала въ Холмогорскую тюрьму, а затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, проведя въ общемъ около 20 лѣтъ въ безчеловѣчномъ одиночномъ заключеніи, — по свидѣтельству современниковъ, не научившись даже говорить правильно и до конца оставшись ребенкомъ. Вотъ до какого чудовищнаго озвѣрѣнія доводитъ людей жажда самовластія!

Описывая впослѣдствіи друзьямъ-философамъ попытку Мировича освободить Іоанна, Екатерина съ ироніей называла ее «Шлиссельбургской нелѣпой», при чемъ о смерти царевича благоразумно умалчивала...

Съ возмущеннымъ сердцемъ спустился я внизъ, въ «старую тюрьму», и еще разъ зашелъ въ камеру, въ которой провелъ два-три послѣднихъ часа передъ казнью Степанъ Балмашовъ (2—3 мая 1902 г.). Говорятъ, онъ все ходилъ взадъ и впередъ по своей камерѣ, подолгу останавливаясь передъ окномъ. Наконецъ, явился смотритель съ вопросомъ, не хочетъ ли осужденный исповѣдоваться у священника. Балмашовъ отвѣчалъ, что онъ уже сдѣлалъ все, что считалъ нужнымъ сдѣлать, и въ священникѣ не нуждается. Тогда вошелъ палачъ Филипьевъ *) и, объявивъ, что долженъ связать ему руки, спросилъ, будетъ ли онъ сопротивляться.

— Нѣтъ, не буду, — отвѣчалъ Балмашевъ и, отвернувшись къ окну, спокойно заложилъ руки за спину. Палачъ приблизился и связалъ ихъ.

Въ такомъ видѣ Балмашевъ выведенъ былъ въ корридоръ тюрьмы, гдѣ уже собрались всѣ мѣстныя власти, жандармы и солдаты. Но висѣлица построена была не на большомъ дворѣ, гдѣ совершались перечисленныя выше казни, а на маленькомъ, прилегающемъ къ старой тюрьмѣ съ другой стороны, возлѣ наружной крѣпостной стѣны. Сюда привели Балмашова, — и все время, пока читался приговоръ и дѣлались послѣднія приготовленія, пока не былъ накинутъ на него саванъ,—онъ, высоко поднявъ голову, смотрѣлъ на небо. Молился ли онъ? Просто ли ему было противно глядѣть на толпу этихъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ, собравшихся глазѣть на его смерть?..

Балмашовъ — единственный изъ всѣхъ казненныхъ и умершихъ шлиссельбуржцевъ, похороненный не внѣ крѣпостной стѣны, а на томъ же дворикѣ, гдѣ происходила казнь. Случилось это потому, что на противоположномъ берегу пролива, гдѣ помѣщаются поро-

*) Арестантъ, осужденный на вѣчную каторгу за 7 убійствъ. Онъ же казнилъ позже Каляева... Телеграфъ сообщилъ на дняхъ, что уголовные арестанты одной изъ кавказскихъ тюремъ убили Филипьева, узнавъ, что онъ вѣшалъ революціонеровъ.

ховые заводы, происходили въ этотъ день какія-то работы на открытомъ воздухѣ, и начальство боялось, что рабочіе обратятъ вниманіе на похороны... Тутъ же, недалеко отъ висѣлицы, среди высокаго бурьяна вырыта была яма... Казненнаго опустили въ нее (кажется, положивъ всетаки предварительно въ гробъ) и засыпали известкой. Послѣдняя, по разсказамъ свидѣтелей, употреблена была только въ цѣляхъ дезинфекціи, а никакъ не для уничтоженія останковъ (молва говорила о негашеной извести). На стѣнѣ, возлѣ самой могилы, виднѣется надбитый кирпичъ,—единственный, сдѣланный кѣмъ-то, знакъ надъ мѣстомъ упокоенія юноши-героя...

Здѣсь умѣстно будетъ разсказать, какихъ два страшныхъ мѣсяца пережили передъ казнью Балмашева шлиссельбургскіе узники, обитатели новой тюрьмы. Кажется, въ февралѣ 1902 года М. Р. Попову удалось какимъ-то образомъ разговориться съ однимъ солдатикомъ-часовымъ, оказавшимся очень симпатичнымъ малымъ (періодъ былъ либеральный, и суровый когда-то надзоръ значительно ослабѣлъ), и ему пришло въ голову воспользоваться новымъ пріятелемъ для отправки на волю письма. Письмо къ матери-старухѣ было настолько невиннаго содержанія, что Поповъ не счелъ даже нужнымъ разсказать о своей попыткѣ товарищамъ. Между тѣмъ, солдатикъ съ письмомъ попался, и въ крѣпости начался страшный переполохъ... Большая часть мелкихъ послабленій, отвоеванныхъ постепенно заключенными, исходила отъ мѣстной шлиссельбургской власти; департаментъ полиціи, если и зналъ объ этихъ попустительствахъ, то не столько санкціонировалъ ихъ, сколько просто глядѣлъ на нихъ сквозь пальцы, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, что въ крѣпости будетъ сохраняться полная внѣшняя субординація и спокойствіе. Но совсѣмъ иначе долженъ былъ отнестись департаментъ, узнавъ о случившемся «скандалѣ», свидѣтельствовавшемъ объ ослабленіи режима,—и понятно, что, еще раньше того или другого указанія изъ Петербурга, шлиссельбургское жандармское управленіе поспѣшило подтянуть опущенныя бразды. Ничего не сообщая заключеннымъ о перехваченномъ письмѣ (Поповъ также молчалъ, самъ ничего не подозрѣвая), комендантъ неожиданно ввелъ въ обиходъ тюремной жизни цѣлый рядъ репрессій, хотя и мелкихъ, но крайне болѣзненно отозвавшихся на приподнятыхъ всегда нервахъ заключенныхъ. Они чутко насторожились... И вотъ, вечеромъ 2 марта, когда жандармы заглянули, по обыкновенію, въ дверной глазокъ С. А. Иванова, послѣдній, въ раздраженіи, закрылъ его изнутри кускомъ холста. Дѣлать это позволялось, и то въ исключительныхъ случаяхъ, только женщинамъ... Дверь отворилась, и повязка съ «глазка» была сорвана; но Ивановъ снова наложилъ ее. Препирательства продолжались долго. Наконецъ, жандармы ворвались въ камеру и начали вязать Иванова, чтобы отвести въ карцеръ... Но въ эту минуту съ нимъ случился эпилептическій припадокъ, сопровождавшійся страшнымъ крикомъ,

который привлекъ вниманіе всей тюрьмы... Заключенные, заподозривъ что одного изъ товарищей бьютъ, стучали чѣмъ попало въ двери, звали смотрителя, выкрикивали угрозы... Прибѣжавшій смотритель пытался ихъ успокоить; тѣмъ не менѣе, Ивановъ, не смотря на болѣзненный припадокъ, былъ всетаки связанъ и отнесенъ въ одну изъ нижнихъ камеръ, гдѣ и пробылъ до слѣдующаго утра.

Обстоятельство это не внесло, конечно, въ тюрьму примирительнаго настроенія; напротивъ, оно показывало, что начальство рѣшило серьезно воскресить старый режимъ, и что нужно или примириться съ этимъ, или дать немедленный отпоръ. Большинство заключенныхъ убѣждено было при этомъ, что виною всѣхъ репрессій — капризъ мѣстныхъ властей, и что необходимо какимъ-нибудь способомъ довести о немъ до свѣдѣнія центральнаго правительства. Съ этой цѣлью В. Н. Фигнеръ написала немедленно къ матери письмо, съ подробнымъ изложеніемъ послѣднихъ событій, хорошо зная, что письмо это не будетъ, конечно, отправлено по назначенію, но за то будетъ прочитано въ департаментѣ полиціи. И вотъ, когда смотритель, ротмистръ Гудзь,—человѣкъ, лично не внушавшій заключеннымъ особенной непріязни и не злой по природѣ,—пришелъ увѣдомить ее, что письмо не будетъ отправлено комендантомъ даже и въ департаментъ полиціи (не ясное ли,—казалось,—доказательство, что комендантъ хотѣлъ скрыть свое самоуправство?),—Вѣра Николаевна, не видя другого средства защитить товарищей, сорвала съ Гудзя погоны...

Случилось это 4 марта. Съ этого дня до конца мѣсяца тюрьма представляла настоящую могилу; заключенные безвыходно сидѣли въ камерахъ, не пользуясь даже прогулками... И только съ 30 марта, когда смѣнилось крѣпостное начальство,—прежняя дѣятельная жизнь начала понемногу возрождаться, хотя былая свобода уже не вернулась (совершенно возбраненъ былъ, напр., входъ въ старую тюрьму съ прилегающими къ ней двумя дворами, гдѣ находились парники, погребъ, мастерскія и пр.). Но главное—неотступнымъ кошмаромъ стоялъ все время вопросъ: что станется съ любимымъ товарищемъ?.. Сама Вѣра Николаевна казалась, какъ всегда, бодрой, живой, даже веселой, но и она предвидѣла, очевидно, возможность жестокой расправы. Никто изъ товарищей не заговаривалъ объ этомъ ни съ нею, ни даже другъ съ другомъ, но каждый и засыпалъ, и просыпался все съ той же неотвязно сверлившей душу мыслью: возможно ли, чтобы русское правительство забыло?.. Развѣ оно способно остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что передъ нимъ—женщина? А Перовская? А Сигида?..

Въ половинѣ апрѣля въ тюрьму проникъ смутный слухъ о большихъ студенческихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ (объ убійствѣ 2 апрѣля мин. вн. дѣлъ Сипягина ничего не знали); и почти одновременно замѣчены были какія-то работы въ старой тюрьмѣ: туда было доставлено нѣкоторое количество досокъ—не такой длины, какъ обык-

новенныя доски, привозимыя по заказу заключенныхъ для столярной мастерской прямо съ завода. И величина, и количество этихъ досокъ наводили на мысль о постройкѣ помоста для эшафота... Кто-то увидѣлъ затѣмъ, какъ въ «сарай» пронесли странный четыреугольникъ съ подвижной крышкой... Это могъ быть табуретъ для совершенія казни... Возбужденная мысль усиленно работала, силясь подыскать какія-либо болѣе успокоительныя объясненія; но какія? Высказывалось предположеніе, что въ старую тюрьму будутъ привезены новые арестанты, и что на маленькомъ дворикѣ отгораживается мѣсто для ихъ прогулки; четыреугольникъ, поставленный вертикально, могъ служить дверью въ этомъ заборѣ... Правда, очень маленькой дверью...

Такъ тянулись дни за днями въ кошмарномъ, подавленномъ настроеніи. Наконецъ, 2-го мая страшная загадка раскрылась. Рано утромъ этого дня М. В. Новорусскій, проходя изъ тюрьмы въ огородъ, наткнулся на странную сцену: смотритель, забывъ свой чинъ и возрастъ, опрометью бѣжалъ черезъ дворъ, а за нимъ слѣдомъ жандармъ... Было очевидно, что случилось что-то неожиданное, необычайно взволновавшее начальство... Спрошенный о причинѣ этой бѣготни, дежурный жандармъ пробурчалъ что-то неопредѣленное и явно уклончивое. Почти въ то же время П. Л. Антоновъ, часто имѣвшій привычку заглядывать въ окно своей камеры, изъ которой открывался видъ на главную дорогу отъ воротъ крѣпости къ манежу и канцеляріи,—увидалъ необычайное зрѣлище: къ канцеляріи приближалась цѣлая свита жандармовъ, и посреди шелъ молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, нѣсколько сутуловатый, но бодрый и веселый: онъ махалъ по направленію къ тюрьмѣ фуражкой и кланялся...

Вѣсть эта облетѣла тотчасъ же всю тюрьму; узники насторожились, прислушивались, ждали... Антоновъ почти весь день не сходилъ съ окна, и къ вечеру въ предѣлахъ его зрѣнія появились священникъ и другіе неизвѣстные ему чиновники. Ясно было, что готовилась казнь... Однако, онъ пропустилъ минуту, когда Балмашова переводили изъ канцеляріи въ «сарай»; случилось это, должно быть, въ двѣнадцатомъ часу ночи, когда Антоновъ задремалъ отъ утомленья. Вскочивъ затѣмъ, какъ отъ электрическаго толчка, съ койки, онъ увидѣлъ только хвостъ шествія. Всю ночь не покидалъ онъ послѣ этого своего наблюдательнаго поста, дожидаясь выноса тѣла казненнаго. Но подъ утро изъ воротъ старой тюрьмы вышли только участники экзекуціи, при чемъ солдаты отряхали съ себя известку...

Прибытіе Каляева въ маѣ 1905 г. усмотрѣно было тѣмъ же П. Л. Антоновымъ, и точно также случайно. Его провели въ манежъ. Вслѣдъ затѣмъ появился священникъ и другія неизвѣстныя лица,—признакъ того, что снова готовится казнь. Заключенные опять зорко стерегли моментъ, когда осужденнаго поведутъ въ

старую тюрьму... Но его туда не повели. Ночью увидѣли только, какъ за манежъ прошелъ взводъ солдатъ съ ружьями, и поняли, что казнь совершается тамъ же, за манежемъ...

О казни Гершковича и Васильева 20-го августа 1905 года шлиссельбуржцы узнали лишь по выходѣ изъ своей живой могилы. Оба сидѣли въ томъ же манежѣ и были казнены тамъ же, гдѣ и Каляевъ, при чемъ чрезвычайно любопытнымъ и характернымъ кажется мнѣ фактъ, что ни тотъ, ни другой изъ осужденныхъ даже не подозрѣвалъ о присутствіи рядомъ товарища: привезли обоихъ на двухъ разныхъ пароходахъ, посадили въ разныхъ камерахъ манежа, и лишь послѣ того, какъ трупъ одного былъ вынутъ изъ петли и отнесенъ въ могилу, другого вывели изъ каземата и подвели къ той же висѣлицѣ. Для чего и почему это дѣлалось? Неужели руководились тѣмъ формальнымъ основаніемъ, что судились Гершковичъ и Васильевъ по двумъ совершенно различнымъ дѣламъ и, быть можетъ, даже не слышали другъ о другѣ? Нѣтъ! я думаю, не простой чиновничій формализмъ кроется здѣсь, а особая планомѣрность жестокости, переходящей всѣ границы людского безсердечія и въ столь высокой степени свойственной нашей самодержавной бюрократіи... Экономическія и другія практическія соображенія заставляли совершить казнь въ одинъ день и въ одинъ часъ, но всѣ мѣры употреблены были къ тому, чтобы *не* облегчить осужденнымъ ихъ послѣднихъ минутъ отрадой общенія хотя бы и съ незнакомымъ товарищемъ...

III.

Я вышелъ изъ воротъ Шлиссельбургской крѣпости съ желаніемъ никогда больше не вступать въ нихъ. Слишкомъ близко еще проклятое прошлое, и мы связаны съ нимъ черезчуръ живыми нитями... Дальше, дальше!

Передъ глазами снова бурный приливъ, пристань... Но нѣтъ! Еще одинъ долгъ.

Мы взяли направо, вдоль крѣпостной стѣны. Вода подступаетъ къ ней совсѣмъ близко, оставляя лишь маленькую ленту сухой земли; послѣдняя расширяется только на поворотахъ, гдѣ двѣ расходящіяся стѣны смыкаются большой круглой башней. Одно изъ такихъ расширеній, близъ Королевской башни, и употреблено было попечительнымъ начальствомъ подъ кладбище политическихъ узниковъ. Ни одного креста, ни одного надмогильнаго холмика на этой полоскѣ земли, принявшей въ себя прахъ нѣсколькихъ десятковъ замученныхъ героевъ! Всѣ слѣды преступленія, какъ будто сознательно, истреблены и скрыты!

Пустынно кругомъ и тихо, только бурныя волны, не умолкая

ни на минуту, бьются о берегъ, на что-то жалуются, о чемъ-то тоскуютъ...

Пали всѣ лучшіе... Въ землю зарытые,
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли!
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли.
Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени славномъ молчитъ...
Выросла травка, былинка безсильная,
Долу склонилась—и тайну хранитъ.
Только свидѣтели—волны кипучія:
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ...
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку въ даль не снесутъ! *)

Здѣсь похоронено 28 человѣкъ: Минаковъ, Мышкинъ, Рогачевъ, Штромбергъ, Малавскій, Долгушинъ, Геллисъ, Ульяновъ, Генераловъ, Шевыревъ, Осипановъ, Андреюшкинъ, Арончикъ, Грачевскій, Исаевъ, Богдановичъ, Златопольскій, Буцевичъ, Кобылянскій, Буцинскій, Юрковскій, Немоловскій, Тихановичъ, Варынскій, Софья Гинцбургъ, Гершковичъ, Васильевъ и Каляевъ. Двадцать девятый—Балмашовъ—похороненъ рядомъ, но внутри тюремной ограды, и, наконецъ, тридцатый,—Клименко, который умеръ *первымъ* изъ привезенныхъ въ Шлиссельбургъ народовольцевъ (онъ повѣсился, кажется, всего мѣсяцъ или два проживъ въ крѣпости)—погребенъ на городскомъ кладбищѣ, чуть ли не съ соблюденіемъ христіанскихъ обрядовъ... Шлиссельбургское начальство сдѣлало это «по неопытности» и, говорятъ, получило изъ Петербурга страшный нагоняй. Съ тѣхъ поръ и стали хоронить казненныхъ и умершихъ шлиссельбуржцевъ отдѣльно, подлѣ крѣпостной стѣны, подъ бурный погребальный маршъ холодныхъ ладожскихъ волнъ.

У берега шумнаго моря, всѣ въ рядъ,
Сраженные смертью кровавой,
Покрытые вѣчною славой,
Борцы за свободу отчизны лежатъ!

Каляевъ,—послѣдній по времени покойникъ,—лежитъ съ краю, всѣхъ ближе къ Королевской башнѣ, и только его сравнительно свѣжая могила (10 мая 1905 г.) точно обозначена вбитыми кѣмъ-то въ землю колышками...

Мы долго стояли, молча; кто-то высказалъ, наконецъ, предположеніе, что освобожденный народъ перевезетъ отсюда дорогой для него прахъ въ особо устроенный пантеонъ. Другой горячо возразилъ на это:

— Ни за что! Не нужно тревожить... Здѣсь пусть лежатъ... Сюда будутъ пріѣзжать паломники!

---

*) В. Н. Фигнеръ.

— О, нѣтъ! Шлиссельбургъ такое проклятое мѣсто, что, я думаю, и мертвецы будутъ рады покинуть его. Надо вернуть ихъ на родину!

Разговоръ коснулся будущей судьбы всего Шлиссельбурга. Намъ сообщили, между прочимъ, о намѣреніи главнаго тюремнаго управленія, въ вѣдѣніе котораго крѣпость теперь переходитъ, построить здѣсь большую тюрьму для 800 уголовныхъ. Всѣхъ возмутила эта варварская затѣя, благодаря которой будетъ уничтоженъ одинъ изъ самыхъ святыхъ памятниковъ русскаго освободительнаго движенія...

— Затѣя, конечно, сумасбродная,—замѣтилъ одинъ изъ нашей компаніи,—но я бы не сталъ хранить Шлиссельбургъ въ теперешнемъ его видѣ. Все бы, все до тла бы спалилъ и разрушилъ, чтобы не осталось и слѣдовъ отъ этого разбойничьяго застѣнка!

Я горько задумался... Нѣтъ, я не хочу разрушенія; я свято сберегъ бы каждую пылинку Шлиссельбургской крѣпости, на поученіе грядущимъ вѣкамъ! Вѣдь нигдѣ, быть можетъ, и никогда въ исторіи не жили въ такомъ близкомъ и тѣсномъ сосѣдствѣ, какъ здѣсь, величайшее паденіе и величайшій подъемъ человѣческаго духа, черное злодѣйство и свѣтлая доблесть. Нѣтъ, Шлиссельбургъ долженъ стать великимъ историческимъ музеемъ, гдѣ будутъ учиться человѣчности народы всего міра!

Что касается спеціально затѣи главнаго тюремнаго управленія, то, надо надѣяться, она провалится по практической своей нелѣпости. Довольно напомнить, что частыя бури нерѣдко отрываютъ крѣпость отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ на 3—4 дня, а въ проектируемой тюрьмѣ будутъ помѣщаться нѣсколько сотъ арестантовъ и, быть можетъ, столько же конвойныхъ солдатъ. Чѣмъ же они будутъ питаться?.. Не говорю о томъ уже, что для помѣщенія здѣсь такого большого количества арестантовъ пришлось бы возводить новыя гигантскія постройки, совершенно игнорируя двѣ имѣющіяся уже тюрьмы...

Къ сожалѣнію, чѣмъ нелѣпѣе и безсмысленнѣе какой-либо планъ, тѣмъ больше шансовъ, что русское правительство серьезно станетъ его осуществлять. Какъ характерно, между прочимъ, что и теперь, когда ничего еще нѣтъ, и самый планъ будущей тюрьмы не выработанъ, уже строится... церковь (при существованіи рядомъ другой)! Она, впрочемъ, начата была еще въ прошломъ году, когда сидѣли политическіе.

— Это для васъ!—утѣшающимъ тономъ говорило имъ благодѣтельное начальство и—ужасно спѣшило, спѣшило...

Въ самомъ началѣ постройки сдѣлано было, однако, скандальное открытіе: церковь заложили на томъ мѣстѣ, гдѣ была когда-то клоака... По каноническимъ правиламъ это—кощунство... Къ «самому» Трепову (который считается истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ

христіанской церкви), ходила въ этомъ смыслѣ бумага, и въ результатѣ—новую церковь отнесли нѣсколько дальше.

Политическіе, между тѣмъ, покинули стѣны крѣпости; слѣдомъ, покинули ихъ и жандармы... Но на постройку церкви уже было ассигновано 17 тысячъ (около которыхъ вѣдь можно кой-кому погрѣться), — и вотъ въ пустынной, всѣми брошенной крѣпости, неизвѣстно для кого и зачѣмъ, она продолжаетъ строиться...

Возвращаясь берегомъ къ пристани, мы замѣтили въ углубленіи обрыва остатки какого-то костра, съ множествомъ обгорѣвшихъ и не догорѣвшихъ бумагъ. Невольно мелькнула мысль: ужъ не пытались ли здѣсь уничтожить какіе-нибудь слѣды?.. Уѣзжая, не спѣшили-ль сжечь нежелательные документы?.. Быстро спустившись въ обрывъ, нѣкоторые изъ насъ похватали эти бумаги и спрятали въ карманы. Но, увы! догадка оказалась слишкомъ ужъ наивной: въ бумагахъ ничего не было, кромѣ списка жандармовъ, бравшихъ въ разное время отпускъ и получавшихъ какое-то пособіе...

Прощай, Шлюшинъ! Навсегда! Или, по крайней мѣрѣ, до того дня, когда свободный народъ явится сюда почтить своихъ замученныхъ героевъ-борцовъ!

Л. Мельшинъ

Новыя книги.

Факелы. Книга первая. Спб. 1906 г., 211 стр. Цѣна 1 р.

Въ блокѣ поэтовъ, соединившихся подъ общимъ девизомъ въ сборникѣ «Факелы» (по типу сборниковъ «Знанія»), самое интересное положеніе занимаетъ, несомнѣнно, г. Александръ Блокъ. Еще не такъ давно—въ мартѣ 1906 г.—въ стихахъ и на страницахъ газеты «Слово» онъ увѣрялъ, что онъ совершенно невиненъ:

Оставь меня въ моей дали!
Я неизмѣненъ. Я невиненъ...

и что «парусъ воли бурной» отнюдь не тотъ парусъ, подъ которымъ собирается плыть г. Блокъ:

Еще не разъ въ тиши лазурной
Я буду плакать о тебѣ!

— предупреждалъ онъ того, къ кому обращался въ «Словѣ». А теперь г. Блокъ ни мало, ни много, какъ участникъ сборника

«Факелы», редакція котораго считаетъ необходимымъ предупредить своихъ читателей, что для нея «смыслъ жизни въ исканіи человѣчествомъ послѣдней свободы», — свободы, доведенной до высшаго предѣла!.. Эволюція со стороны г. Блока почти молніеносная.

Литературная задача, которую ставятъ себѣ поэты «Факеловъ», формулируется ими въ уже цитированномъ предисловіи: «Мы поднимаемъ нашъ факелъ во имя утвержденія личности и во имя свободнаго союза людей, основаннаго на любви къ будущему преображенному міру». Нѣсколько опредѣленнѣе эта задача характеризуется въ прозаичной сказкѣ г. Эрберга: «Порядокъ». —Міромъ, т. е. грязной, заплеванной гостиницей г. Эрберга долго управлялъ Порядокъ. Управлялъ, т. е. въ интересахъ управленія обрубалъ людей по имѣвшемуся у него аршину. Такъ продолжалось до пріѣзда въ гостиницу «особы поведенія легкаго» (?!), т. е. Свободы, которая призвала къ отвѣту самый Порядокъ, и рѣшительно обрубила его самого, оставивъ Порядку всего полъ-вершка роста. «Какъ увидали это жильцы, да какъ услыхали звонкій смѣхъ Свободы и вольныя слова ея, сейчасъ же попадставили себѣ недостающее (отрубленное Порядкомъ), и забилось у каждаго сердце человѣческое цѣльной любовью и ненавистью, и признали они въ Свободѣ свое Божество».

Уподобленіе свободы или даже Свободы, признанной людьми за Божество, особѣ легкаго поведенія приходится, конечно, отнести за счетъ неуклюжей игривости г. Эрберга, одинъ изъ товарищей котораго по сборнику (г. Сологубъ) заявляетъ за себя и за всѣхъ:

Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.

Противъ самаго же желанія г. Эрберга удѣлить въ жизни человѣка на долю порядка всего только полъ вершка, а все остальное предоставить свободѣ, едва ли можно возразить что-либо по существу или въ основномъ принципѣ. Весь вопросъ, конечно, въ конкретныхъ формахъ, въ которыхъ поэты «Факеловъ» должны были освѣтить возвѣщенный г. Эрбергомъ лозунгъ: не больше полу-вершка на долю порядка! Къ сожалѣнію (мы не сомнѣваемся въ искренности намѣреній у участниковъ сборника), именно съ этой стороны въ «Факелахъ» дѣло обстоитъ далеко не благополучно.

Порядку—не болѣе полувершка въ человѣческихъ отношеніяхъ. Это очень усердно подчеркивается всѣми участниками сборника; г. Валерій Брюсовъ на этомъ основаніи обращается къ «близкимъ» (въ переживаемый моментъ культурной исторіи) людямъ со слѣдующимъ предупрежденіемъ («Близкимъ»):

Нѣтъ, я не вашъ! Мнѣ чужды цѣли ваши,
Мнѣ страненъ вашъ неокрыленный крикъ.
Но въ шумномъ кругѣ, къ вашей общей чашѣ
И я бъ, какъ вѣрный, клятвенно приникъ!

Гдѣ вы—гроза, губящая стихія,
Я—голосъ вашъ, я вашимъ хмелемъ пьянъ,
Зову крушить устои вѣковые,
Творить просторъ для будущихъ сѣмянъ.
Гдѣ вы—какъ Рокъ, не знающій пощады,
Я—вашъ трубачъ, вашъ знаменоносецъ я.
Зову на приступъ, съ боя брать преграды
Къ святой землѣ, къ свободѣ бытія,
Но тамъ, гдѣ вы кричите мнѣ: „не болѣ!"
Но тамъ, гдѣ вы поете пѣснь побѣдъ,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать—я буду съ вами! строить—нѣтъ!

Все это очень серьезно и даже красиво и сильно, но все это немедленно же превращается въ каламбуръ, какъ только участники «Факеловъ» начинаютъ «строить» хотя бы собственныя произведенія, изъ которыхъ они создали «первую книгу» своего художественнаго евангелія о послѣдней свободѣ и утвержденіи личности. Ибо единственное требованіе, которому, на нашъ взглядъ, долженъ безпрекословно подчиниться читатель «Факеловъ», это—не требовать болѣе, чѣмъ полу-вершка логическаго порядка въ области содержанія самихъ произведеній (большинства) сборника.

Минимумъ требованій съ этой стороны читатель долженъ предъявить къ вышеупомянутому «Балаганчику» (такъ называется произведеніе г. Блока) и къ произведеніямъ Л. Зиновьевой-Аннибалъ и А. Ремизова, которые особенно, по точному выраженію г. Сологуба, «голосятъ, какъ умѣютъ». Вторая для одного изъ своихъ трехъ разсказовъ взяла содержаніемъ бредъ душевно-больного (въ точномъ смыслѣ этого слова): въ разсказѣ нѣтъ ничего, кромѣ безсвязнаго, хаотическаго бреда больного, который поочередно признается, что онъ былъ революціонеромъ-бомбометателемъ, что онъ «просто пьянъ» и потому не онъ пишетъ (записки), а «вино пишетъ... люблю его винище. Страсть люблю, когда этакъ захочется», и наконецъ—что онъ былъ посланъ «бунтъ усмирять». Но это не совсѣмъ «наконецъ», ибо дальше «еще наконецъ», въ разсказѣ фигурируетъ «она», которая подожгла кисею на люлькѣ, потому что не видѣла ясно ночью близорукими глазами. Непосредственно за этимъ оповѣщеніемъ читателя слѣдуетъ: «Да, будетъ онъ, міръ гармоніи! На небесахъ! Это въ каретѣ... У нея большіе бѣлки, и потому глаза кажутся молящимися... Глаза сгнили. Глаза сгнили... У животныхъ глаза. Знаете что: не нужно ѣсть животныхъ съ глазами». И т. д., и т. д. на семи страницахъ «Факеловъ»! Бываетъ ли такой спутанный бредъ у больныхъ, судить не беремся, но что онъ бываетъ напечатанъ во имя утвержденія личности въ «Факелахъ», читатель легко можетъ убѣдиться, прочитавъ разсказъ г. Зиновьевой-Аннибалъ: «Помогите вы».

Столько же нормальной логики и здороваго художественнаго смысла и въ разсказѣ г. Ремизова («Серебряныя ложки»). Нѣкто.

по фамиліи Пѣвцовъ, благодаря нелѣпому поведенію (по приглашенію допрашившаго его жандармскаго полковника, Пѣвцовъ обѣдаетъ съ нимъ, пьетъ вино, ѣдетъ въ театръ, потомъ на выставку, «послушать пѣвичекъ», и наконецъ... опять въ тюрьму, изъ которой онъ былъ привезенъ для допроса!), сначала заподозрѣвается въ шпіонствѣ, а потомъ и въ... кражѣ серебряныхъ ложекъ у своего пріятеля. Въ разсказѣ г. Ремизова Пѣвцовъ самъ не знаетъ, не укралъ ли онъ и въ самомъ дѣлѣ, и разсказъ кончается словами: «Онъ отыщетъ ихъ, долженъ отыскать... долженъ?» Мы думаемъ, что г. Ремизовъ только по излишней скромности приставилъ къ послѣднему слову знакъ вопросительнаго недоумѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ остается на высотѣ своего замысла и впослѣдствіи создастъ разсказъ о томъ, какъ Пѣвцовъ нашелъ-таки, роясь въ своемъ сундукѣ, ложки, которыхъ не кралъ. Ибо многое есть, другъ Горацio, что еще никогда и никому не приходило въ голову и потому должно быть напечатано въ «Факелахъ»... Должно быть напечатано, потому что

Вѣтеръ тучи носитъ,
Носитъ вихри пыли,
Сердце сказки проситъ
И не хочетъ были...

— какъ красиво увѣряетъ г. Сологубъ въ тѣхъ строчкахъ, которыя можно понять въ его стихотвореніи № 4.

У г. Осипа Дымова не хватило изобрѣтательности г. Ремизова, и онъ въ рамкѣ разсказа о томъ, какъ полотняная рубаха на заборѣ была удивлена прибытіемъ карательнаго отряда въ деревню (стр. 149: «Полотняная рубаха на заборѣ удивляется уже второй день»), воскресилъ старый анекдотъ о томъ, какъ мужикъ ничего не понималъ, пока ему говорили на словахъ, а какъ только стали честью просить—прикладомъ въ грудь—сразу понялъ. Герой этого анекдота *два дня* не хотѣлъ переѣхать въ бродъ черезъ рѣку, мостъ которой былъ занятъ солдатами, съ приказомъ никого не пропускать. Два дня онъ упрашивалъ солдатъ, пока не обозлилъ и не получилъ удара прикладомъ въ грудь. «Озадаченный такой встрѣчей,—повѣствуетъ г. Дымовъ,—онъ громко икнулъ и глядѣлъ, поднявъ брови. Потомъ проговорилъ, хлопая запыленную шапку (она свалилась отъ удара съ головы) о колѣно: «*Такъ бы и сказали.* А то жди. Третьи сутки. У ихъ присяга, а у меня телѣга», и т. д. Затѣмъ мужикъ немедленно переправился въ бродъ черезъ рѣку... Дальше за анекдотомъ слѣдуютъ другіе анекдоты (прекраснодушные), и все заканчивается разстрѣлами, а въ совокупности считается художественнымъ произведеніемъ, способнымъ пробуждать любовь къ будущему преображенному міру, какъ значилось въ предисловіи редакціи сборника.

Оазисами въ этой пустынѣ горделивой безвкусицы могли бы

быть два произведенія двухъ Л. Андреевыхъ: «Такъ было» подлиннаго Л. Андреева («Такъ было» см. выше «Литературные наброски») и «Проталина» имитированнаго Л. Андреева—г. Сергѣева-Ценскаго, если бы эта непроизвольная имитація со стороны послѣдняго (иногда очень внимательнаго и тонкаго наблюдателя-художника) не придавала характера несерьезности суммарному впечатлѣнію отъ обоихъ разсказовъ. Иногда читателю кажется, что передъ нимъ серьезно написанная г. Ценскимъ пародія на Л. Андреева, подчеркивающая всѣ особенности литературныхъ темъ и художественной манеры автора «Такъ было»,—все, начиная съ конструкціи и кончая словечками. Чтобы разсказъ былъ совсѣмъ интересенъ, нужно, конечно, чтобы въ немъ была достаточная доза мрачнаго: это въ «Проталинѣ» есть: на сценѣ еврейскій погромъ. Затѣмъ нужно сколько-нибудь проститутки: въ «Проталинѣ» это есть: герой-офицеръ боленъ, заболѣвъ отъ проститутки, у которой было «проклятое природой дряблое, скользкое тѣло». Если нужно еще изъ области половыхъ отношеній, и это есть: Бабаевъ, герой «Проталины» въ связи съ женой псаломщика, своего квартирнаго хозяина, и, когда она проходитъ мимо открытой двери, г. Ценскій замѣчаетъ: «Мелькнулъ *покорный животъ* той женщины въ платкѣ»... Конечно, разсказъ,—переполненный колоритными подробностями о томъ, какъ «двери кого-то глотали» (у г. Андреева башня глотаетъ звѣзду); о томъ, какъ «красный шиповникъ хохоталъ за окномъ» (у г. Андреева красный смѣхъ стоялъ за окномъ); о томъ, какъ во время погрома «стѣны визжали отъ страха»; о томъ, какъ глаза какого-то парня, возмущенно смотрѣвшаго на Бабаева, «съ размаха липнутъ къ лицу Бабаева»; о томъ, какъ два семинариста «бросили» свои лица въ глаза Бабаеву... и пр., и пр.,—кончается совершенно не-обычно. Бабаеву приходитъ мысль, что проститутка, отъ которой онъ заболѣлъ, была «тоже жидовка». Онъ этого не знаетъ — не помнитъ даже лица — но ему «почему-то нужно думать такъ», и *поэтому* онъ въ концѣ концовъ убиваетъ сумасшедшаго еврея, встрѣченнаго на улицѣ и оскорбившаго его, Бабаева.

Какъ видитъ читатель, общее впечатлѣніе отъ новаго идейнаго сборника резюмируется словами Чацкаго: дома новы, но предразсудки стары! Темы могли бы быть интересны, могли бы быть значительны; руководящій лозунгъ серьезенъ; но все губится и превращается въ беллетристическій каламбуръ по неволѣ старой, для участниковъ «Факеловъ», погоней за экстраординарностью впечатлѣнія.

Е. Милицына. Разсказы. Томъ I. Москва. 1906. 330 стр. Цѣна 1 р.

Гильоменъ. Исповѣдь простого человѣка. Пер. съ франц. А. Чеботаревской (Книгоиздательство „Дѣло"). Спб. 1906. 224 стр. Цѣна 70 коп.

Есть портреты, глядя на которые, какъ то вѣришь, что они похожи, хотя не знаешь оригинала. Они убѣдительны. Такъ убѣдительно изображеніе народной жизни въ разсказахъ г-жи Милицыной. Чувствуется, что авторъ въ томъ уголкѣ народной жизни, который ему удалось изучить непосредственно, сумѣлъ схватить черты быта и психики. Въ этомъ основное достоинство разсказовъ г-жи Милицыной; она говоритъ о томъ, что знаетъ. Но здѣсь же—какъ это ни странно — коренится и основной ихъ недостатокъ. Авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе тому, что знаетъ; на самомъ дѣлѣ то, что онъ сумѣлъ видѣть, не слишкомъ существенно. Это, впрочемъ, недостатокъ большинства произведеній изъ жизни народа: они перегружены этнографіей; психологія индивидуальная и просто человѣческая оттѣснена въ нихъ на второй планъ психологіей групповой. Это естественно: не потому, конечно, что въ простонародной средѣ, какъ думали нѣкогда, отдѣльная личность безъ остатка растворена въ общей массѣ, но потому, что слишкомъ ужъ рѣдко умѣніе индивидуализировать въ этой массѣ, которая такъ легко представляется однообразной. Естественно, что при этомъ изображеніи «мужика вообще» этнографія получаетъ доминирующую роль. Записная книжка, куда внимательный беллетристъ заноситъ всѣ услышанныя словечки, прибаутки, пѣсенки, получаетъ перевѣсъ надъ обобщеннымъ, творчески пережитымъ наблюденіемъ. Г-жа Милицына не только заставляетъ своихъ героинь повторять слышанныя ею причитанія; ея герои то и дѣло говорятъ фразы въ родѣ: «Такъ безъ дудки домой вернулись. Еще недѣли двѣ копоть отъ гасницы шла, а бабы, какъ вечеръ, такъ и ну мине грызть». Конечно, не мѣшаетъ иногда знать, что кой-гдѣ крестьяне называютъ дудкой ламповое стекло и гасницей лампу; но это хорошо мимоходомъ, а у г-жи Милицыной это отнимаетъ слишкомъ много вниманія. Между тѣмъ, это вниманіе цѣнно; разсказы, собранные въ лежащей предъ нами книжкѣ, показываютъ, что, сосредоточенное на широкихъ явленіяхъ темной деревенской жизни, оно способно дать ея живыя картины. Разсказы просты по замыслу и почти не выходятъ за предѣлы элементарныхъ, пожалуй, уже извѣстныхъ намъ отношеній. Но эти отношенія пережиты авторомъ наново; его деревенскій пьяница, деревенская любовь, деревенская учительница изображены съ новыми оттѣнками; не новы основы изображенія, но это не вина автора: вина той трагической неподвижности, въ которой ужасающія условія держатъ русскую деревенскую жизнь. Новыя явленія не выростаютъ въ этой жизни изнутри, органически, послѣдовательно, они вспыхиваютъ въ ней, благодаря внѣшнимъ потрясеніямъ. Жизнь идетъ катаклизмами; и

въ нихъ, наконецъ, исчерпывается безконечная сила приспособляемости, которую такъ легко называютъ деревенскимъ консерватизмомъ.

Консервативной считается деревня и на Западѣ, но какъ нужно движеніе этому консерватизму и какъ оно возможно въ немъ, показываютъ, напримѣръ, романъ изъ жизни баварскаго крестьянства, заканчиваемый въ настоящей книжкѣ нашего журнала, еще не переведенные «Жаки» Бома и лежащія передъ нами воспоминанія французскаго фермера. Эти безхитростные разсказы престарѣлаго дяди Тьеннона, обнимающіе всю его жизнь, произвели на родинѣ автора тѣмъ большее впечатлѣніе, что французская деревенская беллетристика, не исключая «Земли» Зола, по старой привычкѣ, изображаетъ крестьянскую жизнь «съ того берега», романтически прикрашивая ее то въ ту, то въ другую сторону. Жизнь старика Бертена охватываетъ послѣднія три четверти минувшаго вѣка, и разсказы его лучше всего рисуютъ ту эволюцію быта и взглядовъ французскаго крестьянства, которая тѣсно связана съ измѣненіемъ строя. Тьеннонъ былъ уже взрослымъ и женатымъ человѣкомъ, когда до деревни дошла вѣсть о концѣ іюльской монархіи; просто поразительно, до какой степени все это чуждо французскому крестьянину. «Нужда столичныхъ рабочихъ— разсказываетъ онъ — принудила ихъ возстать въ февралѣ мѣсяцѣ 1848 г. Викторія объявила мнѣ эту новость въ одинъ прекрасный день отъ лица г. Перье. Тогда я вспомнилъ, что въ тѣ времена, когда я былъ еще пастухомъ въ Гарибье, я слышалъ нѣчто подобное отъ пильщиковъ: Парижъ въ возстаніи, одинъ король низложенъ и замѣненъ другимъ, котораго звали Луи-Филиппъ, трехцвѣтное знамя смѣнило бѣлое и т. д. Когда я на другой день пошелъ разносить молоко, я разсказалъ эти воспоминанія г. Перье. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ настоящую минуту изгнали именно этого короля Луи-Филиппа, и что вмѣсто короля у насъ будетъ республика; онъ объяснилъ мнѣ разницу между этими двумя понятіями». Но это объясненіе не мѣняетъ политической позиціи Твеннона: «Въ деревнѣ обыкновенно мало интересуются правительствомъ. Стоитъ ли во главѣ Петръ или Павелъ, тѣмъ не менѣе въ тѣ же сроки надо сдѣлать тѣ же работы. Однако, на этотъ разъ перемѣна правленія произвела извѣстный шумъ. Республика сдѣлала, впрочемъ, доброе дѣло, за которое я былъ ей тотчасъ же благодаренъ, и не я одинъ: то была отмѣна налога на соль. За соль платили раньше пять или шесть су за фунтъ и ее экономили почти такъ же, какъ масло; теперь же она стала продаваться по два су за фунтъ...» Другое новшество, отмѣченное Тьенномомъ — введеніе всеобщаго голосованія. «Я зналъ, что городскіе рабочіе придавали этому большое значеніе, и позже я понялъ, что они были правы. Но въ эту минуту я не находилъ, чтобы право голоса имѣло столь же большое значеніе, какъ уничтоженіе налога на хлѣбъ». Паденіе второй имперіи также

мало задѣло крестьянина. Однако, подъ конецъ жизни, отдавая себѣ отчетъ въ прожитомъ, видя, какъ понемногу въ общественномъ строѣ осуществляется то, что казалось немыслимымъ, старикъ, столь далекій отъ доктринерства, чувствуетъ и называетъ себя прямо соціалистомъ. Правда, общество, основанное на принципахъ коллективизма будетъ, по его мнѣнію, «только тогда хорошо, когда каждый человѣкъ въ отдѣльности будетъ гораздо лучше, чѣмъ это есть,—почти совершененъ, а до этого еще далеко». Но общее владѣніе землей кажется ему осуществимымъ и желательнымъ, и въ пору деревенской агитаціи, вызванной выборами, онъ произноситъ цѣлую рѣчь въ этомъ смыслѣ...

Романъ Гильомена—хорошій образецъ деревенской беллетристики именно потому, что свободенъ отъ недостатка, отмѣченнаго нами въ началѣ. Его мужики не говорятъ «эссенціями», какъ называлъ эти подобранныя словечки Достоевскій; фольклористъ не найдетъ у него новыхъ матеріаловъ. Но романъ, какъ картина крестьянскаго житья, какъ психологическое изслѣдованіе простой и сосредоточенной мужицкой души, долго будетъ находить внимательныхъ читателей.

Густавъ Жеффруа. Заключенный. Жизнь и революціонная дѣятельность Огюста Бланки. Пер. съ франц. А. Израильсона и П. Теплова. Книгоизд. Глаголева. СПБ. (безъ года) 315 стр. Цѣна 80 коп.

Живая и яркая, иногда похожая на романъ, иногда доводящая живость изложенія до манерности, въ общемъ болѣе цѣнная собранными въ ней данными, чѣмъ выводами изъ нихъ, книга Жеффруа, въ сущности, имѣетъ полемическія цѣли. Авторъ несогласенъ съ обычнымъ представленіемъ о Бланки и всегда старается разбить то, что ему кажется легендой, сложившейся вокругъ имени знаменитаго французскаго революціонера: «Не только для враговъ, но и для друзей—говоритъ онъ по поводу роли Бланки въ осажденномъ Парижѣ—его духовный обликъ является искаженнымъ ходячими предразсудками о немъ. Этотъ легендарный Бланки представлялся какимъ то маньякомъ-конспираторомъ и бунтаремъ, не имѣвшимъ опредѣленной цѣли въ своихъ дѣйствіяхъ и стремящимся въ революціонномъ дѣлѣ только къ разрушенію. Лишь этотъ воображаемый Бланки и былъ извѣстенъ его современникамъ». И для нихъ, и для потомства Бланки это—прежде всего конспираторъ, инсургентъ, человѣкъ партіи. Жеффруа старается показать, что все это было, но было и иное, что по натурѣ Бланки былъ шире того, чѣмъ рисуютъ его выдающіеся моменты его жизни. Цитаты изъ его многочисленныхъ воззваній и статей, замѣчанія, брошенныя въ разговорѣ, дѣйствительно, раскрываютъ искателя и подчасъ скептика въ томъ, кого привыкли считать исключительно вѣрующимъ, законченнымъ бунтаремъ во что

бы то ни стало. Иногда кажется, что его равнодушіе къ соціалистической догмѣ—равнодушіе безусловно практическаго дѣятеля, который ставитъ себѣ опредѣленныя цѣли и не хочетъ связывать себѣ руки раздумьемъ. «Всѣ эти споры о возможныхъ формахъ будущаго общества суть ничто иное, какъ революціонная схоластика»: такъ объявляетъ Бланки молодому Полю Лафаргу, когда тотъ принесъ ему свою брошюру о коллективизмѣ и коммунизмѣ. Но ближайшее знакомство съ Бланки указываетъ, что это совсѣмъ не индифферентизмъ практика революціи, но сомнѣнія ея теоретика, по цѣлому ряду вопросовъ высказавшаго свои воззрѣнія, въ свое время шедшія въ разрѣзъ съ воззрѣніями большинства. Вотъ почему «этотъ революціонеръ среди своихъ безпокойныхъ друзей, нетерпѣливо рвущихся въ бой противъ имперіи, является не только организаторомъ, но и умиротворителемъ. Онъ ясно видитъ, какой могучій механизмъ предстоитъ разрушить, и боится слишкомъ поспѣшными дѣйствіями скомпрометтировать успѣхъ дѣла и будущую республику». И когда ошибка—безрезультатное выступленіе 14 августа 1870 г,—была совершена, Бланки сумѣлъ осудить ее. «*Я думалъ*»—говоритъ онъ—никогда не можетъ служить оправданіемъ и не избавляетъ отъ нравственной отвѣтственности. Сдѣлать по собственному почину невѣрный ходъ, когда дѣло идетъ о свободѣ цѣлаго народа—такая непоправимая ошибка, которую ничто не можетъ извинить». Любопытно, что и догматъ всеобщаго голосованія не нашелъ въ немъ безусловнаго приверженца. Новой французской республикѣ онъ, сидя въ осажденномъ Парижѣ, напоминаетъ, что «двадцать два года тому назадъ республиканцы дорого поплатились, и я боюсь, поплатятся еще больше за преждевременное осуществленіе идеала, прекраснаго въ будущемъ, но могущаго быть гибельнымъ въ настоящемъ. Народъ есть то, что сдѣлали изъ него воспитаніемъ. Онъ платитъ той монетой, которую пускаютъ въ обращеніе среди него. Воспитанный на предразсудкахъ, онъ дѣйствуетъ абсурдно, и требовать отъ него другого—значитъ ждать персиковъ съ ядовитаго дерева манцениллы». Мы отмѣчаемъ эту мысль не для того, чтобы оспаривать ее, что было бы не трудно, но для того, чтобы показать, какъ далекъ былъ отъ догматизма умъ этого революціонера, умъ по истинѣ революціонный. Другое направленіе дѣятельности—и онъ, несомнѣнно, проявился бы въ работѣ—не скажемъ, болѣе творческой, ибо кто же станетъ отрицать творчество въ дѣятельности Бланки,—но болѣе широкой и конструктивной. Трагедія его жизни заключалась въ томъ, что онъ былъ только конспираторомъ, тогда какъ долженъ былъ и могъ быть политикомъ. Его біографъ винитъ въ этомъ «злобу его враговъ и сектантскую исключительность его друзей»; но, кажется, роковыя условія политическаго безвременья были еще больше виноваты въ этомъ. Самъ Жеффруа оттѣняетъ то, что, «какъ только республика торжествовала, Бланки измѣнялъ методы

центры въ клѣточкахъ мозга». Этотъ отвѣтъ Тарда, очевидно, не можетъ считаться удовлетворительнымъ, ибо онъ здѣсь отожествляетъ два разнородныхъ и даже въ значительной мѣрѣ взаимноисключающихъ явленія. Стремленіе «пахать, копать землю, ткать и т. п.» есть выраженіе психическаго равновѣсія, когда существуетъ психическая система (хотя бы весьма несложная и бѣдная), въ которой всѣ (или почти всѣ) элементы гармонически скомбинированы. Наоборотъ, стремленіе грабить, убивать и т. п. есть выраженіе дезинтеграціи психической системы, когда высшій руководящій факторъ исчезъ (или никогда не существовалъ), и когда господствуетъ анархія первичныхъ инстинктовъ. Поэтому психическая болѣзнь, которая есть прежде всего разстройство душевной организаціи, и ведетъ къ убійству, воровству, по не ведетъ къ паханію земли и ткатью (Мы не касаемся здѣсь нѣкоторыхъ случаевъ истеріи, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко). Этимъ указаніемъ на роль низшихъ психическихъ образованій разстроенной душевной системы мы и хотѣли бы пополнить теорію Тарда.

Эта прекрасная книга, къ сожалѣнію, переведена неряшливо и неумѣло. Мы считаемъ нужнымъ отнестись къ этому переводу съ особенной строгостью, потому что онъ появился при такихъ обстоятельствахъ, которыя, повидимому, исключаютъ самую мысль о возможности плохого перевода. Въ самомъ дѣлѣ, книга не только издана высокоавторитетной московской «коммиссіей по организаціи домашняго чтенія», какъ XXIX томъ «Библіотеки для самообразованія», но, вдобавокъ, имѣетъ еще *двухъ* редакторовъ (ибо, согласно заявленію редактора перевода г-на Гернета (стр. XVI), авторъ предисловія прив.-доц. Н. Н. Полянскій держалъ «первую редакцію перевода»). И послѣ всего этого мы встрѣчаемъ вдругъ, напримѣръ, такія мѣста: «Въ общемъ мозговая локализація преступныхъ наклонностей *предполагается теперь тамъ, гдѣ нѣсколько ранѣе Брока предполагалъ мозговую локализацію всѣхъ умственныхъ способностей* (стр. 15). (Мы подчеркнули ошибочно переведенныя мѣста). Въ подлинникѣ читаемъ: «En somme, la localisation cérébrale des propensions criminelles en est aujourd'hui au point où en était, un peu avant Broca, la localisation cérébrale des facultés en général» (p. 226), т. е. авторъ говоритъ, что въ настоящее время спеціальный вопросъ о локализаціи преступныхъ наклонностей находится въ такомъ положеніи, въ какомъ до Брока находился вопросъ о мозговой локализаціи вообще. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 108) мы читаемъ, что въ столицѣ возникаетъ иногда страшная секта, которая наводитъ «такой страхъ даже на историка, что чаще всего онъ, *обладая не меньшей смѣлостью*, чѣмъ Тэнъ и Максимъ Дюкамнъ, не осмѣливается говорить того, что думаетъ». Въ подлинникѣ (p. 286) сказано: «à moins d'avoir le courage de M. Taine etc».

Мы могли бы привести еще много примѣровъ болѣе или менѣе полнаго извращенія смысла подлинника въ родѣ, напримѣръ, того, что на стр. 84 сказано, будто морскіе разбойники грабили «еще долгое время послѣ того, какъ горы уже были въ значительной части очищены отъ разбойниковъ, *а моря—вполнѣ*». Въ подлинникѣ (р. 271) сказано: «longtemps après que les montagnes sont purgées en grande partie de leurs écumeurs à elles, les mers restent entièrement infectées des leurs». Отмѣтимъ еще только, что на стр. 183 Григорій Турскій назвалъ Григоріемъ Туромъ, и прибавимъ, въ заключеніе, что отсутствіе оглавленія весьма затрудняетъ пользованіе книгой.

Проф. П. Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Перев. подъ редакціей и съ предисл. М. Андреева. Книгоиздат. «Просторъ». Спб. 1906 г. Т. I, VIII+92 стр., ц. 75 к.—Т. II, 205 стр., ц. 50 к.

Эльцбахеръ, I. Анархизмъ.—II. Р. Штаммлеръ. Теоретическія основанія анархизма. Перев. съ нѣмецк. Б. Яковенко. Изд. Б. В. Яковенко. Спб. 1906 г., 352 стр., ц. 1 р.

П. Эльцбахеръ. Анархизмъ. Пер. съ нѣмецк. Р. Стрѣльцова. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1906 г., 320 стр., ц. 80 к.

Есть вещи, о которыхъ говорятъ очень много и о которыхъ знаютъ очень мало. Къ числу ихъ, несомнѣнно, принадлежитъ и «анархизмъ». Это слово вы встрѣчаете безпрестанно и въ печати, и въ устной рѣчи, и на газетныхъ столбцахъ, и въ дебатахъ на митингахъ и собраніяхъ, и въ обыденныхъ разговорахъ; казалось бы поэтому, оно должно означать нѣчто хорошо извѣстное, по крайней мѣрѣ, большинству образованныхъ людей,—а между тѣмъ, рѣдко съ какимъ терминомъ соединяется столько смутныхъ, неопредѣленныхъ и порой совершенно фантастическихъ представленій, какъ съ названіемъ «анархизмъ». Мы не говоримъ уже о вульгарномъ представленіи объ анархизмѣ, какъ о какомъ-то жупелѣ, о чемъ-то безпредметно страшномъ, о господствѣ полнаго «безначалія», при которомъ каждый воленъ, ничѣмъ не стѣсняясь, распорядиться жизнью и достояніемъ каждаго изъ своихъ ближнихъ. Если мы поднимемся гораздо выше по лѣстницѣ политической образованности, то и здѣсь встрѣтимъ крайнюю путаницу въ сужденіяхъ о томъ, что называютъ «анархизмомъ».

Анархизмъ, какъ извѣстная научная теорія, смѣшивается съ тактикой политической партіи, заимствующей нѣкоторыя программныя предпосылки изъ ученій одной группы теоретиковъ анархизма, при чемъ и анархистскія теоріи, и анархистская практика получаютъ освѣщеніе, часто совершенно далекое отъ дѣйствительности. Очень сложное и разнообразное содержаніе ученій различныхъ представителей анархизма замазывается въ обычныхъ представленіяхъ сплошь одной густой краской, стираются не только

всѣ оттѣнки мнѣній, но даже и рѣзкія противоположности, а анархистъ-практикъ мерещится не иначе, какъ съ бомбой въ рукахъ, въ процессѣ «пропаганды дѣйствіемъ». Неясность и спутанность представленій объ анархизмѣ обнаруживается и въ научной литературѣ. Эльцбахеръ приводитъ длинный перечень противорѣчащихъ другъ другу опредѣленій анархизма, заимствованныхъ изъ посвященныхъ ему работъ европейскихъ писателей. Среди всей этой толпы грѣшниковъ онъ находитъ только двухъ праведниковъ — только двѣ книги (или скорѣе брошюры), написанныя съ полнымъ знаніемъ дѣла. Что же сказать о русской читающей (и пишущей) публикѣ, для которой, не смотря на то, что анархизмъ въ значительной степени *русская* теорія, работы отечественныхъ теоретиковъ анархизма оставались до послѣдняго времени въ большинствѣ своемъ книгою за семью печатями.

Превосходнымъ пособіемъ для того, чтобы разобраться въ этой путаницѣ и составить себѣ ясное понятіе о сущности анархическихъ ученій, можетъ служить работа Эльцбахера, названіе которой приведено въ началѣ настоящей замѣтки. Работа эта основана на тщательномъ изученіи литературы анархизма и отличается рѣдкою объективностью и научною добросовѣстностью. Эльцбахеръ не даетъ критической оцѣнки анархизма, онъ только излагаетъ и систематизируетъ. Среди анархическихъ ученій онъ выбираетъ семь новѣйшихъ, — которыя всѣми признаются за анархическія — именно ученія: Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Толстого. Эти ученія излагаются ихъ собственными словами, но по одной и той же системѣ. Такой способъ изложенія, съ одной стороны, долженъ былъ обезпечить отъ привнесенія въ него идей, чуждыхъ излагаемому автору, а съ другой устранить путаницу отъ сопоставленія различающихся между собою процессовъ мысли. «Мы вынуждали общепризнанныхъ писателей-анархистовъ давать намъ ясные отвѣты на точные вопросы; правда, для этого часто приходилось намъ выкапывать въ ихъ сочиненіяхъ крошечные отрывки мнѣній; намъ пришлось, такъ сказать, процѣживать ихъ, въ случаяхъ взаимнаго противорѣчія между собой, и объяснять ихъ, когда они высказывались необычнымъ языкомъ. Но тѣмъ не менѣе, Толстой, со своими строго логическими построеніями, Бакунинъ съ его смутными взглядами, Штирнеръ, утопающій въ тонкостяхъ, Кропоткинъ, пылающій вселенскою любовью, — всѣ предстанутъ не искаженные, въ своей самобытности, и позволятъ намъ сдѣлать сравненіе» (пер. М. Андреева I, 13). Каждому изъ анархическихъ ученій, — говоритъ Эльцбахеръ «необходимо поставить вопросъ объ его отношеніи къ праву, государству и собственности; этимъ вопросамъ долженъ предшествовать вопросъ относительно основъ, на которыхъ данное ученіе покоится, а слѣдомъ за ними долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, какъ данное ученіе представляетъ собою свое осуществленіе».

Изложеніе, по этой схемѣ, сущности ученій семи названныхъ выше писателей-анархистовъ составляетъ главную основную часть книги Эльцбахера.

Такому изложенію авторъ предпосылаетъ въ видѣ общаго теоретическаго введенія нѣсколько методологическихъ разъясненій о пріемахъ научнаго изученія анархизма и даетъ опредѣленія понятій права, государства и собственности, съ точки зрѣнія которыхъ онъ разсматриваетъ анархическія теоріи; наконецъ, въ заключительныхъ главахъ, путемъ сопоставленія выводовъ, полученныхъ при анализѣ отдѣльныхъ анархическихъ теорій, Эльцбахеръ пытается установить общее понятіе анархизма и его видовъ.

Этотъ сравнительный анализъ приводитъ къ заключенію, что между всѣми семью разсмотрѣнными ученіями есть только одна общая всѣмъ имъ черта: всѣ они *отрицаютъ государство* въ ближайшемъ будущемъ цивилизованныхъ народовъ. У четырехъ теоретиковъ анархизма (Годвина, Прудона, Штирнера и Туккера) это отрицаніе носитъ безусловный характеръ: они отрицаютъ государство для ближайшаго будущаго, такъ какъ отрицаютъ его вообще, для всякаго времени; Толстой отвергаетъ государство не безусловно, а лишь для нашего будущаго, Бакунинъ и Кропоткинъ предвидятъ, что ходъ эволюціи въ ближайшемъ будущемъ устранитъ государство. Во всѣхъ остальныхъ главныхъ частяхъ намѣченной выше схемы—кромѣ отрицательнаго отношенія къ государству—нельзя указать ни одного пункта, общаго всѣмъ анархическимъ ученіямъ: они глубоко разнятся между собою и по основнымъ, исходнымъ своимъ идеямъ, и по отношенію къ праву и собственности, и, наконецъ, по воззрѣніямъ на способъ осуществленія своихъ идеаловъ. По отношенію къ ихъ основнымъ идеямъ Эльцбахеръ дѣлитъ анархическія ученія на генетическія, признающія высшимъ закономъ человѣческаго поведенія законъ естественный (Бакунинъ, Кропоткинъ), и критическія, полагающія высшимъ закономъ человѣческаго поведенія извѣстную норму. Критическія ученія, въ свою очередь, распадаются на идеалистическія, высшимъ закономъ которыхъ является долгъ (Прудонъ, Толстой), и эвдемоностическія, находящія этотъ высшій законъ въ счастьи цѣлаго (Годвинъ) или отдѣльной личности (Штирнеръ, Туккеръ). Различаются между собою анархистскія теоріи и по тѣмъ положительнымъ идеаламъ, которые они выдвигаютъ въ противоположность государству: одна группа теоретиковъ анархизма, которую Эльцбахеръ называетъ федералистической (Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ, Туккеръ), выдвигаетъ на мѣсто государства общественное сожительство, основанное на той юридической нормѣ, что разъ заключенные договоры должны исполняться; по воззрѣніямъ другой группы спонтанистовъ, государство должно уступить мѣсто сожительству, покоющемуся на принципѣ неправовомъ; такимъ принципомъ является или счастіе цѣлаго (Годвинъ), или личное счастіе (Штирнеръ), или любовь (Толстой). Спонтантисы вообще

отрицаютъ самый принципъ права (съ этой точки зрѣнія Эльцбахеръ называетъ ихъ аномистами), федералисты-иномисты признаютъ общій принципъ права, хотя и отвергаютъ большую часть существующихъ правовыхъ институтовъ. Собственность для нашего будущаго совершенно отрицается одною группою теоретиковъ анархизма (Годвинъ, Прудонъ, Штирнеръ, Толстой—индоминисты, какъ ихъ называетъ Эльцбахеръ), другая группа—доминисты, по опредѣленію Эльцбахера—относится къ собственности положительно. Эти послѣднія доминистическія ученія Эльцбахеръ раздѣляетъ на индивидуалистическія, признающія какъ частную, такъ и общественную собственность (Туккеръ), коллективистическія, признающія частную собственность на предметы потребленія, а на средства производства—общественную (Бакунинъ), и коммунистическія, признающія только общественную собственность, какъ на средства производства, такъ и на предметы потребленія (Кропоткинъ).

Наконецъ, глубокія различія между анархическими ученіями обнаруживаются и въ вопросѣ о способахъ осуществленія будущаго строя. По отношенію къ этому вопросу Эльцбахеръ дѣлитъ всѣ анархическія ученія на реформаторскія, представляющія себѣ переходъ отъ отрицаемаго порядка вещей къ желаемому безъ правонарушенія (Годвинъ, Прудонъ), и революціонныя, представляющія себѣ этотъ переходъ, какъ нарушеніе права; среди революціонныхъ ученій, въ свою очередь, онъ различаетъ ученія пассивныя и активныя. Первыя понимаютъ нарушеніе дѣйствующаго права безъ примѣненія насилія, пассивнымъ сопротивленіемъ (Туккеръ, Толстой), вторыя понимаютъ его лишь при помощи насильственныхъ средствъ (Штирнеръ, Бакунинъ, Кропоткинъ).

Въ конечномъ выводѣ Эльцбахеръ опредѣляетъ анархизмъ какъ *философско-юридическое отрицаніе* государства; анархизмъ есть та вѣтвь философіи права, которая отрицаетъ государство. Этимъ опредѣляется мѣсто анархистскихъ теорій въ ряду нашихъ знаній. Необходимыми составными частями каждаго анархистскаго ученія Эльцбахеръ считаетъ выясненіе исходной его точки и отвѣты на вопросы: какого строя оно желаетъ на мѣсто государства и въ какомъ видѣ оно представляетъ себѣ переходъ къ новому порядку вещей. Безъ этихъ указаній ученіе не можетъ считаться полнымъ. Выясненіе отношенія къ праву и къ собственности не является такимъ же органическимъ элементомъ понятія анархизма. Это болѣе или менѣе случайная примѣсь въ анархическомъ ученіи, оно можетъ и отсутствовать, и тѣмъ не менѣе данное ученіе будетъ полнымъ, если въ немъ указаны исходная точка, положительное требованіе (будущаго не-государственнаго строя) и способы осуществленія этого требованія. На какіе виды распадается анархизмъ по существу отвѣтовъ, которые даются на эти основные вопросы, мы видѣли выше.

О крупныхъ научныхъ достоинствахъ книги Эльцбахера мы

уже говорили. Это несомнѣнно превосходное руководящее введеніе въ изученіе анархизма. Но всетаки только введеніе. Какъ уже было упомянуто, Эльцбахеръ ограничиваетъ свою задачу систематическимъ *изложеніемъ* главнѣйшихъ выводовъ анархистскихъ теорій, не входя вовсе въ ихъ критическое разсмотрѣніе; на всемъ протяженіи книги онъ остается вѣренъ ея эпиграфу: je ne propose rien, je ne suppose rien, j'expose. Конечно, такое суженіе рамокъ работы нельзя поставить въ упрекъ автору, но во всякомъ случаѣ читатель не находитъ въ его трактатѣ отвѣта на многіе вопросы, которые неизбѣжно предъ нимъ возникнутъ. Недостаткомъ книги является полное отсутствіе историческаго освѣщенія предмета изслѣдованія: Эльцбахеръ располагаетъ всѣ анархистскія теоріи въ одномъ планѣ, между тѣмъ, самое раннее изъ сочиненій, имъ анализируемыхъ, книга Годвина «An enquiry concerning polticali justice, издано въ 1793 г., а самое позднее Instead of a book Туккера въ 1903; между ними легло цѣлое XIX столѣтіе. Наконецъ, и самые пріемы изложенія Эльцбахера имѣютъ и свою оборотную сторону: размѣщенныя по клѣткамъ, въ одинъ ранжиръ, положенія различныхъ ученій, конечно, дѣлаются болѣе сравнимыми, но за то своеобразіе и естественная послѣдовательность процессовъ мысли каждаго автора исчезаютъ, ихъ индивидуальность значительно теряется. Передъ нами не цѣльный образъ того или иного мыслителя, а отдѣльные куски его ученія, расположенные въ чуждомъ нерѣдко этой системѣ порядку. Но каковы бы ни были эти недочеты, книга Эльцбахера во всякомъ случаѣ въ высшей степени цѣнная и интересная работа, и мы считаемъ долгомъ усиленно рекомендовать ее вниманію нашихъ читателей.

На русскомъ языкѣ книга эта появилась въ трехъ переводахъ. Вполнѣ безукоризненнымъ нельзя признать ни одинъ изъ нихъ; но во всякомъ случаѣ переводы г. Стрѣльцова (изд. О. Н. Поповой) и М. Андреева (книгоизд. «Просторъ») сдѣланы литературно и съ небольшими только неточностями противъ подлинника (Въ переводѣ г. Стрѣльцова ихъ почти нѣтъ, но переводъ г. Андреева читается легче). Къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать того же о третьемъ переводѣ г. Б. Яковенко. Онъ положительно плохъ. Вотъ два примѣра, образчикъ стиля переводчика: «эта форма собственности означаетъ обезпеченіе за каждымъ во владѣніи его собственныхъ произведеній и тѣхъ чужихъ продуктовъ, которые онъ получаетъ безъ обмана и насилія, а также осуществленіе и всѣ тѣ претензіи на подобные продукты, которыя будутъ предъявлены ему другими, благодаря свободному договору». Едва ли самый проницательный читатель пойметъ это мѣсто, вторая половина котораго въ правильномъ переводѣ (г. Андреева) читается такъ: «она означаетъ также осуществленіе всѣхъ правъ на продукты, принадлежащіе ему въ силу свободно заключенныхъ взаимныхъ договоровъ». Мудрено, впрочемъ, было бы и ожидать правильной передачи такого,

скаго строя. Книгоизд. „Народный Трибунъ". Спб. 1906 г. Ц. 20 к.

Е. Тарле. Роль студенчества въ революціонномъ движеніи въ Европѣ въ 1848 г. Книгоизд. „Свободный Трудъ". Спб. 1906 г. Ц. 8 к.

Густавъ Жефруа. Бланки, его жизнь и революц. дѣятельность. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1906. Ц. 1 р.

И. Вѣтровъ. Анархизмъ, его теорія и практика. Книгоиздательство „Обновленіе". Спб. 1906. Ц. 10 к.

Д-ръ Д. Койгенъ. Міровоззрѣніе соціализма. («Задачи соціалистической культуры» изд. І. Постмана и Б. Ревзина въ Берлинѣ). Спб. 1906. Ц. 25 к.

Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 3 изд. подъ ред. проф. И. А. Бодуэна де-Куртенэ. Изд. товарищества М. О. Вольфъ. Выпускъ XXI. Спб. 1906. Ц. 65 к.

Захаровъ. Въ помощь читателю (Систематическій указатель къ популярной литературѣ). Книгоиздательство „Эпоха" Спб. 1906. Ц. 8 к.

Н. А. Lorentz. Видимыя и не видимыя движенія. Спб. 1905. Ц. 80 к.

Сборникъ по философіи естествознанія. Книгоиздательство „Творческая Мысль". Спб. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Геккель. Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Монистическая философія Эрнста Геккеля.

(Э. Геккель. Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи. Пер. съ нѣм. Ѳ. Капелюша. Спб. 1906 г.).

Духовная физіономія Эрнста Геккеля давно извѣстна всему образованному міру. Знаменитый апостолъ дарвинизма, будучи крупнымъ ученымъ спеціалистомъ, въ то же время характеризуется двумя основными чертами, отличающими его отъ большинства другихъ ученыхъ спеціалистовъ: во первыхъ, онъ легко строитъ гипотезы, легко создаетъ картины, широко изображающія ходъ развитія органической жизни въ далекомъ прошломъ, устанавливающія преемственность формъ, ихъ возникновеніе и исчезновеніе. Въ то время, какъ, напримѣръ, Дарвинъ не рѣшается установить преемственной связи между двумя какими либо формами, пока есть хоть одна не объясненная черта различія между ними, Геккель довольствуется установленіемъ основныхъ сходствъ, прибѣгая при этомъ даже къ изображенію гипотетическихъ промежуточныхъ звеньевъ, при помощи которыхъ только и можно установить тѣсную связь между этими двумя формами. Эта легкость построенія гипотезъ и обусловила широкую популярность Геккеля и дала пищу для энергическихъ нападокъ на него со стороны спеціалистовъ. Однако едва ли въ данномъ случаѣ эти спеціалисты были правы. Конечно, Геккель, рисуя обширныя картины, широко освѣщая поле будущей дѣятельности спеціалистовъ, не разъ впадалъ въ ошибки, но эти ошибки всегда относились только къ мелочамъ, подробностямъ и никогда не имѣли принципіальнаго характера. Будучи самъ крупнымъ ученымъ спеціалистомъ, а не

какимъ-нибудь обыкновеннымъ популяризаторомъ, черпающимъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, Геккель всегда безошибочно опредѣлялъ общее направленіе научной мысли, принципіальную сторону вопроса, хотя при своихъ *развѣдкахъ* и дѣлалъ иногда ошибочные шаги. Мы отлично понимаемъ всю важность самыхъ, *повидимому*, мелочныхъ вопросовъ въ наукѣ, мы лишь утверждаемъ, что бываютъ случаи, когда вопросъ можетъ считаться твердо рѣшеннымъ въ принципѣ, хотя бы при этомъ еще и нельзя было дать полнаго и подробнаго рѣшенія. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о происхожденіи человѣка. Извѣстно, что Дарвинъ высказался за то, что человѣкъ имѣетъ общее происхожденіе съ животными, но извѣстно также, что онъ пришелъ къ этому ученію не сразу и какъ бы съ нѣкоторымъ опасеніемъ, тогда какъ Геккель, наоборотъ, не только сразу объявилъ себя сторонникомъ этого ученія, но еще сейчасъ же начерталъ и цѣлую родословную человѣка. Пусть эта родословная будетъ не вполнѣ точна; это, конечно, очень важно: установленіе вполнѣ точной родословной человѣка, несомнѣнно, имѣетъ огромное и теоретическое, и практическое значеніе, но, съ другой стороны, несомнѣнно также и то, что именно въ данномъ случаѣ общій вопросъ (вопросъ о кровномъ родствѣ человѣка и животныхъ) можно рѣшить, не входя въ детальное его разсмотрѣніе. Ибо утвердительный отвѣтъ на вопросъ о кровномъ родствѣ человѣка и животныхъ является неизбѣжнымъ выводомъ изъ двухъ твердо установленныхъ фактовъ, или, лучше сказать, изъ двухъ огромныхъ системъ фактовъ: во-первыхъ, было накоплено громадное количество доводовъ, неопровержимо доказывающихъ, что современный органическій міръ развился путемъ постепенныхъ измѣненій изъ простѣйшихъ одноклѣточныхъ существъ; во-вторыхъ, сравнительная анатомія и эмбріологія ясно показали что человѣкъ по своему строенію принадлежитъ къ типу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, въ частности къ плацентарнымъ млекопитающимъ, при чемъ особенное сходство онъ имѣетъ съ приматами, въ частности съ обезьянами.

Слѣдовательно, твердо установленная эволюціонная теорія имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что происхожденіе человѣка не составляетъ исключенія изъ происхожденія всего остального органическаго міра. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ вопросъ общій и вопросъ частный принадлежатъ къ двумъ различнымъ областямъ: вопросъ общій имѣетъ, главнымъ образомъ, философское значеніе, а вопросъ частный— чисто техническое значеніе. А именно склонность къ философскимъ взглядамъ и является тою второю отличительною чертою Геккеля, о которой мы говорили выше; поэтому и не удивительно, что въ данномъ случаѣ у Геккеля философъ перевѣсилъ натуралиста, и онъ смѣло приступилъ къ построенію системы, руководясь потреб-

ностью къ обобщенію, хотя мелкія детали, необходимыя для окончательной отдѣлки, еще и не были готовы.

Но если вообще склонность къ философскимъ обобщеніямъ характерна для Геккеля, то всетаки ни одна изъ предшествовавшихъ его работъ не имѣла такого исключительно философскаго характера, какой имѣетъ его послѣдняя крупная работа: «Міровыя загадки», вышедшія въ Германіи въ 1899 г., но появившіяся въ русскомъ переводѣ лишь теперь, благодаря измѣнившимся цензурнымъ условіямъ. Въ Германіи эта книга имѣла громадный успѣхъ (русскій переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго изданія, имѣющаго помѣтку: «170—180 тысяча»).

Новая книга Геккеля является не біологической работой, а «общедоступными очерками монистической философіи», какъ сказано въ ея подзаголовкѣ. «Много лѣтъ я носился съ мыслью построить на почвѣ теоріи развитія цѣлую «*Систему монистической философіи*»; этотъ планъ уже не будетъ приведенъ въ исполненіе», говоритъ авторъ на стр. XXVII. Вмѣсто цѣлой «системы», Геккель даетъ «очерки», которые имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, отвѣтить на вопросъ: «*Какой ступени въ познаніи истины дѣйствительно достигли мы на исходѣ девятнадцатаго столѣтія?*» (стр. XXVI).

Прежде всего, Геккель обращаетъ вниманіе на то, что «Грандіозному прогрессу эмпирическихъ знаній въ нашъ «*вѣкъ естественныхъ наукъ*» далеко не соотвѣтствуетъ развитіе теоріи, пониманія причинной связи всѣхъ отдѣльныхъ явленій, которое мы обобщаемъ въ одномъ словѣ: «*философія*» (стр. XXIV). Мало того, до самаго послѣдняго времени между натуралистами и философами не рѣдко замѣчалась явственная антипатія: натуралисты довольствовались своими спеціальными изслѣдованіями и съ недовѣріемъ относились ко всякимъ обобщеніямъ, ко всякой «натурфилософіи», а философы, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ игнорировали естествоиспытателей. Однако въ настоящее время этотъ зловредный антагонизмъ начинаетъ исчезать, и «выдающіеся люди науки изъ обоихъ лагерей подаютъ другъ другу руки и сообща стремятся къ разрѣшенію тѣхъ высшихъ проблемъ знанія, которыя мы для краткости называемъ двумя словами: «*Міровыя загадки*» (стр. XXIV).

Но въ чемъ заключаются эти «міровыя загадки»?

«Необразованнаго представителя культурной эпохи, точно такъ же, какъ первобытнаго дикаря, на каждомъ шагу окружаютъ безчисленныя міровыя загадки. Съ развитіемъ культуры и науки, число ихъ все уменьшается. Въ концѣ концовъ, *монистическая философія* признаетъ только одну всеобъемлющую міровую загадку: «*проблему субстанціи*». Во всякомъ случаѣ, цѣлесообразно будетъ называть этимъ именемъ еще цѣлый рядъ другихъ труднѣйшихъ проблемъ. Въ знаменитой рѣчи, произнесенной *Эмилемъ Дюбуа-*

Реймономъ въ берлинской академіи наукъ на засѣданіи въ честь Лейбница, онъ различаетъ *«семь міровыхъ загадокъ»* и перечисляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Сущность матеріи и силы. II. Происхожденіе движенія. III. Возникновеніе жизни. IV. (Повидимому, преднамѣренная) цѣлесообразность въ природѣ. V. Возникновеніе простѣйшихъ ощущеній и сознанія. VI. Разумное мышленіе и происхожденіе тѣсно связаннаго съ нимъ языка. VII. Вопросъ о свободѣ воли. Изъ этихъ семи міровыхъ загадокъ ораторъ берлинской академіи *три* (первую, вторую и пятую) объявляетъ совершенно трансцендентными и не разрѣшимыми; *три* другія (третью, четвертую и шестую) онъ считаетъ очень трудными, но разрѣшимыми; относительно седьмой, послѣдней «міровой загадки», вопроса о свободѣ воли, которая играетъ самую важную роль въ практической жизни, онъ не высказывается опредѣленно».

«Такъ какъ мой *монизмъ* существенно отличается отъ монизма берлинскаго оратора, и его взглядъ на «семь міровыхъ загадокъ» пользуется большимъ успѣхомъ въ широкой публикѣ, я считаю необходимымъ тутъ же, съ самаго начала выяснить мою позицію по отношенію къ нему. На мой взглядъ, три «трансцендентныя» загадки (I, II, V) находятъ свое разрѣшеніе въ нашемъ опредѣленіи *субстанціи*; три другія, трудныя, но разрѣшимыя проблемы (III, IV, VI) окончательно разрѣшены новѣйшей *теоріей развитія*; послѣдняя, седьмая міровая загадка, вопросъ о свободѣ воли, вовсе не является объектомъ научной критики, такъ какъ она совсѣмъ не существуетъ въ дѣйствительности, покоится только на самообманѣ, какъ *догматъ* и ничего болѣе» (стр. 8—9).

Такимъ образомъ, согласно Геккелю, существуетъ лишь одна настоящая міровая загадка: проблема субстанціи. Прежде всего, нужно замѣтить, что въ своей критикѣ ученія Дюбуа-Реймона Геккель является лучшимъ естествоиспытателемъ, чѣмъ знаменитый берлинскій физіологъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Дарвина и Спенсера заявлять, что «цѣлесообразность въ природѣ» есть міровая загадка, это значитъ просто игнорировать весь успѣхъ человѣческой мысли за послѣднія десятилѣтія. Мало чѣмъ лучше и помѣщеніе въ число міровыхъ загадокъ вопроса о происхожденіи языка и разумнаго (т. е. на основаніи понятій) мышленія *).

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ III-ей и VII-й загадками Дюбуа-Реймона. Когда Геккель причисляетъ третью загадку, т. е. вопросъ о происхожденіи жизни, къ числу тѣхъ, которыя «окончательно разрѣшены новѣйшей *теоріей развитія*», то приходится сказать, что въ данномъ случаѣ онъ смѣшиваетъ два вопроса: вопросъ: что произошло? и вопросъ: какъ оно произошло? Ибо

---

*) Кстати, этотъ вопросъ прекрасно разработанъ въ книгѣ Роменса «Духовная эволюція человѣка», появившейся еще въ 1888 г. и недавно переведенной на русскій языкъ.

дѣйствительное положеніе данной проблемы въ настоящее время таково, что, конечно, человѣкъ, вполнѣ усвоившій результатъ современныхъ философскихъ изслѣдованій, ясно видитъ, что между явленіями міра органическаго и, такъ называемаго, міра неорганическаго *не можетъ быть* принципіальнаго отличія, ясно видитъ, что явленія органическаго міра *должны* были развиться изъ явленій міра неорганическаго путемъ своеобразныхъ осложненій; но какъ это произошло —на этотъ вопросъ онъ не можетъ отвѣтить даже съ приблизительною вѣроятностью. Мало того, въ данномъ случаѣ непримѣнимы и тѣ соображенія, при помощи которыхъ мы доказывали, что Геккель былъ правъ, довольствуясь лишь общими соображеніями въ вопросѣ о кровномъ родствѣ человѣка и животныхъ. Ибо тамъ положеніе дѣлъ было совершенно иное: тамъ у насъ были налицо всѣ факты органической эволюціи (естественный отборъ и др.) и было уже доказано, что эти факторы способны совершить гигантскую работу развитія жизненныхъ формъ отъ простѣйшаго одноклѣточнаго существа до человѣкоподобныхъ обезьянъ включительно, и оставалось лишь предположить, что эти самые факторы были способны сдѣлать еще одинъ (и, сравнительно, небольшой) шагъ: способствовать развитію человѣка изъ общаго корня съ человѣкоподобной обезьяной. Совершенно иное мы видимъ въ данномъ случаѣ. Переходъ отъ міра неорганическаго въ міръ органическій есть переходъ своеобразный, единственный во вселенной, а не одинъ изъ многихъ аналогичныхъ переходовъ, какъ переходъ отъ человѣка къ ближайшимъ животнымъ. И поэтому никакихъ факторовъ, способствовавшихъ этому переходу, мы еще не знаемъ: мы должны ихъ открыть, и пока мы ихъ не откроемъ,—одно теоретическое, философское убѣжденіе въ необходимости ихъ существованія, при всей своей законности и даже обязательности, даетъ намъ лишь то преимущество, что мы знаемъ, надъ рѣшеніемъ какой проблемы мы должны трудиться.

Поэтому ставить на одну доску вопросъ о происхожденіи жизни и вопросъ о цѣлесообразности въ природѣ, утверждать, какъ это дѣлаетъ Геккель, что оба эти вопроса «окончательно разрѣшены новѣйшей теоріей развитія», значитъ игнорировать огромное различіе, существующее между положеніемъ обоихъ вопросовъ. Мы бы сказали, что современное эволюціонное ученіе не «окончательно рѣшило» вопросъ о происхожденіи жизни, а лишь окончательно формулировало постановку вопроса, ибо мы теперь, вмѣсто вполнѣ неопредѣленнаго вопроса: «какъ возникла жизнь?», можемъ спрашивать болѣе опредѣленно: «какъ живое возникло изъ не-живого?» или, другими словами: «въ чемъ заключается та своеобразная комбинація неорганической матеріи (и силъ), которую мы называемъ живымъ веществомъ»?

Что касается послѣдняго пункта разногласія между двумя знаменитыми учеными: вопроса о свободѣ воли, то, какъ мы видимъ, въ этомъ чисто философскомъ вопросѣ антагонизмъ двухъ міровоз-

зрѣній достигаетъ своего апогея. То, что Дюбуа-Реймонъ считаетъ міровой загадкой, то самое Геккель считаетъ вопросомъ, не имѣющимъ права на существованіе, простымъ результатомъ самообмана. Здѣсь сказывается радикальный антагонизмъ, присущій вообще философскимъ спекуляціямъ. Однако, одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ великаго прогресса философскаго мышленія заключается въ томъ, что въ настоящее время представители враждующихъ міровоззрѣній начали лучше понимать другъ друга, ибо, мало по малу, накопился уже не малый фондъ общепризнанныхъ истинъ. Это отразилось и на вопросѣ о свободѣ воли. Послѣдователи Канта, эти единственные въ настоящее время серьезные защитники свободы воли, заняли своеобразную позицію, дозволяющую имъ быть рѣшительными противниками свободы воли во всемъ доступномъ познанію мірѣ. Свою излюбленную свободу воли они переносятъ въ міръ интеллигибельный, въ міръ сущностей, недоступный познанію. Здѣсь не мѣсто доказывать несостоятельность и этой попытки спасти свободу воли: для нашей цѣли достаточно лишь указать на то, что, благодаря подобной постановкѣ, вопросъ о свободѣ воли теряетъ свой специфическій характеръ: онъ уже не можетъ быть поставленъ, какъ одинъ изъ вопросовъ познанія, наряду съ такими вопросами, какъ цѣлесообразность въ природѣ, возникновеніе жизни и т. п.: онъ является просто одною изъ сторонъ ученія о сущемъ, и поэтому Геккель могъ бы включить и его въ свою «проблему субстанціи».

Такимъ образомъ, мы вновь пришли къ «проблемѣ субстанціи», этой единственной, по ученію Геккеля, міровой проблемѣ.

«Въ понятіи «*закона субстанціи*» я объединяю (говоритъ Геккель на стр. 109) два высшихъ универсальныхъ закона различнаго происхожденія: болѣе старый *химическій* законъ о «сохраненіи матеріи» и *физическій* законъ о «сохраненіи силы», открытый сравнительно недавно». Такая постановка вопроса приведетъ, вѣроятно, многихъ читателей къ предположенію, что Геккель проповѣдуетъ чистый матеріализмъ. Но Геккель энергически протестуетъ противъ отожествленія его монизма съ матеріализмомъ и по этому поводу дѣлаетъ два слѣдующихъ замѣчанія: «I. Нашъ *чистый монизмъ* не тожественъ ни съ теоретическимъ *матеріализмомъ*, отрицающимъ духовную жизнь и разсматривающимъ міръ, только лишь какъ сумму мертвыхъ атомовъ, ни съ теоретическимъ *спиритуализмомъ* (въ послѣднее время Оствальдъ окрестилъ его *энергетикой*), отрицающимъ матерію и видящимъ въ мірѣ только распредѣленную въ пространствѣ группу энергій, или не матеріальныхъ естественныхъ силъ. II. Нѣтъ, вмѣстѣ съ *Гете*, мы твердо убѣждены, что «матерія нигдѣ не существуетъ безъ духа и духъ— безъ матеріи; они не могутъ также дѣйствовать въ одиночку». «Мы неуклонно держимся чистаго и недвусмысленнаго монизма *Спинозы*; *матерія*, какъ субстанція, обладающая безконечнымъ протяженіемъ,

и *духъ* (или энергія), какъ воспринимающая и мыслящая субстанція,—вотъ два основныхъ *аттрибута*, или свойства божественной сущности міра, всеобъемлющей универсальной *субстанціи*» (стр. 11).

Съ этой нео-спинозистической точки зрѣнія Геккель и разсматриваетъ міровыя явленія, при чемъ, въ качествѣ натуралиста, главное вниманіе онъ удѣляетъ эволюціи органическаго міра, излагая свое ученіе—ученіе вполнѣ послѣдовательнаго дарвиниста. Такъ, напримѣръ, цѣлую главу онъ посвящаетъ «монистическимъ очеркамъ человѣческой и сравнительной анатоміи», въ которой подробно выясняетъ сходство въ общей и детальной организаціи человѣка и млекопитающихся. Затѣмъ слѣдующую главу онъ посвящаетъ «монистическимъ очеркамъ физіологіи человѣка и сравнительной физіологіи», гдѣ выясняетъ сходство между человѣкомъ и млекопитающими во всѣхъ ихъ жизненныхъ отправленіяхъ. Предметомъ слѣдующей главы являются «монистическіе очерки онтогеніи человѣка и сравнительное сходство въ образованіи плода и развитіи человѣка и позвоночныхъ». Въ дальнѣйшей главѣ идутъ: «Монистическіе очерки о происхожденіи человѣка отъ позвоночныхъ животныхъ и въ частности отъ приматовъ».

Во всѣхъ этихъ «очеркахъ» дается ясное и послѣдовательное изложеніе трансформизма, при чемъ, не считая нѣкоторыхъ, быть можетъ, сложныхъ деталей, эти главы являются краткимъ сводомъ истинъ, признанныхъ современной философіей естествознанія. Въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ трактуетъ о вопросахъ психологическихъ и космологическихъ. Но и здѣсь, въ сущности, чувствуется натуралистъ, который рѣшеніе всѣхъ остальныхъ вопросовъ старается привести въ соотвѣтствіе съ рѣшеніями хорошо знакомыхъ ему вопросовъ естествознанія. При этомъ нужно еще помнить, что «Міровыя загадки» Геккеля не являются вполнѣ цѣльной и стройной системой. Мы уже выше цитировали заявленіе автора, что онъ отказывается отъ мечты написать стройную «Систему монистической философіи»; онъ указываетъ на «признаки надвигающейся старости» (стр. XXVII), какъ на причину того, что онъ имѣетъ основаніе отказаться отъ своей «мечты». Вмѣсто «системы», онъ даетъ лишь «очерки», относительно которыхъ говоритъ слѣдующее: «Мои свѣдѣнія въ различныхъ областяхъ знанія очень не одинаковы и отрывочны, поэтому моей цѣлью могло быть только набросать общій планъ.. картины вселенной и доказать ея *единство* (несмотря на крайне неодинаковую разработку отдѣльныхъ частей въ моемъ изложеніи). Такъ что мои «Міровыя загадки» являются, въ сущности, лишь «записной книжкой», въ которую я заносилъ *очерки* далеко неодинаковаго достоинства, стараясь объединить ихъ въ одно цѣлое. Часть ихъ написана мною уже въ прежніе годы, другая часть—въ послѣднее время, такъ что изложеніе, къ сожалѣнію, страдаетъ неравномѣрностью» (стр. XXVII).

Мы уже говорили, что, сверхъ главъ, посвященныхъ вопросамъ

біологическимъ, значительное число главъ еще посвящено вопросамъ психологическимъ и космологическимъ. Исходя изъ своей неоспинозистической точки зрѣнія, согласно которой матерія и духъ суть два неразлучные аттрибута единой субстанціи, Геккель вполнѣ естественно, желая прослѣдить эволюцію невидимаго и неосязаемаго духа, даетъ намъ, въ сущности, лишь изображеніе эволюціи видимой и осязаемой матеріи; другими словами, онъ трактуетъ психологическіе вопросы, какъ анатомъ, гистологъ, физіологъ, эмбріологъ и т. п., но нигдѣ не становится на чисто психологическую точку зрѣнія.

Здѣсь относительно Геккеля мы можемъ повторить то, что сказали (см. «Русск. Богатство» 1905 г. № 10) относительно столь близкаго ему по духу Сѣченова: пока изслѣдователи этого реалистическаго направленія остаются вѣрными своему методу—ихъ выводы всегда имѣютъ цѣну; эти выводы могутъ быть неполными, но они не могутъ быть вполнѣ ошибочными. Такъ, въ данномъ случаѣ, Геккель даетъ намъ вполнѣ вѣрную картину постепеннаго усложненія психической жизни. Конечно, послѣ Спенсера и другихъ изслѣдователей эта картина не можетъ претендовать на дѣйствительную оригинальность, но Геккель и не заявляетъ въ данномъ случаѣ особенныхъ претензій: онъ стремится лишь доказать, что психологическая жизнь укладывается въ рамки его монистической философіи. Однако, признавая всю вѣрность его изображенія, мы не можемъ не отмѣтить того, что для дѣйствительнаго разъясненія міровой загадки «проблемы субстанціи» нужно еще освѣтить и другую сторону вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, пусть каждый атомъ является носителемъ двухъ аттрибутовъ единой субстанціи: матеріи и духа. Духовная жизнь атома весьма элементарна, проста и, прежде всего, безсознательна. Затѣмъ мы видимъ, что возникаетъ та своеобразная комбинація атомовъ, которая называется животной клѣточкой, и что эта клѣточка явственно одарена чувствительностью, т. е. способностью реагировать на раздраженіе извнѣ. Послѣ этого мы можемъ прослѣдить постепенную дифференціацію и интеграцію клѣточекъ: образованіе большихъ скопленій клѣточекъ, сопровождающееся возникновеніемъ нервной системы, а съ нею и болѣе сложной реакціи на раздраженіе. Наконецъ, мы наблюдаемъ, какъ дальнѣйшее усложненіе нервной системы: развитіе богатой центральной нервной системы сопровождается возникновеніемъ *сознательной* психической жизни, которая въ своихъ высочайшихъ проявленіяхъ обнаруживается, какъ духовная жизнь геніальнаго человѣка и героя нравственнаго сознанія. Все это, при помощи метода, употребляемаго Геккелемъ, можетъ быть изображено очень хорошо, но... только съ одной стороны. А именно, всѣ эти превращенія «единой субстанціи» съ ея двумя аттрибутами въ изображеніи Геккеля намъ ясны и понятны, когда мы подходимъ къ нимъ со стороны одного аттрибута—матеріи. Хотя «свойства матеріи» намъ еще далеко не вполнѣ

извѣстны, но всетаки мы о нихъ знаемъ достаточно, чтобы, по крайней мѣрѣ, пытаться объяснить трансформацію вещества при помощи закона тяготѣнія, химическаго средства и т. п. Но если духъ есть дѣйствительно вполнѣ самостоятельный «аттрибутъ», равноправный съ матеріей, то мы должны еще умѣть подойти къ этимъ трансформаціямъ «субстанціи» и со стороны духа: мы должны хотя бы настолько узнать «свойства духа», чтобы, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, представить себѣ тотъ процессъ, при помощи котораго совершается чудовищный переходъ отъ элементарной, безсознательной духовной жизни атома къ напряженной сознательной жизни творца великой научной системы, героя нравственнаго дѣянія, или творца великаго художественнаго произведенія. Какой процессъ тутъ происходитъ? Какимъ образомъ небольшіе участки «субстанціи», именуемой въ данномъ случаѣ центральной нервной системой, сконцентрировали въ себѣ такую гигантскую духовную силу, тогда какъ въ рядомъ лежащемъ мускулѣ эта духовная сила выражается всего только простою раздражимостью, а еще немного дальше — въ неорганическомъ атомѣ духовная жизнь и вполнѣ неуловима?

На этотъ и подобные этому вопросы Геккель не только не даетъ отвѣта, но, повидимому, и не считаетъ нужнымъ давать отвѣтъ: начертавши трансформацію «субстанціи», выразившуюся возникновеніемъ и развитіемъ нервной системы, онъ считаетъ свою задачу выполненною и весь процессъ выясненнымъ. Это, повторяемъ, не дѣлаетъ начерченной имъ картины невѣрною, но дѣлаетъ ее не доконченною.

Космологическая часть книги Геккеля могла бы быть наиболѣе важною и интересною уже по тому одному, что здѣсь онъ долженъ былъ подойти ближе всего къ выясненію своего понятія субстанціи. Но ея содержаніе ограничивается, въ сущности, изложеніемъ законовъ сохраненія матеріи и энергіи и Канто-Лапласовскаго ученія о развитіи міра изъ первобытной туманности. Лишь въ одной небольшой главѣ, въ 12 страницъ, авторъ вполнѣ воздерживается отъ экскурсій въ біологическія науки, а затѣмъ монистическое ученіе опять иллюстрируется, главнымъ образомъ, на примѣрахъ, взятыхъ изъ области біологіи.

Типичный представитель научнаго движенія второй половины XIX вѣка, т. е. эпохи гегемоніи біологическихъ наукъ, Геккель является яркимъ выразителемъ какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ сторонъ этой научной эпохи. О великихъ философскихъ заслугахъ современной біологіи и, прежде всего, о томъ могущественномъ содѣйствіи, которое она оказала эволюціонной философіи, нѣтъ надобности распространяться: это хорошо извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ. Но, повидимому, мало кто догадывается, что этой гегемоніи біологическихъ наукъ пришелъ конецъ, и что теперь, если какая группа наукъ можетъ претендовать на философскую гегемонію, то это, конечно, группа физико-математиче-

скихъ наукъ. Конечно, вслѣдствіе современнаго раздѣленія научнаго труда, мы, вѣроятно, никогда не будемъ имѣть новыхъ Декартовъ и Лейбницевъ, одинаково великихъ, какъ въ философіи, такъ и въ математикѣ, но всетаки уже теперь настало время, когда для философа знаніе физико-математическихъ наукъ важнѣе знанія наукъ біологическихъ.

Читая современныхъ физиковъ и физико-химиковъ, изучая, напримѣръ, электрическую теорію матеріи, часто положительно недоумѣваешь, что это: физика или философія? Съ одной стороны, это—безспорно физика, со всѣми ея дифференціалами и интегралами, со всѣми ея точными методами изслѣдованія; а съ другой стороны, вдругъ получается рѣшеніе громаднаго философскаго вопроса: напримѣръ, та самая матерія, на которую такъ уповали матеріалисты и съ которою не знали какъ справиться спиритуалисты, здѣсь легко и просто сводится на электричество, и, такимъ образомъ, дѣлается шагъ по направленію къ монизму. гораздо болѣе успѣшный, чѣмъ нео-спинозизмъ Геккеля съ его неизвѣстной субстанціей и двумя несводимыми другъ на друга аттрибутами.

Если бы Геккель обладалъ большими свѣдѣніями въ области физико-математическихъ наукъ, то онъ, вѣроятно, лучше оцѣнилъ бы монистическое значеніе ученія современныхъ физиковъ и физико-химиковъ; онъ, вѣроятно, не счелъ бы возможнымъ, напримѣръ, отдѣлаться отъ «энергетики» Оствальда однимъ презрительнымъ отожествленіемъ ея со спиритуализмомъ. Но Геккель до такой степени мало подготовленъ въ этой области, что позволяетъ себѣ здѣсь шагъ, который трудно было бы ожидать отъ крупнаго ученаго, хорошо знающаго, какими аргументами можно создавать и разрушать ученія. А именно, въ своемъ изложеніи судебъ міровъ, то возникающихъ изъ туманностей, то вновь превращающихся въ эти туманности, вслѣдствіе паденія небесныхъ тѣлъ другъ на друга, при чемъ этотъ циклъ повторяется до безконечности,—Геккель сталкивается, конечно, съ ученіемъ объ энтропіи, ученіемъ, согласно которому энергія не можетъ превратиться въ работу до безконечности, ибо при каждомъ подобномъ превращеніи часть энергіи переходитъ въ бездѣятельное состояніе. Теплота можетъ выполнять работу лишь въ томъ случаѣ, когда теплое тѣло окружено тѣлами болѣе холодными, но при каждой работѣ часть теплоты переходитъ къ этимъ болѣе холоднымъ тѣламъ и, такимъ образомъ, навсегда теряется для работы. Согласно этому ученію, конецъ міровыхъ превращеній наступитъ въ тотъ моментъ, когда теплота будетъ распространена *равномѣрно* по всей вселенной. Это состояніе и выражается формулой: *энтропія вселенной стремится достигнуть своего максимума*.

Читатель видитъ, что это ученіе объ энтропіи не совмѣстимо съ ученіемъ Геккеля о вѣковѣчныхъ превращеніяхъ. Конечно, Геккель имѣлъ полное право напасть на враждебное ему ученіе, и если бы ему дѣйствительно удалось хотя бы поколебать его, то уже

одно это поставило бы его въ первые ряды среди современныхъ ученыхъ. Но, къ сожалѣнію, Геккель въ этомъ случаѣ выполнилъ свою задачу въ совершенно невозможной формѣ. «Если это ученіе объ энтропіи,—говоритъ онъ на стр. 129,—покоится на истинѣ, то предполагаемому имъ «*концу* свѣта» должно было бы также соотвѣтствовать «*начало*» его, *минимумъ энтропіи*, когда разница въ температурѣ отдѣльныхъ вещей достигла своего апогея. Обѣ эти гипотезы одинаково несостоятельны съ точки зрѣнія послѣдовательнаго монизма, космогеническаго процесса; онѣ противорѣчатъ закону субстанціи. Міръ не знаетъ ни начала, ни конца. Вселенная не только безконечна, она также вѣчно остается въ движеніи; въ ней безпрерывно происходитъ превращеніе живой силы въ силу напряженія и наоборотъ». Вотъ и все, и такими голословными утвержденіями Геккель думаетъ опровергнуть ученіе первоклассныхъ физиковъ!

Полнота монистическаго міровоззрѣнія, конечно, не могла бы быть достигнута, если-бы авторъ обошелъ молчаніемъ вопросы религіозные, этическіе, эстетическіе и общественные. И, дѣйствительно, Геккель посвящаетъ этимъ вопросамъ часть своей книги, но это—наименѣе разработанная часть сочиненія. Не только авторъ не пытается внести ничего оригинальнаго, но даже, вслѣдствіе крайней бѣглости изложенія, онъ не знакомитъ съ современнымъ положеніемъ вопроса. Бѣглость изложенія станетъ очевидна, когда мы сообщимъ, что, напр., «политеизму» и «монотеизму» посвящено каждому около 1/3 страницы. «Упадку культуры въ средніе вѣка» и «Папизму»—каждому отведено, приблизительно, по 1/2 страницы; «реформаціи» — менѣе одной страницы и т. д. Поэтому объ этой части монистическаго ученія Геккеля нѣтъ надобности говорить.

Мы указали не мало недостатковъ въ монистической философіи Геккеля, къ которымъ нужно прибавить еще и тотъ крупный недостатокъ, что, собственно, философское изслѣдованіе, чисто философская точка зрѣнія вполнѣ отсутствуетъ въ этомъ философскомъ трактатѣ. Однако было бы совершенно ошибочно и крайне односторонне, если бы кто-либо на основаніи всего этого заключилъ, будто мы не признаемъ выдающагося значенія этого труда престарѣлаго апостола дарвинизма. Всякая эпоха характеризуется особымъ міровоззрѣніемъ, и всегда бываютъ цѣнны типичные представители эпохи, развивающіе стройное міровоззрѣніе, приспособленное къ лейтмотиву эпохи. Геккель именно и является такимъ типичнымъ представителемъ той великой эпохи человѣческаго мышленія, когда геніальное открытіе Дарвина не только совершило переворотъ въ одной изъ важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ областей человѣческаго вѣдѣнія, но еще и могущественно способствовало возникновенію эволюціонной философіи, при чемъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, *на первое время*, въ этой эволюціонной философіи господствующее мѣсто заняли именно біологическія науки.

П. Мокіевскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Эра продолжается прежняя. — II. К.-д. періодъ въ исторіи освободительнаго движенія.—III. Заслуги «кадетской» Думы.—IV. Памяти М. Я Герценштейна.

I.

«Эра продолжается прежняя: ворона мокнетъ»... Такими словами я закончилъ свою прошлогоднюю іюньскую «хронику» *). Буквально тѣми же словами я долженъ начать нынѣшнюю іюльскую: эра продолжается прежняя, и даже «ворона», какъ я назвалъ тогда русскую конституцію, опять мокнетъ...

Въ самомъ дѣлѣ: передъ нами только что красовалась конституціонная декорація, на авансценѣ находились «народные представители», въ перспективѣ—даже совсѣмъ близко, казалось,—виднѣлось парламентское министерство... Но вотъ нажата невидная для зрителей кнопка—и все это сразу исчезло...

Передъ нами—г. Столыпинъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ только что гнали въ шею. Онъ еще такъ мило держалъ себя при этомъ, что «Рѣчь», въ припадкѣ конституціоннаго благодушія, назвала его тогда «джентльмэномъ». Теперь уже онъ занимаетъ авансцену. Какъ истый престидижаторъ, онъ галантно раскланивается съ публикой. Граціознымъ жестомъ онъ приглашаетъ въ свой «кабинетъ» черной и бѣлой магіи «общественныхъ дѣятелей»:

— Прошу удостовѣриться...

Онъ уже отстегнулъ манжеты, засучилъ рукава,—однимъ словомъ, приготовился. Сейчасъ онъ покажетъ фокусъ «мирнаго обновленія» Россіи. Онъ уже началъ его разстрѣлами...

Точно феерія какая происходитъ передъ нами... Гдѣ же конституція? Въ качествѣ обозрѣвателя я опять вспоминаю «ворону».

Иду я,
Вижу я:
На мосту ворона сохнетъ...

Мы всѣ вѣдь ее видѣли... «Какія перышки! какой носокъ»! Вотъ вотъ, казалось, она взовьется кверху. Чуть не клятвенно конституціонные знахари увѣряли насъ въ этомъ. «Пожалуйста, только осторожнѣе!» «Единственное спасеніе—искусственное дыханіе по системѣ П. Н. Милюкова». Но время шло, а патентованное средство надлежащаго эффекта не производило.

Знахари начали даже смущаться, но въ началѣ іюля ихъ на-

*) См. «Наканунѣ». Спб. 1906 г., стр. 122. Въ «Русскомъ Богатствѣ» соотвѣтствующая глава не появилась вовсе, такъ какъ цѣликомъ была вычеркнута цензоромъ.

дежды вновь оживились. Если не сами они, то, быть можетъ, помогутъ «угодники».

Государственный совѣтъ выразилъ недовѣріе министерству... Фактъ совершился, и послѣ этого рѣшенія государственнаго совѣта положеніе министерства стало совершенно невозможнымъ. Оно, наконецъ, подастъ въ отставку...

Такъ увѣряла «Рѣчь» 2 іюля. Черезъ день явилась новая надежда: на «Божію милость».

Теперь,—писали «Русскія Вѣдомости»,—съ мнѣніями обѣихъ палатъ нашего парламента согласился и государь... И если наши министры ссылаясь на примѣръ Бисмарка, дѣлали видъ, что пренебрегаютъ вотумомъ недовѣрія, многократно высказаннаго государственной думой, если ихъ мало трогало рѣшеніе государственнаго совѣта, то теперь они лишены возможности указывать на довѣріе къ нимъ короны, какъ на стимулъ оставаться у власти. И первымъ необходимымъ послѣдствіемъ утвержденія новаго закона должна быть отставка кабинета *)...

«На Тя, Господи, уповахомъ»... И вдругъ—«совершенно невѣроятное сообщеніе»—вмѣсто парламентскаго министерства на сценѣ русской исторіи оказался г. Столыпинъ.

Взялъ ворону онъ за хвостъ,
Положилъ ее подъ мостъ,—
Пусть теперь ворона мокнетъ...

Когда я начинаю вдумываться въ то, что произошло, то передо мною, какъ живая, встаетъ сценка, описанная на дняхъ въ «XX вѣкѣ» какимъ-то обывателемъ. Привожу это описаніе во всей его непосредственности:

Вчера въ 12 час. ночи 19 числа на 20-е шли два кавалера и шла барышня по шоссе противъ дома 59-го, что на углу новопроложенной улицы въ другъ догнали казаки этихъ молодыхъ людей и сказали, что отдайте барышню а то застегаемъ посадили и увезли барышню она заплакала.

Я никакъ не могу отдѣлаться отъ мысли, что съ Государственной Думой произошло то же самое: ее отдали казакамъ и затѣмъ напечатали сообщеніе, что она «плакала»...

Иного исхода и ожидать было трудно. Въ «новопроложенную» улицу, когда по ней разъѣзжаютъ казаки, нельзя идти съ дамой. А если ужъ идти, то не на «милость Божію» ея кавалеры должны возлагать свои надежды...

II.

Читатели знаютъ, что въ «новую эру» мы не вѣрили и ни въ комъ «мимолетной и тщетной—какъ признаютъ теперь «Русскія Вѣдомости»—надежды на счастливый выходъ изъ тяжкаго и опаснаго кризиса, переживаемаго страной», съ своей стороны, не

*) „Русскія Вѣдомости", 5 іюля.

возбуждали. Напротивъ, мы все время утверждали, что «историческая грань» между самодержавіемъ и народовластіемъ остается еще не пройденной, и что самый трудный, быть можетъ, переходъ предстоитъ впереди. «Едва ли этотъ переходъ—писалъ я въ сентябрѣ прошлаго года—можно будетъ совершить въ костюмѣ лойяльности». Къ декабрю это предположеніе обратилось у меня въ увѣренность. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ ея не поколебали.

На эти событія не лишне будетъ оглянуться. Сдѣлать это я даже обязанъ, такъ какъ они до сихъ поръ остаются не занесенными въ нашу журнальную лѣтопись. Еще въ декабрѣ я прервалъ свои обозрѣнія и съ тѣхъ поръ не имѣлъ возможности къ нимъ вернуться.

Тогда я писалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что произошедшаго въ Москвѣ и далеко еще не закончившагося въ другихъ мѣстахъ вооруженнаго возстанія. Завоеваніе Екатерининской дороги еще продолжалось, покореніе Прибалтійскаго края только еще начиналось; о Сибири, отрѣзанной почтово-телеграфной и желѣзнодорожной забастовкой, доходили лишь смутные слухи, съ Кавказа совсѣмъ извѣстій не было. Предусмотрѣть, что произойдетъ даже въ ближайшіе дни, было не мыслимо. Передъ нами «лежитъ—писалъ я—полоса неизвѣстности,—полоса, несомнѣнно, крупныхъ событій и тяжкихъ потрясеній, великихъ дѣяній и невыносимыхъ страданій, но какихъ—никто предусмотрѣть не въ силахъ. Какъ въ темную ночь живемъ мы».

«Будемъ дѣлать выборы» — провозгласила въ этотъ именно моментъ конституціонно-демократическая партія.

Лозунгъ этотъ прозвучалъ—и я думаю не для меня только—донельзя странно. Въ туманной дали дѣйствительно виднѣлись выборы, но даже думать о нихъ, подъ грохотъ орудій и трескъ пулеметовъ, было трудно. «Дѣлать» же ихъ—въ атмосферѣ забастовокъ, разстрѣловъ и пожаровъ—и вовсе казалось не мыслимымъ. «Во всякомъ случаѣ—писалъ я—не конституціонно-демократическая партія при такихъ условіяхъ *сдѣлаетъ* выборы. Если они будутъ сдѣланы, то, конечно, тѣми, въ чьихъ рукахъ имѣется оружіе»...

Я жестоко ошибся, и теперь долженъ отдать честь дальновидности конституціонно-демократическихъ лидеровъ. Понятно мнѣ теперь и то, почему я ошибся.

К.-д. я считалъ лѣвой партіей. Правда, уже тогда я предусматривалъ возможность, «что разграничительная черта пройдетъ черезъ эту партію и, быть можетъ, даже разрѣжетъ ее». Но это я говорилъ, засматривая въ будущее: «событія—прибавлялъ я—далеко вѣдь еще не кончились». Пока же... Вѣдь на дняхъ, можно сказать, мы вмѣстѣ «явочнымъ порядкомъ» осуществляли свободы. Въ платформѣ к.-д. партіи, какъ и у всѣхъ лѣвыхъ партій и организацій, тогда еще стояло учредительное собраніе. Слишкомъ свѣжо еще было воспоминаніе о томъ, какъ на своемъ учредительномъ съѣздѣ всею душою, всѣмъ сердцемъ к.-д. одобрили всеобщую

забастовку. Резолюція ихъ отъ 18 октября санкціонировала, въ сущности, и другіе болѣе сильные методы борьбы за народную волю... Несомнѣнно, что и правительство, предпринимая репрессіи, склонно было въ то время взять к.-д. партію за общія скобки со всѣми другими «революціонными», если не соціалистическими, то союзными организаціями. Наконецъ, сами к.-д... Вѣдь даже въ Государственной Думѣ они лишь послѣ долгихъ препирательствъ согласились признать фактъ, что они являются «центромъ»...

И мнѣ казалось, что к.-д. партія раздѣлитъ судьбу всей освободительной арміи. Если движеніе будетъ придавлено, то и к.-д., думалось, окажутся подъ прессомъ. При такой обширной площади давленія правительству, быть можетъ, и не удалось бы удержать въ своихъ рукахъ рукоять этого пресса. Не будемъ, однако, гадать, какъ пошли бы въ такомъ случаѣ событія... Фактъ тотъ, что к.-д. партія *не пожелала* раздѣлить судьбу «революціонныхъ» организацій, и ей удалось изъ-подъ пресса высвободиться.

Это можно было, конечно, предвидѣть. Тактика к.-д. тогда достаточно уже опредѣлилась. Правда, теорія ея далеко еще въ то время не сложилась. Противъ второй и третьей всеобщихъ забастовокъ были предъявлены возраженія, но, главнымъ образомъ, практическаго свойства. И лишь П. Б. Струве, неизмѣнно идущій впереди при каждомъ право-фланговомъ движеніи партіи, рѣшительно заявилъ себя принципіальнымъ ихъ противникомъ. Вооруженное возстаніе также осуждалось, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія его непрактичности и безнадежности, и лишь потомъ, на январьскомъ съѣздѣ, была провозглашена этическая его непріемлемость. Тактическая теорія партіи «высшаго порядка» только еще складывалась.

И я думаю, что она складывалась, главнымъ образомъ, въ центрѣ. Я имѣю при этомъ въ виду ту разницу между «центральными» и «периферическими» людьми партіи, которую отмѣчаетъ въ своей статьѣ С. Я. Елпатьевскій.

Я вспоминаю,—говоритъ онъ про послѣднихъ,—исторію каждаго изъ нихъ, ихъ долгую, городскую, земскую и вообще общественнную жизнь, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ аварій и кораблекрушеній, изъ Сциллъ и Харибдъ, изъ подводныхъ скалъ и нападеній пиратовъ, эту удивительную русскую жизнь, гдѣ только спеціально выработанное хитроуміе русскихъ одиссеевъ помогало имъ черезъ „пень-колоду“ протаскивать утлое суденышко дорогого имъ культурнаго и общественнаго дѣла...

Я все ждалъ,—прибавляетъ онъ,—что они разскажутъ, какъ много они пережили, какъ они за эту долгую борьбу изжили себя и пришли сюда, обремененные неудобоносимымъ бременемъ прошлаго, скептическіе и невѣрующіе. Разскажутъ, что они устали жить и извѣрились въ жизнь, что ихъ душа полна негодованіемъ, и что они всѣмъ сердцемъ жаждутъ новаго будущаго Россіи, но что они не могутъ освободиться отъ старыхъ методовъ борьбы, отъ изученія вѣтровъ, отъ тѣхъ осторожныхъ, оглядывающихся шаговъ, что у нихъ, у людей старой жизни, нѣтъ новыхъ методовъ для новой борьбы, что они безсильны, не вооружены добыть это новое будущее.

Они не говорятъ этого; вмѣстѣ съ лидерами они выговариваютъ: „Сезамъ, отворись!“ и дѣлаютъ видъ людей, намѣревающихся „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ разрушить существующій строй“...

Этими, сжившимися со старыми методами, людьми тактическая теорія, согласно которой достаточно сказать: «Сезамъ, отворись!», легко, конечно, могла быть воспринята и усвоена. Но я не думаю, чтобы она самими ими могла быть выработана, не думаю, чтобы другіе методы борьбы не только лично, но и принципіально всѣ они считали бы непріемлемыми. Быть можетъ, даже свои собственные методы,—если бы этотъ вопросъ поставить въ упоръ,—многіе изъ нихъ не рѣшились бы признать самыми вѣрными. Больше того: мнѣ думается, что тамъ - на периферіи партіи—найдется не мало людей, которые способны были бы при извѣстныхъ условіяхъ усвоить и «новые методы». Минутами мнѣ даже кажется, что въ сознаніи Пятигорскихъ, Красноярскихъ, Дебальцевскихъ и прочихъ «республикъ» въ декабрьскіе дни участвовали въ числѣ прочихъ такіе же точно люди, какіе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ послужили кадрами для к.-д. партіи.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что между центромъ и периферіей к.-д. партіи есть въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница. Она сильно чувствовалась и на второмъ, и на третьемъ партійныхъ съѣздахъ. Этимъ, между прочимъ, я объясняю себѣ и ту, на первый взглядъ, довольно странную эволюцію, какая происходила все время въ к.-д. партіи.

На январьскомъ съѣздѣ «учредительное собраніе» уступило мѣсто «учредительнымъ функціямъ» и неспособность сражаться на баррикадахъ была провозглашена въ качествѣ принципа. Въ то же время была признана женская равноправность и насчетъ «справедливой оцѣнки» были даны такія разъясненія, которыя скорѣе приближали партію къ баррикадамъ, чѣмъ удаляли отъ нихъ. Самое наименованіе партіи было измѣнено; привезенное П. Н. Милюковымъ изъ Болгаріи названіе «конституціонно-демократическая» было дополнено болѣе эффектнымъ, зовущимъ, казалось бы, прямо на баррикады, названіемъ «народной свободы». Получилось такое впечатлѣніе, что какъ будто лидеры партіи сдѣлали уступку въ программныхъ вопросахъ, чтобы добиться этой цѣной признанія своей тактической теоріи. Что въ данномъ случаѣ нужно говорить именно объ «уступкахъ», доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что не далѣе, какъ въ октябрѣ, тотъ же П. Н. Милюковъ грозилъ выходомъ изъ партіи въ случаѣ признанія съѣздомъ политическихъ правъ за женщиной.

Когда происходилъ третій съѣздъ к.-д. партіи, я сидѣлъ въ тюрьмѣ, и свѣдѣнія о немъ доходили до насъ лишь въ отрывкахъ. Но общее впечатлѣніе, помню, было то же: новое движеніе въ программѣ влѣво, въ тактикѣ -вправо. Аграрная программа охватила чуть не всю землю и въ нее былъ включенъ даже принципъ, хотя «принципамъ, какъ утверждалъ въ январѣ централь

ный комитетъ, не мѣсто въ программѣ политической партіи». За то даже «учредительныя функціи» исчезли, и к.-д. партія, не скрываясь, шла въ Думу для «органической работы». Она бралась разрѣшить въ ней аграрный, рабочій, національный вопросы...

И опять чувствовалась дисгармонія въ настроеніи. Не спроста, конечно, П. Н. Милюковымъ была сказана рѣчь по поводу основныхъ законовъ. Когда я получилъ газетную вырѣзку съ нею, то мы пользовались уже общею прогулкою, и я читалъ эту рѣчь вслухъ товарищамъ. Даже тамъ, въ домѣ предварительнаго заключенія, ей склонны были апплодировать. При томъ настроеніи, съ какимъ эта рѣчь была встрѣчена на съѣздѣ, казалось, что партія начнетъ въ Думѣ съ отказа признать эти «вѣроломные» законы. Но у бюро съѣзда была уже заготовлена резолюція, которая ни въ коемъ случаѣ не могла связать въ этомъ смыслѣ парламентской фракціи. «Слабо!» «Рѣзче!» — кричали члены. «Единодушіе!»—взывали лидеры... Что касается думской фракціи, то мы всѣ видѣли ея отношеніе къ основнымъ законамъ. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что к.-д. готовы были грудью защищать ихъ... Я имѣю въ виду, между прочимъ, конфликтъ, какой готовился въ Думѣ по поводу законопроекта объ амнистіи, предположеннаго къ внесенію трудовою группою. Если бы Дума продолжала существовать, то, быть можетъ, мы увидѣли бы к.-д. въ роли «болѣе роялистовъ, чѣмъ самъ король». Логическое развитіе ихъ тактики неизбѣжно вело къ защитѣ прерогативъ короны, — даже такихъ прерогативъ, какія лишь при очень распространительномъ толкованіи можно найти въ основныхъ законахъ.

Не совсѣмъ, быть можетъ, правильно я противополагаю въ данномъ случаѣ периферію центру. Точнѣе было бы, конечно, противопоставлять правое крыло партіи, болѣе сильно представленное въ центрѣ, ея лѣвому крылу, преобладающему въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ довольно разномастной въ общемъ периферіи. Какъ бы то ни было, несомнѣненъ тотъ фактъ, что программная эволюція партіи опредѣлялась, главнымъ образомъ, ея лѣвыми элементами, а тактическая — правыми. Что изъ этого въ концѣ концовъ могло произойти—догадаться не трудно. Мы видѣли, напримѣръ, какъ г. Петражицкій, выступившій въ Думѣ рѣшительнымъ сторонникомъ частной собственности, истолковалъ аграрную программу партіи. И лидеры ея право на такое истолкованіе потомъ въ «Рѣчи» признали...

Только при такой, до-нельзя своеобразной, эволюціи к.-д. партія и могла, по моему мнѣнію, до сихъ поръ сохранить свое единство. Но въ этомъ же процессѣ развивалась и та внутренняя «трагедія», которая такъ сильно чувствуется теперь въ существованіи партіи. Партійныя цѣли становились все болѣе великими, партійныя средства все болѣе ничтожными.

И только такимъ путемъ, сознательно ограничивъ свои средства, к.-д. партія могла «сдѣлать» выборы. Я думаю, что мнѣ нечего на-

поминать, какъ старательно она, желая выбраться изъ-подъ пресса, отдѣляла себя отъ «революціонныхъ» организацій. Впрочемъ, одинъ фактъ напомню. Январьскій съѣздъ партіи состоялся *съ разрѣшенія*. Я помню то тяжелое впечатлѣніе, какое произвелъ этотъ фактъ на многихъ. Удручалъ и этотъ легкій, какъ будто даже не замѣченный самой партіей, переходъ отъ «явочнаго порядка» къ «разрѣшительному», когда судьбы перваго представлялись далеко еще не опредѣлившимися; удручали и эти хожденія депутацій къ г. Дурново, когда газеты были полны свѣдѣніями о разстрѣлахъ, произведенныхъ въ Perовѣ и Голутвинѣ, и объ ужасахъ, какіе еще продолжали твориться въ Прибалтійскомъ краѣ. Было, однако, и еще одно обстоятельство, бросавшее крайне непріятный свѣтъ на к.-д. тактику. Не задолго передъ тѣмъ дѣятели союза 17 октября обратились съ представленіемъ къ правительству по поводу стѣсненій, какія полиція чинитъ собраніямъ. Гр. Витте предложилъ имъ устраивать собранія, не опасаясь стѣсненій: для васъ мы сдѣлаемъ-де исключеніе. Но союзъ не пожелалъ пользоваться такой привилегіей, когда стоящая лѣвѣе его к.-д. партія лишена того же права, и его дѣятели прямо заявили объ этомъ правительству. О какихъ-либо подобныхъ заявленіяхъ со стороны к.-д. партіи ничего слышно не было.

Напоминая эти факты, я считаю не лишнимъ оговориться. Я отнюдь не являюсь противникомъ такъ называемыхъ «легальныхъ» средствъ борьбы. Отказъ въ общественной дѣятельности отъ всѣхъ законныхъ формъ,—какъ бы отрицательно вы ни относились къ самому закону и охраняемому имъ строю,—представляется мнѣ не только не цѣлесообразнымъ, но и фактически не осуществимымъ *).

*) Въ союзѣ защиты слова—въ послѣднемъ его засѣданіи—я настаивалъ поэтому на разрѣшеніи членамъ союза дѣлать заявки о новыхъ газетахъ на основаніи правилъ 24 ноября 1905 г., хотя союзъ относился къ этимъ правиламъ безусловно отрицательно. Иначе создалось бы такое положеніе: всѣ органы, входившіе въ составъ союза, были бы закрыты (такая перспектива въ виду обязательства перепечатать манифестъ революціонныхъ организацій представлялась неизбѣжной), новыя же изданія, если бы не были дозволены заявки по правиламъ 24 ноября, не могли бы возникнуть. Въ концѣ концовъ получился бы союзъ не существующихъ изданій, который, конечно, никакой „защиты“ печати оказать былъ бы не въ силахъ.

Припоминается мнѣ и другой фактъ. Выходившая въ то время соціалъ-демократическая газета „Начало“, при любезномъ содѣйствіи г. Лемке, въ одномъ изъ первыхъ же своихъ номеровъ помѣстила петицію о свободѣ печати, поданную въ 1894 г.—вскорѣ послѣ вступленія на престолъ нынѣшняго государя—петербургскими литераторами. Это та самая петиція, отвѣтъ на которую былъ данъ потомъ „черезъ околоточнаго“. Въ теченіе многихъ лѣтъ эта петиція не могла быть въ Россіи даже напечатана. Получивъ возможность это сдѣлать, г. Лемке, скрывшійся сначала за иниціалами, разсказалъ исторію подачи этой петиціи съ особыми ужимками: „Смотрите, дескать, вотъ они борцы-то! Съ прошеніемъ ходили!“ Однимъ словомъ, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы засвидѣтельствовать свой переходъ въ соціалъ-демократы (въ ту пору

«Революціонныя» организаціи не только могуть, но и должны, какъ я думаю, использовать всѣ правомѣрныя формы борьбы съ существующимъ строемъ. Если нельзя основать газеты, устроить собранія, учредить союза безъ соблюденія тѣхъ или иныхъ формальностей, то въ выполненіи ихъ, если его разсматривать само по себѣ, нѣтъ ничего недопустимаго. Больше того: въ осуществленіи такимъ путемъ своего права, въ отстаиваніи уже занятыхъ, хотя бы и не совсѣмъ удобныхъ позицій, разъ имъ угрожаетъ опасность, можетъ быть даже заслуга. И я склоненъ поставить въ активъ к.-д. партіи тѣ усилія, какія она потратила потомъ весной на устройство агитаціонныхъ собраній. Но тогда дѣло стояло иначе. Переходя на «разрѣшительную» позицію—на ту позицію, на которую стремилось отбросить общественныя силы правительство,—к.-д., несомнѣнно, дѣлали уступки. Не права собраній вообще добивались они, а права собраній для своей партіи...

И имъ дѣйствительно удалось отдѣлить себя отъ «революціонныхъ» организацій. Правительству, быть можетъ, было даже выгодно уменьшить площадь давленія, чтобы тѣмъ сильнѣе придавить наиболѣе опасныхъ своихъ противниковъ. Не малое значеніе для ихъ успѣха въ избирательной кампаніи, какъ я думаю, имѣло и то обстоятельство, что крайнія партіи въ выборахъ не участвовали. За «бойкотъ» ихъ потомъ сильно упрекали, но я и сейчасъ не склоненъ считать его ошибкой. Открыто выступить на выборахъ соціалистическимъ партіямъ вѣдь все равно было немыслимо. И если бы онѣ перенесли борьбу на эту почву, то, конечно,

---

многіе вѣдь перешли: Бальмонтъ, Минскій...). Газета, съ своей стороны, не удержалась отъ реплики: „Вотъ они соціалисты революціонеры-то! бывшіе, настоящіе и будущіе—всѣ тутъ... А соціалъ-демократа ни одного нѣтъ!“ Надо сказать, что газета ошиблась: единственный соціалъ-демократъ, имѣвшійся тогда среди петербургскихъ писателей, подъ петиціей подписался. Но дѣло не въ этомъ. Я думаю, мнѣ нечего напоминать, что еще недавно значила подача прошенія „скопомъ“... Для того, чтобы подписать въ 1894 году петицію, быть можетъ, нужно было больше гражданскаго мужества, чѣмъ чтобы напечатать эту петицію и даже осуществлять явочнымъ порядкомъ свободу печати въ ноябрѣ 1905 года... Крайне характерно въ данномъ случаѣ то, что газета, позволившая себѣ эту выходку, издавалась на концессіонномъ правѣ. Чтобы получить разрѣшеніе на эту газету, люди сами ходили съ „прошеніемъ“... Характерно и то объясненіе, какое г. Лемке черезъ день далъ по поводу того, что свою статью онъ подписалъ иниціалами: онъ, видите ли, въ тотъ день былъ еще въ офицерскомъ мундирѣ, теперь же онъ его снялъ и поэтому сообщаетъ полную свою фамилію.

Я, конечно, вовсе не думаю упрекать соціалъ-демократовъ, что они издавали газету, на которую нужно было получить разрѣшеніе. Не думаю я упрекать даже г. Лемке, что онъ поступилъ въ соціалъ-демократы, не снявъ предварительно офицерскаго мундира... Мнѣ хотѣлось лишь на конкретныхъ примѣрахъ показать нецѣлесообразность и невозможность отрицанія всѣхъ формъ того строя, въ какомъ приходится жить и работать.

сюда передвинуло бы главныя свои силы и правительство. Давленіе на выборахъ усилилось бы, и въ результатѣ мы имѣли бы, вѣроятно, далеко не столь оппозиціонную и во всякомъ случаѣ не столь единодушную Думу. Самое большее, что могли бы сдѣлать крайнія партіи, принявъ участіе въ выборахъ, это провести въ Думу нѣсколько лицъ, допустимъ даже нѣсколько десятковъ лицъ, но и то подъ видомъ безпартійныхъ. Сдѣлать свои программы предметомъ открытой агитаціи при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ проходили выборы, повторяю, было немыслимо. Вѣдь ни одной соціалистической газеты въ выборный періодъ не существовало. Ради же проведенія своихъ депутатовъ въ Думу поддерживать «во многихъ милліонахъ русскаго народа мимолетную и тщетную надежду», конечно, не стоило. Да и что бы могли тамъ сдѣлать эти депутаты? Соціалъ-демократическихъ депутатовъ, и при томъ выбранныхъ на партійной платформѣ, мы въ Думѣ видѣли—и, по совѣсти сказать, не много они къ тому, что было уже сдѣлано трудовою группою, прибавили...

Для к.-д. же партіи соціалистическія организаціи оказали двойную услугу. Онѣ не только выдержали на себѣ всю тяжесть давленія, но и своимъ отказомъ отъ участія въ выборахъ произвели, какъ оказалось, такую диверсію, которая поставила партію народной свободы внѣ правительственныхъ выстрѣловъ. Преслѣдовать одновременно и тѣхъ, кто стоялъ за выборы, и тѣхъ, кто былъ противъ выборовъ,—задача была столь трудная, что удовлетворительно разрѣшить ее даже болѣе умное правительство было бы, конечно, не въ силахъ. Напомню, что сами к.-д. высказывали предположеніе, что правительство потому только относится терпимо къ ихъ агитаціоннымъ собраніямъ, что на нихъ выступаютъ бойкотисты...

Какъ бы то ни было, к.-д. выборы «сдѣлали». Я не буду останавливаться на томъ, какъ они были упоены побѣдой, какъ они шли въ Думу, «въ тактъ размахивая шляпой»... Вѣдь они шли осчастливить Россію... Это тріумфальное шествіе я долженъ былъ наблюдать изъ-за тюремной рѣшетки и, уже въ силу этого, могу лишь приблизительно судить о царившемъ тогда въ странѣ и въ к.-д. партіи настроеніи. Скажу одно: въ тюремныхъ стѣнахъ создалась при слухахъ объ этомъ шествіи до-нельзя напряженная атмосфера. Каждый день въ это время казался цѣлымъ мѣсяцемъ: такъ всѣ ждали амнистіи, столь обезпеченной она, по слухамъ, долетавшимъ «съ воли», казалась...

Когда я вышелъ изъ тюрьмы, трудность задачи была уже сознана. Но долго еще к.-д. лидеры склонны были выставлять себя спасителями отечества.

Партія народной свободы,—писалъ П. Б. Струве 11 мая въ „Думѣ"—выдержавъ трудное время на посту, вырвала страну изъ состоянія моральнаго угнетенія и политической растерянности. Она организовала общественное мнѣніе и подготовила тѣ выборы, которые дали настоящую

Государственную Думу. Гдѣ были бы, какъ себя чувствовали бы теперешніе проповѣдники новыхъ „активныхъ выступленій" по декабрьскимъ образцамъ, если бы въ Государственной Думѣ засѣдало не настоящее думское большинство, а большинство правопорядочниковъ и истинно-русскихъ людей?..

Теперь обстоятельства измѣнились. Теперь уже можетъ и должна дѣйствовать та крѣпкая организація общественнаго мнѣнія, которое создала въ значительной мѣрѣ сама Государственная Дума.

Слово за партіей народной свободы!

Около этого же времени П. Н. Милюковъ требовалъ въ судебной палатѣ не только оправданія себѣ и П. Б. Струве, съ которымъ они вмѣстѣ судились, но и признанія заслугъ своихъ передъ Россіей. Лишь много спустя, готовясь уже взять министерскіе портфели въ свои руки, к.-д. лидеры стали писать о «жертвѣ», которую принесетъ, такимъ образомъ, ихъ партія...

Мнѣ какъ-то даже больно вспоминать про эти увлеченія. Но изъ пѣсни слова не выкинешь и изъ исторіи русскаго освободительнаго движенія к.-д. періода не вычеркнешь.

Гдѣ были бы, какъ себя чувствовали бы проповѣдники «активныхъ выступленій?»—спрашивалъ г. Струве. Жизнь уже отвѣтила на этотъ вопросъ. Послѣ разгона Думы они находятся тамъ же, гдѣ находились и послѣ декабрьскаго возстанія,—въ тюрьмахъ. Они вѣдь находились тамъ и тогда, когда Дума засѣдала, когда г. Струве подавалъ свою гнѣвную реплику,—и только въ своемъ увлеченіи одержанной побѣдой онъ не замѣчалъ этого. Слово партіей народной свободы сказано еще не было, а онъ уже пожиналъ лавры.

Теперь оно сказано. Я думаю, что к.-д. сдѣлали весь переходъ, какой полагался по ихъ тактической теоріи. Временами могло казаться, что государственная жизнь вмѣстѣ съ ними вышла на новую колею, и что отнынѣ она пойдетъ уже только путемъ парламентаризма. Но эта надежда оказалась «мимолетной и тщетной». Жизнь круто повернула, и вновь мы оказались на прежней дорогѣ.

Уже начались «активныя выступленія»... Опять передъ нами полоса неизвѣстности, и вновь въ туманной дали виднѣются выборы.

Осложнилась лишь тактика к.-д. партіи. Подъ декабрьскимъ «манифестомъ» стояли подписи шести революціонныхъ организацій. Теперь къ нимъ присоединилась седьмая: подпись партіи народной свободы.

Правда, к.-д. все еще надѣются, повидимому, проходить до конца въ изрядно поистрепавшемся уже костюмѣ своей «лойяльности». «Вы въ правѣ—читаемъ мы въ «выборгскомъ воззваніи»—не давать правительству ни солдатъ, ни денегъ». Но какое же это право? то ли, которое значится въ основныхъ законахъ россійской имперіи, или то, которое творитъ революцію?

Цѣлыхъ полгода нашъ журналъ выходилъ безъ внутренняго

обозрѣнія. Трудно, казалось, мнѣ будетъ догнать быстро бѣгущія событія. Оказывается, однако, что я могу продолжать свои обозрѣнія съ той самой линіи, на которой тогда остановился.

Въ теченіе к.-д. періода русской исторіи впередъ мы не двинулись...

III.

Впередъ мы не двинулись... Но фронтъ, несомнѣнно, развернулся. За это время движеніе сдѣлало вширь громадные успѣхи. Главную роль въ этомъ отношеніи сыграла, конечно, Государственная Дума, явившаяся орудіемъ массовой агитаціи. Такимъ образомъ, «кадетская», какъ ее принято называть, Дума службу всетаки сослужила, хотя и не ту, на которую разсчитывали к.-д.

— Наша ближайшая и непосредственная цѣль—говорилъ въ Думѣ за день до ея разгона г. Котляревскій,—это умиротвореніе.

Съ этою же именно цѣлью к.-д. спѣшили въ Думу, спѣшили разрѣшить аграрный, національный, рабочій вопросы. Въ дѣйствительности же, вмѣсто умиротворенія, были взбудоражены массы. Государственная Дума сдѣлала въ сущности то, чего крайнія партіи предполагали добиться бойкотомъ. К.-д. желали, конечно, идти прямымъ путемъ, считая необходимымъ, какъ можно скорѣе, приступить къ государственному строительству. Но...

Эхъ! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будетъ шесть!

Прямой путь въ дѣйствительности оказался обходнымъ... Долженъ сказать, что мы отнюдь вѣдь не являемся противниками парламентаризма. Напротивъ, только такимъ путемъ—путемъ организованной народной воли,—какъ мы полагаемъ, и можно разрѣшить государственные вопросы. Вся бѣда въ томъ, что к.-д. перешли на этотъ путь тогда, когда время для этого еще не приспѣло. Взяться за государственное строительство, по нашему мнѣнію, можно только со всѣмъ народомъ. Только «черезъ народъ» можно сдѣлать что-либо и тѣмъ болѣе «все для народа». К.-д. же разсчитывали сдѣлать свое дѣло—многое сдѣлать—помимо народа. Въ этомъ и заключается сущность тѣхъ «старыхъ методовъ», съ которыми они сжились, съ которыми они пошли и пришли въ Думу. Въ этомъ отношеніи нѣтъ даже сколько-нибудь существенной разницы между ними и правительствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Сущность «новой», опубликованной г. Столыпинымъ, деклараціи сводится, по мнѣнію «Рѣчи», къ положенію: «сперва долженъ быть возстановленъ *порядокъ*, а затѣмъ даны будутъ *реформы*». «Въ эту программу—говоритъ газета—цѣликомъ перенесены созвучія, очень хорошо уже знакомыя русскому слуху». Дѣйствительно, хорошо знакомыя... Но вѣдь мы ихъ слышали не

только отъ Плеве и Мирскаго, не только отъ Булыгина, Витте и Столыпина. Какъ я уже упомянулъ, мы слышали ихъ въ Государственной Думѣ, накапунѣ ея разгона, изъ устъ к.-д. «Наша ближайшая и непосредственная цѣль—это умиротвореніе».

— Сидите смирно... Мы все для васъ сдѣлаемъ...

Но сдѣлать помимо народа немыслимо. Лишь то представительное собраніе, которое явится выразителемъ *народной воли*, будетъ въ состояніи, по нашему мнѣнію, осуществить неотложныя для страны великія политическія и соціальныя реформы. Но такимъ собраніемъ не была и не могла быть Государственная Дума. Народной воли въ ней не было.

Въ странѣ еще царитъ другая воля. Историческая грань между самодержавіемъ и народовластіемъ, повторяю, еще не пройдена,—и не потому, что русская конституція на бумагѣ не написана; не написана она и въ сердцѣ. Государственная Дума показала это съ особою очевидностью. Передъ нами была, какъ я уже сказалъ, конституціонная лишь декорація.

Народные представители... Мы видѣли ихъ, опоясанныхъ шарфомъ неприкосновенности. Свою роль они играли не дурно, но именно играли. Можетъ быть, они даже «входили» въ свою роль и съ искреннимъ увлеченіемъ говорили свои «властныя» рѣчи. Въ дѣйствительности же «властителями» они отнюдь не были. Они были редакторами повременныхъ изданій, арендовали типографіи, снимали на свое имя квартиры для рабочихъ клубовъ... Но и эти маленькія услуги великой революціи оказывали наиболѣе, быть можетъ, изъ нихъ рѣшительные. Я видѣлъ какъ-то депутата, которому пришлось возвращаться изъ Финляндіи съ револьверомъ, и видѣлъ, какъ онъ побаивался «начальства». Дѣло, конечно, не въ лицахъ, которыя пришли въ Думу, а въ томъ народѣ, которымъ они были посланы. Народъ ихъ не считалъ правительствомъ,—и сами себя они таковымъ не чувствовали. Ихъ послали «добыть», «охлопотать», а не «дать» землю и волю. Они были назойливые ходоки, но народными правителями, имѣющими власть вязать и рѣшить, они не были...

Государственная Дума — часть правительства... Сколько труда положилъ режиссеръ, напоминая объ этомъ то и дѣло забывавшимъ свою роль актерамъ. И всетаки въ рѣшительный моментъ они объ этомъ даже не вспомнили. Правительство раскололось,—должно было получиться два правительства... Но вѣдь не только не было попытки, но даже мысли, чтобы поступить, какъ полагается правительству, не явилось. Почему Дума не собралась въ Петербургѣ? или она испугалась околоточныхъ? Но вѣдь народные представители могли встрѣтить ихъ, какъ бунтовщиковъ, револьверами... Почему они не встали подъ защиту народа? Почему Дума не потребовала, чтобы войско выслало ей охрану?.. К.-д. лидеры любятъ ссылаться на западно-европейскіе образцы и историческіе прецеденты, считаютъ необходимымъ поступать такъ, какъ это дѣлалось

и дѣлается въ «европахъ». На этотъ разъ имѣлся классическій прецендентъ:

— Мы собрались здѣсь по волѣ народа и уступимъ только силѣ оружія...

Но даже эта сцена «кадетской» Думой не была разыграна. Арія Мирабо такъ и осталось не исполненной.

Мы съ г. Таномъ живемъ на дачѣ въ Мустамякахъ, какъ разъ на полъ-дорогѣ между Петербургомъ и Выборгомъ. Въ день роспуска Думы мы сидѣли и обсуждали: что же теперь дѣлать намъ, гражданамъ? Самое естественное, казалось бы, предложить себя въ распоряженіе Думы: вѣдь ей нужны будутъ эмиссары, ей нужны будутъ солдаты... И вотъ мы старались представить себѣ сцену: народъ стекается къ Думѣ... Съ какимъ бы недоумѣніемъ его тамъ встрѣтили! въ какое бы затрудненіе народные представители этимъ были поставлены!.. На другой день г. Танъ всетаки поѣхалъ въ Выборгъ, но онъ поѣхалъ туда въ качествѣ... «интервьювера и наблюдателя». Я отправился въ противоположную сторону и въ поѣздѣ встрѣтилъ не мало знакомыхъ, которые такъ же, какъ и я, чувствовали потребность быть въ этотъ день «на народѣ». И всѣ понимали, что для этого нужно ѣхать къ Петербургу, а не къ Выборгу. Тамъ была Дума, но народа не было. Впрочемъ, и Думы тамъ не было.

«Засѣданіе Государственной Думы продолжается»—будто бы такими словами г. Муромцевъ открылъ собраніе въ Выборгѣ.

Крайне характерно, однако, что въ это же самое время всѣ газеты, даже к.-д. «Рѣчь», трактовали уже Думу, какъ не существующую. И въ дѣйствительности ея, конечно, не было. Въ Выборгѣ собрались ходоки, чтобы въ укромномъ мѣстечкѣ, на спокоѣ «отписать» на родину. Никакихъ постановленій тамъ Дума не сдѣлала. Народные представители лишь сочинили общими силами письмо, въ которомъ «отписали»:

— Въ сенатѣ мы проиграли, но дѣло наше вѣрное. Стойте за него крѣпко и ренды барину не платите. Вы въ правѣ...—и т. д. какъ написано въ выборгскомъ воззваніи.

Путь парламентаризма, которымъ пошла к.-д. партія, оказался— что, конечно, не трудно было предвидѣть — перегороженнымъ, и она вынуждена была перепрыгнуть на революціонную тропку. Разрушить безъ народа стѣну абсолютизма было, конечно, немыслимо. Другихъ же путей у партіи не было, и по теоріи таковые ей не полагались.

Именно на тропку перепрыгнула она,—на одну изъ тѣхъ извилистыхъ и неизвѣстно куда ведущихъ тропокъ, какими вынуждены ходить конспиративныя организаціи. Вполнѣ возможно, что, постоявъ на ней одной ножкой, партія народной свободы вновь покамешкамъ переберется на прежнюю дорогу лойяльности, и вновь, быть можетъ, ея лидеры поведутъ своихъ сторонниковъ, чтобы стукнуться лбомъ объ стѣну (если, конечно, кто-нибудь тѣмъ временемъ ея не разрушитъ). Но осмотрѣть эту тропку мы всетаки

обязаны, тѣмъ болѣе, что и помимо к.-д. русская революція ею пользуется. Революціонныя организаціи, какъ я напоминалъ, еще въ декабрѣ пошли ею.

«Не давайте правительству ни солдатъ, ни денегъ!.. ни копѣйки въ казну, ни одного солдата въ армію»!.. Сильно сказано. Я не стану оцѣнивать реальнаго значенія этого средства борьбы при данныхъ условіяхъ. Не буду говорить о томъ, какъ мало значатъ нѣсколько десятковъ милліоновъ прямыхъ налоговъ (а вѣдь о нихъ только и можетъ быть въ данномъ случаѣ рѣчь) по сравненію съ милліардомъ, какой поступаетъ въ казну путемъ косвенныхъ. «Копѣйки» казна дѣйствительно, быть можетъ, не получитъ, но «рубли» соберетъ полностью. Не буду говорить и о томъ, какъ мало значитъ отказъ въ рекрутахъ, — при томъ же вѣдь это въ октябрѣ только будетъ!—когда правительство можетъ держать имѣющихся у него солдатъ, сколько ему вздумается. Ужъ лучше было бы этимъ послѣднимъ сказать: отпускаемъ васъ по домамъ,—расходитесь!.. Въ сдѣланномъ Думой «ходѣ» есть и еще одна сторона, которая всегда меня тревожила и тревожитъ.

Когда мы ѣхали 10 іюля по направленію къ Петербургу, то въ поѣздѣ, шедшемъ изъ Выборга, уже были свѣдѣнія о томъ, что предложили к.-д. И вотъ, помню, одинъ изъ собесѣдниковъ, волнуясь,—полу-гнѣвно, полу-иронически,—восклицалъ:

— Не давайте денегъ!.. Да кто же въ Россіи даетъ ихъ правительству? Гдѣ такіе дураки виданы?.. Подати у насъ не платятъ,—ихъ выколачиваютъ...

При обычныхъ условіяхъ ихъ выколачивали: придутъ и уведутъ послѣднюю корову; если же коровы нѣтъ, то разложатъ и всыплютъ. Въ наше же время—особенно при податной забастовкѣ—поступаютъ и круче. Какой-то генералъ-губернаторъ на югѣ, помню, объявилъ, что онъ будетъ неплательщиковъ просто-на-просто разстрѣливать... Приглашая не давать денегъ, народные представители своимъ воззваніемъ зовутъ, въ сущности, къ гораздо большему. Если этотъ лозунгъ принять въ серьезъ, то онъ вѣдь значитъ: топоромъ защищай свою корову! съ косами и вилами выходите навстрѣчу карательнымъ отрядамъ! Онъ значитъ: начинайте вооруженное возстаніе!

Вооруженное возстаніе... На отрицательномъ отношеніи къ этому лозунгу к.-д. сдѣлали, можно сказать, свою карьеру. Я понимаю тѣ чувства, которыя волнуютъ въ этомъ случаѣ обывателей. Признаюсь, я самъ неустанно твержу: да минуетъ насъ чаша сія!.. Въ декабрьскомъ обозрѣніи, обсуждая и истолковывая призывъ революціонныхъ организацій къ вооруженному возстанію, я писалъ:

Черезчуръ часто и не всегда обдуманно провозглашаемый лозунгъ можетъ быть, конечно, воспринятъ нѣкоторыми въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какой онъ имѣетъ въ дѣйствительности. Было бы, однако, слишкомъ прискорбно, если бы возстаніе мыслилось кѣмъ не только какъ печальная

возможность, но и какъ роковая необходимость. Было бы опасно, если бы эту необходимость признавалось желательнымъ, во что бы то ни стало, ускорить... Можно бояться, — продолжалъ я,—что возстаніемъ начнутъ пользоваться такъ же неосторожно и такъ же исключительно, какъ начали было пользоваться забастовкой. Между тѣмъ, вѣдь это крайнее изъ средствъ, какимъ располагаетъ революція, и едва ли нужно говорить, какія могутъ быть послѣдствія, если оно начнетъ срываться. Нужна, конечно, рѣшительная тактика, но въ своихъ формахъ она должна быть достаточно разнообразна и ни въ одной изъ нихъ не должна быть перегружена. Иначе все движеніе можетъ надломиться...

Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ вооруженному возстанію к.-д. все время шли дальше. Ихъ тактическая теорія позволяетъ имъ отъ этой чаши отвернуться. Если ужъ это необходимо, то пусть ее пьютъ другіе... И вотъ они сами бросаютъ, въ сущности, тотъ же самый лозунгъ.

Главное же, они кидаютъ его въ неорганизованную среду. Они поступаютъ, въ сущности, такъ же, какъ и конспиративныя организаціи, когда тѣ бываютъ вынуждены дѣйствовать прокламаціями; они «зовутъ», а не «дѣлаютъ».

И вотъ я себѣ представляю, что «выборгское воззваніе» доходитъ до какой-нибудь Моховатки. Она въ серьезъ и со всею свойственною ей экспансивностью воспринимаетъ его, тогда какъ всѣ окружающія ее села и деревни относятся съ раздумьемъ. Ничтожная и изолированная деревушка оказывается, такимъ образомъ, брошенной подъ тяжелый молотъ, оказывается противопоставленной всей силѣ долженствующей обрушиться на нее государственности.

Я допускаю такіе методы борьбы, какъ податная забастовка и вооруженное возстаніе, но я полагаю, что, прибѣгая къ нимъ, беря на себя иниціативу, сознательные элементы страны должны быть увѣрены, что они въ состояніи будутъ противопоставить государству не изолированныя и безпомощныя Моховатки, а достаточно обширную и соорганизованную территорію, способную вынести давленіе, не будучи въ конецъ раздавленной. Я понимаю, что податная забастовка или вооруженное возстаніе могутъ вспыхнуть стихійно,—и думаю, что сознательные элементы обязаны въ такомъ случаѣ сдѣлать все возможное, чтобы внести въ нихъ организующую силу. Но такъ просто «звать» къ такимъ вещамъ едва ли они въ правѣ.

И я думаю, что было бы лучше, если бы народные представители,—разъ они считали это возможнымъ и необходимымъ,—сами возстаніе начали. Тогда Дума явилась бы тѣмъ организующимъ центромъ, какого не хватаетъ движенію для «активныхъ выступленій». Къ ней начали бы стекаться люди и средства. Тогда свеаборгскія и кронштадтскія силы, можетъ быть, и не были бы такъ безплодно растрачены. Во всякомъ случаѣ, тогда были бы понятны слова, которыми заканчивается «выборгское возваніе»:

«Въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами».

А теперь... Г. Онипко дѣйствительно оказался въ Кронштадтѣ... Но я не представляю себѣ, какимъ образомъ какой-либо адвокатъ или профессоръ, а ихъ среди народныхъ представителей было не мало, во время податной забастовки будетъ съ крестьянами. Можетъ быть, онъ откажется отъ обычной рюмки водки. Но вѣдь тамъ, въ деревнѣ топоромъ въ это самое время мужикъ долженъ будетъ отстаивать свою корову...

Занять другую позицію, сыграть роль «правительства», выполнить «учредительныя функціи» Государственная Дума, какъ можно предполагать, была даже въ силахъ... Начиная эту главу, я сталъ говорить о ея заслугахъ и только теперь, окольнымъ путемъ, я могу къ нимъ вернуться. Да, заслуги эти, какъ я уже сказалъ, велики и онѣ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ на первый взглядъ кажутся. Дѣло не только въ томъ, что новые обширные слои населенія были взбудоражены Думой, но и въ томъ, что въ психологіи массъ произошли, быть можетъ, благодаря ей, крайне важныя перемѣны. Ходоковъ, а не правителей,- какъ я уже сказалъ,—народъ посылалъ въ Думу. Но послѣ двухмѣсячнаго ихъ тамъ пребыванія,—послѣ того, какъ была наглядно показана вся несостоятельность существующаго правительства и вся безплодность возлагаемыхъ на него народомъ надеждъ—онъ, можетъ быть, и призналъ бы ходоковъ своимъ «начальствомъ». Возможно, что не только въ Свеаборгѣ, но и въ самомъ Петербургѣ нашлись бы нужныя для новаго правительства силы. Возможно, что не только съ воззваніемъ, но и съ декретами народные представители могли обратиться къ народу.

«Кадетская» Дума не испробовала этой возможности,—и мы не знаемъ, насколько велика она. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ направленіи много сдѣлано. И мы ближе теперь къ учредительному собранію, чѣмъ тогда, когда к.-д. взялись сдѣлать выборы. И—кто знаетъ!—можетъ быть, въ слѣдующій разъ народъ будетъ выбирать уже не ходоковъ, а правителей. Если это такъ, то заслуги «кадетской» Думы громадны.

Допуская и признавая ихъ, мы должны во всякомъ случаѣ ясно себѣ представлять то положеніе, въ какомъ мы находимся. Взбудораживъ народъ, Государственная Дума его не сорганизовала. Согласимся даже съ г. Струве, что к.-д. партіей въ процессѣ избирательной кампаніи сорганизовано «общественное мнѣніе», но несомнѣнно, что «народныя силы» остаются не сорганизованными. Въ организаціи ихъ, какъ я думаю, и заключается главная очередная задача.

Я плохо вѣрю въ то, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно эту задачу могли разрѣшить существующія у насъ двѣ соціалистическихъ партіи. Пора убѣдиться, что конспиративная организація не можетъ охватить массы. К.-д. партія тоже заявила въ этомъ дѣлѣ свою несостоятельность. Очевидно, за него долженъ взяться

кто-то еще, и для этого нужна, какъ я думаю, открытая соціалистическая партія.

Почти всю свою «Хронику» я посвятилъ к.-д. Сдѣлать это я былъ вынужденъ всѣмъ ходомъ событій. Изъ пѣсни, какъ я уже сказалъ, слова не выкинешь и изъ исторіи освободительнаго движенія к.-д. періода не вычеркнешь. Долженъ, однако, признаться, что я предпочелъ бы другую тему. Тяжело наносить удары тѣмъ, кому и безъ того больно, и мучительно сражаться съ тѣмъ, кто въ борьбѣ съ общимъ врагомъ является союзникомъ.

Особенно сейчасъ. Вся Россія опять раздѣлена на два враждебныхъ лагеря: среднія позиціи очищены, всѣ освободительныя силы въ одно мѣсто сдвинуты. Всѣ находятся подъ ударами,—и нельзя сказать, кто первый долженъ будетъ выбыть изъ строя. Никто не можетъ считать себя свободнымъ отъ обязанности пріять вѣнецъ мученическій...

Его только что принялъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей партіи народной свободы—М. Я. Герценштейнъ. А тамъ, во mракѣ, быть можетъ, уже оттачивается новый ножъ, предназначенный кому-либо изъ его товарищей по Государственной Думѣ.

Передъ лицомъ этой темной силы всѣ наши разногласія и споры подчасъ кажутся не такъ уже важными, а минутами—даже излишними. Въ частности, съ покойнымъ Михаиломъ Яковлевичемъ,—не говоря уже о томъ, что мы шли въ разныхъ отрядахъ освободительной арміи—и лично другъ съ другомъ мы не разъ полемизировали. Между тѣмъ, мы шли вѣдь въ одномъ направленіи, дѣлали одно дѣло. Оба мы старались добыть народу землю,—правда, въ разномъ количествѣ и въ разныхъ формахъ, но мы стремились передвинуть ее въ одну сторону.

Но... не напрасны всетаки, какъ я думаю, были наши споры и пререканія. Препираясь другъ съ другомъ, мы, въ сущности, держали военный совѣтъ, какъ лучше справиться съ общимъ недругомъ. Взаимныя пререканія помогали намъ найти наиболѣе надежныя и прочныя для себя позиціи.

И даже теперь, послѣ смерти Михаила Яковлевича, лучшимъ вѣнкомъ съ моей стороны на его могилу будетъ, какъ мнѣ кажется, самое внимательное отношеніе къ тому, что онъ сдѣлалъ по аграрному вопросу. Можетъ быть, мнѣ опять придется оспаривать его мысли и планы. Пусть такъ... Для усопшаго общественнаго дѣятеля то, что съ нимъ считаются, служитъ памятникомъ. Когда съ выбывшимъ изъ строя борцомъ ведутъ полемику, то этимъ ему отдаютъ своего рода воинскія почести. И такія почести я, быть можетъ, въ самомъ близкомъ будущемъ долженъ буду отдать покойному Михаилу Яковлевичу.

Пока же, обращаясь къ свѣженасыпанной могилѣ и лежащему въ ней другу-противнику, скажу одно:

— Sit tibi terra levis. Пусть тебѣ будетъ земля легка,—та са-

мая земля, которую ты добывалъ народу и за которую заплатилъ своею кровью.

А. Пѣшехоновъ.

Памяти С. Н. Кривенко.

5 іюня этого года скончался въ Туапсе, Черноморской губерніи, писатель Сергѣй Николаевичъ Кривенко. Въ послѣдніе годы покойный почти отсутствовалъ въ печати, но было время, когда онъ былъ дѣятельнымъ журналистомъ и популярнымъ писателемъ.

С. Н. Кривенко родился въ 1847 году и въ настоящее время онъ приближался къ шестидесятилѣтію, но смерть раньше прекратила эту жизнь, полную борьбы и разныхъ испытаній. Образованіе получилъ онъ первоначально въ кадетскомъ корпусѣ, но, прослуживъ офицеромъ не болѣе года, поступилъ въ технологическій институтъ, гдѣ не могъ окончить курса, и послѣ двухлѣтняго пребыванія въ институтѣ былъ оттуда удаленъ за участіе въ студенческомъ движеніи. Около этого же времени онъ началъ сотрудничать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи В. Ѳ. Корша. Пребываніе въ этой газетѣ, съ ея земскими симпатіями, вѣчною боязнью за участь «нашихъ молодыхъ еще не окрѣпшихъ учрежденій», постоянными опасеніями всего рѣзкаго и радикальнаго, неизмѣнною проповѣдью умѣренности,—не могло не отразиться на молодомъ сотрудникѣ и оставило свой отпечатокъ на литературной физіономіи Кривенко даже въ періоды наиболѣе радикальной публицистики и общенія съ самыми лѣвыми элементами журналистики тѣхъ временъ.

Не смотря на всю умѣренность и аккуратность газеты Корша, она была отнята у него гр. Д. Толстымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, и передана въ руки «охранителей», какъ тогда назывались отцы и дѣды нынѣшнихъ черносотенцевъ. Либеральная редакція разсѣялась, сотрудники остались не у дѣлъ, въ ихъ числѣ и Кривенко. Это случилось въ 1873 году, и съ этого года молодой авторъ начинаетъ появляться въ «Отечественныхъ Запискахъ» редакціи Некрасова, Салтыкова и Елисеева. Подъ руководствомъ Елисеева пришлось теперь работать начинающему журналисту, и это руководство окончательно формируетъ нашего писателя. Радикализмъ широко-идейной программы Елисеева (общей у него съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ) мало тронулъ новаго сотрудника «Отечественныхъ Записокъ», онъ уже вынесъ изъ газеты Корша антипатію къ широкимъ горизонтамъ и теряющимся въ облакахъ вершинамъ. Однако, у Елисеева была и другая сторона дѣятельности и мышленія. Елисеевъ всегда, кромѣ общихъ принциповъ и широкой программы будущаго, стремился имѣть и проводить теоретическую программу даннаго будничнаго дня, то, что теперь называютъ *платформой*. И для того момента (около половины семидесятыхъ годовъ) это была «платформа», поставившая своей цѣлью спасеніе народнаго хозяйства, чтобы оно могло про-

существовать и не погибнуть до лучшихъ временъ, когда настанетъ пора осуществить всю полноту соціализаціи сельской промышленности. Для этого спасенія и отсрочки предполагалось необходимымъ: пониженіе налоговъ, расширеніе надѣловъ, хотя бы до нормъ 1861 года, организація переселеній, мелкій кредитъ, школы. Эта платформа и была усвоена Кривенкомъ и, надо ему отдать должное, онъ остался ей вѣренъ всю свою жизнь. Широкая программа будущаго, того будущаго, которое нынѣ пробуетъ стать настоящимъ, была не для Кривенко, но практическая платформа *того* историческаго дня стала основою всей его литературной дѣятельности. Рядъ статей этого рода обратилъ вниманіе публики на Кривенко и заслужилъ ему имя среди пишущей братіи, такъ что, когда болѣзнь заставила Елисеева оставить «внутреннее обозрѣніе», этотъ отдѣлъ былъ переданъ Кривенку, и съ 1881 до 1883 г. включительно онъ его велъ подъ общимъ заглавіемъ: «По поводу внутреннихъ вопросовъ».

Очень былъ умѣренный человѣкъ покойный писатель, но все-таки оппозиціонный правительству Д. Толстого, тогда угнетавшаго Россію. Къ тому же Кривенко охотно помогалъ ссыльнымъ и заточеннымъ. Всего этого было достаточно, чтобы въ 1885 году его арестовали и выслали затѣмъ въ Западную Сибирь, откуда онъ вернулся только въ 1890 году. Онъ сумѣлъ вернуться еще болѣе умѣреннымъ. Онъ кое-что усвоилъ себѣ изъ толстизма, и программа «садиться на землю» дополнила его прежнюю платформу и сдѣлала ее еще мельче и тѣснѣе.

Послѣ неудачной попытки сотрудничать въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» временъ г. Волынскаго, Кривенко вмѣстѣ со Станюковичемъ пріобрѣтаютъ у г. Оболенскаго журналъ «Русское Богатство». Первый годъ изданія кончился неудачно. Надо было для журнала создать атмосферу, при которой возможно было бы опереться на симпатіи широкихъ круговъ читающей публики. Ни узенькая и тѣсненькая программка Кривенко, ни его имя не были достаточны. Самъ Кривенко обратился къ Н. К. Михайловскому, и тотъ согласился стать во главѣ журнала. Это создало необходимую основу для успѣха и для симпатій читателя, но внесло въ журналъ широкіе горизонты, радикальныя программы, рѣшительную критику... Кривенко ушелъ. Каковы бы ни были непосредственные поводы ухода Кривенко, основная причина заключалась въ его умѣренности, которая по измѣнившимся обстоятельствамъ мѣста и времени начинала походить прямо на консерватизмъ.

Въ 1895 году Кривенко пробовалъ основать журналъ «Новое Слово», но неудачно. Такъ же неудачно было и его редактированіе газеты «Сынъ Отечества». Читатель переросъ писателя и отъ послѣдняго требовалъ и большей широты, и большаго радикализма. Тѣмъ не менѣе, и публика, и товарищи-писатели должны съ благодарностью записать имя С. Н. Кривенко въ исторіи русской журналистики. Безкорыстно преданный народному дѣлу, какъ онъ его понималъ, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, отзывчивый на нужды товарищей, добрый и гуманный человѣкъ,—въ такихъ чертахъ обрисовывается симпатичная и благородная фигура почившаго писателя.

С. Южаковъ.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

АВГУСТЪ. 1906.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1906.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул. д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотъ*).

ПОБѢГЪ.

Повѣсть.

VI.

Этотъ годъ былъ для Джурджуя особенно богатъ приключеніями. Еще не утихли отголоски скандала съ учительшей, а уже надвигалось событіе, которое потрясло до основъ не только джурджуйскій край, но и все русское государство.

Везшій вѣсть о немъ казакъ летѣлъ, буквально очертя голову. Трупы лошадей бросалъ по пути, бралъ отъ жителей свѣжихъ животныхъ и все мчался и мчался... Спалъ въ сѣдлѣ, ѣлъ лишь постольку, поскольку успѣвалъ закусить во время хватанія и сѣдланія лошадей. Въ пять дней онъ проскакалъ тысячу безъ малаго верстъ. Наконецъ, онъ очутился на краю обрыва, откуда виденъ былъ Джурджуй. До города осталось всего верстъ семь. Но казакъ узналъ по облакамъ, низко опустившимся на хребты горъ, по одинокимъ взметамъ снѣга въ ложбинахъ, по колыханію вершинъ лиственницъ на косогорахъ, что ждетъ его еще тяжелое испытаніе.

— Не лучше ли свернуть къ жителямъ... есть тутъ недалеко!..—искушалъ его ямщикъ.

— Ишь!.. Дикій!.. Слѣзай съ лошади!

Нарочный пересѣлъ на лучшую ямщицкую лошадь, снявши съ нея предварительно вьюки и все лишнее; ямщика онъ оставилъ на дорогѣ съ вещами и самъ погналъ во весь духъ.

Въ долинѣ подымалась одна изъ тѣхъ весеннихъ непогодъ, когда, казалось, всѣ вѣтры, притаившіеся въ горныхъ ущельяхъ, слетались туда на послѣдній рѣшительный бой. Сначала выбѣжалъ одинъ изъ нихъ и понесся по чуть-чуть уже согрѣтой солнцемъ равнинѣ, побѣдоносно завывая и стряхивая съ деревьевъ уцѣлѣвшій на нихъ снѣгъ. Но не достигъ онъ и половины пути, какъ съ боку

набросился на него другой вихрь, вцѣпился въ его тѣло, смялъ его, скрутилъ и, обнявшись, помчались они уже дальше вдвоемъ съ ревомъ и дракой. Ихъ шумныя волны заполонили уже почти всю долину, уже достигали противуположныхъ горъ, когда вдругъ оттуда скатилось плоское, широкое воздушное теченіе, незамѣтно подмыло ихъ и ударило снизу. Мятель вдругъ уродливо вздулась, бѣшено закружилась и разорвалась на тысячу вихрей и дуновеній. Какъ стая бѣлыхъ, мохнатыхъ чудовищъ, покатилась пурга по долинѣ съ воемъ, свистомъ, ржаніемъ. Вѣтры кусали другъ друга, сталкиваясь лбами, точно разъяренные быки, и сѣкли все на пути жгутами снѣга, точно мечами. Лѣса трещали и склонялись низко подъ ихъ ударами, точно легкіе тростники. Ущелья и утесы ревѣли ужаснымъ воемъ, а схваченныя водоворотомъ мятели облака смѣшивались съ снѣговымъ туманомъ и варомъ кипѣли, то взлетая вверхъ, то опускаясь къ землѣ.

Когда эта бѣшено клокочущая волна ударила въ казака, лошадь застонала и зашаталась, а всадникъ сдѣлалъ крестное знаменіе. Вскорѣ онъ потерялъ всякое соображеніе, гдѣ онъ и въ какую сторону долженъ держать путь. Вѣтры били его съ боковъ, сверху, даже снизу, выбрасывая на воздухъ столбы снѣга, стертаго въ тончайшую пыль. По временамъ, когда бой вѣтровъ на мгновеніе стихалъ, тяжелые, влажные хлопья снѣга сыпались беззвучно съ низкихъ тучъ. Тогда казакъ чуть приподнималъ съ глазъ мѣховой наличникъ и осматривалъ окрестности, а лошадь чистила заткнутыя снѣгомъ ноздри о выставленное впередъ копыто. Но затишье рѣдко продолжалось дольше самаго крошечнаго мгновенія, а затѣмъ опять подымался вой, гомонъ, и все опять тонуло въ бѣломъ, холодномъ, страшномъ водоворотѣ. Лошадь храпѣла, обнюхивая путь, а казакъ молился. Оба они уже съ трудомъ шевелились, уже замерзали, когда животное неожиданно остановилось и тихонько заржало. Совсѣмъ близко спокойно подымалось въ мутномъ бурунѣ большое темное зданіе съ остроконечной крышей. Казакъ опять перекрестился, опасаясь „навожденія“, но спустился съ сѣдла и, перебравшись сквозь сугробы заносовъ, принялся ногами и руками колотить входныя двери.

Послѣ долгаго стука, двери тѣ, наконецъ, чуть пріотворились, и въ щелку выглянуло удивленное лицо полицейскаго сторожа.

— Изъ „губерніи“... Государь убитъ!.. Бѣги за начальникомъ округа!..

Оторопѣвшій сторожъ хотѣлъ было въ отвѣтъ захлоп-

нуть двери передъ носомъ казака, но тотъ быстро всунулъ ногу за косякъ...

— Сказываю тебѣ: царь убитъ! Бери коня и веди подъ навѣсъ...

Сторожъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и пятился назадъ, не увѣренный: казака ли видитъ передъ собою, или привидѣніе.

Нарочный, между тѣмъ, развязалъ ремни и сдернулъ съ головы капюшонъ...

— Лошадь доспѣй, а къ начальнику я самъ схожу... Дай каплю глотнуть топленаго масла... Ледъ у меня въ сердцѣ!..

Часъ спустя въ занесенныхъ вьюгой до крышъ домишкахъ города, у жарко растопленныхъ камельковъ, испуганные жители разсказывали другъ другу ужасную новость. Въ полиціи собрались чиновники, попъ и офиціальные представители города; въ юртѣ у Александрова — политическіе ссыльные.

На дворѣ все еще свирѣпствовала мятель.

— Свершилось!.. Свершилось!.. Со времени Куликовской битвы не случалось въ Россіи болѣе важнаго событія!.. Господа, родина наша на новый входитъ путь... Можете не бѣжать!.. У насъ будетъ конституція!.. Свобода!.. Цѣпи рабства порваны навсегда!- говорилъ возбужденно Аркановъ, сжимая руки и расхаживая по юртѣ.

— Столько жертвъ!.. Земной богъ, передъ которымъ русскій мужикъ ницъ падалъ...

— Несомнѣнно, событіе первостепенной для Россіи важности; главное, какое оно произведетъ впечатлѣніе на простой народъ: перестанетъ ли онъ боготворить своихъ властителей, или, наоборотъ, возмутится и встанетъ противъ освободителей... И то, и это возможно! Кто поручится, что это удачное покушеніе не поведетъ къ еще горшей реакціи!.. Какъ ни какъ, съ именемъ убитаго связано освобожденіе крѣпостныхъ милліоновъ. Лицо выбрано неудачно... Для народа онъ, всетаки, былъ лучшимъ царемъ. Я вижу въ этомъ убійствѣ, какъ и въ другихъ покушеніяхъ, только доказательство политическаго безсилія и политической безтактности партіи!--раздражительно доказывалъ Петровъ.

— Лучшимъ царемъ?.. А сиротскіе надѣлы? А земскіе стражники? А преслѣдованіе [illegible]?! Допустимъ даже, что народъ выскажется за царя, такъ развѣ это доказательство?! Народъ, темный и обездоленный, жалкое рабское стадо, загнанное и управляемое горстью чиновниковъ!..-- заспорилъ Аркановъ.

— Народъ, я думаю, или останется безучастенъ, или

набросится на своихъ угнетателей... Во всякомъ случаѣ, вспыхнутъ волненія!—замѣтилъ Александровъ.

— Конституціи, можетъ быть, и не дадутъ, но уступки во всякомъ случаѣ сдѣлаютъ! — необыкновенно энергично сказалъ Черевинъ.

— Это зависитъ всецѣло отъ того, будетъ ли продолженіе... Если у партіи есть силы, чтобы вырвать уступки... — вмѣшался Негорскій.

Поднялся споръ. Каждый спѣшилъ высказать свое мнѣніе, и у каждаго было оно особое. Даже Гликсбергъ, придерживая Воронина за пуговицу, что-то доказывалъ ему горячо, ссылаясь то на того, то на другого заграничнаго автора.

— Да, да!.. Именно... Россія! — бормоталъ тотъ неопредѣленно.

— Какая Россія?.. Какое именно?!.. Вы кажется не разслышали?!—горячился Гликсбергъ.

Всѣхъ заглушилъ, въ концѣ концовъ, басъ Арканова.

— Господа, подымитесь хоть немножко надъ деталями текущей жизни. Отбросьте буржуазную привычку сейчасъ же требовать за все наличныя деньги. Отъ казни Людовика XVI...

— Тише! Кто-то идетъ!..

— Пусть идетъ!

Ораторъ, однако, предусмотрительно умолкъ. Въ сѣняхъ слышался продолжительный, неопредѣленный шорохъ. Очевидно, посѣтитель не могъ найти ремня, замѣняющаго въ Джурджуѣ дверную ручку. Красусскій толкнулъ двери. На порогѣ появился джурджуйскій командиръ, казачій пятидесятникъ, въ парадномъ мундирѣ и при саблѣ; казаку, который провожалъ его, онъ приказалъ остаться въ сѣняхъ. Самъ вошелъ въ избу и двери за собой притворилъ.

— Исправникъ проситъ васъ, господа, къ восьми часамъ въ полицію.

— Всѣхъ?

— Всѣхъ.

— Зачѣмъ?

— Этого я не знаю!

— Пусть исправникъ пришлетъ намъ оффиціальную повѣстку съ указаніемъ дѣла!—отвѣтилъ высокомѣрно стоявшій впереди Аркановъ.

— Значитъ, вы, господа... отказываетесь!

— Пусть пришлютъ намъ письменно приглашеніе, и возможно, что пріидемъ!—отвѣтилъ мяче Самуилъ.

Командиръ подумалъ немного, поклонился и ушелъ, позванивая шпорами.

Ссыльные стали дѣлать разныя догадки: что бы это требованіе могло означать, — и рѣшили сегодня не расходиться. Александровъ и Негорскій угостили товарищей отличными сухарями и сушенымъ мясомъ. Самоваръ, постоянно подбавляемый, кипѣлъ непрерывно.

Вскорѣ казакъ принесъ формальную повѣстку, чтобы всѣ, названные по имени и фамиліи, явились сегодня въ полицію для подписи къ присягѣ на вѣрность новому царю, а завтра принесли ее въ церкви.

Требованіе было дотого неожиданно, что ссыльные смутились.

— Дураки! Какое же значеніе представляетъ присяга человѣка невѣрующаго, какъ я? — сказалъ, пожимая плечами Черевинъ.

— Значитъ, вы отказываетесь?

— Ну, нѣтъ. Я не столько наивенъ, чтобы позволить такъ грубо себя обойти... Вѣдь это явная ловушка!

— Возможно. Но я, даже зная это... не могу... Не смотря на то, что теоретически не вижу препятствій, но... есть что-то въ этомъ крайне гадкое и позорное... Не могу, хотя бы меня за это... сослали въ каторгу... не могу... — горячился Петровъ.

— Я полагаю, что не подлежитъ сомнѣнію... — началъ было Аркановъ.

— Именно!

— Такъ!

— Нѣтъ!

— Пусть всѣ выскажутся!

Поднялся шумъ.

— Значитъ, вы предполагаете, что мой мужъ готовъ присягнуть?—воскликнула болѣзненно Арканова.

— Наоборотъ, я предполагаю, что никто изъ насъ не станетъ присягать, что это само собою понятно, и что не стоитъ объ этомъ разсуждать. Для меня вопросъ только, въ какой это сдѣлать формѣ?

— Безъ всякой формы!.. Развѣ неизбѣжно разговаривать разговоры съ этими господами? Дѣло само за себя говоритъ: не явились, значитъ —не хотимъ!.. — совѣтовалъ Александровъ.

— Этого мало. Этого они не поймутъ!.. — отвѣтилъ Самуилъ.

— Въ правѣ будутъ подумать, что мы боимся ихъ!..—добавилъ Красусскій.

— Пусть думаютъ. Тѣмъ хуже для нихъ. Какое намъ дѣло, что объ насъ думаетъ джурджуйскій исправникъ?!

Я не склоненъ разговаривать съ ними о моихъ убѣжденіяхъ... Ни съ кѣмъ, даже съ министромъ!.. Смѣшное заблужденіе, что можно убѣдить ихъ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ силы...— продолжалъ доказывать Александровъ.

— Всетаки что-нибудь отвѣтить нужно. Это необходимо не для нихъ и не для насъ, но для... народа, для исторіи!— замѣтилъ Аркановъ.

— Именно! У народа только и дѣла, что заниматься нашими протестами. Я поддерживаю предложеніе Александрова. Всякій разговоръ съ врагомъ для него польза, а для насъ уронъ. Въ разговорахъ онъ всегда что-нибудь да узнаетъ; между тѣмъ, мы для него страшны, пока мы, какъ туча: неизвѣстно, грянетъ или не грянетъ громъ изъ нея,— вмѣшался горячо Негорскій.

— Совсѣмъ нѣтъ! Мы не должны упускать ни малѣйшаго случая для ослабленія престижа власти. Мы должны ее дезорганизировать, убивать ея авторитетъ даже въ мозгахъ ея сторонниковъ и руководителей, даже въ сердцахъ чиновниковъ и служащихъ...—доказывалъ Аркановъ.

Не смотря на рѣшительный протестъ Александрова, предложеніе его провалилось на баллотировкѣ. Ссыльные рѣшили отказъ свой мотивировать и сочинили для этого слѣдующую формулу: „Отказываемся присягать на вѣрность деспотической монархіи“.

Черевинъ все твердилъ, что это ловушка, и что онъ ввиду этого присягать будетъ. Александровъ безусловно отказался отъ участія даже въ заявленіи.

— Никакой!., Ни деспотической, ни всякой другой. Результатъ будетъ такой, что васъ немедленно арестуютъ —и больше ничего!

— Если не пойдемъ, тоже насъ арестуютъ.

— Это еще неизвѣстно. Надъ этимъ имъ придется еще поразмыслить. Отсутствіе не есть еще преступленіе. Его можно разно толковать. Молчаніе не наказуется. Отказъ же въ исполненіи требованія властей является, во всякомъ случаѣ, объектомъ преслѣдованія, предусмотрѣннымъ уложеніемъ о наказаніяхъ. Зачѣмъ врагу облегчать положеніе? Молчаливое сопротивленіе—самое трудное, но и самое могущественное. Разговоръ съ врагомъ несомнѣнный компромиссъ...

Замѣчаніе о возможности ареста удержало протестантовъ отъ коллективной подачи заявленія.

— По одиночкѣ еще хуже.

— Лучше всего послать депутата...

— Это незаконно. Исправникъ не приметъ коллективной декдараціи... Нельзя!

— Пусть не принимаетъ.

— А я повторяю, что это ловушка!.. — твердилъ Черевинъ. Негорскій враждебно расхаживалъ по избѣ.

— Слушайте!..—заговорилъ, наконецъ, онъ, останавливаясь посрединѣ.—У насъ есть запасъ сухарей приготовленныхъ для побѣга, есть оружіе и порохъ для четверыхъ людей. Все это мы можемъ легко перетащить сюда... Стѣны юрты достаточно толсты и обмазаны къ тому же слоемъ навоза и глины... Изъ сѣней можно прекрасно отстрѣливаться... Мы попробуемъ защищаться!.. Мнѣ кажется, что мы способны выдержать осаду даже до весны, а тогда, когда сойдетъ снѣгъ, двинемъ въ тайгу... Пусть Самуилъ отправляется въ полицію съ заявленіемъ, а остальные пусть несутъ сюда вещи... -закончилъ онъ и опять принялся ходить по юртѣ нервными, порывистыми шагами.

Огонь потрескивалъ въ каминѣ, красное его зарево точно кровью окрашивало людей, застывшихъ въ раздумьи у стола и на нарахъ вдоль закоптѣлыхъ, покатыхъ стѣнъ.

— Послѣ того, что случилось въ Россіи, я полагаю, что даже такой крупный протестъ не произведетъ никакого впечатлѣнія!..—сказалъ первый Аркановъ.

— Впрочемъ... Я согласенъ!.. — добавилъ онъ неохотно, взглянувши въ сверкающіе глаза жены.

Негорскій остановился передъ нимъ,

— Мы никого не заставляемъ. Я сказалъ только, что мы четверо бѣгущихъ, навѣрно, такъ поступимъ. Развѣ не такъ, друзья?

Александровъ, стоявшій тутъ же рядомъ, кивнулъ головою. Воронинъ и Красусскій, мрачные и блѣдные, подошли къ нимъ.

— Лошадь переведемъ къ Яну, пусть пока присматриваетъ за ней.

— Нужно будетъ въ амбарѣ и въ сѣняхъ прорубить отверстія для стрѣльбы.

— Успѣемъ. Времени много. Теперь главное - патроны и пули...

Красусскій и Воронинъ отправились за топорами и оружіемъ въ мастерскую.

Въ юртѣ воцарилось тяжелое, мучительное молчаніе. Нарушило его появленіе Яна. Покрытый снѣгомъ съ головы до ногъ, онъ вошелъ въ шапкѣ, взглянулъ на всѣхъ и молча сталъ согрѣвать прозябшія руки у камина.

— Откуда?

— Звали... къ присягѣ.

— И что же?

— Я сказалъ имъ, что я разъ уже... присягалъ горамъ,

доламъ и полямъ!.. — отвѣтилъ слегка измѣнившимся голосомъ Янъ и стряхнулъ рѣшительно снѣгъ съ шапки.

— И васъ отпустили?

— А что такое? Я имъ ничего не сдѣлалъ...

Онъ разсказалъ подробно, какъ все случилось.

Когда Воронинъ и Красусскій вернулись съ порохомъ и пулями, Негорскій немедленно принялся дѣлать патроны... Янъ взглянулъ на него и грустно покачалъ головою.

— Старъ я для этого, старъ, господа. Дѣти у меня есть, и хотя знаю, что не сладка будетъ теперь моя жизнь...

— Да. Тебя прогонятъ со службы. Но если-бъ ты даже захотѣлъ, мы бы тебя не взяли, панъ Янъ. Мы засядемъ безъ женатыхъ и безъ... женщинъ!..—проговорилъ Негорскій, взглядывая мелькомъ на Евгенію. Та не двинулась съ мѣста, но поморщилась и шепнула:

— Почему же?

Самуилъ быстро на углу стола писалъ заявленіе.

— Господа, подписывайте!

Подходили по очереди. Вдругъ съ грохотомъ влетѣлъ въ юрту Мусья.

— Ты присягнулъ?

— Присягнулъ. А что? Мнѣ сказали, что всѣ вы присягнули!

— Да-а!.. А вы забыли:

„A bas la tyrannie...“

Пропѣлъ Самуилъ.

— Такъ это неправда?! Такъ это называется обманъ. Бѣгу сейчасъ къ исправнику. Я такъ не позволю... Пусть онъ вернетъ мнѣ мою присягу.

— Не поможетъ. Что съ воза упало, то пропало!

Мусья стоялъ нѣкоторое время, какъ пораженный громомъ. Двѣ мутныя слезы покатились вдругъ у него по блѣдному лицу.

— Видите, видите!.. Вы меня отталкиваете, а я вѣдь всегда.. хотѣлъ бы... какъ всѣ!..

Они отказались присягнуть, и, тѣмъ не менѣе, никто ихъ не тронулъ. Но слабыя нити, соединявшія ихъ до сихъ поръ съ жителями города, окончательно порвались, и кругомъ нихъ образовалась совершенная пустыня. Они жили теперь, какъ на островѣ. Даже пріѣзжіе изъ дальнихъ окрестностей якуты, которые, осматривая достопримѣчательности города, считали раньше своей обязанностью зайти къ нимъ въ юрту, потоптаться молча у дверей и затѣмъ уйти, чтобы имѣть возможность разсказывать въ своихъ улусахъ, какъ живутъ „преступники“, даже эти назойливые, безцеремонные гости исчезли.

Всѣ знали, что исправникъ послалъ въ губернію запросъ, какъ поступить съ „отказчиками“, и всѣ были увѣрены, что придетъ самый строгій приговоръ, что всѣхъ казнятъ смертью, Александрову же и Красусскому, какъ „силачамъ“, до казни сломаютъ „правую руку и правую ногу“, согласно древнимъ якутскимъ обычаямъ. Поэтому жители бѣжали отъ „отпѣтыхъ“ людей, какъ отъ чумы, а миролюбивый Варлаамъ Варлаамовичъ даже отдавалъ имъ за полъ-цѣны товаръ, когда они заходили въ его лавку, только бы поскорѣе отдѣлаться.

— Чего добраго и меня обвинятъ, что разговариваю...— жаловался онъ женѣ.

— И то правда. А ты знаешь, Варлаамъ Варлаамовичъ, ты имъ не отвѣчай такъ-таки ни слова: кивай головой и только! Пусть сами доспѣваютъ!..

— Ну и сказала! Прямо, какъ женщина!.. Вѣдь тогда „они“ обидятся. А шутить они не любятъ!.. Право, горе купцу въ такое время!

Жирная, неимовѣрно пугливая жена Варлаама Варлаамовича тяжело вздыхала и зажигала свѣчу передъ иконой Иннокентія угодника, покровителя Сибири.

Никто въ городѣ не догадывался, что въ юртѣ Александрова стоятъ наготовѣ заряженныя ружья, и что тамъ каждую ночь дежуритъ караульный. Туда никто не ходилъ.

Даже остальные ссыльные держались вдали отъ опаснаго жилища. Воронинъ перебрался туда со своими книгами; мѣсто его у Самуила заняли Петровъ и Гликсбергъ, такъ какъ прежній ихъ хозяинъ, старый, правовѣрный казакъ Якушкинъ, отказалъ имъ въ квартирѣ послѣ отказа отъ присяги. Красусскій тоже ночевалъ у Александрова, но днемъ работалъ по прежнему въ мастерской. Тамъ посѣщалъ его ежедневно Мусья, котораго пріютили Аркановы.

Мусья поселился у нихъ въ кухнѣ и далъ зарокъ, что онъ „ногою больше не ступитъ въ мерзкомъ, обманчивомъ городѣ!“ Въ награду за такой подвигъ онъ считалъ себя въ правѣ сидѣть въ кузницѣ, гдѣ обдѣлывалъ, точилъ, сверлилъ и шлифовалъ свои запонки, мундштуки, трубочки изъ мамонтовой кости... Во время работы онъ разсказывалъ Красускому свои безконечныя приключенія въ Швейцаріи, Италіи, Алжирѣ... Юноша слушалъ терпѣливо эти знакомые, давно всѣмъ надоѣвшіе разсказы: наградой ему были тѣ крохотныя свѣдѣнія о Евгеніи, которыя французъ доставлялъ ему невольно... Иногда, впрочемъ, переполнялась мѣра снисхожденія Красусскаго.

— Замолчите, Мусья! Вѣдь вы вчера говорили какъ разъ обратное.

- Tiens! Уже молчу. Я не зналъ, что говорилъ вамъ объ этомъ!..

И такъ, мало по малу, напряженное, лихорадочное ожиданіе событій, борьбы, ужасовъ, всякаго рода улеглось и затихло въ городѣ.

Среди политическихъ явилась даже надежда, что распутица, разливъ рѣкъ, вскрытіе озеръ и топей задержатъ почту съ отвѣтомъ изъ „губерніи“, что „четыре безумца“ успѣютъ тѣмъ временемъ сбѣжать, а для другихъ дѣло о присягѣ окончится тюрьмой или переводомъ въ отдаленные улусы. И сами „безумцы“ ощущали понятную радость, когда теплые вѣтры и яркое, жгучее весеннее солнце пожирали снѣга, когда изъ-подъ ихъ истрепанной пелены выглядывали все гуще пятна сырой земли, черной, бархатной, мокрой, точно свѣжая плесень. За то, когда въ пасмурные дни опять порошилъ снѣгъ и затягивалъ свои весеннія раны, когда мерзлота опять хрустѣла подъ ногами, надежды ихъ слабѣли и возвращалось томленіе.

Въ такіе дни Арканова не въ силахъ была читать вечерами, вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ и посылала немедленно Мусью узнавать въ полицію, не почта ли это пришла? Она блѣднѣла и худѣла не по днямъ, а по часамъ; ея красивые васильковые глаза ввалились и лихорадочно блестѣли. Каждое утро выходила она прежде всего на крыльцо освѣдомиться, какая налаживается погода. Затѣмъ глядѣла мгновеніе на мрачную, ободранную юрту товарищей, изъ трубы которой обыкновенно вился дымокъ, розовый отъ свѣта зари.

— Что они дѣлаютъ? Дрожатъ ли и ихъ сердца хоть временами, такъ же какъ мое?—раздумывала она.

Въ ея воображеніи все съ той же силой вставала картина юрты, облитой краснымъ свѣтомъ камелька, когда Негорскій ссыпалъ порохъ и вкладывалъ пули въ патроны, а въ сѣняхъ стучали топоры, прорубая бойницы.

Она представляла себѣ, какъ изъ тихой въ настоящее время юрты загремятъ выстрѣлы, какъ низко надъ озеромъ поплыветъ бѣлый тяжелый дымъ пороха, а внутри польется кровь, станутъ умирать люди, товарищи, братья по духу, по взглядамъ и по стремленіямъ.

Она страстно желала повидаться съ ними, но Аркановъ не пускалъ ее, угрожая, что застрѣлится сейчасъ же, немедленно, не дожидаясь почты, если она туда станетъ ходить.

— Ходить туда, по моему, то же самое, что и оказать вооруженное сопротивленіе. Станутъ искать пособниковъ, привлекутъ тебя, впутаютъ въ судебное дѣло... а я .. не переживу разлуки! А всему причина: безпредѣльное, непобо-

римое самолюбіе и тщеславіе Негорскаго. Онъ хочетъ властвовать, во что бы то ни стало, и ради этого подбилъ другихъ.

— Ты ошибаешься! — пробовала защищать его Евгенія.

Тогда мужъ ея спокойно, методически, разбирая слово за словомъ всѣ выраженія, замѣчанія, мнѣнія нелюбимыхъ имъ товарищей, вспоминалъ даже ихъ взгляды и жесты, все перетолковывая по своему. И ничего не оставалось отъ этихъ чуткихъ, смѣлыхъ, рѣшительныхъ людей, кромѣ гадости, глупости, упрямства и рисовки...

— А главное: это не произведетъ никакого впечатлѣнія въ Россіи!.. А въ этомъ для меня вся суть!

Молодая женщина стискивала зубы, закрывала глаза и съ глубоко затаенной болью ждала, скоро-ли окончитъ свой „анализъ“ мужъ. Послѣ того они обыкновенно не разговаривали другъ съ другомъ нѣсколько часовъ, иногда даже нѣсколько дней.

Примиреніе совершалось обыкновенно при помощи Мусьи, который вернулся къ старой привычкѣ: являлся, опять нагруженный городскими новостями, сплетнями и слухами. Затѣмъ вечеромъ приходилъ Самуилъ или „Иностранныя Державы“, но никогда никто... изъ той юрты.

— У насъ въ Джурджуѣ образовалась маленькая копія „европейскаго концерта“, — шутилъ Самуилъ. - Безумный неосмотрительный народецъ, строгій нейтралитетъ разумныхъ и основательныхъ государствъ и... вооруженный миръ... Не пугайтесь, не пугайтесь: онъ у меня дома, гдѣ мы ведемъ длинные и занимательные разговоры съ новыми жильцами о погодѣ, о вкусѣ чая, о пользѣ сухой свѣтлой квартиры, о цѣнности здоровья и хорошаго настроенія духа, словомъ обо всемъ... исключая принциповъ! Не разрѣшите ли мнѣ, Евгенія Ивановна, провозгласить себя вашимъ рыцаремъ и... подуть въ самоваръ!?

— Возьмите лучше сапогъ Артемія, жаль вашихъ легкихъ и вашей гортани!

— А можетъ быть, споемъ что-нибудь сегодня?..— предлагалъ Аркановъ.

— Предпочитаю повторить вамъ мой діалогъ съ нашимъ „помпадуромъ“.

— Вы, значитъ, съ нимъ видѣлись?

— А то какъ же... „Они“ послали за мной собственную лошадь. Въ послѣднее время лошадь эта довольно часто ...подъѣзжаетъ ко мнѣ. „Мы, Божіей Милостью джурджуйскій Повелитель... не чувствуемъ себя достаточно прочно на престолѣ. Усматриваемъ нѣкіе признаки, которыхъ по-

нять не можемъ... отсюда наши разъѣзды... Шевелимъ нашими дипломатическими способностями...“ Сегодня „они“ угостили насъ отличной сигарой и спрашиваютъ: „Не находите, что весна въ этомъ году необычно ранняя?!“ — Помилуйте, Николай Ивановичъ, смѣемъ ли мы не согласоваться съ росписаніемъ, напечатаннымъ съ разрѣшенія цензуры! Если кто виноватъ, такъ этотъ смутьянъ солнце— все жжетъ, ну, отъ этого и таетъ... Но развѣ мы виноваты?.. Для насъ все равно: начальство велитъ, чтобы была весна— будетъ весна, а объ витъ, что воспрещена весна, и нѣтъ весны— „Вы все шутите!“ Съ горя, Николай Ивановичъ, съ горя!..— „Гм! А вотъ читали вы въ газетахъ про пѣшехода, что пѣшкомъ рѣшилъ земной шаръ обойти? Интересно, какъ это онъ по морю ходитъ!“—Должно быть, ходитъ по судну, на которомъ ѣдетъ.—„Остроумно придумано! А о чудесномъ ребенкѣ, что играетъ на рояли съ завязанными глазами, вы читали?“—Читалъ о трехъ. — Вздохъ и длительный перерывъ. „Какъ вы думаете: полиція—войско или не войско? Напримѣръ, въ случаѣ войны, можно и полицію заставить выступить?“ Теперь я молчу и внимательно осматриваю сигару. „Почему всѣ вы, господа, бросили ходить къ Александрову?“ Я крѣпко затягиваюсь и поэтому сейчасъ отвѣтить не могу, затѣмъ я поперхиваюсь, кашляю и встаю. „Вы уже уходите? Жаль!“ — Долженъ, что-жъ дѣлать, Николай Ивановичъ, домъ пустой, не запертъ, товарищи ушли на прогулку. — „Я васъ понимаю. Очень жаль, что все такъ случилось. Такъ мирно жили мы въ Джурджуѣ... Когда я сюда отправлялся на службу, я радовался, что буду вдали отъ всѣхъ злобъ дня!.. Вѣдь жили мы недурно?!. Правда?!.“—Не могу отрицать...—„Въ сущности, что такое присяга? Простая форма, какихъ мы ежедневно совершаемъ десятки. Вѣдь вы клянетесь на улицѣ людямъ, которыхъ почти не знаете!.. Можетъ, вы измѣнили ваше рѣшеніе, и я могу донести объ этомъ въ губернію?!“ Вопросъ заставляетъ меня разыграть роль Катона. — Вы поймите, что намъ осталось лишь уваженіе къ самимъ себѣ!..—Жалкое лицо „помпадура“ и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкое пожатіе моей руки. „Мнѣ жаль васъ!“ Полагаю, что ему дѣйствительно насъ жаль. Вмѣстѣ съ нами онъ потеряетъ въ Джурджуѣ интересный предметъ для своихъ наблюденій... Въ городѣ ничего не останется, кромѣ якутско-казацкихъ дракъ, полицейскихъ розысковъ, да любовныхъ похожденій Денисова!

Лицо Аркановой покраснѣло.

— Какъ такъ Денисовъ? Вѣдь говорили...

Въ разговоръ вдругъ вмѣшался Аркановъ.

— Очевидно, всетаки, что исправникъ догадывается. Не окончилось бы это плачевно для тѣхъ... Надо ихъ предостеречь.

— Я былъ у нихъ сегодня утромъ. Они утверждаютъ, что находятся единственно во власти погоды.

. . . .

Снѣгъ въ городѣ и на окрестныхъ поляхъ исчезъ. Бѣлѣлъ онъ только еще въ тайгѣ и на горахъ. Толстые его слои на откосахъ и вершинахъ цѣпей не допускали путешествія горными хребтами. Главное, удерживалъ бѣглецовъ недостатокъ подножнаго корма. Блѣдно-зеленыя былинки свѣжей зелени едва-едва пробивались изъ нѣдръ черной холодной земли. Но ссыльные могли теперь спокойно дожидаться лучшей поры. Ледъ на озерахъ размокъ, разрыхлился, потрескался; проѣздъ по нему сталъ невозможенъ, а лѣтніе обходные пути еще не открылись, по нимъ неслись еще бурные потоки весеннихъ водъ, и не было нигдѣ на рѣчкахъ ни мостовъ, ни лодокъ для переправъ. Тотъ, кто разъ попалъ въ хитрую сѣть разлившихся потоковъ, не разъ по недѣлямъ принужденъ былъ ждать убыли воды, отрѣзанный отъ всего міра, заключенный наводненіемъ точно въ тюрьмѣ на придорожномъ холмѣ, гдѣ приходилось страдать отъ голода и холода, гдѣ лошади дохли отъ недостатка корма. Ни одна почта, ни одинъ самый торопливый „нарочный“ не осмѣливались уходить отъ жителей въ такое время и оставались въ томъ поселкѣ, гдѣ ихъ заставала весенняя распутица.

Ночи, между тѣмъ, укорачивались. Онѣ уже не темнѣли, ихъ смѣнили двѣ зори—вечерняя и утренняя, которыя наступали непосредственно другъ за другомъ, точно взмахи крыльевъ летящей птицы. У горизонта этихъ бѣлыхъ полярныхъ ночей, низко надъ землею, стлался розовый, свѣтлый туманъ, а высоко на небесномъ сводѣ мягко мерцали звѣзды. И были эти короткія ночи замѣчательно тихи, такъ какъ вѣтры обыкновенно прекращались съ закатомъ солнца, мелкіе ручейки переставали струиться, а большіе умѣряли свой шумъ. Птицы прятались въ травѣ, и только неясно звучалъ сонный гомонъ ночующихъ гдѣ-нибудь на пескахъ гусей, или съ дальнихъ озеръ долетало лебединое пѣніе.

Съ восходомъ солнца все мѣнялось, точно кто ударилъ по струнамъ громадной чуткой арфы—все вдругъ подымалось для кипучей бѣшеной жизни. Въ оврагахъ двигались, плыли, урчали, шумѣли, бурлили серебристыя воды. Забытые остатки льда и снѣга таяли. Проснувшіеся пернатые вспархивали, принимались кричать, пѣть, драться,

бѣгать, летать и, точно помня длинную зимнюю спячку, торопились теперь вволю наиграться, настрадаться и до сыта упиться жизнью и любовью.

Нѣжныя, трепетныя дуновенія вѣтерка неслись чаще всего съ юга и приносили оттуда все новые и новые полки птицъ. Все воздушное пространство, все поднебесье было ими полно. Они летѣли не то въ какомъ-то смятеніи, не то въ упоеніи, точно листья, гонимые бурей. Но у всякой породы былъ свой отличный строй и разный способъ полета. Бѣлые лебеди тяжело поспѣвали другъ за другомъ, точно крупныя, нанизанныя на одну нить жемчужины, влекомыя таинственной силой. Гуси летѣли, построившись угломъ, утки свертывались и развертывались въ безпокойную подвижную цѣпь, точно огромныя четки, брошенныя мощной рукой въ поднебесье. Иногда онѣ неслись плоской, сбитой, шумной тучей. Мелкія птицы пролетали безпорядочными стаями, похожими на рой, лишенный вожатыхъ и порядка.

Передъ этой весенней волной, влажной, теплой, живой— уходили все дальше на сѣверъ мертвенные снѣга и льды, преслѣдуемые солнцемъ, разъѣдаемые водой. За ними тутъ же слѣдомъ неслись удивительно близко кудрявыя, теплыя тучки, медовые запахи: зацвѣтали въ рощицахъ „нюргусуны“ (анемоны), зеленѣла шелковистая мурава, и лиственичные лѣса одѣвались золотисто-зеленымъ туманомъ молодой хвои. И лѣто было тутъ, какъ тутъ!

Евгенія, которая впервые видѣла полярную весну, была очарована бѣшенымъ ея ходомъ. Ея сердце рвалось за быстролетными птицами. Она съ завистью думала объ этихъ четырехъ смѣльчакахъ, которые вскорѣ должны были бѣжать.

Наконецъ, загрохотали, зашумѣли толстые льды, и тронулась рѣка.

Ночь была уже не розовая, а золотая, такъ какъ солнце уже не закатывалось ниже горизонта. Городокъ спалъ въ облакахъ сѣдыхъ дымо-уровъ, горящихъ у каждаго почти дома.

Воронинъ стоялъ на стражѣ на крышѣ юрты, а Красусскій осторожно выносилъ вьюки изъ мастерской и перетаскивалъ ихъ сквозь кусты къ озеру, гдѣ у берега покачивалась маленькая душегубка. Озеро длинное, какъ протока рѣки, черное, неподвижное, дремало въ зеленой оправѣ лиственичной тайги. Тучи комаровъ висѣли надъ лодочкой и немилосердно жалили работающихъ людей. Часть хитрыхъ насѣкомыхъ провожала всякій разъ возвращающагося въ юрту Красусскаго и поджидала его у порога. Поглощенный работой, юноша не обращалъ на нихъ вниманія, и они напивались его крови до отвалу. Потъ градомъ катился по лицу

молодого богатыря, такъ какъ надо было торопиться, а багажъ былъ связанъ въ большіе и тяжелые вьюки.

Вздохнулъ свободнѣе Красусскій лишь тогда, когда сѣлъ въ лодку и оттолкнулъ ее отъ берега двухлопаточнымъ весломъ. Воронинъ побѣжалъ вдоль городского берега на развѣдки, такъ какъ лодку могли замѣтить съ дорожки случайные прохожіе.

По другую сторону озера тянулись непролазныя болота и чаща. Красусскій, скрываясь подъ вѣтвями нависшихъ надъ водою деревьевъ и камышника, быстро гналъ лодку тихими, но крѣпкими ударами весла.

Онъ счастливо добрался до конца, гдѣ низкій, поросшій тальникомъ волокъ отдѣлялъ озеро отъ ущелья рѣки. Здѣсь должны были дожидать его Негорскій и Александровъ, но юноша тщетно высматривалъ ихъ. Даже Воронинъ исчезъ, принужденный обходить широко здѣсь раскинувшіяся трясины.

Красусскій ждалъ нѣкоторое время, затѣмъ протяжно свистнулъ. Отвѣтный свистъ раздался совсѣмъ близко, но люди не показывались. Красусскій поднялся въ лодкѣ и, опираясь на весло, прислушался. Вдругъ съ боку совсѣмъ неожиданно вынырнулъ изъ кустовъ Негорскій.

— Кругомъ топко. Нельзя подойти съ лошадью. Нужно будетъ кладь перенести на рукахъ, а лодку перетащить пустую.

— Много времени уйдетъ, а въ городѣ вотъ-вотъ проснутся.

— Самуилъ, Петровъ, Аркановъ помогутъ намъ.

— Развѣ они пришли?.. Всѣ?..

Негорскій кивнулъ головой. Щеки дрогнули у Красусскаго, онъ быстро нагнулся и поднялъ тяжелый вьюкъ. Здѣсь не было необходимости остерегаться, какъ посреди города, но зато липкая грязь мѣшала имъ, а необходимость торопиться раздражала.

Между тѣмъ, всякую минуту могъ подойти якутъ или якутка, разыскивающая потерявшихся за ночь коровъ, или просто могъ явиться прохожій, заинтересованный необычнымъ шумомъ въ неурочномъ мѣстѣ. Тѣмъ болѣе слѣдовало не мѣшкать, что какъ разъ недалеко проходила тропинка, по которой рыбаки отправлялись изъ города на рѣку, такъ какъ здѣсь былъ самый короткій и удобный переходъ къ ней. Всѣ политическіе, не исключая Гликсберга, принялись поспѣшно разгружать лодку, но нѣкоторыхъ узловъ никто не въ силахъ былъ поднять, исключая Красусскаго и Александрова. Къ сожалѣнію, послѣдній держалъ Сивку, который, напуганный необычнымъ движе-

ніемъ, стригъ ушами и подымался на дыбы. Красусскій, выбросивши грузъ на берегъ, самъ попробовалъ вытащить лодку, глубоко засѣвшую въ тинѣ.

— Пошлите все къ чертямъ и помогите мнѣ!--крикнулъ онъ, наконецъ, товарищамъ, выведенный изъ себя неудачей своей попытки и комарами, которые, пользуясь его беззащитностью, напустились на него въ то время, какъ онъ наклонился надъ водой, и прямо не давали ему вздохнуть.

Когда лодка общими усиліями была, наконецъ, вытащена изъ травъ и болота на открытый берегъ, Александровъ, согласно указаніямъ Красусскаго, сдѣлалъ наскоро изъ ремней шлею, лошадь запрегъ въ лодку, а въ послѣднюю ссыльные положили грузъ. Сначала Сивко весело дернулъ, но когда почувствовалъ на шеѣ давящую петлю, когда услышалъ позади себя шуршаніе волочащагося корыта, - бросился въ сторону съ храпѣніемъ, принялся лягать и ломать кусты. Красусскій съ трудомъ удержалъ охватившій его гнѣвъ: онъ больно дернулъ лошадь и рука его, невольно коснулась висѣвшаго у пояса ножа. Вдругъ онъ замѣтилъ по ту сторону волока Евгенію, блѣдную и испуганную. Все время сильно занятый выгрузкой, онъ не успѣлъ даже повидаться съ ней и поздороваться. Теперь ея широко раскрытые глаза и страдальческое лицо поразили его, какъ ударъ дротика. Онъ мягко подошелъ къ лошади, такъ нѣкогда любимой ею, и принялся ласкать животное по лбу и шеѣ, какъ это дѣлала она, и говорить ему ея нѣжныя слова. Лошадь мгновенно успокоилась, довѣрчиво положила свою морду на его плечо и перестала дрожать и лягаться. Когда ее вторично запрягли, она потащила лодку.

Осталось вещи и лодку спустить съ высокаго, крутого глинистаго обрыва внизъ, гдѣ плыла широкая, стальная лента рѣки, изрѣзанная полосами золотого солнечнаго блеска и черными, длинными утренними тѣнями береговъ. Тутъ опять съ Сивкой возникла возня: онъ никакъ не хотѣлъ спуститься по крутой тропинкѣ. Тщетно Александровъ и Красусскій пробовали стащить его за поводъ, лошадь вставала на дыбы и встряхивала ими надъ пропастью, точно бубенчиками. Собравшіеся внизу товарищи съ трудомъ удерживали крикъ ужаса. Пришлось Красусскому повести животное въ обходъ по дальнему, пологому спуску. Тѣмъ временемъ Александровъ перевозилъ на тотъ берегъ вещи и Негорскаго, Воронина и Самуила, который собрался проводить ихъ въ горы. Красусскій, придя, нашелъ на берегу только Петрова, Гликсберга и Аркановыхъ.

— Торопись, торопись!—покрикивалъ на него дожидавшійся его въ лодкѣ Александровъ.

Комары, летавшіе кругомъ густымъ облакомъ, отравили прощаніе. У всѣхъ, однако, слезы заблестѣли въ глазахъ, когда они обняли этого послѣдняго товарища, идущаго, по ихъ мнѣнію, на вѣрную гибель.

— До свиданія, до свиданія! Возвращайтесь, если вамъ не повезетъ. Мы тутъ будемъ возможно дольше скрывать ваше отсутствіе. Возвращайтесь!

— Прощайте, прощайте!—повторялъ юноша, не подымая упрямо ни глазъ, ни пасмурнаго лица.

Когда онъ робко протянулъ Аркановой руку, послѣдняя, какъ и другіе, подставила ему для поцѣлуя щеку. Красусскій, взволнованный, прыгнулъ въ лодку, которую Александровъ немедленно отточкнулъ отъ берега. Поводъ натянулся, лошадь подалась, но въ воду идти не пожелала, пока Петровъ не ударилъ ее крѣпко прутомъ сзади. Тогда она рѣшительно прыгнула въ воду, пошла, а затѣмъ поплыла съ развѣвающейся гривой и раздутыми ноздрями. Быстрина подхватила и лодку, и лошадь. Оставшіеся на берегу ссыльные не уходили до тѣхъ поръ, пока бѣглецы не причалили къ противоположному берегу. Тогда замахали имъ платками и закричали ура!

Съ противоположнаго берега донесся слабый отвѣтъ и шапки взлетѣли тамъ вверхъ. Затѣмъ бѣглецы еще разъ поклонились имъ и исчезли.

Когда, возвращаясь обратно въ городъ, оставшіеся съ высоты обрыва взглянули на противоположный берегъ, они замѣтили тамъ лишь борозду покачивающихся верхушекъ тальниковъ и бѣлое пятно лошади, мелькавшее тамъ и сямъ сквозь частякъ.

Ближе, въ глубокомъ ущельи, съ глухимъ шумомъ мчалась стальная змѣя рѣки. Въ зеркальныхъ ея изгибахъ отражались, дрожа, желтые пески мелей, блѣдно-зеленые прибрежные тальники, темные обрывы и, дальше, синія вершины горъ, покрытыхъ лѣсами и увѣнчанныхъ еще снѣгами. Этихъ горъ подъ голубымъ сводомъ небесъ виднѣлось тамъ необозримое море.

VII.

Прирѣчный лѣсъ отдѣлялся отъ нагорныхъ лѣсовъ обширными густо населенными лугами.

Когда бѣглецы вышли на ихъ опушку, трубы многихъ юртъ уже дымились, и замѣтно было движеніе. Пришлось по-

дождать ночи, такъ какъ никоимъ образомъ нельзя было разсчитывать проскользнуть мимо якутовъ незамѣтно. Бѣглецамъ, понятно, не хотѣлось оставить никакихъ указаній, въ какомъ направленіи они изчезли въ горахъ. Они спрятались обратно въ чащу и тамъ развели огонь. Александровъ вынулъ косу, посадилъ ее на ручку и накосилъ для лошади травы. Бѣглецы не отпускали ее съ привязи, опасаясь, что она вернется за рѣку. Сивка стоялъ въ облакѣ дыма, защищавшемъ его отъ комаровъ, и жадно жевалъ сочныя травы, а ссыльные легли спать, закутавшись съ головами въ дорожныя заячьи одѣяла. Было, правда, вслѣдствіе этого и душно, и жарко, но иначе комары не позволили бы сомкнуть глазъ.

Разбудилъ Красусскаго сильный трескъ въ кустахъ. Съ ужасомъ замѣтилъ онъ, что нѣтъ на мѣстѣ Сивки, но скоро успокоился, сообразивши, что нѣтъ также Александрова, и что, значитъ, онъ повелъ лошадь на водопой, при чемъ захватилъ съ собой и чайникъ для воды на чай. Красусскому оставалось только помыться въ ближайшей лужѣ, подправить огонь и ждать. Между тѣмъ проснулись и остальные бѣглецы. Съ Александровымъ пришелъ Самуилъ, который вчера вернулся въ городъ, а теперь опять явился, чтобы проводить ихъ дальше.

— Что слышно?

— Ничего. Все по старому. Мы рѣшили по очереди утромъ топить у васъ въ юртѣ, чтобы жители по отсутствію дыма не догадались...

— Э-э! Лучше оставьте. Еще придерутся къ вамъ, когда все откроется. Если сегодня ночью насъ не поймаютъ, то хотя бы завтра и поднялись розыски, пиши пропало! Самъ вѣдь чортъ не догадается, въ какую мы направились сторону! Бездорожица тѣмъ и хороша, что лишена направленія.

— Всетаки мы рѣшили скрывать возможно дольше ваше отсутствіе. Сегодня я съ Петровымъ заходилъ. Такое обидное охватило чувство, когда мы оглядѣли ваши пустые углы, что Петровъ рѣшился... просить васъ...

Онъ не договорилъ и принялся смущенно ковырять палкой въ золѣ; бѣглецы долго молчали.

— Поздно! - отвѣтилъ, наконецъ, Негорскій.

— Пусть бы пошли... Это намъ не помѣшаетъ!..—поддержалъ Самуила Александровъ; онъ осмотрѣлъ товарища какимъ-то особымъ, новымъ и пристальнымъ взглядомъ.

— Побѣгъ не фарсъ. Ни вещей, ни сухарей не запасено...—страстно воспротивился Негорскій.

Никто ему не возразилъ; дѣйствительно, съ присоедине-

ніемъ новыхъ лицъ, опытъ побѣга превращался въ шутку.

— А Аркановы не собираются бѣжать?!

— Нѣтъ, только мы... трое!..

Опять всѣ задумались.

— Такъ что же? Что мнѣ отвѣтить?

— Поздно. Могли подумать зимой... Будьте разсудительны. Если убѣжимъ, пришлемъ вамъ денегъ для лучшаго побѣга, а если погибнемъ... такъ безъ васъ.

Самуилъ все ковырялъ въ золѣ, не подымая глазъ.

— Красусскій, время вьючить лошадь, солнце низко!..— прервалъ молчаніе Негорскій.

Пока засѣдлали и нагрузили лошадь, солнце поблѣднѣло и спряталось за вершины горъ, золотой блескъ дня смѣнился мѣднымъ свѣтомъ лѣтней полярной ночи. Съ рѣки повѣяло холодомъ; тучи комаровъ опять набросились на путешественниковъ, лишь только они оставили спасительный кругъ дыма. Воронинъ не успѣвалъ сгонять ихъ съ Сивки махалкой изъ конскаго хвоста. Лошадь лягалась и плясала подъ тяжестью вьюка.

Шли бѣглецы все безъ дороги, чащей, параллельно къ рѣкѣ, осторожно обходя населенную долину. Немного впереди шагалъ Красусскій съ двустволкой на спинѣ и подавалъ сигналъ, можно или нельзя идти дальше. Такъ пробрались они незамѣтно до большой прогалины, по которой пролегала главная дорога въ Джурджуй и гдѣ стояла юрта паромнаго перевозчика Галки. Здѣсь лѣсъ обрывался, и имъ предстояло пройти по открытому мѣсту. Обойти мѣсто это нельзя было, такъ какъ прогалина подходила къ самому краю рѣчного обрыва, а съ другой стороны соединялась съ цѣлымъ рядомъ обширныхъ болотъ и открытыхъ сѣнокосовъ.

Бѣглецы остановились и зорко осматривали окрестности. Оказалось, что обитатели юрты уже спятъ. Изъ трубы подымалась едва замѣтная струйка дыма. Красусскій ушелъ впередъ на развѣдку. Коровы мирно лежали у дымокуровъ, и только собака сдержанно тявкнула съ плоской кровли жилища, когда Красусскій подошелъ ближе и приложилъ ухо къ пузырчатому оконцу юрты. Онъ отчетливо разслышалъ спокойный храпъ спящихъ и далъ товарищамъ знакъ рукою. Быстро, точно тѣни, мелькнули бѣглецы поперекъ прогалины. Испуганная собака залаяла отрывисто и сердито. Красусскій сталъ у дверей, готовый, при малѣйшемъ движеніи внутри, войти туда и развлечь якутовъ разговоромъ. Къ счастью, это оказалось лишнимъ. Никто не проснулся, и ссыльные незамѣтно исчезли въ противуположной чащѣ.

Обрадованный Красусскій поспѣшилъ присоединиться къ нимъ, какъ вдругъ въ глубинѣ тропинки, прорѣзывавшей наискось лѣсъ, замѣтилъ идущаго якута. Юноша остановился и подалъ товарищамъ тревожный сигнальный свистокъ. Якутъ замѣтилъ его и тоже остановился. Нѣкоторое время онъ присматривался къ нему издали, наконецъ—узналъ и приблизился.

— Кайсе нучча—мастеръ!.. Что ты сюда подѣлывай?..—спросилъ онъ ломаннымъ русскимъ языкомъ.

— А ты что?

— Я корову таскай... Корова потыралъ .. Ты ее видалъ? Пестрый, бѣлая лобъ... рогъ аламай!..

— Да, я видѣлъ ее въ томъ концѣ сѣнокоса.

— Сёпъ!.. Короша!.. А что она тамъ доспѣлъ?..—допрашивалъ удивленный якутъ.—Ты пошто туда ходи?!

Красусскій замѣтилъ свою неловкость.

— Да иди ты, куда собрался!.. Чего торчишь!..—вскрикнулъ онъ сердито. Якутъ мѣшкалъ и подозрительно поглядывалъ на кусты. Вдругъ Сивка, мучимый комарами, задвигался и забилъ копытами.

— Это что?

— Женщина!.. Говорю тебѣ уходи!..

— Мой жещина?

— Да нѣтъ же!.. Убирайся!.. Уйдешь ли ты, наконецъ, косой чортъ?..—закричалъ ссыльный, наступая на якута.

Дикарь поспѣшно попятился и ушелъ. Только у самой юрты онъ оглянулся и набожно перекрестился.

— Тангарамъ (Богъ мой)! Убить хотѣлъ!.. Непремѣнно мою корову укралъ. Корошо слышно было, какъ билась въ кустахъ. Глаза-то у разбойника, какъ у волка! Эхъ, сквозь меня проткнулъ! Хорошо, что руками не тронулъ. Подавись ты моей обидой, русскій песъ!.. Ухъ сіе!.. Дьяволы!..

Онъ еще разъ, въ заключеніе, перекрестился и вошелъ въ юрту.

Это былъ единственный человѣкъ, котораго бѣглецы встрѣтили по дорогѣ. Отсюда они лѣсной тропой вполнѣ спокойно проникли въ жерло горнаго ущелья. Высокая сопка съ лысой, мрачной вершиной, до половины поросшая темной тайгой, покрывала всю падь своей длинной тѣнью. Солнце какъ разъ пряталось за ней. Было влажно и прохладно въ ущельи и, тучи комаровъ увеличились. Путники, не обращая вниманія на ихъ нападенія, остановили лошадь, сняли съ нея свои узелки, взвалили ихъ на спины и взяли ружья въ руки. Теперь они могли уже двигаться свободно, не опасаясь шума и остановокъ. Самуилъ жалобно поглядывалъ на товарищей и на вздымавшіяся впереди горы.

— Будьте увѣрены, что если мы не погибнемъ, то вырвемъ васъ отсюда!—пробовалъ утѣшить его Негорскій.

Должно быть, вышлютъ насъ въ улусы за отказъ отъ присяги!

— И насъ выслали бы, если-бъ мы отложили побѣгъ...

— Торопитесь, торопитесь... лошадь не стоитъ... Комары!..

Самуилъ прощался безъ нѣжностей и поцѣлуевъ, простымъ пожатіемъ руки. Только Воронина онъ придержалъ, привлекъ къ себѣ и обнялъ за шею. Но молодой человѣкъ вырвался у него изъ рукъ, такъ какъ товарищи уже уходили.

— Прощай!

— До свиданія, до свиданія!.. Обними оставшихся въ городѣ.

— Не забывайте о насъ. Черкните нѣсколько словъ, какъ только вырветесь на волю...

— О, будь спокоенъ! Не забудемъ... До свиданія!—Воронинъ пожалъ еще разъ руку друга и побѣжалъ вслѣдъ удаляющимся. Самуилъ вздохнулъ.

Дно оврага, которымъ бѣглецы двигались, покрывалъ густой, узловатый, невысокій тальникъ, спутанный прямо въ войлокъ. Маленькій, болотистый ручеекъ журчалъ подъ низкимъ сводомъ кустарника; мѣстами онъ широко разливался, образуя кочковатыя, злачныя трясины.

Избѣгая чащи и трясинъ, путешественники поднялись повыше на косогоръ. Тамъ Красусскій безъ труда отыскалъ старую охотничью тропинку, съ которой онъ ознакомился еще раньше въ одну изъ своихъ охотничьихъ экспедицій за рябчиками. Мѣстность отличалась мрачной дикостью, но когда-то, очевидно, часто посѣщалась. Путешественники то и дѣло встрѣчали истлѣвшіе, жердяные треножники для петель на зайцевъ, низенькія изгороди для куропатокъ, горностаевыя пасти; въ одномъ мѣстѣ надъ самой тропой висѣла внизъ остріемъ стрѣла,--несомнѣнное доказательство, что здѣсь часто ястреба и вороны надоѣдали охотникамъ, забирая пойманную въ ловушку дичь. Дальше на суковатой, матерой лиственницѣ бѣглецы замѣтили остатки скотской кожи съ рогами и копытами—якутскую шаманскую жертву. На вѣтвяхъ тамъ и сямъ висѣли цвѣтныя тряпки и пучки бѣлаго конскаго волоса. Но по мѣрѣ того, какъ путники углублялись въ горы, слѣды людей исчезали, дорожка съуживалась и мѣстами совершенно терялась подъ слоемъ опавшей хвои и мхами.

Бѣглецы двигались все медленнѣе, встрѣчая все больше затрудненій. Лошадь скользила по влажному уклону; упавшія деревья часто заставляли путниковъ кружить стороною;

сучья то и дѣло задѣвали за вьюки, и топоръ неустанно былъ въ дѣлѣ. Непривычные странники обливались потомъ, комары мучили ихъ, узелки и оружіе казались имъ теперь непосильно тяжелыми. Вероннинъ уже не заботился о Сивкѣ, не охранялъ его отъ комаровъ; лошадь сама тоже не особенно защищалась, измученная тяжестью вьюковъ, напуганная скользкостью почвы. Прожорливыя насѣкомыя облѣпили все тѣло лошади, сплошь, будто черная краска; они лѣзли ей въ глаза, забирались въ ноздри, заставляя несчастное животное постоянно фыркать и махать головою. Когда, въ довершеніе всего, къ полудню появились оводы и стали съ ужаснымъ жужжаніемъ пролетать надъ крупомъ лошади, послѣдняя окончательно взбѣсилась и то и дѣло бросалась на деревья, стаскивая съ себя вьюки, лягаясь. Разъ она чуть было не скатилась въ пропасть и не увлекла съ собою туда Красусскаго. Приходилось ее успокаивать, сѣдлать и вьючить всякій разъ съизнова.

Между тѣмъ, путь становился все хуже; мрачная, хилая тайга, полная лѣснаго лому, опрокинутыхъ пней и глубокихъ ямъ, обступила путниковъ со всѣхъ сторонъ. Влажный воздухъ, пропитанный затхлымъ запахомъ гнили, плѣсени и грибовъ, затруднялъ дыханіе. Ноги неувѣренно ступали по толстому ковру лишайниковъ, подъ которымъ прятались предательски-глубокія промоины, полныя воды.

Бѣглецы безконечно устали, но все еще не рѣшались остановиться, такъ какъ все еще за ними въ пролетѣ пади виднѣлась въ дали Джурджуйская долина, подернутая жаркимъ солнечнымъ туманомъ. Они ясно различали серебряную ленту рѣки, озера, даже отдѣльные дома и золотой крестъ церкви, мерцающій точно пламя среди темнаго облака разстилающихся тамъ лѣсовъ.

Бѣглецамъ вполнѣ справедливо казалось, что они черезчуръ еще близко отъ города, что тамъ могутъ замѣтить дымъ ихъ костра. Они рѣшили дотащиться до перваго поворота ущелья. Поворотъ, повидимому, былъ недалеко, но добрались они до него только вечеромъ. Когда горы сомкнулись позади они сбросили немедленно свои ноши и развьючили лошадь. Красусскій зажегъ костеръ, другіе принялись развязывать узелки и вынимать провизію и посуду. Александровъ пошелъ за водой. Дымъ прогналъ докучливыхъ комаровъ, путешественники пообсохли, подкрѣпились, но не повеселѣли. Натруженныя ношами, воспаленныя спины ихъ страшно горѣли, отекшія, окровавленныя ноги возбуждали отвращеніе къ мысли о завтрашнемъ походѣ. А вѣдь ждали впереди десятки, даже сотни такихъ походныхъ дней!

— Привыкнемъ! - утѣшалъ себя и другихъ Негорскій.

— Только бы избавиться отъ проклятыхъ комаровъ!

— Повыше должны дуть вѣтры, тамъ будетъ меньше комаровъ, а здѣсь ничего не подѣлаешь! отвѣтилъ Красускій.

Ночью, когда затихъ даже тотъ легкій вѣтерокъ, который дулъ весь день, комаровъ собрались такія тучи, что путники не на шутку испугались. Это былъ какой-то живой водопадъ, крылатый потокъ, ниспадавшій стремительно на ихъ лица, заставлявшій зажмуривать разболѣвшіеся глаза, забивавшій рты и ноздри. Этотъ непрерывно льющійся потокъ кусалъ ихъ, жегъ, щекоталъ, доводилъ до отчаянія, до безумія не только болью, но и бѣшенымъ, неумолчнымъ жужжаніемъ, похожимъ на гудѣніе степного пожара.

— Что-же ждетъ насъ завтра?.. Проклятая казнь не унимается... И ничѣмъ ея не побѣдишь!..

Они разложили кругомъ вѣнокъ костровъ. Сами сѣли въ центрѣ среди густого дыма и невѣроятной жары, поставили тамъ же и Сивку. Тотъ грустно повѣсилъ голову, закрылъ вѣками слезящіеся глаза, нижнюю губу страдальчески опустилъ и не ѣлъ ничего, не смотря на то, что Александровъ накосилъ ему на берегу ручья вкусной, сладкой травы.

Безъ перчатокъ и „сѣтки“ люди не осмѣливались носа высунуть за предѣлы дыма. „Сѣтки“ представляли ситцевые мѣшки съ вставленнымъ въ нихъ для лица квадратомъ черной „волосяной сѣтки“, такой же, какую употребляютъ пасѣчники при взламываніи пчелиныхъ сотовъ. Онѣ затрудняли дыханіе въ такой мѣрѣ, что надѣвшему ее казалось, будто въ его ротъ засунута пакля. Тѣмъ не менѣе бѣглецы принуждены были постоянно носить эти сѣтки, и ѣсть, и пить и даже спать въ нихъ, такъ какъ поддерживаніе огня, достаточнаго для защиты отъ насѣкомыхъ, оказалось черезчуръ затруднительнымъ и утомительнымъ. Всю ночь они дежурили поочередно, рубили дрова и подбрасывали ихъ на огонь. Какъ только дымъ рѣдѣлъ, комары пробирались въ середину свободнаго отъ него воздуха, таились у земли, ползли длинными развѣдочными отрядами и, отыскавши свои жертвы, прожорливо бросались на нихъ. А кругомъ темная крылатая хмара, гуще дыма и чернѣе его, дикимъ, гнѣвнымъ жужжаніемъ подбадривала своихъ смѣлыхъ пластуновъ.

На слѣдующій день путники встали отъ сна, опухшіе, окровавленные и, конечно не выспавшіеся. Лошадь жалобнымъ ржаніемъ просила пить; у нея тоже бока провалились, глаза налились кровью и взглядъ сталъ тускл и апатиченъ. Казалось, она говорила людямъ: „убейте меня, я въ вашихъ рукахъ, но не мучьте такимъ образомъ дольше!“

Утренній вѣтерокъ слегка поразогналъ крылатыхъ наѣздниковъ.

Бѣглецы за чаемъ составили военный совѣтъ, какъ имъ защититься отъ неожиданныхъ враговъ. Красусскій, лучше другихъ изучившій на охотѣ условія таежной жизни, совѣтовалъ подняться выше и пойти „гольцами“.

— Тамъ всегда дуютъ вѣтры. А за водой или сѣномъ сходить одному изъ насъ много легче, чѣмъ такъ мучиться всѣмъ. Можно будетъ и лошадь свести внизъ, и сѣно на ней же вывезти наверхъ. Я думаю, что тамъ въ щеляхъ сохранились еще снѣга. У нихъ и будемъ останавливаться ради воды...

Товарищи послушались его совѣта.

Подъемъ на высоты былъ очень труденъ. Копыта коня и ступни путешественниковъ срывали то и дѣло покровы лишайниковъ и слой торфа съ влажныхъ скалъ и скользили внизъ. Сивка нѣсколько разъ тяжело упалъ, а болѣе слабые Воронинъ и Негорскій прямо задыхались подъ тяжестью своихъ узелковъ. Даже Александровъ съ удовольствіемъ вздохнулъ, когда всѣ остановились, наконецъ, на краю рѣдкаго лѣса, на половинѣ подъема, и когда свѣжій, пріятный вѣтеръ дунулъ имъ съ ущелья прямо въ лицо.

До вершины хребта было еще далеко; впрочемъ, не представлялось необходимости и взбираться туда. Комары и здѣсь надоѣдали уже настолько мало, что съ ними можно было помириться.

Путешественники провѣрили по компасу, что горбъ горы слегка поворачиваетъ къ западу, съ легкимъ уклономъ къ сѣверу, что въ общемъ отвѣчало желательному направленію.

— Немного на югъ, немного на сѣверъ—это не важно! Главное, чтобы поскорѣе уйти возможно дальше и... затеряться въ горахъ!—доказывалъ Негорскій.

— А всетаки лучше бы идти по хребту съ той стороны ущелья...—замѣтилъ Воронинъ.

— Почему?

— Потому, что онъ поворачиваетъ къ югу, а это всетаки приближаетъ насъ къ цѣли.

Красусскій разсмѣялся.

— Оба хребта соединяются у истоковъ рѣчушки, куда мы и по этому пути дойдемъ!..

Они пошли дальше краемъ лѣса, опасаясь уходить далеко отъ топлива, воды и травы. Путь оказался хуже вчерашняго. Каменныя осыпи сохранили, подъ покрывавшими ихъ лишайниками, острые края, которые рѣзали и кололи, точно гвозди, ступни путниковъ сквозь тонкія подошвы якутской обуви. Они двигались мѣстами, какъ по пылающимъ угольямъ. Сивка часто спотыкался и ущемлялъ копыта въ

опасныхъ дырахъ; тѣмъ не менѣе, благодаря отсутствію комаровъ, онъ шелъ сегодня много бодрѣе... Это поддерживало и бѣглецовъ, заставляя ихъ забывать о собственныхъ мученіяхъ. Подъ вечеръ падь стала замѣтно суживаться, лѣса рѣдѣть, хирѣть, опускаться все ниже по откосамъ горъ. Хотя вѣтеръ ослабѣлъ, ночь провели путники спокойно. Они избрали для ночевки открытое, возвышенное мѣсто, гдѣ всетаки немного „подувало", принесли дровъ, травы, воды, наѣлись и выспались при богатѣйшемъ кострѣ.

Дальше на пути лѣсъ росъ уже только на днѣ ущелья, у самаго ручейка, и вскорѣ рощи его стали исчезать, обнаруживаясь тамъ и сямъ лишь въ видѣ маленькихъ островковъ хилыхъ, кривыхъ, карликовыхъ особей съ засохшими обломанными вершинами. Наконецъ, деревья совсѣмъ перевелись, остались только кусты чернаго спутаннаго тальника да маленькія лужайки прелестной горной муравы. Межъ крупными стѣнами мшистыхъ скалъ мчался съ бѣшеной стремительностью вѣтеръ. Комаровъ и слѣдъ простылъ. Сивка во время обѣда, впервые пущенный свободно, выкатался на травѣ, выпорскался, такъ что утесы гудѣли, точно отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Затѣмъ онъ принялся разборчиво знакомиться съ содержаніемъ заманчиваго лужка. Бѣглецы подсѣли къ огню, надъ которымъ подвѣсили на замысловатомъ сибирскомъ шесткѣ котелокъ и чайникъ.

— Ахъ, еслибъ не эти узлы!.. Они насъ погубятъ, они насъ задавятъ!.. У нихъ есть свои достоинства, но только на остановкахъ... Въ дорогѣ они давятъ, какъ петли висѣлицы, и не дозволяютъ забыть, что мы все еще въ предѣлахъ русскаго государства... Впрочемъ, еще можно сказать въ ихъ защиту, что они убѣждаютъ наглядно и ощутительно въ великомъ значеніи экономическихъ факторовъ: еслибъ у насъ были деньги, у насъ была бы другая лошадь, еслибъ у насъ была другая лошадь, у насъ было бы прекрасное расположеніе духа и, пожалуй, остроуміе... — разсуждалъ насмѣшливо Негорскій, согрѣвая свои разутыя ноги у костра, въ чемъ подражали ему и другіе.

— Ба! Еслибъ каждый изъ насъ сидѣлъ на лошади, то пятки у насъ были бы цѣлы!..

— И побѣгъ, навѣрно, удался бы! Мы проѣхали бы уже теперь верстъ сто!..

— И теперь убѣжимъ!

Никто не спорилъ, но всѣ невольно взглянули въ ту сторону, гдѣ мощный узелъ утесовъ, нагихъ, грозныхъ, спутанныхъ точно комокъ окаменѣлыхъ тучъ, замыкалъ ущелье.

Съ этой стоянки бѣглецы пошли дальше по дну ложбины, полному громадныхъ валуновъ и плоскихъ осколковъ

обвалившихся скалъ. Ручеекъ исчезъ подъ ними, и только звонкое его лепетаніе говорило о переливающейся еще въ глубокихъ щеляхъ водѣ. Растительность совершенно погибла въ потокахъ камней. Когда встрѣтилась еще разъ лужайка травъ, Александровъ, предвидя, что она будетъ послѣдней, настоялъ, чтобы у ней заночевать. Одинъ изъ путниковъ пользуясь свободнымъ временемъ, долженъ былъ отсюда отправиться для осмотра перевала. Взялъ это на себя Красусскій. Вернувшись, онъ сообщилъ, что за версту дальше ущелье заперто отвѣсной недоступной скалой, и что только послѣ продолжительныхъ поисковъ ему удалось отыскать въ складкахъ утеса „нѣчто въ родѣ подъема“...

Онъ не взбирался на него, такъ какъ, въ сущности, у нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ другой дороги: они или должны вернуться назадъ, или пройти туда.

Почью вѣтеръ превратился въ настоящую бурю. Подъ его ударами камни выли, точно стаи голодныхъ собакъ. Облака острой каменной пыли неслись по ущелью. Бѣглецы съ трудомъ ступали по большимъ, гладкимъ каменнымъ плитамъ; лошадь часто помѣщалась на одной изъ нихъ всѣми четырьмя ногами и затѣмъ боялась шевельнуться, справедливо сознавая, что достаточно съ ея стороны малѣйшей неловкости, чтобы покатиться внизъ на острыя грани. Приходилось ее постоянно успокаивать, ласкать, поддерживать и подталкивать, чтобы склонить къ дальнѣйшему движенію. Бѣглецы понимали, что потеря лошади равнялась полнѣйшей неудачѣ и, поэтому, вели лошадь крайне осторожно, какъ по стеклу, то и дѣло развьючивая ее и сами на рукахъ перенося кладь. Вѣтеръ нерѣдко ихъ самихъ чуть съ ногъ не сшибалъ; разбитыя и израненныя ступни съ трудомъ цѣплялись по скалѣ.

Иногда Сивка послѣ минутной остановки вдругъ, неожиданнымъ прыжкомъ, побѣждалъ препятствіе. Путники убѣдились въ большой смѣтливости, смѣлости, ловкости и старательности своей лошади и научились цѣнить и уважать животное.

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ трудовъ, путешественники добрались до отвѣсной стѣны, запиравшей ущелье. Кругомъ подымались высокіе утесы, точно облицовка исполинскаго колодца. Дно площадки покрывалъ толстый слой зернистаго снѣга, усѣянный обломками камней. Съ краю ледяного поля протекалъ, журча, чистый ручеекъ.

„Нѣчто въ родѣ подъема“ оказалось до того крутыми и узкими карнизами обрыва, что провести по нимъ вьючную лошадь было немыслимо. Бѣглецы развьючили Сивку и пустили его розыскивать себѣ пропитаніе межъ валунами, гдѣ

прозябали жалкія травы и кусточки невѣдомыхъ никому растеній. Воронинъ занялся варкой обѣда, а остальные съ неимовѣрными усиліями потащили вверхъ вьюки.

Узенькій каменный гребень перевала, на который они взобрались, соединялъ горный хребетъ, по склону котораго они пришли сюда, съ другимъ хребтомъ крайне мрачнаго вида, хребтомъ еще болѣе мощнымъ, приподнятымъ и корявымъ. Тамъ ничего уже не было видно, исключая нагихъ, мшистыхъ вершинъ и сѣрыхъ утесовъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ низко надъ ними плывшихъ тучъ.

Поэтому путешественники очень обрадовались, когда замѣтили ниже, по другую сторону сѣдловины, такое же ущелье, какъ то, по которому добрались сюда. Очевидно, здѣсь былъ горный узелъ, сюда звѣздообразно сходились долины. По другую сторону перевала тоже лежалъ пластъ снѣга, и тоже изъ подъ него струился ручеекъ. Можно было, значитъ, надѣяться, что пониже найдутъ они и кормъ для лошади, и дрова на костеръ. Стрѣлка компаса сказала имъ, что ущелье идетъ къ западу, но, въ противоположность только что пройденному пути, оно отклоняется не къ сѣверу, а къ югу. Это обстоятельство смутило ихъ немного, но другого выбора не было...

— Тѣмъ лучше!..—доказывалъ Воронинъ.—Тамъ было къ сѣверу, а здѣсь къ югу, значитъ - направленія выравняются!..

На перевалѣ дулъ до того пронзительный вѣтеръ, что оставаться тамъ было очень непріятно. Они поторопились спуститься внизъ. Кладь скатили безъ труда, но съ лошадью вышла большая возня. Ее пришлось связать и спустить на веревкахъ, точно барана. Когда и сами они сошли внизъ слѣдомъ, то были настолько измучены, что рѣшили заночевать у перваго кормовища. Къ сожалѣнію, ущелье оказалось безплоднымъ, какъ городская мостовая, и они принуждены были лошадь засѣдлать, навьючить и пробраться съ ней по такимъ же, какъ вчерашніе, обваламъ версты двѣ внизъ.

До лѣсу добрались только на слѣдующій день. И опять тучи комаровъ заставили подняться на косогоръ гольцовъ. Вѣтеръ дулъ иногда до того слабо, что подъ защитой кустовъ насѣкомыя опять набирались смѣлости и скоплялись кругомъ путниковъ въ громадныя тучи. На высотахъ же было скользко, и камни ранили по прежнему ноги.

Такъ они долго двигались по влажному горбу горы, а кругомъ подымались все такіе же каменные, мшистые, холодные горбы. Внизу въ ущельяхъ шумѣлъ ручеекъ, и колыхались лѣса.

Путники думали, что такъ будетъ всегда, какъ вдругъ

за поворотомъ передъ ними открылся неожиданно просторный, великолѣпный видъ. Внизу разстилалась долина, поросшая темными лѣсами и прорѣзанная рѣкой. Послѣ безплодныхъ скалъ и узкихъ подвальныхъ тѣснинъ эта плодородная равнина показалась имъ чуднымъ видѣніемъ. Солнце золотило ее, а сверху омывало необъятное море синяго воздуха. Отдѣльныя полосы и уступы лѣсовъ отдѣлялись другъ отъ друга нѣжными зубчатыми линіями. А тамъ и сямъ, точно дорогія жемчужины въ бирюзовой оправѣ, блестѣли каймы блѣдныхъ озеръ.

— Что это такое? — спросилъ изумленный Негорскій. — Неужели это уже одинъ изъ притоковъ Лены?

— Нѣтъ, это Джурджуй!—отвѣтилъ спокойно Александровъ.—Нужно возвращаться!

— Джурджуй?! Ты съ ума сошелъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Посмотрите, какъ поблескиваетъ за рѣкою церковный крестъ.

Это была жестокая шутка для ихъ израненныхъ ногъ. Когда, отступивши за поворотъ долины, они устроили стоянку, долго не говорили другъ другу ни слова, сидя мрачно у огня.

— Нечего дѣлать. Придется слушаться компаса и слѣдовать его указаніямъ, не прельщаясь удобствами дороги...— сказалъ, наконецъ, Негорскій.

— Не вездѣ пройдешь прямо. Опасаюсь, что подобная ошибка повторится не разъ!—сказалъ Красусскій, внимательно осматривая карту.

— Что-жъ дѣлать!.. Идти необходимо!..

Укладываясь спать, всѣ вздыхали, и только Сивка бойкимъ фырканьемъ выражалъ свое удовольствіе по поводу обилія пищи.

На слѣдующій день они вернулись къ перевалу и направились оттуда къ тѣмъ невыразимо мрачнымъ горамъ, видъ которыхъ такъ поразилъ ихъ въ первый разъ. Подъемъ не оказался особенно труднымъ; наоборотъ, взбираться по крутымъ откосамъ было много легче, чѣмъ ползать и прыгать внизу по горнымъ развалинамъ и валунамъ. Самая вершина хребта представляла умѣренно поднятое волнистое горное плато. Открытыя долины и гребни возвышались и подымались тамъ съ мягкой плавностью. Но лишь только перевалили нѣсколько такихъ хребтовъ, и за ними исчезъ малѣйшій слѣдъ лѣсныхъ долинъ и рѣчныхъ падей, путешественниковъ охватило жуткое чувство, почти робость. Они поняли, что предстоитъ пройти огромное взбаломученное, безплодное море камня и льда, покрытое тонкой пленкой однобразно грязно-зеленыхъ мховъ и лишайниковъ.—Нигдѣ

ни деревца, ни кустика, ни куска нѣжной, яркой зелени и ни... капли воды. Вздутыя гряды бугровъ да мохъ, мохъ безъ конца, а за этими буграми новые ряды точь въ точь такихъ же возвышеній и необозримыя пространства такихъ же мховъ. Тишина. Даже вѣтеръ не шумѣлъ, такъ какъ въ полетѣ своемъ онъ не задѣвалъ ни за что. Пусто. Даже птицы не залетали сюда, не надѣясь на поживу. Красное солнце всходило надъ мертвымъ океаномъ и отбрасывало длинныя, блѣдныя тѣни отъ приподнятыхъ волнъ земли на пологіе ея провалы. Облака беспрепятственно, какъ по морю, тащили по этимъ пустынямъ пятна своихъ темныхъ отраженій... И лишено было это окаменѣлое море убаюкивающаго душу движенія своего водяного собрата...

Не удивительно, что въ сердцахъ бѣглецовъ поселилось холодное безпокойство, что они тоскливо посматривали съ высотъ на ломанную линію безпредѣльнаго горизонта, на блѣдно-голубое небо, безотрадно смыкавшееся надъ сѣрой, необозримой пустыней. Они почти механически подымались и спускались по склонамъ холмовъ, мхи разступались подъ ихъ скользящими ступнями, обнажая ледяную подпочву. Ихъ размокшая отъ сырости обувь путалась кругомъ ногъ, точно отвратительное тряпье. Днемъ ихъ жгло немилосердно солнце, а ночью они дрожали отъ холода. Если хоть на мгновеніе затихалъ вѣтеръ, тучи комаровъ нападали на нихъ немедленно, собираясь неизвѣстно откуда. Защищать же себя было здѣсь нечѣмъ, такъ какъ влажный мохъ и сырой, ползучій тальникъ горѣли крайне плохо...

Съ недѣлю бѣглецы пространствовали въ этой нагорной тундрѣ, и все это время прошло, точно въ бреду. Они почти что лишены были огня и воды. Подъ конецъ двигались впередъ безъ всякаго увлеченія, будто лунатики, подчиняющіеся тайному, властному повелѣнію. Долго ли это продлится? Хватитъ ли силъ? Когда, наконецъ, зашумятъ опять кругомъ веселые лѣса, заблестятъ рѣки, и они прильнутъ потрескавшимися губами къ холодной, чистой водѣ? По этой водѣ они тосковали съ такой же силой, какъ въ длинныя полярныя ночи тосковали по солнцу. Все время у нихъ была только какая-то болотная гуща, мерзко воняввшая мхами, которую они въ очень скромномъ количествѣ находили кой-гдѣ въ углубленіяхъ почвы или собирали за ночь въ нарочно ради этого вырытыхъ ямахъ. Сивка, лишенный настоящаго корма, все ѣлъ: побѣги тальника и ползучей березы, даже лишайники, но исхудалъ такъ, что у него остались однѣ кости да кожа; частенько онъ спотыкался, падалъ, нѣсколько разъ разбилъ себѣ въ кровь морду, колѣни и чуть не выбилъ зубовъ. Слабѣлъ онъ, видимо, съ каждымъ

днемъ, и у бѣглецовъ не оставалось другого выхода, какъ или облегчить лошади кладь, или ждать съ часу на часъ, что она упадетъ отъ истощенія.

— Посмотримъ нашъ багажъ. Выбросимъ все лишнее. Можетъ быть, день - два придется еще идти, а тамъ доберемся до водораздѣла и спустимся въ долину притока Лены...— подбадривалъ товарищей Негорскій.

Но при этомъ онъ избѣгалъ глядѣть имъ въ глаза. Красивое, мужественное лицо Красусскаго высохло и потемнѣло, какъ клювъ орла. Крѣпкое, дюжее тѣло Александрова сгорбилось и одряхлѣло; грузныя его ноги ступали, тѣмъ не менѣе, все съ тѣмъ же упорствомъ, точно собирались оттолкнуть отъ себя прочь земной шаръ. Черные, добрые глаза Воронина поражали товарищей скрытымъ, молчаливымъ страданіемъ. Юноша никогда не жаловался, но громко стоналъ сквозь сонъ. Эти стоны слышалъ не разъ Негорскій, который спалъ мало, ѣлъ и того меньше и чувствовалъ, что потому только живетъ, что горитъ.

На слѣдующій день, когда путники распредѣляли между собою вещи, отобранныя у лошади изъ вьюковъ,—Негорскій взялъ незамѣтно долю Воронина и подѣлилъ ее съ Красусскимъ. Но когда самъ онъ поднялъ свою ношу, то понялъ, что долго не выдержитъ и, можетъ быть, сегодня еще упадетъ. Шелъ онъ все медленнѣе, все чаще соскальзывалъ внизъ, падалъ на колѣни и на ладони. И, не смотря на то, сердился, когда товарищи поджидали его.

— Идите!.. Чего смотрите!? Подождите меня на стоянкѣ... Найду васъ, не бойтесь, по слѣдамъ... Вѣдь здѣсь никого, кромѣ насъ, не было и нѣтъ!..

Александровъ и Красусскій, которыхъ исхудалыя лица налились опять кровью и покраснѣли отъ натуги, сомнительно переглянулись. Солнце жгло, точно въ Сахарѣ, и красное облако солнечнаго удара не разъ затемняло взоры и имъ—силачамъ.

— Ты долженъ отдать часть своей тяжести. Мы положимъ ее на лошадь... Ничего отъ этого ей не сдѣлается... Нѣсколько лишнихъ фунтовъ!..—усовѣщевали они Негорскаго.

— Что еще?!. Прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ!

Они рѣшили на ближайшей остановкѣ отнять у него ношу силой. Но когда, послѣ ухода ихъ, Негорскій что-то особенно долго не являлся, Красусскій снялъ свой узелокъ и отправился искать товарища. Онъ нашелъ его лежащимъ ничкомъ на покатости сосѣдняго бугра. Дорожный мѣшокъ придавливалъ его плечи, содрогающіяся страдальческой дрожью. Но онъ не былъ въ обморокѣ, такъ какъ нетерпѣливо пошевелился, заслышавъ шаги.

— Что съ тобой?—спросилъ Красусскій, садясь около товарища и пробуя отстегнуть мѣшокъ съ его плечъ.

— Не тронь!

— Встань. Тебѣ эта ноша черезчуръ тяжела. Я говорилъ.. Не огорчайся... Что изъ того, что ты слабѣе насъ!..

— Ахъ, оставь меня! Я хочу здѣсь остаться!.. Возьми вещи и иди... Уйди, говорю тебѣ... Лучше пусть меня... волки съѣдятъ...

— Не будь чудакомъ!.. Подымись!..

Въ это мгновеніе удушливый кашель потрясъ Погорскаго.

Когда Красусскій подхватилъ его подъ мышки и насильно приподнялъ, струйка крови окрасила губы больного и слезы покатились у него изъ глазъ.

— Ты видишь, я умираю... Бросьте меня... Простите!.. Не увижу Польши...

Красусскій взбѣжалъ на вершину холма и позвалъ товарищей.

IX.

Украшеніе Джурджуя—его знаменитое озеро, лежащее по серединѣ города,—носило некрасивое названіе. Окрестные туземцы прозвали его насмѣшливо, уже послѣ основанія города, „Моремъ навоза", и это названіе удержалось за нимъ. На первый взглядъ озерко казалось, впрочемъ, хорошенькимъ, чистенькимъ водоемомъ, а въ солнечные дни блестѣло, какъ зеркало. Соръ и нечистоты исчезали для глазъ подъ тонкимъ слоемъ воды. Облака, небо, далекія горы, зеленые берега, опрокинутыя изображенія домовъ образовали чудесную, живописную рамку кругомъ его чернаго диска. Мѣстныя женщины прекрасно знали, что въ этомъ дискѣ онѣ могутъ, не подымая даже головы, разглядѣть изъ оконъ дома, кто приближается по улицѣ съ той или другой стороны.

Былъ хорошій, ведреный день. Жена учителя сидѣла у открытаго окна съ рукодѣльемъ на колѣняхъ и тонкимъ сопрано напѣвала:

Съ парохода дымъ струится,
Сердце чувствуетъ обманъ...

Вдругъ она замолкла и принялась чрезвычайно прилежно шить. Учитель, расхаживавшій размашисто въ глубинѣ комнаты, остановился и взглянулъ на улицу. Предательское „Море навоза" сказало ему немедленно, что недалеко на берегу стоитъ „личность мужчины" въ сѣрой блузѣ, подпоясанной якутскимъ серебрянымъ поясомъ.

Лица незнакомца учитель не могъ разсмотрѣть въ неясномъ отраженіи, но прекрасно замѣтилъ шляпу-цилиндръ. А такъ какъ цилиндръ въ Джурджуѣ имѣлъ одинъ Денисовъ, то учитель, чрезвычайно заинтересованный, съ раздутыми ноздрями, ждалъ, что будетъ дальше. „Личность" не шевелилась, бѣлая шея его жены, склонившейся надъ работой, не двигалась. За то грудь ея вздымалась такъ сильно, что покоившіяся на ней нити бусъ и поддѣльнаго жемчуга шелестили, точно ихъ пересыпали съ мѣста на мѣсто. Продолжалось это, однако, черезчуръ долго для джурджуйскихъ обычаевъ, и учитель нетерпѣливо высунулъ голову въ окно, чтобы посмотрѣть, что такое задержало гостя.— Денисовъ, замѣтивши его, сейчасъ же вѣжливо ему поклонился.

— Что вы дѣлаете, Ксенофонтъ Поликарповичъ?.. Что случилось?!

— Собаки!..

Онъ указалъ на противуположный берегъ, гдѣ стояла юрта Александрова. Стая косматыхъ собакъ что-то терзала тамъ жадно; немного спустя сквозь разбитое окно выскочилъ еще одинъ песъ съ какимъ-то предметомъ въ зубахъ.

— Давно уже тамъ не топится... Совсѣмъ походитъ на нежилое зданіе, а теперь... вы видѣли!?.

— Они говорили, что за рѣкой приготовляютъ пашню подъ посѣвъ какого-то ячменя...

— Ээ!.. Шутки изволите шутить!.. Я думаю, эта затѣя съ ячменемъ плохо кончится для нашего „помпадура". Будутъ перемѣны... да, перемѣны! Знаемъ мы о томъ кой-что! Неужели вы, Поликарпъ Сильвестровичъ, въ серьезъ полагаете, что люди вродѣ Александрова или Негорскаго способны увлекаться мужицкимъ дѣломъ?

— Почему же нѣтъ? Красусскій тоже образованный, а кузнечитъ.

— Кузнечитъ!.. Поликарпъ Сильвестровичъ, знаемъ мы что куетъ онъ, какое горячее желѣзо... Нарочно! Бабникъ онъ просто, и все тутъ. Мастерская его существуетъ лишь затѣмъ, чтобы женщинъ нашихъ легче ему было къ себѣ сманивать; маякъ одинъ, чтобы предлогъ былъ ходить къ нему: кольца, серьги, застежки... Застегиваетъ!.. А доходы у него совсѣмъ другіе... Галка на дняхъ видѣлъ, какъ онъ корову...

Но почтенный Денисовъ не окончилъ своего интереснаго разсказа, такъ какъ вдругъ увидѣлъ вблизи себя... привидѣніе. Глаза горѣли, какъ уголья, а черное, высохшее лицо походило на клювъ орла. На спинѣ болталась двустволка, а у пояса—ножъ. Привидѣніе, нужно думать, не слышало

ничего, но прошло мимо разговаривающихъ съ такой стремительностю и энергіей, что хотя и не взглянуло на нихъ,—Денисовъ, со всей доступной ему вѣжливостью, снялъ почтительно свой прелестный цилиндръ и долго продержалъ его надъ головой.

— Видѣли вы? Зашелъ къ Самуилу! Бѣгу сейчасъ къ исправнику—доложить!.. До свиданія!

Вечеромъ городъ былъ крайне взволнованъ извѣстіемъ, что политическіе вернулись изъ-за рѣки и принесли больного Негорскаго на носилкахъ. Черевинъ побѣжалъ къ товарищамъ.

— Боленъ, а?.. Како-тако! Пожелали быть умнѣе моего дѣдушки!.. Задумали сбыть въ горахъ. Ну, и получили ячмень! Эхъ! эхъ! Земля наша—мерзлая штука, не рассейская, а сибирская она земля!..—торжествовалъ Варлаамъ Варлаамовичъ.

Настроеніе духа у исправника сразу улучшилось. Онъ объявилъ немедленно большой „кутежъ съ пьянствомъ" въ слѣдующее воскресенье, а къ больному отправилъ казака съ вопросомъ, не нужно ли вина или хинина.

За то помощникъ носъ повѣсилъ.

— Какъ же такъ: бѣжали и вдругъ — здѣсь?! Дуракъ Козловъ, всегда меня устроитъ!..—раздумывалъ онъ печально о своемъ послѣднемъ доносѣ, который опять оказался ложнымъ.

— Вотъ такъ фартъ!

В. Сѣрошевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ записокъ М. Л. Михайлова.

IV.

Мѣсяцъ въ Тобольскѣ.

Жандармамъ была дана изъ Петербурга бумага только въ Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ, но я настоялъ, чтобы ѣхать прямо къ губернатору, который могъ бы, какъ мнѣ казалось, распорядиться самъ, куда помѣстить меня. Къ тому же день былъ воскресный, и въ Приказѣ, вѣрно, никого не было.

Мы остановились у новаго тесоваго крыльца съ такимъ же навѣсомъ, пристроеннаго къ казенному дому. Бурундуковъ пошелъ съ пакетомъ, но тотчасъ же почти возвратился и сказалъ, что губернаторъ пакета не принялъ и приказалъ отвезти и пакетъ, и меня въ Приказъ.

Губернаторскій домъ стоитъ въ нижней части города. Теперь намъ пришлось подыматься на высокую гору, гдѣ бѣлѣли зданія присутственныхъ мѣстъ, соборъ, зданія, кажется, гимназіи или семинаріи. Тамъ же помѣщался тюремный замокъ и Приказъ. Поднявшись по отлогому, но длинному откосу горы и миновавъ памятникъ Ермаку и будущее мое помѣщеніе—острогъ, мы, наконецъ, достигли и до Приказа о ссыльныхъ, небольшого и грязноватого зданія, куда я уже пошелъ прямо вмѣстѣ съ обоими своими спутниками.

Отворивъ первую дверь изъ темнаго и грязнаго корридора, мы какъ разъ очутились въ одномъ изъ отдѣленій Приказа. Тутъ была и канцелярія, и прихожая вмѣстѣ. Стояли канцелярскіе столы, и близъ дверей—вѣшалка для теплой одежды.

Противъ ожиданія, въ Приказѣ не было пусто. Тамъ было человѣкъ десять, повидимому, служащихъ тутъ чиновниковъ. Это можно было заключить потому, что нѣкоторые изъ нихъ писали, нѣкоторые расхаживали, какъ дома, съ развязностью хозяевъ этихъ грязноватыхъ мѣстъ и всѣ обступили меня съ распросами, съ предложеніями погрѣться у громадной желѣзной печи, которая, какъ адъ, пылала въ углу или сѣсть, или покурить. Но если судить по одеждѣ, ихъ никакъ бы не принять за чиновниковъ. Такіе жалкіе костюмы

можно встрѣтить, да и то не всегда, развѣ въ казармѣ, гдѣ помѣщаются ссыльные изъ бѣдныхъ слоевъ общества. Продранные сапоги, продранные валенки, покрытые заплатами штаны, замасленные до послѣдней степени сюртуки съ оборванными пуговицами и продранными локтями, какія то страннаго покроя (и тоже въ дырахъ) одежды—не то ватные халаты, не то пальто, обличающіе подъ широкими рукавами отсутствіе хоть какой нибудь рубашки. Говорятъ, что приказные эти побираютъ гривенниками и даже пятаками отъ несчастныхъ, проходящихъ черезъ ихъ руки. Оно и не удивительно. Кромѣ звѣрообразнаго воспитанія, получаемаго большею ихъ частью, они лишены всякой иной возможности добыть себѣ денегъ на существованіе. Послѣдній лакей получаетъ болѣе лучшаго изъ нихъ; а работы много. Мнѣ невольно пришло въ голову: если такая голь—управляющіе судьбою людей, въ числѣ которыхъ попалъ и я, то какова же голь должны быть управляемые. Я теперь сомнѣваюсь, чтобы и каторжный согласился обмѣняться своимъ мѣстомъ, платьемъ и дѣломъ съ кѣмъ либо изъ канцелярскихъ чиновниковъ Тобольскаго Приказа о ссыльныхъ.

Ямщикъ въ мохнатой бѣлой шубѣ вверхъ шерстью, привезшій меня, вошелъ почти вслѣдъ за нами въ канцелярію, попросилъ у одного изъ жандармовъ моихъ папироску и закурилъ ее у печки. Куря, какъ дома, онъ съ явнымъ сознаніемъ своего превосходства смотрѣлъ на приказныхъ, что они казались еще жальче. Когда кто нибудь изъ нихъ заговаривалъ съ нимъ, онъ отвѣчалъ съ такимъ достоинствомъ, что заговорившій какъ будто еще болѣе умалялся, и чуть не начиналъ заискивать его расположенія. А между тѣмъ, этотъ ямщикъ ждалъ отъ меня гривенникъ на водку.

Кто то изъ приказныхъ, болѣе приличнаго и опрятнаго вида, побѣжалъ къ управляющему Приказомъ съ пакетомъ и извѣстіемъ о моемъ пріѣздѣ. Прошло минутъ двадцать, пока онъ возвратился и объявилъ, что управляющій скоро будетъ самъ; надо подождать. Я прождалъ еще минутъ десять. Тутъ пришелъ еще какой-то посланный и сказалъ, что управляющій не велѣлъ ждать его, а приказалъ отвезти меня въ тюремный замокъ.

Поѣхали. До замка было не далеко, и мы скоро были у желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ, около которыхъ стояло и сидѣло съ десятокъ бабъ, торговокъ калачами, молокомъ и пр.

Зданіе тюрьмы имѣетъ довольно внушительный видъ; оно ново, выбѣлено чисто и не напоминаетъ унылыя, полуразвалившіяся тюрьмы этаповъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ. Часовой, стоявшій за рѣшеткой воротъ, дернулъ за звонокъ, проведенный въ кордегардію; на звонъ его вышелъ съ ключемъ дежурный старшій и отперъ передъ нами завизжавшія на петляхъ ворота.

Тутъ тотчасъ очутился передо мной смотритель замка, толстенькій, невысокаго роста человѣкъ, съ какимъ то сѣроватымъ лицомъ и заговорилъ скороговоркой, раза по три повторяя почти

каждое слово. Онъ чуть открывалъ ротъ, когда говорилъ, и такъ торопился, что надо было съ напряженіемъ слушать его, чтобы понять.

— Вещи ваши, вещи ваши посмотрите-съ,—суетился онъ.—Жандармъ, жандармъ, выкладывай. Продерни, ямщикъ, возокъ-то, возокъ-то.

Возокъ продернули изъ воротъ во дворъ, довольно просторный, окруженный со всѣхъ сторонъ бѣлыми стѣнами. Прямо противъ въѣздныхъ воротъ были другія растворенныя ворота, проходившія подъ такого же почти объема, какъ и наружная часть острога, зданіемъ о трехъ этажахъ. Справа и слѣва были каменныя бѣлыя стѣны, отдѣлявшія главный дворъ отъ дворовъ разныхъ отдѣловъ тюрьмы. И съ той, и съ другой стороны въ этихъ стѣнахъ было по двое воротъ.

— Выкладывай тутъ все изъ возка, изъ возка!—торопливо распоряжался смотритель.

Жандармы вынимали мои пожитки и клали все въ кучу на землю.

— Все вынимай! все вынимай. А то тутъ вѣдь оставить ничего нельзя. Какъ разъ растащутъ, растащутъ анаѳемы. Войлочекъ то вынь. Окна-то не вынаются ли?

И онъ расшатывалъ окна, предполагая, вѣроятно, что и ихъ могутъ утащить.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ въ канцелярію... Ты побудь тутъ, покамѣстъ, покарауль,—крикнулъ онъ одному изъ жандармовъ.

Я не понималъ и теперь не понимаю, зачѣмъ мнѣ нужно было подыматься чуть ли не въ третій этажъ, въ грязную и пустую комнату, именовавшуюся канцеляріей? Каменевъ, пошедшій со мной, предлагалъ смотрителю принять отъ него мои деньги, но онъ возсталъ противъ этого всѣми силами и говорилъ о нихъ, какъ будто это были раскаленныя угли, до которыхъ его рукамъ страшно прикоснуться (потомъ полицмейстеръ разбранилъ его за это и велѣлъ получить отъ жандарма мои деньги). Онъ исчезъ минутъ на десять; я походилъ изъ угла въ уголъ, посидѣлъ, и уже начиналъ, признаюсь, сильно злиться на эти проволочки, какъ смотритель вернулся.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!—заговорилъ онъ опять такъ же торопливо.

Мы спустились.

— Пожалуйте за мной-съ! Эй вы! берите, берите вещи! Несите сюда, сюда.

Два-три не то казака, не то мужика взвалили мою поклажу на плечи и понесли все за мной. Мы прошли въ переднія ворота, на такъ называемый кандальный дворъ; посреди его стояло невысокое зданіе о двухъ этажахъ (верхній, впрочемъ, больше похожъ былъ на чердакъ). Тутъ влѣво отъ воротъ виднѣлась надъ дверьми

крупная надпись славянскими буквами, какой-то текстъ. Это былъ входъ въ церковь. Дворъ, собственно говоря, обходилъ вокругъ этого зданія, лишь какъ корридоръ.

Мы повернули влѣво, потомъ за уголъ. Солдатъ отперъ рѣшетчатую тяжелую дверь. Мы вошли въ темный, сырой и довольно зловонный корридоръ съ тюремными дверьми по одну сторону. Одна изъ этихъ дверей была передъ нами распахнута, и я вошелъ въ назначенное мнѣ помѣщеніе.

Это была комната саженей въ шесть квадратныхъ. Она еле освѣщалась маленькимъ полукруглымъ окномъ, которое было ближе къ потолку, чѣмъ къ полу. По двумъ сторонамъ прилажены были къ стѣнѣ нѣсколько покатыя широкія нары.

Стѣны были запотѣвшія и покрытыя плѣсенью. Воздухъ спертый, пропитанный махоркой, сапожной кожей и прѣлью. На нарахъ помѣщались два арестанта—оба пожилые, небольшаго роста. Одинъ зашивалъ себѣ что-то, другой сидѣлъ, свѣсивъ ноги.

— Вотъ вы въ уголокъ тутъ, въ уголокъ пристройтесь,—посовѣтовалъ мнѣ смотритель.—А ты оттащи свою-то лопать да подушку-то,—крикнулъ онъ шившему въ углу арестанту.

Уголокъ заросъ весь зеленою плѣсенью.

— Ужъ я лучше въ серединѣ помѣщусь,—замѣтилъ я:—тамъ сыро слишкомъ.

— Какъ угодно-съ. Да ихъ и вывести отсюда можно. Вотъ надо надзирателю, надзирателю сказать.

Надзиратель, худощавый, старый казакъ, вошелъ вмѣстѣ съ нами.

— А впрочемъ, погодить можно; вы покамѣстъ, покамѣстъ не раскладывайтесь. Можетъ, полицеймейстеръ прикажутъ васъ отсюда перевести

Вещи мои сложили на нары, я сѣлъ около нихъ.

Тутъ вошелъ молодой караульный офицеръ.

— Вамъ угодно-съ, угодно-съ будетъ освидѣтельствовать вещи? — спросилъ смотритель.

— Нѣтъ, не нужно, отвѣчалъ офицеръ, поклонился мнѣ и ушелъ.

— У васъ, можетъ, чернильца есть?—спросилъ меня смотритель.

— Есть.

— Здѣсь вѣдь не позволено-съ. Въ канцеляріи-съ только дозволяется писать, если что нужно.

— Мнѣ нечего писать теперь, и она у меня далеко заложена. Потомъ объ этомъ.

— Очень хорошо-съ. Такъ вы изволите посидѣть-съ покуда здѣсь, а я къ полицеймейстеру съѣзжу-съ. — Ты ужъ побудь здѣсь, —обратился онъ къ надзирателю,—чтобы не безпокоили ихъ, не безпокоили, если понадобится что.

Я закурилъ папироску и сталъ ждать. Мнѣ пришлось проси-

дѣть тутъ съ полчаса. Я былъ такъ озлобленъ, что я все еще какъ будто не на мѣстѣ, что меня бѣсилъ каждый вопросъ надзирателя. А онъ считалъ, кажется, своею обязанностью занимать меня, какъ гостя. Арестанты, сидѣвшіе тутъ, какъ оказалось изъ его словъ, были только подсудимые. Они то выходили изъ камеръ, то опять приходили. Вѣроятно, слухъ о новопріѣзжемъ «кандальщикѣ» изъ благородныхъ разнесся по всему отдѣленію. Дверь ко мнѣ безпрестанно отворялась, и то высовывалось любопытное лицо съ обритой наполовину головой, то смѣло переступалъ порогъ, вѣроятно, болѣе опытный ссыльный и, чтобы имѣть возможность постоять тутъ и взглянуть на меня (а можетъ, и попользоваться какою мелочью), начиналъ какую-нибудь пустяшную просьбу. Надзиратель едва успѣвалъ отдѣлываться отъ этихъ посѣтителей, крича имъ: «Потомъ придешь! Что вы лѣзете сюда? Пошелъ вонъ! Не смѣть растворять дверь!»

Это не помѣшало ему увѣрять меня, что мнѣ было бы гораздо лучше, если бъ я остался въ его вѣдѣніи, что для меня можно бы очистить «секретную» получше другихъ, и проч. Мои чемоданы замѣтно внушали ему уваженіе, и онъ разсчитывалъ, что, теряя меня, теряетъ очень выгоднаго жильца.

— Право, лучше бы вамъ здѣсь было,—шепнулъ онъ мнѣ и тогда, какъ явился смотритель съ извѣстіемъ, что полицеймейстеръ приказали перевести меня въ дворянское отдѣленіе.

Я, разумѣется, не увлекся совѣтами надзирателя. Если въ дворянскомъ будетъ не лучше, то вѣдь и хуже не можетъ быть,— трудно, по крайней мѣрѣ.

Опять понесли мои вещи той же дорогой. Мы вышли на главный дворъ, потомъ влѣво во вторыя ворота, около которыхъ выходилъ сюда узкой стороной съ однимъ высокимъ, маленькимъ полукруглымъ окномъ флигель, гдѣ помѣщалось дворянское отдѣленіе. Подъ навѣсомъ неподалеку я увидѣлъ свой возокъ.

Смотритель, идя со мной, объяснялъ скороговоркой:

— Вы покамѣстъ вдвоемъ-съ, вдвоемъ-съ будете. Одинъ молодой человѣкъ. Тоже-съ изъ дворянъ. Номеровъ теперь свободныхъ нѣтъ-съ. А вотъ-съ, вотъ-съ какъ партію отправимъ—вамъ отдѣльную можно будетъ дать-съ.

На небольшой продолговатый дворъ, куда мы вступили, флигель смотрѣлъ довольно длиннымъ рядомъ такихъ же маленькихъ окошекъ и казался подслѣповатымъ. У крыльца, на дальнѣйшемъ концѣ, стоялъ часовой около будки. Рѣшетчатыхъ дверей не было, а простыя, и тѣ не заперты. Вотъ ужъ и лучше, значитъ. . Смотритель просто толкнулъ изъ сѣней дверь. Она тяжко растворилась, притягиваемая кирпичемъ на веревкѣ. вмѣсто блока, и меня схватило удушливымъ тепломъ и маслянымъ чадомъ.

Такой же мрачный (развѣ немножко лишь свѣжѣе) корридоръ съ такими же окнами подъ потолкомъ, какъ и въ кандальномъ

отдѣленіи, былъ передо мной. Отъ грязныхъ половъ и отсырѣвшихъ, покрытыхъ темными пятнами стѣнъ онъ казался еще темнѣе. При томъ онъ наполненъ былъ сѣроватымъ паромъ или чадомъ, и сразу я ничего не могъ разсмотрѣть.

Двери номеровъ были и здѣсь лишь по одну сторону. Мнѣ назначалась шестая дверь отъ входа.

Приходъ мой, сопровождаемый необычнымъ здѣсь бряцаньемъ цѣпей, возбудилъ, конечно, любопытство моихъ новыхъ товарищей. Изъ дверей выглядывали то мужчины, то женщины; два расхаживавшіе по корридору арестанта, одинъ въ сѣромъ арестантскомъ длинномъ до пятъ халатѣ, другой въ дикаго цвѣта какомъ-то пальто, остановились посмотрѣть на мое лицо и на мои ноги. Откуда-то слышались крики грудного и, повидимому, новорожденнаго младенца.

Въ отведенной мнѣ комнатѣ, которая была меньше шлиссельбургской, встрѣтилъ меня мой сожитель, Станиславъ Крупскій, какъ онъ мнѣ тотчасъ отрекомендовался. Смотритель насъ оставилъ.

— Вы меня застали за обѣдомъ,—сказалъ онъ,—не хотите ли вмѣстѣ?

У него стояли на столѣ двѣ оловянныя тарелки съ жирною бараниной и кашей.

Говорить по-русски онъ затруднялся, и я предложилъ ему, чтобы онъ говорилъ по-польски, а я буду отвѣчать по-русски; но онъ мнѣ сказалъ, что охотно и хорошо говоритъ по-нѣмецки.

Это былъ молодой человѣкъ, двадцати трехъ—четырехъ лѣтъ, довольно хорошаго роста, не полный, но очень крѣпко сложенный и очень красивый: прекрасные свѣтлые глаза, прекрасные свѣтлые русые волосы и свѣжій юношескій цвѣтъ лица. У него было то типическое выраженіе, которое можно замѣтить у большей части поляковъ. Въ губахъ и глазахъ какая-то смѣсь горечи и ласковой хитрости; въ улыбкѣ что-то полупечальное, полузлое, полунасмѣшливое. На Крупскомъ была почти новенькая синяя венгерка польскаго покроя, пестренькій цвѣтной галстухъ. Вообще, видно было, что онъ занимается собою даже посреди всей этой тюремной грязи.

У него тутъ было и кой-какое хозяйство: маленькій самоваръ, маленькій погребецъ, чемоданъ, окованный сундучокъ. Когда внесли вдобавокъ все мое имущество, такъ почти повернуться было негдѣ. Въ комнатѣ была одна только койка, и надо было устроиться какъ-нибудь.

Крупскій съ услужливостью младшаго брата принялся суетиться, передвигать чемоданы, развѣшивать по гвоздямъ шубы и проч. Онъ отстранялъ меня отъ всего, и я съ благодарностью принялъ его услуги, потому что еле шевелился отъ усталости. Ноги у меня ныли страшно.

Когда все было приведено въ нѣкоторый порядокъ, я спросилъ Крупскаго, нельзя ли распорядиться насчетъ чая. Онъ прибылъ сюда дней за пять до меня и успѣлъ уже приноровиться ко всѣмъ здѣшнимъ обычаямъ.

— Здѣсь все можно достать,—замѣтилъ онъ,—и вообще ничего, можно еще жить. Тутъ два человѣка для прислуги... Василій!—крикнулъ онъ, выглядывая въ корридоръ.

— Сейчасъ, ваше благородіе.

И немедленно явился пересыльный Василій Непомнящій, какъ оказалось потомъ, удержанный временно въ острогѣ для услугъ въ дворянскомъ отдѣленіи, невысокаго роста черноволосый малый, лѣтъ тридцати пяти, съ бойкими, нѣсколько плутовскими черными глазками, съ черными усами, съ бритой бородой и сережкой въ ухѣ. На немъ была ситцевая рубашка, подвязанная тонкимъ пояскомъ; по бойкости и развязности движеній, по изысканности фразъ, онъ напоминалъ полового изъ трактира. Онъ взялъ самоваръ Крупскаго и унесъ его грѣть въ корридоръ. Впослѣдствіи я познакомился съ Василіемъ ближе и очень жалѣлъ, что ему пришлось покидать острогъ раньше меня.

Когда мы сѣли за чай, къ намъ вошелъ высокій рыжій арестантъ съ очень рѣшительнымъ, нѣсколько какъ будто болѣзненнымъ лицомъ. У него была густая круглая борода почти огненнаго цвѣта; половина головы, какъ я замѣтилъ, всматриваясь потомъ, была у него, вѣрно, брита, но волосы успѣли на ней такъ отрости, что сразу этого не видно было. Нѣсколько наглые глаза его смотрѣли прямо, но они были нѣсколько мутны.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Крупскій.

— Я къ нимъ-съ,—отвѣчалъ онъ, показывая на меня и кланяясь мнѣ слегка.

Тутъ и я повторилъ ему вопросъ, что ему нужно, но вмѣсто отвѣта онъ самъ спросилъ меня:

— Вы изъ Петербурга изволите слѣдовать?

— Изъ Петербурга.

— Въ крѣпости изволили содержаться?

— Въ крѣпости.

— Er will ein Paar Groschen haben,—мимоходомъ ввернулъ Крупскій, возясь около самовара.—Wenn Sie kein Kleingeld haben, ich will ihm Etwas geben, und mag er wegspazieren.

— Lassen Sie ihn sich ausreden,—отвѣчалъ я.

— Я вамъ помѣшалъ-съ,—деликатно замѣтилъ нежданный гость.

— Нѣтъ, нисколько—отвѣчалъ я.

— Позвольте спросить, въ крѣпости плацмаіоромъ еще полковникъ Новоселовъ.

— Нѣтъ, теперь другой.

— Кто же-съ?

— Не помню фамиліи.

— А полковника Новоселова изволите знать?

— Знаю.

— Я имъ премного былъ обязанъ. Во время содержанія въ крѣпости... Добрѣйшій, могу сказать, полковникъ.

— А вы въ крѣпости содержались?

— Точно такъ-съ. Вы, вѣрно, изволили слышать о моемъ дѣлѣ. Я—Өедоръ Ивановъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— А тогда много было-съ шуму въ Петербургѣ. Смѣю васъ спросить, вы въ каторжную слѣдуете?

— Да.

— По какому дѣлу, если смѣю спросить?

— По политическому преступленію.

— Это значитъ, какъ я же.

— А вы тоже политическій?

— Какъ же-съ!

Это меня заинтересовало.

— Мнѣ это удивительно, что вы не изволили обо мнѣ слышать,—продолжалъ онъ.—Кажется, про Өедора Иванова всѣ тогда извѣстны были въ Петербургѣ. Въ газетахъ было писано.

— Ну, ужъ извините? Я ничего не слыхалъ. Да когда же это было?

— Въ шестидесятомъ году насъ судили-съ.

— А вы не одни?

— Нѣтъ-съ, шайка насъ была цѣлая. Большіе тогда грабежи происходили.

— А!

— Сквозь тысячу я прошелъ-съ?

— Was ist das? Von was für Tausend spricht er?—спросилъ меня Крупскій.

— Spitzruthen,—отвѣчалъ я.

— Точно такъ-съ, шпицрутенами былъ наказанъ,—подтвердилъ рыжій гость.

— Schiken Sie ihn doch weg! — повторилъ Крупскій. Wollen Sie Kleingeld. Man muss mit die Kerls vorsichtig sein.

— Wozu?

Я, дѣйствительно, имѣлъ случай достаточно убѣдиться впослѣдствіи, что, за незначительными исключеніями (къ нимъ, впрочемъ, принадлежалъ и Өедоръ Ивановъ), всякій грабитель, воръ, убійца, разбойникъ, честны и въ сто разъ чище душевно разныхъ Путилиныхъ, Горянскихъ, Кранцовъ и Шуваловыхъ. Мнѣ часто представляется, какъ шли бы къ ихъ мѣднымъ лбамъ черныя клейма здѣшнихъ бѣдныхъ варнаковъ.

Мнѣ, впрочемъ, съ дороги и самому начинала уже нѣсколько надоѣдать бесѣда съ Өедоромъ Ивановымъ, хотя новость и привлекала меня.

— Вы, можетъ быть, имѣете еще что-нибудь сказать мнѣ?— спросилъ я.

— Издержались въ дорогѣ-съ... теперь же надо будетъ скоро дальше идти. Вотъ на сапоги извольте взглянуть.

— Nun ja!—воскликнулъ Крупскій, обращаясь ко мнѣ съ укоризной. — Hab'ich's Ihnen nicht voransgesagt. Sie wollten mir nur nicht glauben... Haben Sie Kleingeld? Ich kenne schon gut diese Schurken.

Только что удалился Ѳедоръ Ивановъ, пришелъ еще одинъ господинъ, котораго я встрѣтилъ при входѣ прохаживавшимся по коридору, именно арестантъ въ дикомъ пальто, небольшого роста, полякъ, съ мягкимъ голосомъ, съ мягкими глазами и мягкими манерами. Онъ слѣдовалъ, чуть ли не за воровство какое, на поселеніе съ семьей,—съ женой и двумя дѣтьми. Это былъ одинъ изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей по коридору (Ѳедоръ Ивановъ помѣщался въ кандальномъ отдѣленіи). У него былъ чрезвычайно опрятный видъ, такъ же какъ и у жены его и дѣтей, но по всему было видно, что они очень бѣдны. Раза два, лишь намеками, онъ вызывался въ теченіе моего сосѣдства съ нимъ на мои сигары,— и то дѣлалъ видъ, что хотѣлъ бы лишь попробовать. Потомъ онъ уже не заходилъ ко мнѣ въ комнату, и я встрѣчался и здоровался съ нимъ только въ коридорѣ, гдѣ онъ обыкновенно прохаживался взадъ и впередъ чуть не цѣлый день.

На этотъ разъ онъ вошелъ, съ величайшими извиненіями, попросить у Крупскаго на подержаніе чайнаго блюдечка.

Въ этотъ же день у меня было еще нѣсколько посѣтителей, но уже другого рода. Предсѣдатель губернскаго правленія, учитель словесности здѣшней гимназіи, два доктора,—это все были лица, съ которыми я потомъ познакомился ближе и которымъ былъ обязанъ многими удобствами, смягчавшими для меня тюремное заключеніе.

Отдохнувъ немного, я вздумалъ пройтись по двору. Крупскій надѣлъ красную конфедератку, и мы пошли вмѣстѣ. Гулять во дворѣ позволялось, сколько угодно, но только не изъ кандальнаго отдѣленія, или, по крайней мѣрѣ, не въ кандалахъ. Поэтому я обращалъ на себя особенное вниманіе всѣхъ попадавшихся мнѣ товарищей моего заключенія изъ другихъ отдѣленій острога. Нѣкоторые заговаривали со мной, хотя съ замѣтной сдержанностью, будто съ опасеніемъ... Дворы были почти пусты. Мы обошли ихъ всѣ.

Сожитель мой успѣлъ уже близко познакомиться съ тюремными порядками. Онъ зналъ, гдѣ кто и что помѣщается.

— Вотъ это кухня,—говорилъ онъ, указывая.—Можно все заказать къ обѣду, что нужно. Баба тутъ кухарка, ходитъ ко мнѣ. Тутъ будутъ вамъ давать больничный; ну, а жаркое или тамъ что другое лучше заказывать. Она уже все купитъ. Телятину, рябчи-

ковъ, что угодно, однимъ словомъ.—А вотъ здѣсь пересыльный дворъ,—говорилъ онъ, входя со мной подъ ворота:—тутъ мужское отдѣленіе; а вонъ съ той стороны женское. Это баня; это столовая... Обѣдаютъ они тутъ. Это вотъ пекарня.

Мы обошли дворъ справа отъ главныхъ воротъ (съ нашей стороны); потомъ обошли и дворъ слѣва.

— Вотъ это женское отдѣленіе; а вотъ прачешная и т. д. Больница помѣщалась въ заднемъ фасадѣ главнаго строенія.

Во дворѣ намъ такъ мало попадалось людей, вѣроятно, оттого, что былъ порядочный морозъ, и мы тоже воротились скоро. За то въ кельѣ нашей становилось все теплѣе, и съ покатого окна катилась довольно широкими потоками сырость. Кромѣ печи въ самомъ номерѣ, съ топкою изъ корридора, почти противъ самой двери нашей, устроена была большая желѣзная печь, труба которой перекидывалась черезъ корридоръ. Къ вечеру эта печь топилась и нагрѣвала нашу келью съ избыткомъ. Къ утру, однако-жъ, становилось опять сыро и холодно.

Надо сказать нѣсколько словъ о моемъ сожителѣ. Въ первый же день разсказалъ онъ мнѣ свою исторію; но, признаюсь, я немного понимаю въ ней и до сихъ поръ.

Станиславъ Крупскій—австрійскій подданный, бывшій студентъ краковскаго университета, а затѣмъ—сыщикъ при краковской, а потомъ при варшавской полиціи. Онъ старался объяснить мнѣ политическими цѣлями поступленіе свое какъ въ ту, такъ и другую должность; но опять таки трудно было что-нибудь положительно извлечь изъ его словъ. Онъ говорилъ, что ему самъ полицеймейстеръ краковскій предложилъ поступить въ его агенты, чтобы шпіонить въ университетѣ: на это онъ согласился, предупредивъ объ этомъ студентовъ. Онъ разъѣзжалъ на счетъ полиціи по разнымъ городамъ и доносилъ о готовящихся демонстраціяхъ, но всегда назначалъ срокомъ ихъ день позже. Пріобрѣвъ довѣріе въ краковскомъ полицейскомъ мірѣ, Крупскій предложилъ начальству командировать его секретно въ Варшаву для раскрытія будто бы подробностей по большому общепольскому заговору, готовящемуся тамъ, а, въ сущности, для установленія сношеній между краковскими и варшавскими академиками, то есть студентами. Въ послѣднемъ пунктѣ Крупскій сбивался: разъ онъ говорилъ, что ѣхалъ именно съ помянутою цѣлью, въ другой, что онъ былъ посланъ для устройства пересылки оружія; третій разъ опять наоборотъ. Если онъ говорилъ правду въ томъ или въ другомъ случаѣ, то мнѣ удивительно только то, что человѣкъ съ такимъ невѣжествомъ въ политическихъ вопросахъ и незнаніемъ даже позднѣйшихъ польскихъ происшествій могъ быть на что-нибудь полезенъ польскимъ патріотамъ. Онъ былъ даже не настолько хитеръ, чтобы обманывать долго варшавскую полицію, хотя этимъ онъ очень хвалился. Вообще, въ каждомъ разсказѣ его главнымъ пунктомъ было то, что онъ могъ отлично жить на

счетъ полиціи, разъѣзжать по театрамъ и гульбищамъ, тратить денегъ, сколько вздумается, и проч.; а что именно сдѣлалъ онъ, этого и не выходило изъ его разсказа. Онъ говорилъ только, что старался отклонять вниманіе полиціи отъ дѣйствительныхъ движеній своими выдумками: сочинялъ и представлялъ ей мнимыя рѣчи тайнаго общества, наклеивалъ на улицахъ самимъ имъ написанные плакаты и потомъ указывалъ на нихъ, и т. д.

Я полюбопытствовалъ потомъ посмотрѣть въ Тобольскомъ Приказѣ его статейный списокъ. Рѣшеніе судебной коммиссіи подтверждало его слова и прямо называло его вину составленіемъ фальшивыхъ доносовъ. Между прочимъ, тамъ упоминалось о посланныхъ Крупскимъ безыменныхъ письмахъ къ пяти главнымъ сановникамъ Варшавы, съ цѣлью устрашить ихъ готовящимся будто бы большимъ уличнымъ мятежомъ и заставить удалиться изъ Варшавы. Крупскому, какъ онъ говорилъ мнѣ, предложили на выборъ: просидѣть четыре года въ крѣпости и быть преданнымъ Австріи, или отправиться въ Сибирь на поселеніе. Онъ выбралъ послѣднее. Вообще, онъ произвелъ на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Не говоря уже о его крайнемъ неразвитіи умственномъ, я не замѣтилъ въ немъ никакого политическаго не то что фанатизма, но даже просто энтузіазма, свойственнаго такому возрасту, и мнѣ никакъ не вѣрилось, чтобы въ такомъ человѣкѣ могло быть хоть зерно того, что составляетъ сущность характера и дѣйствій Конрада Валленрода. Временами онъ пѣлъ патріотическія пѣсни, но онѣ выходили у него не выразительнѣе какой-нибудь «Ваньки-Таньки». За то съ особеннымъ жаромъ пѣвалъ онъ глупыя нѣмецкія тривіальности, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, которую купилъ въ Тобольскѣ на послѣднія свои деньги.

Крупскій предлагалъ мнѣ свою постель, но мнѣ совѣстно было отнимать у него привычное мѣсто, и потому я постлалъ на полу бывшіе у меня войлокъ и подушку, съ сидѣнья изъ возка, и легъ, прикрывшись полушубкомъ. Такимъ образомъ, между койкой и моимъ ложемъ оставалось только такое мѣстечко, чтобы съ осторожностью пройти одному человѣку. Я улегся очень рано, не для того, чтобы спать, но хоть немного расправить разбитую спину. Но большой отрады мнѣ не было: я съ какимъ-то болѣзненнымъ настроеніемъ думалъ о томъ, какъ бы это было хорошо сбросить съ ногъ кандалы, снять съ себя штаны и чулки и вытянуться въ опрятной постели. Крупскій сѣлъ на постель и разсказывалъ свою исторію. Я только по временамъ дѣлалъ ему вопросы.

Вотъ прошла *повѣрка*. Въ нашу полуотворенную дверь заглянули зоркій смотритель, караульный офицеръ и солдатъ съ ружьемъ, и пошли дальше. Сосчитавши арестантовъ, они удалились. Мало по малу въ корридорѣ прекращались шаги и разговоры, все утихало, только грудное дитя кричало болѣзненнымъ голосомъ, да щелкали временами дрова въ затопленной на ночь желѣзной печи.

По мѣрѣ того, какъ все угомонилось у насъ, все слышнѣе и слышнѣе слышались шаги солдата подъ нашимъ окномъ. Крупскій говорилъ тихо, я слушалъ вяло, полудремля, и только вздрагивалъ, пока не привыкъ, когда съ покатаго подоконника вдругъ сливалась быстрымъ ручьемъ на полъ накопившаяся вода.

Вотъ какъ весело встрѣтилъ я новый тысяча восемьсотъ шестьдесятъ второй годъ!

Я думалъ скоро уснуть, когда мы погасили свѣчу (здѣсь не требуется теплить ночникъ, хоть и слѣдуетъ по закону), но и это мнѣ не удалось. Только-что въ комнатѣ нашей водворилась тишина и темнота, въ углахъ поднялась шумная возня мышей. Не то, чтобы я боялся ихъ, но одна мысль, что мышь можетъ забраться ко мнѣ подъ полушубокъ или разгуливать по моей подушкѣ, способна была не дать мнѣ заснуть до утра. Я уже обрекалъ себя на безсонную ночь. Мыши возились все больше. Я попробовалъ пугнуть ихъ, ворочаясь и гремя цѣпями; но онѣ, видно, были тутъ, какъ дома, и угомонялись развѣ на минуту. Сколько ни старался я не думать о нихъ, это мнѣ не удавалось. При томъ онѣ такъ постоянно напоминали о себѣ. Я слышалъ ихъ быстрые шаги по полу почти у себя подъ носомъ. Надо было зажечь свѣчу, что я тотчасъ и сдѣлалъ.

Крупскій еще не спалъ и предложилъ мнѣ помѣняться мѣстами.

— Мнѣ все равно,—говорилъ онъ,—я сейчасъ же усну, хоть онѣ у меня на лицѣ сиди.

И точно, не успѣли мы улечься каждый на новомъ мѣстѣ, какъ онъ заснулъ съ легкимъ храпомъ.

Утромъ къ намъ явилось не мало поздравителей съ новымъ годомъ. Прежде всего пришелъ какой-то солдатъ съ трубой и принялся съ великимъ усердіемъ трубить передъ нашею дверью. Потомъ наша коррилорная прислуга: Василій Непомнящій въ новой цвѣтной рубашкѣ, гладко выбритый и обильно напомаженный коровьимъ масломъ, и Иванъ, товарищъ его, съ большой окладистой русой бородой, нѣсколько вялый на видъ, съ голубыми кроткими глазами и очень пріятнымъ лицомъ, тоже въ рубашкѣ, хоть не столь элегантной и не такъ тщательно причесанный. Голосъ этого Ивана и его манера говорить напоминали чрезвычайно Огарева. Въ самой походкѣ, пріемахъ и даже отчасти въ лицѣ было много сходнаго съ Николаемъ Платоновичемъ. Онъ расположилъ меня къ себѣ больше, чѣмъ Василій Непомнящій, имѣвшій видъ опытнаго и ловкаго двороваго, хотя Иванъ, какъ потомъ оказалось, былъ вовсе не такъ интересенъ. Иванъ былъ москвичъ.

Поздравивъ съ праздникомъ, Василій обратился къ намъ съ вопросомъ, не изъ насъ ли кто обронилъ въ корридорѣ двѣнадцать рублей бумажками. Крупскій еще вчера, ложась спать, хватился денегъ, и нигдѣ не могъ ихъ найти. Больше у него и не было, и

потому понятно, какъ онъ обрадовался честности Василія Непомнящаго и его находкѣ.

За служителями пришелъ съ поздравленіемъ надзиратель нашего отдѣленія, изъ казаковъ, невысокаго роста, косой, съ рѣдкими, вьющимися черными волосами, тихій, смирный, съ какимъ-то женскимъ голосомъ, съ тихимъ, пріятнымъ смѣшкомъ, вообще, насколько я узналъ его потомъ, человѣкъ очень добрый и хорошій.

— Geben Sie ihm Etwas von Kleingeld,—замѣтилъ мнѣ Крупскій, вынимая и самъ деньги изъ портмонэ.—So ein Rubel ungefähr.

— Не слѣдовало бы брать съ васъ, господа,—отвѣчалъ онъ,—да человѣкъ-то я семейный. Благодарю васъ нижайше. Желаю вамъ всего наилучшаго.

Поздравленія и этимъ не окончились.

Къ намъ влетѣлъ господинъ въ форменномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, съ грубымъ, худощавымъ лицомъ, мутноватыми сѣрыми глазами и почтительно-подобострастною улыбкой подъ густыми рыжеватыми усами. Онъ ловко отправилъ къ себѣ подъ мышку черную мохнатую папаху, расшаркался и протянулъ мнѣ руку.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, Михаилъ Ларіоновичъ... Такъ имя и отчество, если не ошибаюсь?

Я кивнулъ головой.

— Мнѣ жандармы ваши сказывали. А я-съ имѣю честь рекомендоваться—помощникъ здѣшняго смотрителя, Константинъ Ивановъ сынъ Полежаевъ. Если что вамъ будетъ угодно, извольте только мнѣ сказать. Вотъ съ ними мы уже знакомы. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, панъ Крупскій.

— Auch Diesem?—спросилъ я Крупскаго, видя, что онъ опять взялся за портмонэ.

— О, durchaus!—отвѣчалъ Крупскій, узнавшій уже всѣ обычаи острога.

— Благодарю васъ, господа. Чувствительнѣйше меня обязали. Позвольте присѣсть и отдохнуть и выкурить папиросочку.

Его, впрочемъ, тотчасъ же кликнули; но онъ минутъ черезъ десять явился съ извѣстіемъ, что полицеймейстеръ приказалъ снять съ меня кандалы.

Принесли большую гирю съ вѣсовъ во дворѣ, молотокъ и ножъ,—и ужъ потрудились съ петербургскими заклепками! Константинъ Ивановичъ сѣлъ на кровать, курилъ папиросу и представлялъ изъ себя руководителя этой операціи. Но, надо признаться, руководство его мало помогало, хоть онъ очень выразительно говорилъ:

— Правѣй, анаѳема! Какъ ты бьешь? а!

Не разъ онъ порывался и самъ приняться, но я его останавливалъ, говоря, что арестантъ какъ-нибудь разрубитъ же заклепки, какъ ни мягко ихъ желѣзо, и что торопиться некуда. У него замѣтно дрожали руки.

Сначала надъ ногами моими трудился Иванъ. Онъ разъ тридцать ударилъ молоткомъ по ножу и сдѣлалъ лишь чуть замѣтную надрубку на заклепкѣ. Потомъ пришелъ косой надзиратель и, посмотрѣвъ, сказалъ:

— Эхъ, не такъ! Давай сюда. Я это лучше сдѣлаю.

Но тоже ничего не сдѣлалъ, только вспотѣлъ.

— Дозволите мнѣ-съ!—предложилъ свои услуги Василій Непомнящій.—Мигомъ разобью-съ. Дѣло знакомое.

— Ну, валяй!

Но и Василій, несмотря на свою опытность, долженъ былъ взмахнуть молоткомъ разъ по двадцати надъ каждой заклепкой, прежде чѣмъ онѣ разлетѣлись.

Константинъ Ивановичъ, вѣроятно, успѣвшій надуматься во время этой работы, принялся врать немилосердно. Онъ утверждалъ, что если бы не онъ, съ меня кандаловъ не сняли бы, что онъ выставилъ передъ полицеймейстеромъ всю незаконность и безполезность такого, «можно сказать, тиранскаго обращенія» со мной.

— Если-бъ былъ порядочный человѣкъ смотритель у насъ,—продолжалъ онъ,—а то такая скотина, дуракъ. Вмѣсто того, чтобы разъяснить все, какъ слѣдуетъ полицеймейстеру, онъ только и знаетъ, что глазами хлопаетъ. Долженъ бы, кажется, понять, какой вы человѣкъ, Михаилъ Ларіонычъ. Вотъ хоть бы я... я вижу, какіе вамъ люди вистуютъ. Вчерась вице-губернаторъ заѣзжалъ къ вамъ, и прочее. Какъ же я-то не стану вистовать. Это надо развѣ такимъ олухомъ быть, какъ нашъ Захарка.

Смотрителя звали Захаръ Ивановичъ.

Такъ разсуждалъ Полежаевъ довольно долго, пока не пришелъ самъ Захаръ Иванычъ и не сказалъ, что меня требуютъ въ Приказъ о ссыльныхъ.

— Вотъ вы съѣздите съ ними, Константинъ Иванычъ.

— Кстати, у меня кошева готова.

И мы отправились въ его кошевѣ.

На этотъ разъ Приказъ представлялъ очень унылое зрѣлище. Сѣни и корридоръ, наканунѣ совершенно пустые, были теперь биткомъ набиты. Мужчины и женщины, въ кандалахъ и безъ кандаловъ, но большей частью въ арестантскихъ шинеляхъ, толпились тутъ. Это была пришедшая въ то утро партія ссыльныхъ. Кто стоялъ, кто сидѣлъ на полу съ усталости; тутъ были и дѣти — и грудныя, и уже умѣющія ходить. Мы пробрались сквозь толпу къ дверямъ и вошли въ ту же комнату, что вчера. И она была полна народомъ. Бабы сидѣли тутъ, поближе къ печкѣ, съ дѣтьми въ рукахъ, подъ полушубками. Всѣ остальные стояли ряда въ три, ожидая вызова. Шелъ пріемъ ихъ и повѣрка по статейнымъ спискамъ. Посрединѣ конторы стояла мѣра для роста. Оборванные чиновники скрипѣли перьями за всѣми столами.

Какихъ выраженій не было на лицахъ этой толпы ссыльныхъ —

отъ спокойствія до страданія, отъ робости до наглости, отъ какого-то подобострастнаго смиренія до дерзкой гордости, отъ плутовства до честнаго и прямого взгляда, отъ злобы и ожесточенія до тихой доброты! Лица были большею частью утомленныя; особенно жалко было смотрѣть на женщинъ. Кто былъ въ кандалахъ, на томъ они сіяли, какъ серебряные: отчистила ихъ дальняя дорога; у кого была подбритая съ одной стороны голова, тѣ были повязаны кое-какими тряпками.

Управляющій Приказомъ, недавно назначенный сюда изъ Петербурга, нѣкто Фризель, маленькій, коренастый и плотный человѣчекъ, съ какой-то бычачьей головой и бычачьимъ выраженіемъ въ лицѣ и выставленнымъ впередъ лбомъ, какъ будто онъ хочетъ бодаться, стоялъ передъ строемъ несчастныхъ съ бумагой въ рукѣ, около него еще какой-то чиновникъ, и тутъ же два солдата или казака.

— Три съ половиной вершка,—воскликнулъ приказный у мѣры.

Изъ мѣры вышелъ старый «кандальщикъ» въ заплатанномъ полушубкѣ, со сморщеннымъ лицомъ, съ больными гноящимися глазами, не твердый на ногахъ.

— Сюда!—отрывисто произнесъ управляющій.

Старикъ сталъ передъ нами.

— Клеймы есть?

И управляющій посмотрѣлъ въ списокъ.

— Посмотрѣть, цѣлы ли клеймы у него?

Не то солдатъ, не то приказный какой стащилъ съ головы старика тряпичную повязку, поднялъ свалившіеся на лобъ волосы.

— Не видать ничего,—произнесъ управляющій отрывистымъ холоднымъ голосомъ:—подправить клейма. На щекахъ покажи.

Старика повертываютъ за голову сначала одною щекою, потомъ другою.

— Клейма подправить!—громко распорядился управляющій. На лбу и на лѣвой щекѣ. Пошелъ!

Ссыльный отошелъ.

— Митрофановъ, Андрей!—возглашаетъ управляющій по списку.

— Здѣсь!—раздается въ толпѣ, и выдвигается Митрофановъ.

— Въ мѣру!

— Не подгибай колѣнъ! Стой прямо! Вершокъ и три четверти.

— Клеймы стерлись. Подправить клеймы.

Вотъ какія сцены засталъ я, войдя въ канцелярію Приказа о ссыльныхъ.

Глядя на тупую, деревянно-полицейскую фигуру управляющаго Приказомъ, слушая его барабанный голосъ, такъ отчетливо распоряжающійся, я невольно вспомнилъ, какъ смотрительша полька на предпослѣдней станціи къ Тобольску расхваливала мнѣ его. Она сообщала о его недавнемъ проѣздѣ и называла не иначе, какъ „милый человѣкъ“. Вѣдь, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ милый.

— Потрудитесь подождать немного, *monsieur* (!!) Михайловъ! — обратился онъ ко мнѣ бычачьимъ своимъ лбомъ, когда провожавшій меня Константинъ Ивановичъ, вдругъ принявшій самый уничиженно-подобострастный и испуганнѣйшій видъ, доложилъ ему.

Я присѣлъ на ближайшій стулъ.

— Айбетовъ Ибрагимъ!

— Здѣсь.

— Въ мѣру.

— Два вершка ровно.

— Клеймы есть? Пошелъ!

Такимъ образомъ, было *принято* еще человѣка три.

— Пожалуйте сюда, *monsieur* Михайловъ, въ присутствіе.

Собственно говоря, мнѣ рѣшительно не зачѣмъ было ѣздить въ Приказъ. Управляющій спросилъ меня только (на плохомъ французскомъ языкѣ), не родня ли я какому-то Михайлову, дѣйствительному статскому совѣтнику и камергеру, сказалъ, что мой статейный списокъ и указъ сената еще не получены, что, поэтому, мнѣ нечего еще торопиться подавать просьбу объ отправкѣ меня далѣе не по этапу, съ партіей, а одного, на свой счетъ, и съ любезностью, достойною дѣйствительно «милаго человѣка», присовокупилъ, что «все, что только зависитъ отъ него, будетъ сдѣлано по моему желанію».

Я отправился назадъ и встрѣтилъ своихъ жандармовъ. Они зашли потомъ ко мнѣ и выражали, кажется, неподдѣльное удовольствіе, что видятъ меня въ своемъ платьѣ и безъ кандаловъ. Я поручилъ кому-нибудь изъ нихъ зайти ко мнѣ еще разъ передъ самымъ отъѣздомъ за письмомъ къ Шелгуновой, и она его получила.

Въ этотъ день у меня было еще больше посѣтителей, чѣмъ наканунѣ; что бы ни привело ихъ ко мнѣ—дѣйствительное ли сочувствіе, или простое любопытство—я былъ радъ большей части этихъ посѣтителей. Въ сочувствіи нѣкоторыхъ я не могу сомнѣваться, и у меня, вѣроятно, сохранится навсегда теплое благодарное чувство къ этимъ лицамъ. Во все время моего пребыванія въ Тобольскѣ, я пользовался самымъ дружескимъ, почти родственнымъ вниманіемъ многихъ. Мнѣ не давали ни скучать, ни чувствовать какое-нибудь лишеніе. Я былъ буквально засыпанъ журналами, книгами; мнѣ присылали со всѣхъ сторонъ всевозможныя газеты въ самый день полученія почты; справлялись о моемъ дѣлѣ и въ Приказѣ, и у губернатора, и во врачебной управѣ; предлагали мнѣ отправлять письма. Каждое утро къ чаю являлись превосходныя сливки, разное печенье, къ обѣду жареные рябчики, всякія сласти, сыръ, масло, наливки и т. п.

Обо мнѣ не забывали ни на одинъ день. Я рѣшительно не могъ отказываться отъ этихъ «подаяній», потому что въ большей части случаевъ не зналъ, кого и благодарить. Крупскій былъ чрезвычайно удивлевъ такими знаками общаго сочувствія ко мнѣ и

говорилъ, что ему воображалось, будто въ Сибири всѣ въ родѣ нашего помощника смотрителя. Особенно поразило его то, что въ этотъ день подъ вечеръ, когда мы сидѣли съ нимъ въ полумракѣ, къ намъ вошла дама, привезшая мнѣ букетъ цвѣтовъ, вмѣсто поздравленія съ новымъ годомъ. Сибирскій букетъ былъ не пышенъ: гвоздики, гераніи, мирты, и нѣсколько полуразвернувшихся китайскихъ розъ: онъ былъ, конечно, пріятнѣе мнѣ, чѣмъ въ иное время и въ иномъ мѣстѣ самые красивые и дорогіе цвѣты. Я суевѣрно сберегъ нѣсколько листковъ и лепестковъ его, какъ свѣтлое предвѣстье, что, можетъ быть, не весь этотъ годъ будетъ такъ теменъ для меня, какъ его начало. Цвѣты нашли меня въ тюрьмѣ; неужто любовь и дружба не найдутъ меня въ ссылкѣ?..

Доступъ ко мнѣ былъ не труденъ. Слѣдовало, правда, имѣть для этого записку отъ полицеймейстера; но полицеймейстеръ, круглый, какъ шарикъ, маленькій человѣкъ самого не полицейскаго вида, едва ли кому отказывалъ. Захаръ Ивановичъ былъ большой формалистъ и безъ билета никого не пропускалъ, если не проникался благоговѣйнымъ страхомъ передъ большимъ чиномъ и высокимъ саномъ посѣтителя, или если посѣтитель или посѣтительница не были членами попечительнаго тюремнаго комитета. Но дѣло въ другихъ случаяхъ обходилось безъ и Захара Иваныча. Или вытребовался его помощникъ, который считалъ обязанностью «вистовать» мнѣ, потому что мнѣ «вистуютъ *такія* лица», или, наконецъ, дѣлалось еще проще. Ко мнѣ ходили три студента казанскаго университета, здѣшніе, удаленные частью по послѣднимъ безпорядкамъ, частью по исторіи о панихидѣ за Антона Петрова и убитыхъ съ нимъ вмѣстѣ мучениковъ. Одинъ изъ этихъ студентовъ обыкновенно на вопросъ дежурнаго ефрейтора у воротъ, есть ли у него билетъ для пропуска, вытаскивалъ изъ кармана какую-нибудь случившуюся тутъ бумажку, показывалъ ее, не развертывая, и командовалъ: «Отпирай». И ворота передъ нимъ отпирались. Разъ на такой вопросъ онъ отвѣтилъ, что не только у него билетъ есть, но даже и особое предписаніе, и при этомъ вытащилъ изъ кармана цѣлую пачку какихъ-то бумагъ. Послѣ этого его и спрашивать перестали. Одно время, правда, вдругъ начались особенныя строгости въ этомъ отношеніи, кажется, потому, что ждали генералъ-губернатора Западной Сибири. Часовые, обыкновенно расхаживавшіе молча подъ нашими окнами, начали даже кричать по ночамъ: «слушай!». Но это продолжалось, кажется, всего дня два. Получилось извѣстіе, что генералъ-губернаторъ (онъ же былъ новый) отсрочилъ свой пріѣздъ, и строгости отмѣнились, и «слушай» умолкло.

Съ 3 числа, со дня своего рожденія, я много разъ и самъ выѣзжалъ изъ тюрьмы. Дня черезъ два-три меня стали приглашать на обѣды, и я, конечно, пользовался каждою возможностью хоть временно почувствовать, будто я на свободѣ. Но я скажу объ этомъ потомъ, а теперь стану разсказывать послѣдовательно. По-

дробности, которыя я буду приводить, мнѣ кажутся довольно характерными въ исторіи моихъ тюремныхъ похожденій.

Надо разсказать кое-что о нашемъ помощникѣ смотрителя. Вечеромъ въ первый день новаго года онъ явился къ намъ съ странною просьбой.

— Господа, я съ надеждой одолжиться у васъ двумя вещами, — заговорилъ онъ, расшаркиваясь и ловко подбросивъ подъ мышку свою черную папаху.

— Что такое?

— Дочь пристаетъ—ѣхать въ маскарадъ. Такъ не одолжите ли... хочу и я нарядиться... Не одолжите ли вашей фуражечки, господинъ Крунскій, и сюртучка. Буду, знаете, этакой лихой полякъ.

— Да будетъ ли вамъ въ пору?

— А вотъ-съ я и примѣрю сейчасъ.

Онъ мгновенно сбросилъ съ себя свой форменный сюртукъ и натянулъ на свою ситцевую рубашку щегольскую венгерку, надѣлъ на бекрень его красную конфедератку и представился намъ такимъ смѣшнымъ, что мы оба расхохотались. Крунскій, съ усердіемъ театральнаго костюмера, принялся оправлять его и учить, какъ придать себѣ болѣе польскій видъ, какъ заправить штаны въ сапоги, на который крючекъ застегнуть венгерку, какъ приличнѣе надѣть *czapke wolnosci*, и прочее. Помощникъ (какъ аттестовали обыкновенно вкратцѣ Константина Иваныча) былъ совершенно доволенъ. Для полноты костюма нуженъ былъ еще жилетъ, но у него такого не оказывалось. Пришлось ему и жилетъ дать. Онъ нашелъ, что весьма прилично было бы украсить жилетъ часовой цѣпочкой, и что вообще если онъ будетъ *при часахъ*, то никто, зная его скудныя средства, его не узнаетъ. Дали ему мы и часы. Онъ уже и переодѣваться не сталъ, а только сверху накинулъ свою баранью шубу и удалился.

На слѣдующее утро, возвращая намъ съ благодарностью маскарадный костюмъ, онъ утверждалъ, что если-бъ не дочь, ему бы и въ голову не пришло наряжаться «на старости лѣтъ» и разъѣзжать чуть не полъ-ночи изъ дому въ домъ (это святочное обыкновеніе сохранилось въ Тобольскѣ во всей своей старинной силѣ даже въ домахъ мѣстныхъ «аристократовъ»).

— Ну, а весело было?

— А какъ же-съ! Въ домахъ двадцати мы никакъ были. Вездѣ графинчикомъ просятъ. Нельзя и отказаться: самъ хозяинъ вистуетъ. Перепустилъ-таки вчера немного.

Объ этомъ нечего было и разсказывать. Довольно было взглянуть на его измятое лицо и мутные глаза. Букетъ сивухи, принесенный имъ въ нашу келью, обличалъ, что онъ успѣлъ ужь и опохмѣлиться.

— И нигдѣ-то меня не узнали, продолжалъ онъ.—Въ одномъ

только домѣ по дочери чуть не догадались, потому что она была татаркой, и какъ малаго роста, такъ примѣтно... Господа! не откажите какъ-нибудь почтить меня своимъ посѣщеніемъ, съ семействомъ моимъ познакомиться. Вы вотъ по двору изволите гулять, такъ милости прошу ко мнѣ. Во всякое время радъ. Я вѣдь не то, что нашъ смотритель. Что же вы и хотите отъ какого-нибудь солдата? Конечно, я самъ, по несчастію, теръ эту лямку, такъ-какъ я изъ кантонистовъ (онъ ударялъ на *о*).

И онъ принялся разсказывать намъ свою біографію, какъ только вслѣдствіе несправедливости начальства попалъ въ строй, а то былъ бы теперь совсѣмъ не то. Эту исторію онъ начиналъ почти при каждомъ появленіи своемъ къ намъ, точно такъ же, какъ и брань свою на смотрителя.

Захаръ Иванычъ, въ свою очередь, приходя ко мнѣ утромъ или заходя вечеромъ, при повѣркѣ, пожелать спокойной ночи и пріятнаго сна, тоже не упускалъ случая сказать своею невнятной скороговоркой, что «помощникъ дурной и дрянной человѣкъ».

Онъ не прибавлялъ къ этому, что Константинъ Иванычъ вдобавокъ кляча и надоѣда, но это я уже зналъ и безъ него, и старался поскорѣе выпроваживать помощника отъ себя, когда онъ являлся со своими разсказами.

Однимъ вечеромъ маскарада онъ не удовольствовался и на другой вечеръ опять пришелъ просить тѣхъ же вещей, кромѣ венгерки. На этотъ разъ ему нуженъ былъ полушубокъ. Онъ, видите ли, хотѣлъ изобразить собою «наемщика» въ солдаты. Полушубокъ, предложенный Крупскимъ, показался ему не довольно изященъ, и онъ взялъ мой.

Смотритель, на третій день послѣ моего пріѣзда, завелъ съ нами рѣчь тоже о маскарадѣ, но совсѣмъ другого рода, именно о банѣ. Полицеймейстеръ дозволилъ намъ, т. е. Крупскому и мнѣ, съѣздить въ торговую баню, если мы этого хотимъ. Мы охотно согласились и отправились въ такъ называемой кошевѣ, саняхъ въ родѣ глубокаго ящика, набитыхъ до верху сѣномъ, въ которомъ можно было утонуть по горло. Насъ сопровождалъ и служилъ намъ баньщикомъ казакъ.

Крупскій, кромѣ того, почти каждый день ходилъ по утру съ косымъ надзирателемъ въ городъ—«на базаръ». Иногда они заходили и въ трактиръ, гдѣ Крупскій игралъ на бильярдѣ. Пользуясь его частыми странствіями въ городъ, я давалъ ему разныя порученія, и онъ закупалъ мнѣ вещи необходимыя даже для тюремнаго хозяйства: самоваръ, погребецъ, чай, сахаръ и пр.

Я былъ очень радъ, когда съ отходомъ первой партіи очистился одинъ изъ нумеровъ въ нашемъ корридорѣ, и въ него перевели Крупскаго. Тѣснота и безпорядокъ, и постоянное присутствіе человѣка, съ которымъ не имѣешь ничего общаго, успѣли мнѣ надоѣсть въ три-четыре дня. Мнѣ при томъ хотѣлось иногда писать,

но я долженъ былъ отказываться отъ этого: не было ни мѣста, ни нужнаго для этого одиночества. Я началъ въ Тобольскѣ романъ и перевелъ послѣднюю сцену «Прометея»... Наконецъ, на пятый или шестой день по пріѣздѣ, я сталъ полнымъ хозяиномъ своей квартиры. Она тотчасъ получила и болѣе опрятный, и болѣе порядочный видъ. Простору, конечно, стало тоже больше. На рисункѣ, сдѣланномъ мною, она, впрочемъ, всетаки кажется лучше, чѣмъ была въ дѣйствительности. Отъ сырости и чаду, забиравшагося изъ корридора, я не разъ страдалъ сильною головною болью.

Ужъ по первому свиданію моему съ управляющимъ Приказомъ о ссыльныхъ и по разговорамъ съ знающими тобольскіе порядки посѣтителями могъ я увидать, что мнѣ придется остаться здѣсь дольше, чѣмъ я предполагалъ. Не будь губернаторъ такой формалистъ, такая сухая приказная строка (я его не видалъ, но таковъ общій голосъ, оправдавшійся на мнѣ), я, конечно, могъ бы пробыть въ Тобольскѣ не болѣе недѣли, много двухъ,—однимъ словомъ, столько, сколько бы мнѣ хотѣлось; а я прожилъ тутъ цѣлый мѣсяцъ.

Объ умѣ здѣшняго губернатора можетъ дать понятіе слѣдующій случай, бывшій во время моего пребыванія въ Тобольскѣ: кто-то явился здѣсь въ маскарадъ, сдѣлавъ себѣ маску въ видѣ свиного рыла, и повѣсилъ орденъ на шею. Губернаторъ принялъ на свой счетъ, и велѣлъ вывести гостя.

Какъ прошло это время, можно хорошо увидѣть, если я подробно опишу и одинъ день моей тобольской острожной жизни.

Всѣ они болѣе или менѣе похожи были другъ на друга.

Вставалъ я довольно рано, никогда не позже семи часовъ. Около этого времени, хотя бывало еще довольно темно, начиналось уже движеніе въ корридорѣ. Прислуга носила дрова, воду, затопляла печи, мела полы. Подымались и сосѣди; слышались дѣтскіе голоса, и Василій съ Иваномъ (оба чрезвычайно нѣжные къ дѣтямъ) начинали ласково разговаривать съ двухъ-лѣтней дѣвочкой пересыльнаго почтмейстера или казначея и шести-лѣтнимъ мальчикомъ поляка, о которомъ я говорилъ. Одна изъ моихъ сосѣдокъ, слѣдовавшая за мужемъ, разрѣшилась, сказывали мнѣ, тутъ, въ тюрьмѣ. Особенно забавна была дѣвочка, неумѣвшая еще хорошенько говорить. Василій Непомнящій училъ ее отвѣчать на разные свои вопросы, напримѣръ: кто создалъ міръ? Богъ. Кто былъ первый человѣкъ? Адамъ. Гдѣ лучше, на волѣ или въ тюрьмѣ? На волѣ.

Какъ только я зажигалъ свѣчу, вставалъ и растворялъ въ корридоръ дверь. Василій несъ ко мнѣ шайку и ковшъ съ водой для умыванья, а Иванъ самоваръ, всегда заранѣе поставленный. Иванъ былъ довольно молчаливъ, но Василій не могъ пробыть минуты безъ разговора. Подавая мнѣ умываться, онъ обыкновенно сообщалъ мнѣ всѣ тюремныя новости.

— Партія сейчасъ пришла-съ, ваше благородіе; кандальщиковъ ужасть какъ много!

— Къ намъ никого нѣту?

— Слава Богу, никого. И такъ ужъ у насъ тѣснота.

Или онъ сообщалъ, что партія въ этотъ день отправляется дальше. Въ первый разъ, на такое извѣщеніе, я сказалъ, что пойду посмотрѣть. Василій на это замѣтилъ:

— Это что смотрѣть-съ! Партія самая ничтожная. На заводы-съ. И всего-то сотни нѣтъ. А вотъ передъ вашимъ самымъ пріѣздомъ отправка была. Точно что посмотрѣть стоило! Не мало ужъ я по острогамъ-то шатался, а этого видать не случалось.

— Что такое?

— Пятьдесятъ семей тутъ гнали—по бунту... Безъ всякаго, говорятъ, безъ суда. Бабъ-то, дѣтей-то, дѣвокъ-то! Шли не мало— изъ Казанской губерніи, а все, видно, привыкнуть-то не могли. Пришли — вой да стонъ стоитъ, пошли — еще хуже того. Старухи-то съ причетами воютъ, бабы такъ голосятъ. Дѣти малыя, на нихъ глядя, тоже ревъ этакой подняли. Потому—раззорены, какъ есть, въ конецъ. Надзиратель нашъ смотрѣлъ, смотрѣлъ въ воротахъ, да и ушелъ поскорѣе: слеза прошибла. Говорилъ я съ ними тоже—вина-то ихъ какая! Объявили фальшивую волю, они и пошли помѣщика спрашивать, какъ онъ, значитъ, царскій манифестъ скрылъ. Помѣщикъ за войскомъ. Стали стрѣлять: убито сколько! А этихъ кого въ кандалы, кого такъ, да въ каторгу. И суда, говорятъ, никакого не было. Ну, нашъ братъ—ужъ точно, что есть за что. А то просто — сердце мретъ, глядя-то. Я тоже могу это хорошо понимать, какъ самъ изъ этого званія, господскій бывшій.

Въ другой разъ Василій разсказывалъ:

— Купчиха вчера-съ изъ Тюмени пріѣхала. Овдовѣвши, такъ на поминъ души двѣсти рублей привезла содержающимъ-съ, сама раздавала, по всѣмъ камерамъ ходила. Провизіи тоже прислано ею много: трое саней съ шаньгами однѣми.

Или:

— А у насъ ноньче похороны, ваше благородіе.

— Кто умеръ?

— Содержающій одинъ. Его хоронить будутъ. Здоровенный былъ такой. Въ одной партіи съ нами шелъ. Такъ его назначили въ отправку, а ему идти было не охота. Онъ и пилъ табакъ здѣсь, и поступилъ въ госпиталь. Эта глупость есть тоже, ваше благородіе. Оно точно, что совсѣмъ будетъ казать, какъ хворой. Да онъ, видно, впервой. Не въ мѣру, значитъ. А можетъ и такъ, что попритчилось, и впрямь сталъ расхварываться. Вотъ ноньче хоронить будутъ.

Послѣ чаю я обыкновенно ходилъ гулять по двору. Онъ вообще не рѣдко бывалъ пустъ, развѣ производилась перекличка

партіи, отправляемой въ Приказъ, или партіи, возвратившейся изъ Приказа. Да иногда, послѣ мятели, бывшей наканунѣ, арестанты занимались разгребаньемъ снѣга и чисткою двора.

Рѣдкое утро проходило безъ того, чтобы у меня кто-нибудь не бывалъ. Если же не пріѣзжалъ никто изъ гостей, то можно было поручиться, что придетъ надоѣдать или помощникъ, или турецкій капитанъ съ поздравленіемъ.

— Поздравляю васъ, милостивый господинъ.

— Да съ чѣмъ же? Съ понедѣльникомъ?

— Нѣтъ, но это такъ у насъ обычай.

Турецкій капитанъ этотъ—лицо замѣчательное и по своей горькой судьбѣ, и по правосудію нашего правительства. Я засталъ его уже въ тобольскомъ острогѣ, и когда уѣхалъ, онъ остался еще тамъ, ожидая себѣ новаго рѣшенія изъ Петербурга.

Это уже старый человѣкъ, ему шестьдесятъ лѣтъ; но по всему видно, если бы не тюрьма и не тюремныя бѣдствія и лишенія, онъ и теперь бы поспорилъ силой съ любымъ молодымъ здоровякомъ.

Довольно коротко остриженные волосы у него на головѣ еще совсѣмъ черны и только частью усы да длинная и густая борода, вродѣ наполеоновской, посѣдѣли. Большіе сѣрые глаза его были бы очень хороши, также какъ и всѣ остальныя черты его лица, правильныя и строгія, если бы на лицѣ не лежало постоянно выраженія слезной сиротливости и нѣкотораго подобострастія, къ которымъ пріучило его скитаніе по тюрьмамъ. Оно же, вѣрно, заставило его придавать своему голосу какую-то льстиво-мягкую интонацію.

Привыкнуть ко всему этому было у него время. Семь лѣтъ проскитался онъ по русскимъ острогамъ. Стоило посмотрѣть на него, чтобы видѣть, какъ успѣлъ онъ обжиться въ своемъ положеніи. Жалкая, изношенная одежда его показывала, что ему хотѣлось и въ тюрьмѣ сохранить хоть нѣкоторые внѣшніе признаки своего внѣшняго достоинства. Онъ постоянно ходилъ въ какой-то странной шапочкѣ конической формы, собственноручно сшитой изъ синей крашенины и, вѣроятно, похожей на ту, которую онъ носилъ нѣкогда, будучи воиномъ. Сѣрую арестантскую шинель онъ тоже какъ-то особенно передѣлалъ, воротникъ подрѣзалъ и обшилъ его какими-то синими и красными заплаточками, можетъ быть, похожими на его прежній турецкій мундиръ или на народный черногорскій костюмъ. Несмотря на службу въ турецкомъ войскѣ, онъ славянинъ. Все остальное въ его одеждѣ, за исключеніемъ шапочки и шинели, впрочемъ, тоже очень ужъ замасленныхъ, представляло жалчайшія отрепья: и платокъ, которымъ онъ широко обматывалъ свою старую, черную, истрескавшуюся шею, и въ особенности обувь. Трудно было сказать, что у него на но-

гахъ. Онъ самъ сшилъ себѣ что-то странное изъ кусковъ войлока, обрывковъ кожи и холстины.

Дѣло его очень просто и тѣмъ ужаснѣе. Въ послѣднюю войну, когда военныя дѣйствія происходили еще на Дунаѣ, несчастный капитанъ перебѣжалъ къ намъ съ шестью товарищами. Ихъ взяли наши лазутчиками и пользовались ихъ услугами. Когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ въ Крымъ, и войска съ Дуная двинулись обратно, турецкіе перебѣжчики по какому-то случаю отстали отъ арміи. Догоняя ее, они попали въ руки земской полиціи. Военачальники не позаботились снабдить ихъ паспортами, по-русски никто изъ нихъ не зналъ ни слова, и ихъ признали людьми подозрительными. Произвели немедленно слѣдствіе, понятно—какъ хорошо, представили въ судъ, и судъ приговорилъ ихъ, какъ бродягъ, къ вѣчному поселенію въ Сибирь. Они не разъ поднимали дѣло о несправедливости ихъ приговора, пріостанавливаясь по дорогѣ въ губернскихъ тюрьмахъ; но сначала, должно быть, некогда было заняться по случаю военныхъ хлопотъ, а потомъ и само принявшее ихъ подъ свой кровъ военное начальство старалось затушить ихъ протестъ потому, что само было во всемъ виновато. Шесть товарищей нашего капитана успѣли умереть въ это время—кто въ городской тюрьмѣ, кто на этапѣ, кто и среди дороги. Остался только онъ одинъ, но не переставалъ вопіять о несправедливости. Вслѣдствіе этихъ-то постоянныхъ жалобъ, онъ и попалъ въ Тобольскъ такъ поздно. Пріостанавливаясь въ каждомъ городѣ и вездѣ жалуясь или прокурору, или стряпчему, онъ дошелъ, впрочемъ, до Тамбова съ этапомъ. Тутъ по его жалобѣ пришло распоряженіе отправить его въ Николаевъ, вѣроятно, потому, что онъ хотѣлъ представить объясненіе Константину Николаевичу, который гдѣ-то его видѣлъ. Изъ Тамбова его препроводили тѣмъ же способомъ, по этапу, такъ какъ ему нечѣмъ было платить за подводу. Въ Николаевѣ посадили въ острогъ, продержали что-то долго, но ничего не спрашивали, никуда не водили, и вдругъ въ одно прекрасное утро перевели куда-то въ другой острогъ, въ другой городъ, и отправили опять въ Сибирь съ партіей преступниковъ. И шелъ онъ опять годъ безъ двухъ недѣль до Тобольска. Здѣсь онъ опять поднялъ свое дѣло черезъ прокурора. Изъ Петербурга пришло приказаніе, чтобы онъ все изложилъ подробно (вѣроятно, въ сотый разъ) для врученія его объясненій въ собственныя руки его величества. Онъ и сидитъ теперь, и ждетъ новаго рѣшенія, по которому, можетъ быть, его опять препроводятъ по этапу въ Петербургъ, а оттуда опять назадъ въ Тобольскъ, если онъ не отдастъ гдѣ-нибудь на дорогѣ Богу свою многострадальную душу.

Можетъ быть, я что-нибудь и не такъ разсказалъ, плохо понимая рѣчь бѣднаго капитана, въ которой онъ мѣшалъ русскія, сербскія, нѣмецкія и турецкія слова; но сущность-то осталась въ

моемъ разсказѣ. О вопіющей несправедливости относительно этого несчастнаго говорили мнѣ и прокуроръ, и предсѣдатель губернскаго правленія. Не подобнаго ли рода покровительство такъ вдохновляетъ славянофиловъ, когда они мечтаютъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бъ нашъ двуглавый орелъ осѣнилъ своимъ могучимъ крыломъ всѣ остальныя славянскія племена?

Приходя по утрамъ ко мнѣ, турецкій капитанъ (такъ его звали всѣ въ острогѣ, и я не узналъ его имени), поздравлялъ меня не только съ понедѣльникомъ, но со вторникомъ и со средой, и т. д. Принимаясь обыкновенно за свои жалобы, онъ всегда имѣлъ въ виду попросить у меня или табаку, или чаю, или сахару. Онъ старался подвести разговоръ къ своей просьбѣ исподволь, но послѣ двухъ-трехъ визитовъ его я уже старался предупредить его просьбы и избавлять себя отъ его долгихъ дипломатическихъ разсказовъ. Эти разсказы, въ которыхъ можно было понять изъ десяти одно слово, способны были вывести всякаго изъ терпѣнія. Онъ не только каждую фразу повторялъ раза по два, но каждый фактъ принимался пересказывать въ другой разъ, едва успѣвши кончить. Я думалъ, не облегчитъ ли его, если онъ будетъ говорить мнѣ по-сербски, а я буду отвѣчать ему по-русски. Но я не радъ былъ, что предложилъ ему это. Онъ, дѣйствительно, началъ говорить на своемъ языкѣ, но каждое слово переводилъ на русскій, а иногда и на турецкій, и сколько ни толковалъ я ему, что по-сербски понимаю его лучше, чѣмъ по-русски, ничто не помогало.

Турецкій капитанъ былъ едва ли не самый смирный изъ всѣхъ жильцовъ нашего корридора, по крайней мѣрѣ, онъ менѣе всего доставлялъ работы прислугѣ: обтирался всегда мокрой тряпочкой, служившей ему вмѣсто полотенца, а не умывался, чай заваривалъ (когда было у самого) изъ чужого самовара, остатки обѣда самъ разогрѣвалъ у желѣзной печки себѣ къ ужину, и, надо признаться, не разъ производилъ несносный чадъ по корридору, расплескавъ какъ-нибудь свои щи на раскаленное желѣзо печки. Руки у него слегка дрожали.

Впрочемъ, ни на кого нельзя было пожаловаться изъ всего корридора: всѣ были полны того смиренія, которое невольно сообщается манерамъ и голосу въ такихъ стѣнахъ. Одинъ только попался строптивый арестантъ; но онъ при мнѣ и трехъ дней не пробылъ, ушелъ съ партіей. Онъ былъ крайне недоволенъ фамильярнымъ обращеніемъ съ собою прислуги.

— Ты забываешь, каналья, съ кѣмъ говоришь?

— Да чего тутъ понимать-то!

— Какъ! Ты еще смѣешь, подлецъ, этакія мнѣ грубости говорить! Кто ты такой? Бродяга какой-нибудь, человѣка, можетъ быть, убилъ. А я—дворянинъ. Понимаешь ли ты, подлая твоя воровская рожа—дворянинъ!

— Здѣсь, сударь, всѣ равны.

— Всѣ равны! Никогда я съ тобою не буду равенъ, подлецъ. Вздумалъ себя равнять съ благороднымъ человѣкомъ! Тебя только бить, мерзавца, а не то что разговаривать съ тобой.

— Вы съ руками-то подальше, подальше! Я вѣдь и сдачи дамъ.

— Что такое, въ чемъ дѣло?—раздался голосъ Константина Иваныча.

— Да вотъ-съ они обидѣлись, что я имъ сказалъ: сударь, а не ваше благородіе.

— Опять вы шумѣть! Я вамъ найду мѣсто, гдѣ нельзя вамъ будетъ шумѣть. Что вы, въ самомъ дѣлѣ, расходились? И еще на весь корридоръ крикъ подымаете! Есть здѣсь почище васъ, да не кричатъ! Я вамъ говорю: найду я вамъ мѣсто, найду!

Строптивый дворянинъ угомоняется, но Константинъ Иванычъ не оставляетъ безъ должнаго наставленія Василія Непомнящаго.

— А ты что горло дерешь? а! Гдѣ нахлестался, анаѳема?

— Маковой росинки не было...

— Молчать! Знаю я васъ, анаѳема.

Но я вѣдь началъ было разсказывать, какъ проходилъ у меня день обыкновенно, а ужъ это исключительный случай.

Пока Крупскій не отправился въ дальнѣйшій путь, мы заказывали себѣ обѣдъ вмѣстѣ здѣшней кухаркѣ: щи, лапшу или супъ и жареный кусокъ баранины или телятины съ картофелемъ. Къ этому у меня находилась всегда еще какая-нибудь прибавка. Потомъ мы заказывали себѣ иногда кашу и посылали къ воротамъ за топленымъ молокомъ; торговки не отходили отъ нихъ весь день.

Кухарка питала большое сочувствіе къ Крупскому, и приходила иногда къ нему вечеромъ посидѣть и называла его «милый человѣкъ». Ей было лѣтъ пятьдесятъ, и она любила выпить. Крупскій угощалъ ее только чаемъ. На меня она почему-то смотрѣла, какъ на человѣка болѣе гордаго, пока я ей не поднесъ, придя въ номеръ Крупскаго, стаканъ водки. Это ее примирило со мной, и она тутъ же стала называть и меня «милымъ человѣкомъ». Ее, какъ она говорила, смущало во мнѣ и то, что я, какъ всѣ у насъ въ острогѣ разсказываютъ,—несмѣтный богачъ, въ какомъ вонъ возкѣ пріѣхалъ, да и дальше не съ партіей пойду, и еще то, что я долженъ быть очень «строгій» человѣкъ, потому что хотѣлъ царя убить.

— А это вы откуда узнали?

— Да всѣ разсказываютъ.

Я полюбопытствовалъ узнать, она-то кто такая.

— Ахъ, милый человѣкъ!—принялась она разсказывать:—не тѣмъ бы мнѣ теперь быть, чѣмъ я есть. Съ первымъ-то мужемъ мы хорошо жили. Онъ былъ строгаго такого нрава человѣкъ. Вотъ

ты самъ посуди! Малымъ еще мальчишкой былъ, такъ засталъ разъ мать съ любовникомъ... И такъ это ему запретило—выдержать не могъ и бѣжалъ. Ну, а я, грѣшница, хоть и за вторымъ мужемъ теперь, я вѣдь, милый человѣкъ, какъ вдовѣла-то, четыре года съ офицеромъ жила. Теперь ужъ гдѣ до офицеровъ-то. А грѣшница, что говорить!

За обѣдъ, приготовленный этой старой грѣшницей, мы садились обыкновенно въ часъ или много что въ два. Только въ это время позволялъ себѣ заходить иногда ко мнѣ нашъ косой надзиратель. Онъ былъ человѣкъ очень деликатный, не любилъ мѣшать не въ пору своимъ присутствіемъ, и заходилъ-то не потому въ обѣдъ, что его угостятъ виномъ или сигарой: онъ ни того, ни другого не бралъ въ ротъ. Онъ являлся ко мнѣ обыкновенно за совѣтами, какъ ему поступить съ своимъ маленькимъ сыномъ (котораго онъ разъ приводилъ ко мнѣ), оставить ли его кончать курсъ въ уѣздномъ училищѣ, или теперь же перевести въ гимназію, а потомъ, если онъ пойдетъ изъ гимназіи въ университетъ, то высвободится ли, наконецъ, изъ казачьяго сословія, и т. д. Ему очень хотѣлось, чтобы сынъ его былъ докторомъ. Самъ онъ былъ простой казакъ и жилъ только тѣмъ, что получалъ въ острогѣ жалованье и на водку отъ «дворянъ», да за стирку бѣлья, которое брала его жена.

Въ теченіе мѣсяца, который довелось мнѣ пробыть въ Тобольскѣ, я, какъ уже сказалъ, нѣсколько разъ обѣдалъ внѣ тюрьмы. Это случалось разъ около десяти. Обыкновенно за мною заѣзжалъ тотъ, кто меня пригласилъ, или полицеймейстеръ, и я отправлялся съ ними. Вечеромъ возвращался я, какъ случится, или съ кѣмъ-нибудь, или одинъ. Обыкновенно я пріѣзжалъ обратно въ острогъ пораньше, часамъ къ семи, много что къ половинѣ восьмого, чтобы поспѣть къ повѣркѣ, хоть этой тонкости могъ бы и не наблюдать.

Когда я оставался дома, въ началѣ сумерекъ, обыкновенно у насъ въ корридорѣ бывала нѣкоторая музыка, и я могъ услаждаться ею, отворивъ свою дверь. Или пѣлъ турецкій капитанъ какую-то въ высшей степени странную турецкую пѣсню—всегда одну—чрезвычайно быструю и монотонную: это, должно быть, какая-нибудь очень веселая пѣснь, но она выходила унылою въ устахъ капитана. Голосъ у него былъ еще свѣжій и ровный. Совсѣмъ наоборотъ, очень хорошія и горькія пѣсни выходили у Крупскаго какими-то безжизненными и безхарактерными, когда онъ начиналъ заливаться съ гитарой въ своемъ номерѣ. «Ieszcze Polska nie zginiela» пѣлъ онъ какимъ-то плясовымъ напѣвомъ; чудная пѣсня Корнеля Уейскаго выходила дикою, тогда какъ въ ней каждое слово и каждая нота кажутся такимъ отчаяннымъ воплемъ.

Лучше бы ужъ онъ не пѣлъ этого дивнаго гимна.

Иногда (это было, впрочемъ, не болѣе трехъ разъ) изъ глубины корридора рѣзко доносился тонкій и звенящій, какъ хрусталь, голосъ, пѣвшій «Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ» или какіе-нибудь ирмосы. Я не понималъ, кто это такъ звонко поетъ: то казалось мнѣ, будто женщина, то будто дитя.

— Это кто запѣлъ?—спросилъ я Василья, когда услыхалъ его въ первый разъ.

— Содержающій-съ.

— Знаю, да кто такой?

— Андрей-съ, вы видѣли. Онъ еще судится-съ, подсудимый.

Я дѣйствительно видалъ его въ корридорѣ; но не обращалъ на него никакого вниманія. Это былъ высокій молодой человѣкъ, постоянно ходившій въ арестантской шинели. Онъ былъ тутъ, какъ свой: видно, давно ужъ содержался; надзиратель звалъ его не иначе, какъ Андрюша.

Вскорѣ какъ-то послѣ перваго своего пѣнія онъ остановилъ меня въ корридорѣ вопросомъ, не знаю ли я, когда будетъ манифестъ о тысячелѣтіи. Я отвѣтилъ, что, кажется, въ августѣ.

— А освободятъ ли меня-съ?—спросилъ онъ.

— Да вы за что судитесь?

— Я-съ—по скопчеству.

Вглядѣвшись попристальнѣе въ его одутловатое, дряблое и безбородое лицо, можно было заподозрѣть его тайну и не слыхавши его пѣнія. Онъ разсказалъ мнѣ весь ходъ своего дѣла; но такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего рѣшительно любопытнаго, то я и умолчу о немъ.

Меня поразило въ немъ болѣе всего одно. По вечерамъ, преимущественно послѣ повѣрки (она большею частью происходила раньше срока, т. е. половины восьмого, въ сумеркахъ), значительная часть нашихъ жильцовъ собиралась въ корридорѣ на общую бесѣду, или, лучше сказать, на сказки, которыя мастерски разсказывалъ Василій Непомнящій. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, прежде чѣмъ Василій принялся за разсказъ, зашелъ разговоръ о томъ краѣ, откуда былъ скопецъ, чуть ли не о Березовѣ,—и я былъ пораженъ одушевленіемъ, съ какимъ этотъ человѣкъ говорилъ о природѣ. Онъ разсказалъ, какъ отрадно встрѣчать тамъ весну послѣ долгой зимы, какъ начинаетъ все зеленѣть, какіе цвѣты расцвѣтаютъ, какія птицы прилетаютъ. Онъ называлъ каждый цвѣтокъ по имени, описывалъ его краски и листки и спрашивалъ, есть ли здѣсь такіе; такъ же и птицы онъ называлъ, и разсказывалъ и о манерѣ ихъ полета, и объ отливѣ ихъ перьевъ: то словно золотомъ отливаетъ, та словно серебромъ, а эта—радугой свѣтитъ. Какъ въ этомъ человѣкѣ, такъ враждебно ставшимъ въ отношеніи къ своей собственной природѣ, могло сохраниться и развиться это живое чувство любви къ природѣ внѣшней! Или одно смѣнилось другимъ? Переставши

понимать красоту женщины, онъ, можетъ быть, сталъ сильнѣе чувствовать то, что говоритъ только зрѣнію, слуху?..

Вечернія бесѣды въ корридорѣ происходили обыкновенно такимъ образомъ. Прежде всего вызывался Василій Непомнящій, и около него садились, кто на длинной скамьѣ, кто на табуретахъ, Иванъ, Андрюша скопецъ, косой надзиратель и еще человѣка три-четыре изъ «содержающихъ»; послѣдніе смѣнялись, но первые трое оставались постоянно главными слушателями. Василій разсказывалъ громко, внятно, украшалъ свои сказки разными подробностями своего изобрѣтенія. Онъ зналъ ихъ огромное количество, и русскихъ, и изъ «Тысячи одной ночи». Случалось ему заводить такія длинныя, что въ одинъ вечеръ трудно было досказать. Слушатели обыкновенно не отставали и требовали, чтобы онъ докончилъ; но разсказчикъ самъ начиналъ дремать и говорилъ, что если станетъ досказывать въ этотъ вечеръ, сказка хуже выйдетъ. Мнѣ не зачѣмъ было выходить въ корридоръ, чтобы слушать. Бесѣда происходила неподалеку отъ моего номера, и я могъ отлично слѣдить за разсказами и разговорами, отворивъ дверь и улегшись на койку, что я и дѣлалъ почти каждый вечеръ. Василій оканчивалъ обыкновенно каждую свою сказку извѣстною прибауткою: «я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, дали мнѣ шлыкъ, я въ ворота шмыгъ, бѣжалъ-бѣжалъ, да въ острогъ и попалъ. Вотъ и теперь тутъ сижу». Послѣ длинныхъ богатырскихъ сказокъ, разсказывавшихся въ теченіе двухъ вечеровъ, слушатели обыкновенно требовали, чтобы Василій разсказалъ что-нибудь покороче да посмѣшнѣе, не про царевичей ужъ, а про попа. И про попа Василій разсказывалъ, и про попадью.

Но у него были въ запасѣ и не такія еще сказки. Разъ принялся онъ разсказывать «истинное происшествіе», про нѣкоего солдата Ивана Долгова и про фрейлину государыни, княгиню Нарышкину. Эта исторія заняла всѣхъ едва ли не больше всѣхъ остальныхъ сказокъ Василія. И было, впрочемъ, чѣмъ заинтересоваться. Ее стоило бы стенографировать, и я жалѣю, что не сдѣлалъ этого. Что за обиліе фантазіи выказывалъ тутъ Василій, и въ то же время какую историческую достовѣрность прибавлялъ онъ всему самыми мелкими подробностями. Онъ обрисовывалъ физіономіи, манеры каждаго дѣйствующаго лица въ своемъ разсказѣ и представлялъ все въ самыхъ живыхъ краскахъ и образахъ. Я не разъ думалъ, что, родись Василій въ другомъ сословіи, да получи образованіе, изъ него непремѣнно вышелъ бы замѣчательный романистъ.

Въ главныхъ чертахъ исторія Ивана Долгова заключается въ слѣдующемъ. Это былъ солдатъ и стоялъ во дворцѣ на часахъ. Какъ очень красивый и высокій малый, онъ обратилъ на себя вниманіе фрейлины, княгини Нарышкиной, отличавшейся вкусами Елизаветы и Екатерины. Княгиня узнала стороной, кто такой,

какого полка и пр. плѣнившій ее красавецъ-солдатъ. Василій описывалъ ея любовь очень выразительно, какъ она и ѣсть-то не могла (тутъ перечислялись всѣ прелести царскаго стола), какъ она и спать-то не могла по ночамъ — все только и думала, что объ Иванѣ Долговѣ. Наконецъ, отпросилась она у императрицы въ отпускъ, будто бы въ отъѣздъ въ имѣніе свое (губернія, уѣздъ, названіе деревни, количество душъ и пр.). а сама, между тѣмъ, наняла квартиру въ Петербургѣ, въ домѣ Жукова (о табачной его фабрикѣ и какъ онъ разбогатѣлъ), на углу Садовой и Гороховой. Тутъ опять-таки со всѣми околичностями — и гораздо большими, чѣмъ прежде—разсказывалось о каждомъ свиданіи влюбленной княгини съ солдатомъ, о томъ, какъ она посылала его въ баню, какое бѣлье ему дарила, какими амбре его душила, и проч., о великой хитрости самого Ивана Долгова, какъ онъ просрочивалъ въ казармы къ зарѣ, сталъ пренебрегать службой. забросилъ «всѣ эти ихніе гультики и пунтики», не ночевалъ, подкупалъ и старшаго, и ротнаго, а потомъ и батальоннаго командира. Дѣло кончалось тѣмъ, что плѣненный молодцеватостью Ивана Долгова и тронутый любовью къ нему княгини Нарышкиной, покойный императоръ Николай Павловичъ произвелъ его, не въ примѣръ прочимъ, въ полковники, и потомъ тотчасъ въ генералы, и сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Иванъ Долговъ, конечно, женился на княгинѣ Нарышкиной, и все пошло, какъ по маслу.

Исторія эта возбудила въ корридорѣ государственный вопросъ о томъ, могло ли это повториться теперь. По мнѣнію косого надзирателя, могло, потому что все въ царской волѣ; но Василій Непомнящій не соглашался съ мнѣніемъ надзирателя. Онъ, прежде всего, обратился къ причинамъ, и разъяснилъ, что этого не можетъ быть по случаю измѣненія формы. У солдата въ нынѣшней формѣ нѣтъ уже той молодцоватости, какая была при прежнихъ мундирахъ, и потому никакая княгиня Нарышкина плѣниться имъ не можетъ. А форму кто измѣнилъ? Нынѣшняя царица, какъ она большая богомолка. «Что это, говоритъ, за гадость такая, что брюхо не прикрыто у солдата? И задъ почти что не прикрытъ! Кромѣ, говоритъ, непристойности, ничего хорошаго». Вотъ царь и послушался и далъ новые мундиры. Надзиратель былъ вполнѣ согласенъ съ высочайшимъ мнѣніемъ, что дѣйствительно прежняя была какая-то безстыжая форма.

Въ другой разъ Василій разсказывалъ, какъ онъ провелъ три года въ бѣгахъ и заходилъ домой повидаться съ матушкой, съ родными. Разсказъ былъ трогательный, задушевный. Надзиратель только поддакивалъ какимъ-то особенно мягкимъ и кроткимъ голосомъ: «Да... да... Эхъ, что и говорить!.. Точно, что горько, братъ»... и т. п. Иванъ все молчалъ, и ему, видно, сгрустнулось; когда Василій кончилъ, онъ тихо проговорилъ: «Да, все бы ничего, только съ матушкой охота повидаться. Никого не жаль, опричь

ея. Были бы крылья, сейчасъ бы, кажется, взвился и полетѣлъ. Посмотрѣлъ бы хоть».

У надзирателя была значительная склонность къ мистицизму, и онъ заводилъ иногда рѣчь о разныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ: о встающихъ изъ могилы мертвецахъ, объ оборотняхъ, и проч. Василій относился ко всему этому скептически и вступалъ съ надзирателемъ въ споръ, приводилъ въ примѣръ разные случаи, какъ мошенники являлись привидѣніями, чтобы обокрасть или напугать, и проч. Но надзиратель былъ непоколебимъ.

— А вотъ недавно еще въ Омскѣ часовому мертвецъ ноги обглодалъ. На это ты что скажешь?

Василій всталъ дѣйствительно втупикъ.

— Одно я тебѣ скажу,—заключалъ надзиратель: — Бога человѣкъ долженъ всегда держать на умѣ,—вотъ что.

Разсказы тянулись иногда довольно долго. Когда всѣ расходились по своимъ мѣстамъ, и двери номеровъ затворялись, мнѣ не разъ случалось слышать продолженіе бесѣды между Василіемъ и Иваномъ, уже въ постели. Иванъ часто вдавался въ печальныя размышленія о домашнихъ и о родной сторонѣ; Василій же все соображалъ, какъ ему лучше сдѣлать: дойти ли до завода и оттуда бѣжать или тамъ объявиться, или бѣжать, не доходя до завода, съ дороги. «Тяжко ужъ мнѣ больно безъ имени-то быть». Потомъ онъ приходилъ совѣтоваться со мной, какъ ему поступить, и я справлялся ему по законамъ, что для него выгоднѣе.

Василій съ Иваномъ спали въ корридорѣ на полу и, разумѣется, нисколько не стѣснялись постоянною бѣготней мышей, которая начиналась въ огромныхъ размѣрахъ, какъ только гасла свѣча въ корридорѣ; свѣтъ отъ топившейся желѣзной печи нисколько не смущалъ ихъ. Меня мыши безпокоили порядочно. Виною были, можетъ быть, голова сахара, стоявшая въ углу, да крошки хлѣба на полу. Онѣ были рѣшительно безстрашны, лѣзли иногда по одѣялу ко мнѣ на постель, и я нѣсколько разъ всю ночь не гасилъ свѣчи, чтобы хоть сколько-нибудь угомонить ихъ. При моемъ отвращеніи къ кошкамъ, я добылъ себѣ даже котенка, и онъ хоть не ловилъ мышей, но всетаки пугалъ ихъ, пыжась и сердито шипя надъ ихъ норами.

Вотъ какъ обыкновенно проходили дни мои въ Тобольскомъ острогѣ. Раза два въ недѣлю, еще до разсвѣта, начиналось мытье половъ въ корридорѣ и въ камерахъ. Его особенно стали учащать въ ожиданіи скораго пріѣзда новаго генералъ-губернатора. Полоть корридоръ нагоняли бабъ изъ женскаго отдѣленія пересыльныхъ, и часа два продолжалась эта пачкотня, скобленье и проч. На цѣлый день оставался вездѣ отвратительный запахъ сырости, въ дополненіе къ постоянному почти чаду.

Потомъ разъ въ недѣлю приходили партіи (обыкновенно по понедѣльникамъ) и отправлялись по назначенію разъ или два,

смотря по тому, куда имъ слѣдовать. Отправился въ своей повозкѣ, хотя и съ партіей, упомянутый мною казначей, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и скуднымъ хозяйствомъ; отправился полякъ; отправился не разстававшійся со своимъ дворянскимъ достоинствомъ арестантъ. Изъ вновь поступавшихъ въ наше отдѣленіе пересыльныхъ не было никого интереснаго.

Отправка одной изъ партій не обошлась безъ порки. Услыхавъ поутру особенное движеніе и говоръ въ корридорѣ, я вышелъ спросить, что случилось. Всѣ наши дворяне, прислуга и самъ надзиратель взмостились на скамейки и смотрѣли въ высокія окна корридора, которыя выходили на пересыльный дворъ.

— Наказываютъ,—отвѣчали мнѣ на мой вопросъ.

Я взлѣзъ на одну изъ скамеекъ и увидалъ густую толпу совсѣмъ готовыхъ въ путь «несчастныхъ». Посреди ея подымались и опускались поочередно два толстыхъ пучка длинныхъ розогъ. Константинъ и Захаръ Иванычи суетливо распоряжались около этихъ розогъ, но наказываемаго не было видно. Пріятное напутствіе въ такую легкую дорогу! Я спросилъ, за что? Оказалось, за то, что, имѣя одинъ полушубокъ годный, виновные взяли въ Приказѣ по другому полушубку и вшили ихъ одинъ въ другой.

Вотъ, наконецъ, простился со мною и Крупскій. Онъ купилъ себѣ кибитку за три съ полтиной, уложилъ свое хозяйство, не забылъ и гитару. Самое начало его путешествія не предвѣщало ничего добраго. Онъ выбралъ, какъ нарочно, такую партію, въ которой не было никого изъ «дворянъ», и у него одного была своя подвода. Она оказывалась лишнею противъ того числа, до котораго подрядчикъ обязался поставлять лошадей. Онъ не хотѣлъ давать Крупскому лошади и требовалъ прогонныхъ денегъ. Его едва убѣдили; но явно, что такія прижимки должны были повториться.

— Вамъ надо лошадь купить,—совѣтовали Крупскому.

Хорошо было такъ совѣтовать; но исполнить, даже при здѣшней дешевизнѣ, совѣтъ этотъ Крупскій могъ только, обрекши себя на многія лишенія.

Послѣ отъѣзда Крупскаго стало какъ-то тише у насъ, или, можетъ быть, это казалось только мнѣ, потому что онъ всетаки каждый день приходилъ ко мнѣ, и мы—какъ я ужъ говорилъ—обѣдали вмѣстѣ, а иногда вмѣстѣ же пили и чай. Какъ ни мало внушалъ онъ мнѣ симпатіи, а мнѣ всетаки было очень его жаль.

Мнѣ еще разъ случилось видѣть политическаго преступника Ѳедора Иванова. Я сидѣлъ и писалъ, когда онъ вошелъ ко мнѣ разъ поутру очень рано, и, не говоря ни слова, упалъ передо мною на оба колѣна разомъ. Конечно, ему нужны были деньги. Я замѣтилъ особую блѣдность и худобу въ его лицѣ. Онъ былъ въ больницѣ почти съ самаго прихода своего въ Тобольскъ, и потому могъ пробираться въ наше отдѣленіе.

Дня черезъ два я услыхалъ въ корридорѣ разсказъ Василія, что Ѳедоръ Ивановъ ослѣпъ.

— Какой Ѳедоръ Ивановъ?—спросилъ я.

— А кандальщикъ-съ,—отвѣчалъ Василій. — Вотъ, что у васъ-то былъ.

— Давно ли?

— Да нынче вдругъ это сдѣлалось у него. Параличъ, что ли, ударилъ.

— Это Богъ его покаралъ,—замѣтилъ Иванъ.

— За что?

— Да вѣдь онъ съ нами въ одной партіи шелъ, такъ только и зналъ, что всѣхъ оговаривалъ. Нехорошій онъ человѣкъ, злой. Товарищей двадцать, поди, дорогой-то подъ розги подвелъ наговорами своими. Вотъ и покаралъ Господь.

Мнѣ нужны были кой-какія справки въ уставѣ о ссыльныхъ, и я привезъ его разъ съ собой отъ прокурора. Василій, знавшій немного, хоть и плохо, грамотѣ, увидалъ, что я читаю законы, и они вмѣстѣ съ Иваномъ приходили ко мнѣ за справками. Оба они разсказали мнѣ свои исторіи и планы о побѣгѣ. У Ивана была непреоборимая страсть къ перемѣнѣ мѣста. Онъ тосковалъ безъ широкаго простора передъ собой. Онъ былъ помѣщичій крестьянинъ, его повезли въ ближайшій городъ для сдачи въ рекруты, а онъ бѣжалъ съ дороги, и скитался съ тѣхъ поръ, перемѣняя имена. Василій былъ сосланъ въ Сибирь на такъ называемое водвореніе, и жилъ довольно долго въ Омскѣ, нанимаясь въ кучера. Онъ тоже былъ изъ крѣпостныхъ, и у барина еще занимался кучерствомъ. По его разсказамъ, въ Омскѣ онъ получалъ слишкомъ мало жалованья, и ему хотѣлось перейти отъ нанимавшаго его господина къ другому, платившему больше; но тотъ не соглашался, а когда Василій вздумалъ грубить, онъ отправилъ его въ полицію. Полицеймейстеръ же былъ ему пріятель, призвалъ Василія, наругался надъ нимъ и отхлесталъ его по щекамъ. Василій въ ту же ночь и бѣжалъ съ досады, да и проходилъ три года, побывалъ вездѣ: и у родныхъ, и въ знакомыхъ мѣстахъ, и въ городахъ. Взяли его въ Уфѣ. Теперь ихъ обоихъ, Ивана и Василья, отправляли на годъ на заводъ, около Тюмени, кажется: значитъ очень недалеко. И Василій, которому надоѣло быть непомнящимъ, рѣшилъ, что бѣжитъ, не доходя до завода, прошатается гдѣ-нибудь до манифеста, а къ тому времени опять явится въ Омскъ и будетъ по прежнему съ мѣстомъ и съ именемъ. «Да хоть и до манифеста-то явиться, такъ не бѣда. При полиціи только накажутъ —вотъ и все. Да и то не накажутъ. Откупиться можно». У Ивана, напротивъ, не было такихъ опредѣленныхъ плановъ. Побѣгъ представлялся ему какимъ-то поэтическимъ шатаньемъ по всему бѣлому свѣту, изъ края въ край.

Оба они ушли изъ Тобольска днями четырьмя-пятью раньше меня, и тутъ ужъ водворилась у насъ совершенная тишина. По

вечерамъ не слышалось ни сказокъ, ни разговоровъ. На мѣсто Василья и Ивана поступило тоже двое: одинъ—мальчикъ лѣтъ шестнадцати, отправлявшійся вмѣстѣ съ отцомъ на поселенье, съ виду похожій на калмыка, съ хитрымъ взглядомъ, но на словахъ глупый; другой—крестьянинъ изъ Тобольскаго уѣзда, приговоренный за укрывательство какое-то на полтора года въ арестантскія роты, но оттуда освобожденный по болѣзни. Ему поэтому слѣдовало еще выжить полъ-года въ тобольскомъ острогѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, смирный и кроткій, мало говорившій и все вздыхавшій. Его очень тревожило, что къ нему не пускаютъ его незаконную маленькую дочку, которую онъ называлъ то «дѣвчоночкой» своей, то «питальницей».

— Хоть бы поѣсть-то ее пустили,—говорилъ онъ.—Этто вышелъ къ воротамъ,—она стоитъ тамъ, продрогла вся. «Тятинька, я,—говоритъ,—поисть хочу». Хорошо еще вышелъ я въ пору, далъ ей калачика; а то ину пору придетъ—постоитъ, постоитъ, зальется слезами, да и уйдетъ.

Я выхлопоталъ ему у начальства позволеніе видѣться съ нею каждый день въ извѣстный срокъ.

Надзиратель тоже былъ недоволенъ уходомъ прежней прислуги, и въ особенности краснобая Василья. Ему не къ кому было ужъ присосѣдиться вечеромъ, и онъ сдѣлался даже что-то ворчливъ, чего за нимъ прежде не водилось.

Я уже говорилъ о періодическомъ приходѣ и отходѣ арестантскихъ партій. Это было такимъ обычнымъ дѣломъ въ острогѣ, что никто не интересовался имъ ни изъ начальства, ни изъ «содержающихъ». Другое дѣло пріѣзжіе съ жандармами. Такимъ образомъ и я, и Крупскій сдѣлались лицами всѣмъ извѣстными. Въ теченіе моего пребыванія въ тобольскомъ острогѣ еще третье лицо обратило тамъ на себя всеобщее вниманіе. Это было еще въ то время, когда Василій съ Иваномъ прислуживали мнѣ.

Именно Василій явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что еще кого-то привезли съ жандармами, въ ручныхъ и въ ножныхъ кандалахъ. Это было утромъ. Я наскоро одѣлся и побѣжалъ къ воротамъ. Мнѣ думалось, не изъ Петербурга ли кто-нибудь, не изъ нашихъ ли общихъ друзей и знакомыхъ кто-нибудь. Мнѣ почему-то казалось, что я встрѣчу Владиміра Обручева.

Какъ ни поспѣшно сообщилъ мнѣ новость Василій Непомнящій, но я подоспѣлъ ужъ поздно. Не жандармы, а казаки, сопровождавшіе арестанта, успѣли уже удалиться съ почтовою кибиткой, и любопытные, сбѣжавшіеся со двора, разошлись. Я рѣшилъ зайти справиться къ помощнику, котораго квартира была въ сѣняхъ изъ-подъ воротъ, и вошелъ въ сѣни. Тутъ я засталъ слѣдующую сцену. Смотритель, повторяя ежеминутно: «чего-съ? чего-съ?» суетился около своего новаго жильца. Ему перебивали кандалы, которые были слишкомъ узки. Новопривезенный арестантъ сидѣлъ на нижней

ступенькѣ каменной лѣстницы, ведущей во второй этажъ, низко понуривъ голову, такъ что видна была только часть его бороды изъ подъ нахлобученной на уши кожаной и мѣховой шапки. Одна нога его лежала на знакомой мнѣ гирѣ, и стоявшій на колѣняхъ казакъ взмахивалъ надъ нею молоткомъ, заклепывая новые кандалы. У меня сердце сжалось: такая это была унылая и въ то же время возмутительная операція! Формалистъ-смотритель, замѣтивъ мое присутствіе, поспѣшно подбѣжалъ ко мнѣ и попросилъ меня удалиться. Тутъ были еще какіе-то неизвѣстные мнѣ чиновники, и я съ досадой исполнилъ его просьбу.

Вскорѣ я узналъ, что привезенный пермскій крестьянинъ Кокшаровъ, который былъ довѣреннымъ отъ пермскихъ заводскихъ крестьянъ и подавалъ отъ лица ихъ просьбы и протесты. Говорили, что онъ объяснялъ имъ ихъ положеніе и возбуждалъ неудовольствіе. Послѣднимъ дѣломъ его была поѣздка въ Петербургъ для подачи просьбы государю по довѣренности отъ трехъ тысячъ заводскихъ крестьянъ. Что сдѣлали съ его просьбой въ Петербургѣ, неизвѣстно; но ему велѣно было возвратиться домой. Скорѣе, однако-жъ, пришло распоряженіе арестовать его. Крестьяне не хотѣли выдавать его, и Кокшарова пришлось брать военной силой, при чемъ убито нѣсколько человѣкъ, защищавшихъ его. (Объ этомъ что-то умалчиваетъ Валуевъ въ своихъ отчетахъ по крестьянскому дѣлу). Кокшарова схватили-таки, сковали и бросили въ пермскій острогъ. Тутъ продержали его всего два дня, не предлагали ему никакихъ вопросовъ, не производили надъ нимъ никакого слѣдствія, и на третій день отправили съ двумя казаками въ Тобольскъ для препровожденія въ каторжную работу. Онъ не былъ наказанъ тѣлесно (кромѣ кандаловъ, которые у насъ, какъ извѣстно, вопреки закону, не считаются тѣлеснымъ наказаніемъ). Такое скорое рѣшеніе свидѣтельствуетъ, конечно, главнымъ образомъ, объ успѣхахъ науки въ Россіи. Вѣдь изъ Перми уже дѣйствуетъ телеграфъ, и разумѣется, пермское начальство поступило не по своему собственному побужденію. Кокшаровъ уже не юноша, ему лѣтъ сорокъ, если не больше.

Мнѣ очень хотѣлось увидаться съ нимъ и узнать отъ него лично, насколько правды въ томъ, что я слышалъ и пересказалъ теперь; но это мнѣ не удалось. Кокшарова посадили въ такъ называемую секретную, и я два дня сряду пытался проникнуть къ нему. Но, какъ нарочно, надзиратель каторжнаго отдѣленія отлучался куда-то и его замѣняло лицо, мнѣ совершенно неизвѣстное. Я не рискнулъ вручить ему за пропускъ пятирублевую бумажку, которую съ той цѣлью помѣстилъ въ карманъ,— тѣмъ болѣе, что приходилось говорить съ нимъ сквозь желѣзную рѣшотку, въ присутствіи часового. Я, наконецъ, взялъ съ собою Константина Иваныча; но и тутъ вышла неудача. Надзирателя въ это время совсѣмъ не было дома, а съ нимъ и ключей отъ секретныхъ но-

меровъ. Я подошелъ къ тому, въ которомъ онъ содержался, и заглянулъ въ щелку двери. Кокшаровъ въ это время спалъ. На четвертый день онъ ушелъ съ этапомъ; но мнѣ, вѣроятно, еще придется увидаться съ нимъ въ Сибири.

Удачнѣе было желаніе мое видѣться и познакомиться съ другимъ политическимъ преступникомъ (какое это нелѣпое названіе, въ особенности въ примѣненіи къ настоящему случаю), сосланнымъ, впрочемъ, только на жительство въ Тобольскую губернію (хоть и безъ срока). Я говорю о ксендзѣ, каноникѣ Маевскомъ, который виноватъ оказался въ томъ, что не остановилъ народа въ Гродно, желавшаго церковной процессіи, а напротивъ, самъ его повелъ. При этомъ, впрочемъ, не произошло никакихъ ни замѣшательствъ, ни столкновеній. Епископъ, которому Маевскій донесъ о желаніи народа идти крестнымъ ходомъ, поступилъ дипломатически: онъ не запретилъ его, а только сказалъ, что процессія будетъ остановлена военной силой. Это не помѣшало Маевскому идти съ крестами и пѣніемъ. Дойдя до мѣста, гдѣ были расположены войска, онъ обратился къ богомольцамъ и сказалъ, что обѣтъ ихъ исполненъ, а бороться съ вооруженной силой было бы безполезной рѣзней, которая не можетъ быть пріятна Богу. Всѣ встали на колѣни, пропѣли свои молитвы, возвратились въ церковь и потомъ спокойно разошлись по домамъ.

Кажется, слѣдовало бы поблагодарить человѣка за удержаніе, какъ говорится, народа въ границахъ спокойствія; но Маевскаго схватили, продержали въ Вильно въ тюрьмѣ и препроводили сюда. При слѣдствіи не помогла даже проповѣдь, которую онъ произнесъ предъ выходомъ изъ церкви. Въ этой проповѣди очень ловко говорилось, что цѣль процессіи—чисто религіозная, что надо забыть обо всѣхъ политическихъ партіяхъ, собравшись молиться Богу, что тутъ долженъ проявиться не духъ партій, не духъ Гарибальди, а духъ святой. Любопытно замѣчаніе, сдѣланное Маевскому по этому поводу Назимовымъ. «Вы хотѣли надуть Бога,—сказалъ онъ,—но люди въ девятнадцатомъ столѣтіи васъ разгадали». Назимовъ-то человѣкъ девятнадцатаго столѣтія! Не правда ли, это очень мило.

Я разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что Маевскій передавалъ мнѣ со всѣми подробностями; но онѣ, вѣроятно, давно уже появились въ иностранныхъ журналахъ. Мы обѣдали съ нимъ вмѣстѣ у С. и потомъ просидѣли часть вечера. По русскимъ фразамъ, которыя онъ приводилъ въ своемъ разсказѣ, можно было видѣть, что онъ хорошо говоритъ и по-русски; но онъ утверждалъ, что это ему трудно, и разсказывалъ по-польски. Вообще, онъ говорилъ замѣчательно краснорѣчиво и умно, и, вѣроятно, пользуется въ Гродно большимъ вліяніемъ и популярностью. Вообще, онъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе своими здравыми сужденіями, на сколько они не разногласили съ его католическими, или, лучше сказать, христіанскими тенденціями. Впрочемъ, можетъ

быть, онъ показался бы мнѣ еще лучше, если-бъ мы разговаривали только вдвоемъ: оффиціальное положеніе нашего хозяина должно было нѣсколько смягчать его рѣчь. У насъ оказалось человѣка два-три общихъ знакомыхъ изъ гродненскихъ поляковъ,—между прочимъ, поэтъ Желиговскій.

Наружность Маевскаго не особенно представительна. Онъ невысокаго роста и сильно согнувшійся, сутуловатый. Продолговатое лицо его пріятно, и въ сѣрыхъ, какого то свинцоваго цвѣта, глазахъ есть что-то дѣйствующее магнетически на нервныхъ людей; очень развитыя губы показываютъ, что онъ не прочь отъ наслажденій міра сего, ни отъ вина, ни отъ женскихъ поцѣлуевъ. Ему никакъ не больше на видъ сорока лѣтъ; коротко остриженные, русые волосы его еще довольно густы.

Какъ присланный на жительство, безъ лишенія правъ, Маевскій избѣгъ, разумѣется, острожнаго помѣщенія, и жилъ на частной квартирѣ. Онъ, кажется, разсчитывалъ остаться въ самомъ Тобольскѣ, и это—при другихъ условіяхъ—было бы возможно. Онъ отслужилъ три обѣдни въ здѣшнемъ костелѣ. Остроумный губернаторъ, угадавшій свое подобіе въ свиномъ рылѣ, нашелъ это почему-то неудобнымъ,—и вотъ теперь Маевскаго хотятъ перевести изъ Тобольска въ уѣздный городъ Курганъ. Должно быть, хорошій городъ: я объ немъ никогда и не слыхивалъ.

Сколько можно было судить по ходу моего дѣла, я начиналъ надѣяться, что скоро могу и уѣхать. Я не хотѣлъ оставлять Тобольска, не осмотрѣвъ хорошенько острога, всѣхъ его отдѣленій и проч. Для этого я рѣшилъ воспользоваться услугами помощника, которому всюду открытъ былъ свободный доступъ. Сначала меня останавливали часовые въ моихъ прогулкахъ, и я только гривенниками покупалъ у нихъ позволеніе свободно расхаживать по всѣмъ закоулкамъ и угламъ восьми (кажется, такъ) тюремныхъ дворовъ. Константинъ Иванычъ согласился водить меня всюду, въ надеждѣ, разумѣется, на денежную награду.

По мѣрѣ того, какъ приближался мой отъѣздъ, онъ становился еще назойливѣе. Ему, повидимому, хотѣлось извлечь изъ меня всѣ выгоды, какія только можно.

Разъ привелъ онъ ко мнѣ страшно оборваннаго мальчика, лѣтъ десяти, и началъ разсказывать какую-то длинную исторію о его крайней нищетѣ, о томъ, что онъ его гдѣ-то случайно нашелъ и рѣшилъ взять на свое попеченіе и пріютить у себя.

— Будьте отцомъ роднымъ, Михаилъ Ларіоновичъ,—заключилъ онъ:—посодѣйствуйте сиротѣ. Видите, въ какомъ онъ рубищѣ. У васъ есть полушубочекъ казенный. Онъ бы вѣкъ сталъ Богу за васъ молить.

Я отдалъ полушубокъ, которымъ снабдила меня петербургская управа благочинія. Онъ оказался только что впору мальчику. Къ слову замѣчу, что казенные полушубки вообще какъ будто

кроятся и шьются на дѣтей: такъ они коротки и узки. Это, вѣроятно, имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ экономическимъ понятіямъ начальства.

Въ другой разъ помощникъ приходилъ и начиналъ проливать предо мною притворныя слезы о потерѣ его дочерью трехъ рублей, съ которыми она поѣхала въ городъ въ гостиный рядъ для покупки себѣ какой то обновы. На слезы Константинъ Иванычъ былъ тароватъ: онѣ легко вызывались у него водкой, а пьянъ онъ былъ ежедневно, особенно къ вечеру.

Такъ какъ потеря его дочери меня не тронула, онъ въ слѣдующій разъ изобрѣлъ новую пропажу.

— Такое со мной, право, несчастіе,—разсказывалъ онъ.—Вѣрите ли, Михаилъ Ларіоновичъ, говорить-то—уста кровью запекаются. Поѣхалъ вчера въ городъ. Давно собирался дочери сатину купить на салопъ. Дѣло-то подъ вечеръ было. Самъ я правлю всегда. Понесъ меня маненечко конь. Какъ ужъ у меня выпалъ этотъ сатинъ изъ подъ мышки и гдѣ—понять я этого не могу. Пріѣхалъ домой—ну, какъ я скажу? Такъ и не сказалъ. Сегодня всталъ чѣмъ свѣтъ, всѣ улицы обошелъ—снѣгъ это раскапываю. Нѣтъ, какъ нѣтъ моего сатину.

— Гдѣ ужъ найти!

— Конечно, Михаилъ Ларіонычъ,—оно и понятно. Лежитъ на улицѣ, середи дороги, штука сатину. Да какъ же ему цѣлу быть? И какой выбралъ превосходнѣйшій сатинъ! Восемь съ лишнимъ рублей—легко это сказать.

Я началъ было его усовѣщивать, чтобы онъ сказалъ прямо, что ему хочется у меня денегъ получить, но онъ стоялъ на своемъ сатинѣ.

Точно такъ же не хотѣлъ онъ признаться, что подрался въ пьяномъ видѣ, когда пришелъ разъ ко мнѣ съ огромными синяками подъ глазами и съ раскроеннымъ въ кровь вискомъ и лбомъ, которые онъ напрасно старался скрыть волосами. Онъ утверждалъ, что это его конь побилъ.

— Подошелъ я это ему ноздри протереть. Морозъ, знаете—заиндѣвѣло все. Какъ хватитъ онъ меня вдругъ уздой. И что это съ нимъ сдѣлалось—понять не могу. Этакій былъ смирный, послушливый конь, и вдругъ—только что я подхожу къ нему—начинаетъ меня хлестать уздой по лицу. Искровенилъ всего.

Василій Непомнящій иначе не называлъ Константина Иваныча, какъ безстыжими глазами.

— Вѣдь это извѣстно-съ,—пояснилъ онъ:—у писарей стыда нѣтъ, а онъ изъ писарей-съ.

Въ то утро, какъ помощникъ согласился сопровождать меня по острогу, онъ противъ обыкновенія не былъ пьянъ. Вѣроятно, опохмѣлиться было не на что. Мы пошли.

Оставляя его въ сторонѣ, я разскажу въ немногихъ словахъ

то, что видѣлъ. И такъ разсказъ мой о тобольскомъ острогѣ вышелъ безконечно длиненъ.

Самое интересное отдѣленіе, конечно, кандальное. Комната, въ которой я былъ помѣщенъ на время по пріѣздѣ, принадлежала къ числу номеровъ, назначенныхъ для подсудимыхъ. Такихъ номеровъ идетъ нѣсколько подъ рядъ по темному корридору. Они не заперты, потому что въ нихъ содержатся подсудимые не по важнымъ преступленіямъ. Въ иныхъ на нарахъ помѣщается человѣка по три, по четыре. Далѣе идетъ корридоръ секретныхъ, то есть тоже отчасти подсудимыхъ, отчасти пересыльныхъ, возбуждающихъ почему-нибудь опасеніе. Здѣсь двери уже заперты, и что странно, онѣ глухія, безъ маленькихъ окошечекъ. За содержащимися тамъ можно наблюдать только въ небольшія дырки, просверленныя гдѣ попало. Этотъ корридоръ нѣсколько свѣтлѣе и опрятнѣе, такъ какъ по нему мало ходятъ. Я заглянулъ въ двѣ-три щели. Номера были пусты, только въ одномъ сидѣлъ какой-то офицеръ, судившійся, кажется, за убійство.

По шаткой и узкой деревянной лѣстницѣ поднялись мы въ другой этажъ, который правильнѣе назвать просто чердакомъ. Это и есть помѣщеніе пересыльныхъ «кандальщиковъ». У всякаго, кромѣ такихъ тюремныхъ стражей, какъ нашъ помощникъ, невольно содрогнется и сожмется сердце при входѣ подъ эти темные низкіе своды, при взглядѣ на эту голь и униженіе, которыя кидаются въ глаза на каждомъ шагу. Какъ бы ни были преступны и черны душой всѣ эти несчастные, набитые тутъ, какъ звѣри въ клѣткѣ, въ душѣ не возбуждается ничего, кромѣ жалости къ нимъ. Христіанское законодательство наше не понимаетъ, что оно только портитъ и нравственно ухудшаетъ своими мѣрами преступниковъ, вселяя въ нихъ ожесточеніе и ненависть къ человѣческому обществу. Вѣдь большинство преступленій всетаки совершаются въ минуты страсти, въ минуты увлеченія. Въ значительной степени преступленіе даже не кладетъ рѣзкой печати на нравственную сторону человѣка. Пылъ страсти миновалъ, и наступило раскаяніе, а это чувство, незнакомое до тѣхъ поръ, заставляетъ человѣка вдумываться въ себя, анализировать свои побужденія, и, стало быть, возвышаетъ нравственный его уровень. Иной преступникъ послѣ того, какъ на его руки брызнула кровь убитаго имъ ближняго, становится нравственнѣе, чѣмъ былъ до тѣхъ поръ. Много ли этихъ холодныхъ, ожесточенныхъ убійцъ, которые находятъ наслажденіе въ проливаемой ими крови? Не выродки ли это? Не физическіе ли недостатки ихъ мозга и черепа виной этому? А воспитаніе ничего не дѣлало для нихъ. Если же и не такъ, то откуда приходитъ ожесточеніе, какъ не изъ условій самой жизни, обреченной на невѣжество, нужду и невыносимыя ни для какого животнаго лишенія? Неужто нельзя положить границъ между побужденіями людей къ преступленіямъ и раздѣлить ихъ

на основанiи этихъ побужденiй? Смѣшивая всѣхъ въ одномъ понятiи «преступникъ», правительство только развращаетъ лучшихъ изъ нихъ. Только тогда ужъ надо ввѣрить надзоръ и попечительство надъ ними не безграмотнымъ и жестокимъ солдатамъ, вродѣ Захаровъ и Константиновъ Ивановичей.

Острогъ въ Тобольскѣ новый; въ немъ, какъ говорятъ, сдѣлано очень много улучшенiй въ сравненiи съ тѣмъ, что было прежде, въ старомъ зданiи, находившемся неподалеку отъ нынѣшняго и теперь обращеннаго, кажется, въ арестантскую роту. Ужъ изъ того, каково теперь помѣщенiе у кандальщиковъ, можно заключить, какъ ихъ содержали прежде. Я уже не говорю о сырости, безъ которой, повидимому, никакъ не могутъ обходиться наши тюрьмы, даже стоящiя такъ долго, какъ, напримѣръ, Петропавловская крѣпость. Кромѣ сырости, помѣщенiе кандальныхъ лишено всякихъ удобствъ. Подъ низкими сводами, гдѣ только можно распрямиться стоя, не устроено даже наръ. Это чердачное отдѣленiе состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, большею частью небольшихъ, соединенныхъ между собою арками сводовъ. Это еще хорошо; будь тутъ двери, которыя бы затворялись, воздухъ былъ бы ужасный. Онъ ужъ и теперь никуда не годится. Въ другихъ отдѣленiяхъ устроены хоть камины, которые его очищаютъ немного, а здѣсь и этого нѣтъ. Всѣ арестанты помѣщаются на полу. Изъ опасенiя ли дракъ или просто изъ пренебреженiя къ этимъ несчастнымъ, тутъ нѣтъ ни стола, ни стула. У рѣдкаго подостланъ подъ себя потникъ или войлокъ. Въ любомъ звѣринцѣ лучше содержатся звѣри. Константинъ Иванычъ торопилъ меня, будто опасаясь проходить одинъ и безъ всякаго оружiя среди сотни этихъ жалкихъ и оборванныхъ людей, съ клейменными темными лицами, съ подбритыми головами. Мнѣ было жаль, что я не могъ побыть съ ними дольше и поговорить. Всѣ они стояли или лежали на полу: кто приспособлялъ свои кандалы, чтобы они меньше терли ноги, кто завтракалъ чернымъ хлѣбомъ, кто чинилъ свою одеженку. Многiе лежали, закинувъ за голову руки. Были тутъ и больные, стонавшiе, но, вѣроятно, лишь отъ угару, потому что не поступили въ больницу. Духота, жалкiй полусвѣтъ, грязь, голоданье, нищета, униженiе — всѣ эти исправительныя мѣры нашего законодательства являлись тутъ въ полномъ своемъ значенiи.

Отдѣленiе переселенцевъ и женское могутъ показаться раемъ послѣ этого помѣщенiя. Они размѣщены по разнымъ дворамъ. То большiя камеры, въ которыхъ, не особенно тѣснясь, могутъ помѣститься человѣкъ по пятидесяти, съ нарами посрединѣ. Но когда приходятъ большiя партiи, помѣщается, конечно, вдвое и втрое больше. Кому нѣтъ мѣста на нарахъ, тотъ помѣщается подъ нарами. Таково устройство и всѣхъ нашихъ тюремъ, да не только тюремъ, и казармъ. Отдѣленiя эти показались мнѣ привѣтливѣе не только

потому, что я пошелъ въ нихъ изъ кандальнаго, но и потому, что они были почти пусты. Послѣдняя партія состояла по преимуществу изъ кандальщиковъ. Въ женскомъ отдѣленіи, несмотря на дѣтей—и грудныхъ, и едва начинающихъ лепетать и становиться на ноги,—было гораздо больше чистоты, порядка. Все больше сложено къ мѣсту, не раскидано, какъ на мужскихъ половинахъ.

Меня больше всего удивило, что въ зданіи, разсчитанномъ на столько людей (хоть и плохо разсчитанномъ), нѣтъ порядочнаго помѣщенія для столовой. Она помѣщается въ какой-то упраздненной банѣ, довольно темной, съ почернѣвшими отъ копоти и пропитанными баннымъ запахомъ стѣнами.

Какъ ни вяло подвигалось дѣло объ отправкѣ меня съ жандармами, на свой счетъ, а все же оно подвигалось. Нужно было прежде всего подать просьбу въ Приказъ о моемъ желаніи; потомъ составили журналъ о ней; журналъ пошелъ къ прокурору, къ губернатору, и странствовалъ недѣли двѣ. Меня записали въ больницу, сочинили мнѣ медицинское свидѣтельство. Врачебная управа должна была подтвердить это свидѣтельство своимъ свидѣтельствомъ. Меня, къ счастью, не требовали въ управу; одинъ изъ членовъ ея заѣхалъ ко мнѣ, и тѣмъ дѣло было кончено. Наконецъ-то, можно было Приказу потребовать отъ полицеймейстера мои деньги и написать жандармскому штабъ-офицеру, чтобы онъ назначилъ мнѣ двухъ «благонадежныхъ» проводниковъ.

Въ теченіе всего этого времени мнѣ довелось быть раза три или четыре въ Приказѣ. Когда я былъ тамъ во второй разъ, я получилъ письмо отъ Шелгуновой. Мнѣ передали его не распечатаннымъ. Фризель вообще былъ любезенъ, насколько можетъ быть любезенъ такой быкъ. Онъ разговаривалъ со мной по-французски, предлагалъ мнѣ въ присутствіи кресло за столомъ, на которомъ стоитъ зерцало, и проч.

Еще наканунѣ отъѣзда познакомился я въ Приказѣ съ моими новыми жандармами. Они даже и на первый взглядъ не имѣли уже того оффиціальнаго характера, какъ петербургскіе. Въ самый день отъѣзда были получены деньги мои въ Приказѣ и при мнѣ были переданы жандармамъ.

Возвратившись изъ Приказа къ острогу, я былъ встрѣченъ у самыхъ воротъ смотрителемъ. Онъ объявилъ мнѣ, что за мною прислалъ лошадь П., и что полицеймейстеръ проситъ его пріѣхать вмѣстѣ со мной. Время какъ разъ (по тобольскому) подходило къ обѣду.

Мы тотчасъ же отправились.

Тамъ рѣшили, что смотритель распорядится вмѣстѣ съ жандармами уложить въ возокъ мои вещи (все было у меня уже съ утра готово), и жандармы пріѣдутъ за мной уже на почтовыхъ сюда. При отправкѣ моей слѣдовало быть полицеймейстеру, а такъ

какъ онъ обѣдалъ вмѣстѣ со мной, то и это, значитъ, было удобно.

Такимъ образомъ, въ сумеркахъ 27 января я поѣхалъ дальше. Почти всѣ обѣдавшіе, и мужчины, и дамы, отправились провожать меня, и я окончательно простился съ тобольскимъ обществомъ, о которомъ у меня осталось самое пріятное воспоминаніе, уже за городомъ, на томъ историческомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, высадился Ермакъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гроза.

Страшно молчаніе лѣса...
Сдвинулись черныя тучи...
Чудится--кто-то суровый, могучій
Тамъ, за тяжелой завѣсой.

Поднялъ онъ молотъ огромный
Медленнымъ взмахомъ десницы...
Дрогнули крѣпкіе своды темницы,
Душной и темной!

Вспыхнуло небо пожаромъ,
Яркой разбито стрѣлою...
Молотъ опущенъ надъ стихшей землею
Грознымъ ударомъ!

Г. Галина.

АРЕНДА.

(Разсказъ).

I.

Къ Порѣчью, имѣнью Лаптева, принадлежалъ обрѣзъ Тимкинъ Логъ — десятинъ съ сотню хорошей, уемной земли; обрѣзъ этотъ лежалъ далеко отъ усадьбы, обрабатывать его для себя было трудно и неудобно, а такъ какъ онъ вплотную прилегалъ къ сосѣдней деревнѣ Добрывичамъ, то Лаптевъ сдавалъ его въ аренду добрывичскимъ мужикамъ. Такъ велось давно, изъ году въ годъ,—и завелось это еще при отцѣ Лаптева и отцахъ тѣхъ мужиковъ, съ которыми онъ заключалъ условіе. Время отъ времени—примѣрно разъ въ два-три года—Лаптевъ надбавлялъ цѣну, и тогда мужики почесывались, кряхтѣли и пеняли:

— Земля годъ съ годомъ противъ прежняго силу теряетъ, роду въ ей меньше, а цѣна больше...

Лаптевъ строго и внимательно глядѣлъ на нихъ поверхъ круглыхъ серебряныхъ очковъ, отчего мужикамъ становилось, какъ будто, неловко, и вразумительно говорилъ:

— А ты какъ думалъ? Ты мнѣ будешь землю спустовывать, а я тебѣ цѣну сбавлять? Навозь лучше, родъ будетъ больше...

И заканчивалъ коротко и сурово:

— Не хочешь—не бери... Мнѣ, вонъ, тюрнинскій старшина давно предлагаетъ, чтобъ я ему сдалъ, хорошую цѣну даетъ... По крайности, съ однимъ дѣло, не то что съ вами... Для васъ же, дураковъ, безпокойство имѣю!

Мужики брали. И было такъ, что земля становилась все малороднѣе, тощѣе и изсякала, а цѣна ей росла, дѣлалась больше, и все труднѣе было платить. Казалось, къ этому привыкли мужики и Лаптевъ привыкъ къ этому, какъ къ чему-то законному и справедливому, что такъ и должно быть.

Тюринскій старшина давно предлагалъ продать ему Тимкинъ Логъ, но это было невыгодно, потому что добрывичскимъ мужикамъ безъ этого обрѣза нельзя было обойтись: при освобожденіи они вышли на малый надѣлъ, народу прибавилось, семьи пораздѣлились, не при чемъ было бы жить, еслибы не съемная земля. Чѣмъ наживать старшинѣ, лучше пользоваться самому. Плохой тотъ человѣкъ, который пользу свою не соблюдаетъ. Да, значитъ, и мужикамъ польза есть, коли берутъ... Не было-бъ—не брали-бъ!

И каждую весну, когда еще не вездѣ сошелъ снѣгъ и въ мѣстахъ пониже, поукрытѣе лежалъ мертвыми синими пластами, печальными, какъ воспоминаніе о долгомъ могильномъ холодѣ зимы, Лаптевъ заключалъ съ мужиками условіе и выставлялъ три ведра водки. А каждую зиму, къ Николину дню, когда мужики продавали ленъ или дрова—они приносили ему арендную плату и въ веселый солнечный день, когда снѣгъ блеститъ такъ, что на него больно смотрѣть, Лаптевъ ѣхалъ въ городъ, въ банкъ. Такъ велось изъ года въ годъ, было еще заведено отцомъ Лаптева и было понятно и обычно, потому что иначе не могло быть.

Лаптевъ съ дѣтства жилъ въ имѣньи и давно привыкъ къ неизвѣстно гдѣ рождающимся и неизвѣстно какъ передающимся слухамъ о землѣ, о прирѣзкѣ, слухамъ, которыми упорно и постоянно питалась деревня, какъ далекой и свѣтлой мечтой.

Но когда до него донеслись первыя смутныя вѣсти о разгромленныхъ гдѣ-то имѣніяхъ, о замѣнѣ волостныхъ старшинъ, о мірскихъ сходахъ, на которыхъ рѣшались большія и важныя деревенскія дѣла безъ водки и властей,—онъ сталъ присматриваться къ тому, что было кругомъ него. И первое время ему казалось, что все кругомъ было такое же, какимъ было и пять, и десять лѣтъ тому назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то, какъ будто, чуть-чуть измѣнилось. И страшнѣе всего было то, что онъ не могъ различить—что именно измѣнилось и что осталось прежнимъ.

Такъ же грязна и убога была деревня, такъ же хмуро и безхозяйственно глядѣли ея растрепанныя крыши и такіе же грязные и потные мужики въ разстегнутыхъ у шеи рубахахъ съ коричневыми лицами и всклокоченными бородами, ходили черезъ дворъ усадьбы къ винной лавкѣ, помѣщавшейся у сада, гдѣ прежде была старая баня. А сама усадьба съ новенькимъ, построеннымъ три года тому назадъ домомъ и надворными постройками, выведенными изъ дикаго камня,

была такая же чистенькая, щеголеватая и уютная, всегда будившая въ Лаптевѣ при обзорѣ ея гордое и мирное чувство довольства и тишины.

Мужики пьянствовали по прежнему, по прежнему ругались, а иногда и дрались, и по прежнему иногда ночью приходилось вызывать кучера Антипа гнать ихъ со двора. Антипъ былъ первый силачъ въ округѣ, тупой и равнодушный человѣкъ съ красной шеей и круглымъ сонными лицомъ. Выйдя ночью на дворъ, черезъ который проходила дорога къ винной лавкѣ, онъ медленно и въ перевалку подходилъ къ дерущимся, спокойно бралъ перваго попавшагося мужика за шиворотъ и также спокойно выволакивалъ его за ворота. Потомъ давалъ ему пинка, такъ что ругавшійся и безсильно болтавшій руками мужикъ кубаремъ летѣлъ въ пыль, возвращался и продѣлывалъ то же самое съ другимъ и третьимъ. И дѣлалъ онъ все это лѣниво и методично, какъ нетрудную, но скучную работу, безъ которой нельзя обойтись. Апатія его нарушалась только тогда, когда вытолкнутый рѣшался возвратиться назадъ во дворъ. Этого не полагалось, и Антипъ, тоже спокойно размахнувшись, однимъ ударомъ вышибалъ виноватаго обратно въ ворота. Билъ онъ крѣпко и безпощадно, сворачивая скулы, вышибая зубы, разбивая въ кровь лицо. Нѣсколько разъ парни грозились избить его, но не было случая: Антипъ почти никуда не выходилъ изъ усадьбы, кромѣ какъ съ бариномъ въ отъѣздъ, а все свободное время проводилъ въ томъ, что, сидя на лавочкѣ у конюшни, курилъ цыгарки и пиликалъ что-то жалобное и писклявое на плохонькой, казавшейся игрушечкой въ его огромныхъ рукахъ, гармоникѣ.

Все, казалось, было по прежнему. Но тѣ же темные, глухіе слухи ползли откуда-то и придавали всему прежнему и знакомому страшную новизну и необычайность.

По вечерамъ Лаптевъ самъ въ сопровожденіи Антипа сталъ обходить всю усадьбу и осматривать замки. Онъ жилъ одинъ во всемъ домѣ и прежде не думалъ объ этомъ. Спокойно раздѣвался, тушилъ огонь и засыпалъ. А теперь ему было отъ этого какъ-то неловко; едва только гасъ послѣдній отзвукъ прошедшаго дня и тухли огни въ людской и на кухнѣ, какъ наступала чуткая и осторожная тишина, въ которой чудилось зарожденіе чего-то новаго и незнакомаго, чего не было раньше. Тусклыми свѣтлыми пятнами смотрѣли въ темноту комнаты окна, и оттого, что взоръ невольно обращался къ нимъ—въ душѣ подымалось напряженное и томительное ожиданіе чего-то. И сонъ пропадалъ. А тогда все становилось не такимъ, какимъ было днемъ—простымъ и понятнымъ,—а было загадочно и таинственно, и всякій

звукъ, шорохъ вѣтвей, осторожный пискъ мыши, пріобрѣталъ скрытый, невѣдомый смыслъ.

Лаптевъ велѣлъ Антипу спать рядомъ съ кабинетомъ въ передней.

Уже давно стаялъ послѣдній снѣгъ, и полоса лѣса давно потеряла холодный синій тонъ, а вздымавшійся съ земли паръ струился предъ нею веселой молодой зеленью, и пришло время уже пахать, а добрывичскіе мужики не шли. Это было непонятно и имѣло связь съ неуловимыми слухами, зарождавшимися словно не отъ людей и жизни, а принесенными солнцемъ, тепломъ и весною. Какъ незамѣтно растетъ трава, такъ незамѣтно росли эти слухи, и казалось, на прошлой еще недѣлѣ смѣшно было думать о томъ, что теперь уже пришло и къ чему всѣ привыкли, будто оно и всегда было.

Объѣзжая на бѣговыхъ дрожкахъ поля, Лаптевъ останавливалъ на пригоркѣ коня, поправлялъ очки и внимательно и строго смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ были Добрывичи.

Темная куча старыхъ избъ, съ почернѣвшими разметанными крышами, дрожала и колебалась сквозь струившійся изъ земли паръ, и казалось, что вотъ-вотъ она, какъ видѣнье, растаетъ и исчезнетъ, а на ея мѣстѣ станетъ что-то яркое и красивое, что будетъ подстать веселому солнцу, яркой зелени и синему небу, въ которомъ гдѣ-то высоко, странно и гармонично перекликиваясь, тянется серебряная цѣпь журавлей.

Молодая кобылка Думка высоко задирала подъ дугой голову, шевелила ноздрями и стригла кончиками ушей. И ей было странно и ново различать тысячи запаховъ, несущихся вмѣстѣ съ мягкимъ сырымъ вѣтромъ, чувствовать тепло солнца и одиноко и безцѣльно стоять на взгорьи посреди дороги. Она рыла тонкой, еще не окрѣпшей совсѣмъ ногой, косилась назадъ черезъ оглоблю большимъ чернымъ глазомъ, а Лаптевъ задумчиво смотрѣлъ вдаль. Потомъ трогалъ возжи и медленно ѣхалъ домой, тяжело и угрюмо думая о томъ, почему не идутъ добрывичскіе мужики...

Разъ онъ поѣхалъ на Тимкинъ Логъ и сказалъ, что поѣдетъ посмотрѣть, не просохла ли земля и не пора ли пахать, а въ сущности—для того, чтобы мимоходомъ повидать добрывичскихъ мужиковъ и поговорить съ ними.

Добрывичи лѣпились по горѣ, у основанія которой бойко бѣжала неширокая, но быстрая рѣчка Каменка. У самой воды наклонилась полуразрушенная мельница, давно уже не работавшая, съ забитыми окнами и безсильно висѣвшими

на одной петлѣ дверями. Лѣтъ десять тому назадъ старикъ мельникъ повѣсился въ ней, и съ той поры мельница стояла необитаемая и пугала своимъ запустѣлымъ видомъ. Плотина тоже развалилась, пропуская воду и почти сгнила. Поправить было некому, а новаго мельника не находилось и потому, что мѣсто это считалось страшнымъ и грѣшнымъ, и потому, что въ двухъ верстахъ была хорошая паровая мельница въ княжескомъ имѣніи.

И мельница съ плотиной медленно доживала свой вѣкъ, занимая хорошее красивое мѣсто у воды, въ то время какъ для новыхъ раздѣлившихся семей деревня должна была выбивать подъ сдворину часть пахотной земли.

Говорили, что въ мельницѣ водятся черти.

За мельницей по склону горы до самаго верха и еще дальше по полю разбѣжались покосившіяся съ почернѣлыми отъ времени бревнами избы, и маленькія пузырчатыя оконки ихъ, мѣстами забранныя вмѣсто стеколъ лучинками, смотрѣли слѣпо и тускло, какъ гноящіе старые глаза.

Думка весело взяла съ моста на полъ-горы, но потомъ запыхалась, зарѣзала боками и перешла на шагъ. Когда же у поворота на самый верхъ горы встрѣтился Максимъ Синельникъ, она сама остановилась и, тяжело отдуваясь, раскорячивъ ноги [illegible], чтобы не тянули назадъ дрожки, недовольно замотала головой.

Синельникъ, [illegible] и дожидавшійся Лаптева, остановился и внимательно оглядѣлъ, какъ тянула Думка дрожки.

— Молода, силовъ настоящихъ нѣту еще,—кивнулъ онъ на лошадь, когда дрожки остановились, и послѣ уже добавилъ, притрогиваясь къ шапкѣ:—добраго здоровья!

Лаптевъ посмотрѣлъ на него черезъ очки, переложилъ возжи въ лѣвую руку и приподнялъ фуражку.

— Здравствуй, Максимъ... Молода, [illegible] только запрягать сталъ... Въ [illegible], пожалуй, раза три и было, по зимѣ въ легонькихъ саночкахъ ѣздилъ...

— Лошадка ничего, ровненькая...

— Будто ничего...

Съ горы спускался еще мужикъ. Онъ былъ болѣзненно толстъ, съ опухшимъ блѣднымъ желтымъ лицомъ, на которомъ свѣтились заплывшіе сѣрые глазки. Бѣлая, длинная до колѣнъ рубаха съ растегнутымъ воротомъ плотно облегала его вздутый круглый животъ, и отъ этого казалось, что медленныя, безжизненныя движенія мужика происходили отъ того, что его больному, раздутому тѣлу было тѣсно въ этой рубахѣ. Когда онъ шелъ, то весь корпусъ его былъ странно неподвиженъ, руки висѣли безсильно и тяжело, а ноги се-

меннли до странности мелкими и частыми шажками, такъ что получалось впечатлѣніе, будто онъ танцуетъ. И издали еще слышалось хриплое, натруженное и громкое дыханіе, отъ котораго жирная грудь вздымалась большими клокочущими вздохами.

— А Захарову все не лучше,—замѣтилъ Лаптевъ, глядя на мужика.

— Гдѣ лучше!.. Ладно, что шевелится... Надысь лежалъ пластомъ, духу перевесть не могъ,—махнулъ рукой Синельникъ и полѣзъ въ карманъ за кисетомъ.

— Петра... Мосеичъ... здравствуй... Какъ Богъ грѣхамъ... терпитъ? - задыхаясь и отхаркиваясь, хрипѣлъ мужикъ, подползая къ дрожкамъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько крохотныхъ шажковъ и остановился, отдуваясь, какъ будто взошелъ на высокую гору.

— Покуда что... А ты все съ водянкой?

— Съ ей, проклятой... Ни жилецъ, ни мертвецъ ..

— Авось Богъ дастъ!..

— Куда!—Захаровъ слабо и безжизненно махнулъ кистью руки.

— Тихо-ль въ васъ?

— Ничего...

— Сенька-то съ хозяйствомъ справляется?

— Наше хозяйство!.. Десяти годовъ малецъ... и тотъ справитъ... Самъ знаешь! —добавилъ Захаровъ, помолчавъ.

— Та-а-акъ!..

Всѣ помолчали. Думка заглядѣлась въ сторону и сдала шага два тянувшія назадъ дрожки.

— Ты-ы, корова!

Лаптевъ хлопнулъ ее вожжей, лошадь рванулась впередъ, но ее сдержали, и она нетерпѣливо зарыла ногой.

— Куда-жъ такъ? - спросилъ Синельникъ.

Лаптевъ низко наклонился надъ колесомъ и, потрогивая кнутовищемъ брякавшую на ходу шайбу, не сразу отвѣтилъ.

— Такъ... Тимкинъ Логъ поглядѣть бы надо... Можетъ, посушѣла земля, напащиковъ высылать бы...

Мужики помолчали. Подошелъ третій мужикъ—рыжій и старый. Звали его Абрамомъ.

— Здравствуйте,—односложно промолвилъ онъ и остановился.

— Здравствуйте!—отвѣтилъ Лаптевъ.

Абрамъ слышалъ послѣднія слова Лаптева и молчалъ. И только лицо его — блѣдное и подвижное, съ синеватыми тѣнями у глазъ, какъ это часто бываетъ у рыжихъ,—чуть-чуть подергивалось и косилось. Онъ былъ мужикъ бѣдный и сердцемъ горячій и бился съ ничтожнымъ надѣломъ и огром-

ной семьей, какъ рыба объ ледъ. Бывали времена, когда вся семья, съ Абрамомъ во главѣ, по недѣлямъ сидѣли въ нетопленной избѣ, когда голодъ доходилъ до того, что дѣти орали и болѣли отъ него, а взрослые чуть двигались, и всю жизнь перебивались съ хлѣба на воду, но Абрамъ все еще держался за хозяйство и какими-то таинственными, ему одному только извѣстными путями, не пускалъ семью по міру.

— Такъ!—коротко и рѣзко отрубилъ онъ.

Захаровъ сонно посмотрѣлъ на него, Синельникъ потянулъ концы бороды въ ротъ

— Да вѣдь что-жъ?—какъ бы извиняясь, заговорилъ Лаптевъ,—видно на нынѣшнее слѣтье снемщиковъ нѣтъ... Сулился Тюринскій старшина, да нейдетъ что-то... Самъ хочу, пусть вздохнетъ малость земля, пшеницей пущу...

Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ вверхъ, въ голубое небо, гдѣ дрожащей трепетной точкой мелькалъ подымавшійся жаворонокъ.

— Оно конечно...—неопредѣленно замѣтилъ Синельникъ.

— Дѣло... хоз... хозяйское...—поддержалъ его Захаровъ и захрипѣлъ тяжело и трудно.

— Тамъ видно будетъ,—загадочно бросилъ Абрамъ и сощурилъ свои зеленые, злые глаза.

— Это что же видно будетъ?—медленно поворачиваясь, проговорилъ Лаптевъ и въ упоръ посмотрѣлъ на него черезъ серебряную оправу круглыхъ, какъ глаза совы, очковъ.

— А что и къ чему—видно будетъ,—не отводя взгляда отвѣтилъ Абрамъ.

— То есть какъ это: что и къ чему?

— А такъ... Ты гдѣ живешь: на землѣ, ай въ небѣ?

— А ты къ чему же это, а?

— А къ тому же самому... Уши-то въ тебя золотомъ завѣшаны? Не слыхалъ, что въ народѣ гомонятъ?—усмѣхаясь и щурясь, спросилъ Абрамъ.

— А ты куда же это гнешь?—Лаптевъ поправилъ очки и вдругъ какъ-то опустился, сдѣлался плотнѣе и солиднѣе, и голосъ у него сталъ, какъ будто, гуще, баситѣе.

— Ты это что же такое говоришь-то, а?—медленно, закругляя каждое слово, заговорилъ онъ,—вотъ какъ поѣду я сейчасъ къ земскому, да скажу ему словъ пару—ну, тогда разговоръ иной будетъ...

Абрамъ вспыхнулъ и стиснулъ зубы.

— Что-жъ, поѣзжай!..

— Брось, Абрамъ, ну, что толковать тутъ!—вступился Синельникъ.

— Нѣтъ, ты погоди!—отмахнулся отъ него Абрамъ и, по прежнему усмѣхаясь и поблескивая злыми зелеными

глазами, заговорилъ тонкимъ фальцетомъ:—Что-жъ—пусть земскій пріѣдетъ, видали мы его достаточно, поглядимъ еще... Слава Богу, посидѣли въ холодной, дровъ ему попилили...

— Зря болтаешь... ты!—прохрипѣлъ Захаровъ.

— Глупъ ты, я вижу!—медленно промолвилъ Лаптевъ и тронулъ возжи.

— Пока что—до повиданья!..

— Прощай покуда,—отвѣтилъ Синельникъ.

— Будь... здоровъ...—засипѣлъ Захаровъ.

Дрожки тронулись и, тарахтя колесами по сухой дорогѣ, быстро покатились въ гору.

— Кто глупъ-отъ, глядѣть еще будемъ!—донесся до Лаптева голосъ Абрама, когда онъ уже повернулъ въ прогонъ.

„—Нну-у-у! та-а-къ!" —думалъ Лаптевъ, проѣзжая деревню.

Деревня была все та же: тѣ же избы и тѣ же бабы въ подторнутыхъ юбкахъ и красныхъ повойникахъ, и тѣ же прижатыя къ стекламъ оконъ лица ребятишекъ. Встрѣчались знакомые мужики, съ которыми Лаптевъ водилъ дѣло, медленно притрогивались къ шапкамъ и провожали дрожки долгими, внимательными взглядами. Но во всемъ этомъ Лаптеву чудилось что-то новое, такое, чего не было раньше и что появилось внезапно и неожиданно. Какъ будто эти присѣвшія избы, хлопотливыя бабы и медленные мужики задумались надъ чѣмъ-то и ждутъ. Ждутъ осторожно и чутко, смотрятъ внимательно и зорко и думаютъ.

И тотчасъ же все то спокойное и обыденное, что казалось такимъ необходимымъ и важнымъ часъ тому назадъ—всѣ заботы объ арендѣ, о пахотѣ, о посѣвѣ, объ имѣньи и деньгахъ, дѣлавшія жизнь Лаптева полной и покойно занятой,—вдругъ все вмѣстѣ погасло и исчезло, ушло куда-то далеко и сдѣлалось маленькимъ и ненужнымъ. А на смѣну явилась какая-то большая бездѣятельная пустота и растерянность, въ которой нарождалось и росло незнакомое и новое чувство тревожнаго ожиданія и какъ будто боязни.

И стало уже не важнымъ смотрѣть, просохли ли поля на Тимкиномъ логу и важно ли высылать работниковъ на пахоту. Въ ушахъ еще звенѣлъ злобный и срывающійся голосъ Абрама, а въ голубой переливающейся дали черной шапки съ узкими [illegible], чудились зеленые, прищуренные глаза на блѣдномъ подергивающемся лицѣ и рыжая шапка вьющихся, скручивающихся каждый въ отдѣльности волосъ.

II.

Черезъ два дня Лаптевъ выслалъ на Тимкинъ Логъ напащиковъ. Напащики были изъ дальней деревни, цѣлый день проводили на работѣ, а ночевать приходили въ Порѣчье, оставляя на пашнѣ, чтобы не таскаться, сохи и бороны.

Добрывичскіе мужики видали, какъ проходили каждый разъ напащики, и молчали. И Лаптевъ уже успокоился: очевидно, мужики окончательно рѣшили не брать Тимкина Лога хотя это было удивительно: обрѣзъ имъ былъ нуженъ, имъ они главнымъ образомъ жили, потому что своей земли была самая малость. Лѣсъ, которымъ промышляла деревня, какъ и всѣ въ округѣ, сѣяли всегда на обрѣзъ. И было странно, что мужики рѣшили остаться безъ обрѣза, поддерживавшаго ихъ существованіе.

Но разъ утромъ напащики вернулись и заявили, что сохи и бороны съ пашни стащены кѣмъ-то въ болото, за Тимкинымъ Логомъ, и тамъ загнаны въ тину такъ крѣпко, что надо людей и веревокъ, чтобъ ихъ вытащить. По видимости все было цѣло, только зашвырнуто въ болото, и можно было думать, что это не болѣе, какъ озорная продѣлка подгулявшихъ парней.

Но Лаптевъ разволновался, засуетился и рѣшилъ ѣхать въ волостное, а потомъ, если нужно будетъ, къ земскому.

— Это Абрамъ... Непремѣнно Абрамъ, — бормоталъ онъ, собираясь ѣхать, — его продѣлки! Да еще Ванька Феклистовъ, озорной парень!..

Село, гдѣ помѣщалось волостное правленіе, было торговое и богатое, въ немъ были двухъ-этажные, крытые желѣзомъ дома, большіе магазины, почта, школа. Была винная лавка, около которой непрестанно толпился народъ, была чайная. Изъ оконъ ея въ праздничные дни неслось шипѣніе граммофона, захлебывающійся писклявый голосъ пѣлъ что-то, и, мѣшаясь съ нимъ, порой заглушая его совсѣмъ, изъ оконъ вырывался глухой, многоголосый шумъ посѣтителей. Чайную содержалъ братъ волостного, хозяйство у нихъ было нераздѣльное, когда нужно было видѣть старшину, то справлялись сперва въ чайной, а потомъ уже шли въ правленіе.

Старшину Лаптевъ засталъ, несмотря на воскресенье, въ волостномъ. Послѣ обѣда долженъ былъ пріѣхать земскій начальникъ, и старшина съ писаремъ составляли мѣсячный списокъ солдатскихъ вдовъ и сиротъ, пользующихся субсидіей отъ земства. Писарь писалъ и щелкалъ на счетахъ, а старшина — высокій мужикъ съ лицомъ, которое оспа из-

рыла частыми и мелкими ямками,—скучая, сидѣлъ у стола и посматривалъ въ пыльное, засиженное мухами еще съ прошлаго года окно.

Съ Лаптевымъ онъ поздоровался почтительно, но съ той неуловимой ноткой самостоятельности и независимости, по которой видно было, что онъ считаетъ себя равнымъ.

— Садитесь, гостемъ будете, — улыбаясь и поглаживая бороду, пригласилъ онъ и тотчасъ же началъ жаловаться на времена, на обиліе дѣла, на безпокойство, которое причиняетъ народъ.

— Извѣстно, мужики,—усмѣхаясь говорилъ онъ, — мужики, одно слово—дураки, галдятъ невѣдомо что... А времена нынче—ухъ! Читали газету? Эвона что пишутъ!..—кивнулъ онъ на скомканный листъ газеты на подоконникѣ.

— Н-да, времена,—задумчиво протянулъ Лаптевъ, глядя въ полъ,—времена!

Онъ перевелъ взглядъ на старшину и пристально посмотрѣлъ на него.

— Времена!—снова повторилъ онъ.—А вы знаете, Михайло Карпычъ, вѣдь Тимкинъ-то Логъ гуляетъ!

— Слыхалъ, слыхалъ, болтали тутъ... Разное болтали... Будто задорожились вы, накинули сколько... Оно, конечно, дѣло хозяйское...

— Коли бы накинулъ! Такъ вѣдь нѣтъ, совсѣмъ и не шли брать!..—усмѣхнулся Лаптевъ, по прежнему пристально глядя на старшину.

— Какъ не шли?—удивился тотъ.

— Да такъ. Былые годы—снѣгъ стаялъ, тутъ—какъ тутъ и условіе подписывали, а нынче хоть бы слово!

— И разговору не было?

— И разговору не было!

— Н-да,—крякнулъ старшина и потянулъ концы бороды въ ротъ,—дѣло темное...

— Темное!—повторилъ за нимъ Лаптевъ: —Да вы-то вѣдь начальство, Михайло Карпычъ!

— А я то при чемъ, дозвольте спросить, Петра Мосеичъ?

— А при томъ!..

Лаптевъ усмѣхнулся и помолчалъ нѣкоторое время.

— Вы волость блюдете,—заговорилъ онъ,—за всѣми дѣлами слѣдите... Вѣдь вы, какъ дѣло обстоитъ, знаете? Знаете, что имъ безъ Тимкина Лога не дохнуть? Сами хотѣли купить, сколько разъ предлагали... Не хотите ли теперь?—перебилъ онъ самъ себя.

Старшина потупился и поигралъ пальцами.

— Нѣтъ-съ, ужъ что же... Нынче, знаете, времена...

— Вотъ-съ то-то и оно-то, что времена! А вы вотъ сидите здѣсь, начальство, и ничего не видите,—злобно усмѣхнулся Лаптевъ и, снявъ очки, сталъ долго и тщательно протирать ихъ.

— Вы вотъ не видите,—снова заговорилъ онъ,—что тутъ дѣло не чистое... Безъ Тимкина Лога имъ нельзя, а они его не берутъ. Что это значитъ? На что они надѣются? Вы вотъ подите, поговорите съ ними... Есть тамъ говорунъ такой рыжій...

— Абрамъ, что-ль?—не отрываясь отъ бумаги, спросилъ писарь.

— Охъ, ужъ этотъ Абрамъ,—вздохнулъ старшина,—батюшка вонъ тоже говорилъ—книжки всякія читаетъ, разговоры тамъ... Давеча говорилъ я урядпику—приму, говоритъ во вниманіе!.

— То-то—приму во вниманіе,—опять усмѣхнулся Лаптевъ,—а вы слыхали, что въ Сонинской волости было? Старшину ссадили! Глядите...

— Нн-у-у, до этого не дойдетъ!..

Лаптевъ вспыхнулъ.

— Не дойдетъ? Вы говорите, не дойдетъ!? Нѣтъ-съ, уже дошло! Да-съ, я вамъ говорю, что дошло! Извольте поглядѣть: аренды не берутъ, надѣются на что-то, слухи разные ходятъ, слова разныя говорятъ: „ты—говоритъ—гдѣ живешь—на небѣ, ай на землѣ? Уши въ тебя золотомъ завѣшаны?“ Да-съ! Значитъ, мысль, намѣреніе, то-есть, есть! А, недалеко ходить, и дѣйствія проявляться стали-съ! Третьяго дня,—Лаптевъ умолкъ на минуту, какъ бы собираясь поразить эффектомъ,—третьяго дня у меня съ Тимкина Лога—напасщиковъ я туда послалъ—сохи и бороны въ болото закинули... Да-съ! Это—не дойдетъ? А вы, начальство, сидите, смотрите!—злорадно добавилъ онъ и, сорвавъ очки, снова сталъ крѣпко и сердито протирать ихъ.

— Я доложу!—забезпокоился старшина, и по сузившимся, ушедшимъ внутрь каримъ глазкамъ его Лаптевъ видѣлъ, что онъ напугался,—я доложу господину земскому начальнику... Это что же такое, это самоуправство, это, дѣйствительно, уже началось!.. Я обязательно доложу... Какъ вы думаете, Василь Иванычъ, надо доложить, а?—обратился онъ къ писарю.

Писарь помолчалъ, пожевалъ губами и солидно промолвилъ:

— Да, дѣло серьезное... Доложить требуется!

— Такъ нельзя,—говорилъ старшина, ерзая на твердомъ деревянномъ диванѣ и безпомощно оглядываясь,—этакъ они, дѣйствительно.. Батюшка давно говорилъ... И слухи тоже... Вонъ въ Сонинской-то...

Лаптевъ поднялся.

— А вы съ своей стороны, Петра Мосеичъ,—говорилъ старшина,—ужъ будьте добры, увидите господина земскаго начальника—ужъ не забудьте сказать... Я отъ себя, а вы отъ себя... Дѣйствительно, эдакъ они...

— Я скажу... Или—я напишу ему лучше,—успокоилъ его Лаптевъ,—а покуда что...

— До свиданья, до свиданья... Такъ вы ужъ не забудьте!—твердилъ старшина, провожая его на дворъ, и въ маленькихъ ѣдкихъ глазкахъ его бѣгало трусливое безпокойство.—Ну, времена настали!

Лаптевъ только махнулъ рукой въ отвѣтъ и сѣлъ въ дрожки.

Въ тотъ же вечеръ онъ отправилъ съ Мишуткой, двѣнадцатилѣтнимъ внукомъ кухарки, земскому начальнику письмо, въ которомъ, жалуясь на мужиковъ, забросившихъ сохи въ болото, добавлялъ, что, зная этихъ мужиковъ, онъ, какъ дворянинъ и собственникъ, считаетъ своимъ долгомъ предупредить, что отъ нихъ можно ожидать всего. Къ тому же, въ народѣ ходятъ разныя превратныя толкованія, и, памятуя примѣръ сосѣдней губерніи, гдѣ бунты разрослись до того, что у помѣщиковъ были сожжены хлѣбъ и амбары, онъ имѣетъ честь доложить о вышеизложенномъ господину земскому начальнику.

Старшина, очевидно, съ своей стороны, доложилъ, потому что результатъ вышелъ самый неожиданный и для старшины, и для Лаптева и для добрывичскихъ мужиковъ, напугавшій всѣхъ, какъ начало чего-то новаго и страшнаго, нарушившаго теченіе привычной жизни.

Въ деревню были вызваны казаки.

III.

Казаки пріѣхали молодые, веселые и рыжіе, какъ Абрамъ. Большой мельниковъ домъ, стоявшій уже нѣсколько лѣтъ пустымъ, отвели подъ офицерскую стоянку, и надъ нимъ тотчасъ же высоко вытянулся длинный шестъ съ соломеннымъ кругомъ, украшеннымъ такими-же соломенными кистями.

И съ той поры началось напряженное ожиданіе чего-то, что должно непремѣнно случиться, началось темное, глухое молчаніе деревни. Тишины не было, потому что постоянно раздавались крики казаковъ, иногда гремѣла удалая [illegible] пѣсня, иногда слышалась пьяная брань и опять пѣсня, но все это шло только отъ казаковъ, а мужики мол-

чали. Молчали глухо и долго, и можно было подумать, будто они всѣ сговорились молчать, что бы ни дѣлали казаки. Въ столкновеніяхъ, неизбѣжныхъ при жизни бокъ-о-бокъ, они отвѣчали кратко и односложно, смотрѣли въ землю и хмурились. А когда по пріѣздѣ былъ сбитъ сходъ, и земскій начальникъ, вмѣстѣ съ офицеромъ, становымъ и старшиною, грозилъ чѣмъ-то и за что-то ругалъ, они смотрѣли неопредѣленными взглядами и тоже молчали, и только въ глубинѣ сѣрыхъ, черныхъ, голубыхъ и карихъ глазъ, такихъ свѣтлыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокихъ, чудилась новая, своя мысль и сознаніе особенной, своей мужицкой правды, которую не могутъ понять ни земскій, ни становой, ни казаки.

И отъ этого молчанія становилось неловко, словно стояли не живые, понимающіе люди, а глухая, загадочная стѣпа.

Только въ концѣ схода,—по обыкновенію отрывисто и какъ будто сердито,—бросилъ нѣсколько словъ старый Семенъ Феклистовъ. Большой и корявый, казавшійся сѣрымъ отъ полусѣдыхъ всклокоченныхъ волосъ и бороды, съ надвинувшимися на самые глаза сѣрыми кустами бровей, онъ слушалъ, склонивъ голову на бокъ и спокойно заложивъ руки за спину. Онъ былъ самый старый мужикъ во всей деревнѣ, имѣлъ уже взрослаго внука, когда-то, при Николаѣ первомъ, служилъ въ солдатахъ и хорошо помнилъ Севастополь. Работать онъ давно пересталъ и весь ушелъ въ Бога и молитву, при чемъ въ Бога онъ вѣрилъ такого, каковъ былъ самъ: не кроткаго и всепрощающаго, а строгаго и сдержаннаго, исполненнаго суровой справедливости.

— Что-жъ, бунтовъ въ насъ нѣту!—сказалъ онъ, исподлобья глядя не на земскаго, который говорилъ, а на казачьяго офицера, стоявшаго рядомъ съ нимъ:—Аренду то что брать не хотѣли? Такъ нечѣмъ нять... Силовъ нѣту-ти... Хоть пять командъ вызывай, все одно—не взяли, такъ ужъ теперь не брать... Пусть самъ пашетъ!

Помолчалъ и добавилъ свое обыкновенное присловье, которымъ почти всегда заканчивалъ все, что говорилъ:

— Не по-божьи это...

И умолкъ, крѣпко и плотно, какъ будто рѣшилъ, что больше говорить не о чемъ. Потомъ повернулся и спокойно, словно сдѣлалъ все, что нужно было, и дѣлать больше нечего здѣсь, пошелъ въ гору домой.

А за нимъ пошли его два сына, здоровые крѣпкіе мужики, уже давно женатые. У одного изъ нихъ были уже взрослыя дѣти.

Старикъ шелъ молча и хмуро думалъ о томъ, какъ это повернулась жизнь такимъ образомъ, что теперь совсѣмъ не было похоже на то, что было прежде. Жили всѣ согласно

и мирно, работали, какъ могли и умѣли, боролись съ жизнью крѣпко и стойко и считались когда-то богатыми. Но шло время, работниковъ въ семьѣ прибавлялось, больше усилій затрачивалось на хозяйство, а богатство уходило, и уже не считались Феклистовы богатыми, а были средними. Шло время, по прежнему напрягались люди въ усиленномъ трудѣ, никто не пьянствовалъ, всѣ работали, а достатокъ уходилъ, какъ будто жизнь вступила въ заколдованный кругъ, который медленно и постепенно дѣлался все уже и уже. Это было странно и казалось нелѣпымъ: работниковъ было больше, работали они лучше, а не было уже полнаго достатка, и кое-гдѣ неожиданно выглядывала бѣдность. Опять работали, брали всей деревней землю у Лаптева, и Феклистовы были главными пайщиками, а заколдованный кругъ все сужался, и труднѣе было жить.

Угрюмѣе и суровѣе становился старикъ, молчалъ больше похожій на отца старшій Максимъ, а въ добродушныхъ открытыхъ глазахъ младшаго Егора появлялась недоумѣнная растерянность: работаешь больше, не пьешь, а все какъ въ чортову дыру—толку нѣтъ!

— Зажали мужика,—отрывисто и коротко, будто рубилъ каждое слово, говорилъ старикъ:—помню—началось это... До тѣхъ поръ жили, послѣ воли вздохнули. А потомъ начали жать. И жали, будемъ такъ говорить, до того, какъ царя убили... Тутъ думали: вздохнемъ! Слухъ разный пошелъ—новый царь облегчитъ! Не вышло! Еще крѣпче взяли насъ... Годъ отъ году зажимали. Начальство разное пошло, видимо-невидимо нарыло ихъ: тутъ тебѣ и земскій, тутъ тебѣ и урядникъ! Другой слухъ пошелъ, какъ Александра третій померъ. Какъ ступилъ на престолъ нонѣшній царь—гомонили опять—легче будетъ!.. Видно, не бывать! Народу размножилось, земли умаленіе, подати втрое супротивъ прежнихъ годовъ стали... Дороже земля стала: ренда порѣцкая... Шесть красныхъ отдай, а возьмешь четыре, а то и три съ половиной. А берешь, потому не возьми—обороту нѣтъ. Ну, да кончили... Видно, не пахивать Тимкина Лога больше... Попользовался, пососалъ поту мужичьяго... Не по-божьи это!—кончалъ онъ.

А Абрамъ, двоюродный племянникъ старика, добавлялъ:

— Сами мужики дурье. Не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника. Ты вотъ все одну книгу читаешь, а ты бы другіе почиталъ... Ноньче много книгъ! Вонъ, надысь, Ванька мнѣ давалъ—и гдѣ досталъ только!

— Ты насчетъ книги не говори: всему начало и конецъ библія...—бросалъ старикъ.

— Середины-то, что мы живемъ, только нѣтъ,—скептически отзывался Абрамъ.

Между ними была молчаливая, не высказываемая дружба. Они ничуть не походили одинъ на другого, но оба любили другъ друга скрытой, теплой любовью. И часто, встрѣчаясь, подолгу спорили и расходились, не убѣдивъ другъ друга. Абрамъ былъ молодъ, Феклистовъ старъ, и взгляды у нихъ были у одного молодые, у другого старые.

— Господь терпѣлъ и намъ велѣлъ,—замѣчалъ старый Феклистовъ.

— Было такъ, да прошло... А по моему—коли меня коломъ, такъ я бревномъ! Ты погляди,—весь подергиваясь блѣднымъ подвижнымъ лицомъ, вспыхивалъ вдругъ Абрамъ,—я, можно сказать, работаю, рукъ не покладаю, спина трещитъ, а придетъ весна—хоть по міру иди! Съ земли взято все, не откуда больше и нечего взять, а прожить нельзя! Такъ и надо? По-божьи, значитъ? У меня вонъ четверо, пятый на носъ лѣзетъ—передѣлъ черезъ девять годовъ, а до того какъ? По-божьи? А гляди на порѣцкаго-то ирода: одинъ, что перстъ, земли хоть отбавляй, Тимкинъ Логъ даже пахать самому не въ моготу, а мы плати за него. А безъ Тимкина Лога мы что? Померли и въ землю зарыли, упокой Господи!

И расходились они, полные большихъ думъ и серьезныхъ вопросовъ.

И снова жили и работали, и жить было все труднѣе и хлопотнѣе, потому что таинственное и безжалостное кольцо дѣлалось уже и крѣпче сжимало людей.

Пріѣздъ казаковъ разрушилъ прежнюю жизнь, внесъ въ нее много безпокойства, сдержаннаго страха и унесъ все то, къ чему люди привыкли уже давно, и что поэтому было для нихъ удобно и хорошо.

Сельскій староста вмѣстѣ съ волостнымъ старшиной и двумя урядниками, полицейскимъ и казачьимъ, обошли избы и, не взирая на хозяевъ, назначали избы подъ постой. И гдѣ изба была одна—хозяева выселялись на гумно или въ амбаръ, а въ ихъ избѣ помѣщались казаки. Такъ выселился со всей семьей Абрамъ, такъ выселился больной Захаровъ и многіе другіе. Были двѣ-три избы о двухъ этажахъ—у Синельника, у Феклистовыхъ: тамъ хозяева ушли наверхъ и жались въ мезонинѣ, оставивъ низъ подъ войска.

Старикъ Феклистовъ, у котораго въ семьѣ все шло по разъ заведенному порядку и обычаю, ушелъ наверхъ вмѣстѣ съ семьею, какъ всѣ, недовольный и оскорбленный и, какъ всѣ, молчаливый. Съ утра онъ коротко приказалъ переносить вещи, а самъ ушелъ въ крохотную каморку на

чердакѣ у слухового окна, огороженную тоненькими переборками. И тамъ, по обыкновенію строгій и важный, казавшійся сѣрымъ отъ длинной сѣдой бороды и спутанныхъ волосъ, сѣлъ за толстую, стариннаго изданія, библію, которую читалъ постоянно. И все время, пока домашніе, суетясь и переговариваясь пониженными голосами, торопливо перетаскивали вещи, онъ сидѣлъ за большой книгой, и нельзя было понять—читалъ онъ, или думалъ?

Онъ любилъ библію и никогда не разставался съ нею. И въ библіи онъ особенно любилъ „Екклесіастъ“ Соломона. Торжественный въ своей огромной простотѣ языкъ волновалъ сплетеніемъ большихъ и твердыхъ словъ, а простота идеи, до которой съ нѣкоторымъ усиліемъ докапывалась изломанная современной жизнью мысль, дѣйствовала, какъ откровеніе. Въ „Екклесіастѣ“ онъ видѣлъ цѣликомъ человѣческую жизнь во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, и она ему представлялась тѣмъ основнымъ и незыблемымъ стержнемъ, на который люди потомъ цѣлыми вѣками налѣпляли всякую мерзость до тѣхъ поръ, пока скрыли его. Читая, онъ часто отводилъ глаза отъ книги, внимательно и строго смотрѣлъ передъ собою и думалъ о себѣ, о людяхъ и о жизни.

Самъ онъ давно не работалъ, а только присматривалъ за хозяйствомъ, давно уже кончилъ свою жизнь онъ и смотрѣлъ только на жизнь другихъ людей. Въ этой жизни онъ искалъ того стержня, на которомъ лѣпились человѣческія дѣла, предпріятія, счастье и горе, радость и печаль, и когда тяжелая, какъ сдѣланная домашними способами машина, мысль не могла найти его—онъ обращался къ Соломону, и ему казалось, что онъ постигаетъ то, чего не видѣлъ раньше.

Къ казакамъ старикъ относился такъ, какъ будто не видѣлъ и не замѣчалъ ихъ. Проходя мимо, онъ смотрѣлъ прямо предъ собою и не оглядывался, когда на его счетъ дѣлали какія-либо замѣчанія. Когда за обѣдомъ кто-нибудь изъ семьи говорилъ о томъ, что то-то взято казаками, или изъ амбара украдено что-нибудь—онъ молчалъ, какъ будто это не касалось его хозяйства. И, видя это, вся семья относилась къ казакамъ и ко всему тому, что исходило отъ нихъ, такимъ же образомъ: молчаливо и сдержанно, стараясь не встрѣчаться съ ними и не замѣчать всего того, что они дѣлали.

Въ этомъ отношеніи чувствовалось что-то большое и серьезное, какъ самъ старикъ. Никто не говорилъ объ этомъ и никто опредѣленно не сознавалъ этого, но всѣ одинаково чувствовали, что важно не то, что казаки украли изъ погреба свинину или разорили клѣть, утащивъ оттуда кадочку съ квашеной капустой, выгнали всю семью изъ

дома, который они строили для себя, все это было, конечно, больно и обидно, но гораздо важнѣй было то, о чемъ никто не говорилъ, о чемъ думали смутно и неопредѣленно, но что всѣ чувствовали полно и ярко: то, что въ жизнь ихъ можетъ ворваться неизвѣстно по какой причинѣ какая-то слѣпая, бездушная сила, которая можетъ все перемѣнить, всѣхъ обидѣть и всѣмъ сдѣлать больно... Люди строили домъ для себя, а ихъ оттуда выгнали, и тамъ поселились другіе люди, и управы на нихъ искать негдѣ; люди свинину солили для себя, такъ же какъ и квасили капусту тоже для себя, а ихъ украли, и управы искать опять-таки негдѣ; люди жили тихо и смирно, никого не трогали, только не взяли аренды,—и за это вызвали казаковъ, а казаки испортили жизнь насиліемъ и всѣмъ тѣмъ, что перевернуло обычныя представленія о правѣ и справедливости.

Мысль невольно искала виновнаго, и тогда въ семьѣ, также какъ и во всей деревнѣ, негромко и смутно поговаривали о христопродавцѣ, объ Іудѣ, что для своей пользы — за то, что у него аренды брать не хотѣли—наговорилъ земскому и старшинѣ, а тѣ вызвали казаковъ.

Казаки безчинствовали. Казаки пьянствовали, озорничали и тащили все, что могли, а чего не могли, то портили и приводили въ негодность. Они дѣлали много ненужнаго, безсмысленнаго зла, и на нихъ копилась за это темная, тупая злоба. Но она копилась глухо и тайно, не прорываясь наружу, и это было похоже на первую вешнюю воду, что незамѣтно и постепенно, съ каждой минутой дѣлаясь все сильнѣе, бѣжитъ и расплывается подъ крѣпкимъ еще по виду снѣгомъ, подтачивая и разрушая его. И, прорвавшись благодаря какому-нибудь незначительному случаю, эта злоба направлялась не противъ казаковъ, а противъ того же Лаптева.

А старый Феклистовъ читалъ въ это время Екклесіастъ и, упорно глядя въ бѣлую, сбитую изъ свѣжаго струганнаго теса переборку, думалъ:

— Родъ приходитъ и родъ уходитъ... А земля пребываетъ во вѣки...

Съ пріѣздомъ казаковъ деревня стала другой. Не видно было играющихъ ребятъ на улицѣ, не шлялись изъ конца въ конецъ бабы, не сидѣли по завалинкамъ старики, а мужики, выѣзжая на работу и возвращаясь домой, дѣлали это какъ-то торопливо и незамѣтно, будто и совсѣмъ не ѣздили работать. И, встрѣтясь вмѣстѣ, не останавливались для разговоровъ, а угрюмо исподлобья глядѣли другъ на друга и расходились молча.

Только иногда вечеромъ, когда уже темнѣло, сползались

они съ разныхъ сторонъ къ кому-нибудь одному, въ большинствѣ къ больному Захарову, какъ бы для того, чтобы провѣдать его. Захаровъ выселился на гумно, стоящее на отлетѣ въ полѣ и казаковъ близко не было.

Собирались, коротко здоровались и садились, кто на порогѣ открытыхъ воротъ, кто на сваленныя у стѣны бревна, кто прямо прислонясь спиной къ стѣнѣ. Нѣкоторые закуривали, и въ сумеркахъ вспыхивали красные огоньки, а въ вечернемъ свѣжемъ воздухѣ тянула острая струйка пахучей махорки. Говорили отрывисто, и въ темнотѣ нельзя было разобрать, кто говоритъ.

— Плохо, братъ...

— Хорошаго мало.

— Ишь иродъ, что напакостилъ: команду вызвалъ!

— Ренды не брали, за то...

— Конецъ... міру... міру конецъ... пришелъ!—хрипѣлъ больной Захаровъ.

— Начало, дѣдъ, не конецъ!—замѣчалъ Синельникъ и щурился вдаль

— Жди его, начала-то...

— Въ городу вонъ какія дѣла пошли: слышно, для насъ прибавки требуютъ... чтобы земли, значитъ, а податя сбавить...

— Жди...

— Ты то подумай,—говорилъ разсудительный Синельникъ,—ежели мы ренды не брали, то за что такъ дѣлали? Говорено было? А ежели мы уже ренды не взяли, рыскъ сдѣлали—вѣдь безъ ей намъ не жизнь,—такъ не зря? Понялъ? Такъ вотъ я и говорю: дыму безъ огня не бываетъ, значитъ—есть прирѣзка, будетъ и намъ! Жди да терпи—тамъ тоже не дураки сидятъ, дѣло тонко понимаютъ!.

Вдругъ изъ сумрака поднялась тощая темная фигура. И заговорила горько и злобно, надтреснутымъ, свистящимъ голосомъ. По этому голосу всѣ узнали Касьянова, „горькаго“ мужика. Былъ онъ бѣденъ и озлобленъ, но не какъ Абрамъ, а до тоски, до растерянности. Перебивался коекакъ и не вѣрилъ ни во что свѣтлое, и все, за что бы ни взялся, не удавалось ему, валилось изъ рукъ, накопляя еще большую нищету и горшую злобу.

Когда еще по ранней веснѣ толковали по деревнѣ, чтобы не брать нынче Тимкина Лога, потому что должно быть надѣленіе земли, онъ одинъ не вѣрилъ въ это и стоялъ противъ. И теперь, доведенный до отчаянія голодомъ и безпомощностью, онъ опустилъ руки и ходилъ, задумчивый, угнетенный, тупо-озлобленный. И заговорилъ онъ со всею страстностью безвыходнаго голода.

— Баяли: весна придетъ — прирѣзка будетъ... Которые

обрѣзы у помѣщиковъ - къ мужикамъ отойдутъ. Грамотку читали... Болтали—царю просьбу всѣмъ народомъ подали, безпремѣнно будетъ! Гдѣ она, прибавка-то? И весна есть, и команда тутъ, а прибавки не слыхать... Ждали, надежду имѣли - будетъ, будетъ! Вотъ оно и будетъ! Которыхъ выборныхъ къ земскому тягали, двѣ недѣли въ острогѣ сидѣли. За что разорили? Чѣмъ теперь жить? Ждали, Тимкинъ Логъ проморгали, казаковъ дождались! А ѣсть нѣту чего...

Онъ махнулъ рукой и сѣлъ и опять утонулъ въ смутныхъ сумеркахъ, словно расплылся и исчезъ въ нихъ.

— Нельзя... безъ прирѣзки... не прожить... Не живемъ— бьемся! Какъ Богъ несетъ? - скрипѣлъ Захаровъ и отдувался, будто взошелъ на гору.

— Я такъ понимаю,—рѣзко и будто сердясь на кого, отрывалъ слово за словомъ Абрамъ, —окромя какъ на себя— надѣяться не на кого... Горбомъ да хребтомъ брали—и впредь, видно, такъ... Все, что есть у мужика крѣпкаго— самъ взялъ.. А чуть помогать тянутся—глядишь: то податя больше, то налогъ какой... Что ни возьмутся, чтобы пособить - въ десять разъ отдашь... Пьянство развели, вся помощь ихъ. Баяли—ссуда, ссуда сѣменами, ай тамъ хлѣбомъ... Дадутъ по два фунта, а съ мужика потомъ да кровью выбьютъ! Надѣйся на ихъ, гдѣ они?

— Нельзя такъ жить, — сумрачно бубнилъ старый Феклистовъ, — до чего дожили? Пьянство, нищета, хозяйство бросаютъ, а отчего? Видятъ, что все одно—работай ли, пьянствуй ли, конецъ одинъ! Я, говорить будемъ, хозяинъ самосильный—а гдѣ оно, богатство-то? Работаютъ, бьются, а гдѣ же толкъ? Нельзя такъ, что-жъ дальше то-будетъ?..

Смолкали мужики и тихо сидѣли у стараго растрепаннаго гумна, вспыхивали красные огоньки цыгарокъ и трубокъ, изрѣдка слышался вздохъ. Темной и неподвижной стѣной стояла сзади молодежь. Кое-кто изъ нея протискивался впередъ, къ старикамъ, и сидѣлъ тихо, затаивъ дыханіе, слушая, какъ и что говорятъ хозяева.

Около Феклистова сидѣла Фиша—его внучка. Она одна смѣло и во всякое время подходила къ дѣду, потому что была любимицей въ семьѣ, и между нею, шестнадцатилѣтней дѣвушкой, и старымъ дѣдомъ, были странныя отношенія довѣрчивой ласки и скрытаго пониманія, какъ будто оба молча, безъ словъ, понимали то, о чемъ не надо было говорить другимъ. И характеромъ Фиша походила на дѣда — такая же молчаливая и задумчивая, только въ ней это было не угрюмостью, а красивой и нѣжной мечтательностью. Часто среди работы она останавливалась и задумывалась, и тогда лицо ея—маленькое и какъ бы про-

грачное, съ большими черными глазами и высоко поставленными полукруглыми бровями, придававшими выраженіе недоумѣнія или удивленія, словно она увидѣла и поняла внезапно то, что не понимала до сихъ поръ,—какъ облакомъ, покрывалось непроглядною тѣнью. Она рѣдко говорила съ дѣдомъ, но часто и подолгу бывала съ нимъ и отъ этого казалось, что —слабая и юная—она ищетъ опоры и поддержки въ угрюмомъ и суровомъ старикѣ. А старикъ любилъ, если она была подлѣ него, хотя говорилъ съ нею мало и какъ всегда отрывисто и какъ будто сердясь, и если она долго не приходила — онъ бросалъ свою книгу, спускался сверху и шелъ туда, гдѣ она работала. Садился гдѣ-нибудь около и думалъ что-то, и въ глазахъ его не было обычной суровости, а была непривычная мягкость и ласка.

Когда темнѣло совсѣмъ—всѣ расходились и гасла смутная и тайная надежда на то, что гдѣ-то далеко идетъ борьба, кто-то бьется и отвоевываетъ права у кого-то, кто сдѣлалъ жизнь невозможной и безпросвѣтной. Гасла надежда на то, что откуда-то со стороны должна придти помощь, спасеніе, что гдѣ-то собираются люди, толкуютъ, рѣшаютъ и сдѣлаютъ все по справедливости. Умирала эта надежда, потому что все оставалось по старому, и прежняя тягота давила жизнь.

Абрамъ улыбался безнадежной и горькой улыбкой и крѣпче сжималъ зубы. Казаки выселили его съ семьею въ пуньку въ саду—маленькую, сырую, гдѣ прежде валялся всякій ненужный хламъ; у него не было хлѣба, и жена болѣла, а дѣти плакали, просили ѣсть, и дать имъ было нечего — и помощи просить не у кого. Какъ будто всю жизнь оцѣпило непроницаемое кольцо, которое дѣлается все уже и давитъ и сжимаетъ крѣпкихъ и сильныхъ, полныхъ жизни и вмѣстѣ такихъ безпомощныхъ людей!

Отъ этого хотѣлось крикнуть, сдѣлать что нибудь жестокое и дикое, хотѣлось удариться грудью въ землю и лежать на ней, не глядѣть на свѣтъ Божій, не думать...

Но все было тихо—молчала деревня и прятались люди, только порой гремѣли удалыя незнакомыя пѣсни, ругались казаки, ходили за водкой въ Порѣчье и пьянствовали. И можно было подумать, будто это какіе-то особые счастливые люди, у которыхъ не было ни семьи, ни домовъ, ни заботъ, которые живутъ, всегда обезпеченные, сытые и веселые, безъ такихъ тяжелыхъ, серьезныхъ словъ, какъ земля, подати, урожай...

Они ходили въ Порѣчье, выпрашивали у порѣчскаго барина деньги, пьянствовали и безобразили.

Медленно, какъ масло по водѣ, расплывались и ползли темные, неизвѣстно гдѣ рождающіеся и кѣмъ переносимые

слухи объ иродѣ-христопродавцѣ, который изъ злости за то, что аренду не взяли, нажаловался, вызвалъ команду и казаковъ полкъ...

И вся округа начала нетерпѣливо ожидать чего-то, что должно произойти съ Лаптевымъ. А когда онъ самъ появлялся гдѣ-нибудь, вездѣ на него были направлены загадочно выжидающіе взгляды сѣрыхъ, черныхъ, голубыхъ и карихъ глазъ и было похоже, будто всѣ удивляются тому, что онъ еще живъ и здоровъ и дѣлаетъ все то, что дѣлалъ до сихъ поръ.

IV.

По вечерамъ Лаптевъ не зажигалъ огня и, покончивъ все по хозяйству, запирался у себя въ кабинетѣ, ложился на диванъ, служившій ему постелью, и подолгу лежалъ, глядя широко открытыми глазами въ темноту.

Изъ прежде спокойной и безмятежной цѣпи непрерывно смѣнявшихся дней жизнь его превратилась въ тревожный и жуткій страхъ, отъ котораго нельзя было избавиться и который отравлялъ все то, что прежде было хорошимъ и пріятнымъ.

Пропалъ сонъ, и ночи стали длинными и томительными, потому что онѣ были полны новыхъ звуковъ и новой жизни, на которую Лаптевъ прежде не обращалъ вниманія и которой не видѣлъ. И часто бывало такъ, что ночь казалась безконечной, и воображеніе отказывалось представить утро, солнце, тепло и свѣтъ, какъ посреди долгой холодной зимы иногда бываетъ трудно представить себѣ яркое солнце и жару. Отъ этого росъ томительный жуткій страхъ, особенно непріятный потому, что являлся онъ неизвѣстно откуда и не былъ опредѣленнымъ.

Приподнявшись на диванѣ и упершись обѣими руками въ сбитое одѣяло и простыни, Лаптевъ спрашивалъ себя, упорно глядя въ темноту:

— Чего я боюсь?

И тотчасъ же въ умѣ его выростала мысль о деревнѣ.

— Мужики! Сожгутъ... или убьютъ...

— За что убьютъ? Что я имъ сдѣлалъ?

И тогда Лаптевъ искалъ причину, за которую мужики должны его сжечь или убить. И тутъ-то и начиналось самое странное. Иногда казалось, что мужики его сожгутъ или убьютъ за то, что онъ пожаловался старшинѣ, а тотъ земскому, а тотъ вызвалъ казаковъ. Но потомъ это оказывалось невѣрнымъ, а правильнымъ было то, что онъ не от-

далъ Тимкина Лога. Но и это было невѣрно, потому что не онъ отдалъ, а мужики сами не брали въ этомъ году.

— Мужики сердиты на меня за то,—рѣшалъ онъ, сидя въ пустой и темной комнатѣ,—что я дорого бралъ за Тимкинъ Логъ... Годъ отъ году набавлялъ цѣну: раньше онъ ходилъ втрое дешевле, чѣмъ теперь...

Но и тутъ ему чудилась ошибка, и, медленно качаясь впередъ и назадъ, какъ при зубной боли, наморщивъ лобъ, весь въ липкомъ горячемъ поту отъ волненія и безсонницы, похожій на трудно больного, онъ старался найти эту ошибку.

И была одна странность, которой онъ не замѣчалъ, но которая привела бы его въ ужасъ, если бы онъ могъ посмотрѣть на нее такъ, какъ смотрѣлъ на свою жизнь прежде. То, что его убьютъ или сожгутъ, онъ принималъ, какъ нѣчто неизмѣнное, такое, что непремѣнно должно было случиться и не можетъ быть иначе. Онъ только съ усиліемъ, какъ трудную математическую задачу, старался рѣшить—за что его убьютъ? Путался въ этомъ вопросѣ и доходилъ до неожиданныхъ, казавшихся нелѣпыми, выводовъ.

— Нѣтъ, меня убьютъ не за то, что я увеличивалъ цѣну на Темкинъ Логъ,—шепталъ онъ пересохшими потрескавшимися губами,—и не за то, что, благодаря мнѣ, вызваны казаки, и не за то, что я сталъ пахать Тимкинъ Логъ самъ, а за то, что этотъ Тимкинъ Логъ мой!..

И тогда въ немъ подымался весь порядокъ обычныхъ и простыхъ представленій, возмущавшихся противъ жестокой и непонятной жизни. Было до боли обидно, какъ будто у него отнимали уже Тимкинъ Логъ, лично ему принадлежащій, этотъ кусокъ земли, ему совсѣмъ не нужный, но который онъ съ малыхъ лѣтъ считалъ своимъ. Изъ этой обиды росла злоба на тѣхъ, кто хотѣлъ отнять, оторвать ему принадлежащее.

— Живутъ въ грязи, пьянствуютъ, бездѣльничаютъ, лодыри... Вшей разводятъ, дохнутъ въ грязи, нелѣпостямъ вѣрятъ, зависть проклятая все!..

Въ воображеніи вставали грязные, пьяные мужики, такими, какими ихъ вышибалъ со двора Антипъ,—оборванными, всклокоченными, часто съ окровавленными лицами.

Отъ душнаго чувства злобы, растеряннаго страха и полной безпомощности, когда некому было пожаловаться и не у кого искать управы, Лаптевъ откидывался на подушки, закрывалъ глаза и беззвучно, однѣми губами, шепталъ:

— Нѣтъ, они хотятъ меня убить за то, что ихъ жизнь полна грязи, вони, вшей, пьянства и мужицкой дурости...

И вся ночь была похожа на сумасшедшій бредъ, въ которомъ то, что было, сплеталось въ невѣроятно-нелѣпыхъ

комбинаціяхъ съ выдумкой, и сама ночь, заглядывавшая въ прямые квадраты чуть свѣтлѣвшихъ оконъ, полная негромкихъ и осторожныхъ звуковъ, представлялась одушевленнымъ существомъ, чутко и выжидательно подстерегавшимъ кого-то.

Днемъ во дворѣ усадьбы часто появлялись казаки—въ большинствѣ молодые, здоровые и веселые, готовые съозорничать, стащить, подраться. Они забирали въ винной лавкѣ водку и распивали ее тутъ же, потомъ пѣли пѣсни, играли на гармоніи и плясали. Это было неудобно и безпокойно, но никто не осмѣливался сказать имъ объ этомъ, такъ какъ всѣ боялись ихъ. И самъ Лаптевъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, такъ какъ тоже боялся ихъ—такіе они были здоровые, веселые и нахальные.

Часто, сидя у окна и глядя, какъ шли они по двое—по трое въ лавку за водкой, онъ испытывалъ ощущеніе того же томительнаго ожиданія и страха, которое мучило его ночью. Выходило такъ, что казаковъ, которыхъ онъ вызвалъ въ защиту отъ мужиковъ, онъ боялся не меньше, а пожалуй и больше чѣмъ мужиковъ. Пока онъ ихъ не вызывалъ, онъ думалъ, что на мужиковъ есть управа—войска, казаки, и чувствовалъ себя не одинокимъ и безпомощнымъ, а опирающимся на большую, твердую силу. Но когда пріѣхали казаки и стали пьянствовать и дебоширить въ его же имѣньи, онъ вдругъ увидѣлъ, что силы, на которую онъ опирался, въ сущности, нѣтъ, а есть только страхъ, и остался совсѣмъ одинокимъ, заброшеннымъ на произволъ всего того, чего понять не могъ, но что было, очевидно, враждебно ему.

Только одинъ Антипъ, видя, какъ озорничаютъ казаки, смотрѣлъ исподлобья и напруживалъ толстую красную шею. А когда они затѣяли шуточную драку между собою на дворѣ, онъ долго смотрѣлъ на нихъ и потомъ пробормоталъ:

— Ладно, ужо попадетесь мнѣ... Будете у праздничка!

И ушелъ со двора.

Ночью Лаптевъ по прежнему не могъ спать, мучась темнымъ, похожимъ на предчувствіе, страхомъ. Иногда онъ вставалъ, будилъ Антипа и заговаривалъ съ нимъ. Антипъ долго чесался, сопѣлъ носомъ и отвѣчалъ неохотно и коротко.

Обыкновенно Лаптевъ входилъ къ нему со свѣчкой; неровныя трепетныя тѣни быстро и безшумно разбѣгались по сторонамъ, какъ будто боялись быть пойманными на чемъ-то такомъ, что они хотѣли скрыть. Лаптевъ стыдился своего страха и не хотѣлъ, чтобы Антипъ догадался о немъ,

и потому всегда придумывалъ какой-нибудь хозяйственный вопросъ, для котораго будилъ кучера.

— Антипъ, а Антипъ!—говорилъ онъ негромкимъ и чуть дрожащимъ голосомъ,—слушай, Антипъ! Послушай, проснись-ка, Антипъ, спросить тебя хочу...

Онъ толкалъ его въ плечо, отчего голова Антипа слабо и безвольно болталась изъ стороны въ сторону, какъ тяжелый и плохо привязанный шаръ. Пробуждаясь, онъ мычалъ, открывалъ на мгновеніе глаза и тотчасъ же опять закрывалъ ихъ, и эти признаки жизни, того, что передъ нимъ лежалъ живой человѣкъ, дѣйствовали на Лаптева успокоительно. Онъ уже не чувствовалъ себя одинокимъ, и растерянный страхъ сжимался въ маленькій комочекъ и уходилъ куда-то.

— Слушай, Антипъ,—продолжалъ онъ, расталкивая кучера,—ты амбаръ заперъ? И конюшню заперъ? А въ конюшнѣ [illegible] Слушай, Антипъ!?..

Антипъ подымался отъ толчковъ, садился на ларь и, глядя мутными, ничего не выражающими глазами на свѣчку, долго чавкалъ пересохшими со сна губами.

— Амбаръ, говорю, заперъ? Конюшню заперъ? — спрашивалъ опять Лаптевъ.

— Заперъ,—отвѣчалъ Антипъ.

— Пойти бы посмотрѣть... Времена ныньче...

— Заперъ я...

— Всетаки... нынче народъ пошелъ... Эвона что говорятъ... Того гляди, убьютъ!

— Кто васъ убьетъ!—равнодушно замѣчалъ Антипъ.

— А богъ знаетъ, богъ знаетъ,—таинственно говорилъ Лаптевъ, боязливо оглядываясь кругомъ,—только...

У него вдругъ просыпалась трусливая и хитрая мысль—маленькая, похожая на верткую, прячущуюся змѣйку. Она пряталась въ сузившихся, сдѣлавшихся двумя крохотными черными точками, зрачкахъ, дрожала въ слабой улыбкѣ.

—... Только... ты знаешь? Меня убить трудно! Ой-ой, какъ трудно! Я—ты знаешь...—онъ совсѣмъ наклонялся къ уху Антипа и шепталъ ему странныя, дрожащія и прерывающіяся слова, въ то время какъ самъ—высокій, въ одномъ бѣльѣ, съ босыми бугроватыми ногами, по которымъ толстыми веревками протянулись напруженныя жилы—не былъ похожъ на того Лаптева, котораго знали всѣ, спокойнаго, серьезнаго и увѣреннаго, а былъ слабымъ, безсильнымъ и растеряннымъ.

—... Ты знаешь? Я вѣдь заговоренъ!

Онъ внезапно откидывался назадъ, такъ что пламя свѣчи испуганно металось въ сторону, а расплавленный стеа-

ринъ бѣжалъ по пальцамъ живыми, горячими струйками и какъ будто трясясь отъ сдержаннаго внутренняго смѣха, радуясь побѣдѣ надъ чѣмъ то неизвѣстнымъ и безпощадно жестокимъ, смотрѣлъ въ сонные, тупые глаза Антипа.

— Да, да, солдатъ николаевскій, старикъ... проходилъ тутъ лѣтъ шесть назадъ, — тебя еще не было, — ночевалъ у меня... заговорилъ, заговорилъ, какъ же... Такой старичекъ съ усиками, бѣленькій... Заговоръ, говоритъ, по гробъ жизни силу имѣть будетъ... Строгій такой старичекъ, обѣдалъ, чай пилъ здѣсь... А они думаютъ... Никакая, говоритъ, пуля не возьметъ... Отъ турокъ выучился, да, да...

И въ быстромъ потокѣ безпрерывно прыгающихъ словъ было что-то такое, отчего сонъ и апатія Антипа пропадала, онъ ежился и старался не смотрѣть на Лаптева.

— Шли бы вы спать, баринъ, завтра вставать рано надыть, — говорилъ онъ, отводя глаза въ сторону, — только зря себя безпокоите.

— Да, да, заговоренъ, — твердилъ Лаптевъ, не слушая его. — Никакая, говоритъ, пуля не возьметъ... Николаевскій солдатъ... Отъ турокъ, говоритъ, научился...

Онъ долго еще говорилъ, быстро и пугливо оглядываясь по сторонамъ, трясясь отъ внутренняго волненія и сверкая широко открытыми свѣтлыми глазами, въ которыхъ зрачекъ казался крохотной точкой. Свѣча дрожала въ рукѣ, пламя колебалось изъ стороны въ сторону, приосѣдало и взметывалось вверхъ, и длинныя рѣзкія тѣни безшумно и мгновенно метались по комнатѣ. И все это было такъ необычно, такъ не похоже на всю прежнюю жизнь, когда ночью спокойно спали и все было тихо и замирало, что казалось дикимъ сномъ, который тянется давно и никогда не кончится, а обычная спокойная жизнь отошла куда-то далеко, и ее трудно было вообразить, какъ больному трудно вообразить свое тѣло здоровымъ, крѣпкимъ и не страдающимъ.

Разъ ночью, измученный долгой безсонницей, Лаптевъ впалъ въ полусознательное забытье, гдѣ дѣйствительность путалась въ новыхъ и непривычныхъ комбинаціяхъ съ сномъ.

Легкая темная завѣса незамѣтно спустилась на мозгъ и окутала его туманной дымкой, и прежде больное, тяжелое старое тѣло стало вдругъ странно легкимъ и неподвижнымъ, и Лаптевъ не чувствовалъ его. И сразу исчезло все висѣвшее надъ его жизнью тупой и давящей тяжестью. Онъ вдругъ забылъ что-то — что-то важное и большое, чего нельзя было забывать, — и отъ этого явилась огромная легкость, безтѣлесность и незнакомая прежде свобода, какъ будто всю жизнь онъ ходилъ въ узкихъ и тяжелыхъ путахъ, а тутъ вдругъ онѣ спали съ него.

Онъ хотѣлъ вспомнить — что же забылъ онъ такое? — и не могъ, и не жалѣлъ объ этомъ, а новое незнакомое ощущеніе свободы и легкости было такъ хорошо, такъ пріятно и сладко, что онъ улыбался, въ то время какъ двѣ теплыя слезы медленно ползли по старому морщинистому лицу.

Такъ плакалъ онъ, лежа въ темной молчаливой комнатѣ, гдѣ пахло сыростью и особымъ крѣпкимъ запахомъ неопрятной старости, куда чуть свѣтлѣвшая ночь смотрѣла двумя мутными квадратными пятнами оконъ, похожими на слѣпые глаза мертвеца. Слезы бѣжали теплыми струйками, щекотали высохшую старую кожу и будили далекое и забытое впечатлѣніе ранняго дѣтства, когда жизнь была легка и огромна, и въ ней не было долгихъ годовъ томительнаго одиночества, мучительныхъ дней безысходной тоски, жуткихъ часовъ напряженнаго страха и вѣчной заботы о себѣ, о своей жизни, о деньгахъ, о хлѣбѣ.

Уже дѣлался крѣпче сонъ, и слезы застывали на лицѣ холодными и неподвижными каплями, какъ внезапный толчекъ, похожій на глухой и смутный ударъ, потрясъ тѣло Лаптева. И въ ту же минуту съ безумнымъ слѣпымъ ужасомъ въ душѣ, весь покрытый мгновенно выступившей липкой испариной, онъ сѣлъ на кровати, широко открывъ беззубый ротъ, пытаясь захватить какъ можно больше воздуху и съ страшнымъ напряженіемъ глядя вылѣзающими изъ орбитъ глазами въ пустую черноту комнаты. Хотѣлось вздохнуть — и воздуху не было, надо было крикнуть—и голосъ пресѣкся, и сухое, терпкое горло сжималось безсильными, трепетными судорогами. И весь этотъ ужасъ былъ оттого, что тамъ въ груди, гдѣ всегда было непрестанное, незамѣтное движеніе, вдругъ все остановилось въ мучительномъ напряженіи и замерло острой, безумной болью. На мгновенье молніей блеснула одна яркая и безжалостная мысль:

— Смерть!..

И цѣлый вихрь безсвязныхъ, прыгающихъ, нелѣпыхъ и безобразныхъ мыслей дикимъ водоворотомъ закружился въ мозгу... И такъ продолжалось минуту, двѣ, три... И когда стало уже совсѣмъ невыносимо, и жизнь, казалось, ушла и исчезла, а вмѣсто нея осталась черная звенящая пустота,— тяжелый и крѣпкій ударъ вскинулъ искривленное старое тѣло, и сердце, словно сорвавшись съ крюка, бѣшено заколотилось въ дикомъ и пьяномъ танцѣ. И тотчасъ же воздухъ хлынулъ въ пересохшее горло, торопясь и захлебываясь. Лаптевъ жадно глоталъ свистящія рѣзкія струи его; вернулось зрѣніе, и вмѣсто черной пустоты, въ которой свивались красные и огненные спирали и круги, онъ увидѣлъ квадраты оконъ, смутно бѣлѣвшую простыню и свое худое костлявое

тѣло, такое жалкое и безпомощное, все дергавшееся мелкими частыми судорогами. А вмѣсто плотнаго томительнаго звона, наполнявшаго мертвую тишину комнаты — слухъ принесъ откуда-то со двора шумъ и крики, отдѣльныя слова и вой, похожій на пѣсню.

Лаптевъ вскочилъ и, шатаясь на подгибающихся, непослушныхъ ногахъ, цѣпляясь и чуть не падая, кинулся изъ кабинета.

— Антипъ, Антипъ!—безпомощно и негромко закричалъ онъ, уцѣпившись за ручку двери и повиснувъ на ней всѣмъ тѣломъ.—Антипъ!..

Дверь распахнулась, Лаптевъ больно ударился головой и плечомъ объ косякъ, и на него сразу пахнула свѣжая ночная сырость, какъ будто гдѣ-то была отворена еще дверь, прямо на улицу...

На крыльцѣ кто-то шлепалъ босыми ногами, и Лаптевъ посреди криковъ и воя, несшихся со двора, разобралъ голосъ Антипа:

— Ладно, дьяволы, давно я до васъ добирался...

— Антипъ!—снова крикнулъ Лаптевъ, но никто не отвѣтилъ ему.

Голосъ Антипа бубнилъ гдѣ-то уже далеко на дворѣ у воротъ. Прислонившись къ сараю, Лаптевъ чутко прислушался, сдерживая обѣими руками по прежнему колотившееся сердце.

— Вы что тутъ ночью озорничаете?—глухо гудѣлъ Антипъ, и въ голосѣ его уже не было обычной сонной апатіи, а звенѣла сдержанная накипавшая злость, — чего вы тутъ озорничаете, бѣсово племя?.. Развѣ порядокъ по ночамъ народъ безпокоить? Водки? Какой тебѣ теперь ночью водки, чортъ горластый?

Сразу закричало нѣсколько буйныхъ и громкихъ голосовъ, высокой нотой взлетѣлъ крикъ Антипа и смѣшался съ отвратительной бранью. И слышно было, какъ живой сплетающійся комокъ покатился за ворота, звучно и мягко падали чьи-то удары, и злобный голосъ оралъ тупо и безсмысленно.

— Бей его, чего смотрѣть, вали, ребята!..

— Ладно, держись самъ, татарва поганая...

— Наддай—ого-го-го-го!..

Испуганно дрогнули и зашептались кусты, пронзительнымъ захлебывающимся лаемъ залилась собака, въ кухнѣ сверкнулъ и тотчасъ же потухъ огонекъ. А за воротами по дорогѣ катался хрипяшій, крикливый и задыхающійся клубокъ дерущихся людей, кто-то падалъ, кто-то наносилъ страшные удары, кто-то ругался, и все это неслось черезъ

усадьбу, въ поле, гдѣ дремалъ сѣдой туманъ, чутко дремали колосья, и все было тихо и сонно.

— Такъ, матери его песъ, дай ему...

— Будешь теперь командовать!

— У насъ на Дону не такъ еще...

— О-о-о-о!!!—вынеслось высокой сверлящей нотой и взвилось къ небу, покрывая остальныя звуки.

— Ага, взвылъ, бугай сивый!..

Вдругъ на дорогѣ что-то случилось, смутный гулъ донесся плотной наростающей волной, новые голоса принеслись откуда-то, и разомъ вспыхнулъ и заметался подъ чернымъ небомъ столбъ новыхъ безпорядочныхъ звуковъ. И понятно стало, что дерутся уже не нѣсколько человѣкъ, а цѣлая толпа, опьянѣвшая отъ мрака, криковъ, стоновъ и давнишней, тайно копившейся злобы. Трещала изгородь, словно на нее напиралъ кто-то огромный и свирѣпый. большой пущенный кѣмъ то булыжникъ громко ударился въ досчатую стѣну сарая, и, внезапно выдѣлившись изъ хаоса звуковъ, высокій звенящій голосъ звалъ кого-то:

— Сюда, добрывицкіе, въ колье ихъ, нехристей, чтобъ помнили!..

— Вваливай, парнй, ахъ ты...

— Станишники, у деревню, къ своимъ!..

— Бей ихъ!

— А-а-а, въ бѣги, хай васъ бѣсъ, то и въ бѣги, казачье дьволово!..

Громко и вразбродъ топотали торопливо бѣгущія ноги, а за ними неслась бурная побѣдная волна, гремѣлъ гоготъ, крики, пронзительный свистъ звенѣлъ въ ушахъ. И все это пронеслось мимо имѣнья и прыгающимъ, громкимъ и безпорядочно-крикливымъ шаромъ покатилось по дорогѣ къ Добрывичамъ.

Прислонившись къ ларю, Лаптевъ прислушивался къ этимъ необычнымъ, разгульнымъ звукамъ, и ему казалось, что это начало чего-то страшнаго и непоправимаго.

— Антипъ!—крикнулъ онъ, когда все стихло и только гдѣ-то вдали слышались разбросанные крики, топотъ и свистъ.—Боже мой, что-же это такое?

Качаясь на обезсилѣвшихъ ногахъ, онъ вышелъ на дворъ—темный и пустой, пахнувшій на него сырымъ холодомъ и запахомъ приближающагося дождя—и поплелся къ воротамъ. Они были отперты, и воротина криво висѣла у каменнаго штукатуреннаго столба на одной петлѣ. На улицѣ, возлѣ, земля была взрыта и вытоптана, и на ней валялись какіе то камни и палки... А посреди дороги въ пыли лежало что-то длинное и черное, чуть-чуть стонавшее.

Холодный, похожій на тошноту страхъ тупо толкнулъ въ сердце, и оно сжалось, сдѣлалось маленькимъ и пугливо забилось. По свѣтлой рубахѣ и босымъ, раскинутымъ въ стороны ногамъ, Лаптевъ узналъ Антипа и боялся еще повѣрить тому, что онъ лежитъ, избитый и стонущій посреди дороги.

— Антипъ! —прошепталъ онъ, приближаясь къ сторожу цѣпляющимися невѣрными шагами,—Антипъ, что ты?!

Антипъ приподнялся, и въ темнотѣ Лаптевъ различилъ не свѣтлое пятно лица, а что-то черное безсильно шевелившееся, съ чего торопливо и быстро бѣжали, догоняя одна другую черныя крупныя капли.

Антипъ хотѣлъ что-то сказать, но въ горлѣ хлюпало и клокотало, онъ отплевывался глоталъ что-то, что наполняло его ротъ, и только послѣ долгихъ усилій выговорилъ:

— От...дѣлали!..

— Что такое, какъ это?—бормоталъ Лаптевъ, подойдя вплотную къ нему. Ноги не держали, и онъ сѣлъ и сталъ пристально и испуганно вглядываться, стараясь разобрать въ темнотѣ лицо Антипа. Но лица не было, а была кровавая, судорожно дергавшаяся каша, посреди которой одинако и тускло блестѣлъ выпиравшій наружу глазъ.

Антипъ открылъ ротъ—и изъ черной ямы его, полной крови, вышибленныхъ зубовъ и липкой, тянущейся по подбородку слюны, смѣшанной съ кровью, вырвался хриплый, клокочущій стонъ:

— От...дѣ...лали!.. Подъ орѣхъ!..

— Да что же это такое? Что? - безсмысленно бормоталъ Лаптевъ, весь полный трепетнаго ужаса, и тутъ вдругъ ярко и внезапно созналъ, что онъ теперь остался совершенно одинъ, и нѣтъ никого, кто могъ бы заступиться за него, защитить его.

— Какъ же такъ, Антипъ... Антипушка!..—шепталъ онъ:—чтоже теперь будетъ-то, будетъ что?

И ему вдругъ стало такъ жаль себя и своей одинокой, никому ненужной жизни, что онъ заплакалъ холодными и мутными слезами, сидя въ темнотѣ посреди дороги около избитаго, окровавленнаго и стонавшаго Антипа...

Викторъ Муйжель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИНСУРГЕНТЪ.

1871 г.

Романъ Жюля Валлеса.

Переводъ съ французскаго Я. А. Глотова.

Посвящаю эту книгу *мертвецамъ 1871-го года.*

Всѣмъ тѣмъ жертвамъ соціальной несправедливости, которыя возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ несовершеннаго строя и создали подъ знаменемъ Коммуны, великую федерацію героевъ-мучениковъ.

Парижъ, 1885. *Жюль Валлесъ.*

I.

А мои пріятели изъ Одеона, должно быть, были правы, увѣряя, что у меня нѣтъ ни стыда, ни совѣсти. Вотъ уже нѣсколько недѣль какъ я—надзиратель коллежа, и ни печаль, ни огорченіе еще не посѣтили меня. Я даже не злюсь, и мнѣ ни капельки не стыдно.

Кажется, совсѣмъ напрасно я бранилъ кухню коллежа! Съѣстные припасы въ этихъ краяхъ повидимому особенно вкусны—я уничтожаю одно кушанье за другимъ, при чемъ старательно вытираю корочкой свои тарелки.

Одинъ разъ, среди глубокаго молчанія столовой, я воскликнулъ какъ въ былые дни у Ришефэ: „Человѣкъ, еще порцію!“ Всѣ обернулись на меня и начали смѣяться.

Смѣялся и я... Скоро охватитъ меня безразличіе прикованнаго къ галерѣ; пропитаетъ ядъ цинизма каторжника и я примирюсь съ своей каторгой. Вотъ, вотъ —и я потоплю свое сердце въ этомъ полуштофѣ изобилія и полюблю свое корыто.

— Я такъ безконечно долго голодалъ.

Сколько разъ я стягивалъ туго-претуго свой поясъ,

чтобы заглушить этотъ голодъ, а онъ рычалъ въ моихъ внутренностяхъ и глодалъ ихъ. Какъ часто я теръ свой пустой животъ безъ малѣйшей надежды на обѣдъ. За то теперь съ наслажденіемъ медвѣдя, забравшагося въ виноградникъ, я размягчаю теплымъ кушаньемъ свои засохшія кишки. Какое пріятное ощущеніе! точно щекочутъ слегка молодую кожу только что затянувшейся раны.

Мое лицо уже утратило свой обычный зеленый оттѣнокъ, снова заблестѣли глаза, а изъ бороды приходится не рѣдко извлекатъ кусочки яицъ.

Было время, когда я не чесалъ ее—эту бороду. Пальцы нервно крутили и теребили ее, когда я думалъ о своемъ безсиліи, о своей нищетѣ.

А теперь я ее поглаживаю и холю, не мало также я удѣляю вниманія своей порѣдѣвшей шевелюрѣ. Въ одно изъ воскресеній, очутившись передъ зеркаломъ безъ рубашки, я съ удивленіемъ и не безъ гордости замѣтилъ, что скоро стану совсѣмъ толстякомъ.

Отецъ мой былъ непримиримѣй. Я помню — ненавистью сверкали его глаза, когда онъ учительствовалъ. А между тѣмъ онъ не разыгрывалъ революціонера. Онъ не жилъ въ эпоху возстаній, никогда не звалъ „къ оружію" и не проходилъ школу возмущеній и дуэлей. Я все это испыталъ, и нахожу въ этомъ лицеѣ спокойствіе богадѣльни, обезпечность убѣжища и больничный паекъ.

Одинъ изъ старыхъ Фаррейрольцевъ, участникъ Ватерлоо, разсказывалъ намъ какъ-то ночью, что въ вечеръ битвы они проходили мимо кабачка въ двухъ шагахъ отъ часовни. Онъ бросилъ ружье и, упавъ на столъ, отказался идти дальше.

Полковникъ назвалъ его подлецомъ. „Пусть я подлецъ! У меня больше нѣтъ ни Бога, ни императора... Я голоденъ, я хочу ѣсть!"

И чрезъ груды труповъ пробрался въ буфетъ за ѣдой.

Во всю свою жизнь онъ не ѣлъ вкуснѣе. Мясо было превосходно, а вино освѣжало, какъ никогда.

Затѣмъ, положивъ подъ голову походный мѣшокъ, онъ растянулся на землѣ и скоро храпъ его смѣшался съ ревомъ пушекъ.

Мой духъ засыпаетъ вдали отъ битвы, вдали отъ шума. Воспоминанія прошлаго отдаются въ моемъ сердцѣ, какъ дробь барабана въ ушахъ дезертира: вотъ она все дальше, дальше и... замираетъ...

Кочевать по меблированнымъ комнатамъ. Годами ночевать чортъ знаетъ въ какой дырѣ. Залѣзать въ нее въ мрачные часы, когда у входа сторожитъ призракъ безсонницы

или тѣнь хозяйки. Видѣть деревню только во снѣ. Дышать міазмами мансардъ крытыхъ свинцомъ, когда дырявыя легкія требуютъ кислорода. Обладать аппетитомъ волка и зубами шакала и постоянно голодать безъ денегъ и кредита. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, очутиться съ ѣдой и квартирой!

Скатерти безъ пятенъ, постель безъ клоповъ, пробужденіе безъ кредиторовъ...

Дикій Вэнтра утратилъ свою неукротимость. За то онъ можетъ сидѣть, уткнувшись носомъ въ тарелку съ вкуснымъ кушаньемъ; у него своя салфетка съ кольцомъ и прекрасный мелхіоровый обѣденный приборъ.

Онъ даже, точь въ точь какъ всѣ, читаетъ *Benedicite*, а видъ при томъ такой смиренный, что даже трогаетъ начальство.

Завтракъ конченъ. Возблагодаривъ Господа (конечно, полатыни), онъ закидываетъ руку за спину и распускаетъ пряжку жилета. Разстегнута еще одна пуговица спереди— приходится запахнуть полы редингота, доставшагося ему послѣ смерти какого-то родственника, и неуклюже пригнаннаго на его ростъ.

Съ набитымъ желудкомъ, не выполоскавъ рта, направляется онъ во главѣ класса, за которымъ надзираетъ, къ широкому двору „для старшихъ", который господствуетъ надъ окрестностью, точно терраса феодальнаго замка...

На этой высотѣ въ нѣкоторые часы дня небо кажется платьемъ изъ нѣжнаго шелка. Вѣтерокъ точно легкимъ прикосновеніемъ крыльевъ ласкаетъ шею.

Никогда предо мной не бывало столько нѣги и покоя!

Вечеръ.

Маленькая комнатка въ концѣ корридора, гдѣ надзиратели въ свободныя минуты работаютъ или мечтаютъ, выходитъ прямо въ поле. Кой-гдѣ раскиданы деревья. Лѣниво струится рѣчка.

Вѣтеръ доноситъ запахъ моря.

Чувствуешь соль на губахъ. Глаза освѣжаются и смиряется сердце. Оно едва колеблется, это сердце, въ отвѣтъ моимъ мыслямъ, какъ занавѣска на окнѣ при дуновеніи вѣтерка.

Я забываю свое ремесло, я забываю себя, забываю сорванцовъ, за которыми надзираю... Я забываю также нужду и возстаніе.

Я не поворачиваю своей головы въ ту сторону, гдѣ реветъ Парижъ. Я не ищу на горизонтѣ дымнаго пятна, гдѣ должно быть поле битвы. Тамъ въ глубинѣ, совсѣмъ внизу, я нахожу группу ивъ и фруктовый садъ въ цвѣту, на нихъ

устремляется мой влажный взглядъ, они мнѣ кажутся такими прекрасными!..

Да, мои пріятели изъ Одеона тысячу разъ правы: ни капли стыда и ни на іоту совѣсти!..

Стоитъ только выйти изъ коллежа, чтобы попасть на спокойныя и сонныя улицы, а черезъ сто шаговъ я уже на берегу ручья. Иду вдоль него, ни о чемъ не думая, слѣдя спокойнымъ взоромъ за вѣточкой или пучкомъ травы, которые плывутъ по теченію, — имъ еще столько предстоитъ впереди. Въ концѣ дорожки стоитъ небольшой трактиръ. На немъ вмѣсто вывѣски висятъ гирлянды сушеныхъ яблокъ. За нѣсколько су пью сидръ. Онъ золотистый и слегка бьетъ въ носъ...

Да! Да! Ни стыда, ни совѣсти!

А въ тоже время мнѣ не везетъ...

По буржуазной прихоти этотъ лицей полонъ свѣта и воздуха. Это старинный монастырь съ громадными садами и большими окнами. Солнечные лучи проникаютъ въ трапезную. Открыты окна, и въ корридорахъ слышно эхо шелеста листвы и содроганіе природы, уже затронутой осенью съ ея теплыми тонами бронзы и мѣди.

На учениковъ я не произвелъ сквернаго впечатлѣнія. Они привыкли къ неопытнымъ надзирателямъ только что со скамьи, или къ старымъ ищейкамъ глупымъ какъ казарменные дядьки.

Они приняли меня какъ офицера запаса въ нуждѣ, о которомъ случайно вспомнили послѣ смерти его отца, украшеннаго орденами и бывшаго на дѣйствительной службѣ. Наконецъ, мой ореолъ парижанина. Этого было достаточно, чтобы эти молодые узники не питали ко мнѣ ненависти.

Коллеги мои нашли меня добрымъ малымъ, хотя слишкомъ скромнымъ. Въ свободные часы они забивались въ маленькое кафе, сырое и темное, и до одуренія тянули тамъ пиво, прихлебывали кофе съ коньякомъ и посасывали трубки.

Я не курю и ничего не пью.

Остающееся у меня время я провожу у камина въ пустомъ классѣ, съ книжкою въ рукахъ, или на урокѣ философіи съ тетрадкой на колѣняхъ.

Профессору, зятю самого ректора, конечно, лестно видѣть на своихъ урокахъ чернобородаго парижанина, который съ гордымъ и смѣлымъ лицомъ сидитъ на партѣ какъ ученикъ, и слушаетъ бесѣды о свойствахъ души. Онѣ вывезли меня на экзаменѣ на баккалавра. Не стоитъ изъ-за нихъ проваливаться на слѣдующемъ экзаменѣ. Мнѣ необходимо знать, сколько ихъ насчитываютъ въ Кальвадосѣ: шесть, семь, восемь, а можетъ быть, больше или меньше!

Я прилежно посѣщаю уроки, чтобы быть въ курсѣ философіи нашего округа.

15 октября.

Сегодня начинаются занятія на филологическомъ факультетѣ; вступительную лекцію прочтетъ профессоръ исторіи.

Да, я его видѣлъ, этого профессора!

Онъ являлся въ лицей Бонапарта студентомъ 3-го курса Нормальной школы читать намъ риторику, какъ разъ когда я ее изучалъ.

Это было въ 1849 году. — У него, я помню, срывались смѣлыя и революціонныя фразы. Я даже вспоминаю, что онъ явился въ кафе вмѣстѣ съ Анатолемъ,—онъ зналъ его старшаго брата, — и внимательно прислушивался къ моимъ словамъ, когда мы за отдѣльнымъ столикомъ разносили Беранже.

Мое лицо запечатлѣлось въ его памяти, хотя онъ и забылъ мое имя. Онъ помнилъ этотъ случай и когда я, послѣ лекціи, подошелъ къ нему—сразу узналъ меня.

„Ну, что подѣлываете? А мнѣ кто-то говорилъ, что васъ не то сослали, не то убили на дуэли".

Я признался ему, что чувствую себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Доволенъ своей судьбой, счастливъ отъ занятій и радуюсь этой жизни съ пробочникомъ для сидра въ одной рукѣ, съ разливательной ложкой въ другой, съ глазами, устремленными на тихія волны рѣки.

„Чортъ возьми!—сказалъ онъ тономъ доктора, услыхавшаго о плохихъ симптомахъ.

— Приходите-ка ко мнѣ, мы съ вами потолкуемъ. Я буду радъ вырваться на нѣкоторое время изъ этой атмосферы ничтожества и грязи!"

И онъ указалъ жестомъ на представителей власти и на группу всѣхъ своихъ коллегъ.

И это говоритъ онъ, — профессоръ, пришедшійся ко двору въ университетѣ!

Ахъ, зачѣмъ я его встрѣтилъ!

Я жилъ покойно, мирно отдыхалъ; онъ снова зажегъ огонь въ моей крови и, когда въ воскресеніе я распускаю себѣ пряжку для дессерта и уклоняюсь отъ волнующихъ разговоровъ, онъ тормошитъ меня...

„Вы во всякомъ случаѣ, не должны обращаться въ буржуа и жирѣть!

Я предпочту выслушать отъ васъ еще нѣсколько оскорбленій за мой іюньскій крестъ".

Дѣло въ томъ, что въ первый же разъ, какъ я зашелъ къ нему, я оскорбилъ его изъ-за этого ордена и хотѣлъ уйти.

Онъ меня удержалъ.

„Мнѣ было только двадцать лѣтъ... я былъ въ толпѣ учениковъ нашей Нормальной школы...

Не понимая, что значитъ это возстаніе, я сталъ на сторону Кавеньяка, котораго считалъ республиканцемъ. Я первымъ вошелъ на площадь Пантеона, гдѣ были забаррикадированы блузники. Меня послали съ этой новостью въ Палату и тамъ мнѣ привязали этотъ орденъ. Но, клянусь вамъ, я не губилъ ни одного человѣка и многимъ изъ бойцовъ спасъ жизнь, съ опасностью для своей. Останьтесь! Вы прекрасно знаете, что люди могутъ мѣняться, такъ какъ сами сознались, что вы уже не тотъ“...

Онъ протянулъ мнѣ руку, я ее принялъ и мы стали друзьями.

Я заслужилъ также расположеніе одного изъ своихъ сѣдовласыхъ коллегъ, отца Мишара, который похоронилъ себя въ провинціи, получивъ въ Парижѣ свою долю славы.

— Который изъ васъ Вэнтра? — спросилъ онъ у преподавателей, собравшихся на вторую конференцію.

Я отдѣлился отъ группы.

— Вы откуда? Въ какомъ университетѣ были? Въ Парижѣ? Держу пари, что вы, во всякомъ случаѣ, его окончили?

И заставилъ меня читать вслухъ мою диссертацію.

— Да вы писатель!

Онъ кинулъ мнѣ эту фразу въ лицо безъ всякихъ стѣсненій и, отправляясь домой, заставилъ меня проводить его до квартиры. Я разсказалъ ему свою исторію.

— Эхъ, Эхъ!—молвилъ онъ, качая головой, если бы дѣло было только за мной и товарищемъ Лансеномъ, то вы бы получили лиценціатъ въ августѣ; но только удержитесь ли вы до тѣхъ поръ? Оставитъ ли васъ директоръ? У васъ видъ человѣка, а онъ любитъ собачекъ на заднихъ лапкахъ...

— Я заставлю себя сократиться, я рѣшилъ совсѣмъ обратиться въ скотину!

— Можетъ быть, но видно сразу, что вы изъ себя представляете, и вся эта дрянь пойметъ ваше презрѣніе.

Онъ говорилъ правду, этотъ старый учитель! Совершенно не къ чему было казаться мирнымъ, нагуливать себѣ жиръ и читать *Benedicite!* Факультетскіе святоши, директоръ и казначей коллежа. рѣшили меня выжить. Щетина моихъ щекъ, мой свѣтлый взглядъ, самый стукъ моихъ каблуковъ, при всей легкости шаговъ, оскорбляютъ ихъ голые подбородки, ихъ мутные глаза и шарканье подошвъ по плитамъ. Меня нельзя было упрекнуть въ неаккуратности или пьян-

ствѣ и вотъ у этихъ іезуитовъ явилась блестящая мысль!

Они организовали снизу заговоръ противъ меня.

Полночь.

Дортуаръ, гдѣ я корпѣлъ надъ своей работой, сталъ мѣстомъ засады заговорщиковъ.

Самой своей постройкой монастырскаго типа онъ толкалъ къ бунту. Нѣкогда каждый братъ имѣлъ совершенно открытую келью. Теперь же камеры учениковъ таковы, что внутренность этихъ стойлъ видѣть нельзя... Надзиратель слышитъ шумъ но не можетъ ничего разсмотрѣть.

Прекрасный вечеръ! Въ этихъ деревянныхъ стѣнахъ возстаніе: стукъ въ перегородки, свистъ, хрюканье, крики и все это было такъ смѣшно, что мнѣ, ей Богу, захотѣлось впутаться самому.

И я самъ, я также, стучалъ, свистѣлъ, хрюкалъ и кричалъ рѣзкимъ сопрано:

— *Долой надзирателя!*

Съ тѣхъ поръ какъ я поступилъ сюда, я въ первый разъ почувствовалъ, что живу.

Я стою въ одной рубашкѣ посреди комнаты, стуча подсвѣчникомъ въ горшокъ, хрюкая, крича пѣтухомъ и безостановочно визжа:

— *Долой надзирателя!*

Дверь отворяется...

Самъ директоръ.

Онъ остолбенѣлъ, увидя меня во всеоружіи, босикомъ, на полу, съ горшкомъ въ одной рукѣ и съ подсвѣчникомъ въ другой. Онъ пробормоталъ съ смущеннымъ видомъ:

— Вы... Вы... Вы не слышите?

— ???

— Эти крики?.. Этотъ бунтъ?..

Крики?.. Бунтъ?..

Я протеръ глаза и принялъ изумленный и сконфуженный видъ...

О, онъ прекрасно все видѣлъ, недаромъ онъ повернулся и исчезъ, побѣлѣвъ, какъ фаянсъ горшка. Больше въ дортуарѣ не будетъ возстанія: нѣтъ никакой необходимости.

Я снова [illegible], что кончился этотъ содомъ.

Было ясно, что я влопался. Мнѣ, однако, хочется позабавиться, раньше, чѣмъ меня выгонятъ

Случай скоро представился.

Захворалъ учитель риторики. По правиламъ надзиратель замѣняетъ преподавателя, когда тотъ неожиданно бываетъ занятъ, или отсутствуетъ.

Значитъ мнѣ придется давать урокъ вечеромъ, придется появиться на каѳедрѣ.

Я готовъ.

Ученики ждутъ съ волненіемъ, которое вызываетъ всякая новинка. Захочу ли я показать себя, — я, прекрасный ораторъ, фаворитъ факультета, „*парижанинъ*“?..

Я начинаю.

„Милостивые государи!

„Случаю угодно, чтобы я замѣнилъ вашего почтеннаго учителя г. Жакко. Я позволяю себѣ не вполнѣ раздѣлять его мнѣніе на систему преподаванія.

„По моему личному убѣжденію не нужно *ничего изучать*, *ничего* изъ того, что вамъ рекомендуетъ для изученія университетъ. (*Волненіе въ аудиторіи*). Я думаю что принесу вамъ гораздо больше пользы, посовѣтывавъ играть въ домино, въ шахматы, въ экартэ. Тѣмъ, которые помоложе можно разрѣшить попадать въ мухъ жеваной бумагой. (Движеніе въ различныхъ направленіяхъ).

„Напримѣръ—немного спокойствія, господа, не нужно особенно шевелить мозгами, чтобы заучить Демосеена или Виргилія, но когда надо сдѣлать девяносто или пятьсотъ, или шахъ королю, или пригвоздить къ стѣнѣ муху не заставляя ее мучиться, тогда въ мысляхъ долженъ царить образцовый порядокъ и все вниманіе, конечно, должно быть сосредоточено на невинномъ насѣкомомъ, которое, если позволите такъ выразиться притягиваетъ ваше вниманіе. (Глубокое впечатлѣніе).

„Наконецъ, я хотѣлъ бы, чтобы время, которое мы проведемъ вмѣстѣ, не было бы потеряннымъ временемъ“.

Картина!

Въ тотъ же вечеръ я получилъ отставку.

II.

И вотъ я снова на парижской мостовой.

Двери всѣхъ университетовъ Франціи и Наварры закрыты для меня навсегда.

А въ карманѣ сорокъ франковъ!

Куда направить свои стопы?

Я уже не тотъ, что раньше — восемь мѣсяцевъ провинціи передѣлали меня.

Цѣлыхъ десять лѣтъ я жилъ, какъ пьяница, который боится похмѣлья на завтра, послѣ сегодняшней попойки. Онъ теряетъ человѣческій образъ.

Едва открывъ утромъ глаза, онъ уже тянется трясущейся рукой къ бутылкѣ, заранѣе припасенной.

Я опьянялся своею собственной слюной.

И не рѣдко я это дѣлалъ за счетъ своей смѣлости.

А тѣ, кого я, какъ милостыней, одѣлялъ весельемъ, разсѣивая ихъ тоску или скрывая свою, тѣ вмѣсто того, чтобы понять и быть мнѣ благодарными, относились ко мнѣ съ презрѣніемъ и считали меня жестокимъ. Слабыя головы и жесткія сердца! Они не могли разобрать, что подъ ироніей я прячу страданіе, какъ скрываютъ подъ фальшивымъ носомъ—гнойную язву волчанки. Имъ было не вдомекъ, что у меня обливалось кровью сердце, когда я рѣзкой шуткой старался сгладить нашу общую нищету, какъ разбиваешь рѣзкимъ движеніемъ стекло въ комнатѣ, гдѣ задыхаешься, чтобы получить хоть немножко свѣжаго воздуха.

Стоило мнѣ устраиваться! А что я сдѣлалъ, съ тѣхъ поръ какъ вернулся изъ этой провинціи?.. Я, право, не знаю. Я жилъ какъ скотина, точно также какъ и тамъ, только не наслаждаясь зеленымъ лугомъ и свѣжей подстилкой.

Что же, развѣ я хочу добраться до могилы, такъ и не выбившись изъ тѣни? Все время въ борьбѣ съ жизнью, и ни одной битвы при яркомъ солнечномъ свѣтѣ?

Тѣмъ хуже! Пусть себѣ кричатъ объ измѣнѣ, если имъ угодно!

Я постараюсь продать мои восемь часовъ въ день, чтобы, вмѣстѣ съ кускомъ хлѣба, обезпечить за собой и ясность ума.

Кромѣ того Арну, котораго я считаю порядочнымъ человѣкомъ, вернулся въ Парижъ. Мнѣ сказала это Лизетта, я ее встрѣтилъ какъ-то утромъ.

Однако, чтобы прошеніе было принято, нужны рекомендаціи... Придется попереть ногами еще одно священное обѣщаніе!

Наплевать!

Я уже совершилъ клятвопреступленіе поступивъ въ гимназическіе надзиратели, я снова стану клятвопреступникомъ, отправляясь клянчить подпись людей, которые второго декабря хотѣли насъ уничтожить.

Несчастный! Вмѣсто того, чтобы твердо стать на ноги я потерялъ подъ ними почву, за то нашелъ у себя нѣсколько сѣдыхъ волосъ!

Свершилось!—Одинъ гвардейскій генералъ и одинъ книгопродавецъ изъ Тюйлери, старый поставщикъ моего отца, дали, каждый, по двѣ строчки рекомендаціи.

Этого было вполнѣ достаточно. Я только что назначенъ помощникомъ секретаря, на сто франковъ въ мѣсяцъ, въ мэрію, которая находится у чорта на куличкахъ и напоминаетъ собой старую скворешницу.

Я вхожу, взбираюсь на нѣсколько лѣстницъ и спрашиваю г. завѣдующаго бюро.

Меня принимаетъ человѣкъ въ очкахъ, немножко горбатый.

— Хорошо. Вы будете у новорожденныхъ.

Онъ проводитъ меня въ отдѣленіе, гдѣ дѣлаютъ заявленія, и вручаетъ какому-то чиновнику. Тотъ осматриваетъ меня съ ногъ до головы, дѣлаетъ мнѣ знакъ сѣсть и спрашиваетъ меня, хорошо ли я пишу (!!).

— Не особенно.

— Покажите.

Я макаю ручку въ чернильницу, опускаю ее слишкомъ глубоко и, вытащивъ, дѣлаю колоссальную кляксу на страницѣ огромной реестровой книги, которая лежала передъ нимъ.

Мой чиновникъ начинаетъ обнаруживать всѣ признаки самаго глубокого отчаянія.

— Прямо на имя!.. Необходимо примѣчаніе!..

Онъ бросается къ окошку, высовывается наружу, кричитъ и дѣлаетъ какіе то жесты.

Зоветъ онъ на помощь? Чувствуетъ приступъ удушья? Хочетъ приказать арестовать меня?

Кто ему отвѣчаетъ? Докторъ? Полицейскій коммиссаръ?

Нѣтъ. Это угольщикъ, торговецъ виномъ и повивальная бабка, которые черезъ пять секундъ врываются въ бюро и спрашиваютъ съ ужасомъ: „что случилось?“

— Да вотъ, этотъ господинъ началъ свой дебютъ съ того, что замазалъ мою книгу. Теперь вамъ всѣмъ нужно расписаться на поляхъ, чтобы ребенокъ сохранилъ свои гражданскія права.

Онъ обратился ко мнѣ съ бѣшенствомъ.

— Вы слышите? *Гра-ждан скія пра-ва!* Знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, что это такое?

— Да, я кончилъ юридическій.—

— Приходится сомнѣваться!

И онъ героически скалитъ зубы.

— Они всѣ одинаковы... Университетскіе — это гибель для реестровъ!

Раздается пискъ и стукъ тяжелыхъ сапогъ... Еще одна акушерка, угольщикъ и продавецъ вина.

Мой коллега ставитъ меня прямо предъ лицомъ опасности.

— Опросите-ка подающую заявленіе. Какъ приняться за дѣло? Что нужно говорить?

— Вы... Вы по поводу ребенка?..

Онъ вздергиваетъ плечами и изображаетъ на лицѣ безнадежность.

— А по поводу какого чорта, вамъ угодно, чтобы она

приходила сюда?.. Быть можетъ, наконецъ, вы окажетесь способны констатировать! Удостовѣрьте полъ.

— Удостовѣрить полъ!.. но какъ?

Онъ поправилъ очки и уставился на меня съ изумленіемъ.

Казалось, онъ спрашивалъ себя не отсталъ-ли я въ развитіи на столько, или не наивенъ ли я такъ необычайно, что даже не знаю, какъ отличить мальчика отъ дѣвочки.

Я далъ ему знакомъ понять, что знаю это прекрасно.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и обратился къ акушеркѣ:

— Распеленайте ребенка. А вы, милостивый государь, смотрите. Да оттуда вамъ ничего не видно, подойдите ближе!

— Это мальчикъ.

— Я думаю!—замѣтилъ съ гордостью отецъ, подмигивая угольщику.

Это учрежденіе стало моей кормилицей.

Не рѣдко приходится мнѣ помогать развязывать тесемки, вынимать булавки, распеленывать ребятъ и щекотать имъ шейку, когда они ужъ черезчуръ крикливы.

Къ счастію пансіонъ Антетара снабдилъ меня манерами, и скоро мое обращеніе прославилось во всѣмъ участкѣ.

Мои коллеги не блещутъ умомъ, но всетаки они не плохіе люди. Въ нихъ нѣтъ совсѣмъ той закваски желчи и досады, которая бродитъ въ людяхъ университетской науки, всегда завистливыхъ, боязливыхъ и шпіонящихъ.

На вашего покорнаго слугу косились и ворчали не болѣе двухъ дней.

— Васъ тамъ всему учили въ коллежѣ? и латыни? Да вѣдь это нужно только чтобы служить мессу! Поучились бы лучше писать красиво и ровно!

И онъ давалъ мнѣ указанія, какъ нужно заканчивать готическія буквы и какъ дѣлать закругленія, когда пишешь рондо.

Мы даже оставались послѣ окончанія занятій, чтобы совершенствоваться въ „англійскомъ“ почеркѣ, надъ которымъ я обливался кровавымъ потомъ.

Однажды увидѣлъ меня черезъ окошко одинъ старый пріятель республиканецъ.

— Прежде ты устраивалъ возстанія, а теперь выводишь прописныя буквы!

Ну что же, да! но разъ мои прописныя буквы выведены, я свободенъ, свободенъ до слѣдующаго дня.

Вечеръ принадлежитъ мнѣ—мечта всей моей жизни! А стоитъ встать въ одно время съ рабочими и у меня еще

два часа для работы съ свѣжей головой, прежде чѣмъ отправляться удостовѣрять полъ новорожденныхъ.

Я ихъ распеленываю, но самъ я уже давно вышелъ изъ пеленокъ и смогу это доказать всякому кто усомнится, что я — мужчина.

Похороны Мюрже *) Я отпросился, чтобы принять участіе въ похоронахъ большаго человѣка.

Я хочу посмотрѣть на знаменитостей, которыя явятся толпой; хочу также послушать, что будутъ говорить надъ его могилой.

Распускали нюни, вотъ и все.

Говорили о любовницѣ и о собачкѣ, которыхъ покойникъ очень любилъ. Украшали розами воспоминанія о немъ. Бросали цвѣты въ яму и кропили гробъ святой водой,— онъ вѣрилъ въ Бога или старался показать, что вѣритъ.

Процессію заключалъ взводъ солдатъ съ ружьями, какъ всегда, когда покойникъ имѣетъ ордена.

У него былъ крестъ. Это все равно, что медаль слѣпого, что контромарка изъ попечительства. Кавалерамъ почетнаго легіона не даютъ умирать съ голода. Если ему не везетъ, то онъ долженъ подвязать красной лентой свою славу узломъ, какъ хвостъ у лошади. Задумчивымъ вернулся я домой и вдругъ почувствовалъ что внутри меня все содрагается отъ гнѣва.

Прошло еще дней восемь, пока я понялъ, что это такое однажды утромъ трепетало внутри меня. Я знаю теперь.

Это моя книга, дочь моихъ страданій шевельнулась у меня подъ сердцемъ, когда я стоялъ передъ гробомъ представителя богемы, котораго, послѣ жизни безъ счастія и безотрадной смерти, хоронили съ большой помпой и прославляли на кладбищѣ.

За работу же! И вы увидите, на что я способенъ, когда голодъ не рыщетъ въ моихъ внутренностяхъ, точно рука преступной повитухи, которая своими грязными когтями старается разорвать плодное яйцо!

Я уцѣлѣлъ, и я хочу написать исторію тѣхъ которые погибли, тѣхъ безвѣстныхъ, которые такъ и не нашли себѣ мѣста на жизненномъ пиру.

И если самъ чортъ не будетъ противъ меня, то я этой книжонкою пѣсню возмездія, такъ что никто и не замѣтитъ и никто не заподозритъ, что подъ лохмотьями, которыя я развѣшу, какъ въ Моргѣ, скрыто оружіе противъ тѣхъ, кого не трепали бури жизни, кого не побѣдила нищета.

---

*) Авторъ „Сценъ изъ жизни богемы“. (Прим. переводч.)

Богему представляютъ себѣ мирной и трусливой: я покажу отчаянной и грязной!

III.

Комната у меня мрачная, какъ и подобаетъ комнатѣ въ 30 франковъ, съ „видомъ" на грязный закоулокъ задняго двора, гдѣ надъ кучей мусора торчитъ голубятня. Оттуда, приводя меня въ отчаяніе, доносится непрерывное воркованіе.

Я только и слышу, что эту раздражающую музыку да рыданія сосѣдки въ полутемной каморкѣ; ей все не удается заплатить за квартиру, и она плачетъ.

Это учительница съ сѣдыми волосами, ее больше не хотятъ брать, и она ищетъ уроковъ въ 10 су.

Несчастная! Недавно вечеромъ я видѣлъ, какъ она, за ту же цѣну, предлагала свои старушечьи ласки служителямъ Валь-де-Грасъ, и полуоткрывала кофгу, чтобы дать ущипнуть себя за грудь

Я бы хотѣлъ съѣхать отсюда: мнѣ кажется, что сквозь перегородку проникаетъ запахъ, отравляющій мою мысль!

Однако приходится остаться и даже не отказываться отъ квартиры, иначе я потеряю плату за цѣлыя двѣ недѣли. А я выработалъ себѣ норму для жизни: моя расходная книжка здѣсь подъ рукой, рядомъ съ книгой воспоминаній—бюджетъ мой неизмѣненъ. Нужно только взять въ руки перо и заткнуть уши ватой, чтобы стать глухимъ къ страдальческимъ всхлипываніямъ сосѣдки и нѣжному воркованію голубей.

Одинъ изъ нихъ повадился прилетать на окно каморки за хлѣбомъ, который крошатъ руки этой бѣдняжки.

Въ коллежѣ голубь представлялся намъ птицей наслажденій, онъ гордо сидѣлъ на плечѣ богини или поэта. А здѣсь онъ ходитъ гоголемъ по желѣзнымъ крышамъ, или точитъ свой клювъ о ставни каменныхъ мѣшковъ. *Gemuere palumbae.*

Я поднимаюсь въ шесть часовъ, укутываю ноги остаткомъ пальто, потому что изъ пола дуетъ, и работаю до того момента, когда нужно отправляться въ мэрію. Отъ пяти до восьми я снова принимаюсь за работу, но не позже. Мнѣ становится жутко вечеромъ въ этой конурѣ улицы Сенъ-Жакъ, совсѣмъ около перекрестка, гдѣ прежде работала гильотина, почти противъ военнаго госпиталя и рядомъ съ больницей для глухо-нѣмыхъ. Нельзя сказать, чтобы такое сосѣдство особенно располагало къ веселію.—„За то, взобравшись на подъоконникъ, ты можешь видѣть Пантеонъ, гдѣ когда-нибудь упокоишься, если станешь великимъ человѣкомъ"—замѣтилъ насмѣшливо Арну, пришедшій меня навѣстить.

Я не вѣрю въ Пантеонъ, я не мечтаю о званіи великаго человѣка, я не претендую на безсмертіе послѣ смерти—я хотѣлъ бы только взять отъ жизни все, что можно!

Мнѣ начинаетъ это удаваться, хотя дорога еще очень грязна и печальна.

Сосѣдка стала посмѣлѣй. Она теперь сама напивается и приводитъ мужчинъ, которые пьютъ съ ней.

Разъ одинъ изъ этихъ кармашниковъ поднялъ скандалъ и хотѣлъ ее побить; она стала звать на помощь. Мнѣ пришлось удержать этого пьяницу за руку: онъ схватилъ ножъ съ тарелки съ сыромъ и хотѣлъ ударить женщину въ животъ. Я вытолкалъ его за дверь корридора и заперъ ее за нимъ. Онъ ломился больше четверти часа и кричалъ: „Ну-ка, высунь носъ, проклятый бѣлоручка“.

Послѣ этого учительницу выселили, „хотя она всетаки хорошо платила послѣднія двѣ недѣли“, сказала хозяйка съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Теперь одни сизокрылые занимаются любовью, и оставляютъ слѣды предъ моимъ окномъ, не находя больше крошекъ на другомъ.

Моя работа, однако, не особенно подвигается. Этому помогаетъ и то, что у меня въ комнатѣ морозъ, и нужно потратить много времени, чтобы разжечь кучу каменнаго угля. Стуча зубами, я жгу спичку за спичкой, и если у меня хватаетъ рѣшимости сѣсть за столъ безъ огня въ каминѣ, то, мало-по-малу, дрожь охватываетъ меня и всѣ мысли улетучиваются.

Я долго раздумывалъ. Я отправился въ библіотеку св. Женевьевы поискать въ книгахъ указаній на способы растопки, которые могли бы меня спасти отъ долгихъ стояній въ одной рубашкѣ передъ каминомъ полнымъ дыма, а не огня, ощущая всю свѣжесть утра на своихъ голыхъ ногахъ.

Но здѣсь я сѣлъ на мель, а между тѣмъ вѣтеръ дуетъ съ сѣвера. Вотъ уже больше недѣли, какъ я могу лишь дѣлать замѣтки карандашемъ, едва-едва высовывая свои пальцы изъ-подъ одѣяла.

Я было попробовалъ работать въ библіотекѣ. Но если я замерзалъ у себя, то тамъ я изнывалъ отъ жары. Въ этой тяжелой и сырой атмосферѣ мои идеи размягчаются, какъ кусокъ сырого мяса въ суповой кастрюлькѣ. Я начинаю дремать, склонившись надъ чистымъ листомъ бумаги; сторожъ грубо будитъ меня.

Неужели мнѣ не удастся окончить мою книгу раньше весны?

Ну, нѣтъ! Я предпочту оказаться несостоятельнымъ должникомъ! Я выхожу изъ магазина Дюламонъ и К°, куда я

явился съ поручительствомъ одного стараго товарища моего отца, обучающаго дѣтей латыни.

Я приторговалъ себѣ халатъ изъ монастырскаго драпа, длинный, съ капюшономъ и шнурками. Мнѣ его пришлютъ черезъ недѣлю, и я внесу только половину выговоренной цѣны, а другую половину нужно будетъ уплатить въ концѣ слѣдующаго мѣсяца. Всего шестьдесятъ франковъ.

Я слоняюсь до дня полученія халата.

Вотъ онъ!

— Получите ваши тридцать франковъ!

Коммиссіонеръ кладетъ ихъ въ карманъ и уходитъ, а я немедленно облачаюсь въ свою шерстяную рясу.

Ахъ! буржуа, которые его примѣряли и носили, купецъ продававшій его,—вы и не представляете себѣ, что вы только-что сдѣлали! Вы снабдили сторожевой будкой часового арміи, той арміи, которая заставитъ васъ пережить трудные дни!

Если бы не эта хламида, я, можетъ быть, отступилъ бы предъ черной пастью холоднаго камина, бѣжалъ бы изъ своей обледенѣлой конуры, опустилъ бы въ отчаяніи руки и не написалъ бы своей книги!

Срокъ платежа приближается! Сегодня 22-ое, а платить 30-го!

Я воспользовался тѣмъ, что было воскресенье и не надо идти въ бюро, чтобы закончить свою работу и переписать ее.

Скорѣй нужно еще перечитать!.. Ножницы, булавокъ! Вычеркнуть здѣсь, прибавить тамъ!

Я не жалѣлъ чернилъ, и чиркалъ во всѣхъ направленіяхъ. При взглядѣ на нѣкоторыя страницы, на умъ невольно приходили черныя повязки черезъ глазъ или синіе рубцы на молодомъ здоровомъ тѣлѣ! Я обрѣзался ножницами, искололся булавками. Капельки крови попадали на страницы—можно было подумать, что это воспоминанія какого-нибудь убійцы тряпичника!

А купецъ не станетъ ждать! Онъ явится разыскивать меня въ мэрію, предъявитъ мой счетъ, подниметъ крикъ и я получу отставку. Вѣдь я теперь чиновникъ, я долженъ сумѣть заставить относиться съ уваженіемъ къ своей подписи, иначе я компрометтирую правительство. Оно не затѣмъ платитъ мнѣ 1500 франковъ въ годъ, чтобы я жилъ, какъ какой-нибудь представитель богемы.

Три часа. Звонятъ къ вечернѣ. Въ домѣ тишина—только раздается кашель одного чахоточнаго, который кончаетъ выплевывать свое послѣднее легкое.

О! какой ужасъ—быть неизвѣстнымъ, бѣднымъ и одинокимъ!

Четверть, половина!

Я закрылъ глаза рукой, чтобы не заплакать. Но теперь не время задумываться. А мой долгъ!

Теперь все дѣло въ томъ, чтобы попасть къ главному редактору „Figaro“, пробраться къ нему на квартиру. На недѣлѣ его не поймаешь въ редакціи или у входа въ бюро; да, кромѣ того, въ этихъ мѣстахъ не больно-то выслушиваютъ неизвѣстныхъ.

Приметъ ли онъ меня? Вѣдь сегодня день его отдыха? Говорятъ, что онъ нѣжный отецъ. Конечно, онъ хочетъ спокойно возиться съ своими ребятами и не пожелаетъ, чтобы къ нему приставали въ его свободные часы.

А, тѣмъ хуже!

Какъ дрожатъ мои ноги пока, я поднимаюсь на лѣстницу.

Звоню.

— Г-нъ де Вильмессанъ?

— Его нѣтъ. Баринъ уѣхалъ недѣлю тому назадъ въ деревню, и вернется не раньше какъ дней черезъ пятнадцать.

Нѣтъ дома... Но тогда я пропалъ!

Горничная, должно быть, прочла все отчаяніе на моемъ лицѣ.

Да потомъ она видѣла кончикъ моей скрученой и смятой, рукописи, которая какъ будто корчилась отъ страданій въ глубинѣ моего кармана.

Она не запираетъ двери и, наконецъ, рѣшается сказать, что вмѣсто Вильмессана—дома его зять, и что, если я пожелаю сообщить ей свое имя, то она доложитъ обо мнѣ и даже передастъ то, что я принесъ.

Говоря это, она указываетъ глазами на мое произведеніе, которое благодаря булавкамъ, скалывающимъ его, очень похоже на ежа. Я вытаскиваю свертокъ и подаю ей серединой, чтобы она не укололась. Горничная сочувственно улыбается и уходитъ, держа его въ вытянутой рукѣ.

Я остаюсь одинъ по крайней мѣрѣ съ четверть часа. Наконецъ, открывается дверь:

— Да ваша рукопись, голубчикъ, кусается!—говоритъ толстый, лысый человѣкъ, потряхивая своими пальцами, смахивающими на сосиски.

Я бормочу извиненія.

— Не бѣда! Я видѣлъ заглавіе, прочиталъ строкъ десять, публику это тоже будетъ кусать! Мы, молодой человѣкъ, напечатаемъ! Однако, придется подождать немного, это чертовски длинно!

Ждать? Ну нѣтъ! Я ему объясняю, что не могу ждать.

— У меня есть карточный долгъ, завтра я долженъ платить, вотъ почему я и рѣшился придти прямо сюда...

— Ну, ну! Такъ вы таки загибаете углы? Вы что же рискуете и въ темную?—Я не знаю что значитъ „рисковать въ темную“, но нужно же что-нибудь отвѣчать и я говорю глухимъ голосомъ:

— Да, милостивый государь, я рискую и въ темную.

— Чортъ! Однако, у васъ и желудокъ!

Да, и даже очень большой! Я часто замѣчалъ его существованіе, особенно въ тѣ дни, когда приходилось голодать.

— Вотъ вамъ нѣсколько словъ къ кассиру. Предъявите завтра, вамъ выдадутъ сто франковъ. Это очень высокая плата, но въ вашей статьѣ чувствуются оскаленные зубы! Всего хорошаго!..

Оскаленные зубы? Очень можетъ быть!

Я не старался, чтобы, какъ это рекомендуется въ Сорбонѣ, мое произведеніе походило на Паскаля или Мармонтеля, Ювенала или Поля Луи-Курье, на Сенъ-Симона или Сенъ-Бёва. Я не питалъ уваженія къ тропамъ, и не испытывалъ страха передъ неологизмами. Я совсѣмъ не соблюдалъ несторіанскаго порядка при накопленіи доказательствъ.

Я взялъ куски своей жизни и сшилъ ихъ съ кусками жизней другихъ людей. Я смѣялся, когда была охота, и скрежеталъ зубами, когда воспоминанія униженій скоблили мясо съ моихъ костей, какъ скоблятъ ножомъ говядину съ косточки отбивной котлеты, и тихо сочится кровь.

Я только что спасъ честь цѣлой кучи молодыхъ людей, которые читали Scènes de Bohème покойнаго Мюрже и которые вѣрили въ это розовое и беззаботное существованіе. Бѣдные слѣпцы, которымъ я кинулъ правду въ лицо!

Если они все же захотятъ испытать эту жизнь, то, значитъ, они только и пригодны на то, чтобы сидѣть въ Мазасѣ да увеличивать число паціентовъ у докторовъ по венерическимъ болѣзнямъ. Къ тридцати годамъ они кончатъ сумасшествіемъ или самоубійствомъ, либо очутятся въ тюрьмѣ или больницѣ. Они умрутъ раньше чѣмъ слѣдуетъ или своевременно покроютъ себя позоромъ.

Не мнѣ ихъ жалѣть! Я сорвалъ съ своихъ ранъ повязки, чтобы показать имъ, какія опустошенія производятъ въ человѣческомъ сердцѣ десять лѣтъ потерянной молодости.

IV.

Нынче мода на публичныя чтенія: Боваллэ будетъ читать „Эрнани“ *) въ Казино-Кадэ.

Торжественное собраніе! Great attraction! Это протестъ противъ Имперіи въ честь пѣвца «Каръ».

Однако нуженъ, какъ и въ циркѣ, еще одинъ артистъ — рангомъ пониже, клоунъ или обезьяна, изъ тѣхъ, которыхъ выпускаютъ на арену послѣ главнаго номера, пока публика разбираетъ шляпы и запасается извозчиками.

Мнѣ предложили занять мѣсто обезьяны — я согласился.

Въ какой обручъ я буду прыгать? Я выбираю и предлагаю тему: Бальзакъ и его произведенія.

Въ мой мозгъ впились исторіи Растиньяка, Сешара и Рюбанпрэ. «Comédie humaine» нерѣдко является драмой тяжелой жизни: хлѣбъ или одежда, вырванные въ кредитъ или въ разсрочку, голодныя лихорадки и шелестъ скорбнаго листа. Не можетъ быть, чтобы я не нашелъ смѣлой фразы и яркой мысли говоря объ этихъ герояхъ — моихъ братьяхъ по честолюбію и страданіямъ.

Насталъ день представленія — имена знаменитости и обезьяны стоятъ въ программѣ рядомъ.

Публика будетъ. Придутъ старые бородачи 48 года, чтобы протестовать противъ Бонапарта, всякій разъ, когда въ какомъ-нибудь полустишіи почудится республиканскій намекъ. Явится и вся молодая оппозиція: журналисты, адвокаты, синіе чулки, которые удушили бы императора своей подвязкой, если бы онъ попался въ ихъ розовые коготки, и которые явятся на поле битвы въ своихъ праздничныхъ шляпкахъ.

Уже издали я вижу, какъ передъ дверью Грандъ-Оріанъ толпится публика вокругъ человѣка, который наклеиваетъ на афишу свѣжую полосу бумаги.

— Что случилось?

Чтеніе драмы Гюго запрещено и организаторы доводятъ до свѣдѣнія публики, что „Эрнани“ будетъ замѣненъ „Сидомъ“.

---

*) Драма Гюго, которая пользовалась громадной извѣстностью. Самъ Гюго жилъ въ это время въ Англіи, съ трудомъ спасшись послѣ переворота 2-го декабря. Онъ не воспользовался императорской амнистіей. „Я вернусь со свободой!“—писалъ онъ тогда. Изъ-за рубежа онъ громилъ узурпатора громовыми памфлетами, къ числу которыхъ относятся и „Châtiments“ („Кары“). *Прим. пер.*

Многіе уходятъ презрительно прочтя вслухъ мое немногосложное имя... Оно имъ ничего не говоритъ.

— Жакъ Вэнтра?

— Не знаю такого.

Меня никто не знаетъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, причастныхъ къ прессѣ, завсегдатаевъ нашего кафе. Они пришли нарочно и остаются посмотрѣть какъ я выпутаюсь, съ надеждой на то, что я съ трескомъ провалюсь или устрою скандалъ.

Пока тамъ раздаются александрійскіе стихи „Сида", я отправляюсь ждать въ сосѣднюю пивную.

— Твоя очередь! Сейчасъ тебѣ!

Я успѣваю только подняться на лѣстницу.

— Вамъ! Вамъ!

Пересѣкаю залъ. Вотъ я и на эстрадѣ.

Я не тороплюсь; кладу на стулъ шляпу, кидаю пальто на рояль сзади себя, медленно снимаю перчатки и съ важностью гадальщика, читающаго будущее по кофейной гущѣ, мѣшаю ложечкой въ стаканѣ сахарную воду. И начинаю также спокойно, какъ если бы я разглагольствовалъ въ молочной.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!

. . . .

Я замѣтилъ въ аудиторіи нѣсколько дружественныхъ лицъ. Я смотрю на нихъ, я обращаюсь къ нимъ, и слова льются сами собой; мой громкій голосъ доноситъ ихъ до глубины залы.

Послѣ 2 декабря я первый разъ говорю публично. Въ то утро я взбирался на скамьи и тумбы, говорилъ толпѣ и кричалъ: „Къ оружію"! Я обращался къ массѣ неизвѣстныхъ мнѣ людей, которые проходили, не останавливаясь.

Сегодня, одѣтый въ черную пару, я предъ толпой выскочекъ въ праздничныхъ костюмахъ, убѣжденныхъ, что они совершили актъ величайшей смѣлости, явившись сюда, послушать стихи.

Поймутъ ли они меня и станутъ ли слушать?

Въ этомъ пуританскомъ мірѣ ненавидятъ Наполеона, но не любятъ и тѣхъ несчастныхъ, отъ словъ которыхъ пахнетъ больше порохомъ іюньскихъ дней, чѣмъ дымомъ втораго декабря.

Эти сѣдоусыя весталки республиканскихъ традицій являются такими же строгими Бридуассонами *) классиче-

*) Бридуассонъ — судья изъ комедіи Бомарше „Свадьба Фигаро", — наивный, невѣжда и формалистъ, для котораго форма выше всего и прежде всего. *Прим. пер.*

скаго образца, какъ и Робеспьеръ и всѣ поклонники великаго Максимиліана.

А педанты въ галстукахъ, застегнутые на всѣ пуговицы! Они тоже здѣсь. Они читали меня раньше и совершенно сбиты съ толку моими безпорядочными нападками.

Оставляя почти въ сторонѣ бюстъ Бадэнгэ *), я мечу громы и молніи противъ всего подлаго современнаго строя. Онъ держится лишь солдатскими пулями, которыя въ изобиліи сыплются на борозды, гдѣ бѣдняки корчатся отъ страданій и умираютъ отъ голода.

Жабы, которымъ плугъ обрѣзалъ лапы! Они даже не могутъ разорвать мракъ своей жизни отчаяннымъ крикомъ одиночества!

Но теперь презрѣніе, а не отчаяніе ширитъ мое сердце и зажигаетъ фразы, краснорѣчивыя по моему. Онѣ сверкаютъ среди всеобщаго молчанія и мѣтко попадаютъ въ цѣль.

Но онѣ не брызжатъ ненавистью.

Я совсѣмъ не бью тревогу, я зову къ атакѣ! Я дерзокъ и насмѣшливъ, какъ барабанщикъ, ускользнувшій отъ ужасовъ осады, и вдругъ очутившійся подъ чистымъ небомъ, средь яркаго свѣта. Онъ смѣется въ лицо непріятелю, ему наплевать даже на приказанія офицера, на карцеръ и дисциплину. Онъ бросаетъ въ ровъ казенную фуражку, срываетъ погоны и, съ энтузіазмомъ балаклавскихъ музыкантовъ **), бьетъ зорю ироніи.

Ей Богу! Пока я здѣсь, я готовъ имъ высказать все, что меня душитъ!

Я забываю мертваго Бальзака и говорю о живыхъ. Я забываю даже нападать на Имперію и предъ этими буржуа развертываю не только красное, но и черное знамя.

Я чувствую, что мысль моя вздымается, легкія расширяются, я дышу, наконецъ, полной грудью. Говоря, я трепещу отъ гордости, я испытываю почти чувственное наслажденіе. Мнѣ кажется, что мой жизнь никогда, до сегодняшняго дня, не былъ такимъ свободнымъ, и, что я, съ высоты моей искренности, царю надъ всѣми этими людьми, которые тянутся ко мнѣ и, пристально, съ полуоткрытыми ртами смотрятъ на меня остановившимися глазами.

Я ихъ держу въ рукахъ и говорю дерзости когда приходитъ вдохновеніе.

Почему они не негодуютъ?

Да потому, что я сохранилъ все свое хладнокровіе и за-

*) *Бадэнгэ*—презрительная кличка Наполеона III. *Прим. пер.*

**) Намекъ на эпизодъ въ войнѣ 1854—1855 гг.

пасся, чтобы расшевелить ихъ мозги, оружіемъ на манеръ кинжала греческихъ трагедій. Я замазалъ имъ уши латынью, я говорилъ съ ними языкомъ великаго вѣка, и эти идіоты позволили мнѣ глумиться надъ своей религіей, надъ своими принципами, все потому, что я дѣлалъ это тѣмъ слогомъ, предъ которымъ преклоняется ихъ риторика и который превозносятъ ихъ адвокаты и учителя человѣчества.

Между двумя періодами à la Вильменъ, я позволяю себѣ вставлять рѣзкое и жестокое слово протеста, и не даю имъ времени поднять крикъ.

А кромѣ того, я терроризирую!

Только что, жестокой фразой, какъ ржавымъ ножемъ, я вскрылъ одинъ изъ ихъ предразсудковъ. Цѣлая семья была поражена и даже вскрикнула; я видѣлъ какъ отецъ сталъ искать свое пальто, а дочь поправляла шаль.

Тогда я обратилъ въ ту сторону свой суровый взоръ и грознымъ взглядомъ пригвоздилъ ихъ къ скамьѣ. Они сѣли снова съ испуганнымъ видомъ, а я—я чуть не фыркнулъ отъ смѣха.

Однако, пора кончать.

Скорѣй мое заключеніе, — оно жжетъ огнемъ! Стрѣлка прошла свой путь... Мой часъ пробилъ, и я вступаю въ жизнь.

Обо мнѣ говорили дня два въ редакціяхъ нѣсколькихъ газетъ, да въ кафе на бульварахъ. И этого вполнѣ достаточно, если я дѣйствительно не тряпка и въ головѣ у меня не навозъ.

Что же, день былъ хорошъ!

Этотъ случай могъ бы мнѣ не представиться совсѣмъ. Онъ навѣрно ускользнулъ бы отъ меня, если бы я остался на той сторонѣ рѣки, въ Латинскомъ кварталѣ, даже если бы я не заглядывалъ часто въ кафе куда ходило нѣсколько честолюбивыхъ писакъ.

Все это случилось потому, что я обѣдалъ за этимъ табльдотомъ, бывалъ иногда навеселѣ, и говорилъ тогда смѣло и увлекательно, потому что я освободился отъ тяжелаго и одуряющаго труда и могъ проводить время съ этими бездѣльниками, потому что мнѣ, наконецъ, удалось выбиться изъ тѣни и прорвать молчаніе.

Приходилось, изрѣдка поставить ребромъ луидоръ!.. онъ бывалъ у меня въ дни получки жалованія.

Какъ я благословляю тебя, маленькое мѣстечко въ 1500 франковъ! Ты позволяло мнѣ тратить по десять франковъ въ первые дни мѣсяца и по три франка въ остальные. Ты придало мнѣ видъ большой порядочности, что въ свою очередь доставило мнѣ уроки по сто су въ часъ, тогда какъ раньше я такъ долго получалъ по пятидесяти сантимовъ за точно такіе же!

Эта ничтожная должность спасла меня: благодаря ей я завтракаю сегодня утромъ.

Вѣдь моя лекція не принесла мнѣ ни гроша. Правда, директоръ щедро заплатилъ натурой: вчера вечеромъ мы великолѣпно пообѣдали.

А сегодня карманъ мой пустъ: я не былъ бы беднѣе если бы меня освистали. Мои перчатки, ботинки, парадная рубашка въѣхали мнѣ въ копейку.

Какъ бы это поужинать сегодня?

Часамъ къ девяти кишки мои вопили о ѣдѣ самымъ отчаяннымъ образомъ. Я отправился въ „Европейское кафе“ гдѣ у моихъ пріятелей кредитъ и выпилъ какой-то „баварской“ гадости только потому, что къ ней полагается хлѣбъ.

На другой день я отправился по обыкновенію въ канцелярію. Чиновники, увидя, что я пришелъ высыпали изъ своихъ бюро.

— Въ чемъ дѣло?

— Г-нъ Вэнтра! Васъ требуетъ мэръ.

Дѣйствительно, черезъ полуоткрытую дверь зала для вѣнчаній, я увидѣлъ изъ корридора мэра, который меня ждалъ.

Онъ меня пригласилъ въ свой кабинетъ.

— Вы, милостивый государь, конечно догадываетесь за чѣмъ я васъ позвалъ?

— ?..

Нѣтъ?.. Ну, такъ вотъ. Въ воскресенье вы произнесли въ Казино рѣчь, которая является оскорбленіемъ правительства. Такъ, по крайней мѣрѣ, выразился инспекторъ академіи въ своемъ рапортѣ, который онъ подалъ префекту. Лично я долженъ выразить вамъ свое удивленіе, что вы компрометтируете учрежденіе, во главѣ котораго стою я, и то положеніе, которое, какъ вы сами мнѣ сказали, хотя и незначительно само по себѣ, является для васъ дѣйствительнымъ и единственнымъ средствомъ существованія. Оффиціально я долженъ вамъ сообщить, что впредь вамъ будетъ запрещено выступать публично, и попросить васъ подать въ отставку.

Не выступать публично, съ этимъ я еще мирюсь. Какъ никакъ ударъ нанесенъ, и мнѣ еще предстоятъ всѣ прелести надзора.

Но подать въ отставку!

Потерять мое маленькое мѣстечко! при этой мысли у меня по кожѣ пробѣжалъ морозъ. Всѣ газетныя статьи, которыя сулятъ мнѣ славное будущее—не стоятъ тарелки супа. А я теперь привыкъ къ супу, и мнѣ будетъ очень трудно сидѣть, не ѣвши болѣе одного дня.

А всетаки нужно было уходить. Я былъ блѣденъ, пожи-

мая на прощаніе руку этому честному человѣку, и оставляя съ грустью старую скворечницу.

V.

Что дѣлать?

Я снова брошенъ въ море политики. Но теперь мнѣ нечего бояться, что мой отецъ останется безъ мѣста. Я уже не въ цѣпяхъ семьи. Я самъ себѣ хозяинъ. Нужно только убѣдиться, есть ли у меня смѣлость и талантъ!

Бѣдный мальчикъ! Вѣрь въ это и пей воду, эту отвратительную воду, которую ты такъ долго лакалъ изъ разбитыхъ кружекъ меблированныхъ комнатъ, какъ бродячая собака изъ лужи.

Не смотря на вчерашній тріумфъ, она снова станетъ твоимъ напиткомъ если ты захочешь остаться свободнымъ человѣкомъ.

Ты думалъ, что уже вылѣзъ изъ болота...

Какъ бы не такъ! Вытащилъ одну голову изъ тины, а тѣло еще завязло.

Ну, что же, жалуйся! Ты былъ въ агоніи, и твоихъ страданій никто не видѣлъ, теперь посмотрятъ, какъ ты умѣешь охать!

Жирарденъ *) поручилъ Верморелю **) передать мнѣ, что хочетъ меня видѣть.

— Пусть придетъ въ воскресеніе.

Я пошелъ.

Онъ заставилъ меня прождать два часа и совсѣмъ забылъ бы меня въ пустой библіотекѣ, гдѣ уже становилось темно, если бы я не открылъ самъ дверь и, взобравшись по лѣстницѣ, не потребовалъ чтобы меня впустили Я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ онъ осыпалъ упреками трехъ или четырехъ господъ. Опустивъ головы, они оправдывались, какъ школьники, которые боятся учителя.

Едва извинившись, онъ продолжалъ кричать, какъ на лакеевъ, на этихъ людей, а у одного или двухъ изъ нихъ уже были сѣдые волосы. Меня онъ выпроводилъ короткой фразой.

— Я принимаю по утрамъ, въ семь часовъ; если хотите,—завтра.

---

*) Извѣстный французскій публицистъ. Редакторъ-издатель большой политической газеты „La Presse“. *Прим. пер.*

**) Тоже извѣстный публицистъ и журналистъ. Впослѣдствіи редакторъ „Réforme“, подвергался не разъ судебнымъ преслѣдованіямъ за нападки на Наполеона III. Умеръ въ 1871 г. отъ ранъ на баррикадахъ. *Прим. пер.*

Онъ поклонился; вотъ и все.

Я не ожидалъ такого сухого пріема. А главное, я никогда не могъ предположить, что мнѣ придется быть свидѣтелемъ такого грубаго обращенія съ членами редакціи, точно съ прислугой.

6 часовъ утра. Нужно три четверти часа, чтобы добраться до рѣшетки его отеля. Я перебѣгаю дворъ, поднимаюсь на крыльцо, толкаю большую стеклянную дверь и останавливаюсь въ неменьшемъ затрудненіи, какъ если бы я очутился [illegible] зѣваютъ, открываютъ окна, вытряхиваютъ ковры. Я иду прямо сказать Жану, каммердинеру, чтобы онъ доложилъ обо мнѣ барину.

Вотъ, наконецъ, онъ предо мной.

Что за тусклая физіономія! Точно маска несчастнаго пьерро!

Безкровное лицо [illegible] въ лѣтахъ или состарившагося младенца! Блѣдность придаетъ ему видъ старой эмали, а глаза, какъ чужіе, блестятъ холоднымъ блескомъ оконныхъ стеколъ.

Можно подумать, что это—голова скелета, которому шалунъ ученикъ вставилъ въ глазныя впадины по блестящему шарику,—благо, профессора нѣтъ въ мастерской - и, спрятавъ его подъ этимъ халатомъ, такъ похожимъ на сутану, заставилъ согнуться надъ [illegible], заваленнымъ различными вырѣзками и ножницами съ открытой пастью.

Никто бы не повѣрилъ, что въ халатѣ—человѣкъ!

А между тѣмъ этотъ шерстяной мѣшокъ заключаетъ въ себѣ одного изъ лучшихъ эквилибристовъ вѣка. Весь—нервы и кости, онъ въ продолженіе тридцати лѣтъ *) всюду совалъ свой носъ и на все накладывалъ свою лапу. Но, какъ кошка, онъ неподвиженъ, пока не учуетъ около себя добычи, которую можно поймать или хотя бы поцарапать.

Такъ вотъ онъ, этотъ пробудитель идей, которыя онъ выбрысывалъ по одной, въ тѣ дни, когда по вечерамъ кипѣло возстаніе.

Это онъ схватилъ Кавеньяка за генеральскіе погоны и сбросилъ его съ лошади, которая топтала іюньскія баррикады. Онъ умертвилъ эту славу, какъ уже убилъ одного республиканца **) на знаменитой дуэли.

---

*) Въ 1848 году Кавеньяку были даны чрезвычайныя полномочія для подавленія революціи. По его распоряженію Жирарденъ былъ арестованъ, а „La Presse“ пріостановлена. Выпущенный черезъ 11 дней, Жирарденъ отомстилъ Кавеньяку брошюрой „Journal d'un journaliste au secret“ и поднялъ ожесточенную борьбу противъ его кандидатуры на постъ президента республики, принявъ сторону Луи-Наполеона. *Пр. пер.*

**) Арманъ Карелля, редактора и издателя „National“, который сыгралъ

Подъ его кожей и на рукахъ уже не видно больше крови, ни его собственной, ни чужой!

Нѣтъ, это не мертвая голова! Это ледяной шаръ, на которомъ ножъ намѣтилъ и выскоблилъ подобіе человѣческаго лица. Своимъ злобнымъ остріемъ онъ начерталъ на немъ эгоизмъ и отвращеніе, которые оставили пятна и набросили тѣни. какъ оттепель на бѣломъ инеѣ.

Все, что вызываетъ въ умѣ представленіе о блѣдности и о холодѣ, годится для того, чтобы передать выраженіе его лица.

Его сплинъ проникъ въ мою душу, его ледъ — въ мою кровь!

Я вышелъ, дрожа отъ холода. На улицѣ мнѣ показалось, что мои вены поблѣднѣли подъ смуглой кожей, губы опустились и къ небу обращены безцвѣтные глаза.

Впрочемъ, въ моемъ лицѣ къ нему явился бѣдный простакъ. Онъ это тотчасъ угадалъ, я это видѣлъ, и почувствовалъ, что онъ уже презираетъ меня.

Я шелъ къ нему спросить его мнѣнія, совѣта, и даже попросить удѣлить мнѣ уголокъ на страницахъ его газеты, гдѣ я могъ бы излагать свои мысли и продолжать, съ перомъ въ рукахъ, мою боевую лекцію.

Что же онъ сказалъ?

Онъ покончилъ со мной языкомъ телеграммы, двумя холодными словами.

— Безпорядочно! Нестройно!

На всѣ мои вопросы, которые иногда должны были прижать его къ стѣнѣ, онъ отвѣчалъ только этимъ монотоннымъ бормотаніемъ. Больше мнѣ ничего не удалось вырвать изъ его плохо склеенныхъ губъ.

— Безпорядочно! Нестройно!

Встрѣтивъ вечеромъ Вермореля, я разсказалъ ему, задыхаясь отъ бѣшенства, о своемъ визитѣ.

Онъ видѣлся уже съ Жирарденомъ и рѣзко перебилъ меня:

„Голубчикъ, онъ беретъ къ себѣ только такихъ людей, изъ которыхъ онъ можетъ сдѣлать лакеевъ или министровъ, и которые будутъ свѣтить его отраженнымъ свѣтомъ... только такихъ! Онъ мнѣ говорилъ о вашемъ свиданіи. Вы знаете, что онъ сказалъ о васъ? Вашъ Вэнтра? Парень, которому нельзя отказать въ талантѣ! Онъ бѣшеный и непремѣнно захочетъ играть на своемъ рожкѣ, во имя своихъ

большую роль при борьбѣ съ Карломъ X. Дуэль была 22 іюля 1833 г.; она вызвана была нападками Карреля на спекулятивный характеръ журнальной дѣятельности Жирардена. *Пр. пер.*

идей и славы, таратати, таратата! Неужели онъ думаетъ, что я его посажу рядомъ съ моими свистунами на кларнетахъ, чтобы ихъ больше не было слышно»?

— Онъ это сказалъ?

— Слово въ слово.

Послѣ этого я отправился спать и всю ночь продумалъ объ этомъ разговорѣ, который заставлялъ меня трепетать отъ гордости... и дрожать отъ страха.

Я не уснулъ. Когда утромъ я вскочилъ съ постели, у меня уже созрѣло рѣшеніе. Я одѣваюсь, натягиваю перчатки и отправляюсь въ отель Жирардена.

Онъ снялъ маску передъ Верморелемъ, я хочу, чтобы онъ былъ безъ маски и передо мной; а не то—я сорву ее!

— Да, милостивый государь, вы являетесь жертвой вашей собственной личности, и вы осуждены жить внѣ нашихъ газетъ. Политическая пресса васъ не можетъ терпѣть; какъ я, такъ и другіе, слышите! Намъ нужны люди дисциплинированные, годные для тактики и для маневровъ, а вы... вы никогда не сможете приневолить себя къ этому, никогда!

— Но мои убѣжденія?

— Ваши убѣжденія? Они должны считаться съ ходячей риторикой. Вамъ нужно держать носъ по вѣтру и пользоваться тѣмъ способомъ защиты, который носится въ воздухѣ. Да нѣтъ, у васъ свой собственный языкъ; вамъ не вырвать его если бы вы даже и попытались! Ничего нельзя сдѣлать, ничего!

— Ну, хорошо,—сказалъ я въ отчаяніи,—я больше не предлагаю вамъ быть полемистомъ съ красной кокардой, я прошу васъ сдѣлать меня только литературнымъ сотрудникомъ, позволить продать вамъ свой талантъ... Разъ вы находите, что онъ у меня есть!

Онъ взялся рукой за свой голый подбородокъ и покачалъ головой.

— Это, голубчикъ, совершенно все равно. Когда вы будете пережевывать тему о лѣсныхъ цвѣточкахъ или о маленькихъ сестрахъ бѣдняковъ, изъ вашей нѣжной флейты будутъ вырываться мѣдные звуки. Даже противъ вашей воли. А вы знаете, что Имперію меньше пугаютъ смѣлыя слова, чѣмъ мужественный тонъ. За вашу статью о прелестяхъ Роменвиля меня точно такъ же устранятъ, какъ и за статью кого-нибудь другого о томъ, какъ правитъ Руэръ *).

*) Министръ торговли, земледѣлія и общественныхъ работъ съ 1855—1863, съ 1863 президентъ государственнаго совѣта, а затѣмъ—государственный министръ. *Пр. пер.*

— Значитъ, я осужденъ на неизвѣстность и нищету!

— Пишите книги! И то, я еще не увѣренъ въ томъ, что ихъ будутъ печатать и не будутъ преслѣдовать. А то лучше постарайтесь составить себѣ состояніе, право,—на биржѣ или въ банкѣ... Или устройте революцію! Выборъ зависитъ отъ васъ!

— Да, я выберу!

VI.

— Да вы глупы, какъ свинья! Ахъ, дѣти мои! Ну, и дурень этотъ Вэнтра! Не угодно-ли, онъ уже распустилъ нюни, потому что не можетъ писать статей о соціализмѣ для корыта Жирардена. Такъ вы говорите, что онъ не хочетъ даже вашихъ лѣсныхъ цвѣточковъ? Ну, хорошо, ихъ возьму я; сто франковъ за пучекъ, каждую субботу.

Это предложеніе мнѣ сдѣлалъ Виллымессанъ, встрѣтивъ меня на углу бульвара и распросивъ, что со мной, при чемъ предварительно толкнулъ меня животомъ и заявилъ, что я глупъ, какъ свинья.

— Ахъ, дѣти мои! Ну, и дурень этотъ Вэнтра!

Часъ спустя я случайно встрѣтилъ его на улицѣ, онъ еще кричалъ:

— Ну, и дурень! Ахъ, дѣти мои!

Ну, что же, да! Я хотѣлъ посвятить политикѣ мою зарождающуюся извѣстность, броситься въ гущу битвы...

Жирарденъ излѣчилъ меня отъ этой мечты.

Однако, я не со всѣмъ принялъ на вѣру его мнѣнія и его совѣты. Я взбирался и на другія лѣстницы, и мнѣ пришлось съ нихъ тоже спуститься ни съ чѣмъ. Для моихъ дерзостей нигдѣ не находилось мѣста.

Между строчками моихъ хроникъ въ „Фигаро“, я стараюсь показывать кончикъ моего знамени; въ свои субботніе букеты я помѣщаю всегда кровавую герань и красную иммортель, но розы и гвоздики скрываютъ ихъ.

Я разсказываю исторіи о деревняхъ и хижинахъ, воспоминанія о родныхъ мѣстахъ и о ярмарочныхъ увеселеніяхъ; но говоря о босякахъ, я заливаю ихъ лохмотья солнечнымъ свѣтомъ, и золотомъ блеститъ у нихъ солома въ волосахъ и песокъ на платьѣ.

КНИГА.

Теперь я считаю страницы, и мнѣ кажется, что я закончилъ свое произведеніе! Ребенокъ родился... тотъ ребенокъ, первый трепетъ котораго я почувствовалъ въ день похоронъ Мюрже.

Вотъ онъ передо мной. Онъ смѣется, плачетъ и барахтается среди ироніи и слезъ,—я надѣюсь, что онъ сумѣетъ пробить себѣ дорогу.

Но какъ?

Люди свѣдующіе говорятъ въ одинъ голосъ, что толстыя книги годны лишь для топки печей, и что издатели не желаютъ ихъ больше.

Я всетаки взялъ своего младенца подъ мышку и мы отправились съ нимъ толкнуться въ двѣ или три двери. Повсюду намъ очень вѣжливо предложили убраться.

Однако, въ концѣ концовъ, одинъ начинающій издатель, гдѣ-то тамъ, у чорта на куличкахъ, рискнулъ пробѣжать первые листы.

— По рукамъ! Черезъ двѣ недѣли вы получите корректурные оттиски, а черезъ два мѣсяца она будетъ готова къ печати.

Ноздри мои расширяются, меня пучитъ отъ счастія.

„Готова къ печати“!

Это все равно что „пли“ на баррикадѣ, это ружье просунутое въ полуоткрытыя ставни.

Книга скоро появится, книга вышла.

На этотъ разъ мнѣ серьезно кажется, что я кой-чего добился.

У меня уже не одна только голова надъ землею, я выбрался до пояса, до живота,—я думаю, что больше уже никогда не буду голодать.

Однако, Вэнтра, не особенно полагайся на это. А пока наслаждайся своимъ успѣхомъ, милый человѣкъ: у бродяги, вчера еще никому неизвѣстнаго, сегодня въ котелкѣ есть что поѣсть, да еще съ лавровымъ листомъ.

А книженка идетъ! У малютки въ жилахъ течетъ настоящая кровь, и за его здоровье пьютъ въ кафе на бульварахъ и въ мансардахъ въ Латинскомъ кварталѣ. Голытьба признала одного изъ своихъ, богема увидѣла бездну у ногъ. Я спасъ отъ лѣни или каторги много молодежи, которая спѣшила туда по тропинкѣ, обсаженной Мюрже сиренью!

Это всегда такъ! Я самъ могъ туда угодить; и я тоже!

Я содрогаюсь, думая объ этомъ, даже теперь при блескѣ моей молодой славы!

Моя молодая слава?

Я сказалъ это, чтобы немножко повеличичать, но на самомъ дѣлѣ я совсѣмъ не нахожу, чтобы я измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ сталъ читать въ газетахъ, что появился молодой писатель, который далеко пойдетъ.

Я больше волновался на своей лекціи, я былъ сильнѣе потрясенъ въ тѣ дни, когда мнѣ удавалось говорить съ народомъ: я имѣлъ власть ежеминутно волновать эти сердца, которыя бились здѣсь, передо мной. Стоило только нагнуть голову, чтобы услыхать какъ они трепещутъ. Я могъ видѣть, какъ горятъ мои слова въ этихъ глазахъ, устремленныхъ въ мои глаза, ихъ взглядъ ласкалъ или грозилъ... Это была борьба почти съ оружіемъ въ рукахъ.

А эти газеты на моемъ столѣ—точно мертвые листья! — Они не трепещутъ и не кричатъ.

Гдѣ же шумъ грозы, которую я такъ люблю?

Временами мнѣ даже становится стыдно за себя, когда критики отмѣчаютъ мой стиль и хвалятъ только его, когда они не замѣчаютъ оружія, скрытаго подъ черными кружевами моей фразы, точно мечъ Ахиллеса на Скироссѣ.

Я боюсь показаться трусомъ и измѣнникомъ предъ тѣми, которые слышали меня за убогими ужинами моихъ нищихъ собратій. Я обѣщалъ тогда вцѣпиться въ горло врагу въ тотъ день, когда я выкарабкаюсь изъ грязи, нищеты и мрака неизвѣстности. И этотъ самый врагъ воскуряетъ мнѣ теперь ѳиміамъ. По правдѣ сказать, я былъ гораздо болѣе смущенъ, чѣмъ доволенъ, получивъ нѣсколько поздравленій отъ людей, которыхъ я глубоко презираю.

Истинное счастіе, заставившее меня пролить искреннія слезы гордости, я испыталъ лишь тогда, когда въ письмахъ, пришедшихъ неизвѣстно откуда, и незнаю какимъ образомъ добравшихся до меня, я нашелъ заочныя рукопожатія неизвѣстныхъ и незнакомыхъ, испуганныхъ новичковъ или окровавленныхъ побѣжденныхъ.

„Если бы я могъ прочесть васъ раньше“!—говорилъ побѣжденный.

„Что если бы я васъ не прочелъ!“—говорилъ новичекъ.

Я таки проникъ въ массу, за мной есть солдаты, армія! Ахъ! Я проводилъ цѣлыя ночи, шагая изъ угла въ уголъ въ моей комнатѣ, съ этими лоскутами бумаги въ судорожно сжатыхъ пальцахъ, и обдумывалъ нападеніе на старый міръ, съ моими корреспондентами въ качествѣ главарей движенія.

Къ счастію я увидалъ себя въ зеркалѣ: осанка трибуна,

суровая физіономія, совсѣмъ какъ Давида д'Анжеръ на медальонѣ.

Только не это, мой мальчикъ,—остановись!

Тебѣ нечего копировать жесты монтаньяровъ, хмурить брови, какъ якобинцы,—дѣлай свое скромное дѣло борьбы и нищеты.

Будь доволенъ, когда можешь сказать себѣ, что сладко слышать ласковое слово постороннихъ, въ то время какъ свои не понимаютъ и приговариваютъ къ казни.

Признайся, что ты испытываешь радость, отыскавъ семью, которая любитъ тебя больше, чѣмъ любила твоя собственная! Она не издѣвается надъ тобой и не смѣется надъ твоими великими надеждами, а протягиваетъ къ тебѣ руки и привѣтствуетъ тебя—какъ въ деревняхъ привѣтствуютъ старшаго въ родѣ, который несетъ всю честь и все бремя своего родового имени.

Да, вотъ что охватывало мою душу.

Я чувствую, что ко мнѣ кое-кто относится съ уваженіемъ, а я въ этомъ, право, такъ нуждался!

Вѣдь тяжело оставаться, какъ я, насмѣшливымъ и хмурымъ во все время здоровой молодости.

Между этими письмами есть записка отъ женщины.

„И васъ никто не любилъ, когда вы были такъ бѣдны?"

Никто!

VII.

Въ редакціи «Фигаро» я встрѣтился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго я зналъ когда-то. Это Рошфоръ...

Еще одна блѣдная маска, только съ громадными ясными глазами, тонкимъ ртомъ и мраморными зубами. Рябая кожа, усѣянная рубцами и швами, а на подбородкѣ торчитъ—какъ желѣзный шпинекъ волчка—бородишка. На головѣ растрепанные, какъ парикъ на клоунѣ, пушистые и курчавые волосы, которые ихъ обладатель постоянно тянулъ, крутилъ и завивалъ своими нервными пальцами.

Эта странная голова насажена на плечи, напоминающіе вѣшалку, и втиснута въ воротникъ, который мѣшаетъ ей повертываться.

Можно подумать, что это лицо сильнымъ ударомъ приплюснуто къ затылку, а вся голова, какъ у волка, прикрѣплена къ спинному хребту гораздо плотнѣй и крѣпче, чѣмъ половая щетка къ палкѣ.

Онъ весь такой костистый, искривленный, угловатый, что страшно дотронуться! Того гляди уколешься!

А я, однако, видѣлъ, какъ маленькія ручонки ласкали это лицо.

Когда мы встрѣтились съ нимъ въ первый разъ, онъ держалъ на рукахъ свою плачущую малютку (мать была больна или уѣхала) и, изображая мамашу, вытиралъ ей слезы.

При этой картинѣ у меня тоже затуманились глаза.

Я помогъ ему забавлять дѣвчурку, которая черезъ минуту утѣшилась, таская отца за волосы -странные волосы съ ихъ завитками на концахъ, которые пружинили подъ миніатюрными пальчиками. Въ то время Рошфоръ писалъ водевили вмѣстѣ съ однимъ старымъ шутомъ. Послѣ этого онъ далеко пошелъ впередъ.

Онъ сталъ оводомъ для Имперіи. Своимъ умомъ, смѣлостью, своими длинными усами, когтями, вихромъ, бородкой, всѣмъ, что только у него было заостреннаго, онъ кололъ и царапалъ шкуру Наполеоновъ. И все это съ такимъ видомъ, какъ будто онъ защищается отъ нихъ, и вовсе не хочетъ ихъ трогать! Баранъ, спрятавшій свои рога, цареубійца въ одеждѣ священника, республиканская пчела въ красномъ корсетѣ, пробравшаяся въ императорскій улей и убивающая тамъ золоченыхъ пчелъ, порхающихъ на мантіи изъ зеленаго бархата.

Журналы отбиваютъ его другъ у друга. Вотъ только что „Soleil“ похитилъ его у „Фигаро“ и „Фигаро“ не знаетъ, какому святому молиться теперь.

— Вэнтра, хотите на его мѣсто?—кричитъ мнѣ въ упоръ Вилльмессанъ.

Уже!

А! Близокъ день возмездія.

Имъ не дешево обойдется, что они такъ долго не могли угадать, какая сила во мнѣ.

— За сколько хотятъ меня купить?.. 10000 франковъ? Какъ бы не такъ! За этотъ годъ я долженъ наверстать все, что я издержалъ въ теченіе десяти долгихъ лѣтъ полуголоднаго существованія. Положимъ 18000 съ 1-го января по день св. Сильвестра *); все равно вѣдь больше прожрешь! Ну вотъ отсчитывайте ваши 18000 кругляковъ и по рукамъ. А нѣтъ—такъ нѣтъ!

Подписали.

Вечеромъ я что-то уже слишкомъ расхвастался выговоренной суммой.

Но посудите сами! Я силой вырвалъ этотъ мѣшокъ золотыхъ изъ пасти, которая въ теченіе четверти вѣка только скалила на меня свои длинные, крѣпкіе зубы!

*) День новаго года. *Прим. пер.*

Я могъ бы погибнуть разъ двадцать, сколько другихъ пало рядомъ со мной.

Я выжилъ. Въ этомъ буржуа не повинны. Продергивая ихъ сегодня, я не совсѣмъ расплачиваюсь съ ними. Мы еще не поквитались!

Да и при томъ я не такъ горжусь тѣмъ, что меня оцѣнили такъ высоко, какъ тѣмъ, что въ моемъ лицѣ отомщены всѣ враги правильности и порядка.

Мой стиль—это куча кусковъ и обрывковъ, будто вытащенныхъ крючкомъ изъ грязныхъ и отвратительныхъ закоулковъ. А между тѣмъ на него есть спросъ, на этотъ стиль... Вотъ почему я отгоняю отъ своего тріумфа тѣхъ, которые раньше тыкали мнѣ въ глаза свои стофранковые билеты и плевали на мои су.

Ну, что же, спасибо! Еще нѣтъ недѣли, какъ я работаю въ „Figaro“, а они уже находятъ что съ нихъ довольно.

Газету эту покупаетъ все больше народъ беззаботный, счастливый, актрисы, свѣтскіе люди. Они не хотятъ, чтобы я развлекалъ ихъ ежедневно.

Венгра изрѣдка это забавно, какъ завтракъ на фермѣ изъ чернаго хлѣба съ молокомъ, какъ посѣщеніе элегантной дамой каморки какого-нибудь бѣдняка, гдѣ такъ вкусно пахнетъ супомъ—но, каждый день, ни за что!

Ну, а я не могу и не желаю служить бульварнымъ развлеченіемъ.

Я никого не обвиняю. Я прекрасно видѣлъ, когда меня хотѣли завербовать, что мнѣ придется бороться противъ „*Всего Парижа*“. Я до тѣхъ поръ отталкивалъ отъ себя свертки золота, пока не выговорилъ себѣ свободу вести борьбу такъ, какъ я хочу.

Вѣдь знали же они, съ кѣмъ имѣли дѣло!

Повидимому нѣтъ!

Мнѣ остается только убраться. Не для того я подвергалъ опасности свое достоинство и рисковалъ жизнью въ дни неизвѣстности, чтобы теперь перестать быть самимъ собой, стать хроникеромъ мастерскихъ и будуаровъ, начать вышивать словами узоры, подслушивать у дверей и прикрашивать дѣйствительность.

— Если бы вы только захотѣли, при вашемъ слогѣ!— замѣтилъ Вилльмессанъ, которому очень хотѣлось удержать меня.

Да, чортъ возьми! У меня нашлись бы подходящіе эпитеты для улицы Бреда *), какъ и для предмѣстія Св. Анто-

*) Улица, гдѣ въ 50-хъ годахъ по преимуществу жили дамы полу-

нія. Я точно такъ же смогъ бы рисовать изящной акварелью, какъ углемъ или тушью.

Если бы я захотѣлъ... Да вотъ не хочу! Мы оба ошибались. Вамъ нуженъ весельчакъ, забавникъ, а я бунтовщикъ. Бунтовщикомъ я остаюсь и опять занимаю свое мѣсто въ рядахъ бѣдняковъ.

И вотъ я снова бѣденъ,—еще разъ, всегда!

Правда, въ нашемъ договорѣ было договорено, что въ случаѣ разлуки мнѣ всетаки заплатятъ. Однако, пришлось побороться, такъ какъ дѣло было не только въ той безопасности, которую даютъ деньги въ карманѣ, но въ томъ, чтобы избѣжать пораженія. Все кончилось вздоромъ: нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ, предложеніе написать романъ...

Ахъ, этотъ романъ! Не разъ принимался я за него. Но во мнѣ еще слишкомъ жива моя зачумленная, мертвящая молодость. Эти страницы, больше чѣмъ всѣ мои статьи, показались бы полными глухого бѣшенства, пропитанными злобой!

Я выбрался изъ своей конуры прямо не изъ-за чего.— Я только успѣлъ возбудить ненависть своихъ собратій, которыхъ леденила моя блѣдность Кассія. Сорвалось!

Но вотъ, что-то зашевелилось въ политическомъ муравейникѣ. Оливье *) выходитъ изъ себя, а Жирарденъ его поддерживаетъ. Въ лорнетку на носу блѣдной маски проникъ лучъ свѣта. Сѣрая рука обладателя этой маски поднялась и погрозила ареопагу государственныхъ людей, собравшихся вокругъ императора.

Его журналъ прекратилъ свое существованіе. О! когти выпущены, нервы напряжены и онъ снова на ногахъ!

Онъ бѣснуется и страшно кричитъ въ мѣшкѣ, куда хотятъ упрятать его—стараго кота!

Его журналъ погибъ, но онъ нашелъ человѣка въ стѣсненномъ положеніи и, тотъ продалъ ему свой, уступилъ ему свой домъ и онъ обосновался тамъ, приглашая всѣхъ, кто хочетъ кусаться.

Онъ вспомнилъ о моихъ клыкахъ. Я получилъ отъ него одно словечко. „Приходите“!

Въ синемъ пиджакѣ, съ розой въ петлицѣ, онъ шелъ мнѣ навстрѣчу, протягивая руки и улыбаясь:

свѣта и кокотки, тогда какъ предмѣстье Св. Антонія заселено преимущественно рабочими. *Пр. пер.*

*) Эмиль Оливье — въ то время адвокатъ, журналистъ, депутатъ Парижа въ Законодательномъ корпусѣ съ 1857 года, членъ группы пяти бывшей въ оппозиціи съ наполеоновскимъ режимомъ; впослѣдствіи — министръ „либеральной“ Имперіи. *Пр. пер.*

— Бульдогъ, мы васъ спустимъ съ цѣпи! Вы будете вести воскресную хронику... И, не правда ли, вашъ лай будетъ слышенъ далеко?

Его губы подбираются онъ мяучитъ и расправляетъ когти!

Я было разинулъ пасть, да не надолго!

Жирарденъ получилъ приказъ укротить собаку. Онъ, не долго думая, поторопился прислать ко мнѣ своего завѣдующаго, чтобы тотъ навязалъ мнѣ камень на шею и бросилъ въ воду.

А, между тѣмъ, онъ свободно могъ бы подождать.

Одинъ солдатъ взялся отправить по-просту меня на тотъ свѣтъ. Настоящій вояка: съ султаномъ на шапкѣ и съ тремя золотыми галунами. Говорятъ, что онъ уже отточилъ свою шпагу и горитъ желаніемъ отомстить за своего генерала.

Этотъ генералъ Юзуфъ, варваръ, только что отдалъ Богу свою ничтожную душу. Во имя невинныхъ, убитыхъ по его приказу, я возсылалъ у его трупа благодарность смерти.

Его штабъ поручилъ самому искусному въ фехтованіи пригвоздить меня окровавленнаго къ гробу. Такъ, по крайнѣй мѣрѣ, говорятъ Это мнѣ только что сообщилъ Верморель.

— Вы получите вызовъ завтра, даже можетъ быть сегодня вечеромъ...

— Великолѣпно. Сидите и слушайте. Если эти красные штаны явятся отъ имени полковника требовать у меня удовлетворенія, то они его получатъ въ полной мѣрѣ. Вы знаете о моей дуэлѣ съ Пупаромъ? Было условлено стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ всѣ пули и цѣлиться прямо въ грудь! Только Пупаръ былъ моимъ товарищемъ, а эти вояки—мои враги; значитъ, съ ними нужно пойти еще дальше. Будетъ только одна единственная пуля. Эти господа, умѣющіе рубить только чучела, согласятся во избѣжаніе расходовъ на заряды. Расположиться можно, если имъ будетъ угодно, на этомъ дворѣ; а если они предпочтутъ, то пойдемъ туда, гдѣ я убилъ Пупара.

Только черезъ 2 часа послѣ ихъ визита, безъ всякаго протокола и переговоровъ! Хотите быть моимъ секундантомъ?

— Чортъ!..

— Значитъ вы согласны. Ну, мой милый, мы разопьемъ съ вами въ какомъ-нибудь кабакѣ бутылочку хорошаго вина и чокнемся за тотъ счастливый случай, который мнѣ, штафиркѣ и дезертиру, подставитъ какъ мишень полкового командира!

Вечеръ теплый, моя квартира въ далекѣ отъ шумныхъ улицъ... сумерки и тишина...

Раза два или три звучали шаги по мостовой. Я начи-

налъ надѣяться, что это они; мнѣ хотѣлось бы покончить дѣло сразу.

— Я вернусь завтра,—промолвилъ около полуночи Верморель.—Пароходъ, можетъ быть, ушелъ изъ Алжира съ опозданіемъ. Они могутъ пріѣхать утромъ.

Никто не являлся сегодня, какъ и вчера.

Можно лопнуть отъ злости. Запастись храбростью, приготовиться къ прекрасному концу или къ побѣдѣ, которая должна отразиться на всей жизни—и остаться при тоскливомъ ожиданіи и при мысли объ унизительномъ самоубійствѣ по совѣту Жирардена!

Офицеръ оказался не такъ глупъ, какъ я думалъ! Онъ можетъ быть совсѣмъ и не думалъ оттачивать свою шпагу, видя, что у меня уже и такъ подрѣзанъ язычекъ, и, что я больше не существую какъ журналистъ. Въ самомъ дѣлѣ, увѣдомленіе, помѣщенное Жирарденомъ на первомъ мѣстѣ въ его газетѣ, рисуетъ меня очень опаснымъ. Никто, конечно, не захочетъ принять къ себѣ такого человѣка, который, съ перваго же дня, навлекаетъ грозу на домъ, куда онъ вступаетъ.

Нечего сказать, счастливая участь: выгнали отовсюду! Я чувствую себя гораздо менѣе свободнымъ, чѣмъ тогда, когда таскался въ лохмотьяхъ по темнымъ угламъ. У меня была независимость заключеннаго, который можетъ вывернуть камни въ своей подземной тюрьмѣ, пробить дыру въ землѣ и, выскочивъ черезъ нее на часового, задушить его.

Въ этомъ была моя сила—а теперь мой тайный замыселъ извѣстенъ, я открытъ. И какъ отъ непокорнаго и задорнаго каторжника, грозы конвойныхъ, отъ меня отворачиваются и тѣ, кто боится плети, и тѣ, у кого она въ рукахъ.

Совсѣмъ былъ бы другой разговоръ, если бы я убилъ этого проглотившаго аршинъ полковника!

— Но, дорогой мой, секунданты могли бы не согласиться на такія условія, и вы бы еще прослыли трусомъ.

Весьма возможно!

Я живу въ мірѣ скептиковъ и людей беспечныхъ. Одни отнеслись бы съ недовѣріемъ къ моему трагическому желанію, другіе не захотѣли бы доводить до смертельнаго исхода дуэль изъ-за прессы, и не поскупились бы наклеветать, лишь бы я не ставилъ на бульварной дорожкѣ этой кровавой вѣхи.

Къ счастію, я силенъ и, если бы мои условія были отклонены, я испортилъ бы ему его вызывающую рожу, и дралъ бы его за усы до тѣхъ поръ, пока не собралась толпа. А когда сбѣжались бы городовые и обитатели предмѣстій, я закричалъ бы имъ:

— Онъ хотѣлъ зарѣзать меня, какъ свинью, потому что умѣетъ обращаться со шпагой... Я предлагаю ему поединокъ не на животъ, а на смерть, а онъ труситъ! Не мѣшайте мнѣ намять ему бока!

Можетъ быть, меня велѣли бы отправить на тотъ свѣтъ случайно, переломавъ мнѣ тайно ребра или хребетъ по дорогѣ въ коммиссаріатъ, если бы въ участкѣ среди безобразія каталажки какой-нибудь мнимый пьяница не захотѣлъ бы затѣять ссору, и не пробилъ бы мнѣ голову ключами надзирателя, который дѣлалъ бы видъ, что разнимаетъ насъ.

Ничего этого не случилось.

Къ счастію, я никому не говорилъ объ этихъ слухахъ, дошедшихъ до меня. А если бы я только открылъ ротъ, то пріятели мои не замедлили бы этимъ воспользоваться и стали бы увѣрять, что я придумалъ полковника для того, чтобы выдумать смертельную дуэль.

Что за вздоръ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА КУЗНЕЦКОМЪ ТРАКТУ.

Повѣсть изъ жизни петербургскихъ рабочихъ.

I.

— Интересы рабочихъ имѣютъ въ Новой Зеландіи преобладающее значеніе. Опираясь на всеобщее избирательное право, новозеландскіе рабочіе направляютъ законодательство страны къ дальнѣйшему повышенію своего благосостоянія...

Въ залѣ было людно, но очень тихо. Передніе ряды сидѣли на стульяхъ и на скамьяхъ, позадніе стояли плечомъ къ плечу, какъ на молитвѣ въ церкви. Всѣ они, затаивъ дыханіе, слушали описаніе рабочаго рая, которое развертывалось предъ ними въ яркихъ очертаніяхъ, столь непохожихъ на тусклую и тяжелую дѣйствительность ихъ собственной жизни.

Глаза лекторши блестѣли воодушевленіемъ, голосъ ея принималъ самые убѣдительные оттѣнки. Ей такъ хотѣлось перелить частицу своихъ взглядовъ и знаній въ эти многочисленныя, широко открытыя предъ ней человѣческія души. Это было идейное служеніе и она предавалась ему уже четвертый годъ съ поглощающей страстью, какъ другіе предаются спорту или азартной игрѣ. Она была старая дѣва и учительница городской школы. По окончивъ свой трудовой день и наскоро пообѣдавъ, она отправлялась черезъ весь Петербургъ на этотъ рабочій трактъ, мѣняя конку за конкой и не обращая вниманія на вьюгу и слякоть.

Учрежденіе, гдѣ читались лекціи, было однимъ изъ характерныхъ плодовъ противорѣчивой русской дѣйствительности, въ доконституціонную эпоху. Оно возникло въ одной изъ трещинъ толстой полицейской стѣны, отдѣлявшей интеллигенцію отъ народа, и существовало уже около четверти вѣка, несмотря на попытки искорененія, которыя нѣсколько разъ примѣнялись къ нему по испытанному административному рецепту. Искоренить его было невозможно, ибо на

встрѣчу ему поднималась жажда образованія, сжигавшая столькихъ молодыхъ рабочихъ и настойчиво требовавшая себѣ удовлетворенія

Программа была самая скромная. Списки лекторовъ процѣживались сквозь три различные фильтра полицейской подозрительности. Тѣмъ не менѣе кузнецкіе вечерніе курсы для рабочихъ представляли въ общемъ народный университетъ. Химія и алгебра, механика и прикладная геометрія, тщательно преподавались для любителей опытной науки. Рядомъ съ этимъ чтенія по русской словесности заключали въ себѣ обзоры общественнаго значенія русской литературы, географія вмѣщала также и политическую экономію, а отечественная исторія обнимала самые наболѣвшіе вопросы современности. Вмѣсто утвержденныхъ лекторовъ являлись гастролеры, замѣстители и исполняющіе должность. Самыя темы неожиданно мѣнялись и нерѣдко, напримѣръ, вмѣсто описанія смутнаго времени при Димитріи Самозванцѣ, перескакивали на три столѣтія впередъ къ современной смутѣ. И въ сущности говоря, главная наука, которая преподавалась въ школѣ, была политическая неблагонадежность.

Преподавали въ школѣ по преимуществу дамы, которыя вообще отзывчивѣе мужчинъ для культурной работы. Кромѣ того дамы легче получали утвержденіе, ибо подлежащее вѣдомство считало ихъ безобиднѣе мужчинъ.

Въ общемъ настроеніе и порядки Кузнецкой школы совсѣмъ не подходили къ обычному правовому ранжиру русскихъ учебныхъ заведеній. Это было какъ бы государство въ государствѣ, почти независимая республика. Здѣсь царствовала свобода рѣчи и даже свобода печати, гораздо раньше новыхъ русскихъ вольностей. Ученики ввели референдумъ и клали въ особо назначенный ящикъ листки съ выраженіемъ своихъ мнѣній, часто заключавшіе довольно горькія пилюли по адресу неудачнаго лектора.

Миша Васюковъ опоздалъ и стоялъ у самой двери въ хвостѣ публики, который тянулся черезъ всю переднюю и почти достигалъ выхода въ сѣни. Здѣсь было плохо слышно и кромѣ того публика вела себя неспокойно и все переходила съ мѣста на мѣсто. Миша впрочемъ не жалѣлъ о пропускаемой лекціи. Онъ недавно прочиталъ новую книгу о Новой Зеландіи и имѣлъ отчетливое представленіе объ этомъ молодомъ рабочемъ царствѣ.

И теперь, когда нѣкоторыя фразы долетали до него, ему казалось, что онѣ заимствованы изъ того же источника.

Вообще Миша ходилъ въ школу не для лекцій, а какъ ходятъ въ клубъ, для того чтобы встрѣчаться съ товарищами и воспринимать настроеніе, которое создается общеніемъ

стольких молодыхъ и единомыслящихъ людей. И теперь, стоя въ дверяхъ, онъ поднимался на цыпочки и вытягивалъ шею для того чтобы лучше разглядѣть лица слушателей.

Въ переднихъ рядахъ слушали наиболѣе жадно. Здѣсь были подростки, которые забирались въ залу первые и занимали лучшія мѣста, чтобы не пропустить ни слова. Особенно выдавалось лицо Алеши, младшаго брата Миши, который недавно пріѣхалъ изъ деревни и только начиналъ примѣняться къ петербургской жизни. Ротъ у Алеши былъ раскрытъ. Глаза смотрѣли на лекторшу не мигая, съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Описаніе новозеландскихъ порядковъ казалось ему вродѣ сказки о Францылѣ Венеціанѣ и прекрасной царевнѣ Ренцивенѣ. Особенно поражало его описаніе фермерскихъ домовъ, земледѣльческихъ машинъ, урожаевъ.

— А ты не врешь?—шепталъ онъ тихонько, не отводя отъ лекторши своихъ внимательныхъ глазъ.

Ему ужасно хотѣлось подняться съ мѣста и громко задать „учительшѣ“ этотъ прямой, грубый, мужицкій вопросъ. Онъ вспоминалъ недавно покинутую Киселевку, соломенныя крыши, урядника, и ему становилось какъ то неловко отъ соблазнительныхъ описаній чужой жизни.

— Обнаковенно, врет учительша,—успокаивалъ онъ самъ себя.—Всѣ они врутъ, батюшка говоритъ.

Рядомъ съ Алешей сидѣла Палаша Ядренцова. Она слушала съ дѣловымъ видомъ и время отъ времени дѣлала даже отмѣтки карандашемъ на клочкѣ бумаги, лежавшемъ у нея на колѣняхъ. Ядренцова была одѣта съ убогимъ щегольствомъ, въ короткой сѣрой кофточкѣ и большой суконной шляпѣ, отдѣланной рыжими лентами.

Палаша была ткачиха и зарабатывала немного. Подруги на фабрикѣ звали ее Палаша Калошница. Мать Палаши работала на резиновой мануфактурѣ и жила на другомъ концѣ города. Палаша тоже года два была калошницей, потомъ не вытерпѣла и бросила это нездоровое занятіе. Впрочемъ и на ткацкой фабрикѣ было немногимъ лучше. Палаша связывала концы пряжи и кашляла отъ бумажной пыли. Жила Палаша у дяди на Кузнецкомъ тракту. Изъ своего скуднаго заработка Палаша отдавала нѣсколько рублей матери, у которой жила еще одна совершенно хилая и неспособная къ работѣ дочь.

Калошная работа наложила на Палашу свой сѣрый отпечатокъ. Лицо у нея было безкровное, въ блѣдныхъ пятнахъ. Палаша часто хворала и даже въ праздничной одеждѣ она была какая то тусклая, будничная, несмотря на выраженіе интереса, написанное на ея лицѣ.

Взглядъ Миши скользнулъ по эстрадѣ и охватилъ на мгновеніе дородную фугуру учительницы, которая ерзала передъ столомъ, доканчивая свое чтеніе.

— Видишь, старается, — подумалъ Миша, — разжевала, только глотай. А будто мы такъ не поймемъ...

За спиною лекторши стояло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, по виду курсистокъ. Зрители и въ особенности зрительницы собирались почти на каждую общую лекцію, куда вмѣстѣ съ учениками допускалась и публика. Многосотенная толпа рабочей молодежи представляла необычайное зрѣлище, которое притягивало молодежь учащуюся будто магнитомъ. Если бы не дальнее разстояніе и не боязнь „помѣшать“, интеллигентныхъ посѣтителей было бы въ десять разъ больше, почти столько же, сколько слушателей изъ мѣстнаго околотка.

Двѣ наиболѣе активныя силы русской жизни, ежегодно выдѣляющіяся изъ нѣдръ интеллигенціи и народа, стремились другъ другу на встрѣчу почти съ непроизвольной силой и стѣны Кузнецкой школы казались удобнымъ мѣстомъ для такой встрѣчи.

Дѣвушки на эстрадѣ жались къ стѣнѣ, стараясь не привлекать вниманія и не развлекать слушателей. Только одна стояла впереди, слегка опираясь рукою на край каѳедры. На ней было все черное: шелковое платье, широкая фетровая шляпа съ густой вуалью, небрежно повязанной вокругъ тульи.

Миша невольно остановилъ на ней глаза. У ней были пышные волосы, блѣдное лицо и большіе черные глаза. Брови у нея были тонкія, выгнутыя красивой дугой.

Дѣвушка была очень хороша и черная строгость одежды удивительно шла къ ея блѣдному, серьезному лицу. Тонкая золотая цѣпочка, извивавшаяся на груди дѣвушки, не нарушала этой одноцвѣтной мрачности.

Но Миша не былъ способенъ оцѣнить этотъ художественный выборъ костюма, эффектно простой и быть можетъ, даже безсознательный.

— Что она, въ трауръ? — подумалъ онъ простосердечно.

Впрочемъ, въ настоящую минуту дѣвушка навѣрное не думала о художественномъ эффектѣ. Она выдвинулась впередъ и горящими глазами пожирала толпу. Всѣ эти лица, молодыя, свѣтлыя, жадно ловившія каждое слово лекціи, казались ей удивительно близкими и родственными.

— Все равно студенты! — подумала она, вспоминая картину, болѣе знакомую ея глазу. И внезапно эта аудиторія показалась ей отзывчивѣе, нервнѣе, непосредственнѣе, болѣе способной на порывъ и быстрое дѣйствіе.

Миша перевелъ глаза на Палашу, которая сидѣла передъ эстрадой какъ будто у ногъ прекрасной незнакомки и старательно выводила свои каракули обломкомъ тупого карандаша. Въ своей сѣрой кофточкѣ она напоминала дешевую куклу, плохо набитую и кое какъ усаженную на стулъ. У него мелькнула даже мысль, что руки ея отъ плеча до запястья тоже навѣрное кукольныя, набитыя мочалой, и только обнаженныя кисти—тѣлесныя, какъ у настоящихъ людей.

Онъ снова перевелъ глаза на эстраду. Незнакомка показалась ему удивительно похожей на гравюру исторической книги, которую онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Книга касалась французской революціи, а гравюра изображала Шарлотту Корде.

Какъ многіе другіе интеллигентные рабочіе, Миша писалъ стихи, даже велъ рифмованные діалоги съ музой лирической поэзіи, и эта гордая дѣвушка, вся въ черномъ, внезапно показалась ему олицетвореніемъ страстной и зовущей впередъ музы.

— Изъ новозеландскихъ отношеній мы можемъ извлечь весьма поучительный урокъ,—говорила лекторша,—и непосредственно видѣть, какая могучая сила лежитъ во всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ, для того чтобы созидать самыя широкія политическія и экономическія формы.

Публика встрѣтила эти слова страстными демонстративными рукоплесканіями. Миша улыбнулся и даже кивнулъ головой, какъ будто въ видѣ привѣтствія чему то весьма знакомому, проходящему мимо.

— Есть,—сказалъ онъ самъ себѣ,—четыре евангелія!.

Это былъ политическій лозунгъ минуты. Освободительное движеніе только начиналось. Демократическая республика еще не выдвигалась впередъ, особенно публично. Четырехчленная формула была на первомъ планѣ. Миша привыкъ встрѣчать ее вездѣ и всюду, — на столбцахъ газетъ, въ рѣчахъ ораторовъ на засѣданіяхъ различныхъ обществъ и въ резолюціяхъ митинговъ и союзовъ. И каждый разъ ее встрѣчали тѣми же демонстративными рукоплесканіями. Въ просторѣчіи четыре избирательныхъ члена назывались: четыре евангелія, четыре хвоста и даже четырехвостка; Мишѣ стало казаться, что публичная лекція безъ четырехвостки лишится самаго важнаго, какъ кушанье безъ соли...

— Товарищи!..

Лекторша кончила свою рѣчь и сошла съ трибуны. Преній не предполагалось, ибо чтеніе имѣло описательный ха-

рактеръ, но почти тотчасъ же за ея послѣдними словами съ другого конца зала раздался громкій и страстный голосъ новаго оратора.

Въ публикѣ началось движеніе. Нѣкоторые выходили вонъ, тотчасъ же по окончаніи лекціи, но большая часть осталась внутри залы. Они, впрочемъ, не стояли неподвижно, а переходили съ мѣста на мѣсто, собираясь вокругъ оратора.

— Говорите!—кричали одни.

— Не нужно!—отвѣчали другіе также громко, но менѣе увѣренно.

Даже въ движеніи толпы были явственно замѣтны двѣ встрѣчныя струи; одна стремилась отъ дверей къ оратору, другая изъ глубины зала текла къ эстрадѣ, возлѣ которой стояла лекторша и другія учительницы.

— Товарищи, доколѣ мы будемъ терпѣть этотъ гнетъ?—кричалъ ораторъ.—Насъ не считаютъ за людей. Намъ негдѣ поговорить о своихъ дѣлахъ!..

— Ахъ, не надо, не надо!..

Директриса школы, высокая, съ добродушнымъ румянымъ лицомъ и растрепанными сѣдыми буклями, металась у эстрады, протестуя противъ рѣчи и призывая къ благоразумію слушателей. Она напоминала большую кохинхинскую насѣдку, клохчущую среди выводка утятъ на берегу пруда. Самые задорные утята упрямо лѣзли въ соблазнившую ихъ стихію, безъ мысли о щукахъ, которыя водились въ прудѣ.

— Не нужно! -протестующіе голоса стали громче и многочисленнѣе.

Среди слушателей было много такъ называемыхъ школьниковъ или школьныхъ патріотовъ, которые посѣщали школу уже третій годъ и относились къ ней съ особенной любовью, больше чѣмъ къ фабрикѣ или къ собственной семьѣ. Кромѣ школы на всемъ Кузнецкомъ тракту не существовало никакихъ общественныхъ учрежденій. На все сорокатысячное населеніе не было ни клуба, ни собранія, ни музыкальнаго общества, ни даже танцовальной залы, гдѣ молодежь могла бы повеселиться по праздникамъ.

Все это существовало по ту сторону заставы, для правящихъ классовъ; но жители тракта причислялись къ черняди и общественныя учрежденія были для нихъ немыслимы Поэтому жить на тракту было нестерпимо нудно, какъ въ огромномъ исправительномъ домѣ. Эпоха митинговъ еще не началась. Внѣ школьныхъ чтеній и бесѣдъ оставалось только идти въ трактиръ и слушать разстроенную машину. Школьные патріоты поэтому настойчиво старались оберегать

свою академію отъ увлеченій и „исторій". Наравнѣ съ преподавателями они сознавали, что самое основаніе, на которомъ зиждется школа, очень шатко и больше всего опасались привлечь на нее испытующій потайной фонарь всероссійскаго дозора. До послѣдняго времени въ видѣ общепризнаннаго статута, существовало правило, что въ школѣ нельзи ставить точки надъ і, и что въ стѣнахъ ея не допускаются слишкомъ опредѣленныя рѣчи и обращенія. Но въ послѣдніе мѣсяцы возбужденіе, нароставшее вокругъ, стало вливаться въ классы и залы школы вмѣстѣ съ входившими учениками и послѣ каждаго чтенія начиналась распря между охранявшими школу патріотами и болѣе пылкими элементами.

— Товарищи, дайте сказать!

Часть публики вскочила на скамьи. Вокругъ оратора образовался кругъ, но рѣчи его не было слышно изъ-за растущаго смятенія.

— Не надо, уйдите!—шумѣла другая часть публики, оставшаяся на лѣвой сторонѣ залы.

— Надо погасить электричество!—прозвенѣлъ чей то высокій, визгливый, пронзительный голосъ.

Дѣвушка въ черной шляпѣ, остававшаяся на эстрадѣ, тоже вскочила на столъ, который служилъ каѳедрой лекторшѣ.

— Стыдно,—крикнула она на всю залу,—товарищу зажимать глотку. Кто труситъ, пусть уйдетъ прочь. Мы будемъ говорить.

Шумъ и движеніе увлекли ее и она не думала о выраженіяхъ. На сходкахъ учащейся молодежи всегда говорили такимъ тономъ, ободряли нерѣшительныхъ и требовали изгнанія обструкціонистовъ.

Миша до сихъ поръ не вмѣшивался въ споръ. Онъ былъ закоренѣлымъ школьнымъ патріотомъ, но темпераментъ часто увлекалъ его, вопреки разчетамъ благоразумія, совсѣмъ въ другую сторону, и теперь громкіе призывы оратора и его сторонниковъ взволновали его, и онъ не чувствовалъ себя въ силахъ присоединиться къ протесту осторожныхъ. Но дерзкіе упреки дѣвушки разсердили его. Ему показалось даже, что она адресуетъ ихъ по его личному адресу.

— Кто труситъ? — крикнулъ онъ такъ же запальчиво и быстро протискиваясь впередъ по направленію къ эстрадѣ.— Но только чѣмъ говорить, лучше прежде подумать.

— Надо не думать, дѣйствовать,—возразила дѣвушка.

— Если закроютъ школу, хорошо ли будетъ?—кричалъ Миша.—Вы насъ не учите, мы о своихъ дѣлахъ сами лучше знаемъ.

— Скажите рѣчь!—крикнулъ кто-то изъ толпы тоже по направленію къ эстрадѣ.

Эта красивая дѣвушка, такъ неожиданно выступившая въ защиту свободы слова, стояла на своей импровизированной трибунѣ, какъ живая черная статуя на непрочномъ пьедесталѣ, и многимъ хотѣлось услышать ея слово, болѣе новое и любопытное, чѣмъ всѣмъ знакомое краснорѣчіе мѣстнаго оратора.

— Говорите вы сами! —сказала дѣвушка пониженнымъ и въ то же время капризнымъ тономъ.—А я не учить васъ хочу, а работать съ вами.

— Казаки! — раздался чей-то испуганный голосъ изъ глубины корридора.—Конница...

Въ залѣ началась паника. Часть публики хлынула къ дверямъ, переворачивая скамейки и торопясь выбраться наружу.

— Куда же вы бѣжите?—кричали другіе —закроемъ двери!

И они дѣйствительно старались свести вмѣстѣ обѣ раскрытыя половинки дверей для того, чтобы замкнуть ихъ на ключъ. Но люди, выбѣгавшіе вонъ, не давали закрыть дверей. У выхода начиналась ссора, доходившая до взаимнымъ оскорбленій и даже толчковъ. Смятеніе увеличивалось. Женщины повскакивали на подоконники и стали открывать окна, какъ будто собираясь выброситься и измѣряя глазами разстояніе отъ окна до земли, мрачно чернѣвшей внизу.

— Стойте, стойте!—крикнула дѣвушка на столѣ.—Не бойтесь!

Толпа пріостановилась. Смятеніе стало меньше. Голосъ черной незнакомки звенѣлъ, какъ труба, и она какъ будто предлагала новую и невѣдомую защиту.

Миша въ свою очередь вскочилъ на одну скамью, еще не опрокинутую бѣглецами.

— Глупости все!—крикнулъ онъ въ свою очередь.—Какая конница ворвется въ жилой домъ, да еще въ четвертый этажъ?..

Россія еще не имѣла опыта карательныхъ экспедицій, и до сихъ поръ въ обывательскіе дома врывалась по преимуществу полиція.

Тревога дѣйствительно оказалась ложною. Просто кто-то увидѣлъ въ окно одинъ изъ патрулей, проѣзжавшихъ взадъ и впередъ по Кузнецкому шоссе, и крикнулъ: „конница", быть можетъ, даже не отдавая себѣ яснаго отчета о томъ результатѣ, который будетъ вызванъ среди толпы неожиданнымъ сообщеніемъ.

Паника прекратилась, но собраніе было сорвано. Ораторъ исчезъ, настроеніе публики упало, и она снова хлынула къ дверямъ уже въ большемъ порядкѣ. Кромѣ того, время было позднее, а завтра утромъ къ шести часамъ нужно было выходить на работу.

II.

Лекторша и дѣвушка въ черномъ задержались у выхода. Для того чтобы одѣться, имъ нужно было пройти черезъ лѣстницу наверхъ въ учительскую, и онѣ ожидали, пока толпа схлынетъ.

— Лидія Ивановна, вы куда!—спрашивала дѣвушка, машинально оправляя свое платье.

-- Домой, на Петербургскую,—сказала учительница. Лицо ея приняло равнодушное, даже тупое выраженіе, какое бываетъ, кажется, только у петербуржцевъ и вызывается необходимостью проѣхать большой конецъ поперекъ города на передаточныхъ конкахъ. Ибо безъ временнаго оцѣпенѣнія нѣтъ никакой возможности вынести это сложное, непріятное, убійственно медленное путешествіе.

Для того чтобы прочесть полуторачасовую лекцію на Кузнецкихъ курсахъ, Лидіи Ивановнѣ Горшковой приходилось тратить около четырехъ часовъ на переѣздъ въ обѣ стороны. Въ этомъ большомъ полуторамилліонномъ городѣ пути сообщенія, какъ и всѣ порядки, имѣли архаическій характеръ и жители переносили ихъ съ подневольнымъ терпѣніемъ, какъ прописку паспортовъ. скученность квартиръ, кандалы всевозможныхъ запрещеній.

— Мы вмѣстѣ, Григензамеръ?—сказала учительница, съ фамильярностью, которую дастъ старшинство возраста.

Она встрѣтила дѣвушку въ кружкѣ молодежи, который, подобно множеству разныхъ другихъ, собирался для обсужденія вопросовъ государственнаго благоустройства.

Кружокъ засѣдалъ на другомъ концѣ столицы, почти столь же отдаленномъ, какъ и Кузнецкій трактъ. На обратномъ пути оттуда они разговорились. Григензамеръ училась въ Парижѣ, слушала лекціи въ Сорбоннѣ, но послѣ январской бойни зимняя забастовка учащейся молодежи внутри Россіи увлекла и многіе элементы изъ заграничныхъ группъ. Юноши и дѣвушки бросали лекціи безъ всякой ближайшей причины и уѣзжали на родину искать чего-то невѣдомаго, всеобъемлющаго, указующаго новые пути. Вообще заграничныя группы русскихъ людей пребывали всю зиму, какъ въ лихорадкѣ. Свѣдѣнія доходили къ нимъ сквозь иска-

жающія увеличительныя стекла иностранныхъ газетъ, и каждый звукъ русскаго ропота раздавался громкимъ раскатомъ, какъ на пластинкѣ мегафона. Въ пространствѣ, гдѣ они вращались, и въ атмосферѣ, которою они дышали, не было регулирующаго воздѣйствія казенныхъ мѣропріятій, тамъ не раздавалось ни рѣзкаго карканья націоналъ-охранителей, ни свиста нагаекъ, ни тонкаго жужжанія солдатскихъ пуль.

Настроеніе русскихъ эмигрантовъ выростало само изъ себя и питалось надеждами и страстями элементарнаго патріотизма, сжигавшей ихъ жаждой вернуться, наконецъ, въ родные предѣлы, услышать русскую рѣчь, увидѣть русскую равнину, хлѣбное поле, телегу, Волгу. Многіе жили, какъ въ чаду, или въ бѣлой горячкѣ, держали чемоданы уложенными и просыпались ночью отъ малѣйшаго шума, въ ожиданіи какихъ-то фантастическихъ и рѣшительныхъ телеграммъ.

Кто могъ, уѣзжалъ раньше времени, часто пренебрегая опасностью и безъ всякой опредѣленной цѣли. Студенты и студентки тоже уѣзжали. Они направлялись въ большіе столичные города и, къ великому своему удивленію, не находили привычной среды, ибо послѣ забастовки потокъ учащейся молодежи отхлынулъ изъ столицъ и распространился въ провинціи. Заграничные писатели метались по Петербургу, переходя отъ одной общественной группы къ другой, и все старались нащупать въ пульсѣ общественной жизни какую-нибудь сходную, молодую, быстро бьющуюся струю. Вотъ почему Елена Григензамеръ такъ усердно просила Лидію Ивановну взять ее съ собой на Кузнецкій трактъ, гдѣ можно было встрѣтиться съ тѣми загадочными и огромными слоями населенія, которые, согласно символу вѣры молодого поколѣнія, должны создать лучшее будущее Россіи.

Рабочіе представлялись Еленѣ высокими, крѣпкими, широкоплечими, мужественными людьми. — Они знаютъ, — думала она про себя, — они рѣшатъ.

И при мысли о нихъ Еленѣ ярче всего рисовались ихъ руки, большія, мускулистыя, непремѣнно энергически сжатыя. Ей казалось даже, что въ этой мозолистой горсти именно и зажато то самое свѣтлое и великое будущее, и какъ только разожмется широкая ладонь, оно выскочитъ на историческую арену, совсѣмъ готовое къ жизни, окрыленное, какъ птица, въ полномъ всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера.

Теперь вмѣсто рукъ въ ея умѣ стояли эти чуткіе, внимательные, молодые глаза. Они были самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, голубые, каріе, сѣрые. Иные какъ будто потускнѣли и ушли внутрь. Другіе блистали, какъ отшлифованные востр-

гомъ и вдохновеніемъ мысли. Въ противоположность своему прежнему представленію, Елена увидѣла, что слушатели въ общемъ не имѣютъ крѣпкаго вида. Все это были тоненькіе, стройные, блѣденькіе юноши, часто тщедушнаго сложенія, съ блѣдной печатью петербургской анеміи на лицѣ. И даже студенты, полуголодные, но въ большинствѣ вышедшіе изъ зажиточныхъ провинціальныхъ семей, имѣли въ общемъ болѣе здоровый видъ.

Рядомъ съ этимъ Елена съ удивленіемъ замѣтила благородныя очертанія многихъ лицъ, чистыя линіи высокихъ лбовъ, тонко обрисованныя, характерно сжатыя губы, блестящіе, вьющіеся волосы. Какъ будто въ эту аудиторію отбирались самые красивые юноши со всего тракта. Впрочемъ, въ дѣйствительности, это отчасти такъ и было, ибо духовная красота большей частью обусловливаетъ тѣлесную и просвѣчиваетъ сквозь нее, какъ внутренній лучъ волшебнаго фонаря, и напряженность душевнаго запроса углубляетъ выраженіе взгляда и дѣлаетъ его значительнѣе.

— Какіе они славные!—сказала Елена, обращаясь къ Лидіи Ивановнѣ.—Я даже не думала...

Лицо Лидіи Ивановны внезапно просіяло и стало моложе и красивѣе.

— Если бы вы знали, какіе они способные,—сказала она съ счастливымъ выраженіемъ въ глазахъ.—Свѣжіе, непосредственные, безъ рефлексій. И многіе учатся совсѣмъ шутя. У насъ въ интеллигентномъ кругу нѣтъ такихъ способностей. Они всасываютъ знаніе, какъ губка влагу.

Лидія Ивановна исповѣдовала тотъ же символъ вѣры о преобладающемъ значеніи рабочаго пролетаріата и, въ свою очередь, старалась внѣдрить и углубить его въ умѣ своихъ учениковъ, но жизнь развивалась медленно и реальная сила все росла, но не могла вырости и разорвать путы.

Вмѣсто силы, главнымъ впечатлѣніемъ, которое Лидія Ивановна постоянно выносила изъ своихъ шестилѣтнихъ сношеній съ юношами Кузнецкаго тракта, было сознаніе ихъ необычайной даровитости. Въ этой средѣ, мало затронутой образованіемъ, таились какъ будто какіе-то подземные источники способностей и талантовъ, готовые брызнуть ключемъ при первомъ прикосновеніи и напоить изсохшую почву русской общественности.

Здѣсь встрѣчались оригинальные умы, неустрашимо строившіе собственныя философскія системы, почти безъ матеріаловъ, изъ мелкихъ обрывковъ знанія, попадавшихъ къ нимъ случайно; мягкія поэтическія натуры, съ тонкой чуткостью къ художественности и красотѣ; самородные изобрѣтатели, цѣлыя когорты самоучекъ. Были люди, начитанные

въ житіяхъ святыхъ и созидавшіе себѣ міросозерцаніе по евангельскимъ текстамъ, по жизнеописанію Сергія Радонежскаго, въ лучшемъ случаѣ, по баснямъ Крылова и сказкамъ Пушкина, смягченнымъ и передѣланнымъ для народнаго чтенія, такъ что, напримѣръ, въ разсказѣ о поповскомъ работникѣ Балдѣ самъ попъ-толоконный лобъ превращался въ именитаго купца-большого скупца.

И дѣйствительно ученики Кузнецкаго тракта были просѣяны тройнымъ естественнымъ подборомъ и въ нѣкорыхъ отношеніяхъ представляли отборные элементы двадцати губерній, извлеченные оттуда дѣйствіемъ столичнаго насоса. Ибо изъ деревни стягивались въ столицу самые бойкіе и подвижные, и изъ нихъ попадали на заводы въ цеховую работу только наиболѣе расторопные, между тѣмъ какъ всѣ другіе оставались чернорабочими и даже погибали въ ночлежкахъ въ качествѣ неудачниковъ труда.

Наконецъ, изъ числа цеховыхъ, который въ общей суммѣ все же насчитывалъ нѣсколько десятковъ тысячъ, на курсы попадали только сотни тѣхъ, кто дѣйствительно тяготился невѣжествомъ и безправіемъ и жаждалъ подняться выше по духовной лѣстницѣ. Общеніе съ этими даровитыми юношами, возможность формировать ихъ гибкій умъ и давать постоянную пищу ихъ растущему запросу, представляли неизъяснимое очарованіе для Лидіи Ивановны. Переходя съ своими учениками каждый годъ съ низшаго курса на высшій, она чувствовала себя, какъ скульпторъ, который постепенно облагораживаетъ контуры и просвѣтляетъ выраженіе своей новой статуи, обрабатывая ее при помощи рѣзца и молотка. Разница была въ томъ, что статуи ея были живыми людьми. Она работала надъ человѣческой душой и творчество ея было тоньше и выше даже свободнаго искусства. Въ очарованіи этого воспитательнаго творчества заключалась единственная плата, которую жизнь отдавала Лидіи Ивановнѣ за ея непрерывную ѣзду на конкахъ и за всѣ труды при Кузнецкой школѣ.

Миша Васюковъ тоже задержался въ дверяхъ, не желая тѣсниться въ толпѣ.

Елена посмотрѣла въ его сторону и увидѣла, что онъ слышалъ послѣднюю часть ея разговора съ учительницей. Въ глазахъ его было смущенное выраженіе и щеки пылали, какъ у скромныхъ дѣтей, когда ихъ похваляютъ въ ихъ присутствіи.

Неожиданнымъ движеніемъ Елена Григензамеръ отдѣлилась отъ своей собесѣдницы, подошла къ молодому человѣку и протянула ему руку.

— Я, кажется, должна извиниться предъ вами. Я была быть можетъ, слишкомъ рѣзка.

Миша осторожно пожалъ маленькую протянутую ему ручку. Въ его кругу здоровались и прощались за руку, но не прибѣгали къ формальнымъ извиненіямъ, да еще съ дамской стороны, при первомъ же знакомствѣ. Рука у Елены была мягонькая, какъ будто вся изъ хряща. Она храбро первая пожала твердую ладонь молодого рабочаго, но при отвѣтномъ пожатіи послушно уступила и сжалась горбинкой. Елена почувствовала, что у Миши рука жесткая съ негибкими суставами и рядомъ мозолей у основанія пальцевъ, привыкшая открываться и закрываться широко и плотно, какъ клещи.

— Пойдемте къ конкѣ!—предложила дѣвушка.

Она какъ будто забыла, что Миша мѣстный житель, которому нѣтъ надобности дожидаться проходящаго мимо поѣзда.

— Пойдемъ, пожалуй,—согласился Миша.

Они вышли въ переднюю, гдѣ часть публики, успѣвшая раздѣться, разбирала обратно свое платье. Здѣсь не было ни номеровъ, ни сторожей. Каждый вѣшалъ свое пальто на любой колышекъ и потомъ самъ снималъ съ вѣшалки. Несмотря на такую простоту, пропажъ не случалось и даже калоши почти никогда не перепутывались.

Палаша Ядренцова тоже была въ передней, хотя вышла изъ аудиторіи одною изъ первыхъ. Она интересовалась только образовательной стороной лекцій, старалась записывать иностранныя слова, а потомъ непремѣнно доискивалась ихъ значенія и заучивала наизусть. Пробовала она записывать и содержаніе, но это ей плохо удавалось. Записи ея выходили совсѣмъ коротенькія и походили скорѣе на отмѣтки въ домашнемъ календарѣ, чѣмъ на настоящее изложеніе.

Предшествующую лекцію о рабочихъ союзахъ она записала такъ:

— Читали объ англійскихъ рабочихъ союзахъ, что они сдѣлали много добра англійскому рабочему народу. Хорошо, кабы у насъ...

При видѣ подходившаго Миши лицо ея оживилось.

— Здравствуйте, Михайло Васильевичъ!—обратилась она къ нему первая,—а я васъ увидала давеча.

Она не обратила особаго вниманія на Елену, которая шла немного сзади.

— Экая черная, — подумала она съ равнодушнымъ неодобреніемъ, — чисто галка...

Во-первыхъ, Палаша не любила интеллигентныхъ дѣвицъ, во-вторыхъ, не одобряла брюнетокъ и темныхъ цвѣтовъ. Она ненавидѣла свою собственную сѣрую кофточку и мечтала о малиновой шубѣ.

Елена Григензамеръ подошла къ Ядренцовой вслѣдъ за юношей.

— Это ваша знакомая?—спросила она съ привѣтливымъ любопытствомъ,—познакомьте насъ.

— Пелагея Васильевна Ядренцова,—назвалъ Миша.—А васъ какъ зовутъ? Я не имѣю чести знать.

— Я—Елена Григензамеръ, Елена Борисовна.—А вѣдь я вашего имени тоже не знаю,—прибавила она, засмѣявшись.

Миша тоже назвался. Оба они широко улыбались тому, что предстали предъ этой другой дѣвушкой въ качествѣ знакомыхъ, не зная даже именъ другъ друга.

Лицо Палаши нахмурилось.—Я пойду домой,—сказала она,—прощайте!..

— Какая она строгая!—сказала Елена съ недоумѣніемъ. Непріязненный тонъ Палаши былъ слишкомъ очевиденъ.

— Она торопится,—объяснилъ Миша.—Читать любитъ, а времени мало.

Онъ чувствовалъ себя неловко и немного злился. Въ то же время ему было жаль Палашу. Они жили въ смежныхъ улицахъ и онъ часто провожалъ ее домой, а теперь она ушла изъ школы одна.

— Идемте, Васюковъ!—

Палаша назвала его Михайло Васильевичъ. Миша тотчасъ же замѣтилъ разницу оттѣнка, но Елена называла точно такъ же по фамиліи всѣхъ знакомыхъ студентовъ, а они напротивъ всегда называли ее Елена Борисовна.

— Я принесу вашу кофточку, Елена Борисьевна!—предложилъ Миша, какъ галантный кавалеръ.

Маленькое видоизмѣненіе ея отчества особенно пріятно прозвучало для слуха Елены; въ немъ былъ такой народный, чисто русскій оттѣнокъ.

— Принесите!—сказала Елена.—Какъ же вы ее узнаете?—засмѣялась она тотчасъ же.—Идемте вмѣстѣ.

Они вышли на темную и грязную лѣстницу, обставленную какими-то подозрительными чуланчиками съ ветхими дверями, прикрывавшими тѣсныя и запущенныя жилища, ибо у Кузнецкихъ курсовъ не было средствъ, чтобы нанять болѣе приличное помѣщеніе.

Тотчасъ же по выходѣ Елена оперлась на руку Миши. На лѣстницѣ было такъ темно и скользко, что каждый неосторожный шагъ грозилъ паденіемъ или ушибомъ.

Наружная дверь выходила во дворъ, а у воротъ стоялъ дворникъ и подозрительно оглядывалъ выходившую публику. Рядомъ съ дворникомъ стоялъ еще субъектъ въ низенькой барашковой шапкѣ и драповомъ пальто съ узкимъ барашковымъ воротникомъ. Лѣвый глазъ у субъекта былъ подбитъ,

что, впрочемъ, нисколько не портило общаго выраженія его физіономіи и скорѣе придавало ей особую цѣльность. Это былъ дежурный шпіонъ, приставленный для наблюденія за публикой. Наблюденіе его, впрочемъ, едва ли могло имѣть какой-либо результатъ. Число выходившихъ было болѣе пятисотъ, и каждый могъ явиться носителемъ крамолы. Въ послѣднее время подъ замѣчаніе попало три четверти петербургскихъ жителей. Шпіоны разрывались на части, и въ концѣ концовъ, невмоготу, набирали для своей практики первыхъ попавшихся, большей частью не тѣхъ, что нужно.

На улицѣ раздался слабый звонъ оружія и стукъ копытъ. Мимо опять проѣзжалъ казачій патруль. Небольшая группа школьниковъ вышла изъ воротъ и пошла по панели. Казаки тихо ѣхали по мостовой почти рядомъ.

— Посмотрите на нихъ, — сказалъ Миша, — и даже замедлилъ шагъ.

Онъ ощущалъ странное чувство, какъ будто выскочилъ изъ бани и внезапно попалъ въ холодную воду. Школьная республика слишкомъ отличалась по своему настроенію отъ этой петербургской улицы. Четверть часа тому назадъ ихъ было пятьсотъ въ школѣ и имъ казалось, что они главные рѣшители судебъ человѣчества. А здѣсь они уже разбрелись въ разныя стороны и ничѣмъ не были замѣтны. Улица продолжала жить своей обычной жизнью, не обращая на нихъ вниманія. Также горѣли фонари, по угламъ стояли городовые, пьяный, балансируя руками, переходилъ черезъ дорогу. Два извозчика спали на козлахъ у бѣлаго большого дома. Улицѣ какъ будто не было никакого дѣла до надеждъ и волненій Миши и его сверстниковъ.

Но казачій патруль, ѣхавшій рядомъ по мостовой, нарушалъ иллюзію спокойствія. Эти люди были совершенно чужіе улицѣ, даже лица у нихъ были какого-то нездѣшняго вида, съ смуглыми щеками и круглыми черными бородами. Это были кубанцы, недавно привезенные въ столицу прямо изъ станицъ и еще не успѣвшіе утратить своего деревенскаго загара. Про нихъ передавали на тракту, что они даже говорятъ по иному и безъ разбора разсматриваютъ всѣхъ вообще жителей Петербурга, какъ людей другой породы, враговъ и бунтовщиковъ.

Миша невольно сравнивалъ своихъ товарищей съ этими вооруженными всадниками. Они, дѣйствительно, казались принадлежащими къ двумъ различнымъ породамъ людей. Товарищи его были мелкіе, маловнушительные, обычнаго недокормленнаго типа столичныхъ мастеровыхъ, а эти были всѣ здоровые, рослые, какъ на подборъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ саблю, нагайку, ружье за плечами, а това-

рицы Миши были совершенно безоружны. Не мудрено, что они такъ скромно жались по панели и спѣшили уходить въ переулки, въ то время какъ эти гордо ѣхали срединою шоссе. Но сила этихъ всадниковъ не выросла изъ петербургской мостовой. Съ своей чужеземной наружностью и высокими, черными лошадьми они выглядѣли какъ кочевники, призванные изъ далекихъ степей для покоренія Петербурга. И самая тишина и спокойствіе этой каменной улицы внушали увѣренность, что рано или поздно имъ придется убраться обратно, предоставивъ жителямъ столицы собственными усиліями рѣшать свои споры и свою судьбу.

Остановка паровой конки была немного подальше, у Ивановскаго завода. Здѣсь собралась уже цѣлая группа ожидающихъ, но красный глазъ локомотива все не показывался изъ-за поворота дороги.

— Пойдемте къ нему навстрѣчу!—предложила Елена.

Они пошли вдоль линіи рельсъ, но за ними никто не послѣдовалъ. Двойное путешествіе черезъ весь Петербургъ отбивало охоту отъ всякихъ дальнѣйшихъ прогулокъ.

— Мнѣ девятнадцать лѣтъ,—говорила Елена, — я учусь въ Парижѣ.

— А хорошо за границей? — немедленно спросилъ Миша.

— Нѣтъ, сиротливо!—сказала Елена,—они насъ не понимаютъ, а мы ихъ.

— Но я думаю, возможно научиться, — сказалъ Миша сдержанно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Я не о языкѣ, а о душѣ. Они совсѣмъ другіе, отъ насъ отличные. Все у нихъ взвѣшено, измѣрено.

— Измѣрять, это полезно,—сказалъ Миша такъ же сдержанно.—Въ каждомъ дѣлѣ годится.

Какъ многіе молодые рабочіе, Миша мечталъ о томъ, чтобы подняться повыше. До 21 года онъ помышлялъ объ экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости, даже пробовалъ откладывать деньги, чтобы потомъ начать готовиться. Потомъ, когда онъ сталъ старше, эта мечта отошла въ сторону и вмѣсто нея явилась другая — о заграничной поѣздкѣ. Онъ даже сталъ изучать нѣмецкій языкъ и по ночамъ списывалъ въ тетрадку переводы изъ учебника.

Теперь Россія внезапно приковала его къ себѣ желѣзными путами и ему казалось уже, что у него никогда не хватитъ силъ уѣхать даже изъ этого предмѣстья, забродившаго новою надеждой. Но мечта объ Европѣ осталась въ его душѣ, какъ отдаленный и недоступный соблазнъ. Миша хотѣлъ искать въ Европѣ не новыхъ настроеній, а прежде свего знанія, науки, лучшихъ и болѣе дѣйствительныхъ ме-

тодовъ труда и борьбы. Поэтому неодобрительный отзывъ Елены показался ему странной и малопонятной причудой.

— Я не люблю ни размѣрять, ни взвѣшивать, — сказала Елена. — Я дѣйствую сразу, по вдохновенію. Нравится— ладно, не нравится—также.

— Кумъ такъ кумъ, а то и ребенка объ полъ,—подтвердилъ Миша.

— Какъ вы сказали?.. — засмѣялась дѣвушка. — Но довольно обо мнѣ. А вы кто такой,—скажите.

— Я токарь по желѣзу, - сказалъ Миша скромно.—Работаю на Череповскомъ заводѣ.

— А какъ вы...—спросила Елена и запнулась. Она не даромъ говорила о себѣ, что дѣйствуетъ сразу. И теперь ей жадно хотѣлось уловить самую сущность души этого удивительнаго молодого человѣка, который работалъ на заводѣ, а думалъ и говорилъ, какъ интеллигентный человѣкъ.

— Какъ вы росли?—докончила она.

— Я сирота,—сказалъ Миша,—безъ отца, безъ матери.

— Долго разсказывать,—прервалъ онъ самъ себя,—послѣ когда-нибудь разскажу.

— Разскажите теперь — стремительно заговорила Елена, хватая его за руки, — вонъ дождикъ идетъ, зайдемъ подъ навѣсъ.

Они дошли до слѣдующей остановки, гдѣ былъ устроенъ родъ деревянной ниши, или полуоткрытой будки со скамейками на бокахъ. Поѣзда все еще не было видно.

— Времени много, настаивала Елена,—разскажите хоть что-нибудь.

— Что разсказывать, — сдержанно заговорилъ Миша.— Отца чуть помню. — Былъ чернорабочимъ на томъ же Череповскомъ заводѣ, да надорвался видно. Умеръ, помнится, лѣтомъ, отъ разрыва сердца. Пришелъ домой вечеромъ, легъ спать на полу, да такъ и не всталъ. Мать въ кухаркахъ служила. Младшаго брата отдала бабушкѣ въ деревню. Когда умерла, мнѣ было девять лѣтъ. Я только началъ ходить въ Кузнецкую школу для малолѣтнихъ.

— Другая кухарка говоритъ?—„Куда ты хочешь теперь ѣхать?"

— Думаю: „куда мнѣ дѣваться. Бабка далеко". Дядя служилъ въ имѣніи подъ Москвой, маминъ братъ; и адресъ былъ—писала ему мама письма, на желѣзнодорожную станцію.

— Я сказалъ: „отправьте меня на ту станцію". Та кухарка свозила меня на вокзалъ, взяла билетъ и отправила съ сундучкомъ вмѣстѣ. Еще полтинникъ дала на дорогу.

— Пріѣхалъ на станцію, а до имѣнія двѣнадцать верстъ,

извозчикъ проситъ рубль съ четвертью. Спрашиваю: „а куда идти?“—„Все прямо по шоссе“,—говорятъ.

Я оставилъ сундучокъ у стрѣлочника, пошелъ пѣшкомъ по шоссе...

— Вотъ поѣздъ идетъ,—перебилъ онъ самъ себя.—Вамъ ѣхать надо.

— А дальше что было,—стремительно спрашивала Елена,—какъ вы въ Петербургъ назадъ попали?..

— Самъ вызвался, въ заводскіе ученики, изъ слесарной мастерской,—торопливо говорилъ Миша.

— Идемъ къ поѣзду!..

— Приходите ко мнѣ,—предложила вдругъ Елена, видя, какъ поспѣшно приближается поѣздъ.—Вотъ мой адресъ.

Она достала изъ кошелька, висѣвшаго на ея поясѣ другой кошелекъ, маленькій черный, вынула оттуда визитную карточку и карандашемъ быстро приписала адресъ.

— Я живу у тетки, — объяснила она мимоходомъ,—она милая. Приходите завтра, нѣтъ, послѣзавтра вечеромъ. Я буду васъ ждать.

— Времени у меня мало,—сказалъ Миша нерѣшительно.

— Ахъ, какой вы,—быстро возразила Елена.—Ну дайте мнѣ вашъ адресъ. У меня много времени. Я къ вамъ пріѣду.

— Пріѣдете?—недовѣрчиво переспросилъ Миша,—мы въ комнатѣ живемъ и все мужчины.

— Ну такъ чтоже,—возразила дѣвушка,—мужчины или женщины, развѣ не все равно?

— А, у васъ карточка есть,—наивно прибавила она, видя, что Миша въ свою очередь достаетъ изъ кармана визитную карточку.

Миша нервно повелъ бровями. Почему-то изъ всѣхъ признаковъ внѣшней культурности, рабочіе особенно цѣнятъ визитныя карточки. Ихъ стараются имѣть даже люди, небрежные въ одеждѣ и не придающіе цѣны никакому внѣшнему лоску.

— Вотъ мой адресъ, — сказалъ онъ, — но лучше вы не приходите. Я самъ приду къ вамъ въ субботу вечеромъ, если хотите этого. А теперь прощайте.

— Прощайте, Миша!—непремѣнно приходите!..

Елена быстро вскочила на подножку вагона и еще разъ улыбнулась своему спутнику.

И послѣднимъ воспоминаніемъ юноши осталось его собственное уменьшительное имя, неожиданно произнесенное этими прекрасными устами.

III.

Миша съ братомъ жили въ довольно большомъ деревянномъ домѣ, на самомъ краю предмѣстья, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ огородами. Даже улица, на которой они жили, называлась Сельской. Впрочемъ, обширная перспектива капустныхъ и огуречныхъ грядъ, открывавшаяся изъ заднихъ оконъ, не имѣла особенно сельскаго вида. Онѣ были разрѣзаны слишкомъ правильными квадратами, покрыты стеклянными четвероугольниками парниковыхъ крышъ, рогожами, рядами странныхъ глиняныхъ горшковъ, опрокинутыхъ кверху дномъ, и напоминали скорѣе мануфактурные полуфабрикаты, правильно разложенные на вольномъ воздухѣ для просушки передъ дальнѣйшей обработкой. Даже зелень являлась на нихъ вся вдругъ, какъ по командѣ, размѣренными вереницами отдѣльныхъ стеблей и кустиковъ, похожими на линіи цвѣтковъ на набивномъ ситцѣ, и какъ будто не имѣла ничего общаго съ настоящей природой. Только на одномъ полуоткрытомъ пустырѣ, внѣдрившемся между домами Сельской улицы, росла настоящая зеленая трава, какъ ее выростилъ Господь Богъ, и паслась какая-то чахлая сѣрая лошадь.

Сельская улица упиралась въ другую, поперечную, которая, быть можетъ, въ видѣ противовѣса этому сельскому спокойствію, называлась Общественнымъ переулкомъ. Такого имени не имѣла ни одна улица въ Петербургѣ.

Мѣстный приставъ постоянно хмурился, назначая туда полицейскіе посты и въ одномъ изъ секретныхъ донесеній даже предложилъ переименовать переулокъ Государственнымъ, въ видахъ успокоенія населенія.

Миша и Алеша жили по студенчески, въ узкой комнатѣ, снимаемой отъ хозяйки. Въ комнатѣ были двѣ желѣзныя кровати, столъ, три стула, этажерка для книгъ. Несмотря на ея скромные размѣры, Миша платилъ за нее 10 рублей въ мѣсяцъ. На главной линіи Кузнецкаго тракта, составлявшей своего рода Невскій проспектъ и обставленной справа и слѣва фабриками и заводами, квартиры были еще дороже и рабочія семьи ютились вмѣстѣ съ дѣтьми въ одиночныхъ комнатахъ и даже въ углахъ, почти столь же тѣсно и скученно, какъ на заднихъ дворахъ Лиговки, или Ямской.

Пищу приготовлялъ Алеша, который до сихъ поръ не могъ поступить на мѣсто и заполнялъ свои досуги домашнимъ хозяйствомъ.

Миша зарабатывалъ довольно много и жили они съ бра-

томъ, какъ нельзя скромнѣе, но деньги уходили всѣ до чиста и на черный день не оставалось ничего.

Пріятель Миши, Гутниковъ, лежалъ на кровати, задравъ на противоположную спинку свои длинныя ноги. Алеша, надутый и красный, сидѣлъ опершись локтями на столъ и даже отворотясь въ другую сторону.

— Вретъ она все,—настаивалъ онъ смущеннымъ и обиженнымъ тономъ.—Намъ и батюшка отецъ Антоній говорилъ въ Киселевкѣ: „не вѣрьте учительницѣ, она скоромное въ посты лопаетъ“.

— А ты не лопаешь?—возразилъ Гутниковъ со смѣхомъ.

Алеша еще больше смутился. Дѣйствительно, въ домашнемъ обиходѣ Мишинаго хозяйства посты какъ-то совсѣмъ не соблюдались.

— Кто же у васъ вретъ?—приставалъ Гутниковъ, вытягивая свои ноги черезъ желѣзную спинку до противоположной стѣны.

Отступая отъ японцевъ
Мы напали на гапонцевъ,

тихонько запѣлъ онъ сквозь зубы.

— Не смѣй пѣть!—яростно крикнулъ Алеша, внезапно поворачиваясь на стулѣ.—Арестантъ!..

— Ого!—сказалъ Гутниковъ, спокойно улыбаясь. Дѣйствительно, Гутниковъ очень недавно избавился отъ вавилонскаго плѣна и вышелъ изъ Предварилки.

— А ты чѣмъ былъ въ деревнѣ, Алешенька,—заговорилъ онъ снова съ ехидной мягкостью,—пастухомъ?..

Алеша молчалъ, отчасти стыдясь своего недавняго окрика.

— Что жъ ты молчишь?—приставалъ Гутниковъ,—или ты воши пасъ за пазухой?

— Стракулистъ!—не удержался Алеша.—Самъ вшивый!..

Гутниковъ былъ писцомъ на Череповскомъ заводѣ. Онъ зарабатывалъ гораздо меньше Миши, даже съ вечерними занятіями, которыя удлиняли его рабочій день дольше обычныхъ заводскихъ десяти часовъ.

Онъ былъ сынъ рабочаго и жилъ среди рабочихъ, и его общественное положеніе не было нисколько выше токаря или слесаря.

— Опять у васъ битва?—спросилъ Миша, входя въ комнату.

Гутниковъ постоянно изводилъ мальчика своими ѣдкими замѣчаніями и доводилъ его до бѣлаго каленія.

— Вотъ этотъ говоритъ, что русскіе плохіе,—сказалъ Алеша, сбычившись.

— А у насъ на деревнѣ поютъ: „Наша Матушка Рассея всему свѣту голова“.

— А ты вѣдь не велѣлъ пѣть!—удивился Гутниковъ.— А хочешь въ деревню назадъ, Алешенька?..

Сердце Алеши упало. Онъ пріѣхалъ изъ деревни полгода назадъ, оборванный и голодный. Здѣсь въ городѣ онъ отъѣлся и пріодѣлся. Братъ купилъ ему штиблеты и штаны на выпускъ, отдалъ собственное пальто, немного поношенное и широковатое для мальчика, но совсѣмъ цѣлое и безъ пятенъ. Теперь завѣтной мечтой Алеши было какимъ бы то ни было путемъ пріобрѣсти карманные часы. У него оставались отъ обѣдовъ кое-какія копѣйки, и онъ даже пробовалъ копить, но никакъ не могъ накопить болѣе полтинника, ибо жизнь въ городѣ требовала карманныхъ денегъ, особенно по воскресеньямъ.

Гутниковъ какъ будто подслушалъ теченіе мыслей Алеши.

— Ты что ѣлъ въ деревнѣ, Алеша,—началъ онъ опять.— Хлѣбъ, соль да капуста, а въ брюхѣ все пусто...

— Вотъ говорятъ: въ деревнѣ здоровѣе жить. А посмотрѣть на тебя. Пріѣхалъ, кости да кожа, а здѣсь, гляди, какое рыло наѣлъ на братнемъ хлѣбѣ.

Алеша жилъ съ бабушкой въ бѣдной рязанской деревнѣ и питался впроголодь. Здѣсь въ городѣ они каждый день ѣли мясо. Обыкновенный обѣдъ изъ заводской столовой, два блюда и сладкое, за четвертакъ, былъ для деревни огромнымъ расходомъ и недосягаемой роскошью. Неудивительно, что городская жизнь казалась Алешѣ верхомъ благополучія, и онъ больше всего боялся, чтобы братъ не отослалъ его обратно на родину.

— Зачѣмъ ты парня дразнишь?—сказалъ Миша съ бѣглымъ упрекомъ.

— А онъ пускай дурака не валяетъ,—возразилъ Гутниковъ.—Умные люди, говоритъ, врутъ, а дураки говорятъ правду. Нашъ, говоритъ, Евстигнѣй—всего свѣта умнѣй.

— Обойдется, — сказалъ Миша. — Прочелъ книжку, Алеша?—прибавилъ онъ, обращаясь къ брату и садясь за ужинъ. Онъ заботился, какъ могъ, о развитіи Алеши и заставлялъ его читать книжки по своему выбору.

— Прочелъ,—сказалъ Алеша уныло. Его патріотическое раздраженіе совершенно улеглось и ему было стыдно своей ссоры съ Гутниковымъ. Но писецъ постоянно говорилъ съ нимъ тономъ какого-то особаго городского и ученаго превосходства, который выводилъ Алешу изъ себя.

— Ну, давай мириться, Алешенька,—началъ опять Гутниковъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ.

— Алексѣй, человѣкъ Божій, обитъ кожей, набитъ рогожей, никуда не гожій... Полно, не сердись. Скажи, мальчишечка, какія дѣвушки лучше, городскія или деревенскія?

Алеша продолжалъ хмуриться, но на лицѣ его противъ воли проступила улыбка и постепенно распустилась широкимъ румянымъ лучомъ.

Младшій братъ Миши былъ необычайно влюбчивъ. Онъ старался посѣщать дома, гдѣ были невѣсты на выданьѣ и гдѣ по субботамъ иногда устраивались вечеринки. Алеша называлъ ихъ по деревенски посидѣлками, но городскихъ барышень предпочиталъ деревенскимъ дѣвкамъ.

— Деревенскія, небось, сопливыя,—продолжалъ неутомимый Гутниковъ.—А городскія вальяжненькія.

Алеша не вытерпѣлъ и утвердительно кивнулъ головой.

— Фабричныя дѣвицы,—запѣлъ неугомонный писецъ
Наливочку всѣ пьютъ.
Красотки мастерицы
По Невскому снуютъ.

Хозяйка внесла самоваръ.

— А я тебѣ новую книжку принесъ,—сказалъ Гутниковъ со смѣхомъ, обращаясь къ Мишѣ,—во всемъ твоемъ вкусѣ, стихи. Нашего же брата, путиловскаго рабочаго, Шувалова.

Миша нахмурился. Онъ тоже писалъ стихи и язвительность писца обратилась теперь по его адресу.

— Посмотри, чего пишетъ,—продолжалъ Гутниковъ.— Сейчасъ видно. Дай, я прочитаю:

Я въ деревнѣ пасъ скотину
Да ходилъ сторожевымъ.
А теперь повыше чиномъ
Здѣсь я сталъ мастеровымъ.

— Мишенька, — вдругъ заговорилъ Алеша, — опредѣли меня на заводъ.

— Я тебѣ говорилъ,—нѣту станка свободнаго,—возразилъ Миша такъ же хмуро.

Мѣста для Алеши выходили неоднократно, но все плохія, обѣщавшія мало заработка. Миша непремѣнно хотѣлъ пристроить брата къ токарному станку, гдѣ заработная плата была выше всего. Но Алеша былъ другого мнѣнія.

— Хоть куда-нибудь, — настаивалъ онъ, — хоть въ литейную.

— Подобное къ подобному тянетъ,—насмѣшливо сказалъ Гутниковъ.

Литейная была самая необразованная мастерская, гдѣ

требовалась только физическая сила и куда иные рабочіе поступали прямо изъ деревни.

Чаепитіе окончилось.

Алеша всталъ изъ-за стола и, по привычкѣ, обратившись въ передній уголъ лицомъ, сталъ торопливо креститься и бормотать молитву.

— Да ты чему молишься,—со смѣхомъ спросилъ Гутниковъ,—пустому углу?..

Въ комнатѣ Миши не было никакой иконы. Алеша сначала удивился этому, но потомъ рѣшилъ, что, должно быть братецъ знаетъ лучше. Самъ же онъ продолжалъ поступать такъ, какъ его учила бабушка въ деревнѣ. По его понятіямъ, напримѣръ, войти въ чужую квартиру и не перекреститься въ красный уголъ, было такъ же невѣжливо, какъ остаться въ шапкѣ и не поздороваться. Но только теперь Гутниковъ прямо и грубо обратилъ его вниманіе на различіе между внѣшнимъ поведеніемъ его и брата.

Алеша вынесъ самоваръ, убралъ чашки, потомъ сѣлъ на свою кровать. По лицу его было видно, что онъ крѣпко думаетъ о чемъ то.

— Ложись спать, Алеша!—сказалъ Миша. Гутниковъ сталъ прощаться.

— А почему вы не молитесь, братецъ?—спросилъ вдругъ Алеша неувѣреннымъ тономъ.

Миша молча пожалъ плечами.

— Ну такъ и я не буду!—рѣшилъ вдругъ Алеша.

Это была съ его стороны капитуляція. Онъ какъ бы давалъ обѣщаніе признать всѣхъ друзей Миши, учительницу школы и ея учениковъ и даже Гутникова умнѣе себя, и выражалъ готовность принять ихъ образъ мыслей и подражать ихъ дѣйствіямъ.

— Я еще посижу!—сказалъ Миша, вынимая изъ стола толстую тетрадь, въ мягкой черной клеенкѣ. Это были его нѣмецкіе переводы, въ которые онъ не заглядывалъ мѣсяца три, но которые теперь почему-то пришли ему на умъ.

Вставать на работу нужно было къ шести часамъ, но Миша спалъ мало и часто засиживался за полночь, особенно съ праздника подъ будни.

Черезъ десять минутъ Алеша уже спалъ крѣпкимъ сномъ. Въ комнатѣ было тихо, но нѣмецкіе переводы не клеились у Миши. Онъ сидѣлъ съ сухимъ перомъ въ рукахъ и думалъ о своей новой знакомой. Его представленіе объ Еленѣ какъ то странно двоилось. Одна Елена, та, которая стояла на эстрадѣ въ красивомъ черномъ платьѣ и съ дерзкой рѣчью на устахъ, была для него, какъ фигура изъ исторіи, какъ прекрасная гравюра изъ художественной книги, какъ

муза призыва и вдохновенія, съ горящимъ взоромъ и голосомъ, звонкимъ и высокимъ, какъ труба.

Другая Елена, та, которая вышла съ нимъ изъ школы и говорила такъ откровенно, казалась ему страннымъ существомъ какой-то особой породы, не похожей напримѣръ, на породу людей, населявшую переулки Кузнецкаго тракта.

Миша не былъ чуждъ сознанія своихъ способностей и развитія, но всетаки онъ думалъ объ этой Еленѣ приблизительно такъ, какъ могъ бы думать молодой пудель о ручной канарейкѣ, которая щебечетъ на вѣткѣ комнатнаго дерева въ нѣсколькихъ шагахъ надъ головою собаки.

Экспансивное поведеніе Елены и ея настойчивость даже не поражали его. Ему казалось, что поступать такъ ей столь же свойственно, какъ птицѣ летать. Онъ не могъ составить себѣ опредѣленнаго сужденія объ этой второй Еленѣ и не зналъ, напримѣръ, нравится она ему, или нѣтъ.

Зато попутно онъ подумалъ о Палашѣ Ядренцовой и въ душѣ его снова шевельнулось брезгливое чувство.

— Калошница,—подумалъ онъ,—пахнетъ отъ нея.

Работницы резиновой мануфактуры дѣйствительно повсюду приносили съ собою благоуханіе пахучихъ составовъ, употребляемыхъ въ ихъ занятіи. Запахъ этотъ былъ такъ тяжелъ, что матери, кормившія дѣтей, по возвращеніи съ работы должны были мыться и мѣнять одежду. Иначе ребенокъ отказывался брать грудь.

Палаша впрочемъ уже два года не работала надъ резиной, но въ представленіи Миши, она была тѣсно связана съ ея матерью и со всей резиновой арміей.

— Со всячиной живутъ калошницы,—думалъ Миша,—по полкровати въ углахъ снимаютъ, а другую полкровати мужчина сниметъ, ну и спятъ вмѣстѣ.

— Несчастныя петербургскія работницы,—продолжалъ Миша свою мысль,—въ сто разъ несчастнѣе мужчинъ.

Но послѣ этого онъ вызвалъ въ памяти образъ Елены, благоухающій чистотой и свѣжестью, и на душѣ его стало легче и свѣтлѣе.

Нѣмецкіе переводы не подвигались впередъ. Миша отложилъ въ сторону тетрадь и досталъ другую въ зеленой обертке и болѣе подержаннаго вида.

На заглавномъ листѣ было написано крупнымъ почеркомъ: *Мои Надежды,* и нарисованъ корабль, вродѣ греческой триремы. На триремѣ было три ряда веселъ, на каждомъ веслѣ было написано: *Трудъ*, и въ срединѣ мачта съ широкимъ четырехугольнымъ парусомъ и надписью: *Свобода.* На верху мачты былъ флагъ съ девизомъ: *Идеалъ.* На кормѣ было выведено имя триремы: *Жизнь,* и двѣ широкія доски,

вдѣланныя въ бока корабля, назывались *Наука* и *Борьба.* Руль корабля назывался: *Сила Воли.* Это была тетрадь стиховъ собственнаго сочиненія Миши. Аллегорическую картину заглавнаго листа Миша нарисовалъ, когда ему было только 18 лѣтъ. Впрочемъ и теперь Миша любилъ рисовать въ своей тетради женскія головки, собакъ, пейзажи. Миша недурно чертилъ, зналъ также начатки рисованія и его эскизы имѣли довольно приличный видъ.

Миша раскрылъ тетрадь на послѣдней исписанной страницѣ и тихо прочиталъ:

Отъ гудка до гудка я стою у станка,
По желѣзу желѣзомъ стучу.
Цѣлый день я стучу, я желѣзо точу.
Кто узнаетъ, чего я хочу?
Колесо зажужжитъ, и рѣзецъ завизжитъ,
И ремень зашипитъ, какъ змѣя.
Та змѣя, это горькая доля моя,
Никуда не уйти отъ нея.
На заводѣ—въ тюрьмѣ, на работѣ—въ ярмѣ,
У станка на желѣзной цѣпи.
И хохочетъ гудокъ на зарѣ въ полутьмѣ:
Покоряйся, молчи и терпи!
Не хочу, не могу покориться врагу,
Задушу я злодѣйку змѣю.
Ничего не боюсь, я свободы добьюсь
И желѣзную цѣпь разобью.

Миша перевернулъ страницу, прежде всего нарисовалъ женскую головку въ широкополой шляпѣ съ вуалью, подумалъ и написалъ заголовокъ: *Муза.*

Муза съ горящими ярко очами,
Муза съ текущими смѣло рѣчами,
Черноволосая, звонкоголосая,
Юная муза моя...

Михаилъ Васильевъ Васюковъ, молодой токарь по металлу, изъ пушечной мастерской Череповскаго завода, поддался опасному влеченію къ красивой парижской курсисткѣ Еленѣ Григензамеръ.

Танъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Рабочіе и „политика“ *).

Живо вспоминается мнѣ картинка выборовъ въ коммиссію Шидловскаго на одномъ изъ крупныхъ заводовъ Петербурга.

У размѣточной плиты механической мастерской толпа народу. Работа пріостановлена и только одинъ электрическій подъемный кранъ гремитъ своими цѣпями и гулко перекатывается съ одного мѣста на другое. На плитѣ стоитъ выбранный рабочій. Между нимъ и избирателями происходитъ «обмѣнъ мнѣній».

— Васютка, а Васютка, — говоритъ старый, заросшій бородой рабочій.—Ты тамъ, въ коммиссіи-то на счетъ политики не больно... Ну ее къ лѣшему!..

— Кто? Я о политикѣ?—Да Боже меня сохрани, — отвѣчаетъ избранный. — Перво-на-перво скажу, чтобъ свободу слову дали; чтобъ говорить, значитъ, можно было безъ опаски...

Въ толпѣ минутное раздумье, потомъ кто-то отвѣчаетъ:

— Да, это правда. Развѣ можетъ быть толкъ, ежели не успѣлъ еще рта разинуть, а тебя уже въ тюрьму тянутъ.

— Конечно, — продолжалъ выборщикъ.—Посудите сами, сколько теперь народу по тюрьмамъ сидитъ. А вѣдь это все наши лучшіе товарищи. Вотъ и нужно будетъ еще сказать, чтобы ихъ выпустили.

---

*) Настоящій очеркъ является попыткой освѣтить хотя отчасти то, поистинѣ трагическое, положеніе, которое переживаетъ рабочій классъ въ настоящее время. Во всѣхъ слояхъ его происходитъ полнѣйшая ломка старыхъ убѣжденій и понятій. Передъ темнымъ, неподготовленнымъ умомъ рабочаго возникла цѣлая вереница огромныхъ вопросовъ, требующихъ опредѣленнаго отношенія къ себѣ. Возникла «политика», чуждаться которой, какъ бывало прежде, рабочій ужъ не можетъ. Въ этомъ отношеніи переживаемый моментъ является историческимъ; отъ него зависитъ многое, что можетъ случиться въ будущемъ, и будетъ очень жаль, если для литературы онъ пройдетъ незамѣтно. Съ своей стороны, я не претендую дать читателю яркую картину настроенія рабочихъ массъ и могу предложить только бѣглыя указанія на то, какъ отражались нѣкоторые факты общественной жизни на понятіяхъ и убѣжденіяхъ средняго, рядоваго рабочаго. *П. Т.*

— Митька Горшковъ третій мѣсяцъ сидитъ! — донесся чей-то угрюмый голосъ.

— Жена надысь послѣднюю юбку заложила. Плачетъ, бѣдная, — добавилъ другой.

— Ну да,—сказалъ третій, — это тоже нужно упомянуть. Что, на самомъ дѣлѣ! Сажаютъ людей ни за что, ни про что. Вотъ который мазурикъ или воръ — тѣхъ и сажай, а рабочаго нечего трогать!

— Еще я думаю сказать, чтобы наши засѣданія въ газетахъ печатались, и все полностью, конечно.

— Это тоже нужно.

— А потомъ еще скажу на счетъ «собраній» *). Закрыли ихъ и не даютъ намъ нигдѣ собраться. Какъ мы можемъ поговорить о нашихъ нуждахъ? Нужно, молъ, намъ свободу союзовъ, собраній, а самое главное—свободу стачекъ. Безъ нея совсѣмъ нельзя жить, потому что нечѣмъ бороться съ хозяиномъ, какъ только забастовкой.

— На счетъ длинноты дня тоже бы надо сказать.

— Вѣрно, это тоже скажу.—То же самое скажу и на счетъ государственнаго страхованія. Заграницей тамъ, братъ, такъ устроено: какъ только мастеровой доработался до старости — сейчасъ ему пенсію отъ казны, или въ пріютъ какой отправятъ. А у насъ— старость пришла — умирай гдѣ-нибудь подъ заборомъ, ежели въ деревнѣ никого нѣтъ.

— Васютка, — заговорилъ бородатый, — ты, слышь, на счетъ этого непремѣнно скажи. Самъ посуди: вѣдь мнѣ 62 года, силы, почитай, никакой нѣтъ...

Итакъ, не употребивъ ни разу слова «политика», выборщикъ провелъ всю политическую программу и рабочіе, расходясь уже по домамъ, говорили ему:

— Такъ ты смотри же, не забудь чего-нибудь... Однимъ словомъ, какъ сегодня все говорили, такъ и тамъ валяй. А политики не нужно. Ну ее къ шуту!..

Мнѣ кажется, что эта сценка очень типична для характеристики развитія массового рабочаго вскорѣ послѣ 9-го января. Напуганная этимъ днемъ, средняя и наиболѣе многочисленная часть рабочихъ была поставлена въ какое-то неопредѣленное положеніе. Гдѣ политика, гдѣ экономика? Разобраться въ этихъ вопросахъ мало кто могъ. Былъ, напр., у нихъ о. Гапонъ, который, какъ ни какъ, а пользовался широкой популярностью. Онъ всегда подчеркивалъ, что рабочему «политики» совсѣмъ не нужно, и доходилъ даже до того, что чуть не собственноручно изгонялъ изъ «Собранія»

*) «Собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ гор. Петербурга». Закрыты градоначальникомъ послѣ 9-го января.

ораторовъ-политиковъ. И дѣйствительно, до 9-го января «политика» являлась въ рабочихъ массахъ чѣмъ-то не совсѣмъ желательнымъ, хотя бы уже по одному тому, что за нее слишкомъ тяжело было расплачиваться.

Были и другіе «дѣльцы», подвизавшіеся съ благословенія С. В. Зубатова во всевозможныхъ обществахъ взаимопомощи, гдѣ они расточали медоточивыя рѣчи о прелестяхъ экономики, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, лишь бы оградить рабочую массу отъ вліянія политическихъ агитаторовъ.

Сѣрая масса, пожалуй, и не прочь была разсуждать въ такомъ духѣ: «Какое мнѣ дѣло до царя, министровъ и всего прочаго. Важно имѣть одно: хорошій заработокъ и короткій день. Все же остальное ерунда и никакой существенной пользы мнѣ принести не можетъ». Но время шло. Наступила эпоха «довѣрія», а вслѣдъ за нею и 9-е января. Независимая печать всѣми силами пробивалась впередъ, поминутно разоблачая то чиновничье воровство, то творящіяся беззаконія. Прежде рабочіе охотно откладывали свои 2—3°/о на нужды войны или на Красный крестъ, теперь же все чаще закрадывалось сомнѣніе: да полно, дойдутъ ли эти деньги по своему назначенію? Не разворуютъ ли ихъ? А сознательные рабочіе пользовались такимъ положеніемъ, сравнивая дѣятельность правительства на Востокѣ съ его дѣятельностью здѣсь, въ Россіи.

Къ этому времени печать давала уже достаточно матеріала для этого. Жизнь съ каждымъ днемъ выдвигала все новые и новые вопросы, и рабочей массѣ становилось все яснѣе, что всѣ эти вопросы неразрывно связаны съ ея благополучіемъ. Масса стала вдумываться въ разыгрывавшіяся вокругъ нея событія, перебирать свои столкновенія съ окружающимъ міромъ и все, на что она обращала вниманіе, приводило ее къ заключенію, что на пути улучшенія ея быта стоитъ никто иной, какъ само правительство. Въ эту сторону направляли проснувшуюся мысль рабочаго самые мелкіе факты его обыденной жизни.

Рабочіе собрались у конторы директора, чтобы заявить, положимъ, о томъ, что необходимо прорубить новыя ворота на Прицѣпиловку. Является городовой и кричитъ:

«Разойдись!» Рабочіе въ недоумѣніи. Возникаетъ вопросъ: «Какое ему дѣло?» и кто-нибудь кричитъ: «Уходи къ чорту, на тачкѣ не катался, такъ покатаемъ». Этого достаточно, чтобы появился отрядъ казаковъ и началось безсмысленное, звѣрское избіеніе. Но вѣдь нагайками не выбьешь этого вопроса: «Какое имъ дѣло?»...

Или другой случай.

Въ заводѣ идетъ сборъ подписей на прошеніе къ директору о томъ, чтобы, по примѣру другихъ заводовъ, по субботамъ работать не до четырехъ часовъ, а до двухъ. Подписи идутъ довольно успѣшно, и никто не можетъ заподозрить здѣсь что-нибудь полити-

ческое, но тѣмъ не менѣе въ одну прекрасную ночь всѣ сборщики подписей арестованы. Опять вопросъ: «За что ихъ арестовали?»

Или еще случай.

Рабочіе, по предложенію директора, выбрали депутатовъ для переговоровъ съ нимъ относительно расцѣнокъ, но на другой же день всѣ депутаты арестованы. Кто причиной этому? Подозрѣніе падаетъ на самого директора, но тотъ даетъ честное слово, что арестъ произошелъ безъ его вѣдома и что онъ самъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы освободить арестованныхъ. Но его попытки оказываются безуспѣшны.

Кто виновникъ всѣхъ этихъ событій и происшествій? Отвѣтъ одинъ — правительство. Стало быть, надо бороться съ нимъ и нельзя обойтись безъ «политики».

Но вѣдь за политику сажаютъ въ тюрьму!.. Такъ что же дѣлать?..

Такимъ образомъ, рабочему приходилось чувствовать себя заключеннымъ въ кругѣ мучительныхъ противорѣчій. Когда эти противорѣчія бывали распутаны, рабочій выходилъ на прямую дорогу. Пока же они оставались не разрѣшенными, въ рабочихъ кругахъ царили крайне неопредѣленные взгляды на «политику», и эта неопредѣленность создавала почву даже для такихъ отрицательныхъ явленій, какъ «черная сотня».

Что изъ себя представляетъ «рабочая черная сотня»—отвѣтить не трудно. Главарями ея являются завѣдомые негодяи, почуявшіе возможность стать ближе къ полиціи и подъ ея покровительствомъ заняться форменнымъ грабежемъ. Достаточно сказать, что у главнаго вожака черносотенцевъ Невской заставы А. Снѣсарева (или Слесарева, какъ его ошибочно называли въ газетахъ) послѣ его смерти осталось 1600 руб. денегъ, 8 золотыхъ часовъ, 15 серебряныхъ, десятка два кошельковъ и масса каракулевыхъ шапокъ, тогда какъ до его «политической» дѣятельности, по увѣреніямъ близко знавшихъ его лицъ, онъ ходилъ въ рваныхъ опоркахъ и велъ почти нищенскую жизнь. А полиція относилась къ черносотенцамъ дѣйствительно хорошо. Стоило какому-нибудь бродягѣ или громилѣ, попавшему въ участокъ, предъявить значекъ союза русскихъ людей, какъ его немедленно освобождали, да еще и извинялись за происшедшее недоразумѣніе. Это покровительство имѣло такое послѣдствіе: многіе рабочіе, преимущественно изъ среднихъ и совершенно индифферентныхъ ко всякой общественной жизни, захотѣли оградить свою личность и имущество какъ отъ полиціи, такъ и отъ истинныхъ членовъ черной сотни, и тоже стали записываться въ союзъ русскихъ людей, а многіе нашли еще иной способъ: стали собственноручно чеканить значки Георгія. Эту поддѣлку они довели до такой степени совершенства, что

лично я, напр., когда мнѣ подали два значка, рѣшительно не могъ опредѣлить, какой изъ нихъ настоящій, а какой поддѣльный.

Но это, однако, еще не всѣ разряды черносотенцевъ. Мнѣ встрѣчались рабочіе, которые говорили буквально слѣдующее:

— Здѣсь всему причиной—забастовки. Не будь ихъ—ничего бы подобнаго не было. Сами посудите—сегодня бастуемъ, завтра бастуемъ, послѣзавтра бастуемъ. . Да когда же работать-то будемъ? Вѣдь этакъ совсѣмъ съ голоду можно подохнуть... Да еще былъ бы какой-нибудь смыслъ, еслибъ за расцѣнки или изъ-за мастера какого бастовали, а то такъ, здорово живешь. У поляковъ военное положеніе ввели, а мы голодать будемъ!..

И почти то же самое я услышалъ въ котельной мастерской Семянниковскаго завода во время «разоруженія черносотенцевъ».

Всѣ рѣчи записаны мной почти дословно.

. . . У большой плиты, гдѣ правятся листы желѣза, собралась толпа рабочихъ. На плитѣ стоитъ маленькій, несчастнаго вида рабочій и часто-часто мигаетъ глазами. Ему, видимо, очень неловко подъ взглядами громадной толпы.

— Негодяй ты!—слышится сильный голосъ выборнаго—ты Іуда-предатель, и нѣтъ тебѣ отъ насъ никакого сочувствія. Развѣ ты самъ не видишь, какъ тяжело приходится нашему брату рабочему, развѣ твоя собственная жизнь и здоровье не висятъ на волоскѣ каждую минуту? И неужели ты никогда не думалъ о томъ, что нужно намъ всѣмъ бороться за одно общее дѣло, чтобы сдѣлать нашъ трудъ человѣческимъ, что бы не умирать голодной смертью и не остаться калѣкой?!. А ты, точно Каинъ, вздумалъ убивать своихъ же собственныхъ братьевъ, которые о тебѣ же, негодяй, заботятся...

— Братцы, братцы!—лепечетъ рабочій.

— Нѣтъ тебѣ здѣсь братцевъ. Ты подлецъ, а такихъ братцевъ у насъ никогда не было...

— Ну, постойте же, дайте мнѣ слово сказать. Я не виноватъ, ей-Богу! Судите сами: жена, четверо ребятъ, старуха теща... Была забастовка... придешь домой, а жена: «Ты что пришелъ?»—Забастовка, говорю.—«А жрать чего будемъ?» и пошла ругаться. Теща тоже ворчитъ. Потомъ вторая была забастовка, тутъ совсѣмъ чуть не загрызли... А чѣмъ я виноватъ? Потомъ еще третій разъ забастовка... вотъ вамъ истинный крестъ—три дня домой не ходилъ. А Мишка говоритъ: «Это все забастовщики, жиды да революціонеры намъ дѣлаютъ. Хочешь, чтобъ у насъ больше не было забастовокъ?»—Ну-да, хочу, отвѣчаю я. «Пойдемъ, говоритъ, запишу тебя въ союзъ русскаго народа. Тамъ, говоритъ, пособія даютъ и значки Георгія, а въ придачу еще и револьверъ. Когда всѣхъ ихъ перебьемъ, тогда все тихо и смирно будетъ». А я дуракъ былъ, взялъ да и пошелъ. Товарищи, простите меня. Все по глупости своей... и жена еще тоже, дура проклятая... Она-то

больше меня и сбила. Вѣрно вамъ говорю. Простите, товарищи.

Онъ снялъ свой помятый картузъ и сталъ кланяться толпѣ.

— Такъ какъ же, простимъ, что ли его?—обратился прежній голосъ къ толпѣ.

— Да ладно!.. Шутъ съ нимъ. Прощаемъ...

Рабочій облегченно вздохнулъ и слѣзъ съ плиты.

— Кто тамъ еще? Алекинъ Николай.

Сквозь толпу сталъ пробираться новый рабочій. Подойдя къ выборному, онъ положилъ передъ нимъ большой, казеннаго образца, револьверъ, значекъ, свидѣтельство и сталъ въ какой-то нерѣшительности.

— Чего же ты, лѣзь на плиту!—раздались голоса.

Онъ нехотя поднялся на плиту и сталъ, опустивши голову.

— Вотъ измѣнникъ нашему рабочему дѣлу,—сказалъ опять выборный.—Іуда Искаріотскій, предавши Христа, повѣсился на осинѣ, а нашъ предатель еще живъ. У него совѣсти меньше, чѣмъ у Іуды.

— Товарищи, не предатель я и не Іуда... а вышло дѣло вотъ какого рода. Пріѣхалъ я изъ деревни. Сунулся на одинъ заводъ, не принимаютъ, на другой—тоже, на третій тоже... Одиннадцать заводовъ исходилъ—нигдѣ работы нѣтъ. Что дѣлать? Денегъ ни копѣйки, два дня крошки хлѣба не видѣлъ и знакомыхъ никого нѣтъ. Оставалось одно: идти побираться. Попробовалъ было—да не могъ. Стыдно, не дай Богъ какъ. Сѣлъ это я на лавочку и думаю, что мнѣ теперь дѣлать: либо руки на себя наложить, да въ Неву броситься?..

А какой-то человѣкъ подходитъ и говоритъ: «Никакъ безработный?»—Да, говорю, безработный.—«Все это, говоритъ, вамъ жиды надѣлали. Небось, которые подстрекали, такъ тѣ голодными не бываютъ, имъ жалованье жиды, кому 30, кому 40 рублей, платятъ, а вотъ русскій народъ страдаетъ и поработалъ бы, да все черезъ нихъ ничего не сдѣлаешь... Надо, говоритъ, всѣхъ жидовъ да крамольниковъ сначала вывести, а потомъ и работа будетъ и все по хорошему пойдетъ»... Хотѣлъ я его тутъ по-русски пустить, а онъ, точно дьяволъ соблазнитель, вынимаетъ серебряный рубль и говоритъ: «Вотъ тебѣ цѣлковый, поди закуси чего-нибудь». Загорѣлось во мнѣ все. Эхъ, думаю, вѣдь на эти деньги во-какъ наѣсться можно, и щи съ мясомъ, и каша, и стаканъ водки будетъ, да еще и на завтра останется. Взялъ я отъ него эти деньги... и такъ оно все къ одному и пошло. На другой день получилъ отъ какой-то барыни (Варварой Николаевной называется) и билетъ «активной борьбы», и револьверъ съ разрѣшеніемъ полиціи. «Ты, говоритъ, только къ намъ на собранія приходи, а то и на заводъ устроимъ». Ну, и устроила!.

Онъ на минуту замолчалъ а потомъ обратился къ толпѣ.

— Простите меня, товарищи. Бѣдность да голодуха заставили меня поступить въ этотъ союзъ. А на счетъ револьвера не сомнѣвайтесь, когда дѣло коснулось, вотъ вамъ крестъ, ихъ бы первыхъ началъ стрѣлять.

— А почему же мы при бѣдности и голодѣ не дѣлали такъ, какъ ты?—спросилъ кто-то.

— Простите, братцы, хотя и зналъ я про это, а другого пути не было, или въ Неву, или къ Варварѣ Николаевнѣ...

Вслѣдъ за ними проходитъ еще нѣсколько человѣкъ, но мотивъ вступленія въ черную сотню у всѣхъ оказывается приблизительно одинъ и тотъ же.

Не нужно забывать и слѣдующаго. Условія, при которыхъ русскій рабочій можетъ имѣть хоть до нѣкоторой степени сносный заработокъ, ставятъ его въ большую зависимость отъ мастера. У всякаго за плечами нѣсколько голодныхъ ртовъ, которые побуждаютъ его какъ можно больше зарабатывать денегъ, и если только мастеръ чувствуетъ симпатію къ черносотенцамъ, то и рабочему приходится считаться съ этимъ. Право на трудъ русскаго рабочаго находится въ громадной зависимости отъ политическихъ убѣжденій начальника, и чѣмъ темнѣе комплектъ рабочихъ, тѣмъ больше можетъ имѣть начальникъ «своихъ» приверженцевъ.

Вернемся, однако, къ прежнему. Какъ мы видѣли, «политики» рабочіе боялись, но боялись не самой сущности ея, а только слова, боялись, какъ жупела, плохо разбираясь въ томъ, гдѣ кончается экономика и начинается политика.

Коммиссія Шидловскаго сыграла въ этомъ отношеніи благодарную роль. Прежде всего она пробудила у рабочихъ интересъ къ дѣятельности правительства. Многіе въ первую минуту было повѣрили, что правительство дѣйствительно думаетъ позаботиться объ ихъ нуждахъ, потому собраніе выборщиковъ происходило въ довольно таки торжественной обстановкѣ. Впрочемъ, сознательные рабочіе и тогда не особенно поддавались иллюзіямъ. Многіе избранные рѣшительно отказывались идти въ эту коммиссію, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что имъ совсѣмъ не хочется садиться въ тюрьму, другіе заключали съ товарищами словесное условіе, чтобы не дали умереть съ голоду ихъ семьямъ, если депутатовъ посадятъ въ тюрьму. Никто не сомнѣвался, что правительство способно засадить въ тюрьму всѣхъ депутатовъ, и даже широкимъ массамъ казалось необходимымъ, чтобы избраннымъ ими людямъ была до начала работъ коммиссіи обезпечена неприкосновенность личности и свобода слова. Правительство отказалось это сдѣлать. Начались аресты, а въ лучшемъ случаѣ увольненія выборщиковъ съ заводовъ и фабрикъ. Тогда уже всѣмъ стало ясно, что, созывая коммиссію, правительство имѣло одну цѣль: поманить рабочихъ дешевыми обѣщаніями, не предполагая выполнить ихъ на дѣлѣ.

Возникшая вслѣдъ за тѣмъ другая коммиссія, Коковцева, уже

совсѣмъ не представляла интереса въ глазахъ рабочихъ. Только по временамъ въ мастерскихъ прочитывались отчеты ея засѣданій и то лишь затѣмъ, чтобы поглумиться надъ разыгрываемой комедіей, такъ какъ въ это время правительству не вѣрилъ уже никто.

— Придется, вѣрно, подождать до января, чтобы къ годовщинѣ подогнать, да и снова къ Зимнему дворцу...

— Только не съ голыми руками!

— Да ужъ, конечно. Дѣло ясное...

Такіе многозначительные разговоры слышались повсюду.

Среди захваченныхъ уже «политикой» рабочихъ рано или поздно неизбѣжно возникалъ вопросъ о партійной организаціи. Въ Петербургѣ до послѣдняго года наибольшею популярностью въ рабочей средѣ пользовалась соціалъ-демократическая партія. Но эта популярность далеко не устраняла возможности многихъ недоумѣній даже среди рабочихъ, причислявшихъ себя къ соціалъ-демократамъ.

Мнѣ вспоминается небольшой конспиративный кружокъ, куда въ качествѣ рабочаго входилъ и я. Это было приблизительно въ 1900 г. Кружокъ считался соціалъ-демократическимъ, но не потому, чтобы всѣ мы знали Маркса и раздѣляли программу с.-д. партіи, а просто въ силу популярности слова «соціалъ-демократъ». Въ немъ намъ слышался оппозиціонный духъ, символъ борьбы, но борьбы не одного со многими, а организованной, дружной силой. Нашъ студентъ-пропагандистъ называлъ себя соціалъ-демократомъ, и развѣ мы, его ученики, могли именоваться иначе?

Каждую субботу онъ пріѣзжалъ къ намъ и подъ его руководствомъ мы изучали политическую экономію. Однажды онъ привезъ намъ «Коммунистическій Манифестъ», познакомилъ съ его значеніемъ для пролетаріата и принялся читать. Мы слушали внимательно. Все казалось такъ ясно и просто, что возражать было рѣшительно не на что.

Вотъ и послѣднія слова: «Коллективисты не скрываютъ своихъ цѣлей... Они обращаются со своимъ призывомъ къ пролетаріату. *Въ предстоящей борьбѣ пролетаріямъ нечего терять*, они потеряютъ только свои цѣпи а пріобрѣтутъ весь міръ»...

— Какъ это нечего терять?—спросилъ мой товарищъ Н.

— Очень просто. Жизнь рабочаго такъ тяжела, что она совсѣмъ не имѣетъ для него цѣнности.

— Вотъ тебѣ и разъ! А какъ же жена, дѣти... а я самъ?!.

— То есть, вы что хотите сказать?

— Да вѣдь люблю я ихъ, или нѣтъ? Или вотъ возьмемъ нищаго, самаго настоящаго. Почему онъ мучается, а не хочетъ либо утопиться, либо повѣситься? Жизнь стало быть дорога.

— Вы не такъ понимаете. Нищіе не могутъ быть пособниками дѣлу соціализма. Для нихъ, какъ и для всякаго лумпенъ-пролетарія, даже выгоднѣе, если по прежнему будетъ существовать капитализмъ.

— Я съ этимъ не спорю, но опять таки спрашиваю, почему, не смотря на всѣ свои лишенія, они все же не хотятъ разстаться съ жизнью, почему даже для нихъ она имѣетъ такую громадную цѣнность. Насъ призываютъ къ открытой борьбѣ и многимъ, быть можетъ, очень многимъ, придется умереть. Конечно, это такъ и будетъ, но представьте себѣ, пріятно ли будетъ погибшимъ за дѣло всего народа слышать, что «они, молъ, умерли потому, что имъ терять было нечего?»—Да какъ это—терять нечего?

Студентъ заговорилъ было объ экономической зависимости, но Н. не далъ ему договорить.

— Бросьте вы эту самую «экономическую зависимость». Развѣ однимъ рублемъ, однимъ брюхомъ измѣряется революція? Есть что-то такое, что превыше рубля и брюха стоитъ. Есть идея, и только она одна заставитъ пойти на баррикады. Послушайте-ка, я вамъ разскажу такую штуку. Предположимъ, у насъ была революція и мы вдвоемъ съ вами убиты. На наши похороны приходитъ человѣкъ и, памятуя эти слова манифеста, говоритъ слѣдующее: «Это лежитъ человѣкъ, который могъ пользоваться всѣмъ, что только произвела наша культура: у него былъ собственный домъ, у него были деньги, у него были лошади, но онъ все это отдалъ дѣлу революціи и, мало того, отдалъ даже свою жизнь.» Потомъ, обратившись ко мнѣ, скажетъ: «Но человѣкъ, лежащій рядомъ съ нимъ, совсѣмъ другого типа. При жизни онъ принужденъ былъ влачить жалкое существованіе. Женившись, онъ пріобрѣлъ жену, а черезъ два года и двоихъ дѣтей. Послѣ этого жизнь стала еще тяжелѣе. Онъ не могъ заплатить за квартиру, онъ не могъ накормить даже семью... Его смерть является результатомъ желанія добиться лучшей жизни. И для насъ совершенно ясно и понятно...» Скажите, пожалуйста, развѣ это не оскорбило бы васъ? Развѣ правъ былъ бы этотъ человѣкъ, давъ мнѣ такую оцѣнку... А вѣдь съ точки зрѣнія манифеста онъ былъ бы совершенно правъ. Выходитъ, значитъ, такъ: если умираетъ интеллигентъ, то дѣлаетъ это по своей доброй воли, приноситъ свою жизнь въ жертву народу, слѣдовательно—онъ герой; умираетъ же нашъ братъ, рабочій,—такъ и нужно; другого исхода у него не было. Рабочіе слѣдовательно должны это дѣлать по закону природы, а вся интеллигенція въ силу особой филантропіи или отъ нѣжности вашихъ чувствъ.

Пропагандистъ, насколько я помню, ничего существеннаго не возразилъ. Бывали въ нашихъ бесѣдахъ съ пропагандистомъ и другіе случаи, когда у насъ получалось ощущеніе какой-то недосказанности, чего-то такого, что не давало намъ возможности вполнѣ понимать своего учителя. Кое-кто объяснялъ это врожден-

ной чертой всякаго интеллигента относиться къ рабочимъ немного свысока и не иначе, какъ покровительственнымъ тономъ, другіе просто думали, что причиной этого является отсутствіе знанія жизни той среды, куда соціалъ-демократы направили всю свою дѣятельность.

И тогда уже въ рабочихъ сферахъ возникалъ вопросъ о деревнѣ. Какъ поступить? Какъ улучшить ея положеніе, хотя бы до какой степени, чтобы тамъ не нуждались въ несчастныхъ 5—10 рубляхъ, которые рабочій ежемѣсячно высылаетъ туда? И рабочій былъ въ правѣ требовать отъ партіи разрѣшенія этихъ вопросовъ: если лично для него партія выработала довольно большую программу всякихъ улучшеній, то почему же она забыла про деревню, гдѣ житье гораздо хуже, чѣмъ въ городѣ?

Вѣдь нужно же и тамъ что-нибудь сдѣлать, хотя бы для того, чтобы онъ могъ развязаться съ деревней и чувствовать себя свободнымъ.

На этотъ вопросъ партія не давала отвѣта. Идея же пролетаризаціи крестьянъ мало кого удовлетворяла въ рабочей средѣ.

— Да будь у меня 10—15 десятинъ земли, развѣ бы я поѣхалъ на заводъ? Будь онъ трижды проклятъ! Мнѣ тысячу разъ пріятнѣй ходить за сохой, чѣмъ здѣсь печься въ огнѣ и дышать копотью... Тамъ нѣтъ надъ тобой ни мастера, ни подъ-мастера, ни чорта, ни дьявола. Самъ себѣ хозяинъ, что хочешь, то и дѣлаешь.

Такія слова я слышалъ отъ интеллигентныхъ, вполнѣ развитыхъ рабочихъ, которые вдобавокъ зарабатывали хорошія деньги и, казалось, должны были бы привыкнуть къ театру, книгѣ и многимъ другимъ удовольствіямъ городской жизни.

Но, помимо того, многимъ казалось, что даже и въ вопросахъ чисто рабочаго быта соціалъ-демократія не вполнѣ компетентна. Многихъ, напр., удивило: какъ это на ряду съ другими требованіями с.-д. программы партіей не выставляется требованія отмѣны задѣльныхъ работъ и замѣны ихъ поденными, тогда какъ это принесло бы рабочимъ громадное облегченіе. Сами рабочіе какъ разъ настаивали на такомъ требованіи.

Я знаю около 15-ти крупныхъ заводовъ, которые выставили свои требованія весной прошлаго года, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ числѣ этихъ требованій стояло и такое: «во всѣхъ отрасляхъ труда ввести поденную плату, гарантировавъ ее извѣстнымъ минимумомъ».

Эти и подобныя недоумѣнія приводили нѣкоторыхъ рабочихъ къ мысли, что соціалъ-демократическая партія слишкомъ оторвана отъ рабочей жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ казалось, что дѣло сразу приметъ другой оборотъ, если только самимъ рабочимъ удастся войти въ комитетъ существовавшаго въ то время «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса». На тотъ же случай, если бы это оказалось невозможнымъ, нѣкоторые рабочіе помышляли даже осно-

вать свою собственную соціалъ-демократическую рабочую организацію. Собственно говоря, эта идея была уже не нова. Еще въ въ 1897 году рабочіе обращались къ «Союзу борьбы» съ этимъ же предложеніемъ, но тогда союзъ категорически отказался принять его. Послѣ того возникла отдѣльная рабочая группа «Рабочей мысли», съ газетой того же названія, но она продержалась очень недолго, года два, и выпустила всего 10 — 12 номеровъ газеты. Впрочемъ ея короткое существованіе провело замѣтную черту въ исторіи нашей соц.-демократіи. На «Рабочую Мысль» посыпались обвиненія, что она удѣляетъ слишкомъ много мѣста экономическимъ вопросамъ. Одни находили, что это случайныя ошибки, которыя впослѣдствіи сгладятся, другія же выражали опасенія, что, благодаря этому экономизму, рабочій классъ легко можетъ подпасть подъ вліяніе буржуазныхъ классовъ, и стали противупоставлять «экономическому» соц.-демократизму рабочихъ свой «революціонный» с.-демократизмъ. Но какъ бы то ни было, а съ фактомъ возникновенія чисто рабочей соціалъ-демократической группы приходилось считаться. Видный представитель Р. С.-Д. Р. П. г. Ленинъ, въ программной книжкѣ «Искры» «Что дѣлать» пришелъ къ заключенію, что къ голосу рабочаго дѣйствительно надо прислушиваться, и предложилъ перестроить всю партію такъ, чтобы центральный комитетъ оставался въ прежнемъ составѣ, но отъ него уже, спускаясь ниже, шли группы, въ которыхъ могли принимать участіе и сами рабочіе. Отъ такого предложенія рабочіе отказались, и предложили совершенно организацію обратную, «снизу вверхъ», т. е. чтобы всѣ высшія учрежденія партіи были составлены изъ выборныхъ представителей рабочихъ группъ и кружковъ. Но съ этимъ, въ свою очередь, не согласились интеллигенты.

И вотъ между двумя одноименными группами началась борьба. На сторонѣ «революціонной» соціалъ-демократіи было все, что нужно для дѣла: образованность, литературныя силы, конспиративный опытъ и даже небольшія средства, на сторонѣ же рабочихъ— ничего этого не было. Нѣсколько интеллигентовъ, перешедшихъ на ихъ сторону, мало, въ сущности, помогли дѣлу и послѣ нѣсколькихъ арестовъ «Рабочая Мысль» прекратила свое существованіе.

Послѣ того вмѣсто «Рабочей Мысли» возникаетъ «Петербургская рабочая организація». Пріобрѣтается шрифтъ, собственноручно изготовляется станокъ для печатанія и на свѣтъ Божій начинаютъ появляться «Листки Рабочей Организаціи». Но одновременно начинаются и аресты, и черезъ полтора года, послѣ цѣлаго ряда арестовъ съ одной стороны, и постоянныхъ нападокъ искровцевъ—съ другой, эта организація распалась. Такимъ образомъ попытка создать «самоуправленіе пролетаріата» и на этотъ разъ потерпѣла крушеніе.

Прошло два съ лишнимъ года. Наступилъ моментъ всеобщей забастовки. Точно изъ земли выросъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

И какъ быстро! Первое засѣданіе делегатовъ было 13 октября, на второмъ засѣданіи присутствовали представители 40 заводовъ, а на третьемъ—226 депутатовъ отъ 96 предпріятій, представители объединеннаго стачечнаго комитета желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ и пяти профессіональныхъ союзовъ *).

Откуда же взялся этотъ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и въ чемъ была его сила?

Отвѣтъ ясенъ: «Сила Совѣта рабочихъ депутатовъ»—говоритъ г. Махновецъ-Акимовъ—объясняется тѣмъ, что корни его создались задолго до октябрскихъ событій и *теперь только обнаружилась давняя и упорная работа, которая совершалась уже много лѣтъ внутри пролетарскихъ массъ Петербурга* **) и которую упорно не хотѣли видѣть ни его невѣжественные враги, ни его близкіе друзья» («Рабочій Голосъ» № 1).

«Совѣтъ рабочихъ депутатовъ» явился олицетвореніемъ постоянной идеи рабочихъ—создать свое рабочее самоуправленіе и если не совсѣмъ оградиться отъ вліянія интеллигентской соціалъ-демократіи, то, во всякомъ случаѣ, имѣть право рѣшающаго голоса въ своихъ собственныхъ дѣлахъ.

Правда, всѣ члены «Рабочей Мысли» и «Петербургской организаціи» именовали себя «соціалъ-демократами», но было бы слишкомъ рисковано заключать изъ этого, что всѣ они давали себѣ точный отчетъ въ ученіи соціалъ-демократической партіи и вполнѣ принимали всѣ ея выводы.

Наступила эпоха митинговъ. Повсюду устраивались собранія, произносились рѣчи на политическія темы, и въ эту-то эпоху рабочая масса услыхала еще другихъ поборниковъ революціи, и тоже соціалистовъ. Слыхать-то, впрочемъ, о нихъ рабочіе и раньше слыхали, но въ подробностяхъ мало кто зналъ, что это за люди, куда они стремятся и какими путями. Соціалъ-демократы, работавшіе на заводахъ, отнюдь не склонны были разъяснять ученіе соперничающей съ ними партіи, и въ массѣ рабочихъ о соціалистахъ-революціонерахъ складывалось понятіе, чисто механически выводившееся изъ самаго ихъ названія: «соціалистъ» такъ значитъ онъ и остается соціалистомъ, а «революціонеръ»—значитъ съ револьверомъ или бомбой. Иначе говоря, соціалисты-революціонеры представлялись стремящимися насильственнымъ путемъ, при помощи оружія, ввести соціалистическій строй.

Отъ такого представленія пахло смертью и динамитомъ, и въ душу рабочаго закрадывалось чувство не то боязни, не то недовѣрія. А рядомъ была другая партія, которая рѣшительно заявляла свой протестъ противъ политическихъ убійствъ, говорила о борьбѣ съ правительствомъ и капиталистами путемъ мирнаго объединенія

*) „Начало“ № 2. Статья г. Мартынова.
**) Курсивъ мой. П. Т.

пролетаріата, и симпатіи рабочихъ клонились скорѣе на сторону этой партіи.

Продолжалось это долго, до тѣхъ поръ, пока по всей Россіи не прогремѣли имена героевъ-мучениковъ принадлежавшихъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. И вотъ въ души рабочихъ стало закрадываться другое чувство, чувство безграничнаго уваженія къ этой партіи.

Но одно это еще не измѣняло въ сущности взглядовъ рабочей массы. По прежнему соціалистъ-революціонеръ рисовался ей съ бомбой или браунингомъ, и на первыхъ митингахъ соціалистовъ-революціонеровъ рабочіе относились къ нимъ нѣсколько подозрительно. Къ тому же и соціалъ-демократы часто не давали возможности соціалистамъ-революціонерамъ развивать свою программу. Между ораторами обѣихъ партій нерѣдко завязывались безконечныя и мелочныя пренія, въ которыхъ для слушателей затеривалась сущность программы. Бывало и хуже. Одно время митинги соціалистовъ-революціонеровъ упорно срывались соціалъ-демократами. Шумъ, крики, свистки, раздававшіеся при этомъ, производили самое подавляющее дѣйствіе на рядовыхъ, полусознательныхъ рабочихъ и заставляли ихъ переживать глубокое разочарованіе въ своихъ передовыхъ товарищахъ.

— «Ну, что они дѣлаютъ? Что они дѣлаютъ?—говорилъ мой сосѣдъ, пожилой, степенный рабочій на одномъ изъ такихъ митинговъ.—Сраму-то сколько! Вотъ такъ, скажутъ, рабочіе, вотъ такъ молодцы!» — и по взволнованному лицу его было видно, какое огорченіе переживаетъ онъ въ эту минуту.

Въ концѣ концовъ, соціалистамъ-революціонерамъ на осеннихъ митингахъ 1905 года удалось выяснить главнѣйшія черты своей програмы, но все же многое въ ней для средняго рабочаго осталось неяснымъ. Основное различіе обѣихъ партій для такого средняго рабочаго свелось къ тому, что у соціалистовъ-революціонеровъ имѣется требованіе земли для народа, но обставленное непонятными терминами «національзація» и «соціализація», а у соціалъ-демократовъ почти ничего не говорится о землѣ. Между тѣмъ рабочій уже знаетъ, что безъ земли-то никакъ не обойдешься, что все крестьянство, какъ одинъ человѣкъ, жалуется на недостатокъ ея. И, пожалуй, неудивительно, что среди рабочихъ порою зарождается такое настроеніе, которое какъ-то у одного изъ моихъ товарищей вылилось въ мечтательномъ возгласѣ: «Эхъ, кабы у всѣхъ этихъ соціалистовъ хвосты отрубить!» Когда я спросилъ, что онъ хочетъ этимъ сказать, онъ отвѣтилъ: «Очень просто: ежели онъ соціалистъ-революціонеръ, отруби ему «революціонеръ», ежели соціалъ-демократъ—отруби ему «демократъ». Тогда все хорошо будетъ, потому—одни соціалисты останутся.»

Говоря объ отношеніи петербургскихъ рабочихъ къ «политикѣ» вообще, я не могу обойти молчаніемъ и отношенія ихъ къ Государственной Думѣ.

Въ свое время обнародованіе закона о Думѣ никакихъ восторговъ у рабочихъ не вызвало. Всюду, гдѣ только мнѣ случалось наблюдать настроеніе рабочихъ массъ, къ Думѣ до самаго момента выступленія трудовой группы относились отрицательно. Для такого настроенія были, конечно, свои глубокія причины.

Въ періодъ между январемъ и августомъ мѣсяцами прошлаго года вездѣ и всюду, на каждомъ шагу повторялось: «конституція», «всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право».

Слово «конституція» было понятно всѣмъ.

— «Хотятъ, чтобы все просто было: вотъ тебѣ царь, вотъ тебѣ народные представители. Что они захотятъ, то царь и дѣлай»!

Правда, такое объясненіе вызывало много побочныхъ вопросовъ въ родѣ того: «А если царь не захочетъ дѣлать по ихнему»? или: «Если представители не согласятся съ царемъ, что тогда»? Такіе вопросы возникали довольно часто, но въ общемъ идея конституціи была понятна.

Зато много недоумѣній порождали на первыхъ порахъ слова: прямое, равное и тайное избирательное право. Въ концѣ концовъ, однако, и эти понятія были усвоены и восприняты рабочей массой, слившей съ ними и самое понятіе конституціи.

Наконецъ, «конституція» 6 августа была опубликована. Рабочіе въ первую минуту пришли даже въ недоумѣніе: конституція ли это? Все время и имъ, и они сами твердили о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ, а тутъ вдругъ преподносятъ что-то такое, надъ чѣмъ и самъ чортъ ногу сломитъ и главное —безъ единаго намека на какое-нибудь, хотя бы одно изъ вошедшихъ уже въ сознаніе массы понятій.

— Да полно, конституція ли это на самомъ дѣлѣ? Можетъ быть что-нибудь другое, «конституція» же потомъ будетъ... — Но нѣтъ, тѣ же газеты сообщили, что «это» именно и есть наша русская конституція

Волей-неволей пришлось доискиваться ея сущности и темныя бюрократическія фразы переводить на человѣческій языкъ.

— Рабочіе обойдены! Рабочихъ въ Думѣ не будетъ! — пронеслось по всѣмъ заводамъ и фабрикамъ Петербурга, и на головы творцовъ «конституціи» посыпался градъ непечатныхъ словечекъ.

— Это всегда такъ бываетъ,—съ мрачнымъ пессимизмомъ говорили многіе:—кто больше всего добивается, тому всегда шишъ на маслѣ даютъ.

Были и другіе, которые открыто заявляли, что хорошаго давать даромъ никто не станетъ. Хорошее пріобрѣтается въ борьбѣ,

берется силой, и только тогда можно надѣяться на участіе пролетаріата въ парламентѣ, когда онъ заставитъ правительство признать его за организованную, мощную силу.

Нѣкоторые изъ помнившихъ еще ужасы 9-го января заявляли было, что довольно борьбы, что тогда они не мало своей крови пролили, но ихъ сейчасъ же сбивали съ позиціи указавши на то, что совсѣмъ и не нужно было *свою* кровь проливать, а скорѣй наоборотъ...

Цензовая система, принятая за основаніе булыгинской Думы, вызвала самыя рѣзкія осужденія. Никто не могъ уяснить себѣ, какимъ образомъ народное представительство можетъ ужиться съ цензовыми выборами. Всѣмъ казалось, что такимъ путемъ правительство устраиваетъ величайшій подлогъ, фальсифицируетъ народное представительство. Идеальныя понятія, почерпнутыя изъ хорошихъ книжекъ, всосались въ плоть и въ кровь рабочей массы и внушили всѣмъ, что въ парламентѣ должны раздаваться главнымъ образомъ голоса тѣхъ, кому плохо живется, а плохо живется ужъ отнюдь не «лицамъ, имѣющимъ отъ 300 до 500 дес. земли».

Были, конечно, и исключенія. Въ числѣ сознательныхъ рабочихъ находились и такіе, которые считали нужнымъ проникнуть даже въ булыгинскую Думу и съ этою цѣлью собирались ѣхать въ деревню (могли это сдѣлать, конечно, только тѣ, кто имѣлъ тамъ какую-нибудь «зацѣпку»). Но громадное большинство разсуждало приблизительно такъ: пролетаріатъ имѣетъ всѣ права на то, чтобы выставить своихъ собственныхъ представителей. Идти же косвенными путями для него унизительно; поэтому нужно требовать отъ правительства, чтобы оно признало правоспособными всѣхъ гражданъ, живущихъ въ Россіи.

Это требованіе предлагалось выставить 9 января 1906 г., чтобы такимъ образомъ подогнать новое выступленіе къ годовщинѣ перваго. До тѣхъ же поръ—говорилось въ рабочей средѣ—съ Думой считаться нечего: ее нужно бойкотировать.

Итакъ, бойкотъ Думы въ рабочихъ массахъ возникъ совсѣмъ не отъ вліянія «злонамѣренной пропаганды». Онъ явился, какъ органическій протестъ противъ игнорированія пролетаріата Думой и вылился въ такой же точно формѣ, въ какой вылилось и само игнорированіе: булыгинская Дума бойкотируетъ пролетаріатъ, пролетаріатъ, въ свою очередь будетъ бойкотировать Думу. Вліяніе интеллигенціи здѣсь отнюдь не имѣло рѣшающаго значенія.

Не помогъ дѣлу и законъ 11 декабря, расширившій избирательныя права пролетаріата. Онъ не разубѣдилъ рабочихъ въ томъ, что идти въ Думу не слѣдуетъ. Напротивъ, произволъ и насилія правительства, разгулявшіеся во всю мочь послѣ подавленія московскаго возстанія, еще болѣе убѣдили рабочихъ, что идти въ Думу не слѣдуетъ, идти туда значитъ поддерживать то правитель-

ство, которое какъ воду льетъ кровь народа и заточаетъ въ тюрьмы ихъ лучшихъ товарищей. Давать ему новыя жертвы они не желаютъ. Тогда были уже случаи, что правительство арестовывало выбранныхъ населеніемъ людей.

Раздавались и находили себѣ слушателей даже такія проповѣди.

«Рабочіе, вы поняли, что именемъ народа правительство царское хочетъ прикрыть свои мрачныя преступленія, гнусныя дѣянія и подлыя цѣли; вы поняли, вы разгадали игру правительства; вы поняли и видите, что на эту приманку идетъ богатая буржуазія, потому что сама хочетъ стать у власти, сама мечтаетъ править народомъ... Вы поняли все это и презрительно отказались отъ участія въ выборахъ. Вы не повѣрили въ Думу, въ эту плохую подѣлку парламента,—и вы правы, но вѣдь вы вѣрите еще въ парламентъ, «настоящій парламентъ» и вы ошибаетесь. Знайте, что нигдѣ, ни во Франціи, ни въ Бельгіи, ни въ Германіи, ни въ Англіи... нигдѣ парламенты не выражаютъ интересовъ рабочаго народа, что въ нихъ царствуетъ исключительно буржуазія и за 50 лѣтъ, какъ существуютъ парламенты въ Зап. Европѣ, тамъ не нашлось времени поговорить даже о восьмичасовомъ днѣ! Хотите ли вы подождать 50 лѣтъ?! *).

Еще болѣе укрѣпило отрицательное отношеніе рабочихъ къ Думѣ то обстоятельство, что въ день 5 марта, когда должны были производиться выборы уполномоченныхъ, всѣ фабрики и заводы Петербурга были буквально заполнены войсками и полиціей и всякому, желавшему пройти на выборы, приходилось идти въ полномъ смыслѣ слова подъ штыки, шашки и нагайки. Конечно, желающихъ производить выборы въ такой обстановкѣ оказалось очень немного. На *Невскомъ судостроительномъ заводѣ* изъ 5814 человѣкъ явилось около 300, причемъ 100 чел. прислали письменныя заявленія о томъ, что не желаютъ принимать участія въ фальшивой полицейской Думѣ. На *Путиловскомъ* избирателей было 10500 чел., изъ нихъ явилось около 1600. На *Спасской бумагопрядильнѣ* совсѣмъ никто не явился. Такъ же не явились на заводѣ у Глѣбова (200 ч.) и Арт. Копселя (500 ч.). На фабрикѣ Максвеля рабочіе собрались съ тѣмъ, чтобы заявить черезъ депутатовъ, что ихъ правительство не Витте-Дурново, а Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и они будутъ выбирать только по его приглашенію, а потому требуютъ немедленнаго его освобожденія, и т. д.

Но даже тамъ, гдѣ приступали къ выборамъ, они нерѣдко оканчивались курьезами. Такъ, въ одномъ мѣстѣ избрали заводскую собаку Розку, мотивируя ея избраніе тѣмъ, что нашей истощенной кассѣ слишкомъ тяжело будетъ платить всѣмъ депутатамъ по 10 руб. въ день, тогда какъ для Розки вполнѣ достаточно будетъ

*) Изъ листка «Петербургской организаціи анархистовъ-коммунистовъ»

г 15 коп. Въ другомъ мѣстѣ избрали фабричную трубу, какъ несомнѣнно обладающую дѣйствительной неприкосновенностью личности; въ третьемъ избрали глухонѣмого, но и тотъ, узнавши въ чемъ дѣло, отказался.

Дума, однако, собралась. Въ первые дни отношеніе къ ней было такое же отрицательное. День 27-го марта у рабочихъ прошелъ демонстративно тихо. Не смотря на предложенія начальства отпраздновать его, какъ за Невской заставой, такъ и за Нарвской работали всѣ заводы и фабрики. Мало того, паровая конка, идущая изъ-за Невской заставы и обыкновенно всегда переполненная пассажирами, въ этотъ день была совершенно пуста. Видимо рабочіе умышленно избѣгали ѣзды въ городъ. Точно такъ же и флаги, которыми былъ убранъ весь городъ, за заставой совершенно отсутствовали.

— Къ чорту Думу. Не нужно намъ ее... Да здравствуетъ Учредительное собраніе, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Вотъ чего мы хотимъ и требуемъ.

Такъ говорили даже средніе рабочіе въ то время, когда нашъ парламентъ начиналъ уже шумѣть.

Прошло два мѣсяца и отношенія рабочихъ къ Думѣ рѣзко измѣнились. Даже тѣ, кто не могъ прежде говорить о ней безъ негодованія, стали относиться къ ея дѣятельности очень внимательно. Уже отвѣтный адресъ на тронную рѣчь вызвалъ живѣйшій интересъ и сочувствіе. Еще большій фуроръ произвелъ инцидентъ съ министрами. Требованіе ихъ отставки, выраженное въ рѣшительной и откровенной формѣ, понравилось всѣмъ.

— Вотъ, братъ ты мой, министровъ-то какъ поперли!—говорили самые простые рабочіе, и нужно было видѣть, сколько удовольствія звучало въ этихъ словахъ.

Но особенно сильное впечатлѣніе на петербургскихъ рабочихъ произвело образованіе въ Думѣ трудовой группы и ея выступленія. До тѣхъ поръ вопросъ о деревнѣ, о землѣ никогда не выступалъ передъ рабочими съ такою яркостью. До Думы крестьяне сидѣли гдѣ-то тамъ, далеко. Они напоминали рабочему о себѣ только письмами съ назойливыми требованіями выслать деньжонокъ, да еще паспортами, которые нужно было выписывать изъ волости. Въ Думѣ рабочіе увидѣли крестьянъ въ новомъ освѣщеніи. Твердый и рѣшительный голосъ трудовой группы: «земля и воля» нашелъ откликъ и въ рабочихъ. Передъ послѣдними во всей своей грандіозности всталъ земельный вопросъ, не терпящій никакихъ отлагательствъ, и трудовая группа приковала къ себѣ ихъ симпатіи. При всемъ томъ, сознательные рабочіе хорошо понимали и то, что вѣдь Дума-то создана въ значительной мѣрѣ ихъ руками

и, не смотря на это, они не имѣютъ въ ней своихъ представителей. Они помнили, что бойкотъ Думы съ ихъ стороны явился результатомъ полной невозможности выбирать тѣхъ людей, которые, по ихъ мнѣнію, являлись истинными выразителями ихъ интересовъ. Въ виду этого при всей симпатіи къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ Думы, рабочіе все же могли признать за ней только одну миссію - осуществить амнистію, установить свободы и создать всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Послѣ того Дума по ихъ мнѣнію, должна была бы немедленно уступить свое мѣсто правильному народному представительству, въ рядахъ котораго нашлось бы мѣсто и представителямъ пролетаріата.

Раньше, однако, чѣмъ эти новыя представленія успѣли укрѣпиться въ рабочей средѣ,--разгонъ Думы измѣнилъ всю постановку вопроса о народномъ представительствѣ.

П. Тимофеевъ.

Стихотворенія.

I.

Зловѣщій мракъ кругомъ... Сомкнулись грозно тучи,
Порою тяжкій громъ встревожитъ тишину—
И вздрогнетъ все вокругъ... И гонитъ вихрь могучій
На груды черныхъ скалъ мятежную волну!
И полонъ мракъ ночной набатнымъ грознымъ звономъ—
Мятущихся стихій гремитъ живой органъ!
И въ блескѣ молній злыхъ, съ проклятіемъ и стономъ,
Бунтующій бурунъ летитъ, какъ ураганъ.

II.

Кровавый смерчъ несется надъ страной!
Онъ слѣпъ и глухъ,—не видитъ и не слышитъ...
Смывая все жестокою волной,
Онъ местью злой, онъ ненавистью дышетъ!
Спасенья нѣтъ! Застигнетъ на пути,
Ворвется въ домъ, разрушитъ всѣ преграды...
Отъ грозныхъ волнъ не скрыться, не уйти—
И не проси у нихъ пощады!
Будь гордъ и смѣлъ! Съ открытой головой
Иди впередъ безъ дѣтскаго смущенья...
И въ часъ борьбы великой, роковой
И жизнь отдай безъ сожалѣнья!

Н. Шрейтеръ

возвышенность скрыла ее отъ глазъ, затѣмъ фигура ея снова появилась, вырисовываясь на фонѣ то краснаго клевера, то зеленой пшеницы. Лицо ея было скрыто отчасти букетомъ лютиковъ, отчасти большими полями шляпки. Онъ отошелъ отъ лѣсенки, чтобы дать ей дорогу, и стоялъ, глядя на нее съ замираніемъ сердца. Неужели всѣ англійскія дѣвушки ходятъ такимъ твердымъ шагомъ и такъ держатъ голову?

Она взяла лютики въ другую руку, и онъ увидѣлъ ея лицо. Въ слѣдующую секунду она тоже узнала его и остановилась среди дорожки, неподвижная, какъ статуя. Лютики выскользнули изъ ея рукъ и упали къ ногамъ.

Кароль наклонился и, прежде чѣмъ заговорилъ, тщательно подобралъ ихъ всѣ до послѣдняго цвѣтка. Онъ не торопился, а она все время стояла, не шевелясь.

— Я никакъ не могъ пріѣхать раньше, — сказалъ онъ, наконецъ, подымая послѣдніе стебельки.—У меня все время было много работы.

— Въ самомъ дѣлѣ?—проговорила она.—А я ничего не дѣлала, да нечего и дѣлать.

Они прошли перекрестокъ и повернули по лѣсной дорожкѣ.

— Посмотрите,—сказала она, остановившись среди высокой травы:—это одуванчики.

Она сорвала нѣсколько головокъ и, смѣясь, сдула со стеблей нѣжный пушокъ.

— Смотрите, вотъ ихъ уже и нѣтъ! Они исчезли. Такъ и все исчезаетъ.

— Нѣтъ, не все.

Она посмотрѣла на него, прищурившись.

— Вы пріѣхали съ 12-ти часовымъ поѣздомъ? Навѣрно, вамъ хочется пить? Пойдемъ, выпейте у насъ чаю.

Онъ послѣдовалъ за ней въ садъ. Она шла, гордо поднявъ голову, и въ то же время съ досадой чувствовала, что находится въ положеніи насѣкомаго, которое разсматриваютъ подъ микроскопомъ.

— Папа,—сказала она, когда мистеръ Латамъ вышелъ изъ бесѣдки навстрѣчу имъ, это докторъ Славинскій, съ которымъ я познакомилась въ Россіи. Онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Гетбриджъ.

Скрытая непріязнь промелькнула на лицѣ отца; затѣмъ онъ любезно пожалъ руку гостю, но Кароль замѣтилъ и понялъ.

— У него предубѣжденіе противъ ея русскихъ знакомыхъ, — подумалъ онъ, повернувшись, чтобы поклониться Дженни, которая вошла, повѣсивъ на руку свою соломенную

шляпку. -И у хорошенькой сестрицы тоже. Они готовы бы выгнать меня изъ дома, да не смѣютъ.

Дѣйствительно, роднымъ Оливіи нужна была значительная доля самообладанія, чтобы соблюдать обычную любезность относительно ея гостя. Они всѣ трое были глубоко убѣждены, что этотъ волосатый, загорѣлый иностранецъ владѣетъ ключемъ къ той замкнутой двери, въ которую они напрасно стучали цѣлыхъ пятнадцать мѣсяцевъ. И всѣ трое въ различной степени подозрѣвали, что онъ безсовѣстно пользуется тою властью, какую, повидимому, имѣетъ надъ Оливіей. Она, съ своей стороны, все время держала его на разстояніи, ни на минуту не отходила отъ матери и сестры и точно будто боялась, что ее оставятъ наединѣ съ нимъ. За чаемъ мистеръ Латамъ два раза сжималъ кулаки подъ столомъ, замѣчая ея боязливые взгляды. Мать съ трудомъ скрывала свой страхъ и свою непріязнь къ этому непрошенному гостю; Джени сидѣла противъ него съ видомъ сердитой собачки, готовой перегрызть ему горло, если онъ сдѣлаетъ какое-нибудь зло ея сестрѣ, и была необыкновенно мила съ этимъ выраженіемъ личика.

Кароль, по обыкновенію, все видѣлъ, но не высказывалъ своихъ замѣчаній. На холодное приглашеніе миссисъ Латамъ остаться обѣдать онъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ, такъ какъ долженъ написать нѣсколько спѣшныхъ дѣловыхъ писемъ и, выходя изъ дому, онъ зналъ, что Оливія перенесла опасную нервную болѣзнь, что она скрыла отъ родныхъ причину этой болѣзни, и что они подозрѣвали въ немъ виновника какихъ-то невѣдомыхъ имъ бѣдствій, обрушившихся на нее.

— Папа,—проговорила Джени, какъ только сестра ея ушла спать,—Оливія боится этого человѣка.

— Почему это тебѣ кажется?—сухо спросилъ мистеръ Латамъ, не глядя на нее.

— Мнѣ не кажется, я навѣрно знаю. У меня упалъ моточекъ шелку, я наклонилась поднять его и дотронулась рукой до ея колѣнъ: она вся дрожала, съ головы до ногъ.

— Ну, полно, полно, моя милая, бери свою свѣчку; ты слишкомъ увлекаешься фантазіями.

Когда дверь за ней закрылась, мужъ и жена посмотрѣли другъ на друга.

— Альфредъ, что это значитъ? Какое у нея можетъ быть съ нимъ дѣло?

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ,—но постараюсь узнать, прежде чѣмъ онъ уѣдетъ въ Лондонъ. Я не рѣшался ни о чемъ разспрашивать ее, но если ей что нибудь грозитъ, если она чего-нибудь боится...

Миссисъ Латамъ всплеснула руками.—Альфредъ, неужели ты думаешь...

Она посмотрѣла на него широко открытыми испуганными глазами.

— Помнишь... когда телеграфистъ разбудилъ ее... Какъ ты думаешь... неужели она въ сношеніяхъ съ нигилистами или какими-нибудь другими ужасными людьми...

— Я самъ не знаю, что думать. Можетъ быть, этотъ человѣкъ шантажистъ или что-нибудь въ такомъ родѣ. Но наши догадки совершенно безполезны. Возможно и то, что онъ просто напоминаетъ ей о какомъ-нибудь постигнемъ ее горѣ. Но мнѣ и самому показалось, что она его боится.

Когда Оливія сошла съ верху на слѣдующее утро, блѣдная, съ опухшими глазами, родители ея уже отзавтракали и стояли у окна, разговаривая другъ съ другомъ. При ея входѣ они замолчали.

— Извините, мама,—сказала она,—я опять опоздала.

— У тебя такой видъ, точно ты не спала ночь?

— У меня немножко болѣла голова, больше ничего.

Мать съ минуту смотрѣла на нее печальнымъ, тревожнымъ взглядомъ, затѣмъ вздохнула и вышла изъ комнаты. Мистеръ Латамъ барабанилъ пальцами по окну. Теперь онъ повернулся къ дочери.

— Оливія, я обѣщалъ въ прошломъ году не дѣлать тебѣ никакихъ вопросовъ. Но теперь я обязанъ предложить тебѣ одинъ вопросъ. Тотъ человѣкъ, который былъ здѣсь вчера, твой пріятель?

Чашка, которую она ставила на столъ, ударилась о блюдечко.

— Что вы хотите сказать, папа?

— То, что говорю, дитя мое. Я не касаюсь твоихъ тайнъ, разъ тебѣ приходится имѣть тайны. Я только хочу знать, что этотъ человѣкъ тебѣ—другъ, или врагъ?

Она отвернулась и закрыла лицо руками. Онъ нагнулся къ ней.

— Оливія, не нужно ли тебѣ помочь? Не говори мнѣ ничего другого, скажи только одно. Ты боишься этого человѣка?—Она вскочила со стула и открыла лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ мой лучшій другъ. Ахъ, вы не понимаете, вы ничего не понимаете!

— Развѣ ты дала мнѣ возможность понимать, моя милая?

Въ его голосѣ не слышалось упрека, но молодая дѣвушка опустила глаза. Смутное сознаніе, что она была жестока къ своимъ родителямъ, въ первый разъ мелькнуло въ умѣ ея.

Мистеръ Латамъ снова забарабанилъ по стеклу и съ грустью говорилъ себѣ, что напрасно затѣялъ этотъ разговоръ, что только испортилъ дѣло. Вдругъ онъ почувствовалъ, что ея рука легла ему на шею. Онъ затаилъ дыханіе. Это была ея первая ласка послѣ возвращенія домой.

— Папа...

Ея рука дрожала на его плечѣ.

— Папа, я надѣлала много горя и вамъ, и мамѣ... но я не виновата... Я не могу всего разсказать вамъ. Кароль, докторъ Славинскій... одинъ только знаетъ все, что со мной случилось. Можетъ быть, онъ поможетъ мнѣ; кромѣ него никто не можетъ. Мнѣ очень, очень жаль, папа, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы не безпокоились обо мнѣ. Я не такая дочь, какую вамъ надо бы имѣть. И потомъ... у васъ вѣдь есть Джени.

Онъ прижалъ ее къ себѣ и поцѣловалъ, чувствуя, какъ судорога сжимаетъ ему горло.

Ему хотѣлось крикнуть ей, что она для него дороже, чѣмъ тысяча Дженей; но когда она попыталась возвратить ему поцѣлуй, онъ замѣтилъ что она слегка содрогнулась отъ невольнаго чувства физическаго отвращенія, и поспѣшно отодвинулся отъ нея.

— Да,—сказалъ онъ, отвернувшись,—у насъ, къ счастью, есть Джени.

Когда онъ снова повернулъ голову, ея уже не было въ комнатѣ.

Миссисъ Латамъ и Джени вернулись изъ церкви къ раннему обѣду съ нѣкоторымъ опасеніемъ, что непріятный гость опять у нихъ. Но его не было, и Оливія просидѣла все утро одна въ своей комнатѣ. Она сошла къ обѣду, все еще блѣдная, но съ такимъ спокойнымъ лицомъ, какого онѣ давно у нея не видали.

— Что твой знакомый надолго пріѣхалъ въ Гетбриджъ? — спросила у нея мать, когда они вышли изъ-за стола.

— Онъ вернется въ Лондонъ завтра.

— Онъ живетъ въ Лондонѣ?

— Не знаю, гдѣ онъ будетъ жить; онъ недавно пріѣхалъ въ Англію.

Миссисъ Латамъ тщательно складывала свою салфетку и старалась говорить какъ можно проще.

— Какъ ты думаешь, онъ придетъ къ тебѣ еще разъ передъ отъѣздомъ?

— Я посылала къ нему Джими Ботсъ сегодня утромъ и просила его придти ко мнѣ послѣ обѣда.

Присутствующіе были удивлены и почувствовали нѣко-

торую неловкость. Джени посмотрѣла въ окно и прервала непріятное молчаніе, замѣтивъ ядовито:

— А вотъ, онъ и самъ идетъ по дорогѣ. Неужели всѣ русскіе ходятъ такъ неуклюже и такъ поднимаютъ пыль ногами?

— Джени, Джени! -остановила ее миссисъ Латамъ, бросивъ тревожный взглядъ на Оливію, которая отвѣтила просто:

— Онъ не русскій.

— Ну, все равно, во всякомъ случаѣ, онъ ходитъ ужасно нехорошо. Вотъ, я такъ и ожидала, что онъ запнется за матъ. Да, онъ, кажется, и волосы не причесывалъ послѣ...

— Перестань, Джени!—прервалъ ее отецъ такимъ тономъ, какой ей рѣдко приходилось слышать отъ него.

— Я думаю,—обратился мистеръ Латамъ къ Оливіи,— тебѣ будетъ пріятно поговорить съ твоимъ знакомымъ наединѣ. Послѣ чаю, когда мама пойдетъ полежать, мы съ Джени оставимъ васъ вдвоемъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчала она; мать и Джени посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ.

Разговоръ шелъ скучный, о разныхъ обыденныхъ мелочахъ, а въ воздухѣ чуялась гроза. Джени повела гостя въ садъ, при чемъ все время слѣдила за нимъ подозрительными глазами, и тщательно приподнимала свое кисейное платье отъ той пыли, какую онъ поднималъ ногами. Хозяйка не могла скрыть свою нервность, безпокойство и лишь временами вставляла въ разговоръ какое-нибудь любезное замѣчаніе, а мужъ ея курилъ и молчалъ. Кто или что такое этотъ высокій, спокойный человѣкъ,—онъ не представлялъ себѣ; вѣроятно, какой-нибудь соціалистъ или что-нибудь столь же предосудительное. Мистеръ Латамъ не былъ сторонникомъ крайнихъ мнѣній, особенно когда представителями ихъ являлись волосатые иностранцы; онъ почти подозрѣвалъ, что какой-то субъектъ именно въ такомъ родѣ похитилъ его дочь и подмѣнилъ ее этимъ несчастнымъ существомъ. Но въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ онъ всячески старался облегчить ея страданія и не имѣлъ успѣха. Конечно, онъ не станетъ мѣшать никому, будь то соціалистъ или не соціалистъ, кто только можетъ вылѣчить ее. Онъ готовъ принять съ распростертыми объятіями даже анархиста, если только тотъ сумѣетъ прогнать страшно утомленное выраженіе ея глазъ.

Нѣсколько Джениныхъ подругъ завернули случайно къ чаю на открытымъ воздухѣ. Въ первую минуту ихъ поразилъ высокій ростъ и неуклюжая внѣшность Кароля, но его мягкое любезное обращеніе успокоило ихъ, и онѣ гораздо лучше хозяевъ сумѣли поддерживать пошлую болтовню, по-

видимому, приноровленную къ низкому умственному уровню этого добродушнаго великана. Оливія была необыкновенно весела и разговорчива; отецъ ея, взглядывавшій по временамъ на Кароля, видѣлъ, что онъ замѣтилъ и это, какъ вообще все замѣчалъ.

— У этого человѣка двѣ пары глазъ,—думалъ онъ.—Онъ видитъ, что эти господа настолько глупы, что принимаютъ его за дурака; и онъ тоже видитъ, что она хочетъ оставить ихъ въ этомъ заблужденіи. Да, и онъ видитъ, что я это понимаю.

Послѣ чая мать пошла въ свою комнату. Джени по знаку отца отправилась вмѣстѣ съ своими гостями навѣстить сосѣдей, а мистеръ Латамъ ушелъ съ своей книгой въ комнаты.

Кароль держалъ открытой калитку, пока выходили барышни, болтавшія, словно стая скворцовъ, затѣмъ спокойно заперъ ее и вернулся къ Оливіи. Она сидѣла на скамейкѣ, подъ цвѣтущимъ каштаномъ и вертѣла въ рукахъ пучекъ скороспѣлыхъ вишенъ. Никогда еще не видалъ онъ ее такой моложавой, такою настоящей англичанкой, такой похожей на Джени. Ея лицо, ея поза, ея нарядное лѣтнее платье, блестящіе завитки ея каштановыхъ волосъ, все гармонировало съ окружающей обстановкой, съ этимъ красивымъ лугомъ, съ этими стройными деревьями. Онъ наблюдалъ за ней нѣсколько секундъ, и на лицо его набѣжала мрачная тѣнь.

— Ну, дорогая моя,—заговорилъ онъ,—скажите же, пожалуйста, какъ вы думаете, долго это еще протянется?

Рука, вертѣвшая вишни, остановилась—и затѣмъ опустилась къ ней на колѣни, а пальцы сжали стебельки. Она оглядѣлась во всѣ стороны и бросила пучекъ ягодъ въ траву.

Воробей спустился съ куста и принялся клевать ихъ. Его каждое утро кормили крошками, и онъ былъ совсѣмъ ручнымъ.

— Какая умная птица, не правда ли?—сказала она.— Пока есть люди, которые бросаютъ вишни...

Она встала и прислонилась спиной къ дереву, лицо ея было неподвижно, однѣ только ноздри слегка вздрагивали.

Кароль снова заговорилъ сдавленнымъ, глухимъ голосомъ.

— Видите ли, у меня очень мало времени. Я пріѣхалъ сюда посмотрѣть, не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Кароль? Я долго искала какого-нибудь выхода и не нашла. Я не знаю, чѣмъ вы можете мнѣ помочь. Развѣ одно только...

Голосъ ея замеръ. Онъ подошелъ ближе.

— Одно? Что такое?

— Помогите мнѣ... достать паспортъ.

— А! — Кароль не сказалъ ничего больше. Она быстро взглянула на него и увидѣла, что онъ догадался, что ей нужно. Она схватилась руками за горло.

— Ахъ! Меня преслѣдуютъ фуріи! Кароль, дѣло не можетъ кончиться иначе. Я гнала прочь эту мысль, я боролась съ ней, а она все возвращается... Въ концѣ концовъ, я не выдержу, я должна это сдѣлать!

Она опустилась на скамейку и закрыла лицо.

Кароль стоялъ неподвижно и глядѣлъ на птицу, клевавшую вишни. Если бы онъ не понималъ вполнѣ ясно ея положенія, онъ, можетъ быть, нашелъ бы для нея слова утѣшенія. Но теперь онъ чувствовалъ, что языкъ его связанъ. Она боролась такъ долго, такъ отчаянно и не могла справиться съ какимъ-то пустымъ призракомъ!

— Давайте, потолкуемъ о подробностяхъ вашего плана,— сказалъ онъ, наконецъ. — Вы хотите ѣхать въ Россію подъ чужимъ именемъ? Вѣроятно, изъ-за вашихъ родителей?

Дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

— Они не должны никогда узнать, что это сдѣлала я. Подумайте, какой это будетъ для нихъ ударъ! Я просто исчезну...

— Хорошо, это не трудно устроить, въ случаѣ надобности. Но, если вы хотите, чтобы я вамъ помогалъ, я долженъ знать, что именно вы затѣваете. Вы не можете сказать мнѣ? Я долженъ угадать? Хорошо. Я думаю, вы хотите кого-нибудь убить. Кого именно?

Она посмотрѣла на него, точно ребенокъ, широко раскрытыми, полусознательными глазами.

— Не знаю. Я никогда объ этомъ не думала.

Онъ положилъ руку ей на плечо.

— Подумайте теперь, подумайте хорошенько. Такого рода дѣла надо дѣлать навѣрняка, такъ какъ вы умрете прежде, чѣмъ вамъ удастся поправить свою ошибку.

Голова ея медленно опустилась. Она дышала быстро и неровно, его рука давила ей плечо. Наконецъ, она снова взглянула на него.

— Я не могу думать. У меня все путается въ головѣ. Да и не все ли равно кого? Мадейскаго, или кого-нибудь другого. Это единственный выходъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ послѣ,— сказалъ онъ. — Но постарайтесь теперь же остановиться мысленно на одномъ вопросѣ: вамъ безразлично, какимъ оружіемъ дѣйствовать, или вамъ непремѣнно нуженъ ножъ?

Она повторила это слово, содрогаясь.

— Ножъ...

— Вамъ вѣдь нужно что-нибудь, что прошло бы сквозь твердое тѣло, вамъ нужно убѣдиться, что это не тѣнь...

— Кароль! Кароль! Вы, значитъ, знаете...

Она вскочила съ мѣста съ отчаяннымъ крикомъ, Кароль снова усадилъ ее на скамейку.

— Знаю, моя бѣдная! Не думайте, что это бываетъ только съ вами одной!

Она громко рыдала и хваталась за него, какъ утопающій. Онъ прижалъ ее къ себѣ и гладилъ ея волосы, лаская ее, какъ огорченнаго ребенка.

Въ головѣ его мелькала мысль, какъ ничтожны муки ада, изображаемыя разными проповѣдниками, въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится человѣку переносить иногда на землѣ и переносить молча.

Когда она перестала рыдать и снова прислонилась къ дереву, закрывъ глаза рукою, ему удалось искусными вопросами выпытать у нея понемногу всѣ подробности того страха, какой нападалъ на нее, ея кошмаровъ и галлюцинацій, неожиданныхъ [illegible] и [illegible] призраковъ.

— Это ужасно!—говорила она.—Пока Володя былъ живъ, я мучила его своими сомнѣніями въ томъ, насколько нравственна его политическая дѣятельность. Я не знала положительныхъ фактовъ, за которые могла бы упрекнуть его; но у меня было общее представленіе, что онъ признаетъ необходимымъ на насиліе отвѣчать насиліемъ; мнѣ это казалось въ высшей степени неправильнымъ. Я съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнилась; я и теперь думаю, что насиліе всегда несправедливо и всегда нелѣпо; я не вѣрю, чтобы оно могло кому-нибудь принести пользу. Я это говорю сама себѣ каждый день и цѣлый день; а когда я ложусь въ постель, я цѣлыми часами придумываю, какъ бы кого-нибудь убить... кого-нибудь убить!..

Она стала быстро водить руками взадъ и впередъ по своему платью. Кароль наклонился, дотронулся до ея рукъ, и онѣ сразу легли спокойно.

— Мнѣ хочется выяснить еще одно,—сказалъ онъ.—Увѣрены ли вы, что вами руководитъ не желаніе личной мести?

— Мести? Зачѣмъ мнѣ мстить? Никакая месть не вернетъ мнѣ Володю.

— Значитъ, вы хотите только избавиться отъ своихъ призраковъ? Вы хотите уничтожить что-нибудь, что имѣетъ видъ осязаемаго тѣла, и убѣдиться, что оно существуетъ. Но почему же это непремѣнно долженъ быть русскій чиновникъ? Попробуйте найти логическое основаніе вашего желанія.

Она покачала головой и опять отвѣтила:

— Я не могу.

— Еще одинъ вопросъ, и я кончу. Вы мнѣ говорили, что совѣтовались съ однимъ лондонскимъ докторомъ. Говорили вы ему о своихъ видѣніяхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; съ какой стати было говорить ему? Кароль, о, вы не думаете... вы не думаете, что я схожу съ ума?..

Глаза ея страшно расширились.

— Нѣтъ, я думаю, что вы были больны, а теперь выздоравливаете. Что касается вашего намѣренія, намъ не стоитъ толковать о немъ, пока вы не выздоровѣете окончательно. Если черезъ полгода вы его не оставите, я подумаю, какъ это устроить. А теперь мнѣ нужна ваша помощь для чисто практическаго дѣла. У меня есть въ Лондонѣ одна паціентка, беременная, за которой нуженъ уходъ опытной сидѣлки; я боюсь опасныхъ осложненій.

Она отшатнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не это. Я никогда больше не буду ухаживать за больными.

— Я, конечно, не могу неволить васъ, но я сильно разсчитывалъ на васъ. Это имѣетъ отношеніе къ одному дѣлу, которое Володя считалъ очень важнымъ, и я былъ увѣренъ, что вы не откажете мнѣ.

— Какое дѣло?

— Забота о нашихъ крестьянахъ, бѣжавшихъ вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій. Въ Польшѣ и въ Литвѣ живутъ въ деревняхъ такъ называемые уніаты. Русскіе стараются обращать ихъ въ православіе, и тѣ изъ нихъ, которые твердо держатся вѣры отцовъ, бѣгутъ въ Америку. Больные и слабые часто поневолѣ останавливаются въ Лондонѣ. Передъ самой своей болѣзнью Володя тайно устроилъ въ пользу ихъ подписку среди петербургскихъ студентовъ и рабочихъ.

— А что же это за беременная женщина?

— Это крестьянка, мужъ которой сосланъ въ Сибирь за то, что не хотѣлъ причащаться въ православной церкви. Если она умретъ, послѣ нея останутся двое совершенно безпризорныхъ дѣтей, вотъ почему я ищу сидѣлку, которая приложитъ всѣ усилія, чтобы спасти ей жизнь. Съ этимъ народомъ очень трудно обращаться; они не знаютъ никакого языка кромѣ стараго литовскаго, который никто не понимаетъ; они грязны, невѣжественны и страшно запуганы. Они такъ привыкли къ дурному обращенію, что подозрительно относятся ко всякому, кто хочетъ сдѣлать имъ добро...

— Когда я вамъ буду нужна?

— На будущей недѣлѣ.

— Хорошо, я пріѣду.

— Я зайду завтра, и мы переговоримъ о разныхъ подробностяхъ. А теперь мнѣ нужно идти писать письмо.

Онъ пожалъ ей руку и ушелъ, какъ будто они говорили о повседневныхъ мелочахъ. Она медленно обвела глазами окружавшую картину. Солнце садилось. Она стояла одна среди надвигавшихся сумерокъ и — не боялась; видѣнія исчезли.

IV.

На слѣдующій день мистеръ Латамъ, вернувшись изъ банка, нашелъ въ гостиной жену, которая вмѣстѣ съ Дикомъ и Джени обсуждала приготовленія къ школьному празднику.

— Папа,—тотчасъ же объявила Джени,—онъ опять былъ здѣсь.

— Знакомый Оливіи?

— Да, и она ушла съ нимъ вмѣстѣ.

— Я не понимаю, почему онъ вамъ такъ не нравится. Я встрѣтилъ его сегодня на дорогѣ изъ Гетбриджа, и мы разговорились. Это первый человѣкъ, который выяснилъ мнѣ вопросъ о биметализмѣ.

— Вы съ нимъ объ этомъ разговаривали?

— И объ этомъ, и о рабочихъ союзахъ, и о правѣ убѣжища, и о низшихъ животныхъ, и о подоходномъ налогѣ, и деревенскихъ клубахъ для игры въ мячъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, очень умный человѣкъ.

Джени съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Ей и въ голову не приходило, что кому-нибудь можетъ быть интересно разговаривать съ Каролемъ. Мистрисъ Латамъ промолчала; но, оставшись наединѣ съ мужемъ, она замѣтила ему:

— Альфредъ, я увѣрена, что этотъ человѣкъ знаетъ, отчего такъ измѣнилась Оливія.

— Очень можетъ быть.

— Онъ, въ сущности, кажется, порядочный человѣкъ. Онъ можетъ разсказать тебѣ...

— Я не думаю, чтобы онъ сталъ что-нибудь разсказывать безъ ея разрѣшенія, и я, конечно, не сталъ бы его слушать.

— Альфредъ, вѣдь я не прошу тебя сдѣлать что-нибудь нечестное, но надобно же, наконецъ, разъяснить эту тайну. Вѣдь это прямо неестественно, что молодая дѣвушка такъ скрытна съ собственными родителями. Онъ возвращается въ Лондонъ сегодня вечеромъ. Я надѣюсь, что ты вывѣдаешь у него что-нибудь, пока онъ здѣсь.

Онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ съ давно знакомымъ безнадежнымъ чувствомъ отчужденія и жалости, смѣшанной

съ нѣкоторымъ отвращеніемъ. Бѣдная женщина, какъ она терпѣлива и самоотверженна, какъ часто мучится угрызеніями совѣсти, и въ то же время съ полною невинностью совѣтуетъ ему вывѣдать тайну дочери отъ гостя, въ своемъ собственномъ домѣ! Безполезно объяснять ей, что самая мысль объ этомъ претитъ ему; она никогда этого не пойметъ. Джени добрая дѣвочка, но чувство чести въ мелочахъ такъ же мало присуще ей, какъ и ея матери. Одинъ разъ, когда она была еще ребенкомъ, онъ замѣтилъ, что она плутуетъ, играя въ крокетъ. Впослѣдствіи это не повторялось, но этотъ фактъ вспомнился ему теперь. Изъ всѣхъ близкихъ къ нему женщинъ одна только Оливія была чиста отъ этихъ мелкихъ, незначительныхъ, но страшныхъ проступковъ. Оливія съ своей тайной замкнулась отъ него, и ничто не заставитъ его проникнуть за ту преграду, какую она поставила между ними.

Онъ облокотился на столъ и закрылъ лицо руками. Въ дверь раздался стукъ, онъ выпрямился съ досадой и проговорилъ:—Войдите.

Вошелъ Кароль.

— Не можете ли вы удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ? Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами передъ отъѣздомъ въ Лондонъ.

— Сдѣлайте одолженіе!—съ холодною вѣжливостью отвѣчалъ мистеръ Латамъ.—Въ чемъ дѣло?

Кароль взялъ стулъ съ своею обычною непринужденностью.

— Я сейчасъ разговаривалъ съ миссъ Латамъ о ея дѣлахъ, и она хочетъ, чтобы я объяснилъ ихъ вамъ. Прежде всего мнѣ надо разсказать вамъ, что съ нею случилось.

Мистеръ Латамъ поднялъ руку.

— Позвольте! Долженъ ли я понять, что вы пришли ко мнѣ по ясно выраженному желанію моей дочери? Я не любопытствую узнавать ея тайны, если она сама не желаетъ открыть мнѣ ихъ, но въ такомъ случаѣ мнѣ было бы пріятнѣе услышать все отъ нея лично.

— У нея нѣтъ никакихъ тайнъ, но она испытала нервное потрясеніе и до сихъ поръ не въ состояніи говорить объ этомъ. Я былъ съ нею въ то время; она поручила мнѣ передать вамъ всѣ касающіеся ея факты и просить васъ не упоминать о нихъ никогда въ разговорахъ съ ней.

Мистеръ Латамъ слушалъ, закрывъ лицо рукой, исторію дочери, которую гость излагалъ ему въ самыхъ краткихъ чертахъ.

— Теперь,—продолжалъ Кароль,—является вопросъ о ея будущей жизни. Физически она, какъ видите, почти здорова, въ умственномъ отношеніи она тоже поправляется

хотя болѣе медленно. У меня было нѣсколько паціентовъ съ такою же формой, и я убѣжденъ, что чѣмъ скорѣй она уѣдетъ изъ дома и примется за работу, тѣмъ лучше. Она взялась ухаживать за одной моей паціенткой въ Лондонѣ, потомъ я найду ей и еще больныхъ. Если вы довѣрите ее мнѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, я надѣюсь, что вылѣчу ее. Но я попрошу первое время оставить ее исключительно на моемъ попеченіи.

— То есть, вы хотите сказать, что мы совсѣмъ не должны видѣться съ ней?

— Ни видѣться, ни писать ей. Если вы не довѣряете моему мнѣнію, передайте вашему домашнему врачу то, что я вамъ сказалъ; онъ, навѣрно, подтвердитъ вамъ, что въ ея настоящемъ положеніи для нея всего вреднѣе жить среди родныхъ, которые боятся за нее и заботятся о ней.

Мистеръ Латамъ нѣсколько минутъ не говорилъ ни слова.

— Вы требуете отъ меня тяжелой жертвы,—сказалъ онъ, наконецъ,—но я не имѣю права отказать вамъ. Мы обязаны вамъ спасеніемъ если не жизни, то разума нашей дочери.

— Ну, это не совсѣмъ вѣрно,—отвѣчалъ Кароль.—Она, по всей вѣроятности, и одна нашла бы дорогу домой, хотя, конечно, потерять душевное равновѣсіе въ Петербургѣ далеко не безопасно, особенно для женщины.

Въ этотъ вечеръ мистеръ Латамъ вошелъ въ комнату Оливіи.

— Дорогая моя,—сказалъ онъ,—я слышалъ, что ты собираешься въ Лондонъ на будущей недѣлѣ. Я обѣщалъ твоему другу, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ никто изъ насъ не будетъ видѣться съ тобой, если ты сама не позовешь насъ. Помни только одно, что мы всегда здѣсь, дома, всегда готовы пріѣхать къ тебѣ и привезти тебя, когда ты только захочешь, и... вернись къ намъ какъ можно скорѣе!

Она заговорила шепотомъ,—быстро, прерывающимся голосомъ, то сжимая, то разжимая пальцы.

— Папа... вы были... я знаю, вы были очень терпѣливы... Я не могу говорить о нѣкоторыхъ вещахъ... я не могу... Пожалуйста, не разсказывайте мамѣ. Она только будетъ плакать, и...

— Не безпокойся, милая. Я никогда не разсказываю ничего такого мамѣ.

Впослѣдствіи она постоянно вспоминала съ благодарностью, что онъ ушелъ отъ нея, не дѣлая тѣхъ замѣчаній, какихъ она боялась, не надоѣдая ей ласками, не сказавъ ни одного лишняго слова. Настоящая тѣсная дружба между ними зародилась именно въ эти минуты.

Отъ допросовъ и слезливыхъ восклицаній миссисъ Ла-

тамъ и Дженни онъ не въ состояніи былъ защитить ее, и то, очевидно, вредное вліяніе, какое они оказывали на Оливію, до нѣкоторой степени примирило его съ ея отъѣздомъ. Когда Кароль встрѣтилъ ее на лондонскомъ вокзалѣ онъ сразу замѣтилъ, что за эту недѣлю она измѣнилась къ худшему. Руки ея дрожали больше прежняго, и въ глазахъ было растерянное выраженіе.

— Лучше прямо скажите мнѣ правду, — заявила она на слѣдующій день.—Мнѣ кажется, я не въ полномъ умѣ. Вѣдь это вѣрно? Я должна знать это, прежде чѣмъ опять возьмусь за должность сидѣлки. И, пожалуйста, не бойтесь говорить мнѣ все; я, во всякомъ случаѣ, не сдѣлаю никакого скандала.

Кароль посмотрѣлъ на нее мягкимъ взглядомъ.

— Дорогая моя, вы принадлежите къ числу тѣхъ паціентовъ, которымъ всегда говорятъ правду. Я думаю, что вы одно время были на границѣ безумія и могли бы перейти эту границу, не будь у васъ такой крѣпкій организмъ; но я совершенно увѣренъ, что всякая опасность теперь миновала. Вы больше не будете видѣть призраковъ. Они никогда не являются тѣмъ, кто въ состояніи свободно говорить о нихъ. А теперь мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы обратили все свое вниманіе на предстоящую вамъ работу и не думали ни о чемъ другомъ. Мы должны поднять на ноги эту женщину, а это далеко не легкая задача.

О ея намѣреніи совершить убійство онъ ничего не говорилъ: онъ зналъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она забудетъ, какъ оно ее мучило, или будетъ вспоминать о немъ такъ, какъ человѣкъ, избавившійся отъ горячки, вспоминаетъ фантастическіе образы, являвшіеся ему въ бреду.

Когда роженица выздоровѣла, онъ поручилъ Оливіи ухаживать за ребенкомъ, больнымъ корью, потомъ за человѣкомъ, вывихнувшимъ себѣ ногу, потомъ за рабочимъ, пострадавшимъ на сахарномъ заводѣ. Всѣ паціенты были неимущіе иностранцы изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ, евреи, работавшіе на какого-нибудь продавца готоваго платья, польскіе или литовскіе крестьяне, покинувшіе родину вслѣдствіе экономическаго гнета или религіозныхъ преслѣдованій.

— Какъ это случилось, что у васъ есть практика въ Лондонѣ?—спросила она его одинъ разъ.—Я думала, что вы пріѣхали сюда всего на нѣсколько недѣль.

— У меня нѣтъ настоящей практики; я пріѣхалъ въ Лондонъ по другому дѣлу; но такъ какъ эти люди знаютъ, что я былъ врачемъ, то они и обращаются ко мнѣ въ случаѣ надобности.

— А по какому дѣлу вы пріѣхали?

— Я взялся редактировать польскую газету, которая издается здѣсь и перевозится контрабандой въ Россію. Тамъ ее нельзя печатать по цензурнымъ условіямъ.

— Значитъ, вы поселитесь здѣсь и не скоро уѣдете туда?

— Мнѣ совсѣмъ нельзя туда ѣхать.

Что-то въ его голосѣ заставило ее быстро повернуть голову.

— Что это значитъ? Вамъ нельзя туда ѣхать? Вы стали эмигрантомъ?

— Это должно было случиться рано или поздно. Я и то очень долго продержался.

— Кароль,—проговорила она послѣ минутнаго молчанія,— мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы вы побольше поразсказали мнѣ о своемъ дѣлѣ. Видите ли: вѣдь у меня не осталось ничего въ жизни кромѣ... того дѣла и тѣхъ друзей, которыхъ любилъ Володя, и мнѣ постоянно кажется, что я совсѣмъ одна и окружена толпой, всегда одна и всегда среди толпы. Я думаю, я чувствовала бы себя спокойнѣе, если бы вы не отстраняли меня такъ усиленно отъ вашей работы. Я не прошу васъ открывать мнѣ какія-нибудь тайны, я только хотѣла бы знать, чего вы хотите достигнуть.

Онъ сидѣлъ и глядѣлъ въ окно. При послѣднихъ словахъ ея, онъ повернулся къ ней.

— Можетъ быть, вы согласитесь немного помогать мнѣ? У меня такъ много работы, что одному мнѣ съ нею не справиться; если бы кто-нибудь взялся иногда читать вмѣсто меня корректуры или дѣлать справки въ библіотекѣ Британскаго музея, это было бы для меня громаднымъ облегченіемъ. Мнѣ...—онъ остановился и опять повернулъ голову къ окну,—мнѣ иногда бываетъ очень трудно ходить и тому подобное.

Она была удивлена. Кароль всегда казался ей однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ людей въ свѣтѣ.

— Я готова дѣлать все, что могу,—отвѣчала она,—но какъ это случилось, что вы...

— Что я попалъ въ бѣду? Вотъ какъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ амнистію и вернулся на родину, я работалъ, какъ одинъ изъ организаторовъ польскаго рабочаго движенія. Чтобы дѣйствовать въ этой области и не попасть въ тюрьму, необходимо убѣдить русскихъ чиновниковъ, что вовсе не интересуешься общественными дѣлами; тогда они перестаютъ наблюдать, и можно дѣлать, что угодно. Благодаря этому, я получилъ разрѣшеніе жить въ городахъ Польши и даже иногда пріѣзжать въ Петербургъ. Тамъ я не видался ни съ кѣмъ изъ подозрительныхъ личностей, исключая одного Володи. Полиція была вполнѣ убѣждена, что я

исправился и превратился въ безобиднаго обывателя, увлекающагося исключительно научными вопросами. Виленскій губернаторъ какъ-то даже сказалъ мнѣ: „Я былъ увѣренъ, что Акатуй вылѣчитъ васъ".

— А теперь они все узнали?

— Да, нынче весной мнѣ пришлось выступить открыто; и теперь я взялся быть представителемъ нашей партіи здѣсь. Я редактирую газету, я долженъ заботиться о всѣхъ нашихъ, пріѣзжающихъ сюда, и тому подобное. У насъ здѣсь есть клубъ для рабочихъ, школа и безплатная библіотека. Со мной вмѣстѣ работаетъ кружокъ образованныхъ молодыхъ людей, по большей части студенты польскихъ университетовъ; кромѣ того два, три спеціалиста, живущіе въ Лондонѣ, помогаютъ намъ своими профессіональными знаніями; такъ, напр., для юридическихъ дѣлъ у насъ есть бывшій присяжный повѣренный изъ Варшавы, есть и другія лица. Я познакомлю васъ съ ними, вы узнаете, въ чемъ состоитъ наша работа, и сами увидите, захочется ли вамъ принять въ ней участіе. Въ такомъ случаѣ вамъ придется выучиться по-польски.

— Отчего, вы сказали, вамъ трудно ходить?

— Пустяки, немного болятъ ноги. Это неудобно, когда приходится долго ходить. А что, вашъ отецъ завтра пріѣдетъ?

Условленные три мѣсяца прошли, и м-ръ Латамъ прислалъ коротенькую записочку, извѣщавшую, что онъ пріѣдетъ въ Лондонъ одинъ. Очень тяжело было ему терпѣливо ждать конца этихъ тринадцати недѣль, но та перемѣна, которую онъ сразу замѣтилъ въ лицѣ Оливіи, показала ему, что лѣченіе ведется правильно. А между тѣмъ, никогда еще не было у нея такого выраженія страданія, какъ именно теперь. Тяжело было видѣть черты его на этомъ молодомъ лицѣ, но въ глазахъ незамѣтно было прежней растерянности, прежняго страха.

— Потерпите еще немножко, убѣждалъ его Кароль, - она поправляется быстрѣе, чѣмъ я надѣялся, но пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ она окончательно придетъ въ равновѣсіе.

Мистеръ Латамъ вздохнулъ.

— Богъ свидѣтель, что я готовъ терпѣть! Я вполнѣ понимаю, что вы можете помочь ей, а я не могу. Если бы только она была не такъ несчастна... у нея видъ болѣе страдальческій, чѣмъ былъ въ прошломъ году.

— Противъ этого ничего нельзя сдѣлать. Не легко перенести снѣжную бурю и затѣмъ вернуться къ жизни, это не можетъ пройти безслѣдно. Но она прилежно работаетъ и

черезъ нѣсколько времени станетъ работать съ интересомъ.

Онъ не прибавилъ, что это время наступитъ еще не скоро. Сама молодая дѣвушка мужественно старалась сосредоточить всѣ свои мысли на работѣ. Она добросовѣстно исполняла всякое дѣло, за которое бралась; она работала съ какою-то упрямою настойчивостью, съ приложеніемъ всѣхъ своихъ силъ, но безъ надежды на успѣхъ, безъ радости по окончаніи работы. Она, точно извозчичья лошадь, глядѣла только на ту дорогу, какую предстояло проѣхать, и чувствовала благодарность къ разумной рукѣ, управлявшей ею, къ спасительнымъ наглазникамъ, скрывавшимъ отъ нея страшные призраки, которые выступали изъ мрака, окружавшаго дорогу.

У нея не хватало ни силы, ни нервной энергіи ни для чего, кромѣ ежедневныхъ заботъ и обязательной работы, среди гнетущей нищеты окружающихъ. Такъ жила она мѣсяцъ за мѣсяцемъ, точно слѣпая, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Каролемъ. Она работала съ нимъ вмѣстѣ, читала съ нимъ, ухаживала за его паціентами, исправляла его корректуры и не замѣчала на немъ печати смерти.

— Когда на будущій годъ газета будетъ выходить въ увеличенномъ объемѣ,—спросила она его одинъ разъ,—вы всетаки останетесь ея редакторомъ?

— Да, если буду жить здѣсь.

— А я думала, вы навсегда поселились въ Лондонѣ.

— Я никогда не загадываю на далекое будущее.

Мистеръ Латамъ пріѣзжалъ къ ней каждый мѣсяцъ, а на Рождествѣ она сама поѣхала домой на нѣсколько дней. Кароль находилъ, что теперь она совершенно здорова, и что свиданіе съ родными не можетъ повредить ей. Доставитъ ли ея пріѣздъ удовольствіе роднымъ, это былъ другой вопросъ.

Мать, несомнѣнно, успокоилась, увидѣвъ ее. Чужая, жесткая дѣвушка, являвшаяся вмѣсто ея дочери и пугавшая ее своимъ видомъ, исчезла, а взамѣнъ пріѣхала настоящая Оливія. Она казалась старше своихъ лѣтъ и не совсѣмъ счастлива, но это была настоящая—кроткая, ловкая, не эгоистичная Оливія. Когда она высказала это замѣчаніе мужу, онъ наклонился надъ своей книгой и не отвѣтилъ ни слова.

— Я не такъ довольна ею, мама,—сказала Джени, глубокомысленно наморщивъ свой хорошенькій лобикъ:—у нея какъ-то нѣтъ ничего молодого. Мнѣ кажется, человѣкъ можетъ иногда быть не эгоистомъ, потому что ничто въ жизни не радуетъ его.

Мистеръ Латамъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее изъ-за книги. Положительно Джени развивается.

— Конечно, мы должны быть очень благодарны,—говорилъ онъ на другой день Дику.—Она выздоровѣла и тѣломъ, и душой. она занимается хорошимъ дѣломъ и приноситъ пользу другимъ, но все это убило ея молодость. Она стала пожилой женщиной, а между тѣмъ ей всего двадцать девять лѣтъ.

Дикъ былъ единственнымъ человѣкомъ, кромѣ Кароля, съ которымъ онъ говорилъ объ Оливіи. Послѣ того, какъ онъ узналъ о любви къ ней викарія, ему казалось, что въ немъ онъ пріобрѣлъ себѣ сына. Въ послѣднее время онъ ясно видѣлъ, что эта любовь постепенно переходила въ нѣжное и грустное воспоминаніе объ Оливіи прежнихъ лѣтъ, но онъ считалъ это вполнѣ естественнымъ, и это не уменьшало его отеческихъ чувствъ къ Дику. Оливія, думалъ онъ, будетъ до конца жизни принадлежать другому міру, чуждому и неизвѣстному для Дика. Съ точки зрѣнія этого міра даже отецъ долженъ казаться ей сѣдымъ ребенкомъ.

Прогостивъ нѣсколько дней дома, она вернулась къ своей лондонской работѣ. Отецъ повезъ ее на станцію и по дорогѣ спросилъ, когда можно ожидать, что она опять пріѣдетъ домой. Оливія опустила глаза и отвѣтила не сразу.

— Это съ моей стороны большая неблагодарность, всѣ были такъ добры ко мнѣ; но, кажется, будетъ лучше, если я не стану часто ѣздить домой.

— Дорогая моя, если ты чувствуешь, что это тебѣ вредно...

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло; я думала о матери: ей лучше порѣже видѣть меня.

— Твой пріѣздъ доставилъ ей громадное удовольствіе.

— Да, но если она будетъ часто меня видѣть, она разочаруется.

— Ты думаешь, она увидитъ, какова ты въ дѣйствительности, и какъ мало между вами общаго? Этого тебѣ нечего бояться, моя милая; узнать, какова ты въ дѣйствительности, не очень легко.

— Она увидитъ не меня, существо, котораго она не будетъ понимать, и это покажется ей мучительнымъ. Онѣ съ Джени такъ счастливы вмѣстѣ; если я войду въ ихъ жизнь, я только испорчу ее. Пережить нѣкоторыя вещи—все равно что имѣть въ себѣ нѣсколько капель черной крови: чувствуешь себя отрѣзанной отъ другихъ людей.

— Отъ всѣхъ другихъ?

— Только не отъ васъ, папа.

— Это очень для меня пріятно. Я, какъ видишь, не принадлежу ни къ какому міру.

— Папа...—она просунула свои пальцы въ его руку.

Углы его губъ задрожали, когда онъ посмотрѣлъ на ея руку. Онъ подумалъ, какъ далеко она отошла отъ того времени, когда положила на его приборъ лепешечки съ пепсиномъ.

— Знаешь ли ты, моя дорогая, что ты дочь неудачника, имѣющаго достаточно ума, чтобы сознавать это? Не то, что мы переживаемъ, отрѣзываетъ насъ отъ другихъ людей, а то, что намъ не удается пережить. Я тоже въ свое время мечталъ недаромъ прожить жизнь, а употребить ее съ пользой.

— Ну, и что-жъ?

— Я женился на твоей матери.

Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ:

— Пойми, что ты и твои друзья, посвящающіе себя работѣ, полезной для человѣчества, вы являетесь въ моихъ глазахъ представителями не только самаго симпатичнаго мнѣ направленія, но и того, чѣмъ я самъ могъ бы быть. Конечно, теперь это мало замѣтно, но вѣдь и я родился въ Аркадіи.

Онъ замолчалъ, замѣтивъ слезы на ея глазахъ.

Она быстро смахнула ихъ.

— Вы не должны завидовать намъ, папа. Аркадія стала въ послѣднее время далеко не пріятнымъ мѣстожительствомъ. Она вся превратилась въ мастерскія и въ кладбища, на которыя каждый день льетъ дождь.

V.

Оливія и ея отецъ были вполнѣ родственныя натуры, и потому каждый изъ нихъ отлично понималъ, что другой никогда не станетъ упоминать объ ихъ разговорѣ по дорогѣ къ Гетбриджской станціи. Но фактъ этого разговора и увѣренность, что онъ не будетъ повторенъ, скрѣпилъ ихъ дружбу тѣснѣе прежняго.

Мистеръ Латамъ сталъ часто сталъ ѣздить въ Лондонъ; когда у Оливіи было свободное время, они дѣлали большія прогулки вдвоемъ, или ходили по музеямъ и картиннымъ галлереямъ. При этомъ они или молчали, или говорили обо всемъ, кромѣ того, что всего ближе касалось ихъ. Онъ зналъ и безъ словъ, что эти прогулки съ нимъ были единственными свѣтлыми точками въ ея жизни.

Кароль былъ лишенъ даже такого общенія съ близкими

людьми. Онъ замкнулся въ суровомъ молчаніи и въ уединеніи ждалъ подкрадывавшагося къ нему удара. Иногда, когда онъ не замѣчалъ, что Оливія смотритъ на него, страдальческое выраженіе его лица заставляло сердце ея сжиматься отъ жалости.

— Я до сихъ поръ не понимала, что значитъ изгнаніе изъ родной земли. Родина замѣняла ему и отца, и мать, и жену, и дѣтей; а теперь онъ никогда не можетъ вернуться въ нее.

Она не подозрѣвала, что его тяготитъ еще другое горе; а о томъ, которое она угадывала, она не рѣшалась заговаривать съ нимъ.

Въ сѣрыхъ улицахъ города настала холодная, поздняя весна, а за ней послѣдовало сырое, мрачное, безрадостное лѣто. Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ она начала работать съ нимъ; за этимъ годомъ пойдутъ другіе, совершенно такіе же,— думалось ей. Они, безъ сомнѣнія, будутъ до конца жизни точно такъ же бокъ-о-бокъ тянуть свою лямку въ этомъ мірѣ, гдѣ никогда не свѣтитъ солнце, гдѣ никогда не поютъ птицы.

Въ одинъ дождливый осенній день онъ шелъ съ нею изъ Британскаго музея на ея квартиру. Они провели нѣсколько часовъ въ библіотекѣ, собирая статистическія данныя для статьи, которую онъ писалъ о гигіеническомъ состояніи польскихъ фабричныхъ городовъ. Переходя черезъ Оксфордскую улицу, онъ запнулся, качнулся безпомощно впередъ и тяжело упалъ на землю. Извозчики, усмѣхаясь, поглядывали на него съ высоты своихъ козелъ; двѣ грязныя цвѣточницы обмѣнялись нелестными замѣчаніями на его счетъ.

— Не ушиблись ли вы?—спросила Оливія, когда онъ медленно и съ трудомъ поднялся на ноги.

Онъ стоялъ, отвернувъ отъ нея лицо и счищая грязь съ платья.

— Нѣтъ, нисколько, благодарю васъ. Я наступилъ на что-то скользкое.

Она посмотрѣла внизъ, на мостовой ничего не было.

— У васъ, вѣрно, высунулся гвоздь изъ башмака,—начала она, но взглянула на него и остановилась.

— Кароль, вы, навѣрно, ушиблись?

— Да, немножко, это сейчасъ пройдетъ.

Онъ нѣсколько времени былъ блѣденъ, но совершенно спокоенъ и, придя къ ней на квартиру, тотчасъ же сталъ раскладывать въ хронологическомъ порядкѣ тѣ данныя, которыя они собрали. Оливія затопила каминъ, такъ какъ вечеръ былъ холодный, и сѣла читать корректуры; до самаго ужина ни одинъ изъ нихъ не двинулся съ мѣста. Когда

она повернулась, чтобы позвать его къ столу, она съ удивленіемъ замѣтила, что онъ не работаетъ. Выраженіе его лица поразило ее; она наблюдала за нимъ нѣсколько минутъ, затѣмъ собралась съ духомъ и проговорила.

— Кароль, скажите, что васъ такъ безпокоитъ?

Онъ быстро поднялъ голову.

— О, рѣшительно ничего особеннаго. Я думалъ о разныхъ дѣловыхъ распоряженіяхъ, какія мнѣ надо сдѣлать. Кстати, если Марцинкевичъ возьмется редактировать газету, будете вы и при немъ продолжать работать?

— А вы развѣ оставляете газету?

— Да, вѣроятно, въ скоромъ времени. Марцинкевичъ привыкъ къ дѣлу, онъ можетъ хорошо вести газету, а мнѣ придется уѣхать, какъ только комитетъ партіи пришлетъ сюда кого-нибудь вмѣсто меня.

— Вы собираетесь уѣхать на короткое время, или навсегда?

— Навсегда. Въ сущности, моя работа здѣсь, въ Лондонѣ, была только временная.

Ей показалось, какъ будто ея собственный голосъ доносится откуда-то издалека.

— А вы скоро собираетесь уѣхать?

— Это еще не рѣшено; можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, черезъ два.

Онъ всталъ и слегка потянулся, расправляя плечи.

Оливія стояла, не шевелясь; она прерывисто дышала, она слышала біеніе собственнаго сердца. Онъ такъ легко, между прочимъ сообщаетъ ей такое извѣстіе,—ей представлялось это оскорбленіемъ, прямо какою-то пощечиной.

— Я никакъ не ожидалъ, что пробуду здѣсь такъ долго, продолжалъ онъ. — Теперь дѣло повидимому наладилось. Мнѣ особенно пріятно то, что вы вполнѣ вошли въ него до моего отъѣзда; вы уже можете работать совершенно самостоятельно. Начало всегда всего труднѣе.

— Да, ко всему можно привыкнуть, вы мнѣ это говорили еще въ Петербургѣ. Вы назначили мнѣ срокъ, два или три года. Съ тѣхъ поръ прошло два съ половиной. Такъ какъ вы уѣзжаете... впрочемъ, все равно, я передъ вашимъ отъѣздомъ хочу сказать вамъ, что привычка мало помогла мнѣ.

Она начала заваривать чай. Кароль ждалъ, чтобы она снова заговорила; онъ никогда не торопился со своими объясненіями.

— Я, можетъ быть, слишкомъ требовательна, — продолжала она, положивъ ложку на столъ. — Но, въ сущности, вѣдь намъ дана только одна жизнь и мнѣ непріятно отдавать

ее, не получая ничего взамѣнъ. Поймите, я очень рада принести ее въ жертву за что-нибудь, что этого стоитъ. Но я хочу знать, какую пользу принесетъ моя жертва, кому нужна моя кровь.

Рука ея, лежавшая на подносѣ, слегка дрожала.

— Если бы я была увѣрена, что Володя самъ вѣрилъ въ успѣхъ того дѣла, за которое онъ умеръ... Нѣтъ, я не могу говорить объ этомъ. Будемъ говорить только о себѣ и о своемъ дѣлѣ, это практичнѣе. Вотъ мы пережили нѣкоторыя испытанія, на которыя рѣшили смотрѣть, какъ на полезныя воспитательныя средства, и, въ концѣ концовъ, пришли къ тому, что издаемъ маленькую газетку для рабочихъ. О, я знаю, что это превосходная газетка; въ нее вкладывается много труда, и она имѣетъ громадное вліяніе. Но стоитъ ли она той цѣны, которая за нее дана?

— Послушайте, — сказалъ Кароль, садясь верхомъ на стулъ и положивъ руки на его спинку. — Знаете вы, что говоритъ Эпиктетъ о латукѣ: его можно купить за копѣйку, и кто хочетъ ѣсть латукъ, долженъ заплатить копѣйку. Но люди не хотятъ понять, что въ извѣстное время года латукъ стоитъ полторы копѣйки и бываетъ очень мелокъ. Васъ мучитъ какой-то червякъ абстрактной справедливости; вамъ непремѣнно хочется, чтобы міръ купилъ свое спасеніе за дешевую плату. Это невозможно: онъ долженъ платить по розничной цѣнѣ даннаго времени и мѣста. Я не...

Онъ остановился и докончилъ фразу болѣе глухимъ голосомъ:

— Я не отрицалъ, что нынче цѣны очень поднялись.

Она опустила руки съ видомъ полнаго унынія.

— Ахъ, не все ли равно? Неужели вы думаете, что я хочу торговаться? Вы мнѣ говорите, что мы должны отдать Кесарю то, что принадлежитъ Кесарю. Я не прочь отдать и копѣйку, и полторы копѣйки, и всякую монету съ изображеніемъ Кесаря. Но, Боже мой, какъ много этихъ маленькихъ Кесарей, и какую массу мелкихъ монетокъ должны вы выковать изъ собственнаго сердца.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ, вставая.—Ну, продолжайте! Что же изъ этого выйдетъ?

— Это самое и я спрашиваю. Что выйдетъ изъ всего этого?

Онъ молчалъ.

— Возьмите для примѣра себя самого, — снова начала она послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія. — Вы помните Акатуй...

Складки вокругъ его губъ обозначились рѣзче.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я никогда не вспоминаю подобныхъ вещей иначе, какъ случайно.

— Все равно, хоть случайно, да вы вспоминаете. Акатуй—это, по моему, ваша копѣйка.

Онъ тяжело перевелъ духъ.

— До нѣкоторой степени, пожалуй.

— А гдѣ вашъ лутукъ?

Онъ поднялъ руку и заслонилъ глаза.

— Видите ли,—продолжала Оливія неумолимымъ голосомъ:—если человѣкъ идетъ на смерть или на что нибудь подобное, онъ хочетъ знать, чего ради? Это вопросъ объ относительной цѣнности предметовъ. Какую справедливую цѣну можно назначить за жизнь и счастье человѣка? Возьмите для примѣра москвичей, которые на дняхъ были задавлены на смерть, толпясь, чтобы получить подарки по случаю коронаціи. Они умерли изъ-за куска плохой колбасы да изъ-за жестяной кружки съ портретомъ императора; а вслѣдъ за этимъ давался придворный балъ, на которомъ танцовалъ и императоръ, и жена его. Можетъ быть, это-то и есть цѣна, по которой русскіе мужики продаютъ свою жизнь. А какъ вы думаете, не скажутъ ли послѣ будущія поколѣнія, что и мы свою жизнь цѣнили немногимъ дороже?

Кароль началъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и спрашивая себя, долго ли протянется этотъ мучительный разговоръ и можетъ ли онъ вынести его еще пять минутъ. Ему вдругъ вспомнилась одна сцена изъ далекаго прошлаго. Когда онъ былъ арестованъ въ первый разъ и ждалъ допроса, изъ комнаты, гдѣ производилось слѣдствіе, вышелъ молодой человѣкъ и упалъ на полъ въ припадкѣ истерики. При этомъ одинъ жандармъ сказалъ другому: „Это оттого, что генералъ сегодня самъ дѣлаетъ допросъ“.

Въ то время онъ спрашивалъ себя, не грозитъ ли и ему такого рода припадокъ. Теперь онъ былъ спокоенъ; нервы его достаточно окрѣпли.

Въ голосѣ Оливіи послышались болѣе жестокія ноты.

— Вы сказали „навсегда“; изъ этого я заключаю, что мы никогда больше не увидимся.

— Очень можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ правду разъ въ жизни, прежде чѣмъ оставить меня совершенно одинокой. Лично вы, довольны вы тѣмъ, что получили за свою копѣйку?

Кароль повернулъ голову и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза; губы его побѣлѣли.

— Я думаю, что я получилъ неважное кушанье, немного попорченное, и, несомнѣнно, заплатилъ за него слишкомъ

дорого. Но ничего лучше я не могъ достать. Если бы вы предложили тотъ же вопросъ московской толпѣ, она отвѣтила бы вамъ, что куски колбасы раздаютъ не каждый день.

Она была такъ же блѣдна, какъ онъ.

— Понимаю, - проговорила она задыхающимся голосомъ.

Кароль на минуту забылъ свою сдержанность, а являться безъ одеждъ, даже передъ самыми близкими людьми было для него мучительно; поэтому онъ поспѣшилъ снова погрузиться въ статистику.

— Значитъ, за послѣдніе три года смертность въ Лодзи...

Она остановилась чтобы поставить чайникъ на огонь.

— Цифры, касающіяся смертности въ Лодзи стоятъ въ моихъ вчерашнихъ замѣткахъ. Дайте мнѣ заварить чай, и я вамъ ихъ принесу.

На слѣдующій день они съ Каролемъ видѣлись только при другихъ, а черезъ день къ ней пріѣхалъ отецъ и упросилъ ее провести конецъ недѣли въ Гетбриджѣ. Въ понедѣльникъ она вернулась въ Лондонъ и прежде всего пошла въ редакцію газеты узнать, какая работа предстоитъ ей на этотъ день. Марцинкевичъ, помощникъ редактора, встрѣтилъ ее съ озабоченнымъ видомъ, но ничего не сказалъ ей. Такъ какъ въ комнатѣ были чужіе, то она ограничилась вопросомъ:

— Пришелъ докторъ Славинскій?

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ за границу по дѣламъ. Онъ оставилъ цѣлый списокъ того, что слѣдуетъ сдѣлать безъ него, и поручилъ мнѣ передать вамъ, что надѣется вернуться черезъ двѣ недѣли.

Кароль часто уѣзжалъ изъ города совершенно неожиданно. Оливія привыкла считать такія путешествія необходимыми для его дѣла; она взяла списокъ и усѣлась за свою конторку, не спрашивая ничего больше. По разстроенному лицу помощника редактора она заключила, что поѣздка была вызвана какими-нибудь дурными извѣстіями.

— Его, вѣроятно, послали во Францію или въ Швейцарію что-нибудь уладить, – подумала она.

Черезъ десять дней, когда она принесла свою оконченную работу въ редакцію, Марцинкевичъ громко читалъ какое-то письмо одному члену партіи, недавно пріѣхавшему во Францію.

— Ахъ, миссъ Латамъ; я только что хотѣлъ послать за вами. Вотъ письмо отъ Славинскаго съ порученіями къ вамъ.

— Скоро онъ вернется?

— Боюсь, что нѣтъ; онъ раненъ.

— Раненъ?

— Да, ему надо было перейти русскую границу, переодѣтымъ, конечно. Когда онъ возвращался въ Австрію, русская пограничная стража выстрѣлила въ него. Ему удалось уйти, но онъ слегъ и не можетъ ѣхать.

— Онъ навѣрно, переходилъ границу ночью, съ контрабандистомъ?

— Да, съ однимъ изъ тѣхъ евреевъ, которые берутся всякаго перевести черезъ границу за опредѣленную плату.

— А теперь онъ въ Австріи?

— Въ Галиціи, въ Бродахъ. Я вамъ прочту, что онъ пишетъ: „Все устроилось вполнѣ удовлетворительно...“ Ну, тутъ идутъ разныя дѣловыя подробности... Вотъ оно: „Стража замѣтила насъ въ ту минуту, когда мы дошли кустами до австрійской стороны и выстрѣлила въ насъ. Одна только пуля попала въ меня, но она раздробила мнѣ берцовую кость на правой ногѣ. Мой контрабандистъ держалъ себя очень хорошо. У него нашлись друзья въ австрійской пограничной стражѣ, и онъ убѣдилъ ихъ не замѣчать меня; потомъ, когда тревога утихла онъ досталъ гдѣ-то телѣгу и повезъ меня. Сюда я доѣхалъ благополучно; но дальше не въ состояніи былъ ѣхать. Попросите миссъ Латамъ обратить вниманіе, чтобы ребенку въ улицѣ Юніонъ, который былъ боленъ дифтеритомъ, каждый день два раза прополаскивали горло; мать мало о немъ заботится. Женщина изъ № 15 пусть ходитъ въ лондонскую амбулаторную больницу. Если пришелъ отвѣтъ относительно глухо-нѣмого мальчика въ Уайтчепелѣ...“ я не могу прочесть слѣдующихъ словъ, почеркъ слишкомъ неразборчивый. Посмотрите, Бѣлинскій, не разберете ли вы?

Они принялись вдвоемъ разбирать письмо, но въ эту минуту пришла телеграмма. Марцинкевичъ вскрикнулъ, прочитавъ ее.

— Что случилось?—спросилъ его пріятель.

Онъ передалъ Оливіи телеграмму; она была изъ Бродъ. „Славинскій очень боленъ. Рана заражена. Не можетъ ли кто-нибудь пріѣхать“.

Она возвратила телеграмму, не говоря ни слова.

— Рана заражена,—повторилъ Бѣлинскій.—Значитъ, онъ долженъ умереть? Умереть изъ-за того что какой-то дурацкій стражникъ выстрѣлилъ на угадъ въ темнотѣ! Это ужасно!

— Іисусе! Марія! — вскричалъ Марцинкевичъ.—Неужели вы хотите, чтобы онъ остался живъ! Если онъ можетъ безъ особенныхъ страданій умереть отъ огнестрѣльной раны, это самое для него лучшее.

Оливія быстро подняла голову и посмотрѣла на него. Она чувствовала, что начинаетъ дрожать.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Бѣлинскій.

— Развѣ вы не знали, что ему грозитъ параличъ спинного мозга?

Навѣрно, вы замѣтили, какъ онъ сталъ плохо ходить послѣднее время. Это ужасная болѣзнь: для него будетъ счастье, если онъ умретъ раньше, чѣмъ она разовьется.

— Параличъ... вы хотите сказать, атаксія двигательныхъ сосудовъ?

— Нѣтъ, хуже. Атаксія рано или поздно приводитъ къ смерти. А при его болѣзни человѣкъ можетъ дожить до девяноста лѣтъ и цѣлые годы лежать безпомощнымъ калѣкой, постепенно превращаясь въ камень.

Онъ смялъ въ рукѣ телеграмму.

— Матерь Божія! Только представить себѣ это! И особенно для Славинскаго, который всю жизнь работалъ, какъ ломовая лошадь, начиная со школьной скамьи... Въ этомъ-то, говорятъ, и причина его болѣзни.

— Онъ переутомился?

— Общій итогъ разныхъ недочетовъ: и холодъ, и голодъ, и утомленіе. Вѣдь онъ побывалъ въ Акатуѣ. Это никому не проходитъ даромъ. У одного развивается болѣзнь легкихъ, у другого свѣпота или эпилепсія, или какая-нибудь форма сумасшествія, или вотъ такое страданіе спинного мозга. Къ тому же, онъ былъ тамъ во время большой голодовки. Этого одного довольно, чтобы подорвать какое хотите здоровье.

— Но вѣдь голодовка была десять лѣтъ тому назадъ. А онъ съ какихъ поръ замѣчаетъ угрожающіе признаки?

— Болѣзнь подкрадывалась медленно. Онъ говоритъ, что замѣтилъ небольшую неловкость въ сгибѣ ноги, когда еще былъ въ Сибири; но это было такъ незначительно, что онъ не обратилъ на нее вниманія. Въ первый разъ онъ заподозрилъ, что съ нимъ дѣлается что-то неладное, года два, три тому назадъ, нѣтъ, не въ прошлую, а въ позапрошлую зиму. Онъ еще въ то время ѣздилъ въ Петербургъ, помните? Онъ запнулся, входя на лѣстницу, и началъ подозрѣвать болѣзнь: онъ посовѣтовался съ однимъ изъ тамошнихъ докторовъ. Но миссъ Латамъ можетъ лучше меня разсказать вамъ это, она въ то время тоже жила въ Петербургѣ.

Мужчины обернулись къ Оливіи. Она все время сидѣла неподвижно, какъ окаменѣлая. Когда она заговорила, голосъ ея былъ ровенъ и спокоенъ.

— Я ничего объ этомъ не знала. Я въ первый разъ слышу, что онъ боленъ.

Помощникъ редактора прикусилъ губу.

— Мнѣ очень жаль, что я проговорился, миссъ Латамъ;

это было очень безтактно съ моей стороны. Но я былъ увѣренъ, что онъ давно вамъ все разсказалъ.

— Онъ никогда не былъ особенно сообщительнымъ.

— Это правда. Онъ сказалъ мнѣ о своей болѣзни въ дѣловомъ разговорѣ на тотъ случай, если мнѣ придется замѣстить его въ чемъ-нибудь. Я спросилъ, не могу ли я помочь ему въ устройствѣ его личныхъ дѣлъ, а онъ отвѣтилъ: „Благодарю васъ, я уже сдѣлалъ свои распоряженія.“ Не знаю почему, но я былъ увѣренъ, что онъ передалъ эти распоряженія миссъ Латамъ.

— Когда онъ съ вами говорилъ объ этомъ?

— Когда пріѣхалъ въ Англію въ маѣ прошлаго года. Понимаете, петербургскій докторъ сказалъ ему только, что есть нѣкоторыя указанія на возможность болѣзни. Потомъ онъ почувствовалъ себя хуже и какъ только пріѣхалъ сюда, сейчасъ же отправился къ врачу, который считается авторитетомъ по болѣзнямъ спинного мозга; тотъ сказалъ ему, что нѣтъ никакой надежды. Онъ заявилъ объ этомъ оффиціально комитету партіи и принялъ на себя здѣшнюю работу съ тѣмъ, чтобы вести ее, пока будетъ въ состояніи. Недѣли двѣ тому назадъ онъ сказалъ мнѣ, что упалъ на улицѣ и долженъ немедленно принять мѣры, чтобы передать кому-нибудь свою работу. Для этого онъ и поѣхалъ въ Россію, чтобы повидать человѣка, который будетъ его замѣстителемъ. Но имѣйте въ виду, что объ этомъ не надо разсказывать. Дайте мнѣ закурить, Бѣлинскій.

Свертывая папиросу, онъ топалъ ногой по полу. Марцинкевичъ былъ человѣкъ съ сердцемъ и любилъ Кароля.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ разгладилъ скомканную телеграмму.

— Кого же мы пошлемъ къ нему? Тутъ сказано: „Нельзя ли кому-нибудь пріѣхать.“

Оливія встала. Она сидѣла совершенно спокойно, послѣ того какъ узнала правду.

— Я поѣду. Я выѣду сегодня же вечеромъ. Пожалуйста, достаньте мнѣ билетъ, а я буду укладываться.

— Но...—началъ было Марцинкевичъ; затѣмъ остановился и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Да, конечно, лучше васъ никого не найти.

Она пошла къ себѣ на квартиру, написала нѣсколько строкъ отцу, размѣняла чекъ, уложила свой чемоданъ и сѣла на поѣздъ. Единственное ея чувство было смутное довольство тѣмъ, что ей надо заниматься практическими дѣлами и некогда думать. Она пробыла въ дорогѣ два дня и двѣ ночи. Сидя въ углу вагона, не закрывая глазъ въ то время, какъ ея спутники дремали, она все время повторяла

себѣ все съ большею и большею горечью: „А мнѣ онъ ничего не сказалъ... ничего не сказалъ...“

Въ Броды она пріѣхала уже вечеромъ: это небольшой пограничный городокъ со смѣшаннымъ населеніемъ изъ поляковъ, русинъ, евреевъ и нѣмцевъ. Узкія улицы казались унылыми и обнищалыми; сѣрое небо съ тяжелыми дождевыми тучами нависло надъ ними.

Кароль поселился въ домѣ одной почтенной семьи ремесленниковъ. Мужъ и жена, евреи по происхожденію и религіи, были въ то же время преданные польскіе патріоты, смотрѣли на себя, какъ на поляковъ, и, самоотверженно отказывая себѣ во всякомъ излишествѣ, изъ своего скуднаго заработка дѣлали аккуратные взносы въ пользу національнаго движенія. Они не были знакомы съ Каролемъ лично; но они знали его, какъ дѣятельнаго сторонника освобожденія, знали, что онъ раненъ, работая для общаго дѣла, и готовы были дѣлиться съ нимъ всѣмъ, что имѣли.

Но имѣли они весьма немного. Домикъ былъ сравнительно чистый, но темный, населенный массой народа, и потому очень шумный. Не смотря на все свое желаніе, ни хозяинъ, ни хозяйка не имѣли времени, да и не умѣли ухаживать за трудно больнымъ. Можно было бы помѣстить его въ городскую больницу, но это оказывалось по многимъ причинамъ неудобно, и Кароль съ благодарностью принялъ гостепріимство евреевъ.

Они встрѣтили Оливію съ изъявленіями самой искренней радости.

— Кайя, Кайя! —закричалъ мужъ женѣ, когда ея извозчикъ остановился. — Это пріѣхала сидѣлка изъ Лондона. Бѣги скорѣй къ доктору, онъ велѣлъ дать ему знать, какъ только она пріѣдетъ.

Они почти втащили ее въ домъ, при чемъ что-то говорили оба разомъ громкимъ, рѣзкимъ голосомъ на половину по-нѣмецки, на половину польски. Они описывали ей, сопровождая свою рѣчь выразительными жестами, какъ боялись за больного, какъ успокоились, когда пришла ея телеграмма. Повидимому, они нисколько не сомнѣвались, что, разъ она пріѣхала, онъ долженъ выздоровѣть.

— Подумать только, если бы онъ умеръ у насъ въ домѣ и, можетъ быть, по нашей винѣ! Вѣдь мы совсѣмъ не умѣемъ ухаживать за больнымъ. Правда, не умѣемъ, Авраамъ?

— Да, а его жизнь такъ нужна для родины! Ай, ай, какая это была бы потеря! Не думайте, что мы евреи, и потому не можемъ быть хорошими патріотами. Братъ моей жены, Соломонъ, сосланъ въ Сибирь за участіе въ одной

польской демонстраціи. Мы, видите ли, тоже пришли изъ Россіи; и мнѣ также приходилось пробираться кустами.

Докторъ, серьезный молодой нѣмецъ, съ волосами, стоявшими щеткой, пришелъ въ эту минуту, и Оливія могла войти наверхъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Вы находите, докторъ, что ему грозитъ смерть?

— Какъ сказать? Если намъ удастся дать ему покой и понизить температуру, онъ можетъ остаться живъ. Но положеніе серьезно. Онъ въ бреду уже третій день.

— Переломъ берцовой кости?

— Сложный переломъ и нагноеніе. Его привезли въ маленькой тележкѣ; всю дорогу его трясло и качало. Вы говорите по-польски?

— Немного.

— Я совсѣмъ не говорю; это трудный языкъ. Я недавно пріѣхалъ изъ Вѣны. Съ тѣхъ поръ, какъ у него начался бредъ онъ иначе не говоритъ, какъ по-польски. Я его совсѣмъ не понимаю. Слышите?

Когда дверь въ комнату открылась, она услышала голосъ Кароля. Онъ говоритъ самъ съ собой и лежалъ, забросивъ одну руку себѣ на лицо. Она опустила его руку и ловко приподняла подушки, чтобы ему было легче дышать.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, но не узналъ, и продолжалъ бормотать что-то по-польски. Трудно было разобрать, но въ нихъ чувствовался размѣръ.

— Понимаете?—спросилъ доктотъ.—Онъ все время повторяетъ это. Что это такое? Молитва?

Она нагнулась и прислушалась.

— Я не могу разобрать словъ. Ахъ, постойте...

— ...Изъ могилъ раздавались жалобные голоса, какъ будто прахъ мертвецовъ взывалъ къ Господу...

Слова были ей знакомы, но она не могла вспомнить, гдѣ ихъ слышала.

— Но вотъ ангелъ... ангелъ... простеръ крылья, и они затихли... Три раза могилы принимались стонать...

Она читала съ Марцинкевичемъ произведенія польскихъ писателей и вспомнила, что это была поэма „Anhelli“.

— Онъ говоритъ стихи,—объяснила она.

Докторъ пробылъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ, давая ей необходимыя указанія.

Онъ сразу замѣтилъ, что она развита и опытна; это дало ему надежду справиться съ болѣзнью. О пораженіи спинного мозга онъ ничего не зналъ.

— Не бойтесь,—сказалъ онъ ласково, пожимая въ дверяхъ руку Оливіи.—Я надѣюсь, что онъ не умретъ.

Оливія посмотрѣла на него съ улыбкой.

— Я не боюсь. Если судьба ему умереть,—что-жъ... Но мы должны постараться вылѣчить его; пусть онъ самъ рѣшитъ, стоитъ ли ему жить.

Докторъ отшатнулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Господи, Боже мой,—говорилъ онъ самъ себѣ, спускаясь съ лѣстницы,—что за странная женщина!

Когда онъ ушелъ, Оливія послала добродушнаго Авраама купить дезинфекціи и чистаго бѣлья, а Кайю позвала помочь ей убрать комнату больного. Кароль пересталъ метаться и бредить, онъ лежалъ тихо съ остановившимися, широко открытыми глазами. Когда она приподняла его, чтобы еврейка могла подложить подъ него чистую простыню, съ улицы раздалось пѣніе трехъ женскихъ голосовъ, хриплыхъ, разбитыхъ, визгливыхъ, а вслѣдъ затѣмъ хохотъ и насмѣшливые крики уличныхъ мальчишекъ. Онъ тихо застоналъ при этихъ звукахъ.

— Опять пришли эти старыя, нарумяненныя вороны,—сердито сказала Кайя.—Онъ далъ имъ денегъ въ тотъ день, когда Мендель привезъ его, и теперь онѣ все лѣзутъ къ намъ.

— Тише!—остановила ее Оливія, доставая деньги изъ кошелька.—Пожалуста, дайте имъ это и попросите уйти. Для больного нужна тишина.

Жалкіе, старческіе голоса тянули на отвратительный мотивъ какую-то нелѣпую нѣмецкую пѣсенку:

> Ахъ, какъ красиво, какъ пріятно
> Мы всѣ втроемъ гулять идемъ...

Въ глазахъ Кароля мелькнуло выраженіе ужаса.

— Съ голоду,—прошепталъ онъ—съ голоду... Женщинъ прогнали...—и онъ впалъ въ полузабытье.

Поздно вечеромъ Оливія вдругъ услышала крикъ, отъ котораго сердце ея болѣзненно сжалось.

— Встань! Еще не время спать!

Въ умѣ его продолжала вертѣться поэма „Anhelli“.

Она подошла къ его кровати. Онъ былъ въ страшномъ жару и пытался вскочить. Черезъ нѣсколько времени температура немного упала, и онъ лежалъ спокойно. Она накрыла лампу абажуромъ и сѣла у окна.

Она вспомнила Владиміра и въ первый разъ позавидовала ему: онъ не страдаетъ, онъ умеръ.

VI.

Когда докторъ Бюргеръ сказалъ Оливіи, что больной внѣ опасности, она слегка подняла брови, какъ дѣлалъ ея отецъ.

и не произнесла ни слова. Чувство отвращенія, почти ужаса, какое внушило ему ея безсердечіе при первой встрѣчѣ ихъ, на минуту снова овладѣло имъ съ удвоенной силой; но въ слѣдующую минуту онъ уже вздыхалъ, что не можетъ имѣть такихъ сидѣлокъ для другихъ своихъ больныхъ. По дорогѣ домой онъ все время раздумывалъ надъ этой странной аномаліей: она такъ старалась спасти ему жизнь и нисколько не обрадовалась, когда узнала, что жизнь спасена.

На самомъ дѣлѣ, она думала объ одномъ: какъ бы поскорѣй привезти больного въ Англію, чего бы это ни стоило. Близость къ русской границѣ не давала ей покоя: во снѣ и на яву она чувствовала эту близость; въ тѣ короткіе часы, когда ей можно было заснуть, ее мучили кошмары. При нѣкоторомъ воздѣйствіи на высшія сферы развѣ нельзя было добиться выдачи его? А даже и безъ этого въ маленькомъ, темномъ, сонномъ городкѣ, такъ близко отъ „кустовъ", такъ далеко отъ всякой гласности, развѣ трудно подкупить мелкихъ мѣстныхъ чиновниковъ? Примѣры этого бывали, если не здѣсь, то на Балканской границѣ. При ловкости агентовъ это довольно легко устроить. Какой-нибудь легкій шантажъ, небольшая лесть, раздача денегъ, кому слѣдуетъ; ночью производится быстрое похищеніе, затѣмъ идетъ яко бы разслѣдованіе, окруженное тайной; въ газетахъ появляется горячіе протесты; въ парламентѣ дѣлается запросъ; министерства обмѣниваются дипломатическими нотами и — все кончено. Это бывало нѣсколько разъ,—повторяла она себѣ днемъ и ночью,—почему же не могутъ и теперь этого сдѣлать?

Подъ давленіемъ такого опасенія другой ударъ, грозившій ея больному, казался ей менѣе ужаснымъ. Только бы увезти его изъ сферы русскаго вліянія, все остальное легче перенести. Правда, конецъ придетъ скоро, но на англійской землѣ онъ будетъ не такъ страшенъ.

Ей не съ кѣмъ было поговорить объ этомъ, и потому, какъ только Кароль былъ въ состояніи понимать ее и отвѣчать ей, она спросила у него самого, думаетъ ли онъ, что русское правительство попытается захватить его законнымъ или незаконнымъ способомъ.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ,—похищеніе здѣсь слишкомъ опасная штука, вѣдь это не Румынія и не Турція; а что касается высылки, австрійцы народъ порядочный. Они могутъ, пожалуй, выслать меня, если русскіе будутъ слишкомъ настаивать, но они предоставятъ мнѣ выѣхать черезъ какую я хочу границу.

Этимъ увѣреніемъ она должна была удовлетвориться. Впрочемъ, его физическое состояніе было такого рода, что ей ничего не оставалось кромѣ ожиданія. Заживленіе раз-

дробленной кости шло медленно; рана, засорившаяся при переѣздѣ въ первую ночь, постоянно гноилась. Воспалительный процессъ продолжался иногда лишь нѣсколько дней, но боль, причиняемая имъ, такъ истощала силы больного что заставить его предпринять длинное путешествіе было бы и опасно, и жестоко. Онъ самъ въ короткіе промежутки облегченія хотѣлъ только одного—спать, пока возможенъ сонъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль даже дѣло, составлявшее для него главный смыслъ жизни, повидимому, потеряло для него интересъ. Онъ лежалъ неподвижно и не дѣлалъ никакихъ вопросовъ.

По мѣрѣ того, какъ силы его возвращались, онъ сталъ замѣтно чуждаться Оливіи. Иногда казалось даже, что ея присутствіе непріятно ему. Когда послѣ горячечнаго бреда онъ первый разъ пришелъ въ сознаніе и увидѣлъ ее около своей кровати, онъ долго глядѣлъ на нее, а затѣмъ отвернулся и проговорилъ слабымъ голосомъ:—Напрасно они не прислали кого-нибудь другого!—И послѣ того онъ все время былъ холодно вѣжливъ съ нею, а изрѣдка въ обращеніи его прорывалось даже сдержанное раздраженіе, которое и удивляло, и пугало ее.

Для нея это были ужасныя недѣли. Никогда прежде, при уходѣ за самыми трудными и опасными больными, она не чувствовала до такой степени всей тяжести своей отвѣтственности; никогда прежде спасаніе чужой жизни не казалось ей настолько безполезнымъ и жестокимъ. Положеніе, тяжелое само по себѣ, становилось еще болѣе тяжелымъ для нихъ обоихъ, вслѣдствіе страшной стыдливости, мучившей ихъ. Чрезмѣрная скромность, свойственная ранней молодости, охватила ихъ, мужчину и женщину зрѣлыхъ лѣтъ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она исполняла должность сидѣлки, необходимость оголять тѣло больного и дотрогиваться до него, необходимость обмывать его рану и приподнимать его руками вызывала въ ней стыдъ; а онъ, то краснѣя, то блѣднѣя, бормоталъ, стараясь не глядѣть на нее:—Не можетъ ли Авраамъ это дѣлать?

Она иногда спрашивала себя, забудетъ ли онъ передъ неизбѣжнымъ концомъ ту непріятность, какую она ему причинила и станетъ ли по прежнему въ простыя, дружескія отношенія къ ней. Вполнѣ естественно,—говорила она сама себѣ,—что у него теперь горькое чувство противъ меня, но будетъ страшно тяжело, если эта горечь останется до конца.

Разбирая въ умѣ ихъ отношенія, она пришла къ выводу, что настоящей дружбы между ними никогда не было.

Онъ спасъ ее отъ страшной болѣзни; онъ далъ ей мужество жить и дѣло, ради котораго она могла жить; но самъ онъ

оставался для нея загадкой, и даже теперь, когда она знала его тайну, она ничего не знала о немъ самомъ. Даже тѣ мелочи, какія каждый больной говоритъ своей сидѣлкѣ, ей приходилось угадывать; онъ никогда не былъ разговорчивъ, а теперь почти все время молчалъ. Пока продолжалась острая боль, эту боль обыкновенно можно было замѣтить только по крѣпко сжатымъ губамъ его. Когда дыханіе становилось медленнѣе и губы разжимались, она видѣла, что боль утихла.

Черезъ семь недѣль послѣ пріѣзда, она вошла одинъ разъ въ его комнату перевязать рану и увидѣла, что онъ читаетъ письмо, которое Кайя только что принесла ему. На конвертѣ была лондонская почтовая марка.

— Марцинкевичъ опять не можетъ справиться съ нашими литовцами, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.— Онъ спрашиваетъ, скоро ли мы вернемся.

— Докторъ Бюргеръ думаетъ, что вамъ можно будетъ выѣхать на будущей недѣлѣ. Конечно, мы возьмемъ особый вагонъ для больныхъ.

— Ну, нѣтъ, это слишкомъ дорого, у меня не хватитъ средствъ.

— Отецъ прислалъ мнѣ денегъ. Я получила отъ него сегодня письмо: онъ проситъ телеграфировать ему, когда мы будемъ въ Кале. Онъ хочетъ выѣхать къ намъ навстрѣчу.

— Но вѣдь мы не можемъ тратить деньги вашего отца, и...

— Не мѣшайте ему, Кароль; для васъ это не имѣетъ значенія, а ему доставитъ величайшее удовольствіе что-нибудь сдѣлать для васъ.

Онъ подумалъ съ минуту, поморщился и затѣмъ сказалъ:

— Ну, хорошо, если ему такъ хочется. Въ такомъ случаѣ мы можемъ выѣхать, какъ только Бюргеръ позволитъ. Я могу теперь отлично перенести дорогу, а мнѣ надобно докончить разныя дѣла.

— Да, конечно.

Она колебалась нѣсколько секундъ, но затѣмъ собралась съ духомъ и рѣшила положить конецъ его неестественной скрытности.

— Кароль, я все знаю. Марцинкевичъ разсказалъ мнѣ...

Въ томъ молчаніи, которое послѣдовало за ея словами, тиканье часовъ, лежавшихъ на столѣ, казалось ей рѣзкимъ, назойливымъ, почти оглушающимъ звукомъ. Когда онъ, наконецъ, заговорилъ, тонъ его голоса заставилъ ее покраснѣть, какъ будто ее уличили въ чемъ-то грубомъ и низкомъ.

— Самый большой недостатокъ Марцинкевича, что онъ слишкомъ молодъ. Ему надо отучиться отъ этой привычки разсказывать людямъ то, чего не слѣдуетъ.

— Онъ не думалъ, что разсказываетъ мнѣ что-нибудь новое,—проговорила она.—Онъ думалъ... я знаю... думалъ, вы мнѣ разсказали.

— Оттого-то я и говорю, что онъ слишкомъ молодъ.

Она посмотрѣла на него съ горестнымъ недоумѣніемъ.

— А развѣ я молода? Мнѣ кажется, во мнѣ не осталось уже ничего молодого, а я тоже... я думала, что вамъ слѣдовало сказать мнѣ.

— Дорогая Оливія, если то, что мы можемъ сказать, принесетъ какую-нибудь пользу людямъ, мы должны говорить. Въ противномъ случаѣ, непріятныя вещи лучше хранить про себя.

И затѣмъ онъ прибавилъ съ изысканною любезностью:

— Конечно, если бы это было что-нибудь пріятное, я счелъ бы своимъ долгомъ немедленно сообщить вамъ. Но зачѣмъ мнѣ надоѣдать друзьямъ своими личными невзгодами? Вамъ и безъ того пришлось слишкомъ много безпокоиться изъ-за меня.

— Неужели, Кароль, мы съ вами начнемъ обмѣниваться любезностями? Понятно, вы имѣли полное право скрывать отъ меня свою тайну, если хотѣли. И не думайте, голосъ ея слегка дрогнулъ, — будто я настолько глупа, не понимаю, что я не должна была стараться вернуть васъ къ жизни. Я знаю, что вы сердитесь на меня за это: я помѣшала вамъ избѣжать долгихъ страданій...

— Напротивъ, я безконечно благодаренъ вамъ за то, что вы меня вылѣчили. Мнѣ было бы очень не кстати умереть именно теперь. Мои дѣла еще не закончены.

— Ваши... личныя дѣла?

Суровая складка на лицѣ его предупредила ее, что она зашла въ запретную область.

— Я говорилъ объ общественныхъ дѣлахъ. Личныя никого не касаются, кромѣ самого человѣка.

— Въ такомъ случаѣ...—Она нетерпѣливо встала, пошла на другой конецъ комнаты и отомкнула ящикъ стола.—Я должна отдать вамъ вотъ это.

Онъ поднялъ на нее глаза, принимая изъ ея рукъ небольшую склянку; они глядѣли другъ на друга, оба блѣдные, какъ смерть.

— Вы это нашли на мнѣ?

— Кайя нашла. Она отдала мнѣ, когда я пріѣхала. Она снимала съ васъ платье, когда вы были въ забытьѣ.

— Она знаетъ, что это такое?

— Да, морфій... Когда она стала говорить объ этомъ, я ей сказала, что у васъ въ Лондонѣ сильно болѣли зубы, и вы принимали капли съ морфіемъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ спряча скляночку подъ рубашку.

Она взяла бинтъ и начала свивать его.

— Я сдѣлаю вамъ перевязку,—проговорила она безжизненнымъ тономъ.

Она сняла перевязку и почувствовала, что нога, до которой она дотрогивалась, сильно дрожала подъ ея рукой.

— Я вамъ сдѣлала больно?—спросила она.

— О, нѣтъ, я только немного усталъ.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, пока она не кончила, и ей показалось, что онъ дышетъ болѣе быстро и неровно, чѣмъ обыкновенно. Она съ тревогой посмотрѣла на его страдальческое лицо, начиная приводить въ порядокъ постель.

— Благодарю васъ,— сказалъ онъ, открывая глаза и слабо улыбаясь.—Мнѣ очень жаль, что вамъ приходится такъ много возиться со мной.

Его правая рука, блѣдная, исхудалая до того, что всѣ кости выступали наружу, нервно теребила конецъ простыни. Она съ удивленіемъ смотрѣла на нее: безцѣльныя движенія были слишкомъ несвойственны Каролю.

— Теперь, когда у насъ зашелъ объ этомъ разговоръ,— сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, я долженъ объясниться: морфій не предназначался для немедленнаго употребленія.

Она продолжала укладывать одѣяло. Голосъ ея былъ спокоенъ и беззвученъ.

— Вы хотѣли ждать, пока покончите всѣ свои дѣла?

— Можетъ быть, даже и дольше. Вы знаете, какъ медленно развивается эта болѣзнь. Можетъ быть, пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, цѣлый годъ, прежде чѣмъ у меня явится параличъ. Человѣкъ съ частнымъ параличемъ можетъ еще многое дѣлать. Я только хотѣлъ приготовиться заранѣе, никто не можетъ знать, какой оборотъ приметъ болѣзнь.

— Значитъ, вы хотите ждать?..

— Когда я буду лишенъ возможности работать, я, понятно, стану считать себя въ правѣ располагать своею жизнью, какъ найду для себя лучше.

Она стояла спокойно, держась рукой за кровать.

— Вы хотите сказать, что, пока физическія силы позволяютъ вамъ приносить пользу вашей партіи, вы считаете себя обязаннымъ жить при какихъ бы то ни было условіяхъ?

Тиканье часовъ одно нарушало молчаніе, послѣдовавшее за этимъ вопросомъ.

— Когда я взялся за дѣло, я не выговаривалъ себѣ пріятныхъ условій...

Голосъ его ослабѣлъ и фраза была окончена шепотомъ.

— Къ тому же, это, можетъ быть, не долго протянется...

Онъ быстро отвернулъ голову; ея лицо покрылось смертельной блѣдностью.

Какъ только докторъ Бюргеръ далъ разрѣшеніе, Оливія наняла вагонъ для больныхъ и сдѣлала всѣ необходимыя приготовленія къ путешествію. Но въ самую послѣднюю минуту всѣ ея приготовленія были отмѣнены. На ранѣ образовался новый нарывъ, и въ теченіе десяти дней больной не въ состояніи былъ двинуться.

Между тѣмъ, настали холода. Разъ утромъ, проснувшись рано, она нашла, что въ комнатѣ невозможно-низкая температура, и принесла дровъ затопить печку. Она ходила въ мягкихъ туфляхъ, неслышными шагами, чтобы не разбудить Кароля. Онъ заснулъ послѣ мучительной ночи и лежалъ въ совершенномъ изнеможеніи; лицо его казалось сѣрымъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ.

Дрова, сохранявшіяся въ сыромъ подвалѣ, трещали, дымили и никакъ не могли разгорѣться. Она стояла на колѣняхъ передъ печкой, аккуратно укладывала полѣнья и въ то же время поглядывала черезъ плечо на больного. Вдругъ она почувствовала, что слезы подступаютъ ей къ горлу, и неожиданно для себя разразилась безпомощными рыданіями. Она, конечно, тотчасъ же сообразила, что слезы вызваны у нея вовсе не горемъ, а просто утомленіемъ послѣ безсонной ночи и досадой на дрова, которыя не хотѣли загорѣться.

Какъ только Кароль въ состояніи былъ пуститься въ путь, она увезла его въ Англію. Дорогой они обмѣнивались другъ съ другомъ только самыми необходимыми фразами. Оскорбленная его холодною сдержанностью, она приняла въ обращеніи съ нимъ манеру опытной сидѣлки. Видя, какъ она внимательно, спокойно и проворно исполняла все, что нужно для больного, равнодушно относясь къ его личности, никто не догадался бы, что онъ для нея не просто чужой человѣкъ, за которымъ она нанялась ухаживать.

Мистеръ Латамъ, встрѣтившій ихъ въ Кале, замѣтилъ странное отчужденіе между ними, но былъ настолько уменъ, что не сталъ разспрашивать.

— Трудно сказать, кто изъ нихъ пережилъ болѣе тяжелое время,—подумалъ онъ, переводя взглядъ съ одного исхудалаго лица на другое.

— Нашли вы намъ квартиру?—спросила она, прохаживаясь съ отцемъ по палубѣ, послѣ того, какъ кресло Кароля было поставлено въ спокойное мѣстечко, защищенное отъ вѣтра.

— Нѣтъ, я переговорилъ съ докторомъ Мортономъ, а

также съ вашимъ пріятелемъ... какъ его... какая-то непроизносимая фамилія.

— Съ Марцинкевичемъ?

— Ну, да. Они оба согласились со мной, что вамъ всего лучше пріѣхать прямо въ Гетбриджъ. У насъ больной будетъ пользоваться большими удобствами и лучшимъ воздухомъ, чѣмъ въ лондонской квартирѣ.

— Что вы, папа! А какъ же мама?

— Мама уѣхала. Джени увезла ее на всю зиму на Ривьеру. Это дѣвочка сама придумала. Она разсудила, что тебѣ будетъ гораздо удобнѣе ухаживать дома за такимъ серьезнымъ больнымъ, и она уговорила мать попробовать, не поможетъ ли ей воздухъ Бордигеры отъ ея невралгіи. Вѣдь это очень умно съ ея стороны, не правда ли? И имъ обѣимъ будетъ пріятно жить тамъ.

— Онѣ, что же, уѣхали на всю зиму?

— Да, ты можешь превратить домъ въ больницу, въ мастерскую, во что хочешь; пусть ваши иностранцы пріѣзжаютъ и гостятъ тамъ по нѣскольку дней, если не могутъ оставить больного въ покоѣ. Я буду жить въ своемъ уголкѣ и не стану мѣшать вамъ, а Дикъ Грей будетъ исполнять ваши порученія въ свободное время отъ занятій клуба „Союза старыхъ женщинъ". Дикъ, къ слову сказать, отличнѣйшій человѣкъ.

Она погладила рукой рукавъ его пальто.

— Это вы, папа, отличнѣйшій человѣкъ.

Когда Каролю сообщили этотъ планъ, онъ остался не очень доволенъ и пробормоталъ, что ему „непріятно доставлять столько хлопотъ и безпокойствъ", но путешествіе такъ утомило и обезсилило его, что онъ не могъ спорить и пассивно подчинился волѣ Оливіи. Для нея жизнь въ родномъ домѣ была громаднымъ облегченіемъ: успокоительно дѣйствовавшее присутствіе отца, нѣжная заботливость, какою окружали ее Дикъ и мистеръ Мортонъ, сознаніе, что больной въ безопасномъ мѣстѣ, что друзья раздѣляютъ съ ней отвѣтственность за его жизнь,—все это ободряло и подкрѣпляло ее. Что касается самого Кароля, свѣжій воздухъ, тишина и комфортъ богатаго сельскаго дома подѣйствовали благотворно на его физическое состояніе; рана перестала гноиться и начала заживать. Онъ сталъ добросовѣстно заниматься дѣлами, по поводу которыхъ Марцинкевичъ спрашивалъ его совѣта, но пока не обращались непосредственно къ его помощи, онъ оставался ко всему равнодушенъ, такъ какъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы о чемъ-нибудь заботиться.

Зима прошла безъ особыхъ происшествій. Послѣ новаго

года Кароль взялъ на себя часть своихъ прежнихъ редакторскихъ обязанностей, насколько это было возможно для человѣка, прикованнаго къ постели; онъ каждый день по нѣсколько часовъ сидѣлъ, обложенный подушками, и читалъ дѣловыя письма или присланныя статьи. Марцинкевичъ пріѣзжалъ разъ въ недѣлю, сообщалъ о ходѣ дѣлъ, получалъ указанія и совѣты, а Оливія мало по малу перешла съ роли сидѣлки на роль секретаря. Ея письменный столъ былъ перенесенъ въ комнату больного, и онъ диктовалъ ей съ своей постели жесткимъ, ровнымъ голосомъ, со спокойнымъ, ничего не выражавшимъ лицомъ.

Въ одинъ мартовскій день, когда она писала подъ его диктовку длинный сводъ разныхъ отчетовъ, отецъ ея вошелъ въ комнату.

— Я вамъ помѣшалъ? Извините, но я пришелъ сообщить вамъ пріятную новость.

Кароль отложилъ въ сторону бумагу и приготовился слушать съ вѣжливымъ вниманіемъ. Никакія новости, ни худыя, ни хорошія, не интересовали его въ это время.

— Я сейчасъ встрѣтилъ доктора Мортона. Онъ убѣдился, что ваша кость, наконецъ, срослась, и говоритъ, что завтра попробуетъ, не можете ли вы пройтись по комнатѣ.

Оливія низко наклонила голову надъ своимъ писаньемъ и слышала, какъ Кароль отвѣтилъ размѣреннымъ тономъ:

— Наврядъ ли я въ состояніи буду совершить такой подвигъ, впрочемъ—попробую.

— Это будетъ счастливый день для Оливіи и для меня,— сказалъ, улыбаясь, мистеръ Латамъ и ласково погладилъ наклоненную голову Оливіи.—Правда вѣдь, моя дорогая?

Она закусила губу; онъ замѣтилъ, что она дрожитъ, и поспѣшилъ уйти, чтобы не мѣшать ихъ радости. Когда дверь за нимъ закрылась, она подняла голову. Короткое рыданіе вырвалось изъ груди ея, когда она встрѣтилась глазами съ Каролемъ, но она подавила его.

— Кароль, мы не можемъ скрывать этого дольше. Почему вы не хотите сказать имъ? Завтра они все равно узнаютъ.

— Никакой имъ нѣтъ надобности узнавать,—проговорилъ онъ тѣмъ холоднымъ тономъ, передъ которымъ она всегда умолкала.—За эти полгода болѣзнь, вѣроятно, не сильно развилась; я, можетъ быть, въ состояніи буду стоять. Если даже и нѣтъ, они припишутъ это слабости; вы знаете, что обыкновенно человѣкъ, пролежавшій нѣсколько мѣсяцевъ въ постели, не можетъ сразу держаться на ногахъ.

Она сдѣлала еще попытку уговорить его.

— Хорошо, допустимъ; вы, можетъ быть, въ состояніи

будете обмануть ихъ завтра. Ну, а послѣзавтра, въ слѣдующіе дни?

— Мнѣ надобно придумать предлогъ, чтобы немедленно уѣхать въ Лондонъ. Марцинкевичъ долженъ прислать мнѣ телеграмму. Во всякомъ случаѣ, мнѣ пора уѣзжать. Я и безъ того слишкомъ долго жилъ въ домѣ вашего отца.

— Вы знаете, что его очень огорчитъ, если вы уѣдете, пока еще не можете ходить, тогда какъ весь домъ въ вашемъ распоряженіи. Мать и Джени останутся въ Швейцаріи до іюня. Кароль, отецъ такъ полюбилъ васъ, отчего вы не хотите сказать ему правду?

— Во-первыхъ, оттого, что я терпѣть не могу причинять людямъ безпокойство. Вашъ отецъ и безъ того былъ слишкомъ добръ ко мнѣ; если бы онъ зналъ все, онъ захотѣлъ бы оказать мнѣ еще во сто разъ больше одолженій. Во-вторыхъ, потому, что именно теперь я не нуждаюсь въ сочувствіи добрыхъ друзей. Я хочу, когда придетъ время, уйти тихо и прилично, безъ всякихъ прощаній. Наконецъ,—если ужъ вамъ нужно поставить всѣ точки на і,—я могу вынести самую эту вещь, но не разговоръ о ней. Во всякомъ случаѣ, подождемъ, что скажетъ завтра. А теперь, пожалуйста, будемъ продолжать, мнѣ бы хотѣлось кончить эту статью и отослать ее съ сегодняшней почтой.

VII.

Оливія провела безсонную ночь и считала всѣ часы до самаго утра. Когда она послѣ завтрака вошла въ комнату Кароля, отецъ ея былъ уже тамъ и весело разговаривалъ съ гостемъ, какъ дѣлалъ каждый день передъ отъѣздомъ изъ дому.

— Я постараюсь сегодня вернуться пораньше, чтобы узнать, какъ удался вашъ опытъ — сказалъ онъ, пожимая ему руку на прощанье. — Вечеромъ, если вы будете въ силахъ, мы можемъ заняться этою медицинскою рукописью четырнадцатаго столѣтія. Съ вашею помощью мнѣ, надѣюсь, удастся разобрать ее. Прощайте, желаю успѣха! Это вы, Мортонъ? А я спѣшу на поѣздъ.

Оливія вышла изъ комнаты вмѣстѣ съ отцомъ. Когда Мортонъ позвалъ ее, Кароль былъ одѣтъ и сидѣлъ на краю постели. Неудача его первой попытки встать на ноги нисколько не встревожила доктора, который кивалъ головой, улыбался и весело повторялъ:

— Да, да, конечно, съ перваго раза трудновато. Попробуйте еще разъ! У васъ дѣло сейчасъ пойдетъ на ладъ.

Оливія отвернулась и стояла у окна, безсознательно ло-

мая руки. Она сердилась на Кароля за эту мучительную сцену. Если самъ онъ могъ ее выносить, то онъ не имѣлъ права заставлять ее участвовать въ этой противной комедіи. Это было нечестно, это было жестоко.

— Ну вотъ, превосходно! Черезъ мѣсяцъ вы будете ходить не хуже меня. Да, надо сказать, у васъ богатырскій организмъ.

Эти слова били ее по нервамъ, точно молотомъ; въ ушахъ ея поднялся страшный шумъ, онъ постепенно затихъ и все смолкло.

Голосъ Дика, раздавшійся на лѣстницѣ, заставилъ ее опустить руки, которыми она закрывала себѣ глаза. Докторъ Мортонъ позвалъ его съ выраженіемъ торжества.

— Мистеръ Грей! Придите, поздравьте нашего больного. Онъ три раза обошелъ вокругъ комнаты. Никогда въ жизни не видалъ я, чтобы кость такъ хорошо сросталась. Э, что? Голова кружится? полежите немножко. Оливія, принесите, пожалуйста, рюмочку водки.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ хорошо,—сказалъ Кароль. Онъ сѣлъ у стола, закрывая рукой глаза. Оливія подошла и дотронулась до его руки.

— Кароль?..

Онъ схватилъ ея руку съ выраженіемъ отчаянья и быстро прошепталъ:

— Уведите ихъ изъ этой комнаты, пожалуйста!

Не сразу можно было избавиться отъ обрадованныхъ друзей. Распрощавшись съ мистеромъ Мортономъ у дверей подъѣзда и придумавъ порученіе для Дика, она вернулась въ комнату Кароля. Онъ все еще сидѣлъ, опираясь локтемъ на столъ и прикрывая глаза рукой. Когда она вошла, онъ посмотрѣлъ на нее: лицо его было блѣдно и мрачно.

— Будьте добры, испытайте мои рефлексы.

Она исполнила его желаніе. Машинальное подергиванье колѣна, когда она ударила его рукой, показалось ей почти нормальнымъ, но она имѣла мало свѣдѣній о болѣзняхъ спинного мозга и не могла судить о значеніи симптома, пока не увидѣла его лица: оно было какое-то сѣрое и страшное.

— Хорошо, благодарю васъ. Пожалуйста, попросите ихъ не входить ко мнѣ. Мнѣ бы хотѣлось остаться одному на сегодняшнее утро.

Въ самые худшіе періоды своей болѣзни онъ иногда обращался къ ней съ подобною же просьбой; и она привыкла къ тому, что эта потребность въ уединеніи являлась у него въ минуты острыхъ страданій, физическихъ или нравственныхъ.

Всю прошлую ночь, всѣ послѣдніе ужасные мѣсяцы она

старалась приготовить себя къ страшному концу. Теперь, повидимому, конецъ этотъ былъ близокъ. Она встрѣтила бы его не спокойно, но, по крайней мѣрѣ, мужественно, если бы не эта мимолетная вспышка безумной надежды, которая такъ быстро исчезла. Конечно, только близость смерти могла придать лицу то выраженіе, какое было у него.

Она не входила къ нему до самаго обѣда.

За это время обычное самообладаніе вернулось къ Каролю, и онъ съ спокойнымъ видомъ принималъ поздравленія ея отца. Нѣсколько дней спустя онъ вышелъ къ обѣду на костыляхъ. По этому поводу были приглашены докторъ Мортонъ и Дикъ. Кароль явился передъ ними въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ все время смѣшилъ гостей, разсказывая имъ своимъ пѣвучимъ литовскимъ выговоромъ разные забавные анекдоты. Оливія изъ вѣжливости тоже смѣялась, но судорога сжимала ей горло, и глаза ея горѣли. Она замѣтила раза два, что по лицу отца скользнула тѣнь безпокойства, но, какъ любезный хозяинъ, онъ весь вечеръ раздѣлялъ веселость присутствовавшихъ. Прощаясь съ Оливіей передъ сномъ, онъ ни слова не сказалъ ей о томъ, что замѣтилъ, и вообще замѣтилъ ли что-нибудь. Поднимаясь по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату, она въ глубинѣ души еще разъ поблагодарила его за сдержанность.

Они продолжали жить въ одномъ домѣ и таить другъ отъ друга наиболѣе задушевныя мысли.

Кароль или ходилъ по комнатамъ на костыляхъ, или сидѣлъ за письменнымъ столомъ и могъ показаться всякому постороннему веселымъ человѣкомъ, выздоравливающимъ отъ болѣзни. По вечерамъ онъ охотно разговаривалъ съ мистеромъ Латамомъ, или разбиралъ древнія рукописи по хирургіи и медицинѣ среднихъ вѣковъ; но днемъ, съ Оливіей, онъ говорилъ лишь самое необходимое. Она сама стала бояться тѣхъ часовъ, когда ей приходилось работать съ нимъ вмѣстѣ; ей казалось, что онъ живетъ одинъ, окруженный ледяной стѣною, и всякую попытку ея заглянуть за эту стѣну считаетъ дерзостью. Временами ей представлялось что она точно могильщикъ и ходитъ среди гробовъ...

Такъ какъ мистеръ Мортонъ сказалъ, что больной въ состояніи будетъ къ концу мая обходиться безъ костылей, то мистеръ Латамъ уговаривалъ его не уѣзжать до тѣхъ поръ.

— Я хочу, чтобы при отъѣздѣ вы вышли изъ моего дома совершенно самостоятельно, безъ всякихъ искусственныхъ приспособленій.

— Я страшно загоржусь, если это случится,—весело отвѣтилъ Кароль и перевелъ разговоръ на другое.

Въ половинѣ мая погода стояла великолѣпная, и мистеръ Латамъ отрывалъ Оливію отъ ея работы и заставлялъ ходить съ собой по полямъ и лѣсамъ.

— Ты скоро опять поѣдешь въ Лондонъ,—заговорилъ онъ,—надо же намъ съ тобой насладиться весной, пока это возможно. Славинскій можетъ немножко поработать и безъ тебя.

Кароль, смѣясь, объявилъ, что возьметъ свое въ Лондонѣ и завалитъ ее работой.

— Ну, тѣмъ болѣе тебѣ надо теперь пользоваться временемъ, моя дорогая,—сказалъ мистеръ Латамъ.—Надѣвай шляпку, и пусть этотъ суровый эксплуататоръ хоть разъ одинъ почитаетъ корректуры.

Она шла одѣваться, не рѣшаясь взглянуть на Кароля. Какъ можетъ онъ шутить насчетъ предстоявшей имъ жизни, и еще въ ея присутствіи! Какъ можетъ онъ!..

Вернувшись вечеромъ послѣ длинной прогулки, отецъ и дочь вмѣстѣ вошли въ аллею, которая вела къ дому. Книги и бумаги Кароля были разложены на столѣ подъ каштановымъ деревомъ. Вѣроятно, онъ работалъ въ саду.

— Смотри-ка!—вскричалъ мистеръ Латамъ:—онъ идетъ безъ костылей!

Кароль шелъ впереди ихъ и несъ домой нѣсколько книгъ. Онъ шелъ съ трудомъ, сильно прихрамывая.

— Но онъ не пылитъ ногами!..

Она нечаянно проговорила эти слова вслухъ.

Отецъ не слышалъ; онъ побѣжалъ впередъ и догналъ гостя.

— Превосходно! Но всетаки не утомляйтесь. Дайте, я я снесу ваши книги. Не хотите опереться на мою руку?

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ не трудно,—услышала она отвѣтъ Кароля. Она стояла на дорожкѣ и смотрѣла, какъ онъ идетъ рядомъ съ отцомъ.

У входной лѣстницы онъ остановился на секунду, и она вспомнила восклицаніе Джени два года тому назадъ: „Ну, вотъ, я такъ и знала, что онъ запнется за матъ!“ На этотъ разъ онъ вошелъ, не спотыкаясь, и свободно поднималъ ногу на ступеньки лѣстницы.

— Что съ вами, Оливія? Отчего вы такъ взволнованы?

Дикъ подошелъ къ изгороди сзади нея. Она вздрогнула, обернулась къ нему и увидѣла, что онъ стоитъ у калитки.

— Ничего; я... я тороплюсь, Дикъ. Покойной ночи.

Она вбѣжала въ домъ. Когда она проходила мимо дверей кабинета, отецъ позвалъ ее; онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Каролемъ.

— Славинскій ни за что не соглашается прожить у насъ

до будущаго мѣсяца. Теперь, когда онъ можетъ ходить безъ костылей, онъ непремѣнно хочетъ вернуться къ своей работѣ.

— Да неужели вы думали, что я навсегда поселюсь у васъ?- спросилъ Кароль.—Вѣдь я и то уже пять мѣсяцевъ пользуюсь вашимъ гостепріимствомъ!

— Ну, хорошо, во всякомъ случаѣ, останьтесь еще хоть будущую недѣлю. Кстати, завтра я ѣду въ Лондонъ на собраніе Аристотелевскаго общества. Не присмотрѣть ли вамъ квартиру?

— Я сама буду искать квартиру, быстро перебила его Оливія, хватаясь за первый попавшійся предлогъ, только бы не остаться на весь вечеръ вдвоемъ съ Каролемъ.—Мнѣ надобно съѣздить въ городъ купить себѣ платье и разныя мелочи. Мы проведемъ весь день вдвоемъ и сходимъ на утренній спектакль.

Она остановилась, задыхаясь и чувствуя, что глаза Кароля устремлены на нее. Мистеръ Латамъ недоумѣвалъ и слегка тревожился, но замѣтилъ только:

— Это будетъ превосходно.—и снова обратился къ своему гостю.—Мнѣ придется ночевать въ городѣ, такъ что мы отложимъ комментаріи на Авероэса до послѣзавтра. Можетъ быть, намъ удастся кончить рукопись на будущей недѣлѣ.

Утромъ Оливія уѣхала въ городъ вмѣстѣ съ отцомъ. Они разстались на вокзалѣ желѣзной дороги, сговорившись встрѣтиться за завтракомъ и пойти вмѣстѣ въ театръ. Оливіи пришлось проходить мимо Кавендишскаго сквера, и, обогнувъ уголъ одного дома, она замѣтила на дверяхъ его мѣдную дощечку съ надписью: „Сэръ Джозефъ Барръ“. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, машинально повторяя это имя, какъ вдругъ ей вспомнилось, что вѣдь это тотъ знаменитый спеціалистъ, который объявилъ болѣзнь Кароля неизлѣчимой.

Она на минуту остановилась въ нерѣшимости; затѣмъ быстро повернула назадъ къ дому и поспѣшно дернула звонокъ, не давая себѣ времени подумать. Въ пріемной комнатѣ она облокотилась на столъ и стала перелистывать какой-то журналъ.

— Я не имѣю права дѣлать это безъ его разрѣшенія,— говорила она сама себѣ.—Но я не могу такъ жить. Я должна узнать правду.

Она ждала цѣлый часъ; наконецъ, ее позвали въ кабинетъ доктора, и она объяснила ему цѣль своего прихода. Сэръ Джозефъ сразу вспомнилъ Кароля.

- Да, да, знаю, польскій эмигрантъ, не правда ли? Но позвольте, когда онъ собственно былъ у меня?

— Ровно два года тому назадъ.

Онъ отыскалъ въ своей записной книжкѣ отмѣтку о больномъ.

— И вы находите, что послѣ его продолжительный болѣзни походка его стала болѣе правильной?

— Онъ еще сильно хромаетъ и только что начинаетъ ходить безъ костылей; но онъ не волочитъ ногу такъ, какъ въ прошломъ году.

— Говорили вы съ нимъ по этому поводу? Вѣдь онъ, кажется, самъ докторъ?

Она покачала головой.

— Я не рѣшалась; можетъ быть, это просто моя фантазія, а возбудить напрасную надежду...

— Можетъ быть, вовсе и не напрасную. Болѣзнь эта обыкновенно считается неизлѣчимой; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые были констатированы за послѣднее время, полный покой иногда останавливалъ болѣзненный процессъ. Когда онъ былъ у меня, я посовѣтовалъ ему лечь въ постель и дать себѣ полный, довольно продолжительный, отдыхъ. Но онъ не соглашался на это, ссылаясь на необходимость работать, а я не настаивалъ, такъ какъ считалъ, что болѣзнь уже зашла слишкомъ далеко, и трудно надѣяться на излѣченіе. Очень можетъ быть, что эта рана спасла его. Да, мнѣ было бы очень интересно повидать его.

— Онъ вернется въ Лондонъ черезъ двѣ недѣли.

— Меня не будетъ здѣсь въ то время; я въ будущій понедѣльникъ уѣзжаю на мѣсяцъ за границу.

Она стиснула руки. Цѣлый мѣсяцъ...

— Нельзя ли вамъ... не можете ли вы пожертвовать нѣсколько часовъ времени и съѣздить къ нему въ Суссексъ? Я боюсь, что мнѣ не удастся уговорить его пріѣхать къ вамъ. Онъ такъ безнадежно относится къ своему состоянію. Я почти не рѣшаюсь и просить его объ этомъ...

Онъ посмотрѣлъ въ свой календарь.

— Я, конечно, охотно пріѣхалъ бы, но у меня расписаны всѣ дни, исключая одного только сегодняшнаго вечера. Послѣ шести часовъ я буду свободенъ. Туда надо ѣхать по Брайтонской дорогѣ?

— Туда идетъ поѣздъ въ восьмомъ часу, и вечеромъ же можно вернуться назадъ. Если бы вы были такъ добры, пріѣхали, это избавило бы его отъ мучительной неизвѣстности.

Мостовая горѣла подъ ея ногами, когда она шла отъ доктора. Быстро пославъ записку отцу, чтобы онъ не ждалъ ее, она съ первымъ же отходящимъ поѣздомъ вернулась въ Гетбриджъ. Когда она вошла въ комнату, Кароль взглянулъ на нее съ удивленіемъ, и затѣмъ лицо его стало мрачнымъ.

— Кароль...

Она не могла продолжать.

— Вы были у Барра?

Глаза ея расширились. Его способность все угадывать прямо пугала ее.

— Я... вы, конечно, имѣете право сердиться... но я не могла дольше выносить. Онъ пріѣдетъ сегодня вечеромъ.

— Сюда?

— Да, я упросила его.

Кароль на минуту отвернулся къ окну.

— Развѣ вамъ не кажется, что жаль безпокоить такого занятого человѣка и заставлять его пріѣзжать сюда? Я самъ хотѣлъ сходить къ нему, когда буду въ Лондонѣ. Но это, конечно, все равно, только лишній расходъ. Благодарю васъ, Оливія. Это было очень любезно съ вашей стороны.

Она отошла отъ него съ тяжелымъ сердцемъ. Хоть бы онъ сердился, нервничалъ, приходилъ въ отчаяніе, все было бы лучше, чѣмъ это ужасное равнодушіе.

Все послѣ обѣда она безпокойно ходила по комнатѣ и по саду. Ей было невыносимо оставаться съ Каролемъ, пока продолжалась эта неизвѣстность. А онъ, сохраняя невозмутимо-спокойное лицо, сидѣлъ съ открытой книгой въ рукахъ; впрочемъ, прошелъ цѣлый часъ, а онъ не перевернулъ ни страницы.

Въ девятомъ часу шумъ колесъ по гравію аллеи заставилъ ее вернуться въ кабинетъ. Кароль отложилъ свою книгу, не говоря ни слова.

— Сэръ Джозефъ Барръ.

Она встала, держась дрожащей рукой за столъ. Комната покачнулась и поплыла такъ же, какъ утромъ улица Лондона: потомъ началось все самое простое и обыденное: она слушала вопросы доктора и отвѣты больного такъ же равнодушно, какъ, бывало, въ больницѣ слушала діагнозъ болѣзни какого-нибудь совершенно посторонняго человѣка; ей было даже странно, что она такъ мало волнуется.

Сэръ Джозефъ замолчалъ и сталъ изслѣдовать рефлексы.

— Удивительное счастье!—проговорилъ онъ.

Кароль говорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что она едва могла разслышать.

— Вы, значитъ, думаете, что выздоровленіе будетъ полное?

— Теперь еще этого нельзя сказать. Вы должны избѣгать тяжелой работы, переутомленія, ушибовъ. И если вы даже будете очень беречь себя, я не могу поручиться, что болѣзнь не вернется. Но, во всякомъ случаѣ, вамъ очень посчастливилось. Два года тому назадъ я не считалъ возможнымъ такой исходъ. Сколько вамъ лѣтъ? Еще нѣтъ со-

рока? Ну, если вы будете вести по возможности спокойную жизнь и хоть немного заботиться о себѣ, вы можете работать еще лѣтъ двадцать, тридцать.

— Повидимому, жизнь дала мнѣ больше счастья, чѣмъ я заслуживаю,—съ улыбкой отвѣчалъ Кароль и повторилъ въ полголоса:—Тридцать лѣтъ...

Когда сэръ Джозефъ уѣзжалъ на поѣздъ, Оливія проводила его до воротъ. Она долго стояла на подъѣздѣ одна, смотря сквозь темныя верхушки деревьевъ на усѣянное звѣздами небо; но даже звѣзды не радовали ее въ эту ночь. Наконецъ, она вошла въ комнаты и принялась аккуратно запирать окна и тушить лампы. Было уже поздно, и прислуга спала.

— Вамъ, кажется, не справиться съ этой тяжелой рамой?

Она запирала окно на лѣстницу и, обернувшись, увидѣла Кароля, стоявшаго въ дверяхъ кабинета. Въ полусвѣтѣ передней его лицо показалось ей маской трагическаго равнодушія. Она подошла къ нему съ неумолимымъ видомъ обвинителя.

— Вы давно знали?

— Что мнѣ становится лучше? Я, въ сущности, замѣтилъ это въ первый разъ, какъ попробовалъ ходить. Но мнѣ, по правдѣ сказать, очень не хотѣлось бы говорить объ этомъ. И въ кабинетѣ надо тоже запереть окна?

Онъ вернулся въ комнату. Она послѣдовала за нимъ, быстро стала между нимъ и окномъ и поглядѣла на него гнѣвными глазами.

— Кароль, я не... я не ожидала, что вы будете такъ относиться ко мнѣ... Это было безсердечно... Я, пока жива, не прощу вамъ... Больше я вамъ ничего не скажу.. Покойной ночи...

Она хотѣла уйти, но онъ протянулъ руку и удержалъ ее.

— Постойте минутку. Разъ вы говорите такого рода вещи, вы должны объясниться. Чѣмъ я заслужилъ вашъ гнѣвъ?

— Чѣмъ! Вы знали цѣлыхъ два мѣсяца... была надежда... а я то думала... ахъ, какъ вы могли... какъ вы могли...

Ее вдругъ охватила сильная дрожь.

— Вы всегда сторонились меня... Вы, конечно, имѣли право, если вамъ такъ нравилось.. Но скрывать отъ меня даже пріятное извѣстіе...

Лицо его на секунду вспыхнуло.

Затѣмъ онъ отвернулся отъ нея, пожимая плечами; и она сразу поняла, что онъ не считаетъ это извѣстіе пріятнымъ. Она протянула къ нему руки.

— Кароль... Кароль... О, я не знала...

Ея голосъ замеръ.

— Видите ли,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,— я уже привыкъ къ тому.

Она закрыла лицо руками. Они молчали. Потомъ она подошла къ нему и нѣжно дотронулась до его руки.

Онъ вздрогнулъ и отступилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

Онъ повернулся къ ней, мрачный и раздраженный, глаза его потемнѣли отъ гнѣва.

— Мнѣ просто надоѣло играть роль какого-то волана который долженъ постоянно перебрасываться изъ стороны въ сторону. Кажется, я имѣю право, наконецъ, устать отъ этой роли. Можно, если нужно, привыкнуть къ мысли о смерти, или, пожалуй, къ мысли о жизни; но вѣчно носиться между той и другой и постоянно мѣнять центръ тяжести... Нѣтъ, я положительно больше не въ состояніи!

Онъ быстро овладѣлъ собою.

— Простите меня, пожалуйста, Оливія. Я, кажется, сегодня въ сварливомъ настроеніи. Самое лучшее—избѣгать такихъ разговоровъ о личныхъ дѣлахъ: они совершенно безполезны.

Онъ подошелъ къ письменному столу и принялся собирать свои бумаги съ торопливостью, рѣзко отличавшеюся отъ его обычныхъ, медленно спокойныхъ движеній.

Небольшая кучка газетныхъ вырѣзокъ зацѣпилась за его рукавъ и выскочила изъ-подъ металлическаго прижима, поддерживавшаго ихъ. Онъ взялъ прижимъ и сталъ вертѣть его въ рукахъ, упорно стараясь не глядѣть на Оливію.

— Мнѣ очень жаль, что я васъ обидѣлъ, — продолжалъ онъ.—Я, пожалуй, дѣйствительно, долженъ былъ сказать вамъ. Но я... не радовался этому. Я бы сказалъ вамъ, если бы думалъ...

Она перебила его взволнованнымъ голосомъ.

— Если бы вы думали... что? Что это меня интересуетъ? Ахъ, Господи, да что же другое можетъ интересовать меня?!

Прижимъ сломился въ его рукахъ. Онъ отбросилъ кусочки его, и они упали на полъ съ легкимъ звономъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ онъ, подходя къ ней.—Неужели вы...

Они стояли другъ передъ другомъ и смотрѣли другъ другу въ глаза. Вдругъ онъ съ крикомъ ярости схватилъ ее за плечи и поцѣловалъ въ губы. Но въ слѣдующую секунду онъ вырвался изъ ея объятій и отстранилъ ее рукой.

— Постойте, мы съ ума сошли, мы оба совсѣмъ сошли съ ума. Неужели вы думаете...

Онъ опустился на стулъ около стола и закрылъ глаза рукою.

— Неужели вы думаете, я такая скотина, что рѣшусь

жениться на васъ, когда мнѣ грозитъ такая судьба? Какъ могу я знать, что болѣзнь не вернется? Вы слышали, что онъ сказалъ... Любовь? Ахъ, Іисусе, Марія! Объ этомъ не стоитъ говорить! Я люблю васъ съ самаго перваго дня знакомства... Но развѣ это что-нибудь значитъ? Я умеръ такъ же, какъ Володя. Я могу жить только для дѣла, и я буду работать, пока силъ хватитъ. Но я ни съ кѣмъ не могу раздѣлить такого рода жизни... Этотъ уголокъ земного ада — мой, и я его оставлю для себя!

— Онъ вовсе не вашъ, Кароль, онъ—*нашъ*, онъ принадлежитъ намъ обоимъ.

Она стала передъ нимъ на колѣня и обхватила его руками. Онъ отвелъ ея руки и крѣпко держалъ ихъ въ своихъ.

— Вы хотите всю жизнь быть прикованной къ непогребенному трупу? Ахъ, вы не понимаете, что это значитъ!

Она чувствовала, что пальцы, державшія ея руки, дрожатъ.

— Помните, Оливія, въ параличѣ человѣкъ лежитъ неподвижно и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряетъ способность шевелиться. Затѣмъ болѣзнь поднимается выше. Ахъ, лучше бы я умеръ въ Акатуѣ!

— Но, Кароль, вѣдь можно же всегда прибѣгнуть къ морфію.

Пальцы, державшіе руки, разжались. Она, все еще стоя на колѣняхъ, опять обняла его.

— Неужели ты думаешь, я захочу, чтобы ты жилъ ради меня, если самъ будешь тяготиться жизнью? Отчего ты не довѣряешь мнѣ? Твоя болѣзнь не разовьется, навѣрно не разовьется; но если бы это случилось, скажи только мнѣ, что хочешь отравиться,—и все кончится.

— И ты, ты дашь мнѣ ядъ?

— Развѣ ты не знаешь, что я скорѣе сама убила бы тебя, чѣмъ допустить, чтобы ты попался въ руки русскихъ жандармовъ? Но пока... О, Кароль, Кароль, вѣдь пока ничего этого не надо! Изъ-за чего же! — Она отшатнулась и спрятала лицо въ его колѣняхъ. Она думала, что уже пережила всякіе ужасы, что ничто больше не испугаетъ ее. И вдругъ она услышала такія рыданія Кароля! Ей казалось, что пришелъ конецъ міру...

Разсвѣтъ засталъ ихъ вмѣстѣ. Они просидѣли вдвоемъ всю ночь, не замѣчая времени. Сначала они молчали, потомъ тихо разговаривали объ Акатуѣ, о Вандѣ и особенно о Владимірѣ. Теперь, какъ всегда, покойникъ былъ связью, соединявшею ихъ.

— Пойдемъ, посмотримъ восходъ солнца, —предложилъ Кароль.—Володю надо вспоминать подъ открытымъ небомъ.

Они безшумно открыли дверь, чтобы не разбудить спав-

шую прислугу, и рука объ руку вышли въ садъ, обрызганный росою.

Дорожка, окаймленная кустами, кончалась маленькой калиткой, которая открывалась на зеленый лугъ, усѣянный золотистыми цвѣтами. Бѣлые лепестки боярышника виднѣлись въ волосахъ Оливіи, когда она изъ-подъ тѣни деревьевъ вышла на открытое пространство, освѣщенное солнцемъ. Высоко надъ ихъ головами пѣлъ жаворонокъ въ безоблачномъ небѣ.

Кароль остановился, чтобы открыть калитку, и почувствовалъ прикосновеніе пальцевъ дѣвушки къ своей рукѣ. Онъ поднялъ голову и увидалъ, что она смотритъ на лугъ.

— Видѣлъ ты эту бабочку? Я вспомнила исторію, которую Володя разсказывалъ одинъ разъ дѣтямъ, о Зеленой Гусеницѣ и о странѣ, называемой „Завтра“, гдѣ ночуютъ всѣ звѣзды и гдѣ всѣ гусеницы превращаются въ бабочекъ. Я думала, очень долго думала, что это пустая сказка, что на свѣтѣ такой нѣтъ Завтрашней страны. Но, ты видишь, онъ говорилъ правду: вотъ оно—Завтра!

Кароль указалъ ей на траву.

— И всѣ звѣзды здѣсь. Эти маленькіе золотые цвѣточки очень добры: они растутъ даже въ Акатуѣ. Въ будущемъ мѣсяцѣ то болото, въ которомъ лежитъ Володя, тоже покроется ими...

Ночныя звѣзды упали на землю и разсыпались у ихъ ногъ золотистыми лютиками.

КОНЕЦЪ.

Борьба партій и народная школа.

(*Письмо изъ Франціи*).

Спеціальные вопросы народнаго образованія не входятъ въ задачу предлагаемой статьи. Чисто педагогическая сторона дѣла сознательно оставляется мною въ тѣни, а на первый планъ выдвигается попытка представить тѣсную связь между результатами политической борьбы въ каждый данный моментъ и судьбою народной школы во Франціи. Что преслѣдовало господствующее политическое направленіе въ сферѣ народнаго образованія? Какими цѣлями задавалось при измѣненіи школьныхъ программъ? Къ чему стремилось и чего старалось избѣгнуть, производя педагогическіе эксперименты надъ душой ребенка,—ребенка, принадлежащаго къ непривилегированной массѣ?—вотъ вопросы, которые я попробую изучить вмѣстѣ съ читателемъ въ настоящей статьѣ.

Время для постановки и рѣшенія этихъ вопросовъ самое подходящее: суть современной политической исторіи Франціи составляетъ ожесточенная борьба, завязавшаяся между силами соціальной реакціи и силами соціальнаго прогресса изъ-за обладанія симпатіями народа, трудящихся массъ,—словомъ, большинства націи, играющаго теперь такую роль во французской демократіи. На нашихъ глазахъ происходитъ оживленная ловля человѣковъ, и самыя отсталыя, казалось бы, партіи ревностно участвуютъ въ этомъ политическомъ спортѣ, наглядно выражая тѣмъ самымъ, до какой степени центръ тяжести современной исторіи перемѣстился теперь изъ небольшихъ сравнительно группъ привилегированнаго меньшинства въ среду обширныхъ слоевъ — народа. Малѣйшій фактъ текущей общественной, политической, умственной жизни ясно говоритъ объ этомъ измѣненіи въ направленіи равнодѣйствующей борющихся соціальныхъ силъ.

Но соперничающіе изъ-за симпатій народа классы и группы съ большимъ или меньшимъ основаніемъ полагаютъ, что ничто такъ не завоевываетъ эти симпатіи, какъ возможность въ теченіе извѣстнаго промежутка времени господствовать надъ душой народа въ первоначальной школѣ и прививать массамъ въ школьномъ

возрастѣ опредѣленные идеалы или, вѣрнѣе, инстинкты и навыки. Въ этомъ тайна той энергіи, съ которою побѣдители стараются сдѣлать школу орудіемъ пропаганды выгоднаго имъ міровоззрѣнія среди народа; какъ въ этомъ же тайна того упорства, съ какимъ побѣжденная оппозиція старается, наоборотъ, помѣшать упомянутой пропагандѣ и отстоять въ народной школѣ свой традиціонный общественно-политическій идеалъ.

Дѣло объясняется очень просто. Попробуйте отбросить неотразимое вліяніе стихійнаго культурнаго прогресса, который стремится изъ народнаго образованія сдѣлать самодовлѣющее начало, «абсолютное благо». Попробуйте затѣмъ отвлечься отъ просвѣтительной дѣятельности лучшихъ людей, живущихъ не столько интересами, сколько идеалами, и составляющихъ хотя и растущее, но пока находящееся въ меньшинствѣ ядро истинныхъ работниковъ цивилизаціи. И вы увидите, что политика привилегированныхъ классовъ по отношенію къ народной школѣ заключается въ томъ, чтобы выростить молодое поколѣніе трудящихся въ религіозномъ, можно сказать, почтеніи къ современному строю. Образцовый школьный учитель долженъ, по мнѣнію верховъ, прежде всего примирить массы съ философіей ихъ подчиненной, ихъ служебной роли въ обществѣ. Не съ проніей, а съ умиленіемъ народный педагогъ долженъ развивать своимъ слушателямъ глубоко жизненный смыслъ той бутады, которую грамматики отживающаго Рима приписывали Виргилію:

Sic vos non vobis fertis aratra, boves;
Sic vos non vobis mellificatis, apes;
Sic vos non vobis vellera fertis, oves;
Sic vos non vobis nidificatis, aves!

«такъ вы, но не для себя, быки, тащите плугъ; такъ вы, но не для себя, пчелы, собираете медъ; такъ вы, но не для себя, овцы, носите руно; такъ вы, но не для себя, птицы, строите гнѣзда!»

Понятно, что чѣмъ большее значеніе придаетъ сама общественная эволюція трудящимся массамъ, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ въ школьной политикѣ имущихъ и правящихъ стремленіе заручиться сочувствіемъ и поддержкой народа въ лицѣ подростающаго поколѣнія. Этотъ выводъ очень рельефно вытекаетъ изъ исторіи школьной политики со времени Великой французской революціи въ связи съ общей политической исторіей страны. Я укажу на главнѣйшіе моменты этого взаимодѣйствія.

Мы знаемъ въ общихъ чертахъ довольно хорошо Францію «стараго режима». Но есть немало сторонъ тогдашняго строя, ко-

торыя остаются не совсѣмъ выясненными, за неимѣніемъ точныхъ и достаточно подробныхъ данныхъ.

Таковъ вопросъ о состояніи народнаго образованія наканунѣ французской революціи. Въ какомъ положеніи находилась тогдашняя школа? Въ какой степени была распространена грамотность? Насколько высокъ былъ уровень народнаго образованія? — всѣ эти вопросы ждутъ до сихъ поръ окончательнаго отвѣта, такъ какъ, что касается до точныхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе цифровыхъ данныхъ,

Исторія объ этомъ
Молчитъ и до сихъ поръ,

выражаясь стихами русскаго историка-юмориста.

Одни писатели, въ родѣ Тэна, задаваясь предвзятою цѣлью во что бы то ни стало принизить прогрессивное значеніе Великой революціи, утверждаютъ, на основаніи чисто гипотетическихъ выкладокъ, что въ старой Франціи было «безчисленное множество» народныхъ школъ, или «школокъ» (petites écoles), какъ называли ихъ въ то время; и что школы эти «дѣйствительно посѣщались» населеніемъ и оказывали благодѣтельное вліяніе на грамотность населенія. Тогда какъ, молъ, именно революція разрушила эти «естественно выросшія на мѣстѣ учрежденія», не замѣнивъ ихъ ничѣмъ, и въ результатѣ «народное образованіе почти не существовало въ послѣдніе годы Директоріи и даже въ первые годы Консульства; фактически имъ перестали совершенно заниматься лѣтъ уже восемь или девять, или же оно стало дѣломъ чисто частнымъ и потайнымъ» *).

Другіе писатели, и часто какъ разъ такіе, у которыхъ Тэнъ заимствуетъ свѣдѣнія, но по обыкновенію урѣзывая и искажая **), далеко не раздѣляютъ такого оптимизма по отношенію къ старому режиму. Они показываютъ намъ, на основаніи первоначальныхъ документовъ, какъ недостаточно было число «школокъ» въ королевской Франціи, а, главное, какъ неравномѣрно онѣ были распредѣлены въ странѣ и какими мизерными результатами довольствовались. Дѣйствительно, если народныя школы были распространены въ Эльзасѣ и Лотарингіи, Франшъ-Контэ, Фландріи, Артуа, Нормандіи, Савойѣ, то уже въ Шампани значительная полоса территоріи была плохо снабжена ими. А по отношенію къ Бургундіи свѣдѣнія отличаются поразительно противорѣчивымъ характеромъ:

*) H. Taine, *Les origines de la France contemporaine. Le regime moderne*. Парижъ, 1891, т. I, стр. 217 и вообще passim стр. 213—222.

**) Совѣтую читателю сравнить съ этою цѣлью хотя бы приблизительное исчисленіе Тэномъ общей цифры дореволюціонныхъ школъ (Ibid, стр. 213), и данныя тутъ же цитируемаго авторомъ большого справочнаго труда: F. Buisson, *Dictionnaire de pédagogie et d'instruction primaire*; Парижъ, 1887, въ двухъ частяхъ и четырехъ томахъ (см. въ особенности статьи „Enseignement primaire“ и „France“, въ первомъ томѣ части первой).

одни документы указываютъ на много деревень, лишенныхъ школъ, а другіе отрицаютъ этотъ фактъ. Положеніе дѣлъ было значительно хуже въ Иль-де-Франсѣ, хотя и охватывавшемъ непосредственныя окрестности столицы и сравнительно близкія къ Парижу мѣста. За то народное образованіе стояло уже рѣшительно на низкомъ уровнѣ въ Бретани, Берри, Бурбоннэ и Ниవернэ, Дофинэ, Лангедокѣ и Провансѣ, Гійенѣ, Оверни, Лимузэнѣ и т. д. Я позволяю себѣ обратить вниманіе читателя на слѣдующія строки уже упомянутаго педагогическаго Словаря, строки, принадлежащія — замѣчу кстати — перу Альфреда Рамбо, писателя, какъ извѣстно, не отличающагося крайностью мнѣній:

«Если школы и учителя и были, какъ кажется, многочисленнѣе въ старой Франціи, чѣмъ то думали до сихъ поръ, то, съ другой стороны, чтобы избѣжать иллюзіи, которую, повидимому, питаютъ защитники стараго режима, слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ, что такое были на самомъ-то дѣлѣ эти школы и эти учителя. Въ наиболѣе просвѣщенныхъ провинціяхъ школьныя зданія зачастую представляли собою бѣдныя лачуги, крытыя соломой; а въ другихъ мѣстахъ даже не было опредѣленнаго помѣщенія для школы, а ею служили какая-нибудь рига, какой-нибудь сарай, погребъ и вплоть до конюшни... Нигдѣ не существовало учительскихъ семинарій для подготовки хорошихъ учителей. Первый встрѣчный, за недостаткомъ другого заработка, могъ заняться этой профессіей; обыкновенно, кандидатъ на такую должность сдавалъ крайне поверхностный экзаменъ передъ коммиссіей, назначенной епископомъ, и получалъ отъ него *аппробацію*, или общее разрѣшеніе преподавать» *).

Зачастую въ деревняхъ мѣсто школьнаго учителя занималъ, по рѣшенію членовъ коммуны, просто наиболѣе грамотный мужикъ, порою самъ мэръ, получая за то самое скудное вознагражденіе. Принимался порою за обученіе и священникъ; но такъ какъ у него были другія заботы и другія занятія, то онъ съ грѣхомъ пополамъ успѣвалъ проходить съ дѣтьми лишь катехизисъ, — знакомая русскому читателю картина современной церковной школы! А когда кто-нибудь и посвящалъ себя спеціально дѣлу народнаго образованія, то плата (отъ общины или отъ самихъ родителей) въ громадномъ большинствѣ случаевъ была настолько ничтожна, что несчастный педагогъ не могъ жить на нее и потому принужденъ бывалъ отыскивать себѣ еще какія-нибудь подспорныя хлѣбныя занятія. Онъ, напр., нанимался церковнымъ сторожемъ, звонаремъ, бралъ на себя функціи деревенскаго могильщика или деревенскаго скрипача, участвуя, такимъ образомъ, за нищенское вознагражденіе во всѣхъ, можно сказать, проявленіяхъ сельской жизни, въ горестяхъ и радостяхъ крестьянъ. Порою школьный учитель совмѣщалъ съ педагогической дѣятельностью

*) *Dictionnaire*, часть первая, т. I, стр. 1033.

ремесло кабатчика и тогда преспокойно открывалъ школу въ самомъ кабакѣ. Порою онъ уговаривался съ общиною исполнять одновременно роль учителя и роль цирюльника, или, какъ говорилось на комично-напыщенномъ оффиціальномъ жаргонѣ тогдашней деревни, «хирурга бородъ» (chirurgien des barbes). Не надо забывать, что нерѣдко мелкіе торговцы и ремесленники испрашивали у епископа учительскую апробацію только затѣмъ, чтобы нѣсколько увеличить свои доходы. Если прибавить къ этимъ педагогамъ нѣкоторыя мужскія конгрегаціи, напр., пресловутыхъ «Братьевъ христіанскихъ школъ» (или Ignorantins), то мы исчерпаемъ весь учащій персоналъ дореволюціонной Франціи.

И отъ кого только ни зависѣлъ въ то время бѣдный учитель! Онъ находился во власти членовъ коммуны, которые обыкновенно нанимали его всего на годъ, боясь, какъ бы педагогъ не «испьянствовался и не излѣнился». Онъ трепеталъ передъ мелкой административной сошкой, гнулся въ три погибели передъ состоятельнымъ мужикомъ, безропотно покорялся священнику, который имѣлъ обыкновеніе прилагать къ нему эпитетъ «мой» — «мой сельскій учитель»! Опять таки, знакомыя намъ, русскимъ, до послѣдняго времени картины!..

Понятно, что народные учителя старой Франціи были совершенными невѣждами по части педагогіи и прибѣгали къ рутиннымъ способамъ обученія, которые были унаслѣдованы отъ злополучныхъ среднихъ вѣковъ и включали въ себѣ безжалостное истязаніе учениковъ. Тѣлесныя наказанія освящались регламентами, исходившими отъ епископовъ, которые, желая канализировать злоупотребленіе кулачной расправой со стороны учителей, запрещали, правда, такіе, напр., убѣдительные педагогическіе пріемы, какъ битье палкой по головѣ или пинки ногами, но разрѣшали плетку (знаменитую ферулу, ferula, состоявшую, согласно уставу, изъ двухъ кусковъ кожи, сшитыхъ вмѣстѣ), разрѣшали кнутъ (подъ условіемъ не обнажать всего тѣла наказуемаго), рекомендовали земной поклонъ и цѣлованье земли учениками съ цѣлью выработки христіанскаго смиренія.

Все только что сказанное относится къ воспитанію мальчиковъ. Что касается до воспитанія дѣвочекъ, то оно было поставлено еще хуже, если можно только употребить этотъ терминъ по отношенію къ вещи, которая почти не существовала. Заботясь о благочестіи и добрыхъ нравахъ, епископы строжайше воспрещали совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ даже самаго малаго возраста. Понятно, что если общинѣ трудно было въ то время завести мужское училище, то еще труднѣе было устроить, сверхъ того, спеціальное училище для дѣвочекъ. Оттого, между прочимъ, женскія школы составляли большую рѣдкость до революціи. Были, правда, конгрегаціи монашенокъ, задававшіяся цѣлью обученія дѣвочекъ. Но эти учрежденія были такъ мало подготовлены къ

педагогической дѣятельности, что пребываніе въ этихъ школахъ было простою формальностью и тратою времени для учеництъ. Словомъ, не удивительно, что, разсматривая церковныя брачныя записи, въ которыя вѣнчающіеся должны были заносить свои имена, изслѣдователи находятъ, что въ наиболѣе просвѣщенныхъ въ то время мѣстностяхъ пропорція грамотныхъ (или, по крайней мѣрѣ, умѣющихъ хоть кое-какъ подписать свою фамилію) женщинъ не составляла и одной трети пропорціи грамотныхъ мужчинъ. Такъ, во Франшъ-Контэ на 79% подписей мужчинъ приходилось въ записяхъ не болѣе 29% подписей женщинъ. А въ Беарнѣ первая пропорція составляла 72%, вторая же всего 9%, т. е. на восемь грамотныхъ мужчинъ приходилась едва одна грамотная женщина, остальныя же ставили простые кресты.

Итакъ, даже и не претендуя на безапелляціонное рѣшеніе вопроса о точномъ уровнѣ народнаго образованія въ старой Франціи; даже «и не поднимая снова дебатовъ» по этому поводу, какъ совѣтуетъ намъ Эженъ Бруаръ, авторъ сравнительно недавней работы по исторіи народнаго образованія съ 1789 г., ибо, молъ, «документы этого процесса исчезли и не находятся въ нашемъ распоряженіи» *), мы все же можемъ сказать, что и состояніе народнаго образованія не представляло исключенія изъ общаго строя тогдашней жизни, которая характеризовалась роскошью, праздностью и испорченностью высшихъ классовъ и тяжелымъ матеріальнымъ и моральнымъ положеніемъ непривилегированнаго большинства. Великій переворотъ, созидающая дѣятельность котораго шла рядомъ съ разрушительной, направилъ свой реформаціонный пылъ и на область народнаго образованія и съ самаго же начала поставилъ здѣсь требованія, которыя были осуществлены,—да и то не вполнѣ, въ духѣ первоначальныхъ проектовъ,—лишь столѣтіемъ позже. Посмотримъ, что новаго, если далеко не всегда фактически, то въ смыслѣ руководящихъ идей, сдѣлала революція для народной школы.

Отъ меня далека, конечно, мысль сказать что-нибудь оригинальное, если, приступая къ просвѣтительной дѣятельности Великой революціи, я начну съ общаго замѣчанія относительно значительнаго органическаго единства различныхъ реформъ, изъ которыхъ слагался переворотъ конца XVIII-го вѣка. Какъ бы строгіе критики этого міровото движенія ни относились отрицательно къ его итогамъ; какъ бы они ни старались доказать его якобы

*) Eugène Brouard, *Essai d'histoire critique de l'instruction primaire en France, de 1789 jusqu' à nos jours*; Парижъ, 1901, стр. VII предисловія (книга интересна только съ фактической стороны, да и то главнымъ образомъ въ смыслѣ оффиціальныхъ документовъ: уставовъ, циркуляровъ и т. п.; направленіе умѣренно-либеральное, не безъ филистерства, и точка зрѣнія узко-педагогическая).

исключительно абстрактный, безпощадно резонирующій и книжный характеръ, далекій отъ жизни и реальныхъ потребностей, — безпристрастный изслѣдователь революціи 1789 г. поражается, наоборотъ, тою внутреннею гармоническою связью, которая замѣчается между различными сторонами движенія и которая свидѣтельствуетъ о его высокомъ органическомъ, а, стало быть, и жизненномъ типѣ. Если Кювье, на основаніи закона такъ называемыхъ «соотношеній органовъ» (corrélations organiques), могъ идеально возстановить по одному зубу ископаемаго мастодонта сначала его челюсть и голову, затѣмъ туловище, потомъ ноги и, наконецъ, все животное, то мыслящій историкъ - соціологъ безъ труда могъ бы возстановить общую схему Великой революціи по одному какому-нибудь крупному акту ея, не будь ему даже извѣстны разнообразныя проявленія этого, повторяю, міроваго переворота. Но мы, къ счастью, знаемъ главныя стороны движенія, основные принципы его; и въ послѣднее время каждый, можно сказать, день приноситъ новый документъ и лишній штрихъ къ характеристикѣ Великой революціи. И вотъ, нѣтъ ничего легче и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательнѣе задачи, какъ показать, что за тѣсная и необходимая зависимость связываетъ между собою различныя проведенныя революціей реформы, а въ иныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, проекты реформъ.

Возьмемъ, напр., взгляды, выраженные въ знаменитомъ «Провозглашеніи правъ человѣка и гражданина» (и слѣдующей за этимъ политическимъ введеніемъ конституціи 1791 г.) на общежитіе и на каждаго индивидуума, входящаго въ составъ этого общежитія:

«Принципъ всякой верховной власти (souverainité) существеннымъ образомъ заключается въ націи. Никакая корпорація, никакая личность не можетъ пользоваться властью, не вытекающей отсюда строго опредѣленнымъ способомъ. Законъ есть выраженіе всеобщей воли. Всѣ граждане имѣютъ право способствовать ея проявленію лично или же при посредствѣ своихъ представителей... Люди рождаются и остаются свободными и равноправными... Различія въ общественномъ положеніи могутъ основываться лишь на общей пользѣ... Законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, защищаетъ-ли онъ или караетъ... Въ его глазахъ всѣ граждане равны, всѣ одинаково допускаются на всѣ государственныя должности, мѣста и посты согласно своимъ способностямъ и безъ всякаго иного отличія, кромѣ разницы въ добродѣтеляхъ и талантахъ... Нѣтъ ни дворянства, ни сословія пэровъ, ни наслѣдственныхъ отличій, ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, никакого титула, званія или привилегіи, вытекающихъ оттуда, никакого рыцарскаго ордена, никакой корпораціи, для которыхъ требовались доказательства благороднаго происхожденія или которые предполагали разницу въ рожденіи, никакого другого преимущества, кромѣ того, какимъ обладаютъ государственные чиновники при исполненіи своихъ обязанностей».

Такимъ образомъ, верховная власть, служащая цементомъ политическаго общежитія, является выраженіемъ воли всѣхъ гражданъ, одинаково свободныхъ, одинаково равноправныхъ, одинаково могущихъ претендовать на участіе въ управленіи, на занятіе правительственныхъ должностей въ видахъ общей пользы и соотвѣтственно своимъ личнымъ качествамъ. Можно, конечно, возражать противъ этого политическаго символа вѣры. И въ такихъ возражателяхъ никогда не было недостатка, хотя чѣмъ дальше, тѣмъ меньше: напр., въ современной Франціи даже враги принциповъ 1789 г. стараются рядиться въ одежду ихъ защитниковъ, формально признаютъ ихъ съ большимъ паѳосомъ и горячностью и пытаются лишь косвеннымъ и лицемѣрнымъ путемъ подорвать ихъ практическое значеніе. Во всякомъ случаѣ, вы не можете отказать упомянутымъ принципамъ въ своеобразной величавой простотѣ и строгой послѣдовательности: государство, какъ союзъ равноправныхъ и свободныхъ личностей; личность, какъ полноправный членъ и участникъ въ политическомъ общежитіи, посредственно или непосредственно опредѣляющій направленіе государственной дѣятельности.

Сопоставьте теперь съ этимъ общимъ, регулирующимъ весь политическій строй принципомъ нѣкоторыя изъ тѣхъ просвѣтительныхъ законовъ, которые успѣли провести дѣятели Великой революціи то подъ громъ пушекъ непріятельскаго, скоро, впрочемъ, побѣдоносно отраженнаго нашествія, то въ пылу жесточайшей гражданской войны, борьбы партій и взаимнаго гильотинированія. Возьмите, напр., вотированный (3—14 сентября 1791 г.) Учредительнымъ собраніемъ законъ о первоначальномъ образованіи, которое, по мнѣнію автора статьи «Enseignement primaire» въ Бюиссоновскомъ словарѣ, является впервые въ числѣ основныхъ конституціонныхъ правъ, упомянутыхъ въ «хартіи какого бы то ни было цивилизованнаго народа» *). Вотъ какъ читается этотъ столь важный въ принципіальномъ смыслѣ законъ:

«Будетъ создано и организовано народное образованіе, общее для всѣхъ гражданъ, безплатное по отношенію къ тѣмъ частямъ, которыя необходимы для каждаго человѣка; для преподаванія будутъ постепенно устроены и распредѣлены, соотвѣтственно дѣленіямъ государства, безплатныя школы».

Изъ этого основного принципа республика выведетъ въ цѣломъ рядѣ торопливо, но ярко набросанныхъ и за тяжелыми временами наполовину неисполненныхъ декретовъ, главнѣйшія практическія требованія общеобязательной даровой и свѣтской школы, которая покоится на признаніи «за дѣтьми обоего пола» права «на необходимое для всѣхъ свободныхъ гражданъ образованіе», исключающее всякій клерикальный элементъ и замѣняющее его

---

*) *Dictionnaire*, т. I части первой, стр. 870.

«принципами республиканской морали». Въ этихъ декретахъ сформулированы почти всѣ реформы, къ которымъ Франція придетъ въ сферѣ народнаго образованія лишь мало-по-малу, лишь съ отступленіями и крупными шагами назадъ, лишь путемъ ожесточенной борьбы съ различными формами исторической реакціи. Въ школьномъ законодательствѣ первой республики вы уже найдете, кромѣ яснаго опредѣленія безплатнаго, свѣтскаго и обязательнаго образованія, мѣры, касающіяся платы учителямъ и учительницамъ за счетъ государства, учрежденія школъ во всѣхъ мало-мальски важныхъ населенныхъ пунктахъ, организаціи учительскихъ семинарій, наблюденія за школами, врученнаго мѣстнымъ муниципальнымъ властямъ, и т. д. Попробуйте теперь сблизить эти требованія съ общимъ политическимъ идеаломъ великаго переворота, и вы увидите, что эти, казалось бы, чисто педагогическія задачи логически вытекали изъ новаго, революціоннаго міровоззрѣнія, которое совершенно иначе, чѣмъ рухнувшая система, опредѣляло роль личности въ политическомъ общежитіи и характеръ этого общежитія.

Въ самомъ дѣлѣ, если новый строй долженъ держаться на верховной волѣ всего народа; если каждая личность политически равноцѣнна другой; если между членами общежитія нѣтъ иной связи, кромѣ общей же пользы, то отсюда выводъ ясенъ: надо, чтобы участники въ политическомъ союзѣ, въ управленіи государствомъ могли сознательно проявлять свою волю; надо, чтобы они не юридически только, а и фактически были свободными и равноправными членами великаго цѣлаго. Отсюда—требованіе извѣстнаго, обязательнаго для всѣхъ минимума образованія, дающаго возможность каждому гражданину быть активнымъ созидателемъ, носителемъ и защитникомъ республиканскаго строя. Говоря такъ, я отнюдь не вкладываю заднимъ числомъ въ движеніе конца XVIII вѣка какія-нибудь позднѣйшія, чуждыя ему идеи, но лишь резюмирую взгляды и убѣжденія тогдашнихъ дѣятелей. Позволю себю для краткости привести лишь нѣсколько отрывковъ изъ замѣчательнаго доклада о народномъ образованіи, представленнаго Кондорсэ Законодательному собранію 20 апрѣля 1792 г.: «Дать всѣмъ индивидуумамъ человѣческаго рода средства удовлетворять свои потребности, обезпечить свое благосостояніе, знать и упражнять свои права, понимать и исполнять свои обязанности; гарантировать каждому изъ нихъ возможность легко усовершенствовать пріемы своей дѣятельности, стать способнымъ исправлять всѣ общественныя должности, на которыя онъ имѣетъ право быть призваннымъ, развить во всей полнотѣ данные ему природой таланты; и такимъ путемъ установить между гражданами фактическое равенство и сдѣлать реальнымъ политическое равенство, признанное закономъ,—такова должна быть первоначальная цѣль національнаго образованія: и съ этой точки зрѣнія оно

является, для государственной власти, долгомъ справедливости... Мы не желаетъ, чтобы отнынѣ хоть одинъ человѣкъ въ государствѣ могъ сказать: «законъ обезпечивалъ мнѣ полнѣйшее равенство правъ; но мнѣ было отказано въ средствахъ узнать ихъ. Я долженъ зависѣть лишь отъ одного закона; но мое невѣжество ставитъ меня въ зависимость отъ всего, что окружаетъ меня. Въ дѣтствѣ мнѣ было сказано, что я нуждаюсь въ образованіи; но, такъ какъ я принужденъ былъ работать для того, чтобы существовать, то эти первыя представленія скоро стерлись, и теперь мнѣ ничего не остается, кромѣ горькаго сознанія, что въ моемъ невѣжествѣ повинна не воля природы, а несправедливость общества»... Такимъ образомъ, образованіе должно быть всеобщимъ, т. е. распространяться на всѣхъ гражданъ... Оно должно, на своихъ различныхъ ступеняхъ, обнимать всю систему человѣческихъ знаній и обезпечивать людямъ, во всякомъ возрастѣ жизни, возможность сохранять пріобрѣтенныя знанія и пріобрѣтать новыя» *).

Мнѣ нечего останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ школьныхъ плановъ, выдвинутыхъ первой революціей, особенно среди Конвента, который, вопреки мнѣнію реакціонныхъ писателей, находилъ время, несмотря на крайне критическія обстоятельства и угрожавшія со всѣхъ сторонъ опасности, чрезвычайно дѣятельно заниматься вопросами образованія **). Достаточно сказать, что и во второмъ, еще болѣе революціонномъ «Провозглашеніи обязанностей и правъ человѣка»,—относящемся къ 1793 г. и освящающемъ, напр., право каждаго гражданина на возстаніе противъ тираническаго правительства,—что и въ этомъ боевомъ, этомъ мѣстами трагическомъ манифестѣ республиканской націи образованіе отнюдь не пройдено молчаніемъ. Глава 22 говоритъ, дѣйствительно:

«Образованіе есть потребность всѣхъ людей. Общество должно всѣми своими силами благопріятствовать успѣхамъ общественнаго разума и сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ гражданамъ».

Исключительными опасностями положенія и пропагандой реакціонныхъ элементовъ только и можно объяснить, что Конвентъ не могъ приложить свою удивительную энергію къ практическому осуществленію поставленныхъ имъ идеаловъ общедоступной народной школы, а съ другой стороны, былъ даже вынужденъ закрывать тѣ частныя учрежденія, гдѣ, подъ видомъ обученія, велась самая ожесточенная критика новаго порядка вещей, и дѣти воору-

*) *Dictionnaire de pédagogie*, т. II первой части, стр. 1367—1368 (статья «Instruction publique»).

**) См. статью «Convention» въ только что упомянутомъ Словарѣ (стр. 520 и слѣд. т. I части первой), изъ которой слѣдуетъ, что и въ этомъ отношеніи Конвенту принадлежитъ первое мѣсто между политическими собраніями.

жались противъ отцовъ, только что разбившихъ иго стараго режима. Вотъ почему безпристрастный изслѣдователь только пожимаетъ плечами, читая тѣ страницы Тэна, гдѣ этотъ авторъ издѣвается надъ желаніемъ революціонныхъ дѣятелей ввести въ школы такъ называемые «республиканскіе катехизисы», въ которыхъ ученики могли бы найти «черты добродѣтели, всего болѣе украшающія свободныхъ людей, а въ особенности черты французской революціи, наиболѣе способныя возвышать душу и дѣлать ее достойною равенства и свободы» *); или гдѣ страстный критикъ движенія обращаетъ орудіе насмѣшки противъ предложенія нѣкоторыхъ членовъ Конвента «водить дѣтей на засѣданія муниципалитетовъ, трибуналовъ и «особенно» народныхъ обществъ: изъ этихъ чистыхъ источниковъ они почерпнутъ знаніе своихъ правъ, своихъ обязанностей, законовъ, республиканской морали» **).

Повторяю, безпристрастный изслѣдователь только пожметъ плечами, отмѣчая тотъ фактъ, что Тэнъ, столь часто вооружающійся противъ схоластическаго, далекаго отъ жизни характера французской школы, считаетъ, однако, умѣстнымъ высмѣивать какъ разъ замѣчательную для того времени попытку сблизить школу съ жизнью и дать возможность будущимъ гражданамъ не зазубривать только разные учебники морали, но наглядно знакомиться съ проявленіями коллективной жизни и общественной морали.

Къ той же категоріи бьющихъ мимо цѣли упрековъ принадлежатъ и страстныя обличенія Тэномъ преслѣдованій, направленныхъ революціоннымъ правительствомъ противъ якобы невинныхъ монаховъ, монашенокъ, отказавшихся присягнуть конституціи священниковъ и прочихъ враговъ движенія, которые въ это боевое время пользовались учительскимъ положеніемъ—мы видѣли, какими педагогами они были при старомъ режимѣ!—чтобы повсюду образовать центры реакціоннаго сопротивленія.

Какъ бы то ни было, идейный энтузіазмъ, проникавшій дѣятелей первой революціи, достигалъ такой напряженности, что и въ сферѣ народнаго образованія передовая интеллигенція той эпохи успѣвала разбивать сословныя стремленія буржуазнаго класса, къ которому она въ большинствѣ случаевъ принадлежала, и развертывать по истинѣ общечеловѣческій идеалъ. Слѣдуетъ прибавить, что въ это время и буржуазія въ цѣломъ отождествляла себя съ народомъ и зачастую еще не замѣчала разницы въ стремленіяхъ и интересахъ между представителями труда и представителями владѣнія. Но стоило пойти на убыль великому идейному теченію, какъ народная школа стала экспериментомъ in corpore vili да надъ душой трудящихся массъ въ рукахъ господствую-

*) H. Taine, *La Révolution* т. III. *Le gouvernement révolutionnaire*; Парижъ, 1896, изд. 13-е, стр. 112—113.

**) Ibid., стр. 113.

щихъ классовъ или даже узкихъ правящихъ сферъ вплоть до болѣзненно гипертрофированнаго «я» корсиканскаго цезаря.

Первая имперія ярко проявила свой основной характеръ въ дѣлѣ народнаго образованія, обнаруживъ здѣсь удивительную скаредность и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто нероновскую подозрительность, характеризующую развѣ современные русскіе порядки. Въ государственномъ бюджетѣ вовсе не существуетъ рубрики для издержекъ на народную школу: общины и сами родители учениковъ должны устраивать школы на свой счетъ и страхъ. За то, разъ школа устроена, ревнивая центральная власть опутываетъ ее цѣлою сѣтью мельчайшихъ регламентовъ, правилъ, ограниченій и стѣсненій. О! по этой части императоръ очень щедръ и, можно сказать, закармливаетъ школу административными гостинцами!..

Прежде всего, префектъ (родъ нашего губернатора), представитель и отраженіе его власти въ департаментѣ, долженъ дать общинѣ разрѣшеніе на открытіе. Затѣмъ онъ же вмѣшивается въ контрактъ между общиной и учителемъ, въ точности опредѣляя, какъ и чему должны обучаться дѣти въ школѣ, сколько часовъ сидѣть на скамьѣ, какую сумму долженъ получать педагогъ и въ какой мѣрѣ можетъ разсчитывать на дополнительное жалованье въ качествѣ звонаря, церковнаго пѣвчаго, сельскаго писаря, и т. п. Засимъ требуется разрѣшеніе ректора академіи (нѣчто въ родѣ нашего попечителя учебнаго округа), такъ какъ народный учитель причисленъ теперь, въ качествѣ самаго послѣдняго чиновника, къ такъ называемой корпораціи «университета», и подлежитъ надзору университетскихъ властей во всякое время дня и ночи, не только въ классѣ, но и внѣ класса. Наконецъ, и духовная власть должна строго надзирать за учителемъ, который по волѣ мѣстнаго епископа, получающаго въ свою очередь на сей конецъ приказанія отъ министра народнаго просвѣщенія, подчиняется контролю священника, обязаннаго посылать къ епископу подробныя свѣдѣнія о характерѣ, благонадежности, поведеніи учителей своего прихода. И если эти рапорты мало-мальски не удовлетворяютъ подозрительное начальство, у злополучнаго педагога немедленно же отнимается дипломъ на право преподаванія, и на его мѣсто назначается другой, болѣе достойный, болѣе удовлетворяющій тройному идеалу административныхъ, ученыхъ и духовныхъ властей.

Наполеонъ I строжайше предписываетъ, чтобы въ народныхъ школахъ не могло преподаваться ничего, кромѣ чтенія, письма и счета: все прочее, напр., элементарнѣйшія свѣдѣнія по исторіи и географіи, признавалось «лишнимъ» и, стало-быть, «отъ лукаваго». Поэтому-то императоръ съ большею охотою возвращаетъ школу, гдѣ только можетъ, въ руки уже упомянутыхъ «Братьевъ народныхъ школъ» или «невѣжественниковъ» (какъ можно перевести ихъ титулъ Ignorantins), по самому уставу своему воспре-

щающихъ себѣ съ учениками занятія, мало-мальски переходящія за предѣлы начальной грамотности. Ректора академіи и главные инспектора университета (нѣчто въ родѣ нашихъ директоровъ народныхъ училищъ) получаютъ отъ предусмотрительнаго властелина приказъ «предпочитать Братьевъ народныхъ школъ всѣмъ другимъ учителямъ, гдѣ только это можно будетъ». За то всѣмъ педагогамъ вмѣнялось въ обязанность, кромѣ чтенія, письма и счета, старательно и основательно проходить съ учениками «катехизисъ, одобренный для имперіи». Катехизисъ этотъ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующую монументальную фразу, которую я заимствую у Тэна, у того же Тэна, что издѣвался надъ «республиканскимъ катехизисомъ» и приглашеніемъ, адресованнымъ учителю дѣятелями революціи, знакомить учениковъ съ «чертами добродѣтели свободныхъ людей»:

«Мы должны въ особенности императору нашему, Наполеону I, платить дань любви, почтенія, послушанія, вѣрности, военной службы, налоговъ, предписанныхъ для сохраненія и защиты имперіи и престола... Ибо онъ есть тотъ, кого Богъ воздвигъ въ исключительно трудныхъ обстоятельствахъ, дабы возстановить богослуженіе и святую вѣру отцовъ нашихъ и стать покровителемъ оныхъ» *).

Вполнѣ естественно, что для безпрекословнаго послушанія честолюбцу-деспоту, который истощилъ Францію налогами и самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ «налогомъ крови», истребивъ своими войнами между 1804 и 1815 гг. цѣлыхъ 1.700,000 французовъ, — вполнѣ естественно, что съ этою цѣлью школа должна была внушить податному скоту и пушечному мясу лишь «начальныя основанія религіи и элементарнѣйшія свѣдѣнія» (циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 30-го января 1809 г.) **).

Вполнѣ естественно также, что лицемѣрное признаніе Наполеономъ важности народнаго образованія вырвалось у него лишь въ экстренную минуту опасности, когда, убѣжавъ съ острова Эльбы, онъ игралъ во внутренней жизни парламентарную комедію Ста дней, чтобы расположить для борьбы съ союзниками усталую и разочарованную націю. Къ этому именно моменту относится въ одномъ изъ послѣднихъ законодательныхъ актовъ Наполеона упоминаніе о «значеніи народнаго образованія для улучшенія судьбы общества», и упоминаніе-то, вырванное, что называется, почти клещами у новаго Цезаря тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Лазаремъ Карно ***).

*) H. Taine, *Le régime moderne*, т. II; Парижъ, 1894, 4-е изд., стр. 196

**) *Dictionnaire*, т. I части первой, стр. 870.

***) Eugène Brouard, *Essai d'histoire*, стр. 7.

Политическая сторона Реставраціи настолько извѣстна, что я не считаю нужнымъ останавливать вниманіе читателя на перипетіяхъ тогдашней борьбы партій и колебаніяхъ ихъ равнодѣйствующей. Всѣмъ достаточно знакома страшная общественная реакція, проявившаяся въ это время и испугавшая своими размѣрами и интенсивностью даже самого Людовика XVIII, который обѣщалъ дать странѣ «либеральный режимъ въ пику наполеоновскому деспотизму. То была эпоха, когда на арену политической дѣятельности выступили не только возвратившіеся въ «фургонахъ союзниковъ» эмигранты, «которые ничего не забыли и ничему не научились», но и пресловутые роялисты, превосходившіе своимъ роялизмомъ самого короля,—plus royalistes que le roi,—и вербовавшіеся, благодаря курьезной ироніи судьбы, какъ разъ среди тѣхъ самыхъ слоевъ вновь испеченной буржуазіи, которые нажились покупкою эмигрантскихъ и церковныхъ имуществъ. Это они-то зачастую разыгрывали изъ себя ультра-монархистовъ, чтобы прикрыть своимъ реставраціоннымъ пыломъ происхожденіе своихъ крупныхъ состояній и найти защиту у восторжествовавшаго легитимизма. Изъ нихъ-то въ значительной степени и состояла знаменитая Chambre introuvable, та «несравненная», та «единственная» въ своемъ родѣ «палата», которая, на манеръ нашихъ черносотенцевъ, не останавливалась передъ самыми рѣзкими актами оппозиціи противъ короля ради своей неумѣренной любви къ королевской власти.

Послѣ Ста дней и окончательнаго торжества надъ Наполеономъ реакція, дѣйствительно, опустилась съ государственныхъ сферъ въ самое общество, т. е., вѣрнѣе, въ тѣ слои его, которые захватили теперь монополію власти. И «бѣлый терроръ» оставилъ въ исторіи такую массу крови и грязи, что реакціонные писатели, съ такимъ злораднымъ смакованіемъ перечисляющіе дѣянія красныхъ террористовъ, обыкновенно предпочитаютъ быстро прошмыгнуть мимо этой эпохи съ ея «закономъ о подозрительныхъ», съ ея «превотальными судилищами», съ ея массовыми избіеніями бонапартистовъ и республиканцевъ роялистами на югѣ Франціи,—въ Марсели, Нимѣ, Авиньонѣ, Тулузѣ, —съ ея маніей доносовъ и свирѣпымъ истязаніемъ политическихъ противниковъ, у которыхъ, напр., фанатическіе приверженцы «короля божіею милостію» отпиливали кисти рукъ, что при красномъ террорѣ, какъ извѣстно, не дѣлалось.

Само собою понятно, что въ эту эпоху и народное образованіе должно было отразить на себѣ гнетъ могущественной реакціи. Мы уже сказали, что при самомъ началѣ реставраціи Бурбоны обѣщали народу облагодѣтельствовать его «либеральными учрежденіями» въ противоположность «императорской тираніи». Франціи скоро пришлось узнать, какая суровая дѣйствительность скрывалась за этими лицемѣрными фразами. И какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, всю тяжесть борьбы между двумя родами деспо-

тизма вынесъ въ концѣ концовъ народъ, этотъ вѣчный плательщикъ податей и вѣчный солдатъ привилегированныхъ классовъ:

Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi,—

какъ говорилъ Горацій, или «паны дерутся, а у хохловъ чубы болятъ», какъ переводили эту латынь на языкъ окружающей среды воспитанники нашей старинной юго-западной академіи.

Главнѣйшимъ законодательнымъ актомъ Реставраціи въ сферѣ народнаго образованія былъ, дѣйствительно, пресловутый указъ 29-го февраля 1816 г., который, несмотря на обиліе параграфовъ (числомъ 41), въ сущности, выражалъ лишь единственное серьезное намѣреніе правительства: подчинить первоначальную школу духовенству; а во всемъ остальномъ ограничивался исключительно платоническими пожеланіями насчетъ организаціи народнаго образованія. Такъ параграфъ 30 этого документа гласитъ:

«Коммиссія народнаго образованія (тогдашнее названіе министерства народнаго просвѣщенія. Н. К.) будетъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы во всѣхъ школахъ первоначальное образованіе было основано на религіи, уваженіи къ законамъ и любви къ монарху. Она выработаетъ общій уставъ для народнаго образованія и укажетъ методы, которымъ должны слѣдовать при обученіи, равно какъ и сочиненія, которыми должны пользоваться учителя» *).

Умѣренно-либеральный авторъ, у котораго мы заимствовали эти строки, сейчасъ же вслѣдъ за цитатой изъ указа, уже прибавляетъ отъ себя:

«Это увѣщаніе обнаруживаетъ главнѣйшую заботу тогдашняго времени. Конгрегація (такъ называемое общество св. Дѣвы, попавшее подъ руководство іезуитовъ. Н. К.) господствовала во Франціи, она желала обезпечить преобладаніе духовенства повсюду, а особенно въ сферѣ народнаго образованія. Университетъ безпокоилъ ее и сверху, и снизу; она подозрительно относилась къ свѣтскимъ стремленіямъ *Общества начальнаго образованія*, бывшаго въ то время органомъ либеральной партіи» **).

Что касается до способовъ осуществленія народнаго образованія, то правительство заботится опять-таки, главнымъ образомъ, лишь о контролѣ да наблюденіи за школой. Такъ, оно создаетъ въ кантонѣ «даровой благотворительный комитетъ», состоящій изъ кантональнаго священника, мирового судьи и директора гимназіи (если таковая имѣется) и имѣющій своею цѣлью «наблюдать за поддержаніемъ порядка, добрыхъ нравовъ и религіознаго обученія въ школѣ», а также «хлопотать» передъ префектомъ и прочими властями о «мѣрахъ, способствующихъ содержанію школы». Сверхъ кантональнаго контроля существуетъ еще мѣстный контроль въ

*) Eugène Brouard, l. c., стр. 10.
**) Ibid.

каждой школѣ, которая подлежитъ надзору приходскаго священника и мэра общины. Какъ и при Наполеонѣ, назначеніе учителя зависитъ отъ префекта и ректора, которому кандидатъ долженъ доставить свидѣтельство о благонадежности отъ священника и мэра. За то, какъ при Наполеонѣ же, власть не опредѣляетъ, откуда взять матеріальныя средства для содержанія школы, говоря лишь въ самой общей и неопредѣленной формѣ: «каждая община должна позаботиться о томъ, чтобы дѣти получали первоначальное образованіе, а въ случаѣ бѣдности родителей, и даровое». Мало того, снова появляется воспроизведеніе епископскаго запрета стараго режима заводить общія школы для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Вообще, чѣмъ далѣе отодвигается правительство Реставраціи отъ того начальнаго момента, когда оно обѣщало націи либеральныя учрежденія, и чѣмъ логичнѣе оно развиваетъ основныя черты своей природы, тѣмъ все ярче и ярче выражается въ его мѣрахъ по народному образованію всесильное вліяніе клерикализма. Въ то время, напр., какъ Наполеонъ допускалъ къ преподаванію лишь «Братьевъ христіанскихъ школъ», Реставрація безконечно удлиннила списокъ орденовъ и религіозныхъ конгрегацій, занимающихся народнымъ образованіемъ, при чемъ члены этихъ конгрегацій получили отъ епископа право учить въ школѣ по предъявленіи простой бумаги отъ настоятеля ордена (такъ называемой lettre d'obédience). Съ другой стороны, указъ 1824 г. оставляетъ за ректоромъ право лишь выдавать свѣтскимъ учителямъ свидѣтельство о ихъ педагогическихъ способностяхъ, но передаетъ въ руки епископа собственно разрѣшеніе на фактическія занятія въ школѣ. Это разрѣшеніе даетъ или самъ епископъ единолично въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о частной школѣ; или же епископъ въ качествѣ предсѣдателя особаго комитета, въ которомъ два члена (духовныя лица) изъ пяти назначены имъ же, если дѣло идетъ о школѣ коммунальной.

Замѣтимъ, наконецъ, что при Реставраціи весь бюджетъ народнаго образованія выражался въ мизерной суммѣ 50,000 фр., какъ замѣчаетъ словарь Бюиссона, сопровождая не безъ основанія эту цифру восклицательнымъ знакомъ ироническаго удивленія *).

Ростъ либеральныхъ идей и давленіе общественнаго мнѣнія на правительство въ концѣ Реставраціи вызвали было кое-какія робкія попытки улучшенія народной школы, болѣе точнаго опредѣленія ея рессурсовъ и т. п. (указъ 14-го февраля 1830 г.). Но дни реакціоннаго режима были уже сочтены: іюльская революція низвергла Бурбоновъ и посадила на престолъ Людовика-Филиппа, эту «лучшую изъ республикъ», какъ выражались въ то время свобо-

*) *Dictionnaire*, т. I части первой, стр. 1064.

домыслящіе буржуа, захлебывавшіеся отъ восторга, когда рѣчь заходила о «королѣ-гражданинѣ».

Посмотримъ, однако, какъ описываетъ современникъ эпоху «лучшей республики».

«Борьба промышленниковъ между собою ради завоеванія рынка, рабочихъ между собою изъ-за мѣста, фабриканта противъ рабочаго за размѣры платы; борьба бѣдняка противъ машины, предназначенной уморить его голодомъ, замѣщая его трудъ,—таковъ былъ, подъ именемъ *конкурренціи*, характеристичный фактъ положенія, разсматриваемаго съ индустріальной точки зрѣнія. И сколько несчастій! Крупные капиталы, дающіе побѣду въ промышленныхъ войнахъ, какъ крупные отряды въ войнахъ настоящихъ, и laissez-faire, ведущее такимъ образомъ къ самымъ ненавистнымъ монополіямъ... борьба всѣхъ интересовъ противъ всѣхъ... нація, идущая къ возстановленію феодальной собственности путемъ ростовщичества и къ учрежденію финансовой олигархіи путемъ кредита; всѣ научныя открытія, превращенныя въ средства угнетенія, всѣ завоеванія генія человѣческаго надъ природой, превращенныя въ орудія борьбы, и тираннія, увеличившаяся въ силу, такъ сказать, самого прогресса; пролетарій, рабъ рукоятки, ищущій въ случаѣ кризиса хлѣбъ въ возстаніи или же въ милостынѣ... Съ другой стороны, никакихъ общихъ вѣрованій, никакой привязанности къ традиціямъ, духъ изслѣдованія, который отрицаетъ все, ничего не утверждая, а вмѣсто религіи любовь къ наживѣ...

«И зло было присуще не только обществу, но и правительству. Королевство, эта наслѣдственная власть, которой постоянно угрожала власть, основанная на избирательномъ началѣ, цѣликомъ и по необходимости поглощалось заботами самозащиты. Палата пэровъ, подчиненная королевскому назначенію, являлась въ конституціонномъ механизмѣ не болѣе какъ лишнимъ органомъ или какъ помѣхой. Палата депутатовъ была осуждена жить безъ всякой иниціативы: во-первыхъ, потому, что, представляя лишь одинъ классъ, классъ господствующій, она не могла имѣть ни малѣйшаго желанія реформировать злоупотребленія, которыми сама же существовала и пользовалась; во-вторыхъ, потому, что, состоя отчасти изъ чиновниковъ, она находилась въ полной зависимости отъ министровъ, которые порабощали большинство распредѣленіемъ должностей, разсчитанныхъ на подкупъ. Такимъ образомъ, положеніе резюмировалось съ трехъ важнѣйшихъ сторонъ слѣдующими чертами: въ соціальной области—конкурренція; въ моральной—скептицизмъ; въ политической—анархія. Таковы были характеристическія черты владычества буржуазіи во Франціи» *).

Интересно теперь посмотрѣть, какія реформы внесло въ на-

---

*) Louis Blanc, *Histore de dix ans* (1830—1840); Парижъ, 1843, т. III стр. 90—94, passim.

родную школу всесильное въ то время третье сословіе. Его апологеты превозносятъ до небесъ законъ 28 іюня 1833 г., прошедшій въ министерство Гизо. Точно-ли онъ заслуживаетъ эти неумѣренныя похвалы? Вотъ главныя основанія закона: одновременное существованіе школъ частныхъ и общественныхъ: народное образованіе двухъ степеней: элементарное, заключающее обученіе чтенію, письму, счету, а также «морали и религіи», и высшее, присоединяющее къ этому начала геометріи, физики, естественныхъ наукъ, исторіи и географіи Франціи и пѣніе; соотвѣтственно съ этимъ, учрежденіе самимъ правительствомъ учительскихъ семинарій: постоянное жалованье, квартира и прибавочная доплата учителямъ и пенсія, основанная на вычетѣ изъ жалованья: обязательство для каждой общины въ одиночку или вмѣстѣ съ другими—содержать школу на спеціально отчисляемые доходы, пополняемые въ случаѣ недостатка департаментомъ или государствомъ; свидѣтельство о педагогической способности, требуемое отъ кандидата на учительскую должность, его назначеніе, зависящее отъ такъ называемаго окружного комитета (см. объ этомъ ниже). Ближайшее изслѣдованіе этой такъ хорошо высматривающей на бумагѣ реформы позволяетъ, однако, раскрыть въ ней многочисленные пробѣлы, типичныя умолчанія, или не менѣе типичныя реакціонныя предписанія.

Возьмите хотя бы обязательство для общины содержать школу. Значитъ-ли это обязательное или даровое обученіе? Нисколько. Опредѣляя постоянное жалованье учителю въ нищенскомъ размѣрѣ (для элементарной школы минимумъ падаетъ до 200 фр. въ годъ, для высшей до 400 фр.), законъ выговариваетъ для него, сверхъ того, «мѣсячное вознагражденіе», которое должны вносить родители учениковъ, ходящихъ въ школу, наравнѣ съ прочими прямыми налогами. Отъ этой платы избавляются лишь тѣ дѣти, которыхъ освободитъ по бѣдности отъ взноса муниципальный совѣтъ. Съ другой стороны, родителямъ и не вмѣняется въ обязанность посылать дѣтей въ школу. Въ этомъ сказывается духъ буржуазнаго класса, который шелъ въ то время противъ всеобщаго распространенія знаній въ народѣ и ставилъ ихъ пріобрѣтеніе въ зависимости отъ своего торгашескаго идеала купли-продажи.

Знаменательны тѣ софизмы, къ которымъ тогдашній представитель и истолкователь буржуазіи, Гизо, прибѣгаетъ, напр., въ своихъ «Мемуарахъ», чтобы защитить этотъ основной пробѣлъ проведеннаго имъ закона. По отношенію къ обязательности онъ ограничивается витіеватымъ, но, по существу, лишеннымъ всякаго смысла утвержденіемъ:

«Гордая щепетильность свободныхъ народовъ и сильная взаимная независимость власти духовной плохо ужились бы съ этимъ принудительнымъ дѣйствіемъ государства внутри семьи. Въ томъ-то и заключаются характеръ и честь свободныхъ народовъ, чтобы раз-

считывать на господство просвѣщеннаго разума, хорошо понятаго интереса и затѣмъ умѣть ждать его результатовъ».

Что касается до безплатности, то Гизо ограничивается лишь зачисленіемъ этого начала въ рубрику «утопій благородныхъ умовъ» и отдѣлывается слѣдующимъ жалкимъ афоризмомъ меркантильнаго типа:

«Государство должно предлагать первоначальное образованіе всѣмъ семьямъ, а давать его лишь тѣмъ, которыя не могутъ платить».

За то, по обыкновенію заядлыхъ буржуа, полагающихъ, что «религія нужна для сволочи», онъ съ большимъ пафосомъ распространяется о значеніи церкви для народной школы, говоря:

«Дѣйствіе церкви и государства необходимо для того, чтобы народное образованіе распространялось и прочно утверждалось; а для того, чтобы оно было дѣйствительно хорошо и полезно въ соціальномъ смыслѣ, надо сдѣлать его глубоко религіознымъ... Это значитъ, что въ первоначальныхъ школахъ религіозное вліяніе должно всегда господствовать: если священникъ не довѣряетъ учителю или отдаляется отъ него, или же если учитель смотритъ на себя, какъ на независимаго соперника, а не какъ на вѣрнаго помощника священника, то нравственное значеніе школы потеряно, и она близка къ тому, чтобы сдѣлаться опасностью».

Эти взгляды выражались Гизо, впрочемъ, съ такою прямолинейностью, что шокировали даже многихъ буржуа въ палатѣ; и авторитарному министру не удалось провести ихъ въ чистомъ видѣ по причинѣ сопротивленія депутатовъ, какъ жалуется самъ авторъ уже цитированныхъ мемуаровъ. Но все же клерикальный элементъ достаточно проявляется въ пресловутомъ законѣ 1833 г., а въ особенности въ его практическомъ дополненіи, -уставѣ, касающемся внутренняго порядка школъ и т. п. и выработанномъ королевскимъ совѣтомъ 25 апрѣля 1834 г. Такъ, статья 4 отдѣла перваго гласитъ:

«Во всѣхъ (трехъ) отдѣленіяхъ школы моральное и религіозное образованіе будетъ занимать первое мѣсто. Классы будутъ начинаться и заканчиваться молитвами. Каждый день ученики должны заучивать тексты Св. Писанія. Въ субботу будетъ читаться евангеліе, приходящееся на слѣдующее воскресенье. Въ воскресенье и праздничные дни учителя должны водить школьниковъ въ церковь на богослуженіе. Книги для чтенія, прописи, рѣчи и увѣщанія учителя постоянно будутъ имѣть своею цѣлью проникновеніе въ душу учениковъ—чувствъ и принциповъ, которые охраняютъ добрые нравы и способны внушать страхъ божій и любовь къ Создателю» *).

Очень типично въ законѣ совершенное молчаніе объ органи-

*) Цитировано у Eugène Brouard, стр. 53.

заціи женскихъ школъ. Дѣло въ томъ, что женское образованіе находилось въ это время почти исключительно въ рукахъ женскихъ же конгрегацій, которыя раздавали право на педагогическую дѣятельность безъ всякаго разбора своимъ членамъ въ видѣ уже упомянутыхъ lettres d'obédience отъ епископа. Составители закона 1833 г. боялись упомянуть женскія школы потому, что опасались, какъ бы свободомыслящая часть палаты не настояла на необходимости установить и для женскихъ школъ правильный дипломъ. Не мѣшаетъ прибавить, что Гизо рѣшилъ было оставить пресловутое lettre d'obédience, — это истинное право на невѣжество учителя, — даже и за мужскими конгрегаціями. И лишь сопротивленіе палаты и давленіе общественнаго мнѣнія заставили его молчаливо включить эту категорію педагоговъ въ общій контингентъ учителей, каждый изъ которыхъ долженъ былъ, согласно статьѣ 4, обладать дипломомъ.

Очень интересенъ также составъ учрежденій, назначающихъ и контролирующихъ учителя. Возьмемъ прежде всего ближайшій къ народному учителю органъ надзора, такъ называемый «наблюдательный коммунальный комитетъ». Онъ функціонируетъ въ каждой общинѣ, имѣющей школу, и состоитъ изъ мэра, священника и одного или нѣсколькихъ нотаблей: союзъ церкви съ кошелькомъ! Перейдемъ теперь къ «окружному комитету» (comité d'arrondissement), который дѣйствуетъ въ каждой подъ-префектурѣ (вродѣ нашего уѣзднаго города) и слагается изъ мэра, священника, гимназическаго или народнаго учителя по назначенію министра, мирового судьи, еще трехъ лицъ, выбранныхъ министромъ же изъ членовъ окружного совѣта или мѣстныхъ нотаблей, и тѣхъ членовъ генеральнаго совѣта (подобіе нашего губернскаго земства), которые живутъ въ данномъ округѣ. Предсѣдательствуетъ въ этомъ комитетѣ-винегретѣ «одеждъ и лицъ», но не «состояній», — такъ какъ церковь, государство и капиталъ, словомъ, привилегированныя силы захватили себѣ львиную долю представительства, — предсѣдательствуетъ здѣсь префектъ или подъ-префектъ; а королевскій прокуроръ въ силу самой функціи своей, какъ объясняетъ законъ, долженъ считаться членомъ упомянутыхъ комитетовъ.

Эти органы играютъ существенную роль въ назначеніи учителей, при чемъ для занятія должности продѣлывается сложная процедура: удовлетворивъ условіямъ экзамена и благонадежности, кандидаты заявляютъ о своемъ желаніи преподавать муниципальному совѣту; муниципальный совѣтъ запрашиваетъ по этому предмету мнѣніе коммунальнаго комитета и, получивъ отзывъ послѣдняго, представляетъ кандидата окружному комитету; окружной комитетъ назначаетъ кандидата учителемъ; наконецъ, министръ утверждаетъ его въ назначенной должности.

Организація народнаго образованія по закону 1833 г. вызываетъ у автора общей статьи о Франціи въ Бюиссоновскомъ сло-

варѣ небезынтересное замѣчаніе относительно того, что «вліяніе церкви, вообще мало полезное въ этой области, было сильно укрѣплено преобладаніемъ духовнаго элемента въ мѣстныхъ комитетахъ» *).

И, дѣйствительно, мы видѣли, какое значеніе упомянутое законодательство придавало религіознымъ началамъ наряду съ свѣтскими предметами народной школы. Единственнымъ огражденіемъ интересовъ свободной мысли можно было считать статью 2, которая гласила такъ:

«Желаніе отцовъ семейства будетъ постоянно приниматься къ свѣдѣнію и исполненію (toujours consulté et suivi), что касается до участія ихъ дѣтей въ религіозномъ образованіи» **).

Иначе говоря, французская свободомыслящая буржуазія временъ Людовика-Филиппа не шла далѣе законодательства, функціонирующаго въ современной, управляемой консерваторами-католиками Бельгіи. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать народную школу дѣйствительно свѣтской, она прибѣгала къ мѣрамъ, которыя предполагали извѣстную иниціативу, извѣстную смѣлость мнѣнія и стойкость убѣжденій у тѣхъ родителей, чьи дѣти должны были остаться внѣ вліянія клерикализма. Это не мѣшаетъ имѣть въ виду, когда приходится слышать неумѣренныя похвалы закону 1833 г.

. .

Февральская революція и внезапное учрежденіе Второй республики вызвали и въ области народнаго образованія сильное броженіе умовъ, напомнившее въ извѣстной степени дни первой революціи. Но на этотъ разъ Франція пылала соломеннымъ огнемъ: кровавое столкновеніе пролетаріата и буржуазіи въ іюньскіе дни и послѣдующія распри между крайними, умѣренными и консервативными элементами буржуазіи быстро истощили запасъ реформаціонной энергіи, въ которой было, кромѣ того, немалая доля искусственности и формальнаго подражанія титаническимъ усиліямъ первой революціи. Не успѣла перейти въ практику, — да что, перейти въ практику, — не успѣла стать предметомъ серьезнаго обсужденія самая малая часть возникшихъ въ то время проектовъ по народному образованію, какъ восторжествовавшая реакція подавила въ зародышѣ всѣ реформаціонныя стремленія и отбросила Францію снова на полвѣка назадъ, если еще не далѣе. Далеко не безполезно, однако, упомянуть объ этихъ неосуществившихся планахъ хотя бы уже потому, что это даетъ возможность лишній разъ видѣть, въ какой степени общее политическое переустройство даетъ тонъ и преобразовательной дѣятельности въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Большинство этихъ плановъ и стремленій связано съ

*) *Dictionnaire* т. I. части первой, стр. 1066.

**) Eugène Brouard, стр. 27.

именемъ Ипполита Карно, который былъ министромъ народнаго просвѣщенія первые четыре мѣсяца республики. Я приведу, впрочемъ, здѣсь прежде всего оцѣнку тогдашняго положенія и дѣятельности этого государственнаго человѣка однимъ изъ умнѣйшихъ наблюдателей февральской революціи послѣдующихъ событій:

«Министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, г. Ипполитъ Карно, показался сначала, вмѣстѣ съ г. Ледрю-Роллэномъ, наиболѣе склоннымъ изъ всѣхъ министровъ отдаться революціонному потоку. Его имя и прецеденты заставляли думать, что онъ не испугается нововведеній. Сынъ человѣка, котораго научная карьера поставила въ рангъ Лагранжей и Лапласовъ, а политическая привела въ 1793 г. къ комитету общественнаго спасенія, въ компаніи съ Сэнъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ, г. Карно, бывшій горячимъ сэнъ-симонистомъ перваго періода, уже однимъ именемъ своимъ составлялъ для церкви и университета настоящую угрозу... Поэтому ждали самыхъ радикальныхъ реформъ; и двѣ великія враждующія силы, которыя уже полвѣка спорили между собою за владычество надъ умами, церковь и университетъ, вдругъ оказались сближенными на почвѣ одного и того же опасенія и чувства общей опасности.

«Противъ всякаго ожиданія, г. Карно задался примирительною цѣлью. Въ особенности же онъ сдѣлалъ замѣтныя усилія, чтобы умиротворить духовенство, которое, какъ онъ зналъ, враждебно относилось къ его личности. Но это примиреніе религіознаго авторитета и философской свободы въ системѣ воспитанія, способнаго удовлетворить потребностямъ общества, столь раздѣленнаго въ себѣ, какъ наше, являлось самою химерическою надеждою. Г. Карно не замедлилъ убѣдиться въ этомъ. Враждебное отношеніе къ нему со стороны двухъ партій до тѣхъ поръ, пока его считали сильнымъ, и презрѣніе, лишь только замѣтили его слабость, были единственными плодами его попытокъ; что касается народа, который требовалъ просвѣщенія еще съ большимъ, можетъ быть, жаромъ, чѣмъ хлѣба, онъ и на этотъ разъ увидѣлъ свои ожиданія обманутыми. Онъ видѣлъ, какъ тѣ, которые претендовали на то, чтобы управлять его духовною жизнію, не могли никакъ согласиться ни насчетъ преслѣдуемой цѣли, ни насчетъ средствъ для ея достиженія; изъ этой вѣчной борьбы между учрежденіями гражданскими и учрежденіями церковными онъ не вынесъ ничего, кромѣ еще большаго нравственнаго замѣшательства, еще болѣе полнаго отчужденія по отношенію къ тѣмъ обманчивымъ правительствамъ, которыя, провозглашая народъ верховнымъ владыкой, тѣмъ не менѣе оставляли его подъ бременемъ худшаго изъ всѣхъ рабствъ, рабства невѣжества» *).

---

*) Daniel Stern (псевдонимъ графини d'Агу), *Histoire de la revolution de 1848*, Парижъ, 1862, 2-е изд., т. I, стр. 475—476.

Эта яркая и интересная характеристика Карно (отца бывшаго президента республики) прилагается цѣликомъ къ самой свободомыслящей буржуазіи, представителемъ которой упомянутый министръ являлся въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Половинчатость, колебаніе, желаніе примирить непримиримое составляютъ основную черту третьяго сословія въ эпоху второй республики, не успѣвшей возбудить въ обществѣ такой сильный энтузіазмъ, который, какъ то было въ концѣ XVIII-го вѣка, помогъ бы торжествующей буржуазіи неоднократно вырываться изъ рамокъ классового міровоззрѣнія и хоть на время освобождаться изъ-подъ давленія классовыхъ интересовъ. Какъ бы то ни было, проекты Карно въ сферѣ собственно народнаго ебразованія обнаруживаютъ во всякомъ случаѣ добросовѣстное стремленіе ихъ автора пріобщить широкіе слои народа къ пріобрѣтеніямъ цивилизаціи и работы свѣтской мысли. Нѣкоторыя изъ задуманныхъ реформъ получили даже начало исполненія путемъ циркуляровъ: таково, напр., распоряженіе Карно (отъ 5 іюня 1848 г.), отнимавшее у женскихъ конгрегацій привилегію преподаванія по простымъ lettres d'obédience и подводившее подъ дѣйствіе общаго закона крайне невѣжественныхъ учительницъ, носившихъ монашескую одежду. Но, повторяю, реформаторская дѣятельность Карно не вышла, въ общемъ, изъ области плановъ. Наиболѣе крупное значеніе имѣлъ его проектъ реформы народнаго образованія отъ 1 іюня 1854 г. Подобно многимъ другимъ актамъ второй республики, онъ представлялъ собою воспроизведеніе идей Великой революціи, въ особенности же тѣхъ, которыя царили въ Конвентѣ въ 1793 г.

Оставляя нетронутымъ существованіе частныхъ школъ наравнѣ съ общественными, этотъ проектъ дѣлалъ, однако, первоначальное образованіе обязательнымъ для всѣхъ дѣтей обоего пола (ст. 2) и даже опредѣлялъ болѣе или менѣе строгія наказанія тѣмъ родителямъ, которые уклонялись отъ этого обязательства. Онъ провозглашалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ дарового обученія въ общественныхъ школахъ (ст. 3), распространяя его, такимъ образомъ, если не прямо, то косвенно и на частныя школы. Онъ признавалъ образованіе народа дѣломъ и обязанностью государства, опредѣляя общественныя школы, какъ такія учрежденія, въ которыхъ преподаваніе ведется за счетъ государства и при его непосредственномъ участіи (ст. 4). Проектъ значительно увеличивалъ жалованье учителей (отъ 600 до 1200 фр.), пополняя его особымъ «вознагражденіемъ», которое въ иныхъ случаяхъ могло доходить до 1800 фр. Онъ обезпечивалъ прочность положенія учителей, ставя ихъ отставку въ зависимость отъ цѣлаго ряда условій, фактически устанавливавшихъ почти несмѣняемость учащаго персонала и во всякомъ случаѣ избавлявшихъ его отъ вліянія капризовъ и произвола властей. Проектъ придавалъ настоящій свѣтскій характеръ народной школѣ, совершенно устраняя религіозное обученіе изъ проходимыхъ здѣсь

предметовъ и передавая его въ руки священника, тогда какъ учитель становился полнымъ хозяиномъ школы и переставалъ быть простымъ помощникомъ священника, терявшаго всякое право надзора за преподаваніемъ. Учительницы были поставлены на равную ногу съ учителями, какъ въ смыслѣ полученія правильныхъ дипломовъ, такъ и въ смыслѣ устойчивости ихъ положенія. Проектъ увеличивалъ число школъ, разрѣшалъ смѣшанныя школы, расширялъ инспекцію (инспектора народныхъ училищъ были введены еще въ 1835 г.), умножалъ учащій персоналъ, такъ что, вмѣстѣ съ издержками по осуществленію обязательнаго и безплатнаго обученія, новый бюджетъ народной школы долженъ былъ сразу шагнуть съ неполныхъ трехъ милліоновъ франковъ при Людовикѣ-Филиппѣ (2.959,537 фр.). до 47 милліоновъ и даже немногимъ болѣе (47.360,950 фр.). Замѣтимъ кстати, что реформа Карно уничтожала. совершенно въ духѣ идеи первой революціи, дѣленіе народныхъ школъ на низшія и высшія, устанавливая одинъ типъ учрежденій, которыя должны были вести преподаваніе по гораздо болѣе обширнымъ программамъ, включавшихъ, напр., «знаніе обязанностей и правъ человѣка и гражданина», «развитіе чувствъ свободы, равенства, братства», гигіену, физическія упражненія, пѣніе.

Увы! уже тѣ видоизмѣненія, которымъ проектъ Карно подвергся въ коммиссіи, куда онъ былъ переданъ, и съ которыми онъ превратился въ новый. гораздо болѣе умѣренный проектъ Бартелеми Сэнтъ-Илэра, показываютъ, какой шагъ сдѣлали за эти шесть мѣсяцевъ реакціонныя идеи въ парламентѣ и въ самой странѣ. Снова появляется въ программѣ «религіозное образованіе», правда, составляющее дѣло не учителя, а священника, который обязанъ былъ, кромѣ того. заниматься съ учениками своимъ предметомъ не иначе, какъ внѣ школьныхъ часовъ. Снова допускаются всевозможныя послабленія для учительницъ-монашенокъ, не имѣющихъ правильнаго диплома. И если принципъ обязательности удерживается, то начало безплатности снова исчезаетъ.

Но и въ этомъ урѣзанномъ видѣ проектъ не увидѣлъ свѣта: его не успѣли еще представить Учредительному собранію, какъ злополучный плебисцитъ столь долго держимаго въ невѣжествѣ народа сдѣлалъ изъ Людовика-Бонапарта президента республики. И вотъ безпринципный авантюристъ, окруженный такими же, готовыми на все, помощниками, рѣшаетъ, по неподражаемой ироніи судьбы, позаботиться какъ разъ о «моральномъ просвѣщеніи» народа, и съ этою цѣлью назначаетъ министромъ народнаго просвѣщенія пресловутаго де-Фаллу, одного изъ вожаковъ ультрамонтанизма. Тотъ же постарался скорѣе провести новый законъ, оставшійся извѣстнымъ до сихъ поръ подъ громкимъ названіемъ «закона о свободѣ обученія», или просто закона Фаллу, и до сихъ поръ продолжающій оказывать дѣйствіе на среднее и — съ 1875 г. —

высшее образованіе (изъ народной школы онъ былъ выбитъ по частямъ законодательствомъ Ферри и вообще Третьей республики; первый же сильный ударъ въ другихъ сферахъ образованія ему былъ нанесенъ лишь въ самые послѣдніе годы, благодаря законамъ противъ религіозныхъ ассоціацій).

Въ одной изъ своихъ корреспонденцій я касался болѣе или менѣе подробно обстоятельствъ, при которыхъ возникъ этотъ пресловутый законъ, приносившій Франціи подъ видомъ свободы жесточайшее угнетеніе свѣтской мысли со стороны клерикаловъ. Здѣсь я лишь вскользь упомяну объ историческихъ условіяхъ, подготовлявшихъ и опредѣлявшихъ этотъ отважный натискъ католицизма на человѣческій разумъ. Главнымъ изъ этихъ условій была боязнь буржуазіи передъ пролетаріатомъ и идеями соціальнаго преобразованія, которыя выдвигали въ теоріи роль четвертаго сословія въ современномъ обществѣ, а на практикѣ грозили положить конецъ привилегіямъ капитала. Извѣстенъ анекдотъ о Кузэнѣ, который, встрѣтившись съ де-Ремюза на набережной Сены на слѣдующій же день февральской революціи, приглашалъ его «броситься вмѣстѣ съ нимъ къ ногамъ епископовъ; они, де, одни могутъ спасти насъ отъ разгрома». Съ своей стороны великій маленькій Тьеръ, съ обычною живостью южанина, выражая свои впечатлѣнія, на всю залу парламентарной коммиссіи кричалъ Кузэну: «мы (свободомыслящіе буржуа) получили хорошій урокъ, и аббатъ Дюпанлу совершенно правъ». Самъ виновникъ закона о свободѣ обученія, де-Фаллу, признавалъ, что настоящими подготовителями этой клерикальной мѣры были больше и прежде всего три человѣка: глава французскихъ католиковъ, Монталамберъ; отчаянный ультрамонтанъ, аббатъ Дюпанлу (впослѣдствіи епископъ Орлеанскій); и — вольтеріанецъ Тьеръ; да, ни больше ни меньше, какъ Тьеръ, этотъ блестящій и безцеремонный выразитель интересовъ буржуазіи, который въ бурное время февральской революціи громилъ въ разговорѣ съ Дюпанлу «сорокъ тысячъ школьныхъ учителей, этихъ анти-поповъ (anti-curés) атеизма и соціализма».

«Сотрудничество» тѣхъ «двухъ великихъ соціальныхъ силъ», церкви и государства, которыя должны были, по мнѣнію составителей закона, подать другъ другу руки для борьбы съ врагами общества, выразилось въ рѣшительномъ преобладаніи клерикальнаго элемента въ области народнаго образованія. Такъ, высшій университетскій совѣтъ заключалъ, согласно новому закону, въ своей средѣ четырехъ епископовъ или архіепископовъ. Такъ, въ каждомъ академическомъ и департаментскомъ совѣтѣ засѣдалъ епархіальный епископъ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, назначеннымъ имъ же самимъ. А уже нечего говорить о томъ фактическомъ вліяніи, какимъ церковь пользовалась среди мѣстныхъ властей, благодаря покровительству центральнаго правительства.

Любопытнѣе всего, во что превращалось понятіе «свобода

«обученія» въ этой насыщенной клерикализмомъ и политической реакціей атмосферѣ подъ перомъ составителей закона 15 марта 1850 года. Эта свобода выражалась въ совершенно неодинаковомъ отношеніи властей къ учителямъ общественныхъ и учителямъ частныхъ (фактически клерикальныхъ) школъ. Она означала, напр., для учителя общественной народной школы невозможность протеста противъ приговора ректора, отрѣшающаго его отъ должности. Она выражала для него потерю мѣста по волѣ префекта, временное прекращеніе занятій по капризу мэра, надзоръ со стороны священника, который можетъ посѣщать школу, когда ему заблагоразсудится, и наблюдать за характеромъ преподаванія,— при чемъ на обязанности же учителя лежало «моральное и религіозное воспитаніе», т. е. прохожденіе катехизиса. Наоборотъ, эта же «свобода обученія» для учителя частной школы означала всевозможныя гарантіи и право обжалованія различныхъ инстанцій, чего былъ лишенъ учитель общественной школы. А такъ какъ фактически учителемъ частной школы былъ прежде всего членъ религіозной конгрегаціи, то народное образованіе переходило въ безконтрольное распоряженіе невѣжественныхъ монаховъ и монашенокъ. Снова появились lettres d'obédience для учащаго персонала женскихъ конгрегацій, члены которыхъ по желанію освобождались отъ представленія правильныхъ дипломовъ. Освобождались отъ нихъ и всѣ вообще помощники учителей въ частныхъ школахъ, благодаря чему вокругъ одного учителя, имѣвшаго свидѣтельство, ютилась теперь цѣлая масса духовныхъ лицъ, не получившихъ почти никакого образованія и, однако, составлявшихъ главный учащій персоналъ бывшихъ конгрегаціонныхъ школъ. Наконецъ, «свобода обученія» выговорила право для департаментовъ уничтожать учительскія семинаріи и даже косвенно толкала къ этому, указывая путь, какимъ можно было совершить такой похвальный актъ коллективнаго невѣжества, при чемъ законодатель наигрывалъ на чувствѣ скаредности и бережливости генеральныхъ совѣтовъ департамента.

Словомъ, законъ 1850 г. былъ такою побѣдою для клерикаловъ, что въ одной брошюрѣ эпохи (принадлежащей, повидимому, перу Дюпанлу) мы находимъ настоящій торжествующій гимнъ, обращенный къ благодѣтельному началу «свободы обученія». По мнѣнію автора этого своеобразнаго акаѳиста, «свобода обученія»— «это духовенство Франціи въ цѣломъ составѣ, представленное въ высшемъ совѣтѣ тремя (четырьмя? Н. К.) епископами, избранными всѣми своими товарищами; представленное въ департаментскихъ совѣтахъ 81 епископомъ и 86 духовными лицами, назначенными самими же епископами; представленное во всѣхъ приходахъ 40000 священниковъ, оказывающихъ на народное образованіе самое непосредственное, самое постоянное, самое благодѣтельное воздѣйствіе; опирающееся, сверхъ того, на всѣхъ духовныхъ лицъ и

на всѣхъ вѣрныхъ церкви свѣтскихъ лицъ, которыя могутъ избирать карьеру свободнаго обученія народа въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ только захотятъ; опирающееся на всѣ религіозныя какъ дозволенныя, такъ и недозволенныя государствомъ конгрегаціи, которыя займутся, насколько имъ подскажетъ ихъ рвеніе, народнымъ и среднимъ образованіемъ: это, наконецъ, духовенство Франціи, со всѣми своими возвышеннѣйшими, свободнѣйшими, могущественнѣйшими силами, духовенство, приглашенное самимъ государствомъ, великими властями націи, на помощь къ угрожаемому обществу, а въ то же время остающееся во всей полнотѣ своихъ правъ» *).

Если таково было положеніе народной школы, отданной во власть клерикаловъ, при самомъ началѣ реакціи, когда республика еще существовала по имени, то вы можете себѣ представить, какъ отразился на этой бѣдной школѣ переворотъ 2-го декабря 1851 г., воздвигшій кровью и беззаконіемъ Имперію на развалинахъ дискредитированной борьбою партій республики. Лишь мало-по-малу Имперія декабрьской ночи разжимаетъ желѣзную перчатку, которою она сдавила свободное дыханіе націи, и лишь въ второй половинѣ царствованія Наполеона III замѣчаются попытки заняться народной школой для самой школы, для просвѣщенія народа, а не для экспериментовъ надъ душой массъ въ смыслѣ сознательнаго оглупѣнія ихъ. Это ясно и рельефно вырисовывается изъ сравненія характера дѣятельности слѣдовавшихъ одинъ за другимъ министровъ народнаго просвѣщенія.

Съ 1851 по 1856 г. этотъ портфель принадлежитъ пресловутому Фортулю, управлявшему исключительно при помощи «деспотизма, дезорганизаціи и террора». Стараясь отдѣлаться отъ чрезмѣрныхъ притязаній своего союзника, клерикализма, который желалъ бы весь императорскій режимъ обречь исключительно на службу церкви, новый министръ не разрываетъ прямо условій договора, но пытается преслѣдовать самостоятельныя цѣли цезаристскаго деспотизма, увеличивая предѣлы компетенціи и быстроту репрессивныхъ мѣръ агентовъ власти. Учителя смѣщаются и увольняются теперь безъ всякихъ формальностей и немедленно: «правительство», какъ говоритъ докладъ Фортуля отъ 19 сентября 1853 г., «снова беретъ въ свои руки самыя широкія полномочія».

За Фортулемъ слѣдуетъ Руланъ, который управляетъ министерствомъ съ 1856 по 1863 г. и дѣятельность котораго характеризуется буржуазными историками народной школы, какъ «относительный либерализмъ». Этотъ «либерализмъ» сводится къ тому, что министръ жалуется келейно своимъ друзьямъ на невозмож-

*) *Dictionnaire*, т. I части первой, стр. 1072. Ср. отзывъ самого умѣреннаго автора *Essai d'histoire*, стр. 101.

ность, въ силу тяжелыхъ обстоятельствъ, освободить народнаго учителя отъ невыносимой опеки властей, а практически выражается въ нѣкоторомъ увеличеніи жалованья учителей, въ просьбѣ, обращенной къ префектамъ, не такъ быстро и безцеремонно перемѣщать и смѣщать учителей, и въ учрежденіи при школахъ народныхъ библіотекъ,—конечно, подъ строжайшимъ надзоромъ администраціи.

Новымъ духомъ повѣяло лишь при министерствѣ Виктора Дюрюи, который занималъ постъ въ теченіе шести лѣтъ, съ 1863 по 1869 г., когда Имперія принуждена была уже идти на уступки передъ неотразимо растущей силой общественнаго мнѣнія и оппозиціоннаго протеста. Это періодъ оффиціальнаго «либерализма» Имперіи, періодъ ожесточенной борьбы при дворѣ между представителями различныхъ оттѣнковъ императорскаго режима, толкаемаго одними въ сторону «необходимыхъ реформъ», другими въ сторону сопротивленія. Это хаотическое состояніе правящихъ сферъ, которое усиливалось, какъ всегда бываетъ при единоличной власти, столкновеніемъ и перекрещиваніемъ низменныхъ интересовъ и личныхъ интригъ царедворцевъ,—это неустойчивое равновѣсіе борющихся силъ, несомнѣнно, сказывалось на самомъ характерѣ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія. Его друзья до сихъ поръ жалуются на массу препятствій, которыя встрѣтила его реформаторская дѣятельность на пути къ достиженію поставленныхъ цѣлей. Они указываютъ на неутомимость министра, который въ теченіе своего пребыванія у власти успѣлъ написать 391 циркуляръ, на множество идей, брошенныхъ имъ въ обращеніе, на массу вопросовъ, поднятыхъ въ области образованія, на рядъ попытокъ ихъ осуществленія.

Хладнокровно обсуждая результаты министерской карьеры Дюрюи, вы приходите нѣсколько къ другимъ выводамъ, чѣмъ тѣ заключенія, которыя подсказываются аффективнымъ отношеніемъ его друзей. Большинство его плановъ представляетъ лишь половинчатое, непослѣдовательное выраженіе тѣхъ идей, какія были выработаны въ то время передовыми людьми эпохи. Кромѣ того, лишь немногія изъ задуманныхъ реформъ были осуществлены, хотя на половину, на практикѣ, и очень малое число доведено до конца. Въ сферѣ собственно народнаго образованія мы можемъ отмѣтить: учрежденіе общественныхъ женскихъ школъ; учрежденіе новыхъ школъ въ деревняхъ, удаленныхъ отъ центра коммуны; улучшеніе положенія помощниковъ учителей; расширеніе безплатнаго обученія и помощь тѣмъ коммунамъ, которыя рѣшили бы завести его у себя; расширеніе программъ включеніемъ въ обязательные предметы начатковъ исторіи и географіи: организація курсовъ для взрослыхъ.

По этому послѣднему поводу Дюрюи пришлось констатировать въ докладѣ императору, что въ 1865 г. цѣлая треть новобрак-

цевъ Франціи не умѣла еще читать; что 36% брачущихся не могли подписать своей фамиліи; что пятая часть дѣтей школьнаго возраста вовсе не посѣщала школы; что среди остальныхъ четырехъ пятыхъ большинство ходило въ школу лишь зимой, оставляло ученіе черезчуръ рано и потому въ скоромъ времени почти совсѣмъ забывало грамоту. Было ясно, что Имперія, державшаяся прежде всего на невѣжествѣ народа, который ждалъ отъ избраннаго имъ цезаря великихъ и богатыхъ милостей, никогда искренно не согласится устранить самыя причины и благопріятныя условія своего существованія: Виктору Дюрюи не удалось ввести ни обязательное, ни даровое обученіе. Смѣнившіе его министры конца Имперіи не ознаменовали свое пребываніе у власти никакими серьезными реформами; а вскорѣ—и сама Имперія захлебнулась въ крови и грязи.

Законодательство Третьей республики, управляющее современной школой, настолько извѣстно, что мнѣ придется лишь въ самыхъ общихъ чертахъ коснуться его основныхъ пунктовъ *). Слѣдуетъ замѣтить, что законодательство это не можетъ быть надлежащимъ образомъ понято и оцѣнено, если его не разсматриваютъ въ связи съ общимъ ростомъ прогрессивныхъ идей и съ тѣми особенностями политической борьбы, которыя характеризуютъ исторію Франціи за послѣдніе 35 лѣтъ.

Ростъ республиканскихъ идей въ концѣ Имперіи и распространеніе ихъ среди пролетаріата и значительной части буржуазіи давали серьезную опору демократическому режиму, который устанавливался во Франціи послѣ тяжелаго испытанія внѣшней и гражданской войны и среди яростныхъ нападеній на основанную 4 сентября 1870 г. республику со стороны реакціонныхъ партій. Но сколько разъ новый строй подвергался опасности и былъ, можно сказать, на волосъ отъ своей гибели! Пока республика не жила нормальною и правильною, выражающеюся и въ соотвѣтствующемъ государственномъ законодательствѣ жизнью, а отстаивала изо дня въ день свое существованіе противъ рѣшительныхъ замысловъ своихъ враговъ, нечего было и думать о соотвѣтственныхъ реформахъ въ сферѣ народнаго образованія. Наоборотъ, первые годы Третьей республики характеризуются новыми побѣдами клерикаловъ и монархистовъ, посылаемыхъ въ парламентъ громадною долею невѣжественнаго сельскаго населенія. Составляя большинство, они только потому и не могутъ свалить республику, что

---

*) Полезнымъ пособіемъ къ изученію этого законодательства служитъ чисто документальный сборникъ оффиціальныхъ актовъ, декретовъ и т. д.: A.-E. Pichard, *Nouveau code de l'instruction primaire*; Парижъ, 1906, 18-е изд. котораго передѣлано и доведено до января текущаго года A. Wissemans'омъ.

въ рядахъ ихъ происходитъ ожесточенная борьба за формы той реакціонной власти, которая должна смѣнить демократическій строй. Но эта борьба между бонапартистами, орлеанистами и легитимистами, препятствуя ниспроверженію самой республики, не мѣшаетъ, однако, дружной во всемъ прочемъ коалиціи реакціонныхъ силъ провести, если и частныя, то крупныя мѣры въ угоду своимъ основнымъ принципамъ. Въ описываемую нами эпоху республиканскіе планы реформы народнаго образованія, предлагаемые на обсужденіе парламента, терпятъ пораженіе. И, наоборотъ, консервативные идеалы находятъ свое дальнѣйшее осуществленіе въ новыхъ мѣрахъ: не забудемъ, что законъ 12 іюля 1875 г., который, собственно говоря, касался лишь высшаго, университетскаго образованія, освобождая его отъ контроля свѣтской власти, тѣмъ не менѣе обозначаетъ послѣдовательное распространеніе клерикальной «свободы обученія» на всѣ отрасли просвѣщенія.

Что касается до свѣтскаго, дарового и обязательнаго обученія въ народной школѣ, то можно смѣло сказать, что эта реформа (начатая въ 1879 г.) никогда не увидѣла бы свѣта, если бы къ общимъ идеальнымъ стремленіямъ искреннихъ республиканцевъ не присоединились въ это время чисто практическія заботы широкихъ слоевъ буржуазіи отстоять, въ видахъ прямой самозащиты и своей личной выгоды, новый демократическій режимъ. Въ этомъ смыслѣ макъ-магоновскій coup d'Etat 16 мая 1877 г. и беззастѣнчивая система давленія на страну, практиковавшаяся въ теченіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ боевымъ министерствомъ «моральнаго порядка», сдѣлали больше, чѣмъ самыя краснорѣчивыя приглашенія крайнихъ демократовъ дать, наконецъ, народу настоящую школу. Въ самомъ дѣлѣ, когда разбираешься въ документахъ и воспоминаніяхъ современниковъ этой эпохи, ознаменованной свирѣпой борьбой де-Фурту и К° противъ мало-мальски либеральныхъ элементовъ въ палатѣ и странѣ и даже противъ индифферентныхъ слоевъ, не принимавшихъ прямого участія въ столкновеніи двухъ принциповъ, то начинаешь понимать, какое безпокойство не только за существованіе новаго строя, но за личную судьбу должно было охватить всю Францію, за исключеніемъ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ торжествѣ реакціи.

Въ теченіе одного лишь мая правительство отставило, смѣстило и перемѣстило 200 префектовъ, подъ-префектовъ и т. п чиновниковъ за недостаточную строгость. Въ продолженіе же всего періода борьбы министерство, распустившее палату, отрѣшило отъ должности цѣлую массу мэровъ, не одну тысячу мировыхъ судей, застращало отставкою и дисциплинарными наказаніями весь персоналъ министерства юстиціи и добилось отъ него того, что за пять мѣсяцевъ трибуналы возбудили 2,700 политическихъ преслѣдованій. Префектамъ рекомендовалось и, можно сказать, вмѣнялось въ обязанность не столько обращаться къ

существовавшимъ, далеко, однако, не мягкимъ въ то время законамъ о печати, сколько прямо прибѣгать для «обузданія прессы» къ декрету 2 февраля 1852 г., т. е., значитъ, откровенно брать оружіе изъ арсенала мѣръ бонапартистскаго переворота, и этимъ путемъ немедленно и свирѣпо дѣйствовать противъ органовъ, виновныхъ въ распространеніи «ложныхъ слуховъ» и «тенденціозныхъ новостей» *). Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительная процедура должна была примѣняться и къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя преслѣдовались за нарушеніе пресловутаго декрета уже не при помощи печати, а «какимъ бы то ни было способомъ и въ какой бы то ни было формѣ».

Правительство не останавливалось даже передъ закрытіемъ многихъ кафе и ресторановъ подъ предлогомъ, что они служили «мѣстами республиканской пропаганды». Въ одномъ только городѣ Вьеннѣ было возбуждено преслѣдованіе противъ сотни фабрикантовъ, подавшихъ петицію Макъ-Магону относительно застоя въ дѣлахъ, причиненнаго политическими дѣйствіями реакціи. Уже одинъ фактъ постановки республиканской кандидатуры считался преступленіемъ, подлежащимъ наказанію. А кто осмѣливался подавать голосъ за республиканца, а не за оффиціальнаго кандидата, могъ быть увѣренъ, что эта непростительная смѣлость навлечетъ на него серьезную непріятность со стороны правительства. Открытый опять-таки изъ временъ бонапартистскаго переворота декретъ 27 марта 1852 г. обязывалъ, напр., всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ вотировать, подъ страхомъ потери мѣста, исключительно за правительство.

Но самымъ характернымъ явленіемъ безцеремонной борьбы власти противъ страны было дѣятельное участіе въ ней со стороны духовенства и вообще всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ католическихъ вожаковъ. Въ послѣднемъ томѣ интересной по своимъ даннымъ, хотя лишенной всякаго обобщающаго значенія «Исторіи французовъ», продолжающейся издаваться подъ именемъ Лавалле, читатель найдетъ цѣлую массу фактовъ, ярко обрисовывающихъ эту клерикальную кампанію. Все французское духовенство, какъ одинъ человѣкъ, стало на сторону Макъ-Магона и министровъ «моральнаго порядка». И это понятно, такъ какъ приказаніе было дано свыше.

«Епископы, на основаніи формальнаго и гласнаго увѣщанія Пія IX, бросились въ избирательную борьбу, распространяя въ своихъ епархіяхъ чисто политическія посланія и въ нѣкоторыхъ требуя даже возстановленія свѣтской власти папы, предписывая молитвы для успѣха оффиціальныхъ кандидатовъ и повелѣвая

*) Наши отечественные реакціонеры, всѣ эти гг. Витте, Дурново, Столыпины, какъ видите, неизмѣнно занимаются „самобытнымъ“ плагіатомъ всякихъ мѣръ, какія только придумываются на Западѣ **въ періоды торжества темныхъ силъ.**

всему духовенству епархіи всѣми силами содѣйствовать этому успѣху. Самъ Пій IX, нѣсколько времени тому назадъ, высказался открыто въ ихъ пользу въ рѣчи, обращенной имъ въ Римѣ къ французскимъ пилигримамъ» *).

Читатель знаетъ, какимъ ужаснымъ фіаско кончился этотъ походъ темныхъ силъ реакціи противъ свѣтской и демократической цивилизаціи. Побѣда республиканцевъ надъ католиками и монархистами и упроченіе республики, особенно со времени выборовъ Греви (30 января 1879 г.), были отправнымъ пунктомъ антиклерикальной политики, которая, исходя отъ демократической и республиканской партіи, нашла сильную поддержку въ странѣ, только что пережившей тяжелое и смутное время. Даже тѣ значительные слои буржуазіи, которые скорѣе равнодушно относились къ чисто идейной борьбѣ, шли теперь за вожаками свободной мысли, потому что у всѣхъ еще было живо воспоминаніе о недавней неурядицѣ, замѣшательствѣ и застоѣ въ дѣлахъ. Помимо общаго хода культурнаго прогресса и безкорыстныхъ стремленій лучшихъ демократовъ, чисто личныя соображенія и эгоистическіе интересы вовлекали теперь третье сословіе въ борьбу противъ отживающихъ силъ и побуждали его видѣть свою непосредственную задачу въ устраненіи вліянія духовенства на народъ и, стало быть, въ организаціи всеобщей и свѣтской школы. Имена Ферри, Поля Бэра, Фердинанда Бюиссона (игравшаго такую роль въ выработкѣ школьной реформы при Ферри, а нынѣ радикально-соціалистическаго депутата) тѣсно связаны съ этимъ послѣднимъ фазисомъ народной школы во Франціи.

Законъ 16 іюня 1881 г. объ обязательномъ учительскомъ дипломѣ уничтожалъ монополію невѣжества конгрегаціонныхъ педагоговъ (монашенокъ и помощниковъ учителей въ мужской школѣ). Законъ того же 16 іюня 1881 г. о даровомъ обученіи отмѣнялъ плату за право ученія во всѣхъ общественныхъ народныхъ школахъ. Законъ 28 марта 1882 г. объ обязательномъ и свѣтскомъ народномъ образованіи заставлялъ родителей посылать дѣтей обоего пола и школьнаго возраста (отъ 6 до 13 лѣтъ) въ школу,— частную или общественную и въ то же время дѣлалъ общественную школу строго свѣтскимъ образовательнымъ заведеніемъ, исключая изъ расширенной программы народной школы какое бы то ни было религіозное преподаваніе. Конечно, эта мѣра вовсе не обозначаетъ, какъ утверждаютъ клерикалы, «декретированіе оффиціальнаго атеизма», но лишь охраняетъ строго нейтральный характеръ школы, которой нѣтъ дѣла до какого бы то ни было вѣроисповѣданія. Что касается родителей, которые пожелали бы давать

*) Théophile Lavallée, *Histoire des Français*; Парижъ, 1901, t. VII: *La Republique parlémentaire* 1876—1901 (этотъ томъ написанъ Maurice Dreyfous'омъ).

дѣтямъ религіозное воспитаніе, то законъ предоставляетъ полную возможность удовлетворять этой духовной потребности, говоря (въ ст. 2): «Общественныя народныя школы будутъ закрыты, кромѣ воскресенья, еще одинъ день въ недѣлѣ, чтобы позволить родителямъ, если они пожелаютъ, давать религіозное воспитаніе дѣтямъ, но внѣ школьныхъ зданій».

Вообще же, съ 1879 и по 1893 г. было издано двѣнадцать различныхъ законовъ, организующихъ съ той или другой стороны народную школу. Затѣмъ наступилъ, послѣ панамскаго крушенія и быстраго роста соціализма въ странѣ, періодъ реакціи, во время котораго мелинисты и «присоединившіеся» къ республикѣ сторонники стараго режима, испуганные развитіемъ рабочаго движенія и успѣхами свободной мысли въ массахъ, мирволили клерикаламъ и старались обломать на практикѣ остріе законодательства, создавшаго свѣтскую народную школу. И все оживленіе реформаціоннаго духа въ сферѣ народнаго образованія обнаружилось лишь послѣ нравственной бури, прошедшей надъ Франціей со времени дѣла Дрейфуса. Многимъ искреннимъ, хотя бы и самымъ умѣреннымъ республиканцамъ пришлось увидѣть воочію, какіе ужасающіе успѣхи черная армія клерикаловъ сдѣлала въ народѣ, отравляемомъ безпрестанною проповѣдью ультрамонтановъ, ловко проводившихъ свои идеи подъ флагомъ шовинистскихъ и милитаристскихъ тенденцій, которыя столь часто культивировались оффиціальными представителями третьей республики. Результатомъ упомянутой моральной встряски и было, между прочимъ, возрожденіе антиклерикальной политики, ставшей въ общемъ, со времени министерства Вальдэка-Руссо, одной изъ самыхъ видныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ кабинетами настоящей Франціи. И прежде всего, эта борьба противъ католицизма должна была отразиться на народной школѣ, которая является обычной ареной столкновенія между старымъ и новымъ міровоззрѣніями, хотя, конечно, эта кампанія свѣтской цивилизаціи противъ клерикальныхъ притязаній захватывала, въ силу общаго характера, и другія отрасли образованія.

Статья 14 закона 1 іюля 1901 г. объ ассоціаціяхъ гласитъ, дѣйствительно, такъ:

«Никому не позволяется (nul n'est admis) руководить прямо, или черезъ третье лицо, образовательнымъ учрежденіемъ какого бы то ни было рода, равно какъ обучать въ немъ, если лицо принадлежитъ къ не дозволенной религіозной конгрегаціи. Виновные въ нарушеніи подвергаются наказаніямъ, предусмотрѣннымъ ст. 2 § 8. Сверхъ того, можетъ послѣдовать, по судебному приговору, закрытіе школы».

Съ другой стороны, прошедшій въ министерство Комба еще болѣе энергичный законъ 7 іюля 1904 г. категорически объявляетъ:

«преподаваніе всякаго рода и характера запрещено во Франціи конгрегаціямъ».

Чтобы отнять у клерикаловъ возможность обходить эти запрещенія, уже осенью 1901 г. (11 октября) былъ изданъ циркуляръ, который имѣетъ цѣлью провѣрить степень подготовленности учащаго персонала въ частныхъ, фактически по преимуществу католическихъ, школахъ. Въ связи съ уставомъ 16 августа 1901 г., упомянутый циркуляръ предписываетъ слѣдующую мѣру: «во всякомъ частномъ учебномъ заведеніи какого бы то ни было рода, будетъ ли оно или нѣтъ зависѣть отъ той или другой ассоціаціи или конгрегаціи, долженъ быть установленъ особый списокъ для внесенія въ него именъ, фамилій, національности, года и мѣста рожденія преподавателей и служащихъ, съ обозначеніемъ должностей, которыя они раньше занимали, и ихъ прежняго мѣстожительства, равно какъ характера и года дипломовъ, которыми они располагаютъ. Списокъ этотъ представляется тутъ же на мѣстѣ по требованію административныхъ, академическихъ или судебныхъ властей».

Спеціально коснулась народной школы, — и, замѣтимъ это, школы для дѣвочекъ, являвшейся самымъ надежнымъ оплотомъ реакціи и клерикализма, — статья 70 такъ называемаго финансоваго закона 30 марта 1902 г., которая обязываетъ всѣ народныя общественныя школы, располагающія женскимъ учительскимъ персоналомъ, замѣнить монашенокъ свѣтскими учительницами въ теченіе трехъ лѣтъ, слѣдующихъ за 1 января 1903 г. Дѣло въ томъ, что если въ мужскихъ общественныхъ школахъ конгреганистскій учащій персоналъ былъ замѣненъ свѣтскимъ въ теченіе 5 лѣтъ, истекшихъ со времени кодификаціоннаго закона 30 октября 1886 г., который имѣлъ предметомъ общую «организацію первоначальнаго образованія», то правительство продолжало терпѣть конгреганистокъ въ качествѣ учительницъ не только въ частныхъ, но и въ общественныхъ народныхъ школахъ, лишь бы онѣ внѣшнимъ образомъ держались установленной правительствомъ программы преподаванія. Читатель легко догадается, въ какомъ духѣ обскурантизма и реакціи велось въ этихъ школахъ преподаваніе благочестивыми сестрами. Впервые упомянутый нами законъ 1902 г. заносилъ руку на чащу злоупотребленій, выросшихъ въ области первоначальнаго женскаго образованія.

Словомъ, въ послѣдніе годы народная школа во Франціи начинаетъ проникаться новымъ духомъ, окончательное торжество котораго позволитъ видѣть въ организаціи начальнаго образованія одинъ изъ лучшихъ продуктовъ творческой мысли третьей республики. Но говоря такъ, я отнюдь не думаю относиться даже къ реформирующейся современной школѣ Франціи съ тѣмъ оффиціальнымъ паѳосомъ, который характеризуетъ, или, по крайней мѣрѣ, характеризовалъ до послѣдняго времени, отзывы

записныхъ педагоговъ о созданномъ ими обученіи. Въ немъ есть много слабыхъ сторонъ, которыя объясняются самымъ характеромъ силъ и интересовъ, вызвавшихъ современную школу къ жизни. Не забудьте, что, какъ все въ настоящемъ строѣ, она является компромиссомъ между идейными требованіями современной свѣтской цивилизаціи и гораздо болѣе низменными политическими и экономическими интересами руководящихъ общественныхъ классовъ и группъ.

Дѣйствительно, школа третьей республики создана въ значительной степени усиліями свободомыслящей буржуазіи, которая въ этомъ отношеніи лишь слабо поддерживалась народомъ или даже его наиболѣе передовымъ слоемъ, французскимъ пролетаріатомъ. Въ частности, напр., этотъ послѣдній, занятый главнымъ образомъ экономической и политической борьбой съ господствующими классами, сравнительно мало обращалъ вниманія на проведеніе частныхъ реформъ, особенно въ ту эпоху, когда были положены основы законодательства свѣтской школы, и сравнительно мало давилъ на свободомыслящую буржуазію, занятую образовательной реформой. Отсюда тѣ слабые или прямо отрицательные пункты, которые замѣчаются въ народной школѣ.

Читатель, слѣдившій за моими письмами изъ Франціи, могъ видѣть, какъ сильно, напр., проведено въ здѣшней школѣ крикливо-патріотическое, шовинистское направленіе, какую роль играютъ въ ней воинственныя пѣсни и пропаганда милитаризма. Лишь въ послѣднее время это направленіе, въ значительной степени сознательно привитое народу буржуазными организаторами школы, подверглось критикѣ самой же свободомыслящей буржуазіи. И среди широкихъ слоевъ ея, не говоря уже о ея крайнемъ соціалистически-настроенномъ крылѣ, теперь замѣчается движеніе въ пользу привитія народу болѣе широкихъ, общечеловѣческихъ идеаловъ и отученія его отъ шовинистскихъ привычекъ мысли.

Подобное же замѣчаніе придется сдѣлать и относительно характера «гражданской морали», преподаваемой въ школѣ и касающейся, между прочимъ, вопросовъ о собственности, владѣніи, трудѣ, капиталѣ, основаніяхъ современной нравственности, взаимномъ положеніи различныхъ классовъ, и т. п., такъ какъ—замѣтьте—обо всемъ этомъ учитель долженъ хоть вкратцѣ, но бесѣдовать съ учениками. И вотъ и тутъ придется сказать, что, созданная свободомыслящей буржуазіей, школа черезчуръ проникнута стремленіемъ апологіи современнаго строя. Прописной характеръ морали, который непріятно поражаетъ иного свѣжаго человѣка, особенно нашего брата, русскаго интеллигента-разночинца, въ лекціяхъ и учебникахъ народной французской школы, именно и объясняется тѣмъ, что господствующій классъ, хотя и въ лицѣ своихъ свободомыслящихъ представителей, черезчуръ заинтересованъ въ выгодномъ ему порядкѣ вещей, чтобы не пускаться на защиту и восхва-

леніе буржуазной общественной организаціи и ходячей нравственности среди трудящихся массъ. Недаромъ Гэдъ смѣялся какъ-то очень удачно и зло надъ тенденціями теперешней свѣтской школы, которая, подобно католической, требуетъ, молъ, тоже вѣры, а не разсужденія, хотя объектомъ этой вѣры ставитъ не катехизисъ клерикаловъ, а profession de foi экономистовъ, создавая новую религію, основанную на капиталистическомъ откровеніи, религію наживы и эксплуатаціи. Опять-таки лишь въ послѣднее время среди свободомыслящей буржуазіи обнаруживается стремленіе внести въ школьную мораль если не пугающій ее до сихъ поръ принципъ коллективнаго труда и наслажденія, то, по крайней мѣрѣ, принципъ человѣческой солидарности.

Поражаютъ также въ народной школѣ третьей республики нищенскіе размѣры вознагражденія, которое достается на долю учителя. Чувствуется, что буржуазные родители лично не заинтересованы въ привлеченіи талантливыхъ силъ къ педагогической дѣятельности среди народа, такъ какъ дѣти ихъ не ходятъ въ народную школу. Конечно, если сравнить положеніе французскаго народнаго учителя съ положеніемъ такого же учителя во многихъ другихъ странахъ, то это сравненіе далеко не всегда окажется неблагопріятнымъ для Франціи. Да если взять и безотносительно размѣры здѣшняго учительскаго жалованья, то человѣку, не знающему, какъ дорога жизнь во Франціи, оно можетъ показаться внушительнымъ, колеблясь, смотря по разрядамъ, между 1100 фр. и 2200 фр. въ годъ для учителей и между 1100 фр. и 2000 фр. для учительницъ, при чемъ слѣдуетъ еще прибавить квартиру и такъ называемое «вознагражденіе», которое, составляя 100 фр. въ небольшихъ мѣстечкахъ, доходитъ до 1100 фр. въ Сенскомъ департаментѣ *). Но когда ясно представишь себѣ, какую «реальную заработную плату» представляетъ такое содержаніе во Франціи, гдѣ налоги такъ поднимаютъ цѣну многихъ предметовъ необходимости, то учитель (а въ особенности, учительница) поневолѣ вырисовывается передъ вами общественнымъ паріею и рыцаремъ печальнаго образа, несмотря на то, что ему ввѣрены умственнная жизнь и развитіе молодого поколѣнія громаднаго большинства народа. Я не могъ, напр., читать безъ волненія нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышедшаго романа изъ учительской жизни, который, не взирая на растянутость, наивность и нѣкоторыя второстепенныя странности изложенія, представляетъ собою глубоко правдивое изображеніе (можетъ быть, отчасти автобіографію) народнаго учителя нашихъ дней **).

*) См. въ *Nouveau Code de l'instruction primaire*, стр. 261—266, перепечатку относящихся сюда статей финансоваго закона 22 апрѣля 1905 г., декрета 31 декабря 1902 г. и т. д.

**) Antonin Lavergne. *Jean Coste ou l'instituteur du village*; Парижъ, 1901 г.

И, между тѣмъ, повторяю, на этомъ-то усердно работающемъ и зачастую впроголодь живущемъ человѣкѣ лежитъ тяжелая обязанность воспитанія народа, по крайней мѣрѣ, очень значительной части его. Такъ, въ 1903—1904 учебномъ году, на 5.554,208 дѣтей обоего пола, посѣщавшихъ вообще начальную школу, приходилось четыре пятыхъ учениковъ свѣтскихъ общественныхъ школъ, а именно 4.331,105. Съ проведеніемъ же антиклерикальнаго законодательства послѣднихъ лѣтъ свѣтскому учителю придется имѣть дѣло съ еще большей пропорціей подростающихъ гражданъ Франціи. Благодаря народному же учителю доля неграмотныхъ новобранцевъ упала въ 1904 г. до 4% ежегоднаго контингента молодыхъ людей, тогда какъ Вторая имперія завѣщала ихъ цѣлыхъ 33%.

А что сказать относительно той, если гораздо болѣе мягкой, чѣмъ прежде, то все же реальной тираніи, которая давитъ на народнаго учителя въ видѣ надзора за нимъ со стороны его іерархическаго начальства, до сихъ поръ считающаго своимъ долгомъ отражать идеи и вкусы господствующаго класса и поэтому бдительно слѣдящаго за тѣмъ, какъ бы учитель не явился распространителемъ взглядовъ, не нравящихся буржуазіи? Какъ видите, французской демократіи придется сдѣлать еще немало шаговъ, чтобы одухотворить свѣтское народное образованіе тѣмъ пріобрѣтеніемъ современной свободной мысли, о которомъ говорилъ еще въ 1895 г. въ палатѣ депутатовъ Жорэсъ:

«Что слѣдуетъ охранять прежде всего, что представляетъ собою неоцѣненное благо, пріобрѣтенное человѣкомъ среди всѣхъ предразсудковъ, всѣхъ страданій и всевозможной борьбы, такъ это идея, что нѣтъ какой-то священной истины, т. е. воспрещенной полноправному изслѣдованію человѣка; это—идея, что самая великая вещь въ мірѣ есть верховная свобода ума; это—идея, что никакая внутренняя или внѣшняя сила, никакая власть и никакая догма не должны ограничивать безпрестанныя усилія и вѣчную пытливость разума человѣческаго; это—идея, что человѣчество во вселенной представляетъ собою какъ бы великую коммиссію изслѣдованія, дѣйствія которой не должны стѣсняться или искажаться никакимъ правительственнымъ вмѣшательствомъ, никакой небесной или земной интригой; это—идея, что всякая истина, которая не исходитъ отъ насъ самихъ, есть ложь» *).

Но если читатель сообразитъ, какая тѣсная зависимость существуетъ между политической борьбой и судьбою народной школы, и какъ вся наша статья является подтвержденіемъ этого положенія, то онъ вмѣстѣ съ нами скажетъ: самое вѣрное средство провести свои идеалы въ школѣ состоитъ въ томъ, чтобы прежде

(составляетъ XII тетрадь второй серіи журнальчика „Cahiers de la quinzaine“).

*) Jean Jaures, *Action socialiste*; Парижъ, 1899, стр. 279.

всего провести ихъ въ жизни и восторжествовать во имя этихъ идеаловъ въ политической борьбѣ. Новая Франція не прежде воплотитъ свои стремленія въ душѣ подростающаго поколѣнія, чѣмъ осуществитъ ихъ среди взрослыхъ людей и полноправныхъ граждан. Уповать же вмѣстѣ съ записными педагогами на моральное воздѣйствіе самой школы, значитъ ставить плугъ передъ лошадью.

Для русскаго читателя этотъ выводъ имѣетъ самое рѣшительное значеніе, ибо наша родина переживаетъ въ данный моментъ періодъ великой исторической борьбы противъ самодержавія. И было бы наивно убаюкивать себя надеждами провести существенныя реформы въ дѣлѣ народнаго образованія прежде, чѣмъ единоличная власть не уступитъ окончательно мѣсто волѣ народа.

Н. Е. Кудринъ.

Очерки быта и нуждъ желѣзнодорожныхъ служащихъ.

„Прямо дороженька: насыпи узкія,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокамъ-то все косточки русскія.
Сколько ихъ! Ванечка, знаешь ли ты?“

Въ наше время желѣзнодорожные пути являются предметомъ жизненной необходимости Теперь даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ трудно встрѣтить человѣка, который бы не ѣздилъ по желѣзной дорогѣ. Но ѣздить по желѣзной дорогѣ еще не значитъ знать ее. Въ дѣйствительности даже интеллигентный людъ мало знаетъ о томъ, какъ живетъ и работаетъ желѣзнодорожникъ.

Думали ли вы, читатель, когда-нибудь о томъ, какъ много физическихъ усилій и нравственной энергіи тратится отдѣльными желѣзнодорожными работниками разныхъ спеціальностей въ то время, когда, мѣрно и плавно покачиваясь на пульмановскихъ рессорахъ, вы проѣзжаете по желѣзнодорожному пути, едва замѣчая чрезъ стекла вагона тѣхъ неизвѣстныхъ труженниковъ, благодаря работѣ и напряженному вниманію которыхъ вы переноситесь изъ одного пункта въ другой.

Знаете ли вы, какъ трудно работать зимой во время метели, защищая путь отъ заноса снѣгомъ?

Стынутъ руки, коченѣетъ мысль, милліарды неудержимыхъ кристалликовъ забиваютъ носъ, глаза, не даютъ дышать, порывы

вѣтра чуть не сбиваютъ съ ногъ, но тутъ-то и нужно быть въ полѣ, нужно работать, чтобы не образовался заносъ, чтобы не застрялъ въ снѣгу поѣздъ! Вѣтеръ, ни на одну секунду не прекращаясь, вырываетъ изъ рукъ полузамерзшихъ людей щиты, которыми хотятъ остановить все новыя и новыя волны снѣга; вы видите, вы чувствуете свою полную безпомощность предъ этою непреодолимою силою, и вы всетаки должны быть на мѣстѣ, должны бороться.

Но однѣ ли метели задаютъ тяжелую работу желѣзнодорожникамъ?

Съ первыми весенними днями, таяніе снѣга и проходъ весеннихъ водъ грозятъ еще большими бѣдами—размывами, разрушеніемъ желѣзнодожнаго полотна. Надзоръ долженъ быть еще тщательнѣе, работа для предупрежденія могущаго быть несчастья должна вестись еще болѣе спѣшно и не можетъ останавливаться ни на одну минуту ни днемъ, ни ночью.

Когда еще въ тѣни лѣсовъ, глубокихъ овраговъ и въ мѣстахъ большихъ наметовъ лежитъ глубокій снѣгъ, когда въ открытыхъ мѣстахъ даже на припекѣ земля еще не успѣла оттаять и вѣянье весны чувствуется только днемъ, а масса водъ уже несется со всѣхъ сторонъ въ низины, наполняя всю окрестность встревоженнымъ гуломъ и хаосомъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ—тогда-то, въ эти дни пробужденія природы, сильнѣе всего приходится бороться человѣку, направлять эти воды, ограничивать, вводить ихъ въ рамки кюветовъ и искуственныхъ руселъ.

Это наступаетъ пропускъ, проходъ «весеннихъ водъ». Страдная, рабочая пора, самая опасная въ жизни желѣзнодорожнаго полотна.

Что можетъ быть стихійнѣе, неудержимѣе могучаго потока водъ? Измѣнчивыя, какъ настроенія, капризныя, какъ желанія, онѣ часто обманываютъ самую тонкую предусмотрительность.

Случалось ли вамъ видѣть, какъ иногда потокъ воды, кусокъ за кускомъ, глыба за глыбой подмываетъ и разрушаетъ насыпь, какъ уносятся мутнымъ потокомъ, какъ легкія пушинки, мѣшки, наполненные глиною и бросаемые въ мѣстахъ наибольшаго прибоя водъ для огражденія насыпи отъ размыва?

Только постоянныя и непрерывныя усилія съ трудомъ удерживаютъ и регулируютъ теченіе водъ.

Такихъ моментовъ напряженной работы не мало бываетъ въ жизни желѣзнодорожниковъ. Но главная тяжесть желѣзнодорожнаго труда заключается всетаки не въ этихъ, болѣе или менѣе исключительныхъ моментахъ, а въ тѣхъ обыденныхъ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ вся жизнь работниковъ желѣзной дороги. Объ этихъ-то обыденныхъ условіяхъ я и хотѣлъ бы побесѣдовать съ читателемъ.

Начнемъ съ линейныхъ рабочихъ.

I.

Продолжительность службы артелей ремонтныхъ рабочихъ въ настоящее время не регламентирована. Въ дѣйствительности она весьма разнообразна въ зависимости отъ времени года, установившихся мѣстныхъ обычаевъ или соглашеній съ нанимаемыми рабочими: время отъ начала до конца работы колеблется въ предѣлахъ отъ $8^1/_2$ часовъ до $17^1/_2$ час. въ день, изъ которыхъ отъ 1 до $3^1/_2$ час. отдыха на завтракъ и обѣдъ, слѣдовательно, продолжительность самой работы колеблется отъ $7^1/_2$ до 14 часовъ въ день. Время, употребляемое рабочими на выходъ изъ казармы на мѣсто работъ и возвращеніе въ казармы, включается во время дѣйствія работы. Во время воскресныхъ и праздничныхъ дней половина рабочихъ пользуется правомъ отпуска, а другая половина должна оставаться въ казармѣ и выходить въ случаѣ надобности на экстренныя работы.

Нужно замѣтить, что работа линейныхъ служащихъ всегда связана съ большимъ напряженіемъ физической силы. Къ тому же, при всей своей элементарности, она требуетъ большого вниманія, и малѣйшій недосмотръ можетъ повести къ несчастью. Когда же мускулы утомлены, автоматическая и, благодаря этому, сравнительно легкая работа должна перейти въ работу сознательную, работнику приходится слѣдить за каждымъ своимъ движеніемъ, чтобы получить результатъ, ранѣе получавшійся почти автоматически. т. е. приходится напрягать свое вниманіе. Продолжительное же напряженіе вниманія въ свою очередь вызываетъ усталость. У лицъ, непривычныхъ къ умственной работѣ, напряженное вниманіе быстро истощаетъ мозговую силу.

Конечно, главной мѣрою предохраненія противъ развитія переутомленія является установленіе возможно болѣе короткаго рабочаго дня, правильнаго чередованія труда съ достаточнымъ отдыхомъ и, наконецъ, непремѣнное установленіе льготныхъ дней для полнаго отдыха.

Но желѣзнодорожные рабочіе страдаютъ не только отъ чрезмѣрной продолжительности своего рабочаго дня, а и отъ тѣхъ невозможныхъ условій, въ которыхъ они вынуждены проводить свой отдыхъ.

Проработавши цѣлый день на морозѣ, рабочіе спѣшатъ отогрѣться въ тѣсной артельной комнатѣ казармы, гдѣ, вмѣсто полагающихся по штату 8 человѣкъ, набирается душъ 20. Казарма тѣсна. Каждому хочется обсушиться и прилечь, но сдѣлать это, вслѣдствіе тѣсноты, не такъ то легко. Повѣсить мокрую, обледенѣлую одежду тоже негдѣ. У рѣдкаго рабочаго есть вторая смѣна платья.

Зимой необходимо расчищать путь и на станціяхъ—главнымъ образомъ стрѣлки; приходится брать много добавочныхъ рабочихъ. Иногда станціи лежать вдали отъ селъ. Рабочихъ приходится привозить издалека. Въ казармѣ для нихъ совсѣмъ уже нѣтъ мѣста—тогда ихъ помѣщаютъ въ наскоро выстроенныхъ баракахъ.

Эти бараки—нѣчто ужасное! Посрединѣ барака помѣщается печь для отопленія и варки пищи; здѣсь же кадка съ водою. Въ жарко натопленномъ баракѣ вонь кухни смѣшивается съ запахомъ махорки, мокрой одежды, сушащихся онучъ; получается такая атмосфера, что непривычному человѣку не выдержать и нѣсколькихъ минутъ. А рабочіе здѣсь и ѣдятъ, и спятъ. Насѣкомыхъ масса. О постельныхъ принадлежностяхъ нѣтъ и рѣчи. Рабочіе спятъ, не раздѣваясь, на голыхъ доскахъ, подложивъ подъ голову тулупъ или мѣшокъ съ провизіей.

Докторъ Трегубовъ въ своей диссертаціи говоритъ, что количество воздуха въ такихъ баракахъ, да даже и въ постоянныхъ казармахъ, около 5 куб. метр. на человѣка, но когда бываютъ снѣжные заносы, то рабочихъ набирается во много разъ больше, и тогда количество воздуха на каждаго человѣка приходится еще меньше. Тотъ же авторъ приводитъ слѣдующія цифры, указывающія количество воздуха на человѣка въ казармахъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ другихъ странъ:

въ Германіи	16 кб. метр.
» Франціи	17 » »
» казармахъ Герцога Рудольфа въ Вѣнѣ . .	36 » »

Жалованье ремонтнымъ рабочимъ колеблется у насъ отъ 12 до 18 руб. въ мѣсяцъ, въ зависимости отъ времени года и мѣстности. Вотъ цифры средняго заработка за 1900 г. въ разныхъ раіонахъ, цифры, изъ которыхъ можно видѣть, что ремонтные рабочіе обставлены хуже фабричныхъ:

С.-Петербургскій фабричный округъ	285 р.
Харьковскій	266 »
Привислянскій край	248 »
Московскій раіонъ	190 »
Московскій округъ—желѣзнодорожный рабочій . .	156 »
Средній заработокъ германскаго рабочаго	765 мар.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ самый составъ ремотныхъ рабочихъ является крайне неустойчивымъ. Есть участки, гдѣ, по словамъ инженера Кетата, число прослужившихъ не болѣе года составляетъ 90%.

На бытъ ремонтныхъ рабочихъ нужно обратить особое вниманіе, потому что они «пасынки» судьбы: даже и тѣ небольшіе зачатки культуры, какіе имѣются на желѣзныхъ дорогахъ для дру-

гихъ служащихъ, въ видѣ медицинской помощи, бань, школъ, имъ, въ силу отдаленности, почти недоступны и въ этомъ отношеніи агенты службы тяги и движенія, живущіе преимущественно на большихъ станціяхъ, поставлены въ гораздо лучшія условія.

Ремонтные рабочіе должны жить въ казармѣ, въ общемъ помѣщеніи, гдѣ съ семьею быть нельзя, «не полагается», да и мѣста нѣтъ; ремонтный рабочій во всякое время дня и ночи, если прикажутъ, долженъ идти на работу, не отговариваясь ни плохой погодой, ни усталостью. Во всѣхъ другихъ службахъ есть опредѣленныя работы, закончивъ которыя служащіе могутъ потребовать себѣ замѣстителей, сославшись на усталость; для ремонтныхъ же рабочихъ этого нѣтъ, а работать имъ приходится много: такъ, напримѣръ, на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, въ лѣтніе мѣсяцы (май, іюнь и іюль) имъ приходится работать по 13 часовъ.

Слѣдующій разрядъ линейныхъ служащихъ—это путевой сторожъ, переѣздной сторожъ и сторожиха.

Путевой сторожъ обыкновенно женатъ, при чемъ жена служитъ сторожихой, если здѣсь имѣется охраняемый переѣздъ. Всю жизнь такой сторожъ проводитъ въ ходьбѣ. Онъ имѣетъ квартиру въ видѣ будки, площадью въ 6,38 кв. с.; за вычетомъ площадки сѣней и печи, полезная площадь будки равняется 5,59 кв. саж. Сторожъ получаетъ освѣщеніе и для отопленія старыя гнилыя шпалы и имѣетъ при будкѣ клочекъ земли, который обрабатываетъ или обращаетъ въ сѣнокосъ. Жалованья сторожу полагается 12 р., женѣ сторожихѣ—3 р., за вычетомъ въ пенсіонную кассу они получаютъ 14 р. 10 к., а если нѣтъ переѣзда, то 11 р. 28 к. Если взять норму семьи изъ 4 членовъ, то считая расходъ хлѣба въ день 10 фун., при цѣнѣ хлѣба $1^1/_2$ коп. за фунтъ, получимъ, что больше трети содержанія уходитъ на одинъ хлѣбъ!

Во Франціи сторожъ получаетъ 1000 фр., сторожиха—200 фр., и кромѣ того, если у путевого сторожа болѣе двухъ дѣтей, то онъ получаетъ на каждаго изъ нихъ по 5 фр. ежемѣсячно до 16-ти-лѣтняго возраста.

Нужно прибавить, что такъ щедро оплачиваемая у насъ служба путевого сторожа сопряжена не только съ большимъ трудомъ, но и съ серьезною опасностью для жизни.

Путевые сторожа часто гибнутъ жертвой своего долга. Когда глубокой зимой, во время вьюги, сторожъ послѣ обхода своего участка возвращается домой,—часто на него налетаетъ поѣздъ и давитъ его. Холодъ и снѣгъ заставляютъ его кутаться, а порывы вѣтра заглушаютъ шумъ приближающагося поѣзда. Въ лѣтописяхъ желѣзныхъ дорогъ имѣются примѣры, когда поѣздъ налеталъ въ выемкахъ во время сильной метели на цѣлую артель возвращающихся съ работъ рабочихъ и губилъ ихъ. Но, не говоря уже объ опасности для жизни благодаря несчастнымъ случаямъ, путевые сто-

рожа, какъ и ремонтные рабочіе, подвергаются вліянію многихъ условій, неблагопріятно отражающихся на ихъ здоровья. Неправильная жизнь, необходимость нести службу подъ открытымъ небомъ при всякомъ ненастьи, постоянный страхъ сдѣлаться по собственной небрежности или неосторожности причиною несчастья—всѣ эти условія могутъ мало по малу разстроить даже вполнѣ здоровый организмъ и сдѣлать человѣка неспособнымъ къ труду. Къ этому нужно еще прибавить, что желѣзныя дороги иногда проходятъ по завѣдомо нездоровымъ мѣстностямъ, откуда все, могущее бѣжать, бѣжитъ, а желѣзнодорожникамъ приходится тамъ жить и трудиться.

Сторожевые обходы обслуживаются двумя посмѣнно дежурящими путевыми сторожами, находящимися на службѣ въ среднемъ по 12 час. въ сутки. Для равномѣрнаго распредѣленія свѣтлаго и темнаго времени между двумя сторожами, казалось бы, правильнѣе всего установить время смѣны дежурствъ въ полночь и въ полдень. Но, принимая во вниманіе, что при такомъ порядкѣ оба сторожа никогда не имѣли бы полной ночи сна, обыкновенно устанавливаютъ смѣны иначе: въ 16 часовъ и 8 часовъ. При этомъ сторожъ находится на службѣ въ первыя сутки 8, а въ слѣдующія 16 часовъ—въ среднемъ 12 часовъ. Праздничными отпусками путевые сторожа не пользуются

Продолжительность службы переѣзднаго сторожа и сторожихи зависитъ отъ разряда обслуживаемаго переѣзда. Разрядъ же переѣзда зависитъ отъ интенсивности проѣзда. На переѣздахъ перваго разряда дежурятъ поочередно и безотлучно два сторожа, которые обязаны встрѣчать какъ днемъ, такъ и ночью, всѣ поѣзда. Относительно продолжительности службы, они находятся въ совершенно такихъ же условіяхъ, какъ и путевые сторожа, т. е. максимумъ службы достигаетъ 16 часовъ въ день. На переѣздахъ второго разряда, обслуживаемыхъ поочередно дежурящими сторожемъ и сторожихою, продолжительность службы каждаго 12 час. Смѣна дежурствъ установлена въ 6 час. утра и 6 час. вечера, при чемъ сторожиха, какъ болѣе слабая, дежуритъ днемъ. На переѣздахъ 3-го разряда находятся сторожъ или сторожиха, не имѣющіе смѣны. Продолжительность работы сторожа или сторожихи зависитъ какъ отъ усиленности движенія поѣздовъ, такъ и отъ оживленности ѣзды черезъ переѣздъ. Такъ какъ переѣзды 2-го и 3-го разрядовъ ночью запираются на замокъ и потому дежурный сторожъ или сторожиха имѣютъ право спать въ ночное время и обязаны лишь выходить для встрѣчи пассажирскихъ поѣздовъ и для открытія переѣзда по требованію проѣзжающихъ, то постоянное ночное дежурство одного лица, по мнѣнію желѣзнодорожной администраціи, не представляетъ затрудненія. Переѣздные сторожа и сторожихи также не пользуются никакимъ отдыхомъ и у нихъ нѣтъ свободныхъ ни праздничныхъ, ни воскресныхъ дней.

Тяжелая работа, не сопровождаемая достаточнымъ отдыхомъ, и у этого разряда желѣзнодорожныхъ служащихъ соединяется съ крайне плохою жизненной обстановкой. Какъ мы видѣли, квартирный вопросъ для сторожей разрѣшается немногимъ лучше, чѣмъ для ремонтныхъ рабочихъ. Впрочемъ, квартирный вопросъ - это больное мѣсто всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, и мы поэтому позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

II.

Идеалъ, къ которому нужно стремиться, заключается въ томъ, чтобы каждая семья имѣла свое собственное жилище, гигіенически построенное и обставленное. Чрезвычайно поучительны въ этомъ отношеніи статистическія свѣдѣнія англійскихъ рабочихъ союзовъ: собранныя ими цифры показываютъ, что съ улучшеніемъ квартирной обстановки, путемъ постройки новыхъ домовъ для рабочихъ съ гигіенически обставленными квартирами, сейчасъ же понижается процентъ преступности, смертности, заболѣваемости, и, наоборотъ, достатокъ увеличивается.

Оно и понятно! Вонючая, переполненная народомъ комната не располагаетъ человѣка къ домовитости, не развиваетъ въ немъ семейныхъ добродѣтелей; чувство внутренняго спокойствія, удовлетворенности жизнью не извѣстны обитателямъ мрачныхъ трущобъ; неуютность помѣщенія вызываетъ у нихъ мрачное настроеніе духа, недовольство жизнью и гонитъ въ кабакъ, гдѣ они хоть временно находятъ забвенье. Конечно, такое отсутствіе домашней жизни, вѣчное времяпрепровожденіе на сторонѣ деморализуетъ работника, дѣлаетъ его мало способнымъ къ бережливости и неаккуратнымъ въ исполненіи своихъ обязаноостей.

«Въ жилищѣ,—говоритъ докторъ Кедровъ—подъ домашнимъ кровомъ складывается внутреннее счастье человѣка. Здѣсь развертываются первые зародыши нравственности. Здѣсь заботятся о начаткахъ общаго образованія; здѣсь, въ нѣдрахъ семьи, благодаря ея воспитательному вліянію, закладываются основы личнаго характера; здѣсь ребенокъ, среди веселья, игръ, становится участникомъ радостей жизни, отецъ семейства ищетъ и находитъ покой и отдыхъ послѣ окончанія трудовъ, больной получаетъ уходъ, старый и слабый пользуются услугами другихъ членовъ семьи. Большую половину жизни мы проводимъ дома, съ нимъ срастаются воспоминанья о прожитыхъ дняхъ, здѣсь бьетъ родникъ нашего семейнаго счастья. Такимъ для насъ является домъ».

На Западѣ давно уже стараются урегулировать вопросъ о жилищахъ всѣхъ вообще рабочихъ.

Въ Англіи, Франціи, Бельгіи существуетъ законодательство о жилищахъ, ограждающее интересы рабочаго класса, но даже и это законодательство нельзя считать удовлетворительнымъ.

Въ Англіи существуетъ право экспропріаціи для уничтоженія нездоровыхъ жилыхъ помѣщеній. Въ Германіи стремятся даже ввести уголовное наказаніе за эксплуатацію жилищной нужды путемъ вынужденія чрезмѣрно высокой наемной платы или другихъ тяжелыхъ условій (квартирное ростовщичество). У насъ же нѣтъ еще не только этихъ законовъ о «непереполненіи» жилищъ, но нѣтъ даже закона о размѣщеніи разстояній между жилищами, вызываемомъ не пожарными, а чисто санитарными соображеніями. Кому не приходилось наблюдать такой картины: у вновь построенной станціи желѣзной дороги быстро возникаетъ поселокъ. Владѣльцы земли, прилегающей къ станціи, сильно подымаютъ цѣнность земли, такъ что желѣзнодорожной мелкотѣ, строющей свои домики, или предпринимателямъ, строющимъ домики для наживы, что чаще бываетъ, приходится сильно тѣсниться—домики лѣпятся другъ къ дружкѣ, населены они чрезвычайно тѣсно. Помойныхъ ямъ нѣтъ. Отхожія мѣста особаго типа—въ строительномъ искусствѣ неизвѣстнаго. Все это быстро загрязняетъ окружающую почву; по своимъ санитарнымъ условіямъ поселокъ скоро оказывается хуже даже окружающихъ деревень и представляетъ чрезвычайно благодарную почву для всякихъ заразныхъ болѣзней.

По какимъ-то правиламъ, которыя должны быть названы скорѣе «недоразумѣніемъ», только 30% отъ общаго числа желѣзнодорожниковъ (не считая ремонтныхъ рабочихъ—помѣщающихся въ казармахъ) имѣютъ право на казенную квартиру. Фактически же, за неимѣніемъ достаточнаго количества жилыхъ домовъ, пользуются казенными квартирами едва 20%, остальные получаютъ квартирныя деньги.

Такъ, на первомъ съѣздѣ начальниковъ и управляющихъ дорогъ русскихъ ж. д. въ 1900 году, по справкѣ, представленной Николаевской желѣзной дорогой, оказалось, что изъ числа 2500 лицъ паровознаго персонала, имѣющихъ по положенію право на квартиру, въ дѣйствительности таковою пользовались только 311, что составляетъ около 12%.

Казна ежегодно уплачиваетъ больше трехъ милліоновъ рублей желѣзнодорожнымъ служащимъ, имѣющимъ по положенію право на казенную квартиру.

На нѣкоторыхъ сибирскихъ дорогахъ квартирный вопросъ, благодаря прямо отсутствію жилья, особенно обострился и тамъ, положеніемъ отъ 31 января 1903 года. сдѣланы попытки частнаго домостроительства служащихъ съ отпускомъ на этотъ предметъ пособія отъ казны въ размѣрѣ 500 тысячъ рублей.

Нѣкоторыя дороги старались урегулировать квартирный вопросъ

желѣзнодорожныхъ служащихъ путемъ отвода земельныхъ участковъ, пріобрѣтенныхъ дорогою, и постройкою домовъ, предоставляемыхъ въ пользованіе съ долгосрочнымъ погашеніемъ расходовъ.

Такой способъ не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не будутъ устранены элементы неустойчивости службы. Служащіе не могутъ рѣшиться затратить свои скудныя сбереженія на пріобрѣтеніе недвижимости, когда каждый день ихъ можетъ ждать, если не увольненіе, то перемѣщеніе «для пользы службы».

На XI съѣздѣ представителей службы движенія, въ Москвѣ, въ 1899 году, обсуждалась идея инженера Островскаго о цѣлесообразности утилизировать пенсіонный капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ для постройки зданій съ квартирами и отдачи ихъ рабочимъ и служащимъ по такой цѣнѣ, чтобы затраченный капиталъ принесъ чистаго дохода 5%. Эта идея встрѣтила общее сочувствіе и нѣкоторыя попытки въ этомъ отношеніи сдѣланы.

Такъ, Юго-Западныя дороги ходатайствовали о позаимствованіи изъ пенсіонныхъ суммъ 2-хъ милліоновъ рублей, съ предложеніемъ уплачивать пенсіонной кассѣ 5% годовыхъ съ погашеніемъ капитальнаго долга въ 41 годъ. Небольшія колоніи возникли на различныхъ дорогахъ: въ Люботинѣ Харьково-Николаевской ж. д., Конотопѣ Московско-Кіево-Воронежской ж. д., Александровскѣ Курско-Харьково-Севастопольской ж. д., гдѣ, напримѣръ, плата за квартиру изъ 2 комнатъ, въ мѣсяцъ, безъ отопленія, 4 рубля.

Въ общемъ, однако, дѣло это почти не двигается и нужно желать дальнѣйшаго и болѣе серьезнаго его развитія.

Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ существуетъ такая масса всякихъ случайностей и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, что никакія самыя точныя и обширныя инструкціи и указанія не могутъ ихъ предусмотрѣть и урегулировать. А между тѣмъ, иногда эти «непредвидѣнныя» обстоятельства вліяютъ прямо на безопасность движенія и лучшая мѣра для устраненія опасности отъ нихъ—это знающій, распорядительный, не переутомленный непосильной работой служебный персоналъ. Но такой персоналъ можетъ выработаться только тамъ, гдѣ существуютъ хотя бы элементарныя человѣческія условія существованія въ видѣ удобныхъ, хорошихъ квартиръ.

Государство больше всѣхъ заинтересовано въ правильномъ и безопасномъ сообщеніи, а потому оно и должно взять на себя починъ урегулированія квартирнаго вопроса желѣзнодорожныхъ служащихъ законодательнымъ путемъ.

Тѣснота нынѣ отводимыхъ желѣзнодорожнымъ служащимъ квартиръ фактически лишаетъ служащихъ отдыха, что не можетъ не отзываться на ихъ здоровьи, на нервности, а, значитъ, и отчетливости въ работѣ.

Квартиру въ двѣ комнаты и кухню получаютъ уже отвѣтственные агенты, какъ дорожный мастеръ, помощникъ начальника станціи и т. д. Такіе агенты по большей части люди семейные, имѣющіе дѣтей. Какой же возможенъ отдыхъ для продежурившаго всю ночь агента, когда за тоненькой, деревянной перегородкой плачутъ или дерутся ребятишки!

Гдѣ можно найти въ такой квартирѣ уголокъ, чтобы можно было бы почитать, заняться своимъ образованіемъ или изученіемъ своей спеціальности?

Или же этого не нужно? Существуютъ инструкціи, а служащіе должны изображать изъ себя живыя машины, исполняющія опредѣленныя функціи и только? Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ ли стремиться къ духовному усовершенствованію служащихъ, способствовать развитію въ нихъ болѣе сознательнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу? Или лучше оставаться при прежней системѣ тупой, безсознательной исполнительности?

Возьмемъ хотя бы такого агента, какъ дорожный мастеръ. Онъ является отвѣтственнымъ лицомъ и заправилой цѣлаго околотка въ 12 верстъ. Надо имѣть большую выдержку, чтобы изо дня въ день все исправлять точки за точками и неустанно контролировать трудъ рабочихъ. Кончивши дневную работу, мастеру нужно спѣшить домой составить дневной рапортъ для отправки въ контору: нужно прочитать присланныя распоряженія и циркуляры отъ начальства; нужно записать въ книги матеріалъ, полученный за день на околоткѣ, выдать артельнымъ старостамъ путевыя скрѣпленія, кой-что изъ матеріала для мелкаго ремонта, да нужно не забыть это сейчасъ же отмѣтить у себя въ книгѣ, а то послѣ, при составленіи мѣсячнаго матеріальнаго отчета, контора участка можетъ замѣтить неточность и сдѣлаетъ исторію. Все это послѣ цѣлаго дня на ногахъ, а на завтра то же. Да хорошо еще, если все идетъ гладко, а бываютъ вѣдь и шероховатости. То ливень прошелъ сильный, нужно сейчасъ же бѣжать на околотокъ, не смотря на то—день или ночь, нужно осмотрѣть опасныя мѣста, не размыто ли что-нибудь, нѣтъ ли опасности для движенія поѣзда; то пожаръ по недосмотру случился,—нужно составлять актъ и донесеніе; то на пути нашли прохожаго, задавленнаго поѣздомъ,—опять лишніе хлопоты. Мало ли бываетъ такихъ инцидентовъ въ жизни дорожнаго мастера. И человѣкъ, несущій такую работу, долженъ помѣщаться съ семьей въ тѣсной квартирѣ, не имѣя, благодаря этому, возможности хорошо отдохнуть даже въ свободные часы.

Нельзя, конечно, требовать, чтобы при постройкѣ желѣзной дороги было выстроено такое количество жилыхъ домовъ, въ какомъ могъ бы помѣститься весь тотъ персоналъ, который потребуется, когда дорога разовьется, когда движеніе усилится и, значитъ, потребуется больше людей. Это значительно увеличило

бы стоимость постройки. Но можно и должно требовать, чтобы существующія нормы квартирнаго довольствія были пересмотрены въ соотвѣтствіи съ указаніями врачей и современными требованіями санитарной гигіены. Законодательномъ порядкомъ должно быть установлено какъ для казенныхъ, такъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы по мѣрѣ развитія движенія на дорогѣ, ранѣе введенія каждой пары поѣздовъ въ графикъ движенія, строились жилые дома для тѣхъ служащихъ, которые вслѣдствіе этого увеличенія движенія будутъ вновь приняты на службу.

Необходимо также, чтобы на всѣхъ станціяхъ имѣлись дежурныя комнаты, гдѣ могли бы отдохнуть агенты, не имѣющіе квартиръ на станціи и не желающіе идти домой по случаю ненастной погоды. Онѣ необходимы также для агентовъ временно командируемыхъ, для замѣщенія больныхъ или находящихся въ отпуску. Такъ какъ такимъ агентамъ некуда приткнуться, то они обыкновенно занимаютъ дамскія комнаты, на которыхъ вывѣшиваютъ объявленіе: «ремонтируется».

Трудно сказать, какъ вылились въ опредѣленную форму тѣ нормы, которыя приняты нынѣ на различныхъ дорогахъ; одно только можно совершенно безаппеляціонно утверждать, что онѣ малы.

Обыкновенно норма эта опредѣляетъ число квадратныхъ саженей квартиры, отводимой данному агенту, какъ число сотенъ рублей его готоваго жалованья + 3 кв. саж., т. е. площадь = жалованье: 100 + 3.

На казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ еще въ 1891 году были выработаны нормы, устанавливавшія, кто именно изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и какую квартиру долженъ получать, а если, за отсутствіемъ помѣщеній, невозможенъ отводъ квартиры въ натурѣ, то сколько нужно уплачивать квартирныхъ денегъ. Затѣмъ въ томъ же году бывшимъ временнымъ управленіемъ казенныхъ дорогъ были выработаны и узаконены нормы квартирнаго довольствія, исходя изъ слѣдующихъ положеній: 1) были приняты во вниманіе данныя о размѣрѣ получавшихся квартирныхъ денегъ служащими; 2) были собраны свѣдѣнія о площадяхъ, фактически занимавшихся въ то время служащими на казенныхъ: Тамбово-Саратовской, Ромны-Кременчугской, Сызрано-Вяземской, Харьково-Николаевской ж. д., и 3) былъ установленъ минимумъ площади жилого помѣщенія въ $3^1/_2$ кв. саж.

Эти-то теперь уже совершенно устарѣвшія нормы, при томъ скорѣе случайныя, чѣмъ выработанныя на основаніи требованій гигіены, и принимаются во вниманіе при разрѣшеніи вопросовъ о квартирномъ довольствіи служащихъ; эти же данныя служатъ руководящей нитью при установленіи количества жилыхъ домовъ на вновь строящихся желѣзныхъ дорогахъ, хотя и здѣсь существуютъ значительныя колебанія; такъ, напримѣръ, на Петербурго-

Вологодской, Бологое-Полоцкой и Полоцкъ-Сѣдлецкой желѣзныхъ дорогахъ для постройки домовъ принимается 10 кв. саж. на версту; на Оренбурго-Ташкентской —8,8 кв. саж. на версту, на Кіево-Ковельской—8,5 кв. саж., на второй Екатерининской—12 кв. саж. на версту.

Даже на лучше построенныхъ дорогахъ, въ смыслѣ оборудованія жилыми помѣщеніями служащихъ, дѣло обстоитъ такъ: при постройкѣ выясняется нормальный штатъ служащихъ, необходимыхъ для эксплуатаціи, и на этомъ основаніи составляются предположенія о нужномъ количествѣ жилыхъ домовъ. Однако, сейчасъ же послѣ открытія линіи для правильной эксплуатаціи размѣръ движенія превосходитъ ожиданія, вслѣдствіе чего площадь жилыхъ домовъ оказывается недостаточною; такъ было на Сибирскихъ дорогахъ, такъ было на Тифлисъ-Карсской ж. д., да и на другихъ.

Еще въ 1896 году XIII съѣзду инженеровъ службы пути были доложены нормы площадей квартиръ большинства русскихъ дорогъ; съѣздъ призналъ существующія для низшихъ служащихъ нормы помѣщеній недостаточными и пришелъ къ заключенію о безусловной необходимости увеличить эти нормы, чтобы улучшить хоть до нѣкоторой степени санитарныя условія служащихъ и дать имъ возможность пользоваться отдыхомъ послѣ работы или дежурства и въ такое время, когда семья ихъ бодрствуетъ. Независимо отъ увеличенія самой площади квартиръ, съѣздъ призналъ, что каждому семейному служащему должны отводиться и хозяйственныя помѣщенія: сарайчикъ, погребъ и коровникъ.

Затѣмъ въ 1900 году на съѣздѣ начальниковъ дорогъ также высказывались пожеланія о необходимости увеличить площади квартиръ.

Въ § 69 утвержденныхъ министромъ путей сообщенія въ 1900 году «Техническихъ условій постройки желѣзныхъ дорогъ», сказано: «Общая площадь всѣхъ жилыхъ помѣщеній на станціяхъ должна *соотвѣтствовать штатамъ служащихъ и нормамъ* (?), установленнымъ министерствомъ путей сообщенія, но во всякомъ случаѣ, площадь эта должна составлять не менѣе 6 кв. саж. на версту протяженія дороги, не включая дежурныхъ комнатъ для паровозныхъ и поѣздныхъ бригадъ, бань, больницъ и путевыхъ построекъ».

Инженеръ Уманскій въ своей статьѣ «Квартирный вопросъ на желѣзныхъ дорогахъ» полагаетъ, что въ среднемъ на версту дороги, не считая помѣщенія для дежурныхъ паровозныхъ и поѣздныхъ бригадъ и т. д., нужно $8^1/_2$ кв. саж.

По моимъ же самымъ умѣреннымъ подсчетамъ нужно на версту дороги, не считая различныхъ дежурныхъ помѣщеній, 15 кв. саж.

По § 24 Приложеній къ техническимъ условіямъ постройки желѣзныхъ дорогъ, сказано: «Внутренняя высота жилыхъ помѣще-

ній, а равно и помѣщеній, назначенныхъ для временнаго пребыванія паровозныхъ и кондукторскихъ бригадъ, должна быть не менѣе 1.50 саж., при чемъ въ артельныхъ помѣщеніяхъ должно приходиться не менѣе 2 куб. саж. воздуха на человѣка».

Какъ туго, однако, входятъ въ дѣйствительную жизнь всѣ эти пожеланія, можно видѣть, напримѣръ, изъ тѣхъ заявленій, которыя были сдѣланы служащими Московско-Казанской желѣзной дороги въ ихъ петиціяхъ управляющему дорогой въ 1905 году. Такъ, напримѣръ, ремонтные рабочіе просили: чтобы помѣщеніе для спанья въ казармѣ соотвѣтствовало числу рабочихъ, чтобы при казармѣ было устроено особое помѣщеніе для стряпухи, кладовая для провизіи и сушилка для сушки платья и обуви. Остальные служащіе, имѣющіе квартиры, просили дать имъ службы въ размѣрѣ маленькаго отдѣленія въ сараѣ и половины отдѣленія погреба для возможности сохраненія провизіи.

Д-ръ Губовичъ въ своемъ докладѣ II съѣзду желѣзнодорожныхъ врачей, «Объ опредѣленіи съ санитарной точки зрѣнія нормъ квартирнаго довольствія», устанавливаетъ минимальную норму квартирной площади въ 2 кв. саж. для холостого и 8 кв. саж. для семейнаго, въ зависимости отъ физіологическихъ потребностей человѣка: его дыханія, кожныхъ выдѣленій, необходимости хотя бы умѣренныхъ движеній, и считаетъ, что эти площади должны быть прдоставлены служащимъ независимо отъ оклада жалованья—самому низшему классу нынѣ существующихъ нормъ квартирнаго довольствія.

«Для служащихъ другихъ классовъ, т. е. получающихъ большіе оклады и занимающихъ высшія должности, - говоритъ онъ,— вышеприведенныя нормы какъ для холостыхъ, такъ и для семейныхъ, должны быть увеличены. Руководствоваться при этомъ одной цифрой жалованья нельзя, но надо принимать во вниманіе также и жизненныя потребности служащаго, зависящія отъ его служебнаго и соціальнаго положенія».

Какъ далеко опережаютъ жизнь даже эти, сравнительно очень скромныя, требованія, могутъ показать хотя бы слѣдующія выписки изъ нормъ квартирнаго довольствія Московско-Казанской ж. д., утвержденныхъ 28 декабря 1902 года:

По Службѣ Движенія:

Начальникъ станціи	15	кв. саж.
Помощникъ начальника станціи	12	» »
Вѣсовщикъ	6	» »
Составитель	5	» »
Сцѣпщикъ вагоновъ	4	» »
Стрѣлочникъ	4	» »
Семафорщикъ	4	» »

По Службѣ Тяги:

Начальникъ оборотнаго депо	20	кв. саж.
Помощникъ начальника депо	15	» »
Табельщикъ мастерскихъ и депо	8	» »
Машинистъ водокачки	6	» »
Кочегаръ при постоянной машинѣ	4	» »

По Матеріальной Службѣ:

Смотритель склада	8	кв. саж.
Дровоклады (артельное помѣщеніе)	6	» »
Сторожъ	4	» »

Удобство, гигіеничность и помѣстительность жилищъ характеризуется: а) количествомъ содержащейся въ воздухѣ углекислоты и б) объемомъ воздуха, приходящагося на одного человѣка. Количество CO_2, конечно, не извѣстно, что же касается количества воздуха, то для яснаго представленія приведемъ цифры безъ всякихъ комментаріевъ:

На 20-й верстѣ Инза-Симбирской линіи Московско-Казанской желѣзной дороги въ казармѣ живутъ:

1) *дорожный мастеръ*, составъ семьи—7 человѣкъ, площадь квартиры—7,60 кв. саж., куб. содерж.—10,67 куб. саж.;

2) *артельный староста*, составъ семьи — 5 душъ, площадь квартиры—3,77 кв. саж., куб. содерж.—5,28 куб. саж.;

3) *переѣздная сторожиха и артель рабочихъ.* Артельное помѣщеніе вмѣстѣ съ кухней—8 кв. саж. Составъ живущихъ: семья сторожихи—4 души, штатныхъ рабочихъ—3 человѣка, поденныхъ, живущихъ здѣсь же, такъ какъ ближайшее село въ 8 вер. отъ линіи,—5 человѣкъ, итого 12 душъ.

На 53-й верстѣ отъ Москвы въ казармѣ № 14 на одного человѣка приходится 0,36 куб. саж. воздуха.

По справедливости можно сказать, что это слишкомъ мало воз духа, чтобы жить, хотя слишкомъ много, чтобы умереть.

III.

Увеличеніе площадей квартиръ, какъ одна изъ мѣръ улучшенія положенія желѣзнодорожниковъ, должно сопровождаться одновременно и общимъ улучшеніемъ санитарнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ.

Желѣзныя дороги особенно нуждаются въ тщательномъ надзорѣ и исполненіи санитарныхъ требованій, ибо онѣ, являясь орудіемъ быстраго перемѣщенія массъ людей и товаровъ изъ одного пункта въ другой, могутъ служить орудіемъ быстраго распространенія всякихъ инфекціонныхъ болѣзней.

Въ Германіи, въ Англіи и во Франціи, существуютъ законодательныя постановленія о соблюденіи санитарно-гигіеническихъ требованій и постановленія эти не остаются мертвой буквой закона, а строго и систематически проводятся въ жизнь.

Существующая же у насъ постановка врачебнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ не выдерживаетъ никакой критики. Она не только не дѣйствительна, безъ принятія экстренныхъ мѣръ въ трудные моменты появленія грозныхъ эпидемій, но существованіе ея, можно сказать, не оказываетъ почти никакого вліянія на улучшеніе санитарныхъ условій быта служащихъ.

Я впередъ спѣшу оговориться, что дѣло не въ личностяхъ желѣзнодорожныхъ врачей, а исключительно въ невозможной постановкѣ врачебнаго дѣла на желѣзныхъ дорогахъ. На неправильность этой постановки указывали и указываютъ сами врачи.

На I совѣщательномъ съѣздѣ желѣзнодорожныхъ врачей въ 1898 году д-ромъ Леви былъ сдѣланъ докладъ: «О служебномъ положеніи врачебнаго персонала на желѣзныхъ дорогахъ». «Нужно сознаться, говорилъ въ этомъ докладѣ д-ръ Леви, что руководящимъ желѣзнодорожнымъ сферамъ задачи врачебной службы чужды, малоинтересны—имъ нуженъ инженеръ, техникъ, но не врачъ». Для людей, разсматривающихъ и рѣшающихъ всѣ вопросы съ точки зрѣнія вліянія его на дивидендъ акцій, иначе и быть не можетъ: на рынкѣ труда предлагающихъ свои руки и трудъ живыхъ машинъ такъ много, что ими всегда можно замѣнить людей, искалѣченныхъ и разбитыхъ службою при невозможныхъ санитарныхъ условіяхъ, ибо голодъ заставляетъ рабочаго соглашаться на всякія условія, заставляетъ подписывать какіе угодно договоры. У капиталиста, говоритъ Шиппель, отсутствуетъ даже то матеріальное побужденіе, которое имѣется у рабовладѣльца заботиться о заболѣвшемъ рабочемъ: онъ просто его увольняетъ и замѣняетъ другимъ.

«До чего доходитъ препебреженіе къ этой службѣ, можно видѣть изъ того, что во врачебныя учрежденія дороги начальство заглядываетъ рѣдко, еще рѣже заглядываетъ въ годичные отчеты старшихъ врачей, такъ что на частныхъ дорогахъ можно смѣло и не трудиться составлять ихъ, не рискуя быть въ отвѣтѣ за такое упущеніе по службѣ».

«При существующемъ строѣ наиболѣе желательными и терпимыми врачами, имѣющими всѣ шансы на долголѣтнюю службу, считаются тѣ, которые не очень усердствуютъ, закрываютъ глаза на самыя вопіющія санитарныя нужды служащихъ, не требовательны и всю свою энергію тратятъ на выполненіе служебныхъ обязанностей, съ особыми расходами для дорогъ не сопряженныхъ. Вопросы же санитаріи и общественной гигіены, играющіе въ дѣлѣ здравохраненія неизмѣримо болѣе важную роль—почти не затрагиваются, да ихъ и трогать не полагается. На частныхъ дорогахъ

мнѣніе старшихъ врачей по врачебно-санитарнымъ вопросамъ иногда спрашивается, даже выслушивается, но оно ни для кого не обязательно и подчасъ вопросы санитарные разрѣшаются даже вопреки указаніямъ старшихъ врачей».

Эти положенія не являются лишь выраженіемъ единичнаго мнѣнія. Профессоръ Эрисманъ въ своемъ курсѣ «Профессіональной гигіены» говоритъ:

«Правительство, наполнявшее въ теченіе многихъ лѣтъ карманы желѣзнодорожныхъ акціонеровъ своими деньгами, начинаетъ серьезно думать о томъ, чтобы выкупить всѣ частныя дороги. Эксплуатація желѣзныхъ дорогъ государствомъ даетъ больше гарантій для здоровья и жизни какъ служащихъ, такъ и публики, потому что въ этомъ случаѣ легче устроить дѣйствительный санитарный контроль надъ всѣмъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, чѣмъ при эксплуатаціи его частными лицами. И частныя желѣзнодорожныя правленія имѣютъ своихъ врачей, на которыхъ возложена обязанность надзора за санитарнымъ благомъ служащихъ и рабочихъ, но санитарная дѣятельность такихъ врачей, по понятнымъ причинамъ, крайне недостаточна; врачъ, получающій жалованье отъ правленія, конечно, старается не подавать отчетовъ, бросающихъ невыгодный свѣтъ на заботливость этого правленія о своихъ служащихъ, а также не предлагаетъ и не проводитъ мѣръ, на которыя правленіе посмотрѣло бы косо. Однимъ словомъ, эти врачи, по самому своему положенію, могутъ быть только креатурами правленія и санитарная дѣятельность ихъ равна нулю или простирается лишь настолько, насколько это допускаетъ правленіе».

Изъ сказаннаго совершенно логически вытекаетъ, что не только на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, но и на казенныхъ, долженъ существовать организованный правительствомъ санитарный контроль, вполнѣ независимый отъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ правленій и управленій.

На Западѣ эти идеи давно уже были предметомъ многочисленныхъ и разносторонниxъ обсужденій и одинъ изъ международныхъ медицинскихъ конгрессовъ, во Флоренціи, по предложенію д-ра Тисса, принялъ слѣдующую резолюцію: «Принимая во вниманіе, что желѣзныя дороги суть общественныя учрежденія, на которыхъ жизнь и здоровье множества людей можетъ подвергаться опасностямъ, и что при постройкѣ ихъ могутъ пострадать гигіеническія условія мѣстностей, въ которыхъ онѣ пролегаютъ,— объявляется, что желѣзныя дороги должны быть подвѣдомственны высшему санитарному учрежденію каждой данной страны и только въ томъ случаѣ могутъ начинать свою дѣятельность, если ихъ уставы и устройство будутъ одобрены этимъ учрежденіемъ».

Въ жизни русскихъ желѣзныхъ дорогъ не трудно указать факты, подтверждающіе это положеніе.

Д-ръ Бобриковъ сообщаетъ, что ему извѣстенъ фактъ, когда

партія построечныхъ рабочихъ человѣкъ до 200 разошлась, благодаря появленію среди нея эпидеміи брюшного тифа, при чемъ пострадало сильно мѣстное населеніе, среди котораго также развилась означенная эпидемія; произошло же это, по его мнѣнію, единственно вслѣдствіе отсутствія правильной организаціи медицинско-санитарнаго надзора.

У станціи Сортировочной Московско-Казанской желѣзной дороги расположены свалки городскихъ нечистотъ. Атмосфера такая убійственная, что даже, когда проѣзжаешь мимо въ вагонѣ, тамъ приходится задерживать дыханіе,—а цѣлая масса людей, по условіямъ своей службы, должна здѣсь жить и работать.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно. Но, и помимо нихъ, трудно было бы не согласиться съ тѣмъ, что желѣзнодорожные служащіе, по особенностямъ своего рода службы и необходимости постоянно быть въ напряженной работѣ, сопровождающейся часто опасностью для жизни, должны быть особенно хорошо обставлены въ смыслѣ условій работы, общихъ условій жизни и медицинской помощи. Какъ же въ дѣйствительности поставлена на желѣзныхъ дорогахъ эта медицинская помощь?

По смѣтѣ управленія желѣзныхъ дорогъ 1898 года на всю врачебную часть казенныхъ желѣзныхъ назначено было 1.484.000 рублей; такимъ образомъ, охрана здоровья каждаго человѣка, примѣрно, обходилась въ 3 р. 27 к. Число врачей—252.

Въ 1896 году учреждена врачебная организація въ отдѣльномъ корпусѣ пограничной стражи, находящейся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Въ корпусѣ числится 32,000 человѣкъ и имѣется 59 врачей, т. е. одинъ врачъ на 542 человѣка. По отчету за тотъ же годъ видно, что на врачебную часть израсходовано 272,882 руб., слѣдовательно, охрана здоровья каждаго служащаго обошлась въ 8 р. 50 к.

Любопытнѣе всего то, что въ томъ же корпусѣ имѣется 10,726 лошадей: на ветеринарную часть затрачено 52,052 руб. Такимъ образомъ, охрана здоровья каждой лошади обошлась въ 4 р. 85 к. Сравнивая эту цифру съ тѣмъ, во что обходится охрана здоровья желѣзнодорожника, мы, желѣзнодорожники, могли бы, подобно короленковскому Макару, заключить, что намъ нечего бояться попытки Великаго Тойона обратить кого-нибудь изъ насъ въ лошадь, особенно, если эта лошадь попадетъ въ корпусъ пограничной стражи.

Разсмотримъ еще нѣкоторыя цифры, характеризующія постановку нашего медицинскаго дѣла:

на	Баварскихъ жел. дор. одинъ врачъ приходится на						17	кил.
»	Итальянскихъ »	»	»	»	»	»	9	»
»	линіи Paris-Lion-Mediterranée		»		»	»	27	»
въ	Россіи	»	»	»	»	»	113	вер.

Если сосчитать число служащихъ и ихъ семействъ, то на 1 врача приходится около 5 тысячъ душъ.

Благодаря такому малому количеству врачей, у насъ въ Россіи, особенно на линіяхъ второстепеннаго значенія съ малымъ движеніемъ, нужно 15—20 часовъ, чтобы попасть къ врачу или чтобы врачъ въ очень тяжеломъ случаѣ могъ попасть къ больному.

Нашей администраціи нельзя поставить въ вину особую заботливость о рабочемъ и фабричномъ людѣ; такъ, Канель въ своихъ «Очеркахъ по рабочему вопросу» разсказываетъ, что въ 1893 году, когда въ государственномъ совѣтѣ обсуждался законопроектъ объ отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчье рабочихъ, то рѣшено было повременить съ этою справедливою мѣрою изъ боязни возбудить такимъ вмѣшательствомъ въ дѣятельность капитала «несуществующій рабочій вопросъ».

И тѣмъ не менѣе нѣкоторыя утвержденныя администраціей положенія для фабричныхъ рабочихъ являются для насъ, желѣзнодорожниковъ, до сихъ поръ безплодными мечтаніями. Такъ, напримѣръ, по закону 26 августа 1866 года, при фабрикахъ и заводахъ должны быть устроены больницы по разсчету одной койки на 100 человѣкъ рабочихъ, при чемъ врачебное пользованіе производится безплатно, независимо отъ величины заработка. Въ положеніи комитета министровъ (30 іюля 1900 г.) о принятіи мѣръ къ упорядоченію больничныхъ кассъ Царства Польскаго категорически сказано, что оказаніе рабочимъ врачебной помощи не можетъ подлежать вѣдѣнію больничныхъ кассъ. Это подтверждаетъ, что лѣченіе рабочихъ должно составлять обязанность предпринимателей. Также категорически устанавливается это и іюльскимъ закономъ 1902 года для рабочихъ рыбныхъ промысловъ.

Посмотримъ, какъ это дѣло стоитъ у насъ. По статьѣ 174-й общаго устава россійскихъ жел. дор. требуется, чтобы «для подачи медицинскаго пособія заболѣвшимъ или пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, а также желѣзнодорожнымъ служащимъ и ихъ семействамъ устраивались, согласно мѣстнымъ условіямъ, больницы и пріемные покои». Согласно §§ 29 и 31 правилъ врачебно-санитарной службы на желѣзныхъ дорогахъ, открытыхъ для общественнаго пользованія, правилъ, изданныхъ въ развитіе 174 и 175 ст. общаго устава и утвержденныхъ министромъ путей сообщенія по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на желѣзныхъ дорогахъ устраиваются свои больницы, а желѣзныя дороги, не имѣющія своихъ больницъ или имѣющія въ недостаточныхъ размѣрахъ, обязаны обезпечить на свой счетъ больничное лѣченіе лицамъ, имѣющимъ право на таковое, въ больницахъ земскихъ, городскихъ и другихъ за установленную по взаимному соглашенію съ администраціей больницы плату. Въ настоящее время, по постановленію министра путей сообщенія отъ

27 марта 1897 года, правомъ пользованія въ больницахъ за счетъ дорогъ могутъ пользоваться всѣ желѣзнодорожные служащіе, мастеровые, рабочіе постоянные и временные, а также живущіе при нихъ члены семейства въ томъ случаѣ, если годовой окладъ служащаго не превышаетъ 1,200 руб.

Приблизительный подсчетъ показываетъ, что на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ въ общемъ врачебное дѣло поставлено лучше нежели на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, нужно бы было выстроить еще больницъ на семь тысячъ коекъ, чтобы подойти къ нормамъ, требуемымъ закономъ 26 августа 1866 года.

Необходимость въ постройкѣ больницъ насущная, ибо городскія, уѣздныя земскія и всякія другія больницы, обязанныя,—какъ справедливо указываютъ докторъ Леви и другіе желѣзнодорожные врачи, призрѣвать преимущественно мѣстныхъ жителей-плательщиковъ и разсчитанныя на извѣстное число кроватей, всегда занятое, не могутъ фактически удовлетворять спросу со стороны желѣзныхъ дорогъ. Будучи сами бѣдны кроватями, всегда переполненныя, губернскія и земскія больницы, какъ говоритъ докторъ Заусайловъ, соглашаются принимать больныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ только ради того, чтобы не оставлять ихъ подъ открытымъ небомъ. Поэтому нерѣдко больнымъ желѣзнодорожнымъ служащимъ не доставляется самыхъ необходимыхъ удобствъ. Больницы, говоритъ докторъ Леви, и деньгамъ не рады и постоянно шлютъ по адресу дорогъ упреки, что стыдно такимъ богатымъ учрежденіямъ, какъ желѣзныя дороги, не имѣть своихъ больницъ. Отказы въ пріемѣ получаются весьма часто на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и чаще всего они касаются остро-заразныхъ больныхъ, требующихъ, въ видахъ предупрежденія зараженія другихъ лицъ, немедленной изоляціи.

«Въ 1903 году,—читаемъ мы въ отчетѣ о врачебно-санитарномъ состояніи желѣзныхъ дорогъ за этотъ годъ—въ среднемъ, 1 больничная кровать въ желѣзнодорожныхъ больницахъ приходилась на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ на 19 вер. протяженія и на 263 человѣка служащихъ, а на частныхъ, не принимая во вниманіе дорогъ мѣстнаго значенія, 1 кровать приходится на 34 версты и на 364 человѣка служащихъ (стр. 9).»

Этотъ подсчетъ не совсѣмъ еще точенъ, такъ какъ въ немъ не приняты во вниманіе семьи служащихъ, которыя, по точному смыслу статьи 171 общ. уст. также имѣютъ право на пользованіе желѣзнодорожными больницами.

Если, при самыхъ скромныхъ предположеніяхъ, считать на версту 40 человѣкъ, то тогда получается, что въ настоящее время одна больничная кровать приходится:

на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ на 760 человѣкъ
» частныхъ » » » 1360 »

Между тѣмъ, какъ во Франціи одна кровать приходится на 300 чел.

» Германіи	»	»	»	» 340 »
» Даніи	»	»	»	» 200 »

Изъ того же отчета усматривается, что на каждаго врача приходилось 4,697 больныхъ. Если принять во вниманіе, что у врача, кромѣ амбулаторныхъ больныхъ, могутъ быть паціенты, которыхъ онъ навѣщаетъ на дому, предпринимая для этого даже отдаленныя поѣздки, то понятно, что у него остается очень мало времени. Наконецъ и амбулаторные больные, благодаря нелѣпой системѣ бюллетеней, отнимаютъ у врача много времени. Существующіе бюллетени, какъ документъ, дающій право пользоваться врачебною помощью, имѣютъ цѣлью установить контроль надъ больными и лишить постороннихъ дорогѣ лицъ возможности пользоваться медицинскою помощью. Эти бюллетени заставляютъ имѣть въ конторѣ участка лишняго человѣка, занятаго ихъ писаніемъ, и еще больше доставляютъ хлопотъ врачу, обязанному заполнять нѣсколько никому ненужныхъ графъ. Цѣли своей они не достигаютъ, и на нѣкоторыхъ передовыхъ дорогахъ уже отмѣнены. Такъ, на Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ, каждый служащій при поступленіи на службу получаетъ разъ навсегда особый билетъ на право пользованія врачебною помощью какъ для него самого, такъ и для его семьи и затѣмъ уже никакихъ бюллетеней не требуется.

Кромѣ массы больныхъ, лѣченіе которыхъ и составляетъ главную обязанность врача, у него есть еще множество различныхъ административныхъ дѣлъ,—переписка съ другими службами по вопросамъ объ освидѣтельствованіи и переосвидѣтельствованіи служащихъ, поступающихъ на службу, просящихъ отпускъ по болѣзни и оставляющихъ по той же причинѣ службу, отчеты старшему врачу, отчетность по пріемному покою и аптекѣ.

Если при всемъ томъ у врача всетаки нашлось бы время и желаніе указывать на недочеты санитарнаго состоянія, то кому онъ эти указанія долженъ сдѣлать? Ближайшему своему сослуживцу—начальнику участка?

Но всякое улучшеніе санитарнаго быта, какъ, напримѣръ, подвозка для питья и варки пищи служащихъ хорошей ключевой воды и запрещеніе пользоваться мѣстной колодезной плохой водой, выселеніе служащихъ изъ подвальныхъ этажей и предоставленіе имъ другого болѣе гигіеническаго помѣщенія, расселеніе до невозможности скученныхъ артелей, наконецъ, даже текущій ремонтъ, вызываемый санитарными требованіями, или очистка лишній разъ выгребовъ—все это сопряжено съ расходами, на которые нѣтъ спеціальныхъ ассигнованій.

Наоборотъ, нѣтъ недостатка въ такихъ циркулярахъ, которые стремятся сократить расходы дорогъ на санитарные нужды. На Московско-Казанской дорогѣ въ 1903 г. былъ разосланъ циркуляръ,

въ которомъ начальникамъ дистанцій предписывалось «очистку отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ, находящихся при сторожевыхъ будкахъ, предложить производить безвозмездно самимъ сторожамъ», съ предупрежденіемъ, что «расходы по очисткѣ выгребовъ при будкахъ приниматься къ учету не будутъ».

Есть и такіе циркуляры, которые ясно говорятъ, что, «если вблизи жилья и не далѣе полуверсты имѣется колодезь или какой-нибудь другой источникъ воды, то служащіе обязаны себѣ сами подносить воду—подвозить имъ не слѣдуетъ». Если же по настоянію врача или по просьбамъ служащихъ вами разрѣшенъ подвозъ годной для питья воды, то, повѣрьте, государственный контроль сейчасъ же сдѣлаетъ на васъ начетъ и вы получите запросъ отъ начальства, почему вы вопреки существующему циркуляру о подвозкѣ воды, распорядились подвозить воду за плату, когда, по мнѣнію представителя государственнаго контроля, и т. д.

Если желѣзнодорожный врачъ обратится не къ начальнику участка, а къ старшему врачу, то предъ послѣднимъ будетъ стоять такая задача: обстоятельства одинаковы для всей дороги и указываемые санитарные недочеты распространены повсемѣстно; собрать ихъ всѣ и доложить начальнику дороги—ничего не выйдетъ, потребуется такая масса средствъ, что даже при желаніи начальникъ дороги не сможетъ разрѣшить кредита, просить же объ одномъ частномъ случаѣ - странно. Поэтому старшіе врачи всегда предпочитаютъ, когда младшіе проводятъ въ жизнь всякія санитарныя улучшенія помимо ихъ вмѣшательства, такъ сказать, «домашними средствами».

Такимъ образомъ, при всемъ недостаткѣ времени, желѣзнодорожные врачи всетаки сдѣлали бы больше въ дѣлѣ санитарной гигіены желѣзнодорожной жизни, если бы ихъ требованія въ этомъ направленіи встрѣчали больше сочувствія и поддержки. Для коренного улучшенія санитарнаго положенія необходимо, чтобы иниціатива такого улучшенія исходила отъ болѣе импонирующаго желѣзнодорожной администраціи и болѣе компетентнаго по своему служебному положенію лица, чѣмъ участковый и даже старшій врачъ дороги, при нынѣшнемъ положеніи врачебно-санитарной службы.

«Великое дѣло, говоритъ д-ръ Вырубовъ, когда врачъ можетъ предъявить опредѣленныя требованія и сослаться на приказаніе изъ Петербурга; при такихъ условіяхъ находятся и время, и люди, и деньги для устраненія недостатковъ».

Da ist der Hund begraben!

IV.

Переходя къ другому классу служащихъ, прежде всего вспомнимъ того «легендарнаго» стрѣлочника, который всегда виноватъ во всѣхъ крушеніяхъ.

Русское законодательство въ дѣлѣ желѣзнодорожныхъ несчастій очень мало обращаетъ вниманія на условія, нарушающія общественную безопасность, предусматривая, главнымъ образомъ, проступки служащихъ и не обращая вниманія на весь остальной рядъ вызывающихъ несчастія причинъ, гораздо болѣе многочисленныхъ и зависящихъ отъ лицъ, извлекающихъ выгоды изъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Въ большинствѣ случаевъ служащіе наименѣе виновны въ своихъ проступкахъ, подающихъ поводъ къ несчастьямъ. Развѣ можно винить машиниста въ недосмотрѣ въ томъ случаѣ, если онъ отъ усталости засыпаетъ, стоя на паровозѣ, если глаза его, вслѣдствіе утомленія, отказываются воспринимать зрительныя впечатлѣнія, если онъ вслѣдствіе этого просмотритъ сигналъ и такимъ, образомъ, подастъ поводъ къ несчастью *)? Развѣ можно винить путевого

*) Докторъ Вырубовъ въ своемъ докладѣ о переутомленіи служащихъ приводитъ слѣдующій поучительный фактъ:

Докторъ Лантшире изъ Брюсселя, удѣлившій особенное вниманіе вопросу о вліяніи продолжительнаго или напряженнаго труда на зрѣніе, указалъ на измѣненіе остроты зрѣнія у желѣзнодорожныхъ служащихъ, подъ вліяніемъ переутомленія и ночной работы. Однажды, производя освидѣтельствованіе 40 желѣзнодорожныхъ агентовъ, онъ нашелъ, въ числѣ первыхъ двухъ десятковъ, до 15 лицъ съ недостатками остроты зрѣнія и цвѣтоощущенія. Это обстоятельство начинало вызывать въ немъ чувство досады, какъ вдругъ онъ замѣтилъ одного блѣднаго и усталаго служащаго и ему пришло въ голову спросить его, не явился ли онъ прямо съ работы. Въ то время было около 9 часовъ утра и Лантшире предположилъ, что агентъ проработалъ всю ночь. Дѣйствительно, оказалось, что служащій окончилъ только въ 7 часовъ утра работу, начатую наканунѣ въ 7 часовъ вечера. Въ такихъ же условіяхъ находилось еще нѣсколько человѣкъ его товарищей. Лантшире переосвидѣтельствовалъ всѣхъ ихъ послѣ отдыха, и результаты получились гораздо болѣе благопріятные. Эти результаты заставили Лантшире произвести изслѣдованіе остроты зрѣнія у машинистовъ и кочегаровъ при отправленіи въ путь и по возвращеніи. Изслѣдованіе указало на значительное пониженіе видѣнія у усталыхъ людей. Лантшире справедливо считаетъ число своихъ опытовъ недостаточнымъ для положительныхъ выводовъ и обращаетъ лишь вниманіе на необходимость произвести ихъ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ думаетъ, что такимъ образомъ, быть можетъ, удалось бы опредѣлить максимумъ работы, которую способно дать зрѣніе желѣзнодорожнаго служащаго при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ и въ различное время года. Желѣзнодорожная администрація, требуя отъ служащихъ превосходнаго зрѣнія, не должна забывать, что чрезмѣрная физіологическая работа нарушаетъ правильность зрительной функціи, ведя роковымъ

сторожа, который отъ усталости засыпаетъ на рельсахъ во время обхода своего участка и котораго раздавливаетъ проходящій поѣздъ?

Всѣ такіе случаи вовсе не должны быть относимы къ рубрикѣ «пострадавшихъ по своей винѣ».

Нельзя оправдать такого способа дѣйствій, при которомъ съ самаго начала устанавливается плохой порядокъ, безъ принятія необходимыхъ мѣръ предосторожности и введенія техническихъ усовершенствованій, а потомъ, когда случится несчастье, вина взваливается на тѣхъ, кто играетъ только исполнительную роль.

На бумагѣ у насъ были сдѣланы попытки ограничить время работы служащихъ, но такъ какъ это вызывало увеличеніе штата, что, въ свою очередь, увеличивало расходы, то всѣ эти добрыя начинанія очень туго входятъ въ жизнь, чтобы не сказать больше.

Такъ, еще въ 1890 году департаментомъ желѣзныхъ дорогъ былъ изданъ циркуляръ за № 2202, въ которомъ говорилось, что если неопредѣленность указаній, изложенныхъ въ различныхъ правилахъ о времени службы и отдыха, объясняется крайнимъ разнообразіемъ условій примѣненія ихъ на практикѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, то, съ другой стороны, она возлагаетъ на управляющихъ дорогъ и инспекторовъ особенную заботливость тщательнаго соображенія условій въ каждомъ данномъ случаѣ; между тѣмъ, къ сожалѣнію, оказывается, что, напримѣръ, 24-часовое дежурство стрѣлочниковъ допускается иногда даже тамъ, гдѣ, по значительности передвиженія по стрѣлкамъ, оно не должно быть терпимо, какъ безусловно опасное. Причиняя переутомленіе стрѣлочниковъ, подобное продолжительное дежурство имѣетъ послѣдствіемъ разныя несчастья съ поѣздами, какъ: сходы поѣздовъ съ рельсовъ, столкновенія на станціяхъ, вслѣдствіе неправильнаго или несвоевременнаго перевода стрѣлокъ и т. д. Въ виду этого департаментъ желѣзныхъ дорогъ, по приказанію министра путей сообщенія, предлагалъ принять къ руководству слѣдующія общія указанія относительно нормъ исчисленія продолжительности очередного дежурства стрѣлочниковъ, сигналистовъ при дѣйствіи приборами взаимнаго замыканія стрѣлокъ и сигналовъ, составителей поѣздовъ и сцѣпщиковъ:

1) Безпрерывное 24-часовое дежурство на стрѣлочныхъ и сигнальныхъ постахъ вовсе не должно быть допускаемо.

2) На постахъ съ малымъ движеніемъ, когда не требуется безотлучнаго пребыванія стрѣлочника или сигналиста на посту, можетъ быть допущено 16-часовое дежурство, съ 8-часовымъ непре-

---

образомъ къ тяжелымъ разстройствамъ. Требованіе сверхурочныхъ добавочныхъ работъ не можетъ быть оправдываемо и оно ставитъ работника въ положеніе того кувшина, который повадился ходить по воду.

рывнымъ послѣ того отдыхомъ и слѣдующимъ дежурствомъ не долѣе 8 часовъ.

3) На постахъ съ особенно бойкимъ движеніемъ, когда требуется безотлучное пребываніе стрѣлочника или сигналиста на посту, дежурство можетъ быть допущено не болѣе 8 часовъ, съ меньшимъ безпрерывнымъ отдыхомъ послѣ дежурства и съ назначеніемъ чрезъ два дня въ третій отдыха въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

Какъ же прошелъ этотъ циркуляръ въ жизнь?

Матеріаломъ, дающимъ возможность судить объ этомъ, является докладъ совѣщательному съѣзду представителей службы движенія начальника движенія Московско-Брестской желѣзной дороги Чаплина. Изъ этого доклада мы узнаемъ слѣдующее.

Циркуляръ № 2202, имѣвшій цѣлью возможно больше обезопасить движеніе по дорогамъ путемъ предоставленія служащимъ большаго отдыха, требовалъ для своего исполненія увеличенія штата нѣкоторыхъ служащихъ, какъ, напримѣръ, стрѣлочниковъ, сигналистовъ, составителей бригадъ, въ $1^1/_2$—2 раза, для чего требовались дополнительные кредиты, и весьма значительные, но ихъ не было въ наличности, и всѣ ходатайства объ отпускѣ дополнительныхъ суммъ удовлетворялись въ весьма скудномъ размѣрѣ, или не удовлетворялись вовсе.

Въ виду такого положенія дѣла, большинство начальниковъ движенія начали изыскивать способы къ выполненію распоряженія министерства путей сообщенія, но съ наименьшими затратами, и пришли къ тому, что вмѣсто 2-смѣннаго дежурства, положимъ, стрѣлочниковъ, установили $2^1/_2$-смѣнное, затѣмъ посты, которые предполагалось ранѣе причислить къ постамъ съ большимъ движеніемъ, причислили къ постамъ со среднимъ движеніемъ, увеличили число стрѣлокъ, входящихъ въ составъ поста, и, освободившихся отъ этого людей, употребляли для установленія на нѣкоторыхъ постахъ 3-хъ и $2^1/_2$-смѣннаго дежурства и проч.

Съ теченіемъ времени, говоритъ далѣе г. Чаплинъ, и само министерство путей сообщенія, не отказываясь отъ своихъ принципіальныхъ взглядовъ, нашло нужнымъ допустить въ уклоненіе отъ *строгихъ требованій* циркуляра № 2202 нѣкоторыя облегченія, которыя и были объявлены дорогамъ къ руководству циркуляромъ департамента отъ 2 сентября 1893 года за № 13025.

«Въ виду выяснившейся на практикѣ, говорилось въ этомъ послѣднемъ циркулярѣ, стѣснительности и неудобства при выполненіи желѣзными дорогами циркуляра департамента № 2202, объ исчисленіи нормъ продолжительности дежурствъ стрѣлочниковъ, сигналистовъ, составителей поѣздовъ и сцѣпщиковъ, а равно и въ видахъ сокращенія на нѣкоторыхъ дорогахъ не обусловливаемыхъ дѣйствительными потребностями безопасности движенія расходовъ, департаментъ желѣзныхъ дорогъ, по приказанію министра путей

сообщенія, предлагаетъ принять къ руководству нижеслѣдующее исчисленіе сроковъ непрерывной службы и слѣдующаго за ней отдыха, какъ для станціонныхъ агентовъ, такъ и для кондукторскихъ бригадъ:

«1) Обязанности по движенію должны быть поручаемы *достаточному* числу служащихъ, чтобы они могли успѣшно исполнять возложенное на нихъ дѣло, и, въ случаѣ внезапной болѣзни кого либо изъ нихъ, его обязанности могли быть своевременно приняты другимъ лицомъ.

«2) Число служащихъ опредѣляется на основаніи нижеуказанныхъ нормъ непрерывной службы и слѣдующаго за ней отдыха, въ зависимости отъ размѣровъ движенія и степени напряженности работы каждой станціи:

«*Для станціонныхъ служащихъ*: 1) Наибольшій предѣлъ ежедневной, въ случаѣ надобности, безсмѣнной, работы станціонныхъ служащихъ допускается въ 12 часовъ въ сутки, при непремѣнномъ условіи предоставленія названнымъ служащимъ непрерывнаго отдыха, безразлично, днемъ или ночью, не менѣе 6 часовъ въ сутки и, сверхъ того, непрерывнаго суточнаго отдыха въ теченіе каждаго мѣсяца два раза.

«2) Когда, по условіямъ движенія, соблюденіе вышеприведенныхъ нормъ службы не представится возможнымъ, то при учрежденіи очередного дежурства между двумя или болѣе лицами, въ зависимости отъ степени напряженности работы станціи, наибольшій предѣлъ непрерывной службы каждаго изъ нихъ не долженъ превышать:

«а) для начальниковъ станцій, ихъ помощниковъ, сигналистовъ, составителей, сцѣпщиковъ, старшихъ стрѣлочниковъ и стрѣлочниковъ при ручныхъ стрѣлкахъ—24 час.

«б) для сигналистовъ и стрѣлочниковъ при центральныхъ аппаратахъ—16 час.

«3) Наименьшій непрерывный отдыхъ служащихъ, слѣдующій непосредственно за службою, долженъ быть не менѣе половины предшествовавшаго числа часовъ дежурства.

«*Для кондукторскихъ бригадъ*: 4) Для кондукторскихъ бригадъ наибольшій предѣлъ непрерывной службы не долженъ превосходить 18 часовъ. При особыхъ условіяхъ дороги наибольшій предѣлъ непрерывной службы допускается и 24 часа, но не иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министерства путей сообщенія. Означенныя предѣльныя нормы могутъ быть примѣняемы, какъ въ отношеніи одной, такъ и по совокупности нѣсколькихъ поѣздокъ.

«5) По достиженіи для непрерывной службы кондукторскихъ бригадъ, указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ, предѣльныхъ нормъ кондукторамъ обязательно долженъ быть предоставленъ отдыхъ, наименьшій предѣлъ коего устанавливается: на мѣстѣ постояннаго

жительства равнымъ половинѣ, а внѣ онаго — не менѣе $1/_3$ числа часовъ предшествовавшей службы. Перерывъ службы, начинающійся ранѣе истеченія установленнаго для непрерывной службы срока, не считается за отдыхъ, если онъ по своей продолжительности не удовлетворяетъ вышеприведенному условію.

«II. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ, которыхъ не было возможности предвидѣть заблаговременно (какъ напримѣръ, при дѣйствіи непреодолимой силы, опозданіи поѣздовъ и т. д.) допускаются временныя отступленія отъ вышеуказанныхъ нормъ непрерывной службы, но съ тѣмъ, чтобы управленіе дороги озаботилось возстановленіемъ при первой возможности соотношенія отдыха къ продолжительности предшествовавшей службы. Служащіе исполняютъ въ указанныхъ случаяхъ свои обязанности безпрекословно впредь до замѣны ихъ другими лицами».

Таковы были «нѣкоторыя облегченія строгихъ требованій циркуляра № 2202». Для цѣлаго ряда служащихъ было установлено 24-часовое непрерывное дежурство, какъ допускаемый министерскимъ циркуляромъ «предѣлъ продолжительности непрерывной службы».

И нуженъ былъ цѣлый рядъ крушеній, съ совершенно точнымъ установленіемъ, что они произошли отъ переутомленія служащихъ, чтобы этотъ циркуляръ № 13025 былъ наконецъ, 14 января 1897 г., отмѣненъ и чтобы возстановлено было дѣйствіе правилъ циркуляра № 2202.

Каковы были способы проведенія этихъ правилъ въ жизнь, мы уже видѣли. Переименованіе постовъ въ менѣе дѣятельные, передача для завѣдыванія большаго числа стрѣлокъ одному стрѣлочнику, введеніе пробныхъ дежурствъ, совершенно не справляясь, удобны ли они для людей и желательны ли, — лишь бы формально былъ исполненъ циркуляръ. И объ этомъ совершенно спокойно говорилось, въ присутствіи представителей отъ того же департамента, который установилъ самыя правила.

На томъ же XI съѣздѣ представителей службы движенія, на которомъ дѣлалъ свой докладъ г. Чаплинъ, былъ прочитанъ докладъ начальникомъ движенія Харьково-Николаевской желѣзной дороги, г. Радцигомъ, и вотъ что, между прочимъ говорилъ послѣдній.

«На основаніи своей почти 28-лѣтней службы по движенію на Харьково-Николаевской ж. д. и личнаго знакомства съ условіями работы и штатомъ агентовъ многихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, я глубоко убѣжденъ, что въ настоящее время на очень многихъ изъ нашихъ дорогъ до сихъ поръ не проведены въ жизнь нормы работы и отдыха, установленные циркуляромъ департамента желѣзныхъ дорогъ отъ 14 января 1897 г., составляющимъ несомнѣнно эпоху въ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи и требованія

котораго значительно слабѣе нормъ, установленныхъ на прусскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

«Признавая за правильной постановкой установленія дежурства и отдыха для агентовъ службъ станціонной, поѣздной и паровозной первенствующее значеніе мѣропріятій по обезпеченію безопасности движенія, я позволяю себѣ, на основаніи продолжительнаго желѣзнодорожнаго опыта, высказать по этому вопросу свои соображенія.

«Извѣстный нашъ физіологъ профессоръ Сѣченовъ, на основаніи точныхъ изслѣдованій, установилъ, что, въ среднемъ, восьмичасовая работа какъ умственная, такъ и мышечная, крайній предѣлъ, только при соблюденіи котораго устраняется переутомленіе и устанавливается надлежащее равновѣсіе между расходомъ мышечной и нервной энергіи, и возмѣщеніемъ этой израсходованной энергіи физіологическими процессами организма.

«Такимъ образомъ, научно подтверждается цѣлесообразность проявляемаго во всѣхъ культурныхъ странахъ стремленія провести въ жизнь, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, три восьмерки: 8 часовъ работы, 8 часовъ отдыха и 8 часовъ сна.

«Исходя изъ указаннаго требованія условій желѣзнодорожной службы и быта линейныхъ агентовъ, логически вытекаетъ необходимость допустить для агентовъ службъ станціонной, поѣздной и паровозной (нач. станцій, смотр. разъѣздовъ, помощниковъ ихъ, стрѣлочниковъ, составителей, сцѣпщиковъ, сигналистовъ, телеграфистовъ, машинистовъ и ихъ помощниковъ и кондукторовъ), только два типа дежурства: двухъ или трехсмѣнное, какъ это и установлено вышеприведеннымъ циркуляромъ департамента желѣзныхъ дорогъ отъ 14 января 189§ г.

«*Всякія же уклоненія отъ этого требованія, какъ-то полуторосмѣнное и двухъ съ половиной смѣнное дежурство, какъ могущее привести къ переутомленію, не должно быть допускаемо ни въ какомъ случаѣ*».

Въ дѣйствительности, какъ указываетъ и г. Радцигъ, даже тѣ нормы дежурствъ, которыя были опредѣлены департаментомъ желѣзныхъ дорогъ еще въ 1890 г. и затѣмъ подтверждены въ 1897 году, до сихъ поръ не вошли въ жизнь желѣзнодорожниковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Е. А. Соковичъ.

Передъ зарей въ Англіи.

(Robert Owen, A. Biography. By *Frank Podmore*. Two volumes. London 1906).

I.

Новый капитальный только что вышедшій двухтомный трудъ Фрэнка Подмора переноситъ насъ въ тѣ времена, о которыхъ теперь массы въ Англіи знаютъ только по смутнымъ преданіямъ. Молодое поколѣніе въ Бретани, тронутое уже городомъ, слышало, конечно, отъ своихъ бабушекъ страшные разсказы про Коморра и Жиля де Рэ (Rais), приносившаго въ своемъ замкѣ Тифожъ въ жертву дьяволу тысячи маленькихъ дѣтей; оно смущается этими кровавыми легендами, но плохо вѣритъ имъ, хотя и Коморръ и Рэ— историческія личности. Современные англійскіе работники также слышали отъ стариковъ разсказы про дѣтей, приносимыхъ въ жертву дьяволу, только что народившемуся капиталу; про то, какъ покупали въ рабочихъ домахъ партіи сиротъ и гнали ихъ, какъ стадо, на фабрики въ Ланкаширъ, гдѣ шести-лѣтнія дѣти работали по 15 часовъ въ сутки. Въ Корнвалисѣ старики разсказываютъ про то, какъ когда-то въ шахты спускались пятилѣтнія дѣти, обязанность которыхъ была запирать люки. Молодежь знаетъ эти разсказы, смущается ими, но плохо вѣритъ старикамъ, хотя все, что тѣ говорятъ, исторически вѣрно. Въ промышленномъ отношеніи Англія въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка напоминала замокъ Тифожъ. И этотъ адъ былъ подготовленъ переворотомъ въ англійской промышленности, происшедшимъ въ XVIII вѣкѣ.

Въ средневѣковой Англіи цѣны на продукты, рабочая плата и рента, гдѣ она существовала, были фиксированы обычаемъ. Когда съ вѣками экономическія условія мѣнялись, гильдіи и другія корпораціи мѣняли старую и устанавливали новую заработную плату. Прибыль тогда еще не была признана элементомъ производства; благочестивые христіане смотрѣли на нее, какъ на ростовщичество, т. е., какъ на нѣчто крайне предосудительное. Въ деревняхъ всюду существовало еще общинное землевладѣніе. Лэндлордъ, капиталистъ и сельскій работникъ во многихъ мѣстахъ еще не дифференцировались. Однодворцы (the yeoman freeholder) обрабатывали собственную землю. Въ ремесленныхъ гильдіяхъ ученикъ съ теченіемъ времени становился подмастерьемъ, а потомъ мастеромъ. Промышленная революція второй половины XVIII вѣка быстро смела старый порядокъ, хотя сама она медленно подготовлялась вѣками. Парламентъ пересталъ регулировать цѣны и заработную плату при помощи приказовъ; общинное землевладѣніе мало по

малу исчезало, вслѣдствіе захватовъ со стороны богатыхъ людей. Одна за другой отрасли промышленности развивались настолько, что явилась возможность организовать производство при помощи наемныхъ работниковъ. Все это подготовлялось медленно; но затѣмъ промышленный переворотъ сталъ подвигаться впередъ съ поразительной быстротой. Отъ [illegible]—1760 г.г. въ Англіи были хорошіе урожаи: населеніе возрастало и благосостояніе его увеличивалось. Быстрый ростъ британскихъ колоній создалъ спросъ на англійскіе фабрикаты. Удобство морского пути и увеличеніе флота съ одной стороны, и крайне плохое состояніе дорогъ въ самой Англіи съ другой — благопріятствовали вывозу фабрикатовъ на внѣшніе рынки. Англія вывозила тогда не только обработанные продукты, но и значительное количество хлѣба. Къ концу XVII вѣка въ Англіи было около [illegible] 96 однодворцевъ (іоменовъ), обрабатывавшихъ собственную землю. Милліоны акровъ земли принадлежали общинамъ. На этой землѣ крестьяне могли не только пасти безплатно скотъ, но и строиться. Но въ XVIII вѣкѣ лорды и помѣстное дворянство (country squires) принялись особенно усиленно округлять свои владѣнія на счетъ общинныхъ земель. Въ парламентѣ сидѣли только помѣщики и имъ не трудно было проводить «Enclosure Bills», т. е. законы, въ силу которыхъ общинная земля признавалась ихъ собственностью. Жертвой хищности помѣщиковъ стали не только крестьяне, но и однодворцы. Къ концу XVIII вѣка іомены почти исчезли. Много людей было прогнано съ земли. Грабежъ общинной земли происходилъ особенно усиленно въ самомъ началѣ XIX вѣка, когда народъ сражался съ Наполеономъ. Пользуясь тѣмъ, что крестьяне, доставлявшіе тогда главный контингентъ солдатъ, были въ Испаніи, помѣщики усиленно проводили въ парламентѣ Enclosure bills и грабили собственныхъ защитниковъ. До 1760 г. парламентъ принялъ 244 Enclosure bills, въ 14 послѣдующихъ лѣтъ принято 650 такихъ биллей, а отъ 1775—1792 г. 705 постановленій. Въ періодъ войнъ съ Франціей, т. е. отъ 1792—1816 г.г. помѣщики сдѣлали 1481 постановленіе объ отчужденіи общинной земли въ свою пользу. Въ Англіи появилась, такимъ образомъ, громадная армія обобранныхъ, бездомныхъ, голодныхъ людей, у которыхъ осталось одно достояніе — мускулы.

Не менѣе сильный переворотъ произошелъ въ области промышленности. Въ теченіе вѣковъ, до начала XVIII вѣка Англія, главнымъ образомъ, обрабатывала шерсть. Сырой матеріалъ доставлялся изъ Англіи же. Станки были всѣ ручные. Кое-гдѣ примѣнялись, какъ двигатели, вода или трудъ лошадей. Какъ я упомянулъ уже, пути сообщенія въ Англіи были очень плохи тогда. Фабрикантъ отправлялся съ караваномъ лошадей, навьюченныхъ тюками съ сукномъ, въ глубь страны, сбывалъ свой товаръ мѣстнымъ купцамъ и покупалъ у фермеровъ шерсть. Во всѣхъ дерев-

нихъ крестьяне пряли и валяли сукно на дому (твидъ), какъ это дѣлается теперь еще на Шетландскихъ островахъ. Разъ въ годъ офени (chapmen) объѣзжали деревни и скупали у крестьянъ ихъ продукты. Наиболѣе полное и яркое описаніе состоянія англійской промышленности въ то время оставилъ намъ авторъ *Робинзона Крузо* въ своей книжкѣ *Tour* (изданіе 1727 г.).

Съ 1738 г. сталъ появляться рядъ замѣчательныхъ изобрѣтеній, сберегающихъ человѣческую силу. Джонъ Уатъ, Томасъ Хайсъ (Highs), Джемсъ Харгривсъ, Ричардъ Аркрайтъ (Arkwright) и Сэмюэль Кромитонъ революціонизировали совершенно англійскую промышленность. Харгривсъ изобрѣлъ прядильную машину (названіе ей Spinning Jenny изобрѣтатель далъ въ честь своей жены), Аркрайтъ придумалъ станокъ, приводимый въ дѣйствіе водой. Черезъ нѣсколько лѣтъ Кромитонъ сочеталъ характерныя особенности обоихъ изобрѣтеній и построилъ первую мюль-машину. Наконецъ, явился Уатъ съ своей паровой машиной. До тѣхъ поръ Англія обрабатывала изъ волокнистыхъ веществъ, главнымъ образомъ, шерсть. Индія являлась главной поставщицей хлопчатобумажныхъ тканей. Но съ изобрѣтеніемъ ткацкаго станка и паровой машины Англія начинаетъ все болѣе получать сырой хлопокъ и обрабатывать его. Вотъ нѣсколько цифръ, показывающихъ ростъ новой промышленности въ Англіи пропорціонально съ техническими изобрѣтеніями.

Ввезено хлопка въ Англію отъ 1701—1800 г.г.

Въ 1701 г.	1.985,868	фунтовъ *)
» 1764 г.	3.870,392	»
1776—80 (среднимъ числомъ ежегодно)	6.766,613	»
1790 г.	31.447,605	»
1800 г.	56.010,732	»

Вывезено изъ Англіи хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ.

Въ	1701	г.	стоимостью на	23,253	ф. ст.
»	1764	»	»	200,354	»
»	1780	»	»	355,060	»
»	1790	»	»	1.662,369	»
»	1800	»	»	5.406,501	»

Изобрѣтеніе мюль-машины превратило Манчестръ изъ маленькаго, глухого провинціальнаго города въ столицу цѣлаго особаго промышленнаго міра, играющаго важную роль въ политикѣ Соединеннаго королевства.

«Ситецъ, ситецъ и только ситецъ (слышимъ мы всюду), —говоритъ одинъ изъ старыхъ историковъ промышленнаго переворота. Хлопокъ вытѣснилъ шерсть. Фабрики возникаютъ съ лихорадочной быстротой. Старые склады, амбары, сараи, коттеджи—все это по-

*) Англійскій фунтъ на 0,1 больше русскаго.

спѣшно превращается въ ткацкія фабрики. Кое-какъ сколачивается помѣщеніе для станковъ» *). Ткацкіе станки бросили на улицу тысячи семействъ, изготовлявшихъ раньше сукно кустарнымъ способомъ. Фабрикантамъ нужны были дешевые работники, главнымъ образомъ, малолѣтки. И вотъ Англія на нѣсколько десятилѣтій превращается въ настоящій промышленный адъ. Массы еще не имѣли своихъ представителей въ парламентѣ, гдѣ рядомъ съ помѣщиками засѣдали теперь фабриканты. Въ погонѣ за дешевыми работниками, фабриканты ввели систему настоящаго рабства. Спеціальные агенты объѣзжали большіе города и покупали у завѣдующихъ рабочими домами большія партіи дѣтей, которыхъ гнали потомъ, какъ гуртъ, на фабрики въ Ланкаширъ. Среди дѣтей были пятилѣтки. Рабочіе дома продавали двуногій скотъ на срокъ, покуда работникамъ не минетъ 21 годъ. Дѣти продавались оптомъ. Поставщикъ долженъ былъ взять опредѣленное количество калѣкъ и слабоумныхъ на придачу къ здоровымъ. Калѣки и идіоты были бременемъ для рабочихъ домовъ; но они составляли также помѣху для скупщика. И вотъ послѣдній старался отдѣлаться отъ нихъ возможно скорѣе. Живой грузъ вообще плохо кормили; калѣкамъ же и идіотамъ совсѣмъ не давали ѣсть, такъ что они умирали, покуда партію пригоняли въ Ланкаширъ. На фабрикахъ съ дѣтьми обращались, какъ съ невольниками. Ихъ заставляли работать по 15—18 часовъ, кормили впроголодь, содержали въ сырыхъ, темныхъ помѣщеніяхъ. Если молодой невольникъ убѣгалъ, снаряжалась охота на него, приводили его связаннымъ и наказывали плетьми. Бывало, что шести-лѣтнія дѣти, обязанность которыхъ была вертѣть колесо,—падали на полъ отъ изнеможенія и засыпали. Фабриканты придумали привязывать дѣтей къ колесу **). Въ Стокпортѣ на фабрикѣ машина захватила привязанныхъ такимъ образомъ дѣвочекъ и изорвала ихъ въ куски... Для паровыхъ машинъ необходимъ былъ каменный уголь, добываніе котораго, поэтому, сильно возрасло. Въ шахтахъ шло такое же истребленіе дѣтей, какъ и на фабрикахъ. Подъ землю спускали дѣтей въ возрастѣ пяти и даже четырехъ лѣтъ. Большинство ихъ было въ возрастѣ отъ 8—9 лѣтъ. Дѣвочки работали въ шахтахъ на ряду съ мальчиками. «Для ребенка, говоритъ современникъ,—самый спускъ въ шахту былъ ужасенъ. Не менѣе страшили впечатлѣнія внизу. Нужно представить себѣ шестилѣтнихъ и семилѣтнихъ дѣтей, работающихъ въ полномъ одиночествѣ весь день въ темной, сырой шахтѣ, полъ которой постоянно по-

---

*) *William Radcliffe*, „Origin of Power Loom Weaving", p. 63.

**) Самое потрясающее и самое полное описаніе положенія дѣтей въ то время мы имѣемъ въ автобіографіи стараго работника Роберта Блинко, вышедшей въ Манчестрѣ въ 1832 г. (Memoir of Robert Blincoe, an Orphan Boy). Блинко безхитростно и правдиво описалъ, что самъ испыталъ. Всѣ изслѣдованія безусловно подтвердили показанія Блинко.

крытъ глубокой грязью. Обязанность маленькихъ работниковъ состояла въ томъ, чтобы закрывать двери тунелей послѣ того, какъ проѣдетъ тачка съ углемъ. Дѣти эти видѣли солнечный свѣтъ только по воскресеньямъ... За каждую провинность они подвергались суровому тѣлесному наказанію».

II.

Плата, которую получали на фабрикахъ взрослые работники, была недостаточна, чтобы, по англійскому выраженію, удержать душу въ тѣлѣ (to keep soul and body together). Англійскіе работники тогда находились въ состояніи отчаянной нищеты и полнаго одичанія. На типичной фабрикѣ того времени Нью-Лэнеркъ, прославленной впослѣдствіи послѣ знаменитаго опыта, продѣланнаго Робертомъ Оуэномъ, работали 2000 человѣкъ, въ числѣ ихъ—500 дѣтей, законтрактованныхъ на нѣсколько лѣтъ. Все это былъ народъ «совершенно невѣжественный, беззаботный, вороватый, развратный и пьяный.» Въ то время складывались въ значительной степени на счетъ этихъ несчастныхъ работниковъ колоссальныя богатства хлопчатобумажныхъ королей. Капиталъ,—по выраженію Маркса,—есть мертвый трудъ, который, подобно вампиру, оживаетъ, вслѣдствіе всасыванія въ себя живого труда, и пріобрѣтаетъ при этомъ тѣмъ болѣе жизненной силы, чѣмъ болѣе всосано имъ этого труда. Если, съ одной стороны, «предъ зарей» въ Англіи мы видимъ проявленіе «волчьяго голода по отношенію къ прибавочному труду» *); если фабриканты не брезгали даже оттягивать у рабочаго нѣсколько минутъ отъ времени, назначеннаго для ѣды (по выраженію рабочихъ, это называлось «nibbling and cribbling at meal time»); если волчья жадность повела къ формальному рабству, — то, съ другой стороны, мы можемъ наблюдать «антиномію права противъ права», т. е. пробужденіе у рабочихъ стремленія улучшить свое положеніе. Началась упорная борьба за право союзовъ и стачекъ. Государство, которое по обыкновенію взяло сторону угнетателей, покуда угнетаемые слабы,—жестоко преслѣдовало работниковъ, боровшихся съ предпринимателями. Трэдъ-юніоны преслѣдовались и наказывались, какъ тайныя сообщества, т. е. члены ихъ ссылались въ Австралію. Стачки приравнивались къ возстанію и карались висѣлицей. Какъ радикально могутъ измѣниться нравы въ сравнительно короткое время! Нынѣшнее поколѣніе англійскихъ работниковъ убѣждено, что казни за стачки полагались въ сказочныя времена. Между тѣмъ, этому наказанію подвергались ихъ прадѣды и дѣды. Хорошо то, что слѣдъ въ исторіи оставляетъ только творческое, красивое, справедливое. Грубое

*) Выраженіе К. Маркса.

насиліе исчезаетъ безслѣдно и отъ него остается развѣ смутное преданіе, неясное воспоминаніе, какъ отъ тяжелаго сна. Въ самомъ дѣлѣ. Въ «старомъ режимѣ» во Франціи было страшно много уродливаго, несправедливаго. Все это исчезло безслѣдно, какъ мода мужчинъ носить напудренные парики и красные каблуки. Но положительные творческіе элементы: своеобразная культура, изящность языка—все это осталось. Нашъ старый порядокъ не можетъ оставить даже этого. Онъ пропадетъ, «какъ обры». Онъ далъ Россіи только нелѣпое, дико-жестокое, глубоко-несправедливое. При Людовикѣ XIV и XV расцвѣла литература, искусство, наука. Нашъ старый порядокъ душилъ все это. Онъ покровительствовалъ только лакейскому, ничтожному, подлому, продажному. Вся наша талантливая литература всегда была оппозиціонная. Старый порядокъ можетъ расчитывать въ литературѣ на поддержку только со стороны продажныхъ, бездарныхъ людей, въ большинствѣ случаевъ стыдящихся даже называть себя. Науку старый порядокъ преслѣдовалъ. Все оригинальное и смѣлое въ университетахъ душилось, выгонялось, отправлялось въ ссылку. Духъ каждой исторической эпохи выражается, между прочимъ, въ архитектурѣ. Такъ, напр., отъ эпохи расцвѣта вольныхъ городовъ остались величественныя зданія, какъ Флорентинскій соборъ или какъ ратуша въ Брюсселѣ, поражающія до сихъ поръ смѣлостью мысли и красотой отдѣлки. Отъ стараго порядка во Франціи остался Версаль. Что оставитъ послѣ себя нашъ старый порядокъ? Нѣсколько идеально бездарныхъ, убійственно тяжелыхъ казенныхъ зданій, замѣчательныхъ развѣ тѣмъ, что при постройкѣ ихъ удивительно крали. Вольные города оставили Battistero во Флоренціи, Амьенскій соборъ и рядъ великолѣпныхъ ратушъ. Нашъ старый порядокъ оставитъ казармы съ греческими порталами, ученически скопированные соборы и... Петропавловскую крѣпость. Но, однако, я уклонился.

«Предъ зарей» въ Англіи мы видимъ кровавыя столкновенія рабочихъ съ войсками. У англійскаго пролетаріата тоже было свое девятое января, хотя далеко не такое кровавое какъ русское. То было 16 августа 1819 г. въ Манчестрѣ. Въ странѣ зарождалось движеніе въ пользу расширенія избирательнаго права, т. е. тѣхъ реформъ, которыя черезъ двѣнадцать лѣтъ повели къ знаменитому законопроекту. И вотъ 80 тысячъ работниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собрались на митингъ въ St. Peter's Field, гдѣ теперь выстроенъ залъ свободной торговли. Мужчины и женщины разрядились по праздничному. Отцы несли на плечахъ дѣтей. Молодые люди пришли объ руку со своими подругами. По всему видно было, что митингъ носитъ совершенно мирный характеръ. Но только что главный ораторъ Генри Хентъ успѣлъ взобраться на платформу и снять свою бѣлую шляпу, чтобы заговорить, какъ въ толпѣ раздался отчаянный крикъ: «Солдаты ѣдутъ!» Дѣйствительно, изъ засады выскочили гусары и съ обнаженными саблями пустили

коней въ галопъ противъ толпы. Правительство подготовило солдатъ загодя и напустило ихъ на народъ, «какъ волковъ на овецъ»,—по выраженію современника. Какой-то попъ, исполнявшій обязанность магистрата, прочиталъ, стоя у открытаго окна, гдѣ его не могли ни видѣть ни слышать, законъ о мятежахъ *), затѣмъ гусары, которыхъ предварительно напоили, врубились въ толпу. «Гусары рубили саблями мужчинъ, женщинъ, дѣтей и топтали ихъ лошадьми. Черезъ десять минутъ площадь была очищена; но на землѣ всюду валялись убитые и раненые. Мужчины и женщины были изрублены своими же земляками, безъ всякой вины. Хента арестовали и присудили къ тюремному заключенію на два съ половиной года. Другой ораторъ Уорсли попалъ въ тюрьму на полтора года» **). Знающіе современную Англію не могутъ себѣ даже представить, что все это могло случиться девяносто лѣтъ тому назадъ.

Англійскій пролетаріатъ тогда жилъ хронически впроголодь. Голодъ обусловливался, помимо низкой заработной платы, еще чисто искусственными пріемами. Въ началѣ XIX вѣка четверть пшеницы стоила 177 шил. Четырехфунтовая коврига обходилась въ два шиллинга. Когда цѣны на пшеницу сильно понизились вслѣдствіе ввоза изъ-заграницы,—помѣщики въ парламентѣ провели законъ, воспрещавшій совершенно доставку хлѣба изъ другихъ странъ. Цѣны немедленно поднялись до 80 ш. за четверть, и черезъ годъ—до 103 ш. Въ самое мрачное время для англійскаго пролетаріата появился памфлетъ съ оригинальнымъ заглавіемъ: «An attempt to change this lunatic asylum into a rational world» (т. е. «Попытка превратить домъ умалишенныхъ въ міръ, населенный разумными существами»). Авторомъ памфлета былъ Робертъ Оуэнъ, только что продѣлавшій съ блестящимъ успѣхомъ свой удивительный соціальный опытъ въ Нью-Лэнеркѣ. По Роберту Оуэну, міръ до такой степени преисполненъ несправедливости, что напоминаетъ домъ умалишенныхъ. Несправедливости эти калѣчатъ человѣческій характеръ, такъ какъ человѣкъ - животное соціальное, воспитывающееся исключительно подъ впечатлѣніемъ окружающихъ условій. Современная промышленная система,—доказывалъ Оуэнъ,—построена на трехъ ложныхъ началахъ: на детальномъ раздѣленіи труда, которое ухудшаетъ расу, на соперничествѣ, которое создаетъ всеобщее противорѣчіе интересовъ, и, наконецъ, на полученіи прибыли, возможной только тогда, если спросъ равенъ или превышаетъ предложеніе; реальный же интересъ общества требуетъ, чтобы предложеніе товаровъ было всегда больше спроса... Устраненіе всѣхъ бѣдствій произойдетъ только тогда, когда отдѣльныя группы производителей, пользуясь новыми

*) Въ Англіи это дѣлается вмѣсто троекратнаго сигнала въ рожокъ.
**) *C. A. Clyde*, «Liberal and Tory Hypocrisy».

механическими усовершенствованіями, соединятся въ коопераціи для производства, при помощи собственнаго труда и капитала и для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Для превращенія «дома умалишенныхъ» въ рай, необходимо, чтобы міръ представлялъ собою союзъ свободныхъ, самостоятельныхъ коопераций. Приступить къ опыту можно немедленно, — утверждалъ Оуэнъ и ссылался на свой опытъ въ Нью-Лэнеркѣ. «Оуэнъ, убѣдившись, что организму въ тысячу разъ удобнѣе имѣть ноги, руки, крылья, чѣмъ постоянно дремать въ раковинѣ; понимая, что изъ тѣхъ же самыхъ бѣдныхъ, но уже *существующихъ* частей организма, есть возможность развить эти оконечности,—до того увлекся, что вдругъ сталъ проповѣдывать устрицамъ, чтобы онѣ взяли свои раковины и пошли за нимъ. Устрицы обидѣлись и сочли его *анти-молюскомъ*, т. е. безнравственнымъ въ смыслѣ раковинной жизни и прокляли его»—говоритъ А. И. Герценъ, лично хорошо знавшій Оуэна.—«Ахиллова пята Оуэна, — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель,—не въ неясныхъ и простыхъ основаніяхъ его ученія, а въ томъ, что онъ думалъ, что обществу легко понять его *простую* истину. Думая такъ, онъ впалъ въ святую ошибку любви и нетерпѣнія, въ которую впадали всѣ преобразователи и предтечи переворотовъ отъ Іисуса до Томаса Мюнстера, Сенъ Симона и Фурье. Хроническое *недоумѣніе* въ томъ и состоитъ, что люди, подъ вліяніемъ историческаго преломленія лучей и разныхъ нравственныхъ паралаксовъ, всего меньше понимаютъ *простое*, а готовы вѣрить и еще больше *вѣрить, что понимаютъ* вещи очень сложныя и совершенно не понятныя, но традиціонныя, привычныя и соотвѣтствующія дѣтской фантазіи... Просто! Легко! Да всегда ли простое легко? Воздухомъ положительно проще дышать, чѣмъ водой, но для этого надобно имѣть легкія; и гдѣ же имъ развиться у рыбъ, которымъ нуженъ сложный дыхательный снарядъ, чтобы достать немного кислорода изъ воды. Среда имъ не позволяетъ, ихъ не вызываетъ на развитіе легкихъ, она слишкомъ густа и иначе составлена, чѣмъ воздухъ. Нравственная густота и составъ, въ которомъ выросли слушатели Оуэна, обусловила у нихъ свои *духовныя* жабры, дышать болѣе чистой и рѣдкой средой должно было произвести боль и отвращеніе» *).

«Устрицы обидѣлись» на Оуэна не сразу и не тотчасъ же провозгласили его «антимолюскомъ». Нью-Лэнеркскій опытъ хорошо извѣстенъ русской читающей публикѣ по превосходной статьѣ Н. А. Добролюбова. Мы знаемъ, что удачный опытъ привлекъ на берега Клайда безчисленныхъ посѣтителей со всѣхъ концовъ міра. Посѣтилъ Нью-Лэнеркъ и Николай Павловичъ, тогда великій князь. Онъ предложилъ Оуэну забрать съ собою два милліона англійскихъ работниковъ, переселиться съ ними въ Россію и

*) *А. И. Герценъ*. „Сочиненія“ (изданіе 1879 г.). т. IX, стр. 290—293.

тамъ завести идеальную кооперацію на новыхъ началахъ. Оуэнъ, какъ извѣстно, рѣшительно отказался. Озлобленіе «устрицъ» явилось впослѣдствіи, когда онѣ поняли, что Оуэнъ осуждаетъ весь старый міръ, съ его порядками, законами и религіозными воззрѣніями.

Робертъ Оуэнъ скончался въ глубокой старости въ 1858 г. (родился въ 1771 г.) Съ тѣхъ поръ появились четыре большія біографіи соціальнаго реформатора *). Теперь мы имѣемъ новую, самую подробную двухтомную біографію, написанную Подморомъ. Трудъ этотъ, къ сожалѣнію, совершенно не талантливый, но очень обстоятельный, добросовѣстный и написанъ на основаніи первоисточниковъ, главнымъ образомъ, обширной, неизданной переписки Оуэна. Я познакомлю читателей съ нѣсколькими отдѣльными фактами дѣятельности замѣчательнаго реформатора. Не буду касаться самаго крупнаго и самаго удачнаго опыта, такъ какъ онъ хорошо извѣстенъ русской публикѣ, а Подморъ не прибавляетъ новыхъ данныхъ. Ограничусь словами знаменитаго натуралиста Уоллэса, хорошо знавшаго Оуэна. Главный принципъ, на которомъ основывается, какъ ученіе, такъ и дѣятельность Оуэна, заключается въ томъ, что характеръ индивидуума складывается подъ вліяніемъ наслѣдственности и окружающихъ условій. Наслѣдственность даетъ человѣку естественное предрасположеніе къ добру или злу. Окружающія условія, къ которымъ относится также и образованіе, вырабатываютъ хорошій или порочный характеръ человѣка. Противъ этой теоріи частичнаго детерминизма возстали одинаково, какъ религіозные проповѣдники, такъ и правительство. По понятіямъ, внушеннымъ религіей, каждый, каковы бы ни были окружающія условія и при какой бы обстановкѣ онъ ни росъ съ дѣтства,—можетъ быть хорошъ, если захочетъ; каждый можетъ и долженъ быть честенъ и повиноваться законамъ,—учитъ церковь. И если человѣкъ добровольно преступаетъ какой нибудь законъ, установленный церковью или властями,—онъ долженъ быть наказанъ. По ученію церкви, каждое преступленіе объясняется свободной или злой волей. На систему наказанія и воспитанія не произвело никакого впечатлѣнія то обстоятельство, что ученіе о свободѣ воли, которымъ руководствовалось человѣчество съ самой зари исторіи, не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Многіе критиковали старую систему наказанія, но только одинъ Оуэнъ на практикѣ

---

*) Robert Owen and his Social Philosophy, by W. L. *Sargant*, 1860.

Robert Owen... the Founder of Socialism in England, by *A. J. Booth* 1869.

Life of Robert Owen, Philadelphia, 1866. Книга появилась анонимно, но впослѣдствіи авторство ея призналъ F. A. Packard.

The Life, Times and Labours of Robert Owen. bu *Lloyd Jones*, 1889.

Ученикъ и восторженный поклонникъ Оуэна, недавно скончавшійся Голіокъ написалъ небольшую брошюру „Life and Last Days of Robert Owen" (1859).

демонстрировалъ вѣрность своихъ взглядовъ. Ни одинъ реформаторъ до него не проявилъ такой глубины, проницательности, знанія людей и такого удивительнаго организаторскаго таланта. Ни одинъ соціальный опытъ не далъ такихъ поразительныхъ результатовъ, какъ завѣдываніе фабрикой въ Нью-Лэнеркѣ въ продолженіе двадцати шести лѣтъ.

«Конечно, — говоритъ Уоллэсъ, — священники твердили, что взгляды Оуэна ошибочны и безнравственны, такъ какъ отрицаютъ совершенно свободу воли и признаютъ какъ награды, такъ и наказанія, не только безполезными, но и вредными. «Если взглядъ Оуэна восторжествуетъ, — говорили священники, — то земля превратится въ пандемоніумъ порока и преступленій». На это крайніе защитники Оуэна отвѣчали: «всѣ правительства руководствовались принципами, что воля свободна; тѣмъ не менѣе имъ совершенно не удалось, не то что уничтожить, но даже уменьшить нищету, болѣзни, пороки и преступленія. Самыя суровыя наказанія нисколько не уменьшаютъ числа преступленій. Съ другой стороны, Оуэнъ, дѣйствуя согласно своимъ принципамъ, совершенно преобразовалъ характеръ 2500 человѣкъ, т. е. всего населенія Нью-Лэнерка. Вмѣсто нищеты, грубости, дикости и порока, на смѣну явились—благосостояніе, мягкость и гуманность. Можно ли толковать про свободу воли въ присутствіи такого поразительнаго опыта?» Оуэнъ доказалъ, что окружающія условія измѣняютъ человѣческій характеръ и что исключеній изъ этого общаго положенія не существуетъ. Воля, несомнѣнно, является функціей характера, внѣшнимъ активнымъ проявленіемъ его. И если улучшается характеръ, то измѣняется также и воля. Другими словами, измѣняется къ лучшему умственная и физическая дѣятельность индивидуума». *)

Уоллэсъ указываетъ также, что истина лежитъ между утвержденіями крайнихъ послѣдователей и ярыхъ противниковъ Оуэна. Самъ реформаторъ въ своемъ опытѣ только отчасти руководствовался детерминизмомъ. Наслѣдственность даетъ тѣ всевозможные оттѣнки характера, которые составляютъ соль соціальной жизни. При помощи благопріятныхъ окружающихъ условій, къ которымъ относится также и образованіе, мы можемъ совершенно измѣнить и улучшить характеръ и привести его въ гармонію съ соціальнымъ строемъ.

*) *A. R. Wallace*, „My Life, a Record of Events and Opinions", 1905. v. I, p. p. 89—91.

III.

Робертъ Оуэнъ впервые изложилъ свою программу, какимъ образомъ преобразовать человѣчество, предъ спеціальной коммиссіей, назначенной для изученія вопроса о безработныхъ. Войны съ Наполеономъ закончились въ іюлѣ 1815 г., но миръ не сразу принесъ благоденствіе Англіи. Въ теченіе двадцати лѣтъ, покуда продолжались войны, промышленность въ Англіи быстро развилась на счетъ Европы, которая тогда всецѣло была поглощена внутренними дѣлами. Англія успѣла захватить почти всѣ рынки европейскихъ странъ; но дѣла измѣнились, когда войны закончились. Промышленность на континентѣ ожила и, пропорціонально съ этимъ, фабричное производство въ Англіи сократилось. Помимо того, что у англійскихъ фабрикантовъ явились конкурренты, рабочій рынокъ въ Соединенномъ королевствѣ переполнился вслѣдствіе распущенія арміи въ 200 тысячъ человѣкъ. Заработная плата страшно упала. На цѣлый рядъ лѣтъ пролетаріатъ погрузился въ бездну отчаянной нищеты. Заработная плата сельскихъ работниковъ и ткачей въ одинъ годъ сократилась на 50% и больше. Въ Болтонѣ, напримѣръ, ткачи получали въ 1815 г.—14 ш. въ недѣлю, въ 1816 г.—12 ш., а въ 1817 г.—9 ш. Въ Глазго за тотъ же періодъ времени заработная плата упала съ 11 шил. 5 п. до 5 ш. 6 пенсовъ. Сельскіе работники въ окрестностяхъ шотландской столицы получали въ 1817 году семь шиллинговъ и шесть пенсовъ, вмѣсто одиннадцати шиллинговъ, какъ въ 1816 г. *) На придачу, лѣто 1816 г. выпало очень дождливое, хлѣбъ не уродился и цѣны на него быстро поднялись. Четверть пшеницы стоила въ 1815 г.—63 шил., въ 1816 г.—76 ш., а въ слѣдующемъ году—94 ш. Я упомянулъ уже выше, что цѣны на хлѣбъ были подняты, кромѣ того, искусственно помѣщиками. О степени нищеты можно судить, между прочимъ, по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1815 г. налогъ въ пользу призрѣнія бѣдныхъ (poor rates) былъ 5,400,000 фунт. стер., въ 1817 г.—6,900,000 ф. ст., а въ 1818 г.—7.800,000 **). Тысячи голодныхъ людей бродили по большимъ дорогамъ, а помѣщики устраивали на нихъ облавы, какъ на волковъ. Въ нѣкоторыхъ городскихъ приходахъ больше половины населенія поддерживало свое существованіе на средства, получаемыя отъ рабочихъ домовъ. Въ деревняхъ было еще хуже. Многія деревни совершенно опустѣли. Англичане спокойны, покуда сыты. Въ то время безпорядки возникали всюду. Въ 1816 г. пять человѣкъ были повѣшены за мятежъ въ Или (Ely). Въ концѣ того же года

*) Цифры приведены въ таблицахъ, помѣщенныхъ въ „Progress of the Nation“ Портера (изданіе 1851 г.).

**) Ib.

произошелъ рядъ бурныхъ манифестацій въ самомъ Лондонѣ. Въ ноябрѣ 1816 г. толпа разбила оружейные магазины на Snow Hill (въ центральномъ Лондонѣ) и бросилась въ Сити. Произошла схватка съ полиціей, которая разсѣяла толпу и арестовала вожаковъ. Ихъ предали суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ, но присяжные оправдали всѣхъ подсудимыхъ. Въ среднихъ классахъ тоже происходило сильное броженіе. Только что возникшая тогда радикальная партія, во главѣ которой стояли майоръ Картрайтъ, Коббетъ, Ховъ, Уляръ, Хентъ и др., обличала устарѣвшій государственный механизмъ и парламентъ, представляющій только интересы богатыхъ помѣщиковъ да крупныхъ фабрикантовъ. Радикалы требовали всеобщаго избирательнаго права. Всюду въ странѣ возникали политическіе клубы, разъяснявшіе массамъ необходимость демократическихъ реформъ. Правительство было испугано безпорядками и освободительнымъ движеніемъ. Вмѣсто реформъ, оно отвѣтило отмѣной Habeas Corpus Act. Въ Англіи такое распоряженіе, равносильное введенію усиленной охраны, не можетъ исходить ни отъ короля, ни тѣмъ болѣе, отъ агентовъ его. Отмѣну Habeas Corpus можетъ провозгласить только парламентъ, другими словами, самъ народъ. Но мы видѣли, изъ кого состоялъ парламентъ до перваго великаго билля о реформахъ. Наряду съ введеніемъ усиленной охраны, правительство назначило спеціальную коммиссію подъ предсѣдательствомъ герцога Іоркскаго для изслѣдованія, что можно предпринять для облегченія положенія безработныхъ. И вотъ этой коммиссіи Робертъ Оуэнъ представилъ меморіалъ, который такъ смутилъ членовъ ея, что они не пріобщили даже доклада къ остальнымъ документамъ. Робертъ Оуэнъ былъ тогда уже хорошо извѣстенъ своимъ опытомъ въ Нью-Лэнеркѣ. Промышленный міръ, кромѣ того, высоко цѣнилъ реформатора, какъ удивительнаго организатора, отличающагося необыкновенной честностью. Когда Оуэнъ предвидѣлъ пониженіе цѣнъ на пряжу, то совѣтовалъ своимъ покупателямъ подождать, чтобы купить у него фабрикатъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Если предвидѣлось повышеніе цѣнъ, фабрикантъ совѣтовалъ купцамъ, покупавшимъ у него, поторопиться съ заказами.

Въ своемъ меморіалѣ, представленномъ коммиссіи, Робертъ Оуэнъ прежде всего выясняетъ два пункта. Непосредственной причиной кризиса, который переживала Англія, является война, — писалъ Оуэнъ. Сразу прекратился усиленный спросъ, созданный войной. «Въ день подписанія мира скончался страшно богатый потребитель, на котораго до тѣхъ поръ работали производители.» Затѣмъ, еще раньше, до войны, производство было совершенно революціонизировано изобрѣтеніемъ машинъ. Далѣе Робертъ Оуэнъ доказываетъ, что вопросъ о безработныхъ перестанетъ существовать, когда общество будетъ совершенно обновлено. И онъ излагаетъ свой планъ обновленія. Это — детальное развитіе положеній, изложенныхъ Оу-

номъ раньше въ его книгѣ «New View of Society» (Новый взглядъ на общество). Главной причиной бѣдственнаго положенія массъ является, по мнѣнію Оуэна, вытѣсненіе человѣческаго труда машинами. Въ одной лишь Великобританіи машины представляютъ теперь эквивалентъ труда ста милліоновъ человѣкъ, «наиболѣе трудолюбивыхъ притомъ». И такъ какъ производство машинами обходится дешевле, то, говоритъ Оуэнъ, нужно ждать, что онѣ все больше и больше вытѣснятъ людей. Вотъ почему нужно или отказаться отъ употребленія машинъ, или примириться съ тѣмъ, что милліоны людей обречены на голодную смерть, или, наконецъ, найти выгодное занятіе для бѣдныхъ и безработныхъ классовъ. Нужно сдѣлать такъ, чтобы машина была порабощена человѣкомъ, а не человѣкъ машиной. Въ настоящее время, продолжаетъ Оуэнъ, бѣдняки деморализованы тѣмъ невѣжествомъ и тою вынужденною лѣнью, при которыхъ ихъ заставляли жить. Вотъ почему въ каждый планъ серьезнаго улучшенія положенія массъ входитъ также воспитаніе всѣхъ, а въ особенности дѣтей. Необходимо созданіе такихъ условій, при которыхъ молодое поколѣніе пріобрѣтало бы хорошія привычки, вмѣсто дурныхъ; необходимо дать дѣтямъ хорошее образованіе, а взрослымъ - подходящую работу. Она должна быть такова, чтобы дать наибольшую выгоду, какъ для отдѣльныхъ производителей, такъ и для общества. Люди должны жить при такихъ условіяхъ, которыя объединяютъ интересы всѣхъ и отстраняютъ ненужные соблазны. Должна произойти извѣстная группировка производителей. Чтобы трудъ былъ выгоденъ и продуктивенъ, каждая такая община должна насчитывать ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало людей. По разсчетамъ Оуэна въ производительной единицѣ должно быть не меньше 500 и не больше 1500 человѣкъ.

Къ отчету Оуэнъ приложилъ рисунокъ, изображавшій проектируемую колонію. Представляетъ она собою громадный квадратъ зданій, окруженныхъ полями и лѣсами. Три крыла главнаго корпуса раздѣлены на отдѣльныя квартиры, въ четыре комнаты каждая. Квартиры разсчитаны на семьи, состоящія, въ общемъ, изъ четырехъ человѣкъ. Въ четвертой сторонѣ корпуса находятся дортуары для всѣхъ дѣтей старше трехъ лѣтъ, затѣмъ -госпиталь и помѣщенія для пріѣзжихъ. Въ серединѣ каждаго крыла находится зданіе, однимъ этажомъ выше, чѣмъ корпусъ. Тутъ помѣщаются квартиры надсмотрщиковъ, врачей, священниковъ, а затѣмъ кладовыя. Рядъ зданій раздѣляетъ квадратъ, образуемый четырьмя корпусами, на двѣ равныя части. Тутъ помѣщаются кухни, столовыя, школы, читальни, залы для сходокъ и пр. Два двора, образуемые рядами построекъ, засажены деревьями и предназначены для игръ. Корпусы, въ свою очередь, окружены садами Въ извѣстномъ разстояніи отъ жилыхъ помѣщеній лежатъ конюшни, прачечныя, фабрики и сельско-хозяйственныя постройки. Все это тщательно обозначено на рисункѣ, составленномъ Оуэномъ, и вычерчено на

планѣ. Въ корпусахъ будутъ жить «1200 человѣкъ, всѣхъ возрастовъ и половъ, разныхъ способностей и дарованій; нужно предвидѣть,—продолжаетъ Робертъ Оуэнъ,—что большая часть изъ явившихся будутъ неграмотны; многіе будутъ имѣть дурныя и порочныя наклонности. Вѣроятно, большинство колонистовъ—будутъ люди совершенно заурядные. При нынѣшнихъ условіяхъ значительная часть этихъ людей ни къ чему не приспособлены, совершенно безполезны и являются бременемъ для общества. Порочныя привычки многихъ изъ этихъ людей, при настоящихъ условіяхъ, имѣютъ самое гибельное вліяніе на окружающихъ». Община, по плану Оуэна, должна вырабатывать и производить все необходимое для ея существованія. Вотъ почему къ корпусамъ прилегаютъ фабрики и мастерскія, а далѣе тянутся луга и пашни. Всѣ члены колоніи работаютъ сообразно способностямъ. До пяти лѣтъ дѣти не участвуютъ въ работахъ, а затѣмъ заняты только немного физическимъ трудомъ. Остальное время ихъ посвящено ученію и играмъ.

Исторія литературы знаетъ много проектовъ подобнаго рода; но всѣ они составлены людьми-теоретиками, не знавшими совершенно жизни людьми, которые провели многіе годы въ своей рабочей комнатѣ, въ келіи монастыря, или въ тюремной камерѣ (напримѣръ, авторъ «Civitas solis» Томазо Кампанелла). Въ Робертѣ Оуэнѣ мы видимъ «утописта-практика», отличнаго дѣльца и замѣчательнаго организатора. Авторы утопій всегда принимаютъ людей за алгебраическую величину. Жители Утопіи, Солнечнаго государства или Икаріи не имѣютъ ни страстей, ни мелкихъ пороковъ. Ихъ характеръ не представляетъ удивительный комплексъ чертъ благородныхъ и пошлыхъ, возвышенныхъ и низменныхъ, умныхъ и тупыхъ, какъ у всѣхъ живыхъ людей. Мы не видимъ существъ, которыя то способны на величайшій героическій подвигъ, то, непосредственно послѣ этого, проявляющія черты мелкаго тщеславія и жалкой глупости. Людей, которые были бы картинными героями *постоянно*, отъ отрочества до смерти, въ любой моментъ дня—нѣтъ. Героизмъ это—отдѣльныя вспышки человѣческой натуры. Онѣ могутъ быть у натуры, про которую Пушкинъ сказалъ:

„Въ заботахъ суетного свѣта
Онъ малодушно погруженъ“.

Робертъ Оуэнъ первый и единственный утопистъ, принявшій во вниманіе живыхъ людей, талантливыхъ и посредственыхъ, умныхъ и глупыхъ, добрыхъ и злыхъ. Ему приходилось считаться съ тѣмъ, что въ колоніи, если она устроится, преобладать будутъ люди, исковерканные нищетой, тюрьмой, хронической отвычкой отъ труда. Вѣдь планъ составленъ былъ для такихъ же людей, съ которыми Робертъ Оуэнъ имѣлъ дѣло въ Нью-Лэнеркѣ. Вотъ чѣмъ объясняется нѣсколько казарменный характеръ колоніи. Какъ практикъ и дѣ-

лецъ, Робертъ Оуэнъ составилъ подробную смѣту, во что должна обойтись колонія на 1200 человѣкъ, если ее завести сейчасъ же.

1200 акровъ земли по 30 ф. за акръ	36000	ф. ст.
Жилыя помѣщенія для 1200 чел.	17000	„ „
Три зданія въ центрѣ корпуса	11000	„ „
Фабрика, бойня и прачечная	8000	„ „
Омеблированіе комнатъ	2400	„ „
Мебель для кухонь, школъ и дортуаровъ . . .	3000	„ „
Сельско-хозяйственныя постройки (въ томъ числѣ мельница и маленькая пивоварня)	5000	„ „
На разведеніе парка и проложеніе дорогъ . .	3000	„ „
Живой инвентарь для фермы.	4000	„ „
Разные расходы	6600	„ „
Всего . . .	96000	ф. ст.

Если арендовать, а не купить землю, то, по вычисленію Оуэна, колонію на 1200 чел. можно устроить съ капиталомъ въ 60000 ф. ст. Необходимый капиталъ можетъ быть составленъ путемъ подписки, но лучше всего, — говоритъ Оуэнъ, — если деньги дастъ центральное правительство. «Безработные бѣдняки, — заканчиваетъ Оуэнъ, — будутъ поставлены въ такія условія, что быстро выплатятъ ассигнованныя имъ деньги. Колонія станетъ вполнѣ независима даже въ финансовомъ отношеніи.» Составитель плана добавляетъ, что его проектъ — самый простой и дѣйствительный. Осуществить его возможно немедленно и, такимъ образомъ, не только покончить съ безработицей, но и дать хорошее образованіе подрастающему поколѣнію.

IV.

Королевская коммиссія, назначенная для изслѣдованія вопроса о безработныхъ, не пріобщила даже доклада Оуэна къ своимъ трудамъ. Тогда составитель обратился къ содѣйствію печати. Планъ появился полностью въ № XXV «Филантропа», журнала, издаваемаго партнеромъ Оуэна — Вильямомъ Алленомъ. Затѣмъ докладъ былъ перепечатанъ въ «Times» и «Morning Post» (9 апрѣля 1817 г.). «Times» выразилъ сомнѣніе въ осуществимости проекта. Тогда Оуэнъ написалъ письмо въ редакцію, въ которомъ привелъ много аргументовъ. Послѣдніе, повидимому, убѣдили газету, потому что она помѣстила передовую статью, въ которой отнеслась гораздо болѣе сочувственно къ плану, чѣмъ раньше. «Мистеръ Оуэнъ не только теоретикъ, — писалъ «Times», — но и практикъ, имѣющій многолѣтній опытъ въ Нью-Ленеркѣ. Мы отъ души желаемъ поэтому, чтобы планъ былъ испытанъ на дѣлѣ.» «Morning Post» съ самаго начала отнеслась необыкновенно сочувственно къ проекту. Въ передовой статьѣ газета называетъ Оуэна «дѣйствительнымъ патріотомъ и примѣрнымъ филантропомъ». Черезъ три мѣсяца нѣсколько крупныхъ капиталистовъ Сити собрались, чтобы выслу-

шать докладъ Оуэна и послѣ этого назначили комитетъ для сбора денегъ для осуществленія плана. Реформаторъ долженъ былъ обладать замѣчательнымъ даромъ убѣждать, чтобы заручиться содѣйствіемъ капиталистовъ Сити. абсолютно не признающихъ никакихъ утопій. Объ этомъ дарѣ мы можемъ судить только косвенно, по словамъ людей, знавшихъ Оуэна. Прямыхъ данныхъ у насъ нѣтъ: Робертъ Оуэнъ писалъ очень плохо, сбивчиво и не ясно.

Такъ какъ возраженія противъ плана раздавались еще въ печати и въ обществѣ, то Оуэнъ составилъ «катехизисъ», въ которомъ собралъ всѣ аргументы критиковъ и отвѣтилъ на нихъ. Приведу нѣсколько мѣстъ изъ этого катехизиса. «*Вопросъ.* Будутъ ли люди работать на всѣхъ такъ же охотно и усердно, какъ на себя?». Оуэнъ отвѣчаетъ, что опытъ былъ уже продѣланъ и обнаружилось, что люди работаютъ ради общей цѣли съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ на хозяина. Путемъ воспитанія, кромѣ того, легко привить дѣтямъ преданность общественнымъ интересамъ.

В.—«Не будетъ ли содѣйствовать колонія нивелировкѣ и выработкѣ общаго, не интереснаго и шаблоннаго характера?

О.—«Нѣтъ. Люди, воспитанные съ дѣтства при благопріятныхъ условіяхъ, не превратятся въ сѣрую, однородную массу. Наоборотъ, здоровье, дѣятельность, энергія, значительная степень досуга и свобода отъ мелочныхъ, будничныхъ работъ, все это будетъ содѣйствовать развитію какъ индивидуальности, такъ и наиболѣе благородныхъ чертъ человѣческаго характера.»

В. «Если возникнетъ много колоній подобнаго типа, то не явится ли тогда переполненіе рынка (переполненнаго уже и теперь) земледѣльческими продуктами и фабрикатами? Не отзовется ли это гибельно на интересахъ земледѣлія, промышленности и торговли въ Англіи?

О. «Какъ можетъ случиться, чтобы общество имѣло слишкомъ много желательныхъ и полезныхъ продуктовъ? Въ интересахъ всѣхъ, чтобы богатства производились съ наименьшей затратой труда и съ наименьшей суммой страданій со стороны рабочихъ классовъ и, конечно, съ наибольшей выгодой для богатыхъ классовъ. Такимъ образомъ, въ обществѣ всѣ заинтересованы въ томъ, чтобы фабрикаты производились съ наименьшей затратой работы и съ наибольшей выгодой и комфортомъ для работниковъ.»

Англійскіе соціологи до сихъ поръ не могутъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго извѣстной книгой Мальтуса. Д. С. Милль, человѣкъ благороднѣйшей души, доказывалъ, тѣмъ не менѣе, что большая семья своего рода государственное преступленіе, если глава—бѣденъ. «Ни въ одной странѣ никогда не велись такіе оживленные споры относительно положенія работниковъ, какъ у насъ теперь въ Англіи,—читаемъ мы въ «Основахъ политической экономіи». Нигдѣ не слышались такія соболѣзнованія по поводу плачевнаго положенія пролетаріата, и нигдѣ такъ не обличались

тѣ, которые заподозрѣны въ равнодушіи къ судьбѣ его. Но на ряду съ этимъ мы наблюдаемъ также молчаливое согласіе игнорировать совершенно законы заработной платы. А то эти законы берутся въ кавычки и именуются «жестокосердымъ мальтузіанствомъ»... Не въ тысячу ли разъ болѣе жестоко сказать человѣческимъ существамъ, что они имѣютъ право вступать въ бракъ, когда они этого права не имѣютъ, потому что послѣдствіемъ является безчисленное множество созданій, которыя навѣрно будутъ несчастны и, очень возможно, обречены на преступленіе» *)? Въ другомъ мѣстѣ той же книги Милль говоритъ: «Бѣдность, подобно многимъ общественнымъ бѣдствіямъ, существуетъ потому, что люди потворствуютъ безъ надлежащаго размышленія своимъ животнымъ инстинктамъ; но общество возможно именно потому, что человѣкъ не всегда животное... Въ то время, какъ человѣка, подверженнаго пьянству, всѣ, считающіе себя нравственными людьми, презираютъ, главный аргументъ бѣдняка, обращающагося къ общественной помощи,—тотъ, что онъ народилъ большую семью и не можетъ ее содержать,—принимается во вниманіе».—Милль заявляетъ, что никакого важнаго улучшенія въ обществѣ не можетъ произойти до тѣхъ поръ, «покуда къ людямъ, народившимъ большую семью, которую они не могутъ содержать, не будутъ относиться съ такимъ же осужденіемъ, какъ къ пьяницамъ или подверженнымъ какимъ-либо другимъ предосудительнымъ порокамъ.»

Въ наше время, подъ впечатлѣніемъ книги «An Essay on the Principle of Population», создалось въ Англіи нео-мальтузіанское движеніе, пользующееся молчаливымъ одобреніемъ судей, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Объ успѣхѣ его можно судить по быстрому паденію процента рожденій **). Любопытно, что въ той же Англіи появилось одно изъ наиболѣе вѣскихъ опроверженій теоріи Мальтуса. Я имѣю въ виду Спенсера, доказавшаго, что способность организмовъ къ размноженію находится въ обратномъ отношеніи съ ихъ индивидуальнымъ развитіемъ ***). Чѣмъ развитѣе данный организмъ, тѣмъ онъ менѣе способенъ къ размноженію. Поэтому, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, способность человѣчества къ размноженію падаетъ и въ будущемъ можетъ установиться полное равновѣсіе между ростомъ населенія и средствами къ существованію, помимо всякихъ предупредительныхъ или задерживающихъ мѣръ.

Въ началѣ XIX вѣка, когда Р. Оуэнъ выступилъ со своимъ планомъ, вліяніе Мальтуса было сильнѣе, чѣмъ во времена Милля или теперь. Ему пришлось считаться съ доводами мальтузіанцевъ.

---

*) Principles of Political Economy, Book II, chap. XI. 6.

**) См. *Діонео*. „Англійскіе силуэты" стр. 57—58, и 456—459.

***) „Individuation and Genesis are in necessary antagonism",—говоритъ Спенсеръ.

Съ «катехизисѣ» мы находимъ такой вопросъ: «Не возраститъ ли населеніе, если число проектируемыхъ колоній увеличится, до такой степени, что значительно превыситъ средства къ существованію Англіи?» На этотъ вопросъ Оуэнъ отвѣчаетъ очень подробно и обстоятельно. По времени, это—первая и рѣшительная критика закона о населеніи Мальтуса. Оуэнъ доказываетъ полную неосновательность предположенія, что населеніе увеличивается быстрѣе, чѣмъ средства къ существованію. Возникнуть оно могло только потому, что несовершенства и ненормальности современнаго общества приняты, какъ нѣчто незыблемое и вѣчное. При правильной и справедливой постановкѣ, земля, трудъ и капиталъ могутъ дать вчетверо больше результатовъ, чѣмъ теперь. Каждый работникъ легко можетъ производить продуктовъ въ десять разъ больше, чѣмъ необходимо ему для собственнаго потребленія. Опасенія, что не хватитъ пищи для всѣхъ, во всякомъ случаѣ, можетъ быть отодвинуто до того отдаленнаго времени, когда вся поверхность земного шара будетъ напоминать цвѣтущій садъ. Въ серединѣ двадцатыхъ годовъ, когда Робертъ Оуэнъ началъ пропагандировать необходимость коопераціи, индивидуалисты опять, въ видѣ тяжелой артиллеріи, выдвинули законъ Мальтуса о населеніи. «Если коопераціи дѣйствительно поведутъ къ необыкновенному улучшенію матеріальнаго положенія массъ,—возражали противники Оуэна,—то браки и дѣторожденія страшно возрастутъ. А такъ какъ средства къ существованію растутъ только въ ариѳметической прогрессіи, тогда какъ населеніе въ геометрической, то обновленіе общества путемъ коопераціи неминуемо должно привести къ гибели его отъ голода». Въ таверну «Короны и Свитка», на улицѣ Chancery Laue въ Лондонѣ, гдѣ тогда лектировалъ Робертъ Оуэнъ, каждый вечеръ приходили молодые либералы—Чарльсъ Остинъ, Д. С. Милль, Рёбекъ и др., чтобы выдвинуть противъ «утопіи«—законъ Мальтуса и «здравый смыслъ». «Такъ какъ дѣйствительныя мнѣнія большинства людей опредѣляются не столько разумѣніемъ предметной истины, сколько предразсудками, внушеніями страстей и требованіями матеріальныхъ интересовъ,—говоритъ Вл. Соловьевъ,—и такъ какъ всякій человѣкъ, чувствуя и признавая свои физическія слабости и недуги, не сомнѣвается, однако, въ своемъ умственномъ здоровьѣ и въ правильности своего образа мыслей, то въ результатѣ получается такое понятіе здраваго смысла, которое не имѣетъ прямого отношенія къ истиннымъ нормамъ, а выражаетъ лишь среднія мнѣнія и обычные интересы людской толпы, въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени. Такой здравый смыслъ направленъ вообще къ охраненію наличнаго состоянія общественной жизни и мысли, противъ всего, что двигаетъ людей впередъ и возвышаетъ ихъ духовный уровень». Трудно перечислить даже то количество гнусностей, глупостей и преступленій, которое совершено было въ разные

вѣка человѣчествомъ, отстаивавшимъ противъ реформаторовъ въ области науки, политики или соціальныхъ отношеній «среднія мнѣнія и обычные интересы людской толпы въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени», т. е. то, что вдохновители толпы называли «здравымъ смысломъ». Люди, хохотавшіе надъ Колумбомъ, Коперникомъ или Галлилеемъ были тоже защитниками здраваго смысла. Въ области политики и соціальныхъ отношеній сторонники застоя, косности, деспотизма насилія и несправедливости постоянно выставляютъ свой «здравый смыслъ» противъ «безсмысленныхъ и безпочвенныхъ мечтаній» противниковъ... Робертъ Оуэнъ не боялся возражать мальтузіанцамъ, хотя тѣ, какъ высшій аргументъ, приводили доводы здраваго смысла. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ мальтузіанство въ Англіи было обставлено новыми доводами. Р. Оуэнъ въ своей книгѣ «The Book of the New Moral World», вышедшей въ 1835 г., не колеблясь, тѣмъ не менѣе, заявляетъ, что «Мальтусъ и его послѣдователи сражаются съ призраками, порожденными мракомъ ихъ собственнаго невѣжества».

Робертъ Оуэнъ усиленно агитировалъ въ пользу своего плана. Въ нумерѣ *Times* отъ 9 августа 1817 г., мы находимъ статью реформатора, въ которой онъ доказываетъ преимущества своихъ кооперативныхъ независимыхъ колоній предъ нынѣшними городами. «Промышленные центры,— заканчиваетъ свою статью Робертъ Оуэнъ,— представляютъ собой очаги бѣдности, порока, преступленія и нищеты, тогда какъ проектируемыя деревни явятся пребываніемъ изобилія, дѣятельнаго ума, правильнаго поведенія и счастья». Въ высшей степени интересно наблюдать процессъ агитаціи. Въ лицѣ Оуэна мы находимъ энтузіаста особаго закала: практичнаго дѣльца, считающагося постоянно съ дѣйствительностью. Между тѣмъ мы видимъ, какъ идея постепенно захватываетъ Оуэна и какъ горизонты передъ нимъ расширяются. Вначалѣ Оуэнъ проектировалъ только колоніи для безработныхъ; но черезъ четыре мѣсяца онъ предвидитъ уже, что вся земля покроется союзомъ самостоятельныхъ коопераций. Общество пойметъ, что продолжать старый порядокъ, основанный на несправедливости и подавленіи всего лучшаго, что есть въ человѣкѣ, нелѣпо,—утверждалъ Оуэнъ. Разъ люди придутъ къ такому заключенію, обновленіе наступитъ быстро. Въ письмѣ своемъ, осенью 1817 года, Оуэнъ выражаетъ твердую вѣру, что онъ «доживетъ свои дни въ одной изъ подобныхъ счастливыхъ деревень». Реформаторъ предвидитъ, какъ онъ самъ будетъ работать на поляхъ или въ мастерской общины. «Переходъ отъ стараго строя къ новому свершится легко и просто. Никакихъ помѣхъ не можетъ быть. Міръ знаетъ и чувствуетъ существующее зло, и когда онъ увидитъ практическій выходъ, то переворотъ совершится незамѣтно».

Любопытно отношеніе англійскаго общества къ проекту Оуэна. Состоятельные классы отнеслись необыкновенно сочувственно,

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ проектъ Оуэна появился въ *Таймсѣ*, неизвѣстное лицо подарило на первую колонію 1500 акровъ земли. Затѣмъ явились жертвователи деньгами. Оуэну предлагали помощь со всѣхъ сторонъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что богатые классы тогда были встревожены броженіемъ въ массахъ. Англичане люди практичные, умные и дальновидные. Они знаютъ, что простыми полицейскими мѣрами или отмѣной Habeas Corpus невозможно успокоить народъ, разъ существуютъ причины, порождающія броженіе. Богатые классы желали устройствомъ колоній открыть предохранительный клапанъ революціи. Къ Оуэну аристократія тогда относилась такъ же, какъ теперь банкиры и крупные фабриканты къ ген. Бутсу, начальнику Арміи Спасенія. Банкиры теперь охотно даютъ деньги генералу, потому что видятъ въ немъ человѣка, который убираетъ опасные элементы. Когда понадобилось въ 1906 г. больше милліона, чтобы переселить 10,000 безработныхъ на берегъ Замбези, деньги нашлись быстро. Бѣдняги переселенцы не нашли обѣтованную землю на болотистыхъ берегахъ, гдѣ даже туземцы не могутъ жить! Но успѣхъ Оуэна только отчасти объясняется стремленіемъ богатыхъ классовъ избавиться отъ опасныхъ элементовъ въ обществѣ. Извѣстное значеніе имѣлъ также тотъ умственный и нравственный подъемъ, который продолжался въ Англіи до конца шестидесятыхъ годовъ. Крайніе радикалы, предшественники нынѣшнихъ соціалистовъ, отнеслись отрицательно къ плану Оуэна.

Но прежде всего нужно сказать нѣсколько словъ о предшественникахъ его въ Англіи.

V.

Въ 1775 г. въ Ньюкэстелѣ-на-Тайнѣ жилъ молодой учитель Томасъ Спенсъ (родился въ 1750 г.). Подъ впечатлѣніемъ захвата общественной земли, онъ написалъ докладъ подъ названіемъ: «Какимъ образомъ пользоваться землей, составляющей общественную собственность, и какъ распредѣлять между всѣми жителями даннаго прихода прибыль съ нея», который прочиталъ въ Ньюкэстельскомъ Философскомъ Обществѣ. Въ этомъ докладѣ Спенсъ доказываетъ, что частное землевладѣніе—одна изъ самыхъ грубыхъ и безсовѣстныхъ формъ грабежа. Земля должна принадлежать всѣмъ живущимъ на ней. Теперь—доказывалъ Спенсъ,—наступило время, когда народъ долженъ взять, что отнято у него. Каждый приходъ можетъ сдѣлать это явочнымъ порядкомъ *). Приходъ, та-

*) Докладъ Спенса напечатанъ отдѣльно: „The Rights of Man, as exhibited in a lecture read to the Philosophical Society of Newcastel". О Спенсѣ см. книжки Моррисона Дэвидсона: „Land for Landless: Spence and Spence's plan" и „Precursors of Henry George", London, 1904.

кимъ образомъ, превращается въ экономическую единицу, всѣ члены которой живутъ отъ земли. Спенсу не дали кончить доклада и прогнали изъ Философскаго Общества. Въ самомъ городѣ ему не давали покоя, и Спенсъ, вынужденный оставить Ньюкэстель-на-Тайнѣ, переселился въ Лондонъ, гдѣ завелъ книжную лавочку. Онъ началъ пропагандировать свои взгляды путемъ памфлетовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ «Pig's Meat, or Lessons for the Swinish Multitude». У Томаса Спенса явились многочисленные поклонники, которые основали особый клубъ (Spencean Club). Англійское правительство, напуганное ураганомъ, свирѣпствовавшимъ во Франціи, усмотрѣло въ Томасѣ Спенсѣ послѣдователя французскихъ революціонеровъ, и предшественникъ Генри Джорджа почти не выходилъ изъ тюрьмы. Послѣ смерти Спенса (въ 1814 г.) ученики его продолжали пропаганду съ такимъ успѣхомъ, что это явилось одной изъ причинъ отмѣны Habeas Corpus въ 1817 г.

Ученіе Спенса имѣло вліяніе на Оуэна. Оба они принимали за независимую единицу деревню или приходъ. Но гораздо болѣе сильное впечатлѣніе на Оуэна произвелъ не Томасъ Спенсъ, а забытый публицистъ конца XVII вѣка Джонъ Беллеръ, первый излагавшій принципы кооперацій. Оуэнъ въ своихъ письмахъ самъ разсказываетъ, какъ поразили его памфлеты Беллера, на которые онъ случайно натолкнулся. Главный трудъ Беллера—«Proposals for raising A Colledge of Industry of all useful Trades and Husbandry» («Проектъ постройки школы всѣхъ полезныхъ отраслей промышленности и земледѣлія).—Оуэнъ перепечаталъ на свой счетъ въ 1818 году.

Представители богатыхъ классовъ отнеслись необыкновенно сочувственно къ проекту Оуэна. Въ числѣ лицъ, обѣщавшихъ ему поддержку, мы встрѣчаемъ министровъ, банкировъ, епископовъ и издателей всѣхъ большихъ газетъ. Совсѣмъ иное отношеніе мы видимъ со стороны радикаловъ. Издатель крайне популярнаго въ то время народнаго журнала *Black Dwarf* (Черный карликъ) въ нумерѣ отъ 14 августа 1817 г. указываетъ на то, что Оуэнъ является послѣдователемъ Спенса, и удивляется, почему послѣдній не выходилъ изъ тюрьмы, тогда какъ ученика его поддерживаютъ министры и епископы. Лично къ Оуэну журналъ отнесся сперва снисходительно, хотя съ тѣмъ гордымъ сознаніемъ своего неизмѣримаго превосходства, которое мы, русскіе, можемъ наблюдать теперь дома. За то *Черный карликъ* совершенно отрицательно отозвался о проектируемыхъ колоніяхъ. По мнѣнію журнала, то будутъ «дѣтскія для взрослыхъ людей», своего рода «казармы для бѣдняковъ», въ которыхъ мужчины, женщины и дѣти превращены будутъ въ автоматы. Чувства, страсти и мнѣнія обитателей колоніи будутъ мѣрены общимъ правиломъ. Люди будутъ работать сообща, жить сообща и имѣть все общее, кромѣ женъ. У нихъ будетъ много

ѣды, много платья, но очень мало свободы и надеждъ» *). «Съ мистеромъ Оуэномъ аргументировать совершенно безполезно,—читаемъ мы въ другомъ нумерѣ *Черного Карлика*.—Онъ только умѣетъ *излагать* свою систему, *защищать* ее—выше его силъ. Вмѣсто отвѣта на возраженія, сдѣланныя ему, Оуэнъ ограничивается повтореніемъ, что его планъ — самый лучшій. «Посмотрите,—говоритъ онъ,—какъ все это хорошо выходитъ *на бумагѣ*, какъ симметрично расположены зданія и какъ величественны они! Тутъ рѣшительно всѣ хозяйственныя постройки, какія только можно пожелать. Вотъ вамъ школа, читальня, залъ для митинговъ, пивоварня, сушки, амбары и рабочій домъ. Сюда мы помѣстимъ женщинъ и мужчинъ, а вотъ здѣсь—дѣтей. Мы ихъ будемъ собирать къ обѣду по звонку, сытно кормить, тепло одѣвать и не морить работой. Они всѣ должны быть такъ счастливы! Нѣтъ ничего, во всякомъ случаѣ, что препятствовало бы этому. Всѣ дурныя страсти мы вытравимъ. Я самъ желалъ бы жить въ такой колоніи,—вздыхаетъ мистеръ Оуэнъ.—Кто только понимаетъ мой планъ—не станетъ возражать противъ него. Въ нашихъ церквахъ мы будемъ проповѣдывать только *истину*. Въ школахъ станемъ учить только *полезному*». Такъ разсуждаетъ г. Оуэнъ. И если ему удастся сфабриковать существа, чтобы населить колоніи, точно также, какъ онъ выработалъ законы, которыми они будутъ управляться, то все пойдетъ хорошо» **). *Черный Карликъ* въ слѣдующемъ нумерѣ совѣтуетъ Оуэну оставить бѣдняковъ въ покоѣ. «Рабочая пчела всегда найдетъ себѣ улей,—говоритъ журналъ. Если филантропу такъ страстно хочется населить кѣмъ-нибудь свои казармы, пусть онъ заберетъ великосвѣтскихъ обивателей пороговъ, разжирѣвшихъ епископовъ, богатыхъ бездѣльниковъ и отдыхающихъ на пенсіонѣ чиновниковъ. Эти господа врядъ ли выработаютъ, что съѣдятъ, но за то сами избавятся отъ подагры, а народъ освободятъ отъ необходимости кормить ихъ». Другіе радикалы такъ же отнеслись къ къ Оуэну. «Предъ нами заново выкрашенный проектъ Спенса,—писалъ Хопъ (Hope) въ своемъ журналѣ *Reformists' Register*.—Оуэнъ полагаетъ, что люди—своего рода растенія, которыя необходимо только пересадить въ новую землю, чтобы все пошло хорошо. И вотъ онъ разбиваетъ землю на грядки и пересаживаетъ растенія правильными рядами» и пр. Извѣстный памфлетистъ-радикалъ Вильямъ Коббетъ сравнилъ колонію съ громадной клѣткой для обезьянъ и утверждалъ, что всякій, поступившій въ колонію, этимъ самымъ признаетъ себя пауперомъ на вѣки вѣковъ. Памфлетистъ сдѣлалъ еще одинъ выпадъ, которымъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ не брезгаютъ консерваторы: Коббетъ заподозрилъ нравственность будущей колоніи. «Будутъ ли мужчины и

*) *The Black Dwarf.*, 1817, vol., 1, p. 468.
**) *Black Dwarf*, August 20, 1817.

женщины жить отдѣльно или вмѣстѣ, въ свальномъ грѣхѣ», — заканчиваетъ свой памфлетъ Коббетъ. Любопытно, что статья написана въ Соединенныхъ Штатахъ, куда авторъ вынужденъ былъ бѣжать, спасаясь отъ правительственнаго террора, наступившаго послѣ временной отмѣны Habeas Corpus.

Радикалы, нападавшіе на проектъ Оуэна, доказывали, что для излѣченія общественныхъ язвъ, указанныхъ имъ, необходимы только политическія реформы. Все зло оттого, — утверждалъ *Черный Карликъ,* что правительство плохо и налоги несправедливо распредѣлены. Радикалы доказывали, что планъ Оуэна не осуществимъ практически и протестовали противъ снисходительнаго отческаго деспотизма, который, въ сущности, долженъ былъ установиться въ колоніяхъ, если бы онѣ могли возникнуть. Деспотизмъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявился и ради какихъ бы то ни было цѣлей,—былъ глубоко антипатиченъ вождямъ англійскаго радикализма того времени: Коббету, Хону и Уулеру. Радикалы, кромѣ того, утверждали, что, въ концѣ концовъ, колоніи, если бы онѣ могли бы даже возникнуть, явятся только паліативами.

Любопытно, что практическіе люди не считали проекта Оуэна невозможной утопіей. Въ числѣ лицъ, поддерживавшихъ Оуэна, мы видимъ Рикардо, который утверждалъ, что планъ нужно, прежде всего, испробовать на дѣлѣ, раньше, чѣмъ осудить его. По мнѣнію знаменитаго экономиста, колоніи не дадутъ результатовъ, какихъ ожидаетъ Оуэнъ, т. е. онѣ не обновятъ радикально человѣчество; но все же онѣ могутъ поднять высоко благосостояніе массъ. Поддержка со стороны епископовъ и сильныхъ міра значительно повредила Оуэну въ глазахъ радикаловъ. Нужно прибавить, что поддерживали они его очень недолго, покуда думали, что реформаторъ желаетъ только избавить ихъ отъ опасныхъ элементовъ общества. Скоро мы видимъ, что готовность содѣйствовать Оуэну замѣняется крайнею подозрительностью. Однимъ изъ первыхъ изъ торійскаго лагеря противъ реформатора выступилъ поэтъ Соузи (Southey), который незадолго до того изъ яраго республиканца, воспѣвавшаго крестьянское возстаніе Уота Тейлора, превратился въ крайняго консерватора и ханжу. Во времена своего республиканства Соузи былъ атеистомъ; теперь онъ увѣровалъ, что есть только одна истинная церковь—англиканская. Соузи выступилъ противъ дѣятельности Роберта Оуэна вообще и, въ частности, противъ только что опубликованной имъ книжки «Essays on the Formation of Character» *). Поэтъ обвинялъ реформатора въ томъ, что «ученіе его не основано на принципахъ религіи». Епископы и священники вспомнили тутъ обстоятельство, которое Оуэнъ никогда не скрывалъ отъ нихъ: его свободомысліе. Прежніе сторон-

*) Русскій переводъ: „Объ образованіи человѣческаго характера“.

ники начали коситься. И вотъ Оуэнъ въ цѣломъ рядѣ лекцій сталъ доказывать, что въ будущемъ обществѣ любовь человѣка къ человѣку явится не только эквивалентомъ вѣры, но принесетъ еще то, чего послѣдняя никогда не давала человѣчеству. Въ этихъ лекціяхъ Оуэнъ говоритъ объ обществѣ, которое все превратится въ одну семью. «Каждый будетъ чувствовать себя членомъ большой семьи; всѣ работаютъ для общей цѣли; при такихъ условіяхъ, даже смерть станетъ на половину менѣе страшно, чѣмъ теперь. Оплакивающіе смерть друга или близкаго существа будутъ утѣшаться сознаніемъ, что ихъ окружаетъ еще тѣсный кругъ дорогихъ людей. Куда ни взглянутъ потерявшіе друга, — они увидятъ всюду тысячи и тысячи людей, объединенныхъ тѣсной дружбой и общностью интересовъ, готовыхъ предложить помощь или слово утѣшенія. Не будетъ больше ни сиротъ, оставленныхъ безъ покровителей, ни несчастныхъ, обреченныхъ беззащитностью на гибель. Вмѣсто одного потеряннаго друга и покровителя, явятся тысячи другихъ. При такихъ условіяхъ справедливо будетъ воскликнуть: «Смерть, гдѣ твое жало? Могила, гдѣ же твоя побѣда?»».

Меня спросятъ,—продолжаетъ Оуэнъ,—если планъ, предлагаемый мною, можетъ дать такіе поразительные результаты, то почему онъ не осуществленъ уже давно, много вѣковъ тому назадъ? Почему безчисленные милліоны людей стали жертвами невѣжества, суевѣрія, умственнаго вырожденія и нищеты? Друзья мои, болѣе важный вопросъ, чѣмъ этотъ, никогда еще не предлагался сынамъ человѣческимъ. Кто *можетъ* отвѣтить на него? Кто *дерзнетъ* отвѣтить? Между тѣмъ освобожденіе міра изъ оковъ раздора, заблужденій, преступленій и нищеты такъ не трудно!.. Друзья мои! познать истину и счастье постоянно мѣшали человѣчеству основныя понятія каждой религіи. Они дѣлали людей глубоко несчастными и непослѣдовательными существами. Вслѣдствіе заблужденій, на которыхъ построены ученія, внушавшіяся человѣчеству, люди превратились въ слабоумныхъ животныхъ, въ яростныхъ ханжей, въ фанатиковъ или въ презрѣнныхъ лицемѣровъ... Если человѣчество не въ состояніи отречься отъ своихъ заблужденій и не можетъ преисполниться самой широкой религіозной терпимости, то совершенно безполезно строить идеальныя кооперативныя деревни. Если люди не въ состояніи любить другъ друга, какъ братья, все равно, будутъ ли они евреи или христіане, магометане или язычники, то спасеніе міра не возможно. Каждая религія ложна, потому что она не содѣйствуетъ братскому сближенію людей *). Послѣ лекціи, отношеніе богатыхъ классовъ къ проекту Оуэна значительно измѣнилось. Мы видѣли, какъ привѣтствовалъ «Times» реформатора. Черезъ нѣсколько недѣль та же газета писала: «Вчера (то есть послѣ лекціи) надъ проектомъ

*) *Frank Podmore*, „Robert Owen" vol. 1, p. p. 244—247.

Оуэна опустился занавѣсъ общественнаго сочувствія, который врядъ ли поднимется еще разъ когда-нибудь. Оуэнъ обѣщаетъ человѣчеству рай; но къ такому раю всякій здравый умъ, воспитанный на догматахъ христіанства, отнесется съ ужасомъ.»

«Здравые умы», проникнутые христіанскимъ ученіемъ, не отступали, однако, «съ ужасомъ» предъ грабежомъ общинной земли, предъ малолѣтками, которыхъ покупали и гнали гуртомъ на фабрики, предъ смертной казнью для стачечниковъ и предъ ссылкой въ Австралію дѣтей, уличенныхъ въ похищеніи хлѣба съ лотка.

Въ слѣдующей лекціи, прочитанной 10 октября 1817 г., Оуэнъ прямо говоритъ, что для спасенія общества недостаточны политическія реформы, о которыхъ говорятъ радикалы, т. е. расширеніе избирательнаго права, а необходимъ соціальный переворотъ. У Оуэна тогда уже были многочисленные послѣдователи. Образовался спеціальный комитетъ, который принималъ пожертвованія и записывалъ членовъ, желающихъ поселиться въ идеальной колоніи, когда она возникнетъ.

Оуэнъ все еще былъ глубоко убѣжденъ, что соціальное зло въ значительной степени обусловливается невѣдѣніемъ; вотъ почему онъ пытался выяснить суть своей системы сильнымъ міра. Съ этой цѣлью онъ отправился на континентъ въ сентябрѣ 1818 г., гдѣ написалъ два меморіала. Одинъ былъ адресованъ ко всѣмъ правительствамъ Европы и Америки, а другой къ союзнымъ державамъ, собравшимся на конгрессъ въ Ахенѣ. Оуэнъ лично подалъ также копію меморіала императору Александру I, когда тотъ выходилъ изъ своего отеля. Государь велѣлъ Оуэну придти къ нему вечеромъ, но рѣзкость тона оскорбила реформатора и онъ не явился. Въ меморіалахъ Оуэнъ изложилъ свои основные взгляды, высказанные имъ раньше въ «Essays on the Formation of Caracter» и въ лекціяхъ.

1. Изобрѣтеніе машинъ даетъ возможность производить не только всѣ богатства, необходимыя для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, но даже гораздо больше.

2. Человѣчество обладаетъ теперь всѣми необходимыми средствами и знаніями, дающими ему возможность образовать по своему желанію характеръ слѣдующаго поколѣнія.

3. Въ интересахъ, какъ индивидуумовъ, такъ и правительствъ немедленно примѣнить на дѣлѣ эти знанія.

Оуэнъ подробно защищаетъ каждое изъ выставленныхъ положеній. Въ меморіалахъ онъ ничего не говоритъ ни объ идеальныхъ деревняхъ, ни о вредномъ вліяніи религіи. Заканчиваются меморіалы крайне характерно. «Вся исторія человѣчества говоритъ только о нераціональныхъ дѣйствіяхъ его. Теперь для человѣчества наступаетъ разсвѣтъ разума. Умъ человѣческій долженъ родиться вновь.»

Врядъ ли нужно прибавлять, что меморіалы не имѣли никакихъ

послѣдствій. Оуэнъ разсчитывалъ, что всюду въ Европѣ, по инипіативѣ правительства, начнется ломка стараго строя.

VI.

Опытъ въ Нью-Лэнеркѣ былъ единственный. Оуэнъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ деньги, чтобы повторить опытъ въ большихъ размѣрахъ и на новой почвѣ. Удалось это ему только въ 1824 г.

Въ самомъ началѣ XIX вѣка вюртенбергскій религіозный реформаторъ Георгъ Раппъ переселился со своими послѣдователями въ Америку и основалъ близъ Питсбурга общину Гармонія. Теперь всѣ эти мѣста густо заселены и изрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами. Тогда тутъ были еще дѣвственные лѣса. Община выкорчевала лѣсъ, построила деревню, и дѣла ея пошли великолѣпно. Первые годы въ братьяхъ былъ силенъ религіозный подъемъ духа, порожденный преслѣдованіями на родинѣ. Въ Америкѣ ихъ не преслѣдовали, и религіозная община превратилась въ обыкновенную цвѣтущую колонію очень трудолюбивыхъ, трезвыхъ и честныхъ людей. Колонисты сильно разбогатѣли. Георгъ Раппъ сталъ опасаться, что богатство гибельно отразится на религіозности общины, и вотъ въ 1807 г. онъ сталъ проповѣдывать необходимость безбрачія и постояннаго кочеванія. Въ 1814 г. община перекочевала вглубь страны, въ большую глушь и основалась на притокѣ Огайо, въ Индіанѣ. Опять пришлось корчевать лѣсъ, осушать болота, строить дома, фабрики и палисады для защиты отъ индѣйцевъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ колонія расцвѣла. Переселенцы не только подняли цѣлину, но построили также фабрику для пряденія шелка (въ окрестностяхъ колонисты нашли цѣлые лѣса тутовыхъ деревьвъ), суконную фабрику, лѣсопильню, кирпичный заводъ, маслобойню и пр. Путешественникъ, посѣтившій въ 1822 г. Новую Гармонію, какъ называли колонію, нашелъ ее въ цвѣтущемъ состояніи, но отличительнымъ признакомъ ея было полное отсутствіе радости и веселья. Постройки носили строго утилитарный характеръ. Исключеніе составлялъ лабиринтъ аллей, обсаженныхъ буками. Запутанная система дорожекъ въ этомъ лабиринтѣ вела наконецъ къ центру, гдѣ стоялъ домикъ, очень невзрачный снаружи, но необыкновенно нарядный внутри. Лабиринтъ былъ построенъ не для забавы, а имѣлъ символическое значеніе. Онъ изображалъ утомительное странствованіе колониста, покуда онъ не обрѣлъ мирной пристани въ коммунистической жизни. Какъ только колонія зацвѣла, Георгъ Раппъ организовалъ новый исходъ въ пустыню. Поклонники Оуэна предложили ему купить Новую Гармонію для соціальнаго опыта. Въ декабрѣ 1824 г. Оуэнъ поѣхалъ со своимъ вторымъ сыномъ Вильямомъ въ Аме-

рику, оставивъ въ Нью-Лэнеркѣ завѣдующимъ старшаго сына Роберта Дэйля. Въ апрѣлѣ 1825 г. Робертъ Оуэнъ купилъ свою колонію, съ землей, жилыми постройками и фабриками, за 30,000 ф. ст. Въ Америкѣ Оуэна уже знали хорошо. Въ Нью-Іоркѣ онъ нашелъ даже большое общество, возникшее для пропаганды его взглядовъ (Society for promoting Communities). Общество это издало нѣсколько памфлетовъ и значительно помогло въ покупкѣ Новой Гармоніи. Оуэна встрѣтили въ Соединенныхъ Штатахъ съ необыкновеннымъ почетомъ. На докладѣ, который реформаторъ прочиталъ въ мартѣ 1825 г., въ Вашингтонѣ, присутствовали президентъ, министры, судьи и члены конгресса. Оуэнъ объяснилъ, что Новая Гармонія послужитъ питомникомъ для людей, которые преобразуютъ потомъ общество. Въ ближайшемъ будущемъ возникнетъ рядъ самостоятельныхъ, но въ то же время объединенныхъ общимъ духомъ кооперацій. Отдѣльныя общины сгруппируются потомъ вмѣстѣ въ одинъ штатъ, который войдетъ въ составъ республики. Мальчики въ общинахъ научатся владѣть оружіемъ, такъ что сумѣютъ потомъ отстоять, если представится необходимость, родную деревню или штатъ. «Теперь здѣсь, въ сердцѣ Соединенныхъ Штатовъ,—закончилъ Оуэнъ,—я возвѣщаю нарожденіе новаго общества, основаннаго на мирѣ и на благоволеніи къ людямъ». Лекторъ призывалъ трудолюбивыхъ и гуманныхъ людей всѣхъ націй явиться въ Новую Гармонію.

Въ началѣ 1825 г. въ Новую Гармонію изъ всѣхъ штатовъ явилось около 800 человѣкъ. Оуэнъ не имѣлъ возможности выбирать людей, какъ онъ раньше предполагалъ. Въ октябрѣ того же года Вильямъ Оуэнъ писалъ отцу, что пришлось удалить нѣкоторыхъ членовъ общины, представлявшихъ собою настоящихъ трутней. Въ октябрѣ 1825 года община была наконецъ организована. Робертъ Оуэнъ, предъ отъѣздомъ въ Европу, собралъ всѣхъ членовъ Новой Гармоніи. Онъ объяснилъ имъ, что переходъ отъ индивидуализма къ коммунизму не можетъ быть свершенъ сразу. Необходимо время, чтобы граждане будущей общины привыкли другъ къ другу. Только съ теченіемъ времени могутъ также переродиться эгоистическія привычки, созданныя индивидуализмомъ—въ привычки иной категоріи, необходимыя для соціалистическаго общества. Необходимъ этапъ посрединѣ пути между индивидуализмомъ и соціализмомъ, и такой промежуточной станціей будетъ Новая Гармонія. «Хотя это не ваше постоянное жилье,—продолжалъ Оуэнъ,—а только временная гостиница, гдѣ мы должны скинуть съ себя ветхаго человѣка и приготовиться къ новой жизни, но, надѣюсь, всѣ вы найдете таверну удобной». Затѣмъ Робертъ Оуэнъ прочиталъ временную конституцію Новой Гармоніи. Какъ основатель и собственникъ земли, Оуэнъ предложилъ колонистамъ избрать распорядительный комитетъ срокомъ на одинъ годъ. Доступъ въ общество открытъ для всѣхъ, за исключеніемъ

цвѣтнокожихъ. Члены не несутъ никакой имущественной отвѣтственности за неуспѣхъ колоніи. Они работаютъ подъ наблюденіемъ избраннаго комитета въ различныхъ областяхъ промышленности. Количество полезной работы, исполненной каждымъ изъ членовъ, вносится ему въ его личный счетъ, изъ котораго вычитается стоимость всѣхъ продуктовъ, взятыхъ сочленомъ изъ общественныхъ магазиновъ. Къ концу года остающійся балансъ перечисляется въ активъ даннаго лица, но оно не можетъ, безъ разрѣшенія комитета, получить эквивалентъ наличными деньгами. Каждый членъ общины, если пожелаетъ, можетъ оставить колонію, предупредивъ о томъ за недѣлю. Въ такомъ случаѣ, онъ получаетъ весь причитающійся ему балансъ наличными деньгами. Члены общины потребляютъ продукты, выработанные въ колоніи же или, во всякомъ случаѣ, американскаго происхожденія. Черезъ три года колонія преобразуется въ коммунистическую общину, и тогда «все зло старой, эгоистической индивидуалистической системы должно быть окончательно похоронено».

Робертъ Оуэнъ уѣхалъ въ Англію, оставивъ въ Новой Гармоніи своего сына Вильяма. Къ концу лѣта 1825 г. въ колоніи стала выходить газета «New Harmony Gazette» съ девизомъ: «Если мы не можемъ согласить всѣ мнѣнія, то попытаемся объединить всѣ сердца». Въ газетѣ этой мы находимъ много данныхъ относительно первыхъ шаговъ колоніи. Земледѣліе пошло хорошо сразу. Америка тогда была молодой земледѣльческой страной, и большинство колонистовъ имѣло представленіе о хлѣбопашествѣ. На фабрикахъ дѣла обстояли не такъ хорошо. Въ Новой Гармоніи имѣлось нѣсколько фабрикъ и заводовъ, но чувствовался недостатокъ въ искусныхъ, знающихъ работникахъ. Хорошо пошла лѣсопилка. Она стала снабжать досками не только колонію, но и всю округу. Наладились также мастерскія шапочная и сапожная, а также заводы мыловаренный и свѣчной. И тутъ колонія производила гораздо больше фабрикатовъ, чѣмъ требовалось ей, за то стояли вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ красильня и гончарный заводъ. Ткацкая фабрика и сукновальня, хотя работали, но мало. Въ письмѣ къ отцу Вильямъ Оуэнъ говоритъ, что колонія нуждается въ каменщикахъ, колесникахъ, столярахъ, машинистахъ, гончарахъ, «а затѣмъ—въ поварахъ и въ прачкахъ». Колонисты должны были не только сами строить, но и изготовлять строительный матеріалъ: обжигать известь, лѣпить кирпичи, пилить гонтъ для крышъ и доски. Въ общемъ, однако, Вильямъ Оуэнъ доволенъ ходомъ дѣлъ въ колоніи. Онъ отмѣчаетъ только, что пришлось избавиться отъ «нѣсколькихъ трутней». Основалась школа съ пансіономъ для 130 дѣтей. Для защиты отъ набѣга индѣйцевъ (Новая Гармонія находилась на границѣ территоріи не замиренныхъ краснокожихъ) колонисты образовали милицію: роту артиллеріи, роту пѣхоты и отрядъ стрѣлковъ. Развлеченія тоже не были забыты: по втор-

никамъ устраивались балы въ ратушѣ, по пятницамъ - концерты, а по средамъ — митинги и собесѣдованія по общественнымъ вопросамъ.

Въ январѣ 1826 г. Робертъ Оуэнъ снова пріѣхалъ въ Новую Гармонію вмѣстѣ съ нѣсколькими выдающимися лицами, горячо интересовавшимися опытомъ обновленія человѣчества. Въ числѣ ихъ мы видимъ выдающагося геолога Маклюра, сильно интересовавшагося также народнымъ образованіемъ. Въ концѣ XVIII в Маклюръ прибылъ въ Америку молодымъ человѣкомъ. Желая чѣмъ нибудь помочь странѣ свободы, которая тогда въ глазахъ идеалистовъ Европы была окружена ореоломъ, Маклюръ самъ, единолично, на свой собственный счетъ, произвелъ геологическія изслѣдованія и составилъ карту молодой республики. Опытъ Роберта Оуэна сильно заинтересовалъ Маклюра. Онъ далъ реформатору значительную сумму денегъ и предложилъ также взять на себя завѣдываніе школами. Съ Маклюромъ прибылъ другъ его Томасъ Сэй, выдающійся зоологъ. Въ Америкѣ онъ написалъ еще двѣ замѣчательныя монографіи, которыя были напечатаны въ типографіи Новой Гармоніи. Затѣмъ съ Оуэномъ прибыли нѣсколько французовъ и голландцевъ. Все это были люди, заявившіе уже себя выдающимися работами. Воспитанные на идеяхъ французской революціи, друзья Оуэна твердо были убѣждены, что Новая Гармонія представляетъ эмбріонъ обновленнаго міра, своего рода туманное пятно, изъ котораго должно создаться новое солнце.

Оуэнъ предполагалъ превратить Новую Гармонію въ коммунистическую общину только черезъ три года; но онъ нашелъ колонію въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что собралъ всѣхъ жителей ея и предложилъ имъ немедленно отречься отъ индивидуалистическаго хозяйства. Публика въ Новой Гармоніи была очень пестрая. Тутъ были представители всѣхъ національностей и разныхъ классовъ. Рядомъ съ неграмотными крестьянами, только что переселившимися изъ Англіи можно было видѣть дѣвушекъ изъ вышесредняго класса, адвокатовъ, врачей, отрѣшившихся отъ стараго міра и отправившихся искать новую правду въ глубь Индіаны. Когда Робертъ Оуэнъ прибылъ въ колонію, все населеніе ея было еще охвачено тѣмъ энтузіазмомъ, который привелъ поселенцевъ на далекую окраину. Энтузіазмъ пуританъ, прибывшихъ въ XVII в. на «Майскомъ Цвѣткѣ», сдѣлалъ то, что черезъ два-три десятка лѣтъ въ преріи и въ дѣвственныхъ лѣсахъ всюду выросли деревни и города. Энтузіазмъ, хотя порожденный ложной и нелѣпой идеей, создалъ въ серединѣ XIX в. въ дикой пустынѣ, на берегахъ Большого Соленаго Озера, великолѣпный городъ и превратилъ весь край въ сплошной цвѣтущій садъ. У насъ, въ Россіи, скопцы, охваченные тѣмъ же энтузіазмомъ, что и послѣдователи Брайама Юнга, т. е. душевнымъ подъемомъ, порожденнымъ совершенно нелѣпымъ идеаломъ, вырастили «буйные» хлѣба даже на якутской

почвѣ, подъ которой залегаетъ вѣчная мерзлота. Ихъ загнали въ дикую тайгу; скопцы и тамъ завели цвѣтущія деревни.

„Горсточку русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ;
Волю и землю имъ дали...
. . . .
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли“...

Можно представить себѣ, какія чудеса міръ увидитъ, когда человѣчество будетъ охвачено энтузіазмомъ, порожденнымъ великой идеей справедливости и братства и когда этотъ душевный подъемъ будетъ направленъ всецѣло на созданіе рая *на землѣ*.

Въ Новую Гармонію не всѣхъ, но многихъ привело исканіе правды. Робертъ Оуэнъ не имѣлъ возможности сдѣлать подборъ необходимый для опыта подобнаго рода. Люди, собравшіеся въ колоніи, слишкомъ сильно отличались другъ отъ друга; но въ первое время всѣ они пережели извѣстный душевный подъемъ. И когда Робертъ Оуэнъ предложилъ колонистамъ перейти къ высшимъ формамъ производства и распредѣленія, то всѣ согласились. На общемъ митингѣ 25 января 1826 г. избранъ былъ «комитетъ семи» для составленія новой конституціи. Черезъ шесть дней работа была выполнена, и пятаго февраля колонисты единогласно приняли конституцію. Колонія получила названіе «Община равенства—Новая Гармонія» (The New Harmony Community of Eguality). «Всѣ члены общины,—говорится въ уставѣ,—составляютъ одну семью; никто не занимаетъ болѣе высокаго или низкаго положенія отъ того, что общественныя обязанности его заключаются въ умственномъ или физическомъ трудѣ. Всѣ члены общины одинаково питаются и одѣваются. Всѣ получаютъ равное образованіе и всѣ, по возможности, живутъ въ одинаковыхъ помѣщеніяхъ. Каждый членъ общины, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, содѣйствуетъ благосостоянію колоніи». Община раздѣляется на шесть «департаментовъ»: земледѣлія, промышленности, литературы, науки, народнаго образованія и торговли. Каждый «департаментъ» дѣлится на занятія. Колонисты, сгруппированные для извѣстныхъ занятій, выбираютъ надсмотрщика. Всѣ надсмотрщики избираютъ четырехъ «старшихъ», и всѣ они, вмѣстѣ съ секретаремъ, составляютъ Исполнительный Совѣтъ. До 5 февраля каждый членъ общины имѣлъ свой отдѣльный счетъ произведенной имъ полезной работы и забранныхъ продуктовъ изъ общественнаго магазина. Новая конституція упразднила всѣ старые счеты между отдѣльными членами. Каждый долженъ былъ работать по своимъ способностямъ и получать сообразно со своими потребностями.

Новая конституція вызвала взрывъ энтузіазма. «Отдѣльныя части великой машины скоро такъ наладятся, что въ общемъ она будетъ работать, какъ часовой механизмъ»,—писалъ тогда одинъ

изъ членовъ колоніи. Очень скоро, однако, началась реакція. Черезъ семнадцать дней послѣ принятія конституціи одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ послѣдователей Р. Оуэна капитанъ Макдональдъ пишетъ въ «New Harmony Gazette», что не можетъ участвовать въ колоніи, такъ какъ относится отрицательно ко всякому правительству, хотя бы самому демократическому. По мнѣнію капитана Макдональда, выборы, затѣмъ существованіе правительства, неминуемо поведутъ къ подозрѣніямъ, интригамъ, зависти и къ насилію. Организація труда и всѣ подробности работы, по мнѣнію Макдональда, должны быть выяснены въ открытомъ «семейномъ» совѣтѣ; такимъ образомъ всѣ будутъ знать, какъ обстоятъ дѣла и всѣ будутъ участвовать въ голосованіи.

Дѣла колоніи, повидимому, пошли хорошо. Всѣ статьи мѣстной газеты проникнуты энтузіазмомъ и оптимизмомъ. Въ нумерѣ отъ 22 марта 1826 г. говорится, что колонисты теперь уже болѣе не тратятъ времени на обсужденіе программныхъ вопросовъ. «Мы нашли, что наша энергія расходовалась до сихъ поръ понапрасну. Каждый пытался убѣдить другого, что только онъ одинъ имѣетъ вѣрное рѣшеніе всѣхъ соціальныхъ вопросовъ... Теперь все это прошло. Колонія на дѣлѣ постепенно превращается въ общину равенства. На нашихъ улицахъ больше не видать праздныхъ спорщиковъ, каждый занятъ въ той области, которую самъ выбралъ. Наши митинги не представляютъ больше арену для состязанія ораторовъ, а превратились въ совѣщаніе дѣловыхъ людей. Нѣтъ больше безконечныхъ теоретическихъ споровъ, которые такъ утомляли и раздражали всѣхъ» *).

Есть одинъ крайне важный факторъ, при отсутствіи котораго община, какъ и семья, обречена на распаденіе. Факторъ этотъ, хорошо извѣстный людямъ, жившимъ въ общинахъ (напримѣръ, политическимъ ссыльнымъ конца семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ) — таковъ. Люди, вступающіе въ общину, должны хорошо знать другъ друга. На этомъ знаніи основано уваженіе къ личности другихъ членовъ общины, къ ихъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ. Знаніе другъ друга необходимо, потому что оно заставляетъ всѣхъ снисходительно относиться къ маленькимъ слабостямъ, безъ которыхъ живой человѣкъ не мыслимъ. Когда члены общины не знаютъ другъ друга, маленькія слабости эти порождаютъ часто глухую, тяжелую ненависть, кончающуюся порой настоящей бурей. Политическіе изгнанники, жившіе въ восьмидесятыхъ годахъ въ общинахъ, возникавшихъ во всѣхъ далекихъ мѣстахъ ссылки (напримѣръ, въ Якутской области), могли бы привести цѣлый рядъ драмъ, подтверждающихъ мое положеніе. Въ Новой Гармоніи населеніе было до невѣроятности пестрое. Тутъ были люди, различные по развитію, раздѣленные религіозными и національными барьерами.

*) New Harmony Gazette, vol. I, p. 207.

Англійскіе крестьяне пренебрежительно относились къ французамъ. Но интеллигентные люди—подозрительно и враждебно смотрѣли на интеллигентныхъ колонистовъ. За тѣмъ «праздные спорщики» и сочинители «программныхъ вопросовъ», о которыхъ говоритъ «New Harmony Gazette»,—остались. Мы знаемъ, что теоретики, оторванные отъ живой жизни, скорѣе готовы погубить дѣло, чѣмъ видѣть, что оно идетъ не согласно съ ихъ теоріей. И вотъ черезъ три мѣсяца мы узнаемъ, что отъ Новой Гармоніи отроились двѣ новыя общины: Маклюрія и Фейба Певели (послѣдняя состояла исключительно изъ валлійцевъ). Черезъ годъ такихъ отроившихся общинъ было уже десять. Первое время, покуда не остылъ энтузіазмъ колонистовъ, посѣтители Новой Гармоніи отзывались о ней съ восторгомъ. «Мы увидали юную страну, чреватую великими надеждами,—говоритъ одинъ путешественникъ. Члены общины знаютъ истинную свободу.» Путешественникъ этотъ описываетъ общественныя работы, затѣмъ собранія колонистовъ, балы; онъ пораженъ здоровьемъ и серьезностью молодежи. Правда, жилища необыкновенно скромны, а пища—самая простая; правда, у всѣхъ очень много работы; но все это, повидимому, не нарушаетъ общаго жизнерадостнаго настроенія,—заканчиваетъ путешественникъ *). Великій герцогъ Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскій, посѣтившій Новую Гармонію въ апрѣлѣ 1826 г., разсказываетъ, какъ познакомился съ нѣкоторыми колонистками, изъ которыхъ одна Виргинія произвела на него сильное впечатлѣніе своимъ умомъ, красотой, развитіемъ и знаніемъ музыки. Виргинія играла на піанино и пѣла, когда ей пришли сказать, что ея очередь доить коровъ. Дѣвушка закрыла піанино и отправилась на общественную работу.

Лучше всего въ колоніи наладились школы, во главѣ которыхъ стоялъ геологъ Маклюръ. Онъ воспользовался страстью дѣтей къ подражанію взрослымъ, чтобы превратить игры въ серьезныя занятія. Обыкновенно этой страстью пользуются теперь для развитія въ дѣтяхъ любви къ военнымъ упражненіямъ. Маклюръ развилъ любовь къ земледѣльческимъ занятіямъ. Въ шесть недѣль дѣти, работая въ полѣ, при чемъ дѣло носило характеръ игръ, выработали на 900 долларовъ. Слѣдуетъ прибавить, что въ школы были привлечены учителя и учительницы, единственные въ своемъ родѣ. Все это были энтузіасты, ученики Песталоцци, глубоко преданные дѣлу.

Между тѣмъ разладъ колоніи съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивался. О немъ мы можемъ судить только по глухимъ намекамъ въ «New Harmony Gazette», да по быстрому увеличенію числа общинъ, отдѣлившихся отъ Новой Гармоніи. Наконецъ, дѣла приняли такой характеръ, что Робертъ Оуэнъ спеціально пріѣхалъ въ Америку изъ Англіи. О томъ, что онъ нашелъ, можно судить по редакціон-

*) *Frank Podmore*, „Robert Owen“, vol I, p. 308.

ной статьѣ, появившейся въ мѣстной газетѣ, въ нумерѣ отъ 28 марта 1827 г.

«Опытъ, продѣланный съ цѣлью убѣдиться, можетъ ли смѣшанное и не подобранное общество успѣшно вести свои дѣла на коммунистическихъ началахъ, былъ рискованъ, смѣлъ и, какъ мы думаемъ, преждевремененъ. По нашему глубокому убѣжденію, Робертъ Оуэнъ придалъ слишкомъ мало значенія прежнимъ анти-соціалистическимъ условіямъ, при которыхъ жило большинство колонистовъ, раньше чѣмъ они прибыли въ Новую Гармонію, и слишкомъ преувеличилъ важность условій, которыя колонисты сами могутъ создать себѣ въ будущемъ. Колонисты испробовали цѣлый рядъ различныхъ общественныхъ формъ и пришли наконецъ къ слѣдующему заключенію: составъ ихъ слишкомъ пестръ, они слишкомъ различны по привычкамъ и чувствамъ, чтобы гармонично слиться въ одну коммуну.» Изъ этой статьи мы узнаемъ, что изъ двухъ общинъ, отдѣлившихся раньше всего отъ Новой Гармоніи, одна—Фейба Певели—просуществовала около года, другая—Маклурія—продержалась нѣсколько больше года и потомъ распалась на двѣ коммуны.

Тринадцатаго апрѣля 1828 г. Робертъ Оуэнъ собралъ чрезвычайное собраніе всѣхъ колонистовъ, чтобы объявить имъ про неудачу перваго опыта и про попытку создать въ гораздо болѣе скромной формѣ новое зданіе изъ старыхъ обломковъ. «Я прибылъ сюда три года тому назадъ,—сказалъ Робертъ Оуэнъ,—съ цѣлью убѣдиться, что можно сдѣлать въ новой странѣ для избавленія людей отъ суевѣрія и отъ умственнаго униженія. Я думалъ, что если опытъ удастся,—онъ послужитъ нагляднымъ примѣромъ для всѣхъ въ Старомъ Свѣтѣ. Я думалъ, что пятьдесятъ лѣтъ политической свободы подготовили совершенно американцевъ къ высшей формѣ общественности, основанной не на индивидуализмѣ. Я купилъ колонистамъ землю, дома и досталъ много денегъ, но теперь приходится убѣдиться, что опытъ былъ преждевремененъ. Ошибочно было соединить вмѣстѣ совершенно чуждыхъ другъ другу людей, не подготовленныхъ раньше къ жизни въ коммунѣ. Люди эти слишкомъ были различны, чтобы жить одной семьей.» Оуэнъ указываетъ дальше, что нѣкоторыя группы попытались пріобрѣсти въ личную собственность землю, которую онъ далъ всей общинѣ. «Результатъ опыта убѣдилъ меня,—продолжалъ ораторъ,—что люди, воспитанные при индивидуалистической системѣ производства, не пріобрѣтаютъ сразу тѣхъ нравственныхъ качествъ, того снисхожденія и мягкости къ ближнему, которыя абсолютно необходимы для гармонической совмѣстной жизни въ коммунѣ.» Оуэнъ призналъ коммуну распавшейся и предложилъ отдѣльнымъ семьямъ взять участки земли, чтобы обрабатывать ее на правахъ собственности, помогая при этомъ другъ другу работой *). О дальнѣйшихъ опытахъ Оуэна я разскажу въ слѣдующей статьѣ.

Діонео.

*) New Harmony Gazette, vol. III, p. p. 204—205.

О бытовой революціи.

Мѣсяца полтора назадъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ Б. началась смертельная вражда между двумя почтенными мѣщанскими семействами, и при томъ вражда на «политической почвѣ». Уже давно въ этомъ городкѣ живутъ два мѣщанина. Одного назову Васильевымъ, другого—Яковлевымъ. У Васильева двѣ собственныхъ хаты,—одна «на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзною крышею», у Яковлева хата одна, «но не бѣдна». «Всей улицѣ извѣстно», что у Васильева лежитъ «на сберегательной книжкѣ» «не много развѣ поменьше» тысячи рублей. Яковлевъ «малость пожиже», но и у него «на книжкѣ» рублей 700. Васильевъ постарше: ему за 50. Яковлеву—43. У Васильева одиннадцать душъ дѣтей; старшій сынъ уже 2 года женатъ, имѣетъ ребенка, второй сынъ, «во избѣжаніе солдатчины», «пошелъ по наукамъ»—учится въ техническомъ училищѣ; одной дочкѣ семнадцатый годъ. У Яковлева [illegible] о [illegible] мясоѣдѣ выдалъ замужъ, и къ «филипповкамъ» ждетъ «либо внука, либо внучку», а слѣдующій за нею сынъ «уже перешелъ въ послѣдній классъ» городского училища. И Васильевъ, и Яковлевъ—люди прижимистые. Оба работаютъ на заводѣ. Оба немножко грамотны. Оба неукоснительно каждый праздникъ бываютъ въ церкви. Оба—одинъ [illegible] другой [illegible] день—рѣшили, что «теперь пора и о грѣхахъ подумать» и говѣть дважды въ годъ: великимъ постомъ въ приходской церкви, а на успенскій постъ въ монастырѣ [illegible] Васильевъ отговѣлъ уже 2 года, а Яковлевъ только собирается говѣть.

И вотъ эти два почтенныхъ человѣка, раскланиваясь съ которыми, [illegible] не просто киваетъ головою [illegible] сошлись вечеромъ послѣ работы «покалякать». Разговоръ зашелъ о Думѣ—въ ту пору еще собиравшейся собственноручно разрушить «стѣны Іерихона». Отъ Думы перескочили къ тому, «что вотъ царь не хочетъ дать нашему брату землю». Затѣмъ коснулись исторіи—[illegible] Васильевъ [illegible] всю [illegible] И [illegible] разсказывать, какъ [illegible] и собесѣдникъ [illegible] Но подъ конецъ Васильевъ, раздраженный собственнымъ [illegible] ожесточенно плюнулъ и обозвалъ покойницу нехорошимъ словомъ. Тутъ неожиданно Яковлевъ сталъ сердиться:

— Ты,—говоритъ,—не смѣй такъ выражаться. Потому что царица Екатерина намъ матерь. А за «мою матерю» я тебѣ горло перерву.

Сосѣдъ вспылилъ и выругался еще злѣе. И въ результатѣ: добрые друзья, почетные прихожане, владѣльцы домовъ и «сберегательныхъ книжекъ», забывши свой солидный возрастъ, сцѣпились драться. «Противникъ Катерины», Васильевъ, оказался, хоть и старше, но сильнѣе. И защитнику покойной государыни пришлось бы плохо. Но сбѣжались жены и дѣти и розняли отцовъ. Вслѣдъ затѣмъ Яковлевъ поколотилъ сына, который по вопросу объ Екатеринѣ сталъ не на его сторону. Распря пошла вширь и вглубь, расколола приходъ какъ бы на двѣ партіи. Удивительнѣе всего, что въ нее вмѣшался даже участковый городовой. А еще удивительнѣе, что онъ высказалъ сочувствіе Васильеву, а не Яковлеву. Возникшее междоусобіе улица разрѣшаетъ своими средствами, не обращаясь къ властямъ. Кончился ли споръ, и если кончился, то на какихъ условіяхъ установленъ миръ,—я, къ сожалѣнію, не знаю. Послѣднія свѣдѣнія, полученныя мною изъ города, гдѣ живутъ бывшіе друзья, а нынѣ враги, относятся къ 15 іюля. Но полагаю, что эта захолустная «исторія», при всей своей кажущейся незначительности, не просто комична, но и характерна и знаменательна, какъ симптомъ.

Прежде всего она не единична. Недавно мнѣ разсказывали объ одномъ селѣ Ставропольской губерніи. Село это небольшой балкой раздѣлено на двѣ части; здѣсь также неожиданно и какъ будто случайно возникъ споръ, подобный тому, какой вели Васильевъ съ Яковлевымъ. Дѣло также закончилось дракой, которая стала крупнымъ историческимъ событіемъ сельской жизни. Оказалось, старая балка раздѣлила село на двѣ враждующихъ «партіи». Парни «изъ-за балки» боятся ходить по сю сторону, ибо «здѣсь» ихъ бьютъ. А парнямъ съ сей стороны страшно показаться «за балкой», ибо «тамъ» ихъ бьютъ. Недавно промелькнуло въ газетахъ извѣстіе о не менѣе характерномъ столкновеніи въ одной изъ петербургскихъ больницъ. Здѣсь политическое разномысліе также закончи[illegible]. «Приверженцы царицы Екатерины», если позволено употребить это опредѣленіе, оказались въ меньшинствѣ, были названы черносотенцами, вынесены изъ палаты въ корридоры, а наиболѣе упорные даже сброшены съ коекъ. Послѣ этой побѣды надъ врагомъ больные успокоились и мирно разошлись по своимъ палатамъ. О такого же рода междоусобіяхъ сообщалось въ цѣломъ рядѣ газетныхъ корреспонденцій. Мѣстами распря приняла такіе размѣры, что даже въ деревняхъ женщины нынѣшнимъ лѣтомъ не рѣшались однѣ идти въ лѣсъ за грибами или ягодами и дѣлали это не иначе, какъ въ сопровожденіи мужчинъ.

Конечно, надо бы подробнѣе разобраться въ этихъ типично обывательскихъ распряхъ, вскрыть ихъ причины, выяснить смыслъ. Къ сожалѣнію, сдѣлать это чрезвычайно трудно. Да, пожалуй, и невоз-

можно. Ужъ слишкомъ скудными, слишкомъ отрывочными и случайными свѣдѣніями располагаемъ мы для такой серьезной работы.

Мы слышали, напр., что палуба крейсера «Память Азова», была «залита кровью». Но почему лилась эта кровь? Потому ли, что часть экипажа, напавшая на «бунтовщиковъ», хотѣла избавиться отъ страшнаго риска, къ которому ведетъ пребываніе на бунтовскомъ суднѣ? Потому ли, что эта часть надѣялась получить награду и обезпечить себѣ карьеру? Или нападеніе на бунтовщиковъ произведено отъ «чистаго сердца,» отъ «полноты убѣжденій»? Палуба залита кровью. Трагедія совершилась. Но, чтобы понять пружины этой трагедіи, мало даже видѣть ее, надо непосредственно и близко знать дѣйствующихъ лицъ. Такихъ знаній у насъ нѣтъ. И остается лишь просто признать фактъ междоусобной распри,— признать во всемъ его объемѣ, отъ трагикомической драки двухъ мѣщанъ изъ разногласія во взглядахъ на царицу Екатерину, до братоубійственно пролитой крови на палубѣ несчастнаго крейсера.

Многихъ обезкураживаетъ и даже прямо таки пугаетъ этотъ фактъ: въ немъ видятъ великій ущербъ для дѣла революціи. Создалась вполнѣ естественная склонность упрощать междоусобную распрю, ставить ее исключительно на счетъ организаторовъ черной сотни и агентовъ-провокаторовъ. Такая упрощенная бухгалтерія, быть можетъ, и помогаетъ кое-кому представлять вещи въ болѣе пріятномъ видѣ. Но, боюсь, что она сильно препятствуетъ правильному пониманію революціоннаго процесса, и, въ концѣ концовъ, способна привести людей къ отчаянію именно тогда, когда дѣйствительная, а не упрощенная бухгалтерія показываетъ колоссальный успѣхъ. Вѣдь упрощенная бухгалтерія потому и упрощенная, что она скрадываетъ жизненныя явленія, и слѣдовательно даетъ фальшивые итоги, лживость которыхъ возрастаетъ съ каждымъ новымъ оборотомъ событій.

Революція — это переходъ отъ одного порядка жизни къ другому, и при томъ переходъ, создаваемый напряженною и во всякомъ случаѣ междоусобною борьбою общественныхъ силъ. По самой природѣ вещей каждая борьба начинается не иначе, какъ авангардными стычками. Иногда она авангардными стычками и заканчивается, или, по крайней мѣрѣ послѣ авангардныхъ стычекъ можетъ наступить болѣе или менѣе продолжительное перемиріе. Такое перемиріе могло бы наступить въ Россіи еще въ декабрѣ 1825 года. Но Николай Павловичъ не понялъ, что онъ можетъ заключить перемиріе на наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ; не обладалъ онъ и достаточной силою воображенія, которое подсказало бы ему, что кровь на Сенатской площади оставила особое пятно, что это пятно роковое, что его даже океаномъ не смоешь. Первое авангардное нападеніе было отражено. За нимъ слѣдовали другія, оставляя по себѣ на томъ же мѣстѣ то крохотную мѣтинку, то пятнышко, то, какъ 9 января 1905 г., новое громадное

пятно, еще болѣе роковое и несмываемое, чѣмъ пятно на Сенатской площади. Нападавшіе развивали свои авангардныя атаки медленно, словно нехотя, явно надѣясь на добровольную уступчивость противника, на его моральный цензъ. Но эти надежды оказались тщетными...

О генералѣ Линевичѣ разсказываютъ, будто онъ совершенно не соображалъ, какое значеніе имѣютъ японскія передвиженія, и и благодаря этому съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ смотрѣлъ на такіе шаги непріятеля, въ которыхъ полководецъ, болѣе въ военномъ смыслѣ грамотный, увидѣлъ бы смертельную опасность. Насколько это вѣрно относительно Линевича,—судить не берусь. Но вообще непониманіе порою защищаетъ человѣка отъ безпокойства такъ же, какъ слѣпого его слѣпота, когда онъ сидитъ подъ крышею, на которую уже упала раздуваемая вѣтромъ искра. Полная утрата способности понимать значеніе моральныхъ силъ — такая же болѣзнь, какъ и слѣпота. Благодаря ей, люди, вродѣ Трепова, не видѣли 9 января, какъ для нихъ самихъ опасно сохранять старыя позиціи; благодаря ей, они 9 января не воспользовались для постройки новыхъ позицій тѣмъ, на рѣдкость благодарнымъ, матеріаломъ, который прямо таки даромъ давалъ Гапонъ. И, благодаря все той же полной утратѣ моральнаго чувства, люди имѣли мужество говорить послѣ разгона Думы:

— Мы ручаемся за спокойствіе, ибо большинство арміи на нашей сторонѣ.

Впрочемъ, время для аргументаціи иного порядка, говорятъ, уже прошло. Авангардныя стычки, не смотря на всю свою страстность и рѣшительность, закончились въ ничью. И тѣмъ самымъ въ бой втянуты главныя силы. Другими словами, логика событій неумолимо привела Россію къ моменту, когда силы, на которыхъ зиждется все освободительное движеніе, вошли въ непосредственное столкновеніе со всѣми тѣми силами, которыми держится старый порядокъ жизни. Произошло, однако, — и должно было произойти— столкновеніе не массъ, а особей, общественныхъ молекулъ и атомовъ. Революціонная борьба приняла молекулярный, если такъ можно выразиться, характеръ. Началось нѣчто вродѣ того своеобразнаго плебисцита, который нѣкогда практиковался въ вѣчевомъ Великомъ Новгородѣ, заканчиваясь почему-то на Волховскомъ мосту. Мы урывками и мелькомъ видимъ лишь отдѣльные эпизоды: тамъ «черносотенцы» «дубасятъ» «забастовщика», тамъ «забастовщики» «дубасятъ» «черносотенца», вотъ въ той деревнѣ люди еще колотятъ другъ друга кольями, а въ той уже помирились и «цѣлуютъ крестъ, чтобы стоять за землю и волю до послѣдняго издыханія», вотъ тамъ дерутся два мѣщанина, а тамъ только что перестали драться, и около драчуновъ уже образовался митингъ и побитый уже держитъ рѣчь: «былъ я, братцы, въ черной сотнѣ, а теперь прозрѣлъ и вижу, кто есть народный врагъ», и толпа восторженно

кричитъ и рукоплещетъ; тамъ кричатъ «ура», здѣсь—«долой самодержавіе», тамъ поютъ марсельезу, здѣсь гимнъ. И посреди этого всеобщаго гама и шума и всеобщей потасовки горячо, но дружески спорятъ два какихъ-то мастеровыхъ человѣка, стараясь убѣдить друга. А вотъ и третій. Онъ опоздалъ: «проспалъ — съ вечера пьянъ былъ», да еще и теперь голова не въ порядкѣ. «Съ чемъ дѣло «братцы»?—спрашиваетъ онъ. На него налетаетъ сразу нѣсколько человѣкъ. Одинъ кричитъ: «А вотъ разсуди, какъ онъ смѣетъ мою матерю собачьей дочкой называть», а другой: «имѣю полное право, разъ она хуже собаки», третій: «а почему намъ земли нѣтъ», черезъ минуту возлѣ опоздавшаго мастерового драка; отъ неожиданности онъ кого-то бьетъ, и его за что-то бьютъ... Это, повторяю, старинный вѣчевой плебисцитъ, гдѣ кулакъ порою имѣлъ такую же доказательную силу, какъ и логика. Только старая новгородская площадь страшно раздвинулась: отъ «[illegible]» Шлиссельбурга до Владивостока, и отъ Архангельска до Мерва. Соперники пришли въ непосредственное столкновеніе и въ подвальныхъ углахъ и въ тысячныхъ квартирахъ, и во дворцахъ и въ хижинахъ. И это столкновеніе разъединило даже людей, связанныхъ самыми кровными узами.

Между прочимъ, на одномъ собраніи членовъ «Крестьянскаго союза правового порядка», въ Петербургѣ, наблюдалась характерная сценка. Не секретъ, что союзъ этотъ основанъ «для охраны самодержавія». Но едва составилось нѣсколько десятковъ людей, какъ они уже пожелали «жить своимъ умомъ» и составить «собственную программу». И вотъ для выработки программы созвано было собраніе. Въ числѣ прочихъ, поднятъ былъ вопросъ: «давать или не давать автономію». Началось голосованіе: «кто за автономію, тотъ направо, а кто противъ автономіи, тотъ налѣво». Стоявшіе вмѣстѣ рядомъ въ числѣ другихъ, мужъ и жена раздѣлились: мужъ захотѣлъ направо, жена налѣво. Жена тащила мужа съ собою и кричала: «Не смѣй за автономію ходить, аль ты жидамъ продался», а мужъ вырывался и тоже кричалъ: «Отстань черносотенница, а не то я тебѣ морду побью»!.. Правда «на людяхъ», въ собраніи, «до морды» дѣло не дошло. Но что было потомъ, когда супруги вернулись на свою квартиру,—Богъ вѣсть. И мнѣ почему-то кажется, что у этихъ супруговъ квартира уютная, чистая, въ спокойномъ солидномъ домѣ, — гдѣ нѣтъ ни кабака, ни пивной лавки словомъ, именно такая квартира, какую умѣютъ нанимать и устраивать рѣшительныя женщины съ независимымъ характеромъ. Думается, глубокую ошибку дѣлаютъ тѣ, кого обманываетъ «наружное спокойствіе». Даже тамъ, гдѣ это спокойствіе, дѣйствительно, наблюдается «снаружи», оно ничего успокоительнаго не говоритъ, ни уму ни сердцу. Вѣдь и дуплянка, въ которой отроились двѣ матки, снаружи спокойна. А загляните-ка внутрь!.. Признаться, не совсѣмъ я также понимаю восторги и растерянность

по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ. Кричать, напр.: «Ура, въ Кронштадтѣ наша взяла»... Дѣйствительно, здѣсь «наша» сегодня «взяла». Однако, «плебисцитъ» не прекратился. Что онъ дастъ черезъ три дня? И какъ опредѣлится завтра «соотношеніе силъ» въ Ораніенбаумѣ, или въ Петропавловской крѣпости, гдѣ вѣдь тоже идетъ плебисцитъ? Вѣдь, и въ старину такъ бывало: на одномъ уголку площади какъ будто совсѣмъ «наша брала», но пока здѣсь гремѣло «ура», на другомъ концѣ «ихняя брала», овладѣвала положеніемъ, а «наши» летѣли «кверху тормашками» съ моста въ Волховъ.

Повторяю, идетъ генеральный подсчетъ силъ. Нація во всѣхъ углахъ и закоулкахъ опредѣляетъ, сколько тамъ «нашихъ» и сколько «ихнихъ». Эта молекулярная борьба подготовлена и сдѣлана неизбѣжной всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ событій. Вѣрнѣе всего, что для даннаго революціоннаго періода это бой послѣдній и рѣшающій. Если революція побѣдитъ, если на ея сторонѣ окажется подавляющее большинство, то ни о какомъ перемиріи не можетъ быть рѣчи. Побѣдитель продиктуетъ свою волю и, возможно, что его противникъ просто «отвалится», какъ отваливается пожелтѣвшій листъ, когда къ нему прекратился доступъ питательныхъ соковъ, причемъ на это дѣло дерево не затрачиваетъ спеціальныхъ усилій. Если побѣдитъ самодержавіе, если на его сторонѣ окажется подавляющее большинство, то оно огнемъ и мечемъ пойдетъ изъ конца въ конца, сотретъ съ лица земли своихъ враговъ, и освободительное движеніе умретъ, быть можетъ, на много лѣтъ. Возможенъ и третій исходъ: въ странѣ окажется слишкомъ ничтожное большинство и слишкомъ значительное меньшинство. Тогда страну, быть можетъ, на десятки лѣтъ, ждетъ нескончаемое кровопролитіе, пока она или сама собою изойдетъ кровью, или будетъ взята въ опеку заимодавцами. Что же ждетъ насъ? Кто продиктуетъ свою волю: наши «ихнимъ,» или «ихніе» нашимъ? Или «ихніе» и «наши» разобьются другъ о друга и оцѣпенѣютъ въ изнеможеніи?

Каждому, кто наблюдаетъ сраженіе, но не сражается самъ, въ минуту рѣшительнаго боя поневолѣ дѣлается жутко.

Въ такія минуты человѣкъ невольно отрывается отъ частностей, стараясь уловить общій планъ картины. Онъ невольно ищетъ общую мысль, которая заранѣе предрѣшаетъ исходъ событій, независимо отъ тѣхъ или иныхъ подробностей. Одна изъ такихъ общихъ мыслей довольно распространена и почти общеизвѣстна. Сводится она къ тому, что хозяйственная жизнь Россіи, ея международное положеніе, обнаружившіяся въ ней классовыя противорѣчія требуютъ иныхъ политическихъ формъ. Страна переросла самодержавіе. Ей жизненно необходимы конституціонныя гарантіи. И этотъ переходъ, безъ котораго не могутъ существовать ни фабрики, ни заводы, ни вообще денежное хозяйство, долженъ неминуемо совершиться. Попытки задержать неизбѣжное, борьба съ историческою

необходимостью такъ же смѣшны и жалки, какъ походъ муравьевъ противъ вулкана, какъ ярость Ксеркса, задумавшаго плетью успокоить море во время бури. Эта мысль, что политическія формы зависятъ отъ сложности экономическихъ отношеній, воспринята даже г. Грингмутомъ. Правда, г. Грингмутъ воспринялъ ее нѣсколько оригинально. Онъ, напр., увѣренъ, что вся бѣда отъ фабрикъ и заводовъ, а фабрики и заводы появились единственно «по винѣ Витте». На этомъ основаніи онъ называетъ Витте не иначе, какъ «государственномъ злодѣемъ». Но, конечно, здѣсь не мѣсто слѣдить за изгибами грингмутовскаго мышленія. Не будемъ судить и о томъ, насколько вообще догматъ объ экономической базѣ и политической надстройкѣ всеобъемлетъ и всеисчерпываетъ: дѣло это прежнее, старое, обсужденное со всѣхъ сторонъ,—даже до оскомины. Мнѣ бы хотѣлось лишь напомнить еще одну «общую мысль», или, вѣрнѣе, одно характерное явленіе русской жизни, которое предшествовало нынѣшнему молекулярному періоду революціи, и, на мой взглядъ, совершенно предрѣшаетъ его исходъ. Этимъ явленіемъ въ съ свое время многіе интересовались. Его огромную важность если не понималъ, то во всякомъ случаѣ чувствовалъ даже П. Н. Дурново, даже А. Столыпинъ,—по крайней мѣрѣ, въ ту пору, когда онъ при редакціи «С.-Петербурскихъ Вѣдомостей» исполнялъ обязанности громоотвода. И не только г. Столыпинъ, оказавшійся на дѣлѣ не громоотводомъ, а проволокой изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ кабинетъ редактора, но люди, несомнѣнно либеральнаго и даже крамольнаго образа мыслей, посвящали явленію, о которомъ я говорю, скорбныя и негодующія строки. Оно и притягивало, и отталкивало. И казалось «прогрессивнымъ» и озадачивало своею безудержностью и рѣзкостью. Я говорю о бытовомъ переворотѣ русской жизни,—и при томъ переворотѣ такой глубины и силы, что его, быть можетъ, правильнѣе называть бытовою революціей. Чувствую, однако, что здѣсь необходимы нѣкоторыя предварительныя объясненія.

II.

Я затрудняюсь перемѣну нравовъ, называемую мною бытовою революціей, пріурочивать къ какому-либо опредѣленному періоду. Безъ сомнѣнія, въ верхнихъ слояхъ общества «это» началось давно,—быть можетъ, съ сороковыхъ годовъ. Увѣковѣченный Тургеневымъ, разладъ между Базаровымъ-отцомъ и Базаровымъ-сыномъ отнюдь не мозговой и не діалектическій. Это разладъ всего строя жизни, привычекъ, вкусовъ, поведенія. И, конечно, ему нужно было родиться и окрѣпнуть, прежде чѣмъ онъ зафиксированъ художникомъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что разладъ этотъ въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ расширялся и углублялся. Онъ живо отраженъ Г. И. Успенскимъ. Историкъ нравовъ объяснитъ, почему,

напр., «отцы» съ такимъ прямо болѣзненнымъ интересомъ относились къ головному убору «дѣтей», отчего они теряли душевное спокойствіе при видѣ юноши съ длинными волосами или «стриженой курсистки». Въ сочиненіяхъ Успенскаго историкъ найдетъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики бытовыхъ пертурбацій. Но въ данное время я пишу не исторію; я лишь напоминаю о томъ явленіи русской жизни, которое всѣмъ въ общихъ чертахъ извѣстно, но за вихремъ очередныхъ событій полузабыто.

Что было въ 60-хъ и 70-хъ годахъ я непосредственно не знаю. Въ 60-хъ годахъ я не существовалъ, а въ 70-хъ родился. Мои сознательныя наблюденія начинаются приблизительно лишь съ первой половины 80-хъ годовъ, при чемъ наблюдать я могъ лишь свою среду, т. е. среду «старопосадскихъ мѣщанъ» и «бывшихъ ямщиковъ». Повидимому, волна бытовыхъ пертурбацій сюда только что докатывалась. Наши отцы жили строго по старинѣ. Мѣщане ходили въ длинныхъ сюртукахъ и чуйкахъ, по праздникамъ голову мазали деревяннымъ масломъ, а сапоги «чистымъ дегтемъ». Ямщики ходили въ свиткахъ и зипунахъ; въ будни надѣвали лапти, а въ праздники сапоги; голову мочили квасомъ, а сапоги мазали дегтемъ низшаго сорта, который на мѣстномъ жаргонѣ назывался почему-то «калошкой». Ямщики, правда, были причислены къ мѣщанскому обществу. Но держались отъ «старопосадскихъ» особнякомъ,—такъ же, какъ и старопосадскіе отъ ямщиковъ. Женитьба мѣщанина на «ямщичкѣ» служила предметомъ оживленныхъ толковъ, какъ рѣдкій случай мезальянса.

Мои воспоминанія о бытовомъ переворотѣ начинаются такъ.

Мнѣ было лѣтъ 9 или 10. Я зналъ, что въ нашей же улицѣ живетъ мой тезка—«другой Аѳанасій», парень лѣтъ 19 или 20. Этому «другому Аѳанасію» отецъ его Иванъ Карповичъ сосваталъ какую-то дочь лавочника, «съ хорошимъ приданымъ», а сынъ хотѣлъ жениться на другой дѣвушкѣ, «Дунькѣ Чаровой», «безъ всякаго приданаго». Къ такому странному хотѣнію никто не относился въ серьезъ. Удивлялись только: «вишь, молъ какой блажной парнишка уродился... Ну, да супротивъ отца развѣ пойдешь? Извѣстное дѣло—отецъ: привезетъ въ церковь и перевѣнчаетъ»... И вдругъ «блажной парнишка» вмѣстѣ съ своей подругой пришелъ къ старику Чарову и заявилъ:

— Ну, тятинь, мы съ Дуней совсѣмъ какъ мужъ съ женой сошлись. А вы теперь какъ хотите: хотите—съ вами буду жить, а не хотите, мы съ Дуней на квартиру уйдемъ...

— Хоть бы въ ножки поклонился—возмущались сосѣдки, хоть бы благословенія попросилъ. А то на тебѣ: мы, говоритъ, сошлись, а вы какъ хотите.

«Невѣнчанные» молодожены нѣсколько мѣсяцевъ жили у Чарова. Иванъ Карповичъ не уставая проклиналъ ихъ, а сосѣди осыпали бранью и насмѣшками. Не легко было и старикамъ Чаровымъ...

Вечерами Аѳанасій вмѣстѣ съ женою ходилъ на рѣку за водой. Бабы кричали ему вслѣдъ: «Иванычъ, а Иванычъ,—скоро-ль на крестины позовешь?.. Крестить-то гдѣ будешь—подъ кустомъ, аль подъ мостомъ?..» Однако, скоро послышались и другія замѣчанія: «Ишь, какъ онъ свою Дуньку жалѣетъ—воду помогаетъ носить.» А когда «онъ», вопреки всѣмъ дѣдовскимъ и прадѣдовскимъ обычаямъ, «помогъ Дунькѣ» и бѣлье на рѣчкѣ выполоскать, бабы окончательно призадумались: «что жъ, молъ,—хоть бы и вѣнчанные мужья такъ дѣлали...» А затѣмъ стали говорить Ивану Карповичу:

— Затяжелѣла Дунька то. Смотри: на твоей душѣ будетъ грѣхъ, если дитя безъ закона родится.

Иванъ Карповичъ не взялъ на душу грѣха и далъ свое родительское согласіе на бракосочетаніе несовершеннолѣтняго мѣщанскаго сына Аѳанасія Иванова съ дѣвицею Евдокіей. Но едва это семейное происшествіе, глубоко взволновавшее весь околотокъ, уладилось, какъ грянулъ новый громъ: мѣщанская дѣвица Параскева Колоколкина привела въ родительскій домъ совершенно незнакомаго человѣка и отрекомендовала: «Мой Митенька»...

А «Митенька» съ своей стороны присовокупилъ:

— Послѣ всего происшедшаго просимъ васъ нашу любовь обзаконить...

Потому ли, что этотъ «Митенька» былъ человѣкъ пришлый, чужестранній («невѣдомо кто и невѣдомо откуда»), или Параскева, выступившая вслѣдъ за Аѳанасіемъ, ужъ слишкомъ подчеркивала, что «это» не случайность, не единичная блажь какого-то «выродка», но впечатлѣніе было прямо таки потрясающее. Помню старушку одну, которая слезно плакала:

— Господи,—причитала она—что же это такое дѣлается? Тихвинская Божія Матерь!.. Владычица Небесная! Покровъ Пресвятой Богородицы! Аль ужъ и вправду антихристъ народился?!.

О восьмидесятыхъ годахъ говорятъ, что это—«сумерки», эпоха общественной реакціи, эпоха всеобщаго застоя. Такъ ли оно было «наверху»,—я лично не видѣлъ. А личныхъ наблюденій никакими источниками не замѣнишь. Но въ тѣхъ низахъ, гдѣ я жилъ, переходя отъ дѣтства къ отрочеству и отъ отрочества къ юности, никакого застоя не было. Наоборотъ, тамъ бурлили и кипѣли мѣстный «Sturm und Drang». По наружности, оно, пожалуй, было спокойно: мѣщанскія хатки, какъ онѣ были сто лѣтъ назадъ, пустынно, мертво, тихо, сонно, тишь, гладь,—болотомъ пахнетъ... Но въ каждой хаткѣ, на видъ совершенно спокойной и тихой, шла незамѣтная борьба, ожесточенная и непримиримая,—борьба на каждомъ шагу, изъ каждой мелочи, которая, когда ее застигнешь, казалась смѣшной и не стоющей вниманія, но которую неволя заставляла брать не иначе, какъ съ бою.

Подробно говорить объ этой неустанной борьбѣ не буду. Но

вотъ, для примѣра: казалось бы, пустяки—купить у букиниста книжку за пятакъ. Однако, эти пустяки долго приходилось дѣлать «контрабандой», крадучись; книжку надо было прятать столь же тщательно, какъ нынѣ прячутъ бомбы и при томъ прятать не отъ полиціи, которая всетаки далеко, а отъ отца и матери, съ которыми живешь, и у которыхъ ты постоянно на глазахъ. Невинное, казалось бы, занятіе—читать книжку. Но нѣсколько моихъ сверстниковъ были до потери сознанія избиты за преждевременную попытку читать на родительскихъ глазахъ. Пришлось сначала отвоевать большую долю самостоятельности, пріучить родительскій взглядъ къ тому, чего при дѣдахъ не было, довести родителя до того состоянія, когда онъ «все равно махнулъ рукой»: «а пропадай, молъ, ты пропадомъ,—разъ ты такой окаянный уродился...» Словомъ, требовалось сначала довести «врага» до крайняго изнеможенія, до того безразличія, какое бываетъ у человѣка, когда онъ очень усталъ, когда ему до крайности надоѣло сопротивляться, и только тогда можно было показать книжку—да и то съ опаской. А потомъ, когда книжка до нѣкоторой степени завоевала право гражданства,—чего стоило отстоять «огонь послѣ ужина»? Въ «благочестивыхъ семьяхъ», гдѣ нѣтъ ночной работы, послѣ ужина полагался лишь одинъ огонь: лампадка передъ образомъ А намъ, молодежи, нуженъ былъ огонь на столѣ—ну, хотя бы для того, чтобы читать книжку. И повѣрьте, завести этотъ огонь, противъ котораго былъ и обычай, и благочестіе, и экономическія соображенія, очень не легко было: говорю по собственному опыту.

Старина выработала свои формы общежитія. Въ нашемъ кругу дѣвочка 13—14 лѣтъ уже «невѣстилась». Парнишка 16—17 лѣтъ считался женишкомъ. Бракъ сводился собственно къ спариванію «съ благословенія родителей и по закону». Но спариваніе производилось не зря. Ежегодно съ Пасхи все весеннее и лѣтнее время посвящалось «общественнымъ смотринамъ». Разряженныя «невѣсты» выходили въ опредѣленное мѣсто, подъ видомъ «гулянки» Здѣсь къ нимъ присматривались и прицѣнивались Это было знакомство издали, и при томъ знакомство основательное, провѣряемое повторными осмотрами. Послѣ пасхальной «выставки невѣстъ», шла выставка вознесенская, потомъ «завалки» (на Духовъ день), потомъ «десятая пятница», потомъ казанская (8 іюля), «спасъ-маккавеевская» (1 августа), успенская (15 августа) и т. д. Такимъ образомъ за лѣто весь окрестный «товаръ» удавалось досконально оцѣнить и взвѣсить. Съ сентября начинались «капусты». Каждая хозяйка приглашала уже осмотрѣнныхъ и на ея взглядъ подходящихъ дѣвицъ,—«рубить капусту». «Рубить» въ буквальномъ смыслѣ слова: сѣчками въ корытѣ, а порубленное солить въ кадкахъ на зиму. Рубка капусты считалась праздникомъ: приглашеніе на него—своего рода почетомъ. Работа шла съ пѣснями, непремѣнно полусвадебными. Тутъ уже невѣсты демонстрировали себя вблизи

хозяйка видѣла ихъ и за работой, и за ѣдой, и за весельемъ, такъ какъ «капусты» неизбѣжно заканчивались вечеринками. Все это было неуклюже, тяжеловѣсно, и для мало-мальски тонкаго самолюбія даже оскорбительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ это было не лишено грубоватой, но своеобразной поэзіи; съ нею «отцы» наши были связаны тысячью интимныхъ воспоминаній; она была имъ близка, понятна и, несомнѣнно, дорога. Но дорогое отцамъ оказалось совершенно чужимъ и даже непріятнымъ для дѣтей. Дѣти въ дни «выставокъ» уходили «куда зря», невѣсты отказывались «гулять на капустѣ», женихи убѣгали съ капустныхъ вечеринокъ. Молодежь находила свои пути знакомства; устраивала свои веселья. Она сбросила прадѣдовскія длиннополые сюртуки и чуйки; появились пиджаки и «польты», что опять таки досталось не даромъ; Право носить пиджакъ мои сверстники завоевали: въ иныхъ семьяхъ разномысліе по поводу сюртуковъ и пиджаковъ приводило къ потасовкамъ; одинъ мой товарищъ дѣтства долго ходилъ въ одной рубахѣ, не желая надѣть сшитаго отцомъ сюртука «съ припускомъ на ростъ», т. е. до пятокъ; онъ добился таки того, что мать сшила ему тайкомъ пиджакъ, за что и была побита мужемъ Наши сверстницы отказывались повязывать голову платкомъ и закутываться въ старинныя «ковровыя» и шелковыя шали, которыя по наслѣдству переходили отъ бабки къ внучкѣ. Онѣ долго ходили безъ платковъ, съ открытыми головами. И буквально вся улица содрогнулась, когда одна «мѣщанская дѣвица» осмѣлилась надѣть шляпку. Не меньшій эффектъ выпалъ на мою долю, когда я облачился «въ манишку и котелокъ»; это былъ отчаянный вызовъ всему околотку; при моемъ появленіи въ столь диковинномъ нарядѣ, «насмѣшники» утюкали и свистали, а степенные люди плевались.

Если бы спросили меня: «Зачѣмъ тебѣ этотъ котелокъ, причиняющій столько непріятностей», я бы могъ по чистой совѣсти отвѣтить: «Не знаю». Говорятъ, революцію нельзя дѣлать «нарочно», «по заказу». Она выходитъ сама собою, какъ потребность, при чемъ люди, дѣлающіе ее, не всегда понимаютъ, что они дѣлаютъ. «Мы», если позволено объединить этимъ словомъ людей моего возраста, тоже дѣйствовали не по заказу, не съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, и даже не понимали, съ чемъ смыслъ содѣяннаго нами. Да вотъ примѣръ. Мои старшіе сверстники замѣтно обособлялись. По старому обычаю велось такъ: сынъ и до женитьбы, и послѣ женитьбы весь свой заработокъ отдавалъ отцу. На моихъ глазахъ, начался и окрѣпъ новый порядокъ: сынъ, выросши, сталъ вступать въ чисто договорныя отношенія съ отцовской семьей: за квартиру и содержаніе я, молъ, плачу столько-то, а остальное—мое. Женатые порою заводили себѣ даже особый столъ, и выходило, что въ домѣ живетъ не отецъ съ женатымъ сыномъ, а двѣ самостоятельныя семьи. И мы понимали, что это хорошо, и что иначе нельзя И въ то же время, исподволь добившись права читать и

выписывать газеты, и читая газетныя статьи о деревенскихъ раздѣлахъ и о распаденіи патріархальной крестьянской семьи, искренно огорчались:

— Зачѣмъ, молъ, въ самомъ дѣлѣ, семья въ деревнѣ распадается? И какъ, молъ, глупы эти мужики: не понимаютъ, что жить большою семьею для нихъ же самихъ выгоднѣе.

И только много позже нѣкоторые изъ насъ сообразили, что разъ въ деревнѣ пошли «раздѣлы», значитъ она переживаетъ такую же ломку, какую и мы; мысль, что каждая крестьянская семья обособляется по той же причинѣ, по какой и мы обособляемся отъ нашихъ отцовъ и матерей, не приходила въ голову. Да и не могло быть такой мысли. Мы исходили изъ факта: на наше несчастье у насъ такіе отцы, съ которыми жить невозможно. И казалось, это несчастіе — наше, личное. Усматривать въ немъ явленіе общаго порядка, независимое отъ личныхъ качествъ нашихъ отцовъ, мы просто не умѣли. И негдѣ намъ было этой премудрости научиться. И не у кого.

Наше движеніе отнюдь не было политическимъ. И не могло быть. Дѣло въ томъ, что гнетъ политическій до насъ не доходилъ. Или, вѣрнѣе: онъ, конечно, доходилъ, но по сравненію съ гнетомъ семейнымъ и бытовымъ, былъ такъ ничтоженъ, что мы его не замѣчали. И какъ это ни странно, но полиція не только ничего опаснаго не видѣла въ нашемъ стремленіи вырваться изъ-подъ гнета традицій, но, наоборотъ, явно сочувствовала намъ, и — дай Богъ ей здоровья! — посильно помогала. Выше я упоминалъ объ Аѳанасіи Иванычѣ. Отецъ ходилъ на него жаловаться «самому исправнику». Исправникъ, конечно, могъ «прекратить безобразіе», водворить несовершеннолѣтняго сына въ родительскій домъ, пригрозить его подругѣ желтымъ билетомъ. Да и мало ли чего не можетъ сдѣлать исправникъ? Однако, онъ счелъ возможнымъ лишь строго прикрикнуть на отца: «по закону насильно вѣнчать нельзя», и этимъ явно взялъ юную парочку подъ свое покровительство. Помню также одного частнаго пристава. Ему почему-то нравилось, что мѣщанскія дѣти «его участка» ѣдутъ учиться. Отправлять дѣтей въ чужіе города на школьную учебу было противно всѣмъ дѣдовскимъ преданіямъ. Выпросить согласіе на такое дѣло бывало не только трудно, но порою и опасно. Разговоры объ этомъ иногда кончались такъ бурно, что охотнику до науки приходилось убѣгать отъ родительскаго гнѣва и прятаться по нѣскольку дней. Узнавши о такомъ семейномъ разладѣ, частный приставъ считалъ своимъ долгомъ лично вмѣшаться. Этотъ чудакъ вызывалъ даже разгнѣванныхъ отцовъ въ свою «часть» и тамъ бесѣдовалъ съ ними на тему о томъ, что науки полезны, и «мѣшать молодому человѣку», который хочетъ учиться, никакъ нельзя... Выходило какъ-то такъ, что полиція скорѣе нашъ союзникъ, чѣмъ врагъ.

Правда, до насъ доходили глухо, словно изъ другого міра, кое-

какіе политическіе звуки, что-то о соціализмѣ, о нигилизмѣ, что-то о конституціи. Пожалуй, мы интересовались этимъ. Но это былъ интересъ головной, поверхностный, интересъ къ чему-то такому, что къ намъ почти никакого касательства не имѣетъ. Несравнимо глубже и хватали насъ философическія книжки Толстого. И это понятно. Толстой ставилъ, или, по крайней мѣрѣ, затрагивалъ, именно тѣ вопросы, которые намъ приходилось такъ или иначе рѣшать, Что такое посты, противъ которыхъ мы «бунтовали»? Что такое мощи? Какъ понимать иконы? духовенство? церковь, отъ которой насъ отталкивало, какъ отъ славной непріятельской твердыни? И въ чемъ вѣра? И какъ надо понимать семейную жизнь, отношенія къ родителямъ, къ женамъ, къ дѣтямъ? И, наконецъ, сама по себѣ проповѣдь, что личность человѣческая самоцѣнна и автономна, освѣщала наше поведеніе тѣмъ высшимъ авторитетомъ, какой даетъ научное обоснованіе поступка.

«Политика» пришла къ намъ послѣ,—уже тогда, когда новыя формы бытовыхъ отношеній были до извѣстной степени «явочнымъ порядкомъ» установлены. Политическіе вопросы стали предъ нами совершенно конкретно и по совершенно конкретному поводу. Мы не выдумывали «политики». Она сама напомнила о себѣ. И по жестокой ироніи судебъ въ политическіе вопросы вовлекъ насъ, прежде всего, непримиримый врагъ политики—Л. Н. Толстой.

Дѣло въ томъ, что наиболѣе цѣнныя для насъ книги Толстого приходилось читать, конечно, въ рукописномъ видѣ. Для переписки и распространенія этихъ книгъ, мы, мальчики, въ возрастѣ отъ 13 до 18 лѣтъ, составили нѣчто вродѣ сообщества. Такъ какъ «письменныя занятія» производились тайкомъ отъ родителей, по причинамъ бытовымъ, то политика и тутъ ускользала отъ нашего вниманія вплоть до того дня, когда одинъ изъ «переписчиковъ Толстого», юноша лѣтъ 19, былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія и исчезъ невѣдомо куда. Лишь года черезъ полтора отъ него было получено письмо съ отдаленнаго сѣвера Европейской Россіи. А еще года черезъ полтора получено было извѣстіе, что онъ умеръ отъ цынги. Въ такихъ потрясающе конкретныхъ формахъ предсталъ передъ нами «вопросъ о свободѣ слова и печати». Предсталъ трагически какъ весьма нешуточная угроза: «И быть тебѣ, рабъ Божій, во градѣ Пудожѣ, и умрешь ты тамъ цынготною смертью». Испугать насъ эта угроза не могла—смертоубійствомъ насъ даже «отцы» не испугали. А отцовскія угрозы были куда страшнѣе, да и осуществить ихъ было гораздо легче, чѣмъ угрозы полицейскія. Но перспектива цинготной смерти во градѣ Пудожѣ ужъ слишкомъ подчеркивала, что бытовыя вольности, ставшія для насъ дѣломъ жизни или смерти, наталкиваются на какое-то препятствіе, мимо котораго нельзя пройти, и которое надо изслѣдовать вплотную. А «изслѣдованіе» привело къ неожиданнымъ результатамъ. Начались вечеринки, но уже не съ плясками, какъ прежде, а съ политическими

разговорами, съ чтеніемъ рефератовъ. Это установило въ нашемъ мѣщанскомъ захолустьѣ «товарищескій типъ» отношеній между полами. Мѣщанскія дѣвицы осмѣлились вдругъ появляться въ «холостыхъ квартирахъ» и просиживать до поздней ночи съ «холостыми ребятами». Бытовая революція сдѣлала [illegible] новый и колоссальный успѣхъ. За то вечеринки, выслѣживаемыя полиціей, поставили передъ нами, опять таки въ потрясающе конкретныхъ формахъ, вопросъ о свободѣ собраній. Въ концѣ концовъ, эти предметные уроки государственнаго права, благосклонно даваемые «властями», создали своеобразное положеніе. Чѣмъ чаще ихъ давала полиція, тѣмъ болѣе свободныя формы принимала бытовая жизнь, и тѣмъ, стало быть, большей политической свободы она требовала. Государственная власть, в[illegible] дитемъ», которое только что вырвалось на волю изъ-подъ семейной опеки, поистинѣ уподобилась тому умному домохозяину, который дулъ на залетѣвшую подъ застрѣхъ головню, надѣясь этимъ предотвратить пожаръ.

III.

Было бы интересно прослѣдить, какъ движеніе подошло къ экономическимъ вопросамъ, и какъ послѣ этого оно вдругъ стало понятно «отцамъ». Было бы не менѣе интересно отмѣтить разслоенія, которыя начались между «дѣтьми»: какъ одни изъ нихъ съ головой ушли въ политику, другіе — въ науку, третьихъ жизнь захватила врасплохъ, за устройствомъ своего гнѣзда, когда надо было думать о пропитаніи себя, жены, дѣтей, объ устройствѣ судьбы братьевъ, сестеръ. Интересно бы далѣе [illegible], какъ вмѣстѣ съ традиціями, дѣйствительно, угнетавшими живого человѣка, ломалось и коверкалось то, что можно бы сохранить, и что, по крайней мѣрѣ, не мѣшало, — какъ исчезли, напр., старинныя игры и обычаи, а какъ [illegible] фабричная «частушка» пришла въ не фабричныя мѣста на смѣну за душу хватающей «Лучинушки». [illegible] вдругъ пропала, и, быть можетъ, не только потому, что новое поколѣніе вовсе не хотѣло жаловаться на своихъ враговъ, а имѣло зудъ — просто драться съ ними. Наши бабушки скорбно пѣли, что «лучинушку» «лютая свекровьюшка водой залила». И у нихъ это было понятно: «вѣдь и у меня, молъ, будетъ свекровьюшка, и мою лучинушку зальетъ она водой», [illegible] сестры разсуждать начали иначе: [illegible], пусть [illegible]; посмотримъ кто кого»... Но, говорю, не только поэтому пѣсня-жалоба исчезла. И не потому «частушка» водворилась, что вкусы народа якобы «упали». Надо же хоть сколько-нибудь учитывать логику противорѣчія и логику протеста, которая заставляла ломать одну «ста-

рину» потому, что она вредна, другую—потому, что она непріятна, какъ символъ, а третью—только за то, что она старина, «за компанію». Всѣ эти детали движенія страшно интересны, имѣютъ большую цѣнность сами по себѣ, безотносительно къ текущему моменту исторической жизни. Но, повторяю, я пишу не исторію. Я лишь бѣгло напоминаю, и при томъ въ самыхъ общихъ чертахъ, нѣкоторыя событія, отчасти недостаточно продуманныя обществомъ, отчасти забытыя, какъ забыты тѣ внутреннія соображенія, которыя заставляли правительство дорожить патріархальной семьею и продиктовали ему рядъ мѣръ противъ семейныхъ раздѣловъ.

Изъ городка, гдѣ я непосредственно переживалъ бытовой Sturm und Drang, активнѣйшая часть моихъ сверстниковъ ушла — и въ большинствѣ навсегда. Ушла въ невѣдомое «туда», «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», и, въ поискахъ этого таинственнаго «уголка», разметалась «по всему лицу земли русской». Насколько я знаю, жизнь не баловала такихъ добровольныхъ изгнанниковъ. Русская жизнь порою кажется широкой, свободной и привольной, пока мчишься изъ конца въ конецъ, сидя въ кибиткѣ, въ вагонѣ, на пароходѣ. Но она становится страшно неуютной, тѣсной и жалкой, лишь только захочешь сѣсть на мѣсто и пустить корни. Вагонъ — это осколокъ счастливыхъ свободныхъ странъ, какимъ-то чудомъ проникшій въ нашъ суровый климатъ. Въ Россіи—это инородное тѣло. Пока въ немъ,—ты гражданинъ. А лишь только извозчикъ перевезъ тебя въ гостиницу,—ты уже подъ надзоромъ старшаго дворника и швейцара и долженъ предъявить паспортъ. Проживи на одномъ мѣстѣ годъ, и у тебя явятся невыносимыя, но безусловно обязательныя, отношенія къ околоточному или уряднику (попробуй—не дай праздничнаго на Новый годъ) къ попу, который прекрасно понимаетъ, что ты лишь страха ради іудейска окрестилъ своего ребенка, и если ты дашь на Пасху три рубля, то поблагодаритъ, а если полтинникъ, то назидательно разскажетъ исторію одного прихожанина, два года подъ рядъ не говѣвшаго... Да и мало ли какихъ обязательныхъ отношеній не появится! И если ты человѣкъ съ прямолинейнымъ характеромъ, если для тебя быть гражданиномъ стало потребностью, то имѣешь ты только одно спасеніе: жить «вѣчно въ дорогѣ», наподобіе птицъ небесныхъ: нынче въ Архангельскѣ, завтра въ Тифлисѣ, а черезъ мѣсяцъ во Владивостокѣ. Активнѣйшіе изъ моихъ сверстниковъ завоевали себѣ право на свободу, но чтобы осуществить это право, имъ пришлось стать въ ряды «перелетной Руси», которая еще никѣмъ не сосчитана, но уже давно замѣчена, какъ весьма серьезное соціальное явленіе.

На мѣстѣ остались лишь люди наименѣе прямолинейные и наиболѣе пассивные. «Законы» остались тѣ же,—и полиція та же, и духовенство то же. Городокъ стоитъ такой же тихій и сонный, какъ и прежде. И такъ же отъ него болотомъ пахнетъ. Но людей

словно подмѣнилъ кто. Прежде попъ шелъ гоголемъ по улицѣ; къ нему съ поклонами подбѣгали подъ благословеніе. А нынѣ подъ благословеніе не подходятъ и руки не цѣлуютъ, а которые прихожане помоложе — тѣ и вовсе не кланяются. Прежде исправникъ мчался по городу какъ завоеватель, а теперь передъ нимъ никто «шапки не ломаетъ». Прежде на пріѣздъ архіерея «весь городъ», какъ на пожаръ, сбѣгался, нынѣ пріѣдетъ архіерей въ храмъ Божій, благословитъ старухъ, да «тѣмъ и заговѣется». Но это все, сравнительно, мелочь. Произошли измѣненія гораздо болѣе глубокія. Въ видѣ примѣра отмѣчу хотя бы слѣдующее.

Въ нашемъ городкѣ жилъ богатый лѣсопромышленникъ «Иванъ Николаичъ», вдовецъ, владѣлецъ нѣсколькихъ лѣсопильныхъ заводовъ и канатной фабрики и многочисленнаго гарема. Впрочемъ, это былъ человѣкъ благочестивый и «веселился» въ своемъ гаремѣ лишь въ тѣ дни, когда по святцамъ положено «разрѣшеніе вина и елея». Въ такіе дни онъ возлежалъ здѣсь съ любимѣйшею, а прочія, раздѣвшись до нага, играли и плясали, утѣшая господина своего. Сюда же приходили къ нему довѣренные приказчики съ очередными къ докладами. И старики почитали за великую честь, что хозяинъ принимаетъ ихъ въ столь интимной обстановкѣ. Но вотъ на мѣсто одного умершаго старика пришлось назначить человѣка молодого. Его тоже провели было въ гаремъ. Но онъ, вмѣсто доклада, сказалъ лишь: «виноватъ, я не туда попалъ», и немедленно ушелъ. Иванъ Николаичъ опѣшилъ. Онъ страшно ругался. Однако, пріемъ докладовъ въ гаремѣ прекратилъ. Видимо, его страшно поразило, что «и человѣкъ молодой, и на голыхъ бабъ посмотрѣть ему, казалось бы, лестно, а вотъ подишь ты»!.. Однако, самъ Иванъ Николаичъ, до конца дней, говорилъ своимъ служащимъ «ты», ругалъ ихъ «чортовыми сынами», и когда онъ обозрѣвалъ свой заводъ, приказчики должны были сопровождать его безъ шапки, а рабочіе обнажали головы, едва завидѣвъ хозяина. Правда, молодые рабочіе тоже говорили ему: «ты». Но онъ дѣлалъ видъ, что не обижается: «И Господу Богу, молъ, говорятъ «ты», а я чѣмъ лучше». Однако, наслѣднику его, видимо, не совсѣмъ нравилось «стоять на одной линіи съ Господомъ Богомъ», и онъ предпочиталъ разговаривать съ служащими въ безличной формѣ, чтобы не было ни желательнаго «ты», ни обиднаго «вы». Со времени смерти Ивана Николаича прошло всего 12 лѣтъ. И за это время обстоятельства такъ измѣнились, что наслѣдникъ его уже окончательно привыкъ къ разговору на «вы», не только приказчикамъ, но даже пилоставамъ и машинистамъ первый говоритъ: «здравствуйте», здоровается даже съ пилоставами и машинистами не иначе, какъ за руку. Въ нынѣшнемъ году я лично видѣлъ эту потрясающую перемѣну нравовъ. Глазамъ не вѣрилось. Спрашиваю, какъ это могло случиться.

— А знаете, какой народъ нынче пошелъ, — объяснилъ мнѣ

приказчикъ.—Вотъ двоюродный братъ покойнаго Ивана Николаевича пробовалъ старины держаться. Что-жъ вышло: нынче поломка, завтра порча, послѣзавтра забастовка. Пришлось все дѣло бросить. А мы [illegible]... Ну у насъ [illegible] чего, слава Богу. Въ гору лѣземъ... А народъ, дѣйствительно, озорной. Намедни пришелъ ко мнѣ табельщикъ нашъ и началъ поливать. «Вы, говоритъ, эксплуататоры, кровопійцы, говоритъ, наши, мы, говоритъ, васъ, тунеядцевъ, кормимъ...» По прежнимъ временамъ за такія слова полагалось первымъ дѣломъ въ морду, а вторымъ дѣломъ—въ полицію. А теперь заискивать приходится. Вижу, что раздраженъ человѣкъ. Начинаю его улещивать. «Что-жъ, говорю, Василій Степанычъ...» Теперь ихъ, батюшка, не иначе, какъ по имени и отчеству называемъ. «Что-жъ, говорю, Василій Степанычъ, я противъ вашихъ словъ не спорю. Это вы правду говорите: мы эксплуататоры и тунеядцы. Да какъ же намъ быть, коли наша планета такая...» Да что о рабочихъ говорить! Извѣстно, народъ отпѣтый.

А вы на городовыхъ посмотрите. Недавно разговорился я съ нашимъ уличнымъ. «А что, спрашиваю, приставъ васъ не бьетъ.»—«Это, говоритъ, съ какой стати?..» «Да съ той, говорю, стати, что прежде били...» Такъ онъ, знаете ли, какъ сопнетъ носомъ. «Прежде, говоритъ, можетъ, и били. А теперь, говоритъ, пусть попробуетъ»...

Какъ-то разъ, скучая на промежуточной станціи въ ожиданіи поѣзда, я заинтересовался оффиціантомъ. Это былъ очень молодой человѣкъ, который держалъ себя необыкновенно важно: его лицо словно застыло въ горделивой, почти высокомѣрной гримасѣ. Между тѣмъ это лицо мнѣ казалось необыкновенно знакомымъ: казалось, что я гдѣ-то видалъ это лицо, видалъ очень часто, но только оно было тогда другимъ: милымъ, ласковымъ, съ доброю, застѣнчивою улыбкою, которая словно такъ прилипла къ губамъ, что и хотѣла бы порою сорваться и улетѣть съ его губъ, да не могла улетѣть. И чѣмъ дольше я вглядывался въ него, тѣмъ больше убѣждался, что лицо мнѣ, дѣйствительно, знакомо, что я его часто видалъ. Но гдѣ и когда? Наконецъ, я потребовалъ чаю. Онъ молча подалъ.

— А вѣдь мы гдѣ-то видѣлись?—не выдержалъ я.

[illegible] лицо вдругъ дрогнуло, освѣтилось милой, ласковой улыбкой, именно той самою, которую я раньше много разъ видѣлъ и любилъ.

— Да вѣдь я же вашъ ученикъ,—отвѣтилъ онъ.

— Рѣпкинъ *)?—сразу вспомнилъ я.—Да?

[illegible]... [illegible] васъ сразу призналъ... [illegible]. [illegible] васъ знаетъ, какъ вы на нашу службу смотрите...

---

*) По нѣкоторымъ причинамъ, ставлю фамилію не настоящую.

Въ буфетѣ почти никого не было. И мы разговорились безъ помѣхи, какъ старые пріятели.

— Послушайте,—спросилъ, наконецъ, я—зачѣмъ вы дѣлаете такое лицо?

— А какъ же иначе, А. Б.?—отвѣтилъ онъ, съ своею обычной улыбкою,—знаете, какой у насъ пассажиръ... Такъ и норовитъ тебя тыкнуть и унизить. Ежели почеловѣчески на него смотрѣть, то онъ непремѣнно тебѣ на шею сядетъ. Все равно, какъ свинья—только за столъ посади, а ужъ ноги она по своему положитъ. Ну, вотъ и содержишь себя въ строгости. Иная свинья и разгонится за столъ сѣсть, а какъ увидитъ, что ты спуску не дашь,—небось, и хвостъ подожметъ. Ничего не подѣлаешь, А. Б. Ежели въ нашемъ положеніи свирѣпаго вида на себя не напускать, то и жить нельзя.

«Въ нашемъ положеніи»... А чѣмъ положеніе Рѣпкина отличается отъ тысячи другихъ положеній? Не есть ли оно наше въ томъ смыслѣ, что это положеніе всеобщее, всероссійское? Вотъ городовой говоритъ о своемъ [illegible]: «пусть попробуетъ». Но что мѣшаетъ приставу «попробовать»? А что если завтра же приставъ попробуетъ? [illegible] и машинистъ, которые добились, что хозяинъ здоровается съ ними по-человѣчески. А что, если завтра этотъ самый хозяинъ [illegible] «здравствуйте», станетъ [illegible]... Вотъ [illegible], который [illegible] уклоняется отъ церковныхъ обрядовъ. [illegible] не прибѣгнетъ къ [illegible] по городу, [illegible] лишь [illegible] чтобы въ лег[illegible] бомбу. Пока онъ сниметъ [illegible] и довольствуется. Но что мѣшаетъ ему завтра же издать обязательное постановленіе: «кто передо мною не сниметъ шапки, съ того штрафъ въ 3000 р.» [illegible] бывали? Вѣдь потребовалъ же себѣ [illegible]. Вотъ жена, которая добилась того, что мужъ признаетъ ея человѣческія права. Но что мѣшаетъ мужу завтра же втоптать эти права въ грязь; [illegible] въ другой городъ и вытребовать жену черезъ полицію этапнымъ порядкомъ.

Бытовая революція [illegible] путемъ [illegible] выросшая человѣческая личность добилась [illegible] правъ. Но эти права не только не гарантированы, не оформлены юридически, но и существуютъ [illegible]. Ихъ единственная гарантія: «напускать на себя свирѣпость», идти путемъ [illegible], запрашивать какъ можно больше, чтобы получить тотъ минимумъ, безъ котораго нельзя жить. Такое состояніе вѣчнаго [illegible] ною переторжкою долго тянуться не можетъ. Завоеванное бытовою революціею, очевидно, такъ же придется декретировать, какъ были

декретированы во Франціи завоеванія муниципальной революціи 1789 года. Новыя бытовыя условія властно требуютъ и новыхъ юридическихъ формъ. Это необходимость. Не подчиниться ей есть только одно средство: истребить все населеніе Россійской имперіи. А пока населеніе не истреблено, оно живетъ и будетъ жить вопреки законамъ, которые не считаются съ новыми потребностями и новыми формами общежитія. Законы и жизнь вступили въ непримиримое противорѣчіе. И чтобы это противорѣчіе исчезло, надо или «жизнь по боку», или «законы по боку».

Я живо понимаю всю ту непріязнь, съ какой господа, вродѣ А. С—на, пишутъ о «хулиганствѣ фабричныхъ». И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на этого «фабричнаго», который впрочемъ, далеко не всегда работаетъ на фабрикѣ, часто это «молодецъ» изъ мелочной лавки, а порою просто «сынъ, живущій при родителяхъ». Шапка у него на бекрень; видъ имѣетъ отчаянный—«свирѣпость на себя напустилъ». Старшимъ не кланяется. На церковь не крестится. На околоточнаго смотритъ чортомъ. Передъ «кокардой» не сторонится. На гармоніи играетъ. И во все горло поетъ:

.. Издалъ манифестъ:
Всѣмъ мертвымъ свобода,
Живыхъ подъ арестъ...
Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя,
Помни ты, нагаечка, девято января.

Словомъ, «сторонись отъ него—не то ушибетъ». Можно ли при видѣ столь символической фигуры г-ну А. С—ну сохранить спокойствіе? Вѣдь будь у насъ революція только политическая, на почвѣ хотя бы тѣхъ же новыхъ производственныхъ отношеній, дѣло улаживалось бы довольно просто и безъ шума. Въ Германіи новыя производственныя уживаются съ полу-абсолютизмомъ. Но Германія—рѣзко капиталистическая страна. У насъ же капитализма пока такъ немного, «словно его котъ наплакалъ». И отчего бы намъ въ самомъ дѣлѣ не остановиться, на томъ «самодержавномъ конституціонализмѣ», о которомъ мечталъ графъ Витте?

Будь у насъ революція только политическая и аграрная, крестьянская,—дѣло улаживалось бы нѣсколько сложнѣе, но все же безъ крайняго самоотреченія. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не пустить въ ходъ лозунгъ: «царь и земля», въ видѣ хотя бы того же кутлеровскаго проекта? Каждый остался бы при желательномъ ему: мужикъ при землѣ, баринъ при деньгахъ, самодержавіе при своихъ твердыняхъ, и лишь при новомъ «конституціонномъ» орнаментѣ.

Но, вѣдь, въ томъ-то и горе господъ А. С—ныхъ, что кромѣ новыхъ производственныхъ отношеній и кромѣ революціи аграрной, есть еще какая-то величина, на которую не безъ основанія обратилъ вниманіе графъ Витте своею, насколько помнится, единственною рѣчью въ государственномъ совѣтѣ новой формаціи,

Есть еще какое-то странное и крайне непріятное настроеніе не только толпы, но даже у людей, тщательно просѣянныхъ сквозь выборныя рѣшета. И это непріятное настроеніе оказалось способнымъ обнаруживаться не только на улицѣ, но даже «въ священныхъ покояхъ Зимняго дворца». Вспомните, какъ «сиволапые мужики», лишь изъ вѣжливости названные «лучшими людьми», вели себя въ Зимнемъ дворцѣ. Къ митрополиту подъ благословеніе не шли, къ кресту не устремлялись, ура не кричали, на высшихъ придворныхъ чиновъ указывали пальцами, о камергерскихъ мундирахъ громко разсуждали: «а ежели бы эту штуку ободрать, да продать—сколько хатъ построить можно!» Эти выборные люди, ковырявшіе носками пыльныхъ мужицкихъ сапогъ драгоцѣнные ковры Зимняго дворца, и разсуждавшіе вслухъ, «сколько такая штука стоитъ»,—эти выборные люди чѣмъ отличаются отъ символическаго фабричнаго? Шапка вотъ развѣ у нихъ не набекрень, гармоники нѣтъ, частушки не орутъ. А духъ тотъ же, и та же критика «манифеста» о «свободѣ всѣхъ мертвыхъ» и «арестѣ живыхъ». И этотъ «духъ» не случайность. Призовите любыхъ мужиковъ изъ любой деревни, они также будутъ ковырять своими лаптями ковры и мысленно обдирать камергерскіе мундиры. Графъ Витте назвалъ этотъ духъ—«завистью». Попы называютъ его «гордостью». Старухи-богомолки—«смертнымъ грѣхомъ». К. П. Побѣдоносцевъ—«безбожіемъ». Предоставимъ этимъ людямъ придумывать на досугѣ иныя бранныя и укорительныя слова. Для насъ же, во всякомъ случаѣ, ясно, что прежде мужикъ передъ дорогими коврами робѣлъ и чувствовалъ трепетъ, а теперь онъ ковыряетъ ихъ сапогами. Прежде «богобоязненный мужичекъ» при видѣ расшитыхъ мундировъ готовъ былъ преклонить колѣни. Теперь онъ говоритъ словами Лосева:

— «Ослѣпили насъ золотые мундиры...» И если они намъ не уступятъ добровольно, мы скажемъ: «Умри душа моя вмѣстѣ съ филистимлянами».

И наблюдая эту колоссальную перемѣну въ народномъ міросозерцаніи, мы можемъ лишь сказать: бытовая революція совершилась и съ нею манипуляціями à la Витте не справишься. «Парламентъ», орнаментирующій самодержавіе, устроить—не хитрость. При нѣкоторомъ умѣньѣ не хитро поднять флагъ съ надписью «царь и земля». Гораздо хитрѣе успокоить символическаго «фабричнаго», ибо онъ пустяками не удовлетворится и непремѣнно заявитъ:

— А права мнѣ всетаки давай. Да не какія-нибудь, а права настоящія. Чтобъ, во-первыхъ, никто меня тыкать не смѣлъ, во-вторыхъ, чтобъ никто не смѣлъ меня въ морду бить. Чтобъ я во всякое время имѣлъ полное право напомнить о «нагаечкѣ» и о 9 января, и чтобъ никто меня за это не тащилъ въ «чижовку». И

чтобъ законъ охранялъ мои права твердо. Потому—я человѣкъ добродушный, веселость люблю и надоѣло ужъ мнѣ «свирѣпость на себя напускать» для охраны личной неприкосновенности...

И ко всему этому онъ непремѣнно добавитъ:

— Да вотъ еще у васъ ковры шибко дорогіе. А мы безъ хлѣба сидимъ. Потому надо намъ «уравненіе устроить»: чтобъ, значитъ, у насъ былъ постоянно хлѣбъ, а вы и безъ ковровъ хороши будете.

Это, повторяю, онъ скажетъ непремѣнно, ибо мысль сама по себѣ ужъ очень проста, неотразимо логична, а психозъ, который заставлялъ на знатность и роскошь смотрѣть съ благоговѣйнымъ трепетомъ, безнадежно сгорѣлъ въ огнѣ бытовой революціи. Правда, еще не мало осталось психозовъ не бытовыхъ, не соціальныхъ, а политическихъ и религіозныхъ. Даже «фабричный», распѣвающій частушку о «манифестѣ», можетъ смутиться, если ему въ упоръ поставить вопросы: монархія или народовластіе, и какъ ты понималъ или будешь понимать на военной службѣ солдатскую присягу? Эти невинные на первый взглядъ вопросы подымаютъ въ народной массѣ множество сомнѣній, преданій, суевѣрій, впитанныхъ съ молокомъ матери. И насколько эти преданія имѣютъ силу, можно видѣть на томъ же бывшемъ тамбовскомъ депутатѣ Лосевѣ, который при всемъ своемъ радикализмѣ попалъ на квартиру Ерогина и только «опамятовавшись» сообразилъ, что его родственники живутъ въ трудовой группѣ. Какъ это ни невѣроятно, но возможно, что большинство, какое опредѣляется нынѣшнимъ «плебисцитомъ», совершитъ такую же, говоря символически, эволюцію: къ трудовой группѣ черезъ Ерогина. Но будетъ оно, несомнѣнно, только тамъ, куда ведетъ совокупность политическихъ, соціальныхъ и бытовыхъ потребностей.

А. Петрищевъ.

Политика.

Финляндскія дѣла.—Роспускъ думы и биржа.—Роспускъ думы и заграница.—[illegible]—Русскіе бомбисты въ Парижѣ.—Ватиканъ и Франція.

I.

Когда и какими результатами завершится русское освободительное [illegible] Россіи, никто съ достовѣрностью предсказать не можетъ, но [illegible] это огромное, могучее и само-

отверженное движеніе русскаго народа завершилось для Финляндіи... Оно принесло финляндцамъ полную политическую свободу, совершенную демократизацію политическаго и соціальнаго строя, политическую амнистію, возстановленіе во всѣхъ должностяхъ всѣхъ потерпѣвшихъ при Плеве, взысканія съ нѣкоторыхъ лицъ, въ угоду Плеве нарушившихъ финскіе законы... Да, этотъ головокружительно громадный прыжокъ изъ мрака къ свѣту, отъ произвола къ законности, отъ гнета къ волѣ, отъ болѣзни къ здоровью могла совершить Финляндія лишь благодаря могучему толчку, данному отсюда, изъ Россіи!

Всего этого желала и желаетъ русская нація и для себя, и для поляковъ, и для всѣхъ другихъ народностей, сожительствующихъ съ нею подъ одною государственною крышею, для финляндцевъ въ томъ числѣ. Всего этого добивалась и добивается русская нація, и политической свободы, и демократическаго строя, и амнистіи, и наказанія черносотенныхъ [illegible]. Чтобы ей, русской націи, было безопаснѣе во всемъ отказать, все дали финляндцамъ.

20 (7) іюля высочайше утверждена новая конституція и затѣмъ обнародована на шведскомъ и финскомъ языкахъ въ Финляндіи. Извлеченіе изъ нея мы имѣемъ въ слѣдующемъ агентскомъ сообщеніи:

«На основаніи высочайше утвержденнаго 7 (20) іюля сеймоваго устава для Великаго княжества Финляндскаго, сеймъ образуетъ одну палату въ составѣ двухсотъ депутатовъ. Выборы въ сеймъ производятся каждый третій годъ. Депутаты избираются посредствомъ прямыхъ и пропорціональныхъ выборовъ. Право участія въ выборахъ принадлежитъ всѣмъ финляндскимъ гражданамъ не моложе 24 лѣтъ, не исключая и женщинъ. Точно также не ограничено право быть избраннымъ. Должностныя лица, за посягательство повліять своею служебною властью на выборы, лишаются должности. Нарушеніе свободы выборовъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ. Во время сессіи депутатъ не можетъ быть, безъ согласія сейма, заключенъ подъ стражу, буде о его задержаніи не состоялось опредѣленія суда или же онъ не былъ застигнутъ при совершеніи преступленія, влекущаго за собою тюремное заключеніе.

Дальнѣйшія статьи устава, содержатъ постановленія объ открытіи, распущеніи и закрытіи сейма, о порядкѣ поступленія дѣлъ на разсмотрѣніе сейма, объ ихъ [illegible] въ общемъ собраніи и большей коммиссіи, [illegible] обсужденія законодательныхъ вопросовъ, [illegible] государя императора и великаго князя, или внесенныхъ на сеймѣ націею. Эти дѣла подлежатъ трехкратному обсужденію въ общемъ собраніи.

Одна изъ послѣднихъ главъ устава посвящена [illegible]

о распоряженіяхъ по финляндскому банку. Сеймъ назначаетъ банковыхъ уполномоченныхъ для надзора по завѣдыванію состоящими подъ гарантіею и въ вѣдѣніи сейма фондами банка и утверждаетъ инструкцію для нихъ.

Принятый сеймомъ законопроектъ подвергается, при представленіи сейма, на высочайшее благовоззрѣніе для утвержденія и изданія закона. Если государь не признаетъ возможнымъ утвердить проектъ, то таковой всецѣло остается безъ послѣдствій.

Настоящимъ уставомъ отмѣняются уставъ 1869 и манифесты 1879, 1886 и 1896 годовъ.

Высочайшее предложеніе земскимъ чинамъ, относительно закона объ обществахъ, устанавливаетъ новую систему, по которой конституированіе общества въ видѣ особой юридической единицы обусловлено записью въ публичномъ реестрѣ: утвержденія правительствомъ не требуется. Въ предложеніи изложены условія, при которыхъ уставъ общества считается дѣйствительнымъ.

Основныя положенія второго высочайшаго предложенія о правѣ сейма провѣрять закономѣрность служебныхъ распоряженій членовъ правительства слѣдующія:

Сеймъ можетъ требовать объясненія по замѣчаніямъ о незакономѣрности распоряженій, принимать мѣры къ устраненію закононарушеній, входя съ высочайшими представленіями, а по нѣкоторымъ злоупотребленіямъ привлекая виновныхъ къ особому суду. Вопросы, вызываемые правомъ повѣрки, подлежатъ предварительному разсмотрѣнію въ коммиссіи основныхъ законовъ. Судебный департаментъ сената будетъ преобразованъ въ особый высшій судъ».

И въ этомъ отрывочномъ изложеніи, очевидно, не компетентнаго въ государственномъ правѣ автора ясно видно, какія огромныя блага пріобрѣтаетъ финскій народъ. Онъ пользовался относительною свободою и принималъ участіе въ законодательствѣ и по конституціи 1869 года, дарованной императоромъ Александромъ II, и ранѣе того по конституціи 1809 года, дарованной Александромъ I, но свобода была именно относительная, какъ и народное представительство. Довольно напомнить, что въ теченіе всего правленія императора Николая I сеймъ ни разу не былъ созванъ. Устранить возможность повторенія такихъ перерывовъ конституціонной жизни и призванъ былъ уставъ 1869 года. Во всемъ остальномъ онъ слѣдовалъ образцу устава 1809 года, а этотъ уставъ повторялъ тогдашнюю шведскую конституцію: четырехпалатная система, преобладающая роль рыцарства и духовенства, выборы въ городахъ и селахъ, основанные на соотвѣтствіи съ имуществомъ (благодаря чему одинъ избиратель могъ сосредоточить сотни и даже тысячи голосовъ) и мн. др. Это не былъ парламентъ въ новомъ смыслѣ слова, а средневѣковые генеральные штаты. Это не были права, но привиллегіи, какъ привиллегіями являлись и вольности.

Теперь Финляндія получила конституцію, самую прогрессивную въ Европѣ, на основаніяхъ, выработанныхъ наукою государственнаго права въ лицѣ наиболѣе компетентныхъ ея представителей! Конечно, феодальные классы не такъ легко отказались бы отъ своихъ привиллегій (въ Швеціи феодалы до сихъ поръ упорно отстаиваютъ свои позиціи), если бы не могучіе раскаты русскаго движенія, доносившіеся до слуха финляндскихъ феодаловъ и смущавшіе ихъ едва ли не больше даже, нежели административный произволъ, расцвѣтшій при Плеве. Испуганные раскатами этой русской грозы, феодалы все уступили финляндской демократіи, совершенно такъ же, какъ и русское правительство подъ тѣми же впечатлѣніями уступило финляндской демократіи все, чего она желала и добивалась.

Конституція 7 (20) іюля нашла скоро свое естественное продолженіе въ манифестѣ отъ 9 (22) іюля объ амнистіи. Этотъ манифестъ передается такъ въ телеграммѣ С.-Петербургскаго агентства:

Гельсингфорсъ. Полученъ высочайшій манифестъ отъ 9 іюля, дарующій Финляндіи амнистію. Манифестъ дополняетъ всемилостивѣйшій манифестъ 4 ноября 1905 г., которымъ отмѣненъ рядъ законоположеній, изданныхъ для Финляндіи въ періодъ съ 1899 г. Въ силу манифеста слагаются наказанія и штрафы, наложенные на общины и частныхъ лицъ за уклоненіе отъ исполненія опредѣленій, вытекающихъ изъ высочайшихъ постановленій 2 іюля 1900 г. о публичныхъ собраніяхъ, манифеста и устава о воинской повинности отъ 12 іюля 1901 г., постановленія 2 апрѣля 1903 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и иныхъ, изданныхъ въ развитіе рескриптовъ, предписаній и распоряженій. Отмѣняются карательныя послѣдствія. Штрафы подлежатъ возвращенію по распоряженію сената. Освобождаются отъ наказанія и преслѣдованія жители края, привлеченные къ отвѣтственности по первымъ 16 параграфамъ и первой части 17 параграфа главы 16-ой уголовнаго уложенія. Дарована амнистія лицамъ, бѣжавшимъ и выѣхавшимъ изъ Финляндіи безъ разрѣшенія, при условіи возвращенія или заявки въ годичный срокъ. Должностныя лица, чиновники, и служителя правительственной службы освобождаются отъ отвѣтственности за служебныя дѣйствія, совершенныя на основаніи законоположеній, отмѣненныхъ манифестомъ 4 ноября 1905 года. Манифестъ не лишаетъ права иска въ законномъ порядкѣ лицъ, права которыхъ могли быть нарушены въ указанныхъ случаяхъ; но генералъ-губернатору и сенату предоставлено входить съ всеподданнѣйшими представленіями о возмѣщеніи убытковъ изъ казенныхъ средствъ, если встрѣтится къ этому основаніе.

Дальнѣйшимъ продолженіемъ того же освободительнаго процесса явились слѣдующіе акты:

Государемъ императоромъ 7 августа утвержденъ принятый земскими чинами великаго княжества финляндскаго «Законъ о свободѣ слова, собраній и союзовъ». Законъ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: въ развитіе и для обезпеченія общихъ правъ финляндскихъ гражданъ симъ устанавливаются слѣдующія опредѣленія, имѣющія силу основного закона:

Финляндскіе граждане пользуются свободою слова и правомъ выпускать въ печать [illegible] изложенія или изображенія и предварительно не должны быть чинимы сему препятствія.

Финляндскіе граждане имѣютъ право, безъ предварительнаго разрѣшенія, собираться для обсужденія общественныхъ дѣлъ или для другихъ позволительныхъ цѣлей и образовывать общества, преслѣдующія задачи, не противныя закону или нравственности.

Правила о томъ, что должно быть соблюдаемо при пользованіи этими правами, могутъ быть изданы въ установленномъ для общихъ законовъ порядкѣ.

7-го августа государемъ императоромъ утверждено принятое земскими чинами великаго княжества финляндскаго высочайшее предложеніе о чиновникахъ, удаленныхъ со службы или вновь на нее назначенныхъ съ отступленіемъ отъ основныхъ законовъ. [illegible] предоставляется ходатайствовать о возстановленіи ихъ въ ранѣе занимавшихся ими должностяхъ.

Конечно, будутъ теперь многіе другіе акты того же значенія и направленія. И все это стало и будетъ возможно лишь благодаря русскому освободительному движенію, сломившему и административный деспотизмъ, и феодальное сопротивленіе. Сначала вся Финляндія это понимала, но затѣмъ начала забывать и приписывать своей высшей культурности и высшему искусству своихъ политиковъ всѣ свои успѣхи. Вотъ что напр. пишетъ либеральная гельсингфорсская газета «Nya Pressen» (заимствуемъ цитату изъ «Товарища»):

«Произволъ генерала Бобрикова,—говоритъ «Nya Pressen»,— пробудилъ въ нашемъ обществѣ симпатію къ русскому освободительному движенію. Вполнѣ естественно, что у насъ стали искать связи съ русской оппозиціей, которая въ свою очередь была вы- [illegible] русскаго правительства. О русской революціи тогда еще нельзя было говорить. Октябрьскія событія измѣнили положеніе вещей. Однако, благопріятный исходъ побудилъ русскихъ революціонеровъ устремиться къ новымъ цѣлямъ. Полная неудача, которую они потерпѣли, привела къ тому, что рабочія массы [illegible] отказались на будущее время обрекать себя новымъ жертвамъ.

«У насъ,—говоритъ газета,—забастовка привела къ лучшимъ результатамъ. Мы не пошли дальше потому, что были поражены

ужаснымъ проявленіемъ варварства во время восстаній въ Россіи, а отчасти и потому, что безпорядки въ нашемъ обществѣ привели къ убійству въ приходѣ Мола и къ активному выступленію красной гвардіи, что не имѣло ничего общаго съ истинно освободительнымъ движеніемъ.

«Развитіе революціоннаго движенія въ Россіи все болѣе убѣждало насъ въ томъ, что ниспроверженіе господствующаго строя путемъ насилія и водвореніе новаго порядка на началахъ свободы требуютъ извѣстной культурности народа и огромнаго организаторскаго таланта у вожаковъ движенія.

«Рабочія массы въ Россіи устали и извѣрились въ своихъ вожакахъ, которые не сумѣли въ свое время исполнить своихъ обѣщаній. Въ деревняхъ агитація вызвала волненія, которыя были въ концѣ концовъ направлены противъ права собственности отдѣльныхъ лицъ. Но это движеніе еще не достигло своей кульминаціонной точки. Оно будетъ продолжаться съ возрастающимъ насиліемъ и уничтожитъ земледѣліе въ Россіи, вызвавъ въ ней повсемѣстно голодъ. Воцарится анархія».

Въ заключеніе газета говоритъ объ анархическомъ характерѣ русскаго освободительнаго движенія и, видя въ немъ величайшую опасность для финляндской автономіи, совѣтуетъ финскому народу воздержаться отъ участія въ русскомъ движеніи.

Представленіе гельсингфорской газеты объ исторіи русскаго освободительнаго движенія—совершенно превратно и невѣрно. Мы не станемъ его исправлять, но выразимъ надежду, что за «Nya Pressen», съ ея враждою къ русскому движенію, стоитъ не очень значительная часть финляндскаго общества и что это общество лучше упомянутой газеты понимаетъ тѣсную связь между свободою Россіи и Финляндіи.

II.

Въ тотъ самый день, когда для Финляндіи былъ подписанъ манифестъ объ амнистіи и черезъ два дня всего послѣ подписанія хартіи финляндской конституціи, 9 (22) іюля 1906 года, былъ подписанъ указъ о роспускѣ перваго русскаго парламента; одновременно съ указомъ, обнародованъ и высочайшій манифестъ объ этомъ событіи. Извѣстно, что около 200 членовъ государственной думы выѣхали затѣмъ въ Выборгъ и издали тамъ свой манифестъ къ русскому народу. Эти событія произвели потрясающее впечатлѣніе заграницею. Мы остановимся теперь на этомъ впечатлѣніи. Сначала о мірѣ финансовомъ, потомъ о политическомъ.

Сначала наши телеграфныя агентства сообщили нѣсколько

правдивыхъ телеграммъ. Такъ отъ 10 (23) іюля *Россійское Агентство* сообщало изъ Вѣны:

Вѣна, 10 іюля. Въ началѣ биржевого собранія курсъ русской ренты упалъ на 4 проц. сравнительно съ субботнимъ курсомъ.

Въ то же время *С.-Петербургское Агентство* сообщало изъ Берлина:

Берлинъ, 10 іюля. Задолго до начала оффиціальной биржи собралось въ залахъ биржи много биржевиковъ, обсуждавшихъ главнымъ образомъ роспущеніе Государственной Думы. Биржа была возбуждена, но далеко не въ такой степени, какъ ожидалось. Сначала проявилось сильное предложеніе, обусловленное растерянностью вѣнской биржи, но затѣмъ его парализовали значительныя покупки за счетъ Мендельсона, къ которымъ присоединились операціи на покрытіе. Нѣсколько позже, однако, всѣ русскія цѣнности начали падать, такъ какъ изъ Лондона сообщили, что 5 проц. русскій заемъ 1906 года понизился на $9^{1}/_{4}$ проц. Валюта въ это время здѣсь упала до 213.

Изъ Парижа и Лондона телеграммъ сообщено не было, а затѣмъ больше ни откуда, кромѣ телеграммъ, излагающихъ благопріятныя русскимъ финансамъ статьи нѣкоторыхъ газетъ, націоналистскихъ во Франціи, рептильныхъ въ Германіи. Русская публика поэтому оказалась совсѣмъ не освѣдомленною о взглядѣ иностраннаго финансоваго міра на финансовое положеніе Россіи, созданное роспускомъ, можно сказать, разгономъ Думы.

По общепринятому обыкновенію, всякое мѣропріятіе, касающееся лица или учрежденія, объявляется этому лицу или этому учрежденію, въ данномъ случаѣ Государственной Думѣ. Поэтому указъ о роспущеніи парламента читается въ самомъ парламентѣ. У насъ же поступили, какъ поступилъ Наполеонъ III въ 1851 г., т. е. заняли зданіе парламента войсками. Это похоже на разгонъ. Впрочемъ, не въ словахъ дѣло... Главное въ томъ, что былъ парламентъ, а 10 (23) іюля его не стало.

15 (2) іюля, за недѣлю до роспуска Думы, на парижскомъ фондовомъ рынкѣ русскіе фонды стояли не важно, но достигнувъ извѣстнаго низкаго уровня, на немъ держались твердо и даже показывали нѣкоторую наклонность къ повышенію. Они котировались:

	15 іюля.		8 іюля.
5% заемъ 1906 г.	88,50	вмѣсто	88,40
3 » » 1891 »	63,45	»	63,35
4 » » 1901 »	76,50	»	76,50

Имѣя въ виду, что по займу 1906 года второй взносъ (20%) предстояло сдѣлать 1 августа (19 іюля) и что поэтому спекуляторы, не обладающіе значительными средствами, не могли въ іюлѣ дѣлать значительныя покупки билетовъ этого займа, его курсъ

надо считать порядочнымъ. Онъ былъ всетаки на $^1/_2$% выше выпускного курса.

Слѣдующая ликвидація парижской биржи 22 (9) іюля, т. е. въ день подписанія указа о роспускѣ Думы, но наканунѣ его опубликованія. Однако. все обостряющійся конфликтъ между правительствомъ и Думою былъ уже ясенъ. Правительственное сообщеніе, направленное противъ Думы, было уже объявлено. Дума уже постановила отвѣчать. Слухи о ея роспущеніи становились все настойчивѣе. Эти тревожныя свѣдѣнія отразились на котировкѣ 22 (9) іюля.

	22 іюля.		15 іюля.
5% заемъ 1906 г.	85,50	вмѣсто	88,50
3 » » 1891 »	61,00	»	63,45
3 » » 1896 »	60,05	»	62,40
4 » » 1901 »	73,60	»	76,50
Рента —	73,00	»	76,15

Это чувствительное пониженіе было серьезнымъ предостереженіемъ со стороны парижской биржи. Однако, было поздно. Оно совпало съ торопливымъ актомъ министерства Горемыкина, которое при этомъ само свалилось. Взошла звѣзда министерства Столыпина. Французскій фондовый рынокъ, однако, привѣтствовалъ эту звѣзду головокружительнымъ паденіемъ русскихъ цѣнностей:

	29 іюля.	Меньше 15 іюля.
5% заемъ 1906 г.	78,00	10,50
3 » » 1881 »	57,00	6,45
3 » » 1896 »	55,75	6,65
4 » » 1901 »	67,90	8,60
Рента —	67,75	8,40

Имѣя въ виду, что русскихъ фондовъ во Франціи обращается на сумму свыше 10 милліардовъ, надо признать, что восхожденіе звѣзды г. Столыпина, французамъ обошлось около милліарда.

Во всемъ, что касается русскихъ цѣнностей, парижская биржа даетъ тонъ всѣмъ остальнымъ. Въ Лондонѣ и Амстердамѣ паденіе русскихъ бумагъ было сначала даже значительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. То же въ Вѣнѣ. Сначала и въ Берлинѣ, но затѣмъ огромныя покупки Мендельсона остановили паденіе. Помогъ и слухъ, будто, по желанію императора Вильгельма, банкъ Мендельсона авансируетъ русскому правительству 500 милліоновъ марокъ подъ новый предстоящій заемъ.

Роспускъ Думы, смѣна министерства, выборгское засѣданіе Думы, чрезвычайныя и даже сверхъ-чрезвычайныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ, все это и произвело то удручающее

впечатлѣніе на финансовый міръ Западной Европы, которое и было причиною этого паническаго паденія русскихъ фондовъ. Дѣла въ Россіи, однако, не обстояли уже такъ безнадежно и биржа начала понемногу оправляться.

	5 авг.	12 авг.	19 авг.
5% заемъ 1906	78,55	82,10	82,10
3% » 1891	58,00	60,10	59,90
3% » 1896	56,50	58,50	58,25
4% » 1901	69,36	72,20	71,20
Рента	69,62	72,40	71,70

Биржа оправилась отъ паники, но явно не довѣряетъ добрымъ словамъ гг. Столыпина и Коковцева...

Чтобы задержать паденіе русскихъ бумагъ, дѣлались, какъ мы видѣли, крупныя покупки банкирами, представительствующими за границей русское финансовое вѣдомство, какъ Мендельсонъ. Съ тою же цѣлью русскій премьеръ и русскіе министры внушали интервьюерамъ, что теперь-то, послѣ прекращенія думы, и начнется эпоха либерализма и важныхъ реформъ. Съ этою же цѣлью организовался цѣлый газетный походъ въ защиту русскихъ финансовъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о націоналистскихъ и рептильныхъ газетахъ, но чтобы дать понятіе о томъ оптимизмѣ, который еще господствуетъ въ нѣкоторыхъ даже независимыхъ финансовыхъ сферахъ Парижа, приведемъ анализъ состоянія русскихъ финансовъ, сдѣланный финансовымъ обозрѣвателемъ газеты «Le Temps». Это солидная газета, представляющая мнѣніе парламентскаго центра отъ Рибо до Пуанкаре. Она много правѣе программы теперешняго французскаго кабинета, но его поддерживаетъ въ иностранной политикѣ. Существуетъ мнѣніе, что «Le Temps» является даже органомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Анализъ состоянія русскихъ финансовъ сдѣланъ спеціально съ цѣлью успокоенія держателей русскихъ фондовъ, чего авторъ и не скрываетъ. Это дѣлаетъ тѣмъ интереснѣе совсѣмъ неуспокоительные выводы, въ концѣ концовъ выглядывающіе изъ обозрѣнія финансиста газеты.

Вотъ этотъ анализъ («Le Temps», 1906, Lundi, 30 juillet):

Послѣ цитаты изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, авторъ продолжаетъ:

«Война стоила Россіи 2100 милліоновъ рублей или 5600 милліоновъ франковъ круглою цифрою. Это наша исходная точка.

Какъ покрыли эти потребности? И основываясь на этихъ данныхъ, понадобится-ли Россіи новый заемъ въ недалекомъ будущемъ? Объ этой кредитной операціи, требующей санкціи народнаго представительства, столько уже говорилось, что пора не откладывая разобраться въ этомъ вопросѣ.

Общая сумма расходовъ, соотвѣтствующая стоимости въ два

миллиарда сто миллионовъ рублей, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1904 годъ.	676.800,000	рублей.
1905 »	1.000.000.000	»
1906 »	405.400,000	»
Итого. . . .	2.082.200,000	рублей.

Эти цифры не далеки отъ указанной министромъ финансовъ стоимости войны.

Посмотримъ теперь, къ какимъ экстраординарнымъ средствамъ прибѣгли, чтобы справиться съ этими расходами:

1904 годъ.

Свидѣтельства казначейства	[illegible]	рублей.
Остатки отъ бюджета	111.400,000	»
Боны казначейства.	382.000,000	
Чрезвычайные доходы	3.000,000	»
Сокращеніе кредитовъ	17.000,000	»

1905 годъ.

Заграничные займы ($4^{1}/_{2}\%$)	209.500,000
Внутренніе займы (5%)	378.800,000
5% билеты казначейства, учтенные за границей	141.700,000
Свидѣтельства казначейства	50.000.000
Свободная наличность казначейства . .	61.800,000

1906 годъ.

$5^{1}/_{2}\%$ билеты, учтенные во Франціи.	266.600,000	
5% заемъ. . .	680.000.000	»
Итого.	2.683.400,000	рублей.

Но отсюда надо вычесть билеты казначейства, учтенные въ Берлинѣ и во Франціи, частью уже уплоченные или подлежащіе теперь погашенію, что съ процентами и преміями составитъ.	416.600,000	рублей.
Остается	2.266.800,000	рублей.

Надо сдѣлать еще нѣкоторые вычеты.

Прежде всего, въ 1904 году изъ этихъ чрезвычайныхъ рессурсовъ до 154 миллионовъ пошло на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на ссуды концессіонерамъ и пр.

Такіе же расходы въ 1905 году и помощь голодающему населенію составили сумму въ 68 милліоновъ.

Наконецъ, въ 1906 году понадобится 37.500,000 на желѣзныя

дороги и на помощь голодающимъ крестьянамъ и пострадавшимъ въ Баку.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенной цифры чрезвычайныхъ рессурсовъ надо вычесть 209,500,000 р. Остается, слѣдовательно, всего 2.057,300,000, вычитая изъ нихъ суммы военныхъ издержекъ (2.100,000,000), получаемъ, что недостаетъ 43,700,000 р. Къ этому надо прибавить 170 милліоновъ, на каковую цифру министръ финансовъ счелъ необходимымъ сдѣлать поправку прежнимъ вычисленіямъ. Итого не хватаетъ для ликвидаціи военныхъ издержекъ суммы въ 213,700,000 рублей. Эта сумма была бы реализована, если бы Германія приняла участіе въ выпускѣ послѣдняго русскаго займа.»

Остановимся на нѣкоторое время на этихъ данныхъ, группируемыхъ авторомъ на основаніи оффиціальныхъ сообщеній русскаго финансоваго вѣдомства, которымъ авторъ вполнѣ довѣряетъ.

Итакъ послѣ полнаго израсходованія милльярднаго займа 1906 года у насъ всетаки въ этомъ, *текущемъ году* не хватитъ 213 милліоновъ рублей! И это минимумъ. Въ томъ только случаѣ, если не обнаружится снова необходимость «поправки прежнимъ вычисленіямъ»; если обыкновенные расходы будутъ безъ дефицита покрыты обыкновенными доходами; если внутренняя война не потребовала уже и не потребуетъ значительныхъ расходовъ; если не придется платить убытки и другимъ, кромѣ бакинцевъ; если голодъ не потребуетъ новыхъ большихъ расходовъ; и т. д., и т. д.

Много еще этихъ «если»...

Возвратимся, однако, къ нашему французскому благожелателю. Прежде всего, онъ полагаетъ, что сокращеніе расходовъ и возрастаніе доходовъ (о чемъ сообщало наше финансовое вѣдомство для начала года) могутъ покрыть дефицитъ безъ новаго займа, который и не нуженъ, и не желателенъ. «Въ концѣ концовъ, пишетъ нашъ авторъ, состояніе русскихъ финансовъ, насколько можно судить издалека и *поскольку революціонное броженіе его не ухудшитъ*, представляется въ видѣ слѣдующей проблемы: бюджетное равновѣсіе, какъ оно выше очерчено; ликвидація военныхъ издержекъ выплатою 213 милліоновъ; прекращеніе на нѣкоторый срокъ всякихъ займовъ; сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ съ экономическою цѣлью развитія народнаго благосостоянія и передача этой постройки частнымъ компаніямъ; сокращеніе расходовъ и устраненіе злоупотребленій при взиманіи налоговъ.

Таково то усиліе, которое должна сдѣлать новая Россія прежде, нежели она получитъ новый кредитъ».

Ультиматумъ нашего французскаго доброжелателя оказывается очень строгимъ, но въ главныхъ своихъ чертахъ рѣшительно невыполнимымъ:

Извольте свести расходы съ доходами, когда не сходятся!

Извольте выплатить 213 милліоновъ, когда ихъ нѣтъ!

Извольте прекратить займы, когда они нужны до зарѣзу!

И т. д. И т. д.

И если все останется по старому, займы будутъ и впредь. Бюрократическое творчество въ Россіи совершенно изсякло. Нѣтъ ни крупныхъ личностей, ни проектовъ, ни иниціативы. Репрессія и заемъ—въ этомъ покуда вся наша бюрократическая мудрость.

Новыя и новыя репрессіи всѣ видятъ. О новыхъ и новыхъ займахъ всѣ говорятъ. Такъ же говорятъ и о другихъ способахъ. «Какъ бы денегъ достать, вотъ вопросъ». То пройдетъ слухъ о продажѣ государственнаго банка, то о распродажѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ...

Кстати, маленькая параллель. Намъ обошлась война въ 5 милльярдовъ 600 милліоновъ франковъ. Японцамъ эта война обошлась 3 милльярда 500 милльоновъ франковъ, т. е. на 2 милльярда 100 милльоновъ франковъ меньше. Они за свои $3^1/_2$ милльярда пріобрѣли очень много, а Россія за свои $5^2/_3$ милльярдовъ?

III.

Первымъ крупнымъ и знаменательнымъ отзвукомъ европейскаго политическаго міра на роспускъ Думы явилось засѣданіе междупарламентской конференціи въ Лондонѣ. 10 (23) іюля въ день обнародованія указа о распущеніи открывалась эта конференція. Въ это время никто изъ делегатовъ не зналъ еще и не могъ знать о совершившемся въ С.-Петербургѣ событіи. Могъ знать только англійскій премьеръ. Онъ и принесъ это извѣстіе на конференцію.

Отвѣчая на рѣчь председателя, Кембель-Баннерманъ привѣтствовалъ членовъ конференціи. «Въ качествѣ главы правительства его величества, я горжусь возможностью протянуть участникамъ конференціи руку отъ имени британскаго правительства, британскаго народа и матери парламентовъ».

Затѣмъ Кембель-Баннерманъ сообщилъ, что король уполномочилъ его оказать членамъ конференціи гостепріимство и довести до ихъ свѣдѣнія, что онъ съ большимъ интересомъ относится къ конференціи, которая отнынѣ будетъ имѣть историческое значеніе, хотя она и не носитъ оффиціальнаго характера.

Засѣдающіе въ конференціи делегаты являются истинными представителями своихъ соотечественниковъ и поэтому они могутъ служить выразителями гуманныхъ чувствъ, которыми проникнуты ихъ народы. Зная, какова задача членовъ конференціи, правительство его величества присоединяется къ ней отъ всего сердца и безъ всякихъ оговорокъ. Дѣло, затѣянное междупарламентскими конференціями, только началось и всеобщій миръ уже сталъ предметомъ всеобщаго желанія. Недалеко то время, когда собранія,

подобныя нынѣшней конференціи, вызывали насмѣшливыя улыбки на устахъ лицъ, называвшихъ себя практическими дѣятелями.

Баннерманъ, продолжая свою рѣчь, сказалъ: «Міръ давно уже былъ въ сущности военнымъ лагеремъ». Въ особенности привѣтствуетъ онъ присутствіе членовъ русской Государственной Думы (громкія, продолжительные возгласы одобренія). Онъ привѣтствуетъ также русскаго государя, сдѣлавшаго такъ много для возвеличенія идеи міра и взявшаго на себя первый починъ созыва гаагской конференціи. Правда, что Дума теперь распущена, но можно съ увѣренностью сказать, что она будетъ опять созвана. При этомъ Баннерманъ воскликнулъ: «La Douma est morte. Vive la Douma». (Всѣ делегаты встали и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ выражали свое сочувствіе одобрительными возгласами). Придетъ время, когда демократіи уяснятъ себѣ, что онѣ являются жертвами милитаризма, задерживающаго ихъ развитіе. Ораторъ лично испытываетъ величайшее удовольствіе, привѣтствуя здѣсь представителей русской Государственной Думы (громкія одобренія). Мы считали хорошимъ предзнаменованіемъ для будущности Европы тотъ фактъ, что первымъ оффиціальнымъ шагомъ русскаго парламента было назначеніе сюда его уполномоченныхъ для провозглашенія принциповъ миролюбія, которые такъ дороги сердцу русскаго государя. Возлагая свои надежды на парламентскій режимъ, мы знаемъ, что новыя учрежденія зачастую оказываются непрочными, но вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрены, что Дума воскреснетъ въ той или другой формѣ. Желаю всѣмъ вообще делегатамъ возможно больше успѣха въ благодѣтельной ихъ работѣ,—продолжалъ Баннерманъ. Скажите по возвращеніи своимъ правительствамъ то самое, что говорили мнѣ, а именно, что дѣла говорятъ громче словъ Настаивайте во имя человѣчности на сокращеніи военныхъ бюджетовъ.

Роспущеніе русской Государственной Думы, о которомъ сообщилъ Баннерманъ, произвело на всѣ парламентскія делегаціи сильнѣйшее впечатлѣніе. Хотя конференція и приступила послѣ объясненій профессора Ковалевскаго къ очереднымъ дѣламъ, но вниманіе делегатовъ было всецѣло поглощено этимъ инцидентомъ, такъ что предсѣдателю неоднократно приходилось останавливать разговоры о немъ призывомъ къ молчанію.

Корреспондентъ *Neue Freie Presse* писалъ въ эту газету, что эта единодушная и продолжительная манифестація производила впечатлѣніе, что дѣло русскаго народа становится дѣломъ всего цивилизованнаго міра. Свыше 500 парламентскихъ дѣятелей всѣхъ странъ Европы были участниками этой манифестаціи, иниціаторомъ которой былъ самъ британскій премьеръ. Значеніе этого послѣдняго факта еще усугубляется слѣдующимъ интереснымъ сообщеніемъ парижской газеты *Le Matin*:

«Одинъ французскій политикъ, видавшійся въ Лондонѣ съ сэромъ Генри Кэмпбелль-Баннерманомъ наканунѣ того дня, когда

англійскій министръ-президентъ произнесъ: «Дума умерла, да здравствуетъ Дума!», получилъ впечатлѣніе, что только съ вѣдома короля премьеръ-министръ рѣшился произнести при открытіи междупарламентской конференціи эту знаменательную фразу.

Старый политикъ, котораго слова мы передаемъ, вынесъ убѣжденіе, что англійскій кабинетъ въ моментъ, когда онъ принялъ рѣшеніе отложить посылку англійскаго флота въ Балтійское море, былъ косвеннымъ путемъ извѣщенъ о неминуемости coup d'état, приготовленнаго правительствомъ.

Въ продолженіе разговора, котораго мы передаемъ содержаніе, президентъ англійскаго кабинета, говоря о роспускѣ Думы, сказалъ слѣдующее: «Мы не можемъ не высказать наше мнѣніе».

Слѣдовательно, рѣчь премьеръ-министра не была импровизаціей, но актомъ хладнокровно обдуманнымъ, которымъ британское правительство хотѣло выяснить свою позицію».

Эти знаменательныя манифестаціи политическаго міра, собравшагося въ Лондонѣ, сразу выяснили то мнѣніе, которое установилось въ этомъ мірѣ. Оно было еще рѣзче, нежели въ мірѣ финансовомъ. Нѣтъ недостатка въ такихъ же манифестаціяхъ и другихъ центровъ и политическихъ слоевъ. Такъ, во время пребыванія думы въ Выборгѣ на имя предсѣдателя Думы была получена сочувственная телеграмма отъ муниципалитета города Дублина.

Въ то же время, 10 (23) іюля парижскій муниципальный совѣтъ принялъ резолюцію, выражающую симпатіи Государственной Думѣ и надежду, что мѣра, принятая русскимъ правительствомъ, не приведетъ къ дальнѣйшимъ осложненіямъ въ политической жизни націи, подвергающейся столь тяжкимъ испытаніямъ.

Въ Лондонѣ образовался комитетъ для выраженія симпатіи русскому народу и Думѣ посредствомъ адреса; его текстъ слѣдующій:

«Предсѣдателю Государственной Думы.

М. Г. Мы, нижеподписавшіеся, члены парламента, представители муниципальныхъ и другихъ организацій и другіе англійскіе граждане, желаемъ по поводу закрытія первой сессіи перваго русскаго парламента обратить къ нему прямое обращеніе симпатіи и уваженія. Наша собственная исторія научила насъ, что представительное правительство и личная свобода являются единственными вѣрными основаніями, на которыхъ нація можетъ полагать національный прогрессъ, и вотъ представительство въ Россіи заставило насъ слѣдить за образованіемъ Думы и ея борьбой за власть съ глубокимъ интересомъ и горячими надеждами. Мы научились любоваться геніемъ русскаго народа; героизмъ его жертвъ за свободу и его страданія въ долгой и тяжелой борьбѣ тронули сердце каждаго великодушнаго человѣка. Полный тріумфъ свободы въ Россіи, который мы предвидимъ въ недалекомъ будущемъ, дастъ, наконецъ, возможность англійскому и русскому народу оффиціально выразить связывающую ихъ дружбу, дружбу, основанную на общности идеа-

дей, которые должны помочь реализовать ожиданія всѣхъ добрыхъ европейцевъ въ дѣлѣ цивилизаціи и мира.»

Подписали адресъ многія выдающіеся лица, между прочимъ: К. Барретъ, С. Кольриджъ, Р. Дональдъ (изд. «D. Chr.»), А. Гарднеръ (изд. «D. News»), С. Гладтонъ, М. Бретонъ, Гаммондъ (изд. «The Speaker»), В. Гилль (изд. «The Tribune»), Э. Паркъ (изд. «M. Leader») и мн. др.

Такой же адресъ составленъ и въ Парижѣ выдающимися представителями всего образованнаго общества.

Такъ отвѣтилъ на роспускъ Думы финансовый и политическій міръ Европы.

IV.

Наконецъ, наступилъ конецъ и дѣлу Дрейфуса, такъ сильно волновавшему весь читающій міръ. Дѣло это можно считать по преимуществу *франко-русскимъ*. Волновались по поводу этого постыднаго дѣла и англичане, и нѣмцы, итальянцы, американцы, но тамъ были всѣ единодушны: невиновность несчастнаго капитана была для всѣхъ очевидна. Цѣлому огромному разряду ослѣпленныхъ и фанатизированныхъ людей во Франціи эта очевидность не представлялась даже возможною. И потому среди французовъ образовались два лагеря. Такихъ же два лагеря образовалось и у насъ. И среди русскихъ были дрейфусары и антидрейфусары, столкновенія которыхъ между собою были такъ же нетерпимы и несогласимы. Все, что было въ Россіи и во Франціи шовинистскаго, узко національстическаго, ложно патріотическаго, фанатически невѣжественнаго, съ ограниченнымъ умственнымъ горизонтомъ, съ низменными инстинктами, все сплось въ лагерѣ антидрейфусаровъ и подняло свой постыдный вой и громкій лай. И не только на бѣднягу Дрейфуса, но и на всѣхъ, кто выражалъ сомнѣніе въ его виновности, кто желалъ безпристрастнаго разслѣдованія, кто имѣлъ совѣсть, у кого не изсякло чувство чести, для кого существовали въ мірѣ справедливость, благородство, великодушіе... И эта злобная стая натасканныхъ и натравленныхъ псовъ держала хвостъ трубою и нѣкоторое время торжествовала побѣду за побѣдой. Дрейфусъ дважды осужденъ военнымъ судомъ, Эстергази — оправданъ, Пикаръ—уволенъ, Зола—лишенъ ордена почетнаго легіона, сенаторы Траріе и Шереръ-Кестнеръ, оплеванные, вышли изъ сената, цѣлый рядъ офицеровъ, принимавшихъ сторону Дрейфуса, должны были оставить армію (полковникъ Гартманъ, маіоры Дюкро и Фреништетеръ и др.); защитникъ Дрейфуса тяжело раненъ и т. д. Французскіе черносотенцы торжествовали... Съ ними торжествовали и наши, приготовляясь къ погромамъ и провокаціямъ.

Французскій народъ отказалъ въ довѣріи своимъ черносотенцамъ и передалъ власть въ руки ихъ противниковъ. А теперь и

французское правосудіе успѣло добиться всесторонняго и полнаго раскрытія истины и произнесло свое вѣское и авторитетное слово. Верховный кассаціонный судъ въ полномъ собраніи своихъ двухъ палатъ отмѣнилъ все производство дѣла и нашелъ, что не было никакихъ основаній для привлеченія несчастнаго капитана даже къ слѣдствію. Всѣ безъ исключенія документы, на которыхъ опиралось обвиненіе, верховный судъ призналъ подложными, сфабрикованными, большею частью даже послѣ перваго процесса, въ ожиданіи пересмотра. Генералы и министры ошиблись въ 1894 году, заподозривъ Дрейфуса, но затѣмъ не желали признать, что могли ошибиться. Совершенно подобно нашимъ юпитерамъ, и юпитеры французскіе почитали себя непогрѣшимыми, или, вѣрнѣе, считали, что непогрѣшимыми должны ихъ почитать и вся армія, и даже вся нація. И вотъ начинается фабрикація. Въ одномъ документѣ вмѣсто подчищенной буквы Р. ставятъ букву Д. То же дѣлаютъ и въ другомъ документѣ. Нѣсколько документовъ 1905 — 1907 г.г., т. е., когда Дрейфусъ уже отбывалъ каторгу, относятъ къ 1904 г., отрывая даты. И т. д. Копіи, однако, всѣхъ этихъ документовъ, надлежащимъ образомъ удостовѣренныя, хранились въ секретнѣйшихъ дѣлахъ и въ ихъ первоначальномъ видѣ, съ буквами Р., а не Д., съ датами позднѣйшими пребыванія Дрейфуса въ министерствѣ... Словомъ, не представляется никакихъ сомнѣній, что французскіе юпитеры, всѣ эти Мерсье, Буадефры, Гонзы, охраняя свою непогрѣшимость, истязали и мучили завѣдомо невиннаго человѣка и разжигали отвратительные инстинкты фанатической черни.

Верховный судъ употребилъ пятнадцать засѣданій для самаго обстоятельнаго разбора этого тягостнаго дѣла и единогласно вынесъ приговоръ, которымъ отмѣнилъ все производство, начиная съ привлеченія Дрейфуса къ слѣдствію, и возстановилъ его во всѣхъ его правахъ, званіяхъ и чинахъ. Отъ гражданскаго иска къ французскому фиску отказался самъ Дрейфусъ, а уголовное преслѣдованіе юпитеровъ-фальсификаторовъ не возможно, вслѣдствіе недавно дарованной парламентомъ общей политической амнистіи. Однако, имъ не уйти отъ суда общественнаго мнѣнія, отъ суда націи, отъ презрѣнія всего образованнаго міра и всѣхъ честныхъ людей.

Финалъ дрейфусовской драмы былъ, однако, не въ судѣ, а въ парламентѣ. Это было засѣданіе 13 іюня (31 іюня), послѣднее засѣданіе сессіи.

Въ третьемъ часу дня президентъ палаты Бриссонъ далъ слово депутату Мессими, докладчику коммиссіи военныхъ дѣлъ. Отъ имени этой коммиссіи Мессими читаетъ докладъ, въ коемъ предлагается возстановить Дрейфуса въ составѣ арміи въ качествѣ эскадроннаго командира. Никто не протестуетъ. Кажется, что всѣ согласны, и президентъ послѣ нѣкотораго ожиданія констатируетъ, что никто не желаетъ говорить.

— Имъ остается молчать! — восклицаетъ Дюрръ (со скамьи крайней лѣвой).

— Я молчу, потому что такъ мнѣ нравится,— отвѣчаетъ монархистъ Лази.

— Это молчаніе—естественное наказаніе преступленій и подлостей, совершенныхъ вашими друзьями.

Столкновеніе грозитъ перейти въ рукопашную, но друзья обоихъ депутатовъ ихъ не допускаютъ до этого.

Пользуясь паузой, Бриссонъ пускаетъ на голоса предложеніе Мессими. Оно принято большинствомъ 473 голосовъ противъ 42. Результатъ встрѣченъ громомъ долго не смолкавшихъ рукоплесканій. Бриссонъ «съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія объявляетъ результатъ голосованія, являющагося торжествомъ справедливости и привлекающаго сочувствіе всего міра».

Мессими опять всходитъ на трибуну. Онъ читаетъ другой докладъ военной коммиссіи, предлагающей возвращеніе полковника Пикара въ составъ арміи и производство его въ бригадные генералы. Напомнивъ всѣ тѣ удары и несправедливости, которые испыталъ Пикаръ, Мессими (самъ офицеръ) кончаетъ свою рѣчь такъ: «Армія наконецъ прозрѣла. Она отреклась отъ фальсификаторовъ, отъ преступниковъ, отъ безстыдныхъ, ее обманывавшихъ; она съ радостью привѣтствуетъ торжество справедливости» (рукоплесканія). Дени Кошенъ (націоналистъ) протестуетъ и старается обвинить лѣвыхъ въ дѣлѣ Дрейфуса, потому что они будто бы сдѣлали изъ него орудіе политики и тѣмъ разожгли страсти. Его прерываютъ Шеронъ, Аллеманъ и др. Онъ хочетъ говорить объ антимилитаризмѣ Эрве, его приглашаютъ говорить о Мерсье... Послѣ страстныхъ дебатовъ, предложеніе Мессими ставится на баллотировку и принимается большинствомъ 477 голосовъ противъ 27.

Палата этимъ не довольствуется. Прессансэ требуетъ, чтобы виновные въ преступленіяхъ и подлостяхъ, нынѣ раскрытыхъ верховнымъ судомъ, были бы удалены изъ арміи, генералъ Мерсье прежде всего. Не смотря на то, что министерство, повидимому, не склонно слѣдовать этому пути, палата одобряетъ слѣдующую недвусмысленную резолюцію: «Отдавая должное заслугамъ защитниковъ пересмотра, клеймя позоромъ авторовъ преступленій, раскрытыхъ верховнымъ судомъ, и довѣряя твердости правительства, съ которою оно приметъ необходимыя мѣры, какъ послѣдствіе вышеизложеннаго, палата переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.» Резолюція эта принята большинствомъ 363 голосовъ противъ 103.

Бретонъ вноситъ предложеніе о перенесеніи останковъ Эмиля Зола въ Пантеонъ. Предложеніе принято и сессія закрыта.

Въ сенатѣ возвращеніе Дрейфуса въ составъ арміи принято большинствомъ 183 голосовъ противъ 30, а возвращеніе и производство Пикара большинствомъ 185 противъ 26.

Затѣмъ правительство произвело Дрейфуса въ маіоры и наградило его орденомъ почетнаго легіона.

Такъ кончилось это ужасное дѣло. Тамъ, во Франціи, черная сотня разбита на голову... Когда-то мы дождемся подобнаго счастья? И сколько у насъ такихъ же вопіющихъ дѣлъ ждетъ свѣта и справедливости! Дѣло Дрейфуса, помимо драматизма, поучительно именно съ этой точки зрѣнія, тѣмъ яркимъ и детальнымъ освѣщеніемъ, которое оно проливаетъ на весь механизмъ самодовольной, непогрѣшимой, ничѣмъ не стѣсняющейся бюрократической машины. Эта машина имѣетъ свои законы движенія и равновѣсія... Они не имѣютъ ничего общаго ни съ законами страны, написанными въ кодексахъ, ни съ моральными законами, написанными въ сердцахъ честныхъ людей.

V.

Отъ громкаго франко-русскаго дѣла, которое мы только что изложили, перейдемъ теперь къ другому тоже франко-русскому дѣлу, для нашего времени представляющему живой интересъ. Собственно говоря, дѣло это чисто русское (подобными дѣлами преисполнена наша дѣйствительность), но разбиралось оно въ парижскомъ судѣ и, благодаря полной гласности, освѣщаетъ текущія событія лучше отрывочныхъ агентскихъ сообщеній о подобныхъ дѣлахъ, совершающихся въ Россіи.

Быть можетъ, читатели не забыли, что этою весною въ Венсенскомъ лѣсу подъ Парижемъ произошелъ взрывъ. Собравшаяся публика и полиція увидѣли двухъ человѣкъ, распростертыхъ и окровавленныхъ. Одинъ изъ нихъ скончался черезъ нѣсколько минутъ, другой былъ доставленъ въ больницу, гдѣ его вылѣчили. Слѣдствіе установило, что скончавшійся носилъ фамилію Стрыга (Stryga), а раненый оказался Александромъ Соколовымъ. Слѣдствіе также установило, что Стрыга имѣлъ обширныя сношенія въ средѣ русской колоніи политическихъ эмигрантовъ. Однако, противъ большинства знакомыхъ Стрыги не оказалось никакихъ компрометтирующихъ данныхъ и ихъ оставили въ покоѣ. Привлекли къ дѣлу по обвиненію въ изготовленіи и храненіи взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, кромѣ упомянутаго Александра Соколова, еще только двоихъ, Виктора Соколова, двоюроднаго брата раненому, и Софью Сперанскую, подругу Виктора Соколова. Изъ нихъ Виктору двадцать два года, его подругѣ —восемнадцать, Александру Соколову двадцать шесть лѣтъ; онъ бывшій студентъ екатеринославскаго горнаго училища. Викторъ Соколовъ и Сперанская изучаютъ медицину. Хозяева и прислуга комнатъ которыя они занимали, единодушно отзываются о нихъ съ самой лучшей стороны.

Александръ Соколовъ бѣжалъ изъ Россіи вслѣдствіе дѣятельнаго участія въ политической стачкѣ и сначала поселился у супруговъ Марковыхъ, изъ которыхъ жена была его сестрою. Послѣ ихъ отъѣзда, его пріютили Викторъ Соколовъ и Сперанская. Прокуроръ Матэ по этому поводу замѣтилъ: «это было ménage à trois, но въ самомъ благородномъ и чистомъ смыслѣ, гдѣ члены живутъ, одушевленные одѣми и тѣми же идеями и одними и тѣми же упованіями, направленными къ счастью Россіи прежде всего, а затѣмъ и всего человѣчества».

Предсѣдатель начинаетъ допросъ подсудимыхъ и прежде всего обращается къ Александру Соколову.

— Послѣдовательно вы жили у г-жи Марковой и у вашего кузена. И тамъ, и здѣсь вы часто не ночевали дома. Не значитъ ли это, что вы имѣли еще другую квартиру?

— Можно не ночевать дома и не имѣть другой своей квартиры. Я молодъ и я могу отправиться куда угодно.

— Вы отправлялись и къ Стрыгѣ?

— Я очень мало зналъ Стрыгу. Вообще я продолжаю утверждать, что я никогда не фабриковалъ бомбъ и что никакого общаго дѣла со Стрыгой не имѣлъ.

Предсѣдатель читаетъ данныя, добытыя слѣдователемъ о Стрыгѣ. Этотъ молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Парижъ, но откуда? Изъ Россіи? Возможно, но въ точности установить этого не удалось. Одинъ парикмахеръ въ Ниццѣ, по фотографіи, воспроизведенной въ «Matin», призналъ въ немъ своего прежняго подмастерья, но это не доказано. Съ 9 по 25 апрѣля Стрыга проживалъ подъ именемъ Поля Бера на бульварѣ Араго, домъ 8. Его слѣдъ теряется съ 26 по 28 апрѣля, а затѣмъ его находимъ на улицѣ Монжъ подъ именемъ Каца.

Именно въ это время Викторъ Соколовъ получаетъ изъ Россіи письмо слѣдующаго содержанія:

«Дорогіе товарищи, шлю свой привѣтъ. Я къ вамъ направляю одного товарища. Примите его, какъ бы я принялъ васъ самихъ. Постарайтесь исполнить все, что онъ спроситъ.» Подписано: Марксъ.

Вслѣдъ за этимъ другое слѣдующее:

«Дорогіе друзья мои, шлю вамъ свое сердечное привѣтствіе. Мы можемъ себя поздравить, что агитація всюду возобновляется. Дѣло вновь закипѣло: уже недѣли двѣ, какъ работа возобновилась по всей линіи. Мы идемъ впередъ.» Подписано: Марксъ.

Оба письма безъ даты.

— Когда вы получили эти письма,—спрашиваетъ предсѣдатель Виктора.

— Не помню.

— Другъ, котораго вамъ рекомендовали, былъ Стрыга?

— Нѣтъ. Ежедневно я получалъ сообщенія о русскихъ бѣглецахъ.

— Стрыга (продолжаетъ излагать предсѣдатель) въ это время посѣщалъ двухъ дамъ Гольдшмидтъ, бульваръ Араго, 54, о которыхъ существуетъ мнѣніе, что онѣ тоже принадлежатъ къ русскимъ революціонерамъ.

Вы, Викторъ Соколовъ, тоже бывали у г-жи Гольдшмидтъ?

— Возможно, что я тамъ бывалъ, какъ и у огромнаго числа другихъ соотечественниковъ, но Стрыгу я тамъ не встрѣчалъ. Это просто случайное совпаденіе, не имѣющее серьезнаго значенія.

Затѣмъ Викторъ признаетъ, что онъ познакомилъ г-жъ Гольдшмидтъ съ нѣкіимъ Стрицковымъ, который находился въ Парижѣ проѣздомъ въ Англію. Предсѣдатель суда полагаетъ, что этотъ Стрицковъ никто иной, какъ Стрыга. Онъ высказываетъ мнѣніе, что если это былъ просто случайный проѣзжій, Соколовъ не хлопоталъ бы такъ много объ его устройствѣ.

— Въ дѣйствительности, именно о Стрыгѣ вы хлопотали?

— Нѣтъ. Я видѣлъ Стрыгу всего только, когда онъ обратился ко мнѣ за адресомъ одного благотворительнаго учрежденія, управляемаго однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ.

— Какое это учрежденіе?

— Я не могу его назвать, потому что боюсь его скомпрометтировать.

— Кто направилъ къ вамъ Стрыгу?

— Одна русская студентка, m-elle Викеръ.

— Гдѣ она?

— Она оставила Парижъ 4 мая и возвратилась въ Россію.

— Въ день, слѣдующій за взрывомъ?

— Можетъ статься.

— На предварительномъ слѣдствіи, ваша подруга (maitresse), вашъ кузенъ и вы сами признали, что Стрыга бывалъ у васъ нѣсколько разъ и въ частности въ воскресенье 29 апрѣля. Теперь вы измѣняете показаніе и утверждаете что видѣлись съ нимъ только одинъ разъ.

— Онъ могъ приходить ко мнѣ нѣсколько разъ, но въ мое отсутствіе. Я помню только его посѣщеніе 29 апрѣля.

— А вы, Александръ, не встрѣчали ли Стрыгу у нѣкоего Reschy (Решке? Рѣзкій), тоже русскаго революціонера, покинувшаго Парижъ вскорѣ послѣ взрыва?

— Можетъ быть, я и встрѣчался съ нимъ у Reschy, но я этого не помню. Я видѣлъ Стрыгу только у кузена.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Парижъ?

— Искать заработка. Мнѣ это не удалось и я рѣшилъ возвратиться въ Россію. Мнѣ обѣщали дать деньги на эту поѣздку 3 мая.

— Это точная дата взрыва.

Случайное совпаденіе.

Кто вамъ обѣщалъ эти деньги?

— Особа, которой я былъ рекомендованъ г. Рубановичемъ. Она въ Россіи и я ее не назову, чтобы не скомпрометтировать.

— 2 августа вы не ночевали у Виктора. Онъ самъ и Софья Сперанская васъ отвели къ друзьямъ. Зачѣмъ понадобилась эта перемѣна вашего обыкновеннаго мѣста ночлега?

— Я ухожу, куда мнѣ угодно. Утромъ я возвратился къ завтраку.

— Вы дома остались не долго.

— У меня разболѣлись зубы. Я вышелъ и отправился въ Jardin des Plantes.

— Вы унесли часы Сперанской?

— Я нерѣдко ихъ бралъ у нея.

— Обвиненіе вамъ укажетъ, что, если необходимо имѣть дѣло съ бомбами à renversement, надо имѣть часы, а Стрыга ихъ не имѣлъ.

— Это мнѣ неизвѣстно.

— Гдѣ вы встрѣтили Стрыгу?

— Около пеликановъ. Онъ мнѣ предложилъ прогулку по Венсенскому лѣсу и я согласился.

Снова изложеніе данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Излагается подробно ихъ путь. Наконецъ, раздается взрывъ. Сбѣгается публика и полиція и застаютъ одного умирающаго, другого тяжело раненаго, безъ сознанія. Свидѣтели даютъ слѣдующую картину событія.

Стрыга лежалъ въ лужѣ крови. Изъ разорваннаго живота вывалились кишки. Онъ еще дышалъ и могъ отвѣчать на вопросъ полицейскаго коммиссара. Онъ назвалъ себя и прибавилъ «Moi, pas bombe! Pas bombe!» Агентъ Жефронъ его осмотрѣлъ и нашелъ въ лѣвомъ карманѣ его брюкъ другой снарядъ. Онъ его вынулъ и положилъ на землю въ разстояніи восьмидесяти сантиметровъ (немного больше аршина) отъ Стрыги. Между тѣмъ всѣ занялись Соколовымъ, который казался не столь тяжко пораженнымъ, Стрыга какъ-то сумѣлъ доползти до бомбы. Онъ легъ на нее, укрѣпилъ ее подъ поясомъ своихъ брюкъ и попросилъ, чтобы его приподняли. Однако, замѣтили, что снарядъ исчезъ. Его вторично извлекли изъ костюма Стрыги и отнесли подальше подъ хорошую охрану. Тамъ бомбу и взорвали агенты городской лабораторіи. Ея осколки разлетѣлись вокругъ больше, чѣмъ на триста метровъ.

Описаніе самой бомбы и затѣмъ допросъ свидѣтелей. Въ этотъ день въ Венсенскомъ лѣсу Стрыгу и Соколова видѣли многіе, и отдѣльно, и вмѣстѣ. Допрашиваются швейцары, прислуга, хозяева, но кромѣ того, что Соколовъ и Стрыга были между собою знакомы, ничего другого не обнаруживается. Нѣкоторый интересъ представляетъ допросъ Рубановича. Онъ устанавливаетъ различіе между

русскими соціалистами и анархистами. По его мнѣнію, обвиняемые не анархисты, а соціалисты.

— Однако,—спрашиваетъ его Бонзонъ, защитникъ Виктора,—эти русскіе революціонеры признаютъ-ли необходимость пользоваться бомбами?

— Факты лучше всего отвѣчаютъ на вашъ вопросъ. Въ Батумѣ найденъ складъ въ 1200 бомбъ, въ Тифлисѣ 600.

Рубановичъ—французскій подданный, но признается, что для поѣздки въ Россію онъ предпочелъ запастись фальшивымъ бельгійскимъ паспортомъ.

— Если бы я проникъ въ Россію въ качествѣ француза, меня не стѣснились бы разстрѣлять. Какъ бельгіецъ, я остался неприкосновеннымъ.

Прокуроръ Маттэ протестуетъ и продолженіе засѣданія откладывается на завтра.

Интересъ второго засѣданія заключался въ показаніи г-жи Гольдшмидтъ, которая заявила положительно и рѣшительно, что Стрыга и Стриднковъ суть два различныхъ лица. Затѣмъ слѣдовали пренія сторонъ. Судъ оправдалъ Сперанскую и приговорилъ братьевъ Соколовыхъ къ незначительнымъ взысканіямъ.

Если этотъ сжатый отчетъ о русскихъ бомбистахъ въ Парижѣ сопоставить съ недавними разоблаченіями о бомбической станціи въ Гамбургѣ, то быть можетъ и самыхъ ослѣпленныхъ эти факты убѣдятъ въ безсиліи мѣръ репрессивныхъ. Вѣдь нельзя же вводить чрезвычайную охрану въ Парижѣ, военное положеніе въ Лондонѣ, диктатуру—въ Гамбургѣ... Вѣдь ни одна нація не откажется отъ гарантій закона потому только, что въ Россіи не желаютъ отказаться отъ произвола! Репрессія—вообще плохое средство (эта палка всегда о двухъ концахъ), но когда явленіе, подлежащее репрессіи, частью лежитъ внѣ предѣловъ досягаемости? Что остается тогда?

V.

Среди нашихъ сложныхъ и горестныхъ дѣлъ, читатели не забываютъ, конечно, и остального человѣчества, которое живетъ и дѣлаетъ исторію. Такимъ крупнымъ историческимъ событіемъ этого лѣта надо признать энциклику папы Пія X по вопросу объ отношеніи католическаго міра къ закону объ отдѣленіи церкви отъ государства во Франціи.

Всего около трехъ лѣтъ съ небольшимъ, какъ Пій X принялъ папскую тіару. Благочестивый и чуждавшійся политики патріархъ Венеціи кардиналъ Сарто былъ выбранъ послѣ долгой борьбы между сторонниками политики Льва XIII и непримиримыми ультрамонтанами. Избраніе Сарто было компромиссомъ. Отъ него не ждали опредѣленной выдержанной политики, а скорѣе благочести-

выхъ дѣлъ и чисто духовныхъ распоряженій. Послѣдствія не оправдали этихъ ожиданій. Правда, будучи искреннимъ итальянскимъ патріотомъ, Пій смягчилъ отношенія къ итальянскому королевству и дозволилъ католикамъ принимать участіе въ политической жизни страны.

Затѣмъ, послѣдовали одинъ за другимъ акты, выказавшіе во всей наготѣ религіозную нетерпимость новаго папы. До упомянутой энциклики особенное значеніе имѣютъ запрещеніе всѣмъ воспитанникамъ и слушателямъ духовныхъ учебныхъ заведеній посѣщать свѣтскія учебныя заведенія и слушать какія бы то ни было лекціи, чтенія и сообщенія научнаго, философскаго или общественнаго содержанія. Другою характерною мѣрою была энциклика, въ коей итальянскому духовенству и всѣмъ вѣрнымъ церкви воспрещается принимать участіе въ *лигѣ социалистовъ католиковъ* (democristi, какъ ее сокращенно называютъ). Энциклика рѣшительно выражала мнѣніе, что «всякая дѣятельность, которая можетъ поощрить неудовольствіе народа по отношенію къ высшимъ классамъ, является и должна считаться совершенно противною истинному духу христіанскаго милосердія». Непокорнымъ папа грозитъ отлученіемъ.

Вотъ текстъ новой энциклики Пія, обнародованной въ первыхъ числахъ августа (н. ст.):

Уважаемымъ братьямъ архіепископамъ и епископамъ Франціи

Пій X папа.

Въ настоящее время мы исполнили одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей нашего званія, принятую передъ вами въ тотъ моментъ, когда мы объявили послѣ обнародованія закона о разрывѣ между французскою республикою и церковью, что мы въ потребное время укажемъ, что по нашему мнѣнію должно быть сдѣлано для защиты и сохраненія религіи въ вашемъ отечествѣ. Мы такъ долго откладывали наше рѣшеніе не только вслѣдствіе огромной важности этого вопроса, но и вслѣдствіе особой благосклонности, которую мы питаемъ къ вамъ и къ вашимъ интересамъ, помня не забываемыя услуги, оказанныя вашею націей церкви.

Осудивъ, по чувству долга, этотъ неправый законъ, мы изучили его, чтобы опредѣлить, даютъ ли статьи названнаго закона какую-нибудь возможность организовать религіозную жизнь Франціи такимъ образомъ, чтобы оградить отъ всякой опасности святые принципы, на которые опирается святая церковь. Для этого намъ казалось полезнымъ узнать мнѣніе собранія епископовъ и указать для вашего генеральнаго собранія пункты, подлежащіе обсужденію. Теперь, зная ваши взгляды, а также мнѣнія многихъ кардиналовъ, зрѣло обдумавъ и въ горячихъ молитвахъ вопросивъ Отца Небеснаго, мы находимъ, что мы должны всецѣло подтвердить всею силою нашего апостольскаго авторитета мнѣнія, выраженныя почти единогласно вашимъ собраніемъ. По этимъ соображеніямъ,

по отношенію къ вѣроисповѣднымъ обществамъ (associations cultuelles), какъ они установлены закономъ, мы постановляемъ, что они не могутъ быть образуемы, какъ нарушающіе священныя права, тѣсно связанныя съ жизнью церкви.

Отвергая эти общества, одобрить которыя не допускаетъ насъ совѣсть, казалось бы удобнымъ и своевременнымъ разсмотрѣть, нельзя ли на ихъ мѣсто учреждать другія общества, вмѣстѣ легальныя и каноническія и этимъ предохранить католиковъ Франціи отъ угрожающихъ имъ серьезныхъ осложненій. Конечно, ничто другое не занимаетъ насъ и не огорчаетъ, какъ эти возможности. И ничего другого мы такъ не желали, какъ чтобы небу было угодно оставить намъ хотя бы малѣйшую надежду, не нарушая правъ Бога, испробовать эти пути и такимъ образомъ избавить нашихъ возлюбленныхъ сыновей отъ грозящихъ имъ великихъ испытаній. Но мы не питаемъ этой надежды. Поэтому мы объявляемъ, что воспрещаемъ и этого рода общества, пока не будетъ установлено самымъ несомнительнымъ образомъ и на легальномъ основаніи, что божественная организація церкви, неотъемлемыя права римскаго святого престола и епископовъ, а равно и ихъ власть надъ имуществомъ церковнымъ вообще и надъ священными зданіями въ частности, найдутъ въ названныхъ обществахъ полное обезпеченіе. Желать другого значило бы предать святость нашего званія и погубить французскую церковь.

Уважаемые братья, теперь на вашу долю выпадаетъ взять дѣло въ свои руки и принять всѣ мѣры, дозволенныя закономъ, чтобы организовать церковныя дѣла. Въ этомъ великомъ дѣлѣ вы можете всегда разсчитывать на наше содѣйствіе. Матеріально отсутствуя, мы будемъ съ вами мыслью и сердцемъ и поддержимъ васъ совѣтомъ и авторитетомъ. Это бремя, которое, любя церковь и ваше отечество, мы возлагаемъ на васъ, смѣло возложите на себя, а въ остальномъ довѣрьтесь Богу, котораго помощь, мы въ томъ непоколебимо увѣрены, не оставитъ Францію.

Возраженіе враговъ церкви противъ настоящаго нашего декрета и нашихъ повелѣній легко предвидѣть. Они постараются убѣдить народъ, что мы заботимся не только о благосостояніи французской церкви; что мы имѣемъ иной планъ, совершенно чуждый религіи; что намъ ненавистна республиканская форма правленія и мы желаемъ ее ниспровергнуть; и наконецъ, что мы отказываемъ французамъ въ томъ, что святой престолъ безъ затрудненій предоставилъ другимъ. Эти обвиненія и другія подобныя, которыя будутъ распространяться въ народѣ съ цѣлью возбужденія умовъ, мы теперь же рѣшительно отвергаемъ съ негодованіемъ и объявляемъ ихъ ложными. Вамъ, уважаемые братья, и всѣмъ благонамѣреннымъ людямъ должно опровергать эти обвиненія, чтобы простые и мало свѣдущіе люди не впали въ заблужденіе.

Что касается обвиненія, что церковь въ другихъ странахъ была

говорчивѣе въ аналогичныхъ случаяхъ, то вамъ надлежитъ разъяснить, что положеніе было иное и что въ тѣхъ случаяхъ не были тамъ нарушены божественныя права іерархіи. Если какое либо государство отдѣляется отъ церкви, но оставляетъ послѣдней общую всѣмъ свободу и свободное распоряженіе имуществомъ, такое государство совершаетъ шагъ, конечно, неправый, но нельзя сказать, чтобы оно ставило церковь въ совершенно нестерпимое положеніе.

Именно во Франціи дѣло обстоитъ совершенно иначе. Авторы этого неправаго закона пожелали сдѣлать изъ него актъ не отдѣленія, но угнетенія. Они провозглашали миръ, обѣщали соглашеніе, вмѣсто того они объявляютъ религіи самую жестокую войну, бросаютъ въ націю огонь раздоровъ и разномыслія, вооружаютъ гражданъ противъ гражданъ къ явному ущербу общественныхъ дѣлъ.

Разумѣется, они постараются переложить на насъ отвѣтственность за этотъ конфликтъ и за тѣ бѣдствія, которыя будутъ его результатомъ. Но тѣ, кто добросовѣстно изучатъ факты, о которыхъ мы говорили въ энцикликѣ *Vehementer nos*, сумѣютъ опредѣлить, заслуживаемъ ли малѣйшаго упрека мы, что изъ любви къ Франціи терпѣливо переносили несправедливость за несправедливостью и въ концѣ концовъ, поставленные передъ задачею выйти изъ послѣднихъ границъ нашихъ апостольскихъ обязанностей, заявили, что нарушить эти границы мы не можемъ. И не окажется ли, что отвѣтственность цѣликомъ падаетъ на тѣхъ, кто изъ ненависти къ самому имени католическому дошли до этихъ крайностей.

Пусть же объединяются всѣ католики Франціи, если въ самомъ дѣлѣ они готовы оказать намъ послушаніе и преданность, и ведутъ борьбу за церковь съ твердостью и энергіей, но безъ насилій. Никакъ не посредствомъ насилія, но посредствомъ непреклонной твердости они могутъ, защищая свои права, какъ цитадель, сломить сопротивленіе ихъ противниковъ. Пусть они поймутъ, что ихъ усилія будутъ тщетны и безплодны, если они не объединятся въ полномъ согласіи для защиты религіи.

Они имѣютъ теперь нашъ приговоръ по вопросу объ этомъ нечестивомъ законѣ; они должны присоединиться къ нему всѣмъ сердцемъ; и какія бы до этого момента, въ періодъ обсужденія, ни были высказаны мнѣнія, пусть никто не позволитъ себѣ, это мы положительно приказываемъ, какихъ-либо упрековъ за упомянутыя мнѣнія. Что значатъ согласіе и единеніе, католики могутъ научиться у своихъ противниковъ. И если тѣ могли навязать націи грѣхъ этого преступнаго закона, точно такъ же объединенные католики могутъ его отмѣнить.

Если среди этихъ тягостныхъ испытаній всѣ, желающіе защищать высшіе интересы отечества, будутъ работать для церкви, какъ

обязаны; объединенные между собою и въ единеніи съ епископами и нами, то нечего опасаться за будущность французской церкви и надо надѣяться на ея возрожденіе въ прежнемъ величіи и блескѣ. Мы не сомнѣваемся, что католики Франціи исполнятъ всѣ наши повелѣнія и желанія. Мы же постараемся черезъ Пресвятую Дѣву Марію найти имъ помощь божественнаго Промысла.

Какъ поруку даровъ небесныхъ и какъ выраженіе нашей отеческой благосклонности, мы передаемъ вамъ, уважаемые братья, и всему французскому народу наше апостольское благословеніе.

Дана въ Римѣ, у Св. Петра, 10 августа, въ день святого мученика Лаврентія, въ годъ MCMVI, въ четвертый нашего понтификата.

Итакъ Ватиканъ объявилъ войну французской республикѣ. Прежде, однако, два слова о самомъ этомъ документѣ.

Начать съ того, что папа не постыдился въ первыхъ же строкахъ сказать неправду. Большинство французскихъ епископовъ, конечно, осуждало законъ, но желало подчиниться ему и легализироваться. Оффиціально они просто просили указанія у своего непогрѣшимаго главы, но ихъ дѣйствительныя желанія были извѣстны римскому святому престолу. Далѣе никакихъ посягательствъ на свободу церкви законъ не заключаетъ и церковныхъ имуществъ не отнимаетъ. Онъ ставитъ только церковь, какъ общество вѣрующихъ, въ такія же условія дѣятельности и владѣнія, какъ всякія другія общества. И т. д.

Энциклика несправедлива, неправдива, нетерпима. За всѣмъ тѣмъ она огромный историческій фактъ и Франціи предстоитъ серьезныя испытанія. Черная армія собирается дать новую битву. Мы скоро снова возвратимся къ этимъ дѣламъ.

С. Южаковъ.

Слово и дѣло нѣмецкихъ либераловъ.

(Письмо изъ Германіи)

I.

Слово.

Еще недавно то время, когда мы, можно сказать, блистали на европейскомъ политическомъ горизонтѣ. Великолѣпная центральная власть наша представлялась законнымъ гегемономъ Европы. Командуя Европой и Азіей, опираясь на милліоны безропотныхъ шты-

ковъ, простирая свое владычество на народы 120 языковъ и собирая одною рукой хлопокъ и виноградъ въ Закавказьѣ, а другою—воспитывая самоѣдовъ и тунгузовъ, русская бюрократія пользовалась чрезвычайнымъ, совершенно неслыханнымъ до той поры престижемъ. И если мы умѣли поставить «на свое мѣсто» достаточно гордыхъ суверенов великихъ державъ, то мы третировали болѣе мелкихъ князей чуть ли не какъ нашихъ вассаловъ, а среди элементовъ европейскаго «порядка» нашли себѣ преданныхъ слугъ и благоговѣйныхъ обожателей.

Насъ почитала реакціонная Европа, ибо видѣла въ насъ живой образецъ крѣпкой власти, повелѣвающей стихіямъ, насаждающей въ грандіозной имперіи неукоснительный, несокрушимый порядокъ, воспитывающей въ полуторастамилліонномъ населеніи монархическую преданность, вѣрноподданную лояльность, чувства обожанія установленныхъ свыше властей и полнаго, неоглядпаго рабства. Передъ нами благоговѣли и вмѣстѣ насъ боялись, такъ какъ наше правительство всегда представляли себѣ въ видѣ укротителей и заклинателей многомилліоннаго звѣрья, которое по одному лишь мановенію жезла способно немедленно наводнить Европу и повторить на пресловутой культурѣ старые уроки Батыя и Чингисхана. И чѣмъ страшнѣе было запертое за русской границей звѣрье, тѣмъ глубже чувство почтенія передъ тѣми укротителями, которые не только сумѣли усмирить его, но даже обратить въ домашнихъ животныхъ, несущихъ драгоцѣнныя яйца, безропотно отдающихъ со своей спины золотое руно и обладающихъ при этомъ чудесной способностью поставлять, смотря по надобности, то милліоны солдатъ, то милліарды рублей, то тысячи полицейскихъ, то цѣлыя арміи палачей. И что интереснѣе всего, русскіе укротители сумѣли обойтись простѣйшими орудіями, безъ признаковъ какого-нибудь «парламентаризма» «конституціонализма», «правопорядка», хартій и гарантій—однимъ словомъ безъ всего того, безъ чего съ нѣмецкимъ «Steuerzahler'омъ» никакъ не сладить.

И промышленная либеральная Германія немногимъ отличалась въ своихъ воззрѣніяхъ на Россію отъ феодальныхъ и монархическихъ круговъ. Съ одной стороны, она слишкомъ хорошо была выдрессирована у себя дома, чтобы осмѣлиться критиковать чужое начальство. Начальство какъ таковое уже свято. Безразлично, есть ли это начальство свое, прирожденное, или же подаренное «Божіей милостью» другой европейской и бѣлой расѣ. Черныя начальства, конечно, почитаются соотвѣтственно чиномъ ниже. А съ другой стороны, какъ это еще замѣтилъ фонъ-деръ-Брюггенъ, для нѣмецкаго промышленника и торговца было совершенно безразлично, на какихъ основаніяхъ и въ какомъ духѣ процвѣтаетъ Россія — въ ней они видѣли только прекрасный рынокъ для вывоза дешеваго русскаго хлѣба и для ввоза нѣмецкихъ товаровъ и матеріальнаго, и невещественнаго свойства.

И даже наиболѣе прогрессивные элементы нѣмецкаго бюргерства взирали весьма равнодушно на русскія дѣла, такъ какъ выходили изъ представленія о глубокомъ русскомъ варварствѣ, которое заслуживаетъ въ лучшемъ случаѣ «скорпіоновъ» для своего просвѣщенія. До послѣдняго времени въ виду этого на страницахъ нѣмецкихъ либеральныхъ газетъ дебатировался вопросъ о томъ, дозрѣла ли Россія до конституціи, или нѣтъ. Автору этихъ строкъ еще въ декабрѣ 1904 г. пришлось ломать копья съ нѣкіимъ «Скептикомъ» на страницахъ «Berl. Tageblatt'а», такъ какъ г. Скептикъ нашелъ слишкомъ довѣрчивыхъ и слишкомъ воодушевленныхъ сторонниковъ своего пессимизма среди мѣстныхъ «свободомыслящихъ». Надо ли говорить, что г. Скептикъ представлялъ русскій народъ въ видѣ стада дикихъ животныхъ, которыхъ только бичъ чиновника можетъ привести къ повиновенію и порядку? Надо ли упоминать далѣе, что г. Скептикъ сомнѣвался даже, что въ Россіи въ случаѣ полученія «свободъ» найдется достаточное количество «честныхъ» людей для замѣщенія общественныхъ должностей? Но г. Скептикъ хорошо тогда понялъ психологію нѣмцевъ и сыгралъ на ней то, что было нужно.

Такъ думали о насъ нѣмцы тогда, въ то славное время нашего блеска и силы, франко-русскаго альянса, миротворчества и европейской гегемоніи. И я не могу не припомнить того недовѣрчиваго сожалѣнія, съ которымъ насъ, русскихъ, распрашивали тогда о Россіи и выслушивали нашу правдивую и вмѣстѣ глубоко фантастическую повѣсть. Съ одной стороны, они считали совершенно естественнымъ, что дикарями управляютъ по-дагомейски; съ другой — они все же не вѣрили, что съ нами продѣлываютъ вещи далеко превосходящія всякую Дагомею. И когда мы повѣствовали откровенно о нашей системѣ управленія, у тѣхъ же нѣмцевъ невольно рождался столь же наивный, сколь и обидный вопросъ: «Пусть такъ, но какъ же въ такомъ случаѣ русскіе могутъ выносить такую систему управленія? Мы бы не могли вынести ея ни одного дня. А если русскіе ее переносятъ и не возстаютъ немедленно противъ своего правительства, то это значитъ, что или система ужъ не такъ плоха, или же сами русскіе для нея достаточно плохи: иначе она не просуществовала бы ни одного дня». Спорить противъ этого было излишне.

Насколько сильно было убѣжденіе въ военной и полицейской мощи русскаго правительства, показываетъ хотя бы слѣдующій фактъ. Одинъ молодой русскій коммерсантъ, прекрасно знающій Манчжурію и наши дѣла на Востокѣ, просилъ моего посредства для помѣщенія въ нѣмецкой печати очень интересной статьи, въ которой онъ, на основаніи совершенно новыхъ данныхъ, доказывалъ наше неизбѣжное грядущее пораженіе въ русско-японской войнѣ. Содержаніе статьи было настолько невѣроятно для нѣмцевъ,—хотя она была обоснована на неопровержимыхъ данныхъ,—что принять

ее могъ только редакторъ соціалъ-демократической газеты. И дѣйствительно онъ ее принялъ. И что-же? —Она три мѣсяца пролежала въ портфелѣ редакціи, и только послѣ пораженій на Ялу и Вафангоу, газета рѣшилась помѣстить уже оправдавшіяся на дѣлѣ предсказанія о пораженіи непобѣдимыхъ россіянъ. Въ буржуазной печати дѣло было еще проще. Здѣсь всѣ нѣмецкіе военные корреспонденты говорили прямо языкомъ куропаткинскихъ реляцій и старались изо всѣхъ силъ спасти репутацію русской арміи, этой опоры не только русскаго, но и прусскаго самодержавія, православія и народности. Для насъ, русскихъ, зрѣлище, получалось довольно занимательное. Мы читали въ нѣмецкихъ газетахъ непрестанныя вѣсти о русскихъ побѣдоносныхъ маневрахъ въ то время, когда передъ нами лежали уже русскія газеты, сообщавшія съ вѣдома нашей военной цензуры о нашихъ послѣдовательныхъ и постоянныхъ пораженіяхъ. Нѣмцы, такимъ образомъ оказывались болѣе русскими патріотами, чѣмъ мы, русскіе, сами. Чего не дѣлаетъ монархическая традиція въ связи съ интересами биржи!

Однако, русскія событія шли своимъ путемъ, и не смотря на все желаніе закрыть глаза на русскія «происшествія», они все же дѣлали свое дѣло. Въ 1904 г. извѣстный франкфуртскій журналистъ Гуго Ганцъ издалъ свои наблюденія о первыхъ трехъ мѣсяцахъ этого года подъ заглавіемъ: «Передъ катастрофой», и въ этой книжкѣ онъ уже указываетъ на то, что японская война, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, сразу и рѣшительно придвинула начало «катастрофы русскаго государства». Кишиневскій погромъ былъ несомнѣнно первымъ толчкомъ, который заставилъ нѣмецкаго бюргера съ опасеніемъ обернуться на сѣверо-востокъ и въ значительной степени струхнуть за спокойствіе русскаго рынка, за надежность этой великолѣпной колоніи для нѣмецкаго капитала. И кенигсбергскій процессъ о государственномъ преступленіи нѣмецкихъ подданныхъ противъ русскаго правительства былъ тѣмъ пунктомъ, который далъ исходъ нѣмецкому негодованію по поводу русскихъ дѣлъ.

Въ самомъ дѣлѣ: нѣмецкій предприниматель былъ склоненъ терпѣть русскій абсолютизмъ лишь до вполнѣ опредѣленныхъ границъ, а именно, до тѣхъ поръ, пока онъ обезпечивалъ нѣмецкому капиталу тишину и благополучіе русскаго рынка. И если русское правительство желало сохранить за собой традиціонную поддержку не только нѣмецкой реакціи, но и либеральнаго бюргера, оно должно было остерегаться мѣръ чрезмѣрныхъ и водворяющихъ не столько порядокъ, сколь всеобщее смятеніе. Нѣмецъ требовалъ отъ русскаго абсолютизма того минимума правопорядка, который въ свое время существовалъ въ Европѣ, сто лѣтъ тому назадъ, и если Россія прямо водворяла у себя китайскую и турецкую систему управленія, то это было уже слишкомъ, и нѣмецкій другъ и благодѣтель считалъ это чрезмѣрнымъ увлеченіемъ и не могъ не

возмущаться подобнымъ нарушеніемъ своихъ интересовъ. Само собою разумѣется, что пожеланія русскому правопорядку шли очень недалеко, и развѣ добирались до совѣщательнаго представительства и честной администраціи. Но тѣмъ не менѣе нѣмецъ искренно негодовалъ, когда оказалось, что въ Россіи не существуетъ ни права, ни закона, а ихъ замѣняетъ съ успѣхомъ чисто татарскій произволъ.

Кенигсбергскій процессъ, убійство Плеве и Красное Воскресеніе 9-го января и были тѣми основными событіями, по поводу которыхъ разразился самый первый, а вмѣстѣ съ тѣмъ единственно искренній и сильный взрывъ бюргерскаго негодованія. Остановимся на отзывахъ тогдашней прессы, въ высшей степени характерныхъ для негодованія нѣмцевъ на проштрафившееся передъ нѣмецкими интересами русское правительство. Вотъ что писалъ тогда, между прочимъ, монархически настроенный профессоръ Дельбрюкъ въ своихъ солидныхъ «Preussische Iahrbücher». «Въ Россіи политическія убійства принадлежатъ, такъ сказать, къ ея государственному строю (Verfassung); старое положеніе, что царизмъ представляетъ собою абсолютизмъ, смягчаемый политическими убійствами, удостовѣрено въ теченіе столѣтій исторіей и ни чуть не потеряло своей силы и въ настоящее время. Когда деспотизмъ становится совершенно невыносимымъ или когда насиліе такъ ужасно, что имъ уничтожаются всѣ законы человѣчности, то послѣднимъ и крайнимъ средствомъ спасенія или по крайней мѣрѣ отомщенія человѣчности служитъ убійство. Всѣ общественные классы Россіи участвуютъ въ такихъ убійствахъ, начиная отъ двора, совершавшаго дворцовыя революціи и убивавшаго царей, до нигилистовъ (?), вышедшихъ изъ народныхъ массъ и убивающихъ губернаторовъ и министровъ. Какъ только началась руссификація Финляндіи, туда были тотчасъ импортированы политическія убійства и даже «Kladderadatsch» въ поистинѣ великолѣпной одѣ счелъ себя вправѣ причислить молодого Шаумана къ сонму такихъ людей, какъ Вильгельмъ Телль и греческіе тираноубійцы, а не къ разбойникамъ-анархистамъ, какъ это слѣдовало бы по воззрѣніямъ нѣмецкихъ оффиціозовъ. Весь ужасъ русской правительственной системы, гдѣ забиваніе нагайкой въ тюрьмахъ господствуетъ и по сію пору и гдѣ губернаторы, въ родѣ генерала [illegible], прославившіеся своими чудовищными дѣлами, призываются на высшіе посты, стали теперь, благодаря кенигсбергскому процессу, извѣстны, можно сказать, всему міру. Защитники съ полнымъ правомъ напомнили также о томъ, что русское правительство оффиціально (amtlich) устраивало въ Болгаріи покушенія и убійства».

Въ томъ же тонѣ писали буквально всѣ нѣмецкія газеты, начиная съ національ-либеральной «National-Zeitung» и кончая органомъ національ-соціаловъ «Berliner-Zeitung» и демократической «Die Welt am Montag». Приведемъ здѣсь характеристику Россіи,

данную тогда умѣренно-демократической «Frankfurter Zeitung», которая гласитъ слѣдующее: «Отсутствіе религіозныхъ и политическихъ правъ, отсутствіе свободы собраній и печати, наконецъ, отсутствіе даже права петиціи: бюрократія, которая, не смотря на неограниченную власть царя, обладаетъ истиннымъ всемогуществомъ и воздѣйствуетъ на неудобные ей элементы посредствомъ розогъ, ссылокъ въ Сибирь и тому подобныхъ средствъ; въ высшей степени жестокое и произвольное обращеніе съ политическими «преступниками», къ числу которыхъ принадлежатъ и тѣ, кто просилъ о какихъ-либо реформахъ; истязанія заключенныхъ въ тюрьмахъ, въ томъ числѣ и женщинъ! На ряду съ этимъ отсутствіе обезпеченнаго правопорядка... за любыя преступленія можетъ быть установлена подсудность военнымъ судамъ, которая не связана никакими формальностями. Ужасныя убійства въ Кишиневѣ, которымъ власти не препятствовали, а, наоборотъ, содѣйствовали тѣмъ, что не позволяли жертвамъ защищаться—яснѣе всего обрисовали русскія условія; ихъ оцѣнка была во время преній въ Кенигсбергѣ резюмирована въ словахъ, что въ Россіи нѣтъ духовной и правовой жизни». Умѣреннѣйшій «Berliner Tageblatt» восклицалъ по адресу Россіи: «Мы хотимъ оставить ей полную свободу управлять своей судьбой по своему усмотрѣнію, но не желаемъ заражаться полицейскимъ произволомъ и насиліемъ надъ совѣстью. Пусть Россія посылаетъ своихъ сыновей въ сибирскіе рудники, сѣчетъ ихъ кнутомъ или запираетъ въ тюрьмы—она сама увидитъ, далеко ли она уйдетъ, шествуя по этому пути; но мы не хотимъ оказывать позорныя услуги грубой силѣ: мы, вопреки Россіи, желаемъ, чтобы надъ всей Германіей вѣялъ свѣжій вѣтеръ». Даже профессоръ Шиманъ въ реакціонной «Kreuz Zeitung» признавалъ, что въ Кенигсбергѣ «на скамью подсудимыхъ было посажено собственно русское правительство» и вполнѣ соотвѣтствовало истинѣ замѣчаніе «Vorwärts»'а, что «въ то время какъ въ восточной Азіи русскій абсолютизмъ гибнетъ въ военномъ отношеніи, въ Кенигсбергѣ онъ палъ передъ культурнымъ сознаніемъ Европы».

Закончимъ эти цитаты отрывкомъ изъ «Berliner Zeitung»; вотъ что говорила эта газета два года тому назадъ: «Безправіе и беззаконіе царятъ тамъ во всѣхъ углахъ и мѣстахъ. Кого судебный чиновникъ не заточитъ въ тюрьму, на того можетъ наложить оковы чиновникъ-администраторъ. А кто избѣгнетъ послѣдняго, тотъ можетъ стать жертвой грубаго и невѣжественнаго попа. Тамъ царятъ невыносимое насиліе надъ совѣстью, общественное мнѣніе жестоко подавляется, гражданъ бьютъ безъ права и закона. Подтвержденныя присягой права топчатся ногами—и т. д. до безконечности. Съ варварства снятъ покровъ, подъ которымъ оно скрывало свою отвратительную наготу. Нагимъ стоитъ оно передъ нами, внушая ужасъ и отвращеніе всему культурному міру...

«Такъ стоитъ самодержавіе передъ нѣмецкимъ судомъ. Мы

знаемъ его теперь, и всякій изъ насъ знаетъ, что обязанность именно лучшихъ элементовъ русскаго народа бороться противъ этого самодержавія. Но если народы Европы образуютъ одну культурную семью, то благонамѣренные и добросовѣстные люди всѣхъ странъ обязаны всѣми средствами поддерживать русскихъ борцовъ за право, свѣтъ и свободу!»

Къ этимъ словамъ прибавлять нечего. Въ нихъ полная характеристика нашего стараго режима, а сочувствіе къ русскому освобожденію здѣсь звучитъ въ каждомъ словѣ, въ каждой строкѣ. Неудивительно послѣ этого, что убійство Плеве было встрѣчено въ Германіи такъ, какъ этого менѣе всего можно было ожидать отъ осторожныхъ, сдержанныхъ и преданныхъ идеямъ «порядка» нѣмцевъ. Такъ, уже умѣренно-либеральная «Vossische Zeitung» прямо говоритъ, что въ русскихъ политическихъ покушеніяхъ слышится «отчаянный крикъ измученной народной души, насильственно пробивающей себѣ дорогу». «Одно несомнѣнно, говоритъ далѣе газета: чѣмъ больше правительство противостанетъ законному стремленію народа и чѣмъ дольше задержитъ оно такъ страстно желаемую конституцію, тѣмъ крайнѣе будутъ требованія и тѣмъ радикальнѣе средства, которыми русскій народъ добудетъ себѣ свободу». Вполнѣ логично въ силу этого «Berliner Tageblatt» считаетъ, что «кровавая расправа надъ Плеве явилась актомъ имманентной справедливости; фонъ Плеве воплощалъ въ себѣ все, что сдѣлало абсолютизмъ какъ онъ практикуется въ Россіи, отталкивающимъ и ненавистнымъ. Убитый былъ представителемъ системы произвола, который никоимъ образомъ нельзя примирить съ воззрѣніями современныхъ людей. Цѣлый рядъ неслыханныхъ позорныхъ дѣяній, прикрытыхъ мантіей мнимой законности, долженъ былъ быть поставленъ на счетъ тому полицейскому режиму, который Плеве умѣлъ проводить съ такой послѣдовательностью и съ такимъ презрѣніемъ къ людямъ»...

Болѣе рѣшительно высказывается въ томъ же смыслѣ націоналъ-соціальная газета «Berliner Zeitung»:

«Россія—родина политическихъ убійствъ. Гдѣ идетъ дождь—тамъ мокро, гдѣ огонь—тамъ и дымъ. Какъ дѣйствіе вызываетъ противодѣйствіе, такъ же точно самодержавіе порождаетъ убійства. Если по Гегелю государство есть обнаруженіе нравственности, то русскій абсолютизмъ есть воплощеніе безнравственности, а безнравственность можетъ порождать только безнравственность.» И вполнѣ понятно заключаетъ отсюда «Deutsche Warte» «если мы на одну чашку вѣсовъ положимъ весь рядъ покушеній русскихъ революціонеровъ, всегда имѣющихъ передъ глазами смертную казнь, а на другую безконечное горе, навлекаемое русскими порядками на тысячи и милліоны русскихъ людей, тогда вряд ли можно будетъ еще сомнѣваться, чьи плечи болѣе отягощены грѣхами. Россіи можетъ помочь лишь коренной поворотъ во всѣхъ областяхъ обще-

ственной жизни. Пусть русскіе государственные люди, наконецъ, поймутъ это.»

Такими надгробными рѣчами сопровождала нѣмецкая печать кончину Плеве, этого удивительнаго представителя нашего «просвѣщеннаго абсолютизма». Но воистину своего высшаго зенита достигло возмущеніе нѣмецкихъ либераловъ при вѣсти о Красномъ Воскресеніи 9 - 22 января. Въ добромъ десяткѣ нѣмецкихъ газетъ произносится окончательный приговоръ русскому абсолютизму. Результатомъ январьскаго разстрѣлянія можетъ явиться по словамъ «Vossische Zeitung», только или революція или нравственный маразмъ. Безпартійный, а по существу реакціонный «Tag» похоронилъ словами Ю. Гарта старую панславянскую идею и провозгласилъ что «кровавая бойня, устроенная мирной процессіи, была не только жестокостью, но и грубой политической ошибкой со стороны абсолютизма, такъ какъ она срывала съ него тотъ ореолъ близости власти къ народу и сердечнаго характера этихъ отношеній, которымъ еще окружали иные наивные люди русское самодержавіе... Идея абсолютной власти должна была сама себя низложить. Автократія должна была быть доведена ad absurdum самими автократами.» Такъ, «не абстрактной проповѣдью, а живымъ, нагляднымъ урокомъ запечатлѣннымъ страшною кровавою памятью» была внушена рабочему народу мысль о полномъ безсиліи абсолютизма, а съ тѣмъ вмѣстѣ «въ народную массу проникла уже народная революція.» И либеральная «Weser Zeitung» подтверждаетъ это: «побѣдителемъ», говоритъ она «осталось правительство, но какою цѣною! Кровь этихъ людей, среди которыхъ были женщины и дѣти, взываетъ къ небу и она долго будетъ взывать, и никто не поручится, что этотъ призывъ не будетъ услышанъ. Весь народъ понимаетъ, что случилось. Всѣ, не исключая и крестьянъ, съ ужасомъ въ душѣ будутъ слушать разсказы объ этихъ событіяхъ. Трусливые элементы будутъ запуганы, но за то сколько фанатическихъ людей ринутся въ бой.»

Таковы были слова, за ними слѣдовало...

II.

Дѣло.

Но вотъ тутъ то мы и встрѣчаемъ запинку. И если нѣмецкій пролетаріатъ и представляющая его партія не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказали свое глубокое сочувствіе русскому освобожденію, то этого далеко нельзя сказать о нѣмецкомъ бюргерствѣ. Кенигсбергскій процессъ и вся сопровождающая его сенсація были дѣломъ нѣмецкихъ соціалистовъ и прошли подъ ихъ флагомъ. Одни соціалъ-демократы проявили самую активную поддержку русскимъ

бѣглецамъ, снабжали ихъ и одеждой, и кровомъ, и пищей. Одна нѣмецкая рабочая партія неустанно работала надъ улучшеніемъ германскаго законодательства объ иностранцахъ, вносила законопроекты одинъ за другимъ, интерпеллировала имперскихъ министровъ чуть-ли не каждый день по поводу преслѣдованія русскихъ въ Германіи, собирала тысячи марокъ изъ пролетарскихъ грошей для поддержки больныхъ и нуждающихся русскихъ бѣглецовъ. Одна эта партія нашла настоящія слова для того, чтобы заклеймить рабское прислуживаніе германскаго правительства передъ русскимъ режимомъ, она одна въ тысячѣ грандіозныхъ митинговъ предавала на судъ народной массы печальный прусско-русскій союзъ для подавленія всяческой демократіи. Пролетарская партія не только говорила, но она дѣлала и много дѣлала; спрашивается теперь: какими дѣлами ознаменовали себя нѣмецкіе либеральные бюргеры, такъ громко кричавшіе по поводу русскаго варварства?

Надо прежде всего замѣтить, что если здѣсь идетъ рѣчь о какихъ бы то ни было «дѣлахъ», то исключительно со стороны что ни на есть крайней бюргерской лѣвой, а именно свободомыслящаго соединенія со включеніемъ націоналъ-соціаловъ. Только одинъ этотъ крохотный остатокъ старыхъ прогрессистовъ осмѣлился, хотя и съ массой оговорокъ и ограниченій, показывать «на дѣлѣ», что ему не чуждо сочувствіе дѣлу русской революціи. Тамъ же, гдѣ требовалась поддержка широкихъ круговъ нѣмецкаго общества, она всегда отсутствовала, благодаря слѣпому ужасу буржуазіи передъ потрясеніемъ основъ.

И мнѣ невольно вспоминается тотъ интересный опытъ, который былъ сдѣланъ представителями здѣшнихъ широко интеллигентныхъ круговъ по поводу ареста послѣ 9 января членовъ депутаціи, говорившихъ наканунѣ разстрѣлянія рабочихъ съ министрами. Вѣсть о заключеніи членовъ депутаціи въ Петропавловскую крѣпость, и о рѣшимости правительства отомстить на нихъ за 9 января появилась въ «Vorwarts»'ѣ утромъ и въ тотъ же день собраніе русскихъ и нѣмецкихъ журналистовъ, сошедшихся въ прусскомъ ландтагѣ рѣшило организовать общественный протестъ противъ посягательства на выдающихся русскихъ дѣятелей. Созванное на слѣдующій день въ «Эрмитажѣ» болѣе широкое собраніе представителей русской и нѣмецкой печати постановило самымъ энергичнымъ образомъ приняться за дѣло и созвать митингъ протеста, на которомъ въ пользу русскихъ заключенныхъ должны были говорить всѣ выдающіяся научныя, литературныя и политическія силы нѣмецкой не пролетарской Германіи. Этотъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго драматурга Фульды, бывшаго въ то же время предсѣдателемъ союза германской прессы, заключалъ въ себѣ по равному числу нѣмецкихъ и русскихъ дѣятелей и на первыхъ же порахъ ознаменовалъ себя чисто буржуазнымъ страхомъ передъ революціей. Когда зашла въ комитетѣ рѣчь о томъ быть ли ма [illegible]

ста открытымъ или закрытымъ, одинъ изъ русскихъ членовъ высказалъ чрезвычайныя опасенія насчетъ русской молодежи, которая, по его мнѣнію, настолько охвачена бурными инстинктами и стремленіями, что если сдѣлать митингъ открытымъ, то она, нахлынувъ въ громадномъ количествѣ, сорветъ этотъ митингъ, благодаря своей чрезвычайной горячности и революціонному пылу. Можно себѣ представить какъ это подѣйствовало на нѣмцевъ. Несмотря на всѣ сдѣланныя возраженія, переубѣдить ихъ было нельзя и рѣшено было сдѣлать митингъ закрытымъ, что конечно, лишало его значенія всеобщаго митинга протеста. Все предпріятіе низвелось до весьма скромныхъ размѣровъ и изъ страха передъ русской молодежью рѣшено было протестовать въ закрытомъ помѣщеніи съ избраной и благонадежной публикой по билетамъ... Впрочемъ, этому митингу не пришлось и вовсе состояться, такъ какъ, какъ разъ передъ его открытіемъ петербургскимъ агентствомъ была распространена ложная телеграмма о томъ, что заключенные свободны. Когда выяснилось, что всѣ заключенные по прежнему томятся въ Петропавловкѣ, вышеназванный комитетъ не двинулъ пальцемъ, чтобы возобновить столь ловко проваленное дѣло. Этимъ ограничилось самое крупное общее предпріятіе со стороны нѣмецкаго передового общества: у него не хватило силъ даже на выраженіе публичнаго и общаго протеста!

Стоитъ ли упоминать, что тогда же изъ имени Горькаго «Berliner Tageblatt» сдѣлалъ себѣ лишній предлогъ для рекламы и подъ жалостнымъ обращеніемъ на имя русскаго правительства собиралъ подписи всѣхъ сочувствующихъ и въ концѣ концовъ представилъ эту всепокорнѣйшую петицію о пощадѣ Горькаго на милостивое благоусмотрѣніе нашихъ министерій.

Все дѣло протеста буржуазныхъ партій окончились, такимъ образомъ, нѣсколькими собраніями свободомыслящихъ и національ-соціаловъ, которымъ удалось собрать, въ Берлинѣ и въ другихъ большихъ городахъ, нѣсколько тысячъ своихъ приверженцевъ для протестовъ противъ русскаго варварства и для выраженія сочувствія нашему освобожденію. И если говорить по правдѣ, то лишь энергіи и симпатіямъ весьма небольшого числа лицъ изъ среды этихъ партій обязаны мы благодарностью за искреннюю и дѣятельную поддержку. Громадная масса буржуазнаго общества, всколыхнувшись было подъ ударами Сазонова и страшнымъ впечатлѣніемъ Краснаго Воскресенія, опять застыла въ своемъ мертвомъ самодовольствѣ и неодолимомъ страхѣ передъ революціей. Нѣмецкій бюргеръ все время боялся, какъ-бы не перейти границы въ своемъ сочувствіи освободительному движенію въ Россіи и, какъ бы ненарокомъ не попасть въ революціонный фарватеръ. Дѣлая шагъ навстрѣчу русскому движенію, онъ все время оглядывался на свои традиціи благонадежности и благонамѣренности и подъ страхомъ

совершить бунтарское дѣяніе, отдергивалъ руку, протянутую было своимъ друзьямъ съ русскаго берега.

Въ высшей степени характерно, что когда П. Б. Струве пріѣхалъ за границу для того, чтобы двигать отсюда русское «освобожденіе», онъ не получилъ ни малѣйшей поддержки отъ нѣмецкихъ радикаловъ и либераловъ. Только въ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи онъ не ошибся: «товарищи» выручили будущаго истребителя соціалъ-демократіи и лишь благодаря ихъ энергичной, постоянной и организованной помощи, Струве могъ вообще поставить свой журналъ на твердые рельсы и достичь того распространенія, которое имѣлъ издаваемый имъ журналъ. Не нѣмецкіе бюргеры, а соціалисты были тѣми истинными друзьями, благодаря которымъ журналъ получалъ распространеніе даже среди самой Россіи. Тюки съ «Освобожденіемъ», на ряду съ другими соціалистическими изданіями, красовались въ видѣ вещественнаго доказательства въ залѣ кенигсбергскаго процесса.

Единственнымъ серьезнымъ предпріятіемъ нѣмецкаго бюргерства на пользу русскаго освобожденія было безспорно основаніе «Кружкомъ друзей русскаго освободительнаго движенія» такъ называемой «Русской Корреспонденціи» -- «Russische Korrespondenz»-- или, иначе, особаго информаціоннаго листка на нѣмецкомъ языкѣ, для безплатной разсылки по редакціямъ нѣмецкихъ газетъ, въ особенности провинціальныхъ, не имѣющихъ достаточныхъ средствъ для оплаты дорогихъ корреспондентовъ. Въ началѣ это предпріятіе обѣщало большой успѣхъ: нѣмецкіе либералы здѣсь впервые вошли въ непосредственное сношеніе съ русскими лѣвыми партіями, и при томъ въ одинаковой степени, какъ съ «освобожденцами», такъ и съ соціалистами. Во главѣ предпріятія сталъ д-ръ Натанъ, гласный берлинской думы и предсѣдатель еврейскаго благотворительнаго общества; матеріалы для информаціи доставляли представители всѣхъ лѣвыхъ партій, а въ совѣщательномъ редакціонномъ комитетѣ принимали участіе члены самыхъ различныхъ русскихъ теченій. Цѣлью дѣятельности «Русской Корреспонденціи» было широкое освѣдомленіе нѣмецкихъ бюргерскихъ массъ о ходѣ русскаго движенія, распространеніе и поддержаніе симпатій въ пользу русскаго движенія, наконецъ -- противодѣйствіе всему, что предпринимала нѣмецкая реакція и нѣмецкіе банкиры во вредъ русскому движенію. Само собою разумѣется, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ «Русской Корреспонденціи» было изображеніе въ истинномъ свѣтѣ русскихъ финансовъ и русскаго усмирительнаго терроризма.

И надо признать, дѣла «Russische Korrespondenz» сначала шли блестяще: ея информаціи, получаемыя изъ мало доступныхъ круговъ, и ея рѣшительный свободолюбивый языкъ сразу доставили ей массу почитателей. Дѣло окрѣпло и стало извѣстной силой въ нѣмецкихъ политическихъ и журнальныхъ кругахъ. И къ этой же

успѣхъ развитія «Russische Korrespondenz» относится и широкая помощь нѣмецкихъ свободомыслящихъ русскимъ борцамъ за свободу. Въ «Nation» д-ра Барта въ то же время появились полныя захватывающаго интереса записки русскихъ революціонеровъ. Но нѣмецкіе либералы не были-бы либералами, если бы они были послѣдовательны на этомъ избранномъ ими пути. Вопросъ о бойкотѣ булыгинской думы былъ тѣмъ камнемъ, о который разбились все мужество и любовь къ свободѣ нѣмецкихъ буржуа.

Первоначально наши нѣмецкіе друзья высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ за тактику бойкота. Они напомнили своимъ русскимъ союзникамъ исторію нѣмецкаго либерализма и его паденія; они указывали на то, что, пойдя по предосудительному пути, нѣмецкіе либералы сдѣлали первый шагъ къ своему послѣдующему вырожденію. Были помянуты и мартовскіе министры, которыхъ такъ легко, по миновеніи надобности, выбросила реакція изъ состава королевскихъ правительствъ; указывалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что булыгинская дума, это только ловушка для обезвреженія лучшихъ русскихъ силъ, для извращенія всей освободительной борьбы. И такъ говорили не только ближайшіе руководители «Russische Korrespondenz», принадлежащіе къ передовому авангарду нѣмецкихъ свободомыслящихъ. Того же мнѣнія была и умѣренная «Tante Voss», и ей единодушно вторили и «Tageblatt», и всѣ остальные органы буржуазнаго либерализма. Партіи бойкота находили, такимъ образомъ, поддержку и въ извѣстной части европейскаго общественнаго мнѣнія.

Но все это продолжалось не долго. Нѣмецкій свободомыслящій въ сущности боится революціи не менѣе русскихъ либераловъ. Только поддавшись временному увлеченію могъ онъ работать вмѣстѣ съ русскими соціалистами. И если онъ протянулъ было руку соціалистическимъ партіямъ, то это просто было потому, что это были единственные люди дѣйствія, передъ героизмомъ которыхъ онъ не могъ не преклониться и въ раны которыхъ онъ могъ прямо вложить свои персты. Но такой союзъ, повторяю, не былъ и не могъ быть долговѣчнымъ. И если нѣмцамъ за русскимъ революціонеромъ всегда мерещилась фигура нѣмецкаго петролейщика и бомбиста то, не много было нужно, чтобы отшатнуть отъ нихъ вполнѣ нашихъ нѣмецкихъ буржуазныхъ друзей. Такъ это и произошло...

«Друзья русскаго освободительнаго движенія» въ его цѣломъ скоро превратились въ друзей только одной «умѣренной» русской партіи, отряхнувъ отъ своихъ ногъ прахъ русской революціи. Съ той поры Russische Korrespondez снизошла за положеніе скромной заграничной приспѣшницы нашихъ кадетовъ, высказывающей иногда нѣсколько вольныя сужденія по адресу русскаго царизма.

Послѣ того, какъ былъ заключенъ этотъ союзъ между русскими и нѣмецкими либералами, эти послѣдніе въ общемъ довольно вѣрно слѣдовали тактикѣ умѣреннаго пассивнаго протеста и совершенно

отказались отъ какой-либо компрометтирующей ихъ поддержки революціоннаго движенія. Нѣмцы заняли при этомъ довольно своеобразную позицію. Вездѣ, гдѣ имъ казалось близкимъ умиротвореніе и успокоеніе, они принимали восторженный тонъ и восхваляли революцію. Точно такъ же были они революціонны и по отношенію къ нашей «звѣздной палатѣ», членовъ которой они не только называли по именамъ и отчествамъ, но снабжали эпитетами, не допустимыми въ русской цензурѣ. Точно такъ же они подымали шумъ по поводу различныхъ погромовъ и при томъ шумъ едва ли не большій, чѣмъ это дѣлали у насъ въ Россіи. Все это, однако, нисколько не мѣшало здѣшнимъ либераламъ смотрѣть съ великимъ опасеніемъ на нашу Думу и предостерегать кадетовъ отъ опаснаго и вреднаго соціализма. Въ особенности здѣсь были недовольны уступками кадетъ въ аграрной программѣ. Въ этихъ уступкахъ видѣли уже или увлеченіе или слабость, такъ какъ священный принципъ собственности прежде всего. Отъ кадетской аграрной программы у здѣшняго либерализма мурашки бѣгали по спинѣ. Мѣстному капиталисту невольно рисовался при этомъ уже не русскій мужикъ, а нѣмецкій Михель, съ протянутыми къ господамъ собственникамъ руками. Русскій примѣръ въ данномъ отношеніи былъ очень опасенъ и, спрашивается, если русскій обезземеленный мужикъ можетъ требовать отчужденія помѣщичьихъ земель и передачи земли всѣмъ трудящимся, то почему не потребовать этого нѣмецкому батраку и разоренному крестьянину, такъ какъ положеніе нѣмецкаго земледѣльца весьма немногимъ отличается отъ положенія русскаго. Аграрныя требованія и возстанія нѣмецкаго крестьянства въ тысячу разъ болѣе страшны нѣмецкому буржуа, чѣмъ весь мирный соціализмъ, съ его легальностью и сосредоточіемъ въ большихъ городахъ въ непосредственной близости пулеметныхъ ротъ и полевыхъ пушекъ. И, по правдѣ сказать, при всемъ негодованіи, которое здѣсь было высказано по поводу разгона Думы, многіе подумали про себя: хорошо, что этотъ примѣръ «русскаго соціализма» убранъ русской реакціей, хорошо, что аграрная программа первой Думы не воплотилась въ дѣйствительность—поживемъ, увидимъ!

Мнѣ не нужно ходить особенно далеко за подтвержденіями моей характеристики нѣмецкихъ либеральныхъ воззрѣній на русскую революцію. Вотъ передъ нами книжка подъ заглавіемъ «Die russischen Massacres», изданная редакціей «Russische Correspondenz» (Berlin 1906). Въ этой книжкѣ собраны рѣчи участниковъ нѣмецкаго митинга-протеста по поводу бѣлостокскихъ звѣрствъ, и здѣсь въ рѣчахъ профессора Листа, свободомыслящаго депутата Шрадера, депутата Трегера и извѣстнаго дѣятеля національ-соціаловъ, Наумана, мы встрѣчаемъ чрезвычайно характерное мнѣніе по русскимъ дѣламъ.

Прежде всего участники митинга изо всѣхъ силъ стараются

оправдать свою рѣшимость говорить публично и даже,—о, продерзость, — протестовать противъ русскихъ безобразій. Проф. Листъ представилъ въ этомъ отношеніи особенно подробное обоснованіе, причемъ выдвинулъ на первый планъ торговыя отношенія къ Россіи. Какъ оказывается, протестъ противъ русской реакціи необходимъ уже потому, что общая цифра цѣнности нѣмецкой торговли съ Россіей превышаетъ милліардъ, составляя около десятой части всей внѣшней торговли Германіи; причемъ въ ряду важнѣйшихъ торговыхъ рынковъ Германіи Россія занимаетъ четвертое мѣсто. И къ этому присоединяется тотъ фактъ, что въ Россіи помѣщены милліоны нѣмецкаго капитала, и многія тысячи нѣмецкихъ подданныхъ живутъ и зарабатываютъ въ Россіи. Только на второмъ мѣстѣ ставитъ Листъ культурныя связи двухъ странъ и на третьемъ — необходимость поддержанія политической мощи Россіи противъ Англіи. Ясно отсюда, что именно въ качествѣ «нѣмецкихъ патріотовъ» нѣмцы должны быть друзьями новой Россіи и протестовать противъ появленія «анархистическаго состоянія» именно на томъ мѣстѣ, которое «призвано къ тому, чтобы поддерживать тишину и порядокъ и вновь возстановить его». То есть, другими словами, противъ «анархистическихъ состояній» среди русской полиціи.

Во вступительной рѣчи депутатъ Шрадеръ точно также оправдываетъ рѣшимость свободомыслящихъ протестовать противъ русскихъ звѣрствъ тѣмъ обстоятельствомъ, что этого требуютъ нѣмецкіе интересы, такъ какъ «нѣмецкіе мужи, нѣмецкая наука и нѣмецкій капиталъ участвуютъ въ доброй степени въ томъ, что развито въ Россіи», а поэтому и ближайшій интересъ Германіи состоитъ въ томъ, чтобы въ Россіи водворились «упорядоченныя условія». Наиболѣе рѣзко и опредѣленно, однако, характеризовалъ отношеніе нѣмецкаго радикализма къ русской революціи Фридрихъ Науманъ. Выведя замѣчательнымъ образомъ тождество русскихъ и нѣмецкихъ интересовъ еще изъ бисмарковской традиціи, Науманъ переводитъ только династическія и монархическія связи между двумя сосѣдними государствами на болѣе широкую базу дружбы двухъ сосѣднихъ народовъ. Въ виду этого въ благодарность за «нейтралитетъ» Россіи во время франко-прусской войны нѣмцы должны теперь хранить такой же «нейтралитетъ» по отношенію къ русской «внутренней войнѣ». Этотъ «нейтралитетъ» долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ, и если Россія не мѣшала созданію новой Германіи, то и Германія не должна мѣшать образованію новой Россіи. Только въ концѣ своей рѣчи рѣшается Науманъ упомянуть о томъ что русское освобожденіе обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе для всей Европы...

Конечно, изъ такого благосклоннаго «нейтралитета» особенной поддержки для русскаго движенія вырости не могло; тѣмъ болѣе, что нѣмцы въ высшей степени осторожно оговариваются насчетъ

своихъ симпатій къ кадетамъ и къ первой Думѣ. Уже Листъ въ своей рѣчи указываетъ на призваніе русской Думы «вести тяжелую борьбу противъ террора налѣво, такъ же какъ противъ террора на право», и именно такой Думѣ приглашаетъ онъ высказать наши симпатіи, наше довѣріе, нашу вѣру. У Трегера повторяется тотъ же мотивъ: «никакой истинный другъ свободы не будетъ считать кинжала, бомбы, или поджигательства оружіемъ и защитою свободы и отнесется къ нимъ съ отвращеніемъ. Но ужасъ русскихъ тирановъ и русскаго терроризма уравновѣшиваютъ другъ друга и, если терроризма нельзя извинить, то все же его можно объяснить.»

И Фридрихъ Науманъ, рисуя въ полныхъ очертаніяхъ «русскую гражданскую войну» вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отношеніе къ ней Европы: «Мы понимаемъ вашу гражданскую войну и относимся къ ней съ почтеніемъ, но это ваша гражданская война, а не наша: со спокойствіемъ и почтеніемъ стоимъ мы предъ народомъ который переживаетъ этотъ великій кризисъ.» Только въ одномъ отношеніи считаетъ Науманъ необходимымъ выраженіе европейскаго протеста: «Какъ представители моральной идеи мы не желаемъ, чтобы гражданская война вырождалась попросту въ дикость и варварство, мы не желаемъ, чтобы подъ тѣнью гражданской войны хозяйничалъ тотъ жалкій видъ эгоизма со стороны вѣроисповѣданій, со стороны національности и стороны корыстнаго чиновничества и чтобы тамъ не смотрѣли на человѣческую жизнь будто она ничто. Въ виду этого нашъ протестъ относится вовсе не къ факту революціи, и не къ тому факту, что правительство отъ нея защищается, а только къ нарушеніямъ гуманности въ этой борьбѣ.»

И къ самой Думѣ нѣмецкіе радикалы относятся съ величайшей осторожностью. Правда, профессоръ Листъ признаетъ, что въ ея средѣ находятся не только «блестящіе ораторы, но и сознательные, дѣятельные политики». Однако, не можетъ не видѣть въ ней прусскій либералъ «неясности и незаконченности какъ партійныхъ отношеній, такъ и партійныхъ программъ». Точно также съ большой осторожностью преподноситъ Трегеръ свои комплименты Думѣ, «которая не обманула» нѣмцевъ въ ихъ надеждахъ: «это набранная со всѣхъ сторонъ масса людей самыхъ различныхъ національностей, самой различной степени образованія, даже можно сказать самыхъ различныхъ спеціальныхъ интересовъ; но она все же охотно и достойно подчинилась цѣлому и для народа, который поистинѣ имѣлъ мало возможности и опыта въ свободномъ словѣ, она развила такое краснорѣчіе, что смѣло можетъ встать возлѣ всякаго парламента.» И даже Науманъ, восхваляя русскую Думу, «эту совѣсть русскаго народа», замѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ: «конечно, собраніе подобнаго рода въ одинъ годъ не можетъ быть ничѣмъ ни выясненнымъ, ни твердымъ. Припомнимъ сколько времени употребили наши западные парламенты, пока они сдѣлались

до извѣстной степени годными,—а частью не являются таковыми и до сихъ поръ,—и не будемъ вѣрить въ колдовство и волшебство.» Думу нѣмецкіе либералы не идеализируютъ, она слишкомъ для нихъ радикальна; какъ старые политики они ищутъ прежде всего реальныхъ основъ и объективности.

Подобная объективность, само собою разумѣется, въ сопряженіи съ нейтралитетомъ могла привести только къ тому, къ чему она въ дѣйствительности и привела: а именно къ посылкѣ весьма умѣренной резолюціи на имя Муромцева, съ одной стороны, и къ платоническому призыву нѣмецкихъ согражданъ воздержаться отъ участія въ русскихъ займахъ, которые къ тому же въ послѣднее время,—какъ это съ признательностью указалъ Листъ—встрѣтили неблагосклонное отношеніе и со стороны германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. «Искреннюю и сердечную благодарность» нѣмецкому правительству провозгласилъ поэтому профессоръ и не безъ ядовитости указалъ при этомъ на примѣръ французскихъ банкировъ. Почтенный профессоръ забылъ, повидимому, о Мендельсонѣ и о томъ обстоятельствѣ, что если-бы послѣдній заемъ не былъ запрещенъ въ Германіи княземъ Бюловымъ, онъ былъ бы навѣрное помѣщенъ на нѣмецкомъ рынкѣ съ прежнимъ или еще большимъ успѣхомъ. Недаромъ Науманъ съ горестью указывалъ на торжество биржи и финансовыхъ интересовъ надъ всякими проявленіями либерализма въ Германіи. Но еще больше для насъ станетъ понятна точка зрѣнія нѣмецкихъ друзей, если мы припомнимъ, что въ томъ же собраніи протеста противъ русскихъ звѣрствъ выступилъ и въ высокой степени пылкій пасторъ Кармсъ съ отчаяннымъ протестомъ противъ русскаго угнетенія несчастныхъ нѣмецкихъ бароновъ въ Прибалтійскомъ краѣ, а также противъ варварскаго намѣренія отнять у нѣмцевъ гегемонію въ ихъ остзейской колоніи.

Всякій нейтралитетъ оказался оставленнымъ, когда зашла рѣчь о балтійскихъ феодалахъ: «тамъ потекла кровь отъ нашей крови, и мы должны сказать, какъ нѣмецкіе протестанты, это духъ отъ нашего духа, который стоитъ тамъ въ тяжкой, горячей битвѣ.» И тутъ посыпались уже извѣстныя намъ нелѣпости о великихъ подвигахъ нѣмцевъ въ балтійскихъ провинціяхъ, и о томъ какъ они совершили великое дѣло «гражданскаго и соціальнаго освобожденія эстонцевъ и латышей». И что же случилось? Въ награду за это русское правительство подвергло преслѣдованію протестантскую церковь и нѣмецкую школу. Оно послало, наконецъ, туда «революціонеровъ учителей» и насадило революціонный духъ. Въ церквахъ дикіе революціонеры избрали первое свое пристанище; «тамъ произведены отвратительнѣйшія насилія». Изъ церквей пожаръ перебросился и на помѣщичьи усадьбы. Но нѣмцы не теряютъ мужества: они выстроятъ снова свой разрушенный домъ... «Въ виду этого мы чтимъ мертвыхъ, которые тамъ пали, и мы привѣт-

ствуемъ живыхъ, которые мужественно и съ надеждою на Бога идутъ впередъ черезъ гробы мертвыхъ навстрѣчу новому лучшему будущему.»

Мы, конечно, сомнѣваемся, что нѣмцамъ удастся возстановить на эстонскихъ и латышскихъ трупахъ свое прежнее владычество, но мы должны отмѣтить здѣсь трогательную связь между нѣмецкими радикальнѣйшими радикалами и нашими балтійскими опорами престолъ-отечества. Надо только замѣтить, что если нѣмецкіе коллеги нашихъ кадетовъ ничего не дѣлаютъ и ничего не могутъ сдѣлать для облегченія тяжелыхъ родовъ русской свободы, то за то помощь нѣмецкимъ страдальцамъ уже давно организована прекрасно.

Всего по первое іюля для помощи нѣмецкимъ баронамъ и ихъ присными собрано 682,933 марки, изъ нихъ израсходовано пока 487,007 марокъ. Въ балтійскія провинціи отослано 1[illegible]8,[illegible]60 марокъ; 57,351 марокъ отослано въ другія мѣстности Россіи, 58,982 марки выдано бѣглецамъ въ Берлинѣ, а 210 балтійскимъ студентамъ выдано здѣсь въ видѣ пособія 34,[illegible]75 марокъ. Остальная, сумма т. е. 138,[illegible]95 марокъ израсходованы на какія-то цѣли, которыя ближе не упоминаются.

Вотъ это активная помощь, только не русскому освобожденію, а его злѣйшимъ врагамъ! Отъ прежнихъ либерально-революціонныхъ воплей не осталось ничего. За «словомъ» перваго протеста противъ русскаго абсолютизма теперь послѣдовали «дѣла» реальной защиты нѣмецкихъ «національныхъ» и «торговыхъ» интересовъ. Давно бы такъ.

М. Рейснеръ-Реусъ.

Наброски современности.

II.

Роспускъ Государственной Думы и его результаты.

I.

Съ указомъ 8 іюля о роспускѣ Государственной Думы отошелъ въ вѣчность цѣлый періодъ русской жизни,—періодъ, заполненный опытомъ созданія въ странѣ безправнаго народнаго представительства. Результаты такого опыта можно было предсказать заранѣе и тѣмъ не менѣе для многихъ и многихъ они явились совершенно неожиданными. Тѣмъ любопытнѣе присмотрѣться къ нимъ теперь и попытаться взвѣсить все ихъ значеніе.

27 апрѣля, въ день открытія Государственной Думы, правительство привѣтствовало ея членовъ, какъ «лучшихъ людей» Россіи. Но не успѣла Дума просуществовать и двухъ съ половиною мѣсяцевъ, какъ то же правительство признало дальнѣйшее ея существованіе ненужнымъ и опаснымъ. Дума распущена и созывъ новой Думы обѣщанъ лишь черезъ семь съ половиной мѣсяцевъ, къ 20 февраля 1907 г.

Подобный исходъ въ сущности намѣчался уже въ моментъ окончанія выборовъ въ Думу. «Конфликтъ между ожиданіями населенія и желаніями власти неизбѣженъ» - писалъ я въ то время, передъ открытіемъ Государственной Думы. И этотъ конфликтъ, дѣйствительно, не замедлилъ проявиться, какъ только начались засѣданія Думы. Первымъ словомъ, раздавшимся въ Думѣ изъ устъ депутатовъ, было заявленіе о необходимости амнистіи по религіознымъ, политическимъ и аграрнымъ преступленіямъ, но это заявленіе осталось совершенно безрезультатнымъ, какъ и всѣ другія желанія и требованія, высказывавшіяся послѣ того Думой. Когда Дума рѣшила было представить свой отвѣтъ на тронную рѣчь непосредственно монарху, черезъ особую депутацію, въ пріемѣ этой депутаціи было отказано. По существу же правительство отвѣтило на адресъ Думы министерской декларацiей, въ которой заявило, что высказанныя Думою пожеланія частью выходятъ за предѣлы ея компетенціи, частью не раздѣляются правительствомъ и, въ частности, аграрная реформа на тѣхъ началахъ, на какихъ она предположена Думой, съ принудительнымъ отчужденіемъ частновладѣльческихъ земель, является «безусловно недопустимой». И черезъ всю декларацію проходила одна опредѣленная мысль,—что въ сущности съ созывомъ Думы ничто въ Россіи не измѣнилось, что

правительство по прежнему можетъ и будетъ управлять страной по всей своей волѣ, прибѣгая лишь, когда оно само того захочетъ, къ помощи Думы въ дѣлѣ законодательства. Дума почувствовала себя передъ глухой стѣной, но попыталась разбить ее громкимъ и яснымъ указаніемъ на то, что «своимъ отказомъ удовлетворить народныя требованія правительство обнаружило явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа и нежеланіе избавить отъ новыхъ испытаній Россію, измученную нищетой, безправіемъ и произволомъ». Сообразно этому Дума сочла «своимъ священнымъ долгомъ заявить передъ страной, что она выражаетъ полное недовѣріе настоящему министерству, признавая необходимымъ условіемъ умиротворенія страны и своей плодотворной работы немедленный выходъ его въ отставку и замѣну министерствомъ, пользующимся довѣріемъ народныхъ представителей». Министерство Горемыкина выслушало горячія рѣчи думскихъ ораторовъ, выслушало почти единогласно принятую резолюцію Думы и—спокойно осталось на мѣстѣ.

Съ этого момента—съ дня 13 мая—отношенія Думы и правительства приняли вполнѣ опредѣленный характеръ. На первый взглядъ Дума какъ будто представляла изъ себя подобіе парламента. Въ ея стѣнахъ депутаты говорили свободныя рѣчи, критиковали правительство, выражали недовѣріе министрамъ. Но за стѣнами этого парламента во всей странѣ продолжали царить все тотъ же неслыханный произволъ, все то же безграничное насиліе, какія предшествовали созыву Думы. По прежнему въ надѣленной «конституціей» странѣ разгонялись мирныя собранія, по прежнему заглушалось въ ней всякое свободное слово. По прежнему закрывались непріятныя правительству газеты и редакторы ихъ привлекались къ суду. По прежнему, наконецъ, десятки тысячъ людей томились въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ и съ каждымъ днемъ число заключенныхъ и сосланныхъ все возрастало. При Думѣ, какъ и безъ Думы, правительство по первому подозрѣнію сотнями арестовывало и ссылало, десятками казнило людей безъ суда и слѣдствія или—что было не лучше—съ формальной комедіей суда. И тщетны были всѣ усилія Думы остановить этотъ дикій разгулъ свирѣпаго произвола: чѣмъ больше было такихъ усилій, тѣмъ яснѣе становилась ихъ безплодность, тѣмъ ярче выступалъ чисто бумажный характеръ «конституціонныхъ» правъ Думы.

Дума предъявляла правительству запросы объ явно беззаконныхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ его низшихъ и высшихъ агентовъ, - министры отвѣчали, что они считаютъ такія дѣйствія необходимыми для обезпеченія «порядка» и признаютъ ихъ вполнѣ согласными съ существующими законами. Дума обратилась къ правительству съ запросомъ по поводу смертныхъ приговоровъ, вынесенныхъ временнымъ военнымъ судомъ въ Ригѣ при самой вопіющей обстановкѣ, и результатомъ этого запроса явилось лишь уско-

реніе исполненія смертныхъ приговоровъ, а позднѣе правительство объяснило Думѣ, что оно не считаетъ возможнымъ обходиться безъ казней. Дума выработала и единогласно приняла законопроектъ о полной отмѣнѣ смертной казни,—правительство отвѣтило новыми смертными приговорами и новыми казнями. Разразился бѣлостокскій погромъ и Дума, разслѣдовавъ его черезъ уполномоченныхъ ею депутатовъ, констатировала преступное участіе въ погромѣ чиновъ мѣстной администраціи и полиціи и войскъ мѣстнаго гарнизона. Правительство оставило неприкосновенной всю администрацію Бѣлостока и объявило благодарность войскамъ тамошняго гарнизона за ихъ образцовое поведеніе. Наконецъ, послѣ дебатовъ Думы по аграрному вопросу, во время которыхъ выяснилось, что значительное большинство ея членовъ стоитъ за обращеніе на народныя нужды казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ и монастырскихъ земель и за принудительное отчужденіе для той же цѣли земель частновладѣльческихъ, правительство обратилось къ населенію съ особымъ «правительственнымъ сообщеніемъ», указывая въ немъ, что земельная реформа такого рода ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть осуществлена.

Таковы были въ общихъ чертахъ тѣ условія, въ которыхъ протекало существованіе Государственной Думы. И неудивительно, что по мѣрѣ того, какъ выяснялись эти условія, все рѣшительнѣе измѣнялось настроеніе и въ самой Думѣ, и за ея стѣнами, въ народныхъ массахъ. Въ широкихъ кругахъ населенія, принимавшихъ участіе въ выборахъ въ Думу, ожидали, правда, ея конфликта съ правительствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ кругахъ была сильно распространена вѣра въ возможность быстраго и благополучнаго разрѣшенія такого конфликта. Громадное большинство членовъ самой Думы пришли въ нее съ намѣреніемъ заниматься мирной законодательной работой, въ результатѣ которой Дума, по ихъ мнѣнію, должна была обратиться въ центръ организованной власти для всей страны. И особенно сильно такое настроеніе было среди наиболѣе многочисленной въ Думѣ партіи—конституціонно-демократической.

Предсѣдатель Думы, г. Муромцевъ, первое время даже останавливалъ тѣхъ ораторовъ, которые посылали какіе-либо упреки и обвиненія по адресу правительства, и объяснялъ, что сама Дума входитъ въ составъ правительства, являясь одною изъ его частей. И, хотя такое объясненіе грѣшило явной несостоятельностью даже съ точки зрѣнія общей теоріи конституціоннаго права, оно настолько отвѣчало общему тону надеждъ, возбужденныхъ стараніями конституціонно-демократической партіи, что одно время думскіе ораторы не только этой партіи, но и нѣкоторыхъ другихъ, слѣдуя указанію г. Муромцева, стали было въ своихъ рѣчахъ отожествлять думу съ правительствомъ. Скоро, однако, уже не теоретическія соображенія, а грубые уроки дѣйствительной жизни убѣдили даже

наиболѣе заклятыхъ оптимистовъ въ неправильности такого отожествленія и показали имъ, что Дума не только не является правительствомъ, но и не пользуется никакимъ вліяніемъ на него. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣли въ Думѣ и надежды на успѣхъ мирной законодательной работы.

Центромъ власти, вопреки ожиданіямъ и обѣщаніямъ конституціоналистовъ-демократовъ, Дума не сдѣлалась, такъ какъ правительство оставило всю власть за собою и не обнаружило никакого желанія дѣлиться ею съ Думой. Дума стала центромъ иного рода,—центромъ народныхъ жалобъ, широкимъ потокомъ стекавшихся въ нее со всѣхъ концовъ измученной и истрадавшейся страны. Ища защиты отъ непрерывныхъ правительственныхъ насилій, населеніе естественно обращалось съ жалобами къ лицамъ, посланнымъ имъ въ Думу. Въ свою очередь Дума могла реагировать на эти жалобы только запросами министрамъ. За два мѣсяца такихъ запросовъ накопились сотни, но практическихъ результатовъ изъ нихъ не получалось никакихъ, такъ какъ правительство въ отвѣтъ на всѣ запросы упорно повторяло, что оно не видитъ въ практикуемыхъ имъ насиліяхъ ничего «незакономѣрнаго». Такимъ образомъ въ живой дѣйствительности осуществлялось то положеніе, которое предсказывали въ свое время защитники бойкота Думы и возможность котораго съ негодованіемъ отрицали сторонники выборовъ. И постепенно въ душу многихъ депутатовъ закрадывалось отчаяніе. «Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—говорилъ въ Думѣ 4 іюля депутатъ Николаевскій—Государственная Дума старалась мирнымъ путемъ выполнить требованія народа, и результатомъ этой дѣятельности явились стенограммы, какъ нѣмые памятники дѣятельности славянской расы. Удалось ли Государственной Думѣ за два мѣсяца выхватить изъ петли хоть одного изъ неправильно осужденныхъ на смерть, выпустила ли она изъ-за тюремной рѣшетки хоть одного страдальца-борца, стремившагося къ достиженію той же воли, къ которой стремятся Государственная Дума и весь русскій народъ? Удалось ли ей дать хоть одинъ клочекъ земли умирающему отъ голода русскому мужику? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Всѣ мѣропріятія Думы по успокоенію страны до сихъ поръ не приведены въ исполненіе и не будутъ приведены до тѣхъ поръ, пока не будетъ фактически устранена угрюмая враждебная скала въ лицѣ министерства и его представителей».

Лишенная всякой реальной власти, вынужденная видѣть полное безсиліе всѣхъ своихъ попытокъ перестроить государственный строй, полную безплодность всѣхъ своихъ стараній повліять на дѣйствія правительства, Дума неизбѣжно должна была придти къ мысли о необходимости тѣснѣе связать себя съ народными массами и попытаться найти въ нихъ недостававшую ей самой силу. Непреоборимая логика вещей толкала на этотъ путь даже дѣятелей конституціонно-демократической партіи, усиленно

старавшихся уложить всю дѣятельность оригинальнаго «парламента въ участкѣ» въ рамки чисто парламентской законодательной работы. На дѣлѣ работа Думы въ тѣхъ условіяхъ, въ какія она была поставлена, почти цѣликомъ свелась къ пропагандѣ, и сами конституціоналисты-демократы, увлекаемые потокомъ событій, не разъ бывали вынуждены содѣйствовать этому. Создать для страны новыя законодательныя нормы, облегчить хоть сколько-нибудь тяжесть насилія, угнетавшаго народъ, Дума была безсильна. За то рѣчи думскихъ ораторовъ, изобличавшія грѣхи стараго режима и вскрывавшія его язвы, расходились по всей странѣ, проникая въ самые глухіе ея углы, и повсюду будили народную мысль, повсюду зажигали народное чувство. Не меньшую роль въ этомъ отношеніи сыграли и выступленія въ Думѣ агентовъ правительства съ ихъ рѣшительнымъ отказомъ въ удовлетвореніи народныхъ требованій, съ ихъ циничными заявленіями о готовности правительства пользоваться всѣми средствами насилія, лишь бы дольше удержать власть въ своихъ рукахъ. Значеніе ведшейся такимъ путемъ пропаганды, внѣ всякаго сомнѣнія, было очень велико. Но эта пропаганда не нашла себѣ въ работѣ Думы логическаго завершенія, не повела къ организаціи народныхъ силъ.

Народныя массы, по мѣрѣ того, какъ въ нихъ проникало сознаніе безсилія Думы, все болѣе утрачивали свое выжидательное настроеніе, установившееся было среди нихъ въ моментъ созыва Думы, и все рѣшительнѣе переходили къ непосредственной борьбѣ за свои требованія. Однако, сама Дума не играла въ этомъ народномъ движеніи никакой роли. Наиболѣе сильная изъ думскихъ партій, конституціонно-демократическая, вполнѣ сознательно отстранялась отъ всякой возможности слiянія съ нимъ, упорно разсчитывая сдѣлать народное дѣло безъ народа, средствами одной парламентской тактики, примѣняемой въ подобіи парламента. И даже тогда, когда эта партія была уже вынуждена ходомъ думской работы искать опоры въ народѣ, она и въ этихъ поискахъ не смогла отрѣшиться отъ присущаго ей органическаго недовѣрія къ массамъ. Благодаря этому она постоянно спохватывалась, какъ бы не зайти въ пропагандѣ черезчуръ далеко, постоянно останавливалась на полдорогѣ, стремясь вернуться сама и вернуть другихъ къ «истинному дѣлу» Думы—писанію обстоятельныхъ законопроектовъ, и все время старалась осуществить неосуществимое—ограничиться «организаціей общественнаго мнѣнія» и рядомъ съ этимъ создать организацію народныхъ силъ лишь на бумагѣ, не столько заботясь о дѣйствительной ихъ организаціи, сколько пугая ея возможностью правительство. Несравненно больше жизненности и послѣдовательности проявила въ этомъ отношеніи образовавшаяся въ думѣ «трудовая группа». Однако недостатокъ политическаго опыта и внутренней сплоченности слишкомъ часто отдавалъ эту группу

подъ руководство конституціоналистовъ-демократовъ и въ концѣ концовъ и она не сумѣла или не успѣла сдѣлать того дѣла, которое оставляли не сдѣланнымъ послѣдніе. Въ Думѣ не разъ говорилось о томъ, что ея роспускъ является для правительства совершенно невозможнымъ, но всѣ эти разговоры покоились на разсчетахъ исключительно моральнаго свойства, и въ то же время Думою ничего не было сдѣлано для того, чтобы на дѣлѣ обезпечить себя отъ возможнаго роспуска.

А между тѣмъ такая возможность оставалась неустраненной съ перваго же дня думскихъ засѣданій и все болѣе возрастала по мѣрѣ того, какъ эти засѣданія подвигались впередъ. Безсильная и безвластная, Дума все же представляла для правительства черезчуръ много неудобствъ своей критикой и пропагандой, возбуждавшими и будоражившими народныя массы. «Парламентъ въ участкѣ» не могъ существовать черезчуръ долго. Или участокъ долженъ былъ разрушиться и уступить свое мѣсто парламенту, или же парламенту предстояло быть задавленнымъ участкомъ. Оптимистически настроенные конституціоналисты-демократы все время ожидали, что разрушится именно участокъ, и притомъ разрушится отъ однихъ только хорошихъ словъ, сказанныхъ въ надлежащемъ количествѣ и съ надлежащей умѣренностью. Не разъ и не два главари конституціонно-демократической партіи уже готовились принести «тяжелую жертву» и взять въ свои руки министерскіе портфели. Но всѣ эти ожиданія, конечно, не сбылись, а произошло нѣчто другое, весьма отъ нихъ далекое. Начавъ съ покушеній на отдѣльныхъ депутатовъ, правительство логически пришло къ покушенію на всю Думу. И въ тотъ самый моментъ, когда конституціоналисты-демократы убѣдили взволновавшуюся правительственнымъ сообщеніемъ по земельному вопросу Думу принять воззваніе къ народу, приглашавшее его сидѣть смирно и спокойно ожидать, пока Дума устроитъ его дѣла и выхлопочетъ ему землю, правительство рѣшило прекратить становившуюся небезопасной для него игру въ парламентъ и объявило роспускъ Думы. Указъ 8 іюля закончилъ собою короткую исторію Думы и этотъ конецъ, для многихъ неожиданный, въ сущности былъ лишь естественнымъ послѣдствіемъ всей цѣпи предшествовавшихъ событій.

II.

Рѣшившись на роспускъ Думы, правительство ожидало со стороны населенія отпора въ самой острой формѣ и заранѣе приняло такія мѣры, которыя, по его мнѣнію, должны были предупредить или, по крайней мѣрѣ, ослабить этотъ отпоръ. Передъ самымъ роспускомъ Думы въ Петербургѣ были закрыты всѣ соціалистическія газеты и запечатаны типографіи, въ которыхъ

онѣ печатались. Одновременно были произведены въ широкихъ размѣрахъ аресты подозрительныхъ въ глазахъ администраціи лицъ и въ городъ была стянута масса войскъ. Вслѣдъ за изданіемъ указа о роспускѣ Думы усиленная охрана была замѣнена въ Петербургѣ чрезвычайной и эта замѣна сопровождалась не только воспрещеніемъ всякаго рода политическихъ собраній, но и пріостановкою дѣйствій почти всѣхъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Мѣры такого же характера были приняты, по указанію изъ Петербурга, и въ провинціи. 11 іюля г. Столыпинъ, смѣнившій г. Горемыкина на посту президента совѣта министровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившій свою прежнюю должность министра внутреннихъ дѣлъ, разослалъ всѣмъ представителямъ высшей администраціи на мѣстахъ телеграмму, въ которой эти лица предупреждались, что отъ нихъ «требуется самое рѣшительное, безъ всякихъ колебаній, руководительство подчиненными имъ органами въ дѣлѣ быстраго, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка». «Открытые безпорядки — говорилось въ этой телеграммѣ—должны встрѣчать неослабный отпоръ» и «революціонные замыслы должны пресѣкаться всѣми законными средствами». Въ другой телеграммѣ того же лица, разосланной мѣстнымъ администраторамъ еще ранѣе, именно 7 іюля *), но въ свое время не опубликованной «ради устраненія паники», указывался и рядъ такихъ «законныхъ средствъ» для предупрежденія ожидавшихся правительствомъ «общихъ безпорядковъ». Мѣстнымъ властямъ рекомендовалось принять всѣ мѣры къ охранѣ правительственныхъ и желѣзнодорожныхъ сооруженій, телеграфовъ, банковъ, тюремъ, складовъ оружія и взрывчатыхъ веществъ. На ряду съ этимъ властямъ предлагалось немедленно распорядиться обысками и арестами руководителей революціонныхъ и желѣзнодорожныхъ, а также боевыхъ организацій, агитаторовъ среди войскъ и хранителей оружія и бомбъ, съ передачей дѣлъ формальнымъ дознаніямъ, а если невозможно, то съ скорѣйшимъ примѣненіемъ административной высылки или представленіемъ о семъ особому совѣщанію. Помимо того мѣстной администраціи предписывалось принять дѣйствительныя и твердыя мѣры къ обузданію печати съ закрытіемъ, въ случаяхъ надобности, типографій. Снабженныя такими инструкціями, мѣстныя власти принялись усиленно охранять порядокъ. Въ короткое время почти всѣ органы прогрессивной печати въ провинціи были либо закрыты, либо пріостановлены, а къ населенію провинціальныхъ тюремъ, и безъ того уже наби-

---

*) Въ тотъ самый день, въ который г. Столыпинъ заявилъ Государственной Думѣ о своемъ желаніи дать отчетъ на запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Отмѣчаю это поучительное совпаденіе датъ для будущихъ историковъ нашего времени и для лицъ, интересующихся психологіей нынѣшнихъ гг. министровъ.

тыхъ донельзя, прибавились новыя сотни и тысячи заключенныхъ. Такимъ образомъ роспускъ думы былъ ознаменованъ по всей странѣ рядомъ новыхъ насилій, разсчитанныхъ на подавленіе ожидавшагося народнаго протеста.

«Общихъ безпорядковъ» въ результатѣ роспуска Думы ожидало не только правительство. Немалая часть общества привыкла къ часто повторявшейся думскими ораторами фразѣ, что роспускъ Думы является для правительства совершенно невозможнымъ, и, когда этотъ роспускъ сталъ дѣйствительнымъ фактомъ, съ увѣренностью ждала начала «общихъ безпорядковъ». Соціалъ-демократическая партія даже обратилась къ пролетаріату съ предложеніемъ немедленно приступить къ общей всероссійской забастовкѣ, требуя возвращенія распущенной Думы.

Эти ожиданія, однако, не сбылись. Роспускъ Думы, правда, вызвалъ «безпорядки», но эти безпорядки не стали «общими». Военныя возстанія въ Свеаборгѣ, Ревелѣ, Кронштадтѣ и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ явились отдѣльными и разрозненными вспышками, которыя правительству удалось быстро подавить силою оставшихся на его сторонѣ войскъ. Забастовка, начатая было по предложенію соціалъ-демократической партіи въ Петербургѣ и Москвѣ, не имѣла успѣха въ рабочихъ массахъ даже этихъ городовъ и скоро прекратилась. Въ виду этихъ фактовъ правительство уже готово было торжествовать побѣду начатой имъ кампаніи, а въ нѣкоторой части прогрессивно настроеннаго общества уже наблюдалось нѣкоторое разочарованіе. Но жизнь не замедлила показать, что и это торжество, и это разочарованіе были равно преждевременны и неосновательны и что въ основѣ ихъ обоихъ одинаково лежалъ невѣрный разсчетъ.

Правительственные и общественные круги, ожидавшіе, что въ результатѣ роспуска Думы въ странѣ немедленно вспыхнутъ «общіе безпорядки», направленные на непосредственную борьбу съ правительствомъ, упускали изъ виду ту обстановку, въ какой происходили выборы въ Думу. Между тѣмъ вліяніе этой обстановки, опредѣлившей собою результатъ выборовъ, не могло не сказаться и въ дѣйствительности сказалось и въ моментъ роспуска Думы. Благодаря этой обстановкѣ, какъ мнѣ въ свое время уже приходилось указывать, на выборахъ остались—и не могли не остаться—не представленными, быть можетъ, наиболѣе глубокія и жизненныя теченія руской политической дѣйствительности и наиболѣе сознательные и рѣшительные элементы населенія. Бойкотируемые этими элементами, выборы въ массѣ случаевъ проходили при такомъ настроеніи избирателей, которое заставляло ихъ видѣть въ избираемыхъ депутатахъ своего рода ходоковъ, обязующихся разсказать въ Думѣ всю правду и тѣмъ самымъ добиться всего нужнаго для населенія. Два съ половиной мѣсяца думскихъ засѣданій поколебали это настроеніе, но не разсѣяли его окончательно, и рос-

пускъ Думы застигъ массы врасплохъ, въ тотъ моментъ, когда онѣ еще не успѣли усвоить себѣ иной взглядъ на своихъ избранниковъ. Не менѣе значенія имѣла и другая сторона дѣла, касавшаяся уже не избирателей, а избранныхъ. Многіе депутаты, вѣрившіе сами и увѣрявшіе другихъ, что народъ грудью станетъ на защиту своихъ избранниковъ, повидимому, совершенно забыли, что для этого прежде всего нужно, чтобы сами избранники стали въ первыхъ рядахъ народа. До сихъ поръ исторія еще не знала такого парламента, который, найдя свой роспускъ незаконнымъ, уѣхалъ бы за границу, написалъ оттуда обращеніе къ народу и затѣмъ разъѣхался по домамъ. Русская исторія дала первый примѣръ такого парламента, и дала, конечно, лишь потому, что Дума, въ сущности, не была настоящимъ парламентомъ и не сознавала себя таковымъ. Большинство избранныхъ въ нее депутатовъ сами чувствовали себя не столько суверенными представителями верховной воли народа, призванными распоряжаться его силами, сколько именно ходоками, посланными похлопотать по народнымъ дѣламъ и могущими подавать своимъ довѣрителямъ болѣе или менѣе умные, болѣе или менѣе подходящіе къ обстоятельствамъ совѣты. И, чувствуя себя такимъ образомъ, они, когда имъ было приказано разойтись и не мѣшать начальству, передъ тѣмъ, какъ исполнить это приказаніе, отошли къ сторонкѣ и написали, по мѣткому выраженію А. В. Пѣшехонова, «письмо на родину» въ видѣ выборгскаго воззванія. Такое «письмо» можетъ имѣть тѣ или иные результаты, но само по себѣ оно, очевидно, не есть дѣйствіе созданной народомъ власти и не было даже разсчитано на тѣ послѣдствія, къ какимъ могли бы привести дѣйствія подобнаго рода.

Такимъ образомъ настроеніе избирателей и избранниковъ, въ основныхъ своихъ чертахъ сложившееся уже во время выборной кампаніи, въ значительной мѣрѣ опредѣлило собою и результатъ роспуска Думы. «Общихъ безпорядковъ», организованной борьбы народныхъ массъ съ правительствомъ этотъ роспускъ не вызвалъ. Но не создалъ онъ и того спокойствія, о которомъ мечтало правительство, надѣявшееся одновременно избавиться отъ очага неудобной для него пропаганды въ лицѣ Думы и однимъ ударомъ раздавить «общіе безпорядки», которые должна была, по его мнѣнію, вызвать эта пропаганда. Взамѣнъ ожидавшейся бури и за нею мертвой тишины въ странѣ продолжается затяжной процессъ революціи, начавшійся задолго до созыва Думы, временно затихшій въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ съ ея открытіемъ и вновь оживившійся въ то время, когда еще продолжалась думская работа, но въ массы стало уже проникать сознаніе ея безплодности.

Этотъ процессъ революціи съ особенною силою сказался въ деревнѣ, среди тѣхъ слоевъ населенія, существованіе которыхъ наиболѣе тѣсно связано съ самымъ основнымъ вопросомъ соціальной жизни Россіи—аграрнымъ. Аграрное движеніе, принявшее въ

сенніе мѣсяцы 1905 года такія грозныя формы, весною текущаго года проявилось лишь въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ. Крестьяне, видимо, ждали созыва Государственной Думы и связывали съ нимъ надежды на переустройство своей жизни. Но, какъ только массамъ выяснилось, что созывъ Думы нисколько не измѣнилъ политики правительства, въ деревняхъ съ удвоенною силою вспыхнуло крестьянское движеніе, направленное, если не къ коренному рѣшенію земельнаго вопроса, то, во всякомъ случаѣ, къ серьезному измѣненію матеріальныхъ условій крестьянской жизни путемъ непосредственной борьбы съ помѣщиками. При этомъ во многихъ мѣстностяхъ движеніе приняло и новую форму, сравнительно мало распространенную предыдущей осенью,—именно форму сельско-хозяйственныхъ забастовокъ, при помощи которыхъ принимавшіе въ нихъ участіе крестьяне—по большей части, въ составѣ цѣлыхъ сельскихъ и волостныхъ обществъ—либо вынуждали помѣщиковъ повысить заработную плату за полевыя работы, либо видоизмѣняли въ свою пользу арендныя условія, либо, наконецъ, въ корень подрывали самое существованіе помѣщичьяго хозяйства. Громадное распространеніе такихъ забастовокъ, по всей видимости, къ тому же не продиктованныхъ какими-либо партіями извнѣ, а зародившихся въ самой деревнѣ, свидѣтельствовало о серьезномъ ростѣ сознательности внутри крестьянства и о попыткѣ его перейти къ болѣе культурнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе совершеннымъ способамъ борьбы за свои интересы. Наиболѣе частые еще въ недавнее время способы такой борьбы, выражавшіеся въ поджогахъ и разгромахъ усадебъ, нерѣдко говорили не столько о силѣ аграрнаго движенія въ деревнѣ, сколько о безвыходности положенія крестьянства. Поджогъ помѣщичьяго имущества могъ производиться—и нерѣдко производился въ дѣйствительности—однимъ лицомъ или небольшимъ кружкомъ лицъ. Разгромъ помѣщичьей усадьбы могъ быть—и всегда бывалъ на дѣлѣ—результатомъ лишь скоропреходящаго возбужденія крестьянской массы, длившагося всего нѣсколько дней, а то и нѣсколько часовъ. Иное дѣло—сельско-хозяйственная забастовка, которая можетъ быть проводима только массой и требуетъ отъ послѣдней не одной настойчивости и энергіи, но и способности къ болѣе или менѣе прочной организаціи. Необыкновенно быстрый ростъ этихъ забастовокъ, уже въ теченіе перваго лѣтняго мѣсяца охватившихъ значительную часть южной и центральной полосы Европейской Россіи, какъ нельзя яснѣе показалъ, что аграрное движеніе съ прошлаго года не только не ослабѣло, но, наоборотъ, много выиграло въ своей силѣ и сознательности. Правда, новыми насиліями властей, обрушившимися на участниковъ мирныхъ стачекъ, эта новая форма движенія во многихъ мѣстахъ была сорвана и сельско-хозяйственныя забастовки вновь уступили свое мѣсто поджогамъ и разгромамъ усадебъ. Но путемъ насилій власти успѣли лишь дезорганизовать движеніе, а не подавить его.

Съ роспускомъ Думы броженіе въ деревнѣ, сознавшей, что для нея окончательно утрачена надежда на мирное разрѣшеніе наболѣвшихъ вопросовъ ея жизни, еще болѣе обострилось, продолжая развиваться все въ томъ же направленіи непосредственной борьбы на мѣстахъ. Въ рядѣ волостей крестьяне смѣняютъ своихъ прежнихъ выборныхъ властей, замѣщаютъ ихъ другими лицами и защищаютъ своихъ избранниковъ не только отъ полиціи, но даже отъ войскъ, во всѣхъ концахъ Россіи пылаютъ помѣщичьи усадьбы, изъ ряда уѣздовъ исчезло все помѣщичье населеніе, бѣжавшее въ города, цѣлыя губерніи не платятъ податей и мѣстныя власти безсильны взыскать ихъ безъ помощи войскъ.

На войска и вообще на прямую физическую силу, повидимому, возлагаетъ всѣ свои надежды и центральное правительство, вновь ставшее послѣ роспуска Думы лицомъ къ лицу съ народомъ. Правда, новый глава нашего кабинета министровъ, г. Столыпинъ, не любитъ громко говорить объ этомъ и предпочитаетъ замѣнять слово «насиліе» словомъ «законъ» или даже «конституція». Особенно охотно прибѣгаетъ онъ къ такому словоупотребленію, обращаясь лицомъ къ Западу. Немедленно послѣ роспуска Думы г. Столыпинъ послалъ въ Парижъ газетѣ «Matin» телеграмму, въ которой завѣрялъ, что правительство «преисполнено твердой и непоколебимой рѣшимости сохранить режимъ національнаго представительства, дарованный Россіи манифестомъ 17 октября 1905 г.», и что именно «въ силу этого-то основанія состоялось распущеніе Думы, отвлеченныя разсужденія и попытки посягательства которой серьезно грозили новому режиму». Одновременно съ этимъ корреспонденту Рейтера г. Столыпинъ выражалъ надежду на то, что задуманное имъ «твердое веденіе государственныхъ дѣлъ въ духѣ истиннаго либерализма будетъ сочувственно встрѣчено благомыслящими элементами общества», и что «такая политика послужитъ основаніемъ къ умиротворенію, которое дастъ возможность создать парламентаризмъ съ полной надеждой на его постоянство». Правительство— продолжалъ въ этомъ любопытномъ разговорѣ г. Столыпинъ — усвоило себѣ «политику строгаго проведенія реформъ». «Ничто такъ не далеко отъ намѣреній государя, какъ реакція, но революція должна быть подавлена и только тогда можетъ быть установлена окончательная и твердая основа будущаго режима». Закрытіе газетъ, массовые аресты и высылки и «другія административныя мѣры, неизбѣжныя въ настоящій моментъ, несомнѣнно будутъ встрѣчены протестомъ, но во время революціоннаго террора трудно дѣйствовать обыкновенными судами». Вообще же «въ нашей программѣ совершенно отсутствуетъ реакція и всѣ либеральныя реформы будутъ проведены, когда для этого будетъ подготовлена почва».

Въ Россіи, какъ мы видѣли, разсылались телеграммы нѣсколько иного содержанія. Впрочемъ, это обстоятельство нисколько не мѣ-

мало г. Столыпину и передъ русской публикой держать рѣчи о безусловномъ либерализмѣ его политики «строгаго проведенія реформъ» при помощи арестовъ, высылокъ и «другихъ административныхъ мѣръ». Желая ярче проявить свой либерализмъ, г. Столыпинъ сталъ даже искать себѣ товарищей въ министры среди бывшихъ членовъ Государственной Думы, и такіе поиски едва не увѣнчались успѣхомъ. Гг. Гейденъ, Львовъ и Стаховичъ польстились было на это амплуа, но во время спохватились, что г. Столыпинъ нуждается лишь въ ихъ именахъ, а никакъ не въ ихъ совѣтахъ, и предпочли основать «партію мирнаго обновленія», надѣясь такимъ путемъ лучше устроить свою политическую карьеру. Однако и эта неудача не остановила дальнѣйшихъ завѣреній г. Столыпина, что въ сущности представляемое имъ правительство какъ нельзя болѣе либерально и что оно сперва только «умиротворитъ» страну, а затѣмъ уже проведетъ и всѣ нужныя реформы.

Сперва умиротвореніе, потомъ реформы... Мы уже слышали эти слова задолго до г. Столыпина и мы видѣли, что въ его устахъ они не измѣнили своего значенія. Изъ 87-хъ губерній и областей Россіи въ 82-хъ въ настоящее время дѣйствуетъ или военное положеніе, или почти равносильное съ нимъ положеніе чрезвычайной охраны, или, наконецъ, положеніе усиленной охраны и только 5 губерній живутъ еще подъ сѣнью обыкновенныхъ россійскихъ законовъ, какъ извѣстно, тоже далеко не надѣляющихъ обывателя излишествомъ правъ. Имущество, здоровье, честь, самая жизнь гражданъ во всей странѣ отданы въ полное и безконтрольное распоряженіе отдѣльныхъ чиновъ администраціи, широко и беззастѣнчиво пользующихся своими правами. Въ городахъ свирѣпствуетъ безграничный произволъ полиціи, по селамъ и деревнямъ разгуливаютъ карательные отряды. Всякаго рода проявленія политической жизни объявлены подъ запретомъ, и свободная арена дѣятельности открыта властями только для однихъ черносотенныхъ организацій. По всей странѣ закрываются прогрессивныя газеты, конфискуются книги и брошюры, нагайками, шашками и пулями разгоняются собранія и митинги. Каждый день льется кровь «умиротворяемыхъ» гражданъ и каждый день населеніе мѣстъ заключенія и ссылки увеличивается новыми десятками и сотнями обитателей. Въ частности въ странѣ происходитъ своего рода охота на бывшихъ членовъ Государственной Думы. Многіе изъ нихъ уже сидятъ въ тюрьмахъ и чуть не каждый новый номеръ газеты приноситъ извѣстіе объ арестѣ еще двухъ-трехъ бывшихъ депутатовъ. А тамъ, гдѣ населеніе пытается защищать своихъ бывшихъ избранниковъ, которыхъ еще такъ недавно правительство именовало «лучшими людьми» Россіи, тамъ опять-таки вызываются войска, гремятъ выстрѣлы, льется кровь. Такъ производится «умиротвореніе», а для того, чтобы оно не вызывало черезчуръ

громкаго и чересчуръ единодушнаго протеста, странѣ объясняютъ, что оно имѣетъ въ виду подготовить почву для насажденія «либерализма» и показываютъ въ вѣчной дали будущаго миражъ «реформъ».

Сперва умиротвореніе, потомъ реформы... Мы видѣли, что это значитъ. Видѣло это и правительство. Правда, возстанія въ Свеаборгѣ, Ревелѣ и Кронштадтѣ успѣшно подавлены. Но вѣдь въ одномъ Свеаборгѣ 800 чел. матросовъ осуждены на каторгу, тюрьмы и дисциплинарные батальоны, а въ Кронштадтѣ, по газетнымъ извѣстіямъ, предано военному суду также 600 матросовъ и, если подобные успѣхи будутъ продолжаться, то скоро, пожалуй, у насъ наступитъ такое положеніе, при которомъ одна армія, стоящая подъ ружьемъ, будетъ стеречь другую, сидящую въ дисциплинарныхъ батальонахъ. На лицо и другіе плоды «умиротворенія». Грубое насиліе, совершаемое надъ народною жизнью, неизбѣжно вызываетъ суровый отпоръ, принимающій тѣмъ болѣе рѣзкія формы, чѣмъ тяжелѣе самое насиліе, и предотвратить проявленія такого отпора оказывается невозможнымъ. Военное положеніе въ Варшавѣ не предупредило убійства помощника военнаго генералъ-губернатора Маркграфскаго, покушенія на жизнь генералъ-губернатора края Скалона и убійства варшавскаго военнаго генералъ губернатора Вонлярлярскаго. Чрезвычайная охрана въ Петербургѣ не помѣшала совершиться покушенію на жизнь г. Столыпина. Масса полиціи и войскъ въ Петергофѣ не спасла прославившагося своими подвигами въ дѣлѣ «умиротворенія» командира Семеновскаго полка, г.-м. Мина, отъ револьверной пули неизвѣстной дѣвушки.

Но всѣ эти событія, повидимому, не измѣнили позиціи правительства.

„Правительство понимаетъ,—писала оффиціозная „Россія“ послѣ покушенія на г. Столыпина—что страна страдаетъ отъ нарушенія законовъ и отсутствія закономѣрнаго порядка. Закономѣрный порядокъ создается не слабостью власти и не диктатурою, нарушающею и отмѣняющею обычное теченіе жизни, онъ создается неуклоннымъ соблюденіемъ закона, равно обязательнаго для носителей власти, какъ и для гражданъ. Для подавленія преступныхъ покушеній и дѣйствій у правительства достаточно власти, но подавленіе это совсѣмъ не составляетъ его исключительную цѣль и основную задачу его дѣятельности. Оно будетъ по прежнему отличать закономѣрную оппозицію отъ тѣхъ враговъ государственнаго строя, которые проповѣдуютъ его уничтоженіе словомъ, дѣйствіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ. Оно предоставитъ закономѣрной оппозиціи средства мирной борьбы путемъ печати и собраній, но съ тѣмъ большей строгостью оно будетъ преслѣдовать нарушителей закона и порядка, какими бы идеями нарушители эти ни оправдывали свою дѣятельность“.

Это заявленіе оффиціозной газеты почему-то произвело отрадное впечатлѣніе на конституціонно-демократическую «Рѣчь». Изъ словъ «Россіи» она заключила, что «форсированіе репрессій не

предполагается», и, съ своей стороны, поспѣшила замѣтить, что «это, конечно, очень хорошо и соотвѣтствуетъ достоинству власти». А въ одной изъ своихъ передовыхъ статей редакція «Рѣчи» пояснила: «Съ того времени, когда русскія крайнія партіи стали практиковать систему политическаго террора, каждый фактъ этого рода неизмѣнно сопровождался ограниченіями для русской общественности и для зачатковъ политической свободы». И конституціонно-демократическая газета не замедлила еще обстоятельнѣе развить ту точку зрѣнія, которая продиктовала ей эти слова.

„Вчерашняя оффиціозная передовая статья „Россіи"—писала „Рѣчь" 16 августа,—свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ успѣхахъ въ искусствѣ самообладанія, искусствѣ, которое до сихъ поръ весьма слабо культивировалось въ нашей правящей, правительствующей средѣ. Правительство заявляетъ, что терроръ анархистовъ не увлечетъ его, какъ это бывало до сихъ поръ, на тотъ же путь слѣпой ярости, не вызоветъ отвѣтнаго террора съ его стороны; что оно оставитъ неприкосновенной ту долю свободы, какая при нынѣшнихъ условіяхъ предоставлена обществу для проявленія закономѣрной оппозиціи; что оно будетъ продолжать свои работы по подготовкѣ законопроектовъ для будущей Государственной Думы; что въ борьбѣ съ революціонной анархіей оно обопрется на законъ, а не на диктатуру; что правительственная программа и правительственная тактика не претерпятъ никакихъ измѣненій, никакихъ отступленій, ни вправо, ни влѣво.

„Повторяемъ,—это свидѣтельствуетъ о томъ, что, имѣя печальную привилегію богатѣйшей въ мірѣ исторіи террористическихъ актовъ, мы кое-чему изъ нея научились. Съ точки зрѣнія этой исторіи, однообразно повѣствующей о томъ, какъ неизмѣнно искры революціоннаго террора зажигали пожаръ правительственнаго устрашенія, новый образъ дѣйствій, —или допустимъ даже, что образъ выраженія,—усвоенный правительствомъ, есть явленіе новое и не лишенное значительности".

Прошелъ еще день,—и «Рѣчи» пришлось съ горестнымъ удивленіемъ констатировать то обстоятельство, что оффиціозъ, заявленія котораго она одобрила, въ свою очередь обрадовался ея статьямъ. Редакція конституціонно-демократической газеты впала по этому поводу въ тягостное недоумѣніе, чему собственно обрадовалась въ ея статьяхъ «Россія». А между тѣмъ для такого недоумѣнія едва-ли было мѣсто. Въ статьяхъ «Рѣчи» какъ нельзя яснѣе прозвучали старыя, давно надоѣвшія и насквозь фальшивыя причитанія русскихъ либераловъ на ту тему, будто бы дѣйствія революціонеровъ вызываютъ реакцію. Въ прошломъ эти причитанія немало содѣйствовали раздѣленію общественныхъ силъ и неудивительно, что оффиціозная газета обрадовалась возобновленію такихъ причитаній въ настоящемъ. Передавъ утвержденія «Рѣчи» въ своемъ собственномъ, болѣе грубомъ изложеніи, «Россія» торжествуетъ: конституціонно-демократическая газета «рѣшилась», наконецъ, признать, что «реакція—слѣдствіе революціоннаго террора». И это торжество, повторяю, неудивительно. Скорѣе можно удивляться подавшимъ къ нему поводъ утвержденіямъ публицистовъ «Рѣчи», у-

ве́рждені́ямъ, которыя, не только въ изложеніи «Россіи», но и въ подлинномъ своемъ видѣ являются далеко не двусмысленными.

Можно, конечно, негодовать и возмущаться по поводу жестокости отдѣльныхъ террористическихъ актовъ, въ родѣ покушенія на г. Столыпина, покушенія, при которомъ пострадало много постороннихъ людей. Нельзя только забывать, что подобная жестокость является рѣдкимъ исключеніемъ и въ общемъ не встрѣчаетъ себѣ сочувствія и въ практикующей терроръ революціонной средѣ. Въ частности покушеніе на г. Столыпина, совершенное, какъ можно было догадываться уже изъ самой его обстановки, не партіей соціалистовъ-революціонеровъ, вызвало рѣшительное осужденіе со стороны комитета этой партіи, заявившаго, что онъ не можетъ считать допустимымъ такой способъ, которымъ было устроено это покушеніе и при которомъ неизбѣжно было большое количество постороннихъ жертвъ. Утверждать же, какъ это дѣлаетъ «Рѣчь», что именно террористическіе акты революціонеровъ вызываютъ правительственную реакцію и что наша исторія «однообразно повѣствуетъ о томъ, какъ неизмѣнно искры революціоннаго террора зажигали пожаръ правительственнаго устрашенія», значитъ—безнадежно извращать дѣйствительную перспективу событій и беззастѣнчиво переставлять причину на мѣсто слѣдствія. На дѣлѣ именно насилія, обрушившіяся на мирное идейное движеніе, насилія, загородившія дорогу свободному развитію народной жизни, вызвали на арену русской жизни политическій терроръ, — и публицисты «Рѣчи», конечно, могли бы знать это, если бы справились не съ оффиціальной, а съ подлинной исторіей Россіи. Справившись же съ всемірной исторіей, они могли бы узнать и другое, — что это явленіе не одной только русской жизни. Тамъ, гдѣ народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ или въ отдѣльной части стремившійся къ новымъ условіямъ жизни, оказывался лишеннымъ всякихъ способовъ мирной политической борьбы, тамъ роковымъ образомъ возникалъ терроръ, и Россія въ этомъ случаѣ представляетъ далеко не единственный, а лишь наиболѣе долго длящійся примѣръ. Съ своей стороны, русскія революціонныя партіи, прибѣгавшія и прибѣгающія къ политическому террору, не разъ и не два заявляли, что онѣ немедленно откажутся отъ этого способа борьбы, какъ только въ Россіи будутъ созданы элементарныя условія гражданской свободы—неприкосновенность личности, свобода устнаго и печатнаго слова и народное представительство. Если бы редакція «Рѣчи» вспомнила этотъ фактъ,—а не знать его она не можетъ,—ей, можетъ быть, стало бы хоть немного совѣстно за ея величавыя разсужденія о «своеобразномъ состязаніи», происходящемъ между правительствомъ и революціонерами, «состязаніи», въ которомъ революціонеры «додумались до терроризма». Не менѣе рискованно и утвержденіе «Рѣчи», будто «каждый фактъ политическаго террора неизмѣнно сопровождался ограниченіями для русской обще-

ственности и для зачатковъ политической свободы». Наше недавнее прошлое знаетъ факты, рѣшительно опровергающіе такое утвержденіе, — и едва-ли редакція конституціонно-демократической газеты успѣла такъ основательно забыть это прошлое.

Говоря о настоящемъ, сама «Рѣчь» ставитъ вопросъ, достаточенъ ли со стороны правительства «новый образъ дѣйствій» («допустимъ,— оговаривается газета,—новый образъ выраженія») въ видѣ соблюденія законовъ, и отвѣчаетъ на него рѣшительнымъ отрицаніемъ, указывая, что мало имѣть и соблюдать законы, нужно еще, чтобы эти законы являлись правильнымъ отраженіемъ народнаго правосознанія. Надѣюсь, однако, для «Рѣчи» не составляетъ секрета то обстоятельство, что на дѣлѣ и существующіе законы у насъ не соблюдаются. Конституціонно-демократическая газета врядъ-ли успѣла забыть думскіе дебаты, во время которыхъ выяснилась масса случаевъ самаго возмутительнаго нарушенія даже тѣхъ донельзя жалкихъ гарантій, какими обставлено существованіе обывателя по дѣйствующимъ русскимъ законамъ. Или, быть можетъ, это происходило только при г. Дурново и при г. Горемыкинѣ, а при г. Столыпинѣ происходитъ иное? Для иллюстраціи я возьму лишь одинъ случай изъ разсказанныхъ за послѣдніе дни въ газетахъ. «Въ послѣднемъ приказѣ командующаго московскимъ военнымъ округомъ говорится о представленныхъ къ наградѣ нѣсколькихъ нижнихъ чинахъ за вѣрную службу и преданность долгу... Пятью рублями награжденъ рядовой Кромскаго полка Куль, убившій наповалъ изъ ружья ссыльнаго, который незамѣтно приблизился къ тюремному надзирателю и нанесъ ему палкой два удара» («Рѣчь», 19 августа). Какой законъ разрѣшаетъ солдату убивать заключеннаго, ударившаго тюремнаго надзирателя? Такого закона нѣтъ. И тѣмъ не менѣе солдатъ убилъ, а начальство его наградило, правда, только 5 рублями,—много ли стоитъ жизнь ссыльнаго?—но все-таки наградило, очевидно, въ примѣръ и поощреніе другимъ. Такихъ случаевъ можно привести сколько угодно. Зачѣмъ же, имѣя ихъ передъ глазами, лишь «допускать» то, что ясно, какъ день,—что передъ нами лишь «способъ выраженія», стремящійся прикрыть, но плохо прикрывающій «способъ дѣйствій»?

Въ сущности, трудно понять и то, что нашла «Рѣчь» особенно «значительнаго» въ способѣ выраженія министерскаго оффиціоза. Правительство не намѣрено установить диктатуру. Пусть такъ. Но вѣдь диктатура это—слово, имѣющее значеніе только для самого правительства. Для общества же и для народа диктатура— пустой звукъ, такъ какъ все населеніе Россіи въ настоящее время и такъ живетъ подъ властью безчисленныхъ диктаторовъ, освобожденныхъ отъ всякой тѣни законной отвѣтственности за свои дѣйствія. Правительство обѣщаетъ допустить «закономѣрную оппозицію». Но вѣдь на ряду съ этимъ намъ обѣщаютъ безпощадное преслѣдованіе «тѣхъ враговъ государственнаго строя, которые проповѣдуютъ

его уничтоженіе словомъ». А кто же помѣшаетъ г. Столыпину при случаѣ занести въ число «враговъ государственнаго строя, пропо-вѣдующихъ его уничтоженіе словомъ», хотя бы гр. Гейдена, кото-раго онъ нѣсколько недѣль тому назадъ приглашалъ въ министры и который готовъ былъ вмѣстѣ съ нимъ «умиротворять» Россію? Такимъ образомъ все остается на своемъ мѣстѣ и даже «новый способъ выраженія» оказывается не такъ ужъ новымъ и, во вся-комъ случаѣ, удивительно похожимъ на старый.

Въ концѣ концовъ, изъ правительственныхъ заявленій, какъ и изъ правительственныхъ дѣйствій, выясняется одно,—что прави-тельство намѣрено до послѣдней возможности проводить свою по-литику «умиротворенія» и отстаивать свою позицію непримиримаго отношенія къ народнымъ требованіямъ. И сообразно этому передъ нами болѣе властно, чѣмъ когда-либо, встаетъ необходимость воз-можно болѣе стройной организаціи всѣхъ силъ, борющихся за осу-ществленіе этихъ требованій, за переустройство политической и соціальной жизни страны, согласно съ велѣніями народной воли.

Въ первые дни послѣ роспуска Думы частью конституціонно-демократической и соціалъ-демократической партій было выставлено, въ качествѣ лозунга для объединенія всѣхъ прогрессивныхъ силъ, требованіе возстановленія прежней Думы. Но этотъ лозунгъ, черезъ-чуръ ужъ неудачный и противорѣчивый воззрѣніямъ даже тѣхъ группъ, отъ имени которыхъ онъ выставлялся, скоро былъ снятъ. Теперь въ немалой части уцѣлѣвшихъ органовъ прессы дѣятельно обсуждается вопросъ о выборахъ въ новую Думу. Газеты уже со-общаютъ различныя, иногда совершенно фантастическія, свѣдѣнія объ отношеніи различныхъ партій къ такимъ выборамъ. Выборы въ новую Думу, участіе въ нихъ, ихъ подготовка — такова, если судить по многимъ партійнымъ и безпартійнымъ газетамъ, главная забота текущаго дня.

Выборы въ новую Думу... Возможно, конечно, что въ будущемъ состоятся именно такіе выборы. Возможно, конечно, и то, что ра-но или поздно придется рѣшать вопросъ объ участіи или не-уча-стіи въ нихъ. Но сейчасъ во всякомъ случаѣ эти выборы въ но-вую Думу рисуются въ такой туманной дали, что не только раз-говаривать, но и думать о нихъ не представляется ни охоты, ни надобности.

Сейчасъ предстоитъ не «дѣлать выборы», а бороться за самое существованіе народнаго представительства, и въ эту борьбу должны быть вовлечены всѣ живыя силы страны. Не надо забывать, что народныя массы за истекшіе мѣсяцы пережили громадный по своему значенію политическій урокъ, что для нихъ ближе и понят-нѣе стала идея народнаго представительства, что онѣ научились различать полномочія ходоковъ отъ власти народныхъ избранниковъ и до нѣкоторой степени научились также различать очередной по-рядокъ задачъ политическаго и соціальнаго строительства. Жизнь

облегчила организацію массъ для борьбы за правильное народное представительство, обладающее не фиктивными правами, а полнотою власти, и этимъ нужно немедленно воспользоваться.

Въ такой организаціи народныхъ массъ есть и другая сторона, не менѣе важная для настоящаго момента. Переживаемый нами процессъ затяжной революціи таитъ въ себѣ опасности не только для нынѣшней власти, но и для будущаго строя народной жизни. Я говорю даже не о хозяйственной, культурной и правовой анархіи, широкой волной разливающейся по всей странѣ. Въ самомъ процессѣ освободительной борьбы наблюдаются такія явленія, которыя вредны въ настоящемъ и заключаютъ въ себѣ серьезную угрозу для будущаго. Въ громадной странѣ великая борьба народа за хлѣбъ и волю по необходимости ведется отдѣльными отрядами, неизбѣжно превращается въ рядъ частныхъ схватокъ, происходящихъ въ различныхъ мѣстахъ. Но когда отдѣльные отряды освободительной арміи вступаютъ въ бой разрозненными кучками, не подчиняя своихъ дѣйствій одному общему плану, ихъ дѣйствія не достигаютъ поставленной цѣли и влекутъ за собою чрезмѣрную утрату народныхъ силъ. Когда частныя схватки остаются несогласованными одна съ другой, когда въ этихъ схваткахъ удовлетвореніе неотложныхъ интересовъ текущаго дня смѣшивается съ задачами переустройства соціальныхъ отношеній и отдѣльныя группы населенія пытаются окончательно рѣшить такіе вопросы, которые могутъ и должны быть разрѣшаемы только волею всего народа. тогда возникаетъ серьезная опасность для правильнаго развитія народной жизни въ будущемъ. Устранить чрезмѣрныя жертвы въ настоящемъ и избѣжать созданія камней преткновенія для будущаго возможно только путемъ веденія борьбы по стройному и обдуманному плану, строго учитывающему всѣ наличныя силы, подчиняющему всѣ частныя дѣйствія одной общей цѣли и равно предусматривающему насущныя нужды минуты и великія потребности грядущаго. Но, еслибы даже такой планъ возможно было выработать единичными силами, осуществить его во всякомъ случаѣ могутъ только народныя массы, собравшіяся для отстаиванія своихъ интересовъ, массы, готовыя отстаивать право народа самому опредѣлять свою судьбу.

Лозунгомъ для организаціи народныхъ силъ и должно быть требованіе для народа такого права, иначе говоря,—требованіе учредительнаго собранія. Можно, конечно, не предрѣшать деталей того пути, какимъ это требованіе должно пройти въ жизнь, но само требованіе должно быть поставлено ясно и опредѣленно, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе, что послѣ роспуска Думы мы во всякомъ случаѣ ближе къ осуществленію этого требованія, чѣмъ были въ моментъ ея созыва. Одинъ этапъ дороги уже пройденъ, одно препятствіе, лежавшее на ней,—вѣра массъ въ безправное представи-

тельство—стараніями правительства уже устранено. Теперь надо собрать силы, способныя расчистить еще уцѣлѣвшія препятствія, пройти остальную часть дороги и не споткнуться на ней.

В. Мякотинъ.

На очередныя темы.

Наша платформа (ея очертанія и размѣры).

I. Земля и воля—всему народу.—II. Можно ли взять всю волю?—III. Можно ли взять всю землю?

I.

«Возстановить права человѣческой личности и обезпечить интересы трудового народа—такова, сказалъ я, задача русской революціи» *). По существу это, конечно, одна задача, но въ ней два искомыхъ числа,—и всеобщая исторія до сихъ поръ рѣшала ее, какъ задачу съ двумя уравненіями. Для насъ же она слила ее въ одну формулу. Отъ этого самая задача стала, конечно, сложнѣе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она сдѣлалась и труднѣе. Когда англійскій народъ боролся за свободу, то во главѣ его были лорды; противостоялъ же ему только «дворъ»- король съ придворной камарильей. Во Франціи борьбу пришлось вести одновременно съ королемъ и дворянствомъ, но буржуазія была тамъ въ авангардѣ революціонной арміи. Русскому народу приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ комплотомъ: абсолютизмъ, феодализмъ и капитализмъ—такова преградившая его дорогу коалиція. Это, конечно, только схема и, какъ таковая, она лишь въ самыхъ грубыхъ чертахъ воспроизводитъ сложную историческую картину. Но она достаточно наглядно, думается мнѣ, отмѣчаетъ разницу въ группировкѣ общественныхъ силъ въ различныя историческія эпохи: чѣмъ дальше, тѣмъ число противниковъ, съ которыми народу одновременно приходилось имѣть дѣло, оказывалось больше, и революція становилась, конечно, труднѣе.

Многіе, особенно въ началѣ, склонны были упрощать русскую революцію, представляя ее себѣ въ родѣ французской и даже англійской. Напомню хотя бы время земскаго съѣзда въ ноябрѣ 1904 года. Многимъ казалось тогда, что именно земство—*дворянское* земство,

*) См. „Историческія предпосылки къ нашей платформѣ“. „Русское Богатство“, іюнь.

многозначительно подчеркивали при этомъ нѣкоторые — встанетъ во главѣ освободительнаго движенія. И долго еще послѣ того не прекращались попытки пристроить «общеземскую» партію,—на томъ самомъ мѣстѣ, которое заняла потомъ партія «народной свободы». Напомню, далѣе, что въ качествѣ земской именно депутаціи лидеры послѣдней совершили свое «хожденіе» по святымъ мѣстамъ, прежде чѣмъ предпринять другое, не менѣе знаменитое «хожденіе»—уже не въ религіозномъ, а въ юридическомъ смыслѣ. Нужно ли говорить, гдѣ оказалось въ концѣ концовъ это многообѣщавшее «дворянское» земство? Оно почти цѣликомъ уже перешло на сторону контръ-революціи...

Еще шире была распространена презумпція относительно заглавной роли, какую должна сыграть въ русской революціи буржуазія. Чтобы «помочь» ей, соціалъ-демократы приспособили даже свою программу, и лишь потомъ они осложнили послѣднюю такими «тактическими резолюціями», при осуществленіи которыхъ буржуазія можетъ расчитывать съ ихъ стороны развѣ только на медвѣжью» услугу. Одно время могло, пожалуй, казаться, что русское торгово-промышленное сословіе, если и не оправдаетъ въ полной мѣрѣ возлагавшихся на него надеждъ, то, по крайней мѣрѣ, войдетъ въ составъ освободительной арміи. Напомню эпоху «записокъ» и «резолюцій», которую мы пережили послѣ 9 января 1905 года. Какой эффектъ произвела тогда хотя бы записка неожиданно выпырнувшей изъ торгово-промышленнаго мрака конторы желѣзозаводчиковъ! А биржевые комитеты съ ихъ записками! Создалась иллюзія, что «всѣ классы, какъ бы различны ни были интересы каждаго въ отдѣльности, объединились на одномъ требованіи—свободнаго самоопредѣленія». Предостерегая отъ увлеченія этой иллюзіей, я доказывалъ тогда, что «щука»—а эту именно роль я отводилъ торгово-промышленной буржуазіи въ освободительномъ движеніи—просто-на-просто «хотя половину воза желаетъ утянуть въ воду» и что даже «по отношенію къ свободѣ самоопредѣленія она все время виляетъ» *). Теперь такія предостереженія едва ли нужны. Достаточно уже очевидно, куда въ концѣ концовъ «вильнула» щука. Во всякомъ случаѣ, если и можно было говорить о «всѣхъ классахъ», «объединившихся на одномъ требованіи свободы самоопредѣленія», то развѣ только до великой октябрьской забастовки—до первой рѣшительной схватки съ самодержавіемъ. Нужно ли въ самомъ дѣлѣ напоминать, какъ хотя бы торгово-промышленная Москва держала себя въ ноябрьскіе и декабрьскіе дни? Не вмѣстѣ ли потомъ съ правительствомъ торжествовала она побѣду и не ея ли ставленникъ—г. Гучковъ, ратовавшій противъ октябрьской забастовки и выбранный немедленно за тѣмъ въ городскія головы,—пилъ за здоровье Дубасова? При выборахъ въ

*) См. „Лебедь, щука и волъ“ въ кн. „Наканунѣ“.

Государственную Думу торгово-промышленный союзъ, поставившій своей задачей объединить подъ профессіональнымъ флагомъ различные «классы», вошелъ въ блокъ правыхъ партій. Желаніе заправилъ «утянуть возъ въ воду» обнаружилось при этомъ съ такою очевидностью, что члены союза, навербованные «хозяевами» изъ «служащихъ», поспѣшили измѣнить ему и, пользуясь тайной выборовъ, въ массѣ своей голосовали за к.-д. партію. Только такимъ путемъ—путемъ измѣны—они и могли уклониться отъ участія въ предпринятой крупной буржуазіей попыткѣ потопить «народную свободу». Только такимъ путемъ подать свой голосъ за нее они и «сподобились» *).

Противостоящія трудовому народу въ великой борьбѣ силы, конечно, еще не слились въ одну компактную массу. Онѣ раскинуты на довольно широкомъ пространствѣ и занимаютъ еще отдѣльныя другъ отъ друга позиціи **). Этимъ, конечно, и объясняется

*) См. въ этой же книгѣ замѣтку А. Б. Петрищева: „Каламбуристы".

**) Для характеристики этихъ позицій можетъ служить, какъ мнѣ кажется, слѣдующая схема русскихъ политическихъ партій. Среди послѣднихъ, поскольку таковыя сложились, можно подмѣтить четыре основныхъ группы. Жандармскій ротмистръ Будогосскій, „дворянинъ Божіею милостію" Павловъ, смиренный іеромонахъ Иліодоръ и нижегородскій купецъ Бугровъ,—таковъ слой, изъ котораго черпаютъ свой составъ „истинно-русскія" партіи. Сверху его покрываютъ „сливки русскаго общества", среди которыхъ видный элементъ, какъ мнѣ пришлось уже отмѣтить, составляютъ потомки средневѣковыхъ крестоносцевъ; внизу онъ непосредственно сливается съ общественными подонками, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и вербуются современные хоругвеносцы. Эти партіи ведутъ „активную борьбу съ революціей", стремясь отстоять существующій строй во всей его неприкосновенности. Далѣе идутъ среднія партіи, которымъ приходится въ одно и то же время и нападать, и защищаться. Разграничивающія ихъ между собою линіи не совсѣмъ ясны, но несомнѣнно, что такихъ партій имѣется двѣ группы. Одну составляютъ правопорядцы, октябристы, мирно-обновленцы... Эта группа не прочь была бы сдѣлать брешь въ бюрократическомъ „средостѣніи", но сословныя привилегіи и классовыя преимущества она желала бы пронести черезъ революцію въ возможной цѣлости. Для нея нужна въ сущности англійская революція, но и въ ней она, вѣроятно, предпочла бы остановиться на хартіи вольностей (Magna charta libertatum), не доводя дѣло до тѣхъ послѣдствій, которыя дальнѣйшее развитіе жизни вызело отъ началъ этой хартіи (до права возстанія включительно). Недаромъ эти партіи такъ судорожно ухватились за октябрьскую хартію, не желая сдѣлать дальше ни шагу. Въ силу особенностей русской исторіи, о которыхъ мнѣ пришлось говорить въ предыдущей статьѣ, она вынуждена къ „самобытной формѣ" относиться съ особою осторожностью, и, какъ мы знаемъ, въ этой средѣ имѣется склонность ее даже идеализировать. Уже въ настоящее время этимъ партіямъ приходится больше защищать, чѣмъ отвоевывать,—отсюда и ихъ своеобразная тактика: крайняя деликатность во всѣхъ операціяхъ направо (такъ и чувствуется, что тамъ у нихъ союзники) и чрезмѣрная нервозность въ отношеніяхъ налѣво (а тутъ ихъ противники). Другая группа среднихъ партій—партія народной свободы, демократическихъ реформъ и др.—желаетъ не только нанести ударъ абсолютизму, но и ли-

прежде всего возможность отмѣченныхъ мною иллюзій. Извѣстную роль въ данномъ случаѣ сыграло, конечно, и то обстоятельство, что отдѣльныхъ представителей того или иного класса, - а таковы нерѣдко больше всего и бросаются въ глаза наблюдателямъ.— можно встрѣтить на самыхъ неподходящихъ для нихъ позиціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, *князья* вѣдь имѣются во главѣ партіи «народной свободы». Но... среди вождей нѣмецкой соціалъ-демократіи есть *фабриканты*. И нельзя, конечно, изъ перваго факта заключать о либерализмѣ русскаго дворянства, такъ же какъ нельзя изъ второго дѣлать выводъ о соціализмѣ нѣмецкой торгово-промышленной буржуазіи. Дворянская и буржуазная душа во многихъ представи-

квидировать „остатки крѣпостного права". Она въ сущности стремится полностью осуществить „права человѣка и гражданина", какъ они были провозглашены французской революціей и создать въ Россіи тотъ же самый буржуазный строй, какой укрѣпился послѣ этой революціи въ западно-европейскихъ государствахъ. Для этихъ партій, какъ нельзя больше, подходила бы соціалъ-демократическая теорія на счетъ русской революціи. Говоря это, я не смущаюсь даже „принудительнымъ отчужденіемъ", которое такъ усердно подчеркиваютъ въ своихъ программахъ эти партіи, стремясь увлечь массы. Это въ сущности тѣ же „отрѣзки", которыми соціалъ-демократы разсчитывали прикончить „кабальное" хозяйство, чтобы могло расцвѣсть „буржуазное". Во всякомъ случаѣ на основы буржуазнаго строя эти партіи посягать не думаютъ. Напомню хотя бы возмущеніе к.-д. по поводу взведенной на нихъ „клеветы", что они будто бы желаютъ уничтожить частную собственность. Нѣтъ! Собственность уничтожать они не думаютъ и изъ-за этого-то они, конечно, такъ боятся улицы, которая на счетъ собственности довольно легкомысленна. Самый лѣвый, наконецъ, флангъ занимаютъ соціалистическія партіи, — активныя силы революціи. Каковы бы ни были ихъ теоріи на счетъ революціи, силою вещей онѣ вынуждены наносить удары не только абсолютизму и феодализму, но и капитализму Сколько бы ни было сильно ихъ желаніе „помочь буржуазіи", онѣ должны противопоставлять ей трудящіяся массы.

Эта схема опять таки не воспроизводитъ, конечно, всей сложной дѣйствительности. Не только на желаніяхъ, но и на возможностяхъ политическія партіи вынуждены строить свои платформы. Не только съ жизнью, но и съ мыслью общественныя группы должны сообразовать свои желанія. Подъ тѣмъ или инымъ давленіемъ принудительное отчужденіе, напримѣръ, пробралось въ программу даже мирнообновленцевъ. Съ другой стороны, та или иная оцѣнка возможностей въ нѣкоторыхъ случаяхъ играетъ не меньшую, пожалуй, роль, чѣмъ и формулировка тѣхъ или иныхъ желаній. По крайней мѣрѣ, въ образованіи русскихъ политическихъ партій это обстоятельство имѣло до сихъ поръ выдающееся значеніе, ибо не только программы, но и тактика вліяла на распредѣленіе общественныхъ силъ между ними. За всѣмъ же тѣмъ данная мною схема, какъ я думаю, достаточно наглядно и вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ правильно изображаетъ расположеніе различныхъ общественныхъ группъ въ настоящее время. Съ развитіемъ борьбы оно, конечно, измѣнится. Группы, занимающія среднія позиціи, вѣроятно, сгрудятся въ концѣ концовъ въ правую сторону. Во всякомъ случаѣ мы должны предвидѣть неизбѣжность столкновенія между ними и крайними лѣвыми партіями. Безъ этого русская революція не кончится.

теляхъ соотвѣтствующихъ группъ несомнѣнно попорчена. Но было бы опасно, какъ я уже указывалъ въ цитированной статьѣ, строить на этомъ какіе-либо касающіеся цѣлыхъ группъ разсчеты.

Въ частности, на счетъ буржуазіи мы имѣемъ уже въ этомъ отношеніи любопытные факты. Укажу хотя бы такой. Дѣятели нѣкоторыхъ коммерческихъ банковъ, какъ утверждаютъ, состоятъ членами партіи народной свободы (душа-то, видно, попорчена). Это не помѣшало однако имъ участвовать въ реализаціи займа Витте-Дурново, воспрепятствовать которому тщетно пыталась ихъ собственная партія. Если я привожу этотъ фактъ, то не потому, что онъ самъ по себѣ важенъ. Я желаю напомнить нѣчто болѣе крупное: никто иной, какъ буржуазія, какъ бы ни относились отдѣльные его представители къ русскому правительству, поддерживаетъ послѣднее въ борьбѣ съ революціей своими рессурсами. Вновь и вновь западно-европейскіе и русскіе буржуа даютъ ему свои деньги. А это вѣдь и есть та сила, которою располагаетъ данная общественная группа. Въ перспективѣ же виднѣется за нею и другая, еще болѣе грозная. Можно сомнѣваться, чтобы ради поддержанія русскаго абсолютизма иностранныя войска двинулись на Россію. Но иностранное вмѣшательство, когда будутъ затронуты основы буржуазнаго порядка, представляется далеко не шуточной угрозой. И—кто знаетъ!—та самая буржуазія, которую доктринеры разсчитывали видѣть во главѣ русской революціи и которая до сихъ поръ занимала по отношенію къ ней двусмысленную позицію, быть можетъ, еще окажется вождемъ враждебной русскому народу коалиціи. Уже въ настоящее время во главѣ ея стоятъ не бюрократы, а бароны. Придетъ день,—и душою ея быть можетъ, сдѣлаются банкиры.

Не съ какою-либо случайностью мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло. Было бы по меньшей мѣрѣ странно, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, переходъ на сторону правительства цѣлыхъ общественныхъ группъ и вообще передвиженіе ихъ вправо объяснять тѣми или иными неловкими движеніями стоящихъ лѣвѣе ихъ партій и организацій. Въ самомъ дѣлѣ, не вооруженное же возстаніе заставило отдѣлиться октябристовъ,—они обособились уже ранѣе. Выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, я сдѣлалъ оговорку относительно вліянія тактики на распредѣленіе общественныхъ силъ между русскими партіями. Но это замѣчаніе имѣетъ силу, конечно, по отношенію только къ лицамъ, а не къ группамъ и тѣмъ болѣе не къ сословіямъ и классамъ. Отдѣльные люди, быть можетъ, и не выносятъ крови. Но развѣ дворянство и буржуазія не добывали съ оружіемъ въ рукахъ власть себѣ и свободу? На счетъ крови исторія могла бы разсказать и многое другое. Она помнитъ, вѣдь, отравленные кинжалы, кровавыя бани, сицилійскія вечерни, варѳоломеевскія ночи... Она помнитъ гильотинированіе дворянъ и разстрѣлы коммунаровъ... Болѣе, чѣмъ достаточно, могла бы разска-

зать на счетъ крови и современность. Мирное обновленіе... Зачѣмъ же его сторонники спѣшатъ пожать руки тѣхъ, кто изо-дня въ день заливаетъ Россію кровью? Или кровь, проливаемая правительствомъ, другого цвѣта, чѣмъ та, которую проливаютъ революціонеры? Или только обновленіе должно быть мирнымъ, а защита стараго строя можетъ быть кровавой? Дѣло, очевидно, не въ тактикѣ крайнихъ партій. Ни дворянство, ни буржуазія крови не боятся. Когда этого требуютъ ихъ интересы, то своими или чужими руками они проливаютъ ее безъ всякаго стѣсненія...

Свойственное русской революціи распредѣленіе общественныхъ силъ, существенно отличное отъ того, какое имѣло мѣсто при паденіи абсолютизма въ Англіи и даже во Франціи, объясняется, конечно, другими, болѣе глубокими причинами. И прежде всего, конечно, тѣмъ, что эта революція не только политическая, но и соціальная. Не о волѣ только идетъ рѣчь, не о личной только свободѣ и государственной власти. Не у Іоанна Безземельнаго русскому народу приходится отвоевывать себѣ хартію. Русскую государственную власть держатъ въ своихъ рукахъ, какъ мы видѣли, помѣщики и волю можно взять у нихъ только съ землею. Въ извѣстной мѣрѣ это положеніе напоминаетъ Францію, гдѣ революція также привела къ массовой конфискаціи дворянскихъ земель и, стало быть, къ рѣзкому измѣненію въ соціальной структурѣ.

Въ Германіи, благодаря тому, что абсолютизмъ сумѣлъ во время заключить миръ, аграріямъ удалось тамъ сохранить въ значительной части свое вліяніе. Едва ли такой исходъ былъ возможенъ въ Россіи. Правда, въ эпоху перваго земскаго съѣзда о землѣ не упоминалось ни слова. Стоило, казалось, тогда правительству пойти на уступки,—и правящій слой могъ бы удержать за собою не только значительную долю власти, но и всю землю. Но это, конечно, только казалось. Рабочіе были уже близко: всего только два мѣсяца и одинъ день отдѣляли земскій съѣздъ отъ 9-го января, когда они появились съ петиціей. Не только воля, но и земля значились въ послѣдней. Главное же, на горизонтѣ уже совершенно ясно было видно революціонное крестьянство: аграрные безпорядки начались вѣдь много раньше,—одновременно съ первымъ выстрѣломъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, сразившимъ Сипягина. Къ осени 1904 года эта партія успѣла занять довольно видную уже позицію. 15 іюля 1904 года ею была брошена первая бомба и эта именно бомба, сразившая Плеве, открыла расшевелившую земцевъ эру довѣрія. Уступить при такихъ условіяхъ хотя бы частичку воли значило, конечно, рисковать всею землею. Земскій съѣздъ могъ этого и не разсмотрѣть, но правительство ясно это, конечно, видѣло *).

*) Помню въ это именно время явился къ намъ въ редакцію либеральный земецъ-помѣщикъ со статьей о томъ, какъ необходимо дать волю въ деревнѣ хорошей книжкѣ. Хорошая книжка... но это, конечно, была

Правительству нельзя было дать волю, не рискуя землею. Но и снизу нельзя было взять первую, не ставя вопроса о послѣдней: силъ для борьбы за одну волю было недостаточно,—ее необходимо было брать не иначе, какъ съ землею. На первый взглядъ это, быть можетъ, покажется парадоксомъ, но если читатели вспомнятъ о крестьянствѣ, то они, конечно, поймутъ мою мысль и согласятся съ нею. Вдвинуть въ борьбу послѣднее, — а безъ его поддержки всѣ попытки реорганизовать государственный строй крестьянской страны неизбѣжно почти должны были остаться безрезультатными, - можно было, конечно, не иначе, какъ написавъ на освободительномъ знамени его основное требованіе. Исторія партіи народной свободы даетъ въ высшей степени наглядную иллюстрацію невозможности безъ земли добыть волю. Изъ «освобожденцевъ» и «земцевъ-конституціоналистовъ» вышли к.-д. Ни тѣ, ни другіе, собираясь въ походъ, о землѣ, вѣдь, не думали: свобода и конституція — таковы были ихъ «желанія». Но когда образовалась к.-д. партія, то ея платформа была уже сложнѣе: земля и воля—таковы были тѣ же самыя «желанія», сообразованныя съ «возможностями». И чѣмъ упорнѣе правительство отказывалось дать волю, тѣмъ въ большемъ количествѣ партія народной свободы прирѣзывала землю. На третьемъ съѣздѣ - въ апрѣлѣ 1906 года—к.-д. пообѣщали «въ принципѣ» уже всю землю трудящимся. Но борьба за народную свободу еще не кончилась, и, если партія пожелаетъ ее довести до конца, то несомнѣнно, что ей придется согласиться на прирѣзку всей земли не только въ принципѣ, но и на практикѣ.

Воля въ Россіи оказалась, такимъ образомъ, неразрывно связанной съ землею, но я думаю, что она связана иначе, чѣмъ думаютъ к.-д. и чѣмъ то было во Франціи. Аналогія съ послѣдней въ сущности кончается на «конфискаціи», «экспропріаціи» или «принудительномъ отчужденіи» помѣщичьихъ и удѣльныхъ земель. Съ точки зрѣнія свободы, какая была добыта революціей во Франціи, даже не важно, какимъ именно изъ этихъ способовъ земля ускользнула бы изъ-подъ ногъ нынѣшняго правящаго слоя. Можетъ быть, для этого достаточно было бы «распродажи», за которую поспѣшно принялись теперь дворяне и правительство. Но для того что бы разрѣшить задачу, какая поставлена русской исторіей, не только «распродажи», но и «дополнительной прирѣзки» недостаточно. Нужно нѣчто большее.

Я указалъ пока только психологическую связь между землею и волею. Правительство — сказалъ я—не можетъ дать воли, потому что оно боится потерять землю. Съ другой стороны, народъ не по-

---

бы уже не та книжка, о которой все время хлопотали земцы. „О если бы онъ могъ знать, — подумалъ я про автора,—что такою книжкою будутъ „Бесѣды о землѣ" или „Сказка о четырехъ братьяхъ", то, вѣроятно, немного отъ его либерализма осталось бы".

шелъ бы за волей, если бы не надѣялся и землю получить вмѣстѣ съ нею. Но кромѣ этой связи, между землею и волею есть еще другая, болѣе крѣпкая. Не только субъективные факторы народной жизни, но и объективныя ея условія требуютъ соціальнаго переустройства страны, одновременно съ политическимъ ея преобразованіемъ. Иначе русскому народу нельзя выбраться изъ того тупика, въ какой завела его исторія.

«Функціи народнаго организма — писалъ я въ предыдущей статьѣ, заканчивая обзоръ этой исторіи — пришли въ полное разстройство, самое существованіе его при данной структурѣ сдѣлалось невозможнымъ» *). И это разстройство, какъ я указывалъ тамъ же, есть результатъ истощенія. Стягивая въ свое распоряженіе все большія и большія средства, пользуясь для этого и старыми и новыми, и крѣпостными и капиталистическими формами эксплуатаціи трудового народа, русская государственность разорила страну и привела всю ея хозяйственную жизнь въ разстройство. Разорена деревня, не можетъ функціонировать и городъ. Главное же, и выхода изъ этого положенія при данныхъ соціальныхъ условіяхъ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли облегчить деревню и ликвидировать хотя бы протекціонную, особенно сильно придавившую ее, систему? Но что же станется въ такомъ случаѣ съ городомъ? Вѣдь онъ жилъ и живетъ, главнымъ образомъ, за счетъ дани, которая, благодаря протекціонной системѣ, выплачивается деревней. Съ другой стороны, можно ли какими-нибудь средствами упрочить положеніе города, пока не будетъ улучшено положеніе деревни? Можно, конечно, поднять тарифныя ставки и, повысивъ тѣмъ цѣны на внутреннія издѣлія, попробовать поддержать такимъ путемъ барыши фабрикантовъ и заводчиковъ? Но не значило ли бы это еще больше придавить деревню и еще больше, стало быть, сузить такимъ образомъ рынокъ, какимъ она служитъ для обрабатывающей промышленности? Не повело ли бы это къ сокращенію производства и къ появленію новыхъ массъ безработныхъ? Вмѣсто повышенія цѣнъ на издѣлія, сокращеніе спроса не сказалось ли бы въ концѣ концовъ ихъ паденіемъ и вмѣсто барышей не выпало ли бы на долю многихъ фабрикантовъ и заводчиковъ одно лишь разореніе? Но есть вѣдь еще средство — казенные заказы. Ими можно, казалось бы, поддержать спросъ, который упалъ и можетъ еще упасть, благодаря истощенію покупательныхъ силъ деревни. Другими словами: можно принудительнымъ путемъ заставить послѣднюю покупать продукты обработывающей промышленности, — покупать хотя бы рельсы. Можно ли, однако? Можно ли, — даже при тѣхъ средствахъ (вплоть до карательныхъ экспедицій), какими пользуется въ фискальныхъ цѣляхъ нынѣшняя государственность, — выколотить изъ страны достаточные для этого ресурсы, достаточные въ томъ

*) „Русское Богатство", іюнь стр. 164.

числѣ и для того, чтобы насытить ненасытную капиталистическую утробу? Стоитъ этотъ вопросъ поставить, чтобы на него отвѣтить отрицательно. Во всякомъ случаѣ, этотъ путь уже испробованъ—и дальше идти, какъ оказалось, уже некуда.

Одна изъ важнѣйшихъ задачъ, какую должна разрѣшить русская революція, и заключается въ томъ, чтобы возстановить правильный обмѣнъ веществъ въ истощенномъ соціальномъ организмѣ. Безъ этого возродиться къ новой жизни онъ не можетъ. Если хозяйственная жизнь страны не будетъ налажена, русскому народу придется погибнуть. Въ этой объективной невозможности дальнѣйшаго существованія и заключается, въ сущности, первопричина революціи, самый сильный ея факторъ, хотя бы вовсе не сознаваемый, или совершенно иначе сознаваемый ея дѣятелями и участниками.

Для того же, чтобы разрѣшить эту задачу, необходимо осуществить двѣ вещи. Необходимо, во-первыхъ, во что-бы то ни стало, уменьшить количество жизненныхъ соковъ, поглощаемыхъ не участвующими въ общемъ народномъ трудѣ классами. Необходимо революціоннымъ путемъ уменьшить ихъ долю въ народномъ доходѣ и для этого, если только это возможно, вовсе упразднить нѣкоторые изъ этихъ классовъ; совсѣмъ отсѣчь истощающіе организмъ органы. Тогда,—если взять тотъ же конкретный примѣръ взаимнаго обмѣна между деревней и городомъ,—у первой останется больше рессурсовъ, чтобы покупать продукты, вырабатываемые въ городѣ, для второго нужно будетъ меньше дани, взимаемой для него съ деревни. Но этого одного еще не достаточно, чтобы народно-хозяйственный организмъ началъ правильно функціонировать. Необходимо еще отдѣльные классы и профессіи привести въ такое между собою соотношеніе, чтобы они вырабатывали такіе продукты и въ такомъ количествѣ, какіе и въ какомъ они нужны цѣлому обществу. Хозяйственная жизнь не можетъ идти правильно, если рабочіе, которые должны бы дѣлать нужные населенію плуги, производятъ ненужные ему рельсы, или если городъ въ цѣломъ производитъ столько продуктовъ, сколько не въ состояніи купить деревня. Между тѣмъ, у насъ и создалось именно такое положеніе, такъ какъ промышленность не выростала органически изъ народныхъ потребностей, а все время насаждалась правительствомъ сообразно съ его «видами». Неизбѣжно, поэтому, перемѣщеніе—и, быть можетъ, даже значительныхъ массъ—изъ однихъ классовъ и профессій въ другіе.

Сократить доходы правящихъ классовъ и обезпечить правильное распредѣленіе трудящихся—таково одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, какое предстоитъ революціи. Къ этому и должна свестись сущность соціальнаго переустройства страны, поскольку таковое вызывается ея хозяйственными потребностями. И для этого, конечно, недостаточно личной свободы, какая можетъ быть предоставлена гражда-

намъ, и властной воли, какая можетъ быть проявлена народомъ. Для того, чтобы граждане могли цѣлесообразно использовать свою свободу и народъ могъ планомѣрно проявить свою волю, имъ необходима опора. Такою же опорою можетъ быть только земля, но не въ томъ, повторяю, смыслѣ, въ какомъ ее включаютъ въ свою платформу среднія партіи.

«Программы к.-д. и партіи демократическихъ реформъ—говоритъ А. А. Чупровъ—идутъ навстрѣчу населенію, обрабатывающему землю личнымъ трудомъ, а не населенію, желающему ее обрабатывать... Кто сейчасъ не занятъ земледѣліемъ, тотъ не долженъ садиться на землю и послѣ реформы» *). Другими словами: среднія партіи желаютъ дать землю только крестьянамъ, стремятся улучшить такимъ путемъ только ихъ экономическое положеніе, считаютъ необходимымъ считаться съ ихъ только потребностью. Для многихъ ихъ членовъ эта потребность представляется, быть можетъ, чисто психологическою и исчерпывается страстнымъ, хотя и не основательнымъ желаніемъ: «земельки бы». Поэтому-то у этихъ партій—по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ ихъ теоретиковъ и статистиковъ—такъ хорошо и выходитъ, что «земли хватитъ и останется еще болѣе, чѣмъ достаточно, на долю частныхъ землевладѣльцевъ». Они исходятъ изъ той мысли, что «лицамъ, прилагающимъ нынѣ свой трудъ въ иныхъ условіяхъ, не будетъ и не должно быть стимула оставлять массами привычную работу и бѣжать съ фабрикъ на землю» **). Такимъ образомъ, они вовсе не предвидятъ возможности и даже неизбѣжности перемѣщенія, хотя бы и временнаго, населенія изъ города въ деревню. Не озабочены онѣ—я имѣю въ виду партіи въ цѣломъ ихъ составѣ—и возможностью обратнаго перемѣщенія изъ деревни въ городъ, а также перемѣщенія изъ одной мѣстности въ другую. Поэтому-то онѣ и считаютъ возможнымъ замалчивать вопросъ о формахъ землевладѣнія и, въ частности, оставлять въ висячемъ положеніи одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ—вопросъ о надѣльныхъ земляхъ, допуская на этотъ счетъ разныя мнѣнія между своими членами. Если вдуматься хотя бы въ к.-д. программу въ ея нынѣшнемъ видѣ, то выходитъ вѣдь такъ: привязанные къ своимъ клочкамъ, крестьяне такъ и останутся привязанными,—лишь клочки эти сдѣлаются больше; съ другой стороны, ограда вокругъ деревни, какую представляетъ изъ себя нынѣшній аграрный строй, такъ и останется оградой, не допускающей проникновенія въ крестьянство свѣжихъ элементовъ,—и лишь находящимся за нею станетъ нѣсколько просторнѣе. Однимъ словомъ: деревня по прежнему останется въ положеніи «гетто» ***),—и лишь воздуха и, главное,

---

*) „Право", 1906 г. № 29.

**) Ib.

***) См. книги: „Земельныя нужды деревни и основныя задачи аграр-

свѣта,—на что и разсчитываютъ въ особенности сторонники «свободы и культуры»,—станетъ въ немъ больше. Не вводятъ, наконецъ, въ свой планъ уврачеванія общественныхъ недуговъ эти партіи и оперативнаго лѣченія—удаленія хирургическимъ путемъ болѣзненныхъ наростовъ на народномъ организмѣ. Всѣ разногласія между ихъ «оптимистами» и «пессимистами» сводятся, въ сущности, къ тому, «достаточно ли останется земли на долю частныхъ землевладѣльцевъ». Тезисъ, что помѣщики должны остаться, служитъ одной изъ исходныхъ точекъ для ихъ аграрныхъ плановъ. Вслушайтесь во всѣ эти споры на тему о томъ, хватитъ или не хватитъ земли, и вы совершенно явственно услышите ноту: если не хватитъ, то и предпринимать реформу, пожалуй, не къ чему. Отдать то, что есть. въ надеждѣ, что крестьяне—какъ выразился одинъ изъ нихъ—«на небо за землею не полѣзутъ», —многіе изъ нихъ считаютъ, повидимому, слишкомъ вульгарнымъ и уже поэтому непріемлемымъ для партій «высшаго порядка» рѣшеніемъ аграрнаго вопроса.

Такимъ образомъ, новую жизнь среднія партіи разсчитываютъ не только начать, но и продолжать безъ серьезныхъ перемѣнъ въ территоріальномъ, профессіональномъ и соціальномъ распредѣленіи населенія,—съ той самой структурой соціальнаго организма, какую онъ получилъ, развиваясь тысячу лѣтъ въ тискахъ «самобытной формы». Онѣ желаютъ воспользоваться землею только какъ подпоркой, чтобы поддержать готовое развалиться соціальное зданіе, а не какъ прочнымъ и широкимъ фундаментомъ, на которомъ его можно было бы перестроить заново.

Въ мою задачу не входитъ критика чужихъ программъ,—и если я ссылаюсь на нихъ, то лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы возможно яснѣе очертить платформу, на которой мы стоимъ сами. Я не буду поэтому доказывать, что аграрные проекты среднихъ партій не пригодны для разрѣшенія даже аграрныхъ нашихъ затрудненій, не говоря уже объ общемъ разстройствѣ народно-хозяйственнаго организма. Нелишнимъ представляется, однако, отмѣтить, что революція, если бы таковая произошла по ихъ программамъ, оказалась бы не въ состояніи произвести даже тотъ эффектъ, какой она имѣла во Франціи. Въ послѣдней такъ же, какъ и у насъ, она должна была не только измѣнить организацію государственной власти, но и обезпечить массовое перераспредѣленіе населенія. Другими словами, тамъ она имѣла тоже не только политическій, но и соціальный характеръ. Народно-хозяйственная жизнь не могла продолжаться въ рамкахъ феодально-цехового порядка, при той соціальной структурѣ, какая ему была свойственна. Для буржуазнаго хозяйства необходимо было совер-

ной реформы“ и „Аграрная проблема въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ“. Тамъ мнѣ подробно пришлось уже говорить объ этой—быть можетъ, одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ нашего аграрнаго вопроса.

шенно иное распредѣленіе населенія по территоріи, профессіямъ и классамъ,—и для этого народу въ цѣломъ нужно было обезпечить не только формальную свободу, но и матеріальную возможность. Для послѣдней цѣли и послужила земля, выброшенная на рынокъ. Такимъ путемъ и была достигнута та свобода въ экономическихъ отношеніяхъ, та возможность перераспредѣленія населенія, которая нужна была буржуазному строю. Между тѣмъ, наши среднія партіи, стремясь, въ сущности, къ той же цѣли, не рѣшаются воспользоваться этимъ, уже испытаннымъ, средствомъ. Землю они желаютъ обратить въ государственный земельный фондъ съ довольно неопредѣленнымъ назначеніемъ, но какъ будто для выдачи дополнительныхъ пайковъ нынѣшнему, привязанному къ своимъ надѣльнымъ клочкамъ, земледѣльческому населенію. И я думаю, что гораздо послѣдовательнѣе тѣ члены этихъ партій, которые, какъ, напримѣръ, г. Петражицкій, «истолковываютъ» эту неопредѣленную программу въ смыслѣ обращенія всей земли въ частную собственность. Внѣ всякаго сомнѣнія, что только такимъ путемъ и можно обезпечить буржуазную свободу, къ которой они стремятся.

Но не эта свобода составляетъ задачу русской революціи и не съ этой «волей» «земля» въ ней связана. Не только субъективные, какъ я ихъ назвалъ въ прошлой статьѣ, факторы революціи,—не только революціонное настроеніе трудящихся массъ, стремящихся обезпечить свои интересы, и не только сознательная мысль интеллигенціи, стремящейся воплотить высокіе идеалы, но и объективныя условія народной жизни ставятъ совершенно иную задачу.

Свобода, поскольку таковая нужна буржуазному хозяйству, въ Россіи давно уже имѣется. Абсолютизмъ, заключивъ союзъ съ капитализмомъ, предоставилъ всѣ необходимыя ему «вольности» и никогда не отказывалъ въ нужныхъ ему «волеизъявленіяхъ». Ассигновки на народный карманъ и казенный сундукъ свободно писались, какъ мы видѣли, и на самодержавномъ бланкѣ; «отмычки» свободно пускались въ дѣло и при полицейскимъ режимѣ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, мѣшалъ «выступать на новые пути» «наиболѣе предпріимчивымъ хозяйственнымъ единицамъ», «людямъ смѣлаго почина», «удачникамъ»? «Образованіе зажиточной части населенія и выдѣленіе ея изъ общей массы въ особую группу составляетъ повсемѣстное явленіе, очень часто встрѣчающееся и уже вышедшее изъ категоріи исключеній». Такъ писалъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ г. Витте въ бытность свою министромъ финансовъ,—писалъ и радовался: «никакого иного распространенія благосостоянія, кромѣ происходящаго на почвѣ капиталистическаго развитія,—говорилъ онъ,—экономическая жизнь еще нигдѣ не видѣла» *). Такимъ образомъ, никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ выдѣленію изъ общей массы населенія заглавнаго

*) См. брошюру: «Экономическая политика самодержавія». Спб. 1906 г.

класса для буржуазнаго лицедѣйства не было. Не было, конечно, препятствій къ выдѣленію и другого необходимаго для буржуазнаго хозяйства, соціальнаго слоя — пролетаріевъ. Вѣдь только русскіе соціалъ-демократы — при свойственныхъ имъ особенностяхъ мышленія — могли додуматься, что паспортная система, напримѣръ, или круговая порука мѣшали крестьянству пролетаризироваться. Въ дѣйствительности недостатка въ «освобожденныхъ» рабочихъ наши удачники, какъ мы знаемъ, никогда не испытывали. Свободы — повторяю — въ этомъ смыслѣ было достаточно. «Самобытная форма», какъ мы видѣли въ историческомъ очеркѣ, оказалась достаточно растяжимой, чтобы вмѣстить въ себѣ не только крѣпостное, но и капиталистическое хозяйство.

И дѣло сейчасъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы открыть странѣ свободный выходъ на буржуазную дорогу. Бѣда въ томъ, что идти по этому пути уже некуда. Капитализмъ въ Россіи не конкуррентъ абсолютизма, а его соучастникъ. Соединившись для грабежа, они обратили историческій путь Россіи въ «большую дорогу», но за то и сдѣлали ее непроѣзжей. Опираясь на своего союзника, капитализмъ развилъ главнымъ образомъ свои «отрицательныя» — какъ ихъ называетъ В. М. Черновъ — свойства и, благодаря этому, очень скоро исчерпалъ заложенныя въ немъ исторіей возможности въ смыслѣ развитія народнаго хозяйства. Страна была истощена прежде, чѣмъ техническій прогрессъ развилъ ея производительныя силы. Русскій народъ оказался, такимъ образомъ, передъ глухой стѣной, и продолжать прежній путь, хотя бы послѣдній и былъ очищенъ отъ нѣкоторыхъ изъ расположившихся на немъ разбойниковъ, онъ уже не можетъ. Чтобы найти выходъ, необходимо свернуть въ сторону.

Не для того нужна воля, чтобы высвободить нужныя для буржуазнаго хозяйства силы. И не для того нужна земля, чтобы, обративъ ее въ частную собственность, выдвинуть на хозяйственную арену новыя группы удачниковъ и выкинуть на большую дорогу новыя массы пролетаріевъ. При данныхъ условіяхъ это значило бы не только первыхъ умножить въ качествѣ работниковъ, но и вторыхъ превратить въ грабителей, — и не свободу это значило бы водворить въ странѣ, а анархію. Необходимо совершенно иное перераспредѣленіе населенія, — и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, прямо обратное.

Такимъ образомъ, жизнью вопросъ о землѣ поставленъ и связанъ съ волей совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ среднія партіи въ цѣломъ ихъ составѣ и въ лицѣ отдѣльныхъ, наиболѣе послѣдовательныхъ, своихъ представителей. Отмѣчу, впрочемъ, еще одну крайне важную его сторону, которую до сихъ поръ я оставлялъ въ тѣни.

Теперь уже всѣ, начиная съ г. Гурко и кончая г. Ленинымъ, видятъ, что необходимо дать землю крестьянамъ. Только крестья-

намъ—спѣшатъ, какъ мы видѣли, поставить точку надъ *i* средняя партіи. Категоріи подлежащаго «дополнительному надѣленію» населенія составляютъ такую же необходимую часть ихъ аграрныхъ проектовъ, какъ и категоріи земель, не подлежащихъ «принудительному отчужденію». Другими словами, они какъ будто одинаково озабочены не только тѣмъ, чтобы «болѣе, чѣмъ достаточно» оставить земли на долю частныхъ владѣльцевъ, но и тѣмъ, чтобы «болѣе, чѣмъ достаточно» оставить въ странѣ безземельнаго населенія. Земля нужна-де только тѣмъ, кто «сейчасъ занятъ земледѣліемъ».

Въ дѣйствительности это, конечно, не такъ. Мы видѣли что земля нужна не только крестьянамъ, не нынѣшнимъ только земледѣльцамъ, но всему трудовому народу, такъ какъ въ настоящее время нельзя даже предусмотрѣть въ какихъ размѣрахъ населеніе должно будетъ перемѣститься и въ какую сторону, чтобы хозяйственная жизнь въ странѣ вновь наладилась и правильный обмѣнъ веществъ въ народномъ организмѣ возстановился бы. Но я долженъ сказать больше: земля нужна даже тѣмъ пролетаріямъ, у которыхъ не будетъ «стимула оставлять массами привычную работу и бѣжать съ фабрикъ на землю». Говоря это, я имѣю въ виду не только общее состояніе хозяйственной жизни, отъ каковаго зависитъ самочувствіе рабочаго класса, но и то, что у насъ нѣтъ роковой черты, которая отдѣляла бы пролетаріатъ отъ трудового крестьянства и которая давала бы право думать, что каждый изъ этихъ классовъ можетъ самостоятельно и независимо отъ другого устроить свою участь.

Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ уровень крестьянскаго благосостоянія, съ одной стороны, и рабочаго—съ другой, какъ уровень жидкостей въ сообщающихся между собою сосудахъ, держался приблизительно на одной высотѣ. Читатели знаютъ, что городъ и деревня, при массѣ отхожихъ промышленниковъ, представляютъ у насъ, дѣйствительно, сообщающіеся другъ съ другомъ сосуды. Въ случаѣ рѣзкаго измѣненія уровня благосостоянія тамъ или здѣсь, неизмѣнно почти происходилъ отливъ населенія въ ту или иную сторону: начиналось «обращеніе къ землѣ», или происходила «тяга на фабрику». Въ общемъ послѣдняя преобладала, деревня давила на городъ. При такихъ условіяхъ пролетаріату трудно и даже невозможно улучшить и упрочить свое положеніе, пока положеніе трудового крестьянства является необезпеченнымъ. Все, что онъ ни добудетъ упорной борьбой, можетъ смыть первая же нахлынувшая изъ деревни толпа безработныхъ. Съ другой стороны, доходность крестьянскаго хозяйства, какъ мнѣ неоднократно уже приходилось доказывать, при данныхъ условіяхъ является ни больше, ни меньше, какъ ариѳметическимъ дополненіемъ до уровня заработной платы, какую крестьянинъ можетъ получить на промысловомъ рынкѣ. И до тѣхъ поръ, пока необходимость искать за-

работокъ на сторонѣ для него не будетъ устранена, больше заработной платы удержать въ своихъ рукахъ онъ будетъ не въ силахъ. Благодаря этому только — я не говорю о другихъ нитяхъ, какими объединены крестьяне и рабочіе — у насъ наблюдается невиданная, быть можетъ, общность интересовъ двухъ наиболѣе многочисленныхъ классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не вполнѣ еще сказавшаяся, но, несомнѣнно, играющая въ высшей степени важную роль въ происходящей революціи ихъ солидарность. Трудовое крестьянство кровнымъ образомъ заинтересовано въ заработной платѣ, опредѣляющей въ конечномъ счетѣ уровень его благосостоянія; пролетаріатъ не менѣе сильно заинтересованъ въ землѣ, которая въ послѣднемъ счетѣ служитъ для него въ экономической борьбѣ опорой *). И эта связь представляется особенно важной въ переживаемую революціонную эпоху. Лишь опираясь на землю, русскій рабочій классъ, являющійся однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей революціи, можетъ дать ей направленіе, которое обезпечитъ для него возможность цѣлесообразно распредѣлить свои силы и планомѣрно защищать свои интересы.

---

*) Есть всѣ основанія думать, что эта солидарность будетъ имѣть мѣсто не только въ революціонный періодъ, но и въ дальнѣйшее время Мало вѣроятно, чтобы русское крестьянство, если бы даже спеціально задаться этою цѣлью, въ массѣ своей могло обособиться отъ пролетаріата въ качествѣ той буржуазіи, какую хотятъ все время видѣть въ немъ соціалъ-демократы. Время для этого, повидимому, упущено, такъ какъ земли для этого не хватитъ. По разсчетамъ „пессимистовъ" среднихъ партій, ея не хватитъ для надѣленія крестьянъ даже по нормамъ 1861 г., т. е. по нормамъ, разсчитаннымъ отнюдь не на всѣ рабочія силы крестьянства и лишь на самыя скудныя его потребности. (Напомню, что эти нормы были установлены по даннымъ о тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне находились на барщинѣ и, стало быть, затрачивали въ своемъ хозяйствѣ лишь часть рабочей силы, отдавая другую работѣ на барина; само собой понятно, что находившееся въ ихъ пользованіи количество земли достаточно было для удовлетворенія лишь того уровня потребностей, какой полагался имъ при крѣпостномъ правѣ). Надѣлить же всѣхъ даже нынѣшнихъ только земледѣльцевъ по трудовой нормѣ не считаютъ возможнымъ и „оптимисты". Изъ этого слѣдуетъ, что послѣ перехода даже всей земли въ пользованіе крестьянъ, въ массѣ своей они должны будутъ обращаться къ промысловому заработку. Такимъ образомъ, рабочій классъ и крестьянство должны будутъ и послѣ революціи остаться въ положеніи сообщающихся сосудовъ. Это донельзя затруднитъ, конечно, массовое обособленіе крестьянства въ качествѣ буржуазіи и заставитъ его вмѣстѣ съ пролетаріатомъ бороться за возможно большую долю въ прибавочномъ продуктѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ откроетъ возможность ихъ соединенными силами начать переустройство и остальныхъ отраслей народнаго хозяйства на трудовомъ началѣ. Считая мелкую буржуазію одной изъ самыхъ серьезныхъ преградъ на пути къ соціализму, мы находили бы крайне опаснымъ выдѣленіе ея изъ нынѣшняго крестьянства, и потому особенно энергично возстаемъ противъ частной собственности на землю, которая при нѣкоторыхъ условіяхъ могла бы содѣйствовать такому выдѣленію и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательному разоренію всей остальной крестьянской массы.

Земля нужна *всему народу*. Рѣзко и настойчиво ставитъ жизнь свое требованіе. Въ обновленной соціальной структурѣ классъ земельныхъ собственниковъ не долженъ имѣть мѣста. Земля нужна народу... Осуществить это требованіе —значитъ уничтожить институтъ частной собственности на землю. Но это значитъ удалить одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ не только самодержавнаго, но и буржуазнаго строя. Такимъ образомъ русская революція стремится нанести ударъ не только абсолютизму и феодализму, но и капитализму. Въ этомъ именно смыслѣ воля съ ней связана съ землею.

Земля и воля... Таково знамя, подъ которымъ происходитъ русская революція. Различныя общественныя группы вкладываютъ въ этотъ лозунгъ свой смыслъ, стремятся отлить въ эту формулу свои требованія. Съ своей стороны, мы должны употребить всѣ усилія, чтобы земля и воля достались не нѣкоторымъ только, хотя бы и многочисленнымъ, группамъ населенія, а всему народу. Этого требуетъ, какъ мы видѣли, самое существованіе народа, этого требуютъ жизненные интересы трудящихся массъ, этого требуютъ, наконецъ, и наши высокіе идеалы.

Вся земля и вся воля всему народу — таковы вѣдь основныя, хотя и не исчерпывающія, положенія нашей программы...

II.

Такова задача: въ ней двѣ искомыхъ величины, но одно уравненіе. Въ алгебрѣ подобная задача называется неопредѣленной и допускаетъ, какъ извѣстно, не одно, а нѣсколько рѣшеній. Не всѣ, однако, они могутъ быть приняты. Оба искомыхъ числа въ такой задачѣ связаны между собою и при томъ такъ, что чѣмъ большую величину вы допустите для одного изъ нихъ, тѣмъ меньше окажется другое. Если задача требуетъ для обоихъ чиселъ положительнаго отвѣта, то вы должны его искать въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Иначе вы рискуете придти къ рѣшенію, которое окажется для данной задачи лишеннымъ смысла: предположивъ x произвольно большимъ, вы можете получить для y величину отрицательную.

Русская революція представляетъ въ сущности такую же неопредѣленную задачу. На ряду съ искомыми числами въ ней есть и извѣстные члены—участвующія въ ней силы. Послѣднія допускаютъ рѣшеніе лишь въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Предъявивъ несоразмѣренныя съ этими силами требованія на счетъ воли, вы рискуете оставить народъ безъ земли, и, наоборотъ, расширивъ далѣе возможныхъ предѣловъ требованія на счетъ земли, вы можете оставить его безъ воли. То и другое рѣшеніе должно быть признано, конечно, неудачнымъ, такъ какъ ни земля, ни воля, взятыя отдѣльно, разрѣшить переживаемый народомъ кризисъ не могутъ.

Можно, конечно, возразить, что революція не задача, а борьба, въ которой необходимо продвинуться возможно дальше. Но если въ этой борьбѣ приходится вести операціи одновременно въ двухъ направленіяхъ, то необходимо согласовать ихъ между собою. Необходимо, чтобы двигающіяся по той и другой линіи силы находились въ постоянной связи между собою и поддерживали другъ друга. Иначе далеко выдвинувшійся впередъ отрядъ,—допустимъ даже достаточно сильный, чтобы захватить привлекающую его позицію,—легко можетъ быть обойденъ и отрѣзанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся кампанія можетъ быть проиграна. Примѣняя этотъ образъ къ революціи, можно сказать, что ея исходъ въ такомъ случаѣ былъ бы еще болѣе неудачнымъ: народъ остался бы и безъ земли, и безъ воли.

Образы и аналогіи сами по себѣ, конечно, ничего не доказываютъ. Если я употребилъ ихъ въ данномъ случаѣ, то лишь для того, чтобы яснѣе оттѣнить характеръ задачи, которую предстоитъ мнѣ рѣшить въ дальнѣйшемъ изложеніи. Само собой понятно, конечно, что революціонныя требованія должны быть согласованы и соразмѣрены съ революціонными силами, такъ какъ иначе они рискуютъ остаться не осуществленными. Кромѣ общаго характера нашей платформы, чему были посвящены мною предыдущія страницы, я долженъ поэтому указать и ея размѣры. Но установить ихъ не такъ легко, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Главное затрудненіе заключается въ томъ, что предѣлы своей платформы мы должны опредѣлять сразу въ двухъ направленіяхъ и, такимъ образомъ, рѣшать дѣйствительно неопредѣленную задачу,—одно уравненіе съ двумя неизвѣстными.

Линію воли мы желали бы, конечно, продвинуть далеко,—вплоть (если взять готовую уже формулу) до «демократической республики». Не менѣе далеко мы желали бы продвинуть и линію земли,—скажемъ вплоть (я беру опять готовую формулу) до «соціализаціи». Мы желали бы, конечно, цѣликомъ перенести въ платформу основныя, какъ я только что напоминалъ, положенія нашей программы: вся воля и вся земля всему народу. Мы желали бы перенести не только эти положенія, но и всю программу. Дѣло, однако, не въ нашихъ желаніяхъ только, но и въ возможностяхъ. И вотъ спрашивается: возможно ли ставить эти требованія въ качествѣ очередныхъ задачъ переживаемаго историческаго момента? Имѣются ли въ наличности достаточныя силы и подходящія условія, чтобы осуществить ихъ? Главное же, нѣтъ ли между этими требованіями—не логическаго, конечно, а жизненнаго—противорѣчія? Другими словами: ставя въ указанной формѣ требованіе о волѣ, не рискуемъ ли мы отбросить тѣмъ самымъ силы, нужныя для завоеванія земли? И наоборотъ: отливая въ приведенную форму требованіе земли, не лишаемся ли мы тѣмъ самымъ возможности достигнуть воли? Таковы вопросы, съ которыми мы

должны считаться, имѣя дѣло съ неопредѣленнымъ уравненіемъ. Съ ихъ рѣшенія я и долженъ начать опредѣленіе размѣровъ возможной для даннаго времени соціалистической платформы.

«Демократическая республика» значится въ программахъ-минимумъ двухъ нашихъ соціалистическихъ партій—с.-д. и с.-р. *). Долженъ сказать, что «программа-минимумъ», какъ ее понимаютъ названныя партіи, по своей конструкціи разнится отъ «платформы», которую желаемъ построить для себя мы. И та и другая партія включаетъ въ свою программу-минимумъ всѣ требованія, какія она считаетъ необходимымъ предъявить въ рамкахъ буржуазнаго строя, до «полной побѣды рабочаго класса» и «установленія въ случаѣ надобности его революціонной диктатуры», какъ выражаются на этотъ счетъ с.-р., или, если взять болѣе категорическую формулу с.-д., считающихъ «диктатуру пролетаріата» «необходимымъ условіемъ соціальной революціи»,--до «завоеванія пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ». Лишь соціализмъ эти партіи не включаютъ въ число своихъ «требованій» **). Такимъ образомъ ихъ программы-минимумъ разсчитаны въ сущности на длительный и даже очень длинный періодъ, при чемъ сами партіи, вѣроятно, не считаютъ всѣ свои «требованія» осуществимыми въ качествѣ «ближайшихъ политическихъ задачъ», хотя с.-д. и допускаютъ такую квалификацію ихъ въ своей программѣ. Дѣло въ данномъ случаѣ даже не въ силахъ, которыя партіи могли бы собрать, чтобы поддержать свои требованія, а въ условіяхъ, при которыхъ осуществленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ требованій становится возможнымъ. Укажу хотя бы пропорціональное представительство, значащееся въ программѣ с.-р. Возраженій про-

*) Кромѣ этихъ партій республика значилась еще въ платформѣ радикальной партіи, которая вообще очень далеко выдвинула линію политическихъ требованій при очень укороченной линіи требованій соціальныхъ. Останавливаться на этой попыткѣ я не буду, такъ какъ невозможность собрать сколько-нибудь значительныя силы на платформѣ этого типа, повидимому, засвидѣтельствована уже жизнью.

**) У с.-д. такая конструкція программы-минимумъ находится, несомнѣнно, въ связи съ ихъ доктриной, признающей нерушимыми до указаннаго момента рамки буржуазнаго строя и требующей по меньшей мѣрѣ—крайне осторожнаго къ нимъ отношенія. Менѣе понятной представляется мнѣ попытка с.-р. построить свою программу по тому же типу. Рамки буржуазнаго строя они отнюдь не считаютъ неприкосновенными и стремятся революціонно изъ нихъ выйти, гдѣ только это окажется возможнымъ. А такая возможность представится, конечно, не одинъ еще разъ до „полной побѣды рабочаго класса". Трудно, однако, предусмотрѣть, когда именно и въ какихъ пунктахъ это можно будетъ сдѣлать, если только не укладывать, конечно, всей исторіи на прокрустово ложе докрины, ограниченной пресловутыми „рамками" и завершающейся не менѣе пресловутымъ „скачкомъ". Во всякомъ случаѣ взять на себя такую задачу мы бы не рѣшились.

тивъ него не слышно,—и даже «Новое Время», послѣ роспуска Государственной Думы выставило то же «требованіе». Но можно ли его и за всѣмъ тѣмъ — при несложившихся еще партіяхъ — въ такой громадной и разноплеменной странѣ какъ Россія, признать въ полной мѣрѣ осуществимымъ? Выставляя всѣ требованія, за исключеніемъ соціализма, въ одной плоскости, располагая ихъ безъ всякой перспективы, названныя партіи оказываются, конечно, вынужденными дополнять свои программы-минимумъ другими, «программными» же требованіями, излагаемыми ими, обыкновенно, въ видѣ «тактическихъ» лозунговъ. Не въ той, такъ въ другой формѣ властныя велѣнія мысли намъ приходится всетаки приводить въ соотвѣтствіе съ насущными требованіями жизни.

Совершенно иначе считаемъ мы необходимымъ конструировать свою «платформу». Для насъ это «планъ кампаніи», разсчитанный не на длинный періодъ (вплоть до соціализма), а лишь на ближайшее время. Въ немъ мы желаемъ «намѣтить тѣ пункты, около которыхъ силы въ данный моментъ должны быть сосредоточены, тѣ позиціи, которыя ими прежде всего должны быть заняты, и ту линію, на которой онѣ должны быть выравнены» *). Эта линія— писалъ я — имѣетъ для насъ условное, не столько даже программное, сколько тактическое значеніе: «мы немедленно продвинемъ ее дальше, какъ только убѣдимся, что это позволяютъ наши силы». Остальную часть пути до нашей конечной цѣли мы считали бы возможнымъ намѣтить лишь въ самыхъ крупныхъ чертахъ, какъ «уходящую вдаль перспективу», а не какъ точно формулированныя «требованія». Въ качествѣ примѣра, если взять таковой изъ области «воли», укажу хотя бы референдумъ. Его, какъ я думаю, можно не включать въ платформу, но не потому, чтобы онъ являлся не желательнымъ или до «полной побѣды рабочаго класса» не осуществимымъ, но потому, что его нельзя поставить въ качествѣ требованія первой очереди. До реорганизаціи всей государственной власти сверху до низу, до установленія въ странѣ демократическихъ учрежденій, референдумъ—напомню наполеоновскіе плебисциты—могъ бы явиться для свободы даже угрозой.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что нашу «платформу» съ «программами-минимумъ» партій с.-р. и с.-д. нельзя, въ сущности, сравнивать: это несоизмѣримыя величины. Но въ октябрьскіе дни с.-д., а за ними и с.-р. провозгласили «демократическую республику» въ качествѣ лозунга, т. е. выдѣлили это требованіе изъ ряда другихъ въ качествѣ такого, которое подлежитъ немедленному осуществленію. Такимъ образомъ, изъ программы, хотя бы и минимумъ, они перенесли его въ платформу, на которой считаютъ необходимымъ

*) См. „Основныя положенія нашей программы". „Современность", № 1 (мартъ).

и возможнымъ группировать въ настоящее время соціалистическія силы.

Изъ попутныхъ замѣчаній, которыя мною сдѣланы на послѣднихъ страницахъ, видно уже, что взять «всю волю»—взять ее въ формѣ «демократической республики» — и при томъ взять немедленно мнѣ представляется невозможнымъ. *Демократическая* республика мыслитъ въ себѣ, конечно, и федеративное устройство и референдумъ, и пропорціональное представительство и, пожалуй, замѣну постояннаго войска вооруженіемъ народа, т. е. всѣ наиболѣе совершенныя формы, при посредствѣ которыхъ можетъ быть выражена воля народа, и всѣ наиболѣе надежныя гарантіи, которыми можетъ быть обезпечена его свобода. Безъ этого же будетъ республика, но не демократическая, а такая (какъ, напримѣръ, во Франціи), которая, можетъ быть, хуже монархіи (хотя бы въ Англіи). Немедленно осуществить демократическую республику,—независимо даже отъ того, имѣются ли для этого достаточныя въ странѣ силы,—нельзя уже потому, что для этого требуется извѣстный періодъ творческой государственной работы и наличность такихъ условій, какихъ въ Россіи еще не имѣется. Взять «всю волю», однимъ, такъ сказать, махомъ, уже поэтому мнѣ представляется невозможнымъ. Волей-неволей съ этой стороны наша платформа, какъ бы далеко мы ни желали продвинуть ее, должна быть ограничена.

Ограниченія необходимо будетъ поставить, повидимому, и по другой причинѣ.

Мы видѣли, что составъ участвующихъ въ борьбѣ силъ съ обѣихъ сторонъ разнороденъ, — и каждый изъ противниковъ эту разнородность другой стороны стремится, конечно, въ своихъ интересахъ использовать. Такъ, революція использовала въ своихъ цѣляхъ антагонизмъ между помѣстнымъ дворянствомъ и правящимъ, между дворянскимъ земствомъ и сановной бюрократіей. Напомню, съ другой стороны, извѣстную подъ именемъ «зубатовщины» попытку противопоставить «экономику» «политикѣ» и тѣмъ самымъ отдалить рабочія массы отъ интеллигенціи. Для общаго успѣха революціи крайне важно, конечно, чтобы ея силы до конца остались не разъединенными и даже слились въ одну компактную массу. Въ концѣ концовъ, дѣло придется имѣть, какъ мы видѣли, съ очень сильнымъ комплотомъ. Въ виду этого приходится съ крайнею осторожностью относиться ко всему тому, что можетъ разъединить революціонныя силы и разорвать ихъ на два, не связанныхъ между собою отряда—на идущій по линіи «земли» и на идущій по линіи «воли» — которые легко, каждый въ отдѣльности, могутъ быть разбиты.

Однимъ изъ такихъ «камней преткновенія» для русской революціи легко можетъ сдѣлаться неосторожно выдвинутый вопросъ о республикѣ. Выше я упомянулъ уже, что только «земля» заста-

вила крестьянъ выступить въ походъ за «волей». Это не значитъ, конечно, что воля не нужна имъ, что ее не требуютъ ихъ интересы. Въ данномъ случаѣ мы должны считаться, несомнѣнно, съ психологическимъ, а не экономическимъ факторомъ. Тысяча лѣтъ прожито не напрасно, и идея монархіи слишкомъ прочно засѣла въ народное сознаніе. Культивируемыя такъ долго идеи, какъ показываетъ исторія, становятся въ концѣ концовъ силою, которую не всегда бываютъ въ силахъ преодолѣть даже интересы.

. . . .

Съ этой психологіей широкихъ массъ необходимо считаться. Вопросъ о республикѣ именно потому и требуетъ крайней осторожности, что онъ можетъ, особенно при надлежащей диверсіи со стороны противника, отбросить въ сторону крестьянство. Между тѣмъ крестьянство составляетъ главную силу той части революціонной арміи, которая движется по линіи за «землею». Такимъ образомъ, предъявивъ не согласованныя съ даннымъ составомъ силъ и ихъ расположеніемъ требованія насчетъ воли, можно оставить народъ, какъ уже я сказалъ, безъ земли.

«Земля», какъ мы уже видѣли, важна не только сама по себѣ, но и потому, что она является не менѣе важнымъ условіемъ для демократизаціи государственнаго строя, чѣмъ даже замѣна монархической формы правленія республиканскою. «Самобытная форма» русской государственности, какъ я уже указывалъ, держится въ значительной мѣрѣ на помѣстномъ сословіи и, главное, одухотворяется имъ. И гораздо важнѣе, какъ я думаю, выдернуть изъ подъ нея эту опору и вынуть этотъ духъ, чѣмъ снести шпиль, оставивъ куполъ и все, что отъ него книзу.

Указанными на послѣднихъ страницахъ условіями, къ сожалѣнію, не исчерпываются, какъ я думаю, препятствія взять теперь же «всю волю». Намъ приходится ограничить свою платформу съ этой стороны и еще въ одномъ пунктѣ. Я имѣю въ виду національный вопросъ — одинъ изъ самыхъ больныхъ и острыхъ вопросовъ, какіе предстоитъ разрѣшить русской революціи. Мы являемся убѣжденными сторонниками права каждой національности на безусловное самоопредѣленіе,— и мы не устанемъ доказывать, что насиліе надъ національностью такъ же недопустимо, какъ и насиліе надъ личностью. Но выставляя свои «требованія», мы вынуждены облечь ихъ въ такую форму, при которой они не могли бы быть восприняты массами, какъ стремленіе къ раздробленію Россіи.

Въ данномъ случаѣ намъ приходится опять-таки считаться съ психологіей народа, воспитанной его тысячелѣтней исторіей. Въ исторической части мнѣ приходилось уже указывать, какъ сильны еще въ массахъ привитыя имъ всѣмъ прошлымъ русской государственности націоналистическія чувства. Въ томъ, что эти чувства могутъ разгорѣться, таится, можетъ быть, самая страшная угроза

для русской революціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для свободы національностей. Нужно предвидѣть, что противники предпримутъ, быть можетъ, еще не одну диверсію въ эту сторону. Къ счастью, обстоятельства складываются —по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ они складывались— въ общемъ достаточно благопріятно съ этой стороны для революціи, въ которой замѣшаны такіе большіе и сложные интересы. Ни одна національность до сихъ поръ не проявила желанія немедленно отложиться отъ Россіи. Можно надѣяться, что въ теченіе революціоннаго процесса этого не случится. Конъюнктура такова, что ни у одной, быть можетъ, національности нѣтъ достаточныхъ стимуловъ, чтобы теперь же предпринимать борьбу за независимость. Въ общемъ, во всякомъ случаѣ, преобладаетъ и даже царитъ сознаніе, что революцію необходимо совершить соединенными силами. Такимъ образомъ опасная вспышка шовинистическихъ чувствъ въ народѣ, которая могла бы погубить общее дѣло, представляется, къ счастью, маловѣроятной.

Само собой понятно, что, если бы обстоятельства приняли другой оборотъ и если бы какая національность начала борьбу не только за общую свободу, но и за свою политическую независимость, то не мы, конечно, оказались бы у нея на дорогѣ. Мы, конечно, употребили бы всѣ силы, чтобы ослабить тяжелыя для нея и всей Россіи отъ этого послѣдствія, при чемъ намъ пришлось бы, вѣроятно, примириться съ горькой необходимостью отойти со своей программой надолго, быть можетъ, въ сторону. Но рисковать всѣмъ дѣломъ русской революціи изъ-за желанія теперь же до конца довести свою линію,—и при томъ не въ жизни, а только въ платформѣ,—мы не хотимъ и не можемъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ идти въ массы съ лозунгомъ не независимости національностей, а съ тѣмъ «требованіемъ», которое ставитъ жизнь,—съ требованіемъ ихъ автономности.

Долженъ оговориться, что требованія «независимости» ни одна изъ нашихъ партій не ставитъ. Если я считалъ необходимымъ отмѣтить въ этомъ пунктѣ предѣлы нашей «платформы», то за тѣмъ, чтобы быть искреннимъ и точнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуть общность дѣла русской революціи для всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства. Въ связи съ этимъ мнѣ хотѣлось бы устранить и одно недоразумѣніе по данному вопросу. Я имѣю въ виду множественность «учредительныхъ собраній». Учредительное собраніе —то верховное учредительное собраніе, въ которомъ русская революція должна найти свой исходъ,— можетъ быть и должно быть, какъ я думаю, единымъ. Этого требуетъ прежде всего логика. Такое же верховное учредительное собраніе въ той или иной области можетъ появиться не прежде, чѣмъ она отдѣлится отъ Россіи: двѣ верховныхъ воли въ одномъ государствѣ быть не могутъ. Но этого же, какъ я думаю, требуетъ

и самое дѣло: не только вести, но и завершить его необходимо общими силами,—иначе даже разбитый «комплотъ» можетъ въ послѣднюю минуту воспрянуть. И я думаю, что національныя соціалистическія партіи хорошо эту опасность увидятъ, такъ какъ буржуазія,—а она, какъ я уже сказалъ, вѣроятнѣе всего окажется во главѣ вражеской коалиціи,—на окраинахъ сильнѣе, чѣмъ въ коренной Россіи.

Сообща же нужно найти и предѣлы автономности. Само собой понятно, что въ каждой автономной области для устройства ея мѣстныхъ дѣлъ должно быть созвано затѣмъ свое учредительное собраніе. Но это уже будутъ подзаконныя, а не суверенныя собранія, и во избѣжаніе недоразумѣній даже называть ихъ, можетъ быть, слѣдовало бы какъ-нибудь иначе.

III.

При посредствѣ трудовой группы было выставлено, какъ извѣстно, два аграрныхъ проекта: одинъ, получившій названіе проекта трудовой группы (104-хъ), и другой, подписанный 33 ея членами. Подъ тѣмъ и другимъ проектомъ можно встрѣтить однѣ и тѣ же подписи. Самое внесеніе второго проекта въ Думу было сдѣлано не въ видѣ замѣны имъ перваго, но въ видѣ какъ бы нѣкотораго—и при томъ предложеннаго въ довольно нерѣшительной формѣ—къ нему дополненія. «Народный Вѣстникъ», сообщая о готовящемся проектѣ 33-хъ—къ слову сказать, вовсе не вносившемся ни въ общее собраніе трудовой группы, ни въ ея аграрную коммиссію,—между прочимъ писалъ: «этотъ проектъ предлагается не взамѣнъ общихъ началъ коммиссіи, принятіе которыхъ (по возможности въ улучшенномъ видѣ) представляется вышеупомянутымъ депутатамъ весьма желательнымъ, а лишь въ дополненіе къ этимъ общимъ для всей группы началамъ, какъ болѣе опредѣленное мнѣніе части членовъ группы». Такимъ образомъ, «начала» у обоихъ проектовъ были «общія», принципіальнаго различія между ними не было.

Я не думаю подвергать эти проекты сейчасъ подробному разбору. Упоминая о нихъ, я хочу лишь указать на наличность въ общественной средѣ двухъ аграрныхъ проектовъ, въ основу которыхъ положены одни и тѣ же начала. Изъ этого слѣдуетъ, что разница между ними не столько, такъ сказать, качественная, сколько количественная. Вотъ эту-то именно разницу, имѣющую непосредственное отношеніе къ интересующимъ насъ сейчасъ размѣрамъ платформы, я и хочу отмѣтить, не вдаваясь по возможности въ то, насколько общія начала во второмъ проектѣ, по сравненію съ первымъ, улучшены.

«Всякая частная собственность отдѣльныхъ людей и семей на

землю въ предѣлахъ Россійскаго государства уничтожается... Вся земля со всѣми ея нѣдрами и водами объявляется общею собственностью всего населенія Россійскаго государства»... Таковы наиболѣе характерныя въ указанномъ отношеніи положенія одного изъ проектовъ. По этому проекту («33-хъ») всю землю предполагается взять сразу. Другой проектъ («104-хъ»), стремясь къ той же цѣли—къ передачѣ всей земли въ общенародную собственность—предполагаетъ достигнуть ея рядомъ планомѣрныхъ актовъ. Одинъ проектъ предполагаетъ перепрыгнуть изъ стараго строя въ новый, другой—войти въ него размѣреннымъ шагомъ. Такова разница между двумя проектами, поскольку рѣчь въ нихъ идетъ о переходѣ отъ стараго строя къ новому.

Изъ газетъ читателямъ извѣстно, конечно, что проектъ 104-хъ вырабатывался при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства», въ томъ числѣ и меня. Такимъ образомъ въ немъ отразилась,—насколько это, конечно, возможно было въ коллективной работѣ и при данномъ составѣ трудовой группы,—наша точка зрѣнія на то, какимъ путемъ можно взять землю,—и, стало быть мнѣ теперь приходится не столько излагать ее, сколько мотивировать.

Само собой понятно, что всѣхъ нашихъ желаній проектъ трудовой группы не выразилъ: мы желаемъ взять всю землю и притомъ какъ можно скорѣе. Мы готовы были бы «прыгнуть», если бы такой прыжокъ не представлялся намъ чрезмѣрно рискованнымъ и даже способнымъ всю нашу платформу опрокинуть. Дѣло, какъ я уже сказалъ, не въ желаніяхъ только, но и въ возможностяхъ. Съ этой точки зрѣнія представляется крайне интереснымъ, какія именно возможности были нащупаны при обсужденіи аграрнаго вопроса въ трудовой группѣ. Само собой понятно, что данную въ ней оцѣнку возможностей нельзя считать окончательной, но въ общемъ, какъ я думаю, она должна быть принята во вниманіе.

Крайне характерной въ этомъ отношеніи представляется основная нота, которая все время звучала при обсужденіи аграрнаго вопроса въ трудовой группѣ, а однимъ изъ крестьянскихъ депутатовъ была даже, въ качествѣ таковой, выдѣлена:

— Насъ послали получить землю, а не отдать ее...

Получить землю... Получить для нынѣшнихъ земледѣльцевъ. Непосредственное ощущеніе земельной тѣсноты, при которой дальнѣйшее существованіе сдѣлалось невозможнымъ,—непосредственное ощущеніе, что «съ сохой повернуться негдѣ», что «куренка и то выпустить некуда»—и заставило нынѣшнихъ землевладѣльцевъ добиваться земли, революціонизировало крестьянскую массу. К.-д., какъ мы видѣли, желаютъ удовлетворить именно это непосредственное ощущеніе, использовавъ въ то же время революціонную энергію крестьянства сообразно со своими планами. Мы не должны и не можемъ, конечно, удовлетвориться этимъ: опираясь на несо-

всѣмъ ясно сознаваемые крестьянской массой интересы, мы должны постараться возможно полнѣе обезпечить ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно дальше продвинуть жизнь къ нашей конечной цѣли.

Мы не должны скрывать отъ себя, что отъ непосредственнаго ощущенія земельной тѣсноты до обращенія земли въ общенародную собственность разстояніе очень большое. Крестьяне страстно желаютъ получить землю, но прежде всего каждый крестьянинъ, каждая деревня—для себя. Отсюда, конечно, происходятъ и эти споры между селеніями, кому какая должна достаться земля,—споры доходящіе, какъ извѣстно, до ссылокъ на то, какому барину какая деревня принадлежала. Отсюда и эти попытки заранѣе «записать» за собою ту или иную землю путемъ покупки ея, хотя бы и безъ намѣренія платить за нее деньги, черезъ крестьянскій банкъ. Такого рода фактовъ, крайне характерныхъ для психологіи аграрнаго движенія, можно было бы привести не мало. На ряду съ этимъ, необходимо отмѣтить довольно равнодушное отношеніе крестьянской массы къ формамъ, въ какихъ можетъ она получить землю. Въ самомъ дѣлѣ: когда человѣкъ страшно голоденъ, то не все ли ему равно, какъ утолить свой голодъ,—стоя, сидя или даже лежа? Въ общемъ крестьянство склонно, конечно, представлять, что оно получитъ землю въ тѣхъ именно формахъ, съ какими уже сроднилось, въ какихъ владѣетъ имѣющеюся теперь у него землею. Въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ крестьяне въ массѣ представляютъ дѣло, конечно, такъ, что земля будетъ подѣлена между деревнями; тамъ, гдѣ господствуетъ подворное землевладѣніе или развито купчее, преобладаютъ, вѣроятно, ожиданія, что земля будетъ дана въ «собственность». Таково, въ сущности, то «непосредственное ощущеніе», о которомъ я только что упоминалъ и которое должно послужить въ самомъ низу, въ наиболѣе широкихъ кругахъ населенія, опорой для нашей платформы.

Нужна, конечно, большая работа сознанія для того, чтобы населеніе свою личную или деревенскую нужду обобщило, какъ нужду общекрестьянскую и тѣмъ болѣе, какъ общенародную. Несомнѣнно, что крестьянская мысль въ этомъ направленіи уже работаетъ и очень много уже ею сдѣлано. Въ великой борьбѣ за землю жизнь противопоставила крестьянъ помѣщикамъ, трудящійся классъ праздному. Самый переходъ земли рисуется при этомъ, какъ переходъ ея отъ нетрудящихся къ трудящимся. Таковъ общій смыслъ, какой крестьянство вкладываетъ въ борьбу, таковъ общій характеръ предъявляемыхъ имъ требованій. Этотъ взглядъ можно, повидимому, считать достаточно хорошо уже усвоеннымъ массой. По крайней мѣрѣ, аграрная коммиссія трудовой группы единодушно исходила изъ него, при чемъ первый же пунктъ выработанныхъ ею положеній въ первоначальной редакціи гласилъ: «главная цѣль аграрнаго закона должна заключаться въ томъ, чтобы земля находилась въ рукахъ тѣхъ, кто ее своимъ трудомъ обрабатываетъ».

Во всѣхъ дальнѣйшихъ обсужденіяхъ это положеніе представлялось безспорнымъ и не вызывало, въ сущности, разногласій. Преставитель соціалъ-демократической партіи (большевиковъ), выступившій въ одномъ изъ засѣданій съ предложеніемъ подѣлить землю на «пайки» и раздать ее всѣмъ, занятымъ нынѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, независимо отъ того, будутъ ли они сами ее обрабатывать или извлекать доходъ путемъ сдачи въ аренду, былъ встрѣченъ столь не сочувственно,—и именно благодаря уклоненію отъ трудового принципа,—что предпочелъ уйти, не пытаясь больше повліять на собраніе.

Земля—трудящимся на ней... Это уже нѣчто большее, чѣмъ безформенное и довольно зыбкое «непосредственное ощущеніе». И я думаю, что именно этотъ «камень», приготовленный для насъ жизнью, мы должны положить «во главу угла» нашей платформы.

Отъ положенія: «земля—трудящимся» до обращенія ея въ общенародную собственность, конечно, далеко еще. Можно опасаться, что въ крестьянской средѣ подъ «трудящимися» понимаются „нынѣшніе земледѣльцы" и масса, быть можетъ, не задумывается даже надъ тѣмъ, что можетъ произойти, если земля будетъ укрѣплена за ними. Даже въ трудовой группѣ окончательная редакція перваго положенія, въ которой говорилось уже объ обращеніи земли въ общенародную собственность, могла быть принята—и то не безъ преній—лишь послѣ того, какъ вопросъ былъ обсужденъ во всемъ его объемѣ. Повторяю: до укрѣпленія въ массовомъ сознаніи принципа національзаціи далеко еще, и работа въ этомъ направленіи предстоитъ еще большая. Но я надѣюсь, что она можетъ быть выполнена путемъ пропаганды и агитаціи, и что крестьянство въ массѣ своей выскажется въ рѣшительную минуту за передачу земли въ общенародную собственность, такъ какъ эта форма лучше всего можетъ обезпечить землю за трудящимися на ней.

Было бы, однако, опасно, какъ я думаю. сдвинуть платформу съ этого «камня», какой заложенъ для нея жизнью въ происходящей борьбѣ за землю. Въ виду этого представляется далеко не лишнимъ присмотрѣться къ его размѣрамъ.

Земля—трудящимся... Я уже сказалъ, какимъ путемъ этотъ выводъ получился въ народномъ сознаніи: это результатъ борьбы съ нетрудящимися. Онъ могъ бы быть полученъ, конечно, и иначе. Въ той же крестьянской средѣ, несомнѣнно, имѣются люди, которые пришли къ нему не отъ интересовъ, а отъ идеаловъ, т. е. пришли такимъ же путемъ, какимъ пришли къ нему и мы съ читателемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ та же самая формула можетъ имѣть болѣе широкій смыслъ: она можетъ диктовать не только распредѣленіе земли между классами, но и заключать въ себѣ директивы справедливаго распредѣленія ея между самими трудящимися. Но для крестьянской массы смыслъ этой формулы, несомнѣнно, уже. Какъ я уже сказалъ, переходъ земли рисуется ей, какъ переходъ

ея отъ нетрудящихся къ трудящимся: перераспредѣленія земли между самими трудящимися—въ видѣ отобранія ея у однихъ и отдачи ея другимъ—она, несомнѣнно, не мыслитъ.

— Насъ послали получить землю, а не отдать ее...

И трудовая группа признала невозможнымъ отбирать землю—даже только въ смыслѣ объявленія ея общенародною собственностью—у нынѣшнихъ земледѣльцевъ, у тѣхъ, кто ее обрабатываетъ своими руками. Въ качествѣ практическаго выхода она проектировала оставить надѣльныя земли и частновладѣльческія въ предѣлахъ трудовой нормы за нынѣшними ихъ владѣльцами, предпринявъ въ то же время рядъ мѣръ, которыя предотвратили бы возможность скопленія ихъ въ однѣхъ рукахъ и обезпечили бы постепенный переходъ ихъ въ общенародную собственность.

Этотъ отказъ отъ намѣренія взять всю землю сразу долженъ быть признанъ, при данныхъ условіяхъ, какъ я думаю, вполнѣ цѣлесообразнымъ. Среди крестьянъ, какъ я уже сказалъ, несомнѣнно имѣются идеалисты,—чаще всего съ религіознымъ оттѣнкомъ—готовые продвинуть вопросъ о землѣ очень далеко. Читая крестьянскія письма и статьи по земельному вопросу,—а такихъ мнѣ пришлось видѣть не мало—я не разъ поражался совпаденіемъ излагавшихся въ нихъ плановъ, авторы которыхъ нерѣдко исходили въ своей аргументаціи отъ твореній блаженныхъ Оригена и Августина, съ нашими планами, заимствованными у совсѣмъ другого рода мыслителей. Я знаю, что многолюдные митинги нерѣдко удается увлечь справедливостью, какую заключаетъ въ себѣ національзація или соціализація земли. Аграрное движеніе въ цѣломъ, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ значительную примѣсь энтузіазма, чуждаго какого-либо личнаго и даже классового эгоизма,—и чѣмъ больше этого идеализма въ него будетъ привнесено и чѣмъ шире онъ будетъ, тѣмъ и самое движеніе будетъ, конечно, сильнѣе и побѣдоноснѣе. Я допускаю даже, что революціонное возбужденіе массъ достигнетъ въ концѣ концовъ такой высоты, что смоетъ многія изъ такихъ преградъ въ народной психологіи, которыя кажутся намъ теперь непреодолимыми. Но строить цѣликомъ на этой возможности свою платформу, класть «во главу угла» ея не интересы, а идеалы было бы, какъ я думаю, опасно. Въ частности было бы опасно возбуждать и вопросъ о перераспредѣленіи земли между трудящимися, т. е. рисовать аграрную реформу въ видѣ «всеобщаго поравненія».

Вѣдь это значило бы борьбу классовъ осложнять борьбой внутри самого трудового крестьянства. Допустимъ даже, что увлеченные борьбой съ помѣщиками и правительствомъ, отдѣльные дворы и деревни забудутъ на время свои интересы, Но вѣдь когда придется дѣлить шкуру убитаго звѣря, эти интересы, несомнѣнно, всплывутъ. Въ рѣшительную минуту, когда народъ получитъ, наконецъ, возможность сказать свое властное слово, что же дѣлать съ

съ землею, значительная часть трудового крестьянства изъ опасенія,—можетъ быть, даже неосновательнаго,—потерять ту или иную долю своей земли легко можетъ отшатнуться отъ аграрнаго проекта, построеннаго на принципѣ всеобщаго поравненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самой идеи обращенія земли въ общенародную собственность.

Больше того: мнѣ представляется опаснымъ даже возбуждать въ настоящее время вопросъ о всеобщемъ поравненіи и даже давать поводъ думать, что предполагается осуществить нѣчто подобное. Предубѣжденіе, замѣчаемое въ крестьянахъ нѣкоторыхъ мѣстностей противъ обращенія земли въ общенародную собственность, какъ и вообще недовѣрчивое отношеніе въ крестьянской средѣ къ проектамъ націонализаціи, основано въ значительной своей мѣрѣ на мысли, что осуществленіе такихъ плановъ связано съ непремѣннымъ отобраніемъ земли у тѣхъ, кто имѣетъ ея больше, чѣмъ придется по среднему разсчету. Эта мысль, какъ извѣстно, усиленно внушается крестьянамъ справа, причемъ противники національзаціи не брезгаютъ завѣдомою ложью даже тогда, когда приводятъ цифры. Напомню хотя бы сообщеніе по аграрному вопросу, сдѣланное гг. Стишинскимъ и Гурко русскому народу, въ которомъ они довольно недвусмысленно намекали крестьянамъ, что Государственная Дума намѣрена отобрать землю у всѣхъ, у кого ея окажется больше 4-хъ десятинъ. Можно думать, что подъ вліяніемъ этихъ именно внушеній и вызываемыхъ ими опасеній крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей высказываются за частную собственность *). При такихъ условіяхъ «уничтоженіе частной собственности» и «объявленіе всей земли общенародною собственностью», проектируемыя въ качествѣ единовременнаго акта, даже если за нимъ не мыслится всеобщаго поравненія съ отобраніемъ земли у

*) Были сторонники „собственности" и въ трудовой группѣ, — какъ среди членовъ ея, такъ и среди гостей, въ значительномъ числѣ, какъ извѣстно, являвшихся съ разныхъ сторонъ Россіи въ квартиру на Невскомъ въ домѣ № 116. Но когда съ ними переходили къ подробному обсужденію вопроса, то нерѣдко оказывалось, что они ничего не имѣютъ противъ запрещенія продавать землю, закладывать, дарить и даже сдавать на долгій срокъ въ аренду. Больше всего они озабочены были тѣмъ, чтобы землю не отбирали, если самъ владѣлецъ или его прямые наслѣдники могутъ ее обработать сами. Пришлось мнѣ между прочимъ разговаривать съ депутатами, присланными въ трудовую группу отъ польскаго крестьянскаго союза. Съ перваго же слова они заявили, что ихъ союзъ противъ націонализаціи и стоитъ за передачу земли крестьянамъ въ собственность. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось, однако, что собственность они проектируютъ такую, которая ни въ коемъ случаѣ не можетъ сосредоточиться въ однѣхъ рукахъ и дать такимъ образомъ въ результатѣ помѣщика. Такимъ образомъ со словомъ націонализація, повидимому, происходитъ нѣчто подобное тому, что и со словомъ республика. Будучи склонны усвоить въ наиболѣе существенныхъ чертахъ новое понятіе, крестьяне желаютъ связать его со старымъ титуломъ.

трудящихся, легко можетъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ и быть использовано противниками націонализаціи, чтобы скомпрометировать самую идею. Было бы поэтому цѣлесообразнѣе, какъ я думаю, даже въ этомъ видѣ линію «земли» не доводить до конца въ платформѣ и сразу признать, что земли въ предѣлахъ трудовой нормы оставляются во владѣніи теперешнихъ владѣльцевъ, съ необходимыми, конечно, ограниченіями ихъ правъ въ интересахъ націонализаціи.

Лишь такимъ путемъ, базируясь на трудовомъ принципѣ, какъ онъ усвоенъ народнымъ сознаніемъ, націонализація и можетъ быть по моему осуществлена. Иначе же отъ нея можно отпугнуть даже тѣхъ, кто движется по линіи за землею.

А. Пѣшехоновъ.

1. Каламбуристы.

Когда конституціонно-демократическая партія полупереименовала себя въ «партію народной свободы», признаюсь, мнѣ лично очень хотѣлось сказать:

— Вотъ люди, которые знаютъ толкъ въ каламбурахъ.

Подъ каламбуромъ понимаютъ обыкновенно забавную игру словами. Но каламбуръ не только забава и не только игра. Гораздо чаще это очень серьезная вещь, которая давно нуждается въ большомъ историко-психологическомъ изслѣдованіи. Но «мы исторіи не пишемъ»— такъ же, какъ не пишемъ и психологіи. А общій смыслъ, надѣюсь, уловить не трудно: стоитъ лишь сравнить «кадета», который говоритъ: «граждане, подавайте голоса за нашу к.-д. партію», съ другимъ или тѣмъ же «кадетомъ», который взываетъ: «граждане, подавайте голоса за народную свободу»... И положеніе гражданина, подающаго свой голосъ, тоже можетъ весьма зависѣть отъ каламбура: одно настроеніе, если просто опускаешь въ урну «кадетскій бюллетень», и другое - если можно сказать съ гордостью: «я за народную свободу». Въ газетахъ к.-д. партіи мнѣ приходилось читать, что избиратели даже крестились при этомъ благоговѣйно:

— Сподобилъ, молъ, и меня Господь за народную свободу потрудиться...

Не берусь доказывать, по существу, что к.-д. партія, если и можетъ называть себя партіей «свободы», то лишь «свободы конституціонно-монархической», а отнюдь не народной. Не берусь до-

казывать это не потому, что у меня нѣтъ желанія. Желаніе-то было и осталось. Но попытка самымъ академическимъ образомъ объяснить, какая разница между свободой к.-д. и свободой народною, закончилась тѣмъ, что редакторъ, напечатавшій мою статью, привлеченъ къ отвѣтственности по 128 и 129 статьѣ уголовнаго уложенія, а журналъ «пріостановленъ». Послѣ столь краснорѣчивой справки въ главномъ управленіи по дѣламъ печати и у прокурора петербургской судебной палаты г. Камышанскаго отъ споровъ по существу я воздерживаюсь. А съ формальной стороны споръ, пожалуй, не нуженъ. Вѣдь, к.-д. сами прекрасно знаютъ, что принципъ народной свободы свойственъ нѣсколькимъ партіямъ, что это принципъ общій, напр., и для с.-д. и для с.-р.; знаютъ они также, что логика возбраняетъ замѣнять частныя понятія общими, и что присвоивать только себѣ общее достояніе не слѣдуетъ. Все это, повторяю, имъ прекрасно извѣстно, и, безъ сомнѣнія, взвѣшено. А доказывать извѣстное и взвѣшенное —не значитъ ли ломиться въ открытую дверь?

Позволю себѣ привести примѣръ, быть можетъ, рѣзкій и для нѣкоторыхъ самолюбій обидный. Но онъ, мнѣ кажется, хорошъ, какъ иллюстрація. Въ Духовщинскомъ у., по словамъ «Смоленскаго Вѣстника», года два назадъ полковникъ А. Н. Тихановскій продалъ свои луга въ имѣніи Мугнево купцу Попильскому. А Попильскій продалъ эти луга крестьянамъ трехъ деревень: Язвище, Борисовщина и Боръ. Сдѣлка совершена по всѣмъ правиламъ. Въ нынѣшнемъ году крестьяне захотѣли было косить новокупленные луга. Вдругъ явился повѣренный полковника Тихановскаго съ 20 стражниками и сталъ прогонять крестьянъ. Правда, двадцати стражниковъ оказалось мало. И они принуждены были удалиться. Но полковникъ Тихановскій «уѣхалъ нанимать казаковъ» *). На этомъ сообщеніе смоленской газеты оканчивается. Однако всѣ мы понимаемъ, что духовщинскому полковнику вовсе не надо быть Колумбомъ, чтобы открыть Америку: если солдаты и казаки послушно «усмиряютъ», если они въ Тамбовской губерніи «послушно» взыскали убытки помѣщиковъ съ прибылью, то не менѣе послушно будутъ воспомоществовать всякому вообще коммерческому предпріятію. Если ты дворянинъ и къ тому же удостоенъ чинами, то поговори съ исправникомъ—онъ тебѣ дастъ стражниковъ, не хватитъ стражниковъ - возьми казаковъ или драгунъ, и земля твоя, а сверхъ того можешь получить, подобно сподвижникамъ и родственникамъ Луженовскаго награду отъ придворнаго вѣдомства за усмиреніе крестьянъ. Необыкновенная доступность средствъ, и чрезвычайная выгода цѣлей дѣлаетъ положеніе à la Тихановскій прямо таки неуязвимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что вы скажете этому полковнику? Что «частная собственность неприкосновенна»? что нельзя проданное отнимать? что его

*) См. „Товарищъ“, № 31.

поступки предосудительны? что не токмо землю, но и носовые платки присваивать грѣхъ? Но, вѣдь, все это онъ и безъ васъ знаетъ, слышалъ, училъ въ школѣ, читалъ въ книгахъ; обо всемъ этомъ онъ, вѣроятно, по долгу службы не разъ говорилъ своимъ подчиненнымъ. И быть можетъ, говорилъ такъ же горячо и искренно, какъ горячо и искренно к.-д. убѣждали г. Столыпина не играть словами: «законность». «порядокъ», «свобода»... Но бываютъ, видимо, такіе моменты исторической жизни, когда даже люди, которые во всѣхъ отношеніяхъ не полковнику Тихановскому чета, начинаютъ разсуждать, подобно общеизвѣстному дикарю:

— Не хорошо, если другіе дѣлаютъ нехорошо, а что я самъ дѣлаю, то бываетъ или выгодно, или невыгодно.

Повидимому, нѣкоторые общественные круги поражены особаго рода эпидеміей: желаніемъ оцѣнивать свои поступки исключительно съ коммерческой точки зрѣнія И мнѣ кажется, что именно благодаря этой эпидеміи нашъ политическій лексиконъ обогатился новыми словами: «партія мирнаго обновленія», и краткою передѣлкою ихъ: «меоны».

Въ самомъ дѣлѣ: что значатъ эти слова: «мирное обновленіе»? Это не политическая формула, а общее мѣсто, котораго не чужда ни одна изъ бывшихъ, нынѣшнихъ и, по всей вѣроятности, будущихъ политическихъ организацій. Даже въ высшей степени боевая «Народная Воля» 25 лѣтъ назадъ страстно жаждала мирнаго обновленія, что и доказала своимъ знаменитымъ письмомъ Александру III.

Мирнаго обновленія и теперь всѣ желаютъ; думаю, что даже департаментъ полиціи прекратилъ бы печатаніе погромныхъ прокламацій, если бы убѣдился, что желательнаго ему «обновленія» можно достигнуть безъ погромовъ, и безъ кровопролитія. И если возможенъ споръ о томъ, насколько данная политическая конъюнктура позволяетъ разсчитывать только на мирныя средства, то вообще о предпочтительности мирной тактики никакихъ споровъ быть не можетъ. На кровопролитіи ради самого процесса кровопролитія никакой организаціи не построишь. Будь, въ самомъ дѣлѣ, мирное обновленіе возможно, этому обрадовались бы и с.-р., и с.-д., не говоря уже о к.-д. Миролюбіе есть общечеловѣческій, родовой признакъ. И точно также жажда обновленія - родовой признакъ И когда родовые признаки объявляетъ своею личною собственностью группа, все политическое творчество которой свелось пока лишь къ тому, что она сумѣла съ буквальною почти точностью переписать «программу партіи демократическихъ реформъ», то невольно спрашиваешь себя:

— Что это значитъ? Почему эти господа увѣряютъ, будто только они одни «меоны» а всѣ прочіе не «меоны»? Какъ понять столь непостижимую игру природы: г. Милюковъ желаетъ обновленія, и г. Гейденъ желаетъ обновленія; г. Милюковъ сторонникъ

мирныхъ средствъ, и г. Гейденъ сторонникъ мирныхъ средствъ. Между тѣмъ оказывается, что только графъ Гейденъ называется «партіей мирнаго обновленія», а г-на Милюкова, если слѣдовать этой странной терминологіи, надо называть «партіей военныхъ дѣйствій».

Очевидно, это не терминологія, а лишь новое изобрѣтеніе въ области политическаго каламбура. И если хотите, каламбуръ графа Гейдена не такъ плохъ, какъ на первый взглядъ кажется.

Представьте себѣ обыкновеннаго обывателя, который только что потрясенъ, ну, хотя бы, трагедіей подъ названіемъ: «Тайны желѣзнодорожнаго жандарма Запольскаго, или смерть депутата Герценштейна». Онъ чувствуетъ, что эта смерть, быть можетъ, не послѣдняя, и что не всѣ грядущія убійства будутъ сфабрикованы подъ анонимной фирмой «коморры». На его глазахъ какой-то поручикъ Смирнскій печатно вызываетъ «съ разрѣшенія начальства» на дуэль другого депутата Якобсона, при чемъ до того не стѣсняется, что прибѣгаетъ къ пріему застращиванія («иначе, пишутъ секунданты г. Смирнскаго г. Якобсону въ «Новомъ Времени», вы рискуете всѣми послѣдствіями для лицъ, уклонившихся отъ дуэли»). Обыватель не такъ ужъ глупъ. Онъ хорошо знаетъ, что офицеры вообще не должны вызывать депутатовъ на дуэль, ибо, въ противномъ случаѣ, законодательное собраніе попадетъ подъ армейскій терроръ. Знаетъ онъ также, что дуэли штатскимъ строго воспрещены, и что, по закону, письмо секундантовъ г. Смирнскаго въ «Новомъ Времени» при другихъ обстоятельствахъ прокуроръ Камышанскій истолкуетъ, какъ призывъ къ неповиновенію законамъ, и подведетъ подъ 3 п. 129 статьи уголов. улож. А если начальство, тѣмъ не менѣе, «разрѣшило» г. Смирнскому «дѣйствовать», то это трудно иначе понимать, какъ первый шагъ на пути къ подчиненію будущей Государственной Думы видамъ россійскаго офицерства, или, вѣрнѣе, видамъ тѣхъ, кому офицерство, въ свою очередь, подчинено. Понимаетъ обыватель, что офицеръ, вызвавшій на дуэль человѣка, не умѣющаго владѣть орудіями убійства, риску почти не подвергается, а если убьетъ, то... случаи бывали. Вѣдь получилъ же штабсъ-ротмистръ Меллеръ-Закомельскій флигель-адъютантское званіе, послѣ того, какъ убилъ мирового судью Каргопольцева, и убилъ не на дуэли, а путемъ «простого нападенія», по тому поводу, что Каргопольцевъ не одобрилъ пріемовъ карточной игры, къ какимъ прибѣгалъ его братъ (Меллеръ-Закомельскій младшій). Вѣдь за попытку поступить съ убійцей, а нынѣ генераломъ Меллеръ-Закомельскимъ, по закону военносудная коммиссія получила строгій выговоръ, а капитану Шишкову, производившему дознаніе, предложено было подать въ отставку. Правда, это случилось давно, когда еще люди были такъ же глупы, какъ юнкеръ Асмусъ, который, узнавши о карьерѣ Меллеръ-Закомельскаго, тоже поспѣшилъ совершить убійство и на допросѣ объяс-

килъ: «Убилъ потому, что желаю получить флигель-адъютантство» *).
Но въ томъ-то и горе, что теперь люди «поумнѣли» и хорошо различаютъ, кого убивать разрѣшается. Задумается обыватель и надъ угрозой «всѣми послѣдствіями для лицъ, уклонившихся отъ дуэли». Нелѣпая угроза. Какія послѣдствія? Съ общечеловѣческой точки зрѣнія, отказъ отъ дуэли — гражданское мужество. Съ юридической,—для «штатскаго» человѣка уклоненіе отъ дуэли —обязанность. Съ житейской—офицеры лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка весьма уклонились отъ дуэли съ г. Рыкачевымъ, и никакимъ послѣдствіямъ не подвергались. И тѣмъ не менѣе, это - угроза и при томъ съ разрѣшенія начальства; это —симптомъ, что бывшихъ членовъ Государственной Думы «разрѣшено» подвергать послѣдствіямъ всѣми тайными и явными, легальными и нелегальными средствами... Я остановился на вызовѣ г. Смирнскаго, «обрекшаго» депутата № 2 «мечамъ и пожарамъ», лишь для примѣра,—просто потому, что отъ этого случая сильно пахнетъ человѣческою кровью. Но такихъ случаевъ, сильно пахнущихъ человѣческою кровью, теперь страшно много. Обыватель потрясенъ, придавленъ, онъ жаждетъ мира, какъ путникъ воды, когда онъ изнемогаетъ отъ жажды въ пустынѣ. И вдругъ передъ нимъ является «меонъ» и говоритъ:

— Я дамъ тебѣ обновленіе и миръ, если опустишь въ урну мой бюллетень...

Повторяю, передо мною обыкновенный обыватель, который политическую конъюнктуру учитываетъ плохо, споровъ изъ-за мирной и боевой тактики не усваиваетъ, и въ глубинѣ души таитъ вѣру, что хоть «въ нашъ вѣкъ не бываетъ чудесъ», а всетаки есть такіе маги, волшебники и престидижитаторы, профессора черной, бѣлой, индійской и египетской магіи, которые какъ только скажутъ разъ, такъ на аароновой палкѣ появятся листья, скажутъ два—палка зацвѣтетъ, скажутъ три—виноградъ кушай. И на основаніи какихъ данныхъ обыватель не повѣритъ, что «меонъ» и есть тотъ именно профессоръ, по слову котораго аароновъ жезлъ прозябаетъ, цвѣтетъ и плодоноситъ? Это, во-первыхъ.

А во-вторыхъ... Признаюсь, смыслъ словъ «мирное обновленіе» меня нѣсколько смущаетъ именно потому, что однимъ изъ родоначальниковъ этого каламбура состоитъ графъ Гейденъ. Повидимому, графъ Гейденъ или недостаточно вдумался въ этотъ смыслъ, или вовлеченъ другими въ явно невыгодную сдѣлку. Дѣло-то вотъ въ чемъ. Каламбуръ: «народная свобода», безъ сомнѣнія, прекра-

---

*) Эти черты изъ жизни г. Меллеръ-Закомельскаго были подробно разсказаны газетою «Русскій Туркестанъ». Мы ихъ заимствуемъ изъ журнала «Щитъ» № 8, гдѣ упоминается и о пагубномъ значеніи примѣра Меллеръ-Закомельскаго на юнкера Асмуса. Характерно, между прочимъ, слѣдующее: съ легкой руки «Русскаго Туркестана», прошлое г. Меллеръ-Закомельскаго получило чрезвычайно широкую огласку, однако, г. Меллеръ-Закомельскій не счелъ ни возможнымъ, ни нужнымъ выступить съ своими объясненіями

сенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ ни къ чему не обязываетъ третьихъ лицъ. И если не только обыватель, но даже самъ частный приставъ спроситъ меня: «принадлежите ли къ партіи народной свободы», я отвѣчу съ твердостью:

— Нѣтъ, не принадлежу.

И сдѣлаю это безъ боязни, ибо знаю, что противленіе свободѣ начальствомъ даже поощряется, и никто меня въ кадетскій лагерь мѣрами полиціи не потащитъ. Значительно коварнѣе въ этомъ отношеніи каламбуръ «истинно русскіе люди». Одинъ знакомый разсказывалъ мнѣ, какъ онъ недавно имѣлъ удовольствіе понравиться жандармскому унтеръ-офицеру.

— Вижу,—сказалъ унтеръ,—что вы совсѣмъ хорошій человѣкъ... Знаете что: запишитесь въ нашъ союзъ...

— Это въ какой?—спросилъ мой знакомый.

— А это, значитъ, въ союзъ истинно русскихъ людей...

— Не могу, голубчикъ.

— Почему?—насторожился вдругъ жандармъ.—Развѣ не нравится?

— Нравится-то нравится... Да только не смѣю считать я себя истинно русскимъ... Бабушка у меня была еврейка.

И хоть унтеръ-офицеръ увѣрялъ, что «это дѣло» плевое, которое начальство въ одинъ мигъ устроитъ, но знакомый мой твердо стоялъ на своемъ.

— Не смѣю... Боюсь на томъ свѣтѣ Господь Богъ за самозванство накажетъ...

Въ концѣ концовъ бабушка-еврейка помогла. Жандармъ согласился, что, дѣйствительно, коли по совѣсти разсуждать, то примѣсь «жидовской крови» къ союзу истинно русскихъ людей не подходитъ. Боюсь, что отъ «мирнаго обновленія» даже бабушка не спасетъ. Это—самая лучшая кличка, какую только можно придумать для правительственной партіи, проповѣдуемой «Новымъ Временемъ» и «Россіей». Пусть для насъ эта кличка лишь слова, и при томъ совершенно неопредѣленныя: но не надо забывать, что кромѣ насъ, есть еще департаментъ полиціи, который каламбуры понимаетъ буквально и мыслитъ исключительно каламбурнымъ методомъ.

— Въ партію мирнаго обновленія не хочетъ, значитъ—не мирный. А разъ не мирный,—значитъ, революціонеръ.

Въ Англіи терминъ «мирное обновленіе», казался бы, пожалуй, не столько политическимъ, сколько сектантскимъ, вродѣ «арміи спасенія». Въ Россіи—увы!—отъ него пахнетъ, быть можетъ, очень тонкой, быть можетъ, неуловимой, какъ тончайшіе духи, но аппеляціей на имя его превосходительства г. Трусевича. И нельзя скрыть, что подъ этой аппеляціей подписались люди, на глазахъ которыхъ соціалисты могли заниматься политической дѣятельностью, лишь подъ прикрытіемъ кадетскаго флага, а въ ми-

стахъ сугубой охраны, вродѣ Екатеринослава, завѣдомые кадеты вынуждены были записываться въ лагерь октябристовъ и правопорядковцевъ... Нынѣшніе «меоны» не отсутствовали, когда, напр., ландфогтъ екатеринославскій, г. Сандецкій, говорилъ: «Мы, правительство, сторонниковъ свободы не преслѣдуемъ, кто хочетъ свободы—пожалуйте въ союзъ 17 октября, а «кадетовъ» сажаемъ въ тюрьму, ибо они революціонеры», и на этомъ основаніи подвергалъ тюремному заключенію даже такихъ ультра-лоѣяльныхъ людей, какъ директоръ коммерческаго училища А. С. Синявскій и старшій эпидемическій врачъ И. А. Бутаковъ, которыхъ считалъ безупречными въ политическомъ отношеніи даже покойный губернаторъ графъ Келлеръ. Правда, дѣйствительные и отставные октябристы видѣли также, до какой степени гг. Сандецкіе были жалки и безпомощны, когда приходилось аргументировать ихъ собственную точку зрѣнія, какъ терялись они, когда надо было объяснить, почему октябристъ—не революціонеръ, а кадетъ—революціонеръ. Безъ сомнѣнія, единомышленники гр. Гейдена понимаютъ, что терминъ «мирное обновленіе» дастъ мыслительному аппарату гг. Сандецкихъ несокрушимую опору. Но въ томъ-то и бѣда, что дѣло имѣетъ такой видъ, словно люди задавались цѣлью сфабриковать для нашихъ ландфогтовъ аргументацію.

Да, каламбуръ отставныхъ октябристовъ не плохъ. Вопросъ лишь въ томъ, насколько онъ выгоденъ и кому. Вообще говоря, я боюсь, что политика каламбуровъ есть по существу самоудаленіе и самоотграниченіе отъ народныхъ массъ. А слѣдовательно, какъ методъ, онъ діаметрально противоположенъ тому, какой нуженъ для сколько-нибудь значительнаго политическаго дѣла. Вполнѣ вѣрю к.-д.-имъ газетамъ, что были «простолюдины», которые, положивши въ урну бюллетень, истово крестились и произносили вслухъ молитву:

— Слава Тебѣ, Господи, сподобился и я за народную свободу...

Но надѣюсь, отъ тѣхъ же газетъ не укрылось глубокое недоумѣніе «простонародья» по поводу знаменитыхъ кадетскихъ законопроектовъ о свободѣ:

— Какъ же, молъ, такъ? Говорили: «народная свобода», «народная свобода», а замѣсто того хотятъ на каторгу и на поселеніе ссылать людей за газетныя статьи?

Надѣюсь также, лидеры к.-д. еще не забыли, что несмотря на всѣ усилія, имъ не удалось сколько-нибудь удовлетворительно объяснить, почему въ законопроектѣ о свободѣ собраній нужно запретить собранія на полотнѣ желѣзной дороги и не нужно запрещать на крышахъ горящихъ домовъ, на телеграфныхъ проводахъ, на неокрѣпшемъ льду рѣкъ и озеръ и многихъ другихъ мѣстахъ, столь же мало подходящихъ для скопленія массъ, какъ и желѣзнодорожное полотно. Безъ сомнѣнія, помнятъ к.-д. и ту

подозрительность, какую они «заслужили», отстаивая неприкосновенность этого злополучнаго полотна. Суть-то въ томъ, что каламбуръ, быть можетъ, и хорошее средство, и цѣлесообразное, но только въ періодъ агитаціи. А когда начинается самое дѣло, то каламбуромъ не отдѣлаешься. Возможно, что каламбуръ помогаетъ временно стянуть массы, хотя опытъ свидѣтельствуетъ, что даже конституціонно-демократическая партія, по своему составу, отнюдь не демократична. Но когда массы стянуты, когда на сцену выступили ихъ реальныя потребности, то и разговоръ придется вести на языкѣ реальностей, на языкѣ фактовъ и логики. Не хитрая, въ самомъ дѣлѣ, штука выкинуть флагъ съ надписью «мирное обновленіе». Для этого достаточно обладать нѣкоторымъ запасомъ моральной небрезгливости. Но провести «обновленіе», удовлетворить народныя потребности во всей ихъ остротѣ и полнотѣ путемъ полюбовнаго разговора съ г. Треповымъ, убѣдить г. Столыпина, чтобы онъ перековалъ блиндированные автомобили на плуги, это—предпріятіе, которое, право же, ничѣмъ не хуже сеансовъ черной и бѣлой магіи. Надежда же совершить чудо всегда индивидуальна. Кандидатъ въ чудотворцы боится толпы. По свойству своихъ занятій онъ можетъ лишь сказать:

— Довѣрьтесь мнѣ, и я «препобѣжду природу»,—тамъ за кулисами, куда входъ посторонним воспрещается...

Увы, реплики въ этомъ родѣ мы уже слышали отъ к.-д. въ отвѣтъ на наше недоумѣніе, какъ можно кордегардію превратить въ «храмъ свободы». И что другое намъ могутъ сказать новоявленные чудотворцы-«меоны», эти монархисты-конституціоналисты, не пожелавшіе или не имѣвшіе мужества назвать себя партіей монархистовъ-конституціоналистовъ, эти защитники частной собственности, по той или другой причинѣ не принявшіе названія «партія охранителей частной собственности»? Появись такія партіи открыто, чернымъ по бѣлому, мы бы признали ихъ историческую необходимость и серьезно учитывали бы ихъ политическую роль, какъ ретроспективно учитываемъ роль англійскихъ бароновъ, несомнѣнныхъ монархистовъ, и несомнѣнныхъ сторонниковъ «мирнаго обновленія» и частной собственности, умѣвшихъ, однако, за свободу платить кровью. Такихъ людей можно и должно цѣнить, и какъ мужественныхъ враговъ, и какъ не менѣе мужественныхъ, въ случаѣ нужды, друзей. Но мужественныхъ бароновъ и графовъ англійскаго типа у насъ не видно. Вмѣсто нихъ наша почва родитъ каламбуристовъ. А каламбуристъ есть психологическій феноменъ—и только. На него можно лишь указать и пройти мимо.

А. Петрищевъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ неизвѣстнаго, изъ г. Орла—1 р. 75 к.; отъ X.—2 р.

Итого . . . . 3 р. 75 к.

А всего съ прежде поступившими . . . . 170 р. 30 к.

Въ пользу амнистированныхъ: отъ Л. А.—6 р.

Въ пользу ссыльныхъ: отъ О. Листовой, съ зав. Выкса, Нижегородской губ.—7 р.; черезъ Н. Постникова, изъ г. Казани—135 р.; черезъ К. Г., собранныя въ г. Владимірѣ-Волынскѣ—13 р. 10 к.; отъ А. С.—6 р. 53 к.; отъ Мальчевскаго—5 р.; отъ А. П.—5 р.; отъ М. Л. 3 р.; отъ Е. Б.—10 р.

Итого . . . . 184 р. 63 к.

А всего съ прежде поступившими . . . . 207 р. 93 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

